А. БАЛАБУХА
Е. ВОЙСКУНСКИЙ
В. МАЛОВ
В. МИХАЙЛОВ
В. МИХАНОВСКИЙ
Г. ПРАШКЕВИЧ
З. ЮРЬЕВ

ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ

ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ

А. БАЛАБУХА, Е. ВОЙСКУНСКИЙ, В. МАЛОВ,
В. МИХАЙЛОВ, В. МИХАНОВСКИЙ, Г. ПРАШКЕВИЧ, З. ЮРЬЕВ

ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ

ПОРОХ
В ПОРОХОВНИЦАХ

А. БАЛАБУХА, Е. ВОЙСКУНСКИЙ,
В. МАЛОВ, В. МИХАЙЛОВ,
В. МИХАНОВСКИЙ, Г. ПРАШКЕВИЧ,
З. ЮРЬЕВ

ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
П59

Порох в пороховницах : [сб.] — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. —
П59 795, [5] с.

ISBN 978-5-17-052592-8 (ООО «Издательство АСТ») (С.: Под Дозоры)
ISBN 978-5-9713-8198-3 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Серийное оформление А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн С. Шумилина

ISBN 978-5-17-045319-1 (ООО «Издательство АСТ») (С.: БМФ)
ISBN 978-5-9713-8199-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Компьютерный дизайн С. Шумилина

Геннадий Прашкевич и Евгений Войскунский, Владимир Михайлов и Андрей Балабуха, Владимир Михановский и Зиновий Юрьев. Мастера отечественной фантастики 1970-х годов. Они по-прежнему могут потягаться с самыми популярными фантастами нового поколения. И лучшее доказательство этому — новый сборник повестей, в котором славные ветераны российской фантастики собрались, чтобы доказать — порох в пороховницах действительно есть!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Составление. А. Синицын, 2008
© Г. Прашкевич, 2008
© Е. Войскунский, 2008
© В. Михайлов, 2008
© А. Балабуха, 2008
© З. Юрьев, 2008
© В. Малов, 2008
© В. Михановский, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Посвящается пятидесятилетию редакции фантастики издательства «Молодая гвардия»

НА КАКОМ-ТО ВИТКЕ БЕСКОНЕЧНОЙ СПИРАЛИ

(От составителя)

Золотым веком советской фантастики принято считать шестидесятые годы прошлого века. Два события стали причиной наступления этой эпохи: XX съезд партии, породивший так называемую «оттепель», и выход в свет «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова — романа разительно не похожего на все написанное ранее. Романа о будущем, совместившего в себе философию, социологию, футурологию и при этом впервые нарисовавшего контуры непротиворечивой утопии.

«Туманность Андромеды» вдохновила целую плеяду авторов. Именно тогда в фантастику пришли братья Стругацкие, Генрих Альтов и Валентина Журавлева, Анатолий Днепров, Евгений Войскунский и Исай Лукодьянов, Владимир Михайлов, Ариадна Громова, Владимир Савченко, Михаил Емцев и Еремей Парнов, Владислав Крапивин, Илья Варшавский, Север Гансовский. Чуть позже к ним присоединились Кир Булычев, Ольга Ларионова, Дмитрий Биленкин, Зиновий Юрьев, Виктор Колупаев, Андрей Балабуха, Геннадий Прашкевич. Это было время больших надежд и великих свершений. Новое здание фантастики строилось изящным, как сказочный замок, и прочным, как фотонный звездолёт.

Расцвет советской фантастики завершился с окончанием «оттепели», финальным аккордом которой в начале семидесятых прозвучал разгром редакции фантастики издательства «Молодая гвардия» — редакции Сергея Жемайтиса, Нины Берковой, Беллы Клюевой, внесших неоценимый вклад в развитие жанра. Пришедших в разгар «застоя» на обломки построек Золотого века молодогвардейцев-семидесятников нельзя было даже назвать следующим поколением — захватив власть и тиражи, они попытались своими скучными серыми многоэтажками заменить шедевры зодчества, что в принципе было невозможно.

Ситуация тех лет напоминает нынешнюю, за одним исключением: в семидесятые годы фантастику намеренно усреднили «сверху», а в настоящее время — «снизу». Основному потребителю фантастики сейчас не до изысков. Он требует текстов, которые были бы написаны исключительно в рамках его мироощущения и языком, принятым в кругу его общения. В результате рынок переполнен произведениями «молодых талантливых авторов» (МТА), которые занимаются обслуживанием такого рода читателей.

Оригинальному тексту чрезвычайно трудно пробиться на прилавки магазинов, заваленные макулатурой. Правда, если в семидесятые годы это обусловливал идеологический диктат*, то сейчас — экономический: одни издатели вынужденно, а другие и намеренно работают подобным образом. В этом случае следует не забывать, что имена молодогвардейских МТА семидесятых помнят сейчас разве что библиографы и собиратели, и на следующем витке спирали история неминуемо предъявит свой счет.

Как и сейчас, в семидесятые годы действительно талантливые тексты редко, но все же находили себе дорогу. Так, именно тогда увидели свет «Сторож брату моему» В. Михайлова, «Сирены Летящей» Г. Прашкевича, «Повесть об океане и королевском кухаре» Е. Войскунского и И. Лукодьянова, «Шаги в бесконечности» В. Михановского, «Быстрые сны» З. Юрьева, «Люди кораблей» А. Балабухи, «Рейс «Надежды»» В. Малова. Этими произведениями без преувеличения зачитывались миллионы людей.

Кризис девяностых годов в большей или меньшей степени ударил по каждому из авторов. Некоторые надолго замолчали или ушли в смежные области деятельности. Настоящий сборник позволил фантастам семидесятых продемонстрировать свой взгляд на нынешнюю действительность, со всем присущим им литературным мастерством доказать, что порох в пороховницах отнюдь не отсырел.

Андрей Синицын

---

* Смотри послесловие Геннадия Прашкевича «Кукушки Мидвича».

Владимир Михайлов

2012

Ах, завтра, наверное,
что-нибудь произойдёт...
Булат Окуджава

Глава первая

1

На чёрном бархатном покрывале горели четыре свечи. Тихо, как бы шёпотом горели, маленькими язычками, не отражаясь ни в чём, ничего не освещая, кроме скорбного ящика, стоявшего посредине, обтянутого белым и накрытого белым же. Ещё горела индийская курильница, делая воздух тяжёлым и сладким. Всё это — на столе; перед столом стоял старый человек, склонив голову, переплетя пальцы рук. Тёмные гардины были опущены, тишина клубилась, только в саду возникала и смолкала какая-то птица, и опять возникала и смолкала. Человек вздохнул, поднял голову с коротким седым ёжиком.

— Ну, прощай, — сказал он негромко, ибо слышать было некому, он единственный был здесь живым. — Прощай, милая моя, белая, тонкая. Двадцать лет вместе... и утром, и вечером, и руки мои обнимали тебя, и губы впивались, а ты услаждала меня и согревала, ты первой встречала меня и последней провожала ко сну. Я уж и не представлял, что можно будет как-то остаться без тебя — но мир полон случайностей, больших и малых трагедий. А кто может сказать, где кончается большое и начинается малое?..

Наверное, мысль нуждалась в продолжении. Но он отвлёкся. Насторожился вдруг: показалось, что стреляют. Дело привычное, но всё же... Нет, почудилось. Бывает. Да если и стреляли, то не близко. Не на этой улице. Стреляют обычно не свои, местные, а какие-то пришлые, приезжающие для своих разборок. Если тут, например, кто-то решил укрыться от недругов, а его отыскали. Но в последние дни чужих не замечалось. Конечно, почудилось. Нет причин для беспокойства. Во всяком случае, ни в газетах, ни в эфире ничего такого не обещали.

А, собственно, когда и что они обещали, кроме покоя и благоденствия? Нет, проблемные вопросы, конечно, ставились и обсуждались со всей остротой. Например, больная тема абортов: на этот раз — не следует ли установить предельное число прерываний беременности для одной женщины. В прошлом году, одиннадцатом, дискутировали на тему не запретить ли их вообще; однако не прошло, законодателям пришлось сделать шажок назад, теперь спорят об ограничении. Более серьёзных проблем в стране, конечно, нет.

Тут проскользнула усмешливая мысль: а страна-то есть ещё? Или это лишь фантомное представление, как бывают фантомные боли, когда болит нога, на самом деле давно уже отрезанная. Ампутированная.

Но мгновенно мыслишка эта оказалась отбитой, отражённой по всем правилам фехтовального искусства одним лишь движением клинка: *а тебе-то что, есть она или нет? Твоё пространство нынче — отсюда до магазина и обратно, и дважды в год грандиозная экспедиция: из городского жилья — сюда, на дачу, и полгода спустя — обратно. И, как давно сказано: что тебе до необъятности мира, если тебе жмут сапоги? Если все сходят с ума — пусть сходят без моего участия.*

Думать так — привычно и успокоительно. Но можно и точнее сказать: что тебе до мира, в котором ты не живёшь, а лишь присутствуешь?

Жить в нём — удел других. Дочери Насти, для такого возрастного отца слишком, пожалуй, молодой — зато современной. Или, к примеру, Лёнька Недулов (сын Пашки, друга детства, увы — покойного), и сам уже в годах, зато — губернатор Тронской области, а это вам не хвост собачий. Вот они и им подобные пусть размышляют на вечные российские темы.

А в общем — пошли они все к...

Этой формулой, как всегда, отвлечённые рассуждения и закончились.

Он ещё помолчал — просто сам ритм прощального ритуала требовал паузы.

— Может, ты угадала, нашла правильное время, чтобы распрощаться с действительностью, что-то такое носится в воздухе — большое беспокойство. Слишком уж много глупостей говорится и делается.

Потом вышел на веранду, спустился в сад — в то, вернее, что от него осталось. Привычно бросил взгляд на ту часть улочки, что виднелась отсюда.

Трое мужиков медленно шагали в сторону станции — шеренгой, по проезжей части. Двое с калашами, третий — вот странно — с СКС, симоновским карабином, что в своё время не прижился в войсках. Ничего, для самообороны вполне годится.

Мужики свои, привычные, с поперечной улицы — гражданский патруль. Тот, что шёл справа, почувствовал, наверное, взгляд — повернул голову, кивнул, здороваясь.

Хозяин дачи поклонился ответно — вежливость прежде всего, — и медленно зашагал по нахоженной тропинке в дальний угол участка, где яма была уже вырыта по соседству с кустом крыжовника. Шёл, негромко — для самого себя — напевая нечто печальное. А может, и не печальное? «Баркаролу» из «Сказок Гофмана». Остановился перед ямкой, нагнулся, осторожно погрузил в неё коробку, тридцать сантиметров на восемнадцать, в которой, накрытые белым носовым платочком, покоились останки большой фарфоровой кружки. Из неё многие годы испивался кофе по утрам и в середине дня, а по вечерам — опять-таки кофе, или же чай, в зависимости от настроения, состояния и планов: принять ли таблетку и попытаться уснуть, одолев привычную бессонницу, либо сразу капитулировать и засесть за стол до утра, пока усталость не свалит с ног и не заставит добраться, пошатываясь, до постели.

Одним словом, в подругах ходила эта кружка, в наперсницах, пользовалась полным доверием и его оправдывала — пока вчера неожиданный порыв ветра не взмахнул гардиной, словно чёрным крылом провозвестника зла, и не смёл старую подругу со стола на пол. Не была кружка ни музейной, ни даже из знатного какого-нибудь сервиза, но за двадцать-то лет привыкаешь к вещи, она пропитывается тобой, становится частью тебя самого, и расставание с нею переживаешь всерьёз.

Лопатка была воткнута тут же, рядом; человек постоял ещё с минуту, печально склонив голову, чувствуя, как разъярённое солнце наваливается всё сильнее.

Мысли текли медленно, лениво, нехотя — потому, наверное, что день (если находишься в тени) выдался очень уж приятным: солнечным, безветренным, мирным. В такие дни хочется чувствовать, а не размышлять. Ничего — от этого жизнь становится только интереснее.

Это не значит, что — лучше. Разные вещи. Особенно в двадцать нашем первом веке...

Слово «век» было ключевым. Сразу поворачивало мысли в определённом направлении, как лошадь, зачуявшая конюшню. А за ним так же непроизвольно выскакивала цифра 200.

Двухсотлетний цикл, да. Магия чисел всегда была привлекательной.

Двести лет тому назад — что? Наполеон в Москве. В Кремле. Недолго, но был.

Ещё двести: поляки — и примкнувшие к ним — всё ещё в Кремле. Тоже ненадолго. Но тоже — были.

Глубже закономерность, похоже, не просматривается. Ну, и не надо. Важно другое: сохраняется ли она и по сей день?..

Тут мысль сбилась. Потому что в поле зрения оказался кто-то, в это мгновение входивший с улицы через калитку. Человек был здешний, знакомый, хотя и не близко. Постоянно обитавший в бревенчатом зимнем доме, третьем справа за углом. Нуте-с, с чем таким его принесло?

Встретились на полпути к дому. Поздоровались за руку. Хозяин вежливо улыбнулся, гость оставался серьёзным. Заговорил без предисловий:

— Сосед, калаш не нужен? У меня лишний оказался. Новенький. Ещё в складской смазке. Два рожка в придачу. Много не запрошу. Ты пока в патруль не ходишь, понятно, это — пока тихо. Но ты же сам чувствуешь...

Предложение могло показаться неожиданным. Но жизнь давно уже отучила если не удивляться, то во всяком случае выказывать удивление.

— Калаш, значит? — переспросил хозяин, выгадывая время, чтобы собраться с мыслями. — А зачем он мне?

Тот усмехнулся:

— Время такое: может и пригодиться. Вдруг.

— Думаете, что-то такое может случиться?

Продавец — звали его Данилычем, Ре вспомнил — только покачал головой:

— Вы, можно подумать, на другой земле живёте...

— На земле-то на той, но, знаете... газет не читаю, надоело враньё, телевизор тоже не смотрю.

— И правильно. Но вокруг-то — видите, что делается? Все оборзели до предела, пока не дашь на лапу — и слушать не станут, а хапают всё больше, и никто им не препятствует — потому что чем выше сидят, тем больше берут, на верхах друг другу глотки грызут, чтобы побольше себе урвать. И врут напропалую. «Реальный уровень жизни поднимается!». У них — поднимается, это точно. А у нас? Полгода,

год — и снова цены скакнули так, что не дотянешься. На всё! Выморить нас, что ли, хотят, чтобы потом всё американцам продать? Слыхали, кто-то сказал, умный: в России должно жить миллионов тридцать, чтобы обслуживать нефть и газ, а другие люди ей и ни к чему. Значит, что? Сто с хвостиком миллионов надо уморить, вот это и делают. Но только это ещё посмотрим — кто кого... — И, совсем приблизив рот к уху старика: — Есть слух — будет в Москве массовая демонстрация, как бы в защиту президента от его врагов. Значит, жди: эти самые враги тоже выставят своих. Враги-то его где? Да всё там же, в Кремле. И вроде бы народ пошлёт свои отряды в Москву — для поддержания порядка, чтобы не войсками это делать и не омоном, а как бы массами. Ну, а мы что? Мы — пойдём! Мы им там наведём порядок, уж такой порядок... Так что хорошая снасть любому пригодится, и вам тоже.

Каким было время, Ре понимал и сам. Наверное, даже раньше других понял. И потому всё, чем следовало обзавестись, у него уже было запасено. Не один только калаш. Но рекламировать этого не следовало.

— Я прямо сейчас могу показать, — предлагавший сделку гость с некоторым нетерпением вернул хозяина к действительности. — Как решаем? Только думай быстро, мы с тобой не президенты, нам торопиться надо. Есть слух, что тут скоро та ещё каша заварится, кто побогаче, скоро танки покупать станет...

— Спасибо за заботу, Данилыч. Но мне ни к чему. Возраст, знаете ли.

Данилыч, казалось, хотел ещё что-то сказать — крутенькое. Но сдержался. И проговорил только:

— Ну, моё дело — предложить. Бывайте, значит.

Повернулся и пошёл к воротам. Ре глядел ему вслед, пока Данилыч не оказался на улице, калитку аккуратно затворил за собой.

Что-то творится с погодой, что-то творится.

С погодой ли только?

Если бы. К погоде мы привыкли ко всякой, даже и к очень скверной, и совсем не по сезону. Тут — железное оправдание-утешение: сие от нас не зависит.

С погодой никакие Лёньки Недуловы не справятся. Да и те, кто сидит повыше, — тоже.

2

Леонид Павлович Недулов, губернатор Тронской области, как ни странно, в те же минуты тоже думал на российскую тему. И не в одиночку.

Это не следует понимать так, что думали они — и Недулов, и навестивший его сегодня коллега, северо-восточный сосед, тоже губернатор, Сергей Николаевич Демидов — обо всей великой России, её прошлом, настоящем и будущем, о её роли в мировой политике и о прочих высоких материях. Предметов для серьёзных размышлений в избытке имелось более конкретных, сегодняшних, местных.

Не то чтобы это было совещанием или другим официальным мероприятием. Скорее встречу эту можно было отнести к неформальным. Тем более, что для всего мира губернатора Демидова здесь и сейчас быть никак не могло. Телеканалы его области как раз в эти минуты показывали, как бы в реальном времени, как глава региона знакомится с почти уже достроенным Дворцом спорта, открытие которого вскоре предстояло как бы в пику всем международным организациям, что несколько лет тому назад не отдали Олимпийские игры—2012 России, предпочтя Москве тесный и туманный Лондон. На самом деле визит этот состоялся вчера, но ни в каких СМИ отражён не был именно для того, чтобы появиться и в эфире, и на бумаге сейчас. Приём не новый, но порою весьма полезный.

А оказался Демидов здесь и сейчас по той причине, что у соседних губерний созрело немалое количество серьёзных проблем, общих и для той, и для другой территории, которые решать следовало не в одиночку, а совместно. Потому хотя бы, что и та и другая области относились к регионам донорским, то есть большая часть их доходов на месте не оставалась, но изымалась центром и им же распределялась дальше уже по собственному центральному усмотрению. Самим же регионам денег, как ни странно, хронически не хватало, тем более что всё большее количество местных расходов тем же центром перекладывалось на плечи областей, на их бюджеты, которые чем дальше, тем больше напоминали пресловутый Тришкин кафтан — наряд, в каком показываться на людях не принято.

Эти проблемы были, однако же, настолько привычны, что обсуждать их не имело никакого смысла — во всяком случае, до поры до времени. Говорить стоило разве что о тех ситуациях, что порождались — прямо или косвенно — этими большими проблемами; и которые нужно было разруливать именно на местах, своими силами и собственным разумением. Им и был посвящён разговор.

— Ну, как у тебя там разбираются? — начал Недулов, как и полагалось, с вопроса не самого важного, но актуального. — Роют усердно?

Демидову не надо было объяснять, о чём речь. Четырьмя днями ранее в одном из городов области произошла очередная свара. Коренные жители снова учинили не слабую драчку с «понаехавшими тут», поводом послужила закладка нового молельного дома для иммигрантов, властью официально разрешённая. Восемь убитых, до сорока

раненных. По сравнению с предыдущим эпизодом, полугодичной давности, изменился характер стычки: огнестрелов оказалось в полтора раза больше, чем применений холодного оружия.

— Зря ты разрешал, — сказал Недулов. — Мог бы предвидеть.

Демидов, помолчав, ответил:

— А я и предвидел. Народ ведь звереет потихоньку. Сам знаешь, отчего.

Недулов знал, конечно. Причин было достаточно. Для большинства — перегревавшаяся уже ненависть к неимоверно богатеющим и открыто этим похвалявшимся магнатам. Для других — сознание того, что люди ни на что и никак не могли уже влиять, что они — пыль, и более ничто. Для третьих — ощущение того, что государство валится, и всякий понимающий это видит. Но власти на это наплевать. Для четвёртых...

— Вот я и подумал, — продолжал Демидов: — пусть стравят пар, иначе ведь того и гляди — на улицы станут выходить. И что тогда? Мне, знаешь, апельсиновый цвет вроде бы ни к чему.

Но эту тему Недулов развивать не стал. Вернулся к прежней.

— Стражи закона у тебя там постарались? — решил он уточнить.

Демидов покачал головой:

— Если бы. Да они и вмешались только под занавес. Когда стало уже затихать.

Стреляли участники. С обеих сторон. И не из самопалов. Калаши, макаровы.

Недулов понимающе кивнул:

— У нас по оперативным данным стволов у населения стало примерно вдвое больше, чем год назад. После того, как создали отряды самообороны, восстановили дружины, А как иначе, если от гарантированной безопасности жизни уже и следов не осталось? Тебе статистика известна?

— Само собой. Вверх по экспоненте. Если бы только магнатов и чинуш отстреливали, люди не очень волновались бы. Но ведь и простой гражданин давно боится на улицу выйти. Кстати, на этот раз и пришлые явились уже организованными. Заранее представляли развитие событий.

— Загребли многих?

— По пятнадцать с каждой стороны — для соблюдения равенства. Ну, человек по пять пойдут под суд, как полагается. Но дело ведь не в том — скольких посадят. А в том — куда всё это направлять, чтобы для пользы дела. Я с Изотовым хотел посоветоваться, но тут такая незадача...

Недулов кивнул. Незадача была в том, что Изотов, восточный сосед обоих, пять дней тому назад разбился, возвращаясь из Якутии, — вертолёт нашли на третий день, выживших не оказалось.

— Думал, так безопаснее, — сказал Недулов хмуро. — Словно бы на вертолётах только претенденты гробятся. Ан нет. Какие-то новости оттуда есть?

— Дело на особом контроле, вот и вся новость. Кресло займёт, по всей вероятности, один из питерских замов. А с ним ещё неизвестно, как удастся договориться.

— Постой, постой, — встрепенулся Недулов. — Был ведь разговор — поставят Седова, первого зама. Вся область за него, разве нет?

— А разве область выдвигает? — усмехнувшись, вопросом же ответил Демидов.

— Но область не слабая. Что же — будет заруба?

— Скоро увидим. Но что-то решать надо быстро. Поддержать наших.

— А наши — это которые?

Оба переглянулись, усмехнулись. Потом Демидов проговорил:

— Вот это и есть главный вопрос. Надо, как в Англии: друзей нет, но есть интересы. Надоело кормить неизвестно кого и зачем.

— Се-рё-жа!

— Когда же, наконец...

— Да Сергей Николаич!

— Ладно. Конечно. Извини. Давай думать всерьёз.

— А я думаю — надо подождать. Ситуёвина ведь такая, что наверху придётся что-то делать, хотят они или нет. Выборы ведь отменять не станут? Нет. Вот и поглядим, кто с какой ноги двинется. Не мы ведь одни с тобой пытаемся понять — что к чему. Наверное, сейчас и Третий тоже напрягает серое вещество...

3

И действительно, человеку, обозначаемому в губернаторском диалоге порядковым числительным «Третий», думать приходилось сейчас много. Так уж сложилась обстановка. И в Москве, и во всей стране. Мысли поэтому торопились, обгоняли одна другую.

Четыре года тому назад, в восьмом, когда он, мнением узкого круга, впервые был определён в президенты, главным казалось именно это: пройдёшь ли, не засбоит ли давно отработанный механизм, не схалтурят ли многоопытные политтехнологи и пиарщики, не подведёт ли новый Центризбирком. Всё обошлось благополучно, и казалось — миг счастья вновь наступил, и дальше всё будет хорошо, очень хорошо. Казалось наперекор здравому смыслу, подсказывавшему: это когда ты впервые взошёл на вершину, тебе мерещилось, что тут — обширное плоскогорье, на котором и вдвоём стоять можно уверенно, и

двигаться в таком направлении, какое сочтёшь правильным. На деле же вершина — не плоскогорье, это — пик, на котором одна нога более или менее умещается, а со второй уже проблемы — куда её поставить, чтобы не соскользнула, не сорвалась. Потому что и сам этот пик — не монолит, а груда камней, на которой приходится так балансировать, как и циркачу не снилось, чтобы случайно не выскользнул из-под ноги камень и не пробудил лавину, камнепад.

Человек на самом верху, хочет он того или нет, становится личностью исторической. Сохраняется в анналах. Ему нужно более заботиться не о сохранении имени, но о другом: с каким определением его имя войдёт в традицию. С уважительным или уничижительным? С плюсом или минусом? При этом определение может не соответствовать действительности, но традиция сильнее. А традиция возникает по свежим следам. И существует долго, а то и остаётся навсегда. Этого невольно боишься. И порой приходят даже такие мысли: «А какого чёрта я вообще согласился?..» Правда, их гонишь, потому что обратного хода в этой машине не предусмотрено.

Первому не захотелось оставаться в исторической памяти с титулом «При котором погибла Россия». Не дай Бог. Это же — на века.

Тогда было весело, потому что свита усердно играла, создавая из Второго — короля, даже с перегибами. Но свита-то играет, а жизнь — нет. Она всё принимает всерьёз, пробует на зуб: не фальшак ли?

Второй, однако, вовремя понял, что на гору взойти — полдела, а надо ещё и спуститься без потерь — постепенно, так, чтобы это не выглядело бегством, — на хорошо подготовленную позицию. И выдвинул тебя.

Только вот выдвинул — или подставил? Чтобы было, кому ответить?

Найдутся, конечно, правдолюбцы, пытающиеся доказать: «при тебе — не значит, что по твоей вине». Понимающие, что в пору твоего прихода процесс зашёл уже так далеко, что и любой другой на твоём месте не смог бы сделать ничего.

Почему? Потому, что подлинная власть в стране такого размаха существует всегда на местах, а не в центре. И раньше так было, а сейчас — тем более.

Практически сосуществование властей — центральной и местных — всегда основывалось на компромиссах. Центр в общем давал периферии жить по своим законам. То есть — по правилам, установленным властью на местах. Взамен за центральной властью признавалось право на общегосударственную политику, идеологию, в какой-то степени — на регулирование финансовых потоков. Но когда какая-то часть территории управляется по своим законам, правилам и традициям (всё равно, записанным или нет), воздействие центра на неё по-

стоянно уменьшается. И в конце концов неизбежно становится слабее необходимого для поддержания государства как единого целого.

Ты (продолжал думать Третий) понимаешь это и сперва ищешь, ищешь, ищешь способы замедлить или вовсе остановить процесс распада. Ищешь в истории, в науке, в собственной фантазии... Что-то начинаешь понимать, чего-то, наверное, ещё не видишь. Но процесс не ждёт до поры, когда ты овладеешь, наконец, предметом полностью.

Что говорит история? Простую истину: всякая империя держится на силе. И только на ней. На силе, в первую очередь, оружия. На армии. И на том, что принято деликатно называть службами безопасности. Войска внешние и внутренние. Полиция, разведка, контрразведка — или политическая полиция.

В сегодняшней России, твоей России такой армии нет. Хотя в прошлом была.

Почему нет? Невозможно было её сохранить? Или — не нужно?

Не нужно. Власти — не нужно.

Власть должна чувствовать себя сильнее своей армии. Иначе власть перестаёт править. Её заменяют генералы или полковники.

Сегодняшнюю власть (понимал Третий) сильной не назовёшь. И армия, соответственно, ещё слабее. Так власть сохраняет себя.

Но — теряет возможность управлять на местах.

То же самое и со службами безопасности: они или опасны, или слабы. Власть предпочитает слабых, зато преданных.

А губернии — тем более.

Сохранить единство силой становится всё труднее. Если говорить о единстве не декоративном, а подлинном.

Как бы ни убеждали тебя в том, что всё в полном порядке, всё гарантировано, ты — политик и знаешь: верить нельзя никому — ни врагам (что понятно), ни тем, кто называет себя друзьями (а понимание этого приходит не сразу).

И ясно: единственное, что ты ещё можешь сделать, — это обеспечить себе наилучшие пути отхода на заранее выбранные позиции, где можно держаться неопределённо долго. И сам сможешь, и потомство.

Такая позиция может быть основана только на одном: на деньгах. На очень больших деньгах. Опираясь на них, ты, меняя позицию, не только не уйдёшь из власти — наоборот, подойдёшь к ней, подлинной, вплотную.

Сейчас уже многое для этого сделано. Но ещё не всё. Процесс нуждается в завершении — но для этого надо переместиться на другую позицию.

Это было ясно и четыре года назад. И уже тогда созрело: может быть, лучше — отказаться? Но уйти просто не дали.

Кто — это всем понятно. Те, кто был вокруг. Рядом.

Наверное, с любым из них можно было справиться в одиночку. Но со всеми вкупе — нельзя.

Опыт показывает: можно самых опасных или неудобных прижать, заставить уехать и гавкать издалека, а не уезжают — упрятать далеко и надолго. Одного, другого, третьего...

Но на их месте тут же возникают другие. Политика, как и сама природа, не терпит пустоты. То, что называют политической элитой, избранным кругом и тому подобное — это гидра. Сколько ни отрубай голов — тут же вырастают новые.

Так было тогда. Но сейчас кольцо окружающих...

(Тут невольно вспомнился Лермонтов: «Вы, жадною толпой стоящие у трона...» Точная характеристика. Совершенно не устаревшая.)

...кольцо окружающих перестало быть единым. Дало трещины. И выскользнуть без потерь стало не легче, а труднее.

По сути, сейчас — просто невозможно. Не та обстановка. Даже если не думать об истории, а всего лишь о хорошо подготовленной позиции для отхода. Потому что если уйти после первого срока, это будет воспринято как крайняя слабость, неумение одерживать верх. А слабых бьют. Хотя бы просто за то, что — слаб. Выборы надо выиграть.

Гарантию твоего спокойного будущего — хоть здесь, хоть где — предоставляет Ладков. Преданный, как говорится, без лести. Потому и назван, рекомендован в альтернативные кандидаты. Поскольку это фигура серьёзная, солидная, и с ним выборы не будут выглядеть цирком, но создадут впечатление серьёзной конкурентной борьбы. А в нужный миг он снимется и призовёт свой электорат отдать голоса тебе. Просто и красиво.

Однако половина ближних людей теперь поддерживает не Ладкова, а Лаптева. Семёна Никитича. Московского — назвать по-старому — генерал-губернатора с недавних пор. Поддерживает — потому что он такой же свой, как и Ладков. Из одного гнезда. Но есть существенная разница. И её понимаешь, когда думаешь о прошлом. Своём собственном. Невольно возникают интересные и не всегда приятные мысли. Например: а, собственно, почему Второй тогда выбрал тебя, а не Ивана, Петра, Сидора? Именно тебя?

Первой возникает самая сладкая мысль: да потому, что именно ты оказался самым способным, умным, решительным. Был сочтён лучшим среди равных. Сумел представиться таким. Организовать собственную раскрутку.

С такими мыслями приятно глядеться в зеркало. Воодушевляет.

Но через краткий миг приходят и другие соображения. Иного толка.

Подумай: тот, кто покидает такой пост — насколько заинтересован он в том, чтобы преемник оказался умнее, решительнее, удачливее, чем он сам? Ведь преемник — это тот фон, на котором будут рассматривать предшественника, давать ему оценки, формулировать приговор истории. Пусть не окончательный, но тем не менее важный.

Ответ: в этом уходящий заинтересован меньше всего. Наоборот: ему выгодно, чтобы новый правитель оказался во всех отношениях слабее, неудачливее, проигрышнее. Чтобы мир вынужден был бы вспоминать о предыдущем: «Вот то был правитель, вот то были времена! А этот, нынешний — слабак, тьфу! И куда только глядели?».

Вывод: то, что назначили именно тебя, говорит о том, что сочтён ты был не самым умным, а наоборот: самым туповатым, самым управляемым, самым контрастным по сравнению с предшественником.

Но тебе это было ясно заранее. И, вероятно, тебе удалось лучше, чем другим, сыграть роль и туповатого, и управляемого. И таким способом обойти их.

Ведь на самом деле ты не такой? Ты умён? Находчив? Решителен? Проницателен?

Пожалуй, да. Хотя бы потому, что принял решение: выдвинуть Ладкова. Ладков надёжно прикроет отход.

А вот Лаптев — нет. У него, как выяснилось (к сожалению, не сразу), не тот характер. Его не заставишь выглядеть бледной тенью предшественника. Этот, наоборот, станет землю рыть, чтобы доказать: «Тот, всеми восхваляемый, не мог — а я вот могу!»

Всё это, конечно, с соблюдением всех ритуалов до поры до времени — как и сам ты делал по отношению к своему предшественнику и вершителю твоей судьбы.

Лаптев возвышаться не должен. Уже в этом допущена громадная ошибка: нельзя было ставить его на Москву. Но он оказался достаточно профессиональным, чтобы до этого не позволить никому заглянуть в его душонку хоть краем глаза. Ну такой был душка, такой до смерти преданный! Но почувствовал за собой Москву — и как будто его подменили.

Нельзя пускать щуку в пруд. Но способ должен быть таким, чтобы не придраться. Чтобы на тебя самого и тени не пало. Как-никак, Лаптев из того круга, из какого на нары не отправляют — закон неписаный, но нерушимый.

Нет, конечно, поискать следует — вдруг что и выплывет. Но на этом политику не построишь. Даже самые крутые пиарщики задумаются. Лаптева уже прочитали и поняли: будет давать сдачи без стеснения.

С чего начать? Лаптев чуть ли не открыто заигрывает с армией. С Генштабом, понятно, а не с министром. Значит, первое: убрать из Подмосковья войска. Лучшие. И Таманскую, и Кантемировскую, и Севастопольскую. На всю предвыборную. Это уже сделано: Верховный главнокомандующий — то есть ты сам — приказал провести большие тактические учения. Как положено. Генштаб испросил разрешения задействовать в учениях ещё одну дивизию — откуда-то из глуши, из Восточной Сибири. Чтобы играла резерв противника. И сейчас москвичи уже воюют где-то близ Смоленска. Лаптев на них не обопрётся.

Но надо ещё что-то сделать для Ладкова. Чтобы электорат в него поверил, как в продолжение тебя самого. Что-нибудь такое, что приблизило бы к нам либералов, самую беспокойную и в чём-то влиятельную группу. Но в первую очередь даже не их, а Запад. Слишком многие у нас ещё оглядываются на него. Что же?

Да! У Котовского срок ещё долго не кончится. Вернее, старый-то истекает, но есть и новый, он только начнётся. А что, если Ладков официально обращается к тебе с просьбой сократить оставшийся Котовскому срок до нуля? Просто взять и освободить. Сколько это добавит Ладкову? Кем Котовский может стать на свободе: врагом? Или союзником? Пойдёт в друзья к Ладкову-освободителю? Возможно. Так что же, ещё попридержать его на зоне? Или наоборот — доставить с помпой, ковёр расстелить...

И то и другое опасно. Потому что Котовский — человек всё-таки непредсказуемый. Ненормальный. Нормальному сказать «Беги!» — он побежит. Дать взятку (не обязательно деньгами) — возьмёт. А с этого станется — и не взять, и не побежать. Он, может, во враги и не пойдёт — научился же хоть чему-то, пока волочил срок, — но и дружить не начнёт. А к нему кое-кто потянется.

Значит, что?

Нет, всё-таки освободить. Пусть возвращается.

Ну, а если он всё же полезет в драку? Запад, с которым через силу приходится дружить, хотя внешне порой и артачиться, поддержит Кота с великим удовольствием: им он мил и понятен.

Пусть едет. Только... всякое ведь бывает. А что? Дело житейское. Конец немалый. Всё может случиться. В России, да и не только.

Третий поднял трубку главного телефона. Набрал номер. Ответившему — сказал:

— Савелий Карлович, так что у нас там — ну, где рукавицы шьют?

Савелий с Благовещенского переулка — золотой мужик: всё понимает с полуслова.

— Всё в лучшем виде.

— В этом не сомневаюсь. Но... если мы сделаем к выборам подарок оппозиции, сократим Котовскому срок до нуля? Как бы по инициативе Ладкова, правовые вопросы ведь под ним. Ваше мнение?

Савелий не промедлил ни секунды:

— Полагаю, результат будет хорошим. Оппозиция потеряет пару клыков.

— Рад, что наши мнения совпадают. Но беспокоюсь: не случилось бы с ним чего-нибудь... такого. А? Лишние скандалы нам ни к чему. Не думаю, конечно, что кто-нибудь из недоброжелателей подошлёт снайпера, но всё же обида в массах на него велика, нахапал в своё время народного добра. Вдруг придёт кому-то в голову что-нибудь вроде самосуда, в этом роде. Не опасаетесь?

— Ну... там, как и везде. В общем, спокойно. Конечно, бывают хулиганы, происшествия на бытовой основе, мало ли что случается в жизни... Может, дать ему охрану, пока не сядет в самолёт — для верности?

— Это как раз и будет скандал. Пойдёт шорох типа: мол, освобождён, но всё ещё законвоирован. Власть, якобы, всё ещё его боится. Не нужно. В конце концов, свободный человек свободен и рисковать.

— Безусловно, Игорь Фёдорович. Понял вас.

— Будьте здоровы, Савелий Карлович.

Так. Что ещё надо сделать срочно?

Пора всерьёз подключать пиар. Мастеров. Гроссмейстеров.

Найти этого... да, Полкана. Он вроде ничем пока ещё не опаскудился. А дело знает. Нанять его. Пусть поработает на Ладкова. Хорошая мысль. Правильная.

4

Пятница, конец рабочей недели. Сорок восьмой троллейбус. Жара. Пот. Нервы. Последний баллончик дезодоранта на исходе. Тысяча рублей. Она есть, но последняя до понедельника. Так нельзя. Это не жизнь. Какой-то подонок сзади прижался всем телом, так что сердце само собой зачастило. Отодвинуться некуда: троллейбус набит под завязку. Нахал. Сейчас, чего доброго, начнёт хватать руками. Одно тонкое платьице, всё равно что голое тело. Вечером залить пять литров бензина — сто пятьдесят рублей. Остальные — на светскую жизнь. Уик-энд по-девичьи, хотя вряд ли получится: пополз слушок, что Котовскому светит досрочное, так что нам, штабным волонтёрам, работы хватит. Скотина, прижал так, что и пальцем не шевельнёшь, руки плотно прижаты к бёдрам, и не крикнешь — сил нет. Ну, пусть насилует — если сумеет, конечно. Было бы приключение на худой конец.

Но и ему не шевельнуться. Сопит над ухом. Что светит впереди? Одолжить и съездить — если и не в Лондон на Олимпийские, то хотя бы в Турцию или Египет? Кто же одолжит в пору отпусков? У кого из своего круга есть деньги? Да и чем отдавать потом? Разве что натурой. «На Сухаревке сходите? Разрешите...» Медленно повернуть голову, с презрением взглянуть на нахала. Ну и ну! Это баба. Пожилая, плоская, как стол, перед собой, пониже живота, обеими руками держит пакет, в котором — бутылка. И вовсе это не... А уж фантазия разыгралась! Всё от жары. «Не толкайтесь, пожалуйста. Схожу, схожу». Уф...

Проходя мимо дряхлой, но родной «десятки», привычно подёргала дверцы. Заперты. Никто не наведывался. Да и брать давно нечего. В баке — только-только до заправки. Надо было давно переделать на что подешевле. А говорят, и переделывать не надо. Залить — и пойдёт. Была бы экономия. Рублей до полусотни. Купить виллу, нанять лакея, ни в чём себе не отказывать. Каблуки не для этой погоды: вязнут в асфальте, хотя и не совсем шпильки. Было бы надеть на среднем, широком. Но хотелось обязательно в тон. Для кого? Ни для кого. Для самой себя. Тот, ради кого надела бы всё на свете, — далеко. Да и появится ли вообще ещё — непонятно.

Подъезд. Солнце отсечено наглухо. Ура. Ура. Всё-таки старый дом — это старый дом, стены, а не карточная конструкция. Зимой тепло, летом не то чтобы прохладно, но лучше, чем на улице. Лифт работает. Научно-техническая революция!

Да, с деньгами неладно. И привычка, оставшаяся от родителей — давно уже покойной матери и древнего, но всё ещё живого отца: десятками не считать. Но ведь всё и состоит из них — тусклых, непрезентабельных, невыразительных атомов благосостояния. Их должно быть много. Очень много. А ещё точнее — их вообще не должно быть. Чтобы были пятитысячные, и как мелочь — тысячи и пятисотки.

В семнадцать, восемнадцать, двадцать лет говоришь себе: завтра всё это будет.

В тридцать: когда же это, наконец, будет? — по-людски, без свинства, без зацикленности на деньгах, вечно — деньгах, одних только деньгах?

Философия Тимофея. И чуть не стала твоей. Врёшь: стала. Но ненадолго. Пока не послушала Котовского. И поняла другое.

Человек должен быть добрым — вот к какому выводу приходишь, хлебнув горя, выбравшись из переполненного троллейбуса. Людей надо жалеть. В особенности тех, кому природа чего-то не додала. Которые чувствуют себя в чём-то ущербными. Страдают от комплексов.

И чем больше человеку дано — тем он должен быть добрее. И душевно шире.

К этому выводу ты пришла окончательно, когда познакомилась с Артёмом. И поняла, хотя и не сразу, что отношения людей и денег бывают разные. Или деньги — твои хозяева. Или командуешь ими ты. Сразу показалось, что Артём — из тех, кто командует. А вскоре и выяснилось: он и на самом деле командует. И не рублями. Людьми. Полковник. Жаль, что не столичный. И здесь оказался тогда ненадолго.

Познакомились в фитнесс-клубе. Он туда зашёл, как потом объяснял, от скуки. А может быть — это тоже его слова — судьба привела. Сразу запал не неё. Предложил провести день — выходной — вместе. Приняла приглашение. И в постель легла без угрызений совести. Свободный человек в свободном (как говорят) мире. Он тоже в разводе. То есть оба в ожогах, хотя и разной степени. Потому не склонные к быстрым кардинальным решениям. Но встречаться — а почему бы и нет?

Её природа не обделила. А то немногое, в чём поскупилась, возмещает косметика. Те самые Диоры, Ланкомы и тому подобные. Возмещает диета. Плавание. Теннис. Значит, следует быть доброй и широкой и в близости. В человеке, особенно в женщине, доброта должна быть сильнее всего. Даже любви.

А вот жадности быть не должно. И она до сих пор у Артёма ничего не просила. И не принимала. Почти. Ну, там, хорошую косметику, колечко... Но деньги — никогда.

Сначала казалось — проходной эпизод. Не более. Раз он к тому же из каких-то дальних мест. Куда её разве что по суду можно было бы заполучить. Да и для него тоже — столичное развлечение, рядовое приключение, солдат в краткосрочном отпуске, как сам он говорил. Помял московскую девицу — будет о чём вспоминать где-то у чёрта на рогах, на досуге, самодовольно ухмыляясь.

Но уже почти сразу отношения их пошли как-то, ну, нестандартно.

Первый день был ещё нормальным. У неё вот уже года полтора никого не было, перед тем, порвав с мужчиной по имени Тим, то есть не то чтобы окончательно порвав, но научившись избегать его, динамить (благо — он всегда так занят, так занят!..), полностью разочаровавшись, она решила: порезвилась — хватит, надо заниматься делом. Взяли её в так называемый штаб Котовского. Времени на переживание не осталось. Но, оказывается, желание копилось. И на этот раз она не стала сдерживаться — именно потому, что человек был совершенно со стороны — уедет, и забудешь навсегда. Поэтому первый день был, как бы сказать, праздником тела. Она получала, и отдавала не меньше. И у неё дома. И на Клязьминском водохранилище, чуть ли не у всех на глазах. И... Голодное тело насыщалось большими, жадными глотками. И его — тоже.

Но уже на второй день как-то всё больше стало возникать разговоров. Вернее, темы стали меняться, потому что болтаешь ведь всегда — в промежутках. Так, ни о чём, просто чтобы дух перевести, дать плоти время восстановиться. А тут вместо болтовни стало возникать всё больше других тем. Даже и на политические темы, хотя как раз они, похоже, интересовали нового знакомца меньше, чем, скажем, наука или искусство.

Как сказал в своё время хороший поэт — «что люблю, что читаю, что мечтаю в дороге найти»[1]...

И где-то в середине недели выяснилось вдруг, что говорить им даже интереснее. Важнее. Она удивилась было: провинциальный лейб-гусар оказывался куда более сведущим и в музыке, живописи, театре, и мало чем уступал в литературе. Правда, в киношных темах она оказалась куда сильнее. И в политике тоже — да иначе и быть не могло: она, как-никак, принадлежала к «штабу Котовского», хотя находилась там более на ролях «подай — убери». Но главным, пожалуй, было то, что Артём даже и об этих делах слушал с неменьшим удовольствием, чем рассказывал сам. Не старался подавить, пусть деликатно, но всё же напоминать время от времени, как Тим: «Женщина, знай своё место, оно всегда — второе». Короче — оказалось, что секс-игры — не главное между ними. Нужное, приятное, но не оно определяет.

Поэтому она не очень удивилась, когда на излёте отведенной ему службой недели, уже как бы начиная прощаться, он сказал:

— Люблю ясность. И хочу, чтобы она и у тебя была.

Она только кивнула, предчувствуя.

— Значит, так. Восприми со всей серьёзностью: предлагаю отношения продолжить навсегда. Обещаю: кроме тебя — никого, никогда. Оформление — любое, по первому твоему слову. Перспектива: к себе не зову. Тебе там делать нечего. Но если у тебя хватит терпения на... ну, не более года, думаю, что меньше — улажу всё, как надо. Предупреждаю: пока я там, связь будет с затруднениями, разве что через спутник — такие места. Но о себе буду докладывать при любой возможности. У тебя будет возможность отвечать. По-моему, я сказал всё. Итак?

— Нет, — сказала она, и добавила торопливо, чтобы он не успел понять неправильно. — Ты не сказал главного.

Артём соображал не менее двух секунд.

— Прости. Ты ведь знаешь, что я тебя люблю. И ты мне нужна для жизни. Иначе не стал бы...

— Всегда начинай с этих слов. Тогда у меня хватит не только терпения. Я вообще-то не из терпеливых. У меня хватит и веры. И надежды. И любви.

---

[1] Михаил Светлов. Артист.

...Такие вот разнообразные мысли и воспоминания приходят в голову, когда перед зеркалом приводишь себя в порядок. Замечая при этом, что флакончики и баночки уже почти пусты — как бензобак в машине.

Надо быть в полном порядке. Даже если собираешься туда, где все тебя знают достаточно давно. Нет, не «даже», а «тем более». Для этого придётся поработать ещё минут сорок. Малейшая торопливость неуместна. Женщина перед трюмо так же не имеет права ошибиться, как разряжающий мину специалист по борьбе с терроризмом. И даже ещё меньше. Потому что сапёр, ошибившись, больше ничего чувствовать не будет. А ты — будешь. Долго. Болезненно.

Потом — одеться. Уложить в сумку всё, что может понадобиться для предстоящих после штаба двух дней жизни на отцовской даче, на пленэре, так сказать, — с купаньем, с прогулками по лесу. Запереть квартиру. Бросить сумку в машину. Доехать до заправки. Попросить мужика заправить машину, чтобы самой не пропахнуть бензином. Те самые пять литров, что стоят сто пятьдесят рублей.

Оттуда — в штаб. Если там ничего срочного — за руль и к отцу. За город. Там он творит в своём шалаше — один, как уже много лет, словно бы не думающий о том, что вот понадобится, чтобы кто-нибудь подал стакан воды, — и некому будет. Уповает на Господа.

К сожалению, возможное удовольствие будет сильно подпорчено. Потому что Тим не далее как вчера позвонил откуда-то и предупредил, что хочет встретиться. Для серьёзного, мол, разговора. Дескать, в его жизни происходят — или уже произошли? — очень значительные перемены к лучшему, «и поскольку ты, Анастасия, знаешь о моём отношении к тебе...» — и так далее.

Фу. Зануда. А главное — предотвратить его появление нельзя. Не вызывать же милицию. Да она всё равно не пришла бы. Наверное, он и в самом деле влюблён. Если только вообще способен на такие чувства. Но те месяцы, что мы общались, говорят о другом. Я ему нужна была для престижа — всюду таскаться с ним и надувать щёки. Повышать его рейтинг. Таков нынче мир. Служить у него вывеской. Странно: мне ведь это нравилось — поначалу. Вращаться в кругах. Производить впечатление. Получать предложения — явные или чуть замаскированные — на пересып. И удивление: почему отказ? Что, вовсе уж глупа?

Ну ладно, хочет полной ясности — пусть получает. Перспективы у него! Видала я его перспективы в белых тапочках. Да пусть его хоть президентом избирают — мне-то что? А ведь его вполне могут куда-нибудь избрать — или назначить. Время такое... смутное. Ясно ощущается: растёт сильное беспокойство, носится в воздухе. И слухи. Как вот этот, только что услышанный из достаточно серьёзного источника: вокруг Котовского снова возникает какая-то возня. Что, решили на-

весить ещё одно дело, какое оно будет по счёту — третье? Или наоборот — кто-то решил наконец прекратить грязную комедию и выпустить людей, виновных разве что в том, что оказались разворотливее прочих, но ухитрились при этом совести не потерять? Тёмыч, колонель, куда ты, к чёрту, подевался? Сейчас, как никогда, хочется чувствовать рядом крепкую опору. Не ловкача, не карьериста, а... Уже месяц, как ни словечка. Почувствуй: мне всё хуже становится без тебя. Сделай что-нибудь! Быстро!

...Ну, кажется, всё в порядке. Глаза, и так от природы достаточно большие, материнские, теперь, благодаря искусству, кажутся и вовсе огромными, бездонными, таинственными. Чёрными, длиннейшими, мохнатыми стали ресницы, потемнели брови, гладкой, матовой сделалась кожа. Можно выходить в свет.

Машина. Сумку небрежно швырнуть назад. Сесть. Опустить стекло. Тёмные очки. Ключи. Стартёр берёт со второй попытки. Надеты автомобильные перчатки. Врубить первую. Сигнал поворота. Снять с ручника. И — поехали.

И — приехали.

К заправке, как и было намечено. Однако на этом планы и исчерпались.

Хотя по дороге всё было вроде бы нормально. Пробки имели место, но время на них было заранее рассчитано, так что тут отклонений не возникло — по крайней мере не более пяти минут. Неприятности начались на колонке. Неожиданные и серьёзные. Для Анастасии, во всяком случае.

Во-первых, очередь на заправку оказалась неожиданно большой. По меньшей мере странно. Заправка была не магистральной, а далеко в стороне, маленькой, и никогда тут больше двух-трёх машин не скапливалось. А сейчас их было не меньше дюжины.

Но это была ещё не беда. Что дела обстоят хуже, чем показалось сначала, она поняла лишь бросив взгляд на табло с прейскурантом. Цена выросла сразу процентов на тридцать. Хотя ничего такого, похоже, не предполагалось, даже слухов, обычно предшествующих событию, не возникало. А теперь получалось, что если брать всё те же пять литров — а меньше никак нельзя было, — то придётся обойтись хлебом и водой всю предстоящую неделю.

...Когда подошла, наконец, её очередь и давно знакомый заправщик по имени Отец Фёдор кивком поздоровался с постоянной клиенткой, она не удержалась, выразила обиду:

— Вы же вроде не с большой дороги, что же вдруг занялись грабежом?

Фёдор не обиделся, но и не усмехнулся — а обычно он всегда разговаривал с этакой ухмылочкой, как мудрец, всё знающий, с несмышлёнными человечками. Слегка пожал плечами, свинчивая пробку, и проговорил серьёзно и даже с некоторой озабоченностью в голосе:

— Со вчера подвоза нет. Последнее заливаю. Ещё десяток заправлю — и хана, досуха. Тебе сколько?

— Пять, больше не надо. Что же, будешь терять клиентуру?

— Куда они денутся!

— Конкуренты перехватят.

— Не. У них всё так же, мы перезваниваемся. Вообще подвоза нет.

— Не помню, — сказала она, — чтобы в Москве такое было.

— Да говорят, там что-то...

Он не договорил: сзади сердито засигналили. Закрыл бак.

— Катись счастливо.

На этот раз завелось сразу.

5

А у Тима, занимавшего в мыслях и чувствах Анастасии не самое заметное место, перспективы и на самом деле возникли — ну, не скажем, что такие уж радужные, но, во всяком случае, многообещающие. И, к его чести, не случайно они появились, а благодаря его собственному уму и энергии. По заслугам.

Хотя на первый сторонний взгляд Тимофей Кузьмич Гущев в консалтинговой фирме, где зарабатывал себе на хлеб с намазкой, до сих пор на общем фоне политтехнологов невысокого ранга ничем не выделялся. Крупных кампаний ему не доводилось ни задумывать, ни планировать, находился он, как говорится, на подхвате, мастера этого дела его как-то не замечали, потому, может быть, что никто за его спиной не стоял и не продвигал, не был он ничьим сыном, ни даже племянником, хотя бы троюродным. То есть родители у него, конечно, имелись, всякой другой родни тоже хватало, но все они были такими людьми, которых, в их глухой провинции, сверху даже в упор и в микроскоп не видят. А это ещё хуже, чем если бы их и на самом деле не было, а был бы он младенцем найден в подъезде генеральского дома на Тверской. Тогда можно было бы конструировать своё происхождение, существовала бы некая таинственность, которая всегда привлекает. А если ты появился на свет законно и откровенно в районной больничке далеко-далеко, где кочуют туманы, то пробиваться можно только локтями и зубами. Если, конечно, чувствуешь, что и способностей, и воли, и энергии в тебе столько, что им просто необходим настоящий простор, иначе они тебя сожгут изнутри.

Но вот, похоже, пришла пора...

Тим снял трубку и набрал номер. Ответили не сразу, и Тимофей уже испугался было, что упустил время и нужный человек отправился уже «на верха», как он это называл, — чаще всего то была мэрия: общаться с сильными мира сего, ловить ветер и вовремя напоминать о существовании фирмы, готовой к услугам. Уедет — и поймать его сегодня окажется и вовсе невозможно.

Но после пятого гудка трубку всё-таки сняли.

— Гущев беспокоит, — сказал Тимофей не громко и не тихо — вежливо, чётко и в той интонации, с которой можно было одинаково естественно перейти (в зависимости от того, в каком настроении находился сейчас человек на другом конце провода) и на дружескую, полушутливую, на какую Тимофею давало право старое знакомство — ещё с поры, когда оба протирали штаны в одной и той же аудитории одной и той же Плехановки, — и, если окажется, что для общения в таком ключе сейчас не время, мгновенно перейти на манеру разговора снизу вверх, на «вы», с извинением, что побеспокоил не вовремя.

— А, — сказали там. — Ну, привет, привет.

Это был хороший ответ. Он означал, что вместо формального «Андрей Андреевич» к былому однокашнику с собачьей фамилией Полкан можно было обратиться с облегчённым «Андреич». Просто «Андрей» и даже ностальгическое «Андрюша» допускалось в последние годы лишь в случаях исключительных и уж никак не по телефону. Видно, запахло хорошим заказом. Слух оправдывался. Значит, самое время.

— Прости, Андреич, что отрываю от дел...

— Ладно, ладно. Я уж и забыл, когда ко мне в последний раз не по делу обращались... Так что там у тебя?

— Не телефонное, Андреич. Разреши подняться к тебе — на эти пять минут?

— Уже на четыре. Давай, только быстро.

В четыре минуты Тим не уложился — просто потому, что Андрей Андреич не позволил. Выслушал сперва, казалось, не очень внимательно, заранее скептически подняв брови; но оценил сразу, соображал он быстро. И, похоже, оценил достойно, потому что сразу же стал задавать вопросы и уточнять. Потом высказал своё мнение:

— Америки ты не открыл. Приём известный и простой. Но в таком масштабе не применялся. Может быть, это как раз и сработает — своей неприкрытой нахальностью. Так сказать, ошеломит. Конкретно: он реально существует?

— Как мы с тобой. У меня всё схвачено: координаты, резюмэ...

— Ты с ним общался? Каков он на просвет?

— Без твоей санкции — не хотел.

— Разумно. Значит, так. Быстро уточнить — ну, это мы сделаем, и можно будет предложить, как рабочий проект. Но! Если получим «добро», главной станет задача — какая, по-твоему?

— Выдвижение и регистрация — гладкая, без запинок. Потом — раскрутка. Спин.

— Правильно. Ты, наверное, подумал и где и кто выдвинет?

— Прикидывал. И думаю — вниз по матушке по Волге... Там три варианта возможны. Но ни в коем случае не восточнее Урала.

— Пожалуй, так. Значит, сейчас пойдём вот каким путём: сделаем тебя менеджером этого проекта. Понятно, предложу клиенту лично я, а делать будешь ты. Сработаешь хорошо — сам понимаешь, на каком уровне окажешься.

Это, собственно, и было тем самым, чего Тим хотел и на что в глубине души рассчитывал.

— Андрюша, спасибо огромное!

— Значит, решили. А сейчас — извини, времени ни секунды не осталось. У меня рандеву — знаешь, где?

Он не удержался, сказал — где. Здорово, конечно. Но не получится ли так (раздумывал Тим, уходя), что придётся им работать друг против друга?

А хоть бы и так. Потому что кто бы из них не победил — выиграет фирма. Хотя, конечно, приятно было бы всё же не проиграть. Впрочем, может быть, придётся и сыграть в поддавки. Но это окупится.

Что же: ехать так ехать. Первое: получить согласие будущего игрока. Второе: в провинции сделать всё как надо. Лучший вариант — русская тройка: коренник выдвигает, две пристяжных губернии поддерживают. И затем — непременно встретиться с Настасьей. Всё-таки не удаётся отделаться от мыслей о ней. Но теперь он уже не прежним встретится с нею, не человечком третьего плана. Женщины любят успех. Так что — вперёд!

Удачно сложился разговор. И продуктивно. Даже лучше, чем можно было ожидать. Намного лучше.

Точно так же думал и Андрей Андреевич: считал, что выиграл, как любили говорить когда-то, сто тысяч по трамвайному билету. Хорошо, что Тим со своей идеей вылез именно сейчас — пока ещё не состоялся главный разговор. Там, куда уже надо и в самом деле поторопиться: туда опаздывать никак нельзя.

Вместо одного проекта фирма будет разрабатывать сразу два. И оба — серьёзные, весьма перспективные. А то, что они будут противоречить один другому, совершенно не важно.

Пикантная в общем-то ситуация возникает: фирма будет бороться сама с собой. А следовательно — кто бы ни победил, фирма окажется только в плюсе. И в немалом. Чего ещё можно желать?

— Давай по средней, по осевой дуй! — поторопил он водилу. — Не молоко везёшь.

Шофёр лишь кивнул и прибавил.

6

Земля, до этого безмятежно покоившаяся на трёх китах, стала плавно раскачиваться. Видимо, в Океане, обиталище китов, разыгрался нешуточный шторм. Однако, перевалившись несколько раз с боку на бок, твердь успокоилась и начала быстро приближаться: вертолёт пошёл на снижение.

Полковник Лосев плотно сжал губы и несколько раз глотнул. В ушах щёлкнуло, и возникшее было неудобство прошло. Он стал глядеть вниз. День выдался безоблачный, видно было хорошо. При известном опыте — а его Лосеву не занимать было — легко угадывалось расположение всех полков и отдельных подразделений дивизии: один — на изначально обширной и ещё расширенной усилиями сапёров поляне, тридцать четвёртый, другой — частично на опушке леса, остальное — в редколесье, третий — и вовсе в лесу (но палаточные квадраты всё равно просвечивали сквозь листву). Там, на высотке, что это? Ага, управление и штаб дивизии. А в западной части поляны — техника. Намётанный глаз полковника легко опознавал аккуратно выстроенные БМП, потом земля скользнула наискось вверх, промелькнули и исчезли небрежно замаскированные пушки, ракетные установки, уже совсем близко возник какой-то странный микрорельеф, ни с чем в представлении полковника вроде бы не связанный. Почему-то в этот миг Лосеву, привыкшему, как и любой штабной офицер, на всякое явление смотреть и глазами возможного противника, представилось, как где-то там дешифровщики разбираются в переданных спутниками изображениях и тоже поднимают брови над правильной формы бугорками, каждый из которых окружали аккуратно нарезанные прямоугольнички грунта. Потом в поле зрения полковника на миг оказалась дорога, просёлок, на ней — колонна (ротная, определил полковник) возвращалась, видимо, с занятий в расположение: близился обед. И сразу же лётчик убрал газ, с трудом переносимый грохот сменился интимным бормотанием, словно бы машина предлагала примирение после продолжительного разговора на высоких тонах; толчок при посадке был почти незамеченным. Сели. Командир, старший лейтенант, доложил очевидное: «Прибыли, товарищ полковник».

Другой, сержант открыл дверцу, вывалил лесенку. Полковник встал, потянулся, спустился на грунт и почему-то глянул вверх, как бы желая увидеть там только что оставленный ими след.

Повернув голову, он поблагодарил пилотов и шагнул навстречу ожидавшим его в разумном отдалении, подальше от лениво пережёвывавших воздух винтов.

О приближении вертолёта комдива оповестили своевременно, и он поднялся из блиндажа на поверхность. Дул холодный ветер, нередкий этим летом в тех широтах и долготах, где дислоцировалась дивизия, хотя в Москве вот, как передают, от жары асфальт прямо течёт. Ну, так то Москва... Полковник Курилов, поёжившись, приказал принести шинель, а когда принесли — не надел в рукава, но лишь накинул на плечи, и так сел в машину и сказал: «Поехали!» А доехав, стал прохаживаться взад-вперёд близ посадочного круга, ожидая, когда вертолёт приземлится.

Шинель внакидку была неким подобием демонстрации. Так комдив и хотел, потому что не было уже ни сил, ни желания таить про себя докрасна созревшее недовольство начальством, включая и самое высокое.

Каждая дивизия имеет свою историю, свой боевой путь, начинающийся со дня подписания приказа о её формировании. И у той, что находилась под командованием Курилова, боевой путь, начавшись ещё в дни Великой войны, внушал уважение — недаром три ордена были на её знамени. Были в этой истории свои взлёты и падения, но, к сожалению, чем ближе подходило время к сегодняшнему дню, тем падения становились глубже — как и всей армии.

До поры до времени полки, входившие в состав дивизии, ничем не отличались от частей и отдельных подразделений любого другого соединения, чей рядовой и сержантский состав состоял из срочнослужащих, призванных исполнять священный долг, то есть сколько-то из каждого пополнения уходило в бега, сколько-то на себя накладывало руки, остальные, в ожидании вожделенного дембеля, вперевалку отбывали номер. А когда они уходили в запас, те, что приходили на их место, ещё хуже кормленные и развитые замухрыги, ещё труднее обучающиеся, зато попрошайничающие и приворовывающие при малейшей возможности, и вовсе доводили командиров до смертной тоски. Включая и тогдашнего комдива, похоже, переставшего верить и в армию, и в будущее, и в самого себя.

Стояла эта дивизия рядом с областным центром, и дошло до того, что держать её там стало просто неприличным: город посещали иностранцы — и туристы, и журналисты, и мало ли ещё кто, многое они

замечали и дома охотно делились своими впечатлениями. Проблема чисто армейская стала приобретать политический оттенок.

Тогда дивизию и передислоцировали подальше от взглядов и всего прочего. Комдива отправили в отставку (он, похоже, и не очень горевал), а вместо него назначили полковника Курилова, не раз неплохо показывавшего себя в горячих точках — и известных широкой общественности, и вовсе ей неведомых. Загнали её чуть подальше, чем к чёрту на рога, тем самым поставив некий эксперимент. В штабных разговорах — неформальных, конечно, — с той поры её стали именовать «дивизия имени Робинзона».

Условия тут, на пустом месте, куда дивизию вывели из некоей горячей точки в прошлом году, трудно даже и назвать условиями, скорее — их полным отсутствием. И тем не менее новому комдиву удалось сохранить в строю лучших из тех, кто служил ещё до него, а кое-кого и привести с собой. Удержал даже тех, у кого было где приютиться в цивилизованном мире. И это удавалось потому, что люди как-то сразу понимали: он стремится, чтобы в его дивизии служили как положено, а не отбывали номер. И те, кто всякими правдами и неправдами мог бы, проявив настойчивость, перевестись куда-нибудь, где потеплее и комфортнее, — не все, конечно, но та их часть, которая хотела именно служить и именно в армии, та часть, что поняла, что никто этой армии для них не создаст, кроме них самих, — осталась с ним, жертвуя при этом многим: сотнями и тысячами людей гражданских, объединяемых понятием «члены семей военнослужащих» — и тех, кто оказался сейчас достаточно далеко от расположения дивизии, по всей России, и о ком привыкли уже говорить «солдатские матери», и других, кто был тут же, ютился вместе с мужьями, потому что больше негде было: офицерские жёны. Он понимал: не будь тут этих женщин — и дивизия начала бы разваливаться лавиной, не только срочнослужащие пустились бы в бега (что и сейчас происходило, но в допустимых реально пределах), но и офицеры, и так уже готовые писать рапорты об увольнении из Вооружённых сил, тоже, в конце концов, законно или нет, но стали бы исчезать — а этого допустить никак нельзя было. И не только потому, что после этого комдиву, выросшему в семье, где понятие чести от века стояло выше понятия жизни, оставалось бы только пустить себе пулю в висок. Но это была бы его личная судьба, а вот распад армии, которую он и по сей день именовал «Великой», отлично зная, как далеко сейчас это определение от истины, — распад армии определял судьбу всей страны, и вот этого — считал полковник — нельзя допустить никоим образом. Предотвратить любой ценой.

Дивизия же под его управлением стала меняться. Потому что Курилов принялся комплектовать её по собственным представлениям,

достигнув договорённости с местными военкоматами, согласившимися с ним не без сомнений, но быстро усвоившими, что методика Курилова давала им возможность жить спокойно даже и в осенние и весенние призывы.

Три года прошло. Дивизия изменилась, а условия её существования — не очень, да и если что-то и улучшилось, то лишь благодаря её самодеятельности. Наверху же (как не раз казалось) об этом соединении вообще забыли, поскольку ничего неприятного о ней вроде бы не докладывали, а приятного ждать вряд ли стоило. И, думая об этом, полковник всё убыстрял шаги и всё резче поворачивался на каждом пятнадцатом шаге через левое плечо, слово за словом формируя фразы, какие скажет прилетающему столичному штабному. Военный на тяжесть службы не жалуется! И этому штабному он не на службу станет жаловаться, и не о своих интересах говорить, и даже не только о дивизии, но — об армии! Об ар-ми-и, понятно?!

Пора. Он повернулся и зашагал навстречу гостю, сохраняя на лице официально-служебное выражение. Но с каждым шагом выражение его серых и блестящих, как рассветная вода, глаз менялось: решимость сменялась удивлением, удивление же — радостью. Курилов скинул шинель одним движением плеч на готовые сзади руки. Оба одновременно поднесли ладони к козырькам. Крепко пожали руки.

— С прибытием, Сергей Викторович, — сказал Курилов. — Как долетел? Не растрясли?

— Благодарю, Артём Петрович, всё в норме. Вертолётов не боюсь — я же кандидатом в президенты не выступал.

— Разрешите доложить?

— Артём Петрович! Я ведь не зря к обеду подгадал.

— Понял. Прошу в машину.

7

Когда событие, которого ждёшь давно и нетерпеливо, вдруг не медленно, постепенно, а сразу, неимоверным скачком приближается вплотную, вдруг возникают сомнения: да произойдёт ли оно на самом деле? Чем меньше остаётся до него недель, дней, часов, тем крепче становится вероятность того, что — не случится. Пустой слух. Не допустят. Что-нибудь да придумают.

И когда этот день наконец наступил, зэка Котовский предпочёл о нём просто-напросто забыть. Сказал себе: не надо ждать перемен к лучшему.

«Не жди, не бойся, не проси». Конституция в шести словах. Или «не верь»?

Так что он по-настоящему удивился, когда его сняли с работы и объявили: вследствие пересмотра его дела Верховным судом по надзорному протесту Генпрокуратуры, срок ему сокращён (более на сон похоже, чем на явь), и вследствие истечения вновь определённого срока он освобождается. Вчистую.

Впрочем, и объявили ему это как-то неуверенно, словно бы с запинкой. Так сказали, как будто каждую секунду ждали, что кто-то рыкнет: «Отставить!» Но ничего такого не прозвучало, всё произнесли до конца, потом возникла какая-то нелепая пауза, Котовский понимал, что надо вежливо и спокойно поблагодарить и дальше действовать по установленному порядку — но на какие-то секунды голова совершенно опустела, мысли стёрлись. И не войди в это время пропущенный на этот раз без задержки Каплин, адвокат, Котовский, скорее всего, не сразу пришёл бы в себя. Но тут адвокат привычно взял всё на себя, и действия потекли нормальным порядком. Вещи, документы, прощание с сокамерниками в цеху... С адвокатом удалось обмениваться лишь какими-то обрывками слов:

— Рая не приехала, надеюсь?

— С трудом отговорили. Ждёт вас дома.

— Хотелось бы обойтись без пресс-конференции.

— За воротами только один журналист. Остальным убедительно посоветовали не путаться под ногами.

— Как поедем? Полетим?

— Надо обсудить. Пока — машина до городка. Номер заказали на всякий случай. Там сейчас Татьяна.

Татьяной звали здешнего адвоката.

— Не хотелось бы задерживаться.

— Никому не хочется. Но излишне торопиться тоже не следует, поверьте. День или два на фоне прошедших лет — не так уж много.

— Ну, что же — я привык на вас полагаться.

Ворота колонии вдруг оказались страшно далеко — хотя на деле, разумеется, оставались на обычном своём месте. Когда калитка за спиной затворилась (после обычных слов прощания; слух невольно искал не в словах, а в интонациях надзирательской братии какой-то иронии, что ли, но ничего такого не уловил), встречавший журналист с любительской камерой наизготовку после поздравления задал лишь пару вопросов — понимал, что сейчас освобождённому не до многословия:

— Ваши планы на ближайшее будущее?

— Увидеться с семьёй.

— В чём вы видите своё будущее: в бизнесе? В политике?

— В жизни. Точнее пока не могу сказать.

— Намерены уехать — или останетесь в России?

— Мой дом — здесь.

— Всё, Виталик, — скомандовал адвокат. — Имей совесть.

— Пробовал обзавестись, — ответил тот. — Пока безуспешно. А если вечером?

— До вечера ещё дожить надо, — сказал адвокат.

— Вы полагаете...

— Ещё Маркс сказал: «Сомневайся во всём».

— Тогда самый последний, пожалуйста! Скажите: вы знакомы с Ладковым Игорем Федотовичем?

Котовский невольно пожал плечами:

— С нынешним кандидатом в президенты? Ну, встречался в своё время... по касательной.

— Нет. Он — Фёдорович, а я спросил о Федотовиче.

Котовский помедлил.

— Понятия не имею. Я должен его знать?

— Быть может, придётся...

— Вот тогда и спросите.

Машина была — старая «Волга», двадцатьчетвёрка. Котовский с адвокатом уселись сзади. Котовский откинулся на спинку, закрыл глаза. Пока ехали, больше не проговорил ни слова. Каплин тоже молчал. Адвокату положено чувствовать состояние своего клиента, а также говорить только то, что нужно, и только тогда, когда нужно. Но в окошки глядеть никак не запрещается. Он и оглядывался. И машину, уральский джип с цельнометаллическим кузовом и забрызганным густой грязью номером, заметил сразу же, как только она вывернулась с поперечной грунтовки. Движения тут почти не было, и джип без помех держался в полусотне метров сзади, не приближаясь и не отставая.

Хотя, когда подъехали к гостиничке, уралец проехал мимо не остановившись, даже не сбавив скорости. На всякий случай — обождали, пока джип, миновав ближайший перекрёсток, не укатил дальше. Лишь после этого покинули «Волгу» и быстренько вошли в подъезд, отворив дверь без помощи швейцара.

Глава вторая

1

— К вам Полкан Андреевич. Политтехнолог. Вы назначали.

— Пусть войдёт.

И сам встал из-за стола, чтобы встретить приглашённого.

— Ситуация, должен признать, более чем сложная, — сказал Полкан.

Он заранее решил с самого начала придерживаться варианта «нокдаун в первом же раунде»: не смягчать ничего, напротив, рисовать картину даже несколько более мрачную, чем на самом деле. Показать, что ты ничего не скрываешь, не приукрашиваешь. Что ты объективен. Надо, чтобы клиент поверил тебе во всём, строго следовал диспозиции — той, что будет ему предложена.

— На сегодня рейтинг Ладкова — где-то около пятнадцати процентов...

Третий невесело усмехнулся:

— Так много?

— Другие дают меньше, но это уже, так сказать, вопрос методики. Мы у себя попытались проанализировать причины такого падения.

— Это, собственно, не его рейтинг, а мой. «Хромой утки», — сказал Третий.

«Он не стремится приукрашивать, не встаёт в позу. Это, наверное, хорошо. Говорит о том, что он внутренне готов к самым мрачным выводам».

— Именно так. В любом случае, падение несомненное и огорчительное. Думаю, вы лучше меня знаете, в чём причина.

Третий кивнул. Он знал, конечно. При любой делёжке бывают обиженные. Даже среди самых близких. Им нужен передел. Ладков будет стараться этого не допустить, как не допустил бы и сам уходящий. А вот Лаптев — надеются они — повернёт дело нужным образом. И кого станут грабить? Как всегда, слабейшего на тот миг. «В случае победы Лаптева слабейшим окажусь я сам», — эта мысль укоренилась в голове достаточно давно.

— Вы не сказали ничего, что не было бы мне известно. Вы что — хотите убедить меня в том, что мне нужно заранее капитулировать?

— Ни в коем случае! Думай я так — я просто вежливо отказался бы от приглашения, и, поверьте, такой поступок был бы по достоинству оценён вашими оппонентами. Я не думаю, что вы должны капитулировать. Напротив: считаю, что вы — то есть Ладков — должны выиграть и, что ещё важнее, можете выиграть!

— И вы видите пути к этому?

— Поверьте, я не зря ем свой хлеб. Вам есть на кого опереться. А именно — население. Народ, если угодно. Электорат. Надо поступить, как некогда — в древнем Риме — Кай Гракх: апеллировать к народу. Сказать: «Народ, я, избранный тобою президент, нуждаюсь в твоей поддержке. Нуждаюсь для того, чтобы предложенный мною

кандидат смог осуществить всё то, что задумано для твоего блага и чего я сделать не успел. Скажи своё слово, Народ! Поддерживая Ладкова, ты поддерживаешь не только меня, но в первую очередь самого себя, поддерживаешь ту справедливость, в которой так остро нуждаешься. Сейчас, именно сейчас ты должен восстановить справедливость и укрепить её навсегда!»

— Вам не кажется, что вы призываете меня развязать гражданскую войну?

— Нет. Гражданская война может возникнуть, если противоборствующие лагери примерно равны. Но в нашем случае мы сразу чётко укажем на противника. И нас сразу поймут — одни умом, другие сердцем. Противник этот легко уязвим. Он силён с виду, но всех его ресурсов не хватит даже и на неделю. Хорошо, если на три дня. И кампания будет выиграна. А кроме того... предположим, что угроза гражданской войны окажется действительно серьёзной. Ну и что? У вас возникнет прекрасный повод объявить чрезвычайное положение, иными словами — отменить выборы, отложить их до более спокойных времён. И противник проиграет заранее.

Президент помедлил секунды, взвешивая. До сих пор он не пользовался услугами Полкана. Да и никто из серьёзных претендентов на политические посты: их уже несколько лет заполняли без выборов. Знал, однако, что при выборах законодателей, начиная с Думы, политтехнолог сотрудничал с одной из двух основных партий, и в немалой степени им помог в завоевании думского большинства. Да и в экономическом мире этот деятель пользовался немалым авторитетом, выступая и открыто, в качестве переговорщика, и за кулисами — при формировании состава правлений и директоратов, при слиянии или, наоборот, разделении компаний. А главное — Полкан не обслуживал «узкий круг». Во всяком случае, до сих пор.

— Кто, по-вашему станет таким, противником?

— А кто сегодня ваш противник на предвыборном турнире? Лаптев, не так ли? Значит, противник — Москва. Вдумайтесь! Москва — против президента. Но Россия давно уже не любит столицы. А раз она против Москвы, то, следовательно, — за вас. Простая логика, не так ли?

По загоревшемуся вдруг взгляду президента Полкан понял: заказчик вдумался. И оценил.

— Практически — как это вам представляется?

— Весьма несложно. Представьте себе, что Москва поддерживает своего главу в качестве претендента. Поддержка проявляется в демонстрации, которую мэрия, конечно же, санкционирует. Люди выходят на улицы. Известие об этом немедленно расходится по стране — на то есть СМИ. И возникает стихийное ответное движение: перифе-

рия идёт на столицу. Массово идёт. Под лозунгом «Руки прочь от президента», «Ладков — наш президент». В этом духе.

— Стихийность нуждается в хорошей организации.

— А на что же мы и существуем? Дело техники. Задача: поднять на ноги молодёжь. И «Своих», и «Красных», вообще всех. Лозунги: «Президент в опасности», «Россия в опасности!» Московские главари должны дать санкцию на проведение демонстрации. Количество участников объявить такое, чтобы мэр испугался: молодёжь — это взрывчатая масса, как всем известно. И маршрут — по Тверской, сверху вниз, до самого центра. С этим Москва наверняка не согласится — предложит другой маршрут, где-нибудь в сторонке, и количество участников — поменьше. С этим организаторы, конечно, поспорят. Вообще, если повезёт, то в санкции Лаптев вообще откажет. Но демонстрация состоится. Её, вернее всего, попытаются остановить, рассеять — дело привычное. Произойдёт схватка. Со стороны города, вернее всего, выступит милиция, ОМОН, в случае удачи даже и какая-нибудь войсковая часть — недаром же в своё время против парламента выдвинули танки. И — вот он, повод обратиться к России: президент с народом, и он просит народ защитить его. Президент любит Россию, Россия любит президента — пришла пора доказать это!

«Россия против Москвы, — думал Третий. Страна — против города. Россия победит. Народ. А победивший народ, торжествующий — на выборы пойдёт. И всё сделает, как ему скажут. Надо только, чтобы твоя роль была ясна всем и каждому. И Ладков пройдёт, как по ковру».

— Заманчиво. Но... пойдёт ли Лаптев на проведение своей демонстрации? Не испугается? Мужик ведь очень неглупый.

— Понимаю вашу мысль. Но это уже наша забота: сделать так, чтобы он клюнул.

— Не боитесь, что процесс может выйти из-под контроля?

— Что касается масштабов периферийной реакции, думаю, это мы просчитаем сами. Но команды — разумеется, не открытым текстом — должны будут исходить от вас лично. Конечно, наши люди будут и контролировать, и пиарить на местах.

— Разумеется. Но необходимо, чтобы и Ладков был в курсе дела.

— Непременно.

— Это сделаю я сам. Постарайтесь дать цифры побыстрее. И схему: сколько откуда. Как быстро вы подсчитаете?

— За день, от силы два — после того, как мы придём к соглашению.

— Полагаю, проект у вас с собой?

— Ну, так сказать, намётки...

— Давайте сюда.

2

Ехали недолго, по тряским колеям. Лосев даже поморщился:

— Лететь удобнее было...

— Асфальта нам, Сергей Викторыч, не обещают. Условия, максимально приближенные к боевым.

Машина остановилась.

Вышли. Лосев огляделся. Сверху он угадал: это было то самое место.

— Сюда, прошу.

— И правда, как на фронте, — не удержался гость, спускаясь по деревянным ступенькам в блиндаж. — В три наката...

— Как положено.

Внутри блиндаж оказался просторным, чистым. С полом настланным, а не земляным. Два отсека. В первом — знамя дивизии, железный ящик под ключом и часовой: пост номер один, как и должно быть. Второй, похоже, — кабинет и одновременно столовая командующего и его же спальня.

— Сыровато, — оценил приезжий.

— Мы ещё на высотке. В войсках хуже. Ещё одну зиму зимовать тут — не хочется и думать.

— Намёрзлись тут? Ты что, не мог в деревне разместиться? Хоть управление со штабом. Под крышей, с печками, колодцем... Тут километров пять?

— Семь. Была мёртвая деревня, обезлюдевшая. Ни одной целой крыши. Сейчас заселена. Новосёлами. С юго-востока. Гражданская власть не рекомендует стеснять их. По совокупности причин.

О причинах Лосев допытываться не стал — сам всё отлично понимал, поездил по Сибири и ДВ последнее время немало.

Курилов кликнул ординарца, приказал накрыть для обеда. Как только старшина вышел, Лосев вытянулся в строевой стойке, проговорил официально:

— Товарищ командующий дивизией, вручаю вам приказ начальника генерального штаба.

Есть вещи, какими не шутят даже старые приятели и даже наедине. Курилов тоже застыл «смирно». Лосев вынул из сумки и вручил прошитый конверт. Курилов столь же официально принял, вскрыл, вынул из конверта бумагу, тут же на пакете расписался в получении, с датой и временем. Только после этого пробежал текст (Лосев следил за его глазами, уловил мгновенный блеск), и тут же, уже медленно, — второй раз. Аккуратно сложил, спрятал в карман.

— Командование округом?

— В курсе, конечно же.

— Спасибо, Сергей Викторович. Ну что же, доброго гонца положено отблагодарить от души. Поднимемся — сольют на руки. Горячей воды, прости, нет. И — прошу к столу.

Приказ, полученный командиром дивизии, был приказом на передислокацию вверенного полковнику Курилову соединения.

И как раз на запад, как и хотелось.

За обедом (без традиционных ста граммов не обошлось) Курилов спросил:

— На каком уровне разговор, на служебном?

— Понимаешь же, что нет. Частный разговор между старыми приятелями.

— Тогда начну с азов. Скажи: что там у вас в столицах вообще происходит? Почему меня здесь ни о чём не информируют, даже нормальной связи нет, здесь же прохождение волн такое — хуже не бывает, сидим как в котле на самом донышке. Зачем мы тут? Климат улучшать? Да нет, не тормози меня, дай уж выговориться!..

Но Лосев поднятой руки не опустил, а пока комдив набирал в грудь побольше воздуха, чтобы продолжить свой вопросник, успел вставить:

— Постой. Все ответы у меня есть, но перед ними — пара вопросов. Скажи: как в дивизии с дедовщиной?

— С де... А откуда ей у меня взяться? В дивизии внуков нет, живём без призывного контингента, все — на контрактах, ваше же управление комплектования прекрасно в курсе...

— Хотел лично от тебя услышать. Второй вопрос: какая часть личного состава занята на строительстве дач для начальства, подходов к ним, сиречь дорог, вскапыванием огородов там же — ну, и так далее? Четверть? Треть?

— Ты что — с Луны?.. Какие дачи, кому? Мы тут и так все на даче живём три года уже. На подсобке — конечно, копают, полное сельское хозяйство, не помирать же с голода.

— Вот именно. Дальше: сколько людей подрабатывает налево в ущерб боевой подготовке? Сколько оружия, снаряжения, топлива, обмундирования продаётся на сторону?

— Ну, Викторович, ты меня удивляешь просто. Где здесь подрабатывать? На чём? Продавать? Здесь войсковая часть, товарищ полковник, армия, а не ярмарка!

— Вот именно, — проговорил Лосев с явным удовлетворением. — А вот прослужил бы ты эти годы там, где я, и стал бы, как и я, порой себя спрашивать: да точно ли это армия? Или — труп её? А ведь не зря говорится: какова армия, таково и государство.

— Или наоборот: каково государство...

— Что в лоб, что по лбу. А знаешь, почему?

— Интересуюсь услышать.

— Да потому, что сильная, боеспособная современная армия власти не нужна.

По какой причине? Власти она опасна, власть её боится. Вся мировая история, с Рима начиная, если только не с Египта, полна примерами: если власть слаба и в государстве начинается бардак, кто перехватывает эту власть и наводит порядок? Она, армия. Поэтому сильная армия нужна сильной власти, а не хилой. Товарищу Сталину сильная армия была нужна — он её контролировал, и она, в войну, по сути, уничтоженная, при нём быстро возродилась. Наши отцы тогда служили, и хорошо служили. Ещё Брежневу была нужна — не столько потому, что он был силён, просто он в душе сам был воякой и к армии питал слабость бровеносный маршал. А сейчас сколько бы ни говорили о реформах и всём таком, никто всерьёз в сильной армии не заинтересован. И того, что у нас есть, не очень хватает даже на местные конфликты. Зато власть спокойна: эта армия ей не соперница. Так вот. Стоял бы ты эти три года в рыночных условиях — и у тебя была бы такая же картина: знаешь, разложение — процесс быстрый. А тут ты был как бы законсервирован. И в результате мы имеем хотя бы одно, пусть в меру недоснабжённое, но всё же несомненно боеспособное соединение. Вот для чего и зачем ты здесь. И вот по какой причине тебя сейчас передислоцируют: похоже, пришла пора.

— Дмитрий Прокофьевич подумал и принял решение?

— Сам главком подписал. А кто принял — не суть важно. Любимый министр нашего брата, полковников, не очень жалует. Говорит — самая неустойчивая группа. Мол, генералы везде ведут себя солидно и вообще правильно, хоть в Думе, в Совете Федерации, куда ни поставь. А у полковников, дескать, всё ветры в голове гуляют, всё им охота сразу если не в президенты, то хоть в министры выскочить. Однако же в Генштабе все решения разрабатываются, а значит, принимаются на уровне не выше полковника, и реализуются — тоже, если полковники захотят, а не захотят — так и не реализуется. Подписал распоряжение начальник Генштаба, как ты видел, готовили его мы — твой покорный слуга в том числе. Участие в летних учениях на европейском театре.

— Настоящий смысл передислокации — в чём? Или повоюем — и снова сюда?

— Вопросы, дорогой комдив, будем решать по мере их возникновения. А сейчас у тебя задача одна: перебросить дивизию в назначенную точку в указанный срок.

— Жёсткий срок, надо сказать. Собраться нам недолго, а продвигаться как? Пешим порядком? А горючее? У нас его — хорошо, если одна заправка на круг по дивизии.

— Значит, так. Тебе надо добраться до магистрали, оттуда всё будет организовано военными перевозками до места. Горючего подбросим, но не очень много. Тылы твои могут обождать немного, с ними потом будет проще.

— Потом? — Курилов прищурился. — Это после чего же?

Но Лосев уже встал из-за стола.

— За обед — благодарю. Пойдём теперь посмотрим на твои войска в натуре.

Строевой смотр состоялся по всем правилам, включая заключительное прохождение полка под оркестр. Курилов вначале всё поглядывал на Лосева, ждал неизбежного удивления, а ещё больше — той реакции, которая должна была затем последовать. Штабной полковник, однако, хорошо владел собою — лишь один раз, в самом начале, брови дрогнули было, но даже не приподнялись сколько-нибудь заметно. Лицо же оставалось совершенно невозмутимым. Как и подобало инспектирующему, каким он, по сути дела, являлся.

И лишь потом, когда подразделения полка развели на обед и оркестр ушагал последним под собственный барабан, Курилов, всё время молчавший по принципу «пусть за меня говорят дела», спросил — в неофициальном ключе.

— Ну, как тебе показалось?

Лосев ответил сразу, вопрос был ожидаемым:

— Так пройти и мимо Мавзолея не стыдно было бы.

Курилов кивнул: насчёт уровня строевой подготовки у него сомнений не было. Но не это волновало.

— А в остальном?

Лосев помолчал, прежде чем спросить:

— С личным составом — у тебя во всех частях так? Или всех сосредоточил в одном полку?

— Где чуть больше, где меньше — этот полк как раз средний по этому показателю.

— Прикажешь это понимать так, что твоя дивизия может именоваться китайской?

— Это тебе с непривычки показалось. Тут и корейцы, и вьетнамцев немало. Тогда уж — дальневосточной дивизией.

— Российские граждане?

— В перспективе.

— Подробнее, будь любезен.

— Слушаюсь. Был такой указ в своё время, разрешавший принимать на службу по контракту неграждан, которые, отслужив не менее определённого срока, могли претендовать на облегчённое получение нашего подданства.

— Был. И есть по сей день. Понимаю. Но позволь спросить: какой у тебя процент контрактников? Вот таких?

— До ста ещё не дотянул. Но предполагаю.

— А деньги? Чем ты им платишь?

— Рублями, чем ещё. Но — не столько, сколько получают наши русичи. В разы меньше. ...

— Разницу доплачиваешь надеждой? Обещаниями?

— Вполне реальными. В полном соответствии с законом.

— И как они служат?

Курилов не сразу ответил, словно затруднившись в выборе нужного слова. И проговорил наконец:

— Служат сурово.

— А сержантский состав?

— Ты же видел: из них же.

— Интересно. А командуешь по-каковски? И ты, и все прочие?

— По-русски, понятно. Армия российская. Командиры отделений, и те командуют по-нашему. Правда, у иных акцент такой, что не сразу разберёшь. Но солдаты понимают прекрасно. Зато подразделения, от отделения до батальона, сколочены крепчайше.

— А с техникой как справляются?

— Что они — глупее наших? Ни в коем разе.

— Так что можешь положиться на свою дивизию?

— Во всём и в любой обстановке.

Десяток шагов прошли в молчании, потом Курилов сказал:

— Могу ли обременить личной просьбой?

— В пределах моих возможностей.

— Само собой. Вернёшься в Москву — передай мой привет той самой Насте. Хотя бы по телефону. Координаты тебе дам. С почтой у нас беда. Глухомань.

— Могу даже лично. Пиши письмо. Встречусь.

— Спасибо. Твой должник.

3

Каплин, адвокат, вошёл в номер, привычно стараясь не показать той озабоченности, которая сейчас им владела. Котовский, однако, за много лет привык с первого взгляда, навскидку понимать настроения своих защитников и делать выводы, их, впрочем, не оглашая. И на

этот раз понял: что-то не так. Хотя если бы «не так» было серьёзным, Каплин вошёл бы не один, а в сопровождении представителей власти. Значит, что бы ни было, но — не самое худшее: не новое предъявление обвинения, новый арест и возврат на позиции почти десятилетней давности. Что же, где и как затормозилось? Хотелось спросить, но Котовский предпочёл промолчать, надеясь, что нужные вопросы задаст Татьяна. Так и получилось.

— Что, Аркадий?

Каплин перевёл дыхание, присел, провёл ладонью по всё ещё густой шевелюре.

— В общем, что-то подобное я предполагал. Улететь, как намечали, не удастся: наши билеты аннулировали.

— Под каким соусом?

— О, благопристойность соблюдена. Необходимо прежде всего отправить футбольную команду, что сегодня играет, — прямо со стадиона в самолёт, иначе они не успеют на следующую игру, лететь им с пересадками — а это, как вы понимаете, означало бы громкий скандал. Нам предложили обменять на следующий рейс.

— Когда это? — спросил на сей раз уже Котовский.

— Послезавтра. Отсюда вылетают по чётным.

— Что же, они не знали, когда продавали нам билеты, что будет футбол?

— Тут, Таня, всё сделано гладко, заподлицо. Команда сюда прилетела на чартерном, А тут в нём что-то испортилось, ремонтировать будут, сказали, не менее двух дней.

— Что предпримем?

— Собственно, дилемма ясна: ждать до послезавтра — или искать другой способ. Борис Максимович, решать вам.

Котовский обвёл взглядом номер с его незамысловатым убранством: кровать, тумбочка, стол — и не обеденный, и не письменный, но, в общем, четвероногий, как и два стула. Узкий стенной шкаф. Туалет с душем. Здесь это именовалось полулюксом. Не камера, конечно, и не барак, но...

— Как-то не очень думается в четырёх стенах, — сказал Котовский с нотками извинения в голосе, — Хочется больше двигаться, иначе чудится, что я всё ещё там. Вы не против прогулки по городу? Непродолжительной хотя бы.

— Гулять продолжительно тут просто негде, — сказал Каплин. — Уездный городок. Конечно, отчего же не пройтись? Хотя бы из любопытства. Мы с Таней тут хотя и не впервые, но на ознакомление всегда недоставало времени. Таня, ваше мнение?

— Подчинюсь решению большинства. — Она улыбнулась. — Тем более, что погода соответствует.

— Погода подсказывает: хоть продай что-нибудь, но выпей, — проворчал Каплин, улыбкой показывая, что это всего лишь шутка.

Улица оказалась неширокой, но асфальтированной, домов выше трёх этажей виднелось немного, хотя в отдалении высился и местный небоскрёб, похоже, чуть ли не о шестнадцати этажах. В поперечных проездах просматривался чаще всего булыжник, у людей старших поколений наверняка вызывавший ностальгические ощущения. Автомобилей было немного, город явно был не из богатых, не на нефти и не на газе стоял, а высокие технологии сюда тем более не дошли ещё. Зато воздух казался даже сладким на вкус — москвичам, конечно, не Котовскому, от московской атмосферы отвыкшему. Правда, отъезжающий от остановки автобус выпустил густую дизельную струю, напоминая о том, что век всё же и тут двадцать первый — Российский двадцать первый. Каплин проговорил:

— Давайте свернём куда-нибудь. Что-то не по себе мне делается от каждой проезжающей машины.

— Ждёте выстрела? — улыбнулся Котовский. — Голливудское воспитание?

— Если бы, — откликнулся адвокат. — Личный опыт во многих процессах. — Он продолжил уже другим тоном, деловым: — Кстати, о птичках. Сегодня понедельник, а в четверг мне предстоит садиться в процесс, весьма основательно. И крайне не хотелось бы опаздывать. Может быть, решим так — вы с Таней подождёте самолёта, а я попробую улететь на чём попало, мало ли — одному всегда легче зацепиться за какой-нибудь борт. Хотя бы грузовой.

Котовский собрался уже ответить: «Конечно, Аркадий, делайте так, как вам удобнее», но промолчал, потому что обстановка в переулке вдруг изменилась.

И, похоже, не к лучшему. Откуда-то вдруг вылупившиеся, на тротуаре перед ними оказались вдруг мужички, числом трое; впрочем, вглядеться — так и не мужички, и даже не парни — парнишки, где-то на грани совершеннолетия и полной уголовной ответственности, обычные парнишки, не скинхеды какие-нибудь или в этом роде. Однако, сблизившись, они остановились, явно мешая встречным пройти. Хотя других угрожающих действий пока не совершали. Один лишь сказал:

— Ты гляди, что у нас: живой жид!

— Двое сразу. Это как же понимать? Наш любимый город что, больше не для русских?

— Не, — сказал третий. — Это масоны, блин. А баба ничего. Айс.

— Не айс, — возразил первый. — Масоны и есть жиды. А эта с ними замаралась. Её очистить надо. Потом спасибо скажет.

— Значит, так, — сказал средний. — Жиды могут линять, если жить хотят. А с тобой мы погуляем. А вы — чтобы сегодня же вас в городе не было, секёте? Наш город не для жидов, вообще не для чёрных. Это русский город!.. — Паренёк явно раскручивал себя, настраивал на решительные действия. Стоявший справа шагнул вперёд, оказавшись рядом с Татьяной. И сказал ей: — Ну, иди, иди сюда. Ты же русская девка, тебе под жидов ложиться западло!

— Значит, так, — сказал Каплин негромко, но как-то очень чётко. — Вы сейчас разом поворачиваетесь и уходите, откуда пришли. Или же...

— Ох ты, — сказал первый глумливо. — Ты гляди: жид хочет напугать русского человека! Ну, сейчас я тебе...

Не договорил. Каплин левой рукой, вытянутой в сторону, как бы оградил Татьяну и оттеснил назад, одновременно выбросив вперёд правую — в ней непонятно откуда появилась чёрная штучка, формой отдалённо напоминавшая мини-пистолет. Тоже сделал шаг назад. Нажал. Струя резанула парня по глазам, облачко окутало лицо. Он согнулся, разинутым ртом судорожно хватая воздух, ладонями прикрыл глаза, из которых непроизвольно хлынули слёзы, не позволяя ничего видеть. Закашлялись и остальные двое, и сам адвокат, и оба его спутника, пятясь, всё дальше отходя от блюстителей расовой чистоты. Каплин продолжал держать тех двоих под прицелом, но они, похоже, теперь только о себе думали, оба склонились над тем, всё ещё не разогнувшимся, не отдышавшимся. Плакали сейчас все, но у парней платков не было, утирали глаза подолами рубашек, но слёзы всё лились и лились.

Наконец, контакт окончательно разорвали, вновь оказавшись на асфальте. Каплин сказал:

— Кайенский перец, рекомендую. Препакостная вещь. Разрешение не требуется. Убить им трудно. Хотя при большом желании — возможно.

— Похоже, тут без пистолета гулять не комфортно, — сказал Котовский.

Адвокат ответил:

— А мы и не гуляем. У меня с собой. Имею разрешение. Но обстановка была не той сложности, чтобы стрелять. Значит, и обнажать незачем. Ну, что дальше? Как решим? Борис Максимович? Эти мальчики — может, случайность. А может, и нет. В любом случае, они на нас обиделись.

— Думаю, — ответил Котовский, — ещё двое суток здесь — чрезмерная роскошь. Наверное, нам всем надо по вашему, Аркадий, рецепту: в аэропорт — и там ловить возможность.

— Наверное, так и надо сделать, — подтвердила Татьяна своё согласие.

— Сделаем вот как, — подытожил адвокат: — попытаемся там организовать чартерную переброску — хотя бы до ближайшего нормального аэропорта. На чём угодно, лишь бы летело.

— А денег хватит? — спросил Котовский.

— Более чем. У меня Раина карточка, она вручила на всякий случай. Её счета не блокированы. Что же — не станем больше терять времени.

4

— Игорь Федотович, расскажите, пожалуйста, о себе, — попросил Тимофей.

— На ваш вопрос отвечаю своими двумя, — ответил спрошенный.

— Очень интересно. Какими же?

— Зачем? И — почём?

Тимофей улыбнулся:

— Сначала посмотрим товар, о цене поговорим после этого.

Собеседник кивнул:

— Разумно. Однако всякий товар приобретается с какой-то целью. Не зная, для чего он предназначен, я не могу сказать — есть ли у меня товар вообще.

— Есть, — заверил Тимофей. — Иначе мы к вам бы и не обращались. Но вы, как я вижу, человек опытный. Поэтому давайте сделаем так: я расскажу вам то, что мне известно о вас, а вам останется только подтверждать, отрицать, вносить поправки.

Ход был разумным: редкий человек откажется выслушать, как выглядит он в глазах совершенно посторонних людей и насколько их видение совпадает или расходится с его самооценкой.

Собеседник немного подумал, прежде чем сказать:

— Что же, станьте зеркалом, и я погляжусь в вас.

«Так. Не лишён честолюбия. Его оценка другими его волнует. Возможно, есть некоторая тревога по поводу каких-то отдельных эпизодов его жизни, хотя в материалах ничего такого не фиксировалось. Это могут быть какие-то очень личные дела, у каждого в совести сидят занозы. Во всяком случае, надо быть осторожным: не обидеть и не напугать. Всё-таки по сумме параметров он — самый подходящий, те двое не идут с ним в сравнение. И постоянно следить за его реакцией, чтобы в случае чего вовремя отвернуть».

— Насколько подробным я могу быть? Каким временем располагаю?

— Я скажу, когда оно закончится. Go on.

— Прекрасно, — согласился Тимофей, хотя на самом деле так не считал.

. . .

Они сидели в дорогом, с громким названием, почти пустом кафе в центре. Такое место встречи назначил собеседник, мысленно уже определённый как человек «Т». Тимофей первоначально предлагал поговорить дома у объекта, но получил категорический отказ. «Мой дом, — сказал Игорь, — моя крепость, и взять её никому не удастся». Жаль. Жильё всегда рассказывает о человеке очень много, не дожидаясь вопросов. Но настаивать было бы ошибкой.

— Итак: москвич. По образованию — учитель, русский язык и литература. Семья, двое детей, дочери, одиннадцать и пятнадцать, брак первый. Беспартийный. Занятия: семейная фирма, малый бизнес, производство и продажа дипломных работ, диссертаций, кандидатских, докторских и всего такого. Под судом и следствием не был. Русский, конечно. По воззрениям — сторонник Великой России, или, как говорится, империалист. Пьёте умеренно, без ущерба для дела. Наркотиками не баловались. Не игрок. Курить бросили полтора года тому назад. Романы на стороне заводите с осторожностью и с большими перерывами. Зарабатываете достаточно, чтобы не бедствовать, но не отказались бы от доходов и посущественнее. Налоги уплачиваете своевременно и в полном объёме. У участкового милиции пользуетесь хорошей репутацией. Более или менее свободно владеете английским и немецким. По-русски говорите легко и правильно, без мычанья, эканья, «вот», «типа» и «как бы». Расходы соответствуют доходам: машина — ВАЗ, дача — в пятидесяти километрах от города, шесть соток, две комнаты с верандой...

Создавая образ, Тимофей глядел на собеседника в упор, стараясь не упустить ни малейшей вазомоторики — движения бровей, глаз, губ, — не терял из вида пальцев рук. Но без заметного результата: лицо оставалось неподвижным, словно маска, намёк на улыбочку, возникший ещё до того, как началось описание, оставался словно приклеенным; пальцы тоже не двигались — руки были крепко сцеплены. Не нервничает, не удивляется. Это скорее хорошо.

— Вот в основном всё. Я что-то упустил?

Человек «Т» медленно разомкнул губы, чуть откинул голову. Сказал:

— Так, мелочи. Происхождение, родители, братья, сёстры, где учатся девочки, квартира, любимые писатели, раз уж я филолог-русист, музыка, как одеваюсь, какие предпочитаю фильмы, как часто в театр хожу, футбол, за какую команду болею, — словом, детали. Как отношусь к инородцам — вот это, пожалуй, черта более существенная. Но в общем ответили, я бы сказал, на четвёрку.

— Да, конечно. Но я на полноту и не претендую. Откровенно говоря, просто не было времени для более развёрнутого поиска инфор-

мации. Но восполнить эти пробелы сможете вы сами — тогда, когда это понадобится.

— Если понадобится, — согласился человек «Т». — К сожалению, не могу отплатить вам той же монетой, то есть дать вам столь же полную характеристику: мне о вас по-прежнему неизвестно ничего — кроме лишь того, что у вас почему-то возник живой интерес к моей заурядной персоне. Давайте раскроем карты — хоть я и не игрок, как вы верно отметили. Итак: чего вы от меня хотите? Кто вы, в конце концов, такой? Кого представляете? Я не киллер по найму, и не отмыватель денег...

Тимофей непроизвольно глотнул: дело дошло до главного.

— Мы хотим подрядить вас для выполнения несложной и совершенно законной работы, которой вам придётся заниматься самое большее месяца три, за что вы сможете получить очень значительное вознаграждение.

— Здесь я хотел бы услышать более точную формулировку. Сумму в рублях, от «уёв» я давно отказался.

— Боюсь, не зная сегодняшнего курса, назову неверную сумму. Так что вы уж простите — в евро это будет пятьсот тысяч.

Лицо собеседника и тут почти не дрогнуло — только кончик языка облизал губы.

— Боюсь, что работа с таким вознаграждением окажется мне не по силам. Однако скажу откровенно: вы меня заинтересовали. Если вы станете ещё мешкать...

— Ни в коем случае. Переходим к делу. Насколько мы можем судить, Ладков Игорь Федотович — это ваши, так сказать, природные фамилия, имя и отчество?

— Совершенно верно. Насколько мне известна наша родословная — ещё прадед был уже Ладковым. Хотя его родитель как будто носил двойную фамилию: Ладков-Ейский. Обстоятельства, при которых...

— С вашего позволения, Игорь Федотович, эти обстоятельства опустим. Известно ли вам что-либо вот о чём: состоите ли вы в каком-то родстве с нашим нынешним президентом? Не может быть, чтобы вы не интересовались этим.

— Да, отдал дань любопытству. Если и был какой-то общий предок, то разве что в дописьменные времена. Но и тогда вряд ли, потому что, как удалось установить, в нашей фамилии первоначально звучало «т», Латковы, а не Ладковы, и озвончение произошло лишь в девятнадцатом веке вследствие ошибки писаря. А у президента звонкость изначальная. Так что — увы. Не могу вас порадовать.

— Напротив, поверьте мне. Итак, чего мы от вас хотим? Всего лишь вашего согласия на выдвижение вашей кандидатуры на пред-

стоящих президентских выборах. И, следовательно, вашего личного участия в избирательной кампании. Вот и всё.

— Бред.

Только одним этим словом Ладков и отреагировал на сделанное предложение.

— Помилуйте, Игорь Федотович! Это не бред. Реальная политика. А политика всегда — смесь бреда с точным расчётом. Мы отвечаем за точность.

— Вы предлагаете мне авантюру. Или афёру. Разве я похож на аферист?

— Ни в коем случае. И в этом — ваше преимущество.

— Люди, с которыми я общаюсь, станут думать, что я...

— Что вы — смелый, решительный, принципиальный человек. Скажите, вы считаете действия нынешнего президента всегда верными, идущими на благо России, её народа? У вас не возникает возражений против его политики?

— Возникают, конечно, как и у всякого мыслящего человека и патриота. Но не одобрять — одно, а выступать против — совершенно иное. Я не воин по натуре. Кстати, я не так уж неграмотен и прекрасно помню, что такие методы — выдвижение «двойников» — уже применялись, и даже не однажды. Ну, и чем это всё кончалось?

— Самым лучшим образом. Для двойников последствия были самыми благоприятными: ни малейших осложнений — зато заметное повышение жизненного уровня. И репутация любого из них изменилась к лучшему. В наше время быть известным очень полезно. Это прекрасная раскрутка — в том числе и для вашей деятельности. Запомните: вы нигде и ни в чём не нарушите ни единого закона.

— Но я, в конце концов, вовсе не желаю быть президентом России! Не дай Бог! Такую участь я могу пожелать разве что своему врагу — если бы у меня были враги.

— О, на этот счёт можете совершенно не беспокоиться: президентом вы ни в коем случае не станете. Даже если вдруг захотите. Вам не придётся даже участвовать в кампании до самого её завершения. Потому что в нужный миг вы снимете вашу кандидатуру и призовёте избирателей, готовых поддержать вас, отдать голоса другому человеку.

— Интересно: кому?

— Это вы узнаете, когда придёт время.

— Не могу согласиться. А вдруг вы предложите мне отказаться в пользу какого-нибудь прохвоста? Моё доброе имя погибнет, и я буду выглядеть, самое малое, дураком, а то и...

— Не волнуйтесь. Вы ведь сможете отказаться, не так ли? Но уверяю вас: вы передадите голоса очень достойному человеку, именно такому, какой сейчас и нужен России.

— Какому-нибудь кандидату в Наполеоны?

— Боже упаси. О военных не может быть и речи.

— Что же мне придётся делать конкретно? Если я соглашусь, разумеется.

— Дел будет много. Придётся поездить по стране. Выступать перед избирателями со своей программой...

— Нет у меня никакой программы!

— Вы её получите, разработанную в деталях. Хотя на самом деле программа есть у вас и сейчас: вы — за великую, сильную, справедливую и счастливую Россию. Не говорите мне, что это не так.

— Ну да, но это ведь — лишь общие слова...

— А людям ничего другого и не нужно. Далеко не все хотят углубляться в детали, как это делаете вы. Потому что у вас — серьёзный, аналитический склад ума. В ином случае мы к вам и не обратились бы.

— Знаете, вы меня буквально ошеломили. Откровенно говоря, я нахожусь сейчас в полной растерянности. Такого поворота событий я никак не ожидал...

— Ничего удивительного. Такой шанс выпадает немногим избранникам — и не более, чем раз в жизни. Но я вижу, что вы уже согласились принять наше предложение. Очень разумно.

— Отнюдь нет. Я не могу... сразу, вот так. И потом, мне просто необходимо посоветоваться с женой. Мы предпринимаем что-либо лишь с обоюдного согласия.

— Не стану вас отговаривать. Но в разговоре с супругой вы, надеюсь, не станете педалировать ваши сомнения, но упомянете и о выигрыше. Разве вам не хочется, допустим, чтобы дочки ваши получили образование хотя бы в Англии, чтобы улучшились ваши жилищные условия, разве не приятнее будет ездить, скажем, на БМВ? А жена ваша совершенно довольна своим гардеробом? Да и вы сами? Словом...

Ладков неожиданно усмехнулся:

— А вам не кажется, что овёс нынче дорог?

— То есть?

— Прибавить надо.

— Гм. Знаете, возможно, что торг уместен. При вашем согласии, конечно. И полной боевой готовности.

— Если достигнем соглашения — какие действия и когда предстоят мне?

— Самое позднее послезавтра, а может быть, даже завтра — выезд в один из регионов — не очень далекий. Выдвигать вас будут там. Возможно, навестим и соседние территории. Но вряд ли это займёт больше недели.

— Все эти поездки потребуют расходов, не так ли?

— Все расходы мы берём на себя, не беспокойтесь. И вы даже получите, так сказать, командировочные. Время стоит денег, верно?

— Совершенно точно.

— Игорь Федотович, а вы не хотите, чтобы я участвовал в вашем семейном совещании?

— Думаете, так будет лучше?

— У супруги наверняка возникнут вопросы, ответить на которые вам будет затруднительно. В то время как я — целиком в теме.

— Знаете, пожалуй, вы правы. И я буду чувствовать себя увереннее.

— Супруга сейчас дома? В таком случае, едем к вам. Машина ждёт.

— Такой сервис?

— Начинайте привыкать, господин претендент. Самое время.

— Начинается всегда приятно.

— Так будет до самого конца. Минутку, я возьму тут торт. Чаем напоите?..

Глава третья

1

Мысль, что надо собраться и сходить — или даже съездить — на поиски новой кружки, всё время зудела, не оставляла в покое. Хотя на самом деле посуды тут хватало, даже когда налетали гости, с газеты есть и из горсти пить никому не приходилось. Отчего же такая спешка?

Ре покосился на отворенную дверь в кабинет. Там в полумраке (гардина с вечера осталась опущенной) угадывался письменный стол, и на нём тускло светилась бумага, белая, не измаранная ещё. «Повесят они меня, за что придётся, — подумал старик спокойно. — И правильно сделают. Но не могу же я сесть и спокойно работать, пока и кружки нет, и вообще на кухне бардак». Он знал, что врёт, что может и сесть, и работать; может, да не хочет, в том-то и всё дело. Не хочет же потому, что для работы необходимо полное душевное равновесие, спокойствие, а его нет — и не из-за кружки даже, а потому, что происходящее вокруг окончательно перестаёт быть понятным, прозрачным. И потому сейчас вместо работы он станет заниматься чем угодно, только не делом. Займётся бытом. Он орудовал веником и совком, превращая занятие это в игру, одушевляя мусор и сражаясь с ним, как с некоей живой силой. Да может быть, и не совсем игрой это было, в глубине души он всегда ощущал природу живой, всю, сама пла-

нета — чудилось порой — не просто комбинацией элементов была, на таком уровне сложности всё не может обстоять так примитивно, как мы привыкли полагать, и если планета, не говоря уже о живой (по нашему же определению) природе, и не мыслит, то уж рефлексы-то у неё наверняка есть, без рефлексов ей просто не обойтись. И когда нам кажется, что какие-то события происходят лишь по нашему, людскому соизволению, то на самом деле происходящее — это всего лишь наша реакция, отклик на то, что происходит со всем нашим миром, и это улавливается подсознательно — а иногда, может быть, и сознательно, — оттого и беспокойство, и стремление заглушить это беспокойство нормальной повседневной суетой... Что же это? Ураган, землетрясение, всемирный потоп, или хотя бы всероссийский, нашествие летающих тарелочек? Или очередная катастрофа с энергоснабжением? Да-да, это, как говорится, горячо...

От стоявшего на плите большого таза уже шёл пар, назревало великое посудомытие, занятие грязное, но тем не менее приятное, потому что оно — из тех работ, чей результат видишь сразу и получаешь удовлетворение: покрытая засохшей коркой чёрт-те чего тарелка вдруг, подчиняясь твоей воле и движениям, начинает светиться, как голубая луна в полнолуние, и всё больше места высвобождается на столе, который затем тоже будет вытерт до блеска, и не стыдно будет не только самому войти в кухню, но и кого угодно туда впустить.

«Слушай, — спросил Ре сам себя, — а чем это ты, собственно, занимаешься? Кончай возиться на кухне, займись делом, кацо, займись делом! Не то и в самом деле кто-нибудь нагрянет, даже и кроме дочери, обязательно кого-нибудь да принесёт на субботу-воскресенье. Надо провести снятие остатков в холодильнике и, если понадобится, всё-таки совершить набег на магазины — хотя бы на тот, что в километре. Гости, чаще всего, что-то с собой привозят, но основное дома быть должно, чтобы покормить хотя бы первого приехавшего — а уж другие, если возникнут, сами пробегутся до магазинов, чтобы внести свою лепту...»

Сами, сами, конечно. Потому хотя бы, что собственные возможности его сейчас пришли к концу — в сейфе, как он усмешливо называл один из ящичков стола, оставалось уже всего ничего. Бедой это не грозило — в издательстве (ему позвонили вчера) был уже готов договор, а значит — и денежки, проклятая материя. Вот сейчас вместо посуды надо, наверное, собраться с духом, сесть в электричку, доехать до Москвы, до издательства. Можно успеть ещё в рабочее время. Вот прямо сейчас: раз, два — бросить всё, и вперёд! Что ж ты медлишь, дурак старый?

Медлил он потому, что предчувствие говорило: сиди тихо, не рыпайся, тебе здесь надо быть и сегодня, и завтра, ты тут понадобишься,

обязательно понадобишься. Интуиция подводит редко. Но на чём-то она, собственно, основывается? Пока всё вокруг вроде бы выглядит нормально. Что гражданский патруль проходит теперь чаще обычного — ну, народ волнуется, ничего удивительного, но пугает его, скорее всего, его собственное волнение, противоречивость ощущений: с одной стороны, привычным было — любить государя, ему верить, в ущерб всем прочим. С другой же — всякая смена государя могла обернуться катастрофой, потому что на какое-то время становилось неясным, кому верить теперь, если один уже ушёл, а на другого надо ещё поглядеть, чтобы решить: а настоящий ли он, тот, которому верить и которого обожать положено? Каждая такая смена — смутное время в миниатюре. А смутное время — это туман, в котором можешь неожиданно врезаться во что-то неизвестное и непонятное, а ещё вероятнее — оно в тебя врежется. А хуже нет, чем когда выходишь из дома в одной стране, а возвращаешься уже совсем в другой: поменяли страну, а тебя даже и не спросили.

Ладно, хрен с ней, посудой — ещё потерпит. Надо всё-таки разобраться с мыслями. И в первую очередь — не о стране (о ней и без тебя есть кому подумать), но о дочери, о единственном родном человеке. Что-то у неё не так. Раньше было ясно: существовал этот, как его... Тимофей, не то чтобы такое уж золото, но мужик вроде бы определённый, деловой. Но что-то там сломалось, возник кто-то другой, подробности неизвестны, кроме того, что — постарше, военный, полковник, не московский к тому же. Дочь, кажется, им серьёзно заболела, но он как-то быстро исчез. А у неё не спросишь: сразу даёт понять, что это — закрытая тема. Ладно, уж она-то не сегодня-завтра приедет, попробуем деликатно спросить... То ли из-за кружки, то ли ещё из-за чего-то.

Сходить в магазин всё же? Чего-нибудь вкусненького для неё? А в движении, глядишь, и придёт что-нибудь в голову, будущее (как бывает порой) приоткроет глазок, подмигнёт... Да.

2

Лаптев Семён Никитич, мэр города Москвы, в это же время занимался делом, совершенно предсказуемым. А именно: отменив ранее назначенную встречу с коллегой из города Будапешта, высвободившийся час использовал для серьёзного разговора с политтехнологом Полканом, давним знакомым, с которым до сих пор деловых отношений не возникало — и вдруг он предложил свои услуги на вполне разумных условиях. Разговор оказался неожиданно полезным: Полкан предложил сыграть против Ладкова, сделать подставу. А кроме того,

что было, пожалуй, ещё важнее, — предупредил, что Третий собирается провести в Москве демонстрацию (оставаясь, конечно, за ширмой) в пользу своего кандидата. Теперь надо было спокойно взвесить сложившуюся обстановку, продумать и то, что уже было сделано, и другое, что ещё только предстояло осуществить — или, наоборот, ни в коем случае предпринимать не следовало.

Собственно, главный шаг был им уже сделан: заявлено о выдвижении своей кандидатуры на президентские выборы и начат — демонстративно — сбор подписей в его поддержку. Однако шаг этот хотя и был принципиально самым значительным, но практически наиболее лёгким. Теперь следовало пройти по цепочке дилемм, и в каждой из них найти верный ответ. Выстроить последовательность необходимых решений. А для этого — объективно оценить ситуацию.

А она такова: за Третьим сейчас нет никаких серьёзных сил, чья поддержка могла бы обеспечить выигрыш ему — то есть, Ладкову.

Интересно: на что он может рассчитывать? Таких сил не так уж много. Внутренние? Круг. Внутренний бизнес. Армия? Призрак армии, скажем так. Пожалуй, и всё. Внешние? Зарубежный бизнес, то есть те магнаты — и чужие, и бывшие свои, чей бизнес всё ещё связан с Россией. Политики Запада, две группы: европейские и заокеанские. И политики Востока. Не менее трёх групп. Кто из них сделает ставку на Ладкова?

Если разобраться — никто. Почему? По старой хохме: можно поставить не на ту лошадь, но только идиоты ставят на осла. Ладков на нынешней, промежуточной должности успел показать свою слабость. И для серьёзных политических сил его просто не существует.

Тогда что же?

Можно опираться на большие деньги. У Третьего их сейчас, конечно, немало. Для жизни. Но не для большой политики. Тут можно рассчитывать только на людей большого бизнеса. На тех, которые его, Третьего, так любят, уж так любят — что не дождутся, когда он наконец свалится. Потому что, приводя их к покорности, он перегнул палку. Отказало чувство меры. Показал себя сатрапчиком. Таких очень любят — только задним числом, Поэтому, кстати, сейчас все они за пределами страны — всё в рамках приличий: пора отпусков. А это значит, что они ждут событий именно сейчас, а не в неопределённом будущем.

Третьему остаётся ставить лишь на одно. На то, что кажется ему силой: на народ. Тот самый, которого на деле и нет.

Что такое сегодня народ? — продолжал раздумывать Лаптев, машинально потирая ладонью уже уставший лоб. — Сто тридцать миллионов человек, официально составляющих сегодня население страны? Разбитых на большие и малые кланы по национальному при-

знаку, на богатых и сверхбогатых — и бедных и просто нищих. Ворующих и за это наказуемых — и грабящих и за это превозносимых. Убиваемых пойлом и дурью. Сверху донизу снедаемых завистью и коррозией коррупции. Не верящих более ни власти, ни вообще политикам, ни газетам, радио и телевидению, ни выборам, ни суду и силам порядка, ни даже церкви. Всё глубже усваивающих старый принцип зоны: умри ты сегодня, а я завтра. И медленно, но верно продолжающим вымирать по совокупности причин. А поэтому столь же неуклонно вытесняемых притоком из-за границ — и потому ещё более озлобленным на всё и вся. Может ли кто угодно рассчитывать на них, как на силу?

«Может», — решил Лаптев. Если человек путает виртуальное с реальным. Может.

Вероятно, именно так дело и обстоит. Виртуальную силу, абстрактную цифру, сто тридцать миллионов Третий принял за реальность, на которую может опереться.

Это глупость. Но — опасная. Очень. Для всех.

Поэтому сейчас надо сделать вот что: разубедить его в этой мысли. Доказать, что это — не более чем иллюзия.

Но если он действительно в это верит, то словами его не вразумить. Это могут сделать только факты. Такие, перед которыми его следует поставить.

Значит, вот в чём смысл предстоящей борьбы с ним: показать факты, которые он не сможет опровергнуть.

«При условии, конечно, — тут же дополнил Лаптев сам себя, — что за тобой, в отличие от Третьего, будут стоять реальные силы».

Одна из них, во всяком случае, уже обозначена сейчас: это Москва.

Численно — это всего лишь десятая часть населения страны. Но контролирующая не менее восьмидесяти процентов экономической и девяносто девять — политической жизни страны.

Страна сейчас на краю обрыва. Углеводороды скользят вниз, и, чего доброго, нефть снова остановится где-то на десяти-двенадцати баксах за баррель. И менее, чем сотню, будет стоить тысяча кубометров газа. А ничего серьёзного, реальной альтернативы этим доходам в государстве так и не создано. Отдельные очажки есть, но на них можно будет опереться лишь через годы. И то без гарантии. Потому что эти годы и для ведущих экономик не пройдут зря, они уйдут в отрыв ещё дальше.

Достигать важнейших целей путём сверхконцентрации усилий, как в своё время было с атомной и ядерной техникой, с выходом в космос, страна разучилась, да и правовой основы для этого более не существует.

А получать такой же результат другими способами — не научилась. Потому что все другие способы основаны на умении работать с людьми, теми, кто обладает возможностями поставить нужное дело на ноги — и вперёд, вперёд. Мы, власть, всё ещё умеем работать с людьми только путём угроз и репрессий. Но если раньше в пресловутых «шарашках» посаженные в тюрьму люди занимались именно нужным делом, то у нас они в зонах шьют рукавицы, или в этом роде. Иных путей мы до сих пор не видим. И у нас может родиться десяток Биллов Гейтсов — но они смогут реализоваться, только слиняв за кордон.

Почему так? Потому, наверное, что качать из земли нефть или газ — дело в принципе простое и долго было сверхдоходным. Тут разобраться в основах можно и без нужного образования и опыта — на то есть специалисты, всё давно придумано и реализовано. А чтобы разобраться в технологиях и идеях, только ещё предлагаемых, нужно иметь в голове ещё что-то, кроме жадности, злопамятности и способности к интригам. Вот почему все, тяготеющие к нему, ничего подобного в стране не сделают.

Третий отлично знает, что открывать Америки в промышленности и экономике — отнюдь не его талант. По природе он — купец. Пока мир платил за энергию, можно было обходиться и без таких способностей. А нынче уже нельзя — если действительно хочешь поднять страну. Но оставить пост человеку, который на такие дела способен, — оно ему нужно?

Третьему сейчас нравится тот положительный образ, который лейб-историографы успели уже создать для будущего. Но если настоящие успехи начнутся при возможном Четвертом — имя Третьего станет связываться главным образом с трудностями и провалами. С порой откатов во внешней политике государства. То есть сделанные раньше глупости сейчас со всех сторон возвратятся — и нанесут удар за ударом. Поскольку в международные шахматы доверено было играть людям, неспособным увидеть на доске даже двухходовую комбинацию. С ним самим во главе.

Нет, он не будет драться до конца: настолько у него хватит даже не ума, но инстинкта самосохранения.

«Господи, — подумал Лаптев. — Какая куча дел впереди! Но сейчас не время для отдыха. Терпи! Главное — не теряй уверенности: любой ценой ты придёшь в Кремль хозяином, ты станешь делать всё для того, чтобы работать с людьми так, как нужно для поднятия страны. У тебя это получится. Обязательно!»

3

Закат задыхался, задушенный облаками — тяжкими, как перегруженные корабли, медленно тонущими, безнадёжными. Словно тяжёлая, мокрая тряпка, они стёрли свет с небосвода, и теперь лишь хилые струйки его ещё пробивались на горизонте.

Но их слишком мало оставалось, чтобы сделать ясно различимым и обширное кочковатое пространство впереди, покрытое жёсткой, как проволока, стернёй, и — восточнее — посёлок вдалеке, где в окошках приземистых домиков уже затеплились огоньки. А прямо впереди — круглые баки бензохранилищ, светло отблескивавшие и казавшиеся привнесенными сюда, в угрюмую природу, из другой цивилизации. Из мира других понятий и ценностей.

Темнота быстро съедала всё сущее. Однако прибор ночного видения позволил полковнику Курилову убедиться в том, что первый батальон тридцать четвёртого, которому добираться было дольше всех прочих, уже вышел на исходный рубеж.

Ракеты! — проговорил он негромко, даже не обернувшись: знал, что команда будет услышана и немедля выполнена.

Ракеты взвились. Войска пошли. Полковник представил себе, как хрустит сейчас стерня под тяжёлыми бутсами солдат, как вполголоса командуют офицеры, и сержанты дублируют услышанное: каждое подразделение должно получать команду от своего командира, а не через голову. Других звуков и не должно было быть.

Очень не хотелось довести дело до стрельбы, но предварительные переговоры ни к чему не привели: дивизии были нужны, необходимы бензин и солярка, без которых дивизия застряла бы здесь, на полпути к железной дороге, а значит — вовремя не погрузилась бы в вагоны, безнадёжно срывая все расчёты, весь план операции; если бы база согласилась поделиться запасом (для неё это была, в общем-то, мелочь), то дивизия задержалась бы ровно на столько времени, сколько его потребовалось бы для двух заправок — одна в баки, вторая, резервная, — в цистерны заправщиков.

Переговоры с базой произошли накануне вечером и были предельно короткими: полный отлуп. Видимо, гнев хозяев, нефтяных супербогачей, казался здешнему управляющему страшнее армейского воинства. Продать — да, на это он соглашался, пусть и со скрипом. Но такими средствами Курилов не располагал, и известный конфликт возник: золота и булата.

Полковник, кстати, понимал управляющего, зная, что будь сейчас управляющим он сам, а нынешний — командуй дивизией, оба они поступали бы сейчас точно так же. Жизнь не оставляла других выходов. А хорошо это было или плохо — будущее рассудит, если

когда-нибудь кто-нибудь вспомнит об этом, мелком, в общем-то, эпизоде.

Однако дальше размышлять на эту тему Курилов себе не позволял: приказ был до него доведен должным порядком, и следовало его выполнять, никоим образом не обсуждая и не сомневаясь.

Сейчас важнейшим звеном было — заправить дивизию и взять запас. И двигаться дальше. Всё остальное было лишним.

Издалека долетел протяжный крик — расстояние делало его едва ли не музыкальным, хотя на самом деле то было всего лишь обычное «Ура!». Это потому, что противником были свои же люди; иначе подошли бы бесшумно и стали бы просто резать кинжалами. Не врага всё же атакуют, не родину защищают... А что же? А чёрт его знает, что. Сложный вопрос.

Дали бы сразу топливо — всё обошлось бы.

Он прислушался. И нахмурился: стреляли. Одиночный огонь, не автоматический. Да и звук не тот. Значит, база всерьёз решила отстоять свои ёмкости? Только бы не зажгли — сдуру или нечаянно. Тогда и вовсе всё окажется зряшным. Придётся бросать технику. А она ещё понадобится — на это Лосев перед убытием сделал особый упор. Но там, у бензохранилищ, сейчас должен находиться разведбат — ему было приказано обеспечить сохранность горючего, захватить баки, как только начнётся атака.

Курилов повернулся к радисту:

— Симакова мне.

И через секунды:

— Симаков? Не слышу доклада.

— Только закончили, товарищ командующий. Всё в порядке. Можно заправляться. Приём.

— Понял. Потери?

— На уровне синяков, товарищ командующий. Похоже, им надо было только обозначить сопротивление, для отчётности.

— Ну, вы там с ними аккуратно. Но чтобы не сбежали: заправлять-то им придётся, не охране, конечно, а персоналу.

— Так точно; да не сбегут они — свои ведь мужики.

— Ладно. Оставайся там. Скоро машины пойдут. У меня всё.

Курилов прислушался. Всё стало тихо. Завершилась героическая операция. Сейчас командир тридцать четвёртого доложит, что объектом овладели. Одержали героическую победу, — он бессознательно искривил губы в ухмылке. «Это я им запомню, — тяжело подумал он. — Этого — не забуду. Накликают, сами накликают на свою голову. А уж тогда»...

Кто — они? Да... Они — значит, они. Наверное, те, кто...

— Товарищ командующий, третий на связи.

— Третий? Слушаю тебя.

— Товарищ первый, докладывает третий. Приказ выполнен, объект занят. Сопротивление подавлено.

— А было сопротивление?

— Так... чтобы пар стравить. Они все тут злые. Но не на нас, у них свои какие-то разборки.

— Потери?

— Без потерь, товарищ первый.

— Кто вёл огонь?

— Они. Но в воздух.

— Понятно. Переночевать-то пустят?

— Да конечно. Не чужие ведь.

— Отбой операции. Давай, гони транспорт на заправку — толкай, чтобы быстрее, проследи, чтобы никаких перекуров в зоне — там наверняка всё обозначено, значит, соблюдать железно. Корми ужином. И чтобы насчёт женщин — никакой самодеятельности.

— Их тут и нет, товарищ первый, — тут вахтовики, как и на промыслах.

— Всё равно — будь настороже. Женщина, знаешь, как автомобиль: только что дорога пустая, никого нет, отвёл взгляд на секунду — и вот она, неизвестно откуда вдруг вывёртывается, подрезает тебе нос...

Командир полка позволил себе вежливо, на три такта, посмеяться. Когда начальство шутит, смеяться обязательно. Это не шутки, это служба.

«Женщины, — подумал Курилов, чувствуя, как разгоняется в жилах кровь и невольно учащается дыхание. — Настя ты, Настасья. Анестезия... Сколько уже тебя не видел? Ох, чувствую — грешишь ты там, да...» — и тут же грубо оборвал эту нить мыслей: ну, нашёл время и место, кобель...

— Надобин, еду к тебе. Занимайся, как положено. У меня всё.

— Виноват, Артём Петрович. Тут как раз парламентёр от здешнего управляющего. Приглашает поужинать вас, командиров полков — в общем, начальство.

— Вот как. По праву победителей, а?

Курилов постоял ещё немного, как бы прислушиваясь к безмолвию. Спустился с пригорка, осторожно нащупывая ногами путь. Уже совсем стемнело, задул холодный, неприятный ветер. Подъехал подполковник Свиридов, начальник ГСМ.

— Разрешите отправлять технику на заправку?

— Тридцать четвёртый — первым, их заслуга. О танках только не забудьте: хотя они и на трейлерах, но чтобы все баки — полные.

— Само собой, Артём Петрович. Здесь ночуем?

— На это не рассчитывайте. Отсыпаться будем в эшелонах. Покормим людей, и сразу же — только вперёд. На час двадцать минут уже отстаём от графика движения.

— Понял. Разрешите убыть к заправщикам?

— Распорядитесь — и тоже подъезжайте в дирекцию, на ужин. И чтобы в темпе, в темпе!..

4

Наверное, не помогай им уже обвыкшийся в этих местах журналист, у них ничего бы и не получилось. А с ним — удалось нанять маленький Як и сторговаться с пилотом — он же владелец — о доставке троих в соседнюю область, чтобы оттуда уже лететь нормально. Предлагали и журналисту присоединиться — тот, поколебавшись, всё таки отказался, пообещал потом, в Москве уже, увидеться. Объяснил, что сюда командирован для освещения предвыборной кампании. Чьей? Да Ладкова, чьей же ещё. Произнося эту фамилию, журналюга как-то странно усмехнулся, но углубляться в эти материи улетавшие не стали.

Пока всё это делалось, наступил вечер. Пассажиры засомневались было: не лучше ли обождать с вылетом до светлого времени. Лётчик, однако, возразил:

— Тогда ищите другого: у меня на утро заказ уже есть, хороший.

— В какую цену? — поинтересовался адвокат Каплин. Пилот усмехнулся:

— Тут деньги не суть. Так что летим сейчас — или я снимаю заявку.

Смирились. Полетели догонять солнце. Хотя ясно было: на такой стрекозе его не настигнешь. Было облачно, так что наверху светлее если и сделалось, то очень ненадолго. Внизу ни черта не было видно — только какие-то огоньки изредка. Лётчика темнота, похоже, не смущала: когда вошли в свой эшелон, включил автопилот и вроде бы расслабился, только глаза оставались внимательными, раз за разом обегая иконостас приборов. Так прошло около часа, неизбежное при полёте волнение улеглось, адвокат задремал, Татьяна тоже уснула, Котовский всё не мог до конца расслабиться — мысли о ближайшем будущем не оставляли в покое. Раньше казалось, что главное — выйти из зоны, а дальше всё будет складываться как-то само собой. Теперь же выяснилось, что чёткого, логичного плана действий у него нет, есть лишь какие-то возможные направления, но какое предпочесть и как по нему двигаться, оставалось неопределённым. Сейчас бы и задуматься всерьёз об этом — но не получалось, всё сильнее станови-

лись мысли о семье, до встречи с которой оставалось всё меньше времени, и предчувствие её оказывалось сильнее всего прочего, заставляло сердце биться учащённо, губы — бессознательно улыбаться, какой уж тут сон... Полёт проходил гладко, почти не попадалось воздушных ям. Потом далеко впереди внизу почудились огни, не один-два, а целая россыпь — но тут же лётчик взял управление на себя, и огни стремительно ухнули вниз и вправо: самолёт вошёл в крутой вираж. Котовский перегнулся вперёд, спросил:

— Что там было такое — промысел? Или просто меняем курс?

Пилот ответил не сразу:

— Не промысел, нет. Просто посёлок. Можно даже сказать — городок.

— Если не промысел — чем же они там живут? А название у него есть?

— Новый Ямыньин. Чем живут? Лесом. Ну, и сеют-пашут, конечно, — для прокорма. Китайский городок.

— Никогда не слышал. Недавний, что ли?

— Ну. Хотя — года три уже будет. Их в наших краях уже полдюжины. Всё законно, власти в курсе, только звонить об этом не любят.

— Жаль, что пришлось свернуть: интересно было бы сверху посмотреть.

— Может, и так. Но есть указание: над ними не пролетать. Вроде бы такое соглашение с ними. Вот и приходится зря топливо жечь.

— До места-то хватит? — на всякий случай спросил Котовский.

Пилот покачал головой:

— Нет. Я с вами полетел на остатках, предполагал заправиться рано утром, а тут вы подвернулись. Это не беда, скоро присядем тут в одном местечке, там зальём по самое никуда. Вам же всё равно среди ночи в области делать нечего. Так что не дёргайтесь. Всё будет о'кей.

Котовский лишь пожал плечами: его мнение тут не решало. Ощущение непредвиденной затяжки было неприятным, однако лётчик справедливо рассудил: в области сейчас всё равно пришлось бы ждать. Пожалуй, даже лучше, что так: тут хоть никаких сюрпризов не будет, ни хулиганов, ни китайцев. А ждать — что же, ждать он привык за годы, проведенные в зоне. Полезная привычка, что ни говори.

Ждать пришлось ещё часа полтора. Потом лётчик заговорил с кем-то — просил разрешения на посадку. Получил. И «Як» заскользил, снижаясь, разворачиваясь. Дремавшие проснулись, тёрли глаза, глядели в окошки. Котовскому вдруг почудилось, что места внизу знакомы: полоса, мачта, домик в стороне, а ещё дальше — большие ёмкости, производственный корпус. Только неожиданно много народу и техники, померещилось даже, что были среди неё и танки, и прочие

военные машины. Нет, в месте, какое ему показалось было, ничего такого быть не должно.

Приземлились без происшествий, подрулили к вокзалу — так именовался павильончик с башенкой. Лётчик сказал:

— Все выходят. Сейчас заправщик подъедет. Вы туда идите, под крышу.

Пошли. Заходить не стали, остановились у крыльца. Заправщик всё не ехал. Местный мужик подошёл, сказал — не извиняясь, просто ставя в известность:

— Придётся обождать — сейчас все работают на армию. Вы, надо полагать, сверху видели. А чтобы не огорчались — директор всех вас приглашает поужинать, там и согреетесь, и всё такое.

Трое переглянулись, Каплин сказал:

— Из двух зол выбирают то, что повкуснее. Ладно, надеюсь, самолёт без нас не улетит.

— Без меня уж точно, — согласился пилот.

5

Серый дым стоял под низким потолком, не убывая, хотя уже и форточки все пооткрывали. Курили все без передышки, уже поев сытно, да и выпито было, хотя и в допустимых пределах, но не так уж и мало — а разговор как-то не завязывался.

Потому, скорее всего, что положение было по меньшей мере глупым. Всё происшедшее вроде бы нельзя, да и не хотелось, ни той ни другой стороне принимать всерьёз, но всё же было ощущение, что — всерьёз это было, никуда не денешься. И если бы база попыталась действительно оказать сопротивление — кровь пролилась бы. Чувство это заставляло командиров держаться строго и чинно, чтобы лишний раз подчеркнуть, что не разбойники они с большой дороги, а регулярное воинское соединение. Сейчас всякая попытка чрезмерного дружелюбия привела бы к обратному результату: здешний народ всё же чувствовал себя обиженным — судя по тому, что и на их стороне стола улыбок не замечалось.

Наверное, не случайно и расселись так за сдвинутыми в здешней столовой столами: фронт против фронта, по одну сторону — военные, по другую — местные с управляющим во главе, мужиком уже сильно немолодым, но крепким. И явно — очень неглупым. Он тоже положение чувствовал, похоже, правильно и почему-то не хотел, чтобы и разошлись они так же, как встретились — во взаимных обидах.

Военные — на то, что их заставили брать базу с оружием в руках, вместо того чтобы сразу же, тихо-мирно, отдать бензин (судя по

количеству и размеру хранилищ, две дивизионные заправки не нанесли бы здешним существенного ущерба), а для оправдания непредвиденного расхода Курилов сразу предлагал выдать им соответствующий документ.

Здешние же тоже испытывали обиду — и сам управляющий прежде всех других — потому, что армия не пошла на его предложение: обождать, пока он не свяжется с самим владельцем, чтобы получить его разрешение. Не было сомнения в том, что разрешение хозяин дал бы хоть потому, что кому нужно — иметь лишнего врага в лице хотя бы армии?

Тогда на переговорах Курилов соглашался ждать не более получаса, Сайдхужин же, управляющий, заявлял, что ему нужно не менее трёх часов — поскольку владелец находился, конечно, не тут, да и сейчас вообще не в России, и даже не в своём жилье где-то на тёплых морях, а куда-то отъехал, и пока его разыщут, и пока — через спутник, понятно, — удастся с ним снестись, пройдёт никак не меньше времени.

Курилов чувствовал, что график к чертям ломается, и это было плохо, поскольку он знал: вагоны на станции, к которой дивизия направлялась, долго стоять не могут, рассчитано было так, что полк размещается в двух составах — и эшелоны уходят, освобождая место для посадки и погрузки следующего полка, тридцать шестого. Случись тут задержка — и на путях возникла бы пробка, не такая, какая бывает от автомобилей на городских улицах, а серьёзная, фундаментальная, с раскатами по всей трассе, если не по всей стране. Командовало дивизией сейчас время, и это должен был понимать всякий, даже гражданский человек.

У Сайдхужина были другие соображения. И вот сейчас, видя, что ни рюмка, ни закуска, хотя и были уже тосты и за общее здоровье, и за дружбу, и за армию, напряжения не сняли, и офицеры ничего не делали для того, чтобы разрядить обстановку, понимая, что это выглядело бы попыткой извинения, они же считали себя правыми, зная, наверное, что-то, чего гражданским случайным знакомцам знать никак не полагалось, — видя и понимая всё это, снова налил себе и даже встал, чтобы проговорить:

— Товарищ командир, все товарищи офицеры, вот послушайте, что я вам скажу. Был я молодым, жил в посёлке, а напротив жила другая семья, муж был уже в годах, а жену себе недавно привёз из деревни — совсем молодую, красивую. И вот она мне понравилась, так понравилась, и я ей, похоже, тоже пришёлся по вкусу. Муж её так работал: три дня был в степи, потом три дня дома. И вот стал я к ней заходить, ухаживать, слово сказать — склонял ко греху. А она — ни в какую. А я вижу, что ей и самой хочется. Но не соглашается. И вот

под конец я совсем обиделся и говорю ей: «Уйду совсем и больше не приду, раз ты такая упрямая». А она мне тихо так говорит: «Да порви ты очкур, совсем глупый, до сих пор не понял!» И тут только я сообразил — и правда тупой был тогда, очень тупой, — она греха боится, и сама по доброй воле никогда со мной не ляжет. А если я очкур — шнурок на её шароварах, кто не знает, — порву, то это будет считаться, что её силой заставили, а в этом её греха никакого не будет, все грехи на мне. Так у нас, мусульман, заведено. Я шнурок разорвал — и всё сделалось. Так вот, я сегодня был, как та женщина: мне надо было, чтобы на мне греха не осталось, да?

Он видел, как стали возникать улыбки, хотя и сдержанные. Но главного он ещё не сказал.

Помешали. Снаружи вошёл человек (надо думать, кто-то из дежуривших по базе), торопливо подошёл, заговорил — негромко, не для общего сведения. Сайдхужин слушал, чуть приподняв брови, потом сказал, не секретно, нормально:

— Ну что же, раз такое дело. Приведи сюда — пусть погреются, наверное, и от ужина не откажутся. Пилот тоже пусть приходит — после заправки. Давай, давай.

И снова обратился ко всем — продолжил:

— Да, чтобы без греха, значит. Но я всё-таки не совсем, как та женщина. Потому что она своему мужу никогда ничего не сказала. А я всё-таки с хозяином связался и доложил. Потому что грех перед хозяином — он ближе, чем прегрешение перед Аллахом. И вот что он мне велел: заправить вас без разговоров, сколько потребуется. Это раз. И два: поднять нашу автоколонну — большая у нас тут автоколонна, — проводить до места, чтобы там ещё раз дозаправить, чтобы вы погрузились, имея полные баки.

Докладывавший человек снова появился — но уже не один. Вслед за ним вошло ещё трое: двое мужчин средних лет и женщина помоложе. Остановились, как бы даже несколько растерявшись от такого многолюдного застолья. Сайдхужин что-то сказал — их подвели к столу, потеснились, усадили, вдоль стола передали чистые тарелки, вилки, налили.

— А что касается расчётов, — добрался наконец Сайдхужин до конца своей здравицы, — то хозяин сказал так: он знает, где вы будете, и, может быть, с вами встретится уже там. Он умный человек, да? Вот давайте выпьем за умных людей и за то, чтобы они между собой не ссорились. А больше не будем, потому что вам и правда надо двигаться. Но поедете по нашей дороге, она короче и лучше. Так что не опоздаете.

Все охотно подняли стакашки. Вновь пришедшие — один поднял, и женщина тоже, а другой спросил, как бы для ясности:

— Это ведь Роснефти предприятие? Бубукина?

Сайдхужин глянул на него с укоризной. Раскрыл рот — хотел, наверное, попенять гостю: тосты в уточнениях не нуждаются, в них что сказано, то и сказано. Но не сказал. И рта не закрыл. Не сразу, с заиканием пробормотал:

— Айаталлах!..[1]

Что-то тут оставалось для Курилова неясным. Но стакашек разгонный он поднял с лёгким сердцем. И малая эта доза как-то вдруг всё прояснила. Поставила на места. Вспомнилось всё: и фамилия этого человека, и судьба, и то, что Настя была как-то связана с его делами и о нём немало рассказывала...

Он поднялся. Подошёл к прилетевшим. Обратился к Котовскому:

— Полковник Курилов. Если не ошибаюсь, вы направляетесь в Москву?

— Да, — прозвучал после краткой паузы ответ.

— Видимо, у вас сложности. Между тем, нам по дороге. Присоединяйтесь. Во всяком случае, безопасность могу гарантировать.

Наверное, прилетевшие успели уже разобраться в обстановке. Так или иначе, Котовский ответил, более не раздумывая:

— Мы с радостью воспользуемся вашим приглашением.

6

Отношение Москвы к предстоящим главным выборам было ещё более подчёркнутым, чем во время думской избирательной кампании. Оно проявлялось уже в том, что средства наглядной агитации в пользу Ладкова существовали на улицах считанные минуты, а затем бесследно исчезали — даже растяжки на высоте третьих-четвёртых этажей, даже громадные рекламные щиты. А также и в том, что телевизионные передачи в пользу первого претендента, занимавшие всё больше эфирного времени, стремительно теряли рейтинг прежде всего именно в Москве.

В то же время московские ТВ-каналы не жалели времени для Лаптева, у которого одним из главных пунктов программы было изменение налоговой политики в пользу регионов, расширение их участия в разведении денежных потоков.

Для того, чтобы исправить положение, о том же стал говорить и Ладков. Особенно выступая в регионах. И там усилились новые призывы: голосовать за Ладкова, и тоже Игоря — но только Федотовича. С заглавным «Т» в середине отчества.

---

[1] Чудо Аллаха (*араб.*).

В Москве давно уже не происходило многолюдных демонстраций, за исключением разве что таких, когда людей выводили на улицы, чтобы показать свою преданность правительству и вообще верховной власти (потому что только такие выступления и разрешались).

Зато теперь необычайно умножились относительно малочисленные и скоротечные уличные собрания, на которых Дума призывалась к пересмотру многих, принятых за последние несколько лет законов, а правительство страны и администрация критиковались неожиданно резко, то есть теперь москвичи делали это повседневно, хотя и частным порядком, а не организованным.

Теперь Кремлю стало совершенно ясно, что городская верхушка после осенних выборов прошлого года — тех, что по новым законам считались состоявшимися, хотя голосовать пришло менее десяти процентов, — почувствовала, что Кремль перестал быть абсолютной силой.

Фактически федеральная власть могла оказаться как бы в окружении. Ей грозило стать кем-то вроде заложников столицы.

В Москве и прилегающей округе у Кремля было, казалось бы, достаточно сил, чтобы не только пригрозить горожанам, но и принять меры. Была милиция, был ОМОН, были молодёжные организации, неофициально давно уже получившие название «штурмовых отрядов».

Только на этот раз рассчитывать на них Федерации было трудно, потому что это была московская милиция и московский ОМОН, а «штурмовики» сами по себе годились для тусовок под охраной — но никак не против неё. Прибегнуть к помощи армии даже не пытались: армия и сама была недовольна давно и основательно. Потому и пришлось отсылать дивизии на манёвры и искать выход в другом месте.

И он был, как мы уже видели, вовремя подсказан Полканом. Привести город в сознание должна была Россия, возглавляемая действующим президентом под лозунгом «Покончить с московским паразитизмом, уравнять город с остальной Россией». Всё то же древнее: отнять и разделить.

Все предыдущие дни и Кремлёвская власть, и московская наперебой стремились показать своё спокойствие и уверенность в том, что всё идёт именно так, как и следует. Поэтому в июне самой обсуждаемой — могло показаться, самой важной вообще — темой стали приближающиеся Олимпийские игры в Лондоне, шансы российских спортсменов на золото, серебро и бронзу. Затевались дискуссии по поводу «обгоним мы, наконец, Америку по медалям или нет», и далее в этом духе. Кроме того, время от времени затевались громкие, хотя и

совершенно несерьезные свары с кем-нибудь из соседей — чтобы электорат не очень углублялся в анализ реальной ситуации (приём не новый, но продуктивный).

А сейчас доверенные люди стали разъезжаться по регионам, чтобы проверить и доложить о готовности страны выступить в поход. Это предполагалось сделать как раз в дни Игр — потому, что весь мир в те дни будет настолько занят событиями в Лондоне, что московские дела не привлекут ничьего внимания. А когда мир спохватится, здесь уже восстановится полный порядок.

Для демонстрации в защиту президента в Москве сил хватало. Правильная молодёжь заблаговременно была объединена в организации вроде «Юной Гвардии», «Своих» и других. И были приняты срочные меры для того, чтобы их собрать, поставить задачу и пустить по улице. На сей раз молодые (и не очень) люди примелькавшегося уже облика шли не с привычными плакатами и знамёнами, призывавшими очистить столицу от мусора, иммигрантов, всех вообще людей кавказской, а заодно и тюркской, иранской и прочих национальностей, включая китайскую, вьетнамскую, индийскую, а заодно и все европейские, о жидах и жидовствующих уже и не говоря, — а совсем с другими: «Россия — за президента», «Вылечим Москву — больное сердце страны», и подобными.

Демонстрация была мероприятием совершенно законным, поскольку разрешение городского правительства, мэрии, было вовремя получено. Вышли на Тверскую, по которой и двинулись по направлению к центру. Маршировало, как говорят, не менее двадцати тысяч человек, но никак не более сорока. Хотя аналитики могли и ошибаться.

Но Москва не дремала. И в противоположном направлении, вверх по Тверской, от Охотного ряда двинулась другая колонна — столичная. Она шла под лозунгами типа «Москва — лицо России», «Москва — сердце России», «Москва — это лучшие люди страны» и, наконец, главный: «От президента Москвы — к президенту России!».

Предполагалось, что когда обе массы сойдутся лицом к лицу, то без потасовки никак не удастся обойтись, это будет, так сказать, свободным волеизъявлением граждан. Команда на выступление последовала с таким расчётом, чтобы встретить вторую колонну на Тверской примерно в районе улицы Медведева, когда Триумфальная будет уже пройдена, — чтобы не перекрывать движения по кольцу. Там и случится беспорядок. Замысел в самом деле выглядел весьма привлекательно.

Естественно, что такой поворот событий заставил аккредитованный в Москве журналистский корпус — и отечественный, и тем более иностранный, со всеми их камерами и микрофонами — слететься к местам действия и сопровождать колонны в их неторопливом, но

всё более уверенном течении. И те милицейские силы, что сопутствовали колоннам с самого начала, вынуждены были (согласно полученной команде) заняться прежде всего отражением атак пишущей и снимающей братии: они оказались в роли как бы защитников колонн от посторонних сил, вместо того чтобы эти колонны привычно рассеять.

Так получилось, потому что эти милицейские силы были московскими, а противостояние на сей раз спровоцировала федеральная власть, которой нужен был беспорядок, доказывающий, что московское руководство не контролирует положение в своём городе и тем показывает свою полную некомпетентность. И лишь после того, как это будет убедительно запечатлено всеми средствами массовой информации, можно будет дать отбой.

Однако была допущена — от усердия, видимо, — ошибка: первая демонстрация оказалась куда более многочисленной, и грозила вторую просто-таки поглотить без следа. И московская колонна настраивалась на свободное волеизъявление до тех самых пор, пока не появилась впереди и не стала приближаться та масса, с которой предстояло помериться силами.

Уйти, оставив поле предполагавшегося боя противнику, было нельзя: скомпрометировать столицу до такой степени было бы совершенно недопустимым. И обе группы остановились почему-то не там, где намечалось, а именно на Триумфальной площади, где памятник поэту советской власти стал между ними как бы пограничным столбом.

Возникла пробка, законный повод применить силу, чтобы предотвратить поражение столицы. Сперва, как полагается, милиция потребовала от молодых федералистов, первыми вышедших на поле боя, чтобы собравшиеся разошлись, а поскольку те медлили — ударили из водомётов. «Свои» и прочие изрядно возмутились: им-то за что досталось, они же выступили в защиту власти! Такое с ними происходило впервые. Пришлось добавить.

Затем московская демонстрация дошла до центра без приключений и по команде рассеялась. Так что большой драки не вышло — так, отдельные мордобойчики, не более того...

Но хотя на другой день средства массовой информации в большинстве своём на происшедшее почти не отреагировали, словно бы ничего и не случилось (речь не идёт, конечно, о зарубежных агентствах), слухи о столичном беспорядке стремительно разлетелись по всей Руси великой.

В этом ничего нового, конечно, не было. Но если прежде подобные слухи быстро затухали без видимых последствий, то на этот раз получилось иначе.

Одни поняли, что дело не ограничится случившимся и Москву в покое не оставят.

Другие — что теперь уже есть все основания апеллировать к России.

И — пошла писать губерния.

Глава четвертая

1

Если бы кто-то в те дни нашёл возможность побеседовать с людьми, занимающимися дешифровкой снимков, полученных со спутников — всё равно, российских ли, американских или ещё чьих-то, ну, скажем, китайских, — то он мог бы услышать, а если повезёт — и увидеть интересные вещи. Во всяком случае, если бы речь зашла о Москве и подступах к ней, ближних и дальних.

Такой наблюдатель увидел бы (как это увидели те, кто в этих снимках затем разбирался), как возникали почти одновременно и начинали двигаться друг другу навстречу две, если можно так назвать их, концентрических волны. Такая картина возникает, если, например, в водоём падает камень, а кольцеобразная волна от места его падения начитает распространяться во все стороны и, достигнув берега, отражается от него и возвращается к месту своего возникновения, но оттуда уже набегает и вторая волна, и на каком-то расстоянии прямая и отражённая волны сталкиваются, высвобождая запасённую ранее кинетическую энергию. Нечто подобное как раз и было запечатлено на сериях сделанных спутниковой аппаратурой фотографий.

Было, впрочем, одно обстоятельство, которое разрушает правдоподобность только что сделанного сравнения. А именно: на практике вторая волна, как будто бы отражённая, возникла раньше, чем та, центральная, которой следовало бы быть первой. Иными словами, причина и следствие, похоже, поменялись местами.

Так произошло потому, что движение от периферии к центру, каким, естественно, являлась Москва, началось первым. Пусть и не совсем синхронно, потому что чем дальше от центра находилось место, откуда стартовало это движение, тем раньше оно началось, и чем ближе продвигалось к центру, тем более прибавляло в своей массе. И лишь когда, уже окончательно приняв форму пусть и неправильного, но всё же несомненного кольца, волна оказалась в ближнем Подмосковье, в самом городе стало возникать встречное движение.

Люди с периферии стягивались к центру на поездах, автобусах, легковых и грузовых машинах. В основном то были жители европей-

ской России; из Зауралья, из Западной Сибири людей оказалось относительно немного — тех, кто мог позволить себе воспользоваться авиационным транспортом, а из Восточной и из Приморья и вовсе нашлось лишь считанное количество людей, да и то оказавшихся в этом движении случайно. Хотя есть сведения, позволяющие полагать, что в случае надобности люди стали бы прибывать и оттуда — затянись вся эта история надолго. Однако по замыслу как тех, кто начинал всё это организовывать, так и тех, кто сумел вовремя перехватить инициативу и, не меняя формы, изменить содержание на противоположное, всё это должно было завершиться достаточно быстро. Раз-два.

Это удалось, по всей вероятности, потому, что люди пошли на участие в таком движении в первую очередь не потому, что их побудили призывы местного начальства, но потому, что у каждого были свои личные, и потому самые чувствительные обиды и претензии. К кому? Чаще всего просто ко всем, кто наверху, на всех уровнях, начиная со своего районного или служебного начальства. И когда сверху начались попытки ввести эти маленькие стихийные неудовольствия в одно русло, люди пошли на это не потому, что их как-то привлекал сперва лозунг «Защитим правительство от Москвы!», а затем противоположный: «Защитим Россию от негодного правительства», а потому что скопившееся недовольство требовало выхода — и вот он нашёлся.

Люди, приближавшиеся к городу, не были вооружены. И пока ещё не стали толпой. Но до вступления в силу законов поведения толпы оставалось уже совсем немного — а законы эти, как и пресловутый русский бунт, бессмысленны и жестоки. Правда, в колоннах, что двигались с южных направлений, оказалось и несколько небольших воинских подразделений — однако о наличии у них хотя бы боевых патронов достоверно ничего не было известно. Скорее всего, патронов и гранат, не говоря уже о более серьёзных средствах, у военных не оказалось.

В Москве же двенадцать с лишним миллионов её законных и незаконных обитателей поначалу ничего не знали. Хотя какая-то информация по частным каналам стала поступать к населению даже раньше, чем на самый верх, — потому что верх твёрдо знал, когда и что должно начаться. Региональные власти вовсе не случайно не стали предупреждать центр о перемене в сроках. А когда это стало фактом, власть отреагировала не сразу: слишком невероятным всё это показалось. И лишь когда пошли донесения о движении колонн и о том, какой стала их цель сейчас, начали приниматься меры.

В результате к окраинам города, помимо тех сил ОМОНа, каких в Москве всегда содержалось достаточно, а также и просто милицей-

ских сил, начали выдвигаться и — целыми коллективами — рабочие и мелкое чиновничество, отправленное просто в приказном порядке. Они-то и явились той волной, что распространилась из центра к границам города как отклик на внешнюю волну, чьи передовые языки оказались уже недалеко от Кольцевой дороги.

Концентрация и тех и других шла в основном на главных транспортных магистралях и поблизости от них. Конечно, все понимали, что ни наглухо закрыть город изнутри, ни столь же герметически закупорить его снаружи просто невозможно: для этого понадобились бы совсем иные силы. Так что для отдельных людей или маленьких групп всегда существовала возможность и войти, и выйти. Федеральные власти вовсе не чувствовали себя в мышеловке: возможность покинуть город для них всегда существовала, хотя бы по воздуху, потому что наступавшие — назовём их так — авиации, естественно, не имели. Да никто и не стал бы преследовать убегавших. Однако власть и не собиралась бежать; она намерена была сделать всё, чтобы победить.

Во всяком случае, такие настроения были сильны наверху до тех пор, пока представлялось, что происшедшее — лишь результат предательской деятельности нескольких региональных царьков, стремящихся обрести самостоятельность, развалив Федерацию, — подобно тому, как за два с небольшим десятилетия до этого три царька разрушили Империю.

Хотя в действительности в этой партии фигуры передвигались по доске вовсе не сами по себе.

2

Когда твоя дивизия на марше, да и марш этот какой-то немного ненормальный: вроде бы официальный, по приказу, но всё же скорее секретный, — у комдива, да и у всего штаба, свободного времени не бывает. И всё же полковник Курилов старался хоть несколько минут найти, чтобы провести их с гостем — как он продолжал называть Котовского вместе с его сопровождающими. Не за рюмкой и даже не за шахматами, но в разговорах. После которых Курилов не раз озабоченно почёсывал затылок и себе под нос ворчал нечто неприличное.

Вот и на этот раз, уже на подходе к узловой станции, полковник нашёл время, чтобы обменяться с гостем хоть несколькими словами, а вернее — мыслями, которые чем дальше, тем реже оставляли его в покое, какой необходим для решения серьёзных служебных задач.

— Не знаю, понять ли вам, штатскому, но всё же... Вам ведь в армии служить не пришлось?

Такой вывод сам собой напрашивался при первом же взгляде на Котовского.

Ответ, однако, оказался неожиданным:

— Отчего же: служил срочную. В стрелковой. В запас уволен сержантом, командиром расчёта. Потом, правда, в запасе присваивали звания. Был старшим лейтенантом. Политсостав. Теперь наверняка разжалован в рядовые.

— Вот как! — Курилов сразу испытал ощущение некоей близости, знакомое людям, вдоволь похлебавшим из солдатского котелка. — Ну, и, наверное, воспоминания остались не самые лучшие?

— Всякие, — ответил Котовский медленно. — Свои теперь уже перемешались с отцовскими — а у него они были ну не то чтобы совсем светлыми, но, я бы сказал, родственными: он всегда и на гражданке чувствовал свою связь с армией, и мне это в какой-то мере передалось. Как бы о прежней семье: знаете, в семье всегда бывает не одно только хорошее, но она остаётся своей, согласны?

— Тогда, если можно, скажите: как она смотрится со стороны?

Ответ последовал сразу:

— Думаю, так же, как видят её люди военные, служащие, а не отбывающие номер. Так же, как смотрится сегодня и само государство. Плохо.

— А вы не задумывались — почему? Должны же быть причины?

Котовский вздохнул — невольно, но не очень выразительно — чтобы не обидеть человека, похоже, неглупого и порядочного. Ну да, у военных, несущих службу в строю, а не в штабном уюте, своих забот всегда хватает, им не до общей политики, особенно когда войска, как вот сейчас, на марше.

— Причины — вокруг нас, видны простым глазом, — ответил он. — Можно назвать их, все вместе, такими словами: кризис государственного управления. Предсказано это было уже несколько лет тому назад, но на более позднее время — не учли, видимо, что развитие социума продолжает ускоряться. Власти, надо полагать, об этом если и думали, то в последнюю очередь, потому что заняты были весьма конкретными проблемами собственного сохранения и обеспечения своего будущего, а не будущего России, не будущего её народа. В результате — практически вся власть, фактически, а не теоретически, всё более уходила к глобальным, транснациональным компаниям, хотя внешне это и не бросалось в глаза. Это вполне устраивает власти — поскольку находящиеся в ней люди сами более всего заинтересованы в том, чтобы оказаться в элите этих самых компаний, как бы они там ни назывались. В то же время регионы, особенно крупные, развитые, богатые, ощущая увеличение степеней своей свободы, подбирали под себя всё больше фактической власти на своих терри-

ториях, а регионы победнее — всё более задумывались о своей судьбе, поскольку при существующем порядке выживание становилось для них всё более сложным, а пример хотя бы некоторых из бывших советских республик придавал мыслям определённое направление. Результаты частично отразились, я думаю, и на вас — при каждом призыве. Хотя именно вы, кажется, нашли выход из этого положения — но вы ведь оказались в исключительных условиях, а если говорить об армии в целом — ну, вы лучше меня знаете: можно ли за год сделать из человека всерьёз, по-настоящему обученного солдата. — Курилов тут помотал головой, совершенно отрицая такую возможность. — А если нельзя — то это не армия, хотя её именно так продолжают называть. Это — нечто вроде народного ополчения плюс те недостатки, которые ополчению никогда не были свойственны...

Курилов проговорил, хмурясь:

— Так, может, именно такой армия и должна сейчас быть — на этом этапе? И мы, такие, как я, зря пыжимся?

— Полковник, поверьте: никогда ещё России не была нужна настоящая, сильная, могучая, современная армия. Без неё страна расползётся, как кисель. Не потому, что армия стала бы сдерживать её силой. Но потому, что для России ощущение собственной государственности без ощущения могучей армии — противоестественно и невозможно. Потому что воевать придётся. Войны, похоже, на носу — я бы сказал, колониального типа, для захвата и передела источников энергоносителей. И слабая Россия — слишком заманчивая цель. Поначалу, конечно, попытаются произвести бескровный захват — внедряясь, перекупая контрольные пакеты акций. В том числе и так называемых государственных компаний: по сути, наше государство давно стало корпорацией, объединяющей нынешних вершителей власти. А они тоже всего лишь люди, пекущиеся в первую очередь о себе, и за хорошие деньги — продадут со спокойной совестью: это ведь всего лишь бизнес, не так ли? Ну, а если мирного захвата всё же не состоится, то скажите, долго ли устоит наша нынешняя армия против экспедиционного корпуса — китайского ли, американского ли, всё равно. И если власть этого не понимает, или понимает, но ничего не делает, — то... — Он махнул рукой. — И это может означать конец. Потому что экономических сдерживающих факторов для России становится всё меньше. А если начнут лопаться и обручи духовные... Церковь тут не поможет — не по силам, да и слишком углубилась она в мирское. Вот и взорвётся. Если перейти критическую точку. Во всяком случае для нынешних это добром не кончится. Всем своим поведением они показывают, что понимают: их сущность — временщики. Они стараются избежать этого, пытаются построить силовое государство — но не из чего. И, к сожалению, не на чем: гранит, на котором всё осно-

вывалось, быстро превращается в песок, на котором, сами понимаете...

— Что вы имеете в виду?

— Да всё тот же народ. Считается, что он терпелив, и действительно порог его терпения высок, но уж если его перейти... Но ведь к этому идёт: пенсионная система рушится, всё чаще происходят сбои и катастрофы в электроэнергетике, в коммунальном хозяйстве городов, и если в один страшный день такие события совпадут с принятием еще одного нелепого закона или слишком уж немыслимого судебного приговора — не очередному магнату, это люди перенесут без труда, но хотя бы снова о выселении каких-то рядовых жителей или... да мало ли что такое может случиться, — и плотина долготерпения обрушится вдруг. Да если это ещё совпадёт и с какой-то властной демонстрацией — а они будут происходить всё чаще, поскольку власть считает, что таким образом демонстрирует свою несокрушимость, — тогда... не дай Бог.

Мрачные вещи говорил Котовский. Так что Курилов не удержался — задал всё-таки вопрос:

— Что же — по-вашему, всё уже проиграно?

Котовский ответил не сразу.

— Для уверенного ответа у меня просто недостаточно информации. Далеко не всё до меня доходило — там, где я был. Но хочется надеяться — ещё можно что-то исправить. Но для этого ведь нужны люди, желающие и способные к стремительным переменам — и нужны они на таких местах, с каких возможно такие перемены производить. А на это, как понимаете, надежды мало.

— Но если бы вы, гм...

— Хотите сказать, если бы я, уехав за границу, пытался что-то сделать оттуда? Нет, совершенно исключено.

— Даже теперь?

— Теперь тем более.

Курилов хотел, кажется, ещё что-то сказать. Но мысли прервал вошедший — нет, просто ворвавшийся адъютант.

— Товарищ командующий, к спутниковому, срочно. Генштаб.

— Полковник Курилов слушает.

Голос из Москвы, невзирая на неизбежную кодировку и раскодировку, был вполне узнаваем: полковник Лосев.

— Артём Петрович...

И сразу же ударила в виски и куда-то в область сердца мысль: с Настей что-то.

— Я вас слушаю, товарищ полковник.

— Москва. Любой ценой. Ты меня понял? Любой ценой! Времени — не более одних суток.

— Тяжёлая техника может не успеть.

— Главное — чтобы пехота подошла. Готовая к действию.

Не удержался — задал вопрос, вообще-то неположенный:

— Да что там у вас?

И в ответ услышал тоже неположенное:

— Тут полная каша. Подробности позже. Главное — быстрее. Не теряя ни минуты. Тебе ясно?

Ни черта не было ясно. Но не станешь же так отвечать.

— Задачу понял: форсированным маршем.

— Сделай вот как. Выгрузи один полк. Стрелковый, без артиллерии, но включая миномётчиков. У тебя же дивизия воздушно-посадочная? И разведбат возьми. С полным боезапасом. От тебя до аэродрома пешим порядком — меньше часа форсированно. Там стоят транспортники. Они берутся поднять полк и доставить предположительно в Жуковский. Там тебя встретим. Остальным частям, и тем, что на станции, и тем, что продолжают подтягиваться, ждать. Препятствовать выводу со станции, локомотивы не подпускать.

— Нас тут будет — как сельдей в бочке...

— Именно. Транспортники вскоре будут рады любой возможности вытолкнуть вас куда угодно, иначе возникнет такая пробка, что...

— Понял. А что делать со штатскими? Ты ведь помнишь — я докладывал.

— Возьми с собой. И береги очень серьёзно. Это — устное приказание начгенштаба. Письменного, сам понимаешь, не последует. Но так надо сделать.

— Слушай, а чего ради вообще...

— Ради нас. Армии. Значит — всей России. У меня всё. Выполняй. Успеха!

И — гудочки отбоя.

Лосев ни слова не сказал о Насте. Не встретил? Или не до того?

Значит, и в самом деле надо торопиться.

3

Уже к концу первого из трёх назначенных визитов Тим до того вырос (в собственных глазах, главным образом), что даже садясь в безотказно поданную машину, чтобы ехать на вокзал, двигался весьма осторожно, ощущая, что дверца сделалась слишком уж тесной для него, для его подлинной величины. И все, кто его встречал и провожал, вели себя так, словно только такое поведение и было для московского

гостя естественным. Сперва Тим ещё косился исподтишка: а не возникнет ли на чьей-нибудь роже ухмылка, которую не смогли — или не сочли нужным — скрыть; но ничего подобного не было, и он понял, что и в самом деле является такой величиной.

Так что в последнюю по маршруту, третью региональную столицу прибыл совсем уже не тот человек, что совсем ещё недавно выезжал из Москвы. Встречен был соответственно и без малейшей задержки препровождён в губернаторский кабинет, хозяин которого, как и полагалось, находился на месте и с нетерпением и даже некоторой робостью ожидал. Насчёт робости, правда, Тимофею только подумалось, просто потому, что предполагать такое было приятно и помогало держаться так, как и следовало: первым протянуть руку, при этом, естественно, улыбнуться, но так, чтобы ясно было, что улыбается по протоколу, на самом же деле такие встречи для него — дело будничное, мало ли перевидал он губернаторов, да и людей повыше; разговаривать уверенно, низким голосом, не переходя на верхний регистр, показывать уверенность в том, что, если он даже и шёпотом говорить станет, всё равно, каждое слово будет услышано и запомнено. И даже позволить себе, обращаясь к хозяину области, самую малость протянуть: «Леонид... Петрович, простите, Павлович», чтобы стало понятно: столько такого народу перемелькало перед его глазами, что всех просто невозможно упомнить. Это было невыразимо приятно.

Губернатор, человек, видимо, понимающий, на обмолвку не обиделся, только кивнул, указал на мягкое кресло подле кофейного столика, сам — вторым — опустился в другое такое же, поинтересовался, как столичный гость доехал, доволен ли апартаментами, как там Москва живёт — в общем, всё совершил, что полагалось по протоколу. И закончил приглашением:

— Итак, я вас слушаю.

Всё, что надо было сказать, у Тима уже от зубов отскакивало, текст везде был одним и тем же, надо было только не перепутать числа и даты; но этого он себе не позволял, и память его ни разу не подвела. Нужные интонации были им уже усвоены, и небольшие паузы — там, где следовало, чтобы слушавший понял: сейчас прозвучит нечто особенно важное — он держал не хуже профессионального актёра, внутренне сам удивляясь, откуда что взялось! Губернатор слушал внимательно, время от времени кивал, показывая, что всё уяснил и принимает к действию. Лишь когда Тим назвал количество людей, которых следовало уже завтра отправить в Москву, для поддержки Ладкова — по сути же, самого Третьего, — губернатор вместо кивка проговорил:

— Тимофей Сергеевич, — он-то не мог себе позволить забыть отчество визитёра, — тут, боюсь, некоторый перебор. Двадцать тысяч на демонстрацию?..

— Ну, и что же? У вас в области четыре миллиона населения...

— По последней переписи. Только с тех пор мы ещё обезлюдели. Как и вся Россия. Вы ведь, не сомневаюсь, в курсе динамики населённости? Мы в минусе, вся страна.

Тим, откровенно говоря, насчёт динамики ничего не знал, не был в курсе, так, слышал что-то краем уха — никто его не предупреждал, что это понадобится. Однако легко кивнул, как будто речь шла о делах разумеющихся, и выдвинул свой аргумент:

— Но за последний год вы иммигрантов приняли чуть ли не полмиллиона.

— Друг мой, а что в губернии за последние годы двадцать процентов трудоспособного народу просто вымерло, грубо говоря, от пьянства, от тормозухи, вообще от технического спирта — этого вы не хотите учитывать?

— Но если на их место понаехало...

— Двести тысяч с небольшим только. Бывших дальневосточников и заполярников. Но вы ведь не хотите, чтобы мы их посылали выступать в столице? За них трудно поручиться: злы весьма.

— А почему бы и нет? Злы — это неплохо, если точно направить.

— Вы этот народ знаете?

Тим знал, что народ везде одинаков, просто условия у разных народов не совпадают. И воспользовался самой скептической из всех интонаций, какими только владел:

— Конечно. Думаете, в столице их меньше? Да у нас в городе ежедневно пришлых больше двух миллионов. И ничего не происходит.

— Верно. Но ведь в данном случае нужно именно, чтобы что-то произошло?

— А... Ну, собственно, конечно. Но... В конце концов, Леонид Павлович, ваше дело — их собрать и доставить. За остальное отвечают уже другие. И, заверяю вас, они своё дело знают.

Недулов вздохнул.

— Ну что же: мы, конечно, задачу выполним. — Губернатор поднялся, тем заканчивая аудиенцию. — Время обеда, не так ли?

— В самом деле? Действительно, время незаметно пролетело, — откликнулся Гущев.

Сейчас поесть очень не мешало бы, намечалось нечто вроде банкета, как это вообще принято местными властями (нормальный способ обеспечить благоприятный доклад приезжего ревизора). Но Андрей требовал немедленного возвращения. Нет, придётся личное благо принести в жертву. И он, подавляя вздох сожаления, проговорил:

— Я уже собрался в дорогу, благодарю вас за любезность!

— Итак — счастливого пути, привет Москве.

Губернатор проводил гостя до двери. Вернулся к столу. Усмехнулся: московский посланец сильно смахивал на чиновника из Петербурга — по Гоголю Николаю Васильевичу. Малец из проголодавшихся. Ладно, займёмся делом. Хотя и не совсем, может быть, таким, какое представляется господину Хлестакову.

Люди на такое дело пойдут, хотя и поворчав, с охотой. А вот с какой целью? Об этом московский хлыщ вряд ли задумывается.

Обиды на Москву есть, безусловно. Но само слово «Москва» ассоциируется прежде всего не с городом, а с пребывающей там властью. Это на верхах, говоря о власти, называют Кремль. А внизу власть всегда была и остаётся московской.

Так что зачем и с чем пойдут люди в столицу? Для защиты верховной власти — или своих, близких, повседневных интересов? За пенсии, зарплаты, за жильё, за право поставить своим руководителем кого-то своего, а не присланного сверху; за суд, в котором можно рассчитывать на справедливость; за безопасность от самой власти, которая если кого и раздавит насмерть, то даже не почешется, заранее зная, что ничего ей от этого не будет. Очень ли хочется людям защищать власть, ухитрившуюся за не столь уж долгие годы своего существования вобрать в себя всё худшее, что было во всех российских властях на протяжении веков — и почему-то оставить без внимания то лучшее, что в них было?

А ты ведь и сам — кусочек этой власти, разве нет?

«Был, — уверенно подтвердил он сам себе. — Но тут, с небольшой вроде бы высоты, лучше различаются детали. И они заставляют думать иначе. И какие-то выводы делать.

Смотри, Недулов: уж не становишься ли ты заговорщиком?

Нет. Я и сейчас, в общем, за эту самую власть. Но и за свою губернию тоже. И когда вижу между ними противоречия... Глубокие противоречия — то, во всяком случае, бросаться грудью на амбразуру не стану».

Отправить людей? Отправим, отчего же нет.

Только не городских. Не тех, кто занят делом — гонит вал, создает ценности. А других — из, как это называется, аграрного сектора. Пусть прогуляются. Меньше выпьют. А поорать и они могут. Даже очень громко.

4

Из своего похода по торговым точкам Ре возвратился в дурном настроении. Дело в том, что время словно бы сделало заметный откат; как будто прошлое вернулось, причём вовсе не лучшая его часть (та-

кая бывает у любого прошлого), но наоборот. Как встарь, в ближайшем магазине он вдруг увидел очередь; стояли люди в основном его возраста, и не дачники, а те, кто постоянно жил в таких посёлках и недалёких деревнях, подальше от больших дорог.

Покупали помногу — соль, спички, консервы, запасались крупами, мукой, спрашивали и свечи. По каким-то, не очень ясным для Ре причинам, за последние годы такое случалось уже не впервые, а если припомнить, то уже едва ли не в четвёртый раз: жителей вдруг охватывало волнение, и они кидались опустошать магазины. Наверное, какие-то слухи возникали, что ли? Интересно, кому и зачем требовалось такое? Чтобы отвлечь внимание населения от каких-то других проблем? В России пустые полки — извечная болевая точка, и вот на неё время от времени нажимают.

Пока Ре раздумывал — стоит ли вставать в хвост, или дойти до другого магазина, что побольше, предполагая, что там такой суеты не будет, — изнутри магазина прокричали, чтобы больше не становились: полки пустели с рекордной скоростью, и на складе, как сказали, тоже всё кончается. «А подвоз когда будет?» — крикнул кто-то из конца очереди. На что последовал ответ: «Звонили, сказали, что сегодня ничего не привезут — что-то там на дороге». Очередь, однако, осталась стоять до последнего, Ре же решил не терять времени и двинулся дальше.

Мог бы и не ходить: в тех ещё двух магазинах, что находились на приемлемом для него расстоянии, картина была в одном примерно той же, что и в первом, другой же магазинчик, близ станции, и вовсе успел закрыться. Ре почувствовал, что начинает злиться, но небольшим усилием заставил себя успокоиться и решил, что раз уж он оказался тут, то самое разумное, что можно сейчас предпринять, — это сесть в электричку, доехать до Москвы, добраться всё-таки до издательства и заодно, как говорилось в его поколении, отовариться. На перроне он глянул на расписание; ждать приходилось где-то десять минут. Народу прибавлялось с каждой минутой: видно, не одному ему пришло в голову совершить закупки в столице. Десять минут прошло, потом и пятнадцать; поезда не было, ни на Москву, ни оттуда, который тоже должен был уже пройти. Наконец через громкоговоритель объявили, что поезда задерживаются потому, что нет тока, почему его нет и когда будет — пока неизвестно. Народ на перроне — главным образом, москвичи, кому надо было попасть в город, — зашумел очень неодобрительно, но понемногу люди стали расходиться: большая часть, видимо, по домам, отложив отъезд до утра, когда всё должно было уже прийти в порядок, это как бы само собой разумелось; меньшая же часть двинулась в сторону шоссе — ловить попутный транспорт. Ре только покачал головой и, как и большинство, напра-

вился домой, хотя интуиция нашептывала ему, что и к утру всё останется в том же состоянии, если только не станет хуже.

Нет, здесь и сейчас этот мир оказался непривлекательным для пребывания в нём; поэтому его следовало снова на некоторое время покинуть. То, что поезда не ходили, никакой роли не играло: нужный транспорт находился в нём самом. Или же, быть может, прибывал откуда-то — неизвестно, откуда, — и увозил туда, куда было нужно.

В кабинете всегда было темновато, и писал он при свете даже в разгар дня. Вот и сейчас — уселся за стол, немного посидел неподвижно, вводя себя в рабочее состояние. Потом включил лампу.

Вернее, хотел включить, но кнопка щёлкнула вхолостую. Недовольно хмыкнув, Ре встал, чтобы у двери включить верхний свет. Но и это не помогло. Выходит, не только на железной дороге не было тока.

— Чубарики-чубчики, — проворчал он. Опять какие-нибудь трансформаторы?

Он попробовал исправить настроение мыслью, что здесь это, во всяком случае, не более чем временное неудобство, а вот случись такое в Москве, останься она без энергии хотя бы на сутки-другие — вот это уже походило бы на катастрофу. Но Москва, разумеется, надолго остаться без энергии не могла: кто бы позволил такое? Однако в стык с предыдущей прошла сразу и другая мысль: «А кто, собственно, сможет не позволить? Эти? Да полно!..» Чтобы расшифровать содержание данного местоимения, понадобилась бы, пожалуй, целая тетрадь, но поскольку сейчас Ре безмолвно разговаривал лишь с самим собой, никакой расшифровки не понадобилось.

Но не менять же своих намерений из-за сопротивления окружающей среды! Всё же ещё миллиард лет остаётся до конца света, как сказано.

Ре усмехнулся тому, что его приверженность старине на этот раз позволила ему оказаться в более выгодном положении, чем случилось бы с любым из коллег, окажись коллега на его месте. Ре не признавал компьютеров, какими пользовались все, кажется, известные ему литераторы, то есть, «железо» у него имелось, но он им пользовался главным образом для пасьянсов, работал же по-старинке, на портативной «Эрике», но больше всего любил писать от руки, на бумаге, вот так — чёрным по белому.

Выручила его предусмотрительность (возрастная, скорее всего): в заначке оказались три свечи, и что бы там ни происходило с энергетическими сетями...

Но тут в дверь постучали — совершенно неожиданно. Что, пошёл уже уикэндовский гость? Не ко времени. Черти бы их взяли... Хотя — может быть, помогут поправить настроение?

Пришлось идти отворять.

5

Москва была уже — рукой подать, поезд отщёлкивал подмосковные платформы, и кое-кто в плацкартных вагонах, да и в купе тоже, наверняка начал уже поднимать сумки и чемоданы на полки, готовясь к выходу.

Но здесь, в двухместном купе СВ (второе место свободно), ничего подобного не происходило. У Гущева всего багажа было — кейс с бритвой, пижамой и, конечно, ноутбуком и плёночным файлом с немногими, зато весьма важными бумагами. Самое главное было уже продумано: доклад о результатах поездки. За несколько дней Гущев успел посетить три области, обстоятельно поговорить с губернаторами и теми людьми, что непосредственно занимались подготовкой предстоящего похода на Москву, — и убедился, что всё было в порядке, команду на выступление можно дать в любой миг, как только власть сочтёт, что настал самый выгодный момент. Собственно, трудно было и ожидать другого: губернаторы являлись людьми не случайными, но назначенными сверху в соответствии с законом. Результаты осенних выборов их не очень смутили: местные законодатели сохраняли верность вертикали власти (либералы острили — «виртуали власти», но об этом им ещё придётся пожалеть), и воля центра будет выполнена — заверили Гущева — как военный приказ: беспрекословно, точно и в срок.

Конечно, Гущев не мог отнести всё это за счёт только лишь его личных усилий. Губернаторы привычны были есть из рук и служить на задних лапках. Но, как известно, печальный гонец — виновник неудачи, а приносящий добрую весть становится как бы её соавтором и потому обязательно поощряется. Нет, не зря он, Гущев, приложил усилия, чтобы оказаться замеченным сверху. Сейчас он размышлял именно об этом. И уже внутренне разогревал себя, приводя в эмоциональное состояние, нужное для хорошего доклада.

Но тут, когда Москва совсем уже рядом была, поезд вдруг остановился — не у платформы даже и не под семафором, а просто в чистом, как говорится, поле, густо поросшем дачными домиками, домами, особняками и даже дворцами — хотя, конечно, не самыми главными: всё же элита селится не на Казанке.

Гущев ожидал, что через минуту тронутся. Через пять он начал злиться. Пошёл к проводнику. Рабочего времени оставалось час с не-

большим, а он рассчитывал ещё сегодня войти в обстановку, чтобы с утра быть в полной боевой. Но у проводника спросил, оставаясь с виду спокойным:

— Что — у машиниста перерыв на ужин? Чего стоим-то?

И в ответ услышал:

— Тяги нет. Тока.

Опять вечный Чубайс с его хозяйством...

— И надолго это?

— Нам не докладывают, — сказал проводник. — Ужин не желаете заказать? Вагон уже закрыли, а сюда принесут.

Но об этом сейчас и думать не хотелось. Кусок бы в горло не пошёл: хотелось двигаться, действовать, как-то разрешить ситуацию.

— Платформа тут далеко?

— Отсюда? Минут пять, не более... если дадут ток.

— Пешком! Пешком, я имею в виду!

— Наверное, за полчаса дойдёте — человек вы молодой, кладь лёгкая...

Гущев поколебался ещё с минуту. Попросил:

— Откройте, пожалуйста, выход — хочу сориентироваться.

— Отчего же, пожалуйста.

Он выглянул из открытой двери. Темнело быстро. Несколько дач угадывалось не очень далеко. И все — тёмные. Ни одно окно не светится. Хотя нет... Вот в одном... в двух домах появился свет. Слабый, едва угадываемый. Никак не электрический. Свечи жгут — кто догадался запастись. Гущев стал вглядываться влево, по ходу поезда. Туда, где, в общем, следовало быть Москве. Погода была облачной, и сейчас уже, пожалуй, в той стороне можно было бы, всмотревшись, уловить всегдашнее зарево большого города, отражение от облаков великого множества светильников. Зарево и в самом деле было. Сразу отлегло от сердца.

Однако просто невозможно сидеть в вагоне и ждать, когда наконец дадут ток, когда Москва — вот она, и там надо оказаться как можно скорее, раз уж Андрей так заторопил.

Тут сразу за полосой отчуждения — дачные домики, они сейчас ни к чему. А слева, подальше — яркие огни. Движущиеся. Фары. Судя по интенсивности движения, шоссе.

Гущев вернулся в купе. Взял кейс. Внезапно свет зажёгся, и он вздохнул было с облегчением. Но тут же понял: не то, не то. Бригадир поезда включил освещение от аккумуляторов. Чтобы хоть немного приободрить пассажиров. Но этого надолго не хватит. Вышел, попрощался с проводником, спустился на землю, сошёл с полотна и двинулся по прямой — туда, где огоньки уносились в сторону Москвы, а вот оттуда (пришло ему в голову) ни одного вроде бы не было. Хотя нет —

один или два проехали, но не сказано, что это московские: тут и местного движения хватает.

Но ему от Москвы и не нужно. Только туда.

Ну, наконец-то шоссе. А то стал уже уставать с отвычки.

Гущев встал на обочине, для устойчивости расставив ноги пошире. Вытянул руку с оттопыренным пальцем. Не первый, так второй возьмёт.

6

В первую очередь выступили и оказались в нужных местах, естественно, люди Подмосковья, не ближнего, давно уже оккупированного московскими разнокалиберными элитами и элитками, но дальнего, чей уровень жизни и обид был уже ближе к российскому, чем к столичному.

Ехали электричками и автотранспортом, кто на велосипедах, кто и вовсе на своих двоих. Но до города не доезжали. Скорее всего потому, что никто ещё не понимал — а что, собственно, нужно там делать? Не Кремль же штурмовать! Ни драки, ни тем более крови никто не хотел; и было это похоже, скорее всего, на демонстрацию 9-го января 1905 года в Петербурге, когда народ шёл к царю с наилучшими чувствами и намерениями.

Но кому-то наверху пришло в голову — вряд ли случайно, — что ещё до того, как подойдёт разгневанная Россия, предполагаемых защитников Москвы стоило подёргать за нервы, расшатывая их моральное состояние.

И для этого была использована самая радикальная возможность показать, у кого настоящая сила: поиграть с энергией. Как говорится, вырубить свет. Пока — лишь кое-где, в качестве предупреждения. Москва почти вся ещё светилась.

Вот почему Гущев сегодня не смог добраться до Москвы на поезде.

Однако, как он надеялся, ещё совершенно не находясь в курсе событий, ему удастся сделать это на первой же машине, чей водитель остановится перед его протянутой, как семафор, рукой.

Глава пятая

1

На дороге Гущева подобрали не сразу: с полдюжины машин промчалось в направлении Москвы, даже не замедлив хода; правда, в большинстве они и без него были полны — то ли люди возвращались

в город семьями, то ли их успели остановить ещё раньше: поезда-то стояли, надо полагать, по всей линии, и многие вышли на шоссе куда раньше, чем он. Но, к счастью, какая-то невзрачная вывернулась на трассу из ближнего проселка, и в ней был лишь один мужик — за баранкой. Гущев с облегчением сел, спросив только: «Вы в Москву?». Тот кивнул. «До ближайшего метро подбросите — которое будет вам по дороге?» — «Ага», согласился водитель.

До метро он, однако, Гущева не довёз, как и вообще до Москвы. Потому что уже километров через восемь-девять пришлось остановиться: шоссе оказалось до последнего забитым стоящими машинами, пробка возникла не хуже чем в час пик где-нибудь на проспекте Мира или на Садовом.

Минут через пять стало понятно, что они тут в мышеловке: машины сзади продолжали прибывать. Ясным показалось и то — почему никто не ехал в обратном направлении: уже и вся встречная полоса шоссе была занята теми, кто, вероятно, пытался по ней объехать затор, но и они наткнулись на какое-то препятствие, оказавшееся непреодолимым. Из многих машин люди уже вышли — размяться, обменяться информацией, если она вообще имелась. Почти каждый вышедший тут же начинал звонить, скорее всего, в Москву — и безрезультатно: связи никакой не было. «Ничего удивительного, — так подумал Гущев, — без тока и сотовая не работает, тут рация пригодилась бы, но где же её возьмёшь? Да и с кем по ней свяжешься?»

Информация тем не менее приходила, хоть какая-то: из головы возникшего затора то и сё передавалось из уст в уста. И то, что сюда долетало — а судя по разговорам, затор начинался у самой Кольцевой, — было достаточно странным, даже неправдоподобным. Конечно, передаваясь на такое расстояние, что угодно могло исказиться до собственной противоположности, но всё же никак не могло быть чьей-то полной выдумкой, а в основе должно было оказаться верным. И вот по этим крупицам информации получалось, что дорога была просто перегорожена: то ли въезд в город закрыла милиция, то ли просто какая-то серьёзная группа людей, чтобы не сказать «толпа». И вроде бы у них с милицией, которая там действительно присутствует, идут какие-то переговоры, но какие и когда они могут закончиться и как — никто ничего сказать не может. То есть получалось, что засели тут основательно. Почти в чистом поле. И хотя время не зимнее, но провести тут ночь, хотя бы и короткую, никому не улыбалось. К тому же невольно начинало думаться: а что же в это время происходит в самой Москве? Вспоминались не столь уж давние, хотя, к счастью, и не из нашего опыта, события: толпа жжёт машины, громит магазины... Это в Европе было, культурной, а у нас если начнут, то магазинами не обойдутся, дойдёт, чего доброго, и до квартир... Зябко делалось на душе.

Стали уже возникать группы — из людей, понятно, не тех, чьи машины тут стояли (кто же бросит машину на шоссе!), а из попутчиков — или же, если то была семья, кто-то оставался при транспортном средстве, а остальные собирались в путь. И в самом деле: не за два, так за три часа до города можно было добраться и пешком — ну, а там...

«А что, собственно, там? — спросил себя Гущев. — На самом-то деле ведь никакого метро не будет — раз напряжения нет. А пешком добираться до дому, если даже сил хватит, — это дойдёшь завтра к обеду. Нет, надо как-то по-другому...»

— Вы не знаете — где это мы стоим? — спросил он того, кто довёз его сюда; тот только что вернулся после общения с какой-то группой спешенных ездоков. — Что тут поблизости?

— «Благодать», — ответил водитель. — Посёлок, платформа. Километров двух не доехали. Это так посёлок называется — Благодать.

— Да, знаю... — сказал Гущев машинально. — Спасибо...

Машинально — потому, что с этим названием вдруг прочно связалось что-то, вынырнувшее вдруг из памяти. Да конечно же!

Бывал он в этих местах, даже, кажется, два раза, потому что именно в этом посёлке была дача старика, Настиного отца. И если постучать к нему в дверь, то он, надо надеяться, и на ночь приютит, и обстановку обрисует. Как к нему пройти — помнится слабо, но адрес в памяти есть, а там — найдётся, кого спросить.

— Спасибо за помощь, — сказал он. — Пожалуй, пойду.

И стал пробираться по обочине, вышел на насыпь и зашагал по шпалам, хотя и было это достаточно неудобным.

Странно, но почти в полной темноте ему удалось добраться до намеченной цели почти сразу — лишь однажды он свернул не туда, завидев в переулке несколько освещённых окон, целый этаж. Но уже приблизившись, он понял, что ошибся: дом и правда был не бедный, но там шла какая-то гулянка с не слабой (судя по доносившимся звукам) выпивкой, а этого у старика быть никак не могло. Пришлось повернуть, снова выйти на улицу и двигаться дальше. Было темно и неуютно, даже ощущение опасности возникло — возможно, просто потому, что обстановка была для Гущева очень непривычной. Для успокоения он вновь принялся думать о том, как здорово всё сложилось в последнее время, какой лихой проект он закрутил и как в результате вырастет и авторитет его, и заработок, так что он вполне сможет оказаться если ещё и не в самой элите, то на пороге её, а уж тогда такие откроются возможности — голова закружится от перспектив. Чего доброго, пригласят даже и в Администрацию, Андрей не откажется замолвить словечко, ну, а сам Полкан станет наверняка из самых ближних, он всегда знал, хитрован, на кого работать...

И уже через четверть часа Гущев отыскал ворота, а в них и калитку. Поднялся на крыльцо, нащупал кнопку звонка, нажал — без всякого результата; усмехнулся: звонок был, естественно, электрическим и сейчас оказался лишённым всякого смысла. Пришлось стучать. Сперва вежливо, деликатно, потом — всё громче, и, наконец, уже изо всех сил, пока до него не донеслось:

— Кого там Бог принёс?

Он не придумал ничего умнее, чем:

— Простите, а Настя дома?

— Настя? Ну, входите, на себя тяните!

2

К вечеру Насте оставалось сделать ещё немало. Но если обладаешь свободой передвижения, всегда можешь найти самый лучший выход из положения.

С такими мыслями она села за руль и направилась на юг. То есть без приключений выехала на Кутузовский, развернулась и покатила в общем потоке, в левые ряды не перестраиваясь надолго, а лишь по требованию обстановки, чтобы оказаться справа к повороту на Рублёвское шоссе, свернуть — и дальше прямо до одного из нередких в том краю хороших пансионатов, в одном из которых и отдыхал сейчас — так её сориентировали — некий полковник Лосев, выезжавший далеко на восток и имевший, как говорили, какую-то информацию о Котовском, какой по телефону делиться отказался. Получилось так, что кроме неё сейчас ехать было некому, да к тому же где-то в тех местах служил и другой полковник — тот, думать о котором за рулём было опасно: усиливалось сердцебиение и неодолимая истома начинала овладевать телом, как будто это с ним самим предстояла встреча.

Однако не тут-то было. Съезд с проспекта на Рублёвку оказался наглухо перекрытым двумя милицейскими БМВ и омоновским автобусом в придачу. Пришлось ехать дальше, в надежде свернуть на Алексея Свиридова, а когда и этот манёвр по той же причине оказался невыполнимым — дотянуть до большого перекрёстка с Аминьевским шоссе.

Перекрёсток был регулируемым, и проблема правого поворота поэтому её не волновала: дождись зелёного, и ты в своём праве. Но на сей раз светофор бездействовал, даже мигающего жёлтого не было, зато стоял военный регулировщик — лицом к центру, то есть запрещая любое движение с проспекта и пропуская с Аминьевского на Рублёвку бесконечную, похоже, колонну военных машин. Настя, как

и все прочие, стояла минуту, три, пять, чувствуя, как постепенно закипает в ней гнев: в конце концов, не война же, можно хоть ненадолго прервать этот поток с юга на север, на востоке у людей тоже ведь могут быть серьёзные дела! Перед нею уже определилась пробка, и позади тоже стала выстраиваться колонна, а Настя чувствовала, что в таком вот тупом ожидании она долго не выдержит — сорвётся: нервы и так были на пределе.

Но тут чудо наконец свершилось — регулировщик повернулся, застоявшиеся рванулись вперёд, моторы ревели «Ура!». Вперёд, только вперёд! А если мне нужно направо? Никак нельзя, выезд на Рублёвку и здесь перекрыт. Левый поворот — на Аминьевское — был возможен из двух левых рядов, но она-то стояла в крайнем правом, нельзя же было заранее знать, что... Приходилось идти на риск. Известие от Артёма того стоило.

Тут сделать левый поворот, конечно, не было времени, но, уже двигаясь в прежнем направлении, теперь уже по Можайскому шоссе, она нагло расталкивала тех, кто был левее, чтобы к ближайшему развороту оказаться уже в крайнем левом ряду, развернуться, затем, двигаясь к центру, при первой возможности съехать направо, добраться до Аминьевского, там налево — и по Аминьевскому, пересекая Кутузова, попасть наконец на Рублёвское шоссе — в надежде, что полковник ещё ждёт. Хотя полной уверенности, что такой манёвр возможен, у неё не было, но надо же было что-то делать!

Разворота всё не попадалось, а до Кольцевой оставалось уже всего ничего; колонна ползла, дёргаясь, как поезд, когда с места трогает неумеха-машинист. Порой вздымался и опадал рёв десятков гудков: нервы, похоже, не выдерживали не только у неё. Потом машины и вовсе встали, продолжало двигаться одно лишь время. Впору было расплакаться от сознания своего бессилия, от вынужденной неподвижности. Стояли надёжно, словно каждую машину накрепко вбетонировали в дорогу; ни малейшего движения впереди не ощущалось. Как и обычно в таких случаях, многие стали выходить из машин, переговариваться, голоса были напряжёнными, лексика — изысканно нецензурной. Слышать это было не то чтобы непривычно, но неприятно. А сидеть становилось всё тоскливее. Потом наверху завис милицейский вертолёт, оттуда громоподобно объявили: «Граждане, вследствие непредвиденных обстоятельств движение в направлении области в ближайшие часы не возобновится. Выезд на МКАД до нового распоряжения закрыт. Рекомендуем выезжать на полосу встречного движения и, разворачиваясь, возвращаться к местам стоянки, поскольку сейчас ни один выезд из города не действует, Кольцевая дорога практически недоступна. Повторяю: граждане водители, вследствие непредвиденных обстоятельств...»

Чувствовалось, что настроение у ездоков такое — будь под руками ракетная установка, сбили бы и этот вертолёт к той матери, и вообще всё на свете. К счастью, ракет ни у кого не оказалось. Поматерились, помахали кулаками, взбивая воздух, словно сливки. Вертолёт улетел — наверное, чтобы повторить заявление над каким-нибудь другим затором. Ничего другого не осталось — стали постепенно выворачиваться, сначала — левый ряд, благо единственным препятствием тут была двойная осевая. Манёвр был безопасным: по встречным полосам со стороны МКАД машин практически не было. Значит, не только выехать из города нельзя было, но и въехать в него — такой вывод напрашивался сам собой.

Настя развернулась, как и все, но вместо того, чтобы возвращаться к центру, остановилась у тротуара, пренебрегая знаком, запрещавшим остановку: решила, что милиции сейчас не до того, чтобы доить мелких нарушителей. И в самом деле, ни одной форменной фуражки в пределах видимости не замечалось. Остановилась же она, чтобы по возможности спокойно обдумать: что теперь? Пешком до нужного места добраться можно, но ко времени ей никак не успеть. Назначенный час придёт и пройдёт, а она будет всё ещё неизвестно где. Теперь уже делалось ясно, что всякие хитрости с маневрированием не помогут: Рублёвку закрыли основательно с любой стороны. Что же — возвращаться домой? И что там — ходить из угла в угол, сжав кулаки, или биться головой об стенку? Или рискнуть всё-таки — просочиться сквозь какую-нибудь щёлку?

Огляделась. Её внимание привлекли теперь не ездоки, но пешеходы, те, что двигались по тротуару в том направлении, в каком автомобилям проехать не удалось. Привлекли и тем, что их было, как Настя подумала, больше, чем в такой час в этом районе города — одном из «спальных», где ни предприятий, ни контор почти не было, а единственный серьёзный магазин располагался уже за Кольцевой. И не только числом, но и своей походкой — не прогулочной, а деловой, как для себя определила Настя — целеустремлённой, и тем, что шли они — больше всего среди них было мужчин рабочего возраста, — редко поодиночке, а в большинстве — группами, словно знали друг друга и оказались тут одновременно вовсе не случайно. В этом угадывался какой-то смысл.

Настя вышла из машины, ступила на тротуар и тронула за руку первого же, поравнявшегося с нею, — рослого, в джинсах и такой же рубашке:

— Куда это вы все так? На распродажу, что ли?

Остановленный смерил её взглядом; сперва показалось, что сейчас пошлёт куда подальше, но, похоже, впечатление оказалось в её пользу. Он усмехнулся:

— Угадала. На неё.

— Что же продают такое?

На этот раз его голос стал серьёзным:

— Нас с тобой. Да уже продали.

Теперь улыбнулась она:

— Чего же тогда спешить?

Он за словом не полез в карман:

— А выручку делить.

— А если серьёзно?

— Если серьёзно — защищать Москву.

— Да от кого?

— Похоже, — сказал он, — от всей России.

— Как это?

— Хрен его знает, — сказал мужик откровенно, — я и сам не очень врубаюсь. Ладно, базарить сейчас некогда. Будь здорова.

— Постой! — она удержала его за руку.

— Ну, чего ещё?

Но решение у неё уже возникло.

— Пойду с тобой. Только тачку запру. Тебя как зовут?

Он покрутил головой:

— Глеб я. Ну, ты даёшь...

— Это смотря что и кому, — ответила она очень серьёзно. Подняла капот, на всякий случай — для очистки совести — вытащила пучок проводов, что шёл от катушки на свечи, запихала в сумку, захлопнула.

— Пошли, — сказал парень, нетерпеливо переминавшийся, словно выполнявший «шаг на месте». Подхватил под локоток. — Давай сумку понесу, пока ещё до места доберёмся. Саму-то как зовут?

— А где место? — спросила она почти машинально. — Зовут? Настасьей.

— А сразу за Кольцевой, Настюха. Там определимся подробнее.

В этом было что-то не то чтобы новое, но неожиданно масштабное: Москва против всей России? Историей пахло от таких слов.

Она высвободила руку.

— Не больная — сама донесу.

Кольцевая действительно оказалась непривычно пустынной, как бы неживой. От большого магазина на областной стороне дороги отъезжали последние машины. Мысль — попроситься в одну из них, чтобы подбросили до Рублёвки, а там, может быть... — эта идея пришла слишком поздно, когда никаких колёс вблизи уже не оставалось. Настасья взглянула на часы. Ничего себе! Как-то быстро день проле-

тел. По ту сторону дороги уже кучковались люди, немного — десятка два с лишним. Один из них — видно, старшина местной самообороны — махнул рукой:

— Давайте сюда, присоединяйтесь.

Чуть позже он объяснил задачу. Образовавшейся таким образом группе предстояло контролировать пересечение Молодогвардейской улицы с МКАД. Глеб тут же возразил:

— Там же за кольцом нет продолжения — откуда же там кто возьмётся?

— Вот потому и возьмутся, — ответил старший. — Пересекут кольцо, и — по прямой до Рублёвского.

— А что — у начальства там охраны не хватает?

— Скорее всего, они там будут только отвлекать, а к центру прорываться станут совсем с другой стороны.

— Ну, придут они — мы что, с кулаками на них полезем?

— А что, — спросил старший, — ты так это совсем без оружия и пришёл?

Глеб ответил не сразу:

— Ну, не то чтобы совсем с пустыми руками... — и дёрнул плечом, на котором висел рюкзак.

— Вот и мы такие же умные, — заключил старший. — Значит, расположимся вон там — в зелени, дежурить у перекрёстка будем по четыре человека, остальным — отдыхать.

— И надолго это мы сюда? — поинтересовался один.

— Думаю, здешние, подмосковные, уже к ночи подойдут, но дотемна не полезут, выждут, пока всё стихнет. Главное — вовремя их заметить.

— Для этого, — сказал Глеб, — лучше дозор выставить за дорогой, на их стороне. Человек двух, больше не надо. Часа через два менять. Мы вот с Настюхой можем в первую смену засесть.

Кто-то ухмыльнулся, кто-то пожал плечами: хочешь лишней работы — давай, дело твоё...

— Дело полезное, — кивнул старшой. — Ладно, через два часа сменим. А если что заметите — в драку не лезьте, бегом сюда.

— Обязательно. Шагаем, Настя.

Настя подхватила сумку, и они пошли — не переходя на городскую территорию. Лишь метров через тридцать вышли на дорогу. Настя оглянулась: где-то там, в области, уже перебегали, приближаясь, люди.

— Ну, счастливо, Глеб, — сказала она весело. Он не очень удивился.

— Подколенки задрожали?

— Да нет. Свидание.

Она спустилась с Кольцевой, дошла до железной дороги и пошла вдоль неё, в полосе отчуждения, зная, что до Рублёвки дойдёт — а там кто-нибудь да подвезёт до искомого места.

Достала из сумки сотовый. Но трубка как умерла: ни слова, ни вздоха.

Смеркалось уже, а окна на московской стороне всё не загорались. Опять, значит, отключение?

Не везёт так не везёт.

3

Если бы можно было заранее представить, как обернётся первая демонстрация вместе с антидемонстрацией, Лаптев, пожалуй, ещё сто раз подумал бы, прежде чем организовать выход своих сторонников на улицу. Но что сделано, то сделано, и теперь надо было быстро и продуктивно думать о том, как остановить начавшийся процесс — и так остановить, чтобы это никоим образом не походило на отступление, не говоря уже о капитуляции, но привело бы, напротив, к усилению его позиции. Что-то нужно было предпринять немедленно — что-то такое, что сразу показало бы всем, на чьей стороне сила и кто именно владеет будущим.

Сделать это следовало немедленно потому, что в ином случае уже и сама столица вышла бы из-под его контроля. Положение в главном городе страны ухудшалось с каждым часом. В Москву подавалось всё меньше энергии, район отключался за районом — якобы из-за выхода из строя очередной подстанции по причине крайнего износа оборудования и перегрузок. На самом же деле (как исправно доносили люди с мест) по большей части станции просто отключались по чьей-то команде — и это уже походило на самую настоящую блокаду. Не зря ведь большинство подстанций находилось не в городе, а на периферии. Срочные переговоры с руководителями Московской области ничего не дали: там лишь пожимали плечами, объясняя, что и сама область страдает от обесточивания не меньше города, а также напоминали о давних предупреждениях со стороны того же Чубайса, не к ночи будь помянут. Лаптев же сильно подозревал, что областное руководство не забыло столичных поползновений к объединению области со столицей и теперь отыгрывалось за тогдашнее волнение — или, во всяком случае, не мешало отыгрываться другим. Было ясно, что следующим этапом станет отсутствие воды: насосные станции останавливались, как только из сети исчезало промышленное напряжение. Нет воды — нет и канализации, и это означало, что город через считанные часы начнёт захлёбываться в собственных фекалиях. Го-

родской транспорт уже замирал, угроза остановки метрополитена нависла уже над самой головой, и хотя бензин пока ещё был, но и его хватило бы на считанные дни, если не часы — как только прекратится подвоз, город можно будет считать парализованным. Ведь и продуктов на складах имелось — чего-то побольше, чего-то поменьше, но в общем и здесь счёт шёл на, в лучшем случае, неполную неделю. Оказавшись в таком положении, большинство москвичей вряд ли обратит свой праведный гнев на Кремль: в конце концов, Москвой правили мэр-губернатор и его люди. И в результате и те, кто осадил Москву, и те, кто оказался в ней осаждённым, объединят свои усилия — и пойдут на приступ мэрии. И предотвратить это можно будет лишь одним способом: снять блокаду, возобновить подачу энергии, восстановить подвоз продуктов — и тем самым вернуть столицу к нормальной жизни. И одновременно объяснять, говорить, кричать о том — кто на самом деле виноват в происходящем, кто стремится удушить столицу и ради чего. Если это удастся, замысел Кремля обернётся против него же и приведёт к полному проигрышу Ладкова в борьбе за высший пост в стране. И наоборот — покажет всем, всему миру, что именно он, Лаптев, способен успешно справляться даже и с самыми сложными ситуациями.

Ему было, однако, ясно, что теперь уже Москве своими силами не справиться. Кольцо, обхватившее город, перекрывшее если пока ещё не совершенно все, то, во всяком случае, все основные пути подвоза, можно было взломать лишь двойным ударом: изнутри — и извне. Одновременно, по общему плану.

И в принципе это было возможно. В том случае, что губернаторы прилегающих регионов поддержат Москву и примут его, Лаптева, предложение.

А у них есть основания принять его: люди понимают, что, по сути, идёт борьба не за столицу, а за Кремль. А им, Лаптевым, уже обещано губерниям то, чего они давно уже хотели. И обещано без малого по максимуму. Они поверят, в хорошее всегда легко поверить.

Правда, пока могло показаться, что губернаторы поддерживают Третьего с его Ладковым: они ведь по указанию верховной власти прислали людей, тех самых, что и образовывали сейчас петлю, накинутую на шею столицы. Но и это было игрой. Потому что прислали они тех, кто мог показаться силой лишь глупцу: неорганизованную толпу. Которая может считаться пассивной силой, но уж активной — никак. А ведь подлинная, активная сила была у каждого губернатора. Но её он не включал. И Кремль её не просил, кстати. Потому что та сила — ОМОН, внутренние войска — уже показала, что она в общении с Москвой крови не побоится. А кровопролитие сейчас Третьему ну совершенно ни к чему — перед выборами, на глазах у всего мира!

Потому что сейчас именно он является нападающей стороной. Агрессором. Ну, а мы (думал дальше Лаптев) всего лишь находимся в состоянии необходимой самообороны.

Вывод был более чем ясен: просить коллег помочь серьёзной силой. На то кольцо ответить своим. Серьёзным. А из Москвы только подпирать. Стать той наковальней, на которой молот извне будет плющить рыхлое колечко.

Правда, губернаторы, формально, внутренними войсками в своих областях не командуют. Да и у ОМОНа свои линии подчинения.

Но и части ВВ, и ОМОН живут не на Красной площади, а там, в областях. И не формально, но практически очень многое в их повседневном житье-бытье, да и не только повседневном, зависит не от верховной, далёкой власти, но от здешней, что совсем рядом. В чьих возможностях — сделать твою службу то ли мёдом, то ли горькой редькой. И поскольку им не раз уже приходилось слать своих молодцов на помощь столичным властям, то...

К каждому есть свой подход. С одними достаточно переговорить по закрытой связи. К другим придётся посылать эмиссаров — в знак глубокого уважения. Надо полагать, четверть из намеченных откажется; самые слабые, привыкшие есть из властной руки. Которую, кстати, наполняют другие регионы. Москва в первую очередь. Но остальные три четверти скорее всего пойдут на риск. Потому что в случае успеха они в своих уделах станут, по сути, несменяемыми. А кому из них этого не хочется? Ну, одному-другому и мерещится нечто более высокое. Но это можно и пообещать.

Начать немедленно. Где там хитроумный Полкан?

Вот уж правда — хитроумный. Как ему удаётся придумывать такие штуки?

А может, и не ему вовсе?

Собственно, а какая разница?

Никакой.

4

В треугольной Крепости Власти и её известных филиалах сегодня тоже что-то было не так, как в обычные дни. Чувствовалось, как всегда, напряжение; но не то деловое, рабочее напряжение активно действующей власти, а какое-то другое: может быть, его следовало бы назвать напряжённым недоумением, растерянностью? Во всяком случае, на подступах к кабинету Третьего не замечалось такого движения, как обычно; персонал рангом пониже, правда, был на местах и в общем занимался своими делами — или делал вид, что занимался, за-

то жрецы высокой степени посвящения куда реже возникали в коридорах, да и то не все. Причиной, скорее всего, было то, что как только стало известно, что (как тут иносказательно говорили) лёд тронулся прежде времени, многие поспешили на места, в регионы: оставалась ещё надежда, что личным воздействием удастся всё вернуть в условленные рамки или хотя бы замедлить, чтобы вернуть всё под прежние лозунги, антимосковские и проправительственные. Вот почему обезлюдели вдруг кабинеты. Но сам Третий был на месте и работал достаточно активно. Сейчас, например, разговаривал с губернатором обширной сибирской территории, всего лишь в конце прошлого года им назначенным. Вернее, не разговаривал ещё, а лишь дожидался соединения, которое на сей раз не получилось так сразу, как бывало обычно. Вообще-то связь работала нормально, с предыдущим собеседником, своим полномочным представителем по этим регионам, соединили сразу; но, к сожалению, не с ним самим, а лишь с его резиденцией, где самого чиновника не оказалось на месте, был где-то в поездке, и пришлось потребовать, чтобы его немедленно разыскали и передали, чтобы сразу же позвонил сюда. Была надежда, что хоть он там, на месте, понимает и почему операция началась раньше предусмотренного, и, что ещё важнее, нельзя ли всё переиграть, вернуть, так сказать, на исходные позиции. Хорошо бы, конечно; но с каждой минутой у Третьего крепла уверенность в том, что никакого возвращения не будет и что надо думать уже о других вещах, прежде всего — о собственной безопасности. Потому что измена была кругом, измена и предательство, и самой крупной его ошибкой было — не понять этого заранее и не принять мер.

Сдаваться он не собирался: не тот характер, и на всеобщий позор он выставляться не станет ни в коем случае. Другое дело, что сейчас силой ничего не добьёшься, но только дипломатией, переговорами, компромиссами. Тактическое искусство учит, что и при отступлении надо соблюдать порядок, а не драпать сломя голову.

И всё же уверенность в том, что замысел правильный и обязательно приведёт к выигрышу, то бишь к утверждению Ладкова, внезапно чуть покачнулась, дала маленькую, но трещину.

Случилось это сегодня после неожиданного телефонного звонка. Неожиданного — это говорило о том, что не всё было предусмотрено, достаточно хорошо продумано. Можно было бы, конечно, упрекнуть в этом Полкана, теперь ставшего уже начальником ладковского штаба. Однако Третий понимал, что политтехнолог тут ни при чём. Самому, самому надо было сообразить, чтобы найти нужный ответ заблаговременно, и достаточно убедительный.

Звонил Равиль Умаров из своей удельной вотчины, по современному именовавшейся республикой и формально всё ещё остававшейся

в составе Российской Федерации. Умаров был человеком решительным и действия предпочитал словам. Поэтому он сразу же, не рассусоливая и не тратя времени на протокольные ритуалы, сказал:

— Дошла до меня весть о твоих замыслах, — обращения на «вы» Равиль принципиально не признавал. — Слушай, это нехорошее решение. Очень плохое, поверь. Не делай этого, пожалуйста, да?

Нет, давно уже сделалось невозможным хоть что-нибудь сохранять в тайне больше нескольких часов.

— Здравствуй, Равиль, — ответил Третий. — Как семья, жена, дети? Как сам здоров?

— Все очень здоровы. Теперь послушай, почему это плохо.

— Ты, собственно, о чём? Что-то я пока не понял.

— Ты понял, хотя, может, и не всё ещё. Твоя демонстрация — может быть, не очень плохо, но слишком громоздко. Много шума, много возни, больше, чем пользы. Понял, да? Твой Ладков — слабый человек, пустое место. Ты надеешься, что при нём будешь в безопасности. Слушай, не будешь! Потому что и сам он не будет, его сразу же подомнут под себя и будут править через его голову. Не твои друзья, нет. Твои — расслабились, размягчились. Слишком много проглотили, теперь мечтают спокойно переваривать. Они больше не бойцы. Чтобы тебе было хорошо, тебя сменить должен сильный человек, твёрдый, смелый. С хорошей опорой. Ты понял, да? Скажи одно слово — и я завтра буду рядом с тобой, и не один. Ты знаешь: силы у меня есть. Надёжные.

— Я думал о тебе, Равиль, — наполовину соврал Третий. Он и в самом деле думал, но вовсе не в этой плоскости. Наоборот — прикидывал, как бы устроить, чтобы подольше держать Умарова вне игры. Потому что стоит возникнуть слуху, что Кавказ за Ладкова и помогает ему, как претендент мигом лишится хорошо, если только половины своих сторонников. А он, оказывается, намерен поддерживать не Ладкова, а самого себя. Ничего себе! Хуже может быть только выдвинуть в президенты еврея или армянина... ну, до такого идиотства не дойдёт даже самый глупый... Выдвинуть китайца, вот что было бы худшим. Хотя... с Китаем мы давненько уже не перестреливались, а с Умаровым... — Думал, — повторил он. — Но ты же сам понимаешь: тут надо народ готовить тщательно, не спеша. Иначе как бы всё вообще не пошло в разнос. Ты мужик молодой, успеешь ещё. А сейчас — обещаю: при малейшей нужде обращусь к тебе за помощью. Идёт?

— Не идёт! — отрезал Равиль. — Ты сказал, не на этот раз? А подумал — будут ли другие разы?

— Ну, с этим я согласиться не могу, — возразил Третий. — Ты, Равиль, просто не совсем в курсе. Вот увидишь: всё пройдёт нормально.

— Ты всё-таки ещё подумай. Хотя бы о том: Ладков чем тебя защищать будет? Словами? Дел от него не дождёшься. Считаешь, это ты будешь его за тесёмки дёргать? Ты не будешь. Другие будут. Кто ещё не наелся. Подумай.

— Ничего, Равиль, — разговор следовало закончить на мажорной ноте, с маленьким призвуком несерьёзности. — Аллах велик.

— Аллах — да, — такими словами кавказец закончил разговор и отключился.

И вот теперь предстояло ещё думать: насколько всё это серьёзно и насколько опасно.

Словно без этого не хватало поводов для размышлений.

Третий был вообще-то удовлетворён тем, что избирательная кампания Ладкова в регионах шла успешно. Несколько смутило его лишь количество ошибок: почти везде перепутали отчество претендента, вместо Фёдоровича он всё чаще становился Федотовичем. То ли на местах отнеслись к делу, спустя рукава, без должного внимания, то ли...

Ситуация прояснилась, когда доложили: кандидат Ладков и сам выступает на митингах и собраниях, и с немалым успехом. Это было бы очень приятно, если бы Ладков всё это время не находился на Дальнем Востоке. Но он находился именно там, работал с электоратом. Значит?

Вывод был один: диверсия. Подставили куклу. И весь вопрос в том — в чью пользу она откажется от голосов в решающий момент.

В Лаптевскую, в чью же ещё?

А если не в Лаптевскую?

Если в пользу кого-то из декоративных претендентов, самовыдвиженцев или глав давно уже потерявших всякие шансы либералов или правых, то ладно: с этими возможными голосами или без них, но они и близко к выигрышу не окажутся. Это всем ясно, им самим — в первую очередь. А вот коммунисты — это куда более серьёзно. А также...

Да, кстати! Почему ничего не слышно от...

Он позвонил.

— Савелий Карлович, что нового слышно с востока? Надеюсь, всё благополучно?

И уже по тому, что ответ последовал не в ту же секунду, но с небольшой, но всё же ощутимой запинкой, понял: нет, что-то не так. Не срослось. Ну конечно же: случись там что-нибудь, он бы уже знал. Хотя... может, просто побоялись доложить, не зная, как он к этому отнесётся? Значит, всё-таки ещё боятся. Понимают: и хромая утка напоследок способна клюнуть очень крепко. Тем более что ещё не догадались — какую же позицию он займёт, уступив кресло Ладкову. Со-

ображают, что он ведь может править и через голову преданного ему ставленника.

Хотя чего стоит преданность в наше время — если она вообще существует? Лаптев ведь тоже казался уж таким своим...

— Так что там, Савелий Карлович?

— Н-ну... всё в порядке, все живы-здоровы...

Фу. Мяучит, как нашкодивший кот.

— Вы что — не в курсе? Я спрашиваю: где сейчас Котовский? С ним ничего не произошло?

— Точно сказать затруднительно...

Третий слушал, наливаясь горячим гневом, едва сдерживаясь.

«Затруднительно»! Господи, в очередной раз прошляпили. Что же получается? Мало того, что на свободе, но ещё и дивизия... Раз они его подобрали, значит, там его сторонники. А дивизия, как докладывали, едва ли не самая боеспособная во всей армии. И движется на запад. По его же собственному приказу! Вот уж действительно — не имела баба хлопот...

— Ну, что же: спасибо за информацию.

Это — предельно сухим, сверхофициальным голосом. Чтобы выразить своё крайнее недовольство услышанным.

Выходит, что дивизию эту подпускать к столице и близко нельзя. Хотя...

Равиль. От него нужно сейчас ожидать серьёзных осложнений. Вот эту дивизию и двинуть ему навстречу, раз уж она такая сверхбоеготовная. Минус на минус — получим несомненный плюс. Пусть схлестнутся. И возникнет хороший повод для чрезвычайного положения — и для юга, и для центра. Вот так-то. Клин клином вышибают.

5

Откровенно говоря, такого поворота событий полковник Курилов не ожидал. Военный комендант станции не только не согласился ускорить продвижение эшелонов дивизии на запад, к Москве, но даже отказался дать нужные локомотивы. Сказал:

— Получено соответствующее приказание министра о переброске вас на юг. Отправку начнём через два часа, так что вам следует пребывать в полной готовности к движению, личный состав из вагонов не выпускать. И ещё: мне докладывают, что вместе с вашим соединением передвигаются и какие-то гражданские лица. Вы прекрасно знаете, что это не положено. Никоим образом. Поэтому предлагаю вам немедленно удалить штатских из расположения вверенных вам

войск. Просто высадить; здесь не тайга и не пустыня, они не пропадут. Вы меня поняли? Честь имею.

Курилов повернулся так энергично, что вихрь возник в комендантском кабинете. Вышел, громко стуча каблуками.

Идиотское положение. Наверху — явно стычка. Генштаб — одно, министр — другое.

Да к тому же и это: просто взять и выкинуть из вагона Котовского и его сопровождающих. Согласен: некоторое нарушение в этом есть. Однако, как ещё император Пётр указывал, — в уставах правила есть, а примеров в них нет. В этом роде было сказано. То есть — правила надо приноравливать к реальной обстановке, а не наоборот.

В моём распоряжении — два часа. Москва уже не так далеко. Связь, надо полагать, осуществится без проблем. Напрямую. Хорошо бы — Лосев оказался на месте.

Лосев оказался. И ответил, не дав даже договорить:

— Мы в курсе.

— Мне — следовать прежним маршрутом? Или?..

— Прежним.

На подступах к аэродрому дорога оказалась осёдланной пехотой из местного гарнизона. Курилов со штабом шёл во главе колонны. Завидев препятствие, подозвал командира полка:

— Продолжаем движение. Если дорогу не освободят, комбату-один на дистанции пятьдесят метров развернуть первую и вторую роты влево и вправо в боевой порядок. Если противник откроет огонь на поражение — отвечать. Если устрашающий — не реагировать.

Колонна продолжала движение. Заградители не стреляли. Когда до колонны оставалось уже метров пятнадцать, прозвучала команда, и занимавшие дорогу солдаты — безусые, обношенные, даже оружие державшие как-то не очень уверенно, — мгновенно, словно бы с радостью, освободили и асфальт, и обочины, ушли за кюветы и там остановились неровными шеренгами, провожая проходивших взглядами. Командовавший ими капитан приложил руку к козырьку. Курилов и его офицеры ответили тем же.

Навстречу спешили офицеры с аэродрома — разводить войска по машинам, уже гревшим моторы, так что командовать приходилось в полный голос.

6

В штабе Котовского в Москве назавтра с самого утра волновались всё сильнее. Известно было, что он втихомолку освобождён. Что с ним было двое адвокатов. Замечены в городке, даже сняли номер в гостинице. И — исчезли.

Однако плохая молва, как говорится, на крыльях летит. И прилетела быстро.

Собственно, даже не информация. Информация, как известно, — это лишь сообщение о событиях. А тут прилетело само событие.

Явилось оно в облике нескольких гражданских господ и ещё дюжины других, в камуфляже и при стрелковом оружии.

Оказалось, что их тоже весьма волновала судьба исчезнувшего Котовского. Им дозарезу нужно было увидеть его как можно скорее. В то, что здесь никто не знал, где он сейчас обретается, гости не поверили. И пригласили всех, находившихся в штабе, проследовать за ними — в официальное учреждение, где, как они сказали, память у забывчивых людей быстро начинает работать в полную силу. А чтобы в отсутствие работников в штаб никто посторонний не забрался бы с дурными целями, гости прихватили, кроме людей, и винчестеры всех имевшихся тут компьютеров, и всякого рода документацию и бумажную переписку, а также ту, что была на дисках и дискетах. Всё это было размещено в казённом, привычного уже облика автобусе и без какого-либо сопротивления и иных происшествий доставлено туда, куда следовало. Операция закончилась, когда уже совсем стемнело.

Если только не считать происшествием то, что до учреждения довезли на одного человека меньше, чем предполагалось.

Не хватало Насти. И не случайно. Она всю ночь была на ногах, нашла всё-таки Лосева, вернулась под утро домой и проспала. Подъехала сюда, когда гости уже выходили вместе с трофеями и задержанными.

Нетрудно было понять, что произошло и что теперь делать. Не зная за собой, да и всеми коллегами по штабу, никаких преступлений или хотя бы проступков, Настя прекрасно понимала, что это никого не интересует, и если уж дана была команда — пресечь их деятельность, то их изолируют на столько времени, на сколько захотят, даже если сейчас на помощь придут лучшие столичные правоведы. Значит, надо было скрыться. Где?

Вблизи собственного жилья показываться явно не следовало. Обладая общепринятым (хотя на деле значительно преувеличенным) представлением о всеведущих органах, она не сомневалась в том, что её уже хватились, установить её адрес никакого труда не составляло, и посланные доберутся туда куда быстрее, чем сможет она сама.

У подруги Ларисы? Её, к сожалению, в Москве сейчас не было. А вот Тим должен был находиться тут, в пору предвыборной кампании служащие в его конторе отпусков не получают. Правда, отношения их в минусе, но всё-таки приютить на ночь он вряд ли откажется. Скорее даже обрадуется.

Однако Тима дома не оказалось. А телефоны не работали: второй уже день без тока, дома уже и вода не шла.

Оставалась дача в Благодати. Теоретически. На деле добраться туда невозможно. И не только потому, что сорок километров пешком — дистанция нешуточная. Информация, полученная ею за ночь, свидетельствовала о том, что город был окружён, так что даже если доберёшься до Кольцевой, то перейти её не удастся.

И всё же двигаться надо именно в том направлении. Хотя бы чтобы убедиться в том, что оставленную без призора машину уже угнали, или раздели догола, или же (на что Настя в глубине души рассчитывала) никто на развалюху не польстился, и она так и стоит сиротливо у тротуара. Машина — «вторая квартира», как называют свою тачку многие, — тоже может послужить пусть не очень надёжным, но укрытием, обладающим, кстати, способностью менять местоположение.

Но помимо этой задачи была и другая, и с ней ясности было меньше.

Что, собственно, послужило причиной внезапного налёта властей на их штаб — если учесть, что это серьёзное название принадлежало маленькой кучке людей, сохранивших, самое малое, верность бывшему, в прошлом почти всемогущему шефу? Как ни прикидывай, получалось одно и то же: слухи о досрочном освобождении Котовского, подтверждённые полковником, соответствовали действительности, и шеф оказался на свободе. Значит, он находится уже если не в самой Москве, то где-то поблизости. Но наверху передумали. А он может, недооценив обстановку (слишком уж давно его тут не было), направиться или в дом, где и сейчас жила его семья, или в штаб. Конечно, и тут и там его ждут — но не те, кого ему хотелось бы увидеть.

А значит — она должна была сделать всё, на что способна, чтобы хоть как-то предупредить его.

7

Полкан говорил по телефону, всё ещё работавшему в частично уже обесточенной Москве. Хотя, если подумать, странного ничего не было: телефон принадлежал к той сети, что действовала бы, наверное, даже под атомной бомбёжкой. Особая сеть, и источники питания её

тоже особые. Избранная техника для избранных людей. Кто и далеко за границей остаётся одним из избранных.

— Папа, это я. Извини, что отрываю, но...

Его прервали:

— Да, да, да! Я просто в восторге от твоего звонка. Ну и настрял ты делов! Ты проститутка, захотел сразу переспать с двумя? Знаю твой вопрос. Отвечаю сразу: драпай. Потому что контроля больше нет ни у тех, ни у других. Можешь подсказать тем, кого любишь. Не опоздай. Всё.

8

То, что началось на окраинах Москвы примерно в то же время, когда Настя пыталась понять, что ей сейчас делать и как, и продолжалось на протяжении нескольких часов, до самого утра, уже не только в отдалении от центра, но всё быстрее приближаясь к нему сразу по нескольким основным радиусам — то, что можно с достаточным основанием назвать погромом, никем не было ни задумано, ни вообще предусмотрено в таком виде, в каком осуществилось на самом деле.

Однако получилось так, что на сей раз всё почти с самого начала стало развиваться не должным образом.

Началось, пожалуй, с того, что организованные и доставленные к границам Москвы организации верноподданной молодёжи наподобие «Своих», «Юной гвардии», «Новой России» и прочих собственно в Москву попасть так и не смогли. Те, что подвозились автобусами, были вынуждены остановиться там, где дороги на подходах были перегорожены московской милицией вместе с автоинспекцией. А поезда, начиная с электричек, на которых добиралась до города другая часть, останавливать не стали, но просто, один за другим, переводили на рельсы Окружной железной дороги, по которой они и принялись безостановочно кружить по открытой для них «зелёной улице», не давая никому возможности где-либо высадиться. При этом возникли, конечно, немалые неудобства для тех пассажиров, что ехали в Москву не ради выступлений (о которых и слыхом не слыхивали), а по своим делам. Но то были всего лишь мелкие издержки, неизбежные (как знают политики и военные) при всяком крупном действии.

Таким образом, сразу в город привезенные не попали. Некоторое время они находились в нерешительности: следует ли немедленно атаковать остановившую их милицию или ждать, пока той не будут спущены сверху соответствующие распоряжения? Остановились на втором варианте — решили обождать и вступили в переговоры с милицией, настроенной, надо сказать, достаточно (по милицейским по-

нятиям) доброжелательно. Тем более что число людей у московского рубежа естественным образом всё росло: уже не за счёт молодёжи, но благодаря тому, что подъезжали, а то и просто подходили всё новые люди, отряжённые, как мы знаем, по просьбе высоких властей губернаторами ближайших регионов, чтобы оказать безоговорочную поддержку президенту и выдвинутому им кандидату. Были среди подошедших и люди, никем не вызванные или приглашённые, но обладавшие прекрасным чутьём, вовремя уловившим приближение какой-то заварухи, на которую интересно хотя бы просто посмотреть, а то и поучаствовать, поглядывая при этом, что где плохо лежит. И это увеличение численности людей, которых уже почти можно было назвать осаждающими, говорило руководителям, что они поступили правильно: сила их всё более преобладала над милицейской, так что можно стало уже всерьёз думать о силовом прорыве.

На дорогах тем временем становилось всё теснее и напряжённее. Потому что если, с одной стороны, прибывшие не могли просто так войти в город, то, с другой, — то же самое относилось и ко всем машинам, подъезжавшим к столице с периферии. Прежде всего к большегрузным трейлерам отечественных и зарубежных транспортных фирм, доставлявшим в столицу, как и каждый день, и продовольствие, и другие товары — без пополнения всякого рода запасов большой город может существовать очень недолго, — а также к автобусам с туристами, преимущественно с западных направлений, не говоря уже о частных машинах, на которых люди возвращались из отпусков или ехали по важным для них делам. На глазах у всех стали возникать громадные пробки, как бы отражённая волна покатилась от московских ворот, наткнувшись на препятствие, — на сотни метров, на километры, ясно было, что за наступающую ночь (основное время подвоза) пробки эти распространятся уже на десятки километров — если не произойдёт каких-то изменений.

Изменения, однако, тоже назревали на глазах. Водители-дальнобойщики, народ решительный и не слабый, принялись, поняв, что заперли их тут не на час и не на два, сбиваться в кучки, обсуждая ситуацию. И уже по нараставшей громкости и тональности их разговоров можно было понять, что долго терпеть они не станут, но перейдут к решительным действиям. Было совершенно ясно: если машины пойдут на приступ, то остановить их можно будет разве что артиллерией, которой на дорогах не было, как и армейских подразделений вообще, и даже внутренние войска по какой-то причине отсутствовали — скорее всего потому, что министр внутренних дел, да и командующий ВВ, были людьми президента. Ну, а если прорвётся транспорт, то и все, остановленные московскими силами на ближних подступах, довершат дело и в город всё-таки войдут.

Похоже, что милиция, преграждавшая пути, чувствовала себя всё менее уверенно; однако лишь до той поры, пока из города не стало подходить усиление: дружины охраны порядка, а вслед за ними и горожане-добровольцы. То есть силы стали уравниваться. Но опять-таки до поры до времени.

А именно — до того времени, когда к городу приблизились автоколонны, доставившие к Кольцевой дороге подразделения региональных ОМОНов, уже не впервые отряжённых местными властями на помощь правительству столицы. Они несколько задержались, потому что им пришлось прокладывать для себя дорогу, расшивая узкие места на дорогах — а дороги все уже стали узким местом.

Но пробились.

Бойцы в полном боевом снаряжении привычно высыпали из автобусов, и, пока строились, начальники этих колонн — с небольшим разбросом по времени, полная синхронность тут не была достигнута, да такой задачи и не ставилось — связались по рациям со штабом мэра Лаптева, доложили о прибытии и получили задачу: экстремистские группировки, организующие беспорядки на московских окраинах, рассеять и открыть свободный проезд для грузового и прочего благонамеренного транспорта.

Кто-то из прибывших омоновских офицеров намекнул, что московская милиция могла бы справиться с юнцами и прочей шантрапой и собственными силами. На что ему объяснили: безусловно, могла бы; однако московские силы действуют лишь на территории собственного региона, а нарушители порядка находятся на территории области, чья милиция сохраняет, так сказать, нейтралитет. Прибывшие с этим аргументом согласились и уже между собой — по связи, конечно — начали обсуждать план действий.

Решено было прежде всего предложить собравшимся разойтись миром, как и полагается делать. Но переговоры успеха не возымели; быть может, потому, что вожаки организованной молодёжи обиделись на то, что их же земляки прибыли сюда не для подкрепления их, но наоборот, возникли в качестве противников. Не обошлось без резких слов. Однако выразительная лексика не послужила запалом для вроде бы уже назревшего взрыва.

Прибывший ОМОН к каким-то активным действиям не приступал. И тому были свои причины. И то, что ОМОН не очень привык начинать: его действия, как правило, всегда являлись ответом на активность противника, подлинную или мнимую — неважно. А также и то, что прибывшие давно уже испытывали непреходящее состояние обиды, и именно на Москву и её руководство. Потому что, не однажды уже отрабатывая за московскую милицию, регионалы в результате получали только критику, нападки и в печати, и со стороны отдель-

ных граждан, а порой (и это было обиднее всего) даже прокуратура принимала против них какие-то меры, пусть и чисто внешние, но всё же. И вот теперь в очередной раз им придётся своими руками таскать каштаны из огня (впрочем, люди эти вряд ли пользовались именно этой поговоркой, но за смысл можно поручиться).

То есть ОМОН решил запастись терпением и выждать.

Поняв, что сейчас их атаковать не будут, «Свои» и прочие, тоже обладавшие радиосвязью между всеми направлениями, обсудили положение. В отличие от ОМОНа, они жаждали действия — иначе зачем они вообще здесь? И, похоже, нашли выход. Даже не один.

Они решили, пользуясь обстоятельствами, не ломиться в город через милицейские и прочие заставы, но просочиться. Потому что с самого начала было ясно: если все главные дороги перекрыть и можно, то окружить всю столицу непроницаемым кордоном просто нельзя: даже если бы удалось выстроить цепь по всей Кольцевой, то её легко было бы даже малыми силами прорвать в любом месте, а когда защитники кинутся туда — пройти в другом. Решение было признано тактически правильным, и осаждающие были уже готовы перейти к его реализации.

Но им помешали.

Помешал не кто иной, как дальнобойные водилы, у которых терпение иссякло уже окончательно. Возникшая было надежда на то, что прибывший ОМОН быстро разберётся, вскоре погасла. Стало ясно, что действовать надо самим. И они взялись за дело, вооружившись монтировками и разным другим инструментарием, какой всегда имеется у людей, подвергающихся систематическим опасностям — когда у вас в кузове ценностей порой на много миллионов.

Шофера не собирались вступать в конфликт ни с пришлой, ни с московской милицией, верно понимая, что корень зла — не в них, и разговоры со стражами порядка лишь убедили их в этом. И они накинулись на политически активную молодёжь. Если бы они начали с переговоров, то узнали бы, что те и сами уже готовы слинять с дорог, и не стали бы препятствовать. Но водители уже разозлились настолько, что ни на какую дипломатию больше не были способны. И стали просто бить не ожидавших такого оборота событий юнцов.

Кое-кто попытался обороняться, но большинство сразу же пустилось наутёк. Сзади были омоновцы, впереди — московские силы. Проще всего оказалось — чесать по Кольцевой, чтобы прежде всего оторваться от нападающих: ясно было, что те далеко от машин уходить не станут. А оторвавшись — сворачивать, чтобы затеряться в темноте. Так и сделали, и часть свернула от Москвы, но большая часть, всё ещё настроенная на выполнение задачи, пользовалась лю-

бой возможностью, чтобы затеряться в городе и там уже вновь собраться в массу — и двинуться вперёд, к центру.

Шофера и действительно не стали — да и не хотели — преследовать бегущих; в конце концов, цели и намерения собравшихся им не были известны, да и знай они — вся эта политика была им до фонаря. Надо было освободить дорогу — и они это сделали. Теперь следовало возвращаться к машинам, запускать моторы и благополучно заканчивать очередной рейс.

Досталось не только молодым, под горячую шоферскую руку попали и делегаты предприятий, и добровольно примкнувшие провинциалы. И они тоже побежали. Но эти поголовно все сворачивали в Москву, в область не уходил никто.

Но если дальнорейсы сейчас почувствовали себя более или менее удовлетворёнными, то о московских защитниках этого сказать никак нельзя, поскольку они очень быстро поняли, что противник хотя и бежит, но не отступает, а наоборот, выполняет свою задачу — проникает в священный город. И пустились на перехват. В отличие от милиции, которая такого приказа пока не получала и потому осталась на своих местах.

Москвичи знали топографию лучше провинциалов. Быстро вычислив, какая развязка, улица или переулок выведут бегущих, преследователи, спрямляя путь, в предполагаемой точке встречи оказывались первыми. Волей-неволей пришлось драться. Сперва на кулаках. Но уровень ярости с обеих сторон поднимался всё выше: пришлых — потому, что им грубо мешали выполнить ответственнейшее задание, которое уже и оплачено было или хотя бы проавансировано. Москвичей — по той причине, что им приходилось, вместо нормального отдыха, терять время на отражение вдруг навалившейся шантрапы. Надо учитывать и то, что немалая часть воителей с обеих сторон была уже заранее несколько разогрета — хотя бы потому, что вечер выдался не из самых тёплых. Так что если в начале работали, как говорится, голыми руками, то уже вскоре тут и там стали взблескивать в лунном свете лезвия, а потом захлопали и выстрелы — один, другой, а вот и короткая очередь прозвучала, неизвестно, с какой стороны...

Тогда в операцию включились и официальные силы: раз уж дошло до стрельбы, медлить было более нельзя. Быстро доложили наверх и получили распоряжение: действовать решительно, средства выбирать, исходя из обстановки. Первой двинулась московская милиция и ОМОН. За ними, после небольшой паузы, пошёл и ОМОН региональный. Таким образом, возникли три волны, не быстро — Москва город не маленький, — порой с остановками (чтобы осадить преследователей, после чего снова набрать скорость), они перемещались, направляясь к центру — потому что «Своим» и прочим назначенные места

сбора находились если и не в самом центре, то во всяком случае в пределах Садового кольца. Москвичи требовали подкреплений. Для того, чтобы ускорить движение, кому-то из преследуемых первому пришла в голову мысль — воспользоваться транспортом, то есть частными машинами, плотными шеренгами стоявшие вдоль тротуаров и на них во всех дворах, через которые приходилось пробегать. Со вскрытием не церемонились, просто разбивали стёкла, а как запустить мотор без ключей, каждому известно с младенчества. В этом, между прочим, проявилось преимущество россиян, сразу понявших, что использовать машины куда целесообразнее, чем просто поджигать их, как навострились в Европе. Противоугонные устройства в большинстве случаев исправно срабатывали, так что, однажды поднявшись, вой, свист, звон и курлыканье более не умолкали, постепенно со всех направлений приближаясь к Садовым и приводя в ужас мирное московское население, уже и так обесточенное и обезвоженное, а также... Гм... и обессортиренное, а теперь ещё и разбуженное какофонией и не понимавшее, что, собственно, происходит за окнами: марсиане нагрянули, что ли? Тут к этому шуму стали всё чаще примешиваться милицейские сирены, а затем и сигналы скорых, потому что жертвы уже появились, и у кого-то тут и там хватало здравого смысла, чтобы вызвать медицину.

И ещё один звук всё чаще раздавался, хотя и не заглушая прочих, но явно с ними не смешиваясь. Так и осталось неустановленным, кто и где разбил первую магазинную витрину. Неизвестно также, было ли это сделано с хладнокровным намерением, или чья-то очередь случайно заставила стекло стечь на тротуар кратковременным стеклопадом, и кто проявил разумную инициативу, вскочив в открывшийся проём: чтобы избавиться от назойливого преследователя или же из простой любознательности, а может быть, просто прихватить какой-нибудь сувенирчик на память. Тут могут иметь место некоторые подозрения, потому что значительно позже, когда стали сводить всю цифирь воедино, оказалось, что участников ночных событий оказалось куда больше, чем всех, принадлежавших и к осаждающим, и к московским защитникам. Замечено было также, что большинство магазинов было вскрыто чисто профессионально. Действия вновь примкнувших к обеим сторонам ночных рыцарей не остались незамеченными и нашли немало последователей. Это привело к тому, что вокруг самых представительных магазинов стали возникать очаги сопротивления, одни отстреливались, другие тем временем вдумчиво исследовали содержимое полок и кладовых (с ними были главным образом не «молодые», а «добровольцы», у которых возникла, наконец, реальная возможность хоть как-то возместить себе те обиды, что накопились, пока Москва жирела, а Россия бедствовала). Кто-то уже командовал:

«Грузовик подогнать, наверняка тут немало стоит по соседству, иначе не унести!». Кто-то другой убегал на поиски через чёрный ход. Как известно, дурные примеры заразительны, и пока сопротивлявшиеся, поощряемые профессионалами, грабили, их преследователи, поняв, в чём дело, обиделись вдвойне: кто попало растаскивал московское добро! И как-то так, само собою, правда, не везде, но всё же и не в одном места, получилось, что москвичи и регионалы, столкнувшись у одной и той же полки, обменявшись парой выразительных словечек, всё же не набрасывались друг на друга, поняв, что на всех хватит. Этот процесс тоже, хотя уже и не столь быстро, продвигался к центру, где, как ожидалось, и магазины будут побогаче.

Наверное, милиция и ОМОН смогли бы достаточно быстро навести хоть какой-то порядок. Но помешала обстановка. Когда и убегавшие, и преследовавшие стали рассеиваться по магазинам или — другая их часть — на угнанных машинах, а также и на автобусах, наконец-то въехавших в город, поскольку пробки на въездах стали рассасываться после того, как милиция пустилась вдогонку прорвавшимся, — региональный ОМОН оказался лицом к лицу со своими московскими коллегами. На которых, как уже говорилось, у провинциалов были давние обиды. И произошло почти неизбежное: кто-то выкрикнул нечто обидное, ему ответили, третьи ввязались — и началось второе действие сражения, когда стражи порядка стали лупить друг друга почём зря. Правда, люди серьёзные, они обходились дубинками, ни до огнестрельного оружия, ни до «черёмухи» дело, понятно, не дошло.

Кто-то кричал: «Водомёты, почему водомётов нет?!» На самом деле машины были, а вот воды нет: сказалось отключение тока в напорных станциях водопровода. Это грозило большими бедами — и действительно, в одном из вскрытых магазинов уже заиграли сполохи, пошёл дым. Пришлось вызывать ещё и пожарников: у тех хоть пена была. В общем, дикой получилась ночка, иного слова не подобрать.

Глава шестая

1

Самолёты — военные транспорты — сели без происшествий, как и полагалось, с положенными интервалами. Взводы и роты выгружались, отбегали к границам большого, недавно ещё расширенного аэродрома, строились, шла перекличка. Курилов, спустившись на землю, сладко потянулся. Встретивший его Лосев сказал, поздоровавшись:

— Вот жизнь пошла: то ты меня встречаешь, то я тебя.

— Служба, — усмехнулся комдив и повернулся к Котовскому, вышедшему последним:

— Поздравляю с прибытием.

— Спасибо. Но это ещё не Москва.

На это вместо Курилова ответил Лосев:

— Придётся обождать. В городе неясная обстановка. Командующий, на два слова.

— Извините, — проговорил Котовский, и отошёл подальше, чтобы не слышать секретов. Остановился, глубоко вдыхая подмосковный воздух.

Лосев сказал:

— В Москве стреляют. Генштаб требует навести порядок. Кроме тебя, сейчас некому. Не кремлёвскому же полку.

— Где сейчас Верховный? — поинтересовался начальник дивизии.

— Дома, не в городе. Твоя задача — обеспечить безопасность Кремля. Приказ Генштаба. Кремля! — подчеркнул Лосев голосом. — Вон, смотри вправо, правее вышки. Видишь?

— Вижу машины.

— Для тебя. Сажай войска. Но на выступление будет дана команда. А здесь — твоя исходная. Сиди и жди по готовности номер один.

— Понял. Вопрос: что делать с пассажиром? С его людьми? Ты не узнал его?

— Плохо обо мне думаешь. Его надо поместить где-нибудь здесь, в Москве и в самом деле опасно. Стихнет — тогда пусть едет.

Курилов сказал:

— Погоди, по соседству есть местечко — я его по пути туда заброшу, там, я считаю, будет надёжно.

— Тебе виднее. Но без промедления.

— Один вопрос: точка назначения — Кремль, это понятно. А там?

Лосев ответил, обозначив намёк на улыбку:

— Как говорит главковерх — обеспечить преемственность власти.

Курилов скомандовал стоявшему поодаль адъютанту:

— Командиров полков — ко мне! Войска — по машинам. — И заместителю, что подбежал первым: — Степан Маркелыч, командуй пока, я ненадолго, быстро вернусь. Мою машину выгрузили? Сюда её!

Ставилась боевая задача. И потому один полковник не спросил, а другой — не сказал, что видел девушку Настю, и она вполне в порядке.

2

Верховный и в самом деле находился уже дома, за городом, когда среди ночи пошли тревожные звонки. Вдруг позвонил Ладков. Был он аж во Владивостоке — проводил свою кампанию:

— Что там в Москве? У вас всё в порядке? Тут слухи ходят самые сумасшедшие... И газеты, и тиви... все каналы...

— Какие «все каналы»? Да ты где сейчас?

— Я? Да во Фриско — случайно, в общем, оказался тут...

Третий сердито шваркнул трубку на место. Во Фриско вряд ли, но вот здесь уже и правда стало слышно, что стреляют. Не рядом, конечно, но и не так, чтобы очень далеко. Он потребовал машину. Начальник охраны сказал:

— Вы лучше прямо здесь меня убейте, потому что в Москву я вас только через мой труп выпущу!

— Нужна обстановка. Доложи.

— Город штурмуют с пяти направлений. И пути в центр практически перекрыты. Идёт стрельба, начинаются погромы.

— Глупости. Кто, откуда?

— Пока точно не известно. То ли банды, то ли наёмники какие-то, то ли просто толпа. Но вооружённая. Ночью сориентироваться точнее трудно. Рассветёт — увидим.

— А что же милиция, войска? Лопухину звонил?

Лопухин был нынешним министром внутренних дел, а перед тем руководил строительством Северо-Западного наливного терминала.

— Так точно, в первую очередь.

— Соедини с ним.

— На Житной только дежурный. От него и вся информация. С милицией там что-то не так, сейчас выясняют.

— Домой министру звони!

— Уже. Никто не отвечает.

«Вот именно, — подумал главнокомандующий. — Уже».

— Тогда в Генштаб. Или начальнику домой. Соедини. Здесь нужны войска.

Начальник Генштаба оказался на месте. На требование Верховного ответил достаточно спокойно:

— Меры приняты. К сожалению, ближе всего дислоцированные войска сейчас по вашему приказу задействованы на тактических в районе Смоленска. Для возвращения понадобится двое суток. Там погодные условия исключают полёты транспортных самолётов.

Верховный положил трубку. После паузы проговорил:

— Доберёмся до Кремля на вертолёте. Скомандуй там.

— Нет. Вы же слышали: идёт стрельба. Мы же не знаем — из чего. А вертолёт — мало ли их сбивают? Нельзя!

— Так. Что же посоветуешь? Подожди! — последнее слово было обращено к жене, появившейся на пороге. — Одевайся пока! — И собеседнику: — Итак?

— Ваш вертолёт готов.

— Ну, и куда же я на нём?

— К самолёту, конечно. Экипаж уже на месте.

— Вот, значит, как ты решаешь. А дальше?

— Главное — сейчас отсюда выбраться. Последняя информация: крупное воинское соединение приближается к столице... выходит, что без ведома Генштаба?

«Это Равиль, — понял Третий, и ему на секунды сделалось не по себе. — Это уже не толпа, пусть и вооружённая. Ах, сукин сын, улучил минуту...»

— Может, к казахам, — говорил тем временем начальник охраны. — Или в Германию?

— С ядерным ключом? — спросил Третий. — В качестве гостинца? Ну ты скажешь.

— Оставить здесь.

— Глупеешь на глазах.

— Ну, не в доме же. Офицер доставит в Генштаб. Там надёжней. Вернёмся — заберём.

— А если не доставит?

— Я с ним лучших людей пошлю. Довезут.

— Его довезут. А меня, значит, нет?

— Им рискнуть я могу. Вами — не имею права.

— Ладно, — согласился Третий. — Действуй. Или на Лубянку? Хотя... нет. Давай его сюда — отдам ему приказание. Остальное решим в воздухе. Поехали!

3

Кого бы это ещё могло принести среди ночи, в такую неблагоприятную пору? Ре понимал уже, что дочери добраться не удалось. Ничего удивительного: поезда не ходят, дороги перекрыты. Скорее всего, кому-то понадобилась помощь. Как Тимофею, что, несколько захмелев, храпел сейчас на диванчике. И на всякий случай Ре спросил:

— Настя, ты?

Ответил мужской голос:

— Простите, вы её отец?

«Что-то с дочкой», — мелькнуло в голове. И старик решительно отодвинул засов, распахнул дверь.

— Что с ней?

Перед ним оказался военный. Средних лет. В камуфляже. С полковничьими погонами.

— Разрешите войти? Разрешите представиться: полковник Курилов.

Это было неожиданностью. Но скорее приятной, чем наоборот. Потому что на лице полковника никак не читалась информация о беде.

— Ага, — сказал Ре, отступая назад, предоставляя полковнику оперативное пространство. — Если не ошибаюсь, Артём... а по отчеству?

— Понял: вы в курсе. Сейчас связи с нею у меня нет. Простите, я не один, и у нас серьёзное дело. Вы разрешите войти моим спутникам? — И, повернув голову: — Входите, господа.

Вошло ещё трое: двое мужчин и женщина.

— Позвольте представить вам: господин Котовский...

Ре кивнул. Он успел уже узнать одного из трёх.

— Милости прошу. Извините за беспорядок. Итак, чем могу вам помочь?

— Приютите моих спутников. Ненадолго.

— Считайте, что вы у себя дома. Прошу за стол. Как раз к ужину.

— Боюсь, мы стесним вас... — начал было Котовский.

— Ни в коем случае.

Едва успели сесть, как снова в дверь застучали — на этот раз уверенно, сильно. Гости переглянулись. Ре встал. В руках его оказался АКМ. Курилов успокоил:

— Свои. Иначе мой конвой пошумел бы. — И громко:

— Доложитесь!

— Полковник Лосев, — послышалось официальное.

Курилов вскочил, сам распахнул дверь. Лосев вошёл.

— Приношу извинения за беспокойство. Должен вручить вам приказ начальника Генштаба. Срочно, секретно.

Курилов прочёл, подсвечивая себе фонариком. Не садясь, проговорил:

— Господа, вынужден покинуть вас: служба. Но ненадолго.

Надел каскетку, откозырял, вышел, пропустив Лосева вперёд.

— Ну, что, — сказал Ре оставшимся, — по сто граммов за встречу?

И, не ожидая возражений, заторопился к буфету.

. . .

Чёрт его знает, что за зелье оказалось у старика в запасе: градусов восьмидесяти, не меньше, но такое вкрадчивое, на чём-то этаком настоянное, что когда пьёшь, крепость о себе не заявляла, а когда ты спохватился, назад уже пути не было, уже расслабился, растёкся. Да и вся обстановка тому содействовала: свечка догорела, свет теперь шёл только из каминного зева, за окнами мрак и тишина, и легко представлялось, что попал куда-то в прошлые века, и нет больше сегодняшних крутых проблем, и сумасшедшего темпа нет, как и того давления на тебя, которое было настолько привычным, что чаще даже не ощущалось, как не ощущается давление воздуха.

Словом, вошёл Гущев в хорошую кондицию, хотя началось с пустяка: старик предложил рюмку, чтобы отвратить возможную простуду, быстро накидал на стол какой-то закуси и воздвиг четырёхугольную пластиковую бутыль из-под минералки, пятилитровую. Никто не стал бы отказываться в такой обстановке. Потом случайно уснул. Проснулся. Ещё какие-то люди возникли и разговаривали вполголоса.

— На самом деле тут вовсе не в том была причина, что Москва богаче, что все деньги текут сюда, здесь зажрались, всех других и в упор не видят, и всё такое прочее. Не в том, Борис Максимович...

(Это старик. А другой какой-то мужик — Борис Максимович? Постой-ка...)

— В чём же, по-вашему?

— В инстинкте, если угодно. Инстинкт массы сродни звериному. Умение чуять приближающееся землетрясение, извержение. Зверь бежит, птица летит. Магнат уезжает. А простой гражданин? Один одурманивает себя заработком, растущим уровнем жизни, возможностью натянуть нос заграннице. Другой — бутылкой. Вы, человек зрелый, понимаете: всё, что делают и собираются сделать — всего лишь попытки подавить симптомы. А никак не заболевание. Но победить-то нужно болезнь, не её признаки. Не выглядеть здоровым надо: быть им!

— Какой же представляется вам сама болезнь?

— В кратких словах — характер власти.

— Боюсь, что не понял. О чём вы: о демократии? Об авторитаризме? Или...

— Несколько шире. Понимаете, власть принадлежит политикам. И это, я считаю, в корне неправильно. Недаром ещё у Платона управлять государством должны были философы. Власть не должна принадлежать политикам точно так же, как ею не должны владеть военные или, скажем, экономисты. Потому что никто из них не в состоя-

нии видеть интересы страны в полном объёме, каждый волей или неволей исходит из приоритета своих профессиональных интересов. И оттесняет на задний план другие.

— А вы считаете, что возможны люди, равно владеющие всеми этими профессиональными знаниями и умениями?

Котовский усмехнулся.

— Нет, вряд ли. Но это и не нужно. Задача человека во власти — окружить себя такими политиками, военными, экономистами и прочими, кто правильно понимает свои задачи при соблюдении максимальной гармонии различных интересов. То есть самыми способными, знающими, решительными. Не боясь того, что кто-то из них в какие-то мгновения будет затмевать его самого. Понимая, что светило и во время затмения остаётся светилом, просто ненадолго возникает ситуация, когда его не видно. Такой человек должен стать как бы центром кристаллизации, не более того. Иначе получается, что один пытается думать и решать за всех — а на это никакого гения не хватит. За всех — потому что преднамеренно окружил себя теми, кто просто неспособен осуществлять нужные функции. Но такая структура власти говорит лишь о непригодности, непрофессиональности самого организатора. Вот, по-моему, та болезнь, от которой мы якобы стараемся найти лекарство — или лекаря.

— А вам не кажется, что в роли целителя тут выступает как раз сама болезнетворная культура? И лечит, прививая самоё себя?

— Несомненно. В старину вызывали чудо-докторов из-за моря...

— Им жизни не хватит, чтобы понять сущность нашей болезни. Но мы и у себя дома нашли бы. Мозги ещё остались на Руси.

— Смотрю на вас — и верю в это.

— Кажется, некоему человеку тоже так показалось. Результат вам известен.

— Ещё не вечер. И ещё можно даже сделать всё, не обходя законов.

— Вряд ли это реально.

— Да почему?

— Утопия. Кто поддержит?

— А кто доставил вас сюда? Вдумайтесь в обстановку: нечто происходит, власть практически не сопротивляется, потому что она давно уже стала хунтой. А кто обычно свергает хунту — вы знаете не хуже меня. А имя «Котовский»...

(Чёрт, так вот кто это! Как я сразу не сообразил? Ну да, его выпустили, Андрей говорил, теперь он здесь, как знать, этот поход на Москву — не для того ли, чтобы...)

Конечно, будь Тим трезвым, такое ему вряд ли подумалось бы.

Разговор за столом продолжался.

— Ладно, пусть даже они поддержат. Но чтобы соблюсти закон — нужны голоса. А кампания уже развернулась вовсю, начинать её поздно...

— Борис Максимович, вы верите в магию чисел?

— Никогда не задумывался всерьёз.

— Напрасно. Всё-таки две тысячи двенадцатый год стоит. И значит: из Кремля уходят те, кто был там недолго и не по праву. Как двести лет назад. Как четыреста. И приходят те, кто там нужен России.

Тут Тимофей не стерпел — опять-таки, наверное, по пьяному делу. А может, и не совсем: паренёк ведь отнюдь не глупым был, и его могло сейчас озарить: тут, при тебе, зреет будущее, и пока в нём ещё много места, так что надо садиться, пока поезд не ушёл!..

— Простите, господа, если я вмешаюсь...

На него обернулись с не очень доброжелательным любопытством. Ре сказал:

— Ты спи, спи, Тимоша. Время ночное...

— Голоса есть, — сказал Тим. — Много. Ладковские голоса. Того, который «Федотович». Я его кампанию веду, у него успех, и он свои голоса отдаст тому, кому я скажу.

Котовский сказал:

— Ну, не всякому. Он не тот человек.

— Вы... его знаете?

— И он меня тоже. Давно.

— Но вам-то он отдаст?

— Это нужно у него спросить.

Но сказал это Котовский так, что Тим понял: отдаст.

4

Настя не в первый уже раз остановилась в растерянности.

Она только что опять отклонилась от избранного направления — круто свернула на перекрёстке, потому что в той стороне, куда она продвигалась, снова раздались выстрелы — и на этот раз ближе, чем раньше. Какой-то бой шёл в городе, а вернее — бои, потому что выстрелы слышались сразу в нескольких направлениях, где громче, где тише. И вот сейчас они зазвучали уже совсем близко.

Улица, на которую она свернула, была совершенно безлюдной, освещалась лишь лунным светом, не постоянным, потому что облака то и дело закрывали светило. Быстрым шагом, почти бегом, она в темноте миновала длинную многоэтажку, под ногами на тротуаре неприятно хрустело; потом луна открылась, и сразу стало видно, что на этой улице что-то уже происходило, а хрустели осколки разбитых ма-

газинных витрин. Жилые окна на этажах были совершенно темны, даже свечки нигде не мерцало, хотя вряд ли люди в своих жилищах этой ночью спали. Настя побежала, чтобы на следующем перекрёстке снова свернуть, восстанавливая нужное направление. В той стороне стрельба вроде бы стихла. И просчиталась, потому что именно оттуда и вывалилась, как ей показалось, толпа и устремилась навстречу ей.

На самом деле там было, пожалуй, десятка три-четыре человек — молодых, как она потом уже сообразила, не старше двадцати, злых, готовых к драке. Вероятно, их только что пытались остановить, но удалось отбиться, и они спешили дальше по намеченному ими маршруту. Настя удалялась от центра, значит, спешившие ей навстречу направлялись в центр.

Ей это сейчас было безразлично — куда они торопились и зачем. Лишь бы не помешали ей. Но, зная, что толпа всегда способна на самые непредсказуемые и неразумные действия по отношению к любому постороннему, она решила не рисковать. Следовало укрыться и переждать, пока эти не убегут своей дорогой. Только где?

Она бежала сейчас мимо дома со множеством подъездов. Рванула одну дверь, другую — всё, как ни странно, было заперто, хотя электричества не было и домофоны не действовали, но здесь запоры были механическими, не магнитными, да и не разглядеть было, какие кнопки стерты от постоянного употребления, раскрывая таким образом секрет кода. Расстояние стремительно сокращалось. Как назло, в этом доме не было магазинов, но одна вывеска вроде бы виднелась у следующего входа, и оставалось лишь надеяться, что там... а что, собственно, могло там быть? Если бы круглосуточный магазинчик — но вряд ли: в окнах и там было темно. И всё же...

Она успела подбежать туда. Нет, вывеска извещала лишь о том, что в этом подъезде принимает заказы проживающий здесь кузнец — решётки, каминные приборы, украшения из металла... Заказов он по ночам, видимо, не принимал — во всяком случае, эта дверь была заперта не менее надёжно, чем все остальные.

Значит, будь что будет. И она побежала дальше, не очень даже и укрываясь — встречные так спешили, что можно было надеяться — на неё не обратят внимания.

Пробежав шагов десять, остановилась снова. Как вкопанная.

Потому что из той же улицы показались и преследователи. Небо как раз ненадолго очистилось, и можно было разглядеть, что они собой представляли.

То были ОМОНовцы. О них Насте, как и всем, было известно, что они сначала бьют, а потом только — далеко не сразу — начинают разбираться.

Бежали они профессионально — не колонной, а цепью, контролируя всю небольшую ширину улицы, Так что от их внимания ускользнуть было невозможно.

Настя даже не приняла никакого решения; словно кто-то другой сделал это за неё. И она повиновалась: повернулась и побежала в обратном направлении. Толпа как раз поравнялась с нею, и никто не удивился тому, что кто-то на бегу присоединился к ним.

Как ни странно, оказавшись вместе со множеством других, Настя почувствовала себя спокойней и уверенней, чем всё последнее время. И даже усталость, какую она всё больше ощущала, перестала беспокоить её. «Стадное животное», — невольно пришло ей в голову.

Она пристроилась рядом с пареньком совсем ещё молодым, лет пятнадцати-шестнадцати на вид — насколько сейчас можно было разглядеть. Может быть, ее выбор был подсознательным: в таком возрасте большинство таких ещё безопасны.

Мальчишка покосился на неё, отрывисто проговорил:

— Не. Отставай. Убьют. Они в замазке.

Она невольно кивнула. И спросила:

— Куда... бежим?

Парень от неожиданности даже сбился с шага.

— У тебя лоб... в два шнурка... да? В Кремль... преза защищать.

Вот, значит, как!

Она ухитрилась оглянуться. Погоня не отставала — или почти не отставала. Но уж точно не придвинулась.

— Ты сам... откуда?

— Мы все... Озёрские.

Спереди стали голосом передавать:

— По следующей... налево.

Похоже, и вправду — в самый центр. Неужели думают, что их туда пропустят?

Хотя — похоже, сейчас всё может быть.

Что-то такое происходит.

Понять бы — что?

В поисках ответа на этот вопрос Настя чуть не врезалась в спину бежавшего впереди: толпа внезапно стала круто затормаживать.

Ничего удивительного: откуда-то справа, из поперечной улицы вырвалась колонна военных машин. Солдатские каски виднелись над высокими бортами. Машины круто сворачивали и устремлялись дальше, вперёд, тем самым путём, по которому двигались и парни, призванные на защиту власти.

Бегущие остановились не только потому, что колонна загородила путь. Заминка могла оказаться минутной. Однако стремление поскорее достичь кремлёвских стен стало исчезать с неожиданной быстротой.

Теперь перед ними оказалась армия. А это означало, что новое приключение, весёлая тусовка грозила превратиться во что-то куда более серьёзное и опасное. И нарываться на такой вариант никому не хотелось.

К тому же сразу возникло и оправдание: солдаты наверняка направлялись к той же цели. Значит, поставленная задача будет выполнена — пусть и чужими руками. Зато милиция, похоже, ещё не считавшая своё дело сделанным, оказалась теперь в совсем уже опасной близости.

Поэтому спереди прозвучало:

— Врассыпную! Возвращаемся!

И толпа стала таять куда быстрее, чем кусочек сахара в стакане горячего чая.

Настя тоже не стала медлить. Тем более что успела решить — куда же направится сейчас.

К штабу Котовского. Если он всё-таки появится в Москве, то устремится именно туда — раньше даже, чем домой. Он всегда был человеком дела.

Затаиться где-нибудь, чтобы видеть всякого, кто направится к нужному подъезду. А если окажется, что в помещении никого нет, — остаться там и ждать.

За ней никто не стал гнаться: своя рубашка у всякого оказалась куда ближе к телу. И хотелось уберечь это тело от столкновения с омоновскими дубинками.

5

Происходило действительно многое. В том числе и на улицах. И наверное, большинству московских обывателей, добропорядочным гражданам, сильно огорчённым событиями последних дней, включая сразу опустевшие магазины, отсутствие электричества, отказ водопровода и канализации, отсутствие нормальной связи, а теперь ещё и стрельбу ночью, именно всё это казалось главным и решающим.

На деле же самые главные, даже решающие события происходили не на улицах. Решения принимались и реализовались не под открытым небом, но в стенах не столь уж многих помещений, где даже в этих условиях сохранялась связь, куда поступала более или менее конкретная информация, исходя из которой люди и пытались делать выводы и в зависимости от них либо управлять процессами, либо...

Выводы для большинства оказывались неожиданными и горькими. Контроль, ещё за день-другой до событий казавшийся надёжным и незыблемым, был утерян. Раньше такое положение представлялось возможным лишь немногим, и из этих немногих меньшая часть, ис-

кренне озабоченная судьбами страны и потому чужеродная для высших слоёв, почему-то называвшихся «элитой», до полной хрипоты кричала, предупреждая о возможных последствиях, и зарабатывала немалые неприятности на свои головы без особых, казалось, результатов. Большая же часть — та, для которой страна была лишь инструментом для построения собственного, персонального мира, максимально независимого, богатого, живущего по своим законам и никак не привязанного к каким угодно территориям, этносам и историям, глобального мира, — большая часть эта успела заблаговременно покинуть российские пределы, вовремя реализовав свои здешние активы и переведя полученное куда подальше. Эти люди теперь могли из приятного далека наблюдать за происходившими событиями и даже, по мере возможностей, влиять на них — хотя возможности такого влияния были для них более чем ограничены.

А те, кто не предвидел, у кого раньше не хватало времени для серьёзного анализа, потому что время это требовалось для основного их занятия: превращения своей личной политической власти в свою же личную, но уже подлинную власть — больших денег, эти люди и были вынуждены сейчас, признав совершившееся, срочно искать выход из положения, понимая, что для этих поисков оставались, может быть, уже не дни даже, а часы.

Наверное, в городе оставалось ещё достаточно сил, чтобы попытаться восстановить порядок. Но силы эти понадобились для другого: для обеспечения безопасности на пути в аэропорты, где стояли собственные «боинги», готовые ко взлёту. И на улицах всё чаще возникали колонны машин, где на полдюжины милицейских и даже военных тачек приходилось один-два членовоза, внутри которых очередные ВИПы, вжимаясь в сиденья, спешили туда, где уже просыпались самолёты. И не только по земле: устремлялись туда и на вертолётах, окружённых другою, воздушной охраной. По сути дела, власть покидала своё гнездо, всякая — и законодательная в подавляющем своём большинстве, и исполнительная, и судебная... Только четвёртая власть, уже доведенная до полного безвластия, не вставала на крыло. И — военная, не собиравшаяся, похоже, отступать, потому что её активы, её богатства и возможности, включая ракетно-ядерный арсенал, нельзя было ни вывезти, ни бросить на произвол судьбы. Наверное, убегавшим положение казалось более страшным, чем оно было на самом деле, — в конце концов, пока ещё беспорядки происходили только в одном городе, пусть даже столичном. Но у страха глаза велики, и в определённых условиях они приобретают качества электронных микроскопов или телескопов с многометровыми зеркалами — хотя показывают они чаще всего не реальные, а виртуальные объекты, вырастающие, впрочем, из совершенно реальных предпосылок.

Уже в самолёте Третьему пришлось ответить на несколько телефонных вызовов. Не из России: те, кто мог бы выйти на связь оттуда, сами уже находились в движении, потому что знали, что он опередил их. Звонки были на высочайшем уровне. Вашингтон, Пекин, Берлин — и было бы «Далее везде», но прочих приходилось просто отсеивать. Разговоры были, в общем, на один манер:

«Нас чрезвычайно обеспокоили... Контролируемость ракетно-ядерного арсенала... Готовы оказать немедленное содействие восстановлению порядка...» — и так далее.

Отвечалось тоже по стандарту:

«Выступления разрозненных групп экстремистов практически не угрожают сохранению нормального порядка. Контроль над арсеналом не подвергается никакой опасности... Порядок восстанавливается, в помощи не нуждаемся».

Те, на другом конце провода, ещё не знали, что не из обычной своей резиденции отвечает их собеседник, но из другой, мобильной, приближающейся сейчас к южной границе, чтобы вскоре пересечь Каспий. Самое время было — реализовать давнее предложение посетить страну Ахменидов с неофициальным визитом. И оттуда «добро» было уже получено.

Как ни странно, необходимость провести такие разговоры успокоительно подействовала на Третьего, тревоги понемногу стали утихать. И в самом деле: ну что такого произошло? Такое везде бывало, бывает и ещё будет. Ночные страхи, даже как-то неудобно становится. Может, приказать обратный курс? Нет, не сразу. Визит стал уже официальным фактом, пробыть там недельку, дома тем временем всё устаканится. Ракеты? Ну, офицер с чемоданчиком, как и полагается, тут: сидит за дверью, несёт свою службу.

Равиля испугался? Ну, это можно понять. Но если поставить у него на пути ту самую дивизию, что пришла из Восточной Сибири? Судя по характеристикам, она с делом справится: не в горах же придётся работать, а на Среднерусской...

Именно так.

Позвонить сейчас в Генштаб — отдать соответствующее приказание.

6

В Генштабе между тем уже закончилось совещание, срочно созванное начальником этого учреждения. Были все, кому следовало. Министра не приглашали.

Решено было: войска, дислоцированные близ границ, поднять по тревоге. Остальным войскам повсеместно в возможных событиях не участвовать, если не будет соответствующих приказаний. Прибывшую в Подмосковье дивизию Курилова задействовать немедленно по нескольким направлениям.

Одним полком — обеспечить нормальную подачу в город и окрестности энергии в полном объёме. В случае саботажа — применять силу.

Вторым — обеспечить безопасность Кремля, резиденций Федерального собрания, Правительства Российской Федерации, а также московского мэра и правительства.

Остальными силами — навести порядок на улицах. В случае сопротивления применять силу. Установить контроль над основными дорогами. Не препятствовать желающим покинуть пределы города. Въезд в город закрыть на двадцать четыре часа — за исключением лиц, чьё присутствие в городе необходимо.

В случае готовности местных сил поддержания порядка оказывать войскам содействие — пользоваться им, ни в коем случае не разрешая самостоятельных действий.

Поскольку гражданские власти страны и города не проявляют никакой инициативы — город объявить на военном положении и в самом срочном порядке восстановить деятельность властей. В случае невозможности реставрировать их в полном составе — собрать инициативную группу гражданских лиц, которой и будет передана власть — под контролем армии до тех пор, пока такой контроль будет требоваться. Во главе группы должны стоять люди, достаточно популярные в массах и являющиеся профессионалами.

— Полковник Лосев, немедленно оформить приказ и довести его до сведения командира дивизии.

— Слушаюсь.

7

Полк вошёл в Кремль без происшествий, не встретив никакого сопротивления.

Единственным значительным лицом, какое им тут встретилось, оказался первый заместитель начальника кремлёвской охраны. Его

разговор с командиром прибывшего полка оказался кратким и деловым. Кремлёвец сказал:

— О введении военного положения я поставлен в известность. Никого из администрации на территории нет: время не рабочее. Было много звонков, но вот уже час не звонит никто. Никаких приказаний не имею. Несём службу как обычно.

— Мне приказано, — ответил командир полка, — обеспечить безопасность и порядок на территории Кремля и в прилегающем районе. Не допустить проникновения сюда каких-либо посторонних лиц, сохранить аппарат власти готовым к действию. Пропускать работников кремлёвских учреждений и позволять им занимать рабочие места. Власть будет действовать по-прежнему. Думаю, в скором времени последуют более конкретные указания.

— У меня указание, — сказал кремлёвец, — оказывать вам всяческое содействие.

— Благодарю. В ваши действия вмешиваться не стану. Но все посты сдублируем. Для надёжности. Покажите, пожалуйста, где мне разместить мой КП и где — штаб полка.

— Покажу с удовольствием. Можете занять помещения моего начальника — насколько мне известно, сегодня его здесь не будет. Центр связи недалеко оттуда.

— Очень хорошо. Годится.

Вбежал лейтенант.

— Товарищ подполковник, тут приехали, просят встретиться...

— Скажи — не имею полномочий. Вот прибудет командующий...

— Они так и сказали: что надо срочно вызвать сюда командующего.

— Да кто «они»?

— Китайский посол.

8

На самом деле из людей, чья служба проходила в Кремле, на площадях — Новой и Старой, а также в Белом доме, в здании Думы, бывшем Госплане, в мэрии и московском правительстве, уехало, улетело, уплыло не так уж много. В основном — те, чья жизнь уже несколько лет делилась пополам между государственной деятельностью и большим бизнесом. Да и из таких немало осталось, в основном те, чьи бизнес-интересы нельзя было заранее перевести за границу и очень непросто было свои активы обратить в валюту: они проявили недальновидность, и теперь вот приходилось из-за этого подвергать себя опасности. Надеялись, впрочем, что опасность окажется куда меньшей, чем ночью рисовал её страх.

Люди же рангом пониже никуда и не собирались, И на следующее утро были намерены выйти на работу, как и каждый день.

Между тем, на самом деле опасность была куда больше, чем казалось. Она заключалась не в угрозе жизни или даже свободе каких-то людей, Но в существовании самой Российской Федерации.

Потому что странным образом, невзирая на отсутствие энергии и, следовательно, связи, о том, что происходило в ту ночь в столице, уже через час-другой были информированы губернаторы, в первую очередь — те, чьи отряды участвовали в столичных беспорядках, а от них незамедлительно — и другие: в России связь оставалась в полном порядке.

И стало ясно: вот тот день и тот час, когда необходимо сделать решительные заявления и принять ещё более решительные меры, чтобы добиться если уж не полной самостоятельности и независимости, то во всяком случае крутых перемен в государственном устройстве, перейти от федеративного хотя бы к конфедеративному, то есть — стать хозяевами на своей территории.

Уже в середине ночи состоялась своего рода чат-конференция, на которой большинство губернаторов согласилось с необходимостью таких действий. Хотя серьёзно продумать — к каким первым, вторым и третьим последствиям задуманное предприятие должно было бы привести через неделю, месяц, год или десятилетие. Во всяком случае, главы пограничных губерний высказывали значительно больше сомнений, чем те, кто, кроме самой России, ни с кем более не граничил. Хотя и тут некоторые — те, что послабее — поглядывали на сильных соседей не без опасения.

Однако каждому из них было ясно: даже думать обо всём этом, не говоря уже о практических действиях, никак нельзя было без согласования этого вопроса с пусть не очень серьёзной в глобальных масштабах, но определённо решающей в губернских масштабах силой: с армией.

Все понимали: для армии главная проблема будет — в судьбе стратегических ракетно-ядерных войск. Все понимали, что возникновение не менее чем полусотни маленьких стран, владеющих таким оружием, в два счёта пустит под откос вообще всю мировую цивилизацию. Поэтому возникло решение: если конфедерация, то пусть у неё и остаётся контроль за этой техникой. Однако! Пусть они и платят аренду за каждую установку, находящуюся на территории губернии. Хватит грабить!

Не успела закончиться эта конференция, как началось множество разговоров — уже личных: губернаторов — со старшими воинскими начальниками на их территории, начиная с командующих округами и кончая начальниками местных гарнизонов.

Ответы военных были однообразны, как военная форма:

— Мои войска уже подняты по боевой тревоге. Мне приказано любыми средствами сохранить покой и существующее положение на этой территории. Так что для вас самым лучшим будет: вы меня не приглашали, ничего не предлагали и всё такое прочее. Иначе здесь будет объявлено военное положение — мне стоит лишь поднять трубку. Это вас устроит?

Это почему-то никого из власть (хотя бы ограниченную) имущих не устраивало. И приходилось считать разговор — не имевшим места.

Но немало губернаторов затем вздохнуло с облегчением.

Зато руководители некоторых соседствующих государств испытали чувство глубокого разочарования.

Но это — их личное дело. Не более того.

9

В штабе Котовского всё оказалось таким же, каким было, когда отсюда уехали погромщики, увозя с собой сотрудников и изъятые винчестеры. Никакой засады не оставили. Настя облегчённо вздохнула. Хотя уже приближаясь к этим местам, была почти уверена в том, что в возникшей неразберихе вряд ли кому-нибудь захотелось продолжить начатую было операцию.

Так что Настя решила, что здесь и останется — пока не рассветёт, по крайней мере, или не возникнет какой-то другой ясности.

Она поставила на ножки единственное здесь кресло и уселась: сказывалась бесконечная беготня, ноги требовали отдыха, да и всё тело тоже.

Незаметно для себя самой, она задремала.

Ей приснился яркий летний день. И музыка. Знакомая. Очень.

Она проснулась, словно от толчка.

В комнате горел свет. И играла музыка — а точнее, звонила её трубка.

Не успев ничего понять, Настя поднесла трубку к уху. И услышала:

— Дочка, ты? Жива? Ты где сейчас?

— Па? Привет... Я... погоди, где я сейчас? А, конечно. На работе. Ну, ты знаешь, где: во Втором офисе. Да, жива, даже здорова. А у тебя что? В порядке?

— Дочка, слушай: это хорошо, что ты там. Никуда не уходи, слышишь? Дождись, скоро должны подъехать...

— Сюда? Кто?

Трубка усмехнулась:

— Люди, тебе знакомые. Знаешь, а мне твой полковник понравился. По-моему, нормальный мужик.

— Папа! Не говори загадками! Ты о чём? О ком? Где ты его видел?..

Но по эфиру уже шёл отбой.

Настя стала набирать отцовский номер. Но в дверь позвонили. Резко, уверенно.

Она кинулась открывать.

— Борис Максимович, вы?!

И кинулась, раскрыв руки, чтобы обнять, прижать...

И Котовский тоже — обрадованно, хотя и несколько удивлённо — протянул руки навстречу.

Но девушка проскользнула мимо. И обняла другого, и лицом прижалась к другой груди.

Нет, не к отцовской — хотя старый Ре тоже почему-то оказался среди приехавших. На него она лишь бросила вопросительный взгляд, на что он пояснил:

— Понимаешь, кружка разбилась — вот приехал купить...

Но дочь его уже не слышала.

Неизвестно, сколько продолжилась бы немая сцена, не зазвони в это время телефон в кармане командующего дивизией.

Служба есть служба. И Курилову пришлось, хотя и медленно, осторожно высвободить одну руку, извлечь телефон и не очень любезно рявкнуть в трубку:

— Первый! Ну, что там?..

Минуту с лишним он молчал, слушая. Потом сказал:

— Пригласить, устроить, как положено. Будем через...

— Пяти минут хватит, — подсказал вполголоса Ре.

— ...через пять минут. У меня всё.

Закрыл трубку и сказал Насте:

— Прости. Будь дома. Позвоню. Приеду. Обязательно.

И повернулся к Котовскому:

— Пора. Едем. Нас ждут.

— Куда? Зачем? И — кто нас ждёт?

В тоне, однако, не чувствовалось удивления. Скорее озабоченность.

Курилов ответил:

— Природа. Та, что не терпит пустоты.

Нет, жизнь всё-таки не кончается.

Геннадий Прашкевич

НЕТ ПЛОХИХ ВЕСТЕЙ ИЗ СИККИМА

Не плачь, ибо, видишь ли, всякое желание — иллюзия, и вновь привязывает тебя к Колесу.
Р. Киплинг

Последний атлант

1

У него в голове гуси.

«Взгляни, что за зверя я там уложил?»

«Что за зверь — не знаю, а по паспорту Сидоров».

Николай Михайлович начинает рассказывать анекдот по телефону.

Надо отвечать. «Две блондинки. Первая: «Чем заняться?» Вторая: «Включи, что ли, чайник». Первая: «А он вскипел, что дальше-то?» Вторая: «Ну, не знаю, поставь в холодильник, горячая вода всегда пригодится».

Последний атлант ржет.

Он стоит в открытых дверях.

Он только делал вид, что его нет, просто мобильником пользуется без перерыва.

В детстве возможности Николая Михайловича были ограничены бедными функциями обыкновенного домашнего телефона, зато теперь он наверстывает, пользуется только продвинутой техникой. В годы становления наведывался в закрытые компьютерные сети банков, случалось, бродил в закоулках оборонного комплекса. К счастью, несколько шумных по-

казательных процессов, прокатившихся по стране, отрезвили юного хакера; он нашел себя в играх.

В компьютерных.

Дантист по образованию, модернист по ориентации.

Летом — светлые шорты, линялая футболка, мягкие кроссовки.

Зимой — джинсовый костюм, теплая дутая «аляска». Кудри, голубые глаза.

Шесть раз счастливо женат. Мысли просты, не стоит сравнивать с фрактальными фигурами. Но если вы, молодые женщины, купили новую мебель, новый красивый ковер, чудные занавески, отливающую небесной голубизной фарфоровую посуду и вам срочно требуется обновить мужа, не смотрите в сторону Николая Михайловича. Вам нужен обыкновенный, так сказать, бытовой муж, у которого золотые руки, бегающие глаза, который пахнет потом и изменами, а Николай Михайлович всегда выбрит, аккуратен, он обожает анекдоты и эзотерику, образ жизни у него ночной, ваши подруги заахаются. Третья жена рискнула не пойти с Николаем Михайловичем на собрание эзотериков — теперь живет в другом городе, а Последний атлант переселился в квартиру рядом с моей. Стучит по клавиатуре, заходит покурить, опять и опять возвращается к любимому компьютеру. Подозреваю, что всех своих бывших жен он представляет исключительно в виде *www.july, www.jenny, www.svetik, www.lapka, www.tamusik, www.gerda.* На Новый год и на дни рождения дарит друзьям модемы и флешки; фильмы просматривает в ускоренном режиме, отыскивая вопиющие, на его взгляд, технические ошибки; носит майки с омерзевшим логином *WINDOWS MUST DIE*; абсолютно убежден, что Чужие среди нас, а *IQ* нормального системного администратора должен в три раза превосходить его физический вес. Последней жене в ответ на страстные ночные стоны не раз указывал: *шлейф Durex* не рассчитан на подобную скорость. А вторую пытался убить. Некий доброжелатель донес что-то такое о приключениях в зарубежной командировке, вот Последний атлант и отправился в офис жены, прихватив с собой кухонный нож. Ангелу-хранителю Николая Михайловича это не понравилось. Спасая хозяина от тюрьмы, толкнул его под колеса грузового автомобиля. С той поры Николай Михайлович хромает.

2

— Тебя нашел этот тип?

— Не знаю, о ком ты говоришь.

— А почему не спросишь?

— А нужно?

— Нужно, — покивал Последний атлант. — Не простой тип, в шляпе. Да еще и в легком плаще, можешь представить. На глазах очки. Хмурый. Полчаса стучал в твою дверь, пока я не выглянул.

— А зачем выглядывал?

— Так стучал же.

— Не к тебе.

— Тем более.

— И что он сказал?

— Всего только два слова.

— Мне нужно их знать?

— Наверное. *Счетчик включен.*

— Электрик, что ли?

Последний атлант пожал плечами.

Ладно. Проехали. Гости меня не интересуют.

Последнее время мы на белом коне. И все благодаря «Эволюции».

Я сам видел в офисе договора на поставку наших дисков в Португалию и Испанию.

Не знаю, почему именно в Португалии и в Испании геймеры проявляют такой особенный интерес к науке — может, потому, что Колумб, кажется, был оттуда. Так что электриком Последний атлант меня нисколько не удивил. Ко мне часто приходили непонятные люди. Да и сам Николай Михайлович появлялся не просто так. Даже сейчас прятал за спиной руки. А мог и не прятать. Знакомый пластиковый пакет. Я прекрасно *знал*, что лежит в этом пакете. Мои собственные джинсы. Час назад я специально оставил их на скамье в парке. Надеялся, что первым их подберет какой-нибудь бомж. Но повезло Николаю Михайловичу.

Утром он ходит в офис.

Просматривает документацию и новые наработки.

Он не хардкорный геймер, он не станет портить глаза, часами бесцельно пялясь в монитор, но стрелялки (шутеры) его всегда привлекают. Непременно чтобы вид «из глаза». Подозреваю, что таким образом он борется с мировым злом. Убивает все, что движется. А потом отводит душу в эзотерическом обществе, где собираются и левосторонние, и правосторонние. Друзей Последнего атланта интересуют прыгающие вулканы, катастрофические приливные волны, глобальные сбросы, гибель высокоразвитых цивилизаций. Все как один похожи на Шойгу, в самом хорошем смысле.

«У меня комплекс неполноценности», — не раз жаловался Последний атлант.

Я пытался его разубедить: «Никаких комплексов, реальная неполноценность!»

Но Николай Михайлович упорствовал. Даже при получении заграничного паспорта отличился. На вопрос: «Ваш родной язык?» — твердо ответил: «*Basic*». «Да нет, мы спрашиваем про язык, которым вы постоянно пользуетесь!» — «А! Тогда, наверное, *Си*».

Топтать кнопки, жать батон, работать с «крысой» (мышь отечественного производства), отдавать трехпальцевый салют — в мире программистов Последний атлант фикус известный. И молитва у него одна. «Отче наш, иже еси в моем *PC*! Да святится имя и расширение Твое. Да прийдет Прерывание Твое. Да будет воля Твоя. *BASIC* насущный даждь нам днесь. И прости нам наши дизассемблеры, как копирайты прощаем мы. И не введи нас в *Exception Error*. И избави нас от зависания. Ибо Твое есть адресное пространство, порты и регистры. Во имя *CTRL*, *ALT* и Святого *DELETE*, всемогущего *RESET*, во веки веков, *ENTER*!»

3

— Возьми трубку.

Единственными друзьями я считаю Последнего атланта и Пашу.

Николай Михайлович следит за тем, чтобы я жил комфортно, а Паша старается этот комфорт разрушить. Ничего странного. Паша — ламер (*хромой*). Самый тупой «чайник» может, пусть с трудом, но отличит процессор от БИОСа, из самого тупого «чайника» в конце концов может что-то получиться, а вот из ламера — никогда. Не случайно Паша в последнее время увлекся литературой: пишет альтернативный исторический роман. Не один. С женой местного олигарха. Заработав деньги, хочет получить ответ на все *если*, мучащие его с детства.

Если бы перекрыть течение Гольфстрим...

Если бы к власти пришел не Сталин, а Каганович...

Если бы неандерталец никогда не взял в руки дубину...

Если бы мы питались только воздухом, причем влажным...

Если бы мы уже слетали на Марс, только скрываем это. Американцы, к примеру, врут, что побывали на Луне, а мы, к примеру, врем, что не побывали на Марсе...

И тысячи других *если*.

Видимо, олигарху нравится занимать молодую жену увлекательными делами, иначе не отваливал бы Паше тонну баксов в месяц. Неплохие деньги, если учесть, что до начала совместной работы Паша выбирал в ресторане не самые дорогие блюда, а цветочниц гнал от своего столика. Говорил, что у него на цветы аллергия.

«Мы работаем над каждым словом».

Я верю. Став писателем, Паша многому научился.

«Водку нужно пить ледяную. Тогда наутро у тебя будет не позорный бодун, а благородная ангина».

Когда в альтернативном романе страсти и ужасы вспыхивают с совсем уж непомерной мощью, Ойлэ (так жена олигарха официально обозначила себя в отношениях с соавтором) пугается и лезет к Паше на колени. Она миленькая, я ее видел, но Паша ее безумно боится. Она мечтает сделать Пашу знаменитым. Но в запутанном Пашином сознании олигарх ассоциируется с чем-то вроде кемпера — знаете, это компьютерный игрок, сидящий в засаде. Цель у него простая: получить максимум с потерей минимума. Но, конечно, своими страхами Паша с Ойлэ не делится, поэтому она постоянно пытается влезть Паше на колени. А он боится, что или его убьют, или Ойлэ отравится противозачаточными таблетками.

У нее точно бак потек.

Например, она всерьез убеждала меня в том, что умеет менять скорость света. А еще ей хорошо известно, что в заброшенных тупиках нашего метро живут потерявшиеся когда-то мохнатые осмотрщики путей. А если в розетке поменять плюс и минус, лампочка начнет вырабатывать темноту и холод.

И все такое прочее.

— Слушай, — дышал в трубку Паша.

— Ну, говори, говори. Я слушаю.

— Ты внимательно слушай, а то с твоей позорной памятью...

Я неопределенно хмыкнул. Он прав, память — не мой конек.

— Мне справка нужна. Ты один знаешь о таких вещах. У тебя голова забита никому не нужными вещами. Вот скажи, когда в Советском Союзе ввели персональные звания для военных?

— Если ты про РККА, то в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году.

— Это точно?

— Тебе поклясться?

— А в госбезопасности?

— В том же самом году.

— А разница была между теми и этими?

— А как же.

— Ну, так объясни.

— Что объяснить?

— Ну, чем они отличались?

— Звания?

— Ну да.

— Сержант госбезопасности в то время был, скажем так, равен лейтенанту Красной армии.

— А почему не такому же сержанту?

— Потому что в РККА звание сержанта отсутствовало.

— А звание младшего лейтенанта госбезопасности чему соответствовало?

— Лейтенанту или политруку. Соответственно.

— А капитана госбезопасности?

— Полковнику или полковому комиссару.

— Хочешь сказать, — не поверил Паша, — что в госбезопасности легче было сделать карьеру?

— Я ничего такого не говорил. Это ты несешь всякую чепуху. Просто звание генерального комиссара госбезопасности соответствовало званию армейского маршала. Только тебе зачем все это? Учти, все три советских генеральных комиссара госбезопасности плохо кончили.

Но Паша — упрямый тип.

Чтобы написать альтернативный роман, надо много знать.

Я сам видел, как Пашу били свежим букетом цветов по фейсу, а он только закрывал глаза и спрашивал: «Простите, мы знакомы?» Хороший парень. Далеко пойдет, если завяжет с Ойлэ и с литературой.

4

Последний атлант бросил на стол пластиковый пакет.

Он ждал похвалы. Но разворачивать пакет я не собирался.

Все равно выкину. Новые, почти не ношенные джинсы, а я их все равно выкину.

По самому низу живота, по ширинке вдоль молнии и ниже по шву расползлись непристойно яркие, ядовитые цветные пятна. На коленях или на заднице, может, они и смотрелись бы, но не на указанных местах. Это бармен в «Иероглифе» угостил меня экзотичным коктейлем. Ингредиентов не знаю, но вывести пятна не удалось.

Не может быть, чтобы он не помнил.

Я легко и без интереса читал мысли Николая Михайловича.

Я легко и без интереса читаю любые чужие мысли. Маленькие и большие, гнусные и нежные, какие угодно. А чаще всего скучные и безразличные. К сожалению, таких больше всего. Правда, Последний атлант не догадывается о моем странном даре. У него идея-фикс: вывести меня на реальные воспоминания.

А у меня нет воспоминаний.

Я даже не помню, что любил раньше.

Это сейчас я люблю сидеть в переполненных кафе, ресторанах, ночных клубах. Музыка и шум нисколько не мешают мне. Пригляды-

ваюсь к лицам, прислушиваюсь к словам и к мыслям. Вон тот человек, например, похож на монгола, а размышляет как самый развратный француз. А вон тот похож на осетина, не стоит вслушиваться в его мысли. А этот вообще русский...

О своем даре я узнал года три назад.

Случайно, конечно. До этого ничего такого не было.

В кафе «Иероглиф» за мой столик нагло уселся (загрузился) плотный упитанный чел. Не спросил разрешения, просто отодвинул свободный стул. Розовый, как кабан, упитанный, с небритыми руками. Улыбнулся мне: «Чмо!» Устроился под ярким баннером: «Если вы пьете, чтобы забыться, платите бармену вперед».

«Чмо!» Это он обо мне так *подумал!*

Нагло сдвинул в мою сторону меню, все эти разнообразные баночки со специями, красивую салфетницу и жадно заказал официантке несуразное количество жратвы. При этом прикидывал, рассматривая меня: «Ну, чмо! Ну, не повезло! Все столики забиты. В рот будет заглядывать».

— Напрасно вы заказали так много.

— С чего вы взяли, что это для меня много?

Он уставился на меня. Он стопроцентно был уверен, что я чмо. Ему казалось, что он очень точно определил меня. Даже прикинул: «Может, не ждать? Может, сразу дать по репе?» Но решил: «Успеется. Сперва покушаю».

Это *покушаю* меня особенно покоробило.

— Зря вы заказали так много. Не успеете *покушать*.

Он замер.

Уставился на меня.

Даже оглянулся, но никого и ничего за его спиной не было, только баннер о заблаговременном расчете. Ласково улыбаясь, отхлебнул из высокого бокала. Красивое рубиновое вино. Отхлебнул жадно, много. Это его успокоило. Пьет, чтобы забыться, решил я. Терраса кафе «Иероглиф» выходит на бульвар, совсем рядом, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, проходили мимо нас люди. «Это нехорошо, это негигиенично, — думал мой наглый визави. — Да еще это чмо. Обгложу рульку, — сладостно думал он, — и засвечу косточкой».

Я отчетливо *видел* химический след его неопрятных мыслей.

Они извивались. Они были белесыми. Они доставляли ему острое, даже болезненное наслаждение. «Закажу чашку латте, чтобы глаза не ошпарить». Так он наслаждался. Даже пришлось предупредить:

— Вы не успеете.

— Чего не успею?

Он опять оглянулся.

Глаза его недоуменно щурились.

И как раз в этот момент к террасе подкатила машина.

Черный мощный джип «Хонда». Водила не собирался останавливаться, джип медленно катился вдоль террасы и два накачанных парня, распахнув дверцы, внезапно вывалились наружу, сорвали моего визави со стула (он только всхрапнул) и за волосы головой вперед заученно кинули на заднее сиденье. Третий, ухмыльнувшись, посмотрел на меня и от души врезал резиновой дубинкой по столику. Влажный салат так и брызнул мне в глаза и на подбородок.

— Ваши друзья? — зачарованно спросил официант.

Я кивнул. Если енота-полоскуна кормить кусочками сахара, он сходит с ума.

Мой наглый визави, мысли которого я свободно читал, напомнил мне обезьяну. На обложке рабочей тетради, в которую я многие годы заносил наблюдения и понравившиеся мне цитаты, красовалась семья обезьян. Слева самец гиббона, справа самка гиббона. Меня всегда интересовало, где сам гиббон? — но это вопрос, конечно, больше риторический. Вот визави и напомнил мне отсутствующего гиббона.

Тетрадь, кстати, тоже исчезла.

Из закрытой квартиры. Три дня назад.

— Тебе опять звонят, — кивнул Последний атлант. — Возьми трубку.

«Сергей Александрович?» — голос женский, торопливый.

— Вы не ошиблись.

«Я — Ли́са».

— Я вас знаю?

«Это неважно. Нам нужно встретиться».

— Я не пользуюсь услугами телефонных девушек.

«Это другой случай, — торопливо повторила неизвестная мне Ли́са. Она так торопилась, что даже не обиделась. — В «Иероглифе». Через час. — И добавила, почувствовав мою нерешительность: — Вы ведь хотите вернуть пропавшую тетрадь?»

Самка гиббона, самец гиббона.

Она будто мысли мои подслушала.

5

Но, в общем, я не сильно удивился.

Я постоянно чего-то жду. Я постоянно что-то вылавливаю.

Скажем, лицо в толпе. Или необычный голос, случайный жест. Я пытаюсь увязать самые неувязываемые вещи. Моя память чиста, поэтому я набиваю ее всем, чем придется. Чаще всего прикидками к новой компьютерной игре, которой занят. Пытаюсь представить ка-

менистую пустыню, облизанную сухим ветром, сухой сиреневый туман. Все детали вижу необыкновенно отчетливо. Вижу даже то, что прячется вдали — за песками, за каменными останцами.

Шамбала.

Таинственная страна.

Я слышу звук длинных труб.

Шамбала рядом, но к ней нельзя приблизиться.

Ты можешь идти к ней годами, десятилетиями, но если ты не призван, если ты не услышал зов, дальние звуки так и останутся дальними звуками. Паша не случайно пытается поймать меня на внезапных воспоминаниях, и Николай Михайлович тоже не случайно пытается запутать меня в долгих беседах. Они прекрасно знают, что у меня нет прошлого, это их заводит. Люди нетерпимы к чужим бедам. Пять лет назад при заходе на посадку в местном аэропорту взорвался и сгорел самолет. Из ста сорока двух пассажиров, оказавшихся в огне, выжил только один. Вы, наверное, догадались — кто.

Полгода в реанимации. Полгода в специальной клинике.

Есть люди как люди, есть больные люди, есть очень больные, а есть такие, наконец, что и на людей давно не похожи. Позорные неестественные животные, определяет Паша. Вот я такой. Меня сумели вытащить из огня. В общей сложности, я почти полтора года провел вне привычного мира. А когда, наконец, влился в привычный социум, как говорят психологи, оказалось, что память моя стерта. Я не помню, кто я, откуда, куда и зачем летел, как меня звали, где вырос, есть ли у меня родственники и друзья, чем занимался до того момента, как купил билет на злополучный рейс. Все пассажиры и пилоты самолета погибли, к сожалению, никаких документов при мне не оказалось, кроме рабочей тетради, уцелевшей в прожженной куртке. Я мог быть любым из мужского состава погибших, но ни один запрос обо мне не получил исчерпывающего ответа. Меня никто не узнал. Я перенес слишком много операций, чтобы меня можно было узнать. Я как бы вдруг всплыл из ничего, из тьмы, или, наоборот, — из пламени. Не в капусте меня нашли, не аист меня принес, даже не из Интернета меня скачали. Люди — существа врущие, любящие преувеличивать, а я и врать не мог. В самом деле, какой смысл врать, если все может оказаться правдой?

Последний атлант сравнивал мою память с костяшкой домино *пусто-пусто*.

К счастью, меня это не мучает. Я не покупаю старых книг. Не хожу в кино, в театры. У меня нет определенного круга общения. В офисе у меня — отдельное место, но чаще всего я работаю дома. «Помнишь, как ломается лед весной на Ангаре?» — любит внезапно спрашивать Паша. «А почему на Ангаре?» — «Позорная река. Ты что, не плавал по ней?»

Не знаю.

Не помню.

Мне не с чем сравнивать окружающее.

Какое-то время казалось, что в шумных ресторанах, в ночных клубах, в популярных кафе я могу попасть на глаза кому-то, кто меня прежде знал, но даже на показанные по телевидению фотографии никто не отозвался. Правда, в «Кобре» (ночной клуб) я познакомился с Пашей. Мы в ту ночь пытались активно напиться, каждый по своей причине. Узнав про мою особенность (беспамятство), Паша пристал ко мне: «А какие цветы ты дарил жене?» — «А у меня была жена?» — Паша злился. Он и сейчас убежден, что у меня исключительная память. Действительно, я могу один раз взглянуть на страницу любого самого сложного текста и с точностью воспроизвести ее. Но до Паши не доходит, что это оперативная память :) Не больше. Да, это так. После самого беглого прочтения я способен повторить любой сложности текст. Отчетливо вижу перед собой сложные математические формулы, непонятные графики, даже расположение абзацев и знаков препинания, даже цвет и оттенки типографской краски. Но о себе, о своем прошлом я ничего не помню.

Правда, в отличие от Паши и Последнего атланта, меня это не мучает.

Получив деньги за новый сценарий, я собираюсь съездить в Сикким. Это сейчас Сикким всего лишь штат Индии. А когда-то был таинственным королевством. Все это, конечно, настораживает моих друзей.

«Почему в Сикким?» — присматривается Последний атлант.

«Не знаю».

«Ты раньше бывал в Сиккиме?»

«Не думаю».

«Но ты ведь собираешься именно в Сикким, а не в Сочи и не в Хабаровск».

«Ну и что? Мне так хочется».

«Раньше ты много ездил?»

«Не знаю».

«А куда ты летел в последний раз?»

Я пожимаю плечами. Рейс Санкт-Петербург — Южно-Сахалинск. С несколькими пересадками. Я мог лететь куда угодно. Даже в Сикким.

Хотя вряд ли.

Это сейчас я изучил в Сети будущий маршрут.

Это сейчас я знаю уютный отель в Гангтоке, в котором остановлюсь.

«Сноувью». «Снежный вид». Расположен невдалеке от главного буддийского храма Цук Ла Канг. Там увижу танец Черной Короны. Услышу рев длинных деревянных труб. За узкими окнами встанут

снежные пики Канга, Джану, Малой Кабру и главной Кабру. Увижу ледяные кручи Доумпика, Талунга, Киченджунги, Пандима, Джубони, Симвы, Нарсинга и Синиолчу. Наверное, и Пакичу увижу, если окна моего номера будут выходить в ее сторону. И Чомомо, и Лама Андем и Канченджау. *Нет плохих вестей из Сиккима.* Взлетят с каменной лестницы огромные синие бабочки, с площадки Таши снесет туман. Не может быть, чтобы в Сиккиме я ничего не вспомнил. В монастыре Румтек хранится Черная Корона Кармапы, и увидевший ее никогда уже не переродится в нижних мирах. Почему не попробовать такой вариант? По крайней мере, это не так скучно, как думать о каком-то электрике, включающем счетчик в твое отсутствие, или о тетради, пропавшей из запертой на замок квартиры, или о незнакомой женщине, назначающей ненужное тебе свидание.

Однажды Паша предложил мне снять мультик.

«Как это о чем? — удивился он. — О черной Короне Кармапы. Ты ведь видел ее?»

Это он так пытается подловить меня. Я читаю в его сознании, как активно он не верит в мою беспамятность. *Бедная женщина молодого сына козла отправила в рощу пастись. Изменчиво всё, а вечны лишь рожки да ножки.* Позорные американские мультики снимают давно, жаловался Паша, а у нас точные знания совсем разлюбили. Давай начнем снимать сами. Помнишь выпуски «Хочу все знать»? Там на заставке шустрый мальчик все пытается молотком расколоть орех. Так вот, жаловался Паша, ни один российский телеканал не берет больше эти чудесные выпуски. А «Центрнаучфильм» вообще переименовали в «Центр национального фильма»...

6

Выпроводив Последнего атланта, я подошел к окну.

В сквере у киоска догонялись ребята. Я отчетливо услышал: «Девушки, хотите веселого самца?» Обыватель вздрагивает, услышав такое, а я прислушиваюсь с интересом. В игре, над которой я работаю, тоже многое заставляет вздрагивать. Там пылит каменистая пустыня, отсвечивают на солнце сизые солончаки. Профессор Одинец-Левкин замахивается хлыстом. Верблюды поворачиваются к ветру задом. Ветер дует и дует, и голова от него болит, как от угара. Карлик в седле стонет: «Я болен. Говорю вам, я болен». Соленая пыль режет легкие. Ночью неизвестные животные подходят к палаткам, осторожно стучат рогами в обледенелое полотно.

Я *вижу* это.

Вижу отчетливо.

За профессором Одинцом-Левкиным следуют на низких лошадях тихий тибетец Нага Навен, за ним два суетливых проводника-монгола, усталые красноармейцы. В песках, в сиреневом мареве тонет путь. Вот монгол упал без чувств — задохнулся. Глаза слезятся, болят от соляного блеска. Облезлая собака, повизгивая, путается в ногах усталых лошадей. Возникнет субурган посреди пустыни: верх из потрескавшегося дерева, подкрашен синим, как отблеск неба. *Я вижу* это так ясно, будто сам иду по пустыне. *Хулээй!* — молит монгол. *Морендоо!* — требует профессор Одинец-Левкин.

А куда скакать? *Хана зам? Где правильная дорога?*

Сиреневые солончаки. Разбитые на куски доисторические окаменевшие деревья. Тихий тибетец морщинист, монголы крикливы, красноармейцы без интереса смотрят на пески и голые камни. Им приказали, они идут. В начале пути монголов было трое, но один отстал — может, его зарезали тангуты. Профессор Одинец-Левкин яростно взмахивает хлыстом. Отставший монгол, он мудрец был или осел?

Мудрец, наверное. Будь ослом, нашел бы дорогу.

Приземистая лошадь поводит ушами. Карлик задыхается в кашле.

«Я болен. Говорю вам, я болен». С его ростом лучше не слезать с лошади, легко потеряешься среди камней.

Раз, два, три — вижу три народа.

Раз, два, три — вижу три книги прихода Майтрейи.

Одна — от Благословенного, другая — от Асвогшеи, третья — от Тзон-Ка-Па.

Одна написана на Западе, другая — на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три — вижу три явления. Одно с мечом, другое — с законом, третье — со светом, ярким, но не слепящим.

Раз, два, три — вижу три летящих коня. Один — черный, другой — огненный, третий — снежный.

Раз, два, три — вижу свет.

Луч красный, луч синий, луч — серебряный.

Нага Навен опять затянул свою мантру. У него бак потек, гуси в голове. Да и профессор — известный фикус. Пора нажать **save**, точку сохранения игры. Жаль, что в жизни так не бывает. *Жизнь невозможно повернуть назад*, как поет лошадь Пржевальского.

7

Save.

Лиса

1

Джинсы я переложил в картонную коробку.

Оставлю в сквере на скамье, кто-нибудь подберет.

Совсем новые джинсы. Наглый чел, а таких сейчас большинство, даже белые ядовитые пятна может выдать за стиль: ходят же нынче в джинсах дырявых, обшитых бусами и блестками, в суженных, в специально высветленных, в мятых.

Я шел по бульвару, невидимый гудел в небе самолет. Это меня не тревожит и не привлекает. Летит и летит. Когда-то я тоже летел. Куда? Память воспоминаний не сохранила. Никакой *прежней* жизни. Да и *нынешняя* возникла для меня с момента, когда в санатории появился Николай Михайлович.

«Он точно ничего не помнит?»

«Того, что было до аварии самолета, точно».

«У него, я вижу, денег даже на носки нет?»

«У него и носков нет, — ответил главврач. Чувствовалось, что он волнуется. — Атара́ксия. — Так я впервые услышал это слово. — Он ничего не помнит, спокоен, как Бог. Полная необремененность тревогами. Стоики мечтали о таком состоянии. Зенон в Афинах под портиком *Stoa* учил их этому».

«Ну, на мудреца он не похож».

«Какой есть, лишнего не скажу».

«А что он умеет делать?»

«Не знаю. Пока ему ничего не надо делать. До определенной поры государство будет оплачивать его недуги. — Главврач был пухлый, щекастый, темные глазки нетерпеливо поблескивали, он часто и нетерпеливо вытирал пот со лба, наверное, боялся, что наживка (я) сорвется. Говорили они обо мне так, будто я ничего не слышал или не понимал. — Но практически он здоров».

«А где его дом? У него есть родные?»

«Мы не знаем. И он ничего не может сказать».

«Но кто-то пытался это установить? Милиция, телевидение, общественные организации?»

«Конечно».

«И ничего?»

«Совсем ничего».

Последний атлант сел на стул перед моей кроватью:

«Ты меня хорошо слышишь?»

Я кивнул. Я хорошо его слышал.

«Так вот, прикинь. Мне нужен чел с воображением. — Не знаю, на что намекал Последний атлант. — Если ты мне понравишься, я заберу тебя. Ты ведь практически здоров».

Я кивнул.

Меня не радовал, но и не печалил такой поворот событий.

«Скажу честно, ты чел странный, — наклонился ко мне Последний атлант. — Но ты пользуешься санаторным компьютером. Мне рассказали. А я как раз подыскиваю сообразительного парня. — Он засмеялся, поглядел на главврача, потом снова уставился на меня. Проверял. — Предположим, ты самовольно перепланировал квартиру, перестроил ее, скажем так, кардинально, сам путаешься, а официально никаких переделок не зарегистрировал. — Тесты Последнего атланта всегда отличались изощренностью. — А в твое отсутствие... ну, скажем, ты провел ночь не дома... — он с интересом следил за выражением моего лица, — в квартиру проникли воры. Понятно, со старым планом квартиры в руках, они же не знали о перепланировке. Посоветоваться не с кем, воры заблудились, никаких ценностей не нашли. Их действия?»

«Напишут жалобу властям».

Главврач разочарованно отвернулся.

Видимо, он решил, что наживка сорвалась.

Но Николай Михайлович неожиданно заинтересовался:

«Как ты сказал? Воры напишут жалобу властям? Что из этого?»

«Власти не знают, от кого поступила жалоба, — пояснил я. — Они не догадываются, что пишут им воры. Просто жалоба. Может, от соседей сверху. Или от соседей снизу. Может, им шум мешал. Хозяина квартиры крупно оштрафуют за несанкционированную перепланировку, то есть деньги он все равно потеряет. Так всегда бывает, — пояснил я. — Воры не возьмут, государство отнимет».

Главврач обалдел.

А Николай Михайлович обрадовался:

«Ты играть любишь?»

Играть я любил. Это выяснилось из следующего теста.

В школе идет родительское собрание. Директор обращается к гражданину Иванову: «Ну вот, знаете, пришла пора побеседовать о поведении вашего сына. На переменах он только и делает, что бегает за девочками...» — «Ну, подумаешь, — пожимает плечами гражданин Иванов, — все нормальные пацаны в этом возрасте бегают за девчонками!»

Главврач непонимающе моргнул.

Но я сразу уловил тонкость теста:

«С бензопилой?!»

Николай Михайлович был в восторге. Его фирма набирала вес. Он нуждался в сообразительных людях. Компьютерные игры вошли в

моду, нужны были свежие и смелые идеи. Кстати, в санатории Последний атлант появился не случайно: в городе проходила благотворительная акция «Поддержи ближнего!».

«Программист возвращается домой, — не мог остановиться Николай Михайлович. — В темном переулке его встречают громилы. Один с ножом, другой с пистолетом. «Гони монету!» Ну, кто они по профессии?»

«Провайдеры!»

Последний атлант был в восторге:

«Он мне нравится. Точно говорю, нравится!»

«Мы зовем его Сергеем Александровичем», — подсказал сияющий главврач.

«Какое длинное имя. Не каждый сможет такое выговорить».

«Настоящего никто не знает».

«Ладно, сойдет и это, — благодушно решил Последний атлант. — Пусть пока будет Сергей Александрович. Понадобится — переназовем. Лучше работать у меня, чем сходить с ума в вашем заведении».

«У нас не сходят с ума».

«Сходят, сходят! Не спорьте. Не наводите тень на плетень. Видел я ваш ограниченный контингент. Вместо прогулки ходят под себя. А у меня вы, Сергей Александрович, будете при деле. Мы даже из лютых «чайников» выращиваем...»

«Самовары?»

«Наконец ты ошибся», — восхитился Последний атлант.

И обернулся к главврачу:

«Не раздумали отдавать?»

«Что вы! Что вы!» — запаниковал главврач.

«Успокойтесь. Я его забираю. Мы научим Сергея Александровича полезным навыкам. Он начнет приносить пользу людям. И однажды...»

«Вспомнит прошлое!»

«А вы что, исключаете такую возможность?»

«Нет, полностью не исключаю. Но потерять память легче, чем ее вернуть».

2

Потом была капитан милиции Женя Кутасова.

Однажды летом в мою дверь постучали. Последний атлант оторвался от монитора (помогал мне восстанавливать потерянный файл):

— Антре!

Дверь открылась.

Николай Михайлович пришел в восторг:

— Милиция! Ты посмотри! Милиция! Тебя нашли!

И с наслаждением уставился на белокурую женщину в милицейской форме:

— Неужели установили личность Сергея Александровича? Ну, говорите, говорите, не томите! Кто он у меня? Польский шпион? Шведский диверсант? Непальский бандит, скрывающийся от органов? — Было видно, что за разгадку этой тайны Последний атлант готов отправить меня в тюрьму.

— Ну что вы! Какой он бандит, — совсем смутилась гостья.

— А вы, наверное, из органов? Или командированы Интерполом?

— Да нет, я из сорок девятого отделения милиции, — представилась гостья. — Капитан Кутасова. Можно Женя, — засмеялась она. — Пришла неофициально. У нас сохранились некоторые ваши вещи. — Теперь она смотрела на меня. С сочувствием и с интересом смотрела. — В вещдоках — куртка, мы ее списали. И эта тетрадь.

И выложила тетрадь на стол.

Самка гиббона. Самец гиббона.

Сам гиббон, конечно, отсутствовал.

Я машинально перелистал страницы. Не помнил я никакой тетради, но раз капитан милиции, да еще такая милая, утверждает, что спасла ее вместе с курткой, значит, так оно и есть.

...подали большую миску супа. По размерам посуды я думал, что хозяин, вероятно, ожидает гостей; но каково было мое удивление, когда между разговорами он уничтожил все содержимое миски, затем налил полстакана красного вина, залпом выпил его, потом стакан сельтерской воды и приказал подать второе блюдо, которое заключалось в подобной же миске, но меньших размеров. Там находились три куска бифштекса, которые были уничтожены один за другим; при этом повторилось запивание их красным вином пополам с сельтерской водой.

Ума не приложу, зачем такое нужно выписывать.

Пока капитан милиции Женя Кутасова расспрашивала меня о делах, о текущих настроениях (она помнила меня обгоревшим, почти безжизненным), тетрадь листал Николай Михайлович. *Microsoft — всемирный лидер по производству электронных граблей.* «Зачем тебе это было нужно?» *Ассемблер — язык программирования, позволяющий наступать на грабли несколько миллионов раз в секунду.* Николай Михайлович высоко поднимал брови. *Локальная сеть — технология, позволяющая получать по лбу, даже когда на грабли наступает кто-то другой. Интернет — технология, позволяющая наступить на грабли, находящиеся на другой стороне земного шара. Сетевая кон-*

ференция — технология, позволяющая наступать не только на свои, но и на чужие грабли. «Может, это ты сам и придумал?»

И посмотрел на Женю:

— Тут последние листы выдраны.

— Да, выдраны, — подтвердила капитан милиции.

Форма ей шла. Юбка не длинная и не короткая, а какая надо. Казенные, но не тяжелые башмаки. Сама курносая, глаза серые. Правда, смотрела на меня с ужасом. Думала, наверное, увидеть безнадежного калеку, а тут... вполне... хоть наручники накладывай. У капитана милиции Жени Кутасовой, кстати, оказались довольно оригинальные взгляды на эволюцию. Она имела в виду мою игру. На ночном дежурстве иногда можно отвлечься на компьютер, а диски с моей «Эволюцией» продаются везде. Правда, она еще не все умеет, призналась Женя Кутасова. Не все операции у нее проходят как надо. Иногда от летучих рыб происходят птицы, а от прибрежных животных почему-то — смирные домашние. А люди, призналась она, вообще получаются какие-то не такие.

— А вы перебирайте, — посоветовал я. — Игра инвариантна. Природа тоже любит перебирать, поэтому у каждого свой предок.

Женя Кутасова мое заявление поняла буквально. Она так и думала! Вот только не знает от кого, как вид, произошли милиционеры. С толку ее сбивал начальник сорок девятого отделения полковник Китаев. Да, справедлив. Да, строг. Но поговорить с ним не о чем. После некоторого спора мы с Женей пришли к благородному выводу, что это не полковник Китаев туп, а может, нам о нам не хватает информации. А вот осел — это деградировавшая лошадь, Женя была уверена. А обезьяны — выродившиеся люди. О существовании Бюффона и его идей Женя Кутасова не догадывалась, но естественный отбор считала таким же обычным процессом, как, скажем, гравитацию или мытье посуды.

Говоря, она не спускала с меня серых глаз. Странно, да? Из огня вытащили обгорелое тело, а перед нею в кресле сидел вполне уверенный, спокойный тип в рубашке с длинными рукавами, в светлых джинсах. *Русские кодировки — подарочный набор граблей для постоянных пользователей Интернета.* Она тогда не знала, что шорты я принципиально не ношу. И рубашек с короткими рукавами не ношу. *Дружественный интерфейс — резиновая накладка на ручку граблей.* Мне столько пересадили донорской кожи, что, голый, я выгляжу, как поля Румынии с воздуха. Не стоит мне появляться на людях голым. Сплошные лоскуты, сплошные заплаты.

Только с лицом повезло. Оно у меня чужое.

Многозадачность — концепция, позволяющая наступать на несколько граблей одновременно. Разыскивая меня, капитан милиции

Женя Кутасова хорошо изучила тетрадь. Последний атлант млел от восторга. Такие записи! Такая женщина! Жизнь налаживается! Ничего, что моя первая женщина оказалась милиционером, главное, ввязаться в драку.

— Вы, наверное, ученый?

— Не знаю, — ответил я.

— «Не знаю, не знаю!» Ну что вы заладили одно и то же? — удивилась Женя. Мы с нею не сразу перешли на ты. — Так обычно карманники отвечают. «Видел эту гражданку?» — «Не знаю!» — «Залезал к ней в карман?» — «Не знаю». — «Как у тебя оказался кошелек гражданки?» — «Не знаю». Придурок к придурку! — Капитан милиции не всегда следила за словами. — Приходите ко мне в гости, я научу вас определять вранье по интонации. — Везло мне в тот год на благодетелей. — Это совсем не так просто, как можно подумать. У нас, например, был случай, когда жена застукала своего мужа с любовницей. Она и не очень-то его ударила, так, без размаха, но он сказал даже то, чего не хотел говорить. Например, вспомнил, что в прежней жизни его звали Патроклом.

— Зачем вы мне это рассказываете? — обиделся я.

— А вам этот случай ничего не напоминает?

— Я и без ваших примеров знаю, что в прошлой жизни носил другое имя.

Мы подружились. Стали встречаться.

Всех тех, кто с подругой, изящной, упругой,
и выбритой в разных местах,
мечтает нажраться и сексом заняться,
терзает неведомый страх...

Капитан милиции Женя Кутасова (в домашнем халатике) заставляла меня вслух читать выписки из моей тетради.

...что, коль они в мае, от страсти сгорая,
в лесу остановят мопед,
в пылу наслажденья от совокупленья
найдет их веселый медвед...

Конечно, я отказывался от авторства. А Женя не верила, что Интернет забит такими стишками. Впрочем, воспринимала она их не как стишки, а как некую настоящую лирическую трагедию.

...и к парню-падонку, который девчонку
терзает, как иву пила,

шагнет косолапо, похлопает лапой
и спросит: «Превед! КАГ ДИЛА?»

Медведь (даже белый, даже без мягкого знака) к нам бы не подошел. Пусть Арктика для белых, не посмел бы он похлопать нас лапой по спине. Капитан Женя Кутасова немедленно бы его застрелила. Я читал это в ее мыслях. И губы (это я узнал позже) оказались у нее мягкие и сильные. Только увидев меня в душе, Женя заплакала.

— Я такой уродливый? — удивился я.

— Нет, ты совсем не уродливый. — По интонации чувствовалось, как она отчаянно врет. — Но раньше тебя как-то звали, да?

Какая разница? Я оставался Сергеем Александровичем — человеком, даже в жару носящим джинсы и рубашки с длинными рукавами. Впрочем, изучать тело капитана милиции Жени Кутасовой оказалось не в пример приятнее. Ведь я все делал как впервые. Женя это ценила. «Я часто о тебе думала, — шептала она. — Ну, после того, как самолет сгорел. Я ведь тебя из огня вытаскивала. Ты даже кричать не мог. Только бился, тебя судорогами передергивало, и весь пузырился».

Я этого не помнил.

«Откуда ты летел? Куда?»

Я, конечно, не помнил и этого.

«К кому ты летел?»

Не мог я ничего вспомнить.

«Все вы, мужчины, одинаковы! У нас на участке одного привлекли к ответственности за обман лично им покинутых женщин. Так он якобы не помнил ни одной. Пришлось предъявить рабочее досье и документальные фото».

На меня досье у капитана милиции не было.

«Ты не волнуйся, — просила она. — Просто пробуй вспомнить».

«Ничего не могу вспомнить».

«Ты не стараешься».

«Стараюсь».

«А если я поцелую вот так, — задыхалась она. — Или вот так? Правда, хорошо? Неужели тебя так никогда не целовали?»

«Я не знаю».

«Ну, ты у меня прямо придурок».

«Почему сразу придурок?» — не понимал я.

«А это я вспомнила. У нас в отделении допрашивали щипачку. Мордашка миленькая. Я сама допрашивала. Женщины редко становятся карманниками, а эта стала. Маникюр. Накладной ноготь, таким сумочку можно взрезать. Указываю на пострадавшую: «Знаете гражданочку?» — «Не знаю». — «Разве вы не ехали с ней в одном трам-

вае?» — «Не знаю». — «Разве вы накладным ногтем не разрезали у нее сумочку?» — «Не знаю». — Ну, прямо ничего не знает! Я даже вмазала ей. Ты не подумай, что у нас в отделении бьют, — спохватилась капитан Женя Кутасова, — просто мордашка у нее была миленькая».

3

На некоторое время я переселился к Жене.

Уютная трехкомнатная квартира — с узким, но длинным коридором, с тесной ванной и просторной кухней. Из спальни до туалета путь получался не близкий. Но куда торопиться? Вечера помогала коротать тетрадь с гиббонами.

*...ищу место сисадмина. Гарантирую нормальную работу сетки любых размеров на любой стандартной платформе (WinOS, *nix, MacOS) и некривое совмещение разных платформ. Если надо, могу программировать на asm, java, c, c++ и все такое прочее. Есть опыт написания драйверов для Linux Mandrake 2.0, win2k, winXP. Вебдизайн. Верстка.*

Познания соискательницы нас смешили.

...тем, что не касается администрирования сетки, буду заниматься только за отдельную плату. Юзеров не консультирую. Понадобится закупать железо — чтобы деньги выделялись без соплей, или закупайте сами и не жалуйтесь после установки. Понадобится создание локального ftp, backup-sv или ещё каких-то сервисов — сделаю, но за отдельные деньги. И с самопальными приблудами разбираться не стану.

— Зачем ты это выписывал?

— Не знаю.

...чего хочу?

Первое. Свободный рабочий график. Понадобится, буду ночевать на рабочем месте, но постоянно торчать в офисе при нормально работающей сетке не желаю. Возникнут проблемы — есть мобила, личный транспорт.

Второе. Чтобы кормили в любое время и на халяву. Много не надо. Достаточно, чтобы в серверной стоял морозильник с пиццей и обычная микроволновка.

Третье. Постоянная связь. В любое время.

Четвертое. Никаких претензий к внешнему виду. Являюсь в прикиде а-ля Матрица, это мое личное дело.

Пятое. Зарплата от...

Шестое. Если в офисе крысы — не моя проблема. Зовите монтажников, пускай их кусают за пятки во время лазания по фальшпотолкам.

Седьмое. Никаких документов. Официально у меня нет даже начального образования.

И последнее, наконец. Каков бы ни был начальник, за домогательства сразу получит по фейсу. А повторится — гарантирую повестку в суд и убитую навечно сеть.

«Неужели такую наглую дуру могут принять на работу?»

«Я бы принял».

«За что?»

«За характер».

«Я тебя, Сергей Александрович, наверное, брошу».

Но сроков такого решения Женя никогда не указывала.

Я ее понимал и сроками не интересовался. Может, поэтому все и произошло так неожиданно.

Однажды ночью я услышал крик.

Ужасный, ужасный женский крик где-то в конце узкого темного коридора. В ванной. Или на кухне. Где-то там. В ужасной тьме. Я бежал по коридору, наталкиваясь на какие-то предметы, на ходу включая свет. Капитан Женя Кутасова, совершенно голая, стояла в ванной перед зеркалом. Не думаю, что ее испугало ее отражение. Загар, чудесные светлые груди...

«Что случилось?»

«Это ты! Это ты! Я подозревала!»

У Жени срывался голос.

«Я давно подозревала!»

«Что ты подозревала?»

«Сам знаешь!

«Да что я знаю?»

«А то, что ты баб сюда водишь!»

Я изумился:

«С чего ты это взяла?»

«Я сама видела! Только что!»

«Да объясни толком, что ты такое видела?»

Она всхлипнула.

И ответила совсем как я:

«Не знаю».

И так и стояла перед зеркалом, и всхлипывала.

Не обязательно накидывать халатик, когда груди такие красивые, правда?

Мой дом — моя крепость. В сорок девятое отделение, всхлипывала Женя, иногда приводят бомжих. Летом они черные, только не от загара. Капитан милиции Женя Кутасова всхлипывала и ждала, когда я заговорю, начну оправдываться. Ждала, когда заговорю, чтобы по интонации понять, вру ли я? В сорок девятом отделении, всхлипывала она, работают опытные люди. Обманщика им расколоть — как плюнуть. Один бомж, например, врал, что он художник, но по морде было видно — ничтожество. «А про тебя я теперь даже не знаю, что и думать», — всхлипывала капитан милиции Женя Кутасова. Откинув голову, распустив темные волосы по загорелым плечам, она жалостливо смотрела в смутное зеркало и никак не могла понять: ну почему ей так не везет? Работает в милиции, мужа нет. Был, да сплыл, дело известное. Подобрала меня, а я в ее квартиру баб вожу. Урод, всхлипнула она. Нравственный.

По моим глазам она видела, что я не вру.

Но этого ей было мало. Она хотела, чтобы я заговорил.

Оказывается, когда Женя находилась в ванной, в коридоре послышались негромкие легкие шаги. Так женщины ступают, мужчины не умеют ходить так легко. Она решила, что я решил ее разыграть, что сейчас появлюсь в ванной, а она без халатика... ну и все такое прочее... вся подобралась, чтобы красивее увидел...

А увидела сама.

Молодую женщину.

С пучком рыжих волос на голове.

Ну, знаешь, всхлипнула она, прическа колхозницы — крендель и пучок.

«Если ты прячешь у меня в квартире гулящую девку, то зачем? Она вечером уйти не успела? Где ты ее прячешь? — всхлипывала Женя. — Почему у нее юбка сатиновая, доисторическая, с блеском, как до революции? Где ты нашел такую, чтобы крендель на голове? Забирай свою сучку и выметайся!»

«Да подожди ты!»

Но остановиться Женя не могла.

«Спряталась, наверное, где-нибудь под кроватью? Я ей глаза выцарапаю! Она же все видела, что мы с тобой вытворяем! — вдруг дошло до капитана милиции. — Она же все слышала!»

«Никого тут нет. Успокойся».

«Не ври, не ври! Ты — урод! Ты хуже урода!»

На этот раз определение *нравственный* она упустила.

«Показывай, где видела? — не выдержал я. — Куда она делась?»

«Убежала, конечно».

«А дверь хлопала?»

«Не знаю».

Мы проверили. Дверь была заперта изнутри.

«Вот сучка! Она в окно выпрыгнула!»

«С седьмого этажа? Смотри. Балконная дверь тоже заперта».

«Ну, я не знаю, — всхлипнула Женя. — Одна с балкона прыгает, другой ничего не помнит! Рыжая она была! Я же видела! И крендель на голове, как венская булочка! — Все еще всхлипывая, Женя немножко приободрилась. — Если найду кого-нибудь, убью!»

«Ладно, убьешь», — согласился я.

Мы прочесали всю квартиру. Заглянули в спальню, в предполагаемую детскую, кухню, в кладовку, в туалет. Конечно, никого не нашли, но меня Женя выгнала. Неделю мы даже не перезванивались. А потом Женя возникла. Подышала неровно в трубку, показывая, как она страдает, и спросила:

«Ты хочешь прийти?»

Я хотел.

И в ту же ночь увидел рыжую.

Да, прическа у нее оказалась не ахти. И юбка не ахти, длинная.

Неизвестная рыжая девушка стояла в кухне на табуретке, рылась в карточках на полочке, ни ног по настоящему не увидишь под такой юбкой, ни попы. Свет не включала, но смутные отсветы, проникавшие в окно, подчеркивали силуэт.

Я заорал.

От неожиданности.

Капитан милиции примчалась мгновенно.

«Ага! Ага! Опять она? — в руках у Жени было табельное оружие. — Ее не найду, тебя застрелю! Надоело! Ты только посмотри, она рылась в моих рецептах! Где она? Не ври! Точно, в рецептах рылась! Я их недавно переписала!».

«Прекрати! Зачем ей твои рецепты?»

Тогда Женя заплакала:

«Не оставляй меня одну перед зеркалом».

Мы молча отправились обыскивать квартиру.

Проверили окна и двери. Проверили все уголки, где мог прятаться взрослый, и даже где ребенок не мог спрятаться. Заглянули даже в унитаз, чтобы быть спокойней. Не вынырнет же она оттуда? Конечно, ничего не нашли, но на следующую ночь капитан милиции Женя Кутасова (я ночевал дома, не пришел) снова увидела все ту же рыжую в сатиновой юбке и в блузке из какого-то грубого полотна. «Это где ее так обшивают?» Страшась привидений, капитан милиции Женя Кутасова теперь даже в туалет ходила чуть ли не в форме. Страдала:

«Не хочу жить с твоими сучками».

«Они не мои. Они, скорее, твои».

«Все вы так говорите!»

Не знаю. Наши страдания обычно вызваны нашим невежеством.

Из ста сорока двух пассажиров сгоревшего самолета выжил только я.

Почему? Не знаю.

Зачем? Не знаю.

Ни памяти у меня, ни прошлого. И никого я не водил в квартиру капитана милиции Жени Кутасовой. Это она из принципа меня доставала: «Видишь, ты ушел, и сучек твоих нет. Наверное, у тебя ночуют». И добавляла со странной интонацией (может, врала): «Не хочу тебя видеть. Не приходи».

4

Солнце светило.

Пахло скошенной травой.

Картонную коробку я держал подмышкой.

Потом присел на зеленую деревянную скамью перекурить.

Текущая мимо «Иероглифа» толпа казалась мне очень яркой.

Все же странно, думал я, с чего это капитану милиции Жене Кутасовой стали являться призраки? И почему рыжие? У призраков не должно быть цвета. А рыжая — это цвет. И какого черта вдруг позвонила какая-то Ли́са? Зачем мне это? Надо было ответить: не нужна мне тетрадь!

Но почему-то я согласился встретиться.

Самка гиббона. Самец гиббона. Последних листов в тетради не хватало.

Может, их выдрала сама Женя, чтобы записать на оборотной стороне новый рецепт тортика, а кто-то ищет странички? Я отчетливо помнил края отрыва, отдельные, сохранившиеся на бумажных зубцах слова.

майор .....
Дело партии .....
Многие этого не понимают .....
мешают другим .....
телефон .....
Пушкина .....
Калапе .....
всех стран мира .....

астрономических мироедов .....
пролетариата .....
в органах работают .....
органах много .....
книг .....
Филиппова .....
«Зеленый луч в древнем Египте» .....
мерами пресечения .....
настроениях .....
принимала .....
раз жаловалась на странности .....
Од .....
Обыкновенный пожилой .....
выступает в роли наставника .....
сложнейшему пути .....
Майор .....
В папке перед ним лежали .....
В той же .....
имена которых .....
с родной дочерью .....
мной .....
узнав, что я каждый .....

Странно, да?

Какой-то майор. Какое-то дело партии.

Телефон, опять же... Пушкин... Все страны мира... Астрономические мироеды... Последние мне даже понравились... И что за Филиппов?.. И что лежало в неведомой папке?

Не знаю.

Я не пытался это расшифровать.

И согласился на встречу с неизвестной мне Ли́сой больше потому, что в такой солнечный день просто грех сидеть перед монитором. А заодно, решил, можно оставить на скамье коробку с джинсами. Кто-то найдет, обрадуется.

Лет десять назад, в самый разгар перестройки, так повезло Паше.

В парке на старой деревянной скамье он нашел красивую кожаную папку.

По словам Паши, он взял папку не сразу. Долго колебался. Совесть все-таки, ее просто так не скрутишь. Но взял, взял. Позорно взял: не оставлять же бомжам, пропьют. В папке лежало пять миллионов рублей (по тем временам примерно 900 баксов), пейджер, чистые бланки непонятных финансовых договоров и компакт-диск с еще более мутной информацией. Бланки Паша позорно сбросил в бли-

жайший почтовый ящик, а на случайные миллионы купил видеомагнитофон *Thomson 6790*. Настоящая топ-модель: стереозвук, поддержка *NICAM*, монтажные функции, экранное меню, цветовой процессор, и сам аппарат не какой-то там, а *Multi System*. Пейджер продал барыгам («купим всё!»), а в папку (тисненая кожа, прихотливый орнамент) уложил черновики своего альтернативного романа. Кстати, тип, потерявший папку, вполне мог устроить Паше флэш-моб, но почему-то никаких посланий на эту тему не последовало.

5

Кафе «Иероглиф».

Напротив — ночной клуб «Кобра».

Колонны, крошащийся серый кирпич, кривая черная лиственница.

Власти города не раз пыталась спилить лиственницу и снести злачное заведение, но общественность, поддержанная депутатами, ни старинное здание, ни траурное дерево в обиду не давали.

Посетителей в кафе почти не было.

Ну, сидела невдалеке смуглая девушка с распущенными волосами. Вид задумчивый, умный, но окажись она Ли́сой, я был бы разочарован. За соседним столиком бормотал в мобильник бритоголовый чел. «Что там с моей машиной?» Я прекрасно слышал всю беседу. Для меня это не проблема. «Хонда-Авансир» двухтысячного года», — бормотал бритоголовый чел. — Пробег по одометру семьдесят девять тысяч километров». — «Масло часто меняли?» — «Само собой». — «То есть редко?» — «Ну, пожалуй, редко». — «Вот и результат. Игольчатый подшипник на верхнем валу износился, разрушился, часть иголок упала в картер. Куда им еще падать? — Далекий мастер относился к своей работе с повышенным уважением. — А потом одну затянуло в заборную часть фильтра». — «И как перспектива?» — «А вы как хотите? Быстро или надежно?» — «И так, и так». — «Мы бы рады, да мастера нарасхват». — «А если разумная цена?»

В смутной глубине кафе оттягивалась развеселая компания, я их рассматривать не стал. Не стал рассматривать и девчонок, устроившихся на высоких металлических табуретах бара. Явно сбежали с уроков. Зато с удовольствием увидел Конкордию Аристарховну.

Она помахала мне узкой рукой в черной перчатке.

Я обрадовался. К таким, как Конкордия Аристарховна, электрики без вызова не приходят, таким, как она, не звонят девчонки с улицы — себе выйдет дороже. В чудесном возрасте Конкордии Аристарховны не прячут седых волос, но брови подводят и губы нежно подкрашивают. Про себя я называю Конкордию Аристарховну Люси. Помните,

у битлов? *Lucy in the sky with diamonds?* Кроме того, она напоминает известную ископаемую леди из Южной Африки. Ту тоже прозвали так. Возраст за три миллиона лет, но, думаю, Конкордии Аристарховне ничуть не меньше. «Убить время — это так просто, не надо даже прицеливаться». Так говорит Конкордия Аристарховна, когда я жалуюсь на избыток свободного времени.

Нежный запах хорошего табака, неагрессивных духов, чего-то загадочного.

На смуглой шее, посеченной нежными множественными морщинками, прелестное серебряное ожерелье.

Усаживаясь за столик, на всякий случай глянул на девушку с распущенными волосами. Позорная девка, сказал бы Паша. Нога влево, нога вправо — сейчас так не ходят. А вот Конкордия Аристарховна... А вот Люси... Паша, рассказывая про Конкордию Аристарховну, всегда восторженно пускает слюну. «Ей под сто, а жрет коньяк не так, как эти позорные девки в «Кобре». Даже словечко *жрет* звучит у Паши восторженно. «Ну, пусть не под сто, пусть под девяносто, все равно жрет! Ойлэ с двух рюмок позорно начинает карабкаться мне на колени, а костенурка — так Паша прозвал Конкордию Аристарховну — пьет сколько влезет. В нее много влезает, не смотри, что она изящная. Она — монстр. Она — монстр монстров. Мы с Ойлэ ее обожаем. Интересно, зачем она вернулась из Америки?»

6

Когда-то Конкордия Аристарховна была яростной комсомолкой.

В буднях великих строек, в веселом грохоте, в огнях и звонах, здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых! Все у нее складывалось. *Нет нам преград ни в море, ни на суше.* Все горело в ее красивых руках. А в результате только пять лет назад вернулась из США в наш город.

Страна мечтателей? Да. Страна ученых? Конечно. Но лет пятьдесят, не меньше, Конкордии Аристарховне даже думать не рекомендовалось о возвращении на родину. Всеведущий Паша не раз намекал, что костенурка (тонкие узкие руки, изящная походка, ласковый, все понимающий взгляд) когда-то позорно обидела нашу Родину. Некая несоразмерность чувствуется в таких намеках, но только на первый взгляд. Когда фашисты, начав войну с СССР, оккупировали Западную Украину, костенурка жила во Львове. Именно ей поручили ликвидировать некоего полковника СС Курта Людвига. Это имя тогда многим леденило кровь. Ходили слухи, что Курт Людвиг лично и жестоко пытает всех, кто попадает в его застенки. Аусвайс юной комсомолке за-

меняла ее волшебная красота. Стоило ей улыбнуться, беспомощно взмахнуть ресницами — таяли сердца самых неподкупных патрульных.

Но какой-то придурок устоял.

Юную красавицу втолкнули в тесный кабинет.

Вблизи полковник СС производил странное впечатление.

Конечно, идейный жестокий враг. Но при этом — действительно белокурая бестия с пронзительными голубыми глазами. Спортивен, умен, воспитан. Ко всему прочему, полковнику шла черная форма. И он, конечно, сразу понял, зачем бродила вокруг его штаба чудесная вестница смерти.

Глухая ночь.

Страшный кабинет.

Часовой за плотно запертыми дверями.

А еще — французский коньяк, бразильский шоколад, прочные немецкие презервативы.

Любовь. Неистовая.

Тебе этого не понять, втолковывал Паша.

Ты позорно не помнишь даже своего собственного прошлого.

Черному жениху, ну, сами понимаете, эта мрачная эсэсовская форма, намекал Паша, разрешения на брак пришлось просить у самого фюрера. А вот со стороны невесты никаких просьб к товарищу Сталину не последовало. К тому же подпольщики, уязвленные неожиданным поворотом событий, незамедлительно приговорили предавшую их комсомолку к смертной казни. Правда, повесить удалось только полковника. Буквально за неделю до того, как он повис на перекладине каких-то ворот, полковник откомандировал молодую жену к союзникам в Италию. Оставшись вдовой, нежная, тогда еще совсем не доисторическая Люси влюбилась в одного из влиятельных советников дуче. Черноволосый, смуглый советник очень много говорил, еще больше жестикулировал, даже в постели, но рядом с ним Конкордия Аристарховна чувствовала себя надежнее, чем с полковником СС.

Впрочем, судьбу не обойдешь.

В сорок четвертом году энергичные итальянские партизаны повесили и черноволосого советника. Пораженная такими кровавыми событиями, бывшая комсомолка бежала за океан. Рисковать с военными она больше не решилась: подумав, вышла замуж за модного и богатого дизайнера. В мире искусства Люси быстро приняли. Бывшие мужья, конечно, отягощали ее жизнь, зато квалифицировали как женщину. Конкордия Аристарховна выучила язык, окончила престижный Колумбийский университет. При Гейзеровском научном фонде много лет углубленно изучала тоталитарное искусство Советского Союза.

А потом Империя Зла рухнула.

А потом снесли Берлинскую стену.

А потом костенурка осмелилась прилететь во Львов.

А еще через несколько лет она объявилась в России. Но в тихом уголке Манхэттена за нею все еще сохранялся большой дом.

7

Lucy in the sky with diamonds...

Я увидел девушку. Она шла в нашу сторону.

Рыжие волосы. Крендель на голове. Я поежился.

Даже юбка была на ней та, какую мы видели в квартире капитана милиции Жени Кутасовой. «Где ты нашел такую? — всхлипывала Женя. — Ты, наверное, платишь сучке?» Но это, конечно, чепуха. Никому я не платил, но юбку, странно поблескивающую, как подкладка старого пальто, запомнил. При свете дня рыжая девушка легко, но как бы и смущенно, шла к кафе, отыскивая меня взглядом.

Я сразу понял — меня.

Я еще не слышал мыслей девушки, но уже *знал*, — это Ли́са.

Это она звонила по поводу потерявшейся тетради. Это ее мы с Женей видели в ночной смуте. В квартире капитана милиции всякие несуразности скрадывались темнотой, но сейчас, при свете дня, каждому было ясно, что юбка рыжей могла быть гораздо короче, а блуза — не такой закрытой. «Эта сучка рылась в моих рецептах! Она забрала рецепты моих любимых тортиков!» — так ночью кричала Женя, но теперь я был еще больше убежден в том, что Ли́са не могла взять ничего чужого.

Рыжая миновала лиственницу.

Солнечный день. Перемигивающиеся светофоры.

Мысли на таком расстоянии уловить сложно, но что-то изменилось.

В самом воздухе что-то изменилось. Произошло какое-то движение. Какое-то неправильное движение. Будто вскрикнул кто-то. И я, и Конкордия Аристарховна, мы оглянулись одновременно. Много чего двигалось по залитой солнцем площади, но разворачивающаяся на полной скорости старинная эмка, ну прямо как в кино, с форсированным, рокочущим от удовольствия движком, ее темные тонированные стекла — двигались как бы отдельно, выпадали из общего ритма. На развороте эмку занесло, думаю, преднамеренно, взвизгнули тормоза... но поздно... поздно... рыжую девушку, как мячик, отбросило на обочину улицы.

Девчонки за стойкой восторженно завопили: «Вау!»

— Сядьте!

Я послушно сел.

Конкордия Аристарховна решительно сказала:

— Вы мужчина, Сергей Александрович. Ведите себя соответственно.

Я кивнул. Привидение нельзя сбить машиной. Даже такой старинной. Мало ли таких дорожных происшествий ежедневно случается в городе? При чем тут я, при чем тут посетители кафе? К тому же, скорая подъехала почти сразу. Я увидел восковую, свесившуюся с носилок руку.

Потом появилась и милиция.

— Не стоит вам вмешиваться. У вас и так репутация найденыша.

Я кивнул.

Я понимал.

К нам, кстати, и не подошли.

Не интересовали мы никого — старуха из США и известный всему городу урод (нравственный).

— Знаете, — негромко сказала Конкордия Аристарховна. Она не собиралась утешать меня, просто сказала. — Я ведь до сих пор не прошла вашу игру. — Не хотела она говорить о сбитой машиной девушке. И мне не советовала. Мысли ее были просты, хотя к заядлым геймерам никто бы ее не отнес. А может, в ее годы о смерти не говорят принципиально. — Знаете, Сергей Александрович, играя в вашу «Эволюцию», я всегда застреваю где-то в начале мезозоя. Не складывается у меня. Все время в пролете. У меня даже первые люди возникают в палеозойское время, когда им есть нечего.

В сознании Конкордии Аристарховны было пусто. Напрасно я искал там хоть какую-то мысль, сожаление, или раскаяние. В сознании костенурки было пусто, как в концертном зале в будний день. Ничего там не было связанного с окружающим. Так, некие обрывки размышлений, какие-то необязательные соображения. Но сумела же она пройти начальные уровни «Эволюции», а это не просто, это игра для людей с воображением. Кипящие первичные океаны, таинственный астероид, врывающийся в плотную атмосферу юной Земли. Странные организованные элементы (ОЭ), занесенные из Космоса. После вакуумных разрывов, диких пространств, потоков жесткого излучения загадочные ОЭ, конечно, попали в рай: ленточные глины, жидкая вода, россыпи минералов, ювенильные источники, всевозможные газы, вулканический пепел, световая гармония магнитных полей. При правильном раскладе рано или поздно с монитора улыбнется первое разумное существо.

Какое?

У каждого свое.

Но в любом случае это будет отражением девонских акул, глянцевитых каменноугольных эогиринусов, влажных пермских сеймурий, чудовищных триасовых ихтидопсисов. Оказывается, Конкордии

Аристарховне нравилась моя игра. Она была влюблена в обитателей первичных земных морей. Особенно ее занимали археоциаты. Она строила особенные самостоятельные миры из живых ажурных кубков, ведь непонятно до сих пор, были археоциаты растениями или животными. Чудесные отражения. Вертикальные перегородки. Поблескивающие пластины.

Милиция, наконец, уехала.

Извинившись, я вынул мобильник.

Странно, но Центральная станция скорой помощи откликнулась сразу.

«В какую больницу доставили пострадавшую?»

«Это вы про наезд, что ли?»

«Ну да, про наезд».

«А вы кто будете?»

«Я родственник».

Трубку сразу повесили. Версия с родственником не прошла.

Конкордия Аристарховна понимающе улыбнулась. Она ничуть не хуже капитана милиции Жени Кутасовой знала интонацию вранья. Шея ее была густо и нежно посечена морщинками. Ей шло ажурное ожерелье.

— К сожалению, мне пора.

Я коснулся губами тоненьких синих вен.

На меня пахнуло аккуратной старостью и чистотой.

«...в субботу... в 17.00... в библиотеке имени Чехова...»

Проводив костенурку взглядом, я машинально потянул афишку, лежавшую под папкой меню. *«...в субботу...* — то есть сегодня, — *в 17.00...* — то есть через пару часов, — *в библиотеке имени Чехова... состоится встреча с доктором Григорием Лейбовичем...* — Что-то жуликоватое почудилось мне в фамилии доктора. — *...Выпускник 1-го медицинского института, живет в США, часто приезжает на Родину. Он автор книги, которая явилась результатом прямых контактов с интеллектуальными существами запредельного мира... На встрече...* — указывался адрес книжного магазина, — *доктор Григорий Лейбович продемонстрирует настоящий ченнелинговый контакт, а все желающие смогут задать вопросы...»*

8

Я снова вынул мобильник.

Женя Кутасова, капитан милиции, оказалась на дежурстве.

«Много работы?» — посочувствовал я. Капитан Женя Кутасова обожала сочувствие.

«Да нет, что ты, совсем мало! — Как ни странно, она обрадовалась моему звонку. Может, в душе все еще не могла поверить, что я ушел от нее. Двумя руками должен был держаться, а ушел. — Совсем тихий день. Ну, пьяная драка, пара квартирных краж, кое-что по мелочам, понятно, изнасилование, жарко очень».

«А наезды?»

«На человека?»

«Не на столб же».

«Не зафиксировано».

«Не может быть. Я сам видел черную эмку с тонированными стеклами. Такие машины показывают в кино».

«Подожди».

В трубке далеко и вяло перекликались незнакомые голоса, приглушенно позвякивали телефоны — обычная скучная музыка милицейских будней.

«Ой, как это ты узнал? — наконец откликнулась капитан Женя Кутасова. — Точно. Был наезд. Примерно час назад. Старая эмка, ее пока не нашли. И стекла тонированные».

«А девушка жива?»

«Ты ее знаешь?» — ревниво спросила Женя.

«Впервые видел. Просто все случилось у нас перед глазами».

«У нас? Это с кем ты там?» — голос капитана милиции становился все холоднее.

«С Конкордией Аристарховной. Ты должна ее знать».

«А почему спрашиваешь про сбитую?»

«Да просто так. Жалко».

«Просто так такими вещами не интересуются».

«Не знаю, Женя. Какая-то странная она была».

«Да я уже и сама вижу. В рапорте. Сатиновая юбка... Блуза...»

«Точно. Мы с тобой видели ее. Понимаешь? Такая же юбка, по щиколотку».

«И в рапорте так написано, — пораженно заметила капитан Женя Кутасова. Она явно боролась с собой. Может, хотела бросить трубку. Но справедливость победила. — Непонятки тут с пострадавшей».

«Ее хоть довезли до больницы?»

«Не успели».

«Умерла?»

«Нет».

«Тогда почему не успели?»

«Как это почему? Исчезла!»

«Как это исчезла? Выпрыгнула из машины?»

«Не совсем так. Разбираемся».

«Да объясни толком!»

Женя снова с кем-то пожужжала.

«Не знаю, что и сказать. — Голос капитана Жени Кутасовой немного потеплел. — Нарушитель исчез, не поймали нарушителя. Как сквозь землю провалилась эта эмка, будто не было ее. А водила скорой характеризуется положительно. И врач опытная. Она уже тысячи раз выезжала на такие вызовы. Уложили пострадавшую на носилки. Все как положено. Пульс слабый, но прощупывался. Врач всю дорогу держала руку на пульсе, а потом...»

«Что потом?»

«Ты не поверишь!»

«Тебе поверю», — польстил я.

«А потом пульс стал исчезать, — голос капитана Жени Кутасовой понизился, будто она не хотела, чтобы в милицейском кабинете ее слышали. — И рука пострадавшей стала исчезать. Так в рапорте написано. Я не вру. Ты что, по интонации не чувствуешь? Я же тебя учила! Девки, которых ты тайком водил в мою квартиру, — все-таки не выдержала она, — тоже странно исчезали. Помнишь? Двери-окна заперты, а никого нет. Вот видно, роется на моей полочке, рукой достать, а замахнешься — она тает в воздухе. И в рапорте отмечено, что тело пострадавшей как бы растаяло прямо на глазах у врача. Ну, что тут непонятного? — заорала в трубку капитан Женя Кутасова. — Как мороженое растаяло! Видел, как тает мороженое? Осталась только одежда. Вот, читаю. «Сатиновая потертая юбка...» Только учти, — повысила голос капитан милиции, — теперь мы тебе ничего не вернем, хватит с тебя дурацкой тетради. А про белье этой исчезнувшей сучки даже не заикайся. Она у тебя в сельпо одевалась, извращенец!»

Наши желания — наши проблемы.

«*...в библиотеке имени Чехова... Выпускник 1-го медицинского института... Продемонстрирует настоящий ченнелинговый контакт, а все желающие смогут задать вопросы...*»

А почему не пойти?

Тетрадь... Электрик... Девушка Ли́са...

Я еще не знал, что все только начинается.

Доктор Лейбович

1

Доктор Лейбович не выглядел бедняком.

Плотный, суровый. Костюм — ничего броского, галстук за триста баксов. На безымянном пальце перстень. Стоимость? Мне хватило бы

съездить в Сикким и обратно. Взгляд внимательный. Слушателей собралось не менее двадцати душ — разного возраста, разного социального положения. Сидели вокруг исцарапанного круглого стола — обязательная принадлежность нынешней публичной библиотеки. На полках пестрые обложки. «Ведьма с Портобелло», «Дневник информационного террориста», «Ужасы ночью», «Замуж за миллионера», «От эффективности к величию», «Легкий способ бросить курить». Все доступно, все функционально.

Не глядя, протянул руку.

Вытянул сдвоенный номер толстого журнала.

...Слесарь Петров из маленького хозуправления привел в НКВД злостного инженера Ломова. Инженер обещал слесарю десять тысяч рублей за совершение диверсионного акта — вбить железный болт в электрический кабель на большом заводе. Конечно, данное событие можно посчитать незначительным, но на самом деле это не так. На самом деле это знаковое событие. Оно говорит об ужасной, всеобщей, всюду разгоревшейся борьбе. События множатся. Они нарастают как лавина. Доцент пединститута помог органам разоблачить шпионскую работу своей собственной жены. Дворники с проспекта Сталина добровольно приняли обязанность ежедневно докладывать о настроениях жильцов трех крупных домов центрального района. Люди, как никогда, тянутся к духовной чистоте, не хотят терпеть дурного.

Я поставил журнал на место.

Чем-то все это напоминало выписки в тетради с гиббонами.

Скучно. Пылью несёт от дешевых выдумок. Одно утешение: человек всегда врал. Ну, пусть не врал, пусть только преувеличивал, строил теории, все равно *первым был сотворен человек*, так считал Платон. Я отчетливо вспомнил отчеркнутое место в тетради.

Вселенная двойственна. Она объемлет два мира — мир идей и мир вещей, отображающих эти идеи. Идеи мы постигаем разумом, вещи — чувственным восприятием.

Когда-то у меня был превосходный почерк.

У человека три «души»: бессмертная и две смертных.

Смертные: мужская — мощная, энергичная, и женская — слабая, податливая.

Развитие человека протекает путем деградации всех трех видов «душ». (В кавычки «душу» в тетради брал, видимо, я сам; в чем-то со-

мневался.) *Допускается и «переселение» душ. Например, все животные — всего лишь своеобразная форма наказания для людей. Упражняющие только смертную часть своей мужской или женской души, при втором рождении превращаются в теплокровных четвероногих.*

Тоже недурной вариант эволюции, покачал я головой.

Те люди, что тупоумием своим превзошли даже четвероногих, оказываются в итоге пресмыкающимися. А откровенно легкомысленные — птицами. По Платону все живые существа — всего лишь совокупность тех или иных видоизменений человека.

На этом, кстати, базировались и представления капитана Жени Кутасовой о происхождении милиционеров!

Каждый пытается понять себя.

Мысленно я увидел озеро Джорджей Пагмо.

Жить там нельзя. На берегах нет растительности, никаких зверей.

Торчат мертвые скалы, похожие на безголовых сфинксов. Может, это те, кого озеро не приняло. Со стороны Шамбалы вдруг доносится приятный звук. Если услышал его, — иди! Пусть соль, тоска, холодные пески — это неважно. Если позвали, иди, не медли. Ты увидишь прозрачное озеро, рожденное в чистом уме бога. Омойся, и войдешь в рай. Вода озера Джорджей Пагмо чище жемчуга. Отпей ее, и будешь освобожден от последствий грехов ста своих жизней.

Мир устал от страданий.

Далекий звук гонга, низкие звезды.

Приятные звуки со стороны Шамбалы.

...есть вопросы, на которые мы можем дать ответ, пусть не точный, но удовлетворительный для сегодняшнего дня. Есть вопросы, о которых мы можем говорить, которые мы можем обсуждать, спорить, не соглашаться. Но есть вопросы, которые мы не можем задавать ни другому, ни даже самому себе, но непременно задаем себе в минуты наибольшего понимания мира. Эти вопросы сводятся к главному: зачем все это? Если однажды мы задали себе вопрос такого рода, значит, мы уже не просто животные, а люди с мозгом, в котором есть не просто сеченовские рефлексы и павловские слюни, а нечто другое, иное, совсем не похожее ни на рефлексы, ни на слюни. Не прокладывает ли материя, сосредоточенная в мозгу человека, совсем особых путей, независимых от сеченовских и павловских примитивных механизмов? Нет ли в нашей мозговой материи элементов мысли и сознания, выработанных на протяжении миллионов лет и свободных от рефлекторных аппаратов, даже самых сложных?

Когда-то я все это выписал.

Ладно. Плевать. Когда-то — это когда-то.

В общем, с прошлым у меня вполне терпимые отношения.

Правда, бывали странные дни. Не буду скрывать, бывали. Особенно под осень, когда начинаются занудливые дожди. Известно, земля наша, кроме комаров, еще дождями богата. Утвердив на столе бутылку вина, я раскрывал атлас России. Еще и еще раз вдумывался я в маршрут сгоревшего самолета. Он вылетел из Санкт-Петербурга (то есть там я поднялся на его борт) и должен был приземлиться в Южно-Сахалинске. Три посадки по маршруту, я мог выйти в трех разных аэропортах. Мог выйти, сесть на поезд или в автобус и уехать куда угодно. Урал, Сибирь, Дальний Восток. У меня могла быть машина, меня мог кто-то ждать. Земля только кажется крошечной, на самом деле она огромная. Я мог жить в любом из городов, расположенных по маршруту самолета. Я мог жить в любом из городов, в которые можно добраться из транзитных аэропортов. За пять лет, прошедших с момента гибели самолета, никто меня не узнал, не вспомнил, не кинулся навстречу на улице. Наверняка где-то есть город, в котором я родился, где, возможно, обо мне помнят. Меня показывали по TV, обо мне писали, что толку? Я ведь не похож на себя — на того, каким был. Десятки пластических операций превратили меня в совсем другого человека.

2

Save.

3

Я прислушался к мыслям соседа справа.

Заезжий гость. Раздражен. Уезжает вечерним поездом, а из гостиницы уже выперли. *Сябра, гэта баян!* Белорус. Явно белорус. *У Бабруйск жывёла!* Воротничок рубашки несвеж, рукава пиджака потерты. Какая-то сделка сорвалась, должок на хвосте. Самое время поговорить с удивительными интеллектуальными существами из запредельного мира. *Сябра, рэспект ды павага табе!* Белорус был в отчаянии. Ни от кого он не прятался, никто его не ловил, но как жить завтра, послезавтра, через год? Я не все понимал в мыслях соседа, для этого следовало бы выучить особый *слоўнік для беларускамоўных падонкаў*, но главное было ясно.

Сосед слева (подозрительный взгляд, вельветовые брюки аккуратно поддернуты на коленях) считал господина Лейбовича жуликом. *Блин, развелось их. Как экстрасенсов в аквариуме.*

Я подмигнул соседу.

И этот жулик, сразу определил он.

Жулик на жулике. Так он считал. И в библиотеку пришел, чтобы убедиться в своей правоте. В беседу с удивительными интеллектуальными существами запредельного мира он не собирался вступать ни при каких обстоятельствах, хорошее образование не позволяло, но если названные существа, суки, сами полезут с вопросами... На такой крайний случай у соседа слева было кое-что припасено. *Как верить человеку, который тебя обманул, а теперь ты хочешь его обмануть, только тебе надо знать, когда он врет, чтобы правильно соврать ему?* Пусть интеллектуальные существа запредельного мира съедят такое.

Доктор Лейбович перехватил мой взгляд. *Какой хороший народ*, думал он, знаменитый врач, выпускник 1-го медицинского института. *Милые и тупые*. Он никого не хотел обидеть таким определением, знал, что никто не прочтет невысказанных вслух мыслей. *Сыграть роль передатчика может любой, использовать можно каждого. Правда, вот этот* (улыбка в мою сторону) *выглядит не совсем.*

Почему-то доктор не счел меня перспективным. *Пришел тупым и уйдет тупым.*

Меня это не обидело. Я видел, что доктор отчаянно хотел выглядеть *другим*. Не таким, как все. Вот смотрите, твердил он мысленно. Я *другой*! Я не такой, как вы!

А на деле — обычный псих.

Не понимает: место мыши — в амбаре.

Как настоящий юзер, доктор Лейбович всю жизнь будет наступать на грабли — и в виде моего соседа справа, и в виде моего соседа слева. Да и я его вряд ли обрадую. Пусть надувает толстые щеки, значительно поднимает брови. Дескать, вы (*милые и тупые*) должны видеть, что это за ним, за ним, за ним, а не за нами (*милыми и тупыми*), роятся и жужжат удивительные интеллектуальные существа запредельного мира.

Женщина напротив (цветастая кофта, мелированные волосы, линялые голубенькие глазки, — все в жизни налажено; потому и пришла в библиотеку имени Чехова, что все в жизни налажено) восторженно следила за доктором Лейбовичем. В ее линялом взгляде читалось: вот у нее в жизни все налажено, так оно и должно быть, а если эти ваши интеллектуальные существа, видали мы всяких, еще и начнут хамить, она знает, как с ними сладить! *Интересно бы приручить такое интеллектуальное существо и держать его дома на комоде.*

— Я показываю вам книгу. Это большая книга. — Доктор Лейбович действительно показал нам огромный, отлично изданный том. — Она стоит не дешево, зато может изменить вашу жизнь. К результату обычно ведут дорогие решения, — сострил он. — Книга, которую я

вам показываю, действительно может изменить вашу жизнь. Если вы вчитаетесь в ее содержание, — опять сострил он. — Чтение требует усилий. — Доктор Лейбович стер улыбку и строго посмотрел на меня, потом на женщину в цветастой кофте, потом перевел взгляд на белоруса и на соседа слева, будто чувствовал какую-то неясную опасность. — Я не один год беседовал с Крайоном, пока не пришел к мысли написать такую большую книгу.

Оба жулики, решил сосед слева. Но вслух спросил:

— Кто он, этот Крайон? Чем занимался?

— Был Учителем, не будучи человеком.

— А-а-а... — сосед слева окончательно уверился: *жулики!*

А сосед справа удовлетворенно отметил: *аўтар шукае спонсара!*

— Купивший мою книгу, — доктор Григорий Лейбович резко поднял толстый том над головой, — быстро, как сможет, приблизится к пониманию сущего. Это как в видоискателе. Простым глазом не видишь, а навел оптику, — он прищурился, — все так и встает перед глазами (*милые и тупые*). Надо только знать свои корни, помнить начало собственной жизни. — Он представить не мог, как сильно огорчил меня этими словами. — Наверное, вы еще не знаете, что все разумные существа Земли, нашей планеты, делятся на две категории. Представители первой получают от Крайона и от меня реальные уроки правильного жизненного существования, а представители второй вечно бродят в темноте и служат представителям первой. — (*Увага! У каментарах підары!* — обеспокоился сосед справа.) — Каждый купивший книгу...

И так далее. Пошел повтор гонки.

«Не думал тебя здесь увидеть».

«Если честно, я сюда и не собирался».

«Но ты здесь, здесь, — жарко шептал мне в затылок Последний атлант. Он опоздал на встречу с доктором Григорием Лейбовичем, зато нашел на скамье в парке оставленную мной коробку. — Скажу так: ты совсем стал растеряхой. Опять оставил свои вещи. Зачем их брать, если все равно потеряешь?»

Я даже не улыбнулся.

Не отвечая Последнему атланту, протянул доктору купюры.

Три сотни. Ровно столько стоила книга «*Послания Ченнелинга*».

— Теперь я обращаюсь к тем, кто хочет, но стесняется меня спросить... — Доктор Григорий Лейбович высоко воздел руки, как проповедник. — Слово *ченнелинг* — (*милые и тупые*) — происходит от английского *channel, канал*. Но это не канал между двумя водоемами, — он опять острил, — а канал между развитыми душами. Духовный канал. Канал между Высшим разумом и существами, жаждущими помощи. — Он строго посмотрел на меня, потом на женщину в

цветастой кофте. — Ченнелинг позволяет получать важные сообщения из запредельного мира. Космос открыт только посвященным. Высший разум — необозримое информационное поле всех душ Вселенной — открыт только последователям Крайона. Это факт. Чтобы безошибочно передавать самые важные, самые необходимые сообщения из одной эпохи в другую, из одних пространств в другие, из одних миров в третьи, интеллектуальные существа запредельного мира временно овладевают нашими телами. Мы этого не чувствуем, не можем чувствовать, но это так. Это наше высшее назначение — быть передатчиками между мирами и эпохами, получать и переносить вселенскую информацию. Мы рождаемся, взрослеем, переживаем события, работаем, совершаем хорошие и нехорошие поступки, впадаем в грех, очищаемся, трудимся, а на самом деле несем сообщения...

— Какие? — спросил кто-то.

— У каждого сообщение свое.

— И убийцы несут сообщение? — тревожно спросил сосед слева.

— И убийцы, — строго ответил доктор Лейбович.

— И насильники? — спросил сосед справа.

— И насильники.

— И призраки? — спросил я.

Доктор Григорий Лейбович не растерялся:

— И хомяки, и птицы, и бактерии, и амебы, и Петр Петрович Петров, и мальчик из подворотни, и вы, добрая женщина, — все! Нет никаких исключений, — огорчил он нас. — Мы — инструмент. Привыкайте к мысли, что мы — скромный инструмент для величественных изменений человеческой истории. А всякие личные переживания не имеют никакого значения. — (*Врешь, дурачок*, ласково подумала женщина в цветастой кофте. *Как раз личные переживания прежде всего. У вас, у интеллектуальных существ запредельного мира, мужчины тоже, наверное, как животные, всегда склонны к изменам.*) — Изучайте «Послания Ченнелинга». Внимательно изучайте «Послания Ченнелинга». Ежедневно, ежечасно изучайте «Послания Ченнелинга». Мир мутен. В мире страшно. Мы сами взболтали ил. В мире скопилось много серого и ужасного. Вчитывайтесь в «Послания Ченнелинга». Может, это последнее послание к нам Высшего разума.

— Почему последнее? — обеспокоилась девушка в розовой кофточке.

— Потому что помощи, возможно, больше не будет.

— Как так? Сообщения же идут!

— Сообщения идут, но получатель может исчезнуть, — нехорошо намекнул доктор Григорий Лейбович. — «Адресат выбыл». Помните такой штамп?

Девушка покраснела. Слово *штамп* ей что-то напомнило.

Николай Михайлович шепнул мне из-за плеча:
«Твою коробку я оставил в гардеробной».
«Ты за всеми все подбираешь?»
«Только за тобой».

4

Доктор Лейбович хлопнул в ладоши.

Повинуясь сигналу, откуда-то сбоку, из-за дешевой ситцевой занавески, отделявшей читальный зал от подсобного помещения, может, от небольшого склада, бесшумно вышла женщина. Она была небольшого роста. На голову наброшен, как паранджа, платок — серый, даже какой-то пепельный. Женщина поспешила к столу, чуть приподнимая пальцами длинную серую юбку, семеня тонкими, невидимыми, но хорошо угадываемыми по движениям ножками. Горб тоже не красил женщину. Сосед справа приуныл: *гэта пяць, паліш сука!* А сосед слева окончательно решил: *все жулики!*

На свободной половине зала горбунья присела.

Прямо на пол, подогнув под себя невидимые под юбкой ножки.

Женщина в цветастой кофте немедленно отметила, что горбунья, пожалуй, похожа на одну из ее подруг. Что-то нехорошее случилось с этой подругой. Или должно было случиться, я не понял. Не горбатая, но дура. И муж у нее до сих пор ходит в костюме с выпускного вечера.

— А о чем можно спрашивать?

Доктор Лейбович поднял глаза на Последнего атланта:

— Обо всем, что вас интересует. Обо всем, на что у вас нет ответа. Обо всем, что тревожит или радует, не привнося в душу ни понимания, ни покоя.

— Тогда такой вопрос. — Николай Михайлович положил тяжелую руку на мое плечо. — У моего друга проблема. У него наблюдаются провалы в памяти. Если честно, до определенного момента в жизни он вообще ничего не помнит. А вы сказали, что понять «Послания Ченнелинга» можно, только хорошо зная корни, начало собственной жизни. Как же быть моему другу?

Внимательно вглядись в траву.
Здесь сидел зеленый кузнечик, похожий на плод огурца.
Ай да лягушка!

Все как один уставились на меня.

И доктор Григорий Лейбович уставился.

Но Последний атлант (*милый и тупой*) не отставал:

— «Послания Ченнелинга» — они помогут моему другу?

Он чувствовал внимание зала. И чувствовал мое недовольство.

— Почему, — давил он, — для передачи важных вселенских сообщений интеллектуальные существа запредельного мира выбрали именно нас? Почему им понадобились наши несовершенные тела? Почему Высший разум не испросил у нас разрешения? Может, я чем-то серьезным занят, не могу отвлекаться, а тут такое неожиданное и ответственное задание. И как, наконец, быть моему другу? Он ведь неидеален. Жизнь, сами знаете, — это то, что ты помнишь.

Горбунья на полу что-то пробормотала. Пепельный платок вздрогнул, как от вздоха.

— А вы смиритесь, — строго и уважительно посоветовал доктор. — Понимание приносит покой.

— Как так? При чем тут смиритесь? Я задал совершенно конкретные вопросы, — обеспокоился Последний атлант. — Какую такую информацию мы распространяем? Может, содержание ее противоречит моим личным этическим нормам или городскому законодательству? Я, например, последнее время нездоров, неважно чувствую себя, зачем мне лишняя нагрузка?

Горбунья на полу вздрогнула. Из-под пепельного платка сверкнул черный глаз. *Жулики, жулики,* — услышал я мысли соседа слева. Но доктор Григорий Лейбович только улыбнулся:

— Кто еще хочет задать вопрос?

— Но позвольте! Вы мне еще не ответили!

— Разве? — удивился доктор Лейбович и строго посмотрел на горбунью. — Мариам, вы ответили респонденту?

Пепельный платок колыхнулся согласно.

— Видите, не все так плохо.

— Но я ни слова не понял! Если и был ответ, я не понял ни слова.

— И не могли понять.

— Это почему?

— Потому, что вам ответили на халдейском.

— На мертвом языке? Но здесь его никто не знает.

— А этого и не требуется.

— Не понимаю.

— Думайте, думайте, — доктор благодушно улыбнулся. — Ответ вам дан, вот главное. А на каком языке — для интеллектуальных существ запредельного мира такие мелочи не имеют значения. Вы скажете, что такие мелочи имеет значение для вас? Не спорю. Имеют. Но система перевода сложна и требует особенной обстановки. Все нужные консультации, в том числе по точному переводу, я даю в офисе. Визитки на столе. — (*Пішы яшчэ!* — обрадовался сосед справа.) — К тому же у вас теперь есть «Послания Ченнелинга». Как? Вы

еще не приобрели книгу? — удивился он нескольким поднятым рукам. — Как же вы собираетесь без «Посланий Ченнелинга» искать свой путь к Полям Знаний?

Сосед справа подумал, и все же не купил книжку.

— Каждый из нас несет свое особенное сообщение, — пояснил доктор Григорий Лейбович, ломая последнее сопротивление слушателей. — Но не каждый, к сожалению, относится к своей миссии с полной отдачей. Это ведь зависит от физического и душевного состояния. Помехой — (*милые и тупые*) — могут стать самые простые вещи. Например, запор. Или уныние. Или головная боль.

Вывучай албанскую мову!

Горбунья под пепельным платком опять что-то пробормотала.

— Обывателям — (*милые и тупые*) — больше всего мешают привычные представления. Обыватель вреден. Он многого не понимает, не хочет понимать. Он ленив. Он хуже клопа. Он вредит даже в космосе. Да вы сами прикиньте, — укоризненно покачал головой доктор Григорий Лейбович. — Легко ли ехать по извилистой, незнакомой, залитой дождями дороге, если руль вашего автомобиля заклинило, а очки вы забыли дома? — (*Аўтар пякельны сатана, творчасьць выдатная!*) — Как в таких условиях правильно и вовремя донести до адресата важное сообщение? Вы угадали, — обрадовался он, взглянув на женщину в цветастой кофте. — Нужно изучать языки! Даже мертвые. Зачем мы открываем неизвестные страны, летим на другие планеты? — спросил он с пафосом. — Зачем мы с риском для собственной жизни карабкаемся на поднебесные вершины, пересекаем мертвые ледники, опускаемся на дно океанов?

— Несем сообщения! — догадался кто-то.

Доктор Лейбович ласково улыбнулся:

— *Вы* поняли.

— Ну, хорошо, — негромко сказал я, и Николай Михайлович сразу ревниво задышал мне в затылок. — Ну, хорошо. Вот вы сказали, что Крайон — ваш Учитель. При этом он никогда не был человеком. Ну, ладно, пусть так. Я верю. Почему нет? Но мне хочется знать, — я всей кожей чувствовал на себе множественные неприязненные взгляды. — Мне хочется знать, несут ли какое-то сообщение привидения?

Пепельный платок заколебался, мелькнул черный глаз.

Горбунья булькала под серым платком, как закипавший чайник.

— Ответ дан.

— Но я опять ничего не понял.

— А разве вам обещали что-то такое?

Пацан сказал, пацан ответил. Доктор благожелательно развел руки. Хотите ясности, записывайтесь на прием в офис. *Сябра, рэспект ды павага табе! За дополнительную плату.*

В зале зашумели.

Горбунья испуганно прикрылась платком.

Николай Михайлович наклонился сзади, шепнул:

«Тебя электрик нашел?»

«Он что, опять приходил?»

«Опять приходил. И девка снова звонила».

На этот раз я обернулся:

«Какая девка?»

«Откуда я знаю? Сказала, вам надо встретиться».

«Ли́са? — изумился я. — Она опять звонила? Когда?»

«Да полчаса назад. Я как раз поднимался в библиотеку».

Ли́са? Но ее сбила машина. Как она могла звонить? Правда, она исчезла из машины скорой помощи. Что за бред?

Последний атлант не унимался:

«Я подсказал ей, что ночью ты будешь в «Кобре».

«Сегодня я не собирался туда».

«Придется пойти».

«С чего это?»

«Она *знает* тебя».

5

Знает.

Ли́са! Меня!

Что она может *знать?*

Я покурил под колоннами у входа в «Кобру».

Швейцар Зосимыч — плоский, белесый, обросший зеленоватыми лишайниками по скулам и вискам, по привычке перекрестился, увидев меня, и тут же, прихрамывая, притащил пепельницу. Судя по поведению, он родился прямо в ливрее. Ходят слухи, что Зосимыч — жертва репрессий, много страдал, получает персональную премию. Но, наверное, важнее то, что он родственник хозяину «Кобры» и у него имеется казенная справка о перенесенных страданиях. Придерживая в скрюченной руке пепельницу, Зосимыч, ровесник Октябрьской революции, доверительно и льстиво подмигивал мне. «Ну, знаете этих Иванов Сергеичев, — уважительно оглядываясь и подмигивая доверительно, шепнул он. — Они с вами не раз угощались. Точно-с говорю, никакой у них белой горячки, врут-с. Просто шептались с тапочками, ну, брали их в постель. — Зосимыч подмигнул совсем доверительно. — А так ничего особенного».

Я сунул Зосимычу мелкую купюру.

Мысли швейцара читать трудно. В мутном, как запущенный аквариум, сознании что-то плавает, но пойми — что. *Гегемон — руководитель гегемонии... Гегемон — носитель гегемонии... Гегемония — преобладание, руководство... Гегемония — преобладание, руководство...* И вообще я, наверное, плохой передатчик. Руль заклинен, тормоза не работают, своих корней не помню. Было, было, я верил, что однажды встречу человека, *знающего* меня. Но время шло, надежда таяла. Самое раннее воспоминание, живущее во мне, — металлическая кровать в ожоговом центре. Кровать особой конструкции. Я не столько лежал, сколько висел на капроновых растяжках.

И ослепительная, ослепляющая боль. Постоянное, сплошное северное сияние боли.

Полярный эффект ни на минуту не прекращающихся яростных вспышек.

И вдруг Ли́са.

Знает.

6

Огромные зеркала.

В смутных плоскостях — зал.

Парень в жилетке на голое тело (в «Кобре» на форму не смотрят).

Курит какую-то дрянь, бесцеремонно выдыхает в мою сторону. Только наивные девушки представляют своих современников романтиками. Рядом усатый чел в мешковатой футболке с надписью на пяти языках: «*Извините, что мой президент идиот, я за него не голосовал*». Похоже, читает только собственную футболку. В смутных отсветах улыбки плохих девчонок — как компьютерные смайлики.

— Прив!

Паша был навеселе.

На всякий случай я заметил, что жду кое-кого.

— Ну? — удивился он. — Капитана милиции? Позорная девка.

Я улыбнулся. На самом деле Паша к капитану милиции неровно дышал.

— Когда меня найдут в постели удушенным, — тут же счел нужным сообщить Паша, — доложи капитану милиции.

— Чего это ты так настроился?

— Не знаю, — покачал он головой. — Но в день, когда мы закончим роман, меня найдут в постели удушенным.

— А ты не торопись. С окончанием романа не торопись, — посоветовал я, не давая Паше впасть в депрессию. — Разветвляй сюжет. Пусть он будет похож на устье Меконга или Волги.

— Ойлэ торопится.

Паша запечалился.

— Ойлэ считает, что слава ей нужна. Сейчас нужна. Завтра, считает она, ей понадобится что-то совсем другое. Роман должен нас прославить. Доходит? И немедленно! Ойлэ торопится жить, — произнес он печально и влюбленно. — Я говорю: Ойлэ, пусть наша героиня страдает. Пусть она страдает, как чистая девушка, не знавшая плохого, и сразу по уши попавшая в грязь. Очищает страдание, говорю я Ойлэ. А она жалеет героиню и лезет мне на колени.

— Боишься мужа — порви с женой.

— А где я буду заколачивать такие бабки?

— Позвони приятелям в Москву. Пиши сценарии мыльных опер. Тоже нелегкий труд, но безопаснее, чем альтернативный роман с женой олигарха.

— Ты не понимаешь. Я хочу покорить Ойлэ.

— Она и так не слезает с твоих колен. Хочешь, чтобы села на шею?

— Я хочу доказать ей, что род Павла Матвеева — уважаемый, старинный дворянский род.

— Это ты о себе?

— А о ком же еще?

— Взращиваешь генеалогическое дерево?

— Тщательно, — покивал он. — Заказал поиски двум архивистам-бандитам. Те еще ребята! Тонна баксов понадобилась для изысканий. Зато, в отличие от тебя, я знаю всю свою родословную. А искусствоведы подбирают портреты.

— Чьи?

— Предков.

— Чьих предков?

— Моих, — проникновенно пояснил Паша. — Корни моего рода уходят в глубину самых темных веков. Не то что у тебя, выскочка безродный. *Он заставил С. написать свои портреты в костюмах бенедиктинского монаха и маркиза XVIII столетия, и в разговоре скромно дает понять, что это его портреты в прошлых инкарнациях.* Это из твоей тетрадки. Добавлю полтонны баксов — и мне подробно опишут дворян моего рода времен каменноугольной эпохи. Пришло время пронзительных истин. Когда меня задушат в постели, внимательно осмотри портреты, развешенные на стенах. Попробуй поразмышлять о бренности существования. Это только тебе легко, — опечаленно покачал Паша головой. — Ты ничего не помнишь. У тебя, может, предков вообще не было. Что бы ты о себе ни рассказал, всему поверят. А твой настоящий отец, может, до сих пор тянет срок за изнасилование, а мать... Ладно, про мать молчу. Может, она была

морским министром, правда? — Он явно завидовал моим возможностям. — А мои предки даже на портретах такие самцы!

Мы прикончили полбутылки «Хеннеси».

Никто не звонил, никто не подавал никаких знаков.

— Я тут недавно поймал Ойлэ за твоей «Эволюцией».

И этот туда же.

Я потянул носом.

Я уже не слушал Пашу.

Я погрузился в свои мысли.

Перед караваном должен крутиться облезлый пес. Вот хорошая деталь для новой игры. *Нет плохих вестей из Сиккима.* Облезлый пес отвлечет внимание геймеров от ненужных деталей. Это с «Эволюцией» я сразу попал в точку: услышал музыку сфер, угадал артефакт, свалившийся в кипящие воды доисторического океана.

Динамика!

Прежде всего динамика!

Руби щупальца цефалопод, отражай атаки ракоскорпионов, соси из ювенильных источников сладкие радиоактивные элементы. Бьет по нервам! Куда Паше с его альтернативным романом! Заросли мрачных чарний, океанские бездны, бледные архейские медузы, мир тьмы, ужаса — любой неверный ход ведет к мутациям, чаще всего неустойчивым. Ты сам строишь ход истории. Животный и растительный мир зависит от твоего воображения. Ты — *Творец*. Ты исследуешь тупики, намечаешь будущее. Ошибки, понятно, не исключены. Из одноклеточных организмов вдруг вырастают монстры. Неведомые создания пожирают друг друга. Грандиозные поединки, карнавал все новых и новых форм. От акул к земноводным, от псилофитов к покрытосемянным, из эры гигантов в эру кривоногих и волосатых самцов Матвеевых. А там и до выхода в Космос рукой подать.

Мы чокнулись.

— Твое здоровье, глупак!

Когда Пашу сильно развозит, он вспоминает множество болгарских слов, потому что три года учился в Софийском университете.

Ладно.

Я глупак.

Но Паша не отставал.

— Ты не просто глупак. Ты маймуна. Молчи! Не возражай! Посмотри туда. Видишь ту позорную чучулигу? — Он судорожно тыкал пальцем в кривляющуюся у бара девчонку с личиком-смайликом. — Не знаю ее. Почему? А та пепелянка? — тыкал он в сторону задымленной женщины. — Ее тоже не знаю.

Было поздно.

Хлопали пробки.

Через столик от нас расположился толстый поц с лысой головой и свинячьими глазками. На нем был безумно дорогой костюм — правда, сидел дерьмово. В сосисочно пухлых пальцах поблескивал бокал с *Chateau Margaux*. Что ж, такая бутылка стоит того, чтобы ее все видели. Правой рукой поц гладил девку — типичную пепелянку в чем-то прадо-гуччи-подобном, конечно, с сумочкой *Vuitton* и длинным розовым маникюром. Они обсуждали отдых в Сардинии. (*Где еще сейчас оторваться?*) Я слышал каждое слово. Обсудив Сардинию, перешли на последнюю коллекцию Гальяно, вспомнили о нашествии наглых русских моделек в нижний бар *Plaza Athenee* в Париже, сошлись на том, что ресторан *Nobu* стал хуже, а в Лондоне холодно, и к черту «Челси», и даже *Prada* вот уже несколько *démodé* (выходит из моды).

Резво для поца.

Впрочем, что я о нем знаю?

Не слушая тоскующего Пашу (*когда мы закончим роман*), я порадовался с поцем и пепелянкой за какую-то Аню, которая, оказывается, спит с Николя, и нервно посмеялся над замужеством неизвестной мне Ксюши (*козлица винторогая*), а Танька, оказывается, вообще шлюха.

Хочешь отомстить за дороговизну авиабилета — плюнь в стюардессу.

Накрашенная девица через два столика перехватила мой взгляд, повела голым нежным плечом, скромно шевельнула губами: «*Одна*». Я так же скромно шевельнул губами в сторону Паши: «*Не один*». Пусть думает что хочет. На секунду я утонул в тоске, в безбытии, в том, что я один. Действительно один. Даже свет потускнел. Кривые лживые морды, будто все разом откусили от зеленого лайма. Каждый в «Кобре» развлекался как мог. Пепелянка, например, держала диету по Волкову. Она полностью за раздельное питание, прочел я в небогатых мыслях пепелянки, потому ей и принесли массу мисочек и тарелочек. Зато поц у нее был что надо. Такой не станет сидеть на *кокосе*, и *герасим* у него небодяженный, хорошего качества, без добавок для веса. И новый корт с хорошим баром, и тренерша-секси, вилорогая дилерша из Латвии. (*Тот кислый под аркой уже полгода по вене двигается. У него норма — два грамма день. Я сегодня умру, если не поеду в фитнес. Неужели у нее второй размер? Ты попробуй в моем СПА.*)

«Заткнись!»

Мы с Пашей обернулись.

Впрочем, обращались не к нам.

Чел в нечитанной им футболке прижал к стойке бара очкастого приятеля.

«Ты что? — отбивался приятель. — Ты жить не хочешь? Или не умеешь? Почему?»

«Да потому, — рычал чел в вызывающей футболке, положив на всех в зале, даже на насторожившуюся у входа охрану, — да потому, что когда в девяносто пятом ты торговал пивом в палатке, я уже врубился в перемещение грузов через российскую таможню. Всосал? Да потому, что, когда ты по пятницам несся с работы на дачу, чтобы бухнуть с батяней на природе и все такое, я жрал *MDMA* в «Птюче» и перся под *Born Slippy Underworld*. Всосал? И теперь могу позволить себе, чтобы на заднем сиденье моей машины валялась книга с названием «Тринки». Мы разные, врубаешься? Я не смотрю «Бригаду», как ты, плевал на русский рок, у меня нет компакт-диска Сереги с «Черным бумером». Я читаю Уэльбека, Эллиса, смотрю старое кино с Марлен Дитрих и охреневаю от итальянских дизайнеров. Всосал? И свои первые деньги я потратил не на «бэху» четырехлетнюю, как у пацанов, а на поездку в Париж. Это у тебя в голове насрано жить, как жили твои родители и родители твоих родителей. Чтобы жена, дети, чтобы все как у людей. По воскресеньям — в гости, в понедельник с похмелюги на работу, по субботам в торговый центр, как в Лувр, всей семьей. Ты «Аншлаг» смотришь, а я *другой*. — Этот тоже играл под трикстера. — Хочу, чтобы лицом русской моды был Том Форд, а не Зайцев, чтобы наша музыка не с Пугачихой ассоциировалась, а с *U-2*, чтобы угорали не над Галкиным и Коклюшкиным, а над шутками Монти Пайтона...»

Над нашим столиком навис официант:

— Кто тут, который ничего не помнит?

Паша заржал и указал на меня.

Официант не смутился:

— Вас к телефону.

Кора

1

Извините, что мой президент идиот.

Усатый ухмыльнулся. Он не смотрел на меня.

Но думал он обо мне. Я поймал обрывки его мятых мыслей.

Кажется, усатый мечтал прокатиться со мной в машине. И даже не просто прокатиться, а прокатиться по какому-то конкретному адресу, мне было лень его выявлять.

Телефон на краю стойки.

По ухмылке бармена я понял, что звонит женщина.

«Уходите оттуда!»

— Что за ерунда? С кем я говорю?

«Не возвращайтесь к столику. Уходите прямо сейчас».

— Вы Лиса? — спросил я, невольно скашивая глаза в сторону усатого.

«Нет, — ответили мне. Я бы сказал, с большим неудовольствием. — Я — Кора».

Поглядывая на усатого, к счастью, он стоял не так уж и близко, я заметил:

— Я вас не знаю.

«Вам и не надо. Сделайте вид, что хотите в туалет, и уходите из зала».

— Я этого не сделаю, — спокойно ответил я. — Обычно я сижу здесь до утра.

Неизвестная Кора застонала от нетерпения. Если она хотела испугать меня, у нее ничего не получилось. Да и не могло получиться. Человек, не знающий прошлого, вполне может позволить себе роскошь не беспокоиться о будущем. Все наши беспокойства из будущего.

Но отступать Кора не собиралась.

«Положите трубку и сделайте вид, что спускаетесь в туалет. А сами на выход. Не теряйте время на вопросы. Я изучила планировку клуба. Если вы пойдете на выход прямо сейчас, никто не обратит внимания. Только не оглядывайтесь и ни с кем не заговаривайте. Выйдете в аллею...»

— А там?

«Я вас встречу».

Я повесил трубку.

Паша, тот еще фикус, прилип к столику.

Впрочем, что ему оставалось делать? Если Ойлэ его отпустила, значит, вернулся из поездки муж. Надо было уберечь Пашу от неприятностей. Улыбнувшись бармену, я достал из кармана мобильник.

Он, правда, был отключен.

Я не помнил, когда отключал его.

Впрочем, на фоне моего глобального беспамятства, это выглядело чем-то ничтожно мелким. Пришлось выслушать короткую нежную мелодию, что-то из «Золушки». Краем глаза я видел, как Паша (вдали, за столиком) послушно полез в карман. Поторопись, блин! Усатый откровенно следил за мной. *Прокатиться в машине*. Я был для него чем-то вроде жестяной банки с законсервированным лучом Вифлеемской звезды. *Доставить по адресу*. Такая у него была работа. Кажется, на мне можно заработать, и он не собирался упускать шанс.

«Паша, не дергайся и по сторонам не смотри».

Я видел, как Паша пьяно дернулся и стал озираться.

«Позвони Ойлэ, пусть срочно пришлет за тобой машину».

И отключил мобильник. Не стал смотреть, что он там решит.

Странно все же получалось. Сперва непонятные привидения в квартире капитана милиции Жени Кутасовой, потом неизвестный электрик, Ли́са, черная эмка, сеанс ченнелинга, звонок Коры. Я представления не имел, как все это может соотноситься с потерянной тетрадью, но вот как-то соотносилось.

Ченнелинговый танец. Краткий и мимолетный.

Я спрятал мобильник и неторопливо направился к выходу.

Света за окнами было мало. В нижнем зале, как тайфун, ревела дискотека. На улице под колоннами, наверное, совсем темно. *Чичичитян, ловкая древесная обезьяна, помогает продавцу кирпичей: дергает веревку.* Самое время подставить голову под кирпич.

На входе в «Кобру» курили два спортивных типа.

Швейцар Зосимыч что-то рассказывал. Увидев меня, привычно перекрестился.

Не знаю, что за типы. Может, «Молодая гвардия», может, нацболы. Рисковать я не стал, правда, инструкции неизвестной Коры несколько нарушил: вместо того чтобы двинуть к служебному входу (поскольку главный был перекрыт типами), спустился в туалет.

Я никуда не торопился.

Да и зачем переть сразу на двоих?

В туалете оказалось прохладно и тихо.

Бамбуковые жалюзи, белые писсуары, кабинки аккуратно прикрыты.

Чел в джинсовом костюме, тоже спортивный, стриженый наголо, только что затянул молнию на ширинке. Блаженное лицо, но внимательные глаза. Не захочешь, а запомнишь.

— Мобила есть?

Никакой угрозы, но я насторожился.

Может, есть, может, нет, мое дело. Тем более, на лестнице появился усатый.

Ну, ладно, не голосовал ты за нашего президента, черт с тобой, подумал я, но зачем ходить за мной? *Поведай нам о своих странствиях, Чижик-пыжик-сан: видел ли дальние реки? пил ли горячее саке?* Расставив ноги, усатый демонстративно утвердился на широких ступеньках, положил мощные руки на металлические перила. Как раз в этот момент мой мобильник подал голос.

— А говоришь, нет!

Чел в джинсовом костюме протянул руку:

— Нехорошо врать. Дай сюда! Это мне звонят.

Я не поверил. Даже оглянулся на усатого. Спросил:

— Ты что, правда не голосовал за нашего президента?

Он спокойно кивнул. *Все, в общем, складывается.* Мысль небогатая, но усатый и не считал себя мыслителем. *Все складывается, все тип-топ.*

Но зря он так думал.

Время текло уже не так, как они привыкли.

В сплошном потоке времени образовались невидимые разрывы, замедления.

Это сбивало моих оппонентов с толку. Усатый поежился, будто сквознячком потянуло. Правда, не из окон. Сквознячком потянуло из будущего, а может, из прошлого, не знаю. Собственно, ничего еще не происходило, но усатый интуитивно чувствовал перемены. *Люди — дерьмо, город — дерьмо, погода — дерьмо.* Так ему вдруг показалось. До этого он и город, и погоду находил приемлемыми. *Сунуть придурка в машину и срочно заказать водки.* Моих желаний он во внимание не принимал.

— Дай мобилу!

Усатый перехватил мой взгляд.

Видимо, он всем тут командовал, хотя не все понимал.

Например, он до сих пор не понимал, кто я такой. Лох, пустышка — так он считал. Придурок, само собой. Ну, попросили его сунуть лоха в машину, он согласился. Почему нет? По виду я — лох самый обычный, правда, без испуга в глазах, пузыри не пускаю. А вообще-то усатый хотел, чтобы я боялся. Он даже показал мне удостоверение. Аккуратная темная книжечка с золотистым государственным гербом. Я ни слова в книжечке не разобрал, нас разделяло почти пять метров. Многовато для прыжка, маловато, чтобы прочесть буквы.

Впрочем, какие прыжки, о чем я? Усатый не в *стрелялку* пришел играть. Он пришел прервать мою многолетнюю *бродилку*. При этом он, кажется, представления не имел о том, сколько в компьютерных играх шаблонных, избитых тем. Встречные бои на скоростных истребителях, гонки по пересеченной местности, прекрасные принцессы, мучающиеся бессонницей в сырых, затянутых паутиной подземельях...

Что за черт? Что я такое съел?

В заднем кармане чела, требовавшего у меня мобилу, чувствовался тяжелый холодок. Пользоваться оружием он не собирался, но оружие у него было при себе. Хорошее. Скорострельное. *Может, грибы? Да не ел ничего такого. Может, китайские пельмешки?*

Я просигналил озаботившемуся челу: *грибы, грибы!* Знал, что он не услышит мыслей, не те у него способности, но подумал: вдруг все-таки догадается?

— Ты чего так позеленел?

Это с лестницы спросил усатый.

Не ответив, чел в джинсовом костюме кинулся в кабинку.

Он так чудовищно торопился, что сразу (нечаянно, наверное) нажал спуск, вода судорожно заревела. Я усмехнулся, сплюнул и неторопливо ступил на лестницу.

Да что такое?

Лох не дергается.

— Ты бы о своих ребятах подумал. Неправильно ребят кормишь.

Мысли усатого беспорядочно метались. *Почему лох не дергается?*

Усатый слышал стоны из захлопнувшейся кабинки. Что-то вокруг изменилось. Бамбуковые жалюзи будто выцвели. Высветились серые крошки цемента под писсуарами. Усатый ничего не понимал, а я не хотел подсказывать. *На улице приятно. Лето теплое.* Мы с ним немного поговорили. Его тоже интересовало, что там завтра будет с погодой? Да ничего не будет, оптимистично заметил я. Дождь пойдет, грибы появятся. *Не надо про грибы,* он прислушался к стонам из кабинки. *Это верно,* покивал я. *Летом свои опасности.*

Не то чтобы усатый расстроился.

Хуже. Он ничего не понимал. Ему недодали информации.

Показали лоха в толпе, сказали: совсем тихий лох, надо прокатить его на машине. А про скрытые способности лоха умолчали. Дураки и люди несведущие часто считают, что для успеха в деле достаточно указаний свыше.

2

Дым в зале слегка рассеялся.

Голоса, музыка, веселые смайлики женских лиц.

На входе стояли те же двое. Правда, швейцар куда-то исчез.

Что-то подсказало мне, что отсутствие усатого позволит мне свободно пройти мимо придурков на входе. Они увидят, что я иду один, а должен был появиться с усатым. Это собьет их с толку.

Почему один?

А потому, что один!

Один сразу бросился к туалету, второй улыбнулся.

Без усатого он был никто. Обычный чел в ширпотребовском костюме.

Мне не хотелось пугать его. Я видел его насквозь. Как ни странно, пять лет назад он находился в оцеплении аэропорта, даже помогал оттаскивать трупы от горящего самолета. Это я прочел в его скучной, неинтересной памяти. В аэропорту не только спасатели работали, там хватало всяких служб. На полосе полыхало — подойти страшно, все равно нашлись смельчаки, пытавшиеся что-то сделать. Этот был среди них. Зачем пугать такого чела?

Где Власов?

Какого черта?

Он так и выискивал взглядом усатого.

В туалете, впрочем, ничего интересного не происходило.

Спустившийся по лестнице рвал на себе дверцу кабинки, чел в испачканном джинсовом костюме упирался. «Открой, козел! Дверь выбью!» — «Власова зови. Я отпал, видишь? Дай полчаса!» — «Не дам! — бился в дверь спустившийся. — Открой!» А усатый Власов стоял за колонной, все видел, но молчал и отстраненно курил. Никак не мог решить, задержаться ему с ребятами или идти за упущенным лохом?

«Открой, козел!» — «Власова зови, не открою!»

Так они спорили долго и счастливо.

3

Сквозь деревья нежно просвечивали огни бульвара.

Было тихо, сумеречно. Молчаливо выстроились вдоль аллеи бронзовые изваяния.

Не Пушкины, не Гоголи, не Тургеневы, как мог бы подумать некультурный отсталый человек, а бэтмены, люди-пауки, девочки шестирукие, блин, весь этот ночной дозор, вывалившийся из мастерской местного скульптора. Поговаривали, что натурщицами для всех скульптур (даже для бэтмена) служили местному мастеру дешевые махаончики с Переходов. Не знаю, не могу подтвердить. Но какую-то скульптуру уже пытались украсть. Воров спугнули, остались надрезы на бронзовом запястье, будто статуя пыталась сделать с собой что-то дурное.

В конце аллеи было темно. А где темно, там опасно.

Некая Кора приказала мне уйти из «Кобры». А некий усатый чел мечтал заработать на мне, прокатив по неизвестному маршруту. А еще плелся за мной придурок с удостоверением сотрудника одной из секретных служб. Рыться в его мыслях скучно. *Ну, где там они? Чего тянут?*

В этот момент я увидел девушку.

Она повернулась, как бы всплыла из тени.

Невысокая. Пятна света на лице. Холодные глаза.

Она не считала нужным скрывать неприязнь. *Пусть видит.*

Смотрела, изучая. В легком повороте дрогнуло платье — длинное, неопределенного цвета, из какой-то простой ткани. До земли не хватало десяти-пятнадцати сантиметров, зато плечи обнажены, на спине низкий вырез. Я увидел голые лопатки. На них падали смутные пятна

света. Еще мгновение — и девушка выбросит крылья, взлетит над темным бульваром. Только тату связывало девушку с действительностью.

Когда ты захочешь.

Неровные строчки стихов уходили под темную ткань.

Есть, наверное, счастливцы, которые дочитали стихотворение до конца.

Девушка холодно улыбнулась. Смуглая спина, чуть отставленная рука. Будто хотела поманить, но раздумала. Бедра стянуты платьем: плавные линии, удивительные скругления, свой ритм. Алгебра тела, ожившая геометрия. Такие, как она, просто пьют чай, а люди уже благодарят их. Капитан милиции Женя Кутасова потерялась бы рядом с Корой. Да и Кора, пожалуй, не стала бы рыться в рецептах тортиков.

Какие-то фигуры выступили из-за деревьев.

А из-за угла, фыркая, выкатился автомобиль.

Черная доисторическая эмка. Я невольно понизил голос:

— Вы Кора?

Она кивнула.

— Вы *знаете* меня?

Она помедлила, но кивнула.

— И знаете мое настоящее имя?

Двигатель эмки работал с перебоями.

Кора холодно рассматривала меня. Я чувствовал ее неприязнь.

Когда ты захочешь. О чем это? Может, это и не стихи, совсем не стихи?

Ну да, усмехнулся я. Это *сообщение*. Удивительные интеллектуальные существа запредельного мира послали мне сообщение. Воспользовались телом красивой молодой женщины, потому и смотрит на меня так отчужденно.

Когда ты захочешь. Не слишком ли мелко для удивительных интеллектуальных существ запредельного мира?

Отведя взгляд, я с беспощадной ясностью увидел будущее секретного сотрудника, так и не отставшего от меня. Он тоже смотрел на Кору. И по тому, как смотрел, как выпячивал мускулистый накачанный живот, было видно, что он должен жить долго. Природа создала его для длительного существования. Тем более что общество нынче не отягощает разум таких типов излишними знаниями. Кто открыл Америку? Голову ломать не надо. Просто поставь крестик над правильным ответом: а) Микки-Маус, б) Рэмбо, в) Колумб.

Я ждал, когда Кора заговорит.

Но она молчала. Как бронзовая статуя.

И секретный сотрудник молчал. Задумчиво молчал.

Не так уж легко дастся ему долголетие, понял я. Он, конечно, будет стараться, он так запрограммирован, но ему будет нелегко. Спасет бездумность, врожденная способность выполнять чужие приказы. Что ему чувства Коры? Она прикажет, он сделает. Главное — это то, что происходит сегодня. Наша тоска по прошлому пуста, наши мечты о будущем бесплодны, поэтому он так крепко цепляется за настоящее.

— Видите машину?

Я усмехнулся: вижу.

«Попросите человека, который утверждает, что он программист, показать свой писюк. Если он покажет вам что-либо, отличающееся от *PC*, можете дать ему пощёчину и прогнать вон». Я отчетливо вспомнил мятую газетенку, до верху набитую такими шуточками. И отчетливо увидел тонкую руку Коры, указавшую на доисторическую машину. От типа, умудрившегося не упустить меня, безнадежно несло потом и скучным будущим. Запущенная дача. Морковные грядки. Плетеное кресло-качалка. Бессмысленный седой старичок, левая рука сухая...

Меня схватили за плечи.

Я рванулся, но держали крепко.

— Кора, вы правда *знаете* меня?

Кора не ответила. Не захотела ответить.

Пока меня тащили к машине, я всяко пытался войти в ее память, в ее смутное, дымное, активно сопротивляющееся мне сознание. *Сволочь. Не хочет.* Я почти вошел, но меня ударили под дых, я согнулся. Железная дверца автомобиля распахнулась как-то непривычно — против хода, но кинули меня на заднее сиденье вполне общепринятым способом — рукой за волосы, лицом вниз.

Сисадмин по вызову

1

Комната — длинная, как пенал.

Письменный стол, покрытый сукном.

В двух местах зеленое выцветшее сукно продрано.

На полу газеты. Просто брошены. Массивный табурет привинчен к полу, стоит странно — на каком-то неестественном, но явно хорошо рассчитанном расстоянии от стола. У окна плетеный легкий стул, у стены диван — клеенчатый, допотопный. Прямая деревянная спинка, мутное зеркало на уровне глаз. От плинтуса до потолка — узкая прихотливая трещина.

Ах, Рио-Рита...

Аргентины далекой привет...

Все на месте, и все же чего-то в комнате не хватало.

Не порядка, нет. И не вещей. Скорее, всей этой необязательной хрени, всякой мелкой чепухи, «вторых» девайсов. Неужели целая команда охотилась за мной и приволокла меня сюда только для того, чтобы вернуть никому не нужную тетрадь или назвать мне давно забытое всеми имя?

«Надо знать корни (*милые и тупые*), помнить начало собственной жизни».

К сожалению, никаких начал я не помнил. Потому и подошел к большому пыльному окну. Осторожно коснулся мутного стекла, побренчал металлической задвижкой, намертво вмазанной в высохшую краску. За стеклом виднелась улица, обсаженная лохматыми тополями, глинистая, умеренно разъезженная грузовиками и телегами. Никаких признаков асфальта — цивилизация до этих уголков еще не добралась. Правда, издали, перебивая музыку, доносился паровозный гудок.

Паровоз, паровоз, ты куда меня завез?

Там и тут клубился пар. Все смазывалось, будто смотришь сквозь слезы.

По голове меня вроде не били, но сквозь печальную картину провинциальной улицы вдруг смутно проступала сиреневая соляная пустыня. Карлик слезливо жаловался: «Я болен». Поскуливала облезлая собака, путалась под ногами лошадей. «Рио-Рита», кажется, не фокстрот, вспомнил я. Николай Михайлович хранил старые винилы. От него я слышал: посадобль, хотя сам Последний атлант большой разницы между пасадоблем и фокстротом не видел. На его взгляд, мелодия «Рио-Риты» прекрасно подходила для любого двухдольного ритма.

Неважно.

Шли сквозь сумеречность лошади.

Караван растянулся чуть не на километр, время раздваивалось.

Тибетец Нага Навен, монголы, красноармейцы, тут же колея глинистой улицы. «*Хана зам?* Где дорога? *Ото бит ултан явхуу?* Сколько нам еще ехать?» — «*Навш митын.* Хрен его знает». Подъехал красноармеец в буденовке, в потной гимнастерке. На плохом монгольском выругался: «*Сайхан зам!*» Монголы покивали согласно: «*Урт зам. Зов зам*». Хвалили дорогу, какая она в пустыне длинная и правильная.

Испепеляющая жара.

Рябой подрагивающий воздух.

Вдруг из раскаленного сиреневого неба полетели невесомые пушинки. Снег или пух тополей над провинциальной улицей? Глаза сле-

зились. «*Онцын юм гуй*», — покачал головой монгол. «Ничего особенного», — подтвердил другой несмело.

Хорошая деталь для моей игры, машинально отметил я. Последний атлант хорошо платит за неожиданности. Невесомый снег в раскаленной солончаковой пустыне — это смотрится. Это привлекает внимание.

Закончу игру, уеду в Сикким.

Там пальмы доходят почти до снеговой линии.

Загляну в монастырь Энчай. Или нет, отправлюсь в Румтек, в тихую деревушку Мартам. В шестом веке там жил святой Кармапа Ринпоче, а в девятнадцатом наезжал раджа, отдавший страну под протекторат англичан всего лишь за пожизненную пенсию.

Неважно.

Нет плохих вестей из Сиккима.

Птицы над барханами. Много, как саранчи.

Крики птиц, мелодия *Рио-Риты* — вот интонация саунд-трека.

Последний атлант обещал мне обеспеченную старость. Смешно. Зачем обеспеченная старость человеку, у которого не было детства, который не помнит собственной юности? Старики обязаны вспоминать, говорить о прошлом, сравнивать.

Ах, Рио-Рита...

Дверь заперта. Рама заклинена.

На зеленом сукне стола лежала тетрадь.

Кора не обманула. С обложки счастливо улыбались гиббоны: самец и самка.

Тридцать восемь (38) трупов нами приняты и преданы кремации.

Комендант Н.К.В.Д. Гулий, пом. нач. отд-ния первого отдела Г.У.Г.Б. (подпись неразборчива). 22. VIII. — 39 г.

Зачем я это выписывал?

Самообразованием не занимается, — цитировалась, видимо, производственная характеристика. — *Читает партийную периодику. Ограничен, не разбирается в истории и в литературе, проявляет поверхностные знания по той или иной проблеме. Февральскую революцию встретил восторженно. Вместе со всеми громил витрины богатых магазинов, бросал камни в богатые окна. С февральской революции не пользовался отпуском. В настоящее время болеет чуть ли не семью разными видами болезней.*

Тут же портретик, вырезанный из старого «Огонька».

Подпись: «Железный нарком Ежов Николай Иванович».

Революция вдохновляет. Бросать камни в богатые окна, громить магазины, гадить в нежные севрские вазы, лакать гнусный самогон из царской посуды, а потом работать, работать, работать на износ, до полной потери сил, никогда не пользоваться отпуском, болеть всеми видами болезней и читать только партийную периодику...

Нельзя допускать к руководству людей, активно участвовавших в гражданской войне.

И тут же:

Туристы извне.
Богатые инопланетяне.

Никакой системы в выписках не наблюдалось.

Я помнил каждую деталь жизни с того мгновения, как очнулся в Ожоговом центре, но из увиденного в тетради — ничего. Саму тетрадь не помнил. Сказали: тетрадь твоя, вот и считаю — моя. Извлекли тетрадь из кармана моей обгоревшей куртки, какой спор? — она моя, конечно. А может, на самом деле *я турист извне, богатый инопланетянин*? Не вижу ничего, что опровергло бы подобное предположение. Оплатил круиз по Галактике, теперь таскаюсь по незнакомым планетам. Почему нет?

Глупо, но для будущего сценария годится.

Скажем, приключения космического туриста.

Такая вот веселая агрессивная *бродилка*. Вселиться в тело Чингиз-хана и бросить немытые орды другим путем — скажем, переправить тучи воинов на плотах в Австралию. Блин, как изумятся британские каторжане, услышав в Новой Каледонии монгольскую речь. Согласно преданию, род Чингиз-хана восходит к женщине по имени Алан-Гоа, сумевшей забеременеть от луча света. История полна извращенцев. «*Сайн байна,* — скажет Чингиз. — Здравствуйте». — «*Чиный нэр хэн бэ?* — удивятся каторжане. — Как тебя зовут, чел?» — «Чингиз-хан меня зовут. С детства так зовут. Чингиз-хан я». — «*Би тантэй уулзсандаа их баяртэй байна.* — Толмач в Новой Каледонии непременно найдется. — *Сайн явж ирэв.* Доехали хорошо?» — «Штормило, — сердито ответит Чингиз-хан, прикидывая, что ему делать с такими непонятливыми отсталыми челами. — *Ажил хэрэг сайн уу?* Как ваши дела?» — «*Онцын юм гуй,* — ответит толмач. — Ничего особенного». — «*Уй-уй-уй,* — совсем рассердится Чингиз-хан. — Как так, ничего особенного? *Та миний хэлснийг ойлгож байна уу?*» И прикажет: «Сделайте им особенное!»

Я глянул в мутное зеркало.

Серые, чуть подпухшие глаза, в них ни тревоги, ни особой печали.

Да и с чего печаль? Мне везет. Однажды я уже выжил. Однажды я куда-то не долетел. Наверное, опять выживу. Или не долечу. *Ах, Рио-Рита!* Богатым инопланетянам наплевать, что я чувствую. Туристам извне тоже. Но кому я несу *сообщение*? Доктор Григорий Лейбович и его учитель Крайон, который не был человеком, утверждают, что мы только инструменты. Тогда — кому, кому?

Я подобрал с полу «Правду» от 29 января 1939 года.

Легендарному Перекопу посвятили свою первую оперу три молодых украинских композитора — Ю. Мейтус, М. Тиц и В. Рыбальченко (либретто В. Бычко и Шелонцева). Заботливый, по-товарищески внимательный к бойцам, решительный и смелый полководец — таким рисуется в опере образ Михаила Васильевича Фрунзе. Верный ученик Ленина и Сталина двигает красные полки на решительный штурм и приводит к победе. Правда, увлекшись показом чуткого, глубокочеловеческого отношения Фрунзе к бойцам, авторы и постановщики спектакля не дали зрителям возможности по-настоящему почувствовать весь размах стратегической мысли командарма, не обрисовали его, как одного из творцов большевистского военного искусства...

Странно, газета еще не выцвела. Когда я послюнил палец и провел по листку, шрифт размазался. Никак не тянула газета на семьдесят лет.

Прошло расширенное заседание Президиума правления Союза советских писателей с участием актива. После доклада тов. А. Фадеева утвержден новый состав президиума правления в 15 человек: В. Герасимова, А. Караваева, В. Катаев, К. Федин, П. Павленко, Л. Соболев, А. Фадеев, А. Толстой, Вс. Вишневский, В. Лебедев-Кумач, Н. Асеев, М. Шолохов, А. Корнейчук, Алио Машашвили, Янка Купала.

Я помял газету в руке. Репринт? Не похоже.

Захват Барселоны — прямой результат недостатка вооружений у республиканской армии. К 23 декабря, перед началом наступления фашистов, соотношение сил на каталонском фронте складывалось следующим образом: фашисты располагали 23-24 пехотными дивизиями (240 тысяч человек), не считая других видов войск, численность которых составляла 40-50 тысяч человек. Примерно половину их составляли германо-итальянские интервенты. Этим силам республиканцы могли противопоставить только 100-тысячную армию, при этом недостаточно вооруженную. Располагая армией, в три раза

превосходящей республиканскую, фашисты смогли начать наступление сразу в трех направлениях: из сектора Трэмп, из сектора Балагер и из сектора Фрага. В главном направлении (сектор Фрага) действовал итальянский экспедиционный корпус, а также марокканские и наваррские части. С первого дня боев республиканцы вынуждены были ввести в действие все свои резервы. Обладая превосходством в людских силах, фашисты выбрали простой, но вместе с тем чрезвычайно выгодный метод: каждый раз после суточного боя они отводили действовавшие на первой линии дивизии на вторую линию, а со второй — перекидывали свежих солдат на первую.

Я терпеливо перевернул газетный лист.

...Еще будучи директором ленинградской фабрики «Скороход», — писал некто Н. Сметанин, впрочем, не некто, а замнаркома легкой промышленности, — *я неоднократно слышал жалобы отдельных работников на то, что им приходится сидеть в учреждении по ночам и при этом чаще всего без надобности. Сейчас, работая в наркомате, наблюдаю то же самое. В 12 часов ночи, в час, в два и в три в наркомате продолжает сидеть значительная часть ответственных работников. А утром они являются на работу гораздо позднее установленного срока, хотя их часами дожидаются посетители, а технический аппарат, оставаясь без руководителей, работает плохо. Известно, самые производительные часы работы — утренние. Вот и надо бы заниматься с утра самым важным, самым сложным. Но даже заседания коллегии наркомата проходят ночью. Все сидят сонные и ждут, когда заседание кончится. Зачем это нужно? Кому это нужно? Я, признаться, тоже начинаю засиживаться. Спросите, почему? Отвечаю честно: да потому, что нарком сидит поздно. А заместители наркома сидят про тот случай, если их вызовет нарком. А работники аппарата сидят с одной мыслью: вдруг их вызовет замнаркома?*

Приносит ли пользу такая система?

Нет, такая система приносит только вред.

Вот пример из последних дней. 26 января врид начальника отдела труда тов. Родаминский, уезжая по делу в ВЦСПС, вызвал туда нужных ему работников из главных управлений. Понятно, вызвал затем, чтобы не терять драгоценного времени. Работники прибыли в ВЦСПС в момент, когда тов. Родаминский уже работал в какой-то комнате. Работников туда не пустили. Они потолкались в коридорах ВЦСПС и уехали ни с чем. Рабочий день пропал. А сколько таких дней гибнет из-за некультурности в работе, из-за неорганизованности и расхлябанности? Простой расчет показывает, как дико разбазаривать время на ночные сидения. 7-8 часов нам обязательно нужны для

сна. Пару часов следует уделять профессиональному чтению, личному образованию. Мы обязаны уплотнить, как требует постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС, свой рабочий день, прекратить вредные ночные сидения.

Серьезным человеком был Н. Сметанин.

Женщина без вредных привычек продаст машинку Зингер.

Так всегда. Мечтаешь о лирике Пушкина, а читаешь рекламу.

2

Дверь открылась.

Кора и ее спутник выглядели неправильно.

Не следовало надевать такую красную блузу и такую синюю юбку. В этом было что-то плакатное, как и в красном платке, туго охватившем убранные под него волосы. А у мужчины (ростом он был ниже Коры) бросались в глаза монгольские скулы, темные волосы, выцветшая гимнастерка без знаков различия, застиранные галифе, начищенные сапоги.

Айболит локалки.

Сисадмин по вызову.

Я не хотел смотреть на Кору, но смотрел.

Не хотел заглядывать в ее мысли, но не мог.

Она явно еще не отошла ото сна. Под глазами лежали темные тени. У многих есть тайные, не выказываемые другим страшилки. У Коры такой было *расслаивающееся время*. Зияющая черная дыра. Крутящееся, засасывающее пространство. Некий безмолвный космический водоворот.

— Сядьте.

— Не хочу. Надоело.

— Да вы еще и не сидели!

Спутник Коры ловко ткнул меня кулаком в грудь.

Я не удержался и сел. Клеенчатый диван холодил руки, на которые я невольно оперся. Нырни в реку, собери десять палочек Коха и получи кружку Эсмарха. Потом посчитай до десяти. В этом офисе работали свои законы.

— Имя!

— Мое?

— Разумеется.

— Сергей Александрович.

Он предупредил мой вопрос:

— Я — сотрудник наркомата внутренних дел сержант Дронов.

И цепко оглядел меня. Что-то ему не нравилось. Он морщился.

— Мы никак не ограничиваем вас в личном общении, — сказал он несколько загадочно, — но постарайтесь свести общение к минимуму. — И уперся в меня взглядом: — Национальность?

Теперь ухмыльнулся я.. Не потому, что подтверждал не высказанные им вслух сомнения, а потому, что действительно не знал своей национальности. Может, татарин, может, еврей. Какая разница?

— Сергей Александрович — ваше настоящее имя?

— Представления не имею.

— Место рождения?

— По бумагам?

— По существу.

— Тогда тоже не знаю.

Что ж, они не собирались рыться в придуманной биографии. Айболит локалки вообще не скрывал, что его интересует не какой-то там мифический Сергей Александрович, родившийся якобы тогда-то и там-то; его, сержанта Дронова, сотрудника наркомата внутренних дел, серьезного человека (так он о себе думал) интересовал вполне реальный человек, укрывшийся за придуманную (так он считал) потерю памяти. Правда, задавая вопросы мне, он посматривал на Кору.

И мысли его были слюнявыми.

Он думал о Коре как о *своем будущем.*

Это сбивало меня с толку. Они пришли вместе, значит, были заодно, но *единства* я не чувствовал. Потому и рылся в их сознании. Нагло рылся, не скрываясь. Пытался понять, почему сержант пускает слюни, а Кора смотрит на меня с презрением, даже с гадливостью, будто поймала за непристойным занятием. *Оставить наедине с сержантом.* Нет, Кора этого не хотела. *Лечить потом окажется себе дороже.* Я ее не понимал, наши с ней времена катастрофически не совпадали. *Пули сплющены.* Не знаю, о каких пулях она думала. В голове любого человека всегда много неясностей. В сознании самого неиспорченного, самого чистого человека всегда прячутся тусклые зеркала, ползет дымка отработанных желаний, непонимания, зависти. *Зайти на рынок.* Что она покупает на рынке? *Овощи.* Ну да, конечно. Она собиралась зайти на рынок. Кому-то она готовила обеды? Кто-то бессонными ночами читал стихи на ее чудесной спине под лопатками-крыльями? *Когда ты захочешь.* Я привык валяться в постели с плохими девчонками из «Кобры», ни у одной не видел таких тату. Всякие были, но *таких* не было. Как сказала бы капитан милиции Женя Кутасова, плохие девчонки произошли не от тех рыб.

— Род занятий?

Он так и спросил.

— Сценарист компьютерных игр.

Сержант незаметно глянул на Кору. Она кивнула.

— Над каким сценарием работаете?

— Хотите, чтобы рассказал подробно?

— Для начала хватит названия.

— «Нет плохих вестей из Сиккима».

— Это о чем? — не понял он. — Кто запомнит такое?

— А зачем запоминать? — успокоил я Айболита локалки. — Геймеры любят ясность и простоту. Они сами додумывают то, до чего мы не доходим. *Волчье логово*, например, — я произнес это по-немецки: *Wolfenstein*. — Как бы ты ни старался, название игры все равно упростят.

— Как?

— Ну, *Вольф*, может быть.

— А как упростят ваше название?

— Откуда мне знать? Может, *Сикким*.

— Кто знает такое слово? — поморщился сержант.

— А зачем знать? — повторил я. — Главное, чтобы запомнилось.

— Это стратегическая игра?

Сержант Дронов незаметно глянул на Кору.

Она так же незаметно ему кивнула. *Как ни учи, он понимает только активные методы.* Вероятно, Айболит локалки не сильно разбирался в компьютерных играх, или вообще в них не разбирался.

— Какую музыку вы слушаете?

— Разве я слушаю музыку?

— Вы были женаты? Вам снятся женщины? Вы бывали в Сиккиме?

Был ли я женат? Откуда мне знать? Когда Последний атлант жаловался на своих бывших жен, во мне это не вызывало никаких ассоциаций. Слушаю ли я музыку? Крайне редко. Иногда Брамса, да и то не слишком долго. Может, слушал в самолете? Не знаю. Кто это подтвердит? А женщины? Снятся ли? Даже когда я ссорился с капитаном милиции Женей Кутасовой и уходил спать домой, никаких снов. А в Сикким я только мечтаю поехать.

— Где вы откопали такое название?

Кора нахмурилась. Похоже, ей не нравилась работа сержанта.

Скотина. Он снова все путает. Так она думала. Впрочем, врубиться в такую тему, как компьютерные игры, с первого захода сложно. Я видел сержанта насквозь. Он губу раскатал на мои ответы. Надеялся, что я случайно проговорюсь. Меньше всего он допускал, что писание сценариев — мой заработок. Был уверен: вру. Человек не

может не помнить всего. Как это, забыть сразу все? Получается, что вся жизнь — коту под хвост? Это попахивает заговором. Я чувствовал холодок, которым пронизывало маленькое сильное сердце сержанта. *Даже Николай Иванович завис. Надо прибиваться к правильному берегу.* Сержант, как школьник, пускал слюну, потому что он и Кору надеялся вытащить на правильный берег. Выбраться самому, прежде всего самому, а потом бросить веревку Коре. Эта мысль придавала сержанту бодрости. Он в каждом произнесенном мною слове искал нечто особенное. До него просто не могло дойти, что если я не занимаюсь эрпэгэшками, то вовсе не потому, что презираю тяжелых геймеров. Собирать броню и вспомогательную технику тоже не просто. И гонять машины по сложным трассам — тоже не обойдешься одним спинным мозгом.

— *Та миний хэлснийг ойлгож байна уу.*

— Это еще что? Прекратите!

— Почему? — удивился я.

— Говорите по-русски!

— Что толку? Все равно вы меня не понимаете.

— Я пойму, — сказал сержант, сжав губы. — Отвечайте кратко и по существу.

Я видел, я слышал недоумение сержанта. *Я видел, я слышал*, как металось в его напряженном сознании трудное, непонятное слово *хакер*. Он явно хотел блеснуть передо мной своими знаниями, но не знал, на какой слог в этом слове должно падать ударение.

— Упирайте на первый слог, не ошибетесь.

Сержант побагровел. Я подсказал ему то, о чем он только подумал.

— Впрочем, — попытался я замять свой невольный прокол, — дело не в ударении. Дело в самих хакерах. Вы ведь знаете, одни пишут вирусы с помощью чужих идей, другие ломают все подряд, третьи взламывают только самое сложное, самое защищенное программное обеспечение.

В голове Айболита стоял гул от непонимания.

— Расскажите про игру.

— Подробно?

— Как сможете.

— Ладно, — начал я.

Мне было все равно.

Я смотрел только на Кору.

Она будто сошла с картин Петрова-Водкина.

— Начнем с антуража. Верблюды, яки, лошади, птицы, много птиц. Оружие — карабины, пара наганов, ножи, много оружия. Каменистая пустыня, мелкие пески, голые сиреневые солончаки, вдали — снежные горы. Пейзаж на мониторе должен выглядеть загадочно,

иначе игру не купят. Впрочем, дизайнеры, — сержант дернулся, — у нас превосходные, с этим проблем нет. Русский профессор, десяток красноармейцев, проводники-монголы, старый тибетец, приблудившийся к отряду карлик, он даже по национальности карлик, — уточнил я специально для дернувшегося сержанта. — Отряд идет в Шамбалу. *Там покоятся пророчества о будущем. Там умеют управлять внутренними силами и вплетать их в космические потоки.* Или не отряд. Караван. Так, наверное, точнее. — В голове сержанта кричали гуси. — Побывать в счастливой стране всем хочется, правда?

Я думал, что Айболит локалки на этом сломается, но держался. Даже взял со стола тетрадь.

— Ваша? Узнаете?

— Рад, что она нашлась.

— Почему вы сделали героем игры известного русского профессора?

— Геймерам это все равно.

— Но вы взяли известного спеца!

Профессор Одинец-Левкин! Сержант мучительно искал нужный подход. Он чувствовал свою уязвимость. Каким-то седьмым, десятым, двадцатым чувством угадывал близкие потрясения. *Правильный берег всегда там, куда стремятся многие. Гегемон правит. Главное, прибиться к правильному берегу.* В голове сержанта Дронова все смешалось. *Гегемон — руководитель гегемонии.* Как подобает правильному гегемону, он варился в одном со всеми котле. *Гегемония — преобладание, руководство.* Теперь я видел, что этот сисадмин по вызову *боится* Кору. Он мечтал вытащить ее на правильный берег, довести до какого-то известного только ему пункта, не обязательно географического, но при этом *боялся* Кору. До умопомрачения.

Зато ты, слышал я мысли Коры, *всегда будешь один.*

Это она думала обо мне. Без всякой жалости и снисхождения.

Мы страдаем, думала она. *Нам плохо, но мы вместе. А ты всегда один, тебе всегда плохо. Ты валяешься на диване и не видишь, как мир рушится, слизняк, сволочь!* Кора знала много разных ругательств. *Ты всегда будешь один!* — безмолвно орала она на меня. *Тебя не существует! Ты — мразь, подонок, жалкая тень. Ты — всего лишь иллюзия, отражение в мутном зеркале.* Она прожигала меня своей непонятной ненавистью, а Айболит локалки вглядывался в меня, счастливо разинув щербатый флопик.

— Зачем ты ездишь в аэропорт?

Сержант знал обо мне много хорошего.

— Там неплохой бар, а у меня есть машина.

— В городе есть бары получше. — Он произнес это не совсем уверенно.

— Конечно. Но в аэропорту толкутся люди из разных городов. Быть может, однажды меня узнают.

— Узнают? Кто?

— Представления не имею.

Ах, Рио-Рита! Пожалуй, стоит построить саунд-трек на этом пасодобле. Или на фокстроте, мне без разницы. Рвет сердце не слабей ледяного ветра.

— Как звали профессора Одинца-Левкина?

— Дмитрий Иванович.

— Ты знал его?

Похоже, мы подружились с Айболитом локалки. По крайней мере, он перешел на ты.

Я покачал головой:

— Как я мог его знать?

— А что этому мешало?

— Ну, хотя бы то, что он родился в одна тысяча восемьсот восемьдесят первом году.

— А ты?

— Не знаю.

— Так не бывает, — сказал Айболит.

Я пожал плечами. Может быть. И сам спросил:

— Что, собственно, вас интересует?

— Всё! — быстро сказал сержант. Наверное, ему показалось, что я готов сдаться.

— Как это понять — всё?

— Абсолютно всё, — заторопился он, боясь упустить момент. — Привычки. Странности. Слабости.

— Я не так много знаю.

— Вот для начала и расскажите.

— Странности? — попытался я припомнить. — Ну, скажем, профессор Одинец-Левкин никому не подавал руки. Это странность? Вы знали об этом? — Сержант явно не знал. — Дмитрий Иванович находил рукопожатие исключительно негигиеничной привычкой. Многие вспоминали об этом. Летом и зимой ходил в одном и том же плаще, только зимой поддевал теплый свитер. Хорошо знал музыку. Владел тремя языками. Переписывался с Рерихом. — Невыразительные глаза сержанта заметались. *Рерих. Кто это?* Он даже не стал оглядываться на Кору, понимал, что сейчас она не подскажет. — Еще Дмитрий Иванович считал, что все в мире подчинено единому ритму. Это странность? Движение светил, смена дня и ночи, кровообращение человека и животных, орбиты электронов, течения рек, северные сияния — профессор Одинец-Левкин все объединял в единую систему. Он не принимал ничего, выбивающегося из его представлений. На-

пример, не терпел обоев с рисунками. Если других не было, наклеивал такие обои рисунком к стене, а наружную сторону покрывал краской золотисто-оранжевого цвета. В тридцатые годы добился организации экспедиции в Шамбалу, но с полпути вернулся в Советскую Россию.

— Почему?

— Не хватило средств.

— Что случилось с профессором при возвращении?

— Как это что? — засмеялся я и посмотрел на Кору. — Его арестовали.

— Как такое могло произойти?

— Вы помните анекдот про ангела-хранителя?

— Анекдот? Церковный? — Сержант подозрительно уставился на меня.

— Не совсем церковный. «Что ты все суетишься, — укорил ангел-хранитель своего хозяина. — Бери пример с доцента Хрипунова». — «Но доцент Хрипунов в тюрьме!» — «Ну и что? Его уже дважды отпускали за примерное поведение».

— Не понимаю.

Айболит локалки покосился на Кору.

У него бак потек. Гуси в голове кричали громче.

— *Есть два вида полковников,* — раскрыл он мою тетрадь. — *Одних зовут товарищ полковник, других — эй, полковник!* — Ему хотелось запутать меня. — Что вы имели в виду, делая такую запись?

Снова мы с ним были на вы.

— Я еще один анекдот вспомнил.

Он промолчал. Я принял это за согласие.

— «В связи с обострившейся экономической ситуацией, — говорит представитель США представителю банановой республики, — мы настоятельно просим вас вернуть государственный долг в размере трехсот двадцати миллиардов долларов. Учитывая тяжелое положение вашей страны, мы не настаиваем на накопившихся процентах, но основную сумму будьте добры предоставить в течение месяца». — «Да никаких проблем! Мы и в неделю уложимся. Миллиардные купюры нового образца вас устроят?»

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что я ничего определенного не знаю, — ответил я терпеливо. — О чем бы вы меня ни спросили, мои ответы будут строиться на старых книгах и на старых архивных документах. А в книгах всегда преувеличивают. А в документах всегда врут. Вести такой разговор — все равно что играть в чужой песочнице.

— *По последним научным представлениям, Земля — кристалл, имеющий форму додекаэдра, вложенного в косаэдр. Наиболее близкой*

Земле моделью является футбольный мяч, покрышка которого состоит из пятиугольников. По осям такого гипотетического кристалла должны концентрироваться полезные ископаемые, наблюдаться различные геофизические аномалии; может, здесь прячется разгадка расположения древних цивилизаций и тому подобное. Наконец, раз наша Земля — пентасистема, она должна быть «живой» в своем масштабе времени. — Сержант смотрел на меня с непонятным презрением. — Из какой книги выписана такая сложная фраза?

— А она сложная?

— Вы этого не находите?

— Меня она в тупик не ставит.

Сержант покачал головой. Он уже не надеялся на помощь Коры.

Подставила. Так он думал. *Подставила, сучка.* И, открыв тетрадь на нужном месте, осторожно провел пальцем по неровным язычкам отрыва.

— Хотите поторговаться?

Это прозвучало неожиданно. Я удивился:

— А какой товар на кону?

— Да все тот же.

— Уточните.

— Ваша тетрадь. Ваше настоящее имя.

— А что в обмен?

— Ответ на вопрос.

— Всего-то? — еще больше удивился я. — Ну так задайте вопрос. Что вы тянете?

— А вы готовы ответить?

— Не знаю.

— Вот видите.

— И все же лучше спросить.

Он ухмыльнулся. Он считал, что я ничего не могу знать о вопросе, который крутился в его голове. Принципиально не могу знать. Но я знал. Знал уже десять минут, не меньше. Ничего не было в этом вопросе странного. Для сержанта, понятно. Все, о чем он спрашивал, было лишь подступами к этому вопросу. *Где нам искать профессора Одинца-Левкина?*

3

Они ушли.

Я посидел на диване.

Потом уснул. Потом проснулся.

На столе стояла чашка с остывшим кофе.

Хлеб и крупно нарезанную конскую колбасу я съел.

Где нам искать профессора Одинца-Левкина? Хороший вопрос, учитывая привходящие обстоятельства.

Я перелистал тетрадь. Некоторые записи были подчеркнуты.

Довожу до сведения подробности и характеристики лиц, собиравшихся в квартире профессора Одинца-Левкина. Говорят, профессор живет уже две тысячи лет. На вид он некрепкий, а перевоплощался в разных людей, был жрецом в египетском храме, и всего добивается благодаря своей гипнотической силе, то есть может подействовать на любого человека и устроиться на любую службу, но чужд материальных интересов и потому не делает этого.

Зачем я это выписывал?

«*Чиный нэр хэн бэ?* Как тебя зовут?»

Судя по записям, монгольским я тоже начал заниматься в прежней жизни.

«*Миний нэр Дмитрий.* Дмитрий меня зовут».

«*Би тантэй уулзсандаа их баяртэй байна.* Рад видеть вас».

«*Ажил хэрэг сайн уу?* Как ваши дела?»

«*Сайн уу*».

Это точно.

Уу мои дела.

Где нам искать профессора Одинца-Левкина?

В азиатских солончаках, наверное. Или в безымянных захоронениях Колымы.

Личные планы сержанта Дронова, несомненно, были связаны с Корой, но он зависел от нее. По крайней мере, в сегодняшней встрече он был ведомым. И тетрадь раскрывалась в основном на тех местах, которые он много раз перечитывал.

Ежов Николай Иванович. Генеральный комиссар госбезопасности. С 14 лет трудился на различных заводах, имея за плечами начальное образование.

Партия знала, кого призывать в первую очередь. Но мне-то это зачем?

В годы гражданской войны — военный комиссар ряда красноармейских частей, с 1922 года — секретарь Семипалатинского губкома, Казахского краевого комитета партии. Членам ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова представил старый большевик И. М. Москвин. «Идеальный ра-

ботник», — сказал он. И уточнил: «Даже не работник, а исполнитель! Порученное Ежову можно не проверять. Он всегда сделает как надо».

Уу.
Такие мои дела.

В середине прошлого года я стал бывать в московской квартире профессора Одинца-Левкина, вернувшегося из экспедиции в Азию. Профессор вовсю собирал средства для продолжения путешествия. У него бывали разные люди: например, писатель-еврей Бабель, в очках, нехорошо шутил, некоторые экономисты из Госплана — молодые, но все с постами не ниже начальников отделов. Занимался ли профессор гипнозом — не знаю, но однажды он взял мою руку и заявил: «Сейчас вы будете ощущать руку скелета». Но в скелет не превратился. Особенное внимание хочу обратить на гражданина Колушкина, из образованных. Гражданин Колушкин интересовался открытиями профессора в области доисторической культуры. Отрекомендовался сотрудником крепкого советского учреждения, но не раз выражал неодобрение порядкам, мешающим его выезду из страны. Гражданин Колушкин не раз при мне говорил профессору, что если уедет с ним в Монголию, то легко доберется до Японии. А там у него богатые родственники с прежних времен. Там он может привлечь для научных исследований большие капиталы. Не знаю, что ответил гражданину Колушкину профессор, но скрытую контрреволюцию я сердцем чую.

Как говорил покойный Гомер.

Про дочь профессора говорят, что она очень медиумична и прекрасно гадает по картам. На спиритических сеансах ее присутствие считается необходимым. Там проводятся опыты психометрии: чтение мыслей, отгадывание предметов, передача геометрических фигур, магнетизация. Еще занимаются вызовом духов и предсказыванием разных нелепиц — например, смерть тов. Сталина от руки случайной роковой женщины. Еще там так говорят, что когда умом постигнешь весь механизм мироздания, то поймешь управляющие им непреложные железные законы эволюции, а значит, уйдет в сторону даже сама мысль о каком-то насильственном изменении вечных законов. Друзья профессора убеждены, что Запад и белая раса приходят к логическому концу, а на их смену на мировой арене выступает Восток, то есть желтая раса. Что бы ни предпринимали против этого народы Западной Европы и Америки, ничто не может задержать колесо истории, точно так же, как смешны все усилия помешать пятиконечной звезде

занять место креста. Недаром в индусских пророчествах эпоха, идущая вслед за Крестом, отмечена Пятиконечной Звездой. Но я лично считаю, что приглашать к профессору все новых и новых лиц, ищущих знаний, значит обманывать их, ибо я сам за полтора года научился только гимнастике, что, пожалуй, в мои годы и излишне.

4

Я знал, что сержант и Кора придут.

Но пришла только Кора. Вечером.

В светлом прямоугольнике открытых дверей она смотрелась как в раме. Выбивающиеся из-под беретки волосы, синее, конечно, длинное платье с белым воротничком. Вот она — студентка-вечерница, любит жить, часто смеется, танцует «Рио-Риту». Но глаза Коры смотрели холодно:

— Хотите погулять?

— Мне можно выходить отсюда?

— А почему нет? Почему вы спрашиваете?

— Дверь заперта. Наверное, охраняется.

— Ах, это!

Она отмахнулась от моих слов, как от досадной мелочи.

Но в коридоре действительно зияла голая электрическая лампочка, вокруг кособокой деревянной табуретки валялись раздавленные папиросные окурки. Меня все-таки караулили. Каким-то черным ходом, оплетенным вьюнком, по узкой лестнице, мы спустились в глинистый двор, обнесенный сплошной каменной стеной. Витиеватые завитушки колючей проволоки торчали здесь и там. Умершие кактусы. У запертого гаража стояли три полуторки. Такие машины я видел только в старых книжках.

— Хочу вас предупредить. — Кора приостановилась. — Хочу вас предупредить, что заговаривать со встречными не следует. — И заученно сунула ключ в скважину.

Металлическая дверца отворилась — тяжело, но без скрипа. Дохнуло машинным маслом, сладким запахом листвы, влажной травы, чего-то подгоревшего.

Я оглянулся, за нами никто не шел.

Булыжная мостовая. Редкие фонари. Кусты сирени.

О чем он думает? Голубая эмка стояла у деревянной террасы кафе или чайной, не знаю, очень уж простецкий вид имело заведение. *Неужели он ничего не может узнать? Что ему мешает?* Представления не имею, что я мог или должен был узнать. *Хоть что-то, хоть какую-то деталь.* Кора неотрывно думала о чем-то тревожившем ее,

даже пугавшем. Окна открыты, на деревянных полках — жестяные коробки с фамильным чаем. *Зачем он притворяется?* Но я не притворялся. Не надо мне было этого. Я впервые видел незнакомую улицу, незнакомую чайную. Потом в глаза бросилась тоненькая зеленая лиственница. Наверное, меня привезли на самую окраину города, потому что на загазованных улицах лиственницы быстро гибнут.

Среди зеленых иголок черные шишечки — обожженные адским огнем чётки.

Все было открыто, все далеко просматривалось. Правда, перспектива улицы показалась мне искаженной. Клубы пара, освещенные и темные окна, свистнул где-то паровоз — чух-чух-чух, пха-пха-пха. За рабочим клубом, украшенным красным флагом с буквами *Р. С. Ф. С. Р.*, проходила железнодорожная линия. В глубине террасы (кафе все же, не чайная) стучали тарелки, оптимистично выла труба. *Каждый молод сейчас в нашей юной прекрасной стране.* Два озабоченных китайца в дешевых хлопчатобумажных рубашках и в таких же штанах, непомерно широких, как шаровары, обогнали нас. Все думают, что китайцев в мире чуть ли не полтора миллиарда. На самом деле их меньше, гораздо меньше. Тысяч двести, не больше. Остальные — пиратские копии.

На деревянной террасе три раскрасневшихся чела пили водку. Который в косоворотке, выбритый, свежий, напористо спрашивал: «Вот ты скажи, скажи! Китай, он далеко от нашей конторы?» А который в пиджаке, с растрепанной шевелюрой, со слезящимися глазами, пьяно упирался локтями в края деревянного столика: «И скажу, скажу! Недалеко, думаю. Вот так!»

«А почему так?»

«Да потому что у нас китайцы-рабочие приходят на работу пешком. Сам подумай, поперли бы они за тысячу километров?»

Третий молчал. Красные прожилки испещряли румяные щечки мыслителя.

Еще два чела неторопливо прогуливались по деревянному тротуару перед кафе. Задумчивые, напряженные. Не смотрели в сторону празднующих. Один слегка прихрамывал, другой то и дело одергивал пиджак — видно, жал под мышками.

Кора остановилась.

К кому придут сегодня?

Взгляд Коры был прикован к темному трехэтажному кирпичному зданию.

Аттиковый этаж, жестяные петушки над кирпичными трубами, странно, что их еще не снесли в ломбард.

А водочка в графинчике убывала.

Который в косоворотке, напористо повторял:

«А про Хану Глас забыли! Забыли, говорю, про Хану Глас!»

«Оставь! Кто сейчас ездит в Германию?»

«Я ездил. Синцов ездил. Савичев ездил».

«Ну, вот, доездишься. Где теперь Савичев?»

«Молчи, дурак! Забыли, забыли про Хану Глас!».

Тоска, думала Кора. Пронзительно думала, потому что в этот момент вспомнился ей сержант Дронов. Его слюни вспомнились и монгольские скулы. *Сволочь. Выжидает.* Даже зубы сжала. *Подпишет что угодно. И компромат у него есть. На все случаи жизни есть.* Ее тошнило от тоски. *Он думает, я хороша. Он думает, вынесет кривая. И этот тоже.* Теперь Кора переключилась на меня. *Все надо из него вытягивать силой, хитростью. Надоел мир, в котором все из людей надо вытягивать силой, хитростью. И зачем сны?* У многих есть тайные, тщательно скрываемые страшилки. У Коры такая тоже была. *Расслаивающееся время.* Зияющая черная дыра. Раскручивающееся, засасывающее пространство. Вьющиеся волосы, светлая беретка, синее платье с белым воротничком не могли спасти студентку-вечерницу от снов. Я чувствовал, как ей тошно.

Который в косоворотке спрашивал с напором:

«Зайца хочешь? Лесного хочешь?»

«А поймаю, что делать с ним?»

«Сперва поймай. Потом делай что хочешь».

Может, уже позвонили... Нет, он должен успеть...

Я не хотел читать мысли Коры, но она их не скрывала.

Между деревьями помаргивали нежные расплывчатые огни, электричества в общем было мало, там и тут смутно проступали сквозь листву серые и желтые углы деревянных и кирпичных домов. В затемненных кварталах угадывались мрачные разрывы, будто в узких переулках постоянно висела пыль, черт разберет нелепости провинциальной перспективы.

«Портной Михельсон, он же и мадам».

Никогда не видел таких нелепых вывесок.

«Вяжу детские вещи из шерсти родителей».

«Угадывание задних мыслей у имеющих и не имеющих их».

И тут же: «Гражданам с узким горлышком керосин не отпускается».

В глубине террасы нервно поднялся длинный нескладный человек, помахал кому-то рукой. Мелькнуло серое лицо, пыльное, как графинчик, лет десять простоявший в пустой кладовой. Кажется, Кора любила все это. Кажется, Кора ненавидела все это. «Я ваше сердечко украду и положу под подушку, чтобы слушать». Кору воротило от пьяниц, от долетающих до нас слов. Воротило от пыли, от паровозных гудков, от людей, сбивающихся в застольные стаи. *Боже мой! Боже мой!* Жалкая

шляпка, чуть сбитая на сторону, проплыла в двух метрах от меня. Я посторонился, но женщина в шляпке даже не взглянула на меня. Она презирала меня еще больше, чем Кора. *Иностранец.* Нет, не презирала, — она боялась! *С иностранцем — хуже чем с животным.* И алкаши на террасе старались не замечать меня, смотрели как на пустое место. Говорят, профили древних греков напоминали бараньи...

— *Уу* мои дела.

— Вы жили в Монголии?

— С чего вы это взяли?

Кора не ответила.

Сволочь! Так она думала. *Наплевать на людей, на мир.*

Впрочем, набор ругательств оказался у нее не таким уж богатым.

Молча мы обогнули террасу. Справа снова выявились побеленные известью колонны рабочего клуба, красный флаг над ним. Р.С.Ф.С.Р. Может, тут готовились к какому-то празднику? На ступенях инвалид отстегнул деревянную ногу, чесался, смотрел в пространство, бросив шапку на каменную ступеньку. У забора подозрительная парочка разглядывала написанные от руки объявления. Кочегар курил у открытой двери котельной. Легко будет отыскать этот угол. Дома обдумаю случившееся и обязательно сюда вернусь. Не буду торопиться. Увижу Кору. Может, к тому времени она отойдет от своей непонятной ненависти. Может, к тому времени она поймет, что я не тот человек, которого они искали. В этом районе каждый житель заметен. Все слова они произносят так, будто читают по книге с опечатками. У них тут опечатки вроде местного говора. А еще приметная лиственница. И рабочий клуб с красным флагом.

Что-то неправильное чувствовалось в окружающем.

Впрочем, у большинства пользователей в мире «винды» кривые, а прикладные программы все-таки работают.

— Видите кочегара?

Я кивнул.

— У него университетское образование, — с непонятным вызовом произнесла Кора. — Он заканчивал Сорбонну, имеет диплом.

— Зачем же теряет квалификацию?

Неужели он правда не понимает?

— Посмотрите туда!

— Вижу. Там окно светится.

— Это окно в квартире моего брата.

— Хотите нас познакомить? Зайдем к нему?

Не может быть, чтобы он не понимал! Нет, не может такого быть!

Ладно. Я не хотел спорить. И объяснять ничего не хотел. Глядя на парочку, уютно устроившуюся на скамье, вдруг представил, как неж-

но и влажно поддались бы губы Коры под моими губами. Противно пустил слюну, как сержант Дронов. *Korga ty zahochesh.* Кора была упакована в свои праздничные тряпки, как рождественский подарок. *K chertu! Iz nego tyanut slova — kak rezinu.* Ну да. Не стоило ей обманываться. Ей, наверное, было бы противно терпеть мои поцелуи...

Neuzheli nichego? Sovsem nichego? Neuzheli on nichego ne vspomnit?

Деревянные крылечки, палисадники, заросшие пыльной крапивой, — мы, несомненно, находились на окраине города. Черные, будто антрацитовые лужи, в которые даже при свете фонарей можно смотреться, как в зеркало. Неподалеку ритмично ударял паровой молот. *Pust smotrit.* Коре было противно. *O, Boje, Boje!* Впрочем, Боже был для нее всего лишь фигурой речи. Никаких приступов религиозности. Зачем она затянулась во все эти тряпки? *Korga ty zahochesh.* Целовать плечи, лопатки, читать строку за строкой. Я хотел ее. *On vidit tolko to, chto vidit. Nichego bolshe.* Кора была в отчаянии. Она не собиралась входить в мои проблемы. Место мыши в амбаре, это само собой. *Da i kakie eto problemy*, думала она, *ne pomnit, ne chuvstvovat.* И мучительно хмурилась. *Uznay, uznay!* Неподалеку два задумчивых чела все еще прогуливались по тротуару. Один прихрамывал, другой одергивал пиджак. *Oni podnimutsya pozze. Oni podnimutsya pozze. U nih namecheno vremya. Oni vsegda podnimaiotsya pod utro.* Кора цепенела от своих мыслей. *Oni tozhe vidyat v okoshke svet...*

— Кого они пасут?

Dogadalsya. Она покачала головой.

— Вашего брата? Я правильно понял?

— Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом, — дрогнувшим голосом произнесла Кора. Ума не приложу, почему она думала обо мне так беспощадно.

Троица на террасе прикончила второй графинчик.

«А ты на рынок загляни! Ты загляни, загляни на рынок!»

«Да чего там заглядывать? Чего я там не видел? Все то же самое!»

«А ты загляни, загляни, паразит. Ты загляни, сам увидишь. Там куры — как куры. Я на таких курах за зиму пять кило набрал».

«Ну, ты крепкий культурник!»

— Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом, — с ненавистью повторила Кора.

В ее голосе звучала безнадежность. Она не верила мне. Ее знобило. «Надо брать венские булочки, а к ним черный чай непременно с сахаром». Плетеные стулья под алкашами поскрипывали. Мысли Коры занимал свет в окне. *Svolochь! Svolochь!*

Я ни в чем не винил ее.

Мифы и реальность часто не совпадают.

В реальной жизни древние греки раз в год везли на Крит самых красивых девушек — в жертву кровожадному Минотавру. До острова далеко. Пока плыли, выпивалось море вина. На открытых палубах происходило такое, что по прибытии в страшный порт девушки сами требовали вина и продолжения банкета, а перепутанный Минотавр забивался в самый дальний уголок своего дворца и злобно мычал: «Здесь Лабиринт, а не блядский двор!» Сравните с мифами. Разница бросается в глаза, правда?

5

Водочка в графинчике убывала.

Прихрамывающий чел подал незаметный знак парочке на скамье.

Парочка напряглась. Не влюбленные это были, а два мордастых придурка, играющих свою игру. Один незаметно кивнул прихрамывающему и развернул газету.

«Смотри. Снова выборы в академию».

«Ну и что?» — буркнул второй.

«Где их столько берут?»

«Кого?»

«Академиков этих».

Он близоруко поднес газету к глазам:

— «В числе избранных — три крупных специалиста в различных областях механики. — Мне показалось, он рассчитывал, что Кора и я его услышим. — Доктор математических наук Н. И. Мусхелишвили известен как создатель советской школы теории упругости, имеющей большое прикладное значение». Это хорошо, — несколько фальшиво одобрил он, не отрываясь от текста. Он точно хотел, чтобы мы с Корой его услышали. — «Тов. Мусхелишвили — председатель Грузинского филиала Академии наук, депутат Верховного Совета СССР». Достойные, достойные граждане. «Доктор физико-математических наук Н. Д. Папалекси — крупный авторитет по вопросам теоретической и экспериментальной радиотехники. Доктор технических наук М. В. Шулейкин — по радиосвязи. Доктор физико-математических наук В. П. Линник — по оптической технике».

— Ты погоди, — насторожился второй. — Граждане-то они граждане, но фамилии. Ты что, не чуешь?

Первый не ответил.

Бубнил, не отрываясь:

— «Депутат Верховного Совета СССР Е. М. Ярославский является автором ряда исследований по истории революционного движения в России. Доктор исторических наук, депутат Верховного Совета Грузин-

ской республики, орденоносец И. А. Джавахишвили — один из крупнейших знатоков истории Грузии, Армении и Ближнего Востока. Доктор философских наук Я. А. Манандян — даровитый ученый, специалист по истории Армении древних и средних веков. Доктор философских наук М. Б. Митин плодотворно работает в области истории философии и диалектического материализма». Мы гордиться должны такими.

— А мы гордимся.

Я вдруг уловил мысли чела.

Звали его Павел. Павел Григорьевич.

Он уже пожалел о своем замечании насчет имен.

Сверху — там все знают. Ненужные имена в список не попадут.

— «Академик В. П. Никитин входит в высшее научное учреждение нашей страны с фундаментальными книгами, с оригинальными теоретическими исследованиями. Его знают многие профессора, многие студенты. На учебниках В. П. Никитина вырастают советские специалисты-электросварщики». Вот какие у нас люди, — с гордостью укорил себя Павел Григорьевич. — «Торжественное молчание установилось в зале академических собраний. Вдумчиво слушают старые академики краткую повесть научной жизни новых товарищей. Звучит имя Владимира Николаевича Образцова. У него есть книги, у него много научных книг, но с академиком Образцовым входит в стены Академии живой, ритмический шум железнодорожного транспорта. Старая, цеховая наука пренебрежительно относилась к технике. Она не понимала, какую ценность для теоретической мысли, для теоретических обобщений представляет железнодорожное движение с его гигантским размахом, с множеством научных проблем».

Закинув голову, Кора смотрела на освещенное окно.

Вьющиеся волосы, светлая беретка, синее платье с белым воротничком.

Ах, Рио-Рита! Свет в окне горел. В этом было много печали. Даже для одинокой студентки-вечерницы. *Ничто не прерывается.* На террасе говорливая троица заказала новую бутылку ликера.

Я изумился:

— Кора, это же коллекционная бутылка!

— Ну и что? — Она холодно повела плечом. — У нас все принадлежит простым людям.

— Но это бенедиктин! Там на бутылке выдавлено: *Datur omnibus mori.*

— Как такое перевести?

— *Все смертны.*

Кора промолчала.

Бог правды. Теперь она снова обратилась к Богу, и снова Бог был для нее только фигурой речи. *Древняя Азия. Междуречье. Бог Шамаш.*

Случись такое сейчас, бог Шамаш носил бы галифе и сапоги, как сержант Дронов. Она умирала от ненависти. *Неужели он ничего не узнает?* Она думала обо мне. *Неужели все зря и свет в окне погаснет? Не может быть, чтобы все казалось ему чужим. Должен же он вспомнить что-то! Официант в кафе. У него две судимости, но он из социально близких. Выпускник Сорбонны, враг, да. Но они помнят...*

Что-то тем временем изменилось.

Прихрамывающий и его напарник поднялись на террасу.

В глубине террасы продолжали танцевать. Обреченно мелькали тени. *Ах, Рио-Рита!* Танцевали как во сне. Как заколдованные. Отмечая такт музыки почти неуловимым покачиванием плеча, Кора молча смотрела на окно третьего этажа. *Только под утро.* Свет в окне горел. *Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом.*

В руках пьяной троицы появились документы.

— Вы отпустите их?

Я изумленно посмотрел на Кору.

Отпущу их? Я? *У него мозгов нет.* Кора снова уставилась на окно.

Может, не сегодня. У нее тяжело билось сердце, мысли наплывали урывками.

У нас тут как на кладбище, только все живые. Кора в отчаянии смотрела на освещенное окно, а я смотрел на нее. Свет фонарей ронял на людей мягкие двусмысленные пятна. Не мир, а букет чудесных алгебраических загадок. *Вы отпустите их?* Неужели она спросила это всерьез? Неужели не понимает? Мир устойчив потому, что стоит на плотве. Киты давно сдохли. Нет китов. Они лежат на дне океана, кости занесло илом, а мир как стоял, так и стоит на грандиозном облаке плотной мельтешащей плотвы: на наших мелочных желаниях, на наших неизлечимых привычках. Выпить пивка, сгонять в шашки. Кому я могу помочь? Кого я могу остановить? Мы видели, как прихрамывающий и его напарник увели всю троицу. Взвыла труба, хлопнула пробка от шампанского. Оставшаяся плотва праздновала спасение. Прямо на глазах у них кого-то заглотала акула, но ведь они живы!

За сараями у речки ходят белые овечки. Щиплют травушку овечки за сараями у речки. Огромная пестрая женщина, круглая, как матрешка, вышла на крошечную сцену в дальнем углу террасы. Прямо не женщина, а мясная сказка. Никакого этого депрессивного рока. Взвыли тарелки, заныла медная труба. Облако плотвы вздрогнуло, замутилось.

А трава-то, а трава-то, а в траве-то хоть ныряй.

Кора беспомощно, все с тем же отчаянием уставилась на меня.

За сараями у речки есть глубокое бучило. Под беретиком Коры ругательства мешались с непониманием. *Меня тетя научила мыть холсты на быстротечке.* Я тем более ничего не понимал. *Уж я мыла,*

полоскала, и белила, и сушила, и катала. А водичка — гуль, гуль, гуль, гурковала. Гуль, гуль, гуль, гурковала.

Я боялся, что Кора сейчас заплачет.

А мне нравилось мясное чудовище на сцене. Оно весело и легко взмахивало толстыми ручками, притопывало толстыми ножками. *За сараями у речки гуси белые гогочут. Гуси белые гогочут от утра до самой речки. Ночи, ночи, темны ночи, не боюсь ночей я темных!*

При этих словах терраса взорвалась аплодисментами.

Плотва не боялась ночей темных! Взвыли, захлопали, заплескались, как утки.

Толстый человек попытался проскочить мимо меня. Он задыхался, истекал потом. Жирные плечи обтянуты грязной майкой-сеточкой, с брючного пояса свисает серебряная цепочка. Я сразу вспомнил выставку, на которую меня как-то водил Последний атлант. Такой же потный художник в такой же майке-сеточке демонстрировал облака, синюю речку, гусей, русалок, всякую другую интеллектуальную живность. А на вопросы отвечал: «Содержание моих картин мне неизвестно».

— Какой это город? — быстро спросил я.

— Никаких идей, я не местный. — Жирный дико взглянул на меня.

И у этого бак потек. Исчез, как провалился. *Не знает. Ничего не знает.*

Замкнув круг, мы в третий раз вышли к рабочему клубу. Под ногами сухо шуршала кожура расщелканных подсолнечных семечек.

Я затосковал.

Закончу игру, уеду в Сикким.

В сладкое средоточие Просветленных.

Там круглый год цветут магнолии и рододендроны.

Там волшебные скалы, исполняющие тайные желания.

Там под снежными вершинами отсвечивает нежной голубизной прозрачное Озеро утешений, над ним возвышается Тигровый холм.

Ах, город Дарджилинг! Я молча смотрел на девушку в темной шляпке, поднимающуюся по ступенькам террасы. В Дарджилинге не носят темных шляпок, там не носят золотистых чулок со стрелками, тосковал я, глядя, как девушка поднимается на террасу. Она явно гордилась особенным стилем, принятым на углу проспекта Сталина и улицы Карла Маркса. *Это наша миллионерша.* Я не стал требовать у Коры объяснений. Наверное, у девушки несколько таких шляпок.

Плотва гуляла.

Сушеная вобла, кружочки копченой колбасы.

Крошащийся сыр, недоваренный горох, белые и черные сухарики, запах пива.

Мы шли по улочкам, углублялись в переулки. Запущенные жилые дома. Такие же запущенные, замусоренные дворы. Разбитая мостовая. Кое-где светились квадратные окна, — прямо из темноты. *Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом.* Тяжко прогромыхал трамвай. *Где нам искать профессора Одинца-Левкина?* Усталый милиционер в белых перчатках приглядывал за очередью, молча выстроившейся к ночному дежурному магазину.

Шляпа, еще одна.

Пенсне, еще шляпа, на этот раз соломенная.

Мичурин, блин! *Жили у старой женщины две рыбы фугу. Одна белая, другая серая — две веселых рыбы.* Я болезненно чувствовал бесконечное презрение Коры.

— Когда вы меня отпустите?

— Да хоть сейчас.

Расслаивающееся время.

Крутящееся, засасывающее пространство.

Кора снова смотрела на светящееся в ночи окно.

— Но мы увидимся? — с надеждой спросил я.

— *Никогда*, — ответила Кора.

— Но почему? Почему?

— Вам нечего нам ответить.

Конкордия Аристарховна

1

Мы ехали под дождем.

Никаких молний, грома — просто дождь.

Темный, теплый, ночной, невыразимый. Без грусти, без воспоминаний.

Вам нечего нам ответить. Я просыпался, снова засыпал. Не знаю, что мне подсыпали в кофе, но смотрел я на мир как из огромной ямы. *Расслаивающееся время.* Зияющая черная дыра. Колеса влажно ползали в мокрых колеях. Ужас черного, засасывающего пространства. Тетрадь торчала из кармана. Приеду, решил, сожгу. Как Гоголь. Чтобы никому не попадалась на глаза.

Машину вел сержант Дронин. Сосредоточенный, в полувоенном кителе. На шее — кашне в рябчик. Молчал. Если оборачивался, меня пробивало холодком. «Сколько понадобится программистов, чтобы вкрутить лампочку в патрон?» Сержант, похоже, не знал, кто такие программисты. Буркнул, не оборачиваясь: «Хватит и одного».

«А вот и нет. Вкручивание лампочек — аппаратная проблема».

Он незаметно перекрестился.

«Давно работаете с Корой?»

На этот раз сержант не ответил.

Может, у него был приказ не обращать внимания на такие вопросы, не знаю.

Опять везут меня к оврагу, везут к оврагу убивать. А может, не хотел отвечать. Не знаю. *Гегемон — руководитель гегемонии.* Спрашивай, о чем хочешь, но ответа не жди.

Я засыпал, просыпался.

Светало. Лес сменился пустырями.

Над влажными отвалами курился синий дымок, на проселочную дорогу свернула колонна армейских грузовиков, никакого трафика. Потянулись частные постройки — домишки, палисадники, огороды. Солнца нет, рано еще. С неба накрапывает, стороны света не определишь. За кривыми изгородями зубчатым, серым хребтом обозначились городские застройки.

— Вылазь.

— А где мы?

— Сам разберешься.

Района я не знал, но спорить с сержантом не хотелось.

Вылез, стараясь не попасть башмаком в лужу. Раннее утро, на небольшую грязную площадь, искря, выкатился трамвай. Желтый, свеженький, умытый дождем. Запахло озоном. Номера я не видел, но у нас любым трамваем можно добраться до железнодорожного вокзала.

— Пока!

Сержант не ответил.

На развороте эмка вильнула.

Сержант оскалился. Жалел, что меня отпустили.

2

Электронные часы показывали пять утра.

Будь стоиком, сказал я себе, разглядывая мерцающую дату.

Я даже не выругался. Если верить электронным часам (а почему не верить?), я вернулся из «Кобры» совсем недавно. По электронным часам получалось, что я буквально полчаса назад вышел из «Кобры» и вот — дома. Правда, на башмаках осталась грязь пригорода, я был немыт, одежда помята, опять же, тетрадь лежала на столе...

Где нам искать профессора Одинца-Левкина? Я вынул из бара бутылку коньяка и плеснул в чайную чашку, ничего другого под рукой не оказалось.

«Черный аист».

Наверное, приносит негритят.

Нёбо обожгло. Я набрал Пашин номер.

— Ой, Сергей Александрович!

— Здравствуй, Ойлэ. Паша у тебя?

— А меня Паша учит всегда-всегда быть вежливой, — затараторила писательница. Наверное, хотела укорить меня за поздний (или ранний?) звонок. — Он, когда звонит, всегда-всегда спрашивает о здоровье. Но вы можете не спрашивать, у меня все хорошо.

Она радостно засмеялась:

— Что-то вы по голосу подвисший.

— Устал. Не спал долго.

— Еще бы! — таким сладким голоском могут говорить только очень ядовитые змеи. — Вы ведь не один ушли. Паша все видел. Он вроде пьяненький, а наблюдательность у него — как у Бунина. Нет, нет, Сергей Александрович, я не спрашиваю, с кем вы ушли. Какое мне дело, правда? Просто Паша все видел. А вы всегда такой сдержанный, — все же не выдержала она. — Ну, почему вы ушли с такой...

Я не позволил Ойлэ подыскать нужное определение.

— Разве я ушел из «Кобры» не один?

— Ой, не надо, Сергей Александрович. Паша все видел. Там внизу вас ждала эта...

Я снова не позволил Ойлэ подыскать нужное определение:

— Можно мне поговорить с Пашей?

— Сейчас, сейчас, — заторопилась Ойлэ, она прямо вся горела. — А эта ваша... Она же не умеет одеваться... Ой, Сергей Александрович, у нее, наверное, трусики из общепита. Ой, простите, из бутика для бедных, да? И спину ей лучше закрывать...

— У нее красивая спина, — вступился я за Кору.

— Ну да. Пластические операции иногда помогают. Но ненадолго. — Я слышал, как Ойлэ на другом конце провода щелкает белоснежными клыками. — Вот вам, например, почти всю кожу сменили, вы все равно мужчина. И тату можно нанести куда угодно, вот спросите у Паши, где у меня маленький лепесточек...

— Иногда лучше стихи на спине, чем лепесточек на заднице.

— Ой, вы видели? — обрадовалась Ойлэ. — Ну да, мы же вместе были в сауне! У меня лепесточек на левой ягодице. Я нисколько не стесняюсь. Он там на месте, правда? Всего только лепесточек, нежный и легкий, — вкрадчиво укорила она меня. — А у этой вашей... Ну ладно, ладно... У этой вашей на спине целая поэма Пушкина! «Анчар»! Кто такое будет читать ночью?

— Не все следует делать ночью, — сказал я наставительно.

— Ой, а вы любите при свете?

— Перестань. Позови Пашу.

— Он перезвонит.

Ожидая, я закурил и сел у окна.

Снова шел тихий дождь. Он шуршал, копошился в листьях.

Глядя на развернувшуюся над городом дрожащую туманную сферу, я подумал, что меня можно показывать в цирке. Скажем, представлять зрителям, как некое совершенно бесполезное существо, навсегда потерявшее, а может, никогда и не имевшее своей экологической ниши. У таракана — кухонная щель, у бобра — запруда, у птицы — гнездо, все окружены себе подобными, только я живу в мире, который не подчиняется никаким обычным законам. У меня время течет иначе. У меня даже глюки бессмысленные, что-то вроде непреднамеренных ошибок в программе. Или, может, я сам — такая программа, дающая сбои? — мрачно подумал я, выпуская облачко теплого дыма. Может, я сам всего лишь неудачный компьютерный вирус, написанный, запущенный, но никак не успевающий надежно встроиться в чужую программу? *Баг.* Так, кажется, называют повторяющуюся ошибку. Я — *баг.* «Вкручивание лампочек — аппаратная проблема». Это само собой. Все началось с лекции доктора Григория Лейбовича. Нет, вспомнил я, скорее, со звонка Лисы.

Ладно, решил я. Завтра получу из ремонта машину.

Методично, квартал за кварталом, объезжу все пригороды, разыщу Кору.

При мысли о Коре холодком трогало спину. Красная блуза, синяя юбка — Кору видно издалека. Красный платок, туго охватывающий темные волосы. *Расслаивающееся время*, черт побери. Светлая беретка, длинное платье с белым воротничком. Где одеваться студентке-вечернице, как не в бутике для бедных? А еще там проходит железная дорога, это сразу упрощает поиск. И там некий чудак, кашне в рябчик, разъезжает на «доисторической эмке». На чудака сержант Дронов не тянул, но мне не хотелось нервничать.

Я молча курил.

Часы сбили меня с толку.

Получалось, что каким-то образом я потерял... чуть ли не сутки.

Целые сутки выпали из моей жизни! Я их не забыл, я помнил каждую деталь, но по часам получается — я только что вернулся из «Кобры».

Длинная комната.

Вопросы сержанта. Клеенчатый диван, конская колбаса.

Где же это я побывал? Что думать об этом? *Необоснованный запрос.* Того и гляди, перед глазами качнется мерцающий флажок — *Invalid request.*

Но вместо флажка прозвучал звонок.

Паша малость протрезвел, но не намного.

— Зачем пугаешь мою соавторшу?

Я не успел ответить. Он восторженно заорал:

— Эта позорная девка еще у тебя?

— О ком ты?

— Ну, что еще за косяк?

— Слышал анекдот о двухголовом малыше?

— О двухголовом? — пораженно откликнулся Паша.

Не знаю, что он там подумал. Анекдот достаточно старый.

В кунсткамере случайно оказались «чайник», квакер и программер. На полке — банка с заспиртованным двухголовым малышом. «Чайник» говорит: «Блин! Программа совершила недопустимую ошибку». Квакер возражает: «Брось! Это монстр из *quake*! Из него полигоны лезут!» А программист смеется: «Дураки! Просто ошибка в коде». На всякий случай спрашивают заглянувшего в кунсткамеру пользователя: «Ты в сети живешь, все знаешь. Что это там в банке?» Пользователь посмотрел. «Да это же два умника подсоединились к сети под одним логином!»

Паша заржал:

— Позорная ситуация!

— Ой! — подключилась к разговору Пашина соавторша. — А вы слышали...

Паша прикрикнул на Ойлэ. Соавторша заплакала. По-моему, притворно. Паша стал кричать громче. Ойлэ заплакала громче, уже непритворно. Я медленно повесил трубку. В конце концов, я и без Паши догадывался, что судьбы человеческие невероятны.

Дотянулся до тетради. Представления не имею, чем мои записи могли заинтересовать Кору. Самые ординарные записи. Отрывистые, не очень связные.

Трещины в каменистой земле, чудовищные разломы, из которых несет ядовитыми желтыми испарениями.

Зачем это?

На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди ароматов балю и цветов рододендронов...

Если только для игры, аромат все равно не передашь.

майор .....

Дело партии .....

Многие этого не понимают .....

мешают другим .....
телефон .....
Пушкина .....
Калапе .....
всех стран мира .....
астрономических мироедов .....
пролетариата .....
в органах работают .....
органах много .....
книг .....
Филиппова .....
«Зеленый луч в древнем Египте» .....
мерами пресечения .....
настроениях .....
принимала .....
раз жаловалась на странности .....
Од
Обыкновенный пожилой .....
выступает в роли наставника .....
сложнейшему пути .....
Майор .....
В папке перед ним лежали .....
В той же .....
имена которых .....
с родной дочерью .....
мной .....
узнав, что я каждый.....

Записано мной, без сомнения.

Но вырвал листы не я. По крайней мере, не помню.

Дождь за окном. Шуршание дождя, шуршание песков.

Не дождь, нет. Холод ночной пустыни. Вареное мясо застывает в руках, губы покрываются холодным жиром, фитиль вгорает в свечу. *Дрожащая рука затворника тянется к пище, значит, физическое тело еще не отошло.* В далеком храме звучат трубы невиданной длины.

В начале развития мышление людей на Земле было направлено на истинное миропонимание. Логическая и духовная составляющие были едины. Египетские жрецы еще 5000 лет назад являлись подлинными интеграторами человеческих знаний. (Сейчас я так не думал, конечно.) *Со временем система постижения истины начала разделяться у человека на логическую и мистическую (духовную). Началась эры потери знания — период примерно с 2200 года до н. э. до Рождества*

Христова. Наука строилась на логической системе, что привело к еще более резкому разделению между ней и религией.

Может быть.

Сейчас меня это не занимало.

В основе современного человеческого интеллекта лежит логическое мышление. Чтобы осмыслить окружающее, мы должны изучать десятки наук, прочитывать тысячи книг, затрачивать на обучение время и огромные физические, психические и интеллектуальные силы. А в прежние времена (сама формулировка казалась мне нелепой) *египетский жрец, будучи духовно высокоразвитым, получал все необходимые знания в результате мгновенных озарений.*

Ментальный мусор.

Бедняга Эйнштейн, бедняга Хокинг!

Смуглые люди в грязных овчинных кафтанах.

Винтовки с рогатками. Сердца чернее угля и тверже камня.

Из темноты крики «Ки-хо!». С другой стороны отвечают «Хой-хе!»

Подрагивает, дергается дряблая кожа на спине старой кобылы. Фыркают яки. Бесшумно крутится Дуйнхор — колесо времени. *Многим доводилось встречать снежных людей.* Карлик постанывает: «Я болен». Помешивает указательным пальцем воду с ячменным порошком цампу.

Как понять всё?

3

Я отложил тетрадь.

Электрик. Капитан Женя Кутасова. Ли́са.

Что я о них знаю? В сущности, не больше, чем о себе.

Сержант Дронов. Кора в красном платке. *Где нам искать профессора Одинца-Левкина?* Сегодня спрашивают, завтра начнут бить. Не хочу служить интеллектуальным существам запредельного мира, передавать сообщения, о которых не имею никакого представления. Я упорно не хотел думать о Коре. Правда, мир не меняется от того, как ты относишься с утра к каким-то забытым записям, но чашка кофе...

Поспав пару часов, я отправился в «Иероглиф».

Как я и думал, за столиками сидело человек пять — в разных местах.

Зато с террасы — знакомое место — помахала мне рукой изящная, как всегда, доисторическая костенурка. Как-то не вязалась ее уз-

кая рука с черным мундиром полковника СС или с жестикулирующим советником Муссолини. Честно говоря, с образом пламенной комсомолки рука эта тоже не вязалась.

Перед Конкордией Аристарховной лежал плоский конверт.

Она улыбнулась мне, но в выцветших глазах пряталась тень усталости и морщинки на шее с утра выглядели особенно густыми.

Засыпая, я вижу вновь,
что балконная дверь чуть приоткрыта,
и кисейную тюль
в окно, где пыльный июль,
выдувает капризный сквозняк...

Конкордия Аристарховна внимательно смотрела на меня.

...этот странный мотив
позабыть не могу я никак...

Чуть заметно покачивая головой в такт музыке, Конкордия Аристарховна улыбнулась.

Ах, Рио-Рита!
Как высоко плыла ты над нами
через страх и озноб, через восторг побед, —
Аргентины далекой привет!
Ах, Рио-Рита! Как плескалось алое знамя!
В нашей юной стране был каждый счастлив вдвойне, —
Где все это?

— *Не было и нет,* — улыбнулась Конкордия Аристарховна.

— Здесь часто ставят такие мелодии.

Ах, Рио-Рита!

— Хочу сделать вам подарок.

Костенурка вежливо улыбнулась.

Она не видела молоденькую (студентка, наверное) распространительницу спринт-лотереи, уверенно приближающуюся к нашему столику. Не видела, но улыбнулась в ответ на мои слова:

— Да, да. Я слышала, что вы иногда промышляете мелкими чудесами.

— Не обязательно мелкими. Может, вам не хватает денег на лекарства? — поддразнил я. — Пенсии нынче маленькие, а лекарства

дорогие. Даже поддельные. Впрочем, — засмеялся я, — подозреваю, что денег вы от меня не примете.

— Правильно подозреваете.

— А если я предложу что-то другое?

Ах, Рио-Рита!

Пустота, прочел я ее мысли.

Правильно говорят о свойствах пустоты.

Никакой фантазии — вот главное свойство пустоты.

Не знаю, что Конкордия Аристарховна имела в виду, но, кажется, бывшие мужья открыли ей много истин. И подарили всего не мало. Теперь у нее хватало денег на лекарства — на самые дорогие, патентованные, и сами лекарства были, но мне хотелось развеселить ее.

Или себя. Не знаю.

Настроившись, я уловил ее мысли.

У нее сегодня день рождения. Она думала о маме.

Да, о маме. О своей маме. Нет, ничего определенного. Просто мысли. Ведь все было страшно давно. В те мифические времена, когда детей еще находили в капусте, а иногда аист их приносил, а иногда говорили: ветром надуло. Маме Конкордии Аристарховны дочку вот так — ветром надуло. Но день рождения Конкордия Аристарховна собиралась отметить торжественно. Дома — при свечах и фотографиях. Она накроет стол на семь персон и подаст особенные слоеные пирожки, которые не часто позволяешь себе в конце даже такой долгой жизни.

Стол на семь персон.

Но, конечно, сядет она одна.

Свойства пустоты трудно переоценить, прочел я костенуркины мысли.

Вечером с нею будут полковник СС в черной форме, советник Муссолини — в оливковой. Еще дизайнер из Нью-Йорка и даже мальчишка-комсомолец, с которым она провела ночь перед заданием.

Само собой, мама.

Седьмого я пока не видел.

— Вот кому нужен подарок!

Я изумленно посмотрел на костенурку.

Нет, она не читала моих мыслей. Просто увидела распространительницу спринт-лотереи — молоденькую, длинноногую. У студентки точно не было денег на лекарства, к счастью, болезней тоже пока не было. На мир она смотрела с высоты своего возраста, то есть с некоторой завистью, но снисходительно. С ее точки зрения и я и столетняя костенурка родились в один день. Самка гиббона, самец гиббона.

Она страстно мечтала всучить нам пару своих дурацких билетиков. Вся цвела, улыбалась, нежные ямочки круглились на щечках, темные пряди красиво падали на виски. *Пляшет на одной ножке довольный торговец рисом. Обманул умного человека на четыре кулака.*

— Выиграйте машину!

Она обращалась ко мне.

— Спасибо. У меня есть машина.

— Ну, выиграйте квартиру в Москве, — посмотрела она на Конкордию Аристарховну.

Костенурка улыбнулась еще благожелательнее:

— Спасибо. У меня есть квартира даже в Нью-Йорке.

— Даже в Нью-Йорке! — Студентка зачарованно уставилась на костенурку.

Впрочем, восхищение в ней мешалось с тайным неодобрением. «В чем вы храните свои сбережения?» — «В мечтах». Квартиру в Нью-Йорке нужно иметь молодым и веселым, считала студентка, чтобы хватало сил бродить по бродвейским театрикам и пить капучино. Ну, не важно, что пить. Там видно будет. И отгонять взглядом веселых похотливых афроамериканцев. Зачем такое старым бабушкам и дедушкам? Студентка этого искренне не понимала. Зачем квартира в Нью-Йорке глупой старушке, а хорошая машина — сытому пожилому придурку? «Наверное, эта бабка, — уважительно подумала она о Конкордии Аристарховне, — своего богатого американского мужа задушила узкими тоненькими лапками».

Она завидовала.

Она еще не понимала своей силы.

Она еще не знала, ей в голову не приходило, что красивые длинные ноги и девятнадцать лет значат гораздо больше, чем квартира в Нью-Йорке или мощная «хонда» в нашем городе, когда тебе валит уже... ну, не важно... мысль понятна... Длинные молодые ноги — лучший рычаг. Таким рычагом самого Архимеда можно лишить точки опоры.

Ну, так помогите ей, подмигнула Конкордия Аристарховна.

И одновременно вспомнила, что у нее сгорел электрический утюг.

Не проблема, конечно, но к вещам привыкаешь. Утюг был маленький, тяжеленький, с надежным разбрызгивателем. Я так и увидел эту маленькую вещь. И вот утюг сгорел. Так сказать, родилась еще одна недействующая вещь. Когда в квартире скапливается много таких вещей, квартира умирает.

Засыпая, я вижу вновь, что балконная дверь чуть приоткрыта...

— Хотите новый утюг?

Костенурка улыбнулась.

— Ой, у вас день рождения? — догадалась студентка.

И радостно затараторила, раскладывая на столике билеты:

— Купите вашей бабушке штук десять билетов. — Она обращалась ко мне. — Когда билет не один, обязательно выиграете!

Она осуждала костенурку.

Зачем такой богатой бабке утюг? К ней, наверное, приходят девчонки из соцслужб. Погладят плохо, конечно, зато им и платят немного. Это Раскольникову здорово был нужен утюг, вспомнила студентка, или топор, или что-то другое тяжелое, в лекциях не раз об этом упоминали. Бабке-то зачем? Гладить кружевные ночнушки? Ладно, пусть пользуется, если выиграет, великодушно решила студентка. У стариков все как в последний раз.

— Крайний справа, — указал я.

Студентка получила свои маленькие деньги, но не отошла от столика. Хотела увидеть, как бабка вскроет билетик и увидит, что ей не досталось ни хрена. Сколько можно? Пусть пролетит. Ишь, у нее квартира в Нью-Йорке! Студентка внимательно следила за тонкими пальцами Конкордии Аристарховны.

Но костенурка не торопилась.

— Вы не будете вскрывать билетик?

— Зачем? — вмешался я. — Там выигрыш. Электрический утюг.

— Да ну! — не поверила студентка. — Как вы можете такое знать?

— Вы забыли? Я обещал электрический утюг Конкордии Аристарховне.

— Конкордии Аристарховне? Ой, да вы что? Это же так революционный броненосец назывался!

Костенурка замерла.

Такого она еще не слышала.

— Да и вы не похожи на волшебника.

Какой-то он мятый, думала студентка, глядя на меня. *Спит плохо.*

Она так хотела порадоваться предполагаемому пролету, что Конкордия Аристарховна острым лиловым ноготком содрала фольгу.

— Ой, правда!

Студентка обрадовалась.

Но как-то фальшиво обрадовалась.

И я сразу увидел ее возможное будущее.

Красота не всегда спасает. Беременность на третьем курсе... брошенная учеба... самка гиббона, самец гиббона, двое в одной клетке... Конечно, беременности можно избежать, но для этого надо не билетиками спринт-лотереи торговать, а иметь умного, богатого, на-

дежного друга. Таких нынче мало, она это понимала. Да и подруг умные, богатые, надежные мужчины ищут не среди распространителей спринт-лотереи. Набор опций в этом деле всегда невелик.

— Спасибо!

Конкордия Аристарховна улыбнулась.

Но на вечернее чаепитие, на вакантное седьмое место, как я втайне надеялся, не пригласила. К тому же прониклась внезапным корпоративным сочувствием к студентке. Может, та напомнила ей нелегкую комсомольскую юность.

...в нашей юной стране
был каждый счастлив вдвойне.

— Пока выбьешься в люди, локти искусаешь, правда?

— Ага, — подтвердила студентка. — Свои. Чужие не даются.

— Ну, что вы медлите? — посмотрела на меня костенурка. — Раз уж вы так настроены, сделайте подарок девушке.

— Ага! — подтвердила студентка.

Конечно, она не верила нам, но почему старикам не подыграть?

Ах, Рио-Рита!

Старики любят врать.

Так девушка думала про нас.

В нашей юной стране был каждый счастлив вдвойне.

При этом студентка все равно надеялась на чудо, хотя прекрасно понимала, что второй раз подряд электрический утюг не выпадет. Да и зачем ей утюг? В общаге такая штука всегда найдется. В юной голове, украшенной снаружи красивыми веселыми прядями, металось множество пестрых мыслей. Старики врут, постоянно врут, делать им нечего, но вдруг? Это все, конечно, ерунда, болтовня, бред, но вдруг хорошие туфельки? А? Хорошенькие на стипендию не купишь. Впрочем, какие туфельки в спринт-лотерее? Бонус бы. В отдел дамского белья. Студентка мысленно представила несколько изящных, почти невесомых вещиц, дура, она еще не понимала, что, получив такой подарок, залетит уже на втором курсе. Но чудесные видения так и метались в веселом, взбудораженном мозгу. Торт, например. Она видела такой в кондитерской на углу, килограммов на десять, угарный торт, половину общаги накормить можно.

Или квартира в Москве.

Она даже испугалась. *У меня бак потек.*

Я посмотрел на студентку. Потом на лотерейные билеты. Она их жадно перемешала. Пальцы у нее были красивые, не хуже, чем у костенурки, только молоденькие и длинные, и на одном царапинка, тоже красивая. А вот маникюр начал расслаиваться. Не то качество. Билеты, лежавшие на столике, были пустые, кроме одного, невзрачного и помятого, лежащего на краю. Его уже не раз отталкивали — именно из-за помятости.

Квартира в Москве. Она, может, и не поедет в Москву, но какие перспективы!

Я уплатил, и пододвинул мятый билет по столику к студентке.

— А почему этот?

— Потому что он с выигрышем.

— Ой, мне его здесь открыть?

— Лучше сделайте это дома.

«А вдруг там пять тысяч рублей?» — мелькнуло в маленькой голове.

Конечно, она не верила. Но гуси кричали в ее голове. И бак потек. Она удалялась, презрительно покачивая удлиненными бедрами, показывая нежную полоску голого незагорелого тела между низким поясом джинсов и светлой кофточкой.

— Она выиграет?

Я кивнул. Конечно.

— А пойдет ей это на пользу?

— А вот чего не знаю, того не знаю.

4

— Тогда я тоже сделаю вам подарок.

— Что вы мне можете подарить? — удивился я.

Я читал ее мысли. Она была уверена, что *знает, знает.*

Я поскучнел. Они меня достали. Одна знала, как меня зовут, другая знала, где моя тетрадь, третья догадывалась, как мне следует жить. Один я ничего не знал. Разве что мог подсказать, где нам искать профессора Одинца-Левкина, но и об этом ничего не знал.

Ах, Рио-Рита!

Не хотел я думать о Коре.

Чтобы не сойти с ума, следует умерять желания.

Я помахал рукой, чтобы официантка принесла еще чашку кофе.

Костенурка с любопытством рассматривала меня. Как экзотическую бациллу. Не знаю, насколько опасную, но взгляд был сосредото-

чен. Все ее черные полковники, оливковые советники, красные комсомольцы и нью-йоркские дизайнеры оценивала меня в этот момент. Не думаю, что у кого-то из них я вызывал симпатию.

Выхожу один я из барака,
светит месяц, желтый, как собака,
и стоит меж фонарей и звезд
башня белая — дежурный пост... —

вспомнил я стишок из толстой книжки, переплетенной в веселую оранжевую кожу.

Оранжевый цвет любил Последний атлант. Ему одному я привык верить. В отличие даже от главврача, даже от Коры, даже от капитана милиции Жени Кутасовой, он один никогда не сожалел о потерявшейся тетради и не допытывался, шпион я или просто беглый убийца?

В небе — адмиральская минута,
и ко мне из тверди огневой
выплывает, улыбаясь смутно,
мой товарищ, давний спутник мой...

Последнему атланту нравились такие аллюзии. Он мог представить себя кем угодно, даже лагерником. В отличие даже от доктора Григория Лейбовича, он действительно знал, что когда-то на Земле существовала другая цивилизация.

Он профессор города Берлина,
водовоз, бездарный дровосек,
странноватый, слеповатый, длинный,
очень мне понятный человек...

Никто, кроме Последнего атланта, не хотел простить того, что я возник ниоткуда. Подразумевалось, что если даже меня скачали из Интернета, черт побери, то на хард-диске должен был остаться какой-то след.

В нем таится, будто бы в копилке,
все, что мир увидел на веку.
И читает он Марии Рильке
инеем поросшую строку.
Поднимая палец свой зеленый,
заскорузлый, в горе и нужде,

«Und Eone redet mit Eone», —
говорит Полярной он звезде...

Доисторическая леди не спускала с меня глаз.

Что могу товарищу ответить
я, делящий с ним огонь и тьму?
Мне ведь тоже светят звезды эти
из стихов, неведомых ему.
Там, где нет ни время, ни предела,
ни существований, ни смертей,
мертвых звезд рассеянное тело —
вот итог судьбы твоей, моей.

Костенурка печально наклонила голову.

Светлая, широкая дорога —
путь, который каждому открыт.
Что мы ждем? Пустыня внемлет Богу
и звезда с звездою говорит...

Я вдруг пожалел, что вышел из дома.

Куда ни приду, количество загадок множится.

Запомнилась мне оранжевая книжка, сержанту Дронову бы ее подсунуть.

— Вы много читаете?

— Да нет, наверное.

— А что читали последнее?

— «Триста актов».

— Мне следует покраснеть?

— Вы шутите! Бухучет, всего лишь.

— Видимо, для ваших дурацких игр большего и не надо?

— Выходит, что так.

Я не протестовал.

Умная доисторическая леди.

Прожила интересную жизнь. Все помнит.

А у меня прошлого нет, и будущее аморфно.

— У меня был брат... — негромко произнесла Конкордия Аристарховна.

Я даже оглянулся. С таким лицом пойдешь покупать табуретку, непременно предложат бонус — мыло и веревку.

— Брат спас меня...

Я кивнул. Я слушал.

— Мой брат был майором НКВД.

Костенурка внимательно следила за моим лицом.

— Однажды он не вышел на службу. Был у него любимый зеленый чемоданчик — для командировок. При обыске чемоданчик не нашли. Но на столе под мраморным пресс-папье лежала записка: «Ухожу из жизни». Странно, да? Уйти из жизни с зеленым фибровым чемоданчиком. Он, конечно, понимал, что в органах быстро поймут, потому и писал откровенно. Через много лет я нашла его записку в одном закрытом партийном архиве. «Не считаясь с жертвами, нанесите полный оперативный удар по местным кадрам, — цитировал он в записке указание своего шефа. — Да, могут быть и случайности. Но лес рубят — щепки летят». Мой брат не хотел принимать такие тезисы. Он не был пай-мальчиком, но указания наркома его ошеломили. Он не хотел считать, что эффективность работы следует подчеркивать количеством арестов. А слова «железного наркома» много раз цитировались. Мой брат был выдвиженцем Ежова. Когда Николая Ивановича выдворили из НКВД и перекинули в наркомат связи, брат сразу понял опасность и отправил меня на Западную Украину.

— И этим спас?

Она неопределенно вздохнула.

— Ладно. Давайте дальше. Как ваш брат?

— Конечно, записке не поверили. Ориентировка попала на все пограничные пункты. Установили слежку за родственниками. Убегать от смерти никому не возбраняется, правда? — Она улыбнулась. — Но куда бежать от верной смерти?

— Может, в сторону верной любовницы?

Конкордия Аристарховна улыбнулась:

— Сразу видно, вы привыкли играть?

Я притворился непонимающим. Она напомнила:

— «Нет плохих вестей из Сиккима».

И вдруг спросила. Странно спросила:

— Ваши герои, Сергей Александрович, дойдут до Шамбалы?

— Не знаю. Должны. В каком-то смысле.

— Почему так неопределенно? Ведь результаты зависят от вас.

— Дизайнеры и разработчики тоже влияют на течение игры.

— Ну да, — не поверила она. — «Разработчики». Жрут водку, бьют жен, не читают никаких книг, китайцы и шерпы для них одинаково желтые. Вы что, всерьез? Разве такие разработчики помогут вычислить путь в Страну счастливых?

— Даже банда уголовников может построить коммунизм, если им хорошо платить.

— Сами придумали?

— Выписал откуда-то.

— Но почему Сикким? Почему?

— Не знаю. — Я правда не знал. — Мне попросту хотелось закольцевать один известный сюжет.

— Какой именно?

— Роман Берджеса «One Hand Clapping». «Однорукий аплодисмент».

— Даже не слышала о таком романе.

— Англия пятидесятых. Но это неважно. Игра всегда условна. Мне хотелось сделать что-то близкое к реальности, рассчитанное на людей понимающих, чувствующих. Молодой Говард торгует подержанными автомобилями. Можно эффектно показать гонки на старых тачках, — машинально отметил я. — А его жена Джанет работает в продуктовом магазине. Или сделать ее цветочницей? Как думаете? — я улыбнулся. — Ладно, пусть будет такой, как в романе. После многих попыток прочно встать на ноги Говард задумывается о бессмысленности существования...

— Вы это серьезно? Разве компьютерные игры такое передают?

— Я хотел попробовать. Этот Говард, по Берджесу, отличался фотографической памятью.

— Как вы?

Я не стал обижаться.

— Однажды Говард принял участие в фотовикторине и выиграл десять тысяч фунтов. Как вам такой расклад? Это не какой-то там утюг, — мягко уколол я костенурку. — Делая удачные ставки на скачках, Говард увеличил сумму до восьмидесяти тысяч, и в его голове созрела мысль: взять от жизни все, что можно купить за деньги, а затем вместе с Джанет покончить с жизнью.

Костенурка вежливо поджала губы.

Но о свойствах пустоты на этот раз не вспомнила.

— Для полноты ощущений Говард заказал одному знакомому поэту стихи, в которых отразилась бы его пессимистическая философия, и отправился с Джанет в кругосветное путешествие. А по возвращении раскрыл свой замысел. Но молодая жена, полюбившая мир, который оказался таким большим и разнообразным, не захотела участвовать в подобном социальном протесте. Защищаясь... убила супруга... утюгом...

— Чувствуется перекличка с одним известным русским писателем.

— Если вы о Достоевском, то его герой предпочел топор, да и мотивы им двигали иные. Спрятав труп мужа в сундук, Джанет ответила на чувства поэта, написавшего к тому времени заказанные Говардом стихи, и начала жизнь с новоиспеченным супругом. Однако поэт, отравленный пессимистической философией Говарда, скоро сам начал поговаривать о тщете сущего...

— И Джанет вновь взялась за утюг?

Мы рассмеялись. Костенурка подвинула ко мне конверт.

— Что в нем? Неужели фотографии Шамбалы?

На этот раз доисторическая леди не улыбнулась.

— Неважно. Вам понравится.

— Но сегодня у вас день рождения.

— А может, и у вас, а? Может, подарок напомнит вам...

— О чем?

— Об истории.

— Я — ремесленник. Мои интересы лежат в стороне.

— Не торопитесь, — сказала костенурка. — Что вы помните о своих интересах?

— В любом случае, история меня не интересует. Пусть этим занимаются Ойлэ и Паша.

— Полные пустышки, — вежливо заметила костенурка.

— Мои друзья, — вежливо напомнил я.

— Они не учитывают закон октав.

Она меня заинтересовала.

— А я учитываю?

— Конечно.

— С чего вы взяли?

— Не знаю. Мне так кажется, — рассеяно провела она пальцем по краю кофейной чашки. — Тот карлик... Ну, вы про него рассказывали... Который все болеет... Он доберется до Шамбалы?

— Вряд ли.

— Ему не удастся спрыгнуть с колеса?

— Скорее всего, нет. Он умрет. На соляной плите, брошенной на его могилу, красноармейцы высекут его слова: «Я же говорил вам, что я болею».

Конкордия Аристарховна покачала головой:

— Впечатляет. Но интересоваться надо историей, а не анекдотами.

— Разве вся история не сплошной анекдот?

— О нет! — Она положила на стол узкие руки. — О нет, Сергей Александрович. Текущая история — это коллективное восприятие тех или иных концепций. Слышали о таком? Как текущие события будут поданы в учебниках, в популярных книгах, даже в детективных романах или в ваших дурацких компьютерных играх, так историю и будут воспринимать. При любой власти существует кучка преданных, на все готовых специалистов. Они умеют работать. Они кропотливы, как вы. Ничего не помнят, ничего не понимают, но активно формируют учебники, то есть формируют коллективное восприятие. Франко и Сталин, Гитлер и Рузвельт, Путин и Буш, для них нет никакой разницы. Они могут любого деятеля подать как национального героя или

международного негодяя. И все-таки, Сергей Александрович, история реальна. Как красиво ни подавай пресловутую альтернативу, истинная история вылезет наружу. По крайней мере, пока существуют такие неудобные люди, как я, — печально улыбнулась она. — Меня не спрятать. Я вылезу из любого мешка. Я ни на кого не похожа, потому что отчетливо помню очень разные детали прошлого. Пусть в сплетнях и в пересказах я выгляжу смешной, мое прошлое реально. Вы, конечно, слышали о моем прошлом?

Я уклонился от прямого ответа:

— Я больше интересуюсь играми.

— Подумать только! Прямо Шекспир.

На этот раз я улыбнулся несколько натянуто.

Я читал мысли Конкордии Аристарховны. Правда, она ничего и не прятала.

Собственно, утром она действительно ждала меня. Не знала, приду ли, но ждала. У нее была причина ждать — конверт, лежащий сейчас передо мной. Как правило, по утрам ходят в кафе бездельники. Она смотрела на меня без особой надежды. *Наши подарки мало что означают, еще реже они помогают тем, кто их получает.* Она не верила в будущее девушки, выигравшей квартиру в Москве, но какая разница? Она хотела понять, на что я способен. Нет, даже не понять. Что тут понимать? *Свойства пустоты известны.* Она хотела разбудить меня, ткнуть носом, как щенка, в собственную лужу. Другое дело, что я все еще не понимал, где и как я мог нагадить? А костенурка знала о моих прегрешениях, и досада боролась в ней с поистине дьявольским терпением.

— Что в этом пакете?

— А вы посмотрите. — И опять улыбнулась: — Я знаю, вам не нравятся намеки на ваше прошлое. Атара́ксия. Но тут ничего не сделаешь. В Нью-Йорке у меня есть приятельница — такая же старая черепаха, как я. Она, как вы, старается не покупать старые вещи. Ее раздражает уже то, что они появились на свет задолго до ее рождения.

Я не стал уточнять, о ком она говорит.

Сотрудники НКВД, модные дизайнеры, итальянские фашисты, эсэсовские полковники, комсомольцы с Западной Украины — центр мира все равно занимала Конкордия Аристарховна.

Расслаивающееся время.

Крутящееся, засасывающее пространство.

Она вдруг заговорила. *Был* у нее брат, *был!*

Ну, ладно, ее возлюбленным и мужьям — им всем воздано! Они получили то, что рано или поздно должны были получить. Никаких иллюзий. У нее нет претензий, как бы жестоко судьба ни обошлась с

теми или с другими. Но брат... Нет, он этого не заслуживал... Когда стали брать ставленников «железного наркома», он сам не захотел ждать... Польская граница, румынская...

Но ведь он не дурак, он мог бежать на восток, правда?

Костенурка не спускала с меня мутноватых, когда-то зеленых глаз.

Я слушал. И никак не мог понять. Одни страстно хотят знать, где им искать профессора Одинца-Левкина, другие столь же страстно открывают мне свои семейные тайны. Кто я такой, чтобы отвечать или просто выслушивать?

Мы — азиаты, посмотрела на меня костенурка.

Воротничок ее блузки разошелся на одну пуговичку.

Попробуйте перезапуститься, засмеялась она, перехватив мой взгляд.

Тонкие морщинки густо иссекали мраморную шею — настоящая чудесная доисторическая леди. *Попробуйте перезапуститься*, непонятно повторила она. *Вот увидите, все заработает.* И пусть мой брат, понизила она голос, доберется до какого-нибудь сибирского поселка. Пусть он уйдет в сторону Алтая и Монголии, раз ему нет места на родине. *Что вам стоит?* В Монголии его не будут искать.

Я был знаком с берлинским палачом,
владевшим топором и гильотиной.
Он был высокий, добродушный, длинный,
любил детей, но выглядел сычом...

Это тоже из оранжевой книги, подаренной мне Последним атлантом. Не думаю, что брат Конкордии Аристарховны походил на палача, свободно владел топором и гильотиной. Нет, скорее он был умной, лощеной машиной, умеющей правильно потянуть собеседника за язык. Наверное, он многих раскрутил, если вырос до майора.

Я знал врача, он был архиерей,
я боксом занимался с езуитом.
Жил с моряком, не видевшим морей,
а с физиком едва не стал спиритом...

Может, брат Конкордии Аристарховны был не самым дурным сотрудником, но я-то тут при чем? Мне приходилось читать отчеты о расстреле «железного наркома». Расстреливали Ежова его же ставленники. С удовольствием, кажется, расстреливали.

Была в меня когда-то влюблена
красавица — лишь на обертке мыла

Живут такие девушки, — она
любовника в кровати задушила...

Да нет, конечно, никаких намеков. Братьев полагается любить. Я нисколько не злился. Накрапывающее низкое небо, вкусный кофе, вот девушке сделал подарок. А Конкордия Аристарховна поговорит, поговорит, еще раз убедится, что я *пустышка*, и отправится пить чай со всеми своими любимыми покойниками.

— ...однажды я видела Ежова, — сказала Конкордия Аристарховна.

Жизнь баловала доисторическую леди. Она встречалась с дуче, рейхсфюрер давал разрешение на ее брак с полковником СС, и все такое прочее, а она, оказывается, еще и Ежова видела.

— В Москве, — уточнила она. — Он пригласил моего брата и разрешил мне прийти с ним. Он был маленького роста, брат старался не садиться с ним рядом. Знаете, Сергей Александрович, на «железном наркоме» был дешевый костюм и синяя сатиновая косоворотка. Это меня поразило. Правда, перед этим я видела его в мундире генерального комиссара госбезопасности. А там роскошная золотая звезда на красной петлице с золотым просветом. Это же маршал! Не сержантские усеченные треугольники на серебряной полосе, — улыбнулась она. — Николай Иванович любил петь. Да, да, у него оказался баритон — не очень сильный, но верный. Правда, пил он гораздо больше, чем пел. Мой брат рядом с ним выглядел франтом. Воротник и обшлага гимнастерки обшиты малиновым кантом, френч из настоящей шерстяной ткани, — почти хвастливо произнесла костенурка, — с нагрудными накладными карманами и шестью пуговицами-застежками. В какой-то момент они вышли, оставив меня за столом. Из соседней комнаты тут же донеслись их голоса. Я была поражена. Казалось бы, в квартире генерального комиссара все должно быть продуманным, но неплотно прикрытая дверь позволила мне услышать рапорт брата. Контроль по литеру «Н», вам это ни о чем не говорит, правда? Писатель Шолохов останавливался в то время в Москве — в гостинице «Националь». Специальная стенографистка в определенное время подключалась к номеру и записывала все, что в нем говорилось и делалось. Я была потрясена. За писателем следили не как за идейным врагом. Речь шла о жене наркома...

Но как-то в дни молчанья моего
над озером угрюмым и скалистым
Я повстречал чекиста. Про него
мне нечего сказать — он был чекистом.

— Принесите коньяк.

— Как обычно? — спросила официантка.

Я никогда не заказывал у нее коньяк утром, но кивнул: «Как обычно».

Мне требовался полный апгрейд. Костенурка это поняла и откинулась в удобном кресле. Быстрым движением коснулась пуговичек на кофточке. Самыми кончиками длинных пальчиков — весело и легкомысленно (как делала, наверное, и пятьдесят лет назад). Конечно, кофточка разошлась. На шее, на фоне чудесных, густо переплетающихся морщинок (ничего с этим не поделаешь) я увидел потемневшее серебряное ожерелье с подвеской из трех сплющенных пуль. Калибр 6,35. Подойдут к вальтеру и к браунингу.

...Засыпая, я вижу вновь, что балконная дверь чуть приоткрыта,
и кисейную тюль
в окно, где пыльный июль,
выдувает капризный сквозняк.

Я молчал.

...Ах, Рио-Рита! Как высоко плыла ты над нами через страх и озноб, через восторг побед, — Аргентины далекой привет! Как плескалось алое знамя! В нашей юной стране был каждый счастлив вдвойне...

— Возьмите конверт. В нем листы, выдранные из вашей тетради.

— У вас? Почему они оказались у вас?

— Какая разница? — Она внимательно осмотрела на меня: — Прошлой ночью я сказала вам, что мы больше не встретимся. Видите... не получилось...

И вежливо улыбнулась:

— Я Кора.

Отступление
Апрель 1939: Золотой фазан

(листы, выдранные из тетради)

* * *

Сегодня, милая Альвина...

Майор Каганов не торопил события.

Он ждал телефонного звонка. Умение ждать — чувство профессиональное.

Ненавижу философов! Майор молча смотрел на профессора Одинца-Левкина. Говорят, раньше он носил семь длинных волос под шапочкой и каждый месяц менял кольцо на указательном пальце. Ну да, астральное влияние. Он и на вопрос о социальном происхождении ответил, что «происходит от Адама». На изможденно-наглом лице огромные жемчужные пустые глаза. Похожи, как две склянки эфира. К черту философов! Они только объясняют мир, а мы хотим его изменить.

Ах, Рио-Рита! Кирпичные стены, мутные стекла, такие толстые, что решетки на окна можно не ставить. Не должны решетки смущать прохожих. А музыке не укажешь, она пробьется сквозь любые стены.

Позвонить могут в любой момент.

Зачем жалеть время, если оно в любой момент может кончиться?

Майор Каганов душно, всей шкурой, чувствовал, как время обтекает его.

Время, как кровь. Оно уходит — с ним уходит жизнь. Чем скорей позвонят, тем проще будет принять решение. Профессору Одинцу-Левкину в голову не приходит, как сильно его жизнь зависит сейчас от короткого телефонного звонка. Даже не стоит начинать игру с археометром. Заманчиво, но не стоит. Четкий круг вписан в пересекающиеся треугольники. Двенадцать окрашенных в разные цвета вершин образовывают еще один круг. Планетарные символы, музыкальные ноты, еще один круг, разбитый на двенадцать секторов по числу зодиакальных домов, обозначенных отдельными цветными щитами. Причудливые буквы ваттанского алфавита, а рядом буквенные эквиваленты на ассирийском, халдейском, самаритянском, латинском языках. Наверное, профессор ответил бы на вопросы, касающиеся будущего, но, наверное, это выглядело бы как слабость — спрашивать о своем будущем. Не стоит перегружать сознание, посчитал майор. Поскользнуться легче всего на пустяке, на арбузной корке, на выброшенных во двор картофельных очистках. Отправлюсь ли я в каменистую пустыню или поставят меня к стенке — как ни странно, ответы на это зависят сейчас исключительно от телефонного звонка. В принципе, нашим юристам стоило бы обдумать статью, не оставляющую никаких лазеек врагам народа. Социализм будет построен наперекор любому давлению, и все же... Пятьдесят восьмая — статья достаточно емкая, она поддерживается многими другими серьезными статьями, и все же не охватывает всего многообразия вражеских уловок. (Майор с интересом следил за профессором.) В исключительно необходимых случаях виновным следует, скажем, считать любого, кто хотя бы раз в жизни держал в руках сумму, превышающую некую, заранее указанную законом. Возраст и пол не должны иметь значения. Окончательный итог важнее любых ошибок. Возникнут пробле-

мы у лиц, постоянно имеющих дело с большими суммами? Конечно. Но решение напрашивается. Кассиров можно объявить спецами, защищенными законом, их можно одеть в специальную форму, поставить под постоянный контроль, обязать их ежедневно отчитываться перед коллективом. Будущее всегда за коллективом. Это однозначно.

Мы будем есть паштет из дичи и пить французское клико.

Да, так! *Мы* — спасительно во всех вариантах. Это следует донести до каждого. Ученый профессор, колеблющийся, но ищущий опору в умном и дружелюбном сотруднике НКВД, — разве не к этому мы должны стремиться? Живой организм здоров и весел, когда охотно откликается на команду «смирно». В этом смысле профессор Одинец-Левкин — соцвред. Нужно подержать его в боксе, пусть подышит гнилой пылью, мертвой тишиной. Он привык к ветрам и к простору пустынь, гор, степей — пусть вдохнет ужас замкнутого пространства. Из бокса подследственных его приведут в кабинет.

«Раздевайтесь!»

«Совсем раздеться?»

Они всегда так спрашивают.

Удивительно, они всегда так спрашивают.

Сержант Дронов только пожимает плечами: конечно, совсем, таков закон.

Два надзирателя передают сержанту вещи подследственного. Сержант просматривает каждый шов, каждую пуговицу, кромсает ножом наборные каблуки хромовых сапог. Может, в них спрятаны яды, шифры, инструкции иностранных разведок. Почему нет? Сержант Дронов аккуратно срывает с ремня внутреннюю кожаную прокладку, наконец, приказывает снабдить подследственного старыми кирзовыми опорками и списанным обмундированием, от которого тошнотворно несет хлоркой. Все большого размера. Но это обдуманно. Пусть ноги соцвреда утонут в искоробленных опорках, а драная гимнастерка повиснет на плечах, как плащ-палатка. Пусть руки будут заняты не в меру длинными брюками. На интеллигентных людей такое действует сильно.

Майор молча смотрел на профессора Одинца-Левкина.

Умный ученый человек? Да нет, троцкист до мозга костей, японский наймит, шпион, хорошо замаскировавшийся враг! Куда хотел уйти? В Шамбалу хотел уйти! В стране — творческие порывы, не хватает рабочих рук, а профессор Одинец-Левкин отрывает людей от свободного коллективного труда, внушает им мысли о несбыточной мечте, обучает верховой езде, держит где-то на заброшенном алтайском подворье сытых лошадей, собирает большие деньги на личные безумные цели. Ходит раскорякой, как настоящий кавалерист, само-

лично шьет перекидные сумы, учит монгольский язык. *Морендоо* — поскакали. Почему нет? *Зугээр* — все нормально. Может быть и так. Но мы прямо скажем профессору: *хулээй* — подождем! И пусть на все наши слова он быстро кивает седеющей головой и бормочет: *баярлаа, баярлаа.* Мы поймем, что это — спасибо.

Щеки обвисли, поросли серой щетиной. Голос изменился, сел. Но хорошо уже то, что сержант Дронов не успел превратить профессора в репу. Бьют? Что значит — бьют? Бьют даже старых политкаторжан. Образование и опыт в этом деле не имеют значения. У «железного наркома», например, незаконченное нижнее, но он умеет... теперь уже *умел*... разговаривать и с плотниками, и с академиками, и с бывшими членами Политбюро. «Не смотрите, что рост у меня маленький, а знаю, может, меньше, чем учитель математики, — сказал как-то Николай Иванович на коллегии. — Зато умею планировать число врагов, подлежащих аресту. — И добавил с усмешкой: — Малый рост и слабое образование хорошей работе не помеха. Умение видеть врага есть самый главный признак истинной преданности делу революции!» А старые политкаторжане — это же чаще всего закоренелые провокаторы, агенты, предатели. У них связи на всех уровнях. Приказали профессору Одинцу-Левкину доставить в Лхасу и поставить там радиостанцию, а разве обсуждалось это в партийном кругу? Приказали профессору Одинцу-Левкину найти путь в Шамбалу и там тоже поставить радиостанцию, а обсуждалось это на коллегии? Если слухи о Счастливой стране соответствуют правде, тогда тем более такие вопросы следует решать сообща. Одно дело гордо вещать о победе социализма на все страны Азии и Европы, и совсем другое — передавать фашистам государственные секреты.

Майор Каганов не сводил глаз с ушей профессора. Ясно, что Ламброзо тут ни при чем. Если бить подследственного сразу двумя папками по ушам, он вспоминает неожиданные вещи. А уши, конечно, пухнут. Против физики не попрешь. «Дорогой товарищ! Если Вам по делам суда случится быть на Обводной, то зайдите к портному (фамилию не помню), у которого мы были вместе, и скажите, что если он к определенному дню не пришлет мне брюк, причитающихся мне в качестве гонорара за защиту, то дело будет передано в суд. С коммунистическим приветом — такой-то».

Что профессор Одинец-Левкин признал в последний раз?

Ах да! Он письменно подтвердил давний, уже хорошо известный чекистам тезис, что центральный ключ к Великому посвящению скрыт в египетских пирамидах.

«Вот, дьявол! — хохотнул сержант Дронов. — А я-то думал, в колоде игральных карт!» Это он так шутил. «Разоружайся перед партией, падаль!» И все совал, совал под нос профессору фотографию ста-

рого политкаторжанина, расстрелянного вместе с врагом народа Генрихом Ягодой: «Где познакомился с этим человеком?»

«Возле магазина «Имро».

«У вас была назначена встреча?»

«Нет. Я случайно остановился возле витрины. Меня заинтересовал узор на восточном ковре».

«Чем он тебя заинтересовал?»

«Мне показалось, я улавливаю в узоре какие-то элементы Универсальной Схемы. Археометра, — он кивнул в сторону прибора, лежавшего на столе. — С помощью этого прибора можно легко предугадывать будущее. Но я тогда не думал об археометре, просто рассматривал узоры, пытался понять их скрытый смысл. Тогда рядом остановился человек. Сухощавый. В возрасте. В полушубке. Подпоясанный ремнем. На голове офицерская фуражка без кокарды. Тоже стал смотреть на ковер. Я спросил: «Этот узор вам что-то напоминает?» А он носком сапога нарисовал на снегу геометрическую фигуру: «А это вам что-нибудь напоминает?» Так мы познакомились».

«Это он передал вам археометр?» — вмешался майор.

«Нет, у меня уже был. Свой был. Мне привезли из Парижа. Там есть Институт ритма. В Институте ритма ведется большая работа по гармонизации всего сущего. Человек, с которым я познакомился, знал об этом. Да, да, его зовут гражданин Колушкин, он приходил ко мне позже. Он многое знал об Универсальной Схеме, — у профессора, как у школьника, горели распухшие уши. — Работа с Универсальной Схемой позволяет читать законы Вселенной, понимать движение и развитие духа и материи. Числа — суть созерцаемые идеи, *эйдосы*, силы, выступающие посредниками между видимыми и невидимыми планами Вселенной. В этом смысле Отто Шпенглер прав: «Именами и числами человеческое понимание приобретает власть над миром».

«Заткнись и отвечай только на вопросы!»

«Хорошо. Я буду отвечать только на вопросы».

«Зачем вы хотели поставить радиостанцию в Лхасе и в Шамбале?»

«Чтобы передавать свободным и угнетенным народам слова воплощенных вождей».

«Бухарина и Зиновьева? Рыкова и Троцкого? Кого я еще упустил? Перечислите поименно».

«Я не знаю. Все так быстро меняется. — Профессор Одинец-Левкин поправил очки, в глазах появилась страшная растерянность. — Пока я находился в экспедиции, многие из тех, с кем я беседовал, исчезли. Исчезли даже те, о ком и думать так нельзя. Теперь не знаю, с кем посоветоваться».

«Предположим, вы дошли до Шамбалы, — негромко произнес майор, отгоняя мысли о сержанте Дронове, которого уже стоило опа-

саться. — Значит, радиостанция, поставленная в Стране счастливых, вещала бы от имени выявленных нами врагов народа?»

«Не знаю. Право, не знаю. Я только ищу путь».

«Почему на поиски Шамбалы направили именно вас?»

«Я ученый человек, но из простой семьи. Мои родители сочувствовали народникам».

«При обыске в вашей квартире нашли много патронов. Зачем вам столько?»

«Для порешения различных животных в пустынях Азии».

«Не исключая и человека?»

«Если обстоятельства к тому понудят».

«Но начать стрельбу вы, конечно, намеревались в Москве?»

Профессор понял намек. Когда хотят убить собаку, говорят, что она бешеная.

Майор Каганов тоже понял. Мысли профессора не были для него тайной. Правда, кричать он не стал. Соцвреда криком не возьмешь. *Сегодня, милая Альвина, сирени отцветает куст.* Он бормотал про себя запавшую в память строку и молча смотрел на профессора. Ли́са, наверное, уже проснулась. Она не знает, где ее отец. Она представить себе не может, что я каждый день по многу часов провожу с профессором Одинцом-Левкиным. Хитрая зловредная бестия, посмотрел он на профессора. Выглядит жалко, но умен и присутствия духа не теряет. *Посвящен.* Видит себя архатом, *достойным.* Как мудрый Арья, мечтает освободиться от перевоплощений. Ради этого, только ради этого, такие, как профессор Одинец-Левкин, готовы травить народ идейными ядами, жестоко убивать вождей, обманывать партию, тайно продавать земли иностранным хозяйчикам. Они думают, что вступили на последнюю и высшую тропу, а потому свободны. Думают, что видят глазами сердца.

Майор раскрыл тонкую папочку.

Выписки из писем, отчеты сексотов, протоколы допросов.

Вот многозначительная цитата. Взята из рассуждений мадам Блаватской — известной теософки, много лет умножавшей в народе невежество. «*Никогда человечество не задумывалось над явлением жизни архата. Принято видеть архата в области облачной. Рекорды мышления ужасны и смешны. Истинно, Мы, братья человечества, не узнаем себя в представлениях человеческих. Наши облики так фантастичны, что Мы думаем порой, что если бы люди переменили свою фантазию на противоположную, только тогда наши изображения приняли бы верную форму*». Это точно. Самый верный облик врага народа — ядовитая змея или пес смердящий. Ли́са — чудо, она милая, но ведь и она написала заявление, когда въехавший в квартиру профессора сотрудник НКВД по-своему распорядился некоторыми веща-

ми. «Плоский чемодан типа «глоб-троттер» с инициалами. Индусское бронзовое божество. Слоны чугунные. Продал часть мебели, а остаток отдал мне неохотно. Пропало фунта четыре серебряных вещей, которые хранились в сундуке. Пропали эти вещи в то время, когда я лежала в больнице. Еще он взял дверной ковер без моего согласия и отцовскую лампу в восточном вкусе. А из шкатулки пропало голубое эмалевое ожерелье. Недавно, когда я рассказывала знакомому об этом ожерелье, то он заявил, что видел это ожерелье у киноартистки». Растерявшиеся, не понимающие мира люди. Почти безработные, живут в уплотненных квартирах, продают вещи. А пишут, что «*архат, идя к высшим мирам, беспределен во всех проявлениях*». Ну да! Если архата правильно прижать, он впадает в ничтожество.

Глядя на профессора Одинца-Левкина, майор старался не думать о его дочери, но не мог, не мог. Опасная неправильная нежность к Ли́се заливала его сердце сладким туманом. Она *верит*, в чистоте своей она убеждена в том, что отец скоро вернется. Ну, исчез, так это он просто уехал. Отец и раньше исчезал внезапно, Ли́са убеждена, что он уехал по делам. А профессора взяли в парикмахерской, цирюльники знают, о чем не следует болтать. «Отец, наверное, уехал». Майор жалел Ли́су: «Наверное». — «Он у меня странный, правда?» — Странный? Конечно. Каким еще может быть соцвред?

Майор старался не думать о Ли́се, и не мог, не мог. Она, наверное, уже проснулась. Она сейчас думает о нем. Целовать голое плечо, гладить волосы. Как много нежности можно услышать в шепоте. Невозможно понять, как слизняки, вроде этого «профессора», могут порождать такое волшебство. Черт побери весь этот голландский аукцион, в ходе которого цены не набавляют, а наоборот, играют на понижение!

— *Сегодня, милая Альвина...*

— *...сирени расцветает куст.*

Майор сделал вид, что не расслышал подсказку профессора.

Рассуждения сержанта Дронова не сильно умны, тем более, не глубоки, но в одном сержант прав: вся эта старая профессура — сорняки. Мощно и густо проросли сквозь все социальные слои, обвили корнями общество. Их выкашивают, их выдергивают, их выжигают, они отрастают вновь. Человек, написавший стишки про Альвину, тоже был профессором. И тоже, как Одинец-Левкин, считал свой арест ужасной ошибкой. Предположение совершенно не материалистичное. Когда ему, наконец, предъявили обвинение в принадлежности к «трудовой крестьянской партии», он только рассмеялся: «Нет такой партии. Совсем нет. Я ее придумал».

«Вот вы и попались! Раз придумали, значит, есть такая партия».

«Да нет же! Я придумал ее для удобства. Чтобы легче было размышлять. Я написал фантастическую книжку о будущем. Там прямо указано — это фантастическая книжка. Я попробовал представить, как сложилась бы жизнь, приди к власти крестьяне, а не твердый пролетариат».

«Значит, вы эсер?»

«Помилуйте! Я ученый».

«У вас, наверное, широкий круг учеников и коллег?»

«Разумеется. У меня много учеников и последователей».

«Многие, наверное, могут подтвердить вашу порядочность?»

«Разумеется, — совсем успокоился арестованный. — Обратитесь к любому!»

«Ну, скажем, доцент Томский. Он считает вас порядочным человеком?»

«Ни минуты в этом не сомневаюсь!»

«Ладно. Вот его показания. — Майор вынул из папки три тетрадных листа, исписанных мелким, почти бисерным почерком. — «*Невыносимый брюзга, отрицающий роль пролетариата. Издевался над идеей диктатуры пролетариата. Пытался завербовать меня в антисоветскую трудовую крестьянскую партию*».

«Это обо мне? Там так написано?»

«Взгляните сами. Узнаёте почерк?»

«Узнаю, — ужаснулся профессор, на свою голову писавший фантастические книжки. — Но этого не может быть! Его заставили!»

«Доцент Томский ссылается на личные разговоры с вами».

«Но это же личные разговоры. Вы сами говорите, что личные. Никто, кроме нас, этого не слышал!»

«Когда известный профессор разговаривает с доцентом, пусть даже просто за домашним столом, их разговоры перестают быть личными».

«А профессор Сотников? Вы его спрашивали? Он мой друг, мы дружим домами».

«Профессор Сотников недвусмысленно указал на ряд ваших высказываний абсолютно контрреволюционного толка».

«О боже! А лаборант Пшеничный? Аспирант Устинов? Я всегда их поддерживал. Даже материально».

«Да, они не отрицают этого!»

«Вот видите! Они не отрицают!»

«Но показывают, что вы активно пытались сформировать из них банду политических убийц. — Майор Каганов понимающе улыбнулся: — Да вы не волнуйтесь. Вы подумайте хорошенько. Должен же быть у вас товарищ, который в принципе не способен солгать».

«Да, есть такой».

«Назовите имя?»

«А он не пострадает?»

«Если скажет правду, нет».

«Иван Александрович Тихомиров».

«Профессор экономической географии?»

«Да! Да! Именно он. Мы дружим с ним более тридцати лет».

«Так я и думал», — кивнул майор Каганов. И прочел показания Тихомирова.

Старая история. Никто не выдерживает давления. Показания профессора экономической географии добили Одинца-Левкина.

— Чем вы занимались до отъезда в Азию?

— Писал научную монографию. И лечил людей.

— Вы имели разрешение на врачебную практику?

— Я не нуждался в таком разрешении. Я лечил только безнадежных больных.

Профессор Одинец-Левкин горестно покачал головой. Он чувствовал, что майор Каганов что-то не договаривает. Все друзья его предали. Только Ли́са не раз предупреждала. Просила быть осторожным. Особенно когда он бездумно повторял анекдоты этого подозрительного гражданина Колушкина. Приходит в ресторан человек интеллигентного вида, заказывает водочку, два салата, две порции икры, два горячих, разумеется, и два кофе. «К вам кто-то подойдет?» — спрашивает официант. «Нет, я ужинаю один». — «Но заказ на двоих!» — «А вы что, не узнаете меня?» — «Да нет, не узнаю. А вы кто такой будете?» — «Я Зиновьев и Каменев». «Папа, — сказала тогда Ли́са, тревожно сжав пальцами виски, — никому не позволяй рассказывать при тебе такие анекдоты. Этот гражданин Колушкин — скверный человек. У него отец поляк, подкаблучник Пилсудского. Не дружи с Колушкиным, он подведет тебя».

— Значит, вы не имели официального разрешения на врачебную практику?

— Я не нуждался в официальном разрешении. Я лечил только тех, от кого отказались врачи.

— Вы владеете какими-то своими особыми методами?

— Да, владею.

— Расскажите об этом.

— У нас привыкли каждую болезнь лечить отдельно, в отрыве от общего состояния организма, — медленно пояснил Одинец-Левкин. — Собственно, не лечить даже, а так... притушевывать внешние проявления... Наши врачи не хотят думать о том, что человеческий организм сам по себе обладает исключительными свойствами, способными противостоять любым болезням. Условия? Они просты. Жить вдали от железа, радио, суеты, и не бороться с болезнью, а укреплять

организм. — Профессор Одинец-Левкин взглянул на майора с каким-то испуганным превосходством. — Прежде всего, каждому думающему о своем здоровье следует избавиться от железных кроватей, а также от кроватей с пружинными матрацами. Гораздо полезнее спать на дереве, покрыв ложе войлоком из овечьей шерсти.

У нас с Ли́сой все превосходно получается на железной кровати, усмехнулся про себя майор.

— Вам удавалось излечивать безнадежных больных?

— Конечно. Думаю, вам докладывали об этом. Помните товарища Миронова? Да, да, тот самый знаменитый товарищ Миронов, бывший политкаторжанин, заведовал Домом ссылки. Он дружил с вашими коллегами. Я встречал чекистов в его доме. У товарища Миронова была последняя стадия туберкулеза. Когда врач дал расписку в том, что окончательно отказывается от больного, позвали меня. Я питал товарища Миронова свежими куриными яйцами, в ясный морозный день укладывал его спать на солнце в защищенном от ветра месте. Уже через месяц товарищ Миронов начал вставать, а еще через месяц самостоятельно выехал в Крым продолжать лечение.

Товарищ Миронов не доехал до Крыма, лечения не последовало, этого профессор Одинец-Левкин не знал. Соцвреда товарища Миронова сняли прямо с поезда. Враг народа, знаменитый вредитель, он оказался неразговорчивым — и умер от побоев в Харьковской тюрьме, так и не дав признательных показаний.

— Еще я лечил дочь товарища... — профессор приглушено произнес известную партийную фамилию. — В безветренные дни ее по моему указанию выносили на солнце. Я давал девочке свежий морковный сок. В начале лечения она даже лежать не могла, терпела мучения, сидя в кресле. А летом ее увезли в деревню, и она сама собирала цветы. Я видел фотографию, на которой она идет по саду.

Майор Каганов кивнул. Девочка оказалась политически грамотная. «*Осенью я болела туберкулезом легких и поражением ног. Сестра привела своего знакомого профессора О-Л, который, узнав, что я больна, изъявил желание мне помочь, как он уже помогал другим знакомым. Он рекомендовал мне настойку от травы полынь, лучше питаться, пить портер, и клал руки на больные места — грудь, руки, ноги*». Пусть под некоторым давлением, но девочка показала, что неумолимый профессор Одинец-Левкин приказывал ей наизусть заучивать сложные шифры, чтобы с их помощью в будущем пересылать шпионские весточки фашистам. На интенсивных допросах девочка признала, что профессор Одинец-Левкин заставлял ее принимать солнечные ванны в тонкой красной кумачовой рубахе, покрытой знаками свастики. Он называл такую свастику — *бон*, и уверял, что это всего лишь древние знаки Солнца. Он говорил — *солярные знаки*.

Она не знает. В древних цивилизациях так оно, может, и было, но партию не обманешь. Возле священной горы Кайлас находится вход в Шамбалу. Профессор много говорил о Счастливой стране, дескать, партия уверена, что ее давно следует присоединить к Союзу республик. Советская социалистическая республика Шамбала. Это ведь хорошо. А украшать свастикой священную гору Кайлас и красные кумачовые рубахи — это плохо. Это — лить воду на мельницу фашизма.

Еще профессор Одинец-Левкин лечил комдива Ивана Сергеевича Костромского.

Лихой герой Гражданской войны, комдив Костромской прославился дерзкими рейдами своего летучего отряда в стан беляков. Неоднократно ранен, почти потерял зрение, ходил с палочкой. С фронтов Гражданской войны привез туберкулез и последствия тяжелой контузии в голову. Такой суровый, что, когда умывался, даже не закрывал глаза.

Майор Каганов понимающе кивал.

Все было так, как говорил профессор.

Только числившийся военным инвалидом лихой комдив товарищ Иван Сергеевич Костромской оказался не таким уж простым. Глаза его, правда, часто воспалялись. Профессор Одинец-Левкин особенным образом заваривал траву арауку и густым отваром протирал больному глаза, хотя органами НКВД давно установлено, что враги пролетариата слепнут чаще не от ран, а от собственного бешенства. Через некоторое время бывший комдив стал видеть без сильных очков, даже устроился в отдел кадров большого тракторного завода. Там его и разоружили.

— А товарища Углового я лечил росой. — Голос профессора Одинца-Левкина окреп. — У товарища Углового развилась сильная гангрена. Самые опытные врачи настаивали на операции, считали, что правую руку надо отнять. Но к тому времени у товарища Углового и так уже все отняли. Не семья у него была, а сплошные соцвреды, даже малые дети — настоящее шпионское гнездо. Я обмывал товарища Углового утренней росой, потом, уложив под солнце, прижигал руку через толстую лупу. Начав с полуминуты, довел счет до десяти минут, и таким образом спас товарищу Угловому руку.

Что ж, это можно поставить профессору в плюс, усмехнулся майор.

Товарищ Угловой трудится сейчас на лесозаготовках где-то под Саранском.

Майор шумно высморкался, и профессор Одинец-Левкин вздрогнул, моргнул непроизвольно. Сержант Дронов любил смотреть, как профессор соцвред моргает. Он внезапно стрелял из нагана поверх его головы (штукатурка сыпалась с грязных стен) и профессор

быстро и смешно моргал. «Знаешь, падла, что привело тебя в стан врага?» — весело спрашивал сержант. И сам отвечал: «Болезненное сознание неполноценности собственной личности, постоянно ущемляемое бестолковым, беспорядочным и низкопробным образом жизни». Нарком внутренних дел требовал умения ловко подходить к подследственному, вот сержант и заучивал наизусть такие умные фразы. Скорпионы, они ведь полые, никакого в них наполнителя.

«Разве на вас такое болезненное состояние не может распространиться?»

«Не может, — весело отвечал сержант. — Я не какой-то архат. Я — пролетарских кровей, правильный человек».

Слова об архатах оживили профессора.

Архаты каждое столетие делают попытку просвещения мира.

Неясно, видел ли в этот момент профессор Одинец-Левкин мир таким, каким он был в реальности. Например, графин с водой, пыльный стол под зеленым сукном. Профессор запутался. Все попытки просвещения такого пыльного, такого несовершенного мира бесполезны. По крайней мере, ни одна не удалась.

— Но такое положение дел будет нарушено, — с тайным протестом возразил майору профессор. — Когда я дойду до Калапы, это будет нарушено. Калапа — столица Шамбалы. Она лежит к северу от Сиккима. Я знаю путь к Шамбале. Он лежит где-то между сорок пятым и пятидесятым градусами широты, в районе реки Сита, или реки Яксарт. Когда партия убедится, что мой арест всего лишь досадная ошибка, экспедиция будет продолжена.

— И вы сможете провести в Калапу кавалерийский отряд с пулеметами и с парой полевых орудий?

— С пулеметами? С парой полевых орудий? — Одинец-Левкин непонимающе глянул на майора. — Как это, полевых орудий? В Шамбалу идут с открытым сердцем.

— Разве надежное оружие мешает открытости?

— В Шамбалу идут за знанием.

Майор кивнул:

— Конечно, за знанием.

И еще раз удовлетворенно кивнул:

— Все добытые знания мы отдадим народу.

— Но истинным знанием могут владеть немногие.

— Вы — соцвред. А партия думает иначе, — возразил майор. — Партия считает, что любое знание должно принадлежать народу.

— Как же так? Знание нельзя делить на всех поровну, — возразил профессор Одинец-Левкин. — Знание по своей природе материально. — Он боялся спорить, но уступать не хотел, вдруг понял, сейчас его бить не будут. — Количество знаний в любом конкретном

месте и в любое конкретное время всегда строго ограничено. Как, скажем, ограничено количество песка в пустыне или воды в озере. Понимаете? Воспринятое в большом количестве одним человеком или небольшой группой, знание помогает получать прекрасные результаты. Но если его распределить между многими людьми, то пользы не будет, один вред будет. Небольшое количество знаний ничего не может изменить в жизни людей, тем более в понимании мира. Истинные знания должны быть сосредоточены в немногих руках, тем более что большинство людей вообще не хотят никаких знаний. Даже тех, что необходимы для повседневных нужд.

— Чем занимался ваш отец?

— Служил в музыкальной команде.

— А потом? Когда вышел в отставку?

— Работал обходчиком железнодорожных путей.

— А в старом городском справочнике указано, что ваш отец одно время держал питейное заведение.

— Это было недолго. Он разорился.

— Но держал, держал! Вы хотели скрыть это?

— Я не счел нужным говорить о том, что сам знаю мало.

— А у нас есть сведения, что питейное заведение вашего отца сразу задумывалось как настоящий притон.

— Я не знал. Я бы не стал скрывать.

Теперь майор видел, что сержант Дронов хорошо поработал с подследственным. На главные вопросы профессор Одинец-Левкин отвечал так, как в общем и следует отвечать соцвреду.

— Вы не будете меня бить?

— В органах не бьют. В органах добывают истину.

— А ваш коллега меня бил, — голос профессора дрогнул. — Не знаю, что он хотел добыть. Я его боялся и многого не говорил. А вот вы не бьете, и я откровенен с вами. Вы хороший человек, вас Бог послал.

— Не Бог, а партия.

— Пусть партия. Ей спасибо.

Майор Каганов перевел взгляд на оживший телефон.

Дело партии не бить, а спокойно готовить людей к новой счастливой жизни.

Многие этого не понимают. Многие не умеют жить счастливо. Они всячески мешают другим. Таких надо перековывать, думал майор Каганов, тревожно глядя на оживший телефон. Каждая пчела должна приносить мед. Дети должны ходить строем и читать Пушкина. Никакого мата, только добрые слова, а если мы поставим радиостанцию в Калапе, известия о том, как мы ярко, весело и хорошо живем, достигнут абсолютно всех стран мира. Даже профессор Одинец-Левкин

бросит секцию астрономических мироедов... черт, мироведов... и начнет разъяснять детям пролетариата неведомые, но полезные тайны. Профессор напрасно думает, что в органах работают только такие, как сержант Дронов. Это не так. В органах много грамотных людей, иначе профессор Одинец-Левкин не получал бы в камеру книг, которые с головой выдают ход его мыслей. «Когда возникла Каббала» Л. Филиппова, «Астральная основа христианского эзотеризма первых веков» Д. Святского, «Зеленый луч в древнем Египте» А. Чикина, «Астрономия и мифология» Н. Морозова. С мерами пресечения в данном случае, к счастью, не запоздали. Сигналы о неправильных настроениях в кружке мироедов... черт, мироведов... поступали давно. Лиса, конечно, не принимала участия в спорах, которые велись в доме профессора, но не раз жаловалась на странности отца. Любила, но жаловалась. Кажется, Дмитрий Иванович считал себя чуть ли не Бодхисатвой. Вот дошли до чего! Обыкновенный пожилой соцвред начинает выдавать себя за идеальное существо, выступает в роли наставника и образца для других людей, готов вести их по сложнейшему пути нравственного совершенствования. То есть, грязную работу нам, а результаты пополам.

Да-с.

Так вот.

Майор поднял трубку.

В папке перед ним лежали показания бывшей жены профессора Одинца-Левкина.

В той же папке лежали показания людей, о которых профессор никогда не думал, имена которых в голову ему не приходили. Представляю, как старик был бы потрясен, вдруг подумал майор, узнав, что Лиса живет со мной и впредь собирается делить со мной ложе. И Лиса, конечно, была бы не меньше потрясена, узнай она, что я каждый день работаю с ее отцом.

Возможно, с ней придется расстаться.

Сестру я отправил. Она в безопасности. Следует решить вопрос с Лисой.

Майор сурово посмотрел на профессора. Голос в телефонной трубке хорошо прочищал мозги. Комиссар госбезопасности Суров был настроен по-деловому. Он приказывал майору Каганову сдать все материалы, к которым был причастен враг народа бывший сержант безопасности Дронов, сущность которого, наконец, выявлена. (Значит, сержанта взяли буквально двадцать-тридцать минут назад, когда он вышел из этого кабинета.) Комиссар госбезопасности Суров был по-деловому доволен. Такой хороший деловой стиль пришел в НКВД с новым наркомом.

Сегодня, милая Альвина.

Майор медленно положил трубку.

Потом, так же медленно, он поднял глаза на профессора:

— Послушайте, Дмитрий Иванович. Шамбала — это ведь целое учение о жизни?

Майор Каганов добился нужного эффекта. Профессор замер. До этого момента все чекисты казались ему одинаковыми. Как шутил (и дошутился) Карл Радек: аббревиатуру ОГПУ можно читать по-разному. Если слева направо, то получится: *О Господи Помоги Убежать!* А если справа налево, то: *Убежишь Поймают Голову Оторвут*. Но, оказывается, не нужно подходить к чекистам с одной меркой.

— Значит, Шамбала — это целое учение о жизни?

— Несомненно, — изумленно ответил профессор.

— И все махатмы относятся к Шамбале?

— И это несомненно.

— И воинство Ригден-Джапо относится к Шамбале?

Профессор Одинец-Левкин смотрел на майора почти со страхом. В следственном кабинете НКВД услышать слова на понятном языке — это даже непонятнее, это даже страшнее, чем получить по ушам двумя папками.

— И Калачакра?

— Конечно.

— И Арьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? И Агарти с подземными городами?

— Да, да! Много раз да!

— И Минг-сте? И Великий Яркас? — не останавливался майор. — И великие держатели Монголии? И жители Кама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаоцзина? И черный камень? И Чудь подземная? — Он так и сверлил профессора взглядом. — И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И книга Утаншаня? И Таши-ламы? И Белый Бурхан?

— Вы... вы...

— О нет, я коснулся только поверхности.

— Но вы называете имена, которые известны немногим.

— Неужели вы думали, что вами у нас займутся исключительно дураки?

Теперь, когда телефонная трубка была повешена, когда стало ясно, что новая метла действительно метет чисто и целенаправленно, направление мыслей майора Каганова определилось. *В конце концов, никто, кроме профессора Одинца-Левкина, не знает дорогу к Шамбале.*

— В Гумском монастыре, на границе Индии и Непала, — негромко заговорил майор, зная по опыту, что именно такая интонация

сильнее всего воздействует на подследственных, — вместо центрального изображения Будды возвышается гигантское изображение Майтрейи, Будды грядущего. Вы это знаете, правда? Оно выполнено подобно изображению в Таши-Лунпо, в святилище Таши-ламы, духовного вождя Тибета. Владыка Майтрейя сидит на троне, и ноги его не скрещены по восточному обычаю, а опущены на землю. Они даже достают носками до земли. Не удивительно ли? Ведь это знак скорого пришествия Владыки, я не ошибаюсь? Эпоха Шамбалы началась! Разве не так, Дмитрий Иванович? Смотрите мне в глаза! — сурово приказал майор. — Ригден-Джапо, владыка Шамбалы, уже подготовил войско для победного боя. Сотрудники и вожди Ригден-Джапо воплотились.

— И вы один из них!

Майор с удовлетворением отметил потрясение профессора.

Кони и люди ждут профессора Одинца-Левкина на Алтае, значит, дорога открыта на восток. Больше никуда. Когда я исчезну, меня начнут искать. Ориентировки отправят на польскую границу, на румынскую, наверное, в Москву, в Ленинград, в Харьков. Ну, где еще я могу прятаться? А профессор считает меня воплотившимся сотрудником Ригден-Джапо. Забрать с собой Ли́су? Отправить ее вслед за сестрой? Майор не зря так внимательно вникал в старые книги. Исполняются древние пророчества. Пришло время Шамбалы. Дмитрий Иванович Одинец-Левкин не лжет. В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут поразительные события. Зверские войны опустошат многие страны, разве не так? Рухнут великие державы, подземный огонь сотрясет горы и океаны, Панчен Рипоче покинет Тибет, разве не так? Я не все, конечно, могу объяснить, но в этом сейчас нет нужды. Сержант Дронов хорошо поработал с профессором: Одинец-Левкин готов поверить, что я *призван*. Он своими глазами видит, как быстро и мощно исполняются древние пророчества. Слесарь Петров из маленького хозуправления привел в НКВД злостного инженера Ломова. Инженер обещал слесарю десять тысяч рублей за совершение диверсионного акта — нужно было вбить железный болт в электрический кабель на большом заводе. Конечно, данное событие можно посчитать незначительным, на самом деле это не так. Это знаковое событие. Оно говорит об ужасной, всеобщей, всюду разгоревшейся борьбе. Таких людей, как слесарь Петров, будет полезно отправить в Шамбалу. События множатся. Они нарастают, как лавина. Обыкновенный, ничем не примечательный доцент пединститута помог органам разоблачить шпионскую работу собственной жены. Дворники с проспекта Сталина добровольно взяли на себя труд ежедневно докладывать о настроениях жильцов крупных домов. Люди тянутся к духовной чистоте, они не хотят терпеть дурного. Дмитрий Иванович смотрит на меня как на человека с улицы, но мы подру-

жимся. У нас не может быть иначе. Возможно, профессора смущает мой потертый пиджак. Но так сейчас живут многие. У товарища Сталина вообще нет пиджака, а товарищ Сталин — воплощенный вождь. Если мы дойдем до Калапы, первая советская радиопередача из Шамбалы будет обращена к товарищу Сталину.

Профессор многое упустил, бродя по пустыням Азии.

Майор заглянул в папку. Там тоже было много удивительного.

Например, секретный сотрудник, укрывшийся под псевдонимом «ДД», докладывал майору о посещении кружка профессора Одинца-Левкина. «*После доклада, длившегося почти полтора часа, делали опыты по передаче коллективной мысли. Получалось неотчетливо. Гражданин Колушкин никак не вписывался в ритм. Только когда его исключили из живой цепи, все одинаково правильно прочитали мысли археолога Лапина. Он мечтал о том, что индустриальные победы в будущем неизбежны*».

Тут же хранилась записка, написанная рукой профессора Одинца-Левкина: «*Прошу прервать допрос, чтобы дать мне возможность точно восстановить все факты моей вражеской деятельности*». Судя по листам допроса, профессор добровольно признался в том, что в своей вражеской деятельности, в своих антисоветских мыслях и разговорах ориентировался на религиозно-мистический центр, который он называл Дюнхор.

Но теперь хватит разговоров. Вчера соцвреда Одинца-Левкина можно было рубить резкими словами, как червя лопатой, и он судорожно крутился под ее острием, признавая многочисленные ошибки, но сегодня так поступать неразумно. Институт ритма в Париже. Нелегальные денежные фонды. Сытые лошади на Алтае, опытные монголы-проводники. Дмитрий Иванович еще не раз скажет мне *баярлаа* — спасибо.

Судьба сержанта Дронова совершенно по-новому высветила будущее майора.

* * *

Свет Шамбалы.

Чисто духовный свет.

Северное сияние — свет *оттуда*.

Профессор Одинец-Левкин смотрел на майора Каганова.

Ну да. Эти странные новые люди многое видят, они наблюдательны, они роются в рукописях и в книгах, отнятых у подследственных, они изучают их. Рукописи и книги взяты из пустых умирающих квартир. Хозяева рассеялись, некоторые буквально. Зато майор знает, как переводится с санскрита *Шамбала*.

Источник счастья. Источник, недостижимый для тех, кто тянется к счастью, как к свежему пирогу, но открытый чистым сердцам. Источник, окруженный вершинами. За ледниками, за снежными перевалами нет болезней, нет голода и страданий. *Как при коммунизме,* думает майор Каганов. Он меня пытается пугать, он подбрасывает мне слова мнимой надежды, но внутренне догадывается, конечно, что вся эта суета — прямой путь к вырождению.

Кажется, майор дождался нужного звонка.

Он изменился, исчезло напряжение, мысли текут иначе.

Может, он даже догадывается, что совершенным можно стать в любых стенах — внимательно изучая Колесо жизни.

Раз, два, три — вижу три народа.

Раз, два, три — вижу три книги прихода Майтрейи.

Одна — от Благословенного, другая — от Асвогшеи, третья — от Тзон-Ка-Па.

Одна написана на Западе, другая — на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три — вижу три явления. Одно с мечом, другое — с законом, третье — со светом, ярким, но не слепящим.

Раз, два, три — вижу три летящих коня. Один — черный, другой — огненный, третий — снежный.

Раз, два, три — вижу свет.

Луч красный, луч синий, луч — серебряный.

Звонок явно изменил майора, придал ему уверенности.

Так верблюды еще робко, но все увереннее и увереннее вступают на поблескивающие пятна солончаков. Сиреневый туман, соленая густая слюна, ничего ясного впереди, но шаг сделан. Меня ждут в Монголии, думал Одинец-Левкин, не спуская глаз с майора. Меня ждут на Алтае. Люди простые, верят, что я вернусь. Без меня никто не решится пойти даже в соседнюю долину. Я должен вернуться, ведь они не владеют даже тем небольшим знанием, которое придало столько уверенности майору Каганову. Он думает, что я сломлен. Вот обман, который во благо. *Сегодня, милая Альвина.* Майор думает, что цитируемые им стишки на всех действуют одинаково. Но нельзя цитировать стишки и ждать немедленного результата, когда колеи непроезжие, все в тумане, и такая тоска подрагивает в мутных капельках, повисших в складках брезентового плаща. Майор инстинктивно ищет спасения. По своему недомыслию, физического.

Ах, Рио-Рита!

— Могу я задать вопрос?

Майор согласно кивнул.

— Ответьте мне. Я хочу знать. Меня переодели в чужое грязное платье, я понимаю, в республике не хватает одежды. Меня плохо кормят, это тоже понятно. Меня бьет ваш коллега, у него, наверное, плохие нервы. Понимаю, что вы имеете дела не с чистой уголовщиной, ваши интересы лежат в иной сфере, правильно? — Одинец-Левкин быстро заморгал, будто сержант Дронов стал стрелять из нагана над самой его головой. — Но вы казенный человек. И в немалом звании, это так, я не ошибаюсь? А полмесяца назад меня допрашивал человек из Москвы. У того вообще было два ромба в петлицах. Зачем приезжал такой крупный чин? Он сказал, чтобы поговорить со мной. А я не понимаю. Крупные люди всегда должны ценить свое время, ведь оно принадлежит республике. Да знаю, знаю, — быстро отмахнулся профессор. — Знаю, что чем больше наши успехи, тем ожесточеннее сопротивляются враги. Так говорит товарищ Сталин. Но я тоже не лгу. Меня действительно послали искать путь в Шамбалу. Меня послали люди, делавшие революцию. «Мы должны, — сказали они, — распространить свет нового учения на весь мир». Верная мысль, правда? Она не изменилась с той поры. Она осталась в силе. Что с того, что, пока я искал путь в Шамбалу, враги народа попытались изменить курс, вступили на черную тропу предательства? Меня здесь не было! Я вернулся с полдороги только потому, что кончились припасы, а пустыня не кормит. Я уверен, я убежден в том, что дойду до Калапы. Мои спутники устали, путь труден, но он ведет в царство запредельных существ, союз с которыми навсегда положит конец всем нашим страданиям. Иначе не имело смысла посылать нас в Страну счастливых, правда? Почему же вы не спрашиваете меня о том, что мы встретили на пути? Почему вас не интересуют страдания и мысли моих спутников? Почему вы, и даже тот крупный чин, интересуетесь в основном моими родителями и каким-то непонятным гражданином Колушкиным, о котором я знаю меньше, чем вы? Почему вы интересуетесь только тем, что было сказано кем-то о привычках товарища Ежова или о том, что говорил о своих коллегах товарищ Сокольников?

— Это не пустяки, — хмуро ответил майор Каганов. — В эпоху исполинских перемен пустяков не бывает. Вы, Дмитрий Иванович, слишком долго находились в пустыне среди отсталых людей. Вы растеряли правильные ориентиры. За годы, которые вы провели в пустыне, наша великая страна достигла такого уровня развития и благоденствия, в ней так неоспоримо победил социализм, что появление людей из прошлого, а вы ведь явились к нам из прошлого, опасно. У заядлых врагов, у скрытых соцвредов много нехороших чувств к нашей развивающейся стране. Если вы с уважением относитесь хотя бы к

некоторым врагам народа, с интересом прислушиваетесь к их словам, значит, вы неистребимо враждебны к собственному народу. Чувствуя близкую кончину, свирепеют даже самые тихие псы.

И сурово поднял голову.

Встал, расстегнул две пуговички гимнастерки.

Подошел к окну. Задумчиво потрогал задвижку окна.

Засыпая, я вижу вновь, что балконная дверь чуть приоткрыта.

— Ваши ученые коллеги в Третьем рейхе утверждают, что три или четыре тысячи лет назад в районе нынешней пустыни Гоби обитал народ, обладавший очень высокой культурой. Вы тоже так говорите, я не ошибаюсь? — На фоне окна майор походил на вдохновенного заезжего лектора. — Какая-то катастрофа погубила прекрасную страну, обратив цветущие сады в каменистую пустыню. Но часть погибшего народа уцелела. Понимаете, никогда не получается так, чтобы полностью выжечь огнем или смыть водой всю набившуюся в щели плесень. Даже такую, как народ высокой культуры. — Он покачал головой. — Оставшиеся в живых ушли в северную Европу, часть их рассеялась на Кавказе. Арии, так вы их называете. — Майор не смотрел на профессора, он как бы просто рассуждал сам с собой. — А уцелевшие мудрецы укрылись на высокогорье Гималаев. Одни пошли Путем правой руки, другие пошли Путем левой руки. Вам это о многом говорит, правда? Центром тех, кто пошел Путем правой руки, стала загадочная страна Агарти — Обитель созерцания, Храм, удалившийся от мира. А центром тех, кто пошел Путем левой руки, стала Шамбала — Град могущества и власти, повелевающий стихиями и людскими массами.

Ах, Рио-Рита! Как высоко плыла ты над нами через страх и озноб, через восторг побед — Аргентины далекой привет! Как плескалось алое знамя! В нашей юной стране был каждый счастлив вдвойне.

Майор выпрямился.

— Как вы думаете? В Шамбале коммунизм построен полностью?

Профессор Одинец-Левкин промолчал. Он не знал, будут ли его еще бить, но на всякий случай промолчал.

— Как далеко от столицы Шамбалы остановился ваш караван?

— По моим расчетам, примерно двадцать три перехода.

— Я смотрел протоколы допросов. — Майор положил руку на папочку. — Вы много интересного говорили о Шамбале. Вы произносили слова, на которые невозможно не обратить внимания. — В этот момент майор явно думал о суровых воплощенных вождях страны. —

Например, об ужасной лучистой энергии, распространению которой ничто не может воспрепятствовать. Поделятся ли лучистой энергией вожди Шамбалы с мудрыми творцами первой в истории страны, строящей коммунизм? Мы сможем с ними договориться?

Рука майора легла на оконную задвижку.

Вряд ли майор Каганов допускал, что какой-то там профессор Одинец-Левкин, типичный соцвред, человек, нуждающийся в перевоспитании трудом и идейным внушением, встанет когда-нибудь плечом к плечу с суровыми воплощенными вождями партии. Единственное дело, на которое он годен: довести караван до цели. Караван, усиленный кавалерийским эскадроном и несколькими орудиями, вряд ли устрашит смелых защитников Калапы, но оружие в таких случаях всего лишь указатель выбора — им можно не пользоваться. Главное, убежденность.

Майор принял решение.

Он знал, что теперь важно уйти из города.

На Алтае он сразу окажется вне опасности. Но надо сделать так, чтобы туда же попал профессор.

Постоял задумчиво.

Покачался на носках.

Затем спросил быстро:

— Если я помогу вам, доведете караван до цели?

— До цели? То есть до Шамбалы? — растерялся Одинец-Левкин. — Но...

— Что но? Что вам мешает? Стены этого кабинета?

— Нет, — пришел в себя профессор. — Что-то подсказывает мне, что скоро я окажусь далеко от этого кабинета. — Он запнулся. Лицо его побледнело. — Но в Шамбалу приходит не каждый. Нельзя сказать: сегодня я пойду в Шамбалу. Даже не все мои спутники надеются на успех. Достичь Страны счастливых могут только те, кого *позвали*. Те, кто освободился от дурных мыслей и собственности.

— А разве мы чем-то владеем?

Майор произнес это так искренне, что Одинец-Левкин невольно улыбнулся:

— Но слушайте! Прийти в Шамбалу нельзя только потому, что *вы* этого захотели. Вас должны *позвать*. Понимаете? Вы должны расслышать *зов*.

— А вы... расслышали?

Профессор снова улыбнулся:

— Я иду только потому, что верю.

— Но вы знаете дорогу? — насторожился майор.

— Знаю. Это не секрет. Правильную дорогу знают многие. Через Кяхту, Ургу, Юм-Бейсэ, через Анси, Цайдам и Нагчу в направлении

Лхасы. Многие ходили этим путем. А можно через Кяхту, Ургу, Алашань и Синин на озеро Кукунор и Тибетское нагорье, а там уже на Лхасу. Только я не убежден, что Далай-лама согласится поставить в Лхасе радиостанцию.

— Не отказался же от нее Аманулла!

Профессор промолчал. Майор выпрямился:

— Мы отправили афганскому эмиру радиостанцию, и он принял подарок с благодарностью. Он понял, как важно вести разговор с будущим. Для него *мы* — свет будущего. Нет плохих вестей из Сиккима, вы постоянно это повторяете. Но в союзе с могущественными архатами мы построим истинный коммунизм. Ведь мы почти ликвидировали имущественные классы. Осталось совсем немного. Лет через пять мы поставим к стенке последнего хозяйчика. Ну? Что с вами? Почему вы молчите?

— Один человек почти двадцать лет искал Будду Майтрейю, — покачал головой Одинец-Левкин. — Нигде не нашел, разгневался и отказался от поиска. Идя по городу, увидел несчастного, который конским волосом пилил железный столб. «Вот если жизни моей не хватит, все равно перепилю!» Смутился ищущий: «Что значат какие-то двадцать лет перед таким невиданным упорством? Лучше я снова вернусь к исканиям». И тогда явился к ищущему сам Будда Майтрейя. «Давно я с тобой, — сказал, — только ты не замечаешь меня, отталкиваешь меня, плюешься». — «Такого не может быть!» — «А вот сделаем испытание. Ты пойди на базар, а я все время буду сидеть на плече твоем». Пошел человек на базар, зная, что несет на плече бога, но шарахались в ужасе от него люди, бежали в стороны, носы заткнув. «Почему бежите вы от меня, люди?» — «А ты разве не видишь, что у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака». Не увидели люди Будду Майтрейю. Каждый увидел только то, чего был достоин. Понимаете? — негромко спросил Одинец-Левкин. — Надо правильно осознать поиск, иначе вместо бога всегда будешь видеть смердящую собаку.

Засыпая, я вижу вновь, что балконная дверь чуть приоткрыта,
и кисейную тюль
в окно, где пыльный июль,
выдувает капризный сквозняк.

Майор кивнул.

Он забрал со стола папку и вышел.

Профессору Одинцу-Левкину он ничего не сказал, но дежурному за дверями бросил: «В течение двадцати минут никого не допускать в кабинет».

Подождав, профессор поднялся.

Он знал, что дежурный за дверью прислушивается, но не мог больше ни минуты усидеть на привинченном к полу табурете. Где Ли́са? Как выйти из этого кабинета? Почему майор оставил меня? Если я не вернусь на Восток, Шамбала вновь растает в смерчах, в песках, развеянных солеными ветрами.

Я должен вернуться.

Среди пустыни — скалы.

Узкие проходы верблюды обходят стороной.

Но люди обязательно стремятся пройти сквозь расщелины.

Прошел — хорошая карма. Не прошел — плохая. Можно раздеться и пробовать снова и снова. Ничего, что карлик плачет, жалуется на болезнь. Воплощенные вожди Шамбалы легче поймут оборванных страдальцев, чем лихой кавалерийский эскадрон с шашками наголо.

Поддерживая спадающие брюки, Одинец-Левкин подошел к окну.

В таких штанах, в такой чудовищной гимнастерке я буду выглядеть нелепо.

Да и не попаду я на улицу. Стекло не разбить, защелки намертво укреплены. Даже Ли́са, увидев меня, вскрикнет. Ужасные опорки, тряпье, хуже, чем у бродяги. И все-таки я должен вернуться. Караван ждет. Интеллектуальные существа запредельного мира выбрали мое истощенное тело.

Ах, Рио-Рита!

Он неловко потянул задвижку.

Такие рамы не оставляют не прихваченными намертво, но защелка отошла.

Теперь раму легко открыть. Профессор задохнулся. Это зов Шамбалы. Меня *позвали*! Сладкие запахи влажной теплой травы ворвались в кабинет. Смутные огни в колеблющихся просветах, ночь теплая, душистая.

Он испуганно обернулся.

Музыку с улицы могли услышать.

Впрочем, нет, никто не услышит, ведь его *позвали*.

Профессор Одинец-Левкин бесшумно скинул с ног покоробленные опорки, в них все равно не уйти, пошевелил босыми грязными пальцами и, не теряя ни секунды, перевалился в окно.

В нашей юной стране был каждый счастлив вдвойне.

Его никто не заметил.

Снаружи не было никаких специальных постов.

Две неясных томных фигурки обжимались за кустами сирени.

«Ой!» — испуганно пискнула девушка. «Отвали, придурок!» — угрожающе обернулся парень.

Профессор, счастливо фыркая, отвалил.

Окно за ним осталось раскрытым. Шамбала *позвала*.

Он торопился. Минуть через пять, а может, и раньше, в раскрытое окно выпрыгнет майор Каганов, а за ним сотрудники. Парк сразу заполнится злыми голосами. По всем уголкам парка, рассыпаясь по дорожкам, кинутся чекисты по городу.

Одинец-Левкин не строил иллюзий.

Уйти от погони невозможно. Скорее всего, он не уйдет.

Но почему, почему, ну, правда, почему, с отчаянием думал он, поддергивая чужие, сползающие с него штаны, воплощенным вождям Шамбалы не поделиться ужасной лучистой энергией с творцами мирового коммунизма?

Ах, Рио-Рита!

Через час...

Или через два...

Все равно меня схватят...

Если, конечно, вдруг пришло ему в голову. Если, конечно...

Нет, он не мог в это поверить! Это переворачивало его представления о людях.

Но мысль не уходила из головы. Да, схватят его, конечно, схватят. Если только побег не подстроен майором Кагановым...

Шепот кармы

1

Я вспомнил!

Я увидел выдранные странички и вспомнил!

Тихая, отдохнувшая за годы память наполнилась шумами, звуками, музыкой, голосами, гудками автомашин. Пять лет назад! Тот самый день! Последний день той, прежней, до самолета, жизни! С Колей и Ларионычем мы вылезли из полуподвального кафе на уютной улочке Рубинштейна. Дыхание сбивалось. Рукопись надежно лежала в

кейсе, рабочую тетрадь я заткнул в карман куртки. Сейчас я вспомнил все необыкновенно отчетливо: непоздний вечер, свет фигурных фонарей, на темных фасадах вспыхивающие там и там окна, дивный отблеск на кривом стекле пробежавшего мимо «мерса».

«Вам бы пошли священные бусы дзи».

«Те, что выкатываются из земли при обработке полей?»

«Ну да. Их считают пометом небесной птицы. Но на самом деле это шарики отвердевшей молнии».

Мы только что это обсуждали. Нам не хватило четырех часов, проведенных в кафе, к тому же Коле мои наброски не понравились.

«Отпусти профессора, — густо дышал он водочными парами. — Отпусти старика, пусть топает в Страну счастливых. Стряхни с него энкэвэдэшников, как клещей, его же *позвали*».

«А майор?»

«Плюнь на майора!»

«Легко плевать на мертвых львов».

«Не на мертвых, а на дохлых, — с наслаждением вмешался Ларионыч. — И не на львов, а на шакалов».

«*Хулээй.* Подождем».

Несуразность спора (да и не спор это был, конечно) понимала даже черная горбатая ворона, расположившаяся на каменном парапете. Одновременно она как-то странно походила и на старуху, и на птеродактиля. Пораженный Коля сказал: «Зачем, к черту, писать большой роман, вводить в него целую кучу героев, а потом превращать всех в лагерную пыль?»

«Разве так не бывает?»

«Тебя не это должно интересовать».

«Ну, ну. А что меня должно интересовать?»

«Исключительно старый мудак должен тебя интересовать».

«И я о том же! — густо дышал Ларионыч. — Профессора же *позвали*».

К главам романа, уже напечатанным в журнале, Коля и Ларионыч отнеслись снисходительно, даже с одобрением, даже с настоящим одобрением, но наброски последней главы их категорически не устроили. «Долой открытые финалы! Открытый финал — прибежище труса!»

«Ладно, — отбивался я. — Прилечу домой, подумаю».

«У тебя времени мало. Через неделю текст должен быть в редакции».

«Мне хватит. Целая неделя впереди!»

«Не целая, а всего одна».

Эта чертова тетрадь.

Я молча перелистывал выдранные странички.

Линия отрыва точно соответствовала линии отрыва переданных костенуркой страничек.

Майор *Каганов перевел взгляд на оживший телефон.*
Дело партии *не бить, а спокойно готовить людей к новой счастливой жизни.*
Многие этого не понимают. *Многие не умеют жить счастливо. Они всячески* **мешают другим**. *Таких надо перековывать, думал майор Каганов, глядя на оживший* **телефон**. *Каждая пчела должна приносить мед. Дети должны ходить строем и читать* **Пушкина**. *Никакого мата, только добрые слова, а если мы поставим радиостанцию в* **Калапе**, *известия о том, как мы ярко, весело и хорошо живем, достигнут абсолютно* **всех стран мира.** *Даже профессор Одинец-Левкин бросит эту свою секцию* **астрономических мироедов**... *черт, мироведов... и начнет разъяснять детям* **пролетариата** *неведомые, но полезные тайны. Профессор напрасно думает, что в* **органах работают** *только такие сотрудники, как сержант Дронов. Это не так. В* **органах много** *грамотных людей, иначе профессор Одинец-Левкин не получал бы в камеру* **книг**, *которые с головой выдают ход его неправильных мыслей. «Красная Каббала» Л.* **Филиппова**, *«Астральная основа христианского эзотеризма первых веков» Д. Святского,* **«Зеленый луч в древнем Египте»** *А. Чикина, «Астрономия и мифология» Н. Морозова. С* **мерами пресечения** *в данном случае, к счастью, не запоздали. Сигналы о неправильных* **настроениях** *в кружке мироедов... черт, мироведов... поступали давно. Лиса не* **принимала** *участия в спорах, которые велись в доме профессора, но она его дочь. Она не* **раз жаловалась на странности** *отца. Любила его, но жаловалась. Дмитрий Иванович* **Одинец-Левкин** *считал себя, кажется, чуть ли не Бодхисатвой. Вот дошли до чего!* **Обыкновенный пожилой** *совред начинает выдавать себя за некое идеальное существо,* **выступает в роли наставника** *и образца для других людей, готов вести их по* **сложнейшему пути** *нравственного совершенствования...*
Майор *поднял трубку.*
В папке перед ним лежали *показания бывшей жены профессора Одинца-Левкина.*
В той же *папке лежали показания людей, о которых профессор даже не думал,* **имена которых** *даже в голову ему не приходили. Там лежали даже выписки из разговоров* **с родной дочерью**. *Представляю, как старик был бы потрясен, узнав, что Лиса живет со* **мной**, *и впредь собирается делить со мной ложе. И Лиса, конечно, была бы потрясена,* **узнав, что я каждый** *день работаю с ее отцом...*

Я потрясенно смотрел на Конкордию Аристарховну.

Несомненно, такой женщине можно довериться. Она не собиралась отменять свой вечерний чай, как я было подумал, но и не собиралась меня приглашать.

Я — Кора.

Она понимала мое потрясение.

При этом никакого удивления, она все знала заранее.

И три сплющенных пули демонстративно уютно касались ее груди.

Кора? Наверное, я так и сойду с ума среди разных миров, умудряясь каждый раз промахиваться мимо единственно нужного.

Как это *она — Кора*? А та мрачная девушка, вызвавшая меня из «Кобры» и водившая по ночному городу? Неужели время никогда не прерывается, неужели мы вечно скользим по нему, не имея возможности ни остановиться, ни вернуться назад?

Я вспомнил, *кто* я.

Вспомнил, *чем* занимался.

Вспомнил, *куда и зачем* летел и почему меня провожали Коля и Ларионыч.

Впрочем, Конкордия Аристарховна по-прежнему смотрела на меня с горечью. Если она правда была Корой... а почему нет?.. что могло этому помешать?.. теперь, когда все объяснилось... Острое презрение Коры выродилось в горечь Конкордии Аристарховны... Но она по-прежнему хотела знать, чем закончится мой недописанный роман.

«Кому сейчас это интересно?»

Костенурка (мысленно, как я) ответила:

«А вы не задумывайтесь. Вы просто допишите».

И добавила странно: «*Вы отпустите их? Они уйдут?*»

Так спрашивала Кора, глядя на облако плотвы, дымящейся в смутных глубинах кафе: «*Вы их отпустите?*» А мясной праздник содрогался на крошечной эстраде. *Ночи, ночи, темны ночи, не боюсь ночей я темных!*

Теперь я знал, что *никогда* не увижу Кору.

Бог правды Шамаш в древней Ассирии носил галифе и обмотки. У нас боги одевались так же. Каждый говорил свою правду, и Конкордия Аристарховна прекрасно знала цену правды каждого, потому и смотрела на меня с такой горечью. *Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом.*

Я знал, о чем Конкордия Аристаховна хочет спросить.

Мое внутреннее состояние интересовало ее меньше всего. Она вернула мне память — сразу, всю. Этого достаточно. Хватит с меня. Больше она не собиралась торговаться. Да и Кора говорила о торге только потому, что отчаянно боялась будущего. *Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом.* То, что это и *мой* город, Кора принимать во внимание не хотела.

Жили у старой женщины две рыбы фугу.
Одна белая, другая серая —
две веселых рыбы.

Расслаивающееся время.

Крутящееся, засасывающее пространство.

Где нам искать профессора Одинца-Левкина?

Вот все и встало на свои места, подумал я. Вопрос повторен.

Но Конкордия Аристарховна укоризненно покачивала красивой головой. Она мне не верила. Не в том смысле, что я ее обману, нет. Она не верила, что я действительно могу что-то сделать. Даже сейчас. У меня голова разламывалась от этого. Кора и костенурка... Кора и Конкордия Аристарховна... Кора и доисторическая леди... *Lucy in the sky with diamonds* и *Рио-Рита*...

Где нам искать профессора Одинца-Левкина?

Я никак не мог отвязаться от видений ночного города.

Свет в окне третьего этажа. «У меня был брат». *Аргентины далекой привет.*

Куда можно уйти, выбравшись из окна следственного кабинета? Ну да, на Алтай, в Ойротию. Это известно. Если, конечно, выберешься из города. Если сядешь в поезд. Если тебя не остановят на первом же углу. Майор, профессор, Ли́са, кочегар с дипломом Сорбонны, и десятки, сотни других людей — всех их вызвал к жизни я. И отцом, и матерью всех их был я. Ну да, Алтай до войны называли Ойротией. Выбравшись из окна, профессор Одинец-Левкин мог миновать парк. Опорки он скинул, а штаны... Да ладно... В темноте вряд ли кто обратил внимание на его странный прикид. Профессор Одинец-Левкин не пошел домой, это я *знал* (теперь знал); он не пошел к любимым ученикам — уроки майора Каганова пошли ему на пользу. *Нет плохих вестей из Сиккима.*

А Ли́са?

А сержант Дронов?

А те, пляшущие в кофейне?

Каждый требовал участия. Все взывали к Создателю.

Но я думал о Коре. Я думал только о ней. Плевать на миры. Не так часто пишешь героиню, в которой совпадают все женщины, которых ты знал. Я смотрел на Конкордию Аристарховну, полный самых смутных сомнений, а одновременно (в моей памяти, конечно) Ларионыч (там, в Питере, пять лет назад), как трансформатор под напряжением, гудел о судьбе как о некоем латентном свойстве природы, а Коля мрачно уверял, что вообще-то судьба — большая глупость.

Конкордия Аристарховна смотрела на меня с горечью.

Она тоже *видела* тот непоздний питерский вечер — пять лет назад.

Все еще споря, мы (Коля, Ларионыч и я) брели к Летнему саду, в котором раньше, много раньше, может, лет пятнадцать, а то и двадцать назад, на деревянной скамье, выкрашенной в зеленое, перед

молчаливым и добродушным дедушкой Крыловым и его многочисленной животной свитой я целовался с девушкой, которая тоже была Корой.

Они все были Корой.

Кого бы я ни встречал, все были Корой.

Даже строгий капитан милиции Женя Кутасова.

Таким девушкам идет все. Доисторическая юбка из сатина и полувоенная форма, туфельки от Версачи и самодельные веревочные сандалии, золотое кольцо с бриллиантом и серебряное ожерелье с подвеской из сплющенных пуль. Они всегда молоды. Они всегда прекрасны. *Мое место всегда лучшее!* Но в итоге ты все равно однажды оказываешься перед Конкордией Аристарховной! Господь тоже, наверное, немало дивится, когда волей Его созданное чудесное, извивающееся, поблескивающее влажной кожей земноводное проходит цепь многих превращений и преобразуется за столиком кафе в образ прекрасной ископаемой костенурки.

— Сколько вам сейчас?

Конкордия Аристарховна улыбнулась.

Я суеверно постучал пальцем о край стола, хотя какой смысл стучать: черепаха, она всегда дома.

— Восемьдесят семь. — Она опять улыбнулась: — Если и не совсем так, то не намного.

3

До Летнего сада мы не дошли.

Коля затащил нас в подвальчик.

«Политбюро», может, «Трибунал», не помню.

В яркой вспышке озарения некоторые факты прошлого как бы подтаяли.

Ларионычу в «Трибунале» ужасно понравились полки с книгами и портретами бывших советских вождей. Там все были выставлены, как на иконостасе. Даже те, которые были убиты пулями, пошедшими на подвеску Конкордии Аристарховны. Ларионыч незамедлительно потребовал у официанта книгу, в которой Лев Давидович Троцкий безапелляционно утверждал, что искусство пейзажа не могло возникнуть в тюремной камере. Ларионыч был уверен, что это чушь. Он готов был оспорить Троцкого. Плесень на стенах камеры интереснее любого пейзажа. Если начистоту, громко заявил Ларионыч, то самые прекрасные полотна мира — это камерная плесень.

Официант понял Ларионыча правильно. «Значит, водочки, — записал он. — Что еще?»

Мы отмахнулись. Ларионыч говорил беспрерывно. Все сказанное им было одним бесконечным предложением, в котором уместилось всё: питерская погода, мой недописанный роман, любовь к самолетам, неожиданная жалоба на то, что вот он, Ларионыч, в раннем детстве много раз перечитывал непонятный роман «Что делать?», а «Путешествия Гулливера» попались ему только в школе. Правда, попадись ему «Путешествия» раньше, говорил и говорил Ларионыч, он, наверное, неправильно бы их понял. В самом деле, какой смысл читать о придуманных чудесах, когда летающие острова парят над нашими головами, а казенные заведения заполонены замшелыми струльдбругами? «Заканчивай роман, и сразу мотай обратно в Питер!» — время от времени повторял Коля. А Ларионыч его поддерживал: «Пора выпить!»

Мы расставались всего на неделю.

Что нам какая-то неделя? Мы бессмертны.

Отпущенное нам время бесконечно. Оно вмещает в себя абсолютно все: римских рабов и мрачные египетские пирамиды. Первая мировая тоже входит в наше общее время. И пунические войны, и далекие военные походы древних персов и греков, и плавания доисторических мореходов на край ойкумены. Вся история человечества вплавлена в наше общее время, мы, как муравьи в янтаре, входим в один объем — галактики, звезды, запредельные миры, чудесная расширяющаяся Вселенная, пронизанная трассами необыкновенных ченнелинговых сообщений. Мы бессмертны, мы молоды, ничто для нас не может оборваться. *Нет плохих вестей из Сиккима!*

4

На канале Грибоедова ангел-хранитель Ларионыча, пьяно и нагло расположившийся на его левом плече, сделал строгое замечание пожилому менту за расслабленную походку и похотливый рот, отчего тот нервно начал на нас оглядываться. Но я отшил мента вопросом: «*Чиный нэр хэн бэ?*» Он отпал, приняв нас за распоясавшихся иностранцев.

«*Ус уух*. Выпить бы».

Ларионыч продолжал говорить.

К моменту окончательного прощания у Коли выработалась стойкая аллергия на водку. Пришлось заказать по рюмочке коньяка в каком-то баре на Невском. Рюмочки выбирал мрачный Коля. «Это чаши для крюшона», — деликатно подсказал бармен, пораженный его мрачностью. Коля не ответил. За окном начал сеять дождь, понесло нежным туманом, растравой сердечной. Мы плыли сквозь плотную

влажную мглу, как меланхоличные прямоходящие рыбы. Потом Ларионыч поймал такси.

— В Пулково!

5

В полупустом самолете я устроился в кресле рядом с молоденькой монголкой.

Она удивленно взглянула на меня. Широкий лоб, широкие скулы, чудесные монгольские складочки в уголках глаз.

«*Сайн байна.* Здравствуйте».

Может, она была бурятка, не знаю.

«Чиный нэр хэн бэ?» Она только улыбнулась.

Наверное, привыкла к вербальным домогательствам.

Но, в конце концов, мой билет вполне мог соответствовать месту, которое я так нагло занял. Почему нет? Волосы у монголки были на удивление темные, не хочется сравнивать с пером одной известной птицы. Из-под густой челки, падавшей на глаза, посверкивали удивленные черные глаза. Профессор Одинец-Левкин не зря отзывался о монголах одобрительно. Якобы портянки и носки они на ночь развешивают перед входом в юрту — отпугивать злых духов. Но профессор Одинец-Левкин был особенный человек: он даже о сержанте Дронове, бившем его папками по ушам, отзывался одобрительно. Он в запертом боксе явственно слышал голоса, полет невидимых птиц. Там были ему видения. Смутные отражения в гигантской голубой глубине небе, нежная тень птицы, падающая в черную всасывающую воронку. Такой человек мог добраться до Шамбалы. Надо только немного продуктов. Без этого любой караван рассеется по пустыне. Верблюды и лошади — не дураки. Не поев, не пойдут даже в сторону приятных звуков.

«*Хана зам?* Где дорога?»

«*Навш митын*! Хрен его знает».

А Кора? Могла Кора уйти с майором?

Нет, известно, брат отправил сестру в Закарпатье.

С собой майор взял бы, скорее, Ли́су. «*Онцын юм гуй.* Ничего особенного».

Я улыбнулся монголке: «*Сочог?*»

Она опять не ответила.

Я потянул носом. Незаметно.

Не знаю, чем там монголы отпугивают злых духов, но от моей соседки отчетливо попахивало. Не *Шанель*, нет. И не *Живанши*. И не *Порто-левкои*. Что-то гораздо более выразительное, более агрессив-

ное. Чудесная лаковая кожа, дивился я, чудесный звериный взгляд, а запах — как от переигравшей медведицы.

Счастливчик.

Настоящий счастливчик.

Конкордия Аристарховна тут же ответила мне: *никого нельзя назвать счастливчиком, пока он жив.*

Лиственница напротив «Иероглифа». Кривой ствол, черные шишечки. Ойротские шаманы утверждали, что Время — это сознание человека. А мне почему-то кажется, что время — это нежная, засасывающая сумеречность, густо и опасно таящаяся в траурных лиственничных ветках.

Кстати, так думала и Конкордия Аристарховна.

Восемьдесят семь лет бесконечной жизни... а она все еще боялась расслаивающегося времени и черной, раскручивающейся воронки, в которую все-таки угодила.

6

«Вы недооцениваете себя».

«А чего я, собственно, достиг?»

«Вы построили новый мир. Вселенная стала шире».

«Ну и что с того? Догадываюсь, что таких миров миллионы. Лучше скажите. В том городке... Те двое, что сидели на лавочке и обсуждали выборы в Академию... Они поднялись в квартиру вашего брата?»

«Конечно».

«Но опоздали?»

«Это знаете *только вы*».

Наконец Конкордия Аристарховна заговорила.

Для посетителей кафе мы по-прежнему оставались достаточно молчаливой парой, никто не видел, как мы внутренне напряжены, но для меня Конкордия Аристарховна превратилась в мое собственное продолжение, она думала моими мыслями.

Ну да, я не дописал роман. «Это плохо».

Закоулки нашего общего подсознания были открыты.

Костенурка насквозь видела меня, а я чувствовал и вновь и вновь переживал ужас ее раскручивающейся жизни. Черный мундир полковника СС. Инструменты, похожие на зубоврачебные. Их было много в кабинете полковника. Оказывается, любовь с первого взгляда вполне можно имитировать, если боишься. Если смертельно боишься. К тому же обжигающий коньяк. К тому же мысль о невозможности спасения. *Ведь каждый в грехе, совершенном двумя, отвечает сам за себя.*

«Вы цитируете не мой роман».

«Конечно, — усмехнулась костенурка. Безжалостно, как умела Кора. — Но это же вы сами вытолкнули, выпихнули меня из ваших романных построений. Любовь! Ах, любовь! Вы всегда обожали слухи. Слухи, они — как сама жизнь, только живее, правда? А я в свой медовый месяц мечтала о смерти полковника. Я мечтала об этом. Это был единственный выход — умереть ему. Я ведь умирать не хотела. Мне не перед кем просить прощения. Не у вас же, за то, что я выскользнула из вашего воображения, правда? Я выскользнула, я уже не была героиней вашего романа, в отличие от моего бедного брата. Зато я оказалась в другом мире. Одна. Чужая речь, в которую ныряешь, как в мутную воду. Я видела военных преступников, которые в семейном кругу мило улыбались и напевали сентиментальные песенки. Видела дуче. О нем писали, что он был красив. Не знаю, у него были липкие пальцы. У моего итальянского мужа тоже. В романах Моравиа и Гарнета дуче выглядел как-то совсем иначе. А что касается любви с первого взгляда, то, уверяю вас, имитировать ее совсем нетрудно. Я проделывала это много раз. Вы не дописали роман, не достроили начатый мир, вот меня и выбросило во Львов, в руки полковника СС, а потом советника дуче. Думаете, я мечтала об этом? Мне, может, благодарить вас за такую судьбу? Или извиниться за неправильное поведение? Попасть в Германию или Италию начала сороковых — это хуже, чем оказаться на берегу Маклая. Дикарей-людоедов можно обмануть, чиновников не обманешь. Мой муж был чиновником. Уезжая, он просил друзей, таких же лукавых веселых чиновников, беречь меня, не спускать с меня глаз. Я ведь *русская*. Они насиловали меня на дружеских вечеринках, и я молчала. Мне некуда было бежать. Я оказалась одна на берегу Маклая в самые темные первобытные времена. Моих мужей убивали, как мокриц. Только за океаном страх несколько притупился. Понимаете? Не отступил, а притупился. Мне все время снилась черная всасывающая воронка, *расслаивающееся время*, я просыпалась от собственного крика. Правда, нью-йоркский дизайнер оказался честным и добрым человеком, я часто изменяла ему. Не ждите оправданий».

Она смотрела на меня.

Ей больше нечего было сказать.

Я отчетливо *видел*: мы вошли в переулок, я и Кора.

Помаргивали неяркие огни, выступали из мрака углы домов.

Как теперь узнать это жалкое каменное и деревянное уродство? «Портной Михельсон, он же и мадам». Никогда не видел таких нелепых вывесок. «Вяжу детские вещи из шерсти родителей». А рядом на бамбуковых жалюзи: «Гражданам с узким горлышком керосин не отпускается». Кора любила это. Я чувствовал. «Я ваше сердечко украду

и положу под подушку, чтобы слушать». Кора ненавидела все это. Это я тоже чувствовал. Колонны рабочего клуба, нищий с шапкой у подогнутых ног, кочегар, окончивший Сорбонну. *Ах, Рио-Рита!* Куда бежать, если ты выброшена из романа, в который, как в тюрьму, заключены твои близкие?

«Но теперь вы допишите книгу!»

Она требовала. Я невольно покачал головой.

«Конкордия Аристарховна, вы — живой, вы думающий человек! Зачем вам теперь этот текст? Да, вам жилось трудно, но вы прожили *свою* жизнь. Разве плохо то, что вам удалось выпрыгнуть из романа?»

«Сержант Дронов тоже выпрыгнул, — она смотрела на меня, не мигая. Злыми выцветшими глазами. — Он выпрыгнул прямо в лагерь. Даже став швейцаром в ночном клубе, он инстинктивно крестится, завидев вас».

«Вы не сержант».

«Никакие варианты не являются лучшими».

«Кора поэтому смотрела на меня, как на ничтожество?»

«Возможно. Преимущество возраста. Не переживайте. Я чувствовала, как вы тянетесь ко мне. Ко мне — к *той*, с которой вы уже действительно никогда не встретитесь. — Она усмехнулась. — Демиурги заслуживают ненависти».

«За что можно не любить демиургов?»

«За слабость. За неумение завершить начатое. Нет мастеров, которые бы оставили после себя завершенный мир. Сама природа этого не позволяет, понимаете? Все начинают как боги, а заканчивают как люди».

«Вот видите».

«Это не относится к вам».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Только то, что есть мастера, и есть ремесленники. Вы — мастер, а ваш Паша — ремесленник. В Пашиных построениях опасно появляться. В них смута, дрязги, сплетни, лужи, нелепые фигуры, пустая болтовня, тьма, разор. *«Тойота» стоит на горе. Нету колес у «тойоты». Их унесла молодежь.* Вечный праздник в «Кобре» — предел Пашиных мечтаний. Но даже этот нелепый праздник он не умеет передать правильно, потому и ищет альтернативу. Врать легче. А ваш мир...»

«Чем он лучше? В нем почти все погибнут».

«Погибнут все, — негромко произнесла костенурка. — Я за жестокое отношение к героям, так справедливее. Но именно вы, только вы можете достроить мир, который запомнится читателям не хуже, чем остров Робинзона Крузо или донские степи времен Гражданской войны».

Она отодвинула принесенный кофе.

И вот таким я возвратился в мир,
Который так причудливо раскрашен.

Это не я, это она вспомнила оранжевую книжку.

Гляжу на вас, на тонких женщин ваших,
На гениев в трактире, на трактир,
На молчаливое седое зло,
На мелкое добро грошовой сути,
На то, как пьют, как заседают, крутят,
и думаю: как мне не повезло!

7

В самолете (пять лет назад) меня окружало облако запахов.

В кафе «Иероглиф» нежно пахло молотым кофе, позвякивали столовые приборы, приглушенно звучала музыка. Зачем дописывать роман, печатание которого оборвалось пять лет назад? Уже на самом авторе собственной кожи не осталось. Кто станет болеть за какого-то профессора Одинца-Левкина, кто углубится в переживания какого-то безвестного майора госбезопасности? Таких, как они, были сотни тысяч, может, миллионы. И все они умерли, умерли, умерли. Их было так много, что даже лиц их теперь не различить, сплошная муравьиная толчея. Легче забыть, оттолкнуться, построить новый сюжет, придать ему иной ход, иную скорость. Писатели врут, природа не врет. Писатели обыгрывают бесконечные варианты, у природы вариантов нет. Писатели вольны как угодно менять финалы, природа любой сюжет обрывает внезапно.

Профессор Одинец-Левкин достигнет Шамбалы?

Странно, пять лет назад я о такой возможности не думал.

Но Конкордия Аристарховна права. Природа не знает вариантов, правда, она и справедливости не знает. Может, скорректировать детали? Течение истории от этого не изменится, зато множество самых разных людей увидят мир иным. Скажем, майор госбезопасности Каганов встретится на Алтае с профессором Одинцом-Левкиным. Чем не вариант? Пройдет даже сегодня, когда не терпят ничего, что могло бы обеспокоить душу. Если майор и держал в голове лукавые казенные умыслы, если он и хотел присоединить Шамбалу к суровому рабоче-крестьянскому государству, пусть сделает это. Пусть приведет в Страну счастливых усталый конный отряд сабель в семьдесят, с пулеметами, с заклиненным полевым орудием. Вдруг это та самая *весть*, которую ждали веками, которая самых тупых заставит высунуть не-

чесаные головы из грязных нор? Если мы действительно несем некое сообщение, пусть оно наконец достигнет цели. Может, потому и не доходят до человечества важные вести из запредельных миров, что мы попросту не успеваем доснять кино, дописать роман, осмыслить живую историю в ее едином движении, отдаем все это на откуп безмерным мириадам халтурщиков, тупых муравьев, умеющих только растаскивать. Пусть усталый караван на заре увидит чудесные оранжевые башни Шамбалы. Пусть карлик счастливо заплачет, потирая ноющий затылок, так долго обращенный к северу, что оброс мхом. Жалобы не важны, если ты достиг цели. Пусть монголы и красноармейцы в восторге вскинут руки, а привратник Шамбалы уважительно покачает головой: «*Би тантэй уулзсандаа их баяртэй байна*». А профессор Одинец-Левкин сипло ответит: «*Сайн явж ирэв*». А привратник опять покивает понимающе: «*Сонин юу байна? Что особенного?*» А профессор Одинец-Левкин, откашлявшись под острым взглядом майора Каганова, опять сипло ответит: «*Онцын юм гуй. Ничего особенного*». Вдруг правда они донесут ту весть, которую ждали веками? Вдруг такой финал перекипятит варево мировой истории?

«Но откуда вы это знаете?»

«*Я знаю все, что знаете вы*».

Я покачал головой. «Не понимаю».

Конкордия Аристарховна с сожалением заметила:

«Все же вы недалекий человек. Вы бы никогда не сумели понравиться Коре».

Я хотел обидеться, но звякнул мобильник. «*Тебе уже надоело, что тебя разводят?* — прочел я эсэмэску. — *Ты считаешь, тебя за лоха держут? Отправь 100 СМС с текстом «Я НЕ ЛОХ» на номер 5454 — и ты докажешь, что ты не лох*».

«Отключите свою машинку».

Я кивнул. Я чувствовал ужасную усталость.

«Конечно, у вас бывают прозрения, — примирительно сказала костенурка, — но все же вы недалекий человек. Можете обижаться, пожалуйста, это ничего не изменит. Вы умеете строить, отдаю вам должное, но стропила не возведены. Вы никак не поймете, — костенурка не читала мои мысли, нет, она думала, как я. — Вы никак не поймете, что сама по себе история не существует. Ее *придумывают*. Когда-то ее придумывали племена каменного века, потом египтяне, хетты, ассирийцы, сарматы, гунны, славяне, сами можете продолжить список. История существует в том виде, как она изложена в учебниках. Кажется, я уже говорила это. Или вам кто-то говорил, не помню. В польских, американских, эстонских учебниках. В том виде, как высечена на глиняных табличках, расписана в летописях. Она всегда *своя* для той или иной страны. Более того, в каждой отдельно взятой

стране, — она усмехнулась, — история отличается от самой себя, иногда весьма кардинально, потому что в одном веке у людей одни ценности и стремления, а в другом — совсем иные. Да что это я, право, поучаю вас? Это же *вы* меня создали, а не наоборот. Мои знания — это *ваши* знания. И наоборот. Историю нельзя ни дописать, ни придумать, но она дописывается и придумывается постоянно — все новыми и новыми миллионами, миллиардами людей. Те нейроны мозга, назначение которых ставит в тупик ученых, может, как раз для того и даны, чтобы поддерживать бесконечное количество виртуальных вариантов мировой истории. Вы спросите: а для чего нам нужно их так много? Не спрашивайте. Не знаю. Это вопрос к доктору Григорию Лейбовичу. Я не отвечу даже на арамейском».

«Но роман — это всего лишь роман».

«Не забывайте, его прочтут многие. Он не закончен, но он уже существует. В тысячах умов. А история — это коллективное сознание, сколько можно повторять это. По-настоящему существует и развивается только то, что существует и развивается в коллективном сознании. Ваш роман уже прочли многие. Вопросы к вам копятся. Уйдет ли майор из города? Спасется ли профессор Одинец-Левкин? Доберется ли он до Шамбалы? Вдруг воплощенные вожди Страны счастливых действительно захотят поделиться известной им лучевой энергией с воплощенными вождями партии? Неважно, как вы ответите. Главное — ответить. Дописывайте свой мир, он войдет в учебники какого-то другого времени, как в нынешние учебники вошли нелепые прошлые летописи, книги, партийные документы, дознания секретных служб. Профессор Одинец-Левкин, майор Каганов, сержант Дронов, Лиса, ночной городок с рабочим клубом, парками, тайной тюрьмой — благодаря вам это уже вошло в сознание многих. Поставьте последнюю точку, соберитесь с силами, иначе все рассеется, как морок. Мы окружены бесчисленными мирами. Они возникают и возникают. Их мириады, этих миров, — досказанных и недосказанных. Но почти не за что зацепиться. Можно смеяться над доктором Григорием Лейбовичем, но, может, ченнилинговые каналы как раз и являются загадочными переходами из виртуальных миров в миры реальные и обратно. Сложные, долгие ходы между множественными мирами. Разве не обидно? Вы строите, а ублюдки и халтурщики нарушают гармонию, заводят нас в лабиринт. Допишите роман. Допишите ради... — Она улыбнулась. — Ради Коры... — Глаза ее засмеялись. Наверное, она хотела сказать: *ради меня*. — Пусть хотя бы в вашем мире герои найдут то, что искали. Пусть мой брат доберется до Ойротии, не препятствуйте ему. Пусть Лиса останется при нем. Пусть профессор Одинец-Левкин увидит Шамбалу. Осмысление, как звездный свет, омоет созданное вами».

«А если я не смогу? Если я разучился?»

«Тогда грош вам цена. — Костенурка хищно оскалила белые великолепные зубы. — Тогда вас забудут. Вас будто не было, понимаете? Давайте, давайте! Придумывайте свои никчемные игры, оставайтесь главным свойством пустоты! В конце концов, мир и без ваших компьютерных игр забит уродливыми вариантами жизни. Они в каждом кинотеатре, в каждом книжном магазине. Вы ничего особенно не испортите. Даже музыка врет, а раньше этого не умели. — Она кивнула презрительно. — Я сделала все, чтобы подтолкнуть вас. И Кора пыталась. Правда, ей не удалось преодолеть предубеждения против вас. Я это знаю лучше, чем кто бы ни было, ведь *я — это Кора.* Даже Лиса, бледная, жалкая немочь, пыталась вас подтолкнуть. И капитан милиции Женя Кутасова, — она облизнула узкие губы, — и майор Каганов, и несчастный карлик с затылком, обросшим мхом, и все, все, даже плохие девчонки из «Кобры», пытались вас подтолкнуть. Только не ссылайтесь на отсутствие памяти, кто, собственно, помнит историю? Мы — *ваше* порождение, Сергей Александрович. Может, мы — ничтожества, может, вам уже и не сделать нас лучше, но мы стучимся к вам, взываем. Не оставляйте нас в конце пути, не обрывайте дыхание на полувздохе. Забросьте в колеблющееся коллективное сознание мысль о том, что мы *были*, что мы *есть*, что прекрасное и дурное всегда рядом, что *другая* жизнь возможна, и всегда следует добиваться цели».

«А если я не смогу?»

Конкордия Аристарховно холодно усмехнулась:

«Тогда придут падальщики. Они с удовольствием допишут вашу историю. В своем варианте, конечно. Отдадут профессора Одинца-Левкина моему неумолимому брату, а бедную Кору — сержанту Дронову. Вы хотите, чтобы я еще и с ним жила? Мало мне полковника СС и оливкового советника? Придет Паша и превратит ваши суровые наброски в жалкий альтернативный роман. Помните ночные переулки, странные рожи за окнами? *Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом!* Это Пашин мир. И если вы не сможете, люди запомнят именно Пашины кривляния, а вы безвестно сгорите в своем вонючем ночном самолете и, воплотившись в смердящего пса, скуля, побежите под ногами лошадей».

«Но зачем все это *сейчас?*»

«Хотя бы затем, что я хочу прожить *свою* жизнь».

Конкордия Аристарховна помолчала. В выцветших глазах мерцала печаль.

«Помогите моему брату уйти. Пусть он пересечет пустыню. Он спас меня. Пусть в самом наихудшем варианте, но все-таки спас, и я тоже хочу спасти его. Пусть он доберется хотя бы до озера Джорд-

жей Пагмо, вы ведь о нем знаете. Это не подсказка, это отчаяние. Если не до Шамбалы, то пусть доберется хотя бы до озера Джорджей Пагмо. Это по пути, разве что чуть в сторону. Там жить нельзя, нет никакой растительности, только со стороны Шамбалы доносятся приятные звуки. Но если искупаешься, если вода озера коснется тела, то попадешь в рай. А если отопьешь чистой воды озера, будешь освобожден от последствий грехов на последующие сто жизней. Даже зверь, искупавшийся в озере, попадет в рай. *Я — это вы,* — улыбнулась она. — Мир устал от страданий. Зачем истосковавшемуся телу, больной душе — только звезды, только приятные звуки со стороны Шамбалы? Доведите героев хотя бы до озера. Вы же знаете, мы устали».

8

Когда ты захочешь плакать, позови меня.

Я не обещаю тебя утешить, но поплачу вместе с тобой.

Если однажды ты захочешь сбежать, позови меня. Вряд ли я уговорю тебя остаться, но мы можем сбежать вместе.

Если однажды ты никого не захочешь слушать, позови меня. А если позовешь и я не откликнусь, поспеши ко мне — наверное, в этот момент я в тебе очень нуждаюсь.

Не иди впереди меня — я могу не успеть за тобой.

Не иди позади меня — ты можешь отстать от меня.

Но иди рядом. Будь моим другом.

Стихи на спине Коры

9

Save.

10

В Москве монголка вышла.

Букет душных запашков как-то не способствовал нашему сближению.

Каждый остался при своем, при невысказанном. Я радовался, входя в салон после короткого перерыва. В транзитном зале аэропорта, где нас продержали почти час, продавали пиво, я успел порядочно нагрузиться. Людей вышло много, теперь весь ряд (и другие тоже)

находился в моем распоряжении. Я затолкнул свой сверток (он случайно попал мне под ноги) глубже под сиденье, и вдруг понял, что монголка ушла, а запах остался.

Намгийг тойрон гарах.

Обойти болото нереально.

Это было горькое разочарование, но я рассмеялся.

Наверное, монголка и сейчас где-то там в своих краях пугает своих раскосых подружек рассказами о пахучем белом челе, с которым однажды ей пришлось лететь из Питера в Москву. Наверное, пугает она подружек, на ночь этот странный белый чел развешивает свои портянки на дверях спальни, чтобы злые духи боялись. «*Хайнак!*» — смеются подружки. Коля и Ларионыч знали, что делали. Они сунули мне в дорогу пакет с корейскими закусками. Они были убеждены, что в салоне самолета я непременно захочу водки, вот тогда-то сгодятся и это чудесное вонючее хе, и тухлая кимча, и еще что-то, черт бы их побрал!

Я сунул сверток с закусками в целлофановый пакет. Тоненькая стюардесса, проходя мимо, невозмутимо улыбнулась — засранцы в самолете ее давно не удивляют.

«Все в порядке?»

«Лучше не бывает».

Ну да, она тоже так подумала.

11

Конкордия Аристарховна улыбнулась.

Она знала, что я *вспомнил*. Она знала, что я захочу закончить роман.

А я не хотел *помнить*. Не хотел ничего заканчивать. Я хотел уйти и сесть в кресло. У своего привычного широкого окна. Смотреть, как внизу догоняются пацаны и взвизгивают девчонки. В моем пятилетнем одиночестве было так много спокойствия. Закрыть глаза и не думать ни о чем. Болтать с Последним атлантом. Дописать игру. Поехать в Сикким. Там, среди цветущих балю и рододендронов...

«Почему вы все-таки вернулись в Россию?»

«Потому что я ваша часть. Я — часть вашей души».

Ну да. Все они были *мною*, моим собственным продолжением. Это *я* вел караван и отвечал майору Каганову, и был профессором Одинцом-Левкиным, задавал ему вопросы, и бил его по ушам двумя папками. Это *я* был Корой, Ли́сой, сержантом Дроновым. Я мог полюбить Кору? Какое ужасное заблуждение! Они все (и Кора, прежде

всего) были частью моего сознания, нет, они были самим моим сознанием, и ничего изменить или придумать я не мог. Может, только донести весть. Люди — как рассада, бесцельно разбросанная по планете. Что из нас вырастет?

Я пил кофе, улыбался костенурке, и прислушивался к мыслям немногих посетителей. *В универе тоска.* Мысли в общем небогатые. *Интересно, приедет он завтра, или опять облом?* И еще что-то такое же — сплошные мелочи, ерунда, невнятная каша, правда, кипящая, ворочающаяся, булькающая в едином мировом котле. Я будто заглянул за край мира. Вот только что сиял надо мной привычный хрустальный свод, на нем смеялись цветные звезды, желтела луна — все, как полагается, чистенько и красиво. А Конкордия Аристарховна подтолкнула меня, и я прошиб головой хрустальный свод. Осколки нежно звенели, а я уже по пояс высунулся в пустоту, главным свойством которой был так долго.

Я все видел.

Я все понимал.

Я был в начале Большого взрыва.

Ничего, что мы сгорим. Ничего, что мы все сгораем. Новый Большой взрыв, как рассаду, опять и опять разбросает зерна жизни по Вселенной. Что взойдет из этих семян, никому знать не дано. Даже Творец не очень ясно представляет последствия. Но мы несем весть. Зачем-то нам нужно донести до будущего смешанные запахи провинциального пригорода, грохот пролетки, выехавшей на булыжную мостовую, тени колонн рабочего клуба, нищего с шапкой у скрещенных ног, парочку на скамье (сексоты), мамашу, высунувшуюся из окна, наконец, Кору, презрительно оглядывающую меня, ничего не понимающего и растерянного.

И вот таким я возвратился в мир,
Который так причудливо раскрашен.

Известно, из «чайника» может получиться все, что угодно, а вот из ламера никогда ничего порядочного не получится.

Еще парочка присела за соседний столик.

Я вчера Гамлета в оригинале читал. Это такое эстетическое наслаждение!

Парочка сладко перешептывалась. *А я смотрел «Андалузского пса» и, знаешь, нашёл коррелят с ранними картинами Пикассо.* Нормальная беседа, могли бы и не шептаться. Но так им было привычнее. Им так нравилось. И за столиком в углу активно фунциклировали. *Помнишь, какое пойло жрали у Илюхи?* Негромкий смешок. *Зато потом я запросто вскрыл прогу твоим дебаггером.*

Конкордия Аристарховна подняла узкие руки, поправляя волосы.

Я уже все знал. Но, подняв руки, Конкордия Аристарховна приподняла и плечи. И я вновь увидел ажурное ожерелье из потемневшего серебра и расплющенные пули на нем. Костенурке не надо было поворачиваться, я знал, каким тату украшена ее почти не сутулившаяся спина. *Какая тоска*, думала Кора. *Какая тоска*, думала Конкордия Аристарховна. Она пронзительно думала, потому что вспомнила сержанта Дронова. Даже зубы сжала. Ее тошнило от тоски. *Ты думаешь, что я хороша*, это она думала уже для меня. *А я нехороша. Ты мне совсем не нужен, ни в каком качестве. Я не хочу потерять брата. Не надо считать меня умной и красивой.* Она обращалась ко мне на ты. А потом без всякого перехода — на вы. *С вами я не могла бы жить. Из вас все надо вытягивать силой. Мне надоел мир, где из людей каждое слово приходится вытягивать силой. И жить я хотела бы не в Нью-Йорке или Москве, а в тихом провинциальном пригороде. А вам бы я изменяла*, неожиданно подумала она, и мне сразу стало теплей.

Наркотики, гейши, цунами,
Горячее саке, харакири —
Вот что нас губит.

Наслаждайтесь, наслаждайтесь моим городом!

Если меня и не принимали всерьез, мир все равно зависел и от меня.

Я поднялся. Протянул руку Конкордии Аристарховне. Нам ничего не надо было говорить. Я слышал все ее мысли. Профессор Одинец-Левкин, сотрудник НКВД майор Каганов, Ли́са, сержант Дронов, он же швейцар ночного клуба, Последний атлант, доктор Григорий Лейбович, плохие девчонки из «Кобры», Кора — все зависели от меня. Их странные жизни, как цветные огоньки, тлели, вспыхивали и угасали в расслаивающемся времени, в черном круговороте неведомых пространств. Кора превратится в Конкордию Аристарховну. Сержант Дронов оттянет срок и на закате жизни сядет в кресло почетного швейцара при ночном клубе, основанном его разбогатевшим родственником. Монголы, красноармейцы, воплощенные вожди. Правда, никакая программа не работает без сбоев. Тонкие морщинки густо иссекали мраморную шею доисторической леди. Я сам был как северное сияние. В мировой полынье яростно отражались звезды и самолет, медленно проплывающий на их фоне.

Объявили посадку. Я потянул из-под сиденья вонючий сверток.

Ничего еще не изменилось, все было как всегда, мы вечны, с нами лично ничего никогда не может случиться, но вдруг потянуло дымком, вскрикнула стюардесса голосом Конкордии Аристарховны. Жалко, тогда я не расслышал ее слов. А ведь пять лет назад она вскрикнула: *попробуйте перезапуститься!*

12

Save.

Евгений Войскунский

ДЕВИАНТ

О, сколько лет я, жадный, добиваюсь,
Чтоб сделался обычный мир волшебным.
Я жизнь свою, как ветку, положил
На красном ослепительном пороге
Необычайности...

В. Луговской

1

Знаешь, — сказал однажды Олег, — в детстве у меня был ручной кит.

— Игрушечный, да? — спросила я.

— Да нет, не игрушечный, самый настоящий. Огромный. Я держал его на привязи у причала, но иногда отпускал поплавать.

— И где же твой кит плавал, интересно?

— В Мозамбикском проливе. Там достаточно просторно.

— В каком проливе?

— В Мозамбикском.

Всегда, когда Олег начинал нести околесицу, он напускал на себя такой вид, словно он по меньшей мере кандидат каких-нибудь наук. Но я-то видела, что в его прищуренных глазах притаилась усмешка.

— Трепись! — сказала я.

У нас на испанском отделении иняза Олег Хомяков появился на третьем курсе. До этого он учился в нашем же институте на английском отделении. К нам Олег перевелся, как он объявил, потому, что «на испанском самые красивые девушки». И, подумав немного, добавил, что к тому же его просил о переводе король Хуан Карлос. «К тому же»!

Он был худ и высок ростом. Длиннорукий, немного сутулый, Олег ходил быстро; такое было впечатление, что он всегда куда-то спешил.

В точности такая походка была и у его мамы, директрисы средней школы. Когда я у них появилась, она резковато спросила, за кого я собираюсь голосовать на выборах? Я открыла было рот, чтобы ответить, но Олег меня опередил:

— Оля будет голосовать за Вильгельма Завоевателя.

Мама Олега махнула на него рукой и быстрою походкой ушла в свою комнату, а потом и из дому — сильно хлопнула дверь.

У них была «двушка» на пятом этаже хрущевки. Из окон открывался вид на какой-то сквер, в котором еще не весь снег растаял, и на церковь с колокольней, обнесенной лесами. В сквере что-то дымило — может, там жгли мусор.

Вдруг приблизилась к моим глазам голова Олега — непутевая, с рыжеватым чубом, голова. Его близко посаженные глаза синим огнем вспыхнули.

— Люблю! — прокричал он, обдав меня табачным духом. — Люблю тебя!

Шла весна, дождливая, необычно теплая. Летело, шумело громовыми речами шальное митинговое время. А мы с Олегом были словно в угаре...

Приближались госэкзамены. Вдруг Олег стал где-то пропадать, не приходил на занятия в институт, не звонил, не назначал мне свидания в «нашей хате» — пустующей квартире его школьного друга Джамиля Джафарова.

— Где ты ходишь? — спросила я, когда он наконец появился.

— К монархистам хожу, — сказал Олег, дымя сигаретой. — Они приличные люди. Мы, Хомяковы, — все монархисты.

— Трепись! — сказала я. — Ты сам говорил, что не имеешь отношения к тому Хомякову. Славянофилу.

— Que va! — воскликнул он. — Мало ли что я говорил. Оля, сегодня к шести приходи на нашу хату.

Я приехала в начале седьмого туда, на юго-запад, на улицу 26 Бакинских Комиссаров. Обычно Олег был уже там, открывал дверь и выкрикивал: «Holla, Оля!» Но тут мне открыл Джамиль. Мы были знакомы, раза три я видела его. Джамиль Джафаров учился в МФТИ и жил там, в Долгопрудном, в общаге. В своей однокомнатной московской квартире он бывал редко. Олег мне рассказал, что эту квартиру купил Джамилю отец, важный человек в Баку, зам какого-то министра. А мать у Джамиля была русской, москвичкой. Что-то у них там произошло — наверное, крупная ссора, — она забрала Джамиля и навсегда уехала из Баку в Москву. После развода она

вышла замуж за пожилого вдовца, гинеколога, и, кажется, была с ним счастлива.

— Привет, — сказал Джамиль. — Хомячок еще не приехал. Садись, отдыхай.

Он рылся в книгах на этажерке, что-то искал. Но вдруг подсел ко мне на диван, спросил, когда у нас начинаются госы. Он-то уже сдал один, теперь экзамен по физике будет, очень трудный, а потом защита диплома. Я спросила, куда он пойдет работать — по распределению или сам будет устраиваться?

— С распределением теперь неясно, — ответил Джамиль и потеребил свою огромную черную шевелюру. — Меня звали на работу в один «ящик», но там начались какие-то... ну не знаю... Кажется, физики теперь не нужны. Уходят кто куда, клянусь... В Америку двое знакомых уехали.

— Ты тоже уедешь?

Джамиль исподлобья пристально посмотрел на меня.

— Никуда я не уеду. Кофе попьем? Или чай?

Мы перешли в кухню. Джамиль включил электрочайник, достал из шкафчика банку «Nescafe». Бормотало радио — что-то о положении в Чечне. Мне было как-то неловко: сижу пью кофе с малознакомым парнем, а Олег все не идет, черт бы его побрал. Вот допью — и уйду.

Между тем Джамиль рассказывал что-то об Олеге. Я навострила уши.

— ...В девятом классе учились, когда умер его отец. Он очень пожилой был, участник войны. С палочкой ходил. У нас в школе преподавал английский. А через две недели после его похорон Олег убежал.

— То есть как — убежал? — удивилась я.

— Сбежал из дому. Он тебе не рассказывал?

— Нет.

— Ну не знаю. Хотя ничего секретного нет, клянусь... Почему ты крекер не ешь?

— Спасибо, не хочется. Так куда он сбежал?

— В Калининград. Его мама подняла большой шум. Олега там милиция задержала. Он околачивался в порту.

Джамиль посмотрел на часы. Я тоже посмотрела и встала. Не буду больше ждать. Но все же спросила из любопытства:

— А что он там делал, в порту?

— Хотел уплыть в океан, — сказал Джамиль и тоже поднялся. — Он разных книг начитался. Этого американского, как его... Эдгара По. О приключениях Артура Пима. Ты читала?

— Нет.

— Ну вот. Как этот паренек, Артур Гордон Пим, значит, тайком забрался в трюм зверобойного судна. И ушел в плавание.

— Олег тоже ушел?

— Нет. Он лез на пароходы, просил, чтобы юнгой взяли. А какие теперь юнги? Его гнали, конечно. Ну, менты его сцапали и отправили домой, в Москву. Ты что, не будешь его ждать?

— Не буду.

Джамиль посмотрел на меня исподлобья.

— Я бы посидел с тобой еще, но мне надо на электричку. В Долгопрудный. Ты подожди, Олег вот-вот придет.

— Не хочу ждать.

Когда я приехала домой, сестра сказала:

— Звонил твой Олег. Вы что, поссорились?

— Да нет, — сказала я. — Просто разминулись.

Вскоре Олег позвонил снова:

— Оля, извини, что опоздал. Я был на митинге, все шло спокойно, вдруг приехала милиция и нас задержали.

— Что-то тебя часто милиция задерживает, — сказала я.

— Как это — часто? Первый раз.

— Не первый. Забыл, как в Калининграде тебя поймали?

Я слышала, как он дышит в трубку.

— Алло, — сказал он после паузы. — Ты завтра будешь в институте? Да? Ну, завтра поговорим.

Разговор у нас получился сумбурный. Олег пустился было в подробное изложение неприятностей, которым подвергается монархическая партия, но я прервала его:

— Очень сочувствую бедняжкам монархистам, но мне нет никакого дела до вас до всех.

— Оля, не будем ссориться! — вскричал он. — И вообще, я уже пошатнулся в своем монархизме.

— И теперь будешь бегать на митинги республиканцев? — съязвила я.

— Буду бегать на наши свидания.

— Если они состоятся.

— Оля, мне больно, когда ты так говоришь. Я хороший!

Глубокое раскаяние выражали его синие глаза. Я засмеялась и сказала:

— Хороший? Ну ладно, посмотрим. Почему ты мне не рассказал, как сбежал из дому в Калининград?

— А что тут рассказывать? Сбежал, а милиция поймала и отправила домой. Неинтересно. Это Джамиль тебе наболтал? Вот я сделаю ему укоризну.

— Сделаешь что?

— Это в одной книге Уэллса. На острове Ремпол жило племя, у них если кто-то провинился, то получал удар дубиной по голове. Это называлось укоризной.

Госэкзамены сдали благополучно, получили дипломы и возможность устраиваться на работу кто как сможет. Мне, правда, предложили пойти преподавать испанский в одну школу, вернее гимназию. Но я предпочла работу в турфирме, которая налаживала связи с испаноязычными странами и нуждалась в переводчике. Это Светка, младшая сестра, устроила мне. Она вообще-то была спортсменка, бегунья на короткие дистанции, но список ее знакомств был очень даже не короток.

А Олегу предложили работу в «Аэрофлоте» — переводить служебные бумаги с английского. Он с детства прекрасно владел английским (испанским хуже). Но ведь Олег был мальчиком с неожиданными бросками. Вдруг объявил, что едет с какой-то артелью на Белое море — добывать мидии. Я провожала его на Ленинградском вокзале и увидела эту «артель» — двух загорелых грубоватых парней, которые, по-моему, были способны добывать не только мидий, но и акул. Но акул в Белом море нет, а вот мидии, как мне объяснили, это небольшие двухстворчатые моллюски. Парни были веселые, явно «податые», и от Олега, когда мы поцеловались на прощание, тоже пахнуло водочным духом.

Из Кандалакши Олег прислал письмо с восторженным описанием процесса добывания мидий. Оказывается, у мидий есть, кто бы мог подумать, железá, выделяющая биссус, это такие нити, которыми она, мидия, прилипает к скале или свае причала, да и друг к дружке они тоже лепятся. Очень интересно. Олег и его сотоварищи ныряют и отдирают мидий от прибрежных скал. «А вода холо-одная, — писал он. — Мидии, когда их сваришь, замечательно вкусные. Питерские рестораторы хорошо за них заплатят».

Спустя недели три пришла открытка. Олег сообщил, что ему «обрыдла мидвозня» и что он скоро приедет.

Вдруг мне позвонил Джамиль. Спросил об Олеге, а потом — не смогу ли я перевести с испанского и на испанский несколько деловых писем? Конечно, могу. Я назначила встречу на станции метро Октябрьская — тут я обычно переходила на кольцевую линию и ехала в свою турфирму. Джамиль поджидал меня в назначенном месте — выдвинулся, улыбаясь, из толпы. Он теперь не очень походил на того лохматого студента в выцветших джинсах, каким запомнился мне. Шевелюра аккуратно подстрижена, по широким щекам пущены черные бакенбарды, и ладно сидел на плотной фигуре бежевый костюм с галстуком, излишне пестрым.

— Куда ты едешь? — спросил он, передав папку с письмами. — На Таганку? У меня машина, могу подвезти.

— Где ты работаешь? — спросила я, когда мы сели в его зеленые «жигули».

Джамиль ответил не сразу. Он осторожно выезжал из скопления машин.

— Где работаю? Ты знаешь, я не пошел в науку. Физики теперь не очень требуются, клянусь... Мы с братом на пару купили кафе.

— Кафе? — удивилась я.

— Да... Ну куда ты лезешь? — проворчал Джамиль, притормаживая, обращаясь к иномарке, опасно подрезавшей нас. — Понимаешь, отец нам помог. Мы там все переделали. Придали национальный колорит. Завели нужные связи, в том числе с испанской фирмой, у которой хотим покупать маслины и столовое вино.

Он говорил несколько стесненно, словно оправдываясь в том, что пошел не в науку, а в коммерцию. Я сказала, что вполне его понимаю, что такое время теперь — умный может много заработать. Джамиль заулыбался.

— А я, по-твоему, умный?

— Думаю, да, — сказала я. — Вот только... можно дать совет? Галстук надо бы другой, не такой пестрый.

— Непременно сменю, — сказал он.

Мы договорились, что через неделю он приедет ко мне на работу.

Приехал точно в назначенное время. Я вышла из комнаты, где мы, туроператоры, работали, в коридор и отдала Джамилю папку с переведенными письмами. Он рассыпался в благодарностях, вручил мне коробку конфет «Раффаелло» (надо же, угадал мой вкус!) и пригласил поужинать в своем кафе.

— Спасибо, Джамиль, — сказала я. — Но я не смогу: сегодня приезжает Олег.

— Ну, тогда в другой раз, — сказал он, пристально глядя на меня. — Олежке привет передавай.

После работы я поехала к Олегу. Он открыл дверь и гаркнул: «Holla, Оля!» В квартире пахло чем-то неприятным и, как всегда, было накурено. Они оба много курили — и Олег, и его мама-директор.

— Ты здорово загорел, — сказала я. — Как тебе удалось, на северном-то солнце?

— А что тут такого? Над Белым морем то же солнце, что и над Черным.

Мы вошли в его комнату, набитую книгами. И тут Олег вдруг пал на колени и, обняв мои ноги, воскликнул:

— Как ты прекрасна!

Синим пламенем горели его глаза.

Кто бы устоял при таком натиске...

Над его тахтой висела картина: трехмачтовое судно с массой парусов, упруго надутых ветром. Их отражения белели на сине-зеленых волнах. Мы лежали на тахте, переводя дыхание после бурных минут. Я смотрела на картину, мне почудилось, что мы плывем на этом паруснике — незнамо куда...

Олег сказал, прерывисто дыша:

— Боже, возможно ли именовать мир юдолью скорби... раз в нем дано вкушать столь дивные наслаждения... Но, увы! слабая их сторона в их быстротечности...

— Откуда ты выкопал такие слова?

— Это из «Манон Леско». Ты читала?

— Нет.

— Дам тебе прочесть, это же великая вещь, — сказал он. И добавил: — У тебя задорный смех, как у Манон.

Вот таким он был, Олег: напичкан книжными цитатами. Память у него была удивительная. Он запоминал целые страницы из книг, которые ему нравились, особенно о путешествиях, плаваниях, приключениях. Обожал книги Тура Хейердала, цитировал из «Аку-Аку»: «Подобных церемоний я не видел в Полинезии лет двадцать, с тех пор как расстался со старым отшельником Теи Тетуа в долине Оуиа на Фату-Хиве». Такие фразы восхищали его.

— Задорный? — Я засмеялась. — Ты находишь?

Тут послышался звук отпираемой двери, шаги в передней — пришла Нина Андреевна. Мы стали быстро одеваться. Она без стука заглянула в комнату Олега — мы еще не успели застелить постель, — сухо поздоровалась и вышла.

Пили чай на кухне. Нина Андреевна, рыжевато-седая тощая дама, жаловалась, что Олег «привез какую-то дрянь, стал ее варить, вся квартира провоняла», а Олег возразил:

— Это не дрянь, а мидии. Просто я не совсем правильно сварил. Добавил не те ингредиенты.

Она закурила и, глядя водянисто-голубыми глазами в окно, заговорила о своем споре с учительницей истории, которая на уроках объявила, что Рюрик был не норманном, а — из южно-балтийских славян. Ссылалась на какие-то новейшие изыскания.

— Я сама раньше преподавала историю и что-то не припомню, чтобы среди славянских племен в Южной Балтике были варяги, — говорила Нина Андреевна. — Там были поморяне, сорбы, лужичи. А в летописи сказано о варягах, а варяги — именно норманны. Да и имена первых русских князей — скандинавские.

— Например, Олег, — подтвердил Олег. — Не говоря уж об Ольге.

Нина Андреевна, прищурясь, посмотрела на меня, словно пытаясь разглядеть на моем лице скандинавские черты, и сказала:

— Олег и Ольга... Ну что же, молодые люди. Вот взяли бы и — поженились.

— Que va! — воскликнул Олег.

Мне бы, как благовоспитанной девице, смущенно потупить взор, сказать: «Ну что вы... я и не думаю об этом...» Но я просто промолчала.

Олег пошел проводить меня до метро. По дороге рассказывал о книге философа Николая Федорова: что-то такое об общем деле человечества — о преодолении смерти, о воскрешении отцов. Но меня «общее дело человечества» как-то не волновало. Со своими делами бы управиться. С квартирными, например. Светка объявила, что выходит замуж за Дмитрия Караваева, прыгуна с шестом. Да пожалуйста, пусть выходит. Но дело-то в том, что прыгун Караваев приехал откуда-то из Сибири, жилплощади в Москве не имел и, значит, запрыгнет прямо в нашу квартиру. А у нас двухкомнатная малогабаритка в Черемушках, мы с сестрой в одной комнате, мама во второй — и придется мне переселиться в мамину десятиметровую. Это, скажу прямо, нежелательно. После того как отец от нас ушел к другой женщине, мама очень сдала, стала слезлива и раздражительна, и в больнице, в которой она работала медсестрой много лет, что-то у нее разладилось. Светка со своим прыгуном сейчас на легкоатлетических сборах, но в октябре они возвратятся в Москву, и мне придется «очистить помещение».

Обо всем этом я Олегу, конечно, не рассказала. Зачем? Подумает еще, что я склоняю его к женитьбе. «Que va!» — Ну да! — выкрикнул он в ответ на руководящее пожелание мамаши. Да я, по правде, и не очень-то представляла Олега своим мужем. С ним, само собой, не соскучишься: он яркий... мой первый мужчина... Но ведь муж — это нечто другое. Опора, защита, надежность — разве не так?

— Вся история, — продолжал между тем Олег, — это разрушение природы и истребление людьми друг друга. У нас в подкорке — войны и ненависть.

— В моей подкорке нет войн, — сказала я. — И ненависти нету.

— В подкорке, то есть в долговременной памяти, есть всё, — возразил он. — Вся история гомо сапиенса — от первобытной дикости до Освенцима. До Хиросимы. Прав Теодор Адорно: история европейской цивилизации — это история сумасшествия разума.

— Олег, спустись с неба на землю, — попросила я, взяв его под руку. — Какие у тебя планы теперь, когда ты покончил с мидиями?

— Какие планы? — У него в глазах появилась знакомая мне усмешка. — Я полностью отдаю себе несколько запоздалый отчет о насущной необходимости составить план дальнейшей жизни. Разумеется, давление обстоятельств требует от меня немалого напряжения в

достижении благородной цели, коей можно считать сближение России и Индии...

— Трепись! — Я отпустила его руку и ускорила шаг. — Не можешь ответить на простой вопрос.

— Оля, я правду сказал! В Москве открылся офис смешанной российско-индийской компании. Они берут меня переводчиком с английского. Я еще до отъезда в Кандалакшу с ними связался, а сегодня позвонил, они подтвердили. Оля, не торопись! Куда ты бежишь?

Куда я бегу? Хотела бы знать. Вернее — не куда бегу, а *от чего* убегаю?..

В субботу утром позвонил Джамиль и напомнил о своем приглашении. Нет, он не сказал, что приглашает *нас* с Олегом. *Меня* он пригласил. Ну что ж, почему бы и нет? Даже интересно посмотреть, что за кафе покупают теперь.

Там оказалось очень неплохо. На каждом столике вазочка с гвоздикой или ромашкой. Стены ярко расписаны орнаментом, как на восточных коврах, в центре главной стены изображение круглолицей девы в саду, среди созревших красных гранатов.

— Эта картинка взята из старинной школы миниатюр, — сказал Джамиль. — Семнадцатый век. Нравится тебе?

— Да, красиво.

Мы сели за столик, и тотчас девица, похожая на ту, что на стене с гранатами, поспешила к нам с приветливой улыбкой.

— Тамила, — сказал ей Джамиль, — принеси самое лучшее, что у нас есть.

Минуты через три наш стол превратился, можно сказать, в цветущий сад. Были чудные кутабы с зеленью, потом долма, люля-кебаб, что-то еще. Никогда прежде я не ела так вкусно, так много. Джамиль провозгласил тост за меня («За самую красивую девушку Москвы» — так он сказал), потом за моих родителей, а я добавила к тосту и его папу-маму, и тут он пустился рассказывать о своем сводном брате, сыне отца от первого брака, какой он замечательный спортсмен и сколько в нем энергии — он-то и заварил эту кашу, то есть покупку кафе.

— А твой брат не прыгун с шестом случайно? — спросила я.

— Нет, Адиль борец. Он был чемпионом республики по классической борьбе. А при чем тут прыгун с шестом?

— Ни при чем. — Я смеялась. От красного прекрасного вина туманилась голова. — Просто слышала, что прыгуны иногда запрыгивают не туда... не туда, куда нужно.

— Я никогда об этом не слышал, — сказал Джамиль.

За соседним столом пировала шумная компания, оглушительно хохотали две девицы, черненькая и рыженькая, а парни были разно-

образные — и обычного московского вида, и восточного. Да и вообще зал был полон. Громко играла резковатая музыка.

— У вас веселое кафе, — сказала я. — И так каждый день?

Джамиль не ответил. Он исподлобья смотрел на компанию, пировавшую за соседним столом. Там веселье вдруг обернулось ссорой.

— Ну и нечего руки распускать! — кричала рыженькая девица, вся какая-то взъерошенная, своему соседу.

— Не ори! — огрызнулся тот, кривя рот под черными усиками. — Что на тебя нашло, дура?

— А ты чурка! Пошел ты!

Черненькая подруга пыталась успокоить рыжулю, но та, как видно, была сильно на взводе. Выкрикнув: «На, подавись своими туфлями!», — она выскочила из туфель-лодочек и швырнула их в черноусого. Пошатываясь, пошла в чулках к выходу. Подруга бросилась за ней, повела обратно. А тем временем разгорелась ссора между парнями. Один, вихрастый, двинул черноусого в челюсть, на него накинулись двое, он отбивался с криком: «Козлы! Валите на свой Кавказ!» Вся компания повскакала, замелькали кулаки, матюги взлетели в воздух, насыщенный винным и шашлычным духом, заглушили музыку.

Джамиль решительно направился к дерущимся, крикнул, чтобы немедленно прекратили, не то будет вызвана милиция. И откуда-то появился атлетического вида усач в коричневом кожаном пиджаке — угрожающе надвинулся на драчунов. И те присмирели. Вихрастый парень, зажимая платком нос, потребовал счет. Расплатились, на плачущую рыжулю надели лодочки и, хмуро переругиваясь на ходу, пошли вон из кафе.

Джамиль вернулся за наш столик и представил мне атлета в кожаном пиджаке:

— Это Адиль, мой брат.

— У вас веселое кафе, — повторила я.

— Оля, ты не думай, это первый раз, — сказал Джамиль.

А его брат-борец расправил ладонью пышные усы и с улыбкой сказал:

— Очень рад познакомиться с такой красивой девушкой.

Он выпил с нами бокал вина, галантно поцеловал мне руку и ушел в служебное помещение.

Джамилю, видно, хотелось загладить неприятное происшествие. Он принялся рассказывать что-то смешное из студенческой жизни, но вдруг, не досказав, уставился на меня и предложил:

— Давай выпьем за углубление нашего знакомства.

— Как это понимать? — спросила я.

— Оля, ты не думай, — заговорил он несколько смущенно. — Я просто по-дружески... Если тебе что-нибудь будет нужно, то я всегда, всегда, клянусь...

Оранжевыми и желтыми листьями осыпалось бабье лето, зарядили в начале октября дожди. С Олегом мы встречались не часто: «хаты» теперь не было, я приезжала к нему после работы. Нина Андреевна домой приходила не рано (засиживалась в школе да и в магазин заглядывала), но каждый раз мы опасались, что она может прийти раньше, чем обычно. Мы торопились... мне не нравилось это...

Олег объявил, что сотрудник, которого он называл Чотто (его полное имя — Чоттопадхайя — мало кто мог выговорить), — словом, этот Чотто предложил ему съездить в Индию, закупить там камни-самоцветы, привезти их в Москву и продать с большой выгодой.

— Твоя новая блажь, — сказала я.

— Никакая не блажь! — Олег выдохнул облако сигаретного дыма. — Ты не представляешь, как дешево там стоят самоцветы! Да и всего-то на две недели поездка.

Я думала: покричит, пошумит — и успокоится. Однако он взялся за дурацкое это дело всерьез — записался в очередь в ОВИР, бегал на переклички. Чотто организовал ему приглашение в город Бомбей.

Между тем возвратилась со сборов Светка со своим ненаглядным Митенькой. Он оказался длинноногим красавчиком — вылитый Том Круз с улыбкой в сто зубов. Приветливый, услужливый, он даже сумел смягчить страдальческое выражение на лице мамы — особенно после того, как починил разболтавшуюся дверцу кухонного шкафчика и очистил балкон от накопившейся дряни. Да что ж говорить, мужчина в доме — это очень нужно и полезно.

Но...

Я переодевалась в своей комнате, вернее в маминой десятиметровке, куда мне пришлось переселиться из большой, в которой теперь расположились молодожены, — стояла, как писали в старых романах, в *неглиже*, как вдруг дверь распахнулась и влетел Митя.

— Ой извыни! — крикнул он. — Я плоскогубцы ищу...

Плоскогубцы он, видите ли, искал. Ну да ладно. Я «извынила».

Но спустя несколько дней, приехав с работы, я стояла под душем — и тут он вошел. Оно, конечно, задвижка на двери ванной у нас слабенькая, легко срывалась от толчка, но было же слышно, как лилась вода...

Я прикрылась мочалкой, насколько можно, и заорала:

— Убирайся!

— Извыни! — выкрикнул Митя, но не торопился выйти, смотрел с неприятной улыбочкой.

Я запустила в него мочалкой. Он замотал головой, ладонью отирая лицо от мыльной пены, и вышел из ванной.

Вскоре приехала Светка из своего «Спартака». Позвала меня пить чай. Я вошла в кухню в японском цветастом халате, увидела, что и Светка сидит в таком же, мы же вместе их покупали, — и взъярилась еще больше. Не хочется вспоминать эту безобразную сцену. Что-то я орала об элементарных приличиях, которые надо соблюдать, даже если ты *прыгун с шестом*. Светка хлопала крашеными ресницами то на меня, то на Митю, а он, напряженно улыбаясь, бормотал: «Да откуда я знал, что ты там моешься...» Тут Светка, поняв, в чем дело, накинулась на меня: «Совсем нервы распустила!» Заявилась на кухню мама в своем старом желтом «полупердинчике» — она собралась в больницу на ночное дежурство, но услышала, как мы шумим, — вошла со словами «Девочки, умоляю, не ссорьтесь», и слезы текли по ее бледным щекам. «Вот, вот! — закричала Светка. — Скажи этой дуре, чтоб держала себя в руках!» Тут я совсем сорвалась с крючка — завизжала, как в истерике...

Стыдно вспоминать.

В ноябре на Москву обрушился снегопад, но тут же и потеплело. Таял снег, под ногами превращаясь в серую липкую кашу. Беспокойно мне жилось в том ноябре. Со Светкой я не разговаривала. Вдруг как-то вечером — я смотрела фигурное катание — она мне говорит: «Тебе нужны новые сапоги?» А мне как раз и были нужны, я подумывала — где бы их достать? «Будут, — говорит Светка. — Закажу Карине. Какого цвета взять?» «Вишневого», — говорю.

Ну ладно.

А Олег получил загранпаспорт, купил авиабилет в Индию и позвал меня попрощаться. Мы выпили коньяку, потом пили кофе с тортом «Отелло».

— Сегодня мама придет поздно, — сказал Олег, — так что можно не торопиться.

Он был ласков и мил в тот вечер.

— Ты моя хорошая, — говорил, лаская меня. — Я привезу из Индии самоцветы, и мы заживем хорошо...

Вдруг Олег увидел, что я плачу.

— Олечка, да что ты? — Он прижал меня и целовал, целовал. — Всего-то на две недели улетаю, — твердил он.

Но он не вернулся — ни через две недели, ни через два месяца.

2

В Москве было по-мартовски слякотно, минус один, мокрый снег. А тут — пальмы вдоль улицы, в газонах — кустарник, утыканный крупными красными цветами, и солнце с синего андалузского неба припекает по-летнему. Не спеша идут по калье Кармен праздные туристы, многие в майках и шортах. Сидят за уличными столиками бесчисленных баров, попивают пиво, кофе, оранжад. В переулках справа синеет море.

— Только в кино, — говорит Ольга, восторженно глядя по сторонам. — Только в кино бывает такая жизнь. Правда?

Джамиль кивает. Да, только в кино, где ж еще? Не очень хотелось уезжать из Москвы, полно дел у него, но Ольга настояла: поедем, Джаник, поедем в свадебное путешествие, полетим в Испанию. Тут никогда не кончится зима, а там — солнце и пальмы. Вот они и прилетели в Малагу, а оттуда приехали сюда, на Costa del Sol, Берег солнца.

Плещется вокруг пестрая, многоязычная, неправдоподобная жизнь.

— Жарко! — Ольга снимает жакет. Теперь она, в вишневой блузке без рукавов и серых обтягивающих брючках, больше соответствует здешнему пейзажу. — Ты тоже можешь снять пиджак. Ой, Джаник, зайдем сюда!

Они входят в небольшой магазин, тут полутемно, но ярко освещены витринки с часами, кольцами, браслетами. Черноусый коротышка ювелир подходит с улыбкой, интересуется по-английски: что угодно господам? О, сеньора говорит по-испански! Bueno! Итак?.. Да, это часы японской фирмы — Сейко. Сеньор делает правильный выбор.

Сеньор не говорит по-испански. Но он весьма осмотрителен, ни одни часы не обходит вниманием. Да, все же эти Сейко — лучше всех. И как хорошо смотрится золото на белой руке Ольги. Но триста долларов — очень дорого. Джамиль согласен на 250. В конце концов стороны останавливаются на двухстах восьмидесяти.

— Спасибо, Джаник. — Ольга сияет. — Не слабо! Ой, знаешь, что он сказал? Что у тебя красивая жена!

— А то я не знаю, — ворчит Джамиль, аккуратно отсчитывая купюры. — Скажи ему, пусть сдачу даст песетами. Сегодня курс сто двадцать шесть за доллар — значит, будет...

Он мгновенно сосчитал. Коротышка ювелир тоже доволен, он предлагает хорошим покупателям выпить по рюмке красного вина.

— Да не хочу я пить с этим донжуаном.

Джамиль берет за руку смеющуюся Ольгу и выводит на улицу. Не спеша идут они дальше по калье Кармен, и встречные междуна-

родные мужчины поглядывают на Ольгу. Она и верно хороша собой — только в Черемушках можно встретить таких сероглазых Афродит с небрежно заброшенной за спину волной русых волос, с таким победным очерком крупных коралловых губ, с такой классически правильной грудью. Рядом с ней неплохо смотрится и Джамиль — солидный, склонный к полноте мужчина с широким лицом, обрамленным черными бакенбардами. В его густой шевелюре заметна седая прядь.

Март месяц на дворе, а жарко, будто летом. Ну да, Берег солнца же. Но пиджак-букле Джамиль не снимает. Может, он находит неприличным расхаживать в водолазке? Хотя водолазка у него хорошая, тоненькая, вишневого цвета.

Возле фруттории, выставившей на наклонных ящиках все фрукты, какие есть на свете, они останавливаются. Обсуждают, что купить — груши или клубнику?

— Купим и то и другое, — предлагает Ольга.

И тут проходящий мимо парень, очень худой и высокий, в красной майке и пестрых шортах, услышав русскую речь, вскидывает на них изумленный взгляд.

— Holla, Оля! — восклицает он, смеясь, и делает движение, чтобы обнять ее, но Ольга, слегка отступив, протягивает ему руку.

— Здравствуй, Олег. — Она тоже очень удивлена. Надо же, где встретились, на Costa del Sol! — Что ты тут делаешь?

— А что всегда, — следует беспечный ответ, — смотрю, как люди живут.

Олег трясет руку улыбающемуся Джамилю.

— Поздравляю, Джан! Знаю, что вы поженились, мама мне написала, когда я еще в Индии был.

— Да, твоя мама звонила однажды, — говорит Ольга, — но я уже там не жила. Ей моя сестра сказала.

— А где вы живете? Там же, на Двадцати шести Комиссарах?

— Пока еще там, — говорит Джамиль, — но в мае переедем в новую квартиру. Олег, как ты тут очутился?

— Долгая история! Я писал тебе, Оля. Но ты не ответила.

— Я ничего в твоей открытке не поняла. Вид какого-то собора с мощами, какого-то святого...

Олег улыбается:

— Хочешь посмотреть на пейзаж Гоа? Взгляни на мои «бермуды».

На его шортах изображен многоцветный город — церкви, пальмы, башни. Да и сам Олег, можно сказать, под стать своим экзотическим штанам — очень загорелый, в выцветшей майке, в видавших виды кроссовках.

— Тут за углом, — говорит он, — бар с видом на Медитерраниа, давайте посидим, ребята. Кофе попьем.

Они усаживаются за столик на улице, спускающейся к морю. Молоденький официант приносит на подносе кофейник, молочник, чашки. И начинается неожиданное кофепитие в городке Торремолиносе, уютно прильнувшем к Средиземному морю между Малагой и Гибралтаром. Оно, море, синеет внизу, как бы взятое в рамку угловых домов. По нему скользят две белых яхты, нет, не парусные, и ветер — легкий утренний бриз — доносит деловитый разговор их моторов.

— Какие красивые, — говорит Ольга. — Интересно — куда плывут?

— Корабли плывут будто в Индию, — говорит Олег, поднимая от чашки облупленный под солнцем юга красноватый нос.

— Ну и что твоя Индия? Много накупил самоцветов?

— Самоцветов там полно, но все не укупишь. Если хотите знать, главное чудо Индии — это Гоа.

И Олег, закурив сигарету, рассказывает, как они с Чотто прилетели в Бомбей, а там ничего интересного, огромный современный город, страшно шумный, а, между прочим, был когда-то поселением, захваченным в шестнадцатом веке португальцами, а в семнадцатом — подаренным Англии в качестве приданого португальской принцессы, которую отдали замуж за английского короля Карла II...

— Очень интересно, Олег, — говорит Ольга, — но ведь ты не из-за этой принцессы застрял в Индии?

— Я застрял из-за маратхов.

— Это еще кто такие?

— А-а, вот послушайте, ребята. Недалеко от Бомбея — город Пуна. Приезжаю туда с Чотто и узнаю, что эта Пуна, где пальмы на каждом шагу, была когда-то столицей государства маратхов. Слышали про такое?

— Никогда не слышал, — говорит Джамиль.

— Вот и я... Маратхи — они, конечно, индуисты, но язык у них свой, и история тоже. В семнадцатом и восемнадцатом веках воевали с мусульманской империей «Великих Моголов». Они и сейчас не растворились в Индии, у них литература своя.

— Ты выучился их языку?

— Нет. Ну два-три десятка слов. Но некоторые книги маратхских писателей переведены на английский, я прочел. Хочу, ребята, перевести их на русский.

— Зачем? — спрашивает Джамиль. — Кто будет это читать?

— Ну как — кто? Разве перевелись в России читатели? В Пуне у отца Чотто плантация манговых деревьев. Он посылает автопоезда с ящиками манго в Гоа — там их грузят на пароходы, они идут на экспорт. Я приехал с такой автоколонной в Гоа — и попал в сказку! Старый город потрясает. Пальмы, церкви, построенные португальцами, —

они же четыреста лет владели Гоа. В базилике иезуитов — в серебряном саркофаге — мощи святого Франциска Ксавьера, миссионера знаменитого. Я пил пальмовое вино в тавернах, помнящих матросов д'Альбукерка, завоевателя Гоа. Помнящих Камоэнса! А вокруг — международная тусовка, толпы туристов, торговцы, нищие, моряки, педерасты, монахи. Бродят среди людей коровы. И какой-то над Гоа пряный воздух — будто шафраном пахнет или корицей. Что-то в этом городе мистическое, потустороннее...

— Ну, понесло тебя, — негромко замечает Ольга.

А его, и верно, несло. Может, просто выговориться захотелось при неожиданной встрече с московским прошлым — излить накопившиеся впечатления другой, совсем не похожей на это прошлое, жизни.

— Возле бывшей церкви францисканцев торговала морскими раковинами женщина невозможной красоты. Глазищи в пол-лица. Я и утонул... утонул в ее глазах... — Олег прикуривает от окурка новую сигарету и откидывается на белую спинку пластмассового стула, курит быстрыми затяжками.

— Ну и что она, твоя красавица? — спрашивает Ольга.

— Чару, — говорит Олег сквозь дымовую завесу. — Так ее и звали — Чару. Она была маратха. Я купил у нее большую розовую раковину, мы разговорились, она умела по-английски. Я спросил, откуда раковина, а Чару посмотрела на меня... или сквозь меня... и говорит, что такая раковина уже была у меня в руках — в прошлой жизни.

— В прошлой жизни? — переспрашивает Ольга. — Как это?

— В бывшем перевоплощении я был португальским моряком — так она сказала.

— И ты поверил?

— Да.

— Твои вечные фантазии, — говорит Ольга.

— Чару сказала, что Дающий может в один миг открыть человеку целый мир, надо только уметь видеть.

— Что за Дающий?

— Так они называют Шиву. И я однажды увидел... Это было под Новый год. Мы поднялись на холм к вилле Браганса. День был, как всегда в Гоа, теплый и влажный, над нами плыли облака. Мы сидели на траве, я говорил о рассказах Сатхе, которые только что прочел. Вдруг заметил, что Чару выключилась. Она сидела, прикрыв глаза, очень прямо, и что-то шептала. Невольно и я стал тянуться кверху. Тут из-за облаков вырвался свет. Очень яркий луч света. Чару мне крикнула: «Look!» И я увидел... Я будто взлетел над своей оболочкой и сверху увидел не только Гоа, но и все Малабарское побережье... горы, зеленые берега, море, пену прибоя...

— Трепись, — говорит Ольга.

Но, глядя на прежнего друга, она не видит в знакомых синих глазах усмешки, в былые времена сопровождавшей его трепотню. Нет, не усмешлив взгляд Олега. От этого становится даже немного не по себе.

— Это было недолго, — продолжает Олег. — Но я понял одну важную вещь. Своим внешним зрением мы видим лишь привычный облик мира, а не его сокровенную глубину.

— Побережье, которое ты увидел, это и есть сокровенная глубина? — спрашивает Джамиль, глядя исподлобья.

— Нет. — Олег расплющивает окурок в пепельнице. — Давайте о другом. Ребята, я тут работаю в клубе La Costa и хочу предложить...

— Ну и что твоя Чару? — прерывает его Ольга. — Долго ты с ней жил?

— Недолго. Вдруг приехал ее муж. Я и не знал, что она замужем.

— Он набил тебе морду? — интересуется Джамиль.

Олег смотрит на него, морща загорелый лоб под рыжевато-белобрысой прядью длинных волос.

— Он был здоровенный бородатый маратх. Он на своем катере шастал вдоль всего побережья, с помощником, они ныряли, искали раковины. Да, он вполне мог набить мне морду. Но Чару сказала, что он меня убьет. Убьет, если я немедленно не покину Гоа.

— И ты покинул?

— А что же оставалось делать? Так вот, я тут работаю в клубе, который...

— Куда же ты бежал из Гоа?

— Ты правильно сказала: я бежал. Какое-то время скитался по побережью, можно сказать, как саньяси, то есть бездомный бродяга. Ну ничего. С английским в Индии не пропадешь. Я брался за любую работу — мыл машины, мыл посуду в ресторанах. Даже плёл циновки из кокосовых волокон — кстати, это дело очень нелегкое. Ну, а потом... Опять Чотто помог, я улетел в Малайзию.

— И что ты там делал? Продавал самоцветы?

— Мои самоцветы остались у Чару. А в Пенанге я работал садовником в доме богатого китайца. Прогуливал его собак. Когда надоело, уехал в Кланг. Бывало, за день съешь только пару бананов, они там дешевые. Ночевал в заброшенной лодке... на автомобильной свалке... — Он тихо смеется. — Под шелест пальм спится хорошо... Потом уехал в Куала-Лумпур. Там я месяц ждал визу в Испанию. В Мадриде мне повезло. В Прадо я торчал перед полотнами Гойи — там потрясающий Гойя! — вдруг рядом со мной возник скандал. Служительница требовала от одного посетителя, чтобы он перестал фотографировать, в картинных галереях это запрещено, а он щелкал и щелкал, потом ска-

зал «sorry» и убрал камеру. Он был, знаете, похож на киноартиста Пьера Ришара, такой же мелкокудрявый, экспансивный. Спрашивает меня: «Вы говорите по-английски? Правда, эту «Молочницу» Гойя писал с моей жены?» Я посмотрел — и верно, «Молочница из Бордо» невероятно похожа на спутницу этого фотографа. Она стояла рядом с ним и улыбалась такой, знаете, загадочной улыбкой.

Олег снова закуривает.

— Хомячок, — говорит Джамиль, — а что это — пальмовое вино?

— Ну, точно не знаю. Наверно его гонят из пальмовых листьев.

— Что же эта дама с загадочной улыбкой? — спрашивает Ольга. — Она пленила тебя?

— Пленила? Да нет... Но они интересные люди. Джордж Хантлей — бизнесмен из Эдинбурга. По его словам, он происходил из древнего и знатного шотландского рода. Он с женой путешествовали по Испании, взяли напрокат машину и как раз собирались поехать в Малагу, осмотреть дом-музей Пикассо. Не знаю, почему я приглянулся Джорджу, но он предложил мне поехать с ними. Вот я и очутился в Малаге. Ну, а оттуда — на Costa del Sol. Тут очень хорошо, ребята. Много солнца, и такой воздух... Я устроился агентом в клуб La Costa. Мы предлагаем приезжим туристам купить таймшер. Знаете, что это?

— Никогда не слышал, — говорит Джамиль.

— Это международная система клубов RCI — Resorted Condominium International. Можно купить апартамент из одной, двух или трех спален на неделю, на месяц, на год или на всю жизнь. Живи в апартаменте в пределах срока. Можешь поменять его на такой же в клубе в любой части света, включая Австралию. Предлагаются льготы...

— Ты уже купил себе апартамент?

— Купил бы непременно, если б имел деньги. А вот тебе очень советую...

— Нам не нужно.

— Джаник, — говорит Ольга, тряхнув головой, — давай все-таки посмотрим, что это такое.

— Ладно, посмотрим, — говорит Джамиль.

И вот расторопный Олег, в своих пестрых бермудах и майке, выгоревшей на солнце бесконечного юга, останавливает такси, и они едут по ярким улицам, мимо отеля Al Andalus, в котором не далее чем вчера поселились Ольга с Джамилем, и выезжают на приморское шоссе.

— Видите башню? — Олег, сидящий рядом с шофером, указывает на круглую темную башню, одиноко торчащую на невысоком холме. — Она осталась от старинной мельницы, и от нее пошло название города. Torre — башня, molinos — мельница.

Ольга восторженно смотрит на проплывающие с обеих сторон виллы — белые, песочные, голубые, строгие классические, причудливые, с мавританскими арками, высящиеся среди пальм и кипарисов.

Смуглолицый водитель, поглядывая в зеркальце, улыбается ей.

— Как будто на другую планету попали, — говорит она.

А когда приехали в La Costa, Олег приставил к ним тоненькую брюнетку с мальчишеской стрижкой и кукольным улыбающимся личиком, а сам уехал — должно быть, снова ловить туристов на улицах Торремолиноса. Брюнетка оказалась, вот же удивительно, москвичкой из Медведкова, ее звали Катей. Она повела Ольгу и Джамиля по территории кондоминиума. Среди зеленых лужаек стояли белостенные одно- и двухэтажные домики под красной черепицей, в их архитектуре были заметны мавританские мотивы. Заходили в один, в другой, Катя расхваливала внутреннее убранство — вот односпальневая квартира на неделю... а вот — на две, на красный сезон... в кухне новейшее оборудование... Домики и впрямь были прекрасные, жить в них, наверное, одно удовольствие. Тут и бассейны с аквамариновой водой. В конюшне стояла, хрустела сеном пара упитанных лошадей, у одной из них, пегой, был красный глаз — может, от конъюнктивита. И несколько красавчиков пони мотали головами, словно приглашая прокатиться, — не понимали, видно, что не дети пришли, а взрослые.

— Спасибо, Катя, — сказала Ольга, когда, всё осмотрев, шла к административному зданию. — Вы давно в Испании?

Катя словоохотливо рассказала: второй год пошел, как она здесь. У нее дома, в Москве, не заладилась жизнь; однокурсник по институту культуры, за которого она на первом же курсе вышла замуж, оказался психом, патологическим ревнивцем/ Катя его прогнала, они развелись, но он изводил ее, скандалил, просто не было спасенья. Тут ей с подругой предложили поехать в Испанию, работать танцовщицей — так она оказалась в Малаге в группе гёрлс, в дорогом ресторане. Двухлетнего сыночка, Сереженьку, оставила маме с папой в Москве. Кончился годовой контракт, она в Москву улетела, но там все та же суматошная жизнь... в Медведково как-то не очень... в общем, она вернулась в Испанию... Но танцевать в ресторанах больше не хочет. Вот учится здесь, в La Costa, гостиничному бизнесу, ну и, конечно, языку... без языка нельзя...

Уже подходили к офису, и тут Катя замедлила шаг и — тихонько Ольге:

— А можно я спрошу? Вы с Олегом давно знакомы?

— Довольно давно. А что, Катя?

— Он всегда был такой?

— Какой — такой?

— Ну, чудной... беспокойный...

Ольга посмотрела на Катино миловидное лицо, умело подкрашенные глаза. Подумала: а ты вовсе не такая куколка, какой кажешься... бедненькая, и ты, как видно, запала на него...

— Скажу вам, Катя, по правде. Олег очень привлекательный, с ним не соскучишься. Но если вы хотите устойчивости... семейных отношений хотите...

— Катарина! — позвал из дверей офиса молодой человек с острой лысиной среди черных кудрей. — Скорее веди клиентов в зал. Начинаем!

Он это по-испански выкликнул, но Ольге-то было понятно. Катя по-испански ответила, а Ольге быстро сказала:

— Спасибо. Я всё поняла.

В зале за несколькими круглыми столиками сидели «клиенты» — три пары спокойных пожилых людей и семья восточного типа с двумя лупоглазыми мальчиками. Катя усадила Ольгу и Джамиля за свободный столик, на котором стояли графин с оранжевым джусом и высокие стаканы. Менеджер с острой лысиной обратился к собранию с приветливой речью на английском. По его словам выходило, что никому еще не удавалось так осчастливить человечество, как это делает клуб RCI. Только одно и нужно клубу — чтобы приличные люди и жили прилично, «with pleasure», то есть с удовольствием.

Затем к каждому столику подсел служитель RCI, а к Джамилю и Ольге и сам остролысый менеджер, а Катя принесла поднос с кофе. И пошел разговор, исполненный соблазна, но также и сомнений. Джамиль все прекрасно понял: одна спальня, красный сезон, то есть ежегодно две недели в любое время с мая по сентябрь, — это будет твоя собственность, она стоит всего 25 тысяч долларов, причем полторы тысячи сейчас, а остальное — в три приема в течение трех месяцев.

Менеджер говорил убедительно, Катя переводила, а Джамиль кивал, исподлобья глядя на остролысого, и отвечал, что ему надо подумать, ведь дело серьезное, нельзя так вот, сразу. Уже служители во всеуслышание объявили, что все три пожилые пары согласились стать мемберами клуба (восточная семья тараторила внутри себя и не давала ответа), а Джамиль все еще не соглашался. Менеджер даже пошел навстречу — снизил плату до двадцати двух тысяч пятисот, а он, упрямец недоверчивый, все твердил, что надо подумать...

Ольга в разговоре не участвовала, но настроение у нее явно испортилось. Она отодвинула недопитый кофе и сказала, что хочет домой, то есть в отель.

Когда сели в такси и поехали, Джамиль обнял ее и сказал:

— Конечно, жаль, но ты же понимаешь... Вот раскрутим дело — появятся свободные деньги...

— Да, да, понимаю, — кивала Ольга.

— Мы кафе на Каширке непременно купим. И в Строгино наверное. У нас будет целая сеть, клянусь. Олечка, не огорчайся...

— Да, да, конечно.

Она, и верно, понимала, что не бывает, чтобы всё сразу приобрести. Да, понимала. Не на облаке же, а на твердой земле жила. Но — настроению не прикажешь. Белый домик под красной черепицей возле бассейна с аквамариновой водой — ну ничего же особенного, а вот — запал в душу.

А может, что-то еще — не только белый домик — встревожило Ольгу? Кто ж ее знает... Женщин разве можно понять?..

К вечеру похолодало. Пообедав в гостиничном ресторане, сидели у себя в номере, смотрели по ТВ бракосочетание инфанты Елены с молодым аристократом Хайме де Малцинаром (кажется, так). В Севилье, в соборе, где всюду золото, архиепископ в высокой митре благословил новобрачных. Невеста в белом платье, с диадемой в волосах — ну, принцесса из сказки. Рядом с ней — длиннющий жених, тоже сказочно красивый. По окончании церемонии сели в открытую пролетку, кучер в круглой черной шляпе вскрикнул, тронул лошадей и покатили по улицам Севильи в сопровождении конных гвардейцев в старинных мундирах, а улицы запружены толпами — орут, размахивают платками, флажками, приветствуют новобрачных.

Как будто оперу показывали из давнишней испанской жизни.

— Джаник, я хочу в Севилью, — сказала Ольга.

— У нас заказан на двадцать второе отель в этой, как ее... в Марбелье.

— Хотя бы на один день. Севилья же недалеко. Успеем до двадцать второго.

— Ладно, — сказал Джамиль. — Позвони в рецепцию, спроси, как ходят автобусы в том направлении.

Ольга тут же позвонила и узнала: очень просто, надо в Travel agency купить экскурсию в Севилью, только и всего.

И утром, после завтрака, Джамиль отправился в Travel agency. А Ольга принялась мыть голову, потом просушила феном. Только вышла из ванной в цветастом японском халатике, с копной пышно распущенных после мытья волос, как в дверь постучали.

Вошел Олег, улыбаясь широко и, как показалось Ольге, несколько виновато. На нем сегодня не майка и не пестрые бермуды (в таком виде могли бы и не пустить в приличный отель), а джинсы и распахнутая на груди голубая рубашка.

— Holla, Оля, — сказал он, шагнув в комнату. — Вы вчера отказались от таймшера...

— Не отказались, а решили подумать.

— Да? Катя сказала, что отказались, и я подумал, что вы сегодня уедете, и вот зашел попрощаться. Портье дал номер вашей комнаты.

— Садись, Олег. — Ольга кивнула на кресло у низкого столика и сама села в кресло напротив. — Не кури, пожалуйста. Мы пока не уезжаем. Вот только в Севилью хотим. Джан пошел покупать билеты.

— Севилья — это чудо. Надо бы вам и в Гранаду съездить, посмотреть Альгамбру.

— Гранада — это чудо, — поддразнила его Ольга.

— Совершенно верно. Мир полон чудес.

Они помолчали, глядя друг на друга.

— Оля, — сказал Олег, понизив голос. — Милая Оля, я очень перед тобой виноват...

— Нисколько не виноват. — Ее голос прозвучал резковато.

— Знаю, ты уязвлена тем, что я исчез надолго... не объяснил, не объяснился...

— Не нуждаюсь ни в каких объяснениях.

— Оля, не надо так... непримиримо... Понимаешь, когда я прилетел в Индию, меня будто захватил поток...

— Тебя захватила твоя Чара.

— Поток разнообразной жизни. Можно сказать — я услышал, как течет сама История.

— История и у нас течет, не только в Индии.

— Это верно. Но когда с московских улиц попадаешь в мир совершенно другой, то тебя будто оглушает... и ты пытаешься понять мир не как простое скопление вещей... Мне трудно выразить словами, Оля...

— Ах, Олег... твои вечные фантазии... — с потаенным вздохом сказала она. — Понять мир! Просто не умеешь жить как все.

— Оля, прости меня!

— Тебя вечно заносит. Не замечаешь, что своими поступками причиняешь боль. Вот и Катя вчера... Заморочил голову бедной девочке...

— Прости, прости! — Олег вдруг пал на колени и обнял ее ноги. — Умоляю тебя, прости!

— Встань сейчас же! — крикнула она.

И тут распахнулась дверь, вошел Джамиль. Остановился на миг. Лицо его, обрамленное черными бакенбардами, потемнело. Не глядя на поднявшегося с колен Олега, он прошел к окну, бросив на ходу Ольге:

— Я оплатил экскурсию в Севилью. Завтра в девять.

Возникло трудное молчание.

— Сильный ветер сегодня, — сказал Джамиль.

Олег вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет, сунул ее обратно. Он как-то ссутулился больше обычного, словно стремясь стать малозаметным.

— Понимаю, должен уйти... — Он вздохнул. — Оля тебе подтвердит: я просто просил прощения.

Ольга сидела молча, подперев щеку ладонью. На ее гладком лбу прорезалась между бровей складочка.

— Я, как всегда, во всем виноват. — Олег опустил голову. — Простите. Всего вам хорошего.

Он шагнул было к двери, но тут Джамиль сказал резко:

— Очень хочу набить тебе морду.

— Ну, набей... если сможешь...

— Перестаньте! — властно сказала Ольга. — Уходи, Олег.

— Я тебя ненавижу, — сказал Джамиль, медленно двинувшись к Олегу. — Ни одному слову не верю, клянусь. Взлетел над побережьем! Прогуливал китайских собак! Сплошное вранье!

— Это дело твое — верить или нет. — Олег сощурил узко посаженные синие глаза. — Джамиль, не советую лезть в драку, — быстро добавил, уловив его угрожающее движение. — Я занимался карате.

— Чем еще занимался? — Джамиля было не узнать: лицо будто затвердело, баки топорщились. — Циновки плёл? Баб соблазнял?

— Ты живешь во времени, — сдержанно ответил Олег, — и я живу во времени. Только мы по-разному понимаем...

— Что? — выкрикнул Джамиль. — Что понимаем по-разному? Ты вообще ничего понимать не хочешь. Ты... ты девиант!

— Девиант? Ах ну да, девиация... То есть отклонение... А ты чем занят, Джамиль? Ты, физик, занят наукой? Черта с два. Харчевню открыл, шашлыки жаришь. Нувориш!

— Новый русский, да? Ну и пусть! А ты кто? *Новейший* русский? Ошалел оттого, что свобода теперь, слинял за границу...

— Прекратите! — заорала Ольга, ладонями сжав виски. — Заткнитесь оба! — Ее голос сорвался в визг.

— Всё, всё, умолкаю. — Олег пошел к двери. — Только учти, — бросил Джамилю, — ты не Штольц, я не Обломов. Оля, прости! И прощай.

3

— А денёк-то сегодня хорош, — сказал Аффонсо, задрав к небу клочковатую желтую бороденку, отросшую за время плавания.

День, и верно, выдался погожий. Корабли, стоявшие на якорях, лишь слегка покачивало на зыби. С неба наконец-то сползли тучи,

поливавшие нас холодным дождем, пока мы шли черт знает куда (перекрещусь при мысли о черте), не зная, обогнули ли мы проклятый этот мыс или все еще не дотянули до него. Наши корабли мотало и швыряло с волны на волну, с волны на волну. Стонали переборки, скрипели и гнулись мачты, будто под тяжестью туч, и ветер завывал страшно. Молнии то и дело взрезáли темное небо — не иначе, как *он* (опять перекрещусь) скалил зубы.

Мы валились с ног, окоченевшие, обессиленные, третий день без горячей еды. И ропот пошел на «Сао Рафаэле». Аффонсо, ну да, он-то первым и начал зудить и подбивать нас, матросов, на бунт. Но когда капитан с высоты кормовой крепости закричал нам, сгрудившимся внизу, на главной палубе, чтобы немедленно спустились в трюм вычерпывать воду, — вперед выступил не Аффонсо, нет, а его дружок Жануарио с лошадиной нижней челюстью. Да, Жануарио проорал сквозь завывания ветра требование экипажа: повернуть обратно и идти в Лиссабон... потому что вперед дороги нет, а в гости к морскому епископу никто не хочет. Капитан стал грозить заковать бунтовщиков в кандалы, а зачинщиков вздернуть на рею. И он это сделал бы, потому что капитан «Рафаэля» был нисколько не добрее своего старшего брата, капитана-командора, шедшего на «Сао Габриэле». Но тут кормчий крикнул, что с «Габриэля» сигналят флагами о перемене курса.

Ну да, капитан-командор повернул флотилию на северо-восток — должно быть, решил, что уже обогнули мыс Бурь.

И так оно и было, слава Господу. Шторм утих, через два дня мы увидели берег. Он был гористый, неприветливый — а с чего ему быть приветливым? В этих краях если и живут люди, то уж у них, верно, собачьи головы. Это Аффонсо так говорил по вечерам в кубрике, когда матросы, свободные от вахт, валились на свои жесткие койки.

И опять трепал нас шторм, и один из кораблей — маленькая каравелла-ретонда, груженная провиантом, — сильно потекла и стала совсем непригодна для плавания. На стоянке в заливе, в который впадала какая-то река, капитан-командор приказал перегрузить бочки с водой и вином и ящики с провиантом на другие корабли, а ретонду сжечь. Всю ночь она полыхала. А утром на берег вышли черные почти нагие люди — должно быть, их привлекло ночное зарево. Головы у них были обычные, не собачьи. В общем, они были такие же, как на той стороне Африки, в Гвинее, откуда уже лет двадцать в Португалию привозили чернокожих рабов.

И пошла на берегу потеха. Из ящика со всякой мелочью туземцам дарили бубенцы, стеклярус, зеркальца. Они радовались, как дети. Отдавали в обмен ожерелья из зубов каких-то зверей, браслеты из

слоновой кости. Мне досталась большая розовая раковина. Приложишь ее к уху — услышишь легкий гул, будто утренний бриз посвистывает. Хорошая была раковина — пока Аффонсо не положил на нее глаз.

— Эй, кастельяно, — сказал он, когда мы вернулись с берега на «Сао Рафаэль». — Отдай раковину.

— Это еще почему?

— Чернорожий *мне* ее протянул, а ты перехватил.

— Врешь, — говорю. — Я ему пуговицы дал, а он мне раковину.

— Я вру? — прошипел Аффонсо. У него такая была манера: когда злился, оттягивал углы рта чуть не к ушам, губы вытягивались в неровную нитку, и он шипел, как рассерженный кот, а из злобно прищуренных глаз только что искры не вылетали. — Я вру?! Ах ты, кастильская собака!

Он бросился на меня, стал вырывать раковину, я его отпихнул, в следующую секунду мы сцепились, покатились по кренящейся палубе, тыча кулаками куда попало. От сильного удара в нос я взвыл, раковина вынала из руки, Аффонсо быстро перехватил ее и, размахнувшись, вышвырнул за борт. Ругаясь, я кинулся на него, но ребята нас разняли.

Не знаю, почему этот злыдень невзлюбил меня, можно сказать, с первого взгляда. С того дня, когда на «Сао Рафаэле», стоявшем в лиссабонском пригороде Бе́леме, на синей широкой воде Тежу, начал размещаться экипаж. В кубрике я занял койку и рундук рядом с ней. Рундук для моряка, сами знаете, вещь очень важная: в нем он хранит, под замком, добычу, ради которой вообще-то и пускается в дальнее плавание. Сорок крузадо, выданных каждому матросу перед отплытием, тоже, конечно, вещь далеко не лишняя. Но их можно и на суше заработать, если повезет. А вот в дальнем плавании, когда идешь искать дорогу в Индию, непременно должна быть добыча: либо в новых землях ее возьмешь, либо на кораблях, которые захватишь и обчистишь в море. Тут-то и нужен хороший запирающийся рундук. Так вот, только я занял рундук рядом с койкой и возился, присев, с его замком, как кто-то пнул меня сапогом в зад. Я вскочил и воззрился на невысокого широкоплечего матроса. У него из-под вязаной шапки из овечьей шерсти торчали во все стороны вихры, такие же темно-желтые, как и шапка. А глаза были железного цвета.

— Чего надо? — сказал я. — Чего ты пихаешься?

— «Чего пиха-а-ешь»! — передразнил тот, оттягивая углы губ чуть не до ушей. — Ты откуда, из Кастилии, что ли? Это мой рундук!

— Нет, мой, — говорю. — Я его занял.

— Я занял раньше. Убирайся!

— Сам убирайся!

— Не хочешь по-хорошему? — Взгляд Аффонсо, так его звали, стал прямо-таки режущим. Рука легла на широкий пояс, с которого свисал матросский нож в кожаных ножнах. — Эй, Жануарио! — крикнул он.

К нам сунулся верзила с лошадиной нижней челюстью, в плаще с капюшоном.

— Покажи этому... этому кастельяно, — прошипел Аффонсо, — кто раньше занял рундук.

Я взглянул на огромные ручищи Жануарио, выругался: «Voto a Cristo!» — и пошел искать другой свободный рундук. Ну их к черту (я перекрестился). У меня тоже, конечно, висел на поясе матросский нож, но — очень уж неравные были силы.

Кастельяно — так прозвал меня этот бесноватый Аффонсо.

Вообще-то я, и верно, не совсем португалец. Мать-то у меня португалка, а отец родом из Кастилии, из Алькантара — городка на реке Тахо, в том ее месте, где она пересекает португальскую границу и дальше называется уже не Тахо, а Тежу. Отец рыбачил, ну а я с малолетства шастал с ним по реке в его лодке — управлялся и с веслом, и с парусом. А когда вошел в возраст, стал наниматься матросом на морские суда. Португальский язык похож на испанский, я на нем говорю свободно, ну, может, немного растягиваю слова. Это что — повод, чтобы обзывать меня «кастельяно» и ненавидеть? За что?

Когда после долгой стоянки в бухте Святой Елены снимались с якоря, крутили кабестан, медленно идя по кругу и грудью налегая на вымбовки, Аффонсо, шедший за мной, вдруг ударил ногой по моей ноге так, что у меня коленка подкосилась. Я заорал от боли, покрывая скрип кабестана и мотив унылой песни, какую всегда поют, выбирая якорь. «Эй, вы, что такое?» — гаркнул офицер. Нет, я не стал жаловаться ему на Аффонсо. Что толку? На кораблях не бывает без ссор и драк.

А однажды в кубрике, после ужина (день был постный, без мяса, с овсяной кашей, ну и, как положено, выдали по чашке вина и немного сыра), Аффонсо принялся рассказывать, будто видел в горах озеро, на поверхность которого всплывают обломки кораблей, потерпевших крушение в дальних морях. Вдруг остановил свою травлю, крикнул мне:

— Эй, кастельяно, чего усмехаешься? Не веришь?

Я говорю:

— Где ты видел такую гору? Ты ведь из Алентежу, там и гор никаких нету.

— Как это нету? — зашипел он. — Вот я набью твою кастильскую морду!

И двинулся было ко мне, но усилившаяся качка бросила его в сторону, и тут вахтенный прокричал сверху из люка:

— Марсовые, к вантам! Брать рифы у марселей!

Я карабкался по вантам на тринкетто — переднюю мачту, она уже здорово раскачивалась. Хоть и привычно, но все равно страшно. Ветер быстро набирал силу, но от тебя требуется еще бóльшая сила, чтобы, вися на марса-рее, зарифлять неподатливый парус. Проклятый ветер рвал завязки из рук, озябших до костей. Океан, будто обуянный непонятной злобой, гнал вал за валом, и под их ударами корабль содрогался своим деревянным телом, валился с борта на борт, стонал от боли. Клочья пены летели, достигая до марсовых, висящих на верхотуре. В завываниях ветра мне вдруг почудилось: «Убью-у-у... убью-у-у... чужезе-е-мец...» Я покосился на Аффонсо, работающего слева от меня, — его рот был растянут от уха до уха, так уж мне показалось, — растянут в злобной усмешке.

Идя на север вдоль африканского побережья, мы давно уже оставили позади белый столб над высоким обрывом — «падрао», водруженный Бартоломеу Диашем в крайней точке своего знаменитого плавания. Похоже, что мы вышли из полосы штормов. Морской черт перестал скалить зубы. Под Рождество миновали зеленый берег, на котором паслось стадо безрогих коров, — его так и назвали: «Natal», то есть Рождество. Встречные течения, безветрие останавливали продвижение. Но мы все же шли и шли. Капитан-командор упрямо вел корабли в неведомые воды, к незнакомым берегам.

Была долгая стоянка в заливе близ широкого устья реки. Набирали в бочки пресную воду. Выменивали у чернокожих обитателей этих мест продовольствие (надо же, у них были такие же куры, как в Португалии!) — в обмен на зеркальца и тряпки. Ждали попутного ветра.

Аффонсо задрал к безоблачному небу клочковатую бородку и сказал, лениво потягиваясь:

— А денёк-то сегодня хорош.

— Еще как хорош, — подтвердил Жануарио. Он всегда и во всем соглашался с Аффонсо. Скажи тот, что, к примеру, вон с того холма взлетела ведьма на помеле, он и это подтвердит. Не дал Господь ему, Жануарио, большого ума. Зато силы у него было много, хоть отбавляй.

День, клонившийся к вечеру, и верно, выдался прекрасный — как бывало на Пасху в моем детстве в Алькантаре. «Сао Рафаэль» — наше деревянное корыто, изрядно расшатанное штормами, — слегка покачивало на зыби. С моря тянул теплый ветерок, ласковый, как голос мамы, сзывавшей нас, пятерых деточек, на ужин. Я маму плохо помню, она умерла при очередных родах, но голос-то ее застрял у меня в ушах. Облокотясь на фальшборт, я глядел в морскую даль. Откуда я знал, что море тут называется Мозамбикским проливом? Странно. Уж не приснилось ли это название? В морских снах чего только не углядишь, не узнаешь...

И тут я увидел: в наветренной стороне, не далее чем в полулиге, всплыло как будто здоровенное бревно... темно-оливковое, лоснящееся на солнце... выбросило в небо фонтан веселой воды...

— Кит! — крикнул я. — Смотрите! Это мой кит!

Тут и дозорный с тринкетто заорал:

— Киты!

Да, да, вон еще фонтан... и еще... да их тут целое стадо!

— Киты!

В миг с «Рафаэля» слетело сонное оцепенение. Из своей каюты вышел капитан, приставил к глазу длинную подзорную трубу. Должно быть, и он подумал о том же, о чем кричали, перебивая друг друга, матросы на главной палубе: кит — это свежее мясо! Отличный жир для освещения, вместо вонючих сальных свечей! Что же — неужели упустим возможность поразвлечься... загарпунить такую зверюгу?!

— Киты! Киты! — орали мы, столпившись на правом борту. — Сеньор капитан!

И капитан велел спустить на воду обе шлюпки.

Он и сам пошел в одной из них на охоту.

— Навались! — кричал капитан, сидя в корме и размахивая рукой в такт гребле. — Навались, чертовы лентяи! А ну, покажите, на что способны моряки короля Маноэля!

А мы и не знали, что он такой азартный.

И уж мы не жалели сил, клянусь Святой Троицей! Откидываясь назад, приподнимаясь над банками, мы с такой силой загребали веслами, что только жилы не лопались. Шлюпка летела по синей воде, как стрела, пущенная из арбалета.

— Догнать их, догнать! — вопил капитан. Над его черным беретом колыхалось огромное перо. — Навались!

Сидя на банках спиной к китам, мы не видели их, но понимали, что они не очень-то хотят, чтобы их настигли.

— Ага, толстячок! — закричал капитан, подавшись вперед, чуть не щекоча своей бородой лицо загребного. — Вот так, матросы, еще немного, и мы его возьмем! — Он повел вправо рулевое весло. — Давай, давай! Эй, гарпунщик! Не спи, чтоб тебе не иметь отпущения грехов! Готовься!

А Жануарио — он-то и был гарпунщиком, с его бычьей силой, — уже стоял наготове в носу лодки, за моей спиной. Я сидел на носовой банке, от бешеного темпа гребли сердце так колотилось, что казалось, — вот-вот оно выскочит и, горячее, плюхнется в океан... в этот, как его... Мозамбикский пролив... и пролив задымится... Пот катил по лицу, заливая глаза... Voto a Cristo! Нелегко быть моряком короля Маноэля...

Стоя за моей спиной, Жануарио громко сопел и бормотал себе под нос — молитву, что ли? Один из трех гарпунов, лежащих на длинной полке под планширем, был у него в руках. Эти гарпуны — страшное оружие, они тяжелые, с острым железным наконечником. Такой вопьется в китовое мясо — уф-ф-ф!

— Суши весла! — скомандовал капитан «Рафаэля».

Теперь лодка скользила по инерции, и слева от нее оказался кит. Мой кит! Мы его догнали! Он плыл, приподняв огромную голову, и начал было поворачивать...

— Бей, гарпунщик! Не дай ему уйти!

Жануарио размахнулся и, хрипло вскрикнув, метнул гарпун. Футов сорок было до кита, даже больше, но недаром Жануарио слыл первым силачом флотилии: посланный им гарпун летел чуть ли не со скоростью ядра из бомбарды. И воткнулся киту в бок. Да, прямо в лоснящийся на закатном солнце жирный бок — мы видели это! Мы заорали от восторга — но тут же ор и оборвался. Раненый кит дернулся, и размотавшийся до конца канат, которым гарпун был привязан к планширю, резко сотряс лодку. Жануарио повалился навзничь...

— Эй, на носу! — выкрикнул капитан. — Второй гарпун!

И тут от удара по голове я свалился с банки на дно шлюпки. Не знаю, успел ли Аффонсо метнуть в кита второй гарпун. Да, Аффонсо... он греб на соседней банке, его широкая спина, обтянутая желтосерой фуфайкой, была у меня перед глазами. Он кинулся через мою банку к планширю, под которым лежали гарпуны, при этом локтем или кулаком двинул меня в висок. Кажется, я потерял сознание... а может, просто красным полотном заката заволокло... не знаю...

Но хорошо помню, что очнулся в воде. Холодная вода плеснула в лицо, и снова стал я зрячим... Увидел рядом качающийся берет капитана с мокрым пером... А вот голова Аффонсо в желтой вязаной шапке, приросшей, наверно, к его волосам...

Черная корма нашей лодки косо уходила под воду...

4

Ну и задал мне работы Тукарам! Уже несколько дней бьюсь над одним его стихотворением. Таким высоким стилем воспевает божественную любовь, что я пребываю в сомнении: не использовать ли старинную — церковно-славянскую — лексику? Наподобие того, как это сделал Гнедич при переводе «Илиады»...

Нет, я, конечно, не сравниваю. Я не Гнедич, а Тукарам — не Гомер. Он, как рекомендует его в своей антологии Митчелл, самый зна-

менитый из старых маратхских поэтов. Выходец из низшей касты шюдра, странник, аскет... удивительный идеалист из семнадцатого века... Жилось Тукараму трудно, как и каждому идеалисту, и прожил он, бедняга, всего сорок лет.

И вот я сижу над пожелтевшими страницами антологии «The chief Marathi poets», составленной Митчеллом в конце XIX века, и ищу слова, наиболее точно передающие красоту и смысл оригинала. Перевожу, как вы уже поняли, с английского. Маратхский язык я немного знаю, научился разбираться и в письме деванагари, но этого мало, чтобы напрямую переводить старые индийские тексты. С английского — мне легче. Обложился словарями, под рукой шастры — священные книги индусов. Пепельница полна окурков, в комнате сильно накурено — Катя придет с работы, обругает меня, кинется открывать окно. «Ты какой-то сумасшедший, — скажет. — Неужели приятно сидеть в дыму?» А я отвечу цитатой из Горация: «Лучше безумцем прослыть и болваном, чем умником хмурым». «Ну, — засмеется Катя, — ты все-таки не безумец, значит — болван».

Она хорошая, моя Катя. Заботливая, домовитая. Первое время, когда приехали из Испании, мы жили врозь. Мама тяжело болела, я долго ее тянул — почти три года. Конечно, очень помогали учительницы из ее школы. И Катя приезжала из своего Медведкова, дежурила у постели мамы, когда я уходил по своим делам, навещала маму, когда ее клали в больницу. А после маминой смерти Катя с Сережей переехали ко мне. Наш брак не зарегистрирован. Я не зову Катю ни в загс, ни в храм (она верующая), а она тоже помалкивает. Хотя я понимаю, чувствую, что ей неприятна неурегулированность наших отношений.

Эта моя повышенная чувствительность... Порой она тяготит меня, но я не знаю, как от нее избавиться. Да и можно ли?

Я Кате сказал, что в прошлой жизни она была цирковой наездницей.

— Что за чушь, — удивилась она. — Какая еще прошлая жизнь? Такого не бывает. И я боюсь лошадей.

Я не стал спорить. Но точно помню: однажды во время моих «озарений» (так уж я называл про себя *это*) я видел: бежит ровной рысью по цирковой арене вороная лошадка, посреди манежа щелкает шамберьером длинноволосый мужчина с лицом ирокеза, весь в позументах, а на лошадке, на пурпурном седле стоит она, моя Катя, ошибиться невозможно — ее лицо, ее изящная фигура, затянутая в сверкающее серебряное трико... Я даже афишу увидел на круглой тумбе, и представилось мне, что цирковое действо происходит в каком-то южном городе — в Ростове-на-Дону, возможно... Лошадка бежит

вдоль барьера, и Катя готовится совершить прыжок, сальто-мортале... ах, не надо, не надо!..

Прыжка я не видел, но испытал страх за Катю, и казалось, что однажды она все-таки упала на арену. Может, поэтому теперь боится лошадей?

Сегодня Тукарам дается мне плохо. Пачка «Мальборо», начатая утром, подходит к концу. И странное ощущение вдруг возникает: будто должно произойти что-то нехорошее.

Встаю, открываю окно. С привычным уличным шумом, с вечным гулом транспорта в комнату входит февраль. Морозный воздух холодит лицо и руки. Неохотно рассеивается табачный дым. И неизвестно откуда — из глубин подкорки, что ли, — является летучая мысль о граде Китеже.

Не в первый раз уже. Довольно давно я вычитал эту сказку... вернее, сказание... Вы помните, наверное. Тринадцатый век. «Прииде нечестивый и безбожный царь Батый на Русь воевать; грады и веси разоряше... людие мечу предаваше... и бысть плач великий». Плакал и благоверный князь Георгий, внук равноапостольного князя Владимира. А поплакавши собрал дружину, Богу помолился — и пошел навстречу Батыеву войску. «И бысть сеча велия и кровопролитие многое». Храбро бились русские, но очень неравны были силы. Князь Георгий с остатком своей дружины ушел вниз по Волге и засел в Малом Китеже. Весь день бились с Батыем, осадившим город, а ночью Георгий с уцелевшими бойцами бежал в Великий Китеж, что стоял на берегу озера Светлый Яр (или Светлояр). Утром Батый ворвался в Малый Китеж и стал выведывать: куда ушел Георгий. Некто Гришка Кутерьма не выдержал пыток и указал хану дорогу на Великий Китеж. Но когда Батыево войско приблизилось, этот город — этот странный град — по Божиему заступничеству стал для татар невидимым. Будто и не было его. Будто он опустился на дно Светлояра.

Вот такое сказание. Ученые люди причисляли его к средневековым ходячим сюжетам о затонувших городах. Но было на Руси еще и такое толкование сюжета: во время раскола в Китеже спасались праведники — приверженцы старой веры — от антихриста, каковым считали Никона. В окрестных сёлах еще долго слышали колокольный звон, доносившийся со дна озера...

На географических картах Китежа нет — ни Малого, ни Великого. Нет и тогдашнего озера Светлояр. (Есть одноименное, но оно, расположенное километрах в ста к востоку от Волги, вряд ли было тем самым легендарным Светлояром.) Но ведь это не означает, что Китежа не было в действительности. На пустом месте не возникают легенды. Трои тоже не было на картах, но Шлиман раскопал же, нашел ее. Короче: я стал наводить справки и выяснил, что Китеж мог стоять

на том месте, где теперь город Городец — в Нижегородской области, у южного края Горьковского водохранилища. Возможно, в этом водном бассейне сохранились какие-то следы затонувшего древнего града. Я подговорил двух ребят, с которыми ездил когда-то на Белое море добывать мидии, — уговорил их летом поехать в этот Городец, понырять в водохранилище, посмотреть, что́ прячет оно на дне. Мы опытные дайверы — может, и найдем что-нибудь такое... осколки старинной сказки...

Но прежде мне нужно управиться с Тукарамом и Махипати, а также, по возможности, и с Анантапханди — на переводы их стихов со мной недавно заключило договор одно издательство, заинтересовавшееся литературой маратхи. В периодике прошли два рассказа Сатхе в моем переводе, и теперь я как бы числюсь по разряду переводчиков.

Однако пора закрыть окно. Дыма в комнате стало меньше, но холоду я напустил многовато. Закрываю — и вдруг опять, опять... Что-то произошло нехорошее — с кем?.. Скорее всего ложная тревога. Может, какое-то уличное происшествие случайно царапнуло мой сверхчувствительный нерв. Но на всякий случай я звоню в турфирму, где работает Катя. Набирать приходится несколько раз, у них вечно занято, но вот наконец я слышу высокий Катин голос. Ну слава Богу, все в порядке.

— Нет, ничего не нужно, — говорю в трубку. — Я просто так звоню. Хочу тебе сказать, что не оттого я доволен, что мне тепло, но мне тепло оттого, что я доволен.

— Ой, Олег, не морочь голову.

— Это не я, — говорю. — Это Спиноза.

— Мне некогда, тут посетители. Сережа пришел из школы?

— Нет еще... Ага, вот хлопнула дверь. Пришел.

— Накорми его. В холодильнике тефтели и пюре.

— Накормлю, не беспокойся. — Я кладу трубку.

Бормоча себе под нос: «Неужели в самом деле в холодильнике тефтели», отправляюсь на кухню. Насчет пюре у меня тоже есть придумка:

Как-то раз на суаре
Молвил старый наш кюре:
«Предпочту любой муре
Я хорошее пюре».

Разогретые мною тефтели Сережа поедает быстро. Он вообще очень динамичный мальчик, постоянно в движении, велосипедист и роликобежец. Ему идет одиннадцатый год, и я думаю, что по возрасту

он мог бы быть более начитанным. Я-то, во всяком случае, в свои десять лет читал куда больше. Но Сережа, как и все нынешние дети, книгам предпочитает телевизор. И обожает компьютерные игры — это, можно сказать, всеобщее генеральное поветрие. Мне кажется, оно не способствует развитию IQ, то есть коэффициента интеллекта.

— Почему ты не ешь пюре?

— Не хочу, — говорит Сережа, скользнув по мне быстрым взглядом. — А что такое «Трансваль»?

На днях сообщили об ужасном происшествии в Ясеневе — там обвалилась крыша аквапарка, почему-то названного этим именем, — погибли люди.

— Трансвааль, — говорю. — Через два «а». В Южной Африке есть река Вааль. Так ее когда-то назвали голландские поселенцы — буры. А местность за Ваалем назвали Трансвааль. Там шла война между англичанами и бурами.

— А зачем голландцы полезли в Африку?

— Ну, не то чтобы они полезли, — говорю. — Они бежали из Европы от религиозных притеснений, основали на юге Африки Капскую колонию. А когда вторглись англичане...

Тут я умолкаю: вижу на Сережином лице отсутствие интереса. Он, дожевывая последнюю из тефтелей, срывается с места — спешит к компьютеру. Вскоре из его комнаты — бывшей маминой — доносятся вой моторов, крики, автоматные очереди, ну, в общем, пошла игра. Бессмысленная и беспощадная.

Будь моя воля, я бы запретил Сереже эти компьютерные «стрелялки». Поначалу, когда Катя с ним переселились из Медведкова ко мне, я попытался принять участие в его воспитании. Сережа был неглуп. И красив, весь в маму — стройный и тонкий, с чертами лица, словно вычерченными по хорошим лекалам, только уши немного портили, стояли торчком, — наверное, достались от папочки (Катя говорила, что он наконец оставил их в покое, уехал на заработки не то в Анголу, не то в Алжир).

Да, но вскоре я понял, что мое вмешательство нежелательно. Не только потому, что в Катиных глазах я, со своими странностями, не гожусь в воспитатели, — тут она, возможно, права. Но дело в том, что она, Катя, остро чувствует *свою вину* перед сыном. Ну как же, прогнала отца, потом надолго уехала, оставив двухлетнего Сережу на попечение болезненной бабушки и вечно чем-то недовольного деда. Вот по возвращении в Москву Катя и пустилась, скажем так, наверстывать упущенное внимание к сыну. Что Сереженька пожелает, то мама и сделает: купит модные джинсы, или импортные ролики, или белые кроссовки с синей надписью «Maradona». Вот вам! У моего сына всё не хуже, чем у ваших детей!..

Что и говорить, при ее незначительной зарплате (и при моих нерегулярных заработках) такое безудержное попечение очень напрягает наш скромный бюджет. Вообще-то мне ничего не нужно — удовлетворяюсь минимумом еды, ношу старые джинсы и свитеры. Кате, конечно, как и любой женщине, хочется покупать модную одежду и украшения, но она умеет ограничивать свои желания. Носит то, что привезла из Испании. Сосредоточена на потребностях сына и, увы, не замечает (или не хочет замечать) его возрастающий эгоизм.

Сережа, конечно, знает, что я ему не отец. Не называет меня папой. Дядей Олегом — тоже. Никак не называет. Я для него — некто живущий с его мамой, и меня можно использовать как справочное бюро. Что такое Млечный путь? Какая разница между револьвером и пистолетом? А что такое сталинские репрессии?.. Он мальчик толковый, быстро схватывающий информацию, коей переполнена нынешняя жизнь. Но я не знаю, сможем ли мы стать друзьями, когда Сережа подрастет.

Не умолкает, все более нарастает треск автоматных очередей в его комнате. С кем он там воюет?

Возвращаюсь к Тукараму — и вдруг взрывается телефон. Так уж мне показалось: не зазвонил, а будто взорвался. В трубке — плачущий Катин голос:

— Ой, Олег, беда, беда! Убили Джамиля!

— Как — убили? Кто убил?

— Ой, не знаю... — Катя всхлипывает. — Кто-то стрелял из машины... К нам позвонил помощник Ольги Викторовны... Не знаю... просто ужас...

Посыпались отбойные гудки.

Я сижу над телефоном с трубкой в руке. Надо бежать... куда бежать — к Кате в турфирму? Или к Ольге?.. Но я даже не знаю, где ее офис... где они с Джамилем живут... Мы же не общаемся... Вернее, Катя иногда с Ольгой... С того далекого марта, когда они познакомились в Испании, в La Costa, их отношения не прерывались. Почему-то Ольга расположилась к Кате — устроила на работу в турфирму, в которой прежде сама работала оператором. Не знаю, как объяснить это ее покровительство... но подозреваю, что оно замешано на прежних наших отношениях...

Боже мой, Джамиль убит! Невозможно поверить...

В школьные годы играли с ним в баскетбол, наша команда была не из слабых. Лохматый, порывистый, увлеченно говорил о протонах, электронах... о кварках... Выдержал труднейшие экзамены в МФТИ и все пять лет учебы шел хорошо. Его звали в какой-то засекреченный институт, занятый космическими разработками, «небесными делами»,

как говорил Джамиль. Но вместо неба он кинулся на землю... в персть земную... Одно кафе, другое, третье пали под его напором. Со своим братом Джамиль сделался владельцем целой сети кафе и ресторанов. Здорово разбогател. А Ольга... Ну что ж, она получила ту жизнь, которую я никогда не смог бы ей дать... которую она хотела... Holla, Оля! Ты тоже не сидела сложа руки — пустила часть Джамилевых миллионов в туристический бизнес, стала полновластной хозяйкой крупной компании...

Сыплются отбойные гудки. Я кладу трубку на рычаг.

Некуда бежать.

В семь в последних известиях передали: «Сегодня совершено покушение на бизнесмена Джамиля Джафарова. Он вышел из подъезда своего дома, когда из проезжавшего мимо автомобиля был открыт огонь. Телохранитель, бросившийся к Джафарову, подхватил его тело. Бизнесмен скончался у него на руках. По словам охранника, стреляли из автоматического оружия из окна синих «жигулей-девятки». План «Перехват» пока не дал результата...»

Ну, как всегда.

А в девятичасовом выпуске новостей снова повторили про убийство Джамиля и добавили, что машина, из которой стреляли, найдена — убийцы бросили ее в Кузьминках, на улице Юных Ленинцев. И еще сказали, что в качестве главной версии преступления рассматривается экономическое соперничество.

Катя приехала домой поздно: весь вечер просидела у Ольги. Там, в квартире Джафаровых, собралось немало народу — сослуживцы, родственники, друзья.

— Ой, ты знаешь его брата — Адиля? — спросила Катя, когда я в передней стягивал с ее ног сапоги.

— Знаю, — сказал я. — Он иногда приезжал из Баку. Мы еще в школе учились, а Адиль уже был знаменитым борцом.

— Ой, такой толстый, усатый. Голос пронзительный — как у Жириновского. Кричит, что найдет убийц. Из-под земли достанет.

— Он достанет, — говорю. — Мой руки, пойдем чай пить.

— Я напилась, не хочу. Сережа, ну как ты? — крикнула Катя в комнату сына, откуда доносились спорящие голоса, перемежаемые стрельбой.

— Нормально! — откликнулся тот меж двумя выстрелами.

— Уроки сделал?

— Сделал, сделал.

В Сережином голосе отчетливо слышалось: не мешай занятому человеку.

Я пил на кухне чай с хрустящими хлебцами. Катя вышла из ванной в красном махровом халатике, села напротив меня. Того детского

наивного выражения, которое когда-то, на Costa del Sol, привлекло мое внимание, давно уже не было на Катином лице. Ее лицо, с высоко поднятыми черными тонкими бровями, с приоткрытым маленьким ртом, теперь выражало озабоченность, а сейчас еще и усталость и, я бы сказал, насыщенность неприятностями жизни. Мне захотелось погладить Катю по голове, приласкать, сказать ей ободряющие слова. Но я просто поставил перед ней чашку:

— Может, попьешь?

— Ладно, налей. — Катя потянулась к хлебцам. — Знаешь, что сказала Ольга Викторовна? Утром Джамиль ей говорит, что видел страшный сон. Будто они прощаются на берегу океана, и он, Джамиль, садится в лодку, берется за весла и уплывает. Ольга кричит ему: «Когда ты вернешься?» А он отвечает: «Никогда». Подумай, какое жуткое совпадение.

— Да, совпадение, — сказал я. — Совпадение во времени двух причинно не связанных событий, имеющих одинаковый смысл, кажется сверхъестественным. Юнг называл это синхроничностью.

— Кто называл?

— Карл Юнг. Я тебе о нем рассказывал.

— А, это тот ученый, к которому влетел в окно жук?

— Да, тот самый.

Уж не помню, в связи с чем я рассказал однажды Кате эту известную историю из области психоанализа. К Карлу Юнгу обратилась за помощью тяжело больная женщина. Она уже потеряла надежду на излечение — и вот, прослышав о Юнге, приехала к нему на прием. И пустилась подробно рассказывать о болезни. Как раз она излагала Юнгу свой сон о том, как ей подарили золотого скарабея, и тут послышался легкий стук в окно. Юнг отворил окно, и в комнату влетел жук — местная разновидность того скарабея, которого в Древнем Египте считали священным. Женщина была настолько поражена этим совпадением, что быстро пошла на поправку. Возможно, уверовала, что жизненный ресурс еще не исчерпан.

Однако странный сон Джамиля зацепил меня. С чего это приснилось ему, что он садится в лодку и уплывает в океан? Когда я вижу во сне, как мы налегаем на весла и гоним шлюпку по синей воде, чтобы загарпунить кита, то это можно понять. Я с детства, самого раннего, мечтал уйти в океан. Наверное, в меня впечатаны морские гены (если таковые существуют). Но Джамилю, абсолютно сухопутному человеку — ему-то почему показывают морской сон?

Мы с Катей пили на кухне чай с хрустящими хлебцами. Из-за стены доносились угрожающие крики и выстрелы — то одиночные, то длинными очередями. За окном истекал тусклым фонарным светом долгий февральский вечер.

Спустя два дня в ритуальном зале Троекуровского кладбища происходила панихида. Мы с Катей приехали за полчаса до ее начала, но уже было много народу. В медленно текущей очереди мы приблизились к гробу и положили красные розы на длинных стеблях. По грудь в цветах лежал Джамиль в костюме-тройке, в белой сорочке с черным галстуком. Странно, но я не сразу его узнал. Давно ведь не видел. Он был *седой*, с сильно поредевшими над лбом волосами. На его лице — широком, с синеватым оттенком, с мешочками под закрытыми глазами лице — я прочел выражение недовольства. Он будто кричал безмолвно: «Да вы что? С ума посходили?» Катя быстро перекрестила его.

Тихо играла музыка — струнный квартет.

В нескольких шагах от гроба на длинной скамье сидели родственники Джамиля. Ольга, заметно располневшая, со знакомой трудной складкой между бровями, с незнакомой взбитой прической, сидела очень прямо, неподвижно, одетая во все черное. Когда мы с Катей подошли со словами соболезнования, Ольга секунды на три задержала на мне взгляд и медленно молча кивнула. Рядом с ней сидела мама Джамиля, молодящаяся дама лет шестидесяти пяти. Я помнил ее: в наши школьные годы она была розоволицей блондинкой, строго требовавшей, чтобы я немедленно разулся, когда входил в их квартиру. Я знал, что ее муж, старый гинеколог, умер довольно давно. Вытирая платочком заплаканные глаза, она воззрилась на меня, когда я произнес сочувствие, поблагодарила, но, кажется, не узнала.

А вот Адиль, сидевший рядом с ней, узнал.

— Хомячок? — сказал он. — Ну, ты почти не изменился.

— Прими мое сочувствие, Адиль.

— Да-да. Убили нашего Джана...

Он был пузатый, облысевший, с седыми, неровно подстриженными усами. А ведь какой был когда-то красавчик — мускулистый борец, победитель спартакиад и женских сердец. Я знал, что Адиль редко бывает в Москве, у него какой-то бизнес в Баку.

— Отец тоже хотел прилететь, — сказал он, — но врачи не пустили. Болеет сильно. Смерть Джана его совсем подкосила.

По другую сторону от Ольги сидела, обливаясь слезами, ее сестра Светлана. Я, конечно, помнил ее, она была не такая красотка, как Ольга, но тоже прекрасно сложена. Светлана была профессиональной бегуньей, ей принадлежало несколько рекордов, в том числе и всероссийский. А с мужьями ей не везло. Первый муж, прыгун с шестом, оказался жутким бабником, ни одной юбки не пропускал, — Светлана терпела год, терпела два, а потом прогнала прыгуна. Второй муж тоже был из мира спорта, пловец с олимпийскими достижения-

ми, с весьма серьезными намерениями, — вдруг он угодил в автокатастрофу, врачам не удалось его спасти. Теперь Светлана замужем за скалолазом Тимохиным — это я знал от Кати.

А увидел его тут, на похоронах Джамиля, в первый раз. Рядом с плачущей Светланой сидел широкоплечий блондин не блондин — человек средних лет с желтоватой шевелюрой, будто растрепанной от постоянного трения о скалы. Впрочем, он уже давно не занимается скалолазанием (это я тоже знал от Кати, от кого же еще), а имеет какой-то бизнес. Вернее — имел. Что-то производил он для огородников — сетки, покрытия для теплиц, — но прогорел. И еще какую-то потерпел неудачу, еле выкрутился. А теперь у него было охранное агентство — это все, что я знал о нем. Никогда, повторю, я раньше не видел Тимохина, а теперь взглянул, и его лицо показалось мне странно знакомым.

Началась панихида. Нет, не церковная, а гражданская (Джамиль не был верующим). Очень тепло говорили о нем друзья и коллеги по бизнесу — люди солидного вида, хорошо одетые, при галстуках (кажется, я один тут был в джинсах и старом своем пуловере, прежде в сине-голубых ромбах, а теперь неопределенного цвета). Молодой самоуверенный очкарик, помощник известного депутата Госдумы, сказал, кивая головой на каждом слове:

— Джамиль был потрясающе удачлив. Все, за что он брался, приносило успех. Это свойство восхищало нас, его друзей...

«И вызывало, наверное, зависть», — подумал я. Ну как же: богат и успешен, красавица жена — такие «свойства» не только восхищают.

— ...Располагал к себе людей, — говорил другой оратор, кудрявый франтоватый малый (от Кати я потом узнал, что это — весьма модный кутюрье). — Особенно женщин. Да, это точно. Его все любили, да. Решительно все...

«Какими, однако, друзьями обзавелись они, Джамиль и Ольга», — думал я, стоя среди хорошо одетых людей с печальными лицами. Такая удавшаяся жизнь... и так нелепо оборвалась...

— ...не только отремонтировали здание, но и сменили всю мебель. Устроили компьютерный класс, — говорил, грассируя, пожилой человек со старомодной седоватой эспаньолкой. — На пожертвования Джафарова наш детский дом совершенно преобразился. Его благотворительная деятельность — замечательный пример...

«Благотворитель», — думал я. Но в прежние годы Джамиль вовсе не отличался щедростью. Напротив, был расчетлив и прижимист; о таких, как он, говорили: лишней копейки не потратит. Вероятно, и благотворительность была его рассчитанным шагом... Впрочем, не знаю, не знаю... De mortuis aut bene, aut nihil...

Джамиля похоронили там же, на Троекуровском кладбище. Опять говорили речи. Ольга стояла над гробом будто окаменевшая. А сестра ее Светлана прямо-таки рыдала в голос. Плакала и мама Джамиля.

Потом автобусы привезли всех граждан в одно из принадлежавших Джамилю кафе. Там уже были накрыты столы, мы расселись, и начались поминки. Руководил ими тот же самоуверенный помощник депутата.

Я слушал вполуха. Поглядывал на стену, расписанную ярким восточным орнаментом, на изображение жеманно улыбающейся круглолицей девы в саду, среди созревших красных гранатов. Напротив меня, наискосок, сидела Ольга — очень прямая, с незнакомой высокой прической, со знакомой складочкой между бровей. Она ничего не ела, только пригубливала из фужера с красным вином после каждого тоста. А тостов было много, говорили о Джамиле: какой он порядочный, а в бизнесе это самое главное — порядочность, ну и, конечно, какой он умный, и энергичный... и как странно, что приходится употреблять глагол «был»...

«Джонни Уокер», шведский «Абсолют» и прочие первоклассные напитки делали свое дело — горячили головы, повышали голоса. Невольно я прислушался к спору, возникшему между помощником депутата и Адилем.

— Чепуху городите! — кричал Адиль, заметно раскрасневшийся от выпивки. — Это только политикам-шмалитикам было нужно! А нам совсем не нужно!

— Кому это — «нам»? Спортсменам? — сыронизировал помощник депутата.

— Народу Азербайджана! В том числе и спортсменам! Зачем нам было отделяться? Мы прекрасно вместе жили с русскими, грузинами, евреями...

— С армянами, — вставил помощник.

— Да, и с армянами! — выкрикнул Адиль. — Если б они не начали карабахскую истерику, никто бы их не тронул! У меня были друзья армяне, я их не выгонял из Баку!

— Вы, конечно, не выгоняли, но ваши сограждане...

— Никакие не сограждане! — Темно-карие глаза Адиля пылали, седые усы топорщились. — Сволочи политики всё заварили! Была большая страна...

— Адиль, успокойся, — сказала Ольга.

— Да разве можно об этом спокойно? — Адиль, однако, сбавил тон. — Ездили друг к другу, соревновались, а эти взяли и кинули всех нас на лопатки. А теперь — что, всем хорошо стало жить?

— Теперь, — сказал мой сосед по столу Афанасий Тимохин, — ваши сограждане завладели московскими рынками.

Он это тихо сказал, ни к кому не обращаясь. Но Адиль услышал.

— А-а, московские рынки! — воскликнул он. — А чего же вы, москвичи, пустили туда моих сограждан? Наполнили бы рынки своими фруктами-шмуктами, тогда азербайджанцы и не сунулись бы. Нет скажешь, Афанасий?

— Ничего не скажу. — Тимохин с усмешкой обратился ко мне: — Передайте горчицу.

Я посмотрел на него — и обмер от внезапного удара памяти: у Тимохина углы рта оттянуты чуть не до ушей, губы — как неровная нитка...

И снова, снова нахлынул страшный сон: в красноватом свете заката косо уходит под воду черная корма лодки...

Я передал Тимохину горчицу и сказал:

— Но ведь тогда никто не утонул?

— Вы о чем? — не понял он.

— Ну, когда кита загарпунили. Не помните разве?

— Какого кита? — В прищуре его глаз было что-то острое, режущее. — Вы меня с кем-то путаете.

— Возможно... Извините...

Я не решился спросить, метнул ли он *morga* в кита второй гарпун. Я только помню, что раненый кит нырнул, резко натянув канат, и наша лодка стала тонуть, мы все, и капитан тоже, оказались в воде, но, кажется, никто не утонул, потому что нас подобрала вторая лодка...

«О Господи, опомнись!» — сказал я себе. Мало ли что может присниться. Нельзя же продолжать наяву странное ночное кино. Права Катя, когда говорит, что нечего забивать себе голову выдумками о прошлой жизни. Даже если она и была на самом деле.

5

Ну и дела!

Сидел себе спокойно над книгами, в табачном дыму, некто Олег Хомяков, строчку за строчкой переводил никому не ведомого маратхского поэта — и вдруг всё разом изменилось.

Из-за Адиля, конечно. Из-за Адиля с его бешеной энергией.

— Хомячок! — прокричал он в мобильник. — Хомячок, мы нашли бабку, она полуглухая, но зрение хорошее. Она видела, как они вышли из машины...

Я сразу понял: «они» — это убийцы Джамиля, которые бросили в Кузьминках машину.

— Ну-ну? — говорю. — Что бабка рассказала?

— Она сидела на скамейке у подъезда дома номер тридцать два, она целыми днями там сидит. Подъехала, говорит, синяя машина. Подъехала и стоит, долго никто не выходил. Ну, бабке торопиться некуда. Полчаса, говорит, прошло, а может, больше, потом из машины вылезли двое. Один длинный, другой пониже, оба в темных куртках, в кепках. Который ниже — с косой.

— С косой? — переспрашиваю.

— Так бабка сказала: коса сзади торчала. Вылезли оба и быстро пошли к парку Кузьминскому, или как он там называется.

Спрашиваю, изготовили ли фоторобот.

— Да какой фоторобот? — прокричал Адиль. — Довольно далеко бабка сидела, лиц не разглядела, только косу заметила. Теперь такая мода-шмода, мужики косу носят. Я чего звоню, Хомячок? Послезавтра девять дней, Ольга просит прийти. Приходи со своей женой. Или она кто тебе? Подруга?

Разговор этот вызвал у меня тревожное чувство. Я долго ходил по комнате из угла в угол, курил подряд, скользил взглядом по корешкам книг на стеллажах — как будто в них, книгах, содержался ответ на вопрос: кто?

Я знал, конечно, что следствие шло, что оперативники опрашивают всех, кто так или иначе были связаны с Джамилем по бизнесу. Знал со слов Адиля, принявшего активнейшее участие в следствии, что за два дня до убийства у Джамиля был неприятный телефонный разговор. Это Ольга ему, Адилю, рассказала. Был вечер, они сидели в кухне, ужинали, и тут раздался звонок. Джамиль взял трубку. Слушал с кружком нацепленного на вилку поджаренного баклажана (он эту еду очень любил), потом сказал: «Да, да, понял. Только одно мне неясно: гарантии. — И, опять послушав, повторил: — И все же это не гарантировано... Понимаю, но не могу. Без серьезных гарантий невозможно... Извини, не могу». И положил трубку. «Вечно недоволен, — пробормотал сердито. — Надоел, черт его дери...» «А кто звонил?» — спросила Ольга. «Неважно», — сказал Джамиль.

Установить, кто звонил, не удалось: «вечно недовольный», вероятно, звонил из будки автомата. Подозревала ли Ольга кого-то? Не знаю. Адиль вычислил одного деятеля, крикливого и вспыльчивого карачаевца, поставщика ранних овощей, с которым у Джамиля бывали споры. Но карачаевец всю зиму сидел у себя в Черкесске, так что... впрочем, я не сыщик.

Что до синих «жигулей», то выяснилось, что машину угнали в день убийства с одной из улиц Марьиной Рощи, а ее владелец, пожилой переводчик не то с китайского, не то с японского языка, лежит в больнице после урологической операции.

Следствие шло трудно.

На поминках девятого дня народу было заметно меньше, чем в день похорон. Проходили они не в кафе, а на квартире Джафаровых. Она, квартира, поразила меня абсолютным несходством с обычными московскими двушками — трёшками. Во-первых, потолки были раза в два выше, а вместо привычных развесистых люстр на них размещались два ряда ламп, утопленных в бетоне — или из чего они, такие потолки, сделаны. Во-вторых, квартира была двухуровневая, а из скольких комнат она состояла, не знал никто, кроме, разумеется, хозяев и этого, как его, ДЭЗа. Мы сидели за овальным столом в зале, стены которого были увешаны картинами в дорогих рамах. Одна, самая большая, несомненно была написана Айвазовским — бурное темно-зеленое море, катятся белопенные валы, вдали корабль с зарифленными парусами, а на переднем плане зловещие черные скалы. Остальные картины тоже были хороши, но — главным образом из авангарда, который меня не волнует. Так, пестро, разнообразно, а то и вовсе безóбразно. Словом — модно.

Помощника депутата на сей раз не было, и обязанности тамады исполнял Адиль. Во время его речи спустились по изящно изогнутой лестнице две девочки лет восьми — девяти — сероглазые, в одинаковых голубых платьицах с кружевными воротниками, русые волосы заплетены в косички.

— А вот и мои племяшки, — воскликнул Адиль, — две половинки моего сердца! Идите сюда, азизи́м!

Девочки были прелестные, их усадили за стол между Ольгой и Адилем, и они сразу заговорили между собой, затараторили. Ольга строго сказала им что-то, и девочки, замолчав, принялись за еду.

Адиль мне первому предоставил слово: мол, одноклассник нашего дорогого Джамиля, старый друг. Я подтвердил — да, дружили, в одной команде играли в баскетбол, призовые места занимали на межшкольных соревнованиях... Джамиля все любили в школе, ну как же — он и спортсмен, и красавчик, и математическая голова, ему сам Адам Адамович прочил большое будущее в науке... Тут я малость запнулся (будущее-то у Джамиля оказалось не в науке, а в коммерции), а Ольга вдруг сказала, что Джамиль заочно окончил высшие экономические курсы и работал над диссертацией — очень жаль, что не успел довести ее до защиты. И пошел, прерываемый тостами, разговор о том, как серьезно Джамиль относился к экономике и какие строил планы развития бизнеса — не только ресторанного, но и, оказывается, всероссийского. Такая замечательная была голова...

Черт, не надо было, наверное, налегать на «Абсолют». Уже и Катя, сидевшая рядом, спросила:

— Ты что, хочешь выпить всю эту толстую бутылку? Остановись.

Такую хорошую, мягкую водку мне раньше пить не доводилось. Может, она и на самом деле была абсолютным решением идеи водки? Вопрос интересный. Впрочем, абсолютного на Земле нет ничего — иначе остановилось бы развитие... черт, опять меня занесло куда-то в сторону от обычного течения жизни...

Девочки-близняшки, съев по большому куску белоснежного торта, по команде Ольги вылезли из-за стола и стали подниматься по лестнице. Их косички торчали в разные стороны... Может, «Абсолют» ударил мне в голову, но вдруг представился мне малый, лезущий по лестнице... по лестнице, приставленной к стене... а стена еще не достроена, такая оранжевая кирпичная кладка... у малого в руках как будто доска, а сзади из-под кепки торчит коса, перевязанная черной ленточкой... и небо над ним голубеет...

Чертовщина какая-то! «Протри-ка глаза», — скомандовал я себе. Это девочки в голубых платьицах поднимаются по лестнице в неведомые покои... дочки Ольги и Джамиля... да, да, они могли бы быть твоими дочками... твоими и Ольгиными... но Оля *morga* не хотела детей... а ты, пьяный человек, *morga* и не думал жениться... ах, как печально все это...

А время, по своему обыкновению, незаметно текло, и гости стали расходиться. Уже и мы с Катей встали из-за стола, но не успели произнести прощальных слов: вдруг между Ольгой и Светланой возникла перепалка. Я знал, что сестры и прежде ссорились, но мало ли что бывало в прежние времена...

— Ты же всегда делаешь только по-своему! — кричала Светлана, сердито глядя на сестру. Щеки у нее были в красных пятнах.

— А с чего ты взяла, что Руслана надо заменить? — холодно, не повышая голоса, сказала Ольга. — Руслан ничем не хуже охранников твоего Афанасия.

— Разжирел он, реакция не та! Но ты же никогда не слушаешь...

— Прекрати орать.

— Только свои дела на уме! Вместо того, чтобы заботиться о Джане...

— Девочки, не надо, прошу! — вмешался Адиль, делая быстрые, как бы разнимающие жесты. — Не надо!

Я так понял, что муж Светланы Афанасий Тимохин, владелец охранного агентства, предложил заменить некоего Руслана, телохранителя Джамиля, своим, более ловким, охранником — а Ольга не захотела. Кстати: а где Тимохин? Почему не пришел на поминки девятого дня?

В полупустом вагоне метро, когда ехали домой, мы с Катей сидели молча. Я посмотрел на ее тонкий белый профиль, на полуприкрытый веком карий глаз, спросил:

— О чем ты думаешь, Катенька?

Она повернула ко мне голову:

— У нас в турфирме давно болтали, что он с ней жил. А мне не верилось. Ведь они такая хорошая пара...

— Постой. Кто с кем жил?

— Ну, Джамиль со Светланой. Но кто может это доказать? Они всегда на официальных встречах и приемах были вместе...

— Кто?

— Ну кто? Ольга Викторовна с Джамилем, конечно. Ты что, плохо слышишь?

— Я слышу хорошо.

— По-моему, Светлана ей завидовала.

— Вполне возможно, — сказал я. — Но это не наше дело, Катя.

Эскалатор вынес нас из теплой утробы метро в метель, подстерегавшую у выхода на площадь. Последние дни февраля стояли очень холодные. Катя заторопилась к троллейбусной остановке, но я застрял у киоска, у меня сигареты кончились. Купил две пачки «Мальборо» — из-за этого опоздали на троллейбус. Катя расстроилась:

— Теперь жди полчаса! Они же по вечерам редко ходят. Такая холодина!

Я обнял ее:

— Не дам тебе замерзнуть.

Но Катя движением плеч отвергла мою заботу.

— Не надувай губки, — попросил я.

Она промолчала, отвернувшись. С огорчением я подумал, что у нас участились размолвки. Катя часто бывала недовольна мной, как мне казалось, по пустякам. Но, конечно, была и глубинная причина ее недовольства. Я понимал это — но что же мог я поделать? Наверное, Кате нужен был не такой, как я... более молодой, более обеспеченный... Более подходящий...

Март шел бодрой поступью, то высыпая снежные заряды, то разгоняя тучи и растапливая сугробы на обочинах улиц. Весна заявляла о скором приходе.

А у меня подходил к концу лирический цикл Тукарама. Должен признаться, я устал от его красивых слов, от жалостливых вздохов и восклицаний. Зачем оповещать весь мир, что тебя недостаточно сильно любят?

Вот он сравнивает наплыв своих чувств с волнением моря. В английском тексте — «будто синие волны бегут по морю». Я расхаживаю по комнате, с сигаретой в зубах, и бормочу варианты: «Будто море плеснуло синей волной... синью волн наливается море... ходит синей волной Кондо-озеро...» Ну, занесло меня: «Кондо-озеро»! Это же из Луговского. Достаю со стеллажа томик его избранных стихов. Вот

оно: «Вьются листья — червонные козыри. Ходит синей волной Кондо-озеро. Кондо-озеро, ширь тревожная, На отцовскую землю положенная...» Читаю это дивное стихотворение, и непонятное тревожное чувство вдруг охватывает меня. «С моря Белого журавли летят. К морю Черному журавли трубят. Снова тянется песня вечная, Перелета нить бесконечная...»

Журавли! Что-то с ними связано. «В небе древний клич уходящих стай»... Древний клич... Прикуриваю от догоревшей сигареты новую и хожу, хожу из угла в угол.

Древний клич журавлей... Откуда это: журавли помогли опознать убийц?

Откуда, откуда?!

Из угла в угол, из угла в угол.

Вдруг — как озарение: «Ивиковы журавли»! Как жаль, что минувшей осенью я загнал на книжном толчке восьмитомник Шиллера! С деньгами было туго, Катя нуждалась в новых сапогах на зиму, и я потащил Шиллера на продажу.

Но я и так помню его балладу в переводе Жуковского. Ивик, древнегреческий поэт, певец, шел на Посейдоновы игры, на соревнования поэтов. На безлюдной лесной дороге его подстерегли и убили двое разбойников. Умирая, Ивик видит летящую над ним стаю журавлей и обращается к ним — единственным свидетелям преступления — с мольбой о мщении... обрушить на убийц гнев Зевса... На Играх, собравших огромную массу людей со всей Эллады, оплакивают Ивика. Вдруг в небе над амфитеатром появляется та самая журавлиная стая. И один из убийц (они тоже тут) в страхе кричит второму: «Смотри! Ивиковы журавли!» И по этому выкрику убийц опознают и тащат на правый суд...

Очень жаль бедного Ивика. Две тысячи лет прошло с той поры, античная цивилизация мощно развилась и расцвела, но и теперь за неким поворотом нас кто-то подстерегает. Цивилизация цивилизацией, а человеческая натура неизменна. Всегда были и есть негодяи, желающие *отнять*.

Да, но почему так взволновало меня древнее происшествие? И при чем тут журавли?

Первого апреля, хотите верьте, хотите нет, я закончил Тукарама и начал подбираться к Махипати. Совсем другой поэт — отнюдь не жалостливый. Может, с ним будет легче управиться? Не знаю.

А в середине апреля Сережа угодил в больницу. В школьном дворе произошла большая драка, кто-то из дерущихся огрел Сережу по голове ранцем. До дому Сережа добрался, а в прихожей вдруг рухнул, не успев снять башмаки. Я вызвал скорую, Кате, конечно, позвонил. С тяжелым сотрясением мозга Сережу увезли в больницу.

Что там за драка была, дознаться не удалось. Но, поскольку в ней участвовали, так сказать, дети разных народов (в школе учились подростки из грузинских, армянских, узбекских семей), она, драка, явно имела национальный акцент.

— С ума посходили! — возмущалась Катя. — Когда я училась в школе, у нас в классе были кто хочешь! Армяне, евреи, один мальчик вьетнамец, девочка якутка. Ну и что, что национальность другая? Драки были, без драк мальчишки не могут, но не потому, что национальность не та! А теперь? С ума сошли!

Страшно нервничала Катя. Сама-то не могла по будням ездить в больницу, только в выходные дни. Ну а я же не на работе сижу, человек вне служебных обязанностей — я и мотался через день к Сереже, отвозил соки, фрукты и все такое. Лечащего врача поджидал и ловил. (Катя требовала: «Расспроси его подробно, пусть честно скажет про Сережино состояние».) Врач вечно куда-то спешил, он был молодой и веселый. «Гематома, конечно, большая, — сыпал он мне скороговоркой на ходу. — Ничего! Управимся! Речь восстановится. Не помрет ваш сын!». «Спасибо!» — кричал я ему вслед.

В четверг мне назначил встречу Алексей Иванович Коробов — индолог, один из немногих у нас специалистов по языкам современной Индии, включая язык маратхи. Я просил его о консультации — кое-что в текстах было мне непонятно, — и он выкроил мне два часа из своего расписания. Накануне, в среду, я сказал Кате за вечерним чаем, что завтра не смогу поехать в больницу.

— То есть как? — Она воззрилась на меня с таким удивлением, словно я оповестил ее о конце света. — Сереже нужен сок, и творог. Яблоки!

— Катенька, профессор Коробов очень занятой человек, я с трудом добился консультации...

— Ты же знаешь, какая ужасная еда в больнице! — выкрикнула Катя. — Как же ты можешь...

Она не хотела слушать моих доводов. Расплакалась, убежала, не допив чаю, из кухни, бросилась на тахту. Я поспешил за ней, присел на краешек тахты, погладил Катю по голове:

— Успокойся, милая. Яблоки у Сережи на завтра есть. А в пятницу я отвезу...

— Конечно! — проговорила она сквозь слезы. — Сережа не твой сын, и тебе безразлично...

— Ты не права, Катя. Я люблю Сережу как...

— Никого не любишь! Ни моего сына, ни меня! Кто я тебе? Так, очередная любовница...

— Ты не права, — повторил я, поднявшись. — Хорошо, — сказал я, — откажусь от консультации, поеду в больницу. Не плачь только.

Коробов, конечно, удивился, когда я ему позвонил и, сославшись на неожиданные обстоятельства, попросил перенести консультацию. «Ну, посмотрим, — сказал он. — Позвоните недели через три».

Я привез Сереже сок, творог, яблоки — все, что надо человеку в больнице для поддержания жизни. Сережа, с обмотанной головой, заговорил. Почти неделю молчал, Катя и я беспокоились: вдруг речь не восстановится? А тут, глядя на меня из бинтов, Сережа спросил очень тихо:

— А почему папа римский не едет в Россию?

— Вот что тебя беспокоит, — говорю. — Видишь ли...

Я объяснил ему этот прискорбный факт с точки зрения мирянина. Вполне возможно, она, точка зрения, не совсем совпадала с действительным положением дел. Но Сережу она удовлетворила. Он съел яблоко, очищенное мною от кожуры, и, немного невпопад, заметил, что «Лексус» — самый лучший из джипов. Наверное, так оно и было.

Выйдя из больницы, я увидел, что к ее облезлой стене приставлены леса, или, если угодно, подмостье, и на него по лестнице взбирается человек восточного типа, в шляпе с опущенными полями, с большим ведром. И тотчас предстал перед мысленным взглядом *некто другой*, малый в кепке, из-под которой сзади торчала коса, перевязанная черной ленточкой, — он, с доской в руке, лез по лестнице, приставленной к недостроенной кирпичной стене. Очень ясно я представил себе этого неизвестного, даже кольцо увидел на пальце той руки, что держала доску.

Приехав домой, я сразу набрал номер мобильника Адиля и рассказал о своем *озарении*.

Адиль удивился:

— Но это несерьезно, Хомячок. Тебе приснился парень с косой...

— Не приснился. Адиль, это трудно объяснить, но я его увидел. И косу увидел, и кольцо на пальце. Убийца строит дом.

— Где же он? Где строит дом?

— Не знаю. Наверно, где-то в Подмосковье.

— Ты представляешь, сколько людей теперь строят дома в Подмосковье? Спасибо, Хомячок, но твое видение-шмидение к делу не подошьешь.

— Еще одна деталь, — сказал я. — Журавли. Каким-то образом они связаны с этим делом. Ну да, журавлей тоже к делу не подошьешь... Ладно, Адиль, извини, что голову морочу. Но мне нужно было высказаться. Счастливо.

6

Сережа пошел на поправку. Гематома рассасывалась, полностью восстановилась речь. Как и до больницы, он засыпáл меня вопросами, когда я приезжал с творогом, соком и яблоками. Кто такие шахиды? Почему американский робот ищет на Марсе воду? И так далее. Ему хотелось поскорее вернуться домой, к компьютерным стрелялкам. Думаю, этот мощный порыв способствовал процессу выздоровления.

Но и Махипати не давал мне расслабиться. Под его тяжеловатым пером страдали за веру подвижники, сражались герои народных преданий, а боги невозмутимо взирали с высоты на земную круговерть. Боги индийского пантеона ничуть не похожи на богов Эллады, которые постоянно вмешивались в людские дела и не скрывали своих пристрастий — одним покровительствовали, других терпеть не могли и преследовали. Очень не просто было мне с индуистскими божествами. Я не совсем понимал какие-то когнитивные элементы индуизма. Сложная система. Для каждой касты свой закон жизни — дхарма. Если соблюдаешь свою дхарму, получишь хорошую карму: после смерти твоя душа перейдет в тело человека высшей касты. Перевоплощения вечны. Но, если они очень уж вас утомили, то есть и покой — нирвана. Высшее блаженство... полное избавление от земной суеты, от страданий...

Но я отклонился от своего сюжета, извините.

Начало мая, в соответствии с классическим стихом, прогремело грозами. В первый же тихий солнечный день Адиль поехал на своем старом ЗИЛе в какой-то подмосковный поселок. Вечером он позвонил мне.

— Хомячок! Подумай, какое совпадение... — Его голос задыхался от волнения. — Ты Игнатьева Богдана помнишь? Знаменитый был борец, в полутяжелом...

— Помню Игнатьева. Дальше?

— Мы с Богданом дружили, хотя я ни разу не смог прижать его к ковру. Он после инсульта на даче сидит безвылазно. Ну, я поехал навестить Богдана. И сбился с дороги, повернул не туда, там проселочная дорога, которой нет на карте. Слева лес, справа заборы какие-то...

— Адиль, а нельзя ли...

— Нельзя! — крикнул он так, что я трубку отодвинул от уха. — Не перебивай! Да, заборы тянулись, и вдруг вижу указатель, на нем название места: «Журавушка». Ты понимаешь?!

— Пока нет, — говорю, а сам насторожился.

— Я тоже не сразу понял, еду дальше, въезжаю в поселок. Обычные темные домики, садики-шмадики, почта, магазин «Продукты». Вдруг озеро, а на его берегу — новенькие коттеджи. Дачный поселок

строится! — Адиль закашлялся, потом снова раздался его хриплый взволнованный голос: — Возле одного недостроенного коттеджа я притормозил, на дороге грузовик разворачивался. С него стали разгружать плиты, или как они называются — ну, для крыши. Двое работали, а один им указывал. Я как глянул на этого хозяина, так сразу тебя вспомнил! Хомячок, клянусь, он точно такой был, как ты тогда по телефону... Из-под кепки коса торчит, а сам невысокий, и кольцо на пальце! Ты слышишь?

— Слышу, слышу.

— Я смотрю на него из машины, он оглянулся и кричит: «Чего стоишь? Что надо?» Я спрашиваю: «Это дорога на Кирилловку?» А он: «Не туда заехал, лох! Езжай обратно до развилки!» Я грубость не люблю, другой раз вышел бы да и набил ему морду за «лоха»...

— Значит, поселок называется «Журавушка»? — спросил я.

— Да! Ты про журавлей говорил, а тут — «Журавушка». Такое совпадение, Хомячок! Охренеть можно.

— Адиль, что ты думаешь делать?

— Хочу оперативнику доложить. Не возражаешь, если сошлюсь на тебя?

— Не возражаю, — сказал я. — Вот только поверит ли оперативник в мое... ну, в то, что я увидел...

— Гаврилюк не поверит, — сказал Адиль, помолчав немного. — А вот Мирошников... Он умный мужик. Живой. Попробую с ним связаться.

Я вернулся к Махипати, к подвигам маратхских героев. Но, по правде, мои мысли занимали не столько они, сколько застройщик из поселка Журавушка, малый с косой. Так ясно я видел его... Какого черта он влез в мою жизнь?..

А дней десять спустя опять позвонил Адиль и закричал в трубку так, что я отвел ее от уха:

— Хомячок, задержали его! Мужика из Журавушки! Представляешь? Нет, твою наводку Мирошников не принял, в ней нет юридического основания. Но он же головастый! Возьмем, говорит, по подозрению в угоне машины. Они же из Марьиной Рощи угнали...

— Я помню, — говорю. — Дальше что?

— А дальше прямая улика! Его отпечатки пальцев совпали с отпечатками на руле «девятки». Хомячок, ты здорово навёл!

Вот как получилось: здорово навел, но — не по-юридически...

Потом плотным строем пошли юридические события. Величко — такая была фамилия у застройщика из Журавушки — признался в угоне машины, а куда ему было деваться, пальцы-то отпечатались, но напрочь отрицал участие в убийстве. Стали проверять его личность, в криминальных банках данных он не числился, но выявилась удиви-

тельная вещь: Величко состоял в штате официального охранного агентства, принадлежавшего Афанасию Тимохину. Да, тому самому, мужу Светланы.

Допросили и Тимохина. Он заявил, что знает Величко давно, лет восемь, скалолазанием занимались в Теберде и других географических местах. Никогда он, Величко, не был замешан в незаконных делах. Нес охранную службу по контракту в банке, а в последние месяцы — в районной поликлинике, и никогда никаких нареканий... Угон машины? Это трудно понять, у Величко есть своя машина, кажется, «Тойота», хоть и подержанная. Может, эта «девятка» не ему понадобилась, а другому человеку... угнали, но опомнились, бросили...

«Другому человеку»... Старушка Валерия Петровна, которая вечно сидит на скамеечке у подъезда дома на улице Юных Ленинцев, подтвердила, что видела, как из синих «жигулей» вышли двое — один высокий, второй пониже, с косой.

Но главным-то свидетелем был Руслан, телохранитель Джамиля, он и номер машины запомнил и то, что убийц было двое. Стрелял ли из окна «жигулей» этот, Величко, или некто второй, Руслан показать не мог. Он, Руслан, со слов Адиля, «вообще стал психованным»: плачет, кричит, что покончит с собой...

Величко упорно отрицал всё, кроме угона. Не знаю подробностей следствия (да и Адиль, конечно, знал не все), но в первых числах июня вдруг произошел поворот: Величко стал сотрудничать со следствием. Он признал свою вину: польстился на крупную сумму денег, согласился помочь Горохову. Нет, он, Величко, не знает, кто заказал убийство Джафарова. Горохов Николай все и организовал, и сам стрелял из окошка «девятки», а он, Величко, только за рулем сидел. Не стрелял он. И Джафарова знать не знал. А с Гороховым он, Величко, знаком по первой чеченской войне, в одном батальоне служили, вместе кровавую кашу хлебали.

Горохов был известен уголовному розыску — в связи с ограблением дорогого бутика в Юго-Западном округе. Главные персонажи дерзкого налета были надолго отправлены на нары, а Горохов, тогда еще молодой правонарушитель, только-только отслуживший в «горячей точке», получил полтора года в нестрогой колонии. Отсидев срок, Горохов какое-то время шел по пути исправления в своем городке, трудился на фабрике синтетических продуктов, но — не по нём была тихая провинциальная жизнь со слабым заработком. Уехал в Москву, разыскал знакомых братков, гулявших на свободном промысле, — и покатился, как говорится, по наклонной.

Конечно, ни по каким известным милиции адресам Горохова не нашли, его объявили в федеральный розыск.

Неторопливо шло следствие. Допрашивали всех возможных конкурентов Джамиля по ресторанному и гостиничному бизнесу, коим могло быть выгодно его устранение. Задержали и того карачаевца, на которого указал Адиль; да, у него бывали ссоры с Джамилем по поводу сроков привоза и качества ранних овощей и фруктов, но чтобы замыслить и заказать убийство?! Возмутился карачаевец, раскричался — еле угомонили его. И отпустили за отсутствием оснований для дальнейшего расследования.

Однажды позвонил Адиль:

— Хомячок, я еду к тебе. Адрес знаю, только скажи, какой подъезд, этаж, домофон?

Никто никогда не спрашивал: можно к тебе приехать? не отрываю ли от работы? Моя занятость как бы и вовсе не существовала. Ничего не поделаешь. Я остановил на полуслове очередное сражение маратхских богатырей и, раскрыв холодильник, стал соображать, чем угостить Адиля. Ничего там не было такого, что порадовало бы его. Заглянул в кошелек — пожалуй, на торт хватит. Послать Сережу в угловой универсам? Да нет, он еще слабоват после больницы. Да и Катя обрушится на меня с упреками, если узнает, что я послал его...

Надо идти самому. Но только я снял пижамные штаны и натянул джинсы, как заверещал домофон. Быстро добрался Адиль. Наверное, звонил из своей машины, подъезжая к моему дому.

Он вошел пузом вперед, лысый, с неровно подстриженными седыми усами. Сунул мне в руки флакон с трехзвездным азербайджанским коньяком и какую-то коробку, скинул туфли и, жалуясь на жару, прошествовал в носках на кухню.

— Ну и накурено, — сказал, усаживаясь за стол. — Какой чай у тебя? В пакетиках? — Адиль поморщился. — Чай надо заваривать. Лучше всего — Ахмад ти английский. Ну ладно, наливай коньяк, одну рюмку выпью.

Мы выпили. В коробке, принесенной Адилем, оказалась чудная бакинская пахлава. За чаем мы поговорили о вчерашнем четвертьфинальном матче Англия — Португалия. Игра была замечательная, атака за атакой, основное время и овертаймы закончились вничью, два-два, последовал обмен пенальти, исход матча решил португальский вратарь Рикарду, сумевший отбить один из ударов. Всю ночь не спал, ликовал Лиссабон, да и я порадовался (как-никак в прошлой жизни я ведь был португальским моряком, не так ли?).

Затем Адиль приступил к делу, ради которого приехал.

— Хомячок, ты здорово нашел Величко. Теперь ты должен найти Горохова. Вот он.

Из нагрудного кармана своей просторной рубахи Адиль извлек фотокарточку. Парень, запечатленный на ней, вовсе не был похож на

убийцу. В моем представлении они, киллеры, обладали мрачным взглядом, тяжелой нижней челюстью. А этот, Горохов, весело улыбался. Пожалуй, в его улыбке, очерченной тонкой полоской усов и коротенькой черной бородкой, было и нечто дерзкое: вот он я, а хрен поймаете...

— Найди его, — повторил Адиль. — У тебя же способности как у этой, ну, в Болгарии... как ее...

— Ванга, — сказал я.

— Да, Ванга. Мирошников говорит, что слышал про нее, но не верил, а теперь, когда ты навел на Величко... Он говорит, ты ясновидящий...

— Адиль, это не так...

— Обожди, не перебивай! Вот, выпей еще рюмку. — Он плеснул через край. — Хомячок, мы должны довести дело до конца. Джан не простит нам, если мы не найдем убийц. Ну, ты понимаешь.

— Понимаю, Адиль. Но пойми и ты: я не ясновидящий. Это верно, иногда на меня находит... вдруг вижу то, что обычному взгляду не видно, скрыто временем или расстоянием. Но, во-первых, очень редко находит. И неожиданно. То есть, я... ну, не могу управлять... вернее, вызывать такое состояние не умею. Это нечто вроде озарения, понимаешь?

Адиль смотрел на меня немигающим тяжелым взглядом.

— А во-вторых, нужен какой-то образ. — Мне хотелось, чтобы Адиль понял, но ведь я и себе-то не мог внятно объяснить свои «озарения». — Ну вот коса, — продолжал я. — Когда ты сказал, что у одного торчала из-под кепки коса, я сразу увидел... схватил образ... И отсюда пошло дальше...

— Образ, — сказал Адиль. — Ну так вот он лежит, образ.

Он ткнул пальцем в фото Горохова.

— Нет. Это для розыска. Для милиции. А мне нужен... ну, какая-то деталь нужна, которая...

— Я понял. Тебе, как собаке, надо дать понюхать вещь, ботинки-шматинки...

— Допустим. Собачьего нюха у меня нет, но... лучше объяснить я не могу. Пусть будет по-твоему, Адиль.

Он налил в рюмки коньяк, залпом выпил свою.

— Ты же за рулем, — напомнил я.

Адиль отмахнулся. Грузно поднялся, посмотрел на меня исподлобья (точно так смотрел когда-то Джамиль) и сказал:

— Не хотел я говорить. Не такие отношения... Но если тебе нужны деньги, то...

— Нет, — отрезал я. — Это исключено.

Он медленно кивнул и прошлепал в прихожую. Мы простились без рукопожатия.

Неприятный осадок остался от этого визита. Я надеялся, что Адиль понял... понял, что все-таки я не полицейская ищейка... что мои *озарения* (не хочу называть их ясновидением) чрезвычайно редки и всегда внезапны... Они — как вспышки сверхчувствительной фотокамеры, выхватывающей из вечного потока жизни какие-то предметы, фигуры давно ушедших времен, персонажи забытых перевоплощений. Зачем они являются моему — уже изрядно уставшему — зрению? Мало мне обычных житейских забот — так вот еще и тревоги минувших столетий. Да, я устал от своей беспокойной подкорки. Почему она вдруг выносит на поверхность памяти приземистую фигуру в желтой вязаной шапке из овечьей шерсти, с режущим ненавидящим взглядом, со злобной усмешкой, растянувшей рот от уха до уха?..

А лето шло. В июле пала жара, раскалившая каменные ущелья Москвы. Катя захлопотала о том, чтобы отправить Сережу «на природу», но ехать в так называемый летний оздоровительный лагерь в Подмосковье Сережа отказался наотрез.

— Ну да, — сказал я, — без компьютера что за отдых.

— Ты насмешничаешь, — выпалила Катя, — тебе нет дела до того, что ребенок сидит в духоте и не может окрепнуть после больницы.

— Вечно я во всем виноват, — вздохнул я. — Знаешь что, Катя? Мы с Вадимом хотим поехать на Волгу, понырять в водохранилище. Возьмем Сережу, если он пожелает.

Сережа, сидевший тут же, в кухне, за вечерним чаем, вскинул на меня вопрошающий взгляд.

— Ну да! — воскликнула Катя. — Только нырять ему недоставало.

— Конечно, это не Кипр, не Анталья. Но все же отдых на воде. А нырять будем мы с Вадимом. Сережа просто поплавает на поверхности. Ты ведь умеешь плавать? — обратился я к мальчику.

— Нечего, нечего, — сказала Катя. — Вы будете нырять, а он...

— Я поеду с вами! — выкрикнул Сережа и со стуком поставил чашку на блюдце.

Можно сказать, все свои креативные силы я бросил на тексты Махипати, чтобы ускорить отъезд. Но только в начале августа я кончил переводить и переслал своих маратхов на электронный адрес издательства.

С Вадимом мы обсудили детали поездки, уточнили маршрут и снаряжение. Жаль, конечно, что Федя не сможет поехать: у него жена была на сносях, в любой день мог произойти демографический взрыв. Он, Федя, был знатным дайвером (и, между прочим, инициатором давней нашей экспедиции на Белое море — ездили туда добывать мидии). Ну да ладно. Понырям с Вадимом. Как раз у него начинался отпуск, совпавший с разводом, который уже давно назревал в

связи, как говорил Вадим, с «психологическим разнообразием характеров». Мы с ним были знакомы еще с детского садика, он и тогда уже отличался независимостью суждений, которая, конечно, возрастала по мере того, как он становился инженером-теплотехником, специалистом по ступенчатым испарениям.

Я засиделся у Вадима, мы выдули поллитровку, обсудили грядущую поездку и попутно международное положение. Поздним вечером я, сойдя с автобуса, пересекал по диагонали безлюдный сквер, что перед нашим домом, — вдруг навстречу вышли, будто из кустов, двое. Они шли тесно, плечо к плечу, и мне вспомнилась фраза из рассказа О'Генри: «Они были неразлучны, как два кладбищенских вора». «Ты Хомяков?» — спросил один из них хриплым голосом. «Что вам надо?» — сказал я. И получил оглушительный удар в лицо. Я упал, но тут же сумел вскочить и избежал удара ногой. Хмель мгновенно испарился. Я применил прием карате, вывернул руку одному из нападавших, он заорал от боли, а второму я тут же нанес удар ногой в пах...

7

Не знаю, как жить дальше. Такая тоска берет за горло, что я задыхаюсь.

Плюнуть на все, продать акции, продать недвижимость, взять девчонок и улететь туда, в Мадрид, в Марбелью?..

Это странно, очень странно, но похоже, что он все еще ждет меня. Из газет, а скорее из интернета узнал об убийстве Джамиля и прислал мне на e-mail соболезнование.

Не хочу о нем думать. Не хочу вспоминать.

Но все равно думаю. Все равно, ворочаясь в постели без сна, вспоминаю, как в день открытия конференции, в перерыве, он подошел и сказал по-испански: «Донна Ольга, я Антонио Мартинес. Хотелось бы знать: вы любите Баха?» Его черные глаза смотрели так почтительно, его баритон звучал так призывно... Словом, назавтра, в воскресенье, вместо назначенной поездки в Версаль, я очутилась на органном концерте в соборе Парижской Богоматери. Под высокими сводами, где сгустилась тень, билась, замирала, мощно вступала такая музыка... такая музыка... божественная, иначе и не скажешь... Эти хоралы Баха так и назывались: «Верим в единого Бога...», «Славься, Бог единый, на небесах...» «Моя душа возносит Господа...» Я сидела, потрясенная, рядом с Антонио... мне было так хорошо, возвышенно... Он говорил тихонько: «Здесь бракосочетались Генрих Наваррский и

Маргарита Валуа... короновали Наполеона... отпевали де Голля»... Мы вышли из Нотр-Дам в сияющий майский день. По мосту Пон-Нёф прошли на левый берег. «Это самый старый мост в Париже. Тут когда-то были лавки мелких торговцев, предлагали свои услуги зубодёры...» На кэ Вольтер, в доме, где он умер, под красным навесом ресторана, тоже носящего имя Вольтера, мы ели поразительно вкусную рыбу под соусом, запивая белым вином. «Людовик Шестнадцатый был очень добрый, спокойный, — рассказывал Антонио. — Он что-то мастерил, когда ему доложили: «Сир, в Париже восстание, взяли Бастилию!» — «Ну и что?» — сказал Людовик».

Дважды я была в Париже с Джамилем — в туристской и деловой поездках. А в этот раз — три года назад — приехала одна на конференцию по проблемам международного туризма. И в мыслях не было у меня заниматься чем-то помимо этих проблем — тем более, что я привезла несколько деловых предложений для западных коллег. И вот... обо всем забыла, старая дура...

«Донна Ольга, а знаете, что означает «Сена» на галльском языке? Извилистая...» Антонио превосходно знал Париж. И он показал мне его дивные уголки, не входящие в обычные туристические маршруты. Он ухаживал в такой мягкой ненавязчивой манере. «Вы совсем не похожи на своего знаменитого соотечественника», — сказала я ему. «Вы имеете в виду Дон Жуана? Его напористость? — улыбнулся Антонио. — Ну, он был моложе меня. И потом... вряд ли ему попадались такие очаровательные женщины, как вы, донна Ольга»... Ох!.. От таких слов, право, могла голова закружиться...

Последний вечер в Париже был, наверное, лучшим в моей жизни. На Монмартре уличные художники заканчивали рисовать желающих увековечить себя. На ступенях Сакре-Кёр здоровенный негр в желтом балахоне продавал заводных пластмассовых голубей по сорок франков. Мы нашли местечко среди целующихся парочек, вокруг было полно молодежи. «Единственная седая голова тут моя», — усмехнулся Антонио. Еще не зажглись фонари, воздух был наполнен таинственным синим светом раннего вечера. Безумно хотелось любви. Близости хотелось...

Антонио не был мачо, совсем нет. Ни широких плеч, распирающих клетчатый пиджак, ни пылкого оценивающего взгляда. Почему-то он казался мне похожим на Босини из «Саги о Форсайтах». Мы ужинали в ресторане на первой платформе Эйфелевой башни, с шампанским, с мидиями, которые оказались очень вкусными, и телятина с шампиньонами была превосходная. Антонио немного рассказал о себе. Он был (как и Босини) архитектором, но получил в наследство крупную туристическую фирму, она надолго отвлекла его от проектирования особняков на Costa Bravo, на Costa del Sol. Два года

назад умерла от рака его жена, с которой он, Антонио, прожил двадцать три года — «почти безоблачных». Своей внешностью я очень похожа на его жену — вот почему его сразу «притянуло с такой неотразимой силой». Так он сказал.

После ужина мы поднялись в лифте на вторую платформу. Вечерние огни Парижа, отраженные в Сене, «извилистой», мне снились впоследствии не то чтобы часто, но — ярко. Облокотясь на барьер, мы долго стояли, не в силах оторваться от огней Парижа. Не в силах оторваться друг от друга. Завтра я улечу — и все кончится. «Донна Ольга, — сказал Антонио, — я не смогу забыть вас. Если вам понадобится любящий человек, который...» Не дослушав, я закрыла ему рот поцелуем. Наши комнаты были в одном отеле, только на разных этажах. Последнюю ночь в Париже моя комната пустовала...

Невозможно было устоять.

На Рождество, на Пасху, на День России приходили от Антонио коротенькие поздравления на мой служебный электронный адрес. Однажды он пригласил меня, хотя бы на две недели, в Марбелью — там он построил себе виллу. О, как захотелось туда, на Costa del Sol... к теплому морю... под пальмы... обо всем позабыть, кинуться в объятья к любящему человеку... Ведь я всего лишь слабая женщина...

Но я сильная женщина. Волевая. Такой меня считают. Джамиль тоже считал. Наши характеры «притирались» один к другому не просто. Джамиль был, конечно, цивилизованным человеком, но вот эта черта у него, вероятно, сохранилась от восточной ипостаси: ему хотелось, чтобы жена сидела дома. Ну, это было не по мне. Мы жутко спорили. Джамиль кричал, что способен прокормить свою жену и детей (которых еще не было), а я кричала в ответ, что не для того родилась, чтобы торчать у плиты. «Ой-ой, ты уже начинаешь визжать, — пугался (или делал вид, что пугался?) Джамиль. — Ладно, будь потвоему».

Он уступал мне обычно. Он был добр ко мне. Когда я «раскрутила» турагентство, купленное на его деньги, Джамиль одобрительно сказал: «Ну ты стала настоящей бизнес-вумен, поздравляю». И дал мне еще денег для дальнейшей раскрутки.

Да, он по-доброму относился ко мне, хотя ни по натуре, ни по бизнесу вовсе не был добряком. Ему нравились мои наряды, нравилось появляться со мной, хорошо одетой и хорошо причесанной, в обществе, «в свете». Мы выглядели очень благополучной парой.

Но я знала, что Джамиль мне изменяет. Он летал в Баку навестить отца и обговорить очередные дела с Адилем — там была у него любовница. Когда справляли тридцатипятилетие Джамиля, съехалось много народу, из Баку прилетели гости — среди них была она, миловидная крашеная блондинка с выдающимся задом. (Мне ее показала

Надежда, моя всезнающая подруга, по-старому завкадрами, а ныне — завперсоналом в моей фирме.) Наверное, как и все мужики, Джамиль не мог удовлетвориться только одной женщиной. Что мне было делать? Поднимать скандал? Требовать развода? Но ведь это значило круто изменить налаженную жизнь. Девчонок лишить отца... Стать притчей во языцех в обществе... «в свете»... Что ж, я заткнула крик, рвавшийся из уязвленного горла. Ничего не поделаешь, надо соответствовать...

Но когда от той же Надежды я узнала, что Джамиль сошелся со Светланой, меня такая ярость охватила, что я набросилась на него («с диким визгом», как потом говорил Джамиль), отхлестала по щекам, чуть глаза не выцарапала. Он, конечно, отрицал: Света для него не более, чем свояченица, ну, поцелует ее иногда в щечку, хлопнет по заднице — что тут такого?

Я и сама не раз видела, как Джамиль, так сказать, по-родственному тискает ее. Да и Афанасий видел, и вряд ли это ему нравилось. Но он помалкивал.

Этот рыжий скалолаз ввязывался в скверные истории. То затевал производство теплиц для подмосковных огородов — и прогорал, Джамилю приходилось погашать его банковскую задолженность. То он, Афанасий, открывал дело по установке металлических дверей в новых домах — и опять терпел неудачу, не выдерживал конкуренции. Бизнес не давался ему, он злился на весь белый свет, злился и на Джамиля, каждый раз вытаскивавшего его из банкротства.

Почему Джамиль помогал Афанасию Тимохину? Только ли как родственнику (хотя какие они родственники? Ха!)? По просьбам Светки он, конечно, помогал. Ну а Светка... для меня просто нестерпимой была мысль, что она где-то встречается с Джамилем... что они трахаются...

Я знала, давно знала, что Светлана мне завидует. «Ну, — говорила она не раз, — ты у нас везучая. Все у тебя тик-так». Это дурацкое «тик-так» меня раздражало. «Девочки, умоляю, не ссорьтесь», — просила мама. Но вот уже два года, как мама ушла из этой жизни. С тех пор я перестала бывать там, в Черемушках, на нашей старой квартире.

Перед Новым годом это было. Я приехала вечером домой, вышла из машины, сказала Борису, моему водителю и охраннику, чтобы утром, как обычно, подал машину к девяти — и тут увидела припаркованный на той стороне улицы знакомый белый «пежо». Из него вылез Афанасий и направился ко мне.

— Можно я зайду к тебе на полчаса?

— Зайдите, — говорю.

Он обращался ко мне на «ты», а я к нему на «вы». Не любила я Афанасия и, по правде, побаивалась. Когда он улыбался, растяги-

вая тонкие губы чуть ли не до ушей, мне как-то неуютно становилось.

Джамиля, конечно, дома не было, он приезжает поздно. Девчонки в своей комнате смотрели мультики. В гостиной я предложила Афанасию выпить вина или виски — он отказался.

— Оля, — сказал он, стиснув своими ручищами скалолаза подлокотники кресла, — разреши без предисловий.

Я кивнула.

— Джамиль ведет себя неосторожно. Считает, что ему все можно. — Он улыбнулся своей длинной улыбкой. — В рифму получилось... Мне стало известно, что...

Далее последовало сообщение, что Джамиль хочет приобрести целую сеть супермаркетов в области, скупает акции, и это очень не нравится тамошней управляющей компании.

— Они точат зубы на Джамиля, — сказал Афанасий, глядя на меня немигающими желтоватыми глазами. — Там крутые люди. Тем более не любят, когда лезут не наши. Понятно, нет?

— Что значит «не наши»?

— А то и значит. Пусть он усилит охрану. Руслан у него разжирел, как кот. Который мышей не ловит. Могу кого-нибудь из своих ребят посоветовать. Вернее будет.

— Джамиль с Русланом не расстанется, — говорю. — Много лет уже они вместе.

— Дело ваше. А я предупредил. Свой долг исполнил.

С этими торжественными словами Афанасий поднялся. Я поблагодарила его за предупреждение. Он легкой походкой двинулся к двери, но вдруг остановился — и негромко так, через плечо:

— А Светлана где сейчас, не знаешь случайно?

Я разозлилась, крикнула:

— Это *ты* должен знать!

Впервые сказала ему «ты». С трудом удержалась, чтобы не обложить его матом.

Я пересказала Джамилю разговор с Афанасием. Он усмехнулся:

— Тоже мне, предупреждальщик! Ну, сеть паевых супермаркетов выставляет свои акции на продажу. Я их покупаю, почему бы нет? Что, не могу диверсифицировать свои вложения? А насчет угроз... Клянусь, ни одного серьезного бизнесмена нет в России, кому бы не угрожали.

— А перед уходом, — сказала я, — он спросил, не знаю ли я, где сейчас Светлана. Может быть, ты ответишь на этот...

— Да пошел он к черту! — Джамиль дернул головой как от удара в челюсть. — Опять Светлана! Сто раз говорил, ничего у меня с ней нет. Сколько можно одно и то же...

— Но он явно подозревает.

— Пусть подотрется своими подозрениями!

Никогда я не видела Джамиля таким разозлившимся. Никогда таких слов от него не слышала.

— Работаю как верблюд! — бушевал он. — А приедешь домой — вместо отдыха подозрения!

— Успокойся, Джамиль...

— Я бы тоже мог тебя спросить кое о чем! Кто тебе шлет письма из Испании? С праздником поздравляет, приглашает в Марбелью!

— Ах вот ты как... Да, у деловых партнеров в Европе принято поздравлять по праздникам, — говорю, а у самой в голове прямотаки кипит: кто из моих служащих лазит в мой компьютер и докладывает ему?..

Новый год мы, как обычно, встретили на даче в Купавне. Приехали близкие друзья, три пары. Светлану и Афанасия я не пригласила — не хотела их видеть за своим столом, портить себе настроение. Вообще-то настроение было не из лучших: старый год уходил в историю под знаком разгрома «Юкоса», всполошившего российский бизнес. Пили за то, чтобы наступающий год был спокойным, благоприятным для семейной и деловой жизни.

Внешне всё шло нормально. Работа со своим выверенным ритмом и информационными качелями. Посещение выставок, презентаций и прочих тусовок, на которых надо бывать обязательно: noblesse oblige. Но что-то было не так, как обычно. Женским, что ли, чутьем я ощущала некую нараставшую тревогу, словно разлитую в воздухе. Возможно, у Джамиля что-то не ладилось в делах. Нет, он мне ничего не говорил, он и вообще был довольно скрытный, но — я чувствовала: что-то его тревожит. Всю жизнь он прекрасно спал, а тут — стал просыпаться ночью, вставал и уходил к себе в кабинет. Что делал там? Диссертацию незаконченную листал? Или просто так сидел, думая о чем-то? Не знаю.

Как-то вечером мы сидели в кухне, ужинали, вдруг зазвонил телефон. Джамиль, с нацепленным на вилку кружком поджаренного баклажана (он очень любил баклажаны, называл их по-бакински: «демьянки»), слушал довольно долго. Слушал, мрачнея лицом. Потом сказал, что неясно с гарантиями. Собеседник, наверное, очень настаивал, но Джамиль повторил, что без серьезных гарантий не может принять предложение: он все понимает, но — «Извини, не могу», — сказал и дал отбой. «Вечно недоволен, — пробормотал он. — Надоел, черт его побери». «Кто звонил?» — спросила я. Он сказал: «Неважно». И занялся «демьянками», запивая крепко заваренным чаем.

Я почти не сомневаюсь, что звонил Афанасий. Наверное, пытался заинтересовать Джамиля очередным проектом, а уж проекты его

только одну цель и преследовали: крупное вложение денег. Но Джамиль, раньше помогавший Афанасию, вытаскивавший его из провалов, теперь не хотел выбрасывать в прорву большие деньги.

Спустя два дня его убили.

Убили, убили моего Джана.

Страшная тоска сдавила мне горло... О, какая тоска...

Но — надо было держаться. Надо соответствовать.

Адиль, прилетевший из Баку, энергично помогает следствию. Поклялся, что убийцы будут найдены, схвачены. Я в это не верю. Почти никогда у нас не находят киллеров, а уж заказчиков — и вовсе никогда.

Вдруг каким-то образом Олег вычислил одного из убийц. Я давно знаю Олега, очень даже знаю, он всегда был со странностями, его «закидоны» подчас раздражали меня. Непредсказуемые люди не вызывают доверия, я поняла это, когда Олег обрушил мои надежды... мою любовь... да, я любила его, любила... но он был занят только собой, своими вечными фантазиями — он их называл «познанием жизни». Что было делать, я вычеркнула Олега из своей жизни.

Много лет пролетело, прежде чем я увидела его на похоронах Джамиля. Олег выглядел неважно — похудевший, плохо одетый, и его глаза, когда-то вспыхивавшие синим огнем, показались мне погасшими. С ним была Катя, подруга, когда-то привезенная из Испании, из клуба La Costa, где они вместе работали, — милая девочка Катя, которую я устроила на работу в турагентство. Как она, бедная, выдерживает разболтанный характер Олега?

Так вот, когда Адиль рассказал, что Олег вычислил одного из убийц, я была поражена. Он что же — ясновидящий? Как герой какого-то фильма по роману Стивена Кинга?

Но еще больше поразило меня то, что этот Величко — охранник из агентства Афанасия Тимохина. Черт побери, господа! Черт побери... У Джамиля было немало завистников, это обычная вещь в бизнесе, всегда завидуют тем, кто более удачлив, предприимчив. Среди них были и такие, которые ненавидели Джамиля за азербайджанское происхождение. Хотя он только по имени-фамилии азербайджанец, даже языка не знает, кроме двух десятков расхожих фраз. Но если к зависти примешана еще и ревность...

Афанасий, наверное, знал — ну уж точно подозревал, что Светлана сошлась с Джамилем. Не знаю, были ли у него объяснения со Светкой (он и поколотить ее мог, хотя это спорно: она бы не стерпела, ушла бы от него). Но желание отомстить Джамилю наверняка жгло Афанасия. И могло завести далеко...

С самого начала меня оглушила мысль, что заказать убийство Джамиля мог Афанасий. Но я гнала... не допускала... Когда же возник

охранник из агентства Афанасия... близкий, видимо, ему человек, тоже бывший скалолаз... Черт побери!

Оперативник угрозыска, допрашивавший меня, спросил прямо: «Мог ли Тимохин заказать своему охраннику Величко вашего мужа?» Я растерялась. Промямлила: «Не знаю...» Этот Мирошников, глядя в упор, ожидал продолжения ответа. И я сказала: «Мог». Трудно было выговорить это короткое слово. Но ведь «мог» не значит «да, заказал». Я сообщила Мирошникову о своем разговоре с Афанасием — о его предупреждении относительно крутых людей из управляющей компании, недовольных тем, что Джамиль скупал акции. Мирошников выслушал и сказал: «Мы работаем с этой компанией, но пока ничего подозрительного не нашли». И задал очередной вопрос: «Могли ли быть у Тимохина мотивы личного характера против вашего мужа?» И опять я ответила: «Могли»...

Трудное, трудное шло лето. Жара, стопроцентная влажность. В городе просто нечем дышать. Девчонки сидели на даче с няней, а я моталась из Москвы в Купавну, из Купавны в Москву...

Только что позвонил Адиль: позавчера ночью на Олега напали двое, он еле отбился.

Что означало это нападение? Случайно ли оно?..

8

— Сережа! — окликнул Олег, заглянув в комнату мальчика. — Ты еще не собрался?

— Нет еще, — ответил тот сквозь пальбу с экрана телевизора.

— Завтра в семь утра мы выезжаем. И если ты не будешь готов...

— Я буду готов, — сказал Сережа таким тоном, каким говорят: «Чего пристал?»

«Ну ясно, — подумал Олег, отступая в глубь прихожей, — ждет, засранец, прихода Кати с работы, чтоб она уложила его вещи. Вот он, результат безудержного мамочкиного попустительства, — растет ярко выраженный эгоист».

Тут прозвенел звонок — отрывисто и, как показалось Олегу, требовательно. Кого еще принесла нелегкая? Мягко ступая босыми ногами, он прошел к двери, отворил и — отпрянул в оглушительном изумлении. Вошла женщина во цвете, как говорится, лет, несколько полная, но прекрасная, с башнеобразной прической, с неясной улыбкой на крупных коралловых губах. Облегающее платье — неяркие голубые цветы на сером фоне — оставляло обнаженными руки от плеч.

— Holla, Оля, — пробормотал Олег. — Извини, пожалуйста.

Он, конечно, имел в виду свой неподобающий вид: на нем были только шорты, сильно выцветшие от долгого употребления.

— Ехала мимо, — сказала Ольга, — и решила зайти. По старой памяти. Здравствуй.

— Да, да... Подожди минутку. Я сейчас...

Олег кинулся к себе в комнату, быстро натянул джинсы и майку с изображением штурвального колеса, поискал взглядом тапки, не нашел и, мысленно чертыхнувшись, позвал Ольгу в комнату. Она вошла все с той же неясной улыбкой, несколько секунд смотрела на висящую над тахтой старую картину (трехмачтовое судно с массой парусов, упруго надутых ветром) и тихо сказала:

— Всё как было раньше.

— Хочешь сказать — такой же беспорядок? — Олег схватил распятый на тахте гидрокостюм, кинул его на стул возле книжного стеллажа, ногой отпихнул в угол раскрытый чемодан. — Садись, Оля. Мы завтра уезжаем... — Он убрал с тахты и зачехленное ружье для подводной охоты. — Сборы, понимаешь ли... извини...

— Хватит извиняться. — Ольга села на тахту, всмотрелась в лицо Олега. — Ну, ничего. Адиль сказал, что на тебя напали, избили. Решила проведать, как раз проезжала мимо.

— Да, спасибо... — У Олега под глазом темнел синяк, угол рта на той же стороне лица был крест-накрест заклеен пластырем. — Не то чтобы избили... я им не дался... но все же...

Он был явно смущен: такой визит! Спохватился:

— Чаю хочешь, Оля? Или, может, выпьешь вина?

— Ничего не хочу. Сядь, пожалуйста. — Она достала из сумочки веер, обмахнулась. — Ужасная жара. Олег, разреши спросить: это нападение — как ты его объясняешь?

— Никак не объясняю.

— Да? Странно. Ты же ясновидящий... Увидел, как Величко, которого никогда не видел... как он строит дом в Подмосковье...

— Я не ясновидящий. — Олег вспомнил вдруг нужное слово: — Я девиант.

— А что это такое?

— От слова «девиация». То есть отклонение.

— Отклонение? От чего?

— Стрелки компаса, например, от магнитного меридиана. Под воздействием массы судового железа. Поэтому на кораблях девиацию устраняют. То есть вводят поправку.

— Но ты же не стрелка компаса.

— Совершенно верно. Просто человек с отклонением. С отклоняющимся поведением. Знаешь, кто первый назвал меня девиантом? Твой Джамиль.

— Вот как? Это еще когда вы в школе учились?

— Нет, позже. А если точно, то когда мы встретились на Costa del Sol. В отеле — не помнишь?

— Помню, — не сразу ответила Ольга. — Ты стоял передо мной на коленях, и тут вошел Джамиль. Вы чуть не подрались.

— Да. У тебя прекрасная память.

— Просто есть вещи, которые невозможно забыть.

— В том-то и дело, — сказал Олег и потянулся к пачке сигарет, лежавшей на письменном столе. — Можно, я закурю?

— Ты у себя дома.

— Ладно, потерплю, ты же не любишь дыма.

— У тебя тоже хорошая память.

— Именно в памяти всё и дело. Память о минувшем времени, я думаю, не исчезает. Она заключена в самой земле... в земной поверхности... вернее, в поле Земли... И если подкорка человека, то есть долговременная память, сонастроена с этим полем Земли... Оля, извини. Это вряд ли тебе интересно.

— Очень даже интересно. — Она снова обмахнулась веером. В комнате, залитой солнцем, было жарко. — Ты бы шторы задернул, Олег, — сказала она.

— Я люблю, когда жарко. — Олег задернул шторы у окна и снова сел, поджав под стул босые костистые ноги.

— Ну да, ты же у нас девиант. Так что там с подкоркой, если она... Как ты сказал? Сопряжена с памятью Земли?

— У Волошина, — сказал Олег, — есть такие строки:

Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

— Это красиво звучит, — сказала Ольга, подняв брови, — но... не очень понятно. Как это — трепет жизни всех веков?

— Не берусь объяснить, потому что я и сам... Ничто не проходит бесследно — вот это я твердо знаю. Наша подкорка насыщена памятью о прошлой жизни, но таит это, так сказать, в запаснике, в потаенных клетках, чтобы не перегружать мозг. Но иногда, в редчайших случаях, в минуту, например, большого душевного подъема, подкорка разворачивает как бы картину из предыдущей жизни... такой сон наяву...

— Почему же, — сказала Ольга после небольшой паузы, — почему твоя замечательная подкорка ничего не подсказывает насчет на-

падения? Кто на тебя напал — грабители, случайно оказавшиеся в сквере, или...

— Нет, не случайные грабители. Они назвали меня по фамилии.

— Ты не думаешь, что это... ну, кто-то боится, что ты и его опознаешь, как опознал Величко?

— Да. Кто-то хочет, чтобы я молчал.

— Кто же это?

Они молча смотрели друг на друга с полминуты, а может, и больше. Потом Олег тихо сказал:

— Ты знаешь это лучше, чем я.

9

Не хочу дурно отзываться обо всем водохранилище, но здесь, в его южной части, нет на дне ничего, заслуживающего внимания. Старые автомобильные покрышки, пластиковые бутылки, тряпье и прочие отходы быта — этого добра навалом.

— Нету твоего Китежа, — говорил Вадим. — И не было никогда.

— Был, — ворчал я в ответ, — но его закидали мусором.

Как всегда, трудно было расстаться с мифом. Но, разумеется, я понимал, что найти хоть малейший след града Китежа в условиях изменившихся коренным образом географии и социального бытия — невозможно. Я даже придумал соответствующее четверостишие:

Ах, Заволжье-городок,
От тебя я изнемог.
Накупался, нанырялся —
Ни хрена найти не смог.

Мы распевали это замечательное произведение на мотив старой песенки «Ах, Самара-городок», распивая очередную бутылку. По правде говоря, пить мне не очень-то и хотелось, я знал, что Сережа нажалуется Кате — мол, днем нырял, а по вечерам выпивал. Но, во-первых, Вадим без выпивки не мог обходиться, а во-вторых, нам неожиданно составила компанию Анна Тихоновна.

У этой достойной женщины мы сняли комнату, когда из Городца, где купанье-ныряние оказалось технически невозможным, приехали в Заволжье. Как это обычно и бывает, нам помог случай. Мы стояли возле дилижанса (так Вадим называл свой внедорожник Nissan Patrol, на котором мы и прикатили из Москвы), стояли в раздумье, в рассуждении, что́ делать — искать тут, в Заволжье, частное пристанище

(местная гостиница, по случаю нашего приезда, оказалась на ремонте) или ехать обратно в Городец, где по крайней мере номер в гостинице был безусловной реальностью. И тут проходившая мимо женщина вполне средних лет, статуарного телосложения, в желтом платье с зеленой отделкой, в шапочке из голубого шелка, вдруг остановилась и вперила в Вадима удивленный взгляд.

— Вы хотите что-то сказать, мадам? — спросил Вадим.

— Нет... извиняюсь... обозналась, — ответила она голосом низкого, почти мужского, звучания.

И двинулась было, но я задержал ее вопросом:

— Простите, не знаете, случайно, где можно снять комнату на три недели?

Женщина внимательно посмотрела на меня, на Сережу. Вряд ли ей понравился мой фингал под глазом. Но Вадим, с его орлиным профилем, хоть и несколько помятым об нездоровый образ жизни, явно производил на даму благоприятное впечатление. Она поинтересовалась, кто мы такие. Узнав, что мы москвичи, приехавшие отдохнуть, покупаться в водохранилище, сказала:

— У нас мало кто купается. Вода грязная. — И, подумав немного, добавила: — У меня есть свободная комната, но только одна тахта. — И, еще помолчав: — Могу взять у соседки раскладушку.

Быстро договорились об оплате, сели в дилижанс и покатили по уснувшим под горячим полуденным солнцем улочкам с пыльной травой, торчащей из разбитого асфальта, с двухэтажными домами, стены которых тут и там были разрисованы непонятными граффити — признак того, что и до глубинного райцентра докатилась дурацкая манера столичных юных олухов.

Поворот, еще поворот, палатка «Фрукты, овощи» — и мы въехали во двор хрущевки-пятиэтажки. Тут росли несколько старых усталых тополей, стояли штук пять машин. В углу двора галдела возле турника группка подростков. Здоровенный желтый бульдог, сидевший там, вскочил и облаял нас, когда мы вылезли из дилижанса.

— Сидеть, Джон! — крикнул ему раскачивавшийся на турнике мальчик в белой бейсболке и длинных черных трусах с синими лампасами.

Вслед за дамой — ее звали Анной Тихоновной — мы вошли в крайний подъезд.

— Нет собаки ласковее бульдога, — объявил я, поднимаясь по лестнице, — но на вид этого не скажешь.

— Неплохо придумал, — засмеялся Вадим.

— Это не я, — признался я со свойственной мне скромностью. — Это Джером Клапка Джером.

У Анны Тихоновны была малогабаритка на пятом этаже. В маленькой комнате помещалась она сама со своей кошкой Фросей — белой пушистой красавицей в рыжих пятнах. Комната побольше служила ей, как видно, мастерской. На столе прочно стояла швейная машинка, вокруг валялись обрезки голубого шелка — Анна Тихоновна шила на продажу дамские шапочки типа чалмы. («На пенсию разве проживешь?» — говорила она.) Проворно стала она наводить порядок, потащила машинку, я отобрал ее и вынес в маленькую комнату, поставил по указанию хозяйки на стул в углу, возле телевизора.

В «нашей» комнате над широкой тахтой висел фотопортрет военного в капитанских погонах — я невольно ахнул, взглянув на него. Мрачноватый прищур, ироническая улыбка, орлиный нос — ни дать ни взять наш Вадим, поразительное сходство! Только шевелюра погуще, чем у моего друга с его ранней лысиной. Понятно, почему Анна Тихоновна удивленно воззрилась на Вадима.

— Это мой сын, — сказала она. — Его убили в Чечне.

Ранним вечером притащили из ближнего гастронома хлеб, банку сайры, бутылку «пшеничной». Позвали, конечно, Анну Тихоновну. Она сварила картошку, из холодильника извлекла миску квашеной капусты. Сели в маленькой кухне ужинать.

— Вам сколько лет, молодые люди? — спросила наша хозяйка после первой рюмки. — Тридцать шесть? Вот и моему Мише столько же... было бы... Восемь лет уже, как его чечены убили.

Вадим снова налил в рюмки, предложил почтить память погибшего. Анна Тихоновна выпила залпом. Раскрасневшаяся, с влажными глазами, заговорила, глотая от волнения слова:

— Думали, раз Грозный взят, значит всё... А они ворвались обратно в Грозный, окружили наших. Миша со своей ротой отбивал, отбивал ихние атаки... запрашивал по радио, чтобы помощь... а не было помощи... В цинковом гробу вернулся в Горький, Зинаида, сноха, его привезла. Там мы и похоронили Мишу, в Горьком.

— В Нижнем Новгороде, — сказал я.

— А я привыкла по-старому называть, — с некоторым даже вызовом возразила Анна Тихоновна.

Сережа, напившись чаю, попросил:

— Можно я телевизор посмотрю?

— Ой, конечно! — Анна Тихоновна отвела его в свою комнату, включила «ящик» и вернулась в кухню. — Что с Россией сделали! — заговорила после третьей рюмки. — Не знаю, как вы, а я против. Уж лучше бы Горбачев не начинал эту чертову перестройку. Были, конечно, недостатки, но в общем жили хорошо, спокойно.

— Ну да, — сказал я, — с обязательным единогласием, с очередями за сахаром, колбасой, водкой. За гэдээровским и чешским ширпотребом. Миллиарды гнали на гонку вооружений...

— Я была директором педтехникума, — гремел басовитый голос нашей хозяйки, — мне зарплаты на все хватало! Ездили в Крым, в санаторий. А теперь? Вот на пенсию вышла, а разве на нее проживешь? Что толку, что очереди исчезли и продуктов много, если не на что их купить?

— Горбачева теперь ругают за перестройку, — вступил в разговор Вадим, поглядывая веселыми, как всегда при выпивке, глазами, — а я хвалю! За плюрализм. За то, что вывел войска из Афганистана.

— Он вывел, а Ельцин ввел в Чечню! Зачем? Не знал, что ли, что эти чечены — бандиты?

— Не все же они бандиты...

— Независимость им подавай! — горячилась всё более Анна Тихоновна. — Ну и надо было дать — нате, подавитесь! Колючей проволокой от них отгородиться!

«Далеко же мы ушли от дружбы народов, — с грустью подумал я. — А ведь так ею гордились...»

Я попытался переключить нашу хозяйку на другую волну — спросил, знает ли она о граде Китеже?

— Град Китеж? Ну это сказка какая-то, — сказала она, наморщив лоб. — Зачем он вам?

А и верно: зачем мне нужен этот фантастический град? Почему мерещатся его темные бревенчатые дома-срубы, деревянная церковь с главами-луковицами, покрытыми, как чешуей, осиновыми лемехами?

До водохранилища было недалеко. Можно и пешком, но у нас же было дайвинговое снаряжение — акваланг, гидрокостюмы, ласты, ружья для подводной охоты. Не таскать же все это «на горбу». Подъезжали в дилижансе к берегу настолько близко, насколько позволял ландшафт, а проще говоря — лес. К самой воде спускались уцелевшие от затопления дубы, пихты, ели. Вадим молодец — здорово маневрировал меж ними на своем видавшем виды внедорожнике. Он сидел за рулем в красной футболке, на спине которой белели волнующие призывные слова:

Mr. diver!
Jump into the adventure

То есть: «Мистер ныряльщик! Прыгни в приключение».

— Держитесь, ребята! — кричал Вадим. — Сейчас потрясет немного. Кишки придерживайте, чтоб не разболтались!

Водохранилище, если смотреть на него не на карте, а отсюда, с берега, ничем не отличалось от моря: огромное пространство синесерой воды уходило в даль, слегка позлащенную утренним солнцем. Если присмотреться, можно было различить движущиеся там, вдали, белые штришки волжских теплоходов. А неподалеку покачивались на воде две-три надувные оранжевые лодки с терпеливыми фигурами местных рыболовов.

Один из нас с помощью другого надевал акваланг — закидывал за спину спаренные баллоны, застегивал ремни и пояс, закреплял на ногах ласты, натягивал маску и, взяв в рот загубник, уходил в мутноватую у берега воду. Чаще нырял Вадим. Я оставался с Сережей (Катя строго наказала перед нашим отъездом: от Сережи ни на шаг!). Он плавал неважно, я учил его, как надо правильно дышать и чем отличается кроль от обычных саженок. Он пялил на акваланг ненасытные глаза, так похожие на Катины, но я категорически отказал ему в нырянии. Однако разрешил пользоваться шноркелем — дыхательной трубкой. Натянув маску и пошевеливая ластами, Сережа плавал, опустив голову в воду и старательно дыша через трубку. Я объяснил ему, как пользоваться ружьем для подводной охоты, он жаждал подстрелить какую-нибудь рыбу, несколько раз стрелял, но всё мимо.

Нырял, конечно, и я (а Вадим присматривал за Сережей), но ничего путного на грунте не видел. Я поражался обилию автомобильных покрышек, выброшенных за ненадобностью. Странная, думал я, у нас цивилизация: заботимся о непрерывном производстве, но не знаем, куда девать отходы. *Мусорозойская эра* — так, возможно, назовут наше смутное время отдаленные потомки. Уж они-то, головастые, что-нибудь придумают, чтобы содержать планету в чистоте.

Нам кричали рыболовы из резиновых лодок, что мы всех рыб распугали.

— Убирайтесь отсюда! — требовали они.

Мы передвигались вдоль берега. Однажды, на пятый или шестой день, к нам подплыл один из рыболовов. На голове у него косо сидела соломенная шляпа с растрепанными полями, из густой черно-седоватой бороды торчал багровый нос, свидетельствующий об алкогольном усердии. Неожиданно мягким тоном рыболов проговорил:

— Видите тот мысок? Поныряйте там. Здесь вы ничего не найдете.

— Откуда вы знаете, что мы что-то ищем? — спросил я.

Но он не ответил — взялся за весла и отплыл.

Вечером я рассказал Анне Тихоновне об этом красноносом рыболове. Она понимающе покивала:

— Да, он стал много пить.

— Вы его знаете?

— Так это ж мой бывший муж. Широков Маврикий. Обождите минутку.

Анна Тихоновна вышла из кухни в свою комнату, где Сережа смотрел какой-то нескончаемый сериал. Оттуда раздался раздраженный кошачий мяв, негодующее восклицание. Анна Тихоновна, вернувшись в кухню, обратила ко мне полнощекое лицо со строго сведенными углами бровей:

— Вы скажите своему сыну, чтоб Фросю за хвост не дергал.

Она раскрыла принесенный альбом, показала нам большую фотографию: сидят на скамейке во дворе одноэтажного дома пятеро улыбающихся женщин, в центре — Анна Тихоновна, с видом полного удовлетворения; за ними стоят трое мужчин разного роста и возраста, все при галстуках. В самого невысокого, единственного неулыбающегося, словно застигнутого врасплох, ткнула наша хозяйка пальцем:

— Вот он, Маврикий. Русский язык и литературу у меня в техникуме преподавал.

— Трудно узнать, — говорю. — Он же зарос бородой.

— Я за ним следила, чтоб брился, чтоб аккуратно ходил, в галстуке. А как развелись, так опустился Маврикий.

Со вздохом перелистнула она альбомный лист.

— А вот я на партактиве района выступаю... А вот мы всем техникумом на демонстрацию Первого мая идем...

«Бедная женщина, — подумал я, — всё у нее в прошлом — в этом толстом малиновом альбоме, в старомодных черно-белых фотографиях, никому, кроме нее, не нужных».

— А это мне на пятидесятилетие почетную грамоту вручают...

Целая жизнь прошла, отшумела и, круто видоизменясь, понеслась дальше, отбросив еще не старую и весьма по натуре деятельную женщину на обочину дороги... оставив ей только этот альбом... и шитье шляпок на продажу... и неутешную боль о сыне, убитом на жестокой войне, которую велят называть не войной, а контртеррористической операцией...

Мы досмотрели — из вежливости — альбом до конца, кликнули Сережу и сели ужинать. Выпили, конечно. Вадим, поглядывая веселыми глазами, разглагольствовал:

— Я был способный мальчик. Да, представьте себе. Техническая голова, спортсмен. Мне прочили хорошую будущность. А вот — не стал ни чемпионом по прыжкам в длину, а ведь уже близко было, ни академиком. А почему? А потому что фамилия такая — Дурындин. Разве с такой фамилией допрыгнешь?

— Надо было сменить ее, — сказал я.

— Сменить! Я хотел бы, да ведь не разрешают.

— Раньше разрешали. В тридцатые годы. Я видел в старой подшивке «Известий» целые страницы объявлений о смене фамилий. У Ильфа в записной книжке есть запись: «Наконец-то! Какашкин меняет фамилию на Ленский».

— Какашкину повезло, успел, а я — нет. Чего ты смеешься? — обратился Вадим к Сереже. — Я тебе в поучение рассказываю. Не разбрасывайся, понятно? Наметил себе цель — и иди к ней. Дуй до горы. Фамилия у тебя хорошая — Хомяков.

— Я Потапов, — сказал Сережа, тыча вилкой в атлантическую сельдь.

— Тоже красиво. Не бери с меня пример, Потапыч.

Тут мой мобильный телефон сыграл первое колено из вальса «Минуты счастья».

— Катенька, привет, — сказал я, прижав черную коробочку к уху. — У нас все в порядке.

Катя звонила каждый вечер. Беспокойная женщина — не могла избавиться от подозрений, что Сережа оставлен без присмотра на воде.

— Полный порядок, Катя, — говорю я. — Сережа загорел, поправился на шесть кило и доволен жизнью.

— Ты скажешь! Шесть кило! — услышал я ее высокий голос. — Олег, сегодня мне позвонил Адиль и знаешь, что сказал?

— Нет, — говорю, — не знаю.

— Сказал, что Горохова задержали. В Калининграде!

— О! — говорю. — Это новость серьезная. Надо обмыть.

— Олег, ты там не очень, — строго сказала Катя. — Дай трубку Сереже, хочу его услышать.

Новость действительно была изрядная. Когда легли спать (мы с Сережей помещались на тахте, а Вадим спал на раскладушке), я представил себе, как везут в Москву под конвоем Горохова, а он, молодой, с черными усиками, дерзко ухмыляется... Тут меня поразила мысль, что Николай Горохов воевал, может, в одном батальоне с капитаном Михаилом, сыном Анны Тихоновны. Воевали вместе, а судьба — врозь...

Сережа, лежавший рядом на широкой тахте, сказал:

— Ты не спишь? Валерка говорит, тут есть интернет-кафе. Мы, может, сходим туда. Слышишь?

Валерка был соседский мальчик, он всегда ходил в белой бейсболке, в сопровождении бульдога. Сережа не то чтобы подружился с ним, но — сошелся, так сказать, на почве общего интереса. Раза два по вечерам он ходил в соседний подъезд к Валерке играть в компьютерные игры.

— Нет, Сережа, — говорю. — Интернет-кафе — это для взрослых. Не ходи. Нечего тебе там делать.

Следующий день начался с дождя, но вскоре, около одиннадцати, туча уплыла, унося дождь к северу, и снова воссияло солнце. Мы погрузились в дилижанс и покатили к водохранилищу.

Но вначале заехали на АЗС. Пока Вадим ожидал своей очереди и заправлял машину, мы с Сережей сидели в примыкающем к станции сквере на скамейке в тени раскидистого клена. Очень жарко было в машине, да и тут, на воле, воздух был предельно насыщен влажной духотой. Сережа сидел, вытянув ноги в любимых белых кроссовках с синей надписью «Maradona» на каждой и обмахивался крупным кленовым листом. Загорелый, в пестрой маечке, заметно подросший за лето, он был хорош собой.

Говорили, конечно, об Олимпийских играх, которые сегодня откроются в Афинах. Как всегда, у Сережи накопились вопросы.

— Древние греки устраивали Игры каждые четыре года в городе Олимпии, — рассказывал я. — Они посвящались Зевсу — их главному богу. На время Игр прекращались войны. Из всех греческих городов съезжались атлеты.

— А допинги у греков были? — интересовался Сережа.

— Допинги? А кто их знает? Может, и были какие-то.

Тут Вадим свистнул, крикнул, чтоб садились. Поехали к тому мысочку, на который вчера указал рыболов Маврикий Широков, бывший муж нашей хозяйки, человек, заросший бородой. «Хорошее у него имя, — думал я, трясясь на неровностях, из которых состояла грунтовая дорога. — Вот бы попасть когда-нибудь на остров Святого Маврикия... Кажется, там зарыт и до сих пор не найден клад Сюркуфа, грозы морей...»

Дорога исчезла, превратилась в бездорожье, но нашему Вадиму всё было нипочём. Он был не только отличный дайвер, но и искусный драйвер. Здорово маневрировал Вадим среди елей и пихт — и вот, подпрыгнув от удара об толстый корень огромного дерева, дилижанс взревел и остановился.

Мыс Маврикия — так мы его назвали — своим диковатым видом пробудил в памяти старую песню: «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» Он спускался к воде крутыми уступами, и сразу начиналась глубина — плавай и ныряй, пока не посинеешь.

Первым нырнул Вадим, а мы с Сережей плавали поверху, и он опять неудачно выстрелил во встречную шуструю рыбу. Мы отдохнули на плоской скале у подножья мыса Маврикия, дождались появления Вадима.

— Здесь дно чище, — сказал он, расстегивая ремни и снимая с моей помощью баллоны. — Песок. Ямы какие-то. Ты в них не лезь.

Надев акваланг и ласты, сунув в рот загубник, я нырнул. Почти сразу заложило уши. Я сглотнул давление и, медленно работая руками и ластами, погрузился в темнозеленую глубину. Сквозь стекло маски я видел неровное песчаное дно, слабое колыхание водорослей, стайки мелких рыб. А вот бревно, полузанесенное илом. Еще и еще бревна... нет, стволы деревьев... А дальше — что это? Дно резко понижалось — словно пропасть разверзлась, черная, опасная, странно влекущая. Вадим прав: не надо лезть в яму. Ну, может, только немного... Вода заметно стала холоднее... Не стоит нырять глубже... Ни черта не видно... Нет, нет, глубже не пойду...

И тут я услышал. Вначале подумал: в ушах звенит. Нет! Отдаленный, но явственный равномерно повторяющийся звук... Колокольный звон!

Слабо поводя руками, я повис над подводной черной ямой. Тихие-тихие удары колокола отдавались в душе радостным изумлением: неужели подтверждается старинное сказание? Да нет, что-то мешало поверить... уж очень необычно, необъяснимо... А вот и услужливая подсказка рационального мозга: случайно донесся стук винта крупного теплохода, идущего по водохранилищу. Ведь звук хорошо распространяется в воде...

Вот он и умолк. Тишина. Подо мной черная яма, понижение дна, а никакой не град Китеж с его колокольней, с главами, покрытыми, как рыбьей чешуей, осиновыми лемехами.

Я даже, вынырнув и подплыв к берегу, не стал рассказывать Вадиму о своем «открытии». Засмеет Вадим. Уж он-то в старые сказки не верит.

Вечером смотрели открытие Олимпийских игр. Здорово придумали греки: словно с древних амфор сошли фигуры бегунов и дискоболов... Вдруг стадион превратился в море, идет старинное судно... взмахи длинных весел... летит над судном женщина в хламиде, или, вернее, в пеплосе — да это Афина Паллада, не иначе! А вот и Аполлон летит... А это, наверно, Геракл, ну точно, нельзя же обойтись без этого богатыря, с которого, кажется, и начались Олимпийские игры...

Как они, греки современные, умудрились показать в небе над стадионом, без всяких экранов, такое великолепное кино? Вадим говорит: голография может все что угодно изобразить. Чудеса техники, в общем.

Долго смотрели парад. В алфавитном порядке прошествовал по стадиону весь мир — сто две команды, в том числе огромные, человек по четыреста-пятьсот, как, например, наша, и китайская, и американская, — и крохотные, два-три-пять спортсменов с экзотических островов вроде Науру, Тонга, Восточного Тимора.

Три вечера мы смотрели Игры. Наши атлеты не очень-то радовали нас. Но зрелище было превосходное: сама по себе эстетика спорта завораживает. Какой же молодец этот барон де Кубертен, возродивший античную традицию. Соревноваться в силе мускулов, а не в убойной силе оружия, — это прекрасно. Дружелюбие и приязнь вместо неприязни, злобы, ксенофобии...

Но в четвертый вечер произошло такое, что мне стало страшно жить. Мы смотрели соревнования гимнастов. Сережа сказал, что пойдет к Валерке поиграть, я отпустил его на часок. Анна Тихоновна в тот вечер ушла навестить подругу по педтехникуму, у которой разыгрался радикулит.

Мы с Вадимом, умеренно пия любимый напиток, болели за нашего Немова, храбро противостоявшего гибким китайским гимнастам. Вдруг я ощутил как бы толчок в спину. Взглянул на часы — полдесятого, Сереже надлежало давно быть дома. Номера телефона этого Валерки я не знал, но помнил, что он жил в соседнем подъезде на третьем этаже. Я отправился туда, позвонил наугад в одну из двух квартир и услышал басовитый собачий лай. «Джон, сидеть!» — крикнули там. Дверь отворил рыжий встрепанный подросток в длинных трусах с синими лампасами. Жуя жвачку, он воззрился на меня. За ним в маленькой прихожей сидел и тоже пялил на меня неприязненный взгляд желтый бульдог.

— Здравствуй, Валерий, — сказал я, шагнув через порог. — Сережа у тебя?

— Сережа был, — ответил он ломким переходным голосом. — Но давно ушел.

— Куда ушел?

В прихожей было жарко, и пахло жареным луком, что ли, но меня будто холодным ветром продуло. Валерка растерянно молчал.

— Куда?! — крикнул я.

— Он пришел, — торопливо заговорил парень, — мы поиграли немного... он говорит: «Давай туда сходим...» а тут гимнастика начиналась... я хотел посмотреть...

— Куда он пошел? — Я старался держать себя в руках, но, наверное, я орал.

Бульдог тихо зарычал. Из кухни вышла блондинка баскетбольного роста в коротком цветастом халате.

— В чем дело? — спросила. — Что вам надо?

— Это папа Сережи, — посыпал скороговоркой Валера. — Сережа приходил, звал меня в интернет-кафе, а тут гимнастика на Олимпийских... я говорю, хочу посмотреть...

— Он пошел в интернет-кафе?

— Наверно... не знаю... — Валерка выдул большой белый пузырь.

— Пойдем! — Я спохватился, обратился к блондинке: — Извините. Я не местный, не знаю, где это кафе. Разрешите Валере показать...

— А сами не можете найти по адресу? — строго спросила женщина.

Наверное, мое лицо выражало крайнее отчаяние, — вдруг она смягчилась, сказала сыну:

— Приведешь его к кафе, и сразу домой. Джона возьми.

Валера живо натянул на свои вихры белую бейсболку, надел на собаку поводок, и мы втроем выбежали из дому.

В тот вечер было полнолуние. Городок, до краев залитый лунным светом, был весь на виду — до последней травинки, торчащей из разбитого асфальта, до каждого иероглифа, намалеванного на стене дома. Мы быстро шли, перед нами скользили наши вытянутые тени. Из окон доносились переливы поп-музыки, знакомый голос спортивного комментатора. Вдруг ворвалось страстное: «А на том берегу пригубил первый раз дикий мед твоих уст...» — будто из космического пространства прилетело и туда же унеслось.

Интернет-кафе было недалеко (в Заволжье всё близко), я с разбегу влетел в неказистый подъезд, но в прихожей меня остановил молодой человек, накрытый огромной шапкой черных волос, и сказал, что кафе закрыто, поздно уже. Но я видел в приоткрытую дверь: за длинным столом сидели несколько человек перед компьютерами.

— Я ищу сына, — говорю. — Здесь мой сын.

Но среди запоздалых посетителей Сережи не оказалось.

Молодой человек сочувственно щурил на меня глаза из-под нависающей на брови растрепанной шевелюры.

— Да, да, — говорил он. — Приходили подростки, четверо или пятеро. Но они давно ушли... Как вы сказали? Белые кроссовки с надписью «Maradona»? Знаете, я на обувь посетителей не смотрю.

— А я видела, — вступила в разговор тоненькая девица, обтянутая красной майкой, значительно выше пупка, и голубыми джинсами. — Тот, у которого «Maradona», пришел один, сказал, что первый раз тут, и денег у него было на час работы. К нему, я видела, подсели двое ребят, потом еще один...

— Ты этих ребят знаешь? — спросил молодой человек.

— Нет, раньше они к нам не приходили. — Девица чиркнула зажигалкой, закурила тонкую коричневую сигарету. — По-моему, они из Балахны.

— Из Балахны? — переспросил я.

— Ну, я слышала, кто-то из них сказал, что в Балахне дороже. Что́ именно дороже — не знаю.

— Они вышли вместе? — спросил я. — Мой сын и эти ребята?

— Да. Господа! — возгласила девица. — Заканчивайте! Кафе закрывается.

Я вышел на улицу и зажмурился. Лунный свет бил по глазам нестерпимо. Вот лечь тут, на проросший дикой травой щербатый тротуар, — и умереть. Будь я проклят! Разззявил рот на олимпийцев, вместо того чтобы глаз не спускать со своенравного мальчишки!

Тут подошел ко мне Валера со своим бульдогом.

— Ты чего? — сказал я слабым голосом. — Мама ведь тебе велела...

— Да ничего, — сказал он. — Что, нету Сережи?

Выслушав мой ответ, Валера выплюнул комок жвачки. Что-то он говорил о Балахне, о тамошних пацанах, и о том, что последний автобус туда уже ушел, — я слушал невнимательно. Мне вдруг представилось: не луна, а солнце пылает на безоблачном небе, и мы укрылись от зноя в тени раскидистого клена, сидим на скамейке, и Сережа, вытянув ноги в белых кроссовках, обмахивается кленовым листом...

— Что ты сказал? — спохватился я. — А, да... может, уже пришел домой...

Может, Сережа уже дома, а я, как последний дурак, выскочил из дому без мобильника, не могу позвонить, чтоб узнать... Ну, тут недалеко...

Мы зашагали по той же дороге обратно, волоча за собой длинные тени. Вдруг я будто наткнулся на невидимый барьер.

— Вот что, — говорю, остановившись. — Автозаправка. Мне надо туда. Как к ней пройти?

— Какая автозаправка? — У Валерия желтые брови взлетели к козырьку бейсболки.

— Которая на выезде из города, — говорю, и мне совершенно все равно, что Валерий глядит на меня как на человека с поехавшим чердаком. — Там рядом с ней сквер. По этой улице можно к ней пройти?

Валерий, должно быть, сам себе удивлялся, составив компанию сумасшедшему дядечке из Москвы. Один только Джон, желтый бульдог средних лет, ничему не удивлялся. Он бежал ровной легкой рысцой рядом с обожаемым хозяином. Наверное, он все более ощущал приближающийся неприятный запах автозаправки. Мы дошли до нее за полчаса, она была пустынна, над ней горел одинокий (и как бы ненужный при полной луне) фонарь.

Сквер близ автозаправки был тоже безлюден. Клены в нем поникли ветвями, тяжкими от сновидений. Под одним из них на скамейке что-то лежало... Я ускорил шаг... побежал...

— Сережа-а-а...

Бежал, не слыша собственного крика.

Сережа, полуголый, в одних трусах, лежал на боку, согнув ноги так, как это вряд ли сделает взрослый. Подбежав, я затормошил его. Он издал стонущий звук и приоткрыл затуманенные глаза.

— Накурился, — тихо сказал Валерий.

10

Представляю, как бы всполошилась Катя, как страшно бы закричала, если б узнала о том, что приключилось с Сережей. Конечно, я ей ничего не рассказал, когда она в очередной раз позвонила. И Сережа не обмолвился о своем позоре. Он сделался молчалив и задумчив. Что ж, это неплохо, когда человек задумывается.

Вадим, при поддержке Анны Тихоновны, требовал, чтобы я заявил в милицию: группа подростков из Балахны затащила приезжего мальчика в подъезд какого-то дома, задурила голову наркотиком, обокрала и бросила голого на уличной скамейке. Но Сережа воспротивился: не надо в милицию! Я понимал его. Он сам виноват. Никто его не тащил — пошел с веселой компанией, не отказался от сигареты с наркотой, интересно же попробовать, такой кайф... ну а потом... потом сплошной туман...

Из сквера, где мы его нашли спящим на скамье, я тащил его на закорках, но на полдороге Сережа очухался и дальше пошел сам. Ступал он босыми ногами нетвердо, и мы с Валерием поддерживали его, хоть он и протестовал слабым голосом.

Не скрою, очень хотелось задать этому засранцу хорошую трепку, но, конечно, я себя сдерживал. Только сказал, когда после душа Сережа вошел в кухню, где мы с Вадимом и Анной Тихоновной пили полночный чай:

— Будь я хорошим воспитателем, я бы как следует выпорол тебя.

— И надо! И надо, — подхватила Анна Тихоновна. — Такое безобразие! Что за мóлодежь пошла! Как будто с цепи сорвались, никакого запрета не знают, ничего святого! Садись чай попей. И отцу скажи спасибо, что нашел тебя. А то ведь мог замерзнуть, ночи холодные, или — мало ли что!

Сережа молча, ни на кого не глядя, пил чай. Он был подавлен, я видел это. Впрочем, не знаю. Может, просто переживал, что лишился щегольских кроссовок имени Марадоны и пестрой майки, с которой улыбался кто-то из битлов с гитарой в руках.

— А как вы догадались, что он лежит в этом сквере? — спросила Анна Тихоновна.

— Не знаю, — сказал я. — Просто пришло вдруг в голову.

— Он у нас такой, — сказал Вадим. — Далеко видит.

— Как это? — не поняла наша любознательная хозяйка.

Утром я пошел под моросящим дождем в универмаг покупать Сереже обувку. Выбрал дешевые желтые босоножки. Хватит форсить, пусть походит в том, в чем люди ходят. Расплатившись, вышел на улицу и — схватился рукой за грудь: закололо слева... да что ж это такое... что с тобой, ретивóе?.. Никогда не болело, и вдруг... Я переждал, прислонясь к витрине и тихонько потирая грудь. Ну вот, отпустило.

Когда я, войдя во двор, направился к подъезду, на меня уставилась группка подростков возле турника. Среди них был и Валера в своей белой бейсболке. Он крикнул мне:

— Здрасьте! Как Сережа?

— В порядке, — ответил я.

Кажется, я стал дворовой знаменитостью.

В тот день мы не поехали на мыс Маврикия: усилился дождь. Сережа пребывал в безмолвной задумчивости. Я тоже, знаете, был не в форме. Зато Вадим разглагольствовал за троих, а достойнейшая наша хозяйка Анна Тихоновна, внимая ему, смотрела таким глубоким взглядом, каковой, если б не значительная разница в возрасте, можно было бы назвать влюбленным.

— ...Они приехали из Италии в Штаты в девятьсот пятнадцатом, — говорил Вадим с рюмкой в руке. — Шестеро братьев Джакузи. С бешеной энергией начали изготавливать сперва винты для самолетов, а потом... — Он вылил из рюмки в рот и снова ее наполнил. — Потом их фирма переключилась на производство насосов. А почему? Сын Кандидо Джакузи болел артритом, ему прописали водные процедуры, гидропатию. И тогда папа сделал насос для домашнего лечения сыночка в ванне. В шестидесятые внук одного из братьев наладил выпуск ванн-джакузи. Вот как это было. Whirlpools... эх, забыл! Олег, как будет по-английски: насосы, которые выросли из отцовской любви?

— Whirlpools that grew out of the father's love, — перевел я.

— Да! Так их называли. История техники — увлекательнейшая вещь. Олег! — повел Вадим свой орлиный нос в мою сторону. — Вот ты писучий человек, давай с тобой напишем историю техники. «Занимательная техника»! Начнем с Архимеда, с Витрувия. Разбогатеем! Купим Анне Тихоновне шляпный магазин!

— Вы скажете, Вадим, — смеялась Анна Тихоновна. — Магазин! Я, кажется, не буржуйка.

Тут мой мобильник проснулся и сыграл «Минуты счастья». Обычно Катя звонила по вечерам, а сейчас было около часу дня. Что еще случилось, черт побери?

— Ой, Олег! — услышал я высокий Катин голос. — Только что мне Адиль позвонил. Афанасий сбежал!

— Как это — сбежал?

— Ну, исчез! В неизвестном направлении. Ой, прямо не знаю, что и думать.

— Пусть об этом думает милиция, — говорю.

— А вы где сейчас? На водохранилище?

— Нет, дома сидим. Дождь у нас. С Сережей хочешь поговорить?

— Да, да, конечно.

Сережа, как обычно, на расспросы матери отвечал одним только словом.

— Нормально... да, нормально, — цедил он сквозь зубы, и выражение лица у него было соответствующее. — Нормально...

Странно, что известие о бегстве Афанасия Тимохина меня не очень удивило. То есть нет, не ожидал я *такого* поворота в ходе юридической жизни. Но мысль о причастности Афанасия к убийству Джамиля возникла у меня давно. Мерещилась знакомая с давних времен — наверное, из прошлой жизни — злобная улыбка, растянувшая тонкогубый рот чуть ли не от уха до уха...

Вероятно, задержание Горохова не оставило Афанасию другого выхода. Он, конечно, понимал, что после ареста Величко следствие подбирается к нему. И, если и Горохов расколется, то... В общем, скалолаз сделал свой выбор.

Куда он бежал? Хотелось бы знать это. Я понимал, нет, точно знал, что я у Афанасия «на очереди». Он не простит мне того, что я вычислил Величко. При первой же возможности он доберется до меня. Вдруг явилась странная мысль: а не убрался ли Афанасий в свою прежнюю жизнь — в конец пятнадцатого века... на кренящуюся под ударами волн палубу каравеллы... вернее, каракки, идущей к неведомым берегам... Вот и ладно — разойдемся во времени... А я, чтобы еще дальше разойтись, нырну в тринадцатый век... в славный град Китеж, чей колокольный звон я услышал... или это почудилось мне?..

Поистине, голова у меня устроена как-то иначе, чем у других людей. Не то чтобы по-дурацки устроена, но... одним словом, девиант.

Несколько дней прошли спокойно, при тихой и мягкой погоде. «Уж небо осенью дышало». Готовясь к осенней непогоде, солнце умерило свой жар, все чаще скрывалось за облаками. Задували холодные утренники.

Сережа теперь вышагивал в простеньких босоножках, и маечка на нем была без затей. Он вел себя как пай-мальчик. По вечерам сидел дома, смотрел вместе с нами Олимпиаду, катившуюся к концу, или слушал байки Вадима из истории мировой техники. К Валерке я его теперь не пускал.

Отъезд мы назначили на тридцатое августа. Двадцать девятого в последний раз прикатили на мыс Маврикия. День был пасмурный. Водохранилище, взрыхленное ветром, лежало пред нами неприветливое, как бы предостерегающее от купанья. Я и сказал Сереже: «Сегодня купаться не будешь». Он, насупившись, и слова поперек не вымолвил. Сел под сосной, подобрал шишку, стал ковырять ее.

Вадим нырнул первым, но пробыл под водой недолго. Вылезши на плоскую скалу, стянул маску и, взглянув на манометр акваланга, сказал:

— Воздуху не больше чем на час.

Я и сам знал, что дыхательная смесь в баллонах подходит к концу, а зарядить их тут негде. Ладно, поныряю немного напоследок. Надев акваланг и закусив загубник, я пошел в воду.

Поверху волны ходят, а тут, в глубине, хорошо, покойно. И дно чистое, без мусорного безобразия. Я даже узнавал то место, над которым раза два уже проплывал. Вот древесные стволы, прикрытые илом. А вот понижение грунта, яма, наполненная тьмой. Ладно, пойду потихоньку обратно.

И тут моего слуха коснулся далекий, тихий-тихий детский голосок:

— Что-то мне тоснется, мамо...

Я застыл, пошевеливая руками и ластами, над черным провалом. Померещилось, наверное...

— Спи, донюшка, — донесся издалека женский голос. — Вот я тебя толстиной укрою.

— Мамо, а как же нам тут жити? — Чуть слышен был голос девочки, я весь ушел в слух. — За́выть водой залита... кругом вода...

— Зато нас Батый не зрит. Очеса ему залило.

— Пошто он хощет нас убити?

Слабый звук покрыл голоса — будто плеснула вода. А потом:

— ...Не нашего роду-племени. И веры другой. Донька, ты ясти хощешь? Вот тюрю сделаю...

— Другой веры — так убивати надобно?

— Ты глуха еси? Рече, тюрю сделаю.

— Не хощу тюрю. Тэпорва жили, про Батыя не слыхива. Откуда он приидоша?

— Аз не ведаю...

Я слушал, затаив дыхание, этот бесконечно далекий разговор, прерываемый слабым плеском — либо, может быть, гулом моей крови?

— Пошто тятя нейдёт?

— Нейдет, понеже он кормщик на шняке... Сама ведаешь... Вниз по Волге поплыша...

Голос женщины прервался. Я опустился пониже, чтобы не упустить захвативший меня разговор. Обдало глубинным холодом. Опять заложило уши. А когда, судорожно глотая, я освободился от подводной глухоты, то сразу услышал:

— Не плачь, донька.

И плачущий детский голос:

— Не прииде тятя... Несть инако, мамо... Ты же затаила, не хощешь сказати... Батый тятю убил...

— Не плачь... не плачь, донюшка...

Плеск, плеск воды. Или кровь в ушах шумит?

Вдруг я вспомнил: время под водой течет незаметно. Взглянул на манометр — воздух на исходе...

Кончился, кончился воздух... Я рванулся вверх, загребая руками, отталкиваясь ластами... Кажется, вода светлеет... Но вдох не получается — нет воздуха в баллонах... Нельзя без вдоха... О-о...

— Олег! Олег! — слышу сквозь багровое беспамятство.

Где я? Что со мной? Живой ли?..

Отчаянный крик — «Оле-ег! Не умирай!» — заставляет меня открыть глаза.

По колено в прибойной пенной воде стоял Сережа и кричал, руки ко мне простирая:

— Оле-е-ег!

Обхватив меня одной рукой, а другой загребая, плыл к берегу Вадим. Толкал меня перед собой. Громко отфыркивался у моего уха. Невнятно бормотал. Материл меня.

Глотая воздух, я упал лицом на плоскую скалу. Вадим, с помощью Сережи, подтащил меня повыше. И, стянув с головы свою голубую резиновую шапочку, бурно дыша, повалился рядом со мной.

Было неудобно лежать грудью на гофрированном шланге, идущем от ненужного теперь загубника к заспинным баллонам. Я приподнялся. Сел. Сказал Сереже:

— Не ори. Живой я. Помоги снять баллоны.

Руки плохо повиновались мне. Да и ноги. Такая навалилась усталость, что я еле тащился к дилижансу. Ветер внезапным порывом будто смел нас с мыса Маврикия.

Дилижанс трясся, лавируя среди деревьев. Вадим, в своей красной футболке с надписью на спине, призывающей «jump into adventure» — прыгнуть в приключение — не переставал поносить, материть меня:

— ...И ведь знал, что воздуху с гулькин ..., а торчал на глубине. Как последний мудак. Вынырнул без сознания. А если б я опоздал на три секунды?

Мне было плохо. Наглотался, конечно, воды, когда выпустил изо рта загубник... в попытке хоть один вдох сделать... Вот и нырнул...

прыгнул в приключение... «Не плачь, не плачь, донюшка»... Неужели я услышал это?!

Чертова тряска. Вдруг, как несколько дней назад, закололо слева в груди. Да так сильно, остро. Потирая грудь, я попросил Вадима остановить машину.

— А что такое? — обернулся он.

— Очень трясет, — пробормотал я. — Переждем немного.

— Сердце, да? — догадался Вадим. — Нанырялся в свой Китеж. Тут по дороге аптека. Потерпишь десять минут?

Я кивнул.

Вскоре Вадим выехал на асфальт и погнал машину. Затормозил у аптеки. Болело у меня сильно, все сильнее, хотелось лечь. Вадим принес из аптеки валидол, корвалол, что-то еще — он разбирался в сердечных лекарствах. Сунул мне под язык таблетку.

— Мне объяснили, где тут больница, — сказал он, склонив надо мной свой орлиный нос. — Повезу-ка я тебя в больницу.

Но я отказался. Мне стало легче. Правда, ненадолго. Дома приступ повторился. Анна Тихоновна вызвала скорую. Пожилая женщина-врач в старомодных роговых очках оказалась ее старой знакомой (как и все другие, думаю, жители этого города). Она измерила мне давление, велела медсестре сделать укол. Какое-то время посидела на кухне с Анной Тихоновной, пила чай, до меня доносились их басовитые голоса. Потом врач снова измерила мне давление, выписала рецепт и объявила:

— Ну, ничего страшного. Гипертонический криз. Придется несколько дней полежать.

Вечером смотрели закрытие Олимпиады. Как прекрасно это: спортсмены — дети разных народов — вперемешку заполняют стадион. Улыбки, объятия, танцы... а на помосте — знаменитые певцы Греции... музыка не умолкает... Завтра уедут в свои страны, но сегодня — все вместе, всем хорошо... о, спорт, ты — мир... Но вот спускают флаг. Десятилетняя девочка-гречанка снизу дует на огонь — и олимпийский огонь на высоченной вышке гаснет. Всё... кончен бал...

Такая печаль вдруг меня охватила, что — смешно сказать — слезы наворачивались...

Плач девочки из затонувшего Китежа растревожил мне душу, вот что. «Пошто он хощет нас убити?..» Род человеческий, что же с тобой происходит? Каждые несколько поколений неузнаваемо меняется жизнь: дома́, одежда, орудия труда — короче, вся техносфера. Но неизменной остается *ненависть*. Неприязнь к чужому, непохожему, иначе говорящему, по-иному верящему...

Не хочется думать, что, по Адорно, в нашей подкорке доминируют войны и ненависть. Что история европейской цивилизации —

это история сумасшествия разума... Да разве только европейской? Разве не погубили свою цивилизацию ацтеки и майя жуткими кровавыми жертвоприношениями?.. Разве Батый не залил кровью древнерусские города?.. Разве нынешние исламские фанатики, взрывающие себя в толпе случайных прохожих, не дискредитируют свою религию?..

«Другой веры, так убивати надобно?..»

Так что же это такое — цивилизация? Кто кого поймает, тот того кай-кай?.. Ты идешь своей дорогой, а за углом тебя подстерегает некто со злобным оскалом? О, Господи...

— Как вы себя чувствуете, Олег? — спросила Анна Тихоновна. — Что-то вы... хоть и загорелый, а бледный.

— Чувствую себя хорошо, — говорю, — но пойду прилягу. Устал от впечатлений.

С трудом встал, но и двух шагов не сделал, как зазвонил мобильный. Сережа нажал кнопку:

— Алло. Привет, мам. Нормально. — Он взглянул на меня: дескать, надо ли говорить о моей болезни. Я покачал головой. — Нормально, — повторил Сережа. — Нет, завтра не приедем. Ну, не знаю... Я Олегу трубку дам.

Я услышал Катин встревоженный голос и поспешно ответил:

— Нет, нет, с Сережей все в порядке. Абсолютная правда. Я немножко... простыл немножко. Да. Ничего страшного. Когда приедем? Да, наверно, послезавтра. В крайнем случае первого.

— Неужели такая простуда, — зазвенел Катин голос, — что ты не сможешь в машине... Олег, умоляю, скажи правду!

— Сейчас скажу. А на том берегу пригубил первый раз дикой мед твоих уст...

— Что? — растерянно спросила Катя. — Что за дикий мед?

— Твоих уст, — повторил я. — Спокойной ночи, милая. Я тебя люблю.

С этими словами выключил мобильник. Вадим сказал, ухмыляясь:

— Ты классно ее подготовил. Простуда! Как в армянском анекдоте. Карапет поехал в командировку, заболел и умер. Родственники, прежде чем сообщить об этом его жене, решили ее подготовить. И дают осторожную телеграмму: «Карапет немножко заболел похороны понедельник». Жена испугалась, телеграфирует: «Срочно сообщите жив ли Карапет». Родственники отвечают: «Нет еще».

— Вы скажете, Вадим! — смеялась Анна Тихоновна, влюбленно глядя на него. — Нет еще!

А я смотрел на моего друга и думал: «Как хорошо, что ты у меня есть... что есть еще настоящие мужики, которые подоспеют к тебе, если ты тонешь, и вытащат... с которыми, как говорили когда-то, пой-

дешь в разведку... да ведь и я для тебя всё сделаю, если помощь понадобится... Но вот об услышанном давеча разговоре — о донесшемся сквозь века плаче из затонувшего Китежа — я тебе, дорогой мой Вадим, не расскажу. Потому что не поверишь, засмеешь, ты же насмешник... Объявишь меня старым фантазером...»

Легли спать. Вадим сразу принялся храпеть, у него было так заведено: легкий храпок, потом свист, снова храпок — и так шло до утра. Сережа повертелся, подтыкая простыню, рядом со мной на широкой тахте. Тихо спросил:

— Олег, а где находится Византия?

— Находилась, — ответил я. — Ее давно нет. На Балканах она была. И на территории современной Турции.

— Там по-гречески говорили?

— Да. Спи, Сережа.

Вскоре он заснул, ровно дыша.

А мне не спалось. Память как бы прогоняла перед мысленным взором картины моей жизни.

Вот мы с отцом выходим из зоопарка, отец медленно идет, постукивая палочкой, и рассказывает, как в конце войны их батальон, участвовавший в штурме Кенигсберга, выбил немцев из тамошнего зоопарка и как тяжело умирал от ран огромный слон. Ну да, человечьи смерти были привычны, обычны, а вот слон...

Память выталкивает пред бессонным взглядом калининградский порт — столпотворение судов разных размеров, округлые кормы, черные борта, белые надстройки, трубы, мачты, нити антенн, стаи чаек в воздухе, пропахшем гнилой рыбой. Я лезу по трапу на одно из судов, сверху мне кричит вахтенный — здоровенный матрос с красным лицом, в затемненных очках:

— Ты к кому, парень?

— К капитану, — дерзко отвечаю.

— А ты ему кто? Сват или брат?

— Я хочу к вам юнгой...

— Х-ха, юнга! Юнги в книжках только остались.

— Пустите меня...

— Видишь? — Матрос ткнул пальцем вверх, указав на плещущийся на мачте флаг — синий квадрат на белом поле. — Через час отход, понял? Вали отсюда, юнга!

Из затемнения, как в кино, выплывает женщина — невероятной красоты лицо, удлиненные колдовские глаза... Чару!.. Под длинными пальцами — раковины, поднятые с морского дна... Твои речи на плохом английском не всегда понятны... но, если я понял правильно, родоначальник людей Ману, которому богиня Сарасвати дала дар речи, оставил на все времена законы — как надо человеку правильно

жить... Прекрасная Чару, ты и вправду была в моей жизни? Не ты ли пробудила во мне странную способность к озарениям?..

Но даже и ты, колдунья, не сможешь ответить на вопрос, не дающий мне заснуть: правильно ли я живу?

Мне тридцать шесть, это возраст, в котором миллионы людей уже совершили великие дела, прославившие род человеческий. Ладно, я не Моцарт, не Пушкин, даже не Тукарам, но все же — что-то ведь нужно было сделать, не обязательно нечто великое... Вон мой друг Вадим — ему покорились ступенчатые испарения, которые почему-то нужны человечеству. Джамиль многие годы кормил москвичей шашлыками и кутабами. Не великие дела, но — дела! А что сделал я? Перевел на русский несколько произведений малоизвестных индийских поэтов, которые прочтут, прямо скажем, немного читателей. Это что — дело жизни?.. Ну, стремился к познанию, прочел целую гору книг — это оправдание моей жизни на планете Земля? Кого я осчастливил своим существованием?

Вот он, вот главный вопрос!

Ольга, дорогая, я поклонялся твоей красоте, и ты любила меня, правда? Holla, Оля! Но в решающие дни нашей любви я улетел... слинял... исчез из твоей жизни... испарился, как утренний туман...

А ты, дорогая моя Катя? На далеком берегу засмотрелся на твое кукольное личико... пригубил дикий мед твоих уст... Вот уже несколько лет мы живем вместе... спим вместе... Но осчастливил ли я тебя? Увы, нет... Все чаще у нас размолвки, ты недовольна мной... своим неопределенным положением недовольна...

«Что же получается, Олег Хомяков? — думаю я этой августовской ночью. — Выходит, только собой ты был занят... только своей персоной...»

Похрапывает, посвистывает Вадим. В окно стучится ночной дождик. А я лежу без сна, и прошлое мелькает как из окна скорого поезда, и не дает покоя мысль о том, что живу я неправильно.

А как — правильно?

И тут приходит, слетает, вероятно, с неба ответ на мучительный вопрос. Да всё очень просто: назначение мужчины в том, чтобы *сделать счастливой женщину.*

Утром повторился приступ. Опять вызвали скорую. Молодой врач, белобрысый, с холодными руками, вкатил мне укол магнезии и предложил ехать в больницу. Я отказался.

Анна Тихоновна объявила, что она сама «гипертоничка» и знает, что́ нужно делать. Она заварила какую-то травку — вернее, смесь трав, названия которых я не запомнил. И принялась отпаивать меня.

Знаете, мне, и верно, полегчало. Возможно, помогло и самовнушение — настойчивой мыслью я призвал себя: а ну, кончай валять дурака!

Вечером позвонила Катя.

— Мне лучше, — сказал я, — но завтра еще полежу. Приедем первого.

— Олег, не обманывай меня! — раздался ее быстрый высокий голос. — Что случилось? Не простуда у тебя! С выпивкой связано? Пьете там, да?

— Нет, Катя, нет. Немного выпиваем. Совсем немного.

— Ты обманываешь! Если сейчас же не скажешь, что́ с тобой, я завтра же приеду.

— Ни в коем случае, — возразил я, полагаю, решительным тоном. — Теперь, когда мне лучше, могу и сказать: сердце прихватило. Давление подпрыгнуло. Но сейчас лучше — честно тебе говорю. Не волнуйся, милая.

— Ах, Олег... Нанырялся там... Сердце! Забываешь, что ты уже не молоденький.

— Это точно, Катенька. Знаешь что? Купи себе белое платье до пят.

— Зачем? — удивилась она.

— Так принято, чтоб невеста в белом платье...

— Олег, это что — твои вечные шуточки?

— Никакие не шуточки. Я делаю тебе предложение выйти замуж.

Я слышал ее дыхание.

— Алло, Катя! Ты слышишь?

— Да...

— Мы поженимся. Ты родишь дочку. Непременно дочку, потому что сын уже есть. Слышишь?

— Да...

— И у нас будет куча внуков. В дальнейшей жизни. Ну вот, я сказал тебе всё, что хотел сказать. Катя, какая в Москве погода?

— Хорошая... — По ее тону я слышал, как она ошеломлена.

— Ну, до встречи. Я люблю тебя.

Я выключил мобильник и сел на тахте, нашаривая ногами тапки. Фрося, белая пушистая красавица, шла мимо, высоко держа хвост. А Сережа, вошедший в комнату в конце телефонного разговора, может, в первый раз не дернул Фросю за хвост. Он стоял в нескольких шагах и внимательно смотрел на меня карими, так похожими на Катины, глазами.

— Анна Тихоновна зовет чай пить, — сказал он.

Утром первого сентября мы простились с этой достойной женщиной. Она вручила Вадиму полиэтиленовый пакет, наполненный испеченными накануне пирожками с капустой.

— Так и не нашли вы свой Китеж, — сказала она, пожимая нам руки. — Приезжайте еще. Не забывайте Заволжье.

— Никогда не забудем, — сказал Вадим.

«Ты-то забудешь за первым же поворотом», — подумал я. А вот со мной навсегда останется этот городок, и Анна Тихоновна со своим альбомом и шитьем шляпок, и сине-серый морской простор водохранилища.

Навсегда останется плач девочки из затонувшего города.

Кажется, я все же нашел свой Китеж.

Наш дилижанс мчался по шоссе на запад, к Москве. Вадим вел машину ровно. Слева и справа долго летели леса — сплошные темно-зеленые полосы. Потом потянулись поля, перелески, мягко освещенные солнцем. День был пленительно хорош. «Еще не все потеряно для жизни человека на этой удивительной планете», — думал я, погружаясь в дремоту. На заднем сиденье Сережа как включил при отъезде транзисторный приемник, так и не выключал его. Негромко вещали дикторы, вступала музыка, потом снова что-то бормотали... На дорожном указателе промелькнуло слово «Вязники»...

Вдруг я насторожился. Передавали что-то ужасное.

— Сделай громче, Сережа.

— ...захватили школу, — грянуло из приемника. — Группа террористов заперла в спортзале несколько сотен учеников и учителей...

— В каком это городе? — крикнул Вадим, скосив на меня взгляд.

— В Беслане, — сказал я.

Владимир Михановский

МИР ИНФОРИИ

По моим расчетам, я давно уже должен был выйти к станции электрички, но лес и не думал редеть. Я устал и в душе проклинал затею с грибами. Увлекшись их поисками, я умудрился отстать от своих. Недоставало еще в заключение заблудиться!

Я съел на ходу несколько шляпок и слегка восстановил силы.

Но вот наконец-то просветы между деревьями стали побольше, и откуда-то потянуло еле уловимым запахом дыма. «Жгут кленовые листья. Наверно, на станции», — подумал я и вздохнул с облегчением.

Но это оказалась не станция, а какой-то незнакомый мне городок. Вдоль главной улицы выстроились аккуратные домики. Разноцветные остроконечные крыши блестели в лучах заходящего солнца. Каждая черепица была испещрена письменами, какими именно — я не смог издали разобрать.

Нет, это была не станция! И не кленовые листья жег в палисаднике человек небольшого роста, а какие-то диковинные стебли, шипевшие и сворачивавшиеся в огне, словно змеи.

У костра стоял не мальчишка, как мне показалось вначале, а взрослый мужчина, но ростом он был мне по пояс.

— Что вы жжете? — спросил я, остановившись.

— Это? — У человечка был приятный голос, а движения точны и гармоничны. Он толк-

нул палкой в костер несколько стеблей, выпавших из огненного круга, и сказал: — Это инфория.

— Инфория? — мне показалось, я ослышался.

— Ну да, старая информация. Уже использованная, — счел нужным пояснить маленький человек, взглянув на мое вытянувшееся лицо.

— Понятно, старая информация, никому не нужная, — бодро произнес я. «Видимо, он не того... Вон и одет он как-то странно... Где я видел такие одеяния? В кино?»

— Вы, должно быть, нездешний? — осведомился человечек.

«Главное, чтобы не догадался, что я его раскусил».

— Нездешний, — ответил я. — Не скажете ли, где тут у вас можно перекусить?

— Ближайший пункт питания — за углом налево.

— Благодарю.

На ажурной решетке палисадника, как и на черепицах крыш, мне начали чудиться непонятные письмена. Не отрывая взгляда от иероглифов, образованных искусно изогнутыми металлическими прутьями ограды, я сделал шаг назад, на выпуклую пластиковую дорожку.

— Но я вам не советую туда, — бросил мне вдогонку маленький человек. — Там подают несвежую инфорию.

— Понимаю. А где же подают свежую?

— Вы, наверное, из столицы. Там, конечно... — Человечек двинул палкой так, что сноп искр взлетел в вечереющее небо. — А здесь... — Он махнул рукой. — Но все же попытайтесь.

На крыльцо игрушечного домика вышла прехорошенькая девушка — точь-в-точь ожившая кукла, которую я купил вчера своей дочери.

— Оль, — сказал человечек, — проводи гостя в Центральный инфор.

— Хорошо. — Голосок девушки звучал, как колокольчик. Она легко сбежала с крыльца.

Мы шли довольно долго. Я вовсю глядел на островерхие домики, сложенные из неизвестного мне материала.

— Что это? — спросил я, потрогав пальцем стенку двухэтажного здания — я мог бы дотянуться рукой до его шпиля.

— Окаменевшая инфория. Ее прессуют в брикеты, — пояснила Оль.

«И она тоже. Боже, куда я попал! Дом сумасшедших — это можно понять. Но целый город, населенный сумасшедшими?!»

— Должно быть, неплохой материал, — решил я поддержать разговор.

— Из него строят все. — Оль сделала соответствующий жест рукой.

— Ну и как, прочный?

— Конечно, но попадается недобросовестная информация.

— Что же тогда?

— Брикет рассыпается на мелкие кусочки. Однажды у нас целый дом рухнул из-за этого.

— Целый дом! Ай-яй-яй!

— Да, да! В брикетах, образующих фундамент, оказалась лживая инфория. Представляете?

Я сочувственно кивнул.

— После этого случая мы все тщательно проверяем. Иначе нельзя.

Оль то и дело здоровалась с такими же, как она, игрушечными человечками. Встречные с любопытством поглядывали на меня.

— Новая информация, — пояснила Оль.

Среди жителей городка я выглядел Голиафом, хотя в обычных условиях не мог похвастаться ростом.

— Вот мы и пришли, — сказала Оль. Она указала на прозрачную дверь и убежала.

Я вошел в инфор. Голова моя почти касалась потолка, и я инстинктивно пригнулся. Стараясь не привлекать ничьего внимания — правда, мои попытки оказались безуспешны, — я взял крохотный поднос и пристроился в хвост очереди, выстроившейся у стойки. Самообслуживание! Уж оно-то по крайней мере было мне знакомо, и я немного приободрился. «Сейчас пообедаю, точнее, — я взглянул на часы, — поужинаю, и сразу двину на станцию. Воскресенье, электрички ходят допоздна».

Однако еда, выставленная за витриной стойки, снова повергла меня в недоумение. Таких блюд я в жизни не встречал! Ядовито-красные кубики, синие шарики, зеленые пирамидки...

Когда подошла очередь, я с надежной ухватился за белый обтекаемый эллипсоидальный предмет — яйцо! — но ощутил ладонью холодок металла. Тогда, махнув рукой, я наугад принялся уставлять свой поднос миниатюрными блюдами, стараясь не пропустить ни одного.

— Смотрите, смотрите! Он изголодался по информации! — послышался сзади шепот.

Не подымая глаз, я пробирался по низкому залу. Отыскав наконец свободное местечко, я сел и попытался раскусить алый кубик. Попытка чуть не стоила мне зуба. Мой сосед по столику, приоткрыв рот, воззрился на меня. Точно так же смотрела моя дочь в зоопарке на египетского шилохвоста, чешуйчатого гада.

— Забыл, как это делается... — сказал я с жалкой улыбкой.

Человечек — точная копия того, первого встреченного мной, который жег за оградой извивающиеся стебли, — понимающе кивнул.

Впрочем, по мне все жители этого странного городка были братьями и сестрами.

— Смотрите, — проворковал мой сосед. Он осторожно взял тонкими пальчиками красный кубик и, привстав, поднес к моему виску.

Чудо! Я внезапно ощутил, как нечто постороннее властно входит в мое существо. Неведомые ритмы озаряли мой мозг, в ушах явственно отдавалось эхо дальней музыки, перед глазами замелькали огненные круги...

— Пожалуйста, придерживайте сами, — попросил человечек.

Постепенно в том, что мелькало перед глазами, я начал улавливать некий порядок. Я не мог бы, пожалуй, выразить это словами. Волны музыки, соединенные с волнами света, волны, невидимые и неслышные для окружающих, несли меня и баюкали, усталость таяла, как ледышка, брошенная в теплую воду, и даже голод начал утихать.

Музыка звучала все громче — и видения становились ярче. Это был чудесный сплав мощи и нежности, грусти и радости. Грохотали литавры, пели валторны, рыдала виолончель. Да нет, какие там литавры и виолончель! Это были неведомые музыкальные инструменты — мне, во всяком случае, до сих пор не приходилось их слышать.

Музыка начала стихать. Огненные круги бледнели, удаляясь.

Я попробовал получше прижать кубик к виску, но музыка умолкла. Я опустил кристалл на столик.

— Ну, как инфория? — спросил мой сосед.

Мое мычание — я не пришел в себя после всего — сосед расценил по-своему.

— Несвежая, наверно? — сочувственно сказал он. — Не столица, знаете ли... А вы попробуйте вот это. — Сосед указал на яйцо, отлитое из легкого металла, похожего на алюминий.

— А это что?

— Информация о неустойчивых звездах! Мое любимое блюдо, — улыбнулся человечек. — Попробуйте, эта Киля скоро станет сверхновой.

...Насытившись инфорией, я вышел на улицу. Игрушечный поселок уже зажег вечерние огни. Меня все время не покидало ощущение, что подобный сказочный городок я уже видел где-то. Но где? Читали мы о нем с дочкой? Видели когда-то да экране? Я напрягал память — тщетно.

Осторожно шагая по узким улочкам, я — каюсь — заглядывал в окна. Мне хотелось понять, чем живут эти люди, в чем смысл их существования? И почему главный предмет их разговоров — информация, или, как они говорят, инфория?

В иных окнах я видел уже знакомую картину: человечек сидел, придерживая у виска кубик или шар, и лицо его хранило сосредото-

ченное, какое-то отсутствующее выражение. Такое лицо бывает у моей дочери, когда я рассказываю ей сказку перед сном...

Я уже догадался, что небольшие предметы правильной геометрической формы — это блоки информации.

«Нет, эти существа не люди, — размышлял я, — хотя внешне и походят на них. Может ли человек жить одной только информацией, как бы интересна и разнообразна она ни была?»

Медленно плыл я в уличном потоке, и местные жители, кажется, уже перестали задирать головы, разглядывая длинного пришельца, и вообще не обращали на меня внимания: привыкли, что ли?

Голова гудела от поглощенной в ужин информации. Мне необходимо было разобраться во всем. Рассказать такое друзьям — не поверят. Пожалуй, засмеют. Но ведь все это — на самом деле! Вот я стою на оживленном перекрестке, и меня обминают спешащие прохожие. Подношу к уху часы — они тикают, как обычно. Сейчас половина девятого — осенью темнеет рано. Вот, могу даже ущипнуть себя за руку. Боль вполне реальна.

А может, космические пришельцы?! Нет, невозможно. У всех на виду, в двух шагах от Москвы? И никто их не заметил? И потом, этот городок, кажется, не единственное их поселение. Человечки упоминают в разговорах свою столицу. Значит, существует целый мир? Мир Инфории, которого нет на картах!

Навстречу мне не спеша шел человечек — поверьте, я не мог называть их иначе: слишком походили они на людей, но только, так сказать, в уменьшенном издании. Человечек выглядел старым и умудренным жизнью. Его-то я и искал. Пусть он наконец объяснит, на каком я свете.

Когда мы поравнялись, я нагнулся и взял его за руку.

— Простите, мне нужно поговорить с вами.

Старик, кажется, не удивился.

— Отчего же, обменяемся инфорией.

— Инфория, инфория, — пробурчал я. — Только о ней и слышу. Неужели у вас нет других тем для разговора?

— А что на свете важнее инфории? — удивился старик.

Каким-то образом мы очутились подле небольшой лужайки. Жесткая трава доходила моему собеседнику чуть не до подбородка.

— Прекрасная инфория, — сказал он, поглаживая стебелек. Присмотревшись, я понял, что это трава, вроде той, стебли которой жег на костре первый встреченный мной человечек. Только эти были зеленые, а те желтые, поблекшие.

Стебли тихо шуршали под свежим ветерком, будто нашептывая мне диковинную информацию.

Появилась луна, и бледные блики скользили по лицу старика, когда он поворачивал голову.

— Что это за трава? — поинтересовался я.

— Обычная.

— Значит, в стеблях записана информация?

— Конечно.

— Но какая?

— Разная, — пожал плечами старик. Он сорвал травинку и попробовал ее на зуб.

— Ну, как травка? — глупо спросил я.

— Уже созрела, — серьезно ответил старик. — Пора косить.

— А потом что с ней делать?

— Ясно что — скоту скармливать.

— Скот... информацией? — растерялся я.

— А чем ж еще? Только надо уловить момент, когда инфория созреет. Пропустишь срок — осыплется. Такие стебли никуда не годятся.

— И вы их выбрасываете?

— Сжигаем.

— Послушайте, — проговорил я. — Никак не могу взять в толк. Люди у вас живут информацией, животные — информацией. А как же насчет настоящей пищи?

— Инфория и есть единственная настоящая пища, — ответил старик. — Посудите сами: разве все на свете не сводится к информации?

Мы шли по тихой улочке, обсаженной неизвестными мне растениями. Я был начеку: в каждом кусте мне чудилось вместилище информации, в каждом дереве — инфорблок.

— Скажите же, наконец, — взорвался я. — О какой информации вы все время толкуете? Не бывает ведь информации просто так. Она обязательно должна быть о чем-то.

— Не все ли равно? — заявил странный старичок. — Разве, получая энергию, машина интересуется ее источником? Нет. Машине безразлично, что именно сгорает в ее топке, что именно приводит ее в движение — уголь, бензин или, если угодно, управляемая термоядерная реакция. Машине топливо подавай, все остальное ей безразлично.

— Ну, какое-то топливо может оказаться непригодным, — пробормотал я, вконец сбитый с толку странной логикой собеседника.

— Вот-вот, — обрадовался старичок. — Вы ухватили суть. То же самое с инфорией. И она может оказаться негодной.

— Почему?

— Причин немало. Например, инфория может оказаться несвежей. Вообще нет продукта, более деликатного и скоропортящегося. Иногда попадается инфория, бедная витаминами.

— Как это?

— Ну, если она повторяет вещи и без того всем известные. Но самое ужасное — это ложь. Вам никогда не приходилось отравляться лживой информацией?

— Приходилось... В легкой форме, — пробормотал я.

— Ваше счастье, что в легкой, — заметил старичок. — Опасно также подавиться инфорией...

— Подавиться?

— Это бывает, когда инфорию быстро поглощают.

— Оставим машину и вернемся к человеку, — сказал я. — Неужели живой организм может питаться одной только информаций и больше ничем?

— Нет, вы все-таки не разобрались, — грустно произнес старичок. — Вот уже час я вам толкую, что все, что получает извне живой организм, в том числе и человек, в конечном счете сводится к информации. Всю жизнь человек только и делает, что получает и перерабатывает инфорию. Без инфории вообще не было бы ничего живого, если хотите знать. Без инфории распался бы, исчез человеческий род!..

— Ну уж... — усомнился я.

— Конечно! Наследственные клетки — разве это не клубок информации, хранящей все свойства данной особи для того, чтобы передавать их от поколения к поколению, от предков к потомкам?

— Пожалуй...

— А память, человеческая память, — разве это не богатейшее хранилище информации? Уничтожьте память — и во что превратится человечество? Исчезнут история, искусство, культура. У одного древнего писателя есть такая притча. К человеку явился черт. Он предложил бедняку все блага мира, только чтобы тот отдал ему, черту, свою память. Человек согласился. Черт не обманул его: человек получил все, что только сумел пожелать. Но, увы! Сам-то он, отдав память, потерял человеческий облик. Итак, — простер старичок руку, — память — это все. Но разве есть в ней что-либо, помимо информации?

— Кажется, я начинаю понимать, куда вы клоните, — проговорил я. — Значит, обыкновенная пища, вроде куска хлеба...

— Это не что иное, как информация, — подхватил старичок. — Информация для желудка, для нервных клеток, для кишечника и в конечном счете — для всего организма. Но информация грубая, некачественная, можно сказать, первичная. Такую пищу можно освободить от примесей, превратив в чистую информацию, — блоками такой информации мы и питаемся.

— Знаю, пробовал.

— Здесь-то я возвращаюсь к первоначальной мысли, — произнес старичок. — Машине все равно, каким топливом ее питают, —

было бы оно доброкачественным. А человек — та же машина, пусть посложней. Поэтому и ему все равно, какой питаться информацией — была бы она достоверной. К чему же тогда посредничество в виде грубой пищи? Человек должен получать инфорию в чистом, натуральном виде. Мы этого добились, — в голосе старичка звучало торжество. — Заодно мы победили массу болезней, связанных с желудком. Вообще пищеварительный тракт сам собой упразднился.

Время шло, и мир, в который я попал, уже не казался мне таким странным, как поначалу. Мир этот жил по своим законам, которым нельзя было отказать в логичности.

Однако должно же быть у этих людей что-то общее с моим старым, привычным миром?

— Уж деньги-то у вас есть, наверное, — спросил я первое, что пришло в голову.

— Деньги? Что это?

— Деньги... — Я растерялся. — На них можно купить все, что нужно.

— У нас каждый и так получает столько инфории, сколько ему нужно. Да вот вы, например. Вы рассказывали, что только что поужинали в Центральном инфоре. Разве вы платили за блоки эти самые... деньги?

Он был прав. Но я не сдавался.

— Как же вы обходитесь без денег?

— Они ни к чему.

— Но если вам нужно сравнить два блока информации: который из них ценнее? С помощью рублей и копеек сравнить их было бы просто. А вот без денег... — Я оглянулся. Старичок куда-то исчез, словно испарился.

Поглощенная информация, видимо, начинала делать свое дело. Меня мутило, жгло, выворачивало наизнанку. Наверное, мне попалась информация с душком, а может, попросту лживая?

Я шел. Домики передо мной раскачивались, то выступая из тумана, то вновь в него погружаясь. Споткнувшись в полутьме, я едва не упал. Нагнулся и поднял ноздреватый обломок, похожий на туф. Другой бы на моем месте размахнулся и отшвырнул его в сторону. Я же, наученный опытом, поднес его к уличному фонарю, от которого струился зыбкий свет. Ну разумеется! Чего еще можно было ожидать в этой стране? Это был вовсе не камень, а окаменевший обломок информации. Я на всякий случай сунул его в карман. Когда вернусь, расскажу всем об Инфории. Дочь — она, конечно, сразу поверит. Если же кто станет сомневаться — я покажу этот обломок. Пусть попробует опровергнуть вещественное доказательство!

«Все величайшие научные открытия, — размышлял я, — не что иное, как новая толика информации об окружающей нас природе, разве не так?»

Я придумывал все новые и новые примеры, подтверждающие мысль, что все в нашем мире сводится к информации.

Бредя наугад, я снова вышел на главную улицу. Людей становилось все меньше — видимо, они расходились по домам. Я чувствовал себя чужим среди этих ловких человечков, суетившихся вокруг меня.

Можете представить, как я обрадовался, когда увидел впереди знакомую тонкую фигурку! Это была Оль. Она кормила маленьких мохнатых птиц. Птицы с криками кружились возле нее, две из них опустились ей на плечи, а наиболее храбрые склевывали корм — крошки информации — прямо с ладони.

— Оль, — позвал я...

— Наконец-то, — раздался рядом чей-то обрадованный голос.

Я повернулся.

— Лежите. Вам нельзя двигаться, — строго сказала медсестра в белом халате, вынырнувшая из темноты. У нее было одно лицо с девочкой, только что кормившей с узкой ладошки неведомых птиц.

— Оль, — повторил я.

— Разве вы меня знаете? — удивилась девушка.

— Конечно, знаю. Вы Оль из Инфории...

— Опять бред, — сказал кто-то встревоженно.

— Типичное следствие грибного отравления, — произнес уверенный басок. Боюсь, придется повторить выкачку.

При словах «повторить выкачку» я почувствовал себя значительно лучше.

— Где вы нашли его?— поинтересовался кто-то.

— В лесополосе.

— За станцией?

— Да. В двух шагах от полотна.

— Угораздило же вас, голубчик, — сказал мужчина. После маленьких жителей страны Инфории он казался громадиной. — Вот, выпейте-ка это. — Он протянул мне стакан с розоватой жидкостью.

Проглотив тонизирующий напиток, я почувствовал, что окончательно пришел в себя. Не отрываясь, смотрел я на Оль. Смутившись, она отвела взгляд. Мне казалось, что стоит сделать усилие — и я вновь возвращусь в чудесную маленькую страну, в городок, по улицам которого только что бродил.

— Ну как? — спросил меня врач.

Вместо ответа я сделал по комнате несколько шагов.

— Вы отлично держитесь, — заметил он. — Ольга, проводите молодого человека. Он еще успеет на последнюю электричку.

И тут, сунув руку в карман пиджака, я наткнулся на что-то твердое. Окаменевший обломок информации! На моей ладони лежал камень странной формы. Поверхность его, изъеденная непогодой, казалась покрытой письменами.

Оль, взглянув на меня, улыбнулась, и я понял, что мы не можем просто так расстаться. Ведь нас связывала общая тайна.

Зиновий Юрьев

БРАТ МОЙ ЯЩЕР

Пролог

Я брат драконам и товарищ совам.
Ветхий Завет, книга Иова, 30:29

Защищенная с трех сторон невысокими холмами мелкая морская лагунка, казалось, тяжело вздыхала своей темной водой и медленно ворочалась вместе с собравшимися в ней десятками самых разнообразных рептилий, которых примерно через шестьдесят миллионов лет благообразный английский анатом сэр Ричард Оуэн назовет динозаврами. Обложившись словарями, он в один прекрасный день выберет из греческого слова deinos — «ужасный», и sauros — «ящерица». Вместе — динозавры или ужасные ящеры. Но тогда ни об анатомах-палеонтологах, ни тем более о сэре Ричарде и слове «динозавры» никто и слыхом не слыхивал. И даже куска суши, что станет со временем называться Великобританией, тоже еще не было.

Огромный апатозаурус, иначе именовавшийся палеонтологами будущего бронтозавром, медленно поднял длинную шею, увенчанную тяжелой огромной головой, и посмотрел вверх. Как и всегда в последнее время, солнце едва просвечивало сквозь густую дымку, застлавшую, казалось, все небо. Дул холодный порывистый ветер, было зябко, и апатозаурус невольно поежился своим необъятным девяно-

стотонным телом. Дрожь прошла по нему медленными волнами. Так трудно было привыкнуть к холодам. На мгновенье он вспомнил, как любил когда-то забираться в жаркие дни в воду. В воде он не чувствовал своего огромного веса и готов был, выставив длинную шею, простаивать в мелкой лагуне долгими блаженными часами. Но все это уплыло куда-то в даль, в прошлое, куда — он чувствовал — возврата не было.

Он посмотрел вниз на темную поверхность воды и десятки своих собратьев, молча смотревших него. Что он мог сказать им? Да, он был самый большой из них и самый сильный. И посему слыл самым мудрым. Да разве мог не быть мудрым тот, кто одним взмахом хвоста мог отправить на тот свет дюжину каких-нибудь там стегозавров? Кто внушал рептилиям поменьше и послабее страх и благоговение? Разве сила не мудрость? Вот почему все собравшиеся рептилии терпеливо жали слов Хозяина, как почтительно называли они гиганта.

Хозяин медленно покачал головой и с высоты своих двадцати пяти метров пристально посмотрел вниз на собравшихся. На мгновенье он задумался, как обратиться к динозаврам, покорно молчавшим в томительном ожидании — лишь камешки в их пищеводах и желудках, необходимые для перетирания растительной пищи, тихо постукивали. Друзья? Какие, к черту, они были ему друзьями, вся эта мелюзга? И что такое вообще друзья? Коллеги — да этого слова в меловом периоде, в котором тогда жили динозавры, и слыхом никто не слыхивал. Проще было издать привычный рев, что Хозяин тут же и сделал. Динозавры в лагуне испуганно вздрогнули.

— Мы, рептилии, народ неглупый, — трубно начал Хозяин. — Хуже-лучше, прожили на этой земле более двухсот миллионов лет, да что прожили — правили ею, а это, доложу я вам, кое-что да значит. Дураки не правят, дураками правят. Кто будет жить после нас — знать нам не дано, но держу пари — хотя, если разобраться, с кем его держать, такое пари? — что вряд ли кто-нибудь еще продержится на этой земле столько же. — «Пари», — усмехнулся он про себя. Какие пари? Если и найдет кто-нибудь когда-нибудь его кости, и не догадается, поди, чьи они. — Но всему, как известно, — продолжал он, — приходит конец, и недалеко то время, когда все мы окажемся в совсем других лагунах... Не по одному, не по двое, как бывало всегда, испокон века, а все мы. Весь наш род. — Хозяин вздохнул и добавил: — Мы, рептилии, всякой ерундой вроде вопросов «отчего» да «почему» голов себе никогда не забивали, потому и царствовали безраздельно на земле и в воде столько лет. Но посмотрим правде в глаза: с солнцем что-то случилось, о настоящих жарких днях мы уж и забывать стали. Яйца — наше будущее — высидеть как положено становиться все труднее. И рождаются детеныши все чаще хилые, од-

но слово — не бойцы и не жильцы. И самки тут ни при чем. Нас медленно душит холод. И не так уж далек тот день, когда последняя рептилия, издав рев, который останется без ответа, рухнет, чтобы уйти в лагуну, из которой никогда не возвращаются...

Хозяин вдруг яростно хлопнул своим гигантским хвостом, высоко поднял среди фонтана брызг многотонную голову и зарычал:

— Но вот что я вам скажу, рептилии. Тем, кто придет после нас, так просто от нас не отмахнуться. Природа не разбрасывается своими сокровищами, а наша мудрость относится к величайшим ее богатствам. Кто еще умеет так ловко продемонстрировать власть и силу, отнять пищу у слабого, разорвать врага, кто всегда поймает себе самку и застолбит территорию? Да никто! Так что не падайте духом, рептилии! Наши мозги еще долго будут править миром. Это предсказываю вам я, мои бедные родственники, я — Хозяин этой лагуны! Поэтому не печальтесь, зверье. И не думайте, что все мы исчезнем в одночасье. Мы еще поживем и поохотимся!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рептильный комплекс, или R-комплекс, является древнейшей частью человеческого мозга и играет важнейшую роль в агрессивном поведении, стремлении господствовать на своей территории, в ритуальном поведении и установлении социальной иерархии.

Пол МакЛин, заведующий лабораторией эволюции мозга в Национальном институте психического здоровья, США.

Глава 1. Телефонный звонок

Если бы не телефонный звонок, который Ирина Сергеевна через несколько минут мысленно начала называть Звонком с большой буквы, она бы вообще и не запомнила то утро. Да и что, собственно, было запоминать? Отражение своего лица в запотевшем после душа зеркале в ванной, которое, казалось, давно уже не менялось, но которое — она это знала слишком хорошо — неуклонно старело? Вот и в тот день, отметив, что в корнях волос начинает проглядывать седина и пора в парикмахерскую на окраску, она попыталась помассировать

мешки под глазами, но, как и следовало ожидать, они от этого никуда не исчезли. И не исчезнут, скорее даже наоборот, с какой-то злорадной жестокостью сказала она себе. И мешки будут потихоньку набухать и отвисать, и щеки, что с ними не делай, тоже будут покрываться сеточкой морщин и отвисать. Хорошо еще, если не станет походить на бульдога. Конечно, усмехнулась она, кое-кто делает себе подтяжку за подтяжкой, превращая физиономии в страшненькие фарфоровые маски. Но не она. Никогда.

Она еще раз посмотрела на свое отображение в зеркале и вдруг явственно, почти физически ощутила неумолимый ход времени. Стрела времени, как называют ее физики. И никто не знает, почему она летит только из прошлого в будущее и беспощадно пронзает все на свете, погребая за собой то, что остается позади. Зачем.

Стрела времени... Вот так она будет смотреть каждое утро на зеркало с облупившейся по краям амальгамой, и из сорокасемилетней женщины в зеркале с дьявольским упорством будет потихоньку вылезать притаившаяся до поры до времени старушка. Пока не вылезет окончательно и не уведет с собой туда, куда уходят в конце концов все старушки и старички. Впрочем, иногда и молодые.

Если разобраться, вся жизнь, собственно, и состояла в череде запотелых зеркал в ванной и неумолимом наступлении старости. И годы будут мелькать, как лицо в зеркале: сорок семь, пятьдесят семь, шестьдесят семь, семьдесят семь... Яша где-то вычитал пронзительные по печали слова старинной летописи: словно листвие падают дни человечьи. Упадет последний — и все. Ни зеркала, ни отражения, ничего... Что-то уж больно она сегодня меланхолически настроена, подумала Ирина Сергеевна и встряхнула головой.

В правой ноге тоненько стрельнула привычная боль, и она оперлась на левую. Когда Роман опять придет со своими иголками? Завтра, кажется.

И лаборатория ее была не лучше, если уж быть до конца честным с собой. Да, доктор биологических наук, да, один из ведущих специалистов по митохондриям, но Нобелевской ей не видать. Так себе, обычная ученая кляча. Бреди себе и бреди потихоньку. Без взлетов и падений. И даже без понуканий. Что делать, не нобелевский она материал. Нобель не для кляч. И прыть не та, и ржет немодно. Признаваться в своей заурядности нелегко, но она всегда презирала самовлюбленных дураков. Ну, если и не круглых дураков, то уж посредственностей точно.

Втирая в лицо крем, Ирина Алексеевна вдруг улыбнулась себе слегка вымученной улыбкой: а что, в самобичевании тоже есть свой кайф, как говорит ее дочь. До исламского шахсей-вахсея с его самоистязяниями ей, конечно, было далеко, но погрызть себя, если честно,

она любила. Яша не раз ей говорил: переходи в ислам, детка, по крайней мере, будешь знать, для чего себя грызешь. Хоть местечко себе в исламском раю обеспечишь. Правда, без меня. Евреев туда не пускают.

Как раз в этот момент она услышала телефонный звонок. Она раздраженно накинула халат — кому там с утра невтерпеж — попыталась надеть тапки, но в одну так и не попала, и выскочила в коридор, где стоял телефон.

— Слушаю, — сказала она довольно раздраженно, потому что в коридоре после ванной было холодно, и голая пятка оставила мокрые круглые следы в коридоре, которые почему-то раздражали ее.

— Ирина Сергеевна? — послышался в трубке приятный мужской баритон.

Кто это с утра пораньше собрался, сердито подумала хозяйка дома и довольно грубо ответила:

— Она самая. С кем имею честь?

Баритон в трубке слегка усмехнулся. То есть видеть, как усмехнулся ее незнакомый собеседник Ирина Сергеевна, разумеется, не могла, но почему-то не сомневалась, что он именно усмехнулся. Сердиться, конечно, было глупо, но уж слишком раздражал ее сквознячок в коридоре. Она постаралась поплотнее запахнуть халатик и резче, чем следовало бы, повторила:

— С кем имею честь?

— Видите ли, дорогая Ирина Сергеевна, я не имею удовольствия быть с вами знаком лично, но я, с вашего разрешения, знаю о вас довольно много. Например, я знаю, что в коридоре, откуда вы со мной сейчас разговариваете, сквознячок, или то, что вы забыли в ванной тапку. Правую, чтобы быть точным. К тому же у вас опять разболелась правая нога. Я не ошибаюсь?

Как и всегда, когда она встречалась с чем-то необъяснимым, Ирина Сергеевна решила не торопиться.

— Может быть, вы сообщите мне еще что-нибудь столь же существенное? — саркастически спросила она, но все-таки успела подумать: откуда он это знает? Мысль была какой-то неудобной, нескладной и плохо укладывалась в голове.

— Извольте, если вам будет угодно. Например, только что вы думали о возрасте, о бренности проходящей жизни, о том, наконец, что вы не нобелевский материал... Так?

— Т-так... — растерянно пробормотала Ирина Сергеевна. — Но... я не понимаю, как...

— Ничего удивительного. Уверяю вас, что не только вы, никто на вашем месте ничего не понял бы. Разве что какой-нибудь дебил стал бы оглядываться по сторонам, не пролез ли я тайком в квартиру, да

заодно и в вашу головку, которую, кстати, вы зря ругали. Вы прекрасно выглядите, и я вам бы не только сорок семь, тридцать семь, пожалуй, не дал бы. И думать вам о старости, как вы это только что делали, рановато. Уверяю вас. Честное слово, это не пустой комплимент.

— Спасибо, — машинально пробормотала Ирина Сергеевна, чувствуя, что теряет привычные ориентиры: где право, где лево, где здравый смысл, где вообще что. Это было неприятно, как будто комната начала медленно вращаться вокруг своей оси, словно колесо смеха в парке. — И все-таки кто вы и как вам удается...

— Видите ли, друг мой, не все простые вопросы имеют простые ответы. Скорее, даже наоборот. Чем проще вопрос, тем труднее на него ответить. Например, кто я? Для чего мы живем? Именно поэтому я бы хотел пригласить вас на завтрак. Нет, не думайте, что я отвечу вам на все эти простенькие вопросы, этого еще никто с сотворения мира сделать не мог. Да и не сможет, сдается мне. Но кое-что интересное я готов вам рассказать. Да, да, именно сегодня утром. Точнее, сейчас. Надеюсь, у вас нет таких неотложных дел, которые помешали бы, может быть, самому важному разговору в вашей жизни. Так как?

— Самому важному? Вы, случаем, не разыгрываете меня каким-то странным способом?

— Ни в малейшей степени. И когда мы встретимся и поговорим, вы, надеюсь, со мной согласитесь. Да что надеюсь — уверен. Так вы согласны?

— Ну, раз вы так уверены, да, конечно, — сказала Ирина Сергеевна, потому что не видела смысла в отказе и знала, что, положи она сейчас трубку, будет потом бесконечно терзать себя, зачем она это сделала. Она вдруг почему-то вспомнила, как несколько лет назад зачем-то впустила в квартиру трех цыганок. Не успела она опомниться, как под стремительное и напористое бормотанье «будет тебе в жизни много перемен и счастья» она отдала им весь остаток зарплаты. И ведь понимала краешком мозга, что ее элементарно обворовывают, но ничего сделать с собой не могла. С тех пор она поклялась себе никогда не оказываться подопытным кроликом, тем более для того, чтобы быть ощипанным. Впрочем, ассоциация была глупой, звонила ей явно не цыганка...

— Ну и отлично. Если вы не возражаете, ровно через полчаса за вами заедут мои помощники. Вам позвонят в дверь, и мужской голос скажет: здравствуйте, это Гавриков. Смело открывайте — а то в Москве всякое бывает — и идите с ним. Договорились?

— А почему я должна верить, что этот ваш Гавриков тут же не выпотрошит всю квартиру?

— Ну, Ирина Сергеевна, я от вас этого не ожидал. Для чего же я тогда рассказывал вам о забытой в ванной тапке и сквозняке в кори-

доре? Для того, чтобы украсть старенький телевизор, остатки вашей более чем скромной зарплаты, для аплодисментов или чтобы доказать вам, что вы имеете дело с чем-то необычным? Согласны, что это несколько выпадает из ряда обычных квартирных краж? Тем более — не обижайтесь — могу лишь повторить, что у вас и красть-то особенно нечего.

— Гм...

— Вот и отлично. А я пока закажу завтрак. Если не ошибаюсь, вы бы не отказались от хорошего бутерброда с черной икрой. Причем обязательно иранской...

— А почему иранской? — почему-то спросила Ирина Сергеевна и отметила, что уже несколько минут существует в каком-то ином и совершенно непривычном измерении, где она ведет себя как заправская дура. Она и российскую икру ела, наверное, последний раз лет пять назад, а тут еще какая-то иранская.

— Видите ли, иранцы еще не научились смешивать с икрой всякую дрянь, да к тому же у них браконьеров поменьше, чем в России. Но не будем зацикливаться на икре. Вы, насколько я знаю, любите итальянскую кухню. Здесь в кафе готовят отличную моцареллу. Вы, разумеется, знаете, что это особый сыр с помидорами, ну, и конечно же, карпаччо с дыней. Кстати, разрешите мне немножко повыпендриваться. У них тут бывает мацарелла простая и буфалло...

— Буфалло? А это еще что такое?

— Ну, наконец-то я говорю не с доктором наук, а просто с любопытным человеком. У буфалло — это буйволы — молоко, из которого делают сыр моцарелла, пожирнее и вкуснее.

Ирина Сергеевна вдруг рассмеялась:

— Сдаюсь. После иранской икры и моцареллы из молока буфало я готова на все. Последняя линия моей обороны прорвана.

— Спасибо, Ирина Сергеевна. Да вам и не нужно сопротивляться. Я благодарен вам за то, что вы сохраняете здравый смысл и даже иронию в таких необычных для вас обстоятельствах. Но не торопитесь со словами «готова на все», потому что говорить мы будем о вещах несколько более важных, чем икра или ветчина карпаччо. Неизмеримо более важных, от которых может зависеть ваша жизнь, жизнь множества других людей и даже, надеюсь, в какой-то мере и история. Итак, я посылаю за вами машину. Помните фамилию человека, который зайдет за вами? Гавриков. Жду вас, милый друг.

Что ни говори, а для человека, привыкшего думать рационально, да еще ученого-естествоиспытателя, весь этот разговор с человеком, который на расстоянии точно знал, что у нее слетела с ноги тапка, да

еще приглашал ее на завтрак, состоящий из иранской икры, попутно решая вопросы истории, был прямым вызовом всей ее натуре, привыкшей верить фактам и только фактам, которые если и трудно объяснимы сегодня, то уж, во всяком случае, поддаются изучению. Не сегодня, так завтра. А сейчас с одной стороны были факты — более точного факта, чем потерянная тапка, трудно было себе представить. С другой — эти факты просто не могли существовать в реальности. Посему следовало признать: или она рехнулась, и весь этот нелепый разговор чистая химера, порожденная ее отчего-то заболевшим мозгом, или... Но вот как раз «или» не было. Значит, следовало с печалью признать, что у нее уже начались галлюцинации. Рановато, конечно. Не случайно, наверное, вспомнила она только что «словно листвие падают дни человечьи». Похоже, у нее уже последние опадают, что бы там странный голос в трубке ни говорил. Конечно, Альцгеймер обычно выбирает свои жертвы в более пожилом возрасте, но кто знает... Ей вдруг стало страшно. Странно, что несколько минут тому назад она даже рассмеялась. Чему смеяться, дура? Рыдать надо, пока она еще понимает, что сходит с ума. Скоро и того не будет...

Одно было абсолютно ясно: никто ей не звонил, на завтрак ее не приглашал, никакой иранской икры в природе не существует, не говоря уже о моцарелле из молока таинственных буфалло. Потому что видеть на расстоянии и читать чужие мысли, да еще по телефону, могут только в копеечных журналах, в которых рассказывается о телепатии, пришельцах и мировой мудрости, спрятанной в тибетских пещерах. Вот так, дорогая Ирина Сергеевна. Вопрос в другом. Случайный ли это сбой в компьютере, который называется ее головой, и который следует постараться забыть, или следует признать, что пришел конец... Словно листвие падают дни человечьи. Вот и ее черед настал...

Она почувствовала, как на глазах ее выступили слезы. Бедный, бедный Яша, с ужасом и нежностью подумала она о муже. Как-то она прочла американскую книжку, которая, помнится, называлась «Тридцатишестичасовые сутки» с советами членам семей, в которых появлялись жертвы болезни Альцгеймера. Тридцать шесть часов в сутки нечеловеческого терпения и неусыпного внимания, ибо больного нельзя оставить ни на минуту одного. Он может выйти на улицу и никак не вспомнить, где он живет и вообще кто он такой. А может случайно поджечь дом... Бедный, бедный Яша. И без того она не слишком часто баловала его своей заботой и нежностью, а тут... Конечно, он не оставит ее, он будут ухаживать за ней до последнего, но она сама не выдержит мучений, которые причиняет ему. Если, конечно, будет еще в состоянии понимать, какая она обуза для Яши и для дочки. Ей стало так страшно, что, казалось, сердце вот-вот остановит-

ся, все ее существо восстало против такой перспективы. Все, что угодно, только не это...

— Нет, нет! — вдруг крикнула она, и голос ее звучал хрипло. В голове ее опять зазвучал приятный бархатистый баритон человека, с которым только что разговаривала. — Не может быть, чтобы это была галлюцинация! Но тогда что?

Она не могла стоять неподвижно. Неподвижность была враждебна и самим своим существованием угрожала ей. Неподвижность — это символ конца. Она напоминала о смерти. Не понимая, что делает, она лихорадочно вытащила — даже не столько вытащила, сколько выдернула — из шкафа свой желтый костюм, надела его, подобрала косынку и стала причесываться перед зеркалом. Только что-то делать, только не замирать ни на секунду. Мозг ее раздвоился. Одна половинка говорила: прими лучше что-нибудь успокаивающее, ляг и полежи спокойно, мало ли что может человеку почудиться... Другая же смотрела на часы и думала, что вдруг все-таки раздастся звонок.

И он раздался. С облегчением, с восторгом, который она редко испытывала в жизни, — значит, не галлюцинация! — она метнулась к двери и хриплым от волнения голосом спросила:

— Кто там?

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна, это Гавриков. Вы готовы?

— Иду, иду! — буквально пропела вдруг ставшим звонким голосом Ирина Сергеевна и открыла дверь.

Прямо перед ней стоял рослый короткостриженный молодой человек в камуфляже, похожий на омоновца. Она протянула ему руку и должна была сделать неимоверное усилие, чтобы не броситься ему на шею. Наверное, никто еще в жизни не был ей так приятен. Очевидно, молодой человек почувствовал, как она рада ему, потому что приветливо улыбнулся ей. Подождите, доктор Алоиз Альцгеймер — так кажется звали первого, кто описал эту болезнь. Подождите, доктор, я еще немножко поживу...

Гавриков нажал на кнопку вызова лифта.

— Нет, нет, нам придется спуститься по лестнице. Лифт уже второй день как не работает.

— Странно, — улыбнулся парень в камуфляже. — Я же только что на нем поднялся.

— Значит, — сказала Ирина Сергеевна, — чудеса продолжаются. Поехали.

— Видите ли, — улыбнулся Гавриков, — с чудесами у меня особые отношения.

— Как это? Вы маг? Сейчас они широко рекламируют себя в газетах, упирая, что они белые, да еще маги как минимум в десятом поколении. Начинали практику еще со времен Куликовской битвы. —

Ирина Сергеевна поймала себя на том, что от огромного облегчения стала вдруг болтливой.

— Нет, я вовсе не маг. Просто такая у меня работа. Лифт запустить — это ерунда. Приходилось выполнять и более сложные задания. Вы, например, слышали когда-нибудь о Валаамовой ослице?

— Это что-то из Библии, если не ошибаюсь?

— Угу. Только по-настоящему Валаама звали Бильам. Валаам это русская транскрипция его имени. Но простите, мы приехали. Прошу вас.

Гавриков открыл дверь подъезда. Прямо перед ними стоял длинноющий «вольво». Роскошная машина была куда приятнее, чем палата в психушке, куда она только что собиралась. Гавриков галантно распахнул заднюю дверцу.

— Садитесь, Ирина Сергеевна. И помните, что «вольво» — самая безопасная машина в мире. Господин потому и выбрал ее. А за рулем Антон. Настоящий ас. — Антон, такой же стройный и мощный в своем камуфляже, повернулся к Ирине Сергеевне и улыбнулся.

— Поехали. Тут недалеко, но с вашими московскими пробками никогда не знаешь, сколько пробудешь в пути. А выбраться из пробки даже нам не так просто.

Машина мягко тронулась, и Гавриков обернулся с переднего сидения к Ирине Сергеевне. — Так вот, о бедной говорящей ослице. Царь моавитян Балак испугался идущих через пустыню израильтян — они только что окончили свои сорокалетние блуждания по Синайской пустыне после египетского пленения — помните? — и шли в обещанную им Всевышним землю, текущую молоком и медом — и послал щедрые дары пророку Бильаму, чтобы тот проклял их. Тогда к проклятиям относились куда серьезнее, чем сейчас. Или на худой конец выведать, сколько их, этих пришельцев.

Но не успел Бильам приблизиться к израильтянам, как ослица — а у людей, даже пророков, это был тогда самый распространенный вид транспорта, на «вольво» тогда еще не ездили — вдруг прижалась к ограде, а потом и вовсе легла на землю, отказываясь идти. Бильам стал хлестать прутом ослицу, но та не двигалась, только крутила головой, стараясь увернуться от ударов, и вдруг произнесла человеческим голосом: «Что сделала я тебе, что ты ударил меня уже три раза?» — И добавила спустя минуту: «Я ли не твоя ослица, на которой ты ездил издавна и до сего дня? Имела ли я обыкновение так поступать с тобой?» И сказал Бильам: «Нет».

И тогда, Ирина Сергеевна, Всевышний открыл Бильаму глаза, и он увидел ангела, стоящего перед ним с обнаженным мечом...

— Вы так живо пересказываете библейскую сцену... У вас отличная память и воображение, молодой человек.

Гавриков улыбнулся.

— Насчет «молодого человека», боюсь, ко мне это не совсем относится. А воображение и вовсе ни при чем. Просто сцену эту я хорошо помню...

— А где вы так хорошо изучили библию? Мое поколение, вы наверняка знаете, так невежественно в религии...

— Видите ли, мне и учить было особенно нечего. С вашего разрешения, ангелом с мечом, которой встал на пути бедной ослицы, она, кстати, назавтра умерла, был ваш покорный слуга. — Гавриков скромно улыбнулся.

Ирина Сергеевна опять почувствовала, что все привычные координаты мира сорвались со своих мест. И бог знает куда несет ее этот «вольво»? К Валаамовой ослице? К ангелам? Она инстинктивно вжалась в мягкую кожу сидения, словно искала в ней защиту. Конечно, молодой человек разыгрывает ее, не едет же она в самом деле в одной машине с ангелом? Она неуверенно посмотрела на Гаврикова.

— Вы, конечно, смеетесь надо мной? — неуверенно спросила она. — Я не обижаюсь, я ведь неверующая. Даже некрещеная. И большую часть жизни меня учили, что ни бога, ни ангелов нет. Бабушка умерла рано, к тому же я не уверена, что и она была верующая, а папа с мамой и вовсе были большевиками, и сама мысль о крещении... И с ангелами по сей день встречаться как-то не приходилось. Я их всегда представляла с белыми крыльями, а вы, простите, вылитый омоновец. Надеюсь, вы не обижаетесь? Знаете, кто такие омоновцы?

— Конечно. Приходилось и омоновцем быть.

— Не хочу вас обидеть, молодой человек, но у меня впечатление, что вы все-таки меня разыгрываете. Ангел? Ну ладно. Ангел так ангел. Но ангел — омоновец? Разыгрываете? Так? Только честно? Для чего?

— Нет, дорогая Ирина Сергеевна, я над вами не смеюсь. Нам, ангелам, вообще чувство юмора не очень свойственно. А насчет верующих и неверующих — это все понятия относительные. Одни верят, потому что душа их тянется к небу, другие, как, например, один из ранних христиан Тертуллиан, говорили, что веруют, потому что абсурдно, третьи думают, что верят, но на самом деле просто бредут в стаде, не поднимая головы к небу, и просто не могут да и не хотят отличаться от других. С другой стороны, даже просвещенные атеисты в глубине души алчут того, что философ Кант называл «нравственным императивом». Вопрос вовсе не в том, верит ли человек или не верит, а в том, во что и как он верит. Какой-нибудь ближневосточный шахид, взрывающий себя с толпой ни в чем не повинных детей и женщин, тоже уверен, что делает святое дело, после которого прямым хо-

дом направится в рай, где его с нетерпением поджидают прохладные сады, фонтаны, благоуханные кальяны и волоокие гурии...

— Вы хотите сказать, что это именно вы стали на пути Ваалamовой или, как вы говорите, Бильямовой ослицы? Для чего вы меня разыгрываете?

— Я вас вовсе не разыгрываю, а рассказал я вам о бедной ослице, чтобы хоть как-то подготовить вас к беседе с моим господином.

Простите меня за длинный монолог, мы уже приехали. Вот это кафе, называется «Палермо», заходите смелее.

— А как я узнаю того, кто пригласил меня?

— Не беспокойтесь, узнаете, — успокоил ее Гавриков.

Глава 2. Кафе

В кафе с огромными фотографиями развалин римского Колизея и Помпей было прохладно — наверное, был включен кондиционер — и сумрачно, но Ирина Сергеевна сразу же увидела высокого слегка полноватого человека, который встал из-за столика на двоих и с улыбкой направился к ней. Ей показалось почему-то, что именно таким она себе его и представляла. Солидный человек в солидном отлично сидящим костюме. Улыбающийся президент какой-нибудь компании. Хотя кто его знает, нынче проходимцы сплошь и рядом выглядят куда респектабельнее порядочных людей.

— Я уж думал, вы где-нибудь застряли, хотя, — он посмотрел на часы на руке, — пожалуй, я несправедлив. Прошу вас, садитесь. Меня зовут Иван Иванович. Буду с вами честен и сразу же признаюсь: это не мое имя, и если уж быть совсем откровенным, это даже не мое лицо и не моя внешность.

— Как это?

— Со временем вы поймете. Но свое настоящее имя я пока назвать вам не могу. Впрочем, какое это имеет значение?

Иван Иванович смотрел на Ирину Сергеевну с какой-то мягкой доброжелательностью, от которой у нее сразу потеплело на душе. Почти отцовской. Ангелы и прочие чудеса вместе с болезнью Альцгеймера тихонько отплыли куда-то в сторонку, на душе стало спокойнее. Ей было просто приятно смотреть на Ивана Ивановича и совсем не хотелось больше думать о всех сегодняшних странностях и нелепостях. Она почувствовала, как душа ее как-то неожиданно преисполнилась покоем и детским радостным предвкушением какого-то приятного чуда. Вроде подарка Деда Мороза или похода в цирк.

— Чтоб ничего нас не отвлекало от завтрака и нашей беседы, давайте займемся вашей правой ногой.

— В каком смысле? — спросила Ирина Сергеевна. Каким-то ускользающим краешком сознания она отметила, что на этот раз почему-то даже не удивилась странному предложению. А может быть, промелькнула в ее сознании забавная мысль, она уже вообще потеряла способность удивляться. Может, это и к лучшему? Может, это просто защитная реакция организма от всех этих телепатий, ангелов, везших ее в «вольво», и человека, который знает про нее все. Ведь стоит на мгновенье допустить реальность того, что происходило с ней в это утро, как ее привычный мир с твердо устоявшимися понятиями возможного и невозможного, а с ними и остатки здравого смысла должны были мгновенно взорваться, погребя под обломками ее здравомыслие, а может быть, и вообще всю ее жизнь.

— Видите ли, друг мой, чтобы чувствовать себя спокойной при нашем разговоре, вам нужно сразу же привыкнуть к мысли, что многие ваши представления о том, что возможно, а что нет, не совсем соответствуют действительности. Во всяком случае, пока вы имеете дело со мной. — Иван Иванович мягко улыбнулся. — И не волнуйтесь, в чудесах тоже есть своя логика, уверяю вас. Во всяком случае, держитесь подальше от понятия «этого не может быть». Поверьте, это хороший совет, да вы и сами скоро в этом убедитесь. Вот, например, если не ошибаюсь, вы уже с полгода страдаете от двух межпозвоночных грыж. Так ведь они, кажется, называются?

— Да-а...

— Стандартная физиотерапия в вашей поликлинике вам почти не помогла, от операции вы очень благоразумно отказались, и сейчас вас пользует доктор Роман Борисович. Его иголки, массаж и растяжения улучшили ваше состояние, но правая нога иногда еще побаливает. Так?

Ирина Сергеевна почему-то почувствовала себя увереннее. С одной стороны, чудеса продолжались, потому что Иван Иванович, или кто он там был на самом деле, откуда-то знал о ее болезни и даже знал имя ее доктора. Хотя ничего этого знать он не мог. С другой стороны, в межпозвоночной грыже была хоть какая-то реальность, реальность, которая связывала ее с настоящим миром, а не с ангелом и иранской икрой. Грыжа — это не ясновидение на расстоянии или таинственная иранская икра. И уж подавно не говорящая Валаамова ослица ли как она там звалась. Две ее межпозвоночные грыжи, особенно когда они мучили ее по ночам, были уж куда как реальны.

— Да. Так. Сегодня как раз была не очень спокойная ночь. Пришлось даже лечь минут на десять на пол, на твердое, мне это, знаете, чаще всего помогает. Хотя и не надолго. Но я стараюсь не слишком концентрироваться на своих болячках.

— Ну и прекрасно, друг мой. Забудьте о своих грыжах и болях, и особенно о мази виоккс, которую вы с таким трудом доставали.

— Я бы с удовольствием, уж поверьте мне. С очень большим удовольствием, — улыбнулась Ирина Сергеевна. Забавно, как ее больной позвоночник помог ей обрести хоть толику уверенности в себе.

— Верю. Кстати, о мази виоккс. Недавно ее запретили к употреблению в США, стало быть, вскоре запретят и у вас. Передайте это вашему Роману Борисовичу. Итак, больше нога у вас не болит, и болеть не будет. Во всяком случае, пока мы решим с вами, каковы будут наши дальнейшие отношения.

— Спасибо большое, но, боюсь, я скверно поддаюсь внушению. Наверное, из-за врожденного скепсиса.

— Никаких «но». Тем более, что я и не собираюсь внушать вам что-либо.

— А тогда...

— Не будем спорить. Лучше скажите, вы чувствуете боль в ноге?

— Н-нет... Но днем, когда я отвлекаюсь, я часто забываю о ней.

— Тогда, чтобы вы окончательно убедились в своем полном выздоровлении, сделайте какое-нибудь самое неудобное для вас движение. Смелее.

Ирина Сергеевна повернула несколько раз ногу, нажала на нее, преодолевая укоренившееся опасение такой знакомой боли, — ни малейших ее признаков. А ведь обычно она, как генеральский лампас, мгновенно пронизывала при таких движениях наружную сторону ее правой ноги. Она бы, конечно, должна была петь от радости — кончились ее мучения и бессонные ночи, но она уже вошла в какой-то сказочный мир, где все было сдвинуто, перевернуто, перекручено. Где ангелы возят ее на «вольво», а человек без имени мгновенно изгоняет из нее въевшуюся, казалось, навсегда боль. Может, в следующую секунду полетит она на ковре-самолете поговорить с говорящей ослицей. Или на метле на какой-нибудь ведьминский шабаш. Или получит Нобелевскую премию. Она улыбнулась и сделала последнюю попытку вернуться в свои старые, привычные координаты:

— Спасибо, Иван Иванович, но что это? Чудо, фокус, внушение, гипноз, заговор?

— Узнаю ученого, для которого главное — классифицировать. Отвечу вам пока так: всего понемножку. Ну, а теперь за завтрак.

Маленькие бутерброды с иранской икрой были божественны.

— Иван Иванович, а это действительно иранская икра?

— Ирина Сергеевна, давайте договоримся: я вам никогда не буду врать, ничего не буду приукрашивать, не буду пускать пыль в глаза, какими бы фантастическими вам ни казались мои слова. Договори-

лись? Кое-что сказать я вам не смогу, во всяком случае, пока, но это не столь существенно.

— Да, но ваш помощник Гавриков рассказал мне, что он ангел. Настоящий ангел, который преградил путь Валаамовой ослице. И вы хотите сказать, что я должна этому верить? Я бесконечно благодарна за ногу, даже если ночью она опять разболится, но как я могу поверить, что только что разговаривала с настоящим ангелом, так похожим на наших доблестных омоновцев? Вы понимаете, что я... как вам это объяснить... мой мозг привык функционировать рационально, и поверить в реальное существование ангелов, да еще в камуфляже, я просто не могу. Даже если бы очень этого хотела. Мое сознание просто не приемлет такой возможности. Оно просто отталкивает ее, точнее — выталкивает. Что хотите со мной делайте, не могу. Мне не хочется спорить с вами, вы милый и, по-видимому, добрый человек и только что каким-то необыкновенным образом избавили меня от давно мучающей меня боли в ноге. Да к тому же в споры о том, есть ли бог, а, стало быть, и ангелы, повторялись, наверное, миллионы раз и давно стали, извините, пошлостью... И вдруг человек, который только что привез меня сюда в более чем современном роскошном «вольво», рассказывает, как он остановил Валаамову ослицу. Сами подумайте, как я должна на это реагировать?

— Во-первых, правильно — Бильамову. Это в русском переводе библии принято имя Валаам.

— Да, да, ваш помощник уже поправлял меня.

— А во-вторых, я сам послал его, чтобы остановить Бильама. И не надо так пугаться, друг мой Ирина Сергеевна. Мир ведь сложней, чем вы многие себе его представляете. И не забывайте, что для миллионов верующих, иудеев и христиан слова Писания — высшая и дословная правда. И даже для вполне современных людей. Вот, например, есть такая религия крисчиан сайентистс, основанная лет сто пятьдесят тому назад некоей Мэри Бейкер Эдди в США, в Массачусетсе. Сегодня у них отделения в сорока восьми странах. Христианские ученые, как они себя называют. Они учат, что Бог бесконечно добр, что все болезни — лишь иллюзия, лечить их не надо, достаточно читать Библию.

— Значит, вы относитесь к крисчиан сайентистс?

— Боже упаси. Еще в меньшей степени, чем вы. Но давайте пока что вернемся к нашим вкусным баранам. Как карпаччо?

— Такие тонкие ломтики, по-моему, сквозь них все видно. Хоть вставляй в окно вместо стекла. Даже не верится, что ломтики копченой ветчины могут быть такими тонкими. Прямо как срез какой-нибудь ткани, приготовленной для рассматривания под микроскопом. Очень вкусно.

— Ну и прекрасно. Вы кофе пьете?

— Да, с молоком.

— Вот и замечательно. — Иван Иванович жестом подозвал официантку и заказал кофе. — А теперь, друг мой, пришло время вопросов. Я хочу, чтобы прежде, чем я сделаю вам свое предложение, вы постарались понять, что я вас не дурачу, не шучу с вами и вообще настроен самым серьезным образом.

— Иван Иванович, я вам уже говорила об этом и могу лишь еще раз повторить: стоит мне на мгновенье поверить, что я ехала в вашем «вольво» с ангелом во плоти, как вся моя жизнь, все мировоззрение, образование, вся карьера рухнут, как карточный домик. Лопнут, как мыльный пузырь. Даже без пшика. Потому что если существует ангел Гавриков... Это, наверное, тоже его псевдоним... Тогда все вообще возможно... Может, на самом деле я вовсе не завлаб Ирина Сергеевна Кипнис, доктор биологических наук сорока семи лет, а моавитянка какая-нибудь. Вообще-то, может быть, это было бы и неплохо, только тогда для науки в обычном понимании, да и просто для реального мира, места не остается. Или — или.

— На вашем месте, друг мой, я бы не торопился с заключениями, хотя смею вам уверить, что вы вовсе не моавитянка, а русская, гражданка Российской Федерации. Во-первых, и раньше и сейчас множество ученых, и далеко, заметьте, не худших, ухитрялись совмещать веру и науку. Перечислять их нам и нескольких дней не хватило бы. А во-вторых, подождите немножко. Пейте кофе, пока он не остыл. Кофе ведь здесь тоже недурен. Согласны?

— Спасибо, но...

— Для начала, дорогая Ирина Сергеевна, я вас удивлю. Думаю, это будет звучать непривычно даже для убежденного атеиста. Так вот, Бог не создал человека. Ни Адама, ни Евы из части его тела или, как обычно переводят книгу Бытие, первую книгу Библии, из ребра. Бога вообще до поры до времени не было. Не Бог создал человека, а люди создали Бога. Не всемогущего, разумеется, но, тем не менее, обладающего определенной властью, точнее, влиянием. Помните выражение «идея, овладевшая массами, становится материальной силой»?

Ведь это не случайно, что древние иудеи никогда не изображали бога, никто не мог видеть его. И даже имени в собственном смысле этого слова у него не было. Когда Моисей, единственный человек, который говорил с богом, спросил его, как его имя, потому что боялся, что его соплеменники, которых бог повелел ему вывести из египетского рабства, спросят его о нем: «Как ему имя?». Бог ответил: «Эгье ашер Эгье». Имя из трех слов, которым бог назвал себя, вовсе и не имя. И перевести его нелегко. Наиболее точный перевод — «Я буду, кем Я буду». Иногда переводят и так: «Я есть, кто Я есть». А в славянской библии имя бога переведено как «Аз есмь Сый», то есть «Я есть

Сущий». И даже это имя Моше больше никогда не употреблял. И во всей Торе — так иудеи называют библию — имя бога больше не упоминается ни разу.

С именем или без имени, человек всегда стремился к Богу, к Защитнику, к Предводителю, к Персту Указующему. Недавно, кстати, я где-то прочел, что группа английских ученых открыла ген или группу генов, вызывающих у человека тягу к религии, точнее, к Богу. Охотно верю. Наверное, жизнь сознающего самого себя существа очень сложна без какой-то высшей цели, а с такими целями до сих пор у человечества было неважно, будь то освобождение гроба Господня, сжигание еретиков, создание тысячелетнего Райха или построение коммунизма в отдельно взятой стране. Нужна вера в нечто высшее, нужен Бог, которого все люди с древнейших времен себе и искали.

Особенно этим отличались древние иудеи с их исступленной тягой к справедливости. С самого начала, когда появились первые гоминиды, с первыми проблесками самосознания, появилась и вера. Богов у всех народов всегда было множество, на все случаи жизни, но только иудеи вымечтали себе единого справедливого Бога. И сотни заповедей, включая всем известные десять главных, которые содержатся в Торе, Пятикнижии Моисеевом, — так иудеи называют первые пять книг своего священного писания, которые потом другие назовут Библией, — не Бог дал Моше на горе Синай — так, кстати, иудеи произносят имя Моисея, — а сами иудеи придумали их себе вместе с единым богом. Ибо только единый Всевышний может быть справедлив, а не сотни богов и божков и разных копеечных идолов. Не случайно один из еврейских мудрецов рабби Гилель в первом веке до нашей эры короче всех выразил суть иудаизма: «Что неприятно тебе, не делай своему ближнему». А рабби Акива задолго до Йешу — Иисуса Христа — учил: «Люби ближнего своего как самого себя». Это еврейские мудрецы считали главным принципом Торы и лучшим служением Господу.

И что вы думаете, придуманный ими Бог действительно стал богом, по крайней мере, в их представлении, и помогал им в их тяге к справедливости и во всех испытаниях и тяготах, которые более чем сполна выпали им. Представьте себе, например, что в те далекие жестокие времена иудеи не только сами должны были отдыхать в субботу, но и строжайшим образом следить, чтобы и рабы не делали никакой работы, ни даже скот. А по прошествии семи лет правоверный иудей должен был отпустить раба, снабдив его, заметьте, всем необходимым для возвращения на родину. Пожалуй, есть чему поучиться некоторым сегодняшним московским предпринимателям, которые эксплуатируют гастарбайтеров откуда-нибудь из Таджикистана куда

более сурово. Вы, возможно, спросите: если иудаизм был столь справедлив, почему появилось христианство?

А дело в том, что, если вы помните, маленький уродливый еврей по имени Шауль, Саул в русской Библии, человек дьявольски честолюбивый и еще более дьявольски энергичный, основал новую церковь, которая со временем стала христианством. По сути, он обокрал Йешу, как иудеи звали того, кто стал известен миру как Иисус Христос. Йешу был пророком, которые не раз появлялись в иудейской истории, чтобы быть своего рода посредниками между Богом и людьми, напоминать людям, чтобы те не забывали об обязанностях перед Богом, которого сами себе избрали. Иешу множество раз повторял, что закон, данный Моше Богом на горе Синай, свят, и сам следовал ему неукоснительно, как, кстати, и его ученики. Например, апостол Петр, основатель церкви Христа, ее «скала», как называют его богословы, до последнего дня своей жизни соблюдал законы кашрута, то есть иудейских предписаний в еде.

И лишь маленький Шауль из Тарса, ставший в новой религии Павлом, распираемый честолюбием, решил иначе. Он объявил, что по дороге в Дамаск увидел в небе Йешу в образе Бога. Это был тот самый Шауль, который до того времени яростно поносил учеников и последователей Йешу за их якобы ложные идеи. И хотя Шауль-Павел никогда Йешу-Христа в глаза не видел и не слышал, он решил, что лучше него знает, что Христос думал и что он имел в виду. Так и возникло христианство. Иудеи, у которых был свой бог и которые видели множество суровейших пророков в своей истории, от Йешаягу-Исайи до Ирмеягу-Иеремии, вовсе не собирались променять их на заклинания Шауля.

— Но ведь вы не будете спорить, что римляне Христа распяли по решению еврейского суда. Даже я это помню.

— Пытаться восстановить историю по Евангелию, это то же самое, что изучать историю ежовщины тридцатых годов в СССР по речам государственного прокурора Андрея Януарьевича Вышинского — яростного обвинителя на множестве процессов, унесших жизни тысяч ни в чем не повинных людей. Не знаю, чьим он был шпионом, немецким или японским, но шпионом он был точно — так Вышинский доказывал виновность обвиняемых, требуя для них казни. К которой, естественно, тут же присуждали неизвестно чьих, но шпионов. Так и с Евангелием. Ведь оно было написано основателями новой церкви, и посему, как это обычно бывает в истории, нужно было очернить своих предшественников. Даже беглого взгляда на Евангелие достаточно, чтобы возникли вопросы. Например, в послании от Матфея в знаменитой Нагорной проповеди Иисус говорит: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков. Не нарушить их

пришел я, но исполнять». А несколькими строчками ниже Йешу, человек следующий Закону, в том числе, естественно, и заповеди чтить отца и мать своих, говорит ученику, собравшемуся пойти похоронить отца: «Иди за мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Никогда Йешу не мог произнести такие жестокие слова, не мог он не пустить ученика похоронить отца. Это хуже, чем варварство. Это чувства не Йешу, а Шауля-Павла, хотя это послание и подписано Матфеем. Я это знаю, а не думаю...

— Что значит «знаю»?

— Знаю — это значит знаю, — сказал Иван Иванович. — Потому что я знал Йешу, видел и слышал его. И не раз. Он был яростным поносителем людских недостатков, но он был бесконечно добр.

— Вы хотите убедить меня, что знали и видели Иисуса Христа? — Ирина Сергеевна почему-то разволновалась и даже привстала на своем стуле.

— Дорогая Ирина Сергеевна, я вас ни в чем убеждать не собираюсь. Пройдет немного времени, и вы сами убедитесь во всем.

Но давайте закончим с Евангелием и вернемся к казни Йешу по приговору еврейского суда. Римлянам и самому Понтию Пилату меньше всего нужны были какие-то судебные решения. В отличие от последующих его апологетов, взять хотя бы вашего Михаила Булгакова, который изобразил Пилата в «Мастере и Маргарите» эдаким тонким страдающим джентльменом, человек он был жестокий, жадный и коварный, настоящий солдафон, и практически разорил и разрушил процветающий край и казнил тем же распятием десятки тысяч людей без всякого суда и следствия. Даже Рим вскоре должен был отозвать его после бессмысленного и жестокого убийства группы самаритян. Просто у Йешу были ученики, а римлянам любые народные лидеры, выражаясь сегодняшним языком, были опасны. Проще было прибегнуть к излюбленному Пилатом методу — убрать его. Как спустя двадцать веков говаривал Иосиф Сталин, нет человека — нет проблемы. И знаменитую фразу «Я умываю руки», которая должна была сказать, что в казни Иисуса он лично виновен не был, он никогда не произносил, а придумали ее авторы Евангелия, которые пытались польстить римскому сатрапу-прокуратору. Ранних христиан римляне преследовали безжалостно, и их попытку настроить римлян в свою пользу понять можно. Впрочем, история, в том числе и история религий, полна событий, которые никогда не происходили. И фраз, которых никто не произносил.

К тому же, по Евангелию выходит, что высший еврейский суд, сангедрин, осудивший Христа, был собран в субботу. Это столь же невероятно, как представить себе начало какого-нибудь заседания политбюро в СССР с коллективной молитвы. Суббота для иудеев была

священным днем отдыха, когда даже разжечь огонь запрещалось, а не то чтобы судить кого-либо. К тому же сангедрин славился своей терпимостью и дотошностью. За предыдущие сто лет смертные приговоры были редчайшим явлением в его практике. Даже неженатые мужчины, не познавшие отцовства, не имели права заседать в сангедрине. Считалось, что сердце отца мягче.

Кстати, забавная параллель: Шауль-Павел, как я уже сказал, вначале поносил Христа и его взгляды и его учеников, а государственный обвинитель на процессах тридцатых годов Вышинский был до революции меньшевиком и нападал на большевиков.

Вы спросите, дорогая Ирина Сергеевна, почему же столько людей поверило Павлу, что он, якобы, видел Христа. Заметим, что меньше всего было таких среди евреев, которые видели и слышали Йешу, даже любили его, но никак не собирались думать, что этот сын плотника из Вифлеема был божьим сыном и тем более Мессией, посланному Богом для искупления грехов людей и для обустройства, так сказать, земной жизни, чтобы агнец безбоязненно улегся рядом с волчицей. Да и Йешу на самом деле никогда не говорил, что он сын божий. Это все придумал Павел. А вообще-то люди доверчивы, и все зависит не от логики, а от силы убеждающего. Так же, спустя почти шестьсот лет, бедуины поверили погонщику верблюдов Мохаммаду, основавшему Ислам, который утверждал, что его посетил Аллах. Да что говорить о тех далеких временах, когда люди были доверчивее, и требовалась лишь сила красноречия и внушения. В 1820 году, во вполне уже просвещенные и скептические времена, четырнадцатилетний американский юноша по имени Джозеф Смит, объявил, что встретил в лесу ангела по имени Морони, и тот указал ему, где спрятан ящик с золотыми пластинами, покрытыми странными письменами. С помощью Морони мальчуган продиктовал местному школьному учителю содержание пластин, и в результате появилась известная книга Мормона, а с нею и началась религия мормонов, которая и сегодня объединяет около двух миллионов людей. Самое забавное, что никто, естественно, никогда этих «золотых пластин», не говоря уж об ангеле Морони, и в глаза не видел.

Да и в политике то же. Почему столько людей поверили во вздорные пророчества Карла Маркса, редкостного лентяя и мелкого домашнего тирана, жестоко издевавшегося над семьей и женой, и способности которого главным образом сосредотачивались на умении жить за чужой счет? Или Владимиру Ленину, неудавшемуся юристу, человеку злобному и тоже дьявольски честолюбивому? Или Иосифу Сталину, который возводил свою абсолютную власть на фундаменте из костей десятков миллионов ни в чем неповинных людей? Или Адольфу Гитлеру, который позвал одну из самых просвещенных

стран в мире в безумный античеловечный, антихристианский кровавый поход?

Но вернемся опять к Павлу. Дальше — как раз «идея, овладевшая массами...». Христианство фактически подменило Бога Христом, нисколько не смущаясь тем, что творило его именем, именем человека, звавшего к добру, самые жестокие вещи. Например, в конце десятого века папа Урбан II призвал верующих отправиться в крестовый поход «освободить гроб Господень» в Иерусалиме. По дороге христолюбивое воинство громило всех и вся, прежде всего убивая евреев. Например, крестоносцы осадили еврейский квартал в Вормсе, что в Германии, и перебили всех евреев, кто не хотел тут же на месте принять христианство. А ведь у них был общий Бог... А захватив Иерусалим, собрали всех евреев в синагоге и заживо сожгли их там. Такое вот трогательное маленькое торжество по поводу «освобождения гроба Господня». Впрочем, и единоверцев крестоносцы особенно не жаловали. Они разгромили по пути христианский Константинополь и убили там тысячи христиан. И все под знаменем Иисуса, который призывал любить ближнего своего и даже подставлять ему другую щеку... Богословы даже придумали целую философскую систему — теодицею, которая должна как-то совместить несовместимое — доброго всемогущего Бога с царствующим в мире злом.

У вас может создаться впечатление, что я защищаю евреев и нападаю на христиан. Во-первых, евреи не нуждаются в защите и оправдании. В конце концов, не иудеи преследовали христиан двадцать веков подряд, а наоборот. Мало кто знает, что в первые два века существования христианства, когда их жестоко преследовали, они часто находили защиту и пристанище в еврейских общинах, которых тогда уже было много в разных странах. А во-вторых, Павлово христианство всегда несло в себе его злобу, нетерпимость. А евреев Павел, который, как я уже говорил, сам был евреем, возненавидел, когда они не приняли его честолюбивые фантазии и не признали Йешу сыном божьим, как учил сам Павел. Люди не любят, когда им не верят. Даже не просто не любят, а ненавидят и не прощают неверящим. Точно так же поступил и Мохаммад, который вначале был вполне терпим к христианам и евреям, скорее даже благоволил им. В то время Мохаммад даже молился в сторону Иерусалима и соблюдал пост в еврейский праздник Йом-Кипур. И с тем большим остервенением возненавидел христиан и евреев, когда они не приняли его учения. Особенно евреев. Наверное, как близких родственников. Ведь те и другие семиты. Основатель протестантизма Мартин Лютер, начиная свою борьбу с католицизмом, звал к себе и евреев, требуя дать им все права — неслыханное тогда по смелости требование. А когда они остались при своей вере, обрушился на них с невероятной яростью и свирепостью,

которые века спустя с удовольствием использовали нацисты Германии, прямо ссылаясь на него.

Злоба и нетерпимость медленно убивали Бога. Вы уж поверьте мне... — Ирине Сергеевне на мгновенье показалось, что в глазах Ивана Ивановича показались слезы. — За двадцать веков христианства жили ли где-нибудь люди по заветам Христа, придуманным на самом деле Павлом? Отдавали ли ближнему последнюю рубашку или подставляли обидчику вторую щеку? Увы. Жили в основном и, к сожалению, продолжают жить люди по законам рептилий. Покоряли, убивали, отнимали, крали, преследовали. И слова Евангелия «несть эллина и несть иудея» всегда были пустыми, потому что соседи воевали с соседями, и все преследовали всех, кто хоть чем-то отличался от них. И у французских католиков и гугенотов Бог был один, что никак не мешало им истово вырезать друг друга. И никак не мешало русской православной церкви свирепо преследовать староверцев, таких же христиан, как они, находить их скиты в далеких заволжских лесах и заживо сжигать братьев по вере, от стариков до младенцев.

Иван Иванович глубоко вздохнул и продолжал:

— В каком-то смысле Бог реально существует, пока в него верят миллионы людей. И когда, например, в девятнадцатом веке многим людям показалось, что вера умерла, немецкий философ Ницше тут же объявил, что Бог мертв. Немножко он, конечно, поторопился, но посмотрим правде в глаза — если Бог и жив, то, скажем так, он еле дышит. И уж во всяком случае, он далеко не в лучшей форме. Поверьте мне, я знаю.

Последние две тысячи лет христиане все больше и больше забывали о нем. Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Не было у Бога сына, и сам он был святым духом, сыном народа, который его придумал и создал.

Он был богом маленького народа, богом маленькой страны, богом теплых каменистых холмов, тенистых виноградников и стад тучных овец, богом беспокойного народа Израиля. Он знал всех, и все знали его, и неистовые проповедники и пророки, часто босые и в рубищах, гневно грозили иудеям сухими кулаками, проклиная их за отход от бога, за жадность, за то, что закрывали глаза на Его, Бога, заповеди. А иногда попрекали и его самого за то, что он забывал свои обещания и свой долг перед народом, который создал его.

Но шли годы, столетия, тысячелетия, он стал номинальным Богом сотен миллионов христиан, Богом большого мира, и оказывался все дальше от бурления военных сражений, дворцовых интриг и кипения ярмарок, в которых и при желании не смог бы разобраться.

Когда-то он был богом простых и ясных вещей: солнца, дождя, радуги, потопа, наводнения, военной схватки. А теперь он должен

разбираться в чудовищно огромном и непонятном космосе с его таинственными черными дырами, загадочной темной материей и взрывами гигантских новых звезд и галактик. И люди и он чувствуют себя в этом космосе даже не песчинками, а исчезающе-малой пылью мирозданья. Ему, старому Богу древнего народа, просто не остается места в этом страшном мире...

И мне кажется, я знаю, почему Бог, придуманный и созданный людьми, находится в столь печальном положении. Люди перестают верить, а стало быть, слабеет и Бог. А перестают верить потому, что в наш торговый век большинство не видят особого смысла следовать заветам Всевышнего. Я не хочу сказать, что раньше они жили исключительно по заветам Бога. Но был хоть какой-то страх, страх перед гневом Божьим. А теперь страх этот у огромного большинства исчез, и люди начинают жить не как люди, создавшие Бога, а как обыкновенные макаки в штанах и юбках. Ад как-то потускнел, слинял, стал чем-то малосерьезным, скорее смешным, чем страшным, чем-то вроде компьютерной игры или темой для анекдотов. Стоит ли бояться его, чтобы в чем-то себя ограничивать?

Вы скажете, а польза? Да, у отдельных праведников вера — это страстная потребность души. Ее порывы к добру и справедливости в недобром несправедливом мире. Да, праведники не перевелись, но их — абсолютное меньшинство. Для большинства вера — это в лучшем случае формальное исполнение каких-то обрядов.

Что же делать? Признать, что Фридрих Ницше был прав? Может быть, но людям трудно оставаться без Бога. Да, Бог был создан людьми, но он с тех пор стал реальностью и теперь имеет перед ними определенные обязанности, даже если люди и забывают его...

Ирина Сергеевна с глубочайшим вниманием смотрела на человека, сидевшего перед нею, — столько какой-то неземной печали было написано на его лице.

— Я сказал «в наш торговый век» не случайно. Если бы вместо сомнительного рая, который давно стал шуткой, Бог мог предложить людям нечто конкретное, причем тут же, а не в некоем туманном будущем, которое то ли будет, то ли нет, вообще неизвестно, вот тогда... Нечто, что им жизненно важно, что может облегчить или даже спасти их жизнь. А то ведь люди видят, что Бог не только не вознаграждает добрых и праведных, а наоборот: процветают те, кто и не думает о божьих заповедях. Многие, если не все, ваши так называемые олигархи или другие преступники меньше всего думают о боге, разве что покупают золотой крест побольше, чтоб другим завидно было...

— И что же Господь может нам предложить? — спросила Ирина Сергеевна, и с удивлением почувствовала, что спросила без малейшей иронии.

— Вот это уже звучит вполне современно. Купи помаду такую-то, и твои губы обворожат всех мужчин. Или вот эту краску для волос. Редкую по насыщенности цвета и стойкости. И цена вполне доступная. Я этого достойна.

— Вы предлагаете внести в веру немножко рыночных отношений? — спросила Ирина Сергеевна.

Иван Иванович пристально посмотрел на нее и вздохнул:

— Боюсь, что вы подошли к самой сути моего предложения.

— Но прежде чем спрашивать, о чем именно идет речь, могу я поинтересоваться, почему вы ведете весь этот невероятный разговор именно со мной? Кто я? Святая? Столп церкви? Известный маркетолог? Специалист по рекламе? На чем вообще основан ваш выбор меня хотя бы в качестве собеседницы, меня — обычного человека, к тому же далекого от веры?

— Нет, Ирина Сергеевна, я хочу, чтобы вы были не собеседницей, а новым пророком, который оживит агонизирующую веру.

— Да Господь с вами, Иван Иванович! Это что, шутка такая? И что мне делать: смеяться, раскланиваться или заводить разговор о гонораре? Как это ни невероятно, но вы действительно способны видеть то, что видеть невозможно, как это было сегодня утром при нашем телефонном разговоре. Вы одним взглядом изгнали из меня застарелую боль. Этого не может быть, но я согласна, что это действительно случилось. Но чтобы я, заурядный завлаб Ирина Кипнис, сорока семи лет от роду, стала новым пророком? Даже после всех чудес мой мозг начисто отказывается рассматривать такую возможность.

— Друг мой, вы слышали такое слово «предопределение»?

— Да, но...

— Я не могу сейчас объяснить вам, почему и как выбор пал на вас. Еще рано. Но он пал. А примите вы свой удел или со смехом отвергнете — это уже ваше дело. Господь всегда признавал свободу воли отдельного человека. Как я вам уже говорил, Бог не всемогущ.

— Но даже если я...

— Ирина Сергеевна, неужели вы думаете, что мы ждем от вас проповедей в лаборатории или даже в кабинете у директора? Братья и сестры, одумайтесь, пока не поздно, конец света приближается, а теперь положите в шляпу, кто сколько сможет. Желательно купюрами покрупней. Можно и в у. е.

Впервые за завтрак Ирина Сергеевна весело рассмеялась. Сегодня вечером она объявит Яше, что уходит из лаборатории и становится проповедницей.

Иван Иванович тоже улыбнулся:

— А знаете, друг мой, у меня есть предложение. Погода отличная и, может быть, мы немножко погуляем? Как вы?

— С удовольствием.

Они вышли на улицу, и Ирина Сергеевна заметила, что Гавриков и Антон следуют за ними на расстоянии нескольких метров.

Глава 3. Прогулка

День был теплым, дул легкий ласковый ветерок, нога по-прежнему совершенно не болела, и Ирина Сергеевна вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, каждую секунду готовой к новой радости и каждую секунду готовой рассмеяться. Да и шла она так, как давно уже не ходила — какой-то юной упругой походкой, и движение доставляло ей почти забытую мышечную радость.

И неясно было, то ли она шла рядом с полноватым странным человеком по знакомой улице Петровке, битком забитой людьми, рекламой и машинами, то ли витала в неведомых, но безусловно приятных эмпиреях. Сама того не осознавая, по Петровке шла уже не та Ирина Сергеевна, что сегодня утром думала о приближающейся старости и безжалостной стреле времени. Эта новая Ирина Сергеевна видела мир как бы промытым, более ярким и интересным. И полон этот новый мир был уже не надоевшей изрядно рутиной, а детскими ожиданиями новых чудес.

Она позвонила по мобильному в лабораторию, чтобы сегодня ее не ждали, и с внутренней улыбкой отметила, что Маша, ее помощница и подруга, особенно не огорчилась. Потом позвонила Яше, чтобы он не беспокоился, если позвонит ей в институт и не застанет ее.

— Друг мой, — вдруг спросил ее Иван Иванович и внимательно посмотрел на нее, — как вы думаете, кто я? Жулик, гипнотизер, шарлатан, просто ловкий какой-то проходимец, сумасшедший или действительно не то пророк, не то святой? Нога-то, кстати, как?

— Боли и в помине нет. Я даже чувствую себя помолодевшей лет на десять, а то и больше. Это-то я знаю точно, а вот кто вы, если честно, — ума не приложу. Знаю лишь, что человек вы, по-видимому, добрый и умеющий делать чудеса. Если вы, конечно, человек.

— Немаловажное условие, что и говорить, — улыбнулся Иван Иванович. — Насчет чудес — это уже достижение. Вырвать такие слова у доктора биологических наук и убежденного — по крайней мере до сегодняшнего дня — материалиста непросто. — Иван Иванович вдруг засмеялся.

— Вы чему?

— Чудесам. Поверьте, для меня это самое простое в наших отношениях.

— Значит, вы считаете, у нас уже есть какие-то отношения? — с улыбкой спросила Ирина Сергеевна.

— Не знаю. — Иван Иванович нарочито выразительно пожал плечами. — Если человек излечивает ближнего, причем, заметьте, бесплатно, да к тому же рассказывает ему о своем знакомстве с Йешу или, как вы его называете, Иисусом Христом, это, наверное, уже какие-то отношения. Не совсем, конечно, привычные, но отношения. Согласны?

— Вы знаете, я доктор наук уже шесть лет. Семь лет руковожу лабораторией. Яша — это мой муж...

— Я знаю, кто такой Яков Михайлович. У вас прекрасный муж, и насколько я знаю, он беззаветно любит вас.

Ирина Сергеевна почувствовала такой прилив нежности к Яше, даже лицу на мгновенье стало жарко.

— Да, он изумительный человек. Но откуда вы знаете, как он ко мне относится?

— Я, дорогая Ирина Сергеевна, знаю много. Порой мне кажется, что слишком много...

— Но я о другом. Я вполне самодостаточная женщина. Бедноватая, чтобы не сказать нищеватая, как и большинство моих коллег, но вполне, как я говорю, самодостаточная. Я знаю, что многие считают меня излишне упрямой и резкой. Я даже дважды отказывалась поехать на полгода в США по гранту, потому что знала, что не смогу играть там роль тихой русской попрошайки. Yes, sir, thank you, madam...

— Браво, друг мой, отлично сказано.

— Я всегда быстро принимала решения, может, чересчур быстро, как утверждает Яша. Во всяком случае, над его предложением двадцать пять лет назад я думала ровно пять секунд.

— И то много...

— Но с вами, Иван Иванович... Я не знаю, что думать и что сказать вам. С одной стороны, я твердо знаю — и весь мой уже немалый жизненный и научный опыт подтверждает это — чудес не бывает. С другой, ваш утренний звонок... Знаете, что больше всего потрясло меня?

— Нет...

— То, что вы каким-то совершенно непонятным образом знали на расстоянии, что по дороге к телефону я потеряла тапку.

— Я рад, что скромная тапка помогла мне пробить брешь в вашем вполне понятном скепсисе.

— Потом, конечно, моя нога... Хотя случаются, конечно, самые невероятные совпадения...

— Давайте оставим вашу ногу в покое. Согласен, что и раньше у вас бывали моменты, когда боль утихала. Так что чудом считать ваше излечение пока не будем. Не возражаете?

— Согласна, но уж очень приятно, когда нога как новая.

— Поставим более серьезный эксперимент. Все-таки я разговариваю с доктором наук. Позвольте спросить, сколько у вас в сумочке денег?

— Ну, кажется рублей двести или что-то около этого.

— Вы ошибаетесь. Не люблю копаться в дамских сумочках, но почему-то мне кажется, что вы ошибаетесь, и довольно существенно. Откройте сумочку, не бойтесь.

Ирина Алексеевна щелкнула запором своей старой сумочки, которую давно пора было сменить, и посмотрела в нее. Аккуратным штабельком на тюбике помады, сотовом телефоне и ключах от квартиры лежала пачка тысячерублевых купюр.

— А под ними, учтите, еще три тысячи долларов по сто долларов и столько же евро.

Ирина Сергеевна вдруг рассмеялась.

— Вы чему?

— Я вдруг вспомнила сцену из булгаковского «Мастера и Маргариты», когда там со сцены в зал летели бутафорские деньги.

— Мне бы, конечно, следовало бы обидеться, но я вас понимаю. Современный человек готов ко всему, но только не к чуду. Тут и материалисты виноваты, но главное в том, что чудо потому и чудо, что оно редко. Так сказать, штучный товар. Посмотрите налево. Что вы видите?

— Обменный пункт. Их, говорят, в Москве больше, чем во всем мире вместе взятом.

— Вот и отлично. Войдем, и вы разменяете столько долларов, сколько вам нужно.

— Но я же...

— Не возражайте, самодостаточная женщина. Или вы их сполна отработаете, либо, если вы, в конце концов, откажетесь от моего предложения, будем это считать моим маленьким подарком.

— Ну, я просто не знаю, что и сказать...

— А вы и не говорите, достаньте долларов двести — и вперед.

— Я боюсь, такая пачка... Говорят, иногда в обменниках специально выслеживают людей с деньгами, а потом...

— Друг мой, вы что-то забыли.

— Что?

— Обернитесь назад. Кого вы видите в пяти шагах?

— Гаврикова и Антона...

— Так что ничего не бойтесь. И не рассматривайте обменный курс с таким тщанием. Несколькими рублями больше, меньше — какое это имеет значение для тех, кто уже вошел или по крайней мере собирается войти в страну чудес?

Сонная кассирша в обменном пункте равнодушно сунула две стодолларовых бумажки под свою лупу и столь же равнодушно отсчитала рубли.

Они вышли на улицу, и Иван Иванович улыбнулся:

— Ну как бутафория? Ладно, нога может пройти сама собой, хотя бы на время. Но сколько шансов на то, чтобы в сумке скромной заведующей лабораторией, которая уверена, что в ней около двухсот рублей, вдруг совершенно случайно оказалось двадцать пять тысяч рублей, три тысячи долларов и три тысячи евро? И вообще, придумайте какой-нибудь самый невероятный вариант, чтобы разумно и рационально объяснить наличие этих денег. Причем минут десять тому назад, когда вы доставали носовой платок, этих денег там не было, вы бы их наверняка заметили. Их просто нельзя было не заметить, они ведь лежали сверху. Ну-с, какие вы можете предложить хотя бы не окончательно безумные объяснения, кроме чуда? Пришельцев в тарелках на Петровке в последние минуты вроде не было, во всяком случае, мы их не замечали. Да и прохожие идут себе по своим делам, в небо никто не всматривается. Насильники из-за угла на нас не кидались, безжалостно всовывая в сумочку деньги... Ну, не знаю, моей фантазии больше ни на что не хватает. Давайте вы, милый друг. Вы как-никак доктор наук.

Ирина Сергеевна глубоко вздохнула.

— Я сдаюсь. — Она тихонько засмеялась. — Мне бы рвануть сейчас кофточку на груди и заголосить на всю Петровку: «Вяжите меня, добрые марксисты-ленинцы...»

— Ну, положим, добрых марксистов-ленинцев не бывает.

— Ладно, вообще материалисты, вяжите меня, я впала в самый беззастенчивый идеализм и начинаю верить в чудеса...

— Ну, кофточку-то зачем рвать, она вам очень идет. — Иван Иванович помолчал минутку, словно тщательно подбирал слова и продолжал: — Как вы думаете, для чего я все это проделываю? Произвести на вас впечатление? Подкупить вас? Нет. Вовсе нет. Мне хочется подготовить вас к предложению, которое я вам сейчас сделаю и которое невозможно принять или даже всерьез обсуждать без уверенности в каких-то моих возможностях, выходящих за пределы обычного повседневного опыта.

Начнем издалека. Вы, разумеется, представляете, хотя бы в общих чертах, как устроен человеческий мозг. Не обижайтесь, я понимаю, что морфология мозга — это не ваша узкая специальность. Природа, как известно, в процессе эволюции ломать ничего не любит. Она действует по принципу ломать — не строить. Надстраивать — да. Встраивать — да. Но не уничтожать. Вы не сердитесь за менторский тон, дорогая Ирина Сергеевна? Насколько я знаю, вы не очень любите, когда вас поучают...

— Есть такой грех.

— Ну, раз вы чистосердечно признаетесь, вернемся к эволюции. Тот же принцип матушка-природа применила и к мозгу гомо сапиенс. В самой его глубине, ближе к спине, находится спинной мозг, часть, которую некоторые ученые называют мозгом рептилий — мы унаследовали ее от наших далеких предков, — ползающих и летающих ящеров. Интересно, что до сих пор мы храним о них смутные и, похоже, не самые милые и приятные воспоминания даже в языке. Ведь они были врагами, и млекопитающие, в том числе и предки людей, заняли их место только тогда, когда они исчезли с лица земли. Например, выражение «хладнокровное убийство». Хладнокровное, то есть совершенное существом с холодной кровью. Ящерами. Да и к змеям отношение у нас самое недоброе. Далее идет более поздняя лимбическая часть и, наконец, венец развития — кора больших полушарий. Рептильный комплекс заведует нашей агрессивностью, половым инстинктом, ритуальным поведением и склонностью к иерархии.

Никаких дьяволов, никакого сатаны, никаких шайтанов людям, строго говоря, и не нужно было придумывать. Они их носят в себе, в своем рептильном комплексе. Могущественных, злобных и не знающих, что такое пощада или тем более любовь, если отбросить инстинкт производства потомства. Потому, что только свирепая ненависть к чужаку помогала выжить в том жестоком мире. Да, иногда коре больших полушарий, культуре и Богу удается подавить древние злые силы и инстинкты, даже не иногда, а в большинстве случаев, но очень часто они бессильны против своих внутренних древних противников. Может быть, вы заметили, что зло дается нам во много раз легче, чем добро. Зло естественнее и древнее. И религии, которые использовали ненависть, распространялись быстрее и легче, чем религии, основанные на идее добра. Хотя и религии добра на практике тоже очень часто скатывались ко злу. Зло ведь легко примеряет на себя самые разные одежды. Но вернемся к спинному мозгу.

Понаблюдайте, например, за группой макак, на которых кора больших полушарий, с ее выстраданной культурой и с таким трудом выстроенной системой табу, особенно не давит и которые ведут себя естественно, в значительной степени управляемые древними инстинктами рептильного комплекса, а не социальными условностями, как люди. Вот вожак-альфа. Обычно самый крупный и агрессивный самец. Нижестоящие считают за честь сделать ему груминг — то есть выбрать из шкуры грязь и насекомых. Альфа же время от времени важно демонстрирует всем подчиненным макакам группы свой возбужденный половой член. И вовсе не потому, что ему так хочется тут

же спариться с кем-нибудь. Это символ власти. Своего рода скипетр между ног. И даже молодые мужские особи тут же принимают позу самок, готовых отдаться альфе, и так далее.

Забавно находить в современном человеческом обществе намеки на наше прошлое. Конечно, президент какой-нибудь компании вряд ли демонстрирует на собрании совета директоров для укрепления авторитета свой возбужденный или даже невозбужденный член. Трудно представить, чтобы такое поведение было бы правильно истолковано. Скорее, наоборот. Но мелкие услуги — это в сущности тот же груминг, который ему норовят оказывать все сотрудники, от секретарш до заместителей. И пушинку с пиджака сдуть — так же как макаки у альфы из шкуры удаляют насекомых, и сотрудницы норовят поизящнее и пособлазнительнее задом вильнуть. Конечно, культура и кора больших полушарий давят: ни одному заму не придет в голову стать перед боссом раком, дабы продемонстрировать свое подчиненное положение и готовность отдаться боссу, но, повторяю, мы, к сожалению, несем в себе слишком много рептильного наследства. Потому что, если уж говорить о жестокости и коварстве в отстаивании своего главенства, тот же президент компании даст сто очков вперед любой наивной макаке и любому простаку динозавру.

Религия любит говорить о первородном грехе. Но никакого греха не было. Есть, повторяю, лишь наше звериное наследство, и оно-то мешает нам стать достойными Бога, которого люди себе выдумали. У нормальных людей культура — то есть все то, что наработано корой больших полушарий, — как-то противостоит рептильному наследству и даже помогает порой одерживать верх. Но когда появляются люди, у которых и рептильное их существо и кора больших полушарий работают в одной гармоничной упряжке, возникают монстры. Из последнего времени взять хотя бы Сталина, Гитлера или монстра масштабом поменьше — предводителя мирового терроризма Осаму бин Ладена.

— Вы так интересно говорите, — с искренним интересом сказала Ирина Сергеевна.

— Наконец-то я дождался от вас комплимента. Лучше позже, чем никогда. Но продолжу. А раз мы во многом по существу животные, к укреплению веры следует, наверное, подходить по-другому.

— А как?

— Вот мы и подошли к моему предложению. Чем можно в основном привлечь людей? Деньгами и здоровьем. Покупать веру за деньги бессмысленно и опасно. Представляете инфляцию, если вдруг каждому объявившему о своей вере выдать по миллиону? Воображения не хватит. Мировая экономика тут же взорвется и погибнет, принеся хаос, страдания и смерть. Вместо укрепления веры оставшиеся

вновь вынуждены будут встать не четвереньки и охотиться друг на друга не хуже тех же рептилий.

Остается здоровье. Допустим, что люди вдруг наглядно увидят, как вера мгновенно излечивает их и их близких. А если добавить в условия выздоровления требование соблюдать или, по крайней мере, стремиться соблюдать основные заповеди — это уже более обещающая перспектива.

— Боже, представляю, какая очередь больных выстроится к вам. Как за колбасой или колготками в советские времена...

— В том-то и дело, что не ко мне.

— А к кому?

— К вам. И к группе людей, которых вы наделите способностью исцеления.

— Я? Наделю? Чем? Умением поставить горчичник? Или посоветовать принимать аспирин?

— Ирина Сергеевна, я заметил, что когда вы чего-то боитесь, вы подсознательно прячетесь за шуточками. Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь. Но боитесь признаться себе в этом.

— Что вы хотите сказать? Что я буду исцелять так же, как вы?

— Именно. Именно. Вы и еще группа лиц по вашему выбору, которых вы наделите способностью исцеления. При условии выполнения основных библейских заповедей.

— Я их и не помню как следует. Не убий, не укради — что там еще?

— Не беспокойтесь. К началу вашего пророчества вы все будете знать. Назубок.

— Хорошо, как все это фантастически ни звучит, я должна задать вам главный в таком повороте для себя вопрос.

— Пожалуйста.

— Морально ли, если неверующая вроде меня несет слово божье, так сказать, в массы?

— А кто вам сказал, что вы неверующая? Разве вы против заповедей? Разве не в них вся суть веры в Бога, то есть в добро? Или вы думаете, что редкое и формальное исполнение каких-то обрядов существеннее веры в добро, другими словами, Бога?

Но давайте я перечислю вам заповеди. Я отброшу первую заповедь, потому что она была обращена только к древним иудеям: «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из страны египетской, из дома рабства».

Начнем со второй заповеди: «Да не будет у тебя других богов сверх меня». Она волне актуальна и сегодня. Кто знает, сколько людей претендует сегодня на роль новых богов? Божков? Новых провожатых неизвестно куда? От жуликов, провозглашающих себя новыми

святыми, до убийц детей и женщин, уверяющих, что они посланцы Аллаха. Поистине, несть им числа. Мы же говорим о боге тех заповедей, которые могут принести только покой в мятущиеся человеческие души. Но продолжим и выберем из древних заповедей наиболее важные. «Чти отца своего и мать свою». Согласны с этой заповедью?

— Более чем. Ведь у меня есть дочь.

— Я знаю. Тамара. Следующая заповедь — «Не убий». Устраивает она вас?

— На сто процентов.

— Следующая заповедь «Не прелюбодействуй». Она, конечно, многим в наше время покажется смешной, но я считаю ее важной. Как вы?

— Согласна.

— Далее: «Не укради». В России, пожалуй, это самая тяжкая заповедь. Требовать ее исполнения — все равно, что заповедовать не дышать. Рефлексы почти одинаковые по автоматизму. И все-таки отучаться от воровства нужно. Иначе людям никогда не отречься от своего рептильного наследства. Дело тут не только в украденной у соседа сотне или угнанном автомобиле. И не в миллионе, украденном у государства. Это все тот же мир рептилий, мир не человеческий, но животный. Не спорите?

— Нет, конечно.

— «Не отзывайся о ближнем твоем свидетельством ложным». То есть на суде говори всегда правду. Еще проще, не лги и не клевещи.

— Согласна, хотя порой мне кажется, что вся современная цивилизация покоится на лжи. Мы так привыкли лгать, другим и даже себе, что отказаться от лжи было бы безумно тяжело.

— Согласен, но пытаться нужно. Если подумать как следует, огромная доля зла, что существует в мире, построена на лжи. От той же нетерпимости христиан друг к другу и подавно к иноверцам, которых лживо обвиняют во всех смертных грехах, до вражды государственной.

— Согласна.

— Десятая заповедь: «Не домогайся дома ближнего твоего, не домогайся жены ближнего твоего, ни ничего, что у ближнего твоего». И, наконец, требование Торы, которое не вошло в десять заповедей, но которое очень важно, так важно, что еврейские мудрецы считали его главным принципом Торы и о котором мы уже говорили: «Люби ближнего своего, как самого себя». Это, повторяю, было сказано за сто лет до Йешу, который эту мысль всячески развивал. Согласны с этой заповедью?

— Да, конечно.

— Тогда перейдем к деталям, в которых, как говорят, спрятан черт. Сегодня вы посоветуетесь с мужем и дочерью, потому что без

них ваша миссия выполнена быть не может. И если они не будут возражать, вы и члены вашей семьи получат способность исцелять больных. Начинать можно и сегодня.

— Что значит «исцелять»? Так прямо и исцелять или выписывать рецепты?

— Простите, друг мой, я уже просил вас: не нужно шутить. Слишком это... важно для людей. Жизненно важно. Как, впрочем, и для меня. Именно исцелять. Причем мгновенно. Один ваш взгляд наносит смертельный удар болезни, и она тут же начинает отступать. Сразу же.

— А должна я буду ставить диагноз?

— Как вам угодно. Увидев страждущего, вы сразу поймете, чем он болен. Причем терминология не столь важна. Как там врачи называют тот или иной недуг — это для вас малосущественно. Важно лишь убедить человека, что исцеление целиком зависит от соблюдения заповедей, о которых мы говорили. Нарушение заповедей сразу же выключает механизм, спасающий человека от болезни.

— Бог ты мой, кто бы мог подумать, что Ирина Сергеевна Кипнис, скромнейший сорокасемилетний ученый, будет призвана исцелять людей, чтобы вернуть им веру в Бога... Скажите, друг мой Иван Иванович, это все не сон? Не наваждение? Может, я сейчас проснусь и с ужасом — а может, с облегчением? — пойму, что проспала все на свете и опаздываю на работу? И простите, что я в который раз говорю о невероятности происходящего. Значит, это все-таки не сон?

— Нет, это не сон. Уже сегодня вечером вы сможете проверить свои новые способности на муже и дочери, если она придет.

— А дальше, как вы представляете, я должна буду вести себя? Ну, для начала в лаборатории. Потом в институте. А потом?

— Жизнь подскажет. Вы будете исцелять и наделять такими же способностями достойных, которых выберете. Да, друг мой, денег за исцеление не брать — иначе это коммерция. Но какие-то подарки, преподнесенные от всего сердца, иногда можно. Вы — человек бескорыстный, щепетильный, и я знаю, что в этом могу полностью положиться на вас.

— Как я буду связываться с вами? Дайте мне номер вашего мобильного.

Иван Иванович рассмеялся.

— Нам с вами не нужна сотовая связь. Если я вам очень понадоблюсь, позовите меня мысленно, и я явлюсь. В сущности, это будет нечто вроде молитвы. Ведь молитва — это и есть разговор с Богом. Настоящая молитва, идущая из сердца, а не механическое бормотание. Так что смелее, друг мой, я всегда буду рядом с вами, даже если вы меня не будете видеть.

Ирина Сергеевна хотела еще что-то сказать — уж очень как-то неуютно ей стало при мысли, что она сейчас окажется одна со своим даром, миссией, наказанием — бог знает, чем это все закончится, но Ивана Ивановича уже не было. Только что шел рядом с ней, излучая тепло, спокойствие и уверенность в том, что чудеса, оказывается, возможны и в наш сверхматериалистический век — и вот нет его. Она оглянулась, надеясь увидеть позади Гаврикова и Антона — и их не было. На мгновение кипящая людьми Петровка показалась ей пугающе-безлюдной пустыней.

Чушь, вздор, морок, какие-то спазмы вдруг заболевшего мозга — в сотый, наверное, раз пронеслось у нее в голове. Сейчас она откроет свою изрядно потертую и немодную коричневую сумочку и увидит там двести рублей. Три бумажки по пятьдесят и пять десяток — она почему-то ясно вспомнила, как клала их утром в сумочку. Останется лишь сообразить, каким ветром занесло ее на Петровку, где она не была, наверное, уже несколько лет. А это уже верные признаки болезни Альцгеймера, когда больной не знает, где он и кто он... Она щелкнула замком сумочки и открыла ее. Сумка была полна денег. И тех, которые она обменяла, и куча других.

«Ну, Иринка, — сказала она себе, — если не сойдешь с ума в ближайшие дни, жизнь у тебя, детка, будет развеселая». Она рассмеялась, и проходившая мимо девушка с голым пупком с удивлением посмотрела на нее. Выражение лица у нее было такое, что ее обокрали, смеяться ведь имеют право только молодые, и уж никак уж не пожилые тетки...

Глава 4. Домашний совет

Их старенькой «вектры», которая ездила не столько на бензине, сколько на Яшином почти каждодневном упорном колдовстве, да и то далеко не всегда, на обычном месте не было. «Значит, Яша еще не вернулся», — подумала Ирина Сергеевна. На ее месте стояла вызывающе новенькая «Тойота RAV-4» серебристого цвета. Она вдруг вспомнила, как Яша говорил ей, что за такую машину он был бы готов на все. Да, да, именно «RAV-4», она вдруг ясно вспомнила, как он рассказывал ей о «тойотах» и их фантастической надежности. Бедный Яша, с их доходами можно было с таким же успехом мечтать о «Роллс-Ройсе». Или, скажем, «Феррари». На этом познания Ирины Сергеевны в автомобилях кончились, и она вошла в подъезд. Как ни странно, лифт работал. «Если это дело рук ангела Гаврикова, да здравствуют ангелы, помогающие нам возноситься если не на небо, то хоть на пятый этаж», — подумала она.

Ирина Сергеевна переоделась и решила до прихода Яши ничего не готовить. Не то у нее было настроение. В холодильнике была отварная картошка и несколько сосисок. Вообще-то следует сделать себе выговор, подумала она, желательно даже строгий и с предупреждением — совсем она перестала заботиться о муже, а он, бедняга, уверяет, что она самая лучшая жена и друг на свете. «Смотри, Иринка, — предупредила она себя, — всякое терпение ограничено, мужское же в особенности». Тем более — что вкусно поесть Яша любил. Боже, неужели она когда-то готовила ему такие украинские борщи, от которых он впадал в экстаз. А вдруг какая-нибудь особа пригласит его на борщ? Тут его голыми руками и бери. Она рассмеялась, потому что представить Яшу с другой женщиной, какой бы борщ она ни сварила, было положительно невозможно. Нежность к мужу привычно нахлынула теплой волной. И все-таки, может, сварганить что-нибудь на ужин? Но уж очень она устала после этого безумного, безумного дня. Тем более, что сама она есть не хотела. Еще бы. Иранская икра, ветчина карпаччо и моцарелла из молока таинственных буфалло — это тебе не холодная картошка со скользкими сосисками, усмехнулась она и начала переодеваться. Внезапно она заметила какую-то черную пластиковую папочку, лежавшую на столе. Когда она уходила, на столе ничего не было, это она ясно помнила. Может, Альцгеймер и описывает круги подле нее, подбираясь поближе, но она была готова поклясться, что она ничего не оставляла на столе. Она подошла к столу. Что за наваждение? На папочке было вытеснено слово «тойота». Комната опять начала медленно вращаться вокруг своей оси. «Спокойнее, — сказала она себе, — может, это оттого, что она только что думала о «тойоте»?» Не иначе как материализация духов и раздача слонов, как говорил Остап Бендер. Только не слонов, а «тойот». Она открыла папочку. Какие-то документы. Техпаспорт на имя Якова Михайловича Кипниса. Страховка. И явно автомобильные ключи. Оставалось только рассмеяться. Сначала вдруг выздоровевшая нога, потом куча денег в сумочке, а теперь и новая машина. С доставкой на дом. «Интересно, а номера на ней уже есть?» — подумала Ирина Сергеевна. Ну, конечно же, раз был техпаспорт на Яшино имя, страховка, должны быть и номера. Или Альцгеймер тут уже ни при чем и пора собираться просто в районную психушку, либо... либо это дело рук Ивана Ивановича. Иван Иванович был настолько лучше психушки, что она облегченно рассмеялась. Она ясно увидела его внимательный доброжелательный взгляд. Ну что ж, спасибо вам огромное, хотя всего этого быть не может, но все-таки было... Может, не может — пора было отучаться от этих слов. Оказывается, все может... Серебристая машина у тротуара и аккуратненькая папочка никак не укладывались в мир фантазий или больного воображения. Хотя, с другой стороны,

все Наполеоны в психиатрических лечебницах точно знают, просто уверены, что они действительно Наполеоны Бонапарты, а те, кто им не верит, просто жалкие дурачки, у которых не все в порядке с головами. Лучше всего просто подождать Яшиного прихода. Если он никакой папочки с документами на «тойоту» на увидит, тогда, как говорил их преподаватель в школе вождения, пора сливать воду. И все-таки так хотелось верить, что Яша папочку увидит. До боли в сердце хотелось.

Она услышала, как в двери поворачивается ключ, и в комнату влетел Яша. Он почему-то всегда именно влетал, а не входил, как полагается пятидесятилетнему лысоватому человеку.

— Здравствуй, солнышко, — пропел он, — как ты, как день прошел? Все нормально? — Он поцеловал ее в нос и обе щеки — их постоянный ритуал.

— Как тебе сказать...

— Что-нибудь в лаборатории? Опять Машка ноет?

— Да нет, — сказала Ирина Сергеевна, изо всех сил стараясь удержаться от крика «посмотри на стол!». — Яша, что это на столе? — спросила она, и сердце ее почти остановилось от нечеловеческого напряжения.

— Это? — спросил Яша, взял папочку и принялся недоуменно рассматривать ее. — Что это?

Ирина Сергеевна почувствовала, как тяжкий груз свалился с нее. Ей захотелось смеяться и дурачиться. Она нормальна! Голова ее работает, и да здравствуют чудеса!

— Яша, — спросила она мужа как можно серьезнее, — почему ты все скрываешь от меня? Неужели я не заслужила твоей откровенности?

— Я? Да господь с тобой, с чего ты решила, мышка моя ученая?

— Яша, — строго сказала Ирина Сергеевна, — я начинаю сомневаться, что мы действительно доверяем друг другу.

— В каком смысле? Что ты имеешь в виду? — удивился Яша, сразу забыв о черной папочке, которую держал в руке.

— В самом прямом. Почему ты не предупредил меня, что покупаешь новую машину? Или это такой пустяк, который не стоит того, чтобы его обсудили с женой?

— Я что-то, детка моя, никак не врублюсь, как говорят нынче продвинутые пипл. Это что, шутка такая?

— Да нет, милый. Я не шучу. Мне, если откровенно, обидно, что ты даже не предупредил меня о такой покупке. Это все-таки машина, а не полкило сосисок. Я даже не настаиваю на праве голоса в выборе модели, ты это лучше понимаешь. Но все-таки предупредить-то по крайней мере ты мог. А то прихожу домой, а тут новенькая «тойота»... Что я могла подумать?

— Я? Купил? Новую машину? Больше ты ничего не придумала? Я думаю, на что купить новую помпу для нашей старушки «вектры», хоть в кредит ее проси, — а ты — новая машина! Очень остроумно.

— Яшенька, какая шутка? Какое остроумие? Вот, смотри, ключи и документы на серебряную «тойоту», которая стоит у подъезда. Яша, я безумно волнуюсь. Это же тысяч сорок долларов, не меньше. А может, и больше. Признайся, ты обокрал банк? Не бойся меня, признайся смело, я не донесу, даже и не сомневайся. Наоборот, буду только гордиться тобой. Я ведь, если честно, всегда втайне мечтала, чтобы ты обокрал банк. Доказал, что ты настоящий мужчина.

Яша посмотрел на жену диким, ничего не понимающим взглядом, трясущимися руками взял документы и долго беззвучно шевелил губами, читая техпаспорт. Он еще раз посмотрел на жену, и глаза его округлились.

— Иринка, что это значит? Может, ты получила Нобелевскую премию и скрываешь от меня?

— Только меня в Стокгольме и ждали. Уже выстроились в аэропорту во фраках и с чеком. — Она не выдержала и расхохоталась.

— Что ты смеешься, может, ты поделишься со мной, над чем можно смеяться, когда под окном стоит краденая, наверное, машина с фальшивыми документами?

— Нет, Яшенька, она не краденая, но происхождение ее куда более фантастично. А чтобы ты был готов выслушать ту невероятицу, что я тебе сейчас поведую, пересчитай, пожалуйста, деньги у меня в сумочке.

Яша щелкнул запором, рот и глаза его округлились еще больше и стали похожими на саму открытую сумочку.

— Да тут...

— Не так много для двух нищих ученых. Двадцать пять тысяч рублей, три тысячи долларов и столько же евро. А теперь приготовься выслушать то, что в сознание не укладывается, быть не может и, тем не менее, случилось. Поэтому давай откроем наши головы и попытаемся всунуть в них то, что в них поместиться не может ни по каким законам здравого смысла. Да, эгоистичная дура, забыла тебя спросить, ты есть хочешь? Погреть тебе картошку с сосисками?

— Господь с тобой, Иринка, какая еда, какие сосиски могут быть в доме владельцев роскошной «тойоты»... Только вырезка, балык и марочное вино...

— Господь действительно с нами, Яшенька мой любимый, ты даже не представляешь, в какой степени ты близок к истине, но я вовсе не уверена, что мы сможем успешно пронести свой крест...

— Иринка, ты...

— Не торопись, это долгая история, нам все нужно как следует обдумать и решить, возложим ли мы на себя этот крест. Пройти Голгофу ведь не так-то просто.

— Ты права, мышка моя, тем более что у евреев с крестом особые отношения...

— Яша, я не шучу. Слушай внимательно.

Рассказывала Ирина Сергеевна долго, стараясь не пропустить ничего, и муж ее не перебивал. Он смотрел на нее как завороженный и, казалось, даже не мигал.

Когда она закончила, она спросила:

— Ну, и что ты думаешь?

— Я еще не могу думать, моя жалкая голова еще долго будет стараться переварить то, что ты рассказала, и я вовсе не уверен, что она вообще сумеет это сделать. Одно я могу сказать. Одна и та же галлюцинация двум разным людям не приходит в голову, да еще одновременно и схожая при том в мельчайших деталях. Я инженер, и если я вижу, что какая-то машина работает, что-то производит, то, что я могу пощупать и измерить, я прихожу к выводу, что машина реальная и реально работает. А то, что она по всем нашим понятиям работать не должна и не может, приходится отбрасывать. Или нужно использовать большевистскую логику: этого не может быть, потому что не может быть никогда.

— Да, Яшенька, я понимаю. Но почему я? Среди миллионов людей. Или миллиардов. Я же самый обыкновенный человек и...

— Нет, Иринка, во-первых, ты необыкновенная, я знал это всегда...

— Позволь мне усомниться в твоей объективности...

— А во-вторых, нам просто не дано понять промысел божий. В нашей жизни и вообще-то трудно разобраться, а уж о промысле божьем и говорить нечего...

— Значит, ты веришь, что все это правда, абсолютно нереальная реальность?

— Конечно, верю. Больше ведь ничего не остается. Через десять минут мы пойдем и прокатимся на «тойоте», и тогда окончательно решим, настоящая это машина или муляж. Фикция. Мираж. Фантом. Плод нашей совместно воспаленной фантазии. Попытаемся сесть в машину и, если все это вздор, плюхнемся задами на асфальт. В фантазию же не усесться. И не надо бояться, худшее, что может случиться, мы слегка поцарапаем наши задницы о тротуар. Ну, еще прохожие посмотрят на двух психов. Но это-то как раз меньше всего удивляет в наше время.

— Пойдем. Да, чуть не забыла тебя спросить, как твои суставы на пальцах правой руки? По-прежнему болят при сгибании?

— Почему ты вдруг вспомнила? Рановато, конечно, ревматизм подбирается ко мне, но, боюсь, это уже навсегда. Патентованные таблеточки тут не помогут. Не стало бы хуже.

Ирина Сергеевна посмотрела на мужа и спросила:

— А ты уверен, что суставы действительно болят? — Неужели она действительно может исцелять? В тысячный раз ее мозг снова приготовился ринуться на баррикады — защищать здравый смысл, с которым она выросла и жить без которого казалось невозможным.

Яша медленно сжал пальцы правой руки в кулак, и глаза его уже не просто округлились, а, казалось, вылезли из орбит и устроились где-то на лбу.

— Ирка, Иринка, целительница моя любимая, я не чувствую никаких суставов. — Он начал быстро сжимать и разжимать пальцы. — Как будто смазанные шарниры. Да еще отличным смазочным маслом. Наверное, синтетика. Этого абсолютно не может быть! Да ты...

— Это не я...

— Это ты, и теперь я вижу, что не ошибся, выбрав тебя четверть века назад. Знал, что и кого беру.

Они спустились вниз, и Яша слегка дрожащими руками нажал на кнопку на ключе. «Тойота» послушно и мелодично звякнула, и Яша открыл водительскую дверь.

— Боже мой, мы действительно сидим в машине, я чувствую себя в храме. По крайней мере, в японском храме. — Он впустил жену и включил зажигание. — А запах какой! Что вообще может сравниться с запахом новой машины! Какие духи, какие цветы...

— А почему она не заводится? — спросила Ирина Алексеевна.

— Потому, глупая, что двигатель уже работает. Просто так тихо и плавно, что только по тахометру и видно. Смотри, она к тому же и бензином заправлена... Даже ехать не хочется. Хочется просто сидеть и истово молиться японским богам и, конечно, тому, кто преподнес нам такой даже не царский, а императорский подарок. Знаешь, это вообще хороший выход для забитых московских дорог. Никуда не ездить, а просто выйти, посидеть немножко в машине, и обратно. Сразу все пробки исчезнут без всяких третьих и четвертых и пятых колец. Знаешь, мне даже немножко стыдно перед нашей старой верной «вектрой». Старушка должна так страдать, глядя на это чудо. Жалко ее, бедную. Ходила до последнего, кашляла, болела, из сил выбивалась, но служила нам честно. И все. Отходила свое, бедолага двенадцатилетняя. Продать ее, старушку, наверное, не удастся, придется похоронить ее со всеми почестями. Для езды — стара. Для музея — молода. Как ты думаешь, где в Москве хоронят старые заслуженные машины?

— Яш, давай я позвоню Тамаре, и, если она дома, съездим к ней. Надо же и ее мнение знать.

— С удовольствием, — согласился Яша и медленно, боясь задеть припаркованную рядом «вектру», выехал на улицу. — Боже, какое наслаждение может дать простое сидение за рулем! Я в раю. Или в экстазе! И это все ты, моя сверхъестественная повелительница чудес и исцелитель страждущих.

— Яш, раньше ты мне таких слов никогда не говорил, вот что значит новая машина, — засмеялась Ирина Сергеевна.

Тамара открыла дверь своей однокомнатной квартирки, доставшейся ей от бабушки, но стала поперек коридора, не торопясь впустить родителей.

— Там Олег, — сказала она. Глаза ее были красны, словно она только что плакала. — Могли бы хоть позвонить сначала. Может, это...

— Ну и что, мы знакомы уже, наверное, с полгода, — сказал Яков Михайлович. — Раньше ты нас не стеснялась.

— Не говори глупостей, пап. Мне сейчас не до твоих шуточек. Понимаете, у него сейчас ломка... Вы знаете, что такое ломка?

— Угу, — кивнула Ирина Сергеевна. — Признаюсь, мы даже давно догадались, что он колется. Просто не обсуждали с тобой эту тему, потому что, зная твой характер, сказать было ровным счетом нечего, тем более — сделать. Сказать тебе: брось его к черту? Мы боялись даже заикнуться о том, что с ним происходит... Ждали и надеялись. — Она вдруг поймала себя на том, что чуть не сказала «надеялись и молились».

— Видите ли, ломка — это не самое лучшее время для светских визитов. Это... одно слово — ломка. И я просто не знаю, что делать. Дозы у него нет, и если он не уколется... Что делать — ума не приложу. И денег у нас нет, и у вас клянчить на наркотик язык не повернется, и где эти наркотики покупают, черт их знает. И бросить Олега я не могу. Мне кажется, сейчас с ним что хочешь может случиться. Может богу душу отдать. В самом прямом смысле этого слова. Я чувствую, он на самом краю. — На глазах у нее набухла слезинка. — Когда он в нормальном состоянии, нежнее и лучше человека я не встречала...

— Давай войдем, — твердо сказала Ирина Сергеевна, отводя руки дочери.

— Олег ненавидит, когда его видят в таком состоянии... Может, лучше не надо? Мамочка, прошу тебя, я не знаю, на что Олег способен сейчас...

— Надо, — сказала Ирина Сергеевна, и они вошли в комнату.

Олег лежал на покрытой ковром тахте в тренировочном костюме, поджав колени к подбородку, как зародыш. Небритое лицо его было искажено страданием, а на лбу блестели крупные капли пота. Он показался Ирине Сергеевне почти стариком. Он с трудом сфокусировал глаза на вошедших и хрипло пробормотал:

— Простите...

Ирина Сергеевна внимательно смотрела на Олега.

— Что ты смотришь? Человек мучается, а ты рассматриваешь его, как бабочку на иголке... Как свои митохондрии... — Тамара отвернулась и, не удержавшись, начала всхлипывать.

— Нет, не как засушенную бабочку и уж подавно не как митохондрию, а как здорового парня, — строго сказала Ирина Сергеевна.

— Мам, не надо, как ты можешь... Нашла время... Это же... просто жестоко.

— Олег, — спросила Ирина Сергеевна, — как вы себя чувствуете?

— Я не знаю... — растерянно пробормотал он. Лицо его на глазах обмякало. Он начал медленно, словно не веря, что это возможно, садиться. Движения его были неловкие, словно тело принадлежало не ему. — Как будто...

— Что как будто?

— Как будто я уже ширнулся... — Он окончательно распрямился, сел и недоуменно покачал головой, помолчал, словно прислушиваясь к тому, что происходит в нем. — Как-то странно... Ничего не понимаю. Я ведь знаю, что весь день не кололся, крутило меня просто почерному — и вдруг... словно никакой дозы мне и не нужно, и даже думать об этом противно. Это что, внушение такое мощное?

— Нет, Олег, это не внушение. Вы просто больше не наркозависимый.

— Спасибо, Ирина Сергеевна, но... Вы же знаете, что все эти обещания быстро и надежно избавить от наркозависимости — чистое фуфло.

— Это верно, но к вам, Олег, отношения не имеет.

— Не понимаю...

— А понимать и не надо. Вообще надо меньше понимать и больше верить. Конечно, звучит это из уст ученого странновато, но это так. Вы по-прежнему чувствуете себя лучше?

— Лучше? Это не я. Похоже, что мы даже не знакомы с этим типом в моей истыканной шкуре... Это какой-то другой парень. А может, и я, но два года назад, до того, как подсел... А я и не знал, что вы такой силой гипноза обладаете.

— Это не гипноз, Олег. Вы просто вылечились.

— Этого не бывает, тем более в одно мгновенье. При всем моем к вам уважении, Ирина Сергеевна, это... фантастика.

— Согласна. Будем считать это чудом, но это так. И не будем рассуждать, что именно произошло с вашими эндорфинами и прочими деталями мозга, которые под воздействием наркотиков полностью потеряли способность нормально функционировать. Важно лишь то, что вы просто здоровы. И сейчас, и завтра, и послезавтра...

— Но тогда это даже больше, чем чудо...

— Согласна, хотя в нормальной жизни чудес не бывает. Назовем это чудом. Вы абсолютно здоровы, и будете здоровы, то есть не будете испытывать ни малейшего желания вернуться к героину или чем вы там кололись. Но при одном условии.

— Что вы имеете в виду, Ирина Сергеевна?

— Ты о библейских заповедях слышал когда-нибудь?

— Ну, там, не убий, что там еще...

— Я тебе их повторю — ничего, что я как-то незаметно соскользнула на ты?

— Господи, за то, что вы сделали — не знаю уж как, — можете меня называть как угодно, хоть Жучкой, хоть Полканом. Лучше быть живой Жучкой, чем откинувшим копыта наркоманом Олегом.

Тамара вдруг засмеялась, словно выпускала напряжение. Слезы теперь градом катились по ее щекам, словно копившееся в ней напряжение разом вырвалось наружу.

— Итак, Олег, постарайся запомнить те заповеди, которые я тебе сейчас перечислю, и выполняй их. Конечно, сразу в одно мгновенье переделаться ты не сможешь, так же быстро и решительно как ты вылечился, но стараться ты обязан. Плюнешь хоть на одну из них — и снова окажешься на игле. Так, кажется, это у вас называется.

— Ирина Сергеевна, но я же даже некрещеный...

— Неважно. Соблюдение заповедей во сто крат важнее формального крещения. Итак, первая заповедь: «Да не будет у тебя другого бога, кроме меня».

— Кроме вас?

— Я не бог, Олег. Я просто мама твоей Тамары и только что помогла тебе вылечиться. Речь идет о заповеди, которую дал людям Бог. Смысл в том, что другого бога им не нужно.

— Что значит другого, если у меня вообще никакого нет?

— Только что Бог послал тебе исцеление от наркотиков. Ты его принял. Вот и считай, что у тебя уже есть Бог. И ты принял из его рук самый драгоценный для тебя подарок. И другого бога тебе не нужно. Это понятно?

— Вполне, за такого бога... да я... не знаю, что бы сделал.

— Вторая заповедь: «Чти отца своего и мать свою». Это, надеюсь, понятно?

— Да, Ирина Сергеевна. Я домой уже дня три не звонил. Родители, наверное, с ума сходят.

— Вот сейчас и позвони. Прямо сейчас. Не откладывая.

Олег набрал номер.

— Мам, это я. Прости, что не звонил так долго. Ну, не сердись... Знаю, знаю, все знаю, мамуля, и со всем согласен... Ну конечно же,

ты права. Но самое главное — я чист, как стеклышко. На сколько? Хочется надеяться, что навсегда. Да, клялся уже не раз, это верно, но теперь... Чего зря говорить — сама увидишь. Как папа? Передавай ему привет и обязательно повтори все, что я сказал. Утром заеду. Обязательно. Не плачь, мам, не надо, радоваться нужно... Я от Тамары. Она? Еще бы! До завтра, мамочка... Мама не верит, конечно, и я б не верил на ее месте. Я и на своем пока не очень верю. Точнее, вовсе не верю. Не обижайтесь, просто не могу поверить. Или, может, боюсь. Знаю только, что мне уже давно не было так хорошо, и на душе и в теле. Каждая мышца... не знаю, как выразить... поет. — Он потянулся, как большая кошка, и Ирина Сергеевна подумала, что понимает дочь — Олег, в сущности, был очень привлекательным парнем.

— Продолжим, Олег. Следующая заповедь — «Не убий».

— Принимаю. Хоть я и не буддист, обещаю даже мух щадить. Что еще?

— Дальше, пожалуй, самое сложное. Заповедано: не прелюбодействуй.

— Гм... А что это значит? С Тамарой мы прелюбодействуем?

— Будем считать, что прелюбодействие — это половая связь человека в браке с другим или другой.

— Ну, тогда мне нужно сначала жениться на вашей дочери. Вы как?

— Что как?

— Даете мне благословение на брак с Тамарой?

— Между прочим, — ухмыльнулась Тамара, — не мешало бы и меня спросить, согласна ли я сочетаться узами брака с этим молодым человеком...

— Ирина Сергеевна, — вдруг серьезно спросил Олег, — это все серьезно, или меня глюки замучили? Вы ведь плохо представляете, что может в голове крутиться, когда под сильным кайфом. Неужели это все серьезно? Этого же просто не может быть. Только что я словно висел на дыбе и даже мечтал отдать концы... И вдруг все это, и физическое мучение и боль от стыда, все уплыло куда-то. Неужели это возможно? Честно, это все всерьез со мной происходит? Или это какая-то особенная чертовщина в голову лезет?

— Все это вполне серьезно, Олег, — сказал Яков Михайлович. — Поверь, я уж сам сегодня не раз себе тот же вопрос задавал. Все, что сейчас происходит, это реальность, клянусь своей новой «тойотой», а, кроме Ирины Сергеевны и Тамары, важнее «тойоты» в жизни у меня ничего нет. А если уж совсем серьезно, парень, ты даже не представляешь, что именно происходит...

— Не будем отвлекаться, Яш, «тойота» пока в число заповедей не вошла. Далее идет заповедь «Не укради». «Не лжесвидетельствуй»,

«Не домогайся дома ближнего твоего». И самое, наверное, трудное — «Люби ближнего своего как самого себя».

— Если ближние — это вы, я согласен. А если честно — я готов на все. Я когда сегодня в ломке корчился — а крутило меня страшно как никогда — в голове все вертелось, что лучше бы вообще не жить. Только одна мысль проскакивала в этом сгустке боли — Тамарку жалко. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, она меня любит, хотя любить наркомана — это либо сумасшествие, либо подвиг.

Тамара прижалась к Олегу и всхлипнула.

— Олег, — Ирина Сергеевна пристально посмотрела на Олега, — еще раз повторяю, это не глюки, как ты выражаешься. Это всерьез. Теперь все зависит от тебя. Не в том смысле, когда заклинают наркомана воздерживаться, это бессмысленно, он тяжко болен и воля его подавлена болезнью. Нет, думай о заповедях. — И вдруг к своему изумлению добавила с чувством: — Да хранит тебя Господь... Сейчас тебе кажется, ты уверен, что все эти заповеди тебе вполне по силам, Самое опасное время — это когда твой первый восторг пройдет, и незаметно ты начнешь вползать в обычный круг своих представлений. Держись, Олег. Помни о том, что было. Это, наверное, твое главное лекарство. А теперь отдохните после всего, что случилось. Немножко поподробнее мы поговорим, детки, следующий раз, и так переварить нужно слишком многое...

Ирина Сергеевна молча лежала в темноте. Было уже поздно. На люминесцентном циферблате будильника — половина второго, но сна и в помине не было. Сама мысль о сне казалась абсурдной — просто не верилось, что когда-то, в другой жизни, она опускала голову на подушку и через мгновенье засыпала. Как собачка, дразнил ее Яша.

После всего, что произошло с ней за день, заснуть было просто немыслимо. И не просто потому, что мозг ее был возбужден. В один день она была переброшена какой-то высшей силой — как ее ни называй — из привычной и в общем-то спокойной жизни в совершенно новое, невероятное измерение, важность которого ее мозг фиксировал, но отказывался измерить и, тем более, понять.

За четверть века замужества она уже давно научилась безошибочно определять, спит ли Яша, хотя спал он тихо, как ребенок. Он не спал. И наверняка знал, что и она не спит. Телепатией долгого брака. И молчал потому же, что и она, уж слишком невероятно было то, о чем они могли и должны были поговорить. И к чему страшно было прикоснуться даже словами.

— Иринка, — вдруг сказал Яков Михайлович, словно отвечая на ее мысли, — тебе не страшно?

— Страшно.

— И мне страшно. Не потому, что завтрашний день грозит чем-то опасным, а потому, что миссия наша — как я понимаю — чудовищно сложна. Помнишь, фильм такой американский был «Миссия невыполнима». Вот и у нас... Жили мы, конечно, не слишком ярко, но я всегда был счастлив с тобой и благодарил судьбу за такой подарок. Даже в самые трудные минуты. — Он откинул руку, и Ирина Сергеевна привычно положила ему на плечо голову. — Может, отказаться от всех этих чудес, пока не поздно... Черт с ней, с этой машиной и этими шальными деньгами и вообще всеми чудесами...

— Ты не хочешь, чтобы мы приносили людям исцеление? Вспомни Олега сегодня вечером. Он же был похож на большую кошку, которая вдруг ожила. Почти что воскресла. Или даже без «почти». Я все ожидала, что он вот-вот начнет мурлыкать... Я не знаю... Я знаю лишь, что исцелять, оказывается, огромная радость. Почти экстаз... Не знаю, но мне кажется, что откажись мы от этого невероятного предложения, мы себе этого никогда не простим. И дело вовсе не в поисках какого-то рационального объяснения. Конечно, было бы спокойнее, но ведь спокойнее всего вообще отгородиться от мира. Не знаю, не знаю...

— Согласен, но я знаю лишь, что мы вступаем на путь непонятный, неизведанный. Не изведанный никем. И страшный хотя бы поэтому. Все незнакомое пугает. И думать, что исцелять так просто, наивно в лучшем случае.

— Что ты хочешь сказать?

— Что нет на свете такого доброго дела, которое не таило бы одновременно неведомые опасности. Помнишь: дорога в ад выстлана благими намерениями?

— Ты хочешь сказать, что, спасая людей, мы движемся по направлению к аду? Так, Яшенька?

— Нет, конечно. К тому же, я подозреваю, что сентенция эта — прибежище для трусов и эгоистов. А ты никогда не была ни тем, ни другим... Как ты скажешь, так и будет, солнышко. — Яков Михайлович крепко обнял жену, сжал ее в объятиях и твердо сказал: — Бросаемся в омут, Ирина Сергеевна, и будь, что будет. Я знаю лишь одно — ты права: если мы откажемся, не простим себе никогда, а может, и просто жить не сможем...

Глава 5. Институт

Когда Ирина Сергеевна вошла в лабораторию и вдохнула ее такой знакомый запах — сложную смесь химикалий и пыли, все происшедшее накануне вдруг снова показалось ей бредом. Наверное,

все-таки бред. А что он кажется таким реальным, то, как она себе уже говорила, все Наполеоны в психбольницах твердо знают, что они действительно наполеоны, и жалеют слепых окружающих, которым не дано этого увидеть.

Маша поздоровалась с ней, отступила на шаг, склонила голову на плечо, как подбитая птичка — она и выглядела сегодня хуже обычного, — и смерила свою начальницу долгим оценивающим взглядом.

— Ты чего уставилась на меня, Маш? В хозяйстве все в порядке? Эпохальных открытий за вчерашний день не сделано?

— Ни эпохальных, ни даже местного значения. Я о другом. Что с вами случилось, Ирина Сергеевна?

— В каком смысле? Я что, так подурнела за день? Или постарела? Или то и другое?

— Нет, Ирина Сергеевна. Вы совсем не подурнели, — как-то странно серьезно сказала Маша. — Вы... вы... просто какая-то другая...

— Какая? Машуля, ты же знаешь, что я не слишком часто любуюсь собой в зеркале, и вообще я почти синий чулок. Но все-таки хоть какое-нибудь женское любопытство должно во мне быть? Да или нет?

— Наверное, должно.

— Ну, вот ты мне и отвечай, что значат твои слова «вы просто какая-то другая».

— Какая-то другая.

— Блестящий по точности ответ. Не зря ты в двадцать девять кандидат наук и заместитель завлаба. Редкая наблюдательность и умение четко формулировать свои мысли.

Ирина Сергеевна улыбнулась, чтобы шутка не была обидной, и внимательно посмотрела на Машу. Лицо ее, как обычно, было слегка желтовато — очевидно, у нее давно уже что-то не совсем в порядке с печенью. И вообще ей явно не хватало жизненных сил, цвета в лице, кокетства, наконец. Какая жалость, в сущности, она очень привлекательная девушка, но почему-то всегда одна. Не то что мужа, у нее и любовника, насколько она знала, никогда не было.

И вдруг ее буквально пронзила мысль: о чем я думаю? Ведь в моих силах помочь этой девочке, которую я люблю почти как дочь. Если, конечно... Господи, как я могла забыть о своих новых возможностях? Или вчерашний день чудес кончился с полночным боем курантов? Или кто там в таких случаях должен ставить точку на чудесах? Может, петухи?

— Маш, ты как себя чувствуешь? — спросила она помощницу и внимательно посмотрела на нее.

— Да как обычно, Ирина Сергеевна. Ничего особенного. А почему вы спрашиваете?

На этот раз Ирина Сергеевна не удержалась и мысленно взмолилась: пусть Маша почувствует прилив сил, пусть печень ее заработает, как ей следует работать. Пусть все ее гормоны не спят, а проснутся и неукоснительно выполняют свои положенные функции. Пусть лицо ее наполнится цветом. Пусть в ней брызжут силы, которым и полагается плескаться в молодом женском теле. Пусть она с трудом борется с улыбками, которые не должны покидать ее лицо. Пусть мужики ходят за ней толпой, и пусть она со всеми кокетничает. Она же хорошая девочка. Хорошая и хорошенькая.

Маша вдруг улыбнулась.

— Ты чего?

— Не знаю, просто так. — Улыбка ее стала еще шире и немножко глупее.

Она села на стул и прикрыла глаза.

— Что-нибудь случилось? — спросила Ирина Сергеевна.

— Я... честно, Ириночка Сергеевна, я ей-богу не понимаю, что со мной происходит... Даже голова закружилась.

— А все-таки?

— Только что все было обычным, и вдруг я словно перестала быть собою и стала кем-то еще... Кем точно — не знаю, но знаю, что это не я. То есть я, конечно, помню, кто я, но чувствую я себя какой-то... Какой-то совсем другой. Если бы я пила, я могла бы подумать, что только что основательно приложилась к бутылке.

— В каком смысле? Насколько я вижу, передо мной именно Мария Александровна Федоровская в своей не раз виденной мной кофточке. Так что я и перед судом присяжных готова поклясться, что это именно ты.

Маша вскочила со стула, глубоко вздохнула, широко развела руки.

— Я... я себя такой просто не узнаю... Как будто что-то мне впрыснули, и вдруг захотелось улыбаться и прыгать. Как будто вдруг сил столько стало, что их девать некуда. Купить скакалочку, может быть, и притащить сюда? Что это? Что со мной? Ничего похожего я никогда не чувствовала... Может, я тронулась немножко?

— А ничего особенного, Машуня, с тобой не случилось. Просто весь твой не слишком хорошо отрегулированный природой организм только что побывал в руках хорошего мастера, и ты стала тем, кем, в сущности, и должна была быть. А именно: молодой, красивой, здоровой и полной жизненных сил бабой, какой ты и была сконструирована.

— Ничего не понимаю... Какого мастера? О чем вы?

— И не надо. Понаслаждайся вначале своим телом, привыкни к его новому режиму работы...

— Ирина Сергеевна, — взмолилась Маша, — мозг у меня вообще слабенький, он таких перегрузок действительно может не выдержать.

Все пробки выбьет. Что со мной происходит? Может, это вы что-то со мной творите... но что?

— Успокойся, детка. Ну, я.

— Спасибо, конечно, я знаю, как вы ко мне относитесь. Хотите, я на колени стану?

— Пол грязный, Машуня. И колготки жалко. А теперь сядь, смотри на меня и выслушай самую необычную историю, которую ты когда-либо слышала с момента своего рождения. Конечно, я должна показаться тебе сумасшедшей — я и себе моментами кажусь чокнутой, очень даже чокнутой, но факты... факты буквально насильно втягивают меня обратно в реальность, сколько бы я ни упиралась, втискивают, загоняют — выбери любое подходящее слово. Вот и сейчас с тобой. А ну, улыбнись... Боже, ты же красотка, я испытываю уже не материнское, а почти лесбийское желание тебя поцеловать. Поэтому сиди и слушай. И выключи полностью свой здравый смысл, сегодня он нам не понадобится. Ну его к черту... В лаборатории никого сегодня нет?

— Да нет, Эдик болен, Наталья Дмитриевна отпросилась на три дня, что-то у нее с матерью.

— И отлично. Отлично, конечно, не то, что мать у нее больна, а то, что ее нет. По крайней мере, мешать никто не будет. Можно было бы, конечно, просто запереть дверь, но голоса будут слышны, и люди решат, что мы с тобой пьянствуем. Ты же знаешь, какая у нас доброжелательная публика.

— Никто ничего не решит, потому что институт сегодня словно вымер. Причем отнюдь не от трудового порыва.

Когда Ирина Сергеевна закончила рассказывать, Маша лишь развела руками. На лице ее была смесь удивления и восторга.

— Ирина Сергеевна, я всегда чувствовала, что вы...

— Маш, не болтай. Ничего ты не чувствовала, потому что то, что произошло, произойти не могло и не может. Мы, материалистки, знаем это как таблицу умножения. Даже лучше. Я, например, никогда не бываю твердо уверена, сколько будет семь на восемь. Говорят, пятьдесят шесть, но кто его знает, сколько там на самом деле. Давай лучше о другом. Я ведь рассказывала, что без соблюдения заповедей исцеление быстро теряет силу.

— Я это слышала. Что-что — об этом не беспокойтесь. За одно то, как я себя сейчас чувствую, я готова на все.

— Ну и отлично. Я не знаю ритуала, коим я могу наделить тебя таким же даром. Я же не рыцарь, меча у меня нет. Но в одном я за тебя спокойна. Ты очень хороший человечек, Машуня, и тебе соблю-

дать заповеди, что другому дышать. Теперь давай подумаем, на ком ты сейчас проверишь свою новую магическую силу.

— Тут и думать нечего, на Софье Аркадьевне. Я ее как раз сегодня видела. Но исцелять ее будете вы, это объект не для ученика.

— Ладно, давай вместе. Позовем ее сюда или пойдем к ней?

— Звать ее грех. Потому что каждый шаг дается ей с трудом. Когда я слышу, как хрипит и свистит ее астма, у меня просто сердце сжимается от жалости. Она рядом, во второй лаборатории. Я ее недавно видела. И потом, Ирина Сергеевна, мне кажется, что всю эту фантастическую историю рассказывать никому не надо. Просто вы обнаружили случайно в себе такой редчайший дар целительства, а уж как его объяснять — это дело не ваше.

— А предупреждение о заповедях? Все же знают, по крайней мере у нас в институте, что я человек неверующий.

— Этого ваш дар исцеления требует. И все. В конце концов, вы же ничего ни у кого не требуете. Ни денег, ни вступления в какую-нибудь секту. Наоборот, вы просто предлагаете исцеление. Долг человеколюбия толкает вас.

— Пожалуй, Машуня, ты права. Идем.

Софья Аркадьевна, доктор биологических наук, сидела за своим письменным столом.

— А, митохондрии пожаловали к старухе. Милости просим, детки мои. Как насчет капли коньяка? Знаете, чем я действительно горжусь в жизни? Тем, что никогда не опускалась до пошлого казенного лабораторного спирта. У человека должны быть принципы, хоть какие-нибудь завалящие, но принципы. А лакать лабораторный казенный спирт — это пошло. Да и вообще, на здоровье экономить не полагается. Хотя, судя по мне, этого не скажешь. Если болезни на самом деле от скупости, то я тогда выгляжу настоящей скрягой.

— Поздравляю, дорогая Софья Аркадьевна.

— С чем?

— Как с чем — с высокими принципами. Это такая редкость в наше время. В нашем благословенном отечестве принципы вообще уже записаны в красную книгу, а о высоких принципах и говорить не приходится. Вымерли за ненадобностью.

Софья Аркадьевна, привычным плавным движением, не глядя, извлекла из недр стола наполовину еще полную бутылку армянского коньяка, три рюмки и твердой рукой разлила коньяк по рюмкам.

— Ира, ты у нас многообещающий талант, объясни мне такой парадокс: руки у меня уже изрядно дрожат. Старик Паркинсон нас заметил и, в гроб сходя, благословил. Но стоит мне взять в руку бу-

тылку коньяка или рюмку с оным, и дрожь мгновенно унимается. Как это может быть? Моя гипотеза: предвкушение удовольствия вызывают такую бурю в мозговых нейронах, что сбои в их работе, которые, собственно, и вызывают дрожание, легко подавляются этой бурей.

— Браво, Софья Аркадьевна. Пишите статью в «Нейчур». Если вам трудно, давайте я вам ее перепечатаю, и даже пошлю по Интернету.

— Да ну его, «Нейчур», к черту. Я уже раз пять готовилась поразить научный мир блеском своих гипотез, но пока искала жалкие деньги на какие-то жалкие эксперименты, чтобы проверить их, какая-нибудь дрянь из Гарварда, Йейла, МИТа или откуда-нибудь еще уже успевала опубликовать нечто похожее. Впрочем, истинный гений в аплодисментах не нуждается. Давайте по второй: за напускную скромность, маскирующую подлинную гордыню.

Биологи рассмеялись и выпили.

— Софья Аркадьевна, а как вы себя чувствуете? — спросила Ирина Сергеевна.

— Как тебе сказать, детка. Как истинно русский человек, поделиться своими болячками я готова всегда. Мы же народ добрый и сердечный. Не то что западники, у которых на все случаи жизни заготовлена улыбка-полуфабрикат: все прекрасно. А если коротко — хуже некуда. Роскошный букет из астмы, сердечной недостаточности, двадцати килограммов лишнего веса, варикоз плюс всякая мелочь вроде песка в почках и ослабевшего мочевого пузыря. Если бы при нашей академической поликлинике была кунсткамера, а у нее был бы в достаточном количестве спирт, который бы не вылакивали грузчики еще на дальних подступах к ней, они бы заспиртовали меня как редкий образчик на редкость гармонично больного человека.

Впрочем, детки мои, я свои болячки вполне заслужила честным и искренним надругательством над своим здоровьем — всю жизнь жрала и пила без удержа, как хороший дровосек, но без топора и свежего воздуха. К тому же и в партию не вступала, хотя звали, очень даже приглашали. Знаете, они пьющих в душе очень уважали. Верхним нюхом своих в них чувствовали. Пьющий всяких там протестов подписывать не станет, у него другое на уме.

— А чем бы членство в КПСС помогло вам? — спросила Маша.

— Ты, Маш, выглядишь сегодня роскошно, поэтому тебе позволительно соображать медленно. Красивая женщина вообще не должна думать быстро. А лучше всего вообще не думать. Иначе она станет угловатой и похожей на компьютер Пентиум четыре с Интел инсайд. Мне бы за выпивку на рабочем месте раз-другой выговор влепили — они ведь большие доки были по части соблюдения приличий, знай, где пить, — глядишь, я бы и поостереглась немножко. А так плыла без

руля и без ветрил, целиком отдавшись пагубным наклонностям и, конечно, лени. Русский человек ведь когда может свою древнюю лень преодолеть? Только тогда, когда нужно достать выпивку. Тут уж ничего его не остановит, ни Василиса Прекрасная, ни вороги-бусурмане, ни все время растущая цена за зелье. И бегом побежит, и такси на ходу остановит, и серого волка в случае надобности оседлает.

— Софья Аркадьевна, а вы очень дорожите своим букетом болезней? — спросила Ирина Сергеевна с улыбкой.

— Почему ты решила? Я, как ты знаешь, человек не скупой, и готова поделиться с каждым последней своей болячкой. А что, кому-нибудь нужен песок в почках? И почем он нынче? Может, действительно кто купит...

— Вы с такой гордостью о них говорите...

— Ну, должен же человек хоть чем-нибудь гордиться. Так-то, мои маленькие бедные биологини. Впрочем, еще я горжусь тем, что никто не может дать мне моего истинного биологического возраста. Мне, судя по паспорту и анкете в отделе кадров, шестьдесят пять, а меньше семидесяти пяти мне даже подхалим не даст. — Софья Аркадьевна весело расхохоталась.

— А как вы смотрите, если я ваш букет болезней немножко пощипаю? — спросила Ирина Сергеевна.

— В каком смысле?

— В прямом. Вот, например, вы говорите, что у вас была астма...

— Почему была? Она есть, к сожалению. — Софья Аркадьевна вздохнула, и вдруг брови ее полезли наверх, а глаза ее стали медленно увеличиваться и выкатываться от изумления из орбит. — Матка боска ченстоховска, как говорила моя польская бабушка, что это со мной? Я задышала, как легкоатлет... Что это? Раньше коньяк так на меня не действовал. Да и дозы более чем умеренные. — Она еще раз глубоко вздохнула. — Это что, сон на меня напал?

— Нет, нет. Тут, Софья Аркадьевна, такой, понимаете, пустячок — прорезался во мне некий дар целительства... Раньше ничего похожего за собой не замечала, а тут вдруг бац! — исцеляю.

— Да ладно, Ирка... Врать, говорят, вообще нехорошо, а больным и не совсем трезвым старухам и подавно некрасиво. Признавайся, что ты со мной сделала?

— Просто исцелила. Честно. Или вы воображаете, что народная целительница должна обязательно быть в шали и цветастой юбке? Ну-ка, вдохните еще раз, да поглубже. Вот так. И намеков на астматические хрипы нет. Так? Или поискать стетоскоп, где-то, помнится у нас в лаборатории один валялся.

— Какой стетоскоп, детка? Я дышу как аэродинамическая труба... Ну и ну...

— К тому же, уверяю вас, и почки, и мочевой пузырь у вас уже тоже в норме. Во всяком случае, в возрастной норме. Да и о сердечной недостаточности забудьте. Если не лень, сходите в поликлинику, сделайте кардиограмму и немало удивите ею своих врачей. С весом, конечно, посложней. Снять с вас килограммов двадцать пять с ходу я, конечно, не смогу. Для этого нужно срезать с вас все лишнее. А я как назло сегодня нож забыла наточить. Но гарантирую, что в течение месяца килограммов пятнадцать вы потеряете. Ведь обмен веществ у вас тоже нормализовался.

— Детка, если это не сон, в чем я основательно сомневаюсь, потому что того, что случилось, не может быть никогда, — я твоя рабыня. Тебе рабыня нужна? Буду бегать каждый день за коньяком и мыть рюмки.

— Увы, Софья Аркадьевна, рабство отменено. Официально, во всяком случае. Так что от вас требуется только одно — соблюдайте по возможности библейские заповеди. Вы их помните?

— Читаю библию каждый вечер. Честно. Поразительное чтение. Особенно Екклезиаст, который приписывается царю Соломону. Мудрейший был мужчина. «Суета сует... все суета». Понимаешь, что не мы первые иногда испытываем чувство бессмысленности своих усилий. Да что усилий — жизни. «Время рождаться и время умирать. Время насаждать и время вырывать посаженное. Время убивать и время исцелять»...

— Время исцелять — царь Соломон знал, что говорил. Время исцелять... Давайте еще раз про заповеди. У нас тут сегодня прямо вечер юмора и сатиры, а я хочу, чтобы вы отнеслись к условию не нарушать их совершенно серьезно. Любое нарушение — и эффект исцеления мгновенно исчезает.

— Ну, насчет нарушений, благодетельницы, не волнуйтесь. Даже захоти я их нарушить — и то не смогла бы. И по моральным убеждениям, и просто из-за ограниченных возможностей. Грешить-то тоже силы нужны.

— Не забывайте, Софья Аркадьевна, силы у вас теперь будут прибавляться. Так что смотрите, а то прихлопните кого-нибудь из баловства, да и прелюбодейства тоже опасайтесь. Вам теперь все под силу.

— Ладно, так и быть, мужиков хватать не буду, топор в лабораторию брать — ни-ни. Ну, а за такие чудеса, может быть, глотнуть еще по чуточке? Ведь не каждый же день удается опровергать основы медицины, здравого смысла и научного материализма. Как вы, благодетельницы?

— Ну, разве по маленькому глоточку. Ну, за то, чтобы ваш медицинский букетик засох. За исцеление...

Софья Аркадьевна менялась на глазах: из грузной как-то осевшей старухи все отчетливее проглядывала просто немолодая женщина с острыми и насмешливыми глазами.

— Ирка, а теперь скажи, что это за фокус ты придумала, или ты действительно хочешь уверить меня, что мгновенно вылечила старуху от астмы?

— Действительно, дорогая Софья Аркадьевна.

— Что действительно, вылечила или хочешь уверить, что вылечила?

— Дышите глубже, Софья Аркадьевна. И каждый ваш вздох без хрипов — это и есть ответ. И утрите слезки, милый друг, у вас сегодня такой день, что смеяться надо, а не плакать. И нас с Машей это касается не меньше вас...

Через несколько дней в столовой к Ирине Сергеевне и Маше подсел аспирант Софьи Аркадьевны, Миша, похожий скорее не на аспиранта, а на тяжелоатлета.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна. С Машей я уже трижды здоровался сегодня.

— Здравствуй, Миша. А почему трижды?

— Она только сухо кивает, а мне...

— А что я должна делать? — засмеялась Маша. — Броситься тебе на шею?

— А почему бы и нет? Не вижу ровным счетом ничего смешного. Смотри, какая шея! Она самой природой создана, чтобы на нее кидались красивые девушки. — Он медленно повернул голову из стороны в сторону, демонстрируя, как вздуваются мускулы на шее.

— Честно говоря, шея действительно недурна, Мишенька. Но что мне делать? Заставлять Машу кидаться тебе в объятия, что ли?

— Именно. Если человек по недомыслию не понимает, что делать, старшие должны подсказать, помочь, наконец. Смеюсь.

— А мы-то думали, что ты с серьезными намерениями.

— Я-то с серьезными, только Маша на меня смотреть не хочет, особенно теперь, когда она — все только об этом и говорят — стала целительницей и к ней в очередь записываются. Не поверить нельзя — стоит только посмотреть на Софью Аркадьевну. Вчера она просила меня — вы даже не поверите — найти ей какое-нибудь руководство по аэробике.

— Может, и тебя исцелять нужно?

— Не-е. Я урод. Физический. В военкомате, когда меня призывали, куча теток собралось, стетоскопы побросали и все меня, голенького как пупса, рассматривали, щупали, я даже возбуждаться начал, ка-

чали головами и все цокали языками. У меня было впечатление, что меня не в ВДВ забривают, а на развод берут...

— Ладно хвастаться, Шварценеггер, — засмеялась Маша.

— Нет, я не Щварценеггер, я другой. Мускулы, может, чуть и поменьше в объеме, но в отличие от него я слышал, кто такой Кьеркегор. Философ. Правда, не читал. Или Зигмунд Фрейд. Если честно, тоже не читал.

— А ты вообще-то что-нибудь читал? — строго спросила Маша.

— Читал. Эту... Как ее... Каменскую.

— Каменская — это героиня. Ты имеешь в виду Маринину.

— Вот-вот. Маринина.

— Мишенька, вы чем собираетесь Машу завоевывать, начитанностью или шутками?

— Шутками, иф ю плиз. Народ-то что смотрит по тэвэ? Литературные обзоры или «Аншлаг»?

— Увы, «Аншлаг». Это верно. А знаете, Миша, может, вы тоже хотите исцелять? Святее, наверное, нет ничего на свете. — Маша посмотрела на аспиранта серьезно и внимательно.

— У меня дара нет.

— У тебя будет дар. Дар и ответственность.

Миша сбросил маску дурашливости и молча покачал головой.

— Я не знаю. Говорят, вы требуете от исцеленных, чтобы они соблюдали библейские заповеди. Это правда?

— Истинная. Вот тебе листок с ними. Я напечатала их на ксероксе штук сто. Смотри. Если они тебе неприемлемы, что ж, это дело сугубо личное. Возьмешь?

— А почему бы нет? Давай. Спасибо.

— Это несколько строк. Можешь посмотреть их тут же.

— Нет, я не хочу торопиться. Я проштудирую их дома.

Назавтра Миша пришел в лабораторию митохондрий. Вид у него был немножко смущенный.

— Маш, — сказал он. — Я прочел все заповеди. Они вовсе не такие уж страшные. Разве что заповедь о прелюбодеянии. Скажи, а если парень и девушка, оба свободные, любят друг друга, но не женаты, это прелюбодеяние?

— Если честно, Миша, я и сама не знаю Посоветуюсь с Ириной Сергеевной, когда ее увижу. Она все знает.

— И вот еще что меня смущает. Когда у людей не берут деньги за оказанные услуги, будь это уборка квартиры или лечение, они сразу же становятся подозрительными. Во всяком случае, наши люди. Как так задаром? У нас детей прямо с детского сада учат, а может, и с

яслей, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Сый в мышеловке. А тут черт знает от чего излечивают, причем быстро и без таблеток — и главное — задаром. Что-то тут не так. У нас народ подозрительный. И больше всего опасается добра. По себе знают, чего опасаться следует. А уж на халяву... Может, вербуют куда. Или лечат для того, чтобы у здорового потом орган какой-нибудь изъять. Очень даже похоже, все это жидомсоны проклятые придумывают! Что б потом за границу загнать. Там, говорят, на русские внутренние органы целая очередь. Нефть, говорят, не то кончается, не то загнали наши начальнички всю Сибирь за хорошие бабки, вот они теперь и прикидывают, что еще сбагрить можно. Нет уж, сами с усами. Лечите себя сами, распродавайте свои номенклатурные органы оптом и в розницу, а нас, народ, не замай!

И еще, Машенька, вы представляете, что будет потом с вашими исцеленными?

— А что?

— А то, что три четверти никаких заповедей соблюдать не будут. А если и захотят, не смогут. Ну, может, и не убьют, даже, допускаю, и не украдут, хотя хотеться будет, особенно когда красть нечего и не у кого, а вот насчет того, — Миша взглянул на листок с заповедями в руке, — чтобы не домогаться дома ближнего своего — это уже сверх наших российских сил. Хоть мысленно, но домогаемся! На том только и держимся. Целую революцию ради этого учинили. Чтоб не просто домогаться, а отнять. Только ни черта не домоглись, скорее наоборот. Ничего не поделаешь — наш российский менталитет.

— Вообще-то, Миша, возражать вам трудно, но не пытаться помогать людям, если ты в силах это сделать, — грех. Тяжкий грех.

— Да не спорю я, милая Машенька, потому что ответа не знаю. У нас, правда, именно тогда и принято спорить, когда обе стороны не знают, что нужно делать.

— Я поговорю с Ириной Сергеевной. Она мудрая и знает больше нас с вами.

— Я пока что никого исцелять не буду. Подумать надо, а то мы всегда готовы броситься нырять, не измерив глубины. Вот и разбиваем себе головы... Маш, я последний раз ходил в кино, кажется, лет десять назад. А может, и раньше, еще при советской власти, точно не помню. Может, сходим на какой-нибудь суперпупер боевик?

— С удовольствием, — неожиданно для себя согласилась Маша.

Глава 6. Студия

В мастерской было тихо и уютно, приятно пахло припоем и горячим паяльником. Конечно, думал Олег, надо было бы заняться программкой, заказ на которую вчера еще принес Сергей. Ничего, вроде, особенно сложного, что-то там для пищевой промышленности, но уж очень хотелось ему побыстрее собрать компьютер, который он давно обещал Тамарке. Получается вполне пристойная машинка, Пентиум-4, приличная тактовая частота, нормальная память. Все это, строго говоря, ей и не очень-то нужно, для нее это обычная игрушка. Поиграть в игры, побродить по Интернету. Может, ей бы вообще лучше плейстейшн какой-нибудь раздобыть.

И все равно хочется сделать ей получше цацку. Стоило ему подумать о ней, на душе у него сразу стало как-то тепло и покойно. И как она с ним последние полгода нянчилась, одному Богу известно. И что было бы с ним, дебилом... Ну, положим, что было бы с ним — это и ежу понятно. Или попался бы на хранении наркотиков и загремел в зону со всеми ее прелестями, от параши до опускания. Или отбросил бы копыта от передозировки.

Он отложил паяльник и плату, встал из-за стола и потянулся. Удивительное все-таки ощущение, когда тело тебя слушается, мышцы послушно перекатываются и напрягаются, и сама мысль о дозе кажется дикой. Неужели это был он? Неужели это он на полном ходу мчался к концу? И даже не старался притормозить. Сколько дней он уже чист, как дитя? Недели две, не меньше. И Сергея он с иглы снял, и Саньку. Когда он их вчера видел, даже не узнал сразу — лица порозовели, глаза словно промыли чем-то. И руки не дрожат. Все пытались свою благодарность выразить. Только что на колени не бухались. А ему и не нужна была чья-нибудь благодарность. За то чувство, что он испытывал, когда фактически спас двух своих друзей, он сам должен быть благодарен. Не случайно там в заповедях, что Ирина Сергеевна ему дала, сказано «люби ближнего своего, как самого себя». Получается, что одно с другим намертво спаяно — люби ближнего как самого себя. Теперь Ирина Сергеевна для него как святая. Как это все произошло, как это получается, это, конечно, понять трудно, вернее, просто невозможно, но факт есть факт. Две недели без дозы и даже без намеков на ломку, тело словно налилось какой-то забытой силой, хотелось постоянно мурлыкать что-нибудь или стать на голову. А что, неплохая идея, подумал он, жалко комнатка маленькая и вся в проводах... А стоит подумать о Тамарке, тут на него прямо цунами какое-то теплое обрушивается. Поднимает. Господи, спасибо тебе, Господи за возвращение в светлый мир. Спасибо тебе, Томчик. Не появись тогда Ирина Сергеевна, скорей всего за эти последние две неде-

ли он бы почти наверняка отбросил копыта. Давно уже чувствовал, что несся к какой-то роковой черте. Стремглав. Скатывался к ней все быстрее и быстрее и, похоже, даже не пытался затормозить перед последним обрывом. Скорее даже наоборот.

Скрипнула дверь маленькой студии, в которой работал Олег, и он обернулся. Внутри у него сразу образовалась какая-то холодная сосущая пустота. Вот уж кого он меньше всего хотел бы видеть. Вованчик со своим постоянным телохранителем Димкой. Люди, которые снабжали его наркотой. Они молча разглядывали Олега, словно видели его в первый раз.

— Как огурчик, — сказал Димка. — Зря мы за него волновались.

— И то, — подтвердил Вованчик. — Парень уже две недели с лишним без дозы, нас не беспокоит, наркоты не берет ни за наличные, ни в кредит, так сказать. Думали, он уже от передозировки там, где больше ничего не надо, а он как огурчик. А может, он к нашим конкурентам подался? Нет, не похоже, действительно как огурчик.

— Не-е. Я подумал, огурчики зеленые, а он розовый. Может, макияж наложил...

— Да что вы, ребята, просто пробую завязать, сами, небось, тоже пытались...

— Пытались. Мы много чего пытались. Но что-то у тебя как-то ловко получается. И главное — и других с иглы снимаешь. Причем за так. Благородно. Прямо мать Тереза, слышал, была такая святая. Ничего не скажешь, действительно, мать Тереза. Может, мы адресом ошиблись? Да нет вроде. — Вован вздохнул и покачал головой. — Но ведь, Олежка, тут и другая сторона есть.

— Не пойму, ребята, вы о чем?

— Все ты прекрасно понимаешь, не прикидывайся дурнее, чем ты на самом деле. Ты, значит, сам соскочил каким-то чудом и других с иглы снимаешь, а нам, стало быть, пора прикрывать бизнес. Так выходит? Теряем лучших клиентов. Конечно, потерять одного-двух придурков — дело небольшое. Клиентуры, слава Богу, хватает. Хотя все равно жалко. Надежный испытанный клиент, говорят, — основа бизнеса. Но самое страшное — слухи. Мол, торгует Вованчик такой разбавленной дрянью, что людям и записываться в клинику реабилитации не нужно. И дошли слухи уже до дяди Умара, а дядя Умар шуток не понимает. Чеченец, одно слово. У них с чувством юмора проблема. Очень все серьезно понимают. Вчера потребовал, чтобы я с этой ситуацией разобрался, и бизнес ему не портил. Андерстенд? Так что же нам ответить ему? Да, мол, видели мы этого человечка, что людей с иглы снимает, бизнес нам и ему портит. Хороший человечек, добрый. Можно сказать, брат Тереза. Все так, передает он большой вам человеческий привет, дорогой дядя Умар, и шлет свое благословение.

В первый раз за время разговора Олег почувствовал страх. Можно было, конечно, неожиданно броситься на Вованчика, свалить его прямым в челюсть, но Димка стоял в нескольких шагах от своего босса и уж слишком внимательно следил за Олегом. Господи, всего две недели покоя, и опять эта наркота хватает его за горло. От этих отморозков всего ждать можно...

— Ребята, если вы так на это смотрите...

— Смотрим, Олежек, смотрим.

— Я... Я ж вас подводить и в голове не держал. — Олег чувствовал, как жалко и неубедительно звучали его слова, но хотелось хоть минутку выиграть, может, зайдет кто-нибудь. «Не зайдет, уже поздно», — подумал он обреченно. Только не поддавайся страху, взмолился он самому себе, не рискнут они его прикончить. Хотя, если подумать, почему?

— Мы чего от тебя, бойскаут, хотим? Не только чтобы ты снова вошел в число наших лучших и уважаемых клиентов. Главное, что интересует нас и — заметь — дядю Умара, это узнать, как ты сам так быстро с иглы соскочил и как других снимаешь. Что-то во всем этом есть странное. Тут всякие клиники реабилитации своей рекламой тэвэ завалили, и все равно все знают, что это в основном фуфло. Согласен, Димочка?

— Угу, — промычал Дима, не сводя с Олега глаз.

— Это у меня такой дар прорезался, целительство, так сказать.

— Экий народный целитель ты, Олежка. Во-первых, не гони фуфло, в него даже недоумок последний не поверит, а во-вторых, целители за так не работают, мать ты наша Тереза. Ты хоть знаешь, что она делала?

— Смутно.

— Это святая такая была, нищих лечила и помогала им не то в Индии, не то где-то еще. Вот ее и причислили к лику. Тоже хочешь? А то мы быстро тебя причислим.

— Ребята, ей-богу...

— Ты Бога не трожь. Богу — богово, а Умару — Умарово. Слушай внимательно, кандидат во святые. Сейчас ты аккуратненько встанешь, я говорю «аккуратненько», чтобы ты не дергался. А то Димка человек нервный, неуравновешенный и тут же тебя продырявит. Димочка, покажи тете Терезе твою новую игрушку.

Дима вытащил из-за пояса пистолет с длиннющим стволом. «С глушителем, наверное», — тоскливо подумал Олег.

— Я пойду впереди, за мной ты, а за тобой Димка с пушкой. Как говорили наши славные отцы и деды, шаг вправо, шаг влево... ну, ты понимаешь. Тихонько, как воспитанные мальчики, мы спустимся по лестнице и сядем в мою машину. Я — за руль, а ты назад рядом с Димой.

Они спустились по грязной лестнице и сели в «мерседес» Вованчика.

— Ребята, а куда мы едем-то?

Вованчик рассмеялся.

— Ну и любопытен ты, Олежек, ну прямо ребеночек. Ты еще спроси, где я деньги свои держу и когда их можно забрать, чтобы другие не видели.

И себя было жалко Олегу, и больше всего Тамару. Господи, сколько она с ним намаялась, а теперь... Строго говоря, положение у него было даже не патовое, а скорее матовое. Если и можно было бы убедить этих отморозков в том, что он не врет и действительно может помогать людям, то он становится для них втройне опасным человеком, разрушителем их бизнеса. Вряд ли они его живым выпустят. Господи, что же делать... Он почувствовал, как горячая волна ненависти прокатилась через него. Люби ближнего своего. Их не только любить нельзя было, он бы с радостью уничтожил их, на части разорвал, отморозков этих... Так не хотелось умирать где-нибудь за городом с дырками в боку и в голове, как брошенная собака. Бедная, бедная Томка. Ей-то за что? Может, все-таки попытаться сейчас, пока они в городе? Локтем Димке в морду, а Вованчик руля не бросит...

Димка, словно читая его мысли, уперся ему в бок пистолетом.

— Давай, мужик, попробуй, я с глушителем в машине еще ни разу не работал. Любопытно попробовать.

«Вот, похоже, и все», — подумал Олег. Острый страх смерти постепенно сменялся свинцовой обреченностью. Обреченность была настолько тяжела, что она выжимала все другие чувства.

Через час или около того они въехали на какой-то дачный участок. Похоже, где-то по Ленинградскому шоссе, потому что он заметил, как они выезжали из города, и в первый раз уже какой-то совсем животный ужас по-настоящему сжал ему сердце. Если им было безразлично, видел ли он, куда они едут, значит, они знают, что отсюда ему уже никогда не выйти. Вынесут ночью и закопают. Он почему-то вспомнил парня, которого знал, как его... кажется, Юрой звали. Исчез, словно испарился, и Вован говорил, что он в Америку уехал. А по весне, когда снег сошел, труп его нашли. Вот тебе и Америка.

Когда они зашли в дом, Вованчик ухмыльнулся:

— Ты прости, что угощения не предлагаю. Во-первых, я здесь уже давно не был, и холодильник пустой, а во-вторых, ты, боюсь, и проголодаться-то как следует не успеешь. Но ты не думай, что я уж совсем сволочь какая-нибудь зажимистая. Димка, осторожнее, не спускай с него глаз, пока я шприц заряжу. Пускай человек покайфует немножко по дороге. — Вован рассмеялся и пропел: — Дорога дальняя, дальняя...

Он принес откуда-то шприц и улыбнулся:

— Да ты не трясись так. Как будто в первый раз. Тебе куда лучше, в руку? Ладно, давай в руку. Готов? О'кей. В последний раз спрашиваю тебя: как ты так ловко соскочил? И других снимаешь? Может, какое-то чудо-лекарство появилось только что? А? И мы, и дядя Умар очень бы им заинтересовались.

— Да нет, — тоскливо сказал Олег. — Я ж тебе говорил, дар у меня такой прорезался целительства.

— Ну да, дар. Ладно, побудь немножко под кайфом, потом мы еще разок побеседуем. Все-таки что-то подсказывает мне, что должно быть какое-то лекарство, которое так действует. Выложишь все как на духу, может, Умар и разрешит тебе подышать еще.

Вованчик воткнул шприц в руку Олега и нажал на плунжер. Сейчас все начнет мутиться в голове, кайф уж потом приходит, тоскливо подумал Олег. Хорош кайф, когда его на тот свет сплавляют...

Вованчик вытащил из кармана мобильный.

— Дядя Умар? Это Вован. Все в порядке, он у нас. Ну да, на даче. Гонит какое-то фуфло, будто прорезался в нем дар целительства. Вот пытаюсь узнать, может, какую-то химию приспособили под купирование зависимости. Пока что я ему изрядную дозу вкатал, если не отдаст концы от передозировки, думаю, все расскажет. Спасибо, дядя Умар, до свидания. Еду за вами. — Он повернулся к Димке. — Хоть я его и накачал как надо, смотри за ним внимательно, понял?

— Да он же уже еле дышит. Ты ему целый шприц...

— Дышит, не дышит — не твоего ума дело. Следи и все. Я смотаюсь в город, буду часа через два-три. Давай.

К своему величайшему удивлению, Олег не чувствовал никакого действия героина, хотя знал, что давно уже должен был поплыть. Сколько раз с ним это случалось. Все симптомы знал назубок. Господи, неужели дар Ирины Сергеевны продолжал охранять его и нейтрализовал действие наркотика... Неужели это возможно? Скорей всего, нет. Но уж очень не хотелось умирать, оцепенение прошло, мозг по какой-то странной причине работал четко, и видно было далеко вокруг, не как при дозе, когда мир сворачивался вокруг него странными калейдоскопными узорами.

Он почувствовал, что впереди, в страшной последней темноте вдруг мелькнул просвет, что-то, за что можно ухватиться. Пусть только пока еще не осознанный как следует просвет. Но это был все-таки просвет. «Спокойнее, — приказал он себе. — Думай. Раз Господь хранит тебя, значит, не все еще потеряно».

Главное, заставить думать Димку, что он в полной отключке. Они и не связали его потому, что были уверены в действии дозы. Или тем более двух, сколько там Вован всадил ему в руку. Он тихонько застонал, потом захрипел чуть погромче. Сквозь почти сжатые ресницы он увидел, что Димка удобно устроился в кресле и даже прикрыл глаза. А чего не прикрыть, когда от такой дозы лошадь свалится, не то что человек. Теперь, когда Олег уже ясно почувствовал, что он не один, что дар и впрямь с ним и нейтрализовал наркотик, когда появился шанс на спасение, он почувствовал такой невероятный прилив сил, что с трудом удержался от того, чтобы тут же не вскочить на ноги и не броситься на Димку. Еще рано. Пусть успокоится и расслабится как следует. Он еще раз тихонько застонал, слегка подергал рукой. Теперь главное — не торопиться.

Он услышал какой-то звук. Неужели... Точно, Димка заснул в кресле, слегка посапывая, как ребенок. Может, сейчас? Несколько секунд Олег собирал все силы, словно заводил в себе тугую пружину, потом мгновенно вскочил, прыгнул к креслу, выхватил у Димки пистолет и ударил его им по голове. Никогда в жизни не слышал он звука более сладостного, чем глухой удар металла по голове. Димка начал сползать с кресла, и Олег с наслаждением со всей силы ударил его ногой в пах. Словно пенальти бил. Димка застонал и дернулся.

Теперь только не терять времени. Как еще удастся выбраться из этой дыры поздно вечером. Минут пятнадцать, как минимум, а то и побольше Димка в себя не придет. Врезал он ему основательно. Любовно, можно сказать, если считать, что и эту погань нужно любить, как самого себя. Пистолет обязательно забрать, не забыть тщательно протереть и выкинуть по дороге. И обязательно взять его мобильник. Без оружия Димка и не рискнет высунуть нос, даже если бы и захотел.

Олег глубоко вздохнул и вышел на крыльцо. Прямо за забором из штакетника стояла машина. «Вольво», кажется. Неужели Вован? Да нет, у Вована же «мерседес», да и прошло всего часа полтора, как он уехал.

Он сделал несколько шагов к воротам, и из «вольво» вышел здоровенный парень в камуфляже. Омоновец, судя по выправке. Неужели это милиция? Или они заодно с Вованом? Все равно деваться было некуда, хуже того, что уже случилось, и не придумаешь, и он шагнул навстречу омоновцу. Уже начало темнеть, но Олег увидел, что омоновец усмехнулся и тоже шагнул ему навстречу.

— Олег, если не ошибаюсь? — спросил он.

— Олег, — растерянно согласился Олег, — а как вы...

— Потом объясню, — добродушно сказал омоновец. — Дай-ка пистолет, а то держишь ты его так, словно собрался меня пришить. —

Он взял у Олега пистолет, тщательно протер его и, взяв через носовой платок, понес обратно в дом. — Сейчас мы его вложим в руку твоего друга, пусть на всякий случай его пальчики отпечатаются на ручке. Вот так. Теперь давай решать, что с твоим милым другом делать...

— А как вы...

— Как, как, как — экий ты любопытный человек. Сказал, потом все объясню. Сейчас я отгоню машину за угол, чтобы твой Вованчик ее не заметил, когда будет возвращаться. Постой здесь секундочку. Надеюсь, твой сторож еще отдохнет малость в отключке.

— Я ему и ручкой пистолета по голове врезал, а потом еще и ногой в пах. Пистолет и так увесистый ...

— Макаров.

— А я его еще за глушитель держал, так что удар получился, что надо.

— Молодец.

Что за чудеса, пронеслось в голове Олега, может, ему это все кажется? Может, это именно он все-таки в отключке? Да нет, не похоже. С другой стороны, странный какой-то омоновец. Откуда-то имя знал. Откуда? Чушь какая-то. Машина завернула за угол, так, что теперь от дачи ее совсем не было видно, и омоновец снова подошел к Олегу.

Они снова вошли в дом. Димка по-прежнему постанывал, глаза его были закрыты.

— Как ты его ловко отделал...

На лбу Димки виднелось что-то темное.

— Неужели это кровь? — пробормотал Олег, и омоновец рассмеялся.

— Когда человека треснут по голове пистолетом, да еще изо всей силы, что, ты думаешь, у него на лице появится? Коньяк? — омоновец засмеялся и наклонился над Димкой. — Дышит. Не очень, но дышит. Молодец.

— Кто молодец? — спросил Олег и подумал, что все время говорит какую-то чушь. Кто молодец, Господи...

— Молодцы вы оба. И ты его уделал как надо, и он все-таки дышит. Вована твоего, когда он вернется, мы встретим еще во дворе. Это не проблема. А этого надо устроить как следует. — Омоновец достал из кармана наручники и ловко защелкнул их на запястьях Димки. Потом легко поднял Димку и уложил его на пол около батареи отопления. — Нет, пожалуй, лучше так. — Он снял наручники, продел их за трубу батареи, снова защелкнул на Димке и бросил пистолет рядом с ним. — Ну вот, теперь человек может спокойно отдыхать.

— А вы... спасибо вам огромное. Я даже не знаю, как вас звать...

— Ну, давай считать, что фамилия моя Гавриков, а имя... Сергей, например. А благодарить меня не за что. Во-первых, ты и без меня отлично управился, а во-вторых, ты же сам вызвал меня.

— Я? Вас? — изумился Олег.

— Ну, не меня лично, но к Господу ты обращался за помощью, когда эти хмыри грозили тебе. Так?

— Так, — промямлил Олег. — И что же, выходит, Господь послал мне на помощь омоновца? Это что, Сергей, шутка такая? Вы надо мной смеетесь?

— И не думаю. Ты сам подумай, исцелила тебя Ирина Сергеевна и наградила необычным даром исцелять других?

— Да, — сказал Олег и вдруг понял, что и его невосприимчивость к уколу и этот парень наверняка как-то связаны с Ириной Сергеевной. Его словно поднял над грязным полом комнаты какой-то светлый восторг.

— Сергей, я даже не знаю...

— Все ты, Олег, уже понял, только не научился еще принимать чудо как нечто вполне естественное. По крайней мере, для того, кто верит во Всевышнего.

— А я... а как же заповеди... я их столько раз повторял про себя. Только я не пойму: сказано «люби ближнего своего как самого себя». А я Димку... Ближний он или не ближний?

— Нет, не ближний. Он враг, а в Писании сказано, что если враг пришел, чтобы убить тебя, убей его. Понял, Олег?

— Понял. Я и сам так думал.

Раздалось тренканье мобильного, который Олег вытащил у Димки и засунул себе в карман.

— Это Димкин. Наверное, Вован звонит.

— Ответь. Голос только измени.

— Да, — сказал Олег, прижимая телефон к уху и прикрывая его ладонью, чтобы слышимость была похуже.

— Что-то слышно неважно, — раздался голос Вована. — Как он там?

— В отключке.

— Ладно, я еду с Умаром. Через пятнадцать минут будем. Давай.

— Едет, — сказал Олег. — Со своим боссом. Умаром.

— Я слышал.

— Вы учтите, Сергей, у них наверняка у обоих оружие.

— Ладно, что-нибудь придумаем. И не забудь, сотри следы своих пальчиков с мобильного — зачем сбивать с толку милицию — и засунь его Димке в карман. А насчет твоего Вована и — как его, второго?

— Дядя Умар...

— Не беспокойся. Разберемся как-нибудь.

— Вы учтите, Сергей, у них оружие, и если стрельба начнется, соседи могут в милицию позвонить, глядите, вон справа в доме свет уже в окнах. Значит, люди там.

— Я когда в Чечне в командировке был с московским омоном, сержант мой, веселый был такой парень, все приговаривал: не боись. Не не бойся, а не боись.

— Так вы... значит, вы — настоящий омоновец?

— Я много чего, и все настоящее, — засмеялся омоновец. — Давай-ка за кусты, мне кажется, я слышу их машину.

Они спрятались за кустами, и через несколько минут Олег тоже услышал шум приближавшейся машины. Сергей прошептал:

— Ничего не делай и ничего не бойся.

Свет фар высветил деревья, и «мерседес» въехал во двор.

— Молодец, Димка, — сказал Вован высокому черноволосому человеку в светлом костюме, — караулит, как немецкая овчарка. Даже свет не зажег.

Он открыл дверь в дом, зажег свет и тут же выскочил обратно во двор. — Он... он... — голос его дрожал.

— Что он? — спросил человек в светлом костюме.

— Сбежал, дядя Умар, — растерянно сказал Вован, и в голосе его чувствовался испуг.

— А Димка твой, немецкая твоя овчарка? — насмешливо спросил Умар? — Спит?

— Без сознания. Прикован к батарее.

— Ну, молодцы, джигиты вы мои, ну молодцы. Что ни поручи — всегда вы в дерьме ухитритесь оказаться. Откуда вы только его в таких количествах берете? Одалживаете у кого, может быть? Что делать будешь, Вованчик ты мой ненаглядный? — в голосе Умара послышалась угроза.

— Да найду я его, не волнуйтесь, дядя Умар, никуда он не денется. Ей-богу, найду. Я ж и адрес его знаю, и где девчонка его живет.

— Ладно, поверю тебе еще раз. Поехали к этой девке. Поговорим пока с ней. Ничего она?

— Не знаю, я ее не видел.

— Ладно, посмотрим. Об Олеге твоем пока можно не думать. Где-нибудь прячется. Появится раньше или поздно. В милицию не пойдет — не с чем, да и не тот он тип, чтоб его менты слушали, вся шкура истыкана.

Внезапно омоновец вышел из-за кустов. Вован и Умар уставились на него.

— Зачем же искать кого-то и к Олеговой девушке ехать? — спокойно спросил Сергей. — Олег здесь. Выйди, покажись друзьям. Не

боись, парень, они хорошие, они нам только добра желают. Так, Умарчик?

— Ты кто? — хрипло спросил Умар, засовывая руку в карман пиджака.

— Не нужно, милый человек, не доставай свою пушку, и ты, Вован тоже воздержись. Может, лучше добром договориться? Все равно в карманы вы не залезете, они же зашиты. Что, не верите? Проверьте, голубки.

Умар коснулся кармана пиджака, и на лице его отразился испуг пополам с изумлением.

— Что... — он попытался продолжить фразу, но замолчал.

— Больше ни слова, не надо, голубушки, ваши рты тоже уже зашиты. Ну, конечно, что-нибудь съесть вы сможете, но внятно выразить свои высокие чувства и не думайте, и не пробуйте. На недельку или на две, а то и побольше. И «мерседес» ваш не откроется, и мотор его не заведется. И мозги ваши откажутся работать, и опуститесь вы на четвереньки и пребудете на них столько же, сколько времени вы творили зло. Так что, боюсь, подыметесь вы не скоро.

Открыв рот, Олег смотрел, как Умар и Вован неловко опускались на четвереньки. Прямо на его глазах взоры их мутнели, головы опускались.

— Вот так-то лучше, дорогие мои овчарки. Поехали, Олег.

— Господи...

— Не произноси его имя попусту, они его недостойны. А за них не беспокойся, у них помутнение мозгов пройдет не скоро. Они свое вполне заслужили.

Когда они садились в «вольво», Олег благоговейно спросил:

— Так вы... вы не обычный человек?

— Это, Олег, верно, хотя, честно говоря, иногда мне бывает от этого немножко грустно. Тебе этого не понять. Ладно, поехали в Москву.

— Это здесь, — сказал лейтенант милиции Чащин своему напарнику. — Соседи мне подробно объяснили. Только что-то я понять не мог, какую-то чушь они несли, будто какие-то собаки там во дворе подвывают, а там не собаки, а люди...

— Так собаки-то при чем? — спросил сержант Синцов.

— Думаешь, я сам что-нибудь понимаю? Возьми фонарь, темно уже.

Они вошли во двор и сразу же увидели двух мужчин на четвереньках, которые уставились на них.

— Ну и ну, — пробормотал Синцов. — Это ж надо так надраться... Все, думал, видел, но чтоб так...

Лейтенант нагнулся над человеком в светлом костюме:

— Кто вы и что вы здесь делаете?

Человек испуганно и тихо промычал нечто невразумительное.

— Странно, сержант...

— Что именно?

— Запаха спиртного не чувствуется. Ни черта не понимаю...

— Товарищ лейтенант, может, они под сильным кайфом? Разрешите, я карманчики их осмотрю.

— Давай.

Синцов попытался залезть в карман высокому, подергал его.

— Все страннее и страннее, как говорится. Вы не поверите, товарищ лейтенант, карманы-то зашиты. Зато в кармане пистолет ясно прощупывается... Может, они из дурдома сбежали?

— Прямо из дурдома, Шерлок ты наш Холмс. Там, говорят, всем выдают костюмчики минимум по полтысячи баксов с зашитыми карманами, в которых лежат пистолеты и которые нельзя достать. В такой ситуации, глядишь, — и сам там окажешься. Постой тут, я посмотрю, нет ли кого в доме.

Через несколько секунд в окнах вспыхнул свет, и лейтенант выглянул в дверь.

— Ну, сержант, таких чудес мы еще не видали. Там парень какой-то в наручниках, прикован к батарее, похоже, что в отключке, но жив, воняет от него, словно под себя ходил. Похоже, надо звонить дежурному, пусть пришлет наш уазик и кого-нибудь еще на помощь. Загрузим всех троих и повезем в отделение. Думаю, не нашего ума это дело.

Глава 7. Институт

Ольга Никанорова Стрельцова, старший лаборант лаборатории энзимов, уже третий день кипела от негодования. Более чем справедливого, она была уверена. Когда она услышала от этой пьянчужки Софьи Аркадьевны, как ей помогла завлаб Кипнис, она решила, что грех и ей не попробовать. Очень мучил ее хронический гастрит, изжоги плюс дуоденит. Прямо-таки полный пищеварительный набор. На одни лекарства такая куча деньжищ уходила, не напасешься.

Мадам Кипнис, как про себя называла Ирину Сергеевну Ольга Никаноровна, упрашивать себя не дала и тут же согласилась, предупредив, что без соблюдения библейских заповедей исцеление невозможно.

Ольга Никаноровна даже обиделась, хотя, конечно, вслух этого не высказала. Довольно смешно, чтобы не сказать большего, когда

некрещеная, да к тому же с фамилией Кипнис, говорит ей, верующему человеку с крестом на шее, о заповедях. Ей, Ольге Никаноровне, говорить о заповедях! Это ж надо такой наглости набраться, а еще доктор наук. Сразу видно, какой она доктор и каких наук. Может, в своих митохондриях она и разбирается, но уж не в людях. И подавно не в заповедях.

Знахари и то лучше лечат. Травы там какие-то дадут, заговор скажут, а мадам до таких пустяков не опускается. И слова не сказала, только посмотрела на нее, мол, если будете соблюдать заповеди, все будет нормально. Хотите, говорит, я вам листок с ними дам, я их почти сотню напечатала. Это ей-то! Листок, видите ли, она напечатала! Спасибо, мадам Кипнис, что снизошли к простому человеку. Глаза открыла на божьи заповеди. Вот стерва самоуверенная, ничего не скажешь.

От злости по пищеводу ее поднялась волна жгучей изжоги. «Рени» принять, что ли, так не пройдет. Не только не помогла ей, самозванка некрещеная, пожалуй, еще хуже стало.

Целительница, такая же она целительница, эта мадам Кипнис, как она сама — укротительница тигров. Но так этого оставить нельзя, не по-божески это — дать ей спокойно калечить людей. В суд бы, конечно, подать надо, а, может, в прокуратуру, но начнется волынка, адвокаты там всякие, одни расходы, а у нее в отличие от мадам лишних денег нет.

Жалко времена нынче какие-то странные. Раньше она бы знала, куда пожаловаться, — прямым ходом в партком института. Мол, называет себя ученой, а сама морочит людям голову всякими суевериями, да еще, говорят, за деньги. Быстренько ее бы в оборот взяли, а скорее всего и выперли бы. Вместе со всеми ее митохондриями.

Она вспомнила последнего секретаря парткома Епишева, он еще все время эту перестройку поносил. Так заходился, что прямо красными пятнами шел от негодования. Вы еще посмотрите, чуть не кричал, что они со страной своей гласностью сделают. Вот он мужик был строгий, но справедливый, чуть какая жалоба от честного сотрудника — а она, слава Богу, в институте без малого тридцать лет отработала, и ни одного выговора, — тут же расследование начинал. Всех на чистую воду выводил, доктор или кандидат — ему на все звания было наплевать. Где он, интересно, жив еще?

Придется, видно, к директору института идти. Человек он солидный, представительный, ничего не скажешь, как-никак членкор, но какой-то уж очень квелый. Нет, чтобы кулаком стукнуть и призвать к социалистическому порядку, хотя какой теперь порядок и какой социализм?

Сказать — одно дело, он, поди, только поморщится, мол, какое я имею к этому касательство, если кто-то там вас заговаривает. Член-

корр, видите ли, ин-телли-генция! Нет, лучше написать жалобу по всем правилам. Тогда просто так от нее не отмахнешься.

Ольга Никанорова вздохнула, взяла листок бумаги и села писать жалобу.

— Ирина Сергеевна, — Маша прямо коршуном на нее налетела — так дело не пойдет.

— О чем ты, Машуня? Что не пойдет?

— Надо как-то упорядочить исцеление. А то скоро уже в туалет сходить нельзя будет, весь институт нас на части рвет. А правда, что вы? А правда, что все болезни? Да что институт, скоро со всего города пациенты нас в осаду возьмут.

Ай да Маша, улыбнулась Ирина Сергеевна новому темпераменту и новому напору Маши. И впрямь — другой человек.

— К тому же, — продолжала Маша, — Миша говорит, что с нашим народом так нельзя...

— Как так?

— Бесплатно. Мол, не в нашем это характере. У нас менталитет другой. С одной стороны, мы на халяву всегда бросаемся. С другой — она же всегда заставляет подозревать обман.

— Ну, раз сам Миша говорит... И что он предлагает? Вместо заповедей прейскурант ввести?

— Вы смеетесь, но он ведь не со зла. Он человек порядочный.

— И все-таки, что он советует? Не помогать людям, если они не готовы заплатить как следует?

— Он не знает, и я, честно говоря, тоже не знаю, но в одном я с ним согласна: сначала надо присмотреться к человеку, решить, что он из себя представляет, а потом уже исцелять.

— Может, в этом что-то и есть. Надо подумать.

Зазвонил телефон, и Маша взяла трубку:

— Федоровская слушает. А, здрасьте, Марья Петровна, обязательно передам, она как раз рядом. — Маша повернулась к Ирине Сергеевне: — Шеф просит зайти.

— Сдается мне, что разговор у Пышки будет продолжением нашей дискуссии, — вздохнула Ирина Сергеевна.

Директор института Виктор Феликсович Пышкало, которого, естественно, весь институт звал за глаза Пышкой, поздоровался с Ириной Сергеевной и, в духе времени, вышел из-за стола ей навстречу.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна, садитесь, прошу вас. — Он подергал себя за пышные усы. — Поверьте, разговор, который нам

предстоит, мне в высшей степени неприятен, но я получил жалобу от старшего лаборанта Стрельцовой, а вы ее знаете, так просто от нее не отделаться. Вы, вероятно, догадываетесь, на что она жалуется?

— Нет, и тем более, какое она имеет ко мне отношение.

— Вот, читайте. — Директор протянул ей листок бумаги.

Ирина Сергеевна взглянула на него и тут же кивнула:

— Я так и думала.

— Что думали?

— Что никакого исцеления не будет.

— Значит, вы не отрицаете, что занялись не то знахарством, не то целительством, уж и не знаю как назвать ваше новое увлечение. Простите, если это звучит не слишком дипломатично, но я просто не подберу другого определения.

— Я и не думаю ничего отрицать и уж подавно в чем-то оправдываться. Я даже готова вам тут же продемонстрировать, как я это делаю.

— И как же?

— Я смотрю на вас, Виктор Феликсович, и вижу, например, что у вас небольшие проблемы с простатой. Так?

— Вы ставите меня в неловкое положение. Если я скажу «да» и вы начнете меня заговаривать или что вы там делаете, то я уже не буду в состоянии вынести более или менее объективное суждение.

— Как вам удобнее, — сухо сказала Ирина Сергеевна.

— Я не спрашиваю, как именно вы занимаетесь своим целительством: путем гипноза, внушения, камлания...

— Вы очень тактичны, но для камлания нужен, насколько я помню, бубен, и вы бы наверняка уже услышали рассказы про шамана Кипнис. А ведь неплохо звучит: шаман Кипнис. Согласны? Как вы считаете?

Директор института внимательно посмотрел на Ирину Сергеевну, и вдруг широко улыбнулся.

— Что-что, Ирина Сергеевна, а в самообладании вам не отказать. Повторю еще раз, разговор этот мне, если честно, в тягость, и если бы вы занимались своим новым увлечением дома, я бы не считал возможным и нужным даже спросить вас о нем. Но вы сотрудник института, которым я имею честь руководить. И согласитесь, что когда практически весь коллектив полностью перестал работать и только то и делает, что говорит о вас... Да что коллектив, мне уже из молекулярной генетики звонили, спрашивали, не смогу ли я составить у вас протекцию их заместителю директора, представляете?

— Представляю, — согласилась Ирина Сергеевна.

— Тогда подскажите мне, что мне делать. Или не делать.

— Я согласна, что моя скромная практика вышла из-под моего контроля. И обещаю вам, что впредь заниматься ею в стенах института не буду.

— Благодарю вас. Я рад, что вы меня поняли.

— Спасибо. Я могу идти?

— Разумеется, но, строго неофициально, вы действительно помогаете людям?

— Если строго неофициально, — улыбнулась Ирина Сергеевна, — то да. Помогаю. И с удовольствием избавлю вас от неприятностей, которые обычно вызывает аденома простаты. Тем более, что все патентованные средства от простатита, которые рекламируют по телевидению почти так же часто, как пиво, далеко не так эффективны. Но вы должны понять, что мое лечение эффективно только в том случае, если вы вполне сознательно выполняете или, по крайней мере, искренне стараетесь соблюдать десять библейских заповедей.

— Значит, это правда?

— Что именно?

— Мне рассказывали об этом странном условии... Все это... Как бы выразиться... столь неординарно в наше время... Когда доктор биологических наук ставит условием своего лечения — назовем вашу деятельность так — соблюдение библейских заповедей. Я просто не нахожу слов. Если бы вы сами не подтвердили мне этого, я бы просто ни за что не поверил такому... Не хочу заканчивать фразу... Мало того, что уважаемый завлаб, автор множества научных трудов, доктор биологических наук занимается исцелением от всех болезней, она еще при этом ставит условием соблюдение десяти библейских заповедей — согласитесь, в этом есть что-то... что-то... анекдотическое.

— Я вас прекрасно понимаю, я бы тоже на вашем месте не нашла бы подходящих слов. Впрочем, слова вообще часто бывают неадекватны реальности. Я вас не уговариваю, но если вдруг вы решите испытать на себе, как все это происходит, и не имеете никаких возражений против соблюдения заповедей — ради Бога. Вот листок с ними, который я приготовила. Держите.

Директор института взял листок и положил его перед собой. Потом слегка прищурился и сказал:

— Вы очень предусмотрительны...

— Нисколько, Виктор Феликсович, я просто догадывалась, а если честно, знала, что вы согласитесь.

— Ну и ну, дорогая Ирина Сергеевна, более необычного разговора я, пожалуй, в жизни не вел. Что значит — знала? Может, вы заодно и мысли читаете на расстоянии?

— Иногда и немножко. Но в данном случае я просто представила себя на вашем месте. Аденома простаты, насколько я знаю, довольно

неприятная штука, лечится медленно и не всегда успешно, а тут предлагают мгновенное исцеление. Причем вы уж наверняка слышали примеры такого исцеления. Одна Софья Аркадьевна, по-моему, всему институту рассказала, как я с ее астмой расправилась. Да что астма — она же просто другим человеком стала. Да что рассказы, кто видел ее раньше и может сравнить с тем, как она выглядит сегодня, тот уже не будет отмахиваться: этого не может быть!

Поэтому я и решила, что, скорее всего, соблазн победит. Итак, что вы решили? Или вы столь убежденный атеист, что само слово заповедь вызывает в вас протест? И вы предпочитаете мучиться со своими проблемами, чем проделать простенький эксперимент, сказав мне только, что вы согласны.

— Ну и напор у вас, Ирина Сергеевна. Я вызвал вас для внушения, а вместо выговора чувствую себя школяром на экзамене... Что мне вам сказать? Вообще-то я человек скорее неверующий, но никаких принципиальных возражений против десяти заповедей у меня нет...

— Значат ли эти слова, что вы согласны быть излеченным?

— Да.

— Вот и прекрасно, с этого момента у вас больше нет никаких проблем с вашей простатой, гарантирую, что вы ни разу не встанете ночью по малой нужде, и надеюсь, завтра, конечно, сугубо конфиденциально, вы сообщите мне о результатах. А что касается пациента из молекулярной генетики, пусть позвонит мне сам.

— Спасибо, — как-то очень неуверенно сказал директор и энергично помотал головой, словно пытаясь убедиться в реальности происходящего.

К утру Виктор Феликсович окончательно убедился, что все ставшие столь привычными симптомы его недомогания полностью исчезли, словно их никогда и не было. Конечно, нужно сходить в поликлинику, сделать УЗИ, прямо сегодня же перед работой, но он почему-то не сомневался, что чудо — да, да, именно чудо — было вполне осязаемой реальностью.

Разумеется, он не медик, но что ни говори, все-таки биолог и отлично понимал, что аденома его за считанные часы исчезнуть не могла, но что же в таком случае произошло? Будь у него некое психическое расстройство, его, наверное, можно было лечить каким-нибудь внушением. Но у него же, черт возьми, была не какая-нибудь истерия, а вполне материальная аденома предстательной железы, болезнь в высшей степени распространенная у мужчин в определенном возрасте. Тогда что это? И при чем это странное условие соблюдения библейских заповедей?

Ответа, разумеется, не было, и тренированный мозг ученого упорно отказывался принять происходящее за чудо и одновременно не мог не констатировать, что чудо произошло. За свои шестьдесят семь лет он, конечно, повидал многое, что с трудом поддавалось разумному объяснению. Взять хотя бы шарлатана и невежду Трофима Денисовича Лысенко с его безумными теориями. Но они хоть имели объяснение. Сам он был просто глубоким невеждой в науке, и, как большинство невежд, в высшей степени агрессивен. А поддерживавшие его высокие государственные деятели были еще более невежественны в биологии вообще и генетике в частности, и уж очень хотели верить в обещания быстрого сельскохозяйственного изобилия. По-другому не очень-то у них получалось. Но библейские заповеди и аденома простаты — это, простите, никак не укладывалось в сознание, как бы его ни комкать и ни растягивать, это сознание.

Он еще раз внимательно перечитал листок с заповедями, который дала ему Ирина Сергеевна. Строго говоря, если отбросить все антирелигиозные предубеждения, они были вполне разумны. Более того, это был сгусток человеческого опыта на тяжком пути от обезьяны к человеку, хотя, если уж быть честным до конца, даже в наши дни многие человеки, включая и кое-кого из его высокопоставленных коллег, больше похожи на обезьян, чем на людей... Разве что хвоста нет, и на шее галстук.

Он еще раз медленно перечитал заповеди. Вообще-то, подумал Виктор Феликсович удовлетворенно, ему и особых усилий прилагать не надо, чтобы оставаться в рамках заповедей. Добряком каким-то особым себя назвать бы он не решился, но никогда не делал людям гадостей. Помогать? Помогал, хотя, наверное, меньше, чем мог бы...

Через два часа он был уже у уролога в академической поликлинике. Уролог, с которым он был знаком, наверное, лет тридцать, если не больше, приветствовал его с чисто докторским юмором:

— Ну как наша родимая простата себя ведет? Очень досаждает? Или что-нибудь еще добавилось по нашей части?

— Нет, слава богу, только простата.

— Ну-с, давайте посмотрим, как она...

— Понимаете, Ролан Анатольевич, я, строго говоря, на простату не жалуюсь.

— И прекрасно.

— Она, понимаете, просто исчезла...

— Как исчезла? Надеюсь, не простата, а аденома?

— Именно. Причем мгновенно. Вчера была, и изрядно досаждала, а вечером... исчезла.

Уролог легонько и необидно посмеялся — все-таки уважаемый человек, член-корреспондент, незаметно пожал плечами, уложил Виктора Феликсовича на кушетку, — надел резиновые перчатки, смазал палец кремом и ловко всунул его в задний проход пациента. Виктор Феликсович подвергался этой не слишком приятной процедуре не раз и спокойно ждал комментариев уролога.

Ролан Анатольевич снял перчатки, бросил их в корзину и внимательно посмотрел на пациента.

— Вы так пристально меня разглядываете, — пробормотал Виктор Феликсович.

— Хочу убедиться, что это вы, хотя я в этом далеко не уверен. Может, вас просто подменили? Конечно, во многих случаях нам удается контролировать развитие аденомы простаты, даже уменьшить ее, но у вас, простите, анус юноши. Просто ничего не понимаю. Я же, выражаясь научно, вашу задницу знаю как свои пять пальцев... Просто чертовщина какая-то. Поднимите брюки, я сам вас свожу в кабинет функциональной диагностики. Если сам я уже слегка тронулся, коллеги меня поправят.

Через десять минут они уже выходили после осмотра с помощью ультразвука.

— Ну что ж, — сказал уролог, — поздравляю вас. Может, написать о вас? Что-нибудь вроде «Спонтанное исчезновение аденомы простаты»? Вот только ума не приложу, как это вам удалось...

— Если честно, я понимаю еще меньше, — улыбнулся Виктор Феликсович. У него не было почему-то ни малейшего желания рассказывать о своей институтской целительнице. Он вообще гнал от себя мысли о чудесном исцелении — уж очень они опасно раскачивали все то, к чему он привык, и что составляло фундамент его мировоззрения.

— И хорошо. Я уже давно понял, что чем меньше понимаешь, тем лучше спишь. Особенно в наше время.

Прождав с неделю и не получив никакого ответа от директора, Ольга Никаноровна Стрельцова еще раз убедилась, что все они, эти так называемые ученые, одна шайка-лейка и справедливости у них искать можно разве что после дождичка в четверг.

После долгих раздумий она написала два заявления: в Патриархат и в горздравотдел, в которых привела все случаи, когда знахарка под видом ученого только портила людям здоровье, а дирекция института во главе с директором Пышкало В. Ф. покрывает ее. Хотела еще добавить, что это настоящее вредительство, да этого слова теперь, поди, никто и не помнит.

Когда жалобы были написаны, она почувствовала, как изжога и тошнота начали постепенно успокаиваться. Так, наверное, и должно быть, подумала Ольга Никаноровна. Когда борешься за правое дело, даже организм помогает тебе.

Софья Аркадьевна, столкнувшись в коридоре со старшей лаборанткой Ольгой Никаноровной Стрельцовой, ласково улыбнулась ей.

— Олечка, — проворковала она, — как вы, моя милая, что-то давно вас не видела?

Стрельцова подозрительно покосилась на завлаба — с чего эта пьянчужка вдруг такой внимательной стала? Раньше в глаза ее не замечала, и вдруг такие улыбки. Или ее тоже мадам Кипнис достала своими штучками?

— Спасибо, — настороженно ответила она.

— Я смотрю, вы прямо расцвели.

Издевается она, что ли? Похудела сама кило на десять, а может, просто высохла от пьянства, вот и делает другим комплименты.

— Я по крайней мере знахарям всяким не доверяюсь, как некоторые. Я человек верующий, православный, а церковь наша всяких шарлатанов решительно осуждает.

— Какой вы принципиальный человек, восхищаться только можно. А что, разве вас Ирина Сергеевна лечить не пробовала?

— Мадам Кипнис? Она-то, может быть, и рада была бы испробовать на мне свои заклинания или что она там еще делает, но со мной такие штучки не проходят. Не так я воспитана и не такие у меня убеждения, чтобы, как некоторые, верить всяким суевериям.

— Значит, она к вам приставала со своими штучками?

— А я вам о чем говорю?

— Надеюсь, Олечка, вы свой гражданский долг уже выполнили?

— Какой долг?

— Ну, как «какой»? Сообщить, как честный сознательный гражданин во все инстанции, что здоровье граждан подвергают опасности. Что люди без медицинских дипломов берутся лечить все болезни.

Разыгрывает она ее, что ли, снова насторожилась Ольга Никаноровна. Говорят, ее саму, пьянчужку жирную, мадам Кипнис своими заклинаниями пользовала. Если это так, наверное, и она недовольна. Хотя по виду ее не скажешь — вон как двигаться стала, прямо шустрик, раньше только сиднем сидела у себя в лаборатории. Черт-те знает, чего она прицепилась.

— За меня не беспокойтесь, — осторожно сказала Ольга Никаноровна, — я свой долг честного гражданина и честной христианки

знаю. И в отличие от некоторых, которые только говорят об ответственности, выполняю.

— Очень за вас рада. Просто горжусь вами. Значит, вы уже написали, как вы выражаетесь, «куда надо», что Ирина Сергеевна приставала к вам со своим целительством, а вы из принципиальных соображений напрочь отказались от ее услуг?

— Вы мне что, Софья Аркадьевна, допрос учиняете?

— Да нет, милочка, я просто хотела убедиться, насколько «честная христианка» может беззастенчиво лгать? Не вы отказались, а просто на вас исцеление не подействовало, потому что условием излечения, как Ирина Сергеевна вас и всех других предупреждала с самого начала, является строгое соблюдение десяти библейских заповедей. А вы и сейчас их нарушаете...

— Чем это, интересно, я их нарушаю, и вам-то какое до всего этого дело?

— Нарушаете вы и тем, что лжете, и мне, и другим, а главное себе. И тем, что вместо того, чтобы возлюбить ближнего, как учил Иисус Христос, вы так и пышете злобой.

— Ну, знаете, меньше всего я собираюсь выслушивать морали от старой пьяницы, которая каждый день хлещет коньяк на своем рабочем месте.

— Да нет, лапочка вы моя нежная, я вам просто хотела сказать, что время ваше прошло. Это вы раньше на всех доносы строчили в партком. Живи вы чуть раньше, всех бы нас еще и врагами народа объявили. А так шипите себе на здоровье, если ваш христианский долг это змеиное шипение поощряет. А если совсем между нами, — Софья Аркадьевна почти вплотную приблизила свое лицо к лицу старшей лаборантки и тихонько добавила: — Все равно, гадина злобная, я тебя на чистую воду выведу и не успокоюсь, пока из института не выгоню, поняла, сука?

Ненависть поднималась у Ольги Никаноровой по пищеводу вместе со жгучей кислотой. Как она их всех ненавидела, этих нехристей поганых. Морали ей читать, грозить вздумала, сволочь пьяная. От нее, от старухи этой паршивой, и сейчас коньячком попахивало. Развалилось все, все развалилось, если и такие штучки сходят им с рук, либералы вонючие.

— Кто кого выгонит — это мы еще посмотрим, — отчеканила она. — Думаете, все вам с рук сойдет, вам, мадам Кипнис и ее прихвостням? Ничего, доберемся и до вас. А сейчас, дорогая Софья Аркадьевна, валите отсюда, пока я вам не врезала между глаз.

Старшая лаборантка повернулась и почти бегом направилась к себе в комнату. Еще секунда — и не удержалась бы. Врезала бы гадине этой как следует. Христианским заповедям учить ее вздумала.

Волны тошнотворной жгучей кислоты одна за другой поднимались у нее из желудка по пищеводу и добирались до самой гортани. Убила бы, своими руками придушила всю эту нечисть. Ничего, как начнут комиссии работать, разбираться, как это доктор биологических наук без всякого медицинского диплома людей калечит, тогда вся эта шайка-лейка запоет по-другому. Еще спасибо ей скажут за то, что у нее одной мужества хватило послать сигналы куда надо. Вот сволочи... Трясущимися руками она зачерпнула почти полную чайную ложку питьевой соды — обычно от соды она воздерживалась, она ведь вредна — и проглотила, запив водой. Сладостная отрыжка от нейтрализации кислоты приятно пощекотала ее рот, и она с удовольствием рыгнула. Вот сволочи...

Глава 8. Допрос

— Фамилия, имя, отчество? — спросил у Димки майор и внимательно посмотрел на него.

Димка потрогал повязку на голове. Голова по-прежнему болела, рана саднила, но еще больше болел пах. Как, как он мог заснуть? Господи, сделай так, чтоб он опять очутился в кресле и следил бы, как корчится Олег на полу.

— Вы вопрос мой поняли? — насмешливо спросил майор. — Или я так непонятно выражаюсь?

— Простите, — пробормотал Димка. — Щукин Дмитрий Иванович, тысяча девятьсот восьмидесятого года.

— Адрес?

— Шестой Индустриальный проезд, три, квартира тридцать четыре.

— Место работы?

— Временно не работаю, все никак устроиться не могу. Специальности нет, а без специальности — сами знаете. — Димка улыбнулся майору. Зачем зря раздражать мента, может, вообще и обойдется, им и предъявить мне нечего.

— Знаю, — легко согласился майор. — Со специальностью у вас действительно дело обстоит неважно, если не считать торговлю наркотическими средствами за профессию...

— Гражданин начальник, да я сроду...

— Понимаю, понимаю. Но оставим пока вашу профессию и род занятий. Когда вас нашли наши сотрудники, вы были без сознания от удара чем-то тяжелым по голове. Вы помните, кто вас так отделал?

«Сказать или придуриться», — пронеслось в голове у Димки. Лучше сказать, Олега-то бояться ему было нечего. Одно настораживало: на «вы» мент обращается. Не к добру...

— Помню, конечно. Знакомый мой, Олег, Олег... как же его фамилия, кажется, Юшков. Да, точно Юшков. Программист он, а где работает, ей-богу не знаю.

— И что же заставило его так отделать вас, что восемь швов пришлось накладывать на вашу бедную головку?

— Поссорились. Даже и не помню, с чего началось, знаете, как это бывает, слово за слово... Он вообще-то парень бешеный, мне бы помнить о его характере...

— Значит, слово за слово, потом в какой-то момент ваш приятель выхватывает пистолет Макарова, да еще зачем-то с глушителем, и бац вас по голове. Так я понимаю?

— Так, так, — торопливо закивал Димка.

— А почему он надел на вас наручники и приковал к батарее отопления?

— Я не знаю, — пожал плечами Димка, — наверное, боялся, что я быстро оклемаюсь и вызову милицию.

— Я смотрю, предусмотрительный парень ваш программист. И пистолет носит с собой, и наручники. Всегда он такой запасливый?

— Не знаю... да нет, раньше я как-то не замечал...

— Скажите, Дмитрий Иванович, а почему он оставил около вас свой пистолет, да еще с вашими отпечатками пальцев?

— Ну, наверное, замести следы. Как будто он ни при чем.

— Понимаю, Дмитрий Иванович. Скажите, а кому принадлежит дача, где вы так весело проводили время?

«Шутит мент», — подумал Димка. Это хорошо. Сказать, что Вовану? Все равно ведь узнают, это не фокус. Лучше скажу.

— Приятелю нашему общему.

— Фамилия, имя, отчество?

— Пьяных Вован, то есть, простите, Владимир... Даже и не знаю его отчества. Кореш он мой, Вован да Вован, какое там отчество...

— А Вован ваш где работает?

— По-моему, тоже все ищет работу.

— А как вы приехали на дачу вашего безработного друга?

— На его машине.

— «Мерседес Е-220», если не ошибаюсь?

— Д-да, я знаете, в машинах плохо разбираюсь.

— Скажите, а вот семьдесят пять грамм героина, которые мы нашли в «мерседесе», тоже принадлежат Вовану?

Димка почувствовал, как сердце его сжалось в холодный тяжелый комок и провалилось куда-то в живот. Ничего не поделаешь,

придется сдавать Вованчика. Тут уж не до шуток. Тем более Вован при случает не только бы его, Димку, продал с потрохами, он бы мать охотно сдал. Тут уж каждый играет за себя.

— Не знаю. Наверное. Он мне такие вещи не рассказывал.

— Допустим. А вот кто пользовался шприцем со следами героина, который мы наши на даче? Тоже ваш Вован?

— Наверное. Я ж говорю, он мне такие вещи не рассказывал. Может, конечно, он и кололся, но только не при мне.

— Я смотрю, у вас все друзья такие запасливые, ну прямо трудовые пчелы: программист на всякий случай носит при себе наручники и макарова с глушителем, а Вован аж целых семьдесят пять грамм героина в «мерседесе» возит. Представляете, сколько такая порция стоит?

— Нет, откуда же я могу такие вещи знать?

— Скажите, Дмитрий Иванович, а вот у вас в кармане куртки тоже нашли пять грамм героина. Ваши?

— Да вы что, это все Олег спектакль разыграл. И пистолет подбросил, и наркоту.

— Значит, сами вы наркотиками не балуетесь?

— Да вы что, сроду не прикасался, ей-богу.

— Допустим. А вот на левой руке у вас при осмотре в больнице обнаружены множественные следы от уколов шприца. Это тоже ваш друг программист специально вас кольнул с десяток раз, чтоб выдать вас за наркомана?

Воздух в комнате почему-то сделался холодным и густым, и дышать сразу стало тяжело, так тяжело, что Димка несколько раз открыл рот, чтобы вздохнуть поглубже, но так и не смог. Вот-те и добрый мент, подумал он, издевается, сука. Мусора и есть мусора. Одна надежда на дядю Умара, может, отмажет. Он подумал про дядю Умара и понял, что цепляется даже не за соломинку, как говорят, а за пушинку. Ничего он не отмажет, наоборот, поможет, чтоб вкатали по полной. У него таких, как мы... Вот сволочь чеченская.

— Я смотрю, Дмитрий Иванович, вы задумались. Уважаю вашу задумчивость, потому что подумать-то есть над чем. Например, вы говорите, что приехали на машине вашего друга Вована, а доверенности на ваше имя ни в ваших карманах, ни в самом «мерседесе» мы не обнаружили. Мало того, даже прав мы у вас не нашли. Наверное, забыли дома? — ухмыльнулся майор. — Очень безответственно вы себя ведете — выезжаете на чужой машине без доверенности и даже прав. Представляете, вас останавливают на дороге, а вам и показать гаишникам нечего? И тем не менее, если я вас правильно понял, вы утверждаете, что приехали на машине своего друга?

— Ну да, — с трудом выдавил из себя Димка и с ненавистью посмотрел на майора.

— Ну ладно, оставим пока вас. — Майор поднял трубку телефона и сказал: — Приведите этих двух. И пусть их поддерживают за руки, а то опять они тут цирк устроят — плюхнутся на четвереньки.

Через несколько минут два милиционера ввели Вована и Умара. Они и вида не подали, что узнали Димку. И глаза у них были какие-то мутные. Здорово их видно мусора отделали. Голова у Димки начала кружиться. Это что же получается, выходит, и Вован и дядя Умар были на даче? Может, это они ему по голове врезали, хотя зачем... Ответа не было. Ясно было только, что влип Димка по уши. Ни Вован, ни дядя Умар не то что отмазывать его не будут, утопят как миленького. И еще держать будут, чтоб случаем голову из воды не вытащил... Вот гады... Впаяют ему по первому разряду, состаришься на зоне, если, конечно, не отбросишь там раньше копыта. И так ему вдруг стало жалко себя: пропал парень. Жизнь, считай, кончилась. Да какая, если разобраться, жизнь? Он и не жил-то по-настоящему. Ни семьи, ни детей. Посылки ему послать на зону некому будет. Три года с матерью не разговаривал — надоело слушать ее поучения. Зачем ты то, зачем это... А надо бы. А так что было? Что вспомнить? Наркота, телки, суки продажные, эти не только что передачи не пошлют, и не вспомнят, что был такой Димка. Он почему-то вспомнил Таньку, его последнюю телочку. Она, пожалуй, попади к ней в руки передача для Димки, тут же себе ее прикарманила б, сука позорная. Димка почувствовал, как сердце у него сжалось от острой жалости к себе. И правда, что у него за жизнь была, все время у Вована на подхвате. Туда доставь, с этого получи, с того выбей. Хорошо хоть мокрых дел на нем нет. Да и без трупов навесят на него целую горсть статей, света белого через них не увидишь: и хранение оружия, и сбыт наркотиков, и бог знает чего им еще в голову войдет. Согнешься под ней...

— Ну что, Дмитрий Иванович, узнаете своих дружков? — ехидно спросил майор.

Димка кивнул. Чего отпираться? Его теперь уж целый взвод адвокатов не вытащит, если Вован и дядя Умар начнут его топить.

— Только вот проблема, их-то никак допросить не получается...

Волна надежды вдруг нахлынула на Димку. Может, менты заряженные, куплены с потрохами, не зря дядя Умар все хвастался, что у него все схвачено. Потому и молчат.

— Ребята, отпустите на минутку наших гостей.

Оба милиционера отвели руки, и тотчас же и Вован и дядя Умар опустились на четвереньки, а потом и вовсе улеглись на пол.

— Господи, — перекрестился Димка, — что это такое? Или я еще в отключке, и все это мне мерещится?

— Боюсь, что нет, не мерещится. Я как раз и хотел вас спросить, что это с ними? Когда вы их видели в последний раз?

— Вчера. Точно, вчера.

— И оба были в нормальном состоянии?

— Вполне. А с Вованом, если уж точно, я на дачу и приехал. Это он машину вел, а не я.

— Что же вы сразу не вспомнили, кто за рулем был?

— Да сдуру брякнул. Сам не понимаю почему.

— М-да. Чудесны дела твои, Господи, — пробормотал майор. — Значит, Дмитрий Иванович, вы не можете объяснить, чем вызвано такое странное изменение в их состоянии?

— Никак нет, — почему-то по военному ответил Димка.

— А как объяснить, что у обоих ваших дружков карманы пиджаков были зашиты, а в карманах лежало оружие. Это что, шутка такая? Может, это вы так решили подшутить над своими дружками?

— Господь в вами, товарищ майор... Могу я вас пока называть «товарищ»? Или положено «гражданин майор»?

— А почему нет? Вы же пока не осужденный и даже не арестованы, хотя исключить такого варианта нельзя. Все зависит от того, насколько откровенны вы будете со следствием. Так кто же сделал из них как бы животных бессловесных и кто зашил им карманы?

— Да я... да я все готов рассказать. И что программиста мы с Вованом привезли...

— Для чего? Сдается, не для дружеской беседы.

— Я все расскажу, товарищ майор, все как на духу. Привезли мы его по приказу дяди Умара...

— Дяди? Вот этого в светлом костюме? Он что, вам дядя?

— Да нет, это у него кликуха такая. Он, как бы выразиться, оптовик был у нас. Давал наркоту для сбыта, а Вован — ну, кроме Вована у него и другие были для сбыта — уже двигал ее дальше.

— А кто кроме вашего Вована был у него сбытчиком?

— Вот этого, клянусь, не знаю. Кто его знает. Мы вообще мало чего о нем знали. Про себя считали его чеченцем. А может, он вовсе и не чеченец. Он вообще не любил, чтобы его о чем-то спрашивали. Мы и помалкивали. Знали, что его слово — закон. Слышали, что он сам пришил кого-то. А точнее не скажу — не знаю.

— Ну ладно, оставим пока дядю в покое. Значит, у вас нет предположений, почему они вдруг оба тронулись?

— Да нет, даже представить себе не могу.

— А кто карманы им зашил?

— Откуда ж я... Я такого вообще никогда не слышал. Этого вообще быть не может.

— Вот и я так думаю. Я б даже согласился с вами, если бы это не было фактом. А как говорил вождь мирового пролетариата Иосиф

Виссарионович Сталин — слышали, был такой? — факты упрямая вещь. Вот еще о чем я хотел расспросить вас, Дмитрий Иванович. Кроме следов «мерседеса» вашего Вована мы обнаружили свежие следы еще одной легковой машины. Похоже, что в ней кто-то приезжал на дачу, но почему-то не хотел, чтобы его видели. Поэтому прятал ее за углом. Интуиция подсказывает мне, что этот таинственный посетитель имеет самое непосредственное отношение ко всему, что случилось. Возможно, и программист ваш уехал с ним. Не мог же он пешком в Москву идти. Придется поискать его, а вам придется у нас пока задержаться.

Через день перед майором уже сидел Олег Юшков. После всех формальностей, майор внимательно посмотрел на Олега и сказал:

— Олег Анатольевич, вы наверняка догадываетесь, зачем я вас пригласил. Да или нет?

— Да, товарищ майор. Вполне. И готов ответить на все ваши вопросы. Вот поверите ли вы мне — это уже совсем другое дело. Тем более я и себе иногда не верю. Хотя кое-какие доказательства у меня есть. Разрешите, я начну с самого начала.

— Ради бога, надеюсь только не с момента сотворения мира, — улыбнулся майор. Программист ему определенно нравился. Открытое лицо, честный взгляд, хотя, конечно, взгляд к делу не подошьешь.

— Хочу вас только просить сначала меня выслушать, а потом уж задавать вопросы. Потому что то, что я вам сейчас расскажу, может звучать как сказка. Или какой-нибудь фантастический роман.

— Согласен, начинайте свой роман. Курите, если хотите.

— Спасибо, я не курю.

— А я вот никак не могу бросить. И знаю, что нужно: и кашель по утрам душит, и врач в поликлинике предупреждает, что пора, пока сердце еще более или менее в норме...

— Ну, это самое простое — бросить.

— Может, характера не хватает. Пробовал всякие там наклейки на кожу, какое-то лекарство, не помню уж как называется — все без толку. Наверное, работа у нас такая. Начнешь голову ломать, кто, как и почему, — невольно за сигаретой в карман лезешь. Не хочешь, а лезешь. Автоматически.

— Характер ваш ни при чем. И работа тоже. Вы уже не курите. И не смотрите на меня так, Говорю, вы уже не курите.

— Что вы хотите сказать? Да, в данный момент не курю, не спорю, но... — майор было полез в карман за пачкой сигарет, но с изумлением обнаружил, что ни малейшего желания курить у него не было. Мало того, сама мысль о сигарете казалась странной. — Это вы...

— Я ж сказал, что это самое простое. Считайте, что вы уже бросили.

— И вы...

— Технически я, но я ж вам говорил, что история это странная, чтоб не сказать чудесная. Но должен вас сразу предупредить, а может, разочаровать. Отвращение к куреву будет продолжаться только до тех пор, пока вы будете соблюдать библейские заповеди. Сможете, Господь вам поможет. Нет — не обессудьте. Вы верующий?

— Да как вам сказать, верующий, конечно, крещеный я, крестик вот ношу, но в церкви, если честно, уж и не помню, когда был в последний раз. — Майор изумленно покачал головой. — Ну и ну, самый интересный допрос в моей жизни. Даже не могу поверить, что это все наяву...

— Да вы не волнуйтесь, товарищ майор, сдается мне, что все у вас получится. Что там курево — я еще три недели тому назад не просто на игле сидел, а летел прямым ходом туда, куда обычно попадают наркоманы. Но с тех пор не только сам соскочил, троих друзей, образно выражаясь, с иглы стащил. И это не все, наделила меня мать моей невесты поистине ангельской силой помогать больным. Тем, кто согласен придерживаться божеских заповедей.

— Кто же она? — майор было полез в карман за сигаретой, но опять какая-то сила снова остановила его руку. — Маг какой-нибудь? Врач какой-нибудь особый?

— Вообще-то она доктор биологических наук, заведующая лабораторией. А для меня святая. Но давайте я все вам расскажу, а то мы никак не начнем.

Несколько раз майор попытался было ухмыльнуться — уж очень фантастически звучал рассказ программиста, но что-то его удерживало. Он в третий раз полез в карман, чтобы вытащить сигарету и с кольцом дыма развеять сыплющиеся на него чудеса, но снова неведомая сила остановила его руку в самом начале движения.

Олег рассказывал, стараясь не пропустить деталей. Майор слушал, наклонив голову к плечу, и выражение лица у него постоянно менялось: изумление сменялось явным недоверием, даже насмешкой, потом опять появлялось изумление, за ним — восхищение. В конце рассказа он сначала покачал головой, а потом потряс ею, словно пытаясь проверить, как улеглись в ней невероятные вещи, рассказанные программистом.

— И кто же был этот омоновец, который поставил двух наркодельцов на четвереньки и зашил им карманы? — наконец спросил он.

— Что я вам могу сказать? Машина, на которой он приехал, была «вольво». Сам он назвался Гавриковым. Сергеем Гавриковым. Когда я спросил, настоящий омоновец ли он, он ответил, что он многое что.

— Что значит «многое что»?

— Не знаю. Более подробно он не объяснял. В общем, я понял, что он... как бы вам сказать... не простой человек.

— Это уж точно, спорить не стану.

— Да, чтоб не забыть, он знает Ирину Сергеевну, мать моей девушки.

— Гм... Как вы думаете, могу ли я поговорить с вашим омоновцем?

— Не знаю, товарищ майор. Честно, не знаю. Ведь я не знаю ни кто он на самом деле, ни как его зовут, ни где живет... Я вам больше скажу. Я уверен, что если вы проверите все «вольво», зарегистрированные в Москве, ни у одной не окажется хозяином Сергей Гавриков.

— Почему вы так думаете?

— Как вам объяснить... все, что он делал... и как делал... Это трудно выразить... Смотришь на него и чувствуешь, словно в сказке очутился. Где все по-другому, где все возможно, где летают на помеле и ковре-самолете. Мне трудно это объяснить... Да еще такому реальному человеку, каким хотя бы в силу профессии должен быть сотрудник милиции. Понимаете?

И в четвертый раз полез было майор за сигаретой, и в четвертый раз неведомая сила остановила его. И впервые, наверное, в своей жизни майор неумело перекрестился.

— Выходит, Олег, что вы помогли мне бросить курить?

— Выходит так, товарищ майор. Но действие исцеления будет продолжаться до тех пор, пока вы будете выполнять библейские заповеди. Вот они, держите листочек. Я уж их наизусть знаю, лучше, чем таблицу умножения. И выполнять их не так уж трудно, хотя надо — чего тут спорить — следить за собой. Ну, убивать вы не будете, тут и говорить нечего, красть — тоже. Не забывайте чтить отца своего и мать. Это тоже не трудно, только не забывайте про это. Не отзывайся о ближнем свидетельством ложным...

— Это что значит?

— Говорить в суде правду, ни на кого не давать ложные показания.

— Годится, — кивнул майор. — Что еще?

— Не домогайся дома ближнего своего.

— В каком смысле?

— Не пытайся отнять чужое, я так понимаю.

— Согласен.

— И самое трудное, что завещали и еврейские мудрецы и Иисус Христос: возлюби ближнего своего, как самого себя.

— Подожди, программист, что-то ты путаешь.

— Что вы имеете в виду?

— Евреи тут при чем?

— Ну, во-первых, Иисус сам был евреем... И все апостолы — и Павел, и Петр и все другие.

— Это ты так шутишь? Иисус Христос еврей? Вот уж никогда не поверил бы. Может, ты так надо мной подшучиваешь?

— Клянусь, нисколько. А во-вторых, еще за сто лет до появления Иисуса еврейские мудрецы учили тому же. Это мне все Ирина Сергеевна объяснила.

— Ну и ну — чудесны дела твои, Господи, кто бы мог подумать. — Майор покрутил головой, словно никак не мог поверить тому, что услышал. — Иисус Христос — и еврей? Вот уж никогда не поверил бы... — А насчет возлюбить... здесь, Олег, врать не буду — просто и не знаю, что сказать. Если бы ты знал, с какими подонками приходится иметь дело... Сегодня, например, привели одну тетку, пыталась продать младенца — ребенка своей дочери — представляешь? И что я, должен ее полюбить? Как? За что? Не понимаю...

— Я и сам-то всего-навсего обычный программист, вчерашний наркоман, в вере совсем новичок. Ирина Сергеевна приводила слова другого еврейского мудреца, который определял смысл Торы...

— Торы? А что это?

— Еврейское название первых пяти книг Ветхого Завета.

— И что он говорил?

— Никогда не делай ближнему то, что было бы неприятно тебе.

— Разумно... Слушай, Олег, если я по-дружески позвоню тебе, чтобы ты мне объяснил все эти тонкости... Ты не возражаешь?

— Только счастлив буду. Вы себе не представляете, какое удовольствие испытываешь, когда помогаешь людям. Я когда трех дружков своих с иглы снял, ходил, словно в облаках витал. Записывайте телефон, диктую. И обязательно позвоните, как у вас с курением дело пойдет. Звоните в любое время.

Позвонил майор через неделю и спросил, есть ли у Олега время забежать в отделение хоть на несколько минут.

— Конечно, товарищ майор, прямо сейчас и приеду.

Когда он вошел в уже знакомый кабинет, майор молча вынул из кармана начатую пачку Марльборо и положил ее перед Олегом.

— Вот, смотри.

— На что смотреть?

— А на то, благодетель, что в пачке ровно столько же сигарет, сколько было, когда ты был здесь в прошлый раз. Ни одной в рот не взял, а прошла уже целая неделя. И — веришь — не то чтобы с собой приходилось сражаться. Нет. Просто и не вспоминаю о куреве. А ведь сколько лет, — он нахмурил лоб, подсчитывая свой стаж курильщи-

ка, — наверное, лет двадцать с лишним сосал эту гадость. Только подумать, сколько я денег с дымом в воздух выпустил. Ну, уж на приличную машину точно хватило бы, а то я все на старой девятке пилю, на ходу, бедолага, разваливается...

Еще раз, Олег, спасибо тебе большое. И не только за курево. Знаешь, я твои заповеди раз сто в день вспоминаю.

— Не мои они, товарищ майор...

— Не придирайся к словам, ты понимаешь, что я имею в виду. Я особо красиво говорить не умею, знаешь, работа у нас такая, что к изящной словесности не очень располагает, но, как бы тебе объяснить... После разговора с тобой мир... Просветлел, что ли. Чуть какие сомнения, я сразу про себя заповеди повторяю...

Но честно говоря, я тебя пригласил не только чтобы лично поблагодарить. Это и по телефону можно было сделать. Я помню, ты говорил, что трех своих дружков тоже от наркозависимости избавил. Я не ошибаюсь?

— Точно.

— Если тебе не трудно, посмотри одну девчушку. Сейчас я дам команду, ее приведут. Просто душа заболела, когда она к нам в руки попала. Семнадцать лет, из хорошей семьи. Отец военный, мать — врач. Год уже, как на игле. Школу, конечно, бросила. Ну, а деньги откуда брать? Известное дело — проституция. Попалась на том, что вместе с подружкой познакомилась с каким-то лохом, пригласили его к подружке, подсыпали в водку клофелин, а потом, когда он вырубился — это уже поздно вечером, — они его обчистили, вытащили на улицу и бросили. Подружка в бегах, а вторую — ее Светланой Кузнецовой зовут — мы вычислили и нашли. Глянь на нее — а вдруг еще одну душу спасти сможешь? Хотя отвечать ей по закону все равно придется.

В дверь кабинета постучали, майор крикнул: «Давайте», — и милиционер ввел худенькую рыжеватую девчушку. Майка ее была измята, лицо заспано. Она посмотрела на майора и Олега. Лицо ее не выражало никаких чувств.

— Олег, может, вас оставить на несколько минут? — спросил майор.

— А чего оставлять? — пожала плечами девушка. — Я вам всем могу дать, чего стесняться. Раздеваться, что ли? — Она начала стягивать через голову майку.

— Не нужно, Светлана, — мягко сказал Олег, сглатывая комок в горле. Почему-то он представил на ее месте Тамару. Господи, почему люди убивают себя с такой неистребимой страстью...

— Ну, смотрите, а то я чистая...

— Светлана, — сказал Олег, — мы только хотим помочь тебе.

— Все мне хотят помочь. Правда, сначала трахнут, а потом почему-то забывают.

— Светлана, ты хочешь соскочить с иглы? — спросил Олег.

— А тебе что до того, чего я хочу?

— Я могу помочь тебе. Одно внушение — и ты перестанешь быть наркозависимой. Ты должна только выполнить два условия. Первое — ты должна этого хотеть.

— Ну и предположим, что я хочу соскочить? Что еще?

— Ты должна выполнять библейские заповеди. Хочешь, я тебе их перечислю: да не будет у тебя другого бога сверх меня, чти отца и мать своих, не убий, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, не домогайся дома ближнего твоего, люби ближнего своего, как самого себя.

Понимаешь?

— А чего тут понимать?

— Согласна ты следовать божьим заповедям или искренне стремиться выполнять их?

— Не-е.

— Почему?

— Любить ближнего своего? Ты что, придурок последний? Да я их ненавижу! Передушила бы своими руками. Понял? За что мне любить ближнего? За то, что трахали меня все кому не лень, золотые горы обещали? За то, что мать с отцом рукой на меня махнули? За то, что парень, который мне в любви клялся, посадил меня на иглу? За то, что за дозу такое вытворять заставляют, что вы и придумать не сможете? Так что ты свои заповеди засунь себе знаешь куда? Вот именно, туда, куда думаешь. В задницу. И пошли вы все со своими проповедями к той матери, которую чтить вовсе не обязательно, поняли... А насчет хочу ли я соскочить — поздно уже. Мне уже все равно ничего не светит, поэтому валите вы все куда подальше. — Она повернулась к майору. — Ну чего, скажи своему менту, чтобы отвел меня в камеру, мне спать охота...

Девушку увели, майор вздохнул и посмотрел на Олега:

— Что скажешь? Тяжелый случай. Может, в самой глубине она еще человек, но как добраться до этой глубины...

— Может быть, Ирина Сергеевна и сумела бы как-то взломать броню ее ненависти к людям и к себе, а я... С вашего разрешения, товарищ майор, я поговорю с ней, как вы?

— Ну, если не очень откладывать, потому что долго держать мы ее не можем, дело-то совершенно очевидное, а дальше она уже попадает в СИЗО, потом суд, потом колония — обычный путь. Но все равно, спасибо тебе за все, бывай...

Глава 9. Взрыв в сейфе

Ангел Габриэль сидел в своей машине, припаркованной у дома Ирины Сергеевны. Господин сказал ему, что, возможно, кто-то заявится к ней, пока она и муж на работе. Кто это может быть, добавил он, он пока не знает, но ощущение опасности было вполне реальным. Настолько, что и Габриэль сразу почувствует, когда опасность приблизится.

Пока что в подъезд и из подъезда никто не входил и не выходил, и он, обострив свои чувства, думал о том, что все чаще приходило ему в голову. Кипение человеческих чувств и страстей, бесконечная жизненная суета... Вот уж поистине был прав царь Шломо — или, как называют его русские, Соломон, — когда писал в своем Екклезиасте: «Суета сует, суета сует — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки»... Царя можно было понять — уж кто-кто, а он познал и суету и ее тщету, как, наверное, никто. Мудрецы считали, что писал он эти строчки в старости, изрядно устав от семисот жен и трехсот наложниц, многие из которых были чужеземками. И не столько царь обращал их в свою веру, сколько они совращали царя Шломо своими богами и божками. Не случайно Писание говорит: «Не было его сердце полностью предано Господу...»

Удивительное дело, думал ангел, как часто люди не видят самих себя и дел своих. И даже мудрецы не избегают этой участи. Даже царь Шломо. Да, он был мудр, и не случайно Писание сохранило рассказ о том, как он судил своих израильтян. Пришли к царю две блудницы и просили рассудить их. Одна рассказала, что несколько дней назад обе родили сыновей. Но прошлой ночью ребенок другой женщины умер, и та подменила своего умершего ребенка на ее живого. Встав утром покормить младенца, она тотчас поняла: мертвый ребенок у нее на руках — не ее сын. Другая женщина настаивала, что живой ребенок — ее, а первая блудница лжет.

Царь приказал принести меч и повелел: «Рассеките живого младенца надвое и отдайте половину одной из женщин, а половину — другой». «Прошу, господин мой, — в ужасе закричала одна из женщин, — отдайте ей этого живого ребенка и не умерщвляйте его». Другая же оставалась непреклонной: «Пусть же не мне и не тебе не будет — рубите!». «Отдайте первой живое дитя... Она — мать его», — приказал царь.

Проницательно рассудил царь, проницательно, усмехнулся ангел Габриэль. Мудрость его позволяла понять движения чужой души и истинную материнскую любовь. А где была его мудрость, когда при строительстве храма обложил он народ такой непосильной податью и

ввел принудительный труд. Да, храм был великолепен, но не случайно возроптал народ против царя...

И не случайно сын и наследник мудрого царя Рехавам отличался, по общему мнению, тремя качествами: был жаден, нахален и глуп. Как же было царю к концу жизни не возроптать: «Всему свое время и свой срок каждой вещи под небесами: время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное...»

И сегодня люди остаются такими же: в кипении страстей, в жизненной суете не остается у них ни времени, ни подлинной мудрости взглянуть на себя со стороны и понять, чего на самом деле стоят их смешные и тщеславные метания, и какую цену платят они за слепоту свою.

И все же, и все же... К своему удивлению, все чаще казалось ангелу, что была в их жизни какая-то привлекательность, недоступная ему, парившему над жизненной суетой людей и видевшему их насквозь. Вот, например, Ирина Сергеевна. С момента, когда он впервые увидел ее, — она так радостно впустила его в свою квартиру, когда он приехал за ней для встречи с Господином, — она сразу стала ему чем-то странно дорога.

Сердце ангела должно быть холоднее и больше обычного людского, ибо иначе не вынести ему тот поток людских страданий, горестей и редких радостей, с которыми он сталкивается. И все-таки что-то недоступное его пониманию порой тянуло его к людям, заставляя завидовать их суете. Как в случае с Ириной Сергеевной. Да, завидовать. И Господин его понимал, наверное, то, что тянуло его к людям, ибо он понимал все. И говорил ему не раз: Габриэль, мы несем бремя, и это бремя нелегко. Но нужно быть твердым, ибо мы так же нужны людям, как они — нам...

...Как странно, что и по сей день печаль старого царя Израиля столь же сжимает сердца людей, как и тысячелетия назад. «Кто любит деньги, тот не насытится деньгами... Как вышел нагим из утробы матери, так и уйдет таким, каким пришел; и за труд свой ничего не унесет в руке своей... и что пользы ему, что трудился на ветер?»

Истинно так, думал ангел Габриэль, положив руки на руль «вольво» и не сводя внимательного взгляда с подъезда. Истинно так. И все же... Вот он долгие века выполняет волю Господина своего, часто надолго погружаясь в гущу людскую. Да, все хрупко у людей, все зыбко, все меняется. Как говорил тот же царь Шломо: «Всему свое время и свой срок всякой вещи под небесами: время рождаться и время умирать...»

Истинно так. Но не только жалость и сострадание к людям испытывал ангел, как учил его Господин. В который раз он отметил самым краешком сознания, что испытывал и какую-то странную зависть к

людям, словно в их суете, в их метаниях, в их страстях было нечто привлекательное. Да, он как бы парил над миром, да, он был далек от смешных человеческих страданий и радостей, и должен был испытывать к людям, как учил его Господин, лишь бесконечное сострадание. Но почему-то все чаще приходила ему в голову одна и та же странная мысль: наверное, была в этой вековечной суете какая-то радость, раз род людской никак не может — или не хочет — жить в мире и душевном спокойствии. Наверное, от этого Господин так печален, и печаль его — он это видел — все густела и темнела...

Он вспомнил, как смотрела Ирина Сергеевна на тех, кого любила, на мужа и дочь, да и на тех, кому помогала... Да и он чувствовал радость, когда помогал тем, к кому посылал его Господин. Это все были хорошие люди, потому что к плохим Господин его не посылал, разве что наказать кого-нибудь. Но это была радость как бы издалека, радость чужого в чужой семье.

Он усмехнулся. Габриэль никогда не щадил себя. Ангелом можно было быть только тогда, когда ты был строг к себе и выжигал в себе все слабости и недостойные соблазны. Это были пустые мысли, ибо никогда не стать ему простым смертным. Он поставлен Господином быть его рукой, его глазом, его мечом, и никогда даже в глубине сердца не возжелает он стать просто человеком и покинуть Господина...

Внезапно он почувствовал опасность. Чувства его мгновенно напряглись, и внимание его обострилось. К дому подъезжала машина. «Фольксваген Пассат», заметил он. Чувство опасности достигло предела, и он понял, что оно связано с этой машиной и тем, кто выходил из нее.

Он вытащил из кармана свой мобильный телефон с фотоаппаратом и сделал несколько снимков, так чтобы был виден номер машины, и человек, вылезавший из нее. Солидный, похожий на музыканта человек с длинными седеющими волосами. В руках у него был маленький саквояжик.

Музыкант вылез из машины, щелкнул брелком, запирая дверцы, тщательно проверил их, подергав за ручки, еще раз огляделся и быстро вошел в подъезд.

Пора было направиться за ним. Габриэль вошел в подъезд и небольшим усилием воли стал невидим. Он всегда помнил, что проделывать это можно лишь тогда, когда никто на него не смотрел, ибо исчезновение человека прямо на глазах у другого может быть опасным для смотрящего.

Музыкант на него не смотрел, и невидимый ангел спокойно поднялся вместе с ним на лифте. Музыкант, мысленно улыбнулся Габриэль имени, которое он дал человеку с седеющими волосами. Прямо

музыкант. Сейчас откроет свой саквояжик, достанет что-нибудь вроде губной гармошки и сыграет трогательную песенку перед запертой дверью квартиры Ирины Сергеевны. Вместо гармошки музыкант достал какую-то блеснувшую в полумраке лестницы штучку, отмычку, понял Габриэль, замер на мгновение, прислушиваясь, вставил в замок, сделал несколько движений, удовлетворенно кивнул и открыл дверь. Стоя почти вплотную к взломщику, ангел вошел вместе с ним в квартиру.

Опыт, похоже, был у музыканта-взломщика немалый, потому что он довольно быстро нашел то, что искал. Габриэль сразу понял, что именно он удовлетворенно прятал в карман — паспорт.

Интересно, подумал он, ему, очевидно, нужен был именно паспорт, потому что больше ничего он не искал, обвел комнату внимательным взглядом, довольно кивнул самому себе и пошел к выходу. Выскользнуть вместе с ним невидимому Габриэлю было нетрудно. Пока музыкант ждал лифта, ангел уже быстро спускался вниз и успел даже сделать из машины еще один снимок, на котором взломщик выходил из подъезда.

Можно было, конечно, в любое мгновение остановить его, можно было узнать, для чего ему паспорт Ирины Сергеевны, можно было, наконец, вытащить паспорт у него из кармана, но Господин приказал ему просто проследить, что будут происходить, и ни во что не вмешиваться.

Он мысленно позвал Господина и доложил ему о случившемся.

Лена Петровская смотрела, как мучительно и неуверенно старик, переводивший через Вестерн Юнион сто долларов в США, заполнял бланк перевода. Руки, которые высовывались из чересчур коротких рукавов пиджака, были в желто-коричневых пятнах старческой пигментации.

— Давайте, я вам помогу, — сказала Лена.

— Буду вам крайне признателен, — по-старомодному галантно сказал старик и несмело улыбнулся: — Это внуку, у него через неделю день рождения, он там с матерью, я хочу сказать, с моей дочерью, — начал охотно объяснять он. — Уже два года, как они уехали, и знаете, похоже, дочка уже жалеет. — Почувствовав, что девушка слушает его, старик благодарно продолжал: — Она врач, а там, знаете, такие сложности для русских медиков, надо что-то там пересдавать, в общем, начинать, так сказать, заново...

Лена вполуха слушала рассказы старика и думала, как странно получается: старик, видно, сам нуждается, пиджачок вон потрепанный, а переводит сто долларов в Америку, в самую богатую страну в мире. Из пенсии, наверное, скопил, отказывал себе во всем, не иначе...

Внезапно она услышала какой-то грохот, треск и звонкий хруст ломавшихся стекол, пол под ней дернулся, на мгновенье она потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела, что лежит на полу около своего стула. То есть не увидела, а поняла, потому что вместо посетителя и экрана компьютера взгляд ее упирался в потолок. В голове гудело, и соображать было трудно, но она все-таки догадалась, что ее бросило на пол взрывом. «Наверное, теракт», — пронеслось у нее в голове, но почему-то она не очень испугалась. А может, просто не успела еще испугаться. Опять, сколько их уже было... Вот добрались и до банка. Лежать или встать... Выстрелов не было, только что-то истошно кричали сотрудницы. Она с трудом встала, уцепившись за свое кресло. Болела коленка. «Наверное, чулок порвала», — пронеслась у нее в голове нелепая маленькая мыслишка.

Пронзительно завывала сирена, кто-то безостановочно кричал. Слава богу, кажется, цела, подумала Лена и вдруг заволновалась, где ее старик с переводом. Мимо кто-то пробегал, сирена продолжала завывать. Старик лежал на полу, и ей показалось, что он не дышит. Не обращая внимания на крики и топот пробегавших людей, она нагнулась над ним. Старик попытался, видно, улыбнуться, но вместо улыбки вышла гримаса боли.

— Простите, — пробормотал он, — я, кажется, упал...

Несколько пожарников в тяжелых шлемах ловко разматывали катушку со шлангом.

— Помогите мне, пожалуйста, поднять человека, — попросила она.

— Сейчас, девушка. Вон уже со скорой помощи бегут.

— Лен, ты цела, слава богу? — спросил ее Алексей Иванович, их дежурный охранник, и начал помогать ей усадить старика в кресло.

— Цела, цела, а кто-нибудь...

— Да нет, вроде жертв и пострадавших нет, ну там не считая синяков и шишек. Взрыв, видно, не очень сильный и в помещении сейфа. Вон, видишь, дым оттуда идет. — Только сейчас Лена ощутила запах дыма. — Стены там мощные, вот они и защитили. Я побежал, Лен, сейчас саперы появятся, и мне положено быть с теми, кто входит в сейф. Да ты сама знаешь, сколько раз мы с тобой спускались туда, когда ты оформляла аренду ячеек...

— Вот деньги для перевода, — сказал старик, — я ж не успел вам их отдать.

— Какой перевод, вы разве не видите, что творится? Приходите завтра, я думаю, успеют привести банк в порядок...

— А как же внук, день рождения у него...

— Ну, если вам так срочно, придется пойти в другое место. Сейчас в Москве много отделений Вестерн Юнион.

— А где ближайшее?

— По Новопесчаной, две остановки троллейбуса отсюда. Садитесь на любой.

— Спасибо большое, вы так любезны. До свиданья, девушка.

Старик медленно заковылял к выходу, а Лена впервые огляделась. Дыма было уже меньше, женские крики прекратились, и заведующий отделением бегал по залу, как квохчущая наседка, и громко повторял: «Всем просьба оставаться на своих местах до дальнейших указаний! Никакой опасности нет, мест своих не покидать до дальнейших указаний!»

Лена заняла свое рабочее место. Все было не так страшно, даже ее компьютер не выключился, только сполз немного в сторону. Она тут же водворила его на место, осмотрела коленку — как ни странно, чулок был цел.

Ей почему-то захотелось немедленно позвонить маме, и она подняла трубку. Гудка не было. Наверное, где-то шнур порвался. Она сидела в своем кресле и чувствовала, как голова медленно проясняется. Слава богу, сотрясения, похоже, не было. Мысли ее стали густеть, и она подумала: как странно, такое потрясение, а у нее глаза закрываются. Наверное, она все-таки задремала, потому что вздрогнула от неожиданности, когда кто-то назвал ее имя.

— Вы Лена Петровская? — спросил ее какой-то незнакомый человек.

— Я.

— Я сотрудник ФСБ подполковник Кремнев, вот мое удостоверение. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Как вы быстро...

— Стараемся, — улыбнулся подполковник. — Мне сказали, что вы оформляете аренду сейфов.

— Ну, не только это, но верно, сейфы тоже я оформляю.

— Посмотрите, пожалуйста, по документам, кто последним брал в аренду ячейку сейфа номер семнадцать.

— Одну минуточку. — Лена достала книгу учета аренды ячеек. — Ага, вот. Номер семнадцать. Оформлен вчера.

— А кем?

— Кипнис Ирина Сергеевна. Сроком на неделю.

— Спасибо, а адрес нанимательницы или как это у вас называется, тоже есть?

— Обязательно, — ответила Лена и продиктовала адрес.

— Спасибо. — Подполковник что-то записал в блокноте и добавил: — Скорее всего, нам придется еще разок побеседовать с вами. До свидания.

— До свидания.

Глава 10. Странный террорист

Подполковник Кремнев откинулся в кресле и закрыл глаза. От толчка легкое кресло на колесиках отъехало от стола и остановилось у стены прямо под портретом президента. Что-то было в этом взрыве нелепое, и это раздражало его. Ему нравилось, когда он понимал, что происходит и что двигает людьми в их поступках. В конце концов, в этом и был смысл его работы сотрудника Федеральной службы безопасности. Когда понимаешь смысл и цель преступления, легче найти виновного.

Но во взрыве в банке было нечто, что вызывало недоумение. Во-первых, взрывное устройство, которое было приведено в действие часовым механизмом, было довольно слабеньким — всего двести граммов взрывчатки, маленькая шашечка. И не нужно было быть профессиональным взрывотехником, чтобы понять, что такой взрыв, да еще в ячейке сейфа банка с мощными стенами, никакого особого ущерба не причинит. Как, собственно, и произошло. Повредило несколько соседних ячеек, от взрывного удара вылетело несколько стекол, вот, строго говоря, и все. Для чего же было этой Кипнис Ирине Сергеевне закладывать двести граммов безоболочной взрывчатки в арендованный сейф? Скорее всего, чтобы каким-то образом повредить или уничтожить то, что было в соседних ячейках. Но как раз во всех соседних ячейках, поврежденных взрывом, не было ничего особенного. Драгоценности, довольно убогие, никак не тянущие на устройство взрыва, весьма умеренные деньги... Конечно, может быть, она имела целью другие ячейки, подальше от той, что была ею арендована. Но в таком случае, если, конечно, она не круглая идиотка, вернее было бы заложить не двести грамм взрывчатки, а раз в пять, как минимум, больше...

И еще одна странность. Если эта террористка в своем уме, она должна была понимать, что слабый взрыв легко даст нам возможность определить, куда именно была заложена взрывчатка, а стало быть, узнать, кто арендовал эту ячейку. Выходит, или она все-таки идиотка или... Или она хотела почему-то причинить банку неприятности. Что не исключало, а скорее, наоборот, указывало на ее психическое расстройство. С другой стороны, найти взрывчатку, пусть даже и немного, часовой механизм, смонтировать все вместе указывало на определенный расчет.

Подполковник с раздражением посмотрел на часы. Даже с учетом московских пробок, которые скоро, похоже, полностью парализуют город, эту Ирину Сергеевну Кипнис должны вот-вот привезти. Интересно, что, когда он звонил ей, она не стала охать и ахать, как обычно поступают люди в таких случаях, особенно женщины, да как,

да почему, да это ошибка какая-то, а сразу же согласилась приехать. И голос был на удивление спокойным. Впрочем, она доктор биологических наук, заведующая лабораторией, как они довольно быстро выяснили, человек, привыкший думать. Нет, определенно была в этом взрыве какая-то провокация... так, так... Как будто кто-то хотел, чтобы на нее пало подозрение. Так, это уже лучше. Теплее, как говорится в старой детской игре, когда нужно было что-то угадать или найти, и возгласы «теплее» или «холоднее» показывали ближе или дальше от истины водящий. Если это так, тогда понятно, почему нельзя было рвануть сейф как следует. При сильном взрыве определить, куда именно была заложена взрывчатка, было бы много труднее, а то и просто невозможно.

Заболела левая сторона шеи, куда его ранило в третьем году в Чечне под Гудермесом. Рана была неглубокая, пуля, к счастью, прошла по касательной, и все равно, когда он интенсивно думал или возбуждался, она давала о себе знать. Ваххабитская отметина, как называл он ее про себя. Он привычно помассировал шею, и боль немножко утихла.

Звякнуло переговорное устройство, и голос дежурного доложил:

— Приехали, товарищ подполковник. Можно провести к вам?

— Жду.

Террористка оказалась женщиной хотя и немолодой, но довольно привлекательной. Войдя в кабинет, она неожиданно спокойно улыбнулась и как-то очень деловито спросила:

— Шея прошла?

От неожиданности подполковник рассмеялся. Смех всегда отлично маскирует изумление.

— Я даже не успел поздороваться с вами, а вы спрашиваете меня о моей шее. Спасибо, но как вы...

— Честное слово, у меня нет ни одного знакомого в ФСБ, и минуту назад я и понятия не имела, что у вас болит шея. И по виду этого определить нельзя. Вид у вас вполне боевой, почти атлетический. И все же у вас болит иногда шея. С левой стороны, чтобы быть точной. А теперь, когда я произвела на вас такое впечатление, и мозг ваш занят вопросом, откуда, черт возьми, эта баба может знать о боли в шее, задавайте мне все интересующие вас вопросы. Раз вы привезли меня сюда, надо думать, что вы знаете обо мне больше, чем я сама: Кипнис Ирина Сергеевна, одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения.

— Ну, насчет знания о вас — это си-ильное преувеличение. Иначе я бы не сидел сейчас и не ломал голову, пытаясь понять, зачем вы заложили взрывчатку в шестое «Песчаное» отделение банка «Триумф». Так все-таки — зачем? Я честно признаюсь, что шея у меня

действительно иногда побаливает, теперь ваша очередь. Признание на признание.

Ирина Сергеевна сосредоточенно нахмурила лоб и пристально посмотрела на подполковника.

— Если это не гостайна, как вас зовут?

— Пожалуй, поделюсь ею с вами: Анатолий Иванович. Я, собственно, должен был сам вам представиться с самого начала, но вы не дали мне времени. Сразу взяли ситуацию в свои руки. Что, строго между нами, в этом кабинете бывает не часто.

— Анатолий Иванович, я бы, конечно, могла прикинуться, что вопрос ваш чрезвычайно остроумен. Или сказать, что это нужно было для того, чтобы узнать который час. Но я полагаю, что меня привезли сюда не для шуток, тем более не слишком — будем честны с собой — удачных. Поэтому я вынуждена признаться, что слышу об этом банке в первый раз. И еще я вынуждена признаться, что ожидала если и не этого обвинения, то какого-нибудь другого столь же абсурдного.

— Почему?

— Да потому, что когда мне позвонили от вас и сказали, что за мной посылают машину, я полезла в комод достать паспорт — а вдруг понадобится. Паспорта не было, хотя я абсолютно точно помню, что несколько дней назад он был именно там. Я брала из комода деньги.

— А деньги на месте?

— На месте. Их не тронули. Мало того, входная дверь была не заперта, хотя, уходя на работу, я ее собственноручно заперла. Муж уехал на час раньше. И украли паспорт, надо думать, не для оформления кредита на стиральную машину. Хотя в наше время все возможно.

— Ирина Сергеевна, будем считать, что некто украл ваш паспорт специально для того, чтобы досадить вам. У вас есть враги?

— Наверное.

— В научном плане?

— Не думаю. Муж, правда, призывает меня принять Ислам...

— Он мусульманин?

— Скорее, наоборот. Он еврей. Он просто смеется над тем, какая я самоедка, и уверяет меня, что проще было бы заняться самобичеванием в шахсей-вахсей.

А если серьезно, то я заведую небольшой лабораторией в довольно скромном институте, получаю, как и все, нищенскую зарплату, ни на член-корреспондентство, ни тем более на какую-нибудь серьезную премию не претендую. Одним словом — типичная научная кляча. Не могу сказать, что я полностью лишена амбиций, просто я здраво оцениваю свои возможности.

— Значит, вы считаете, что в научном мире ожидать от кого-нибудь острой ненависти к вам, которая могла бы толкнуть...

— Абсолютно исключаю.

— Склонен с вами согласиться. Может, вы кому-нибудь очень сильно насолили, так, чтобы у кого-то возникло желание отомстить вам? Причем именно таким неординарным способом?

— Особой популярностью я в институте не пользуюсь. Нет, разумеется, кое-кто относится ко мне хорошо. Но большинство считают холодной и надменной рыбой.

— Почему?

— Когда я вижу немолодую коллегу, которая выглядит как смертный грех и шипит как кобра от ненависти к миру, я просто не обращаю внимания. А нужно было бы воскликнуть: дорогая, вы сегодня выгладите прямо как юная аспиранточка.

— Значит, вы не знаете...

— Знать — не знаю, но мне не хочется играть с вами в салонные игры. Есть одно обстоятельство — и, пожалуй, только одно, которое может быть хоть каким-то ключом.

— А именно?

— Если вы помните, когда я вошла в ваш кабинет, я сказала вам, что у вас болит шея. С левой стороны, чтобы быть точной. Как вы понимаете, медицинскую вашу карту я не читала, наверное, это гостайна, как все тут у вас...

— Ну уж, Ирина Сергеевна, не преувеличивайте...

— По виду ничего определить было нельзя. Выглядите вы вполне атлетически. И тем не менее, я сразу увидела болезненное пульсирование, скорее всего, это последствие неглубокой раны...

— Ну и ну. Фантастически точный диагноз. Но как, черт побери...

— Это еще не все. Хотя вы из-за стола не вылезали, и я не видела, как вы ходите, мне кажется, у вас должна быть небольшая хромота — тоже последствие ранения в правую ногу.

— Я просто не нахожу слов. Это просто мистика какая-то... Все последствия одного обстрела в Чечне.

— Мало того, Анатолий Иванович. Одним небольшим усилием воли я могла бы избавить вас от этих пусть и не очень серьезных, но все же раздражающих недугов. Но только при условии выполнения вами определенных условий.

— Да каких угодно, говорите.

— Исцеление может произойти только тогда, когда вы возьмете на себя обязательства неукоснительно выполнять десять библейских заповедей, иначе исцеление невозможно.

Подполковник изумленно покачал головой, словно не мог поверить в услышанное.

— Это вы серьезно? Ну и ну. Вы и представить себе не можете, что мне приходилось слышать в этих стенах. От предложений выдать

всех сообщников в обмен на свободу до предложения взятки в пять миллионов долларов. Серьезные деньги, ничего не скажешь. Но чтобы офицеру ФСБ предлагали следовать божьим заповедям...

— Во-первых, я вам ровным счетом ничего не предлагаю, а лишь рассказываю о своем неожиданно появившемся даре целительства. Как он появился, как я осознала свои возможности — это уже другое дело. А во-вторых, почему вас так испугали слова «божьи заповеди»? Я ж вам не предлагаю принести в жертву богу своего сына, как испытывал праотца Авраама Господь. Как я понимаю, десять заповедей — это самое краткое изложение требований к людям, чтобы они были именно людьми, а не животными. Если угодно, это такие же правила, как, скажем, правила дорожного движения, без которых на дорогах царил бы полный, как теперь элегантно говорят, беспредел.

— Ну, положим, и с правилами у нас на дорогах черт знает что творится.

— Согласна. Да и ведь и заповеди не слишком-то помогли сделать из нас, обезьян, сплошь цивилизованных людей. Хотя есть, есть, как это ни странно, среди нас действительно хорошие люди. Но хоть, по крайней мере, знаешь, к чему стремиться, если не хочешь скалить зубы на ближнего, как волк, и ждать удобного момента, чтобы вцепиться ему в загривок. Может быть, вы думаете, что я какая-нибудь проповедница и пытаюсь завербовать вас в некую секту? Я ведь даже некрещеная. Когда я родилась сорок семь лет тому назад, время было такое, что для члена партии крестить ребенка было равносильно кресту на всей карьере, простите за невольный каламбур, а мои родители были членами партии.

— Здесь я с вами полностью согласен. Когда я родился, мой отец был военнослужащим. Командовал тогда батальоном, и в маленьком гарнизонном городке на Урале все знали все обо всех. Теперь, конечно, все по-другому, а тогда офицеру крестить своего ребенка значило конец всему — увольнение из армии, изгнание из партии.

— И потом, Анатолий Иванович, на вашем месте я бы не была так настроена против библейских заповедей. Если и было на земле когда-нибудь место, где эти заповеди нарушались так вопиюще и постоянно, то это как раз в ваших стенах. Здесь же, как я понимаю, находился страшный КГБ, а КГБ и заповеди не совсем совмещались... Знаете, есть такое выражение «намоленная икона», которая якобы впитала в себя многолетний поток молитв, обращенных к ней. Здесь, наверное, стены до сих пор полны ужасом от всего того, что они видели и слышали.

— Это, конечно, верно, Ирина Сергеевна. Даже если Комитет и не был сплошь таким чудищем, как многие сегодня его представляют, то, говоря откровенно, учреждение это жило по каким угодно зако-

нам, но только не по законам божьим. Ну а сегодня для офицера ФСБ вообще нет никаких оснований трястись при упоминании всуе имени божьего. А вы не могли бы напомнить эти заповеди? Стыдно, конечно, но я Библию вообще не читал.

— Ну вот вам первая: «Да не будет у тебя других богов сверх меня».

— Что значит «других богов»? А если у меня никакого нет?

— Думаю, что немножко вы ошибаетесь. Верующие или неверующие — все мы в Западном мире живем по основным законам иудео-христианской цивилизации. Другие боги — это уже отход в другие цивилизации, если их можно так назвать.

— Допустим. Я, знаете, не силен в таких вопросах. Что идет дальше?

— «Чти отца своего и мать свою». Надеюсь, это не вызывает у вас вопросов?

— Нет. Принимаю.

— Спасибо, — насмешливо сказала Ирина Сергеевна, и оба улыбнулись. — Далее: «Не убий». «Не прелюбодействуй». «Не укради». «Не отзывайся о ближнем свидетельством ложным». То есть, не лги.

— Насчет правды и только правды, так мы скорее добиваемся этого от подследственных, а сами... Я даже не знаю... Иногда обмануть преступника, так, чтобы он признался — совершенно необходимо в процессе следствия.

— Наверное, в этом есть резон, хотя я круглая невежда в теологии и теологической этике. Ведь заповедь «не убий» не должна мешать убить врага, который пришел убить тебя. Но обещаю вам, что при случае спрошу у своего... духовника.

— Значит, вы все-таки верующая?

— Это сложный вопрос, и я еще не знаю точного ответа. Одно знаю — я человек не воцерковленный. Но давайте дальше: Не домогайся дома ближнего твоего. И, наконец, самое трудное: «Люби ближнего своего как самого себя». Древние иудеи были практичным народом, и они часто излагали ту же мысль в несколько более легком варианте: Не делай ближнему того, что было бы неприятно тебе.

— Гм... гм... Для офицера ФСБ это, скажем, не так-то просто, но вообще-то... А знаете, Ирина Сергеевна, давайте попробуем ваш дар на мне. Если не получится, буду хоть знать, к чему стремиться.

— Хорошо, Анатолий Иванович, если вы не смеетесь надо мной.

— Ни в малейшей степени. Можете начинать, я готов. Или следует раздеться или сделать что-нибудь еще?

— А мне не нужно начинать. Вы уже совершенно здоровы.

Подполковник Кремнев вылез из-за стола. Лицо его было странно напряжено. Он сделал несколько шагов, потер левую сторону шеи и вдруг расплылся в широчайшей улыбке.

— Господи, неужели это правда? — Он подпрыгнул несколько раз на правой ноге. — Ирина Сергеевна, вы сами-то понимаете, что вы умеете делать чудеса?

— Не очень, если честно. Но помните, что если вы нарушите заповеди, исцеление тут же исчезает, и вы снова оказываетесь там, откуда начали. Есть такие настольные детские игры, когда бросаешь кубик, и от того, какая цифра выпала, на столько двигаешь фишку. Так вот, нарушишь заповедь — и ты снова на начальном нуле.

— У вас, случайно, нет списка заповедей?

— Случайно есть. — Нина Сергеевна достала из сумочки листок и протянула его подполковнику.

— Ничего себе денек, — покачал головой подполковник, — вызвал подозреваемого для беседы, а кончил чудесным исцелением и изучением заповедей. Скажите, а были такие, кому вы пытались помочь, как мне, и кому помочь вы не смогли?

— Не совсем так. Вначале исцеление действует на всех, а потом, в случае нарушения заповедей, как я вам уже сказала, действие прекращается.

— И были такие?

— Да.

— Возможно ли, как вы считаете, что кто-то возненавидел вас за это?

— Возненавидел? Я как-то не думала... Хотя теперь я понимаю, что, наверное, это возможно. Ведь если исцеление перестает действовать, это означает не только возвращение болезни. Это доказательство того, что человек недостоин исцеления, что он или она люди плохие. А такие вещи уж точно не прощают...

— Подумайте, может, вы сможете составить список именно тех, кому вы не смогли помочь. Не торопитесь, подумайте, все равно мы ждем девушку из банка, которая оформляла — хотел сказать «вам» — аренду ячейки в банке владельцу вашего паспорта. В общем, я не думаю, что это столь важно для нас, я уверен, что ячейку брала какая-то женщина с вашим паспортом, но порядок есть порядок. — Звякнуло переговорное устройство, и подполковник, выслушав сообщение, сказал: — Проводите ее ко мне. Ну вот, сейчас она появится. Довольно милая девчушка, Лена Петровская.

— Добрый вечер, — поздоровалась банковская служащая и нервно оглядела кабинет, хозяина его и какую-то женщину.

— Здравствуйте, — наклонил голову подполковник. — Как там у вас в банке, прибрались немножко?

— Даже не немножко. У нас в зале и следов не обнаружите, а сейф еще ремонтируют.

— Скажите, Лена, а когда вы оформляете аренду сейфа, какие документы вы требуете у арендатора?

— Только паспорт.

— Хорошо, а теперь ответьте мне честно, сравниваете ли вы фото в паспорте с лицом человека, который обратился к вам для аренды ячейки?

Лена покраснела, опустила глаза, вздохнула и призналась:

— Если честно, то нет. Мы же не выдаем какие-то ценности, просто сдаем в аренду пустую ячейку в сейфе. Конечно, я понимаю...

— Да вы не волнуйтесь, вы ни в чем не виноваты. Я лишь хотел спросить у вас, вот эта женщина, — подполковник кивнул в сторону Ирины Сергеевны, — не могла быть той, что брала эту злополучную ячейку?

— Если честно, не знаю. Вроде нет. Я ведь, когда бумажки выписываю, только на экран компьютера и пялюсь. Да и когда провожаю арендатора в сейф, тоже особенно его не рассматриваю. — Лена еще раз внимательно посмотрела на Ирину Сергеевну. — Нет, мне все-таки кажется, эта женщина у нас не была.

— Спасибо, Леночка, я так и думал, но вообще-то впредь будьте повнимательнее.

— Спасибо огромное, — напряжение прямо на глазах покидало девушку. — Значит, меня не уволят?

— Не за что, поэтому поезжайте домой спокойно. Вас проводят.

— Еще раз спасибо, я так боялась...

Глава 11. Великий белый маг

Алексей Федорович Ахтырцев приходил в ярость, когда кто-нибудь из приближенных называл его иначе, чем «господин председатель» или, в крайнем случае, просто «председатель». Строго говоря, никто из огромного племени людей, добывающих себе пропитание напуском и снятием сглаза и порчи во всех начинаниях, от дел семейных до бизнеса, приворотом в любви, лечением всех болезней и прочих небольших услуг, председателем своего сообщества его не выбирал. Но характер у бывшего редактора заводской многотиражки был бешеный, сам он был человеком крупным с пудовыми кулаками, и мало кто испытывал желание связываться с ним. Тем более что ходили о нем всякие слухи. Как это случилось, никто точно не знал, но в прошлом году человек, который с ним работал, был найден повешенным в своей квартире, хотя те, кто хорошо был знаком с покойным, шептались, что никаких мыслей о самоубийстве у него сроду не было.

На свою принадлежность к редкому племени магов и волшебников Ахтырцеву подсказал собственный характер. Обычно молчаливый и сумрачный, он иногда впадал в некий экстаз, голос у него становился выше, а глаза сверкали так, что смотреть на них было тяжело. Когда он произносил свои заклинания, его неясное бормотание то было почти не слышно, то переходило на крик. Его клиенты, преимущественно женщины, считали его чуть ли не святым. Эдаким современным Григорием Распутиным.

Когда его многотиражка закрылась вместе с заводом и советской властью в девяносто первом, он долго метался в поисках источника пропитания: ездил челноком в Турцию, пытался организовать свой ПИФ — паевой инвестиционный фонд, но желающих доверить ему свои деньги так и не нашел. Вот тогда-то увидел он в «Комсомолке» рекламу некоего белого мага в пятом поколении, который мог все, и сразу же направился по указанному адресу. Маг оказался маленьким щупленьким человечком, который с опаской посматривал на крутые плечи посетителя, и скороговоркой нес какую-то околесицу о великом его будущем. Ахтырцеву показалось, что он был магом не в пяти поколениях, а стал им пару дней назад. Впрочем, тогда, в начале девяностых, столько людей было сбито с толку неожиданными переменами в жизни страны и их собственной, что маги и гадалки легко становились главной и направляющей силой общества. Вместо КПСС, улыбался Ахтырцев при этой мысли.

Вернулся он от мага в пятом поколении под огромным впечатлением. Если уж этот шибздик с еле ворочавшимся языком мог позволить себе длинноногую секретаршу, то ему, бывшему редактору многотиражки, грех было не попробовать свои силы.

Первого посетителя он запомнил на всю жизнь: маленькая женщина с испуганными глазами втягивала птичью свою голову в плечи и бормотала какой-то вздор о неверном муже. На мгновенье Ахтырцев испугался — язык словно прилип к гортани. Что сказать этой пигалице? Что от нее не только муж, собака голодная — и та ушла бы от отвращения. Собственный страх вдруг привел его в ярость. Снова таскать из Истамбула разлезающиеся по швам полосатые тюки, набитые всякой дрянью? Никогда. Ярость заставила его закричать, и посетительница чуть не упала со стула от ужаса. Иди, возвращайся, гремел он, и Всевышний пребудет с тобой. И что-то такое еще в том же роде, чего потом он вспомнить никак не мог, сколько ни старался. Женщина благодарно совала ему деньги, кланялась и испуганно пятилась к двери.

Постепенно он привык кричать на своих клиенток, и почему-то его яростные выкрики производили на них впечатление. Так родился сначала просто маг, а потом и великий белый маг. Квартиру для

приема клиентов он снял в центре, хотя с трудом удержался от того, чтобы не врезать хозяину по физиономии — такую бандитскую цену он заломил. Но квартира была хороша, место — еще лучше, и, стиснув зубы, он согласился. И не жалел. Его сожительница Вероника — с женой он расстался одновременно с началом своей новой карьеры, как он любил выражаться — устроила интерьер в восточном стиле, с множеством ковров и легким запахом экзотических курений.

Года через два после начала практики он начал называть себя в рекламе «великим белым магом», а потом и председателем Великого братства белых магов. Девицы в отделах приема объявлений в газетах и журналах, куда он приносил свои объявления, пробовали было ухмыляться, читая их, но потом встречались глазами с глазами Ахтырцева, и лица их испуганно вытягивались. За те деньги, что он платил за рекламу, иногда думал он, все отделы рекламы и объявлений должны были бы вставать по стойке смирно при его появлении. Да, зарабатывали эти газетенки суммы, которые раньше показались бы редактору многотиражки фантастическими. Это тебе не статьи об обмене опытом и укреплении трудовой дисциплины. Впрочем, он зарабатывал еще больше. В последнее время он еще специализировался на лечении. Тут фокус был в том, что клиента нужно было убедить ни на йоту не отступать от предписанного лечения. А уж как запугать и как предписать то, что выполнить при всем желании было почти невозможно, это он знал. Так что обратно за деньгами приходили единицы.

Все шло хорошо, но в последнее время его тревожили слухи о какой-то новой необыкновенной ученой-целительнице. И якобы не только она сама лечит одной лишь силой божьих заповедей, но и целая армия ее помощников практикует вместе с ней. Причем — что было неприятнее всего — бесплатно. Вздор это или не вздор, но он сразу почувствовал опасность своим обостренным от многолетней практики чутьем. А когда вплотную столкнулся с тем, что две его особо выгодные клиентки бросили его, заявив, что их вылечила подлинная волшебница, да еще доктор наук, настоящий доктор наук, добавила одна из них с ядовитой ухмылкой, да еще, в отличие от некоторых, добавила вторая с еще более ехидной усмешкой, бесплатно, великий белый маг понял, что столкнулся с настоящей опасностью. Репутацию целителя он создавал годами. Но ломать — не строить. И эта проходимка-ученая могла запросто разрушить все его благосостояние. Что она, собственно, уже и начала делать. Он буквально зарычал от переполнявшей его ненависти, и Вероника, тихонько проскользнув в комнату, испуганно посмотрела на председателя.

Надо было что-то делать. Сорняки надо выкорчевывать в зародыше, пока они не заглушили настоящее растение. И председатель погрузился в напряженное раздумье.

. . .

Подполковник Кремнев никак не мог усидеть за своим столом. Каждые несколько минут он вскакивал и начинал ходить по кабинету. «Боже, как мы не замечаем простых маленьких радостей жизни», — думал он. Только что он должен был при каждом шаге привычно подавлять боль в ноге, лишь изредка забывая о ней. А теперь — он пять раз подпрыгнул на месте, и лицо его расплылось в широченной блаженной улыбке — боли не было и в помине. Равно как и в шее. Просто чудо сотворила с ним Ирина Сергеевна Кипнис. Но профессия следователя учит человека доверять доказанным фактам, какими бы странными они ни казались. А выздоровевшие мгновенно нога и шея были более чем доказанными фактами. Доказанными не на бумаге, а блаженным ощущением здоровых мышц и нервов.

Кто знает, как и почему у нее это получается и какую роль здесь играют божьи заповеди, — да и так ли это важно? Можно подумать, что все в мире давно уже известно, классифицировано и объяснено. Но мир был полон тайн, и даже душа человечья была, в сущности, загадкой. Может быть, самой большой загадкой. Любой хороший следователь это знает...

Спасибо Ирине Сергеевне, и самое главное, наверное, это то, что она первый раз в его жизни заставила его устроить себе самому допрос с пристрастием. Иначе как определишь, человек ли ты, достойный святых заповедей, или просто животное. Да, да, животное, какой бы высокий кабинет это животное ни занимало. Он знал таких, и было их, к сожалению, большинство. Им бы в зоопарке в клетке или в загоне место, а не в высоких кабинетах...

Он почувствовал, как хочется ему снова поговорить с этой странной ученой: вопросы росли как на дрожжах. Вот в заповеди сказано «не укради». А если ты охотишься за бандой террористов, и ухитряешься выкрасть у одного из них планы атак? Кража это или спасение невинных людей? Накануне он попросил у приятеля Библию и часов до трех ночи читал ее. Шрифт у этого издания Патриархии был мелкий, и приходилось напрягать зрение. Ветхий Завет был полон рассказов и об обманах, и предательствах, и убийствах...

Анатолий Иванович вздохнул и уселся за стол. Ветхий Завет, конечно, читать было интересно, пропуская имена бесчисленных царей, но все-таки зарплату в ФСБ ему платили не за изучение Библии, а за дела более конкретные. В настоящий момент за раскрытие странного взрыва в банке.

Беда была в том, что никаких реальных зацепок у него не было. Он уже проштудировал небольшой список людей, которые могли бы попытаться скомпрометировать Ирину Сергеевну столь нетривиаль-

ным образом, но интуиция, опыт и здравый смысл все вместе подсказывали ему, что список этот ему не подспорье. И тем не менее, подумал он, придется попросить у начальства разрешения привлечь милицию и тщательнее изучить тех людей, которых назвала Ирина Сергеевна. С одной стороны, начальство поморщится — просить у милиции помощь не всегда приятно. С другой — дело о взрыве в сейфе банка доложено уже высшему руководству Службы, и оно, как руководству и положено, требует результатов, и как можно скорее. Гм...

Звякнуло переговорное устройство и дежурный доложил: «Товарищ подполковник, к вам человек, говорит, что знает подробности дела, которым вы занимаетесь... Кто он? Говорит, сотрудник частного охранного ведомства... Хорошо, сейчас его проводят к вам».

У сотрудника частного охранного ведомства, как показалось Анатолию Ивановичу, было знакомое лицо, хотя где они встречались, он не помнил.

Сотрудник, высокий плечистый парень в камуфляже, улыбнулся и сказал:

— Здравия желаю, товарищ подполковник. Вы меня, конечно, не помните, моя фамилия Гавриков. Тогда в третьем под Гудермесом я был в командировке. Сержант московского ОМОНА.

— Теперь вспоминаю, сержант, — подполковник вылез из-за стола и протянул сержанту руку. — Как жизнь?

— Да ничего, спасибо, а как ваши ранения, я вижу, все обошлось?

— Да слава Богу. А что ты...

— Вот, товарищ подполковник, держите. Пять последних кадров. Оказывается, эти мобильники с фотоаппаратом могут быть очень полезны. И качество изображения что надо — не зря это Сони Эриксон. О цене лучше не спрашивайте — грабеж.

— А что за снимки, сержант?

— Понимаете, руководство поручило мне проследить за домом, где живет Ирина Сергеевна Кипнис. Точнее, за ее квартирой. Ну, я сидел в машине, припаркованной недалеко от ее подъезда, пока не показался этот тип, что вы увидите на снимках. Подъехал на «пассате», я снял его, когда он выходил из машины, даже номер машины видно.

— А как ты определил, что это именно тот, человек, что вам нужен?

— Ну, конечно, не он один входил в подъезд, но, знаете, что-то мне сразу показалось уж чересчур подозрительным, как он оглядывался, когда входил.

— Спасибо, конечно, Гавриков, но, боюсь...

— Я все понимаю. Дело в том, что я видел, как он входил в квартиру Ирины Сергеевны Кипнис — той самой женщины, за квартирой

которой мне поручили следить. И как он открывал дверь отмычкой. И как вышел минут через пять. А вот что он там внутри делал — не могу знать.

— Погоди, сержант, давай по порядку. Объясни мне, как ты видел, что он входил именно в квартиру Кипнис?

— Ну, это элементарно. Пока он все осматривался вокруг, я уже проскользнул в подъезд, поднялся на этаж выше, чем ее квартира. Ну, а уж незаметно посмотреть, как он ковыряется в замке — это уже дело техники. Открыл он замок, надо признать, здорово. Буквально за несколько секунд. Ну, а я уже мчался вниз, и снял его еще раз, когда он выходил из дома. Вот он, красавец. — На экране мобильника четко виден был немолодой человек с длинными седыми волосами. — Знаете, как я его мысленно назвал? Музыкант. Впрочем, наверное, у хорошего взломщика должна быть внешность честного человека.

— Ну спасибо, сержант, ты даже не понимаешь, как ты нам помог...

— А что наш музыкант наделал?

— Видно будет, нам бы только его найти. По номеру машины это будет нетрудно. Если, конечно, он ее не угнал накануне.

— Не-е, товарищ подполковник. Вряд ли.

— Почему ты так уверен?

— Понимаете, по тому, как человек запирает машину, как он проверяет, заперты ли все замки, сразу видно, его ли эта машина.

— Ну, тогда последний вопрос. А кто обращался в ваше агентство?

— Я точно не знаю, товарищ подполковник, но я слышал, вроде ее муж. Говорил, что очень беспокоится, чтобы кто-нибудь не устроил какую-нибудь пакость против его жены. А что там подробнее, не могу знать. У нас не очень любят, когда сотрудник становится чересчур любопытным.

— Да и у нас, сержант, тоже. Еще раз спасибо. Можно, конечно, самому перенести эти изображения на какой-нибудь носитель, но я бы предпочел, если ты, конечно, не возражаешь, оставить твой мобильник на часок. Наши специалисты сделают это лучше меня. Можешь заехать через часок?

— С удовольствием. Я и ездить никуда не буду. С этими пробками далеко не уедешь. Я лучше схожу в кафе поем. Через полтора часа снова подойду.

— Спасибо. Мобильник будет у дежурного... Да... А ты вообще доволен своей работой?

— Да вроде платят прилично. В общем, ничего.

— Смотри, а то подумай, может, перейдешь к нам. Как ты?

— Спасибо, товарищ подполковник, надо подумать.

Иван Федорович Псурцев проклинал тот момент, когда согласился выполнить поручение этого гребаного мага. Общий знакомый свел. Дело казалось простеньким, выкрасть паспорт из пустой квартиры, а главное — цена была уж очень привлекательная: три тысячи баксов. Вообще-то в свои шестьдесят пять с хвостиком он активную практику, как он любил выражаться, уже бросил. И годы не те, и двух ходок, как он считал, было для одного человека вполне достаточно. Тем более, что человек он был осторожный, непьющий, аккуратный в расходах — может в бабку свою. Мать говорила, что она немкой была. В общем, несколько копеек собрать удалось. Плюс пенсия по старости. Пусть скромненько, но жить можно было.

Паспорт-то он этому магу принес быстро, тут проблем не возникало, как-никак профессионал, кое-какого опыта в неустанной борьбе с законом, что ни говори, поднабрался. И даже деньги в комоде, где лежал паспорт, не тронул. Раз ты профессионал, нужно блюсти себя. Задание было взять паспорт — он его и взял. И все. Считай это глупостью, может быть. Но во всякой профессии должна быть своя гордость.

Но вот получить свои честно заработанные бабки оказалось куда труднее. Первый раз паршивец этот весь сиял от улыбок, а за деньгами просил зайти завтра. Мол не было в доме наличных. Ну, допустим, хотя теперь уже ясно, фраернулся ты, Иван Федорович. Старый, а дурак. Надо было по деловому: вы — мне, я — вам. Назавтра улыбок уже не было. Начал орать, дергаться. Сказал, отдам, значит — отдам. Я председатель Великого братства магов, а ты... Да я тебя...

Конечно, можно было сходить к магу еще раз, три тысячи баксов на улице не валяются, но интуиция подсказывала старому взломщику, что денег ему не видать как своих ушей.

В этот момент в дверь позвонили.

— Кто там? — спросил Иван Федорович, подходя к глазку, врезанному в стальную дверь.

За дверью стояли двое. Одного из них Иван Федорович знал — старший по подъезду. Проверка какая-нибудь или опять деньги клянчить будут на ремонт подъезда. Кому это надо, только, наверное, тем, кто эти деньги и разворует. Вон на что похож подъезд, хуже чем свинарник. Он открыл дверь.

— Здравствуйте, Иван Федорович, — сказал незнакомый. — Позвольте представиться: подполковник Федеральной службы безопасности Кремнев Анатолий Иванович. С вашего разрешения я бы хотел задать вам несколько вопросов.

«Только спокойнее», — приказал сам себе Псурцев. Квартира чиста как стеклышко. Ищи — ничего не найдешь. Да и сам он ничего

противозаконного уже давно не делал. Ну, паспорт — это мелочь. Такие вещи ФСБ по барабану.

— Ради бога, прошу. Садитесь.

— Иван Федорович, посмотрите, пожалуйста, на фото. Узнаете этого джентльмена?

— Да я, как будто, — промямлил Псурцев, пытаясь понять, где и зачем его фотографировали.

— Как будто вы, — согласился подполковник. — Скажите, если помните, конечно, что вы делали вот в этом доме, что на фото?

— Кто? Я? — дурашливо переспросил Псурцев, пытаясь выиграть время и сообразить, что говорить. Чтоб этот маг в аду варился столько лет, на сколько он накрыл его, да еще в неприятности впутал.

— Вы, Иван Федорович.

— Да так просто заехал повидать знакомого.

— А не скажете, кого именно?

Влип, тоскливо подумал Псурцев. Проверят. И тут его осенило. Скорей всего влип-то не он, а председатель магов, будь он проклят. И единственный шанс его — сдать мага со всеми его потрохами. Он посмотрел на офицера, показал ему глазами на старшего по подъезду, который с любопытством смотрел на них обоих. Подполковник его понял, поблагодарил старшего и попросил оставить их вдвоем с Псурцевым.

— Я, если честно, догадываюсь о цели вашего визита, — вздохнул Псурцев, когда старший ушел, — и готов всячески помочь вам...

Глава 12. Протоиерейская разведка

Ирина Сергеевна пришла первой. Накануне ей позвонил человек, представился протоиереем Юрием Михайловичем Неусыпкиным, сотрудником Московского Патриархата, и вежливо попросил о свидании. Свидании, подчеркнул он, сугубо частном, поскольку он никого не представляет, никто его встречаться с ней не просил и не уполномочивал. Просто он слышал о ее целительстве и хотел познакомиться с ней лично.

Сама не зная почему, Ирина Сергеевна тут же согласилась — она давно уже ждала такой встречи — и почему-то, ни секунды не раздумывая, предложила ему встретиться в том самом итальянском кафе, с которого и началась новая неожиданная глава в ее жизни.

Протоиерей, довольно молодой человек с редкой русой бородкой, появился через несколько минут, обвел зал внимательным взглядом и с улыбкой направился к Ирине Сергеевне.

— Добрый день, спасибо, что вы так любезно и быстро согласились поговорить со мной.

— Мне тоже интересно встретиться с духовным лицом. Заказать вам что-нибудь?

— Спасибо, Ирина Сергеевна, я бы не отказался от чашечки кофе.

— Я, пожалуй, тоже. Будьте любезны, — повернулась она к официантке, — мне чашечку капучино.

— А мне кофе с молоком. — Протоиерей внимательно посмотрел на Ирину Сергеевну и улыбнулся. — А я представлял вас совсем другой...

— Какой же? И потом, как мне к вам обращаться? Отец, батюшка?

— Можно просто Юрий Михайлович. Как к мэру Москвы. А представлял я вас властной и недоступной дамой, а вы... Я чувствую, что вы человек скорее добрый и мягкий.

— Спасибо, но я в этом вовсе не уверена. Скажите, а как вы узнали о моем существовании? Я исцелила кого-то из ваших знакомых?

— Вначале я прочел письмо в Патриархат от сотрудницы вашего института Стрельцовой.

— Представляю, что она там написала. Что я шарлатанка, проходимка, что никого я не вылечиваю и так далее. Похоже?

— Довольно близко. А как вы думаете, чем вызвана такая, мягко выражаясь, неприязнь?

— Тем, что мой дар исцеления, который я даже не знаю, чем заслужила, действует лишь на тех, кто строго следует десяти библейским заповедям. Стрельцова всегда хвасталась, что она одна из немногих истинно верующих, что она входит в двадцатку активистов своего прихода. Я не отказываю в своей помощи никому, потому что не считаю себя вправе распоряжаться даром целительства. Он ведь не мой, не моя собственность. Я попыталась помочь ей, но у нас ничего не получилось. Вернее, вначале она испытала мгновенное облегчение, но очень скоро эффект исчез.

— Почему?

— Как я вам сказала, исцеление проявляется только в тех случаях, когда оно касается людей, следующих десяти заповедям. Я всегда считала Стрельцову человеком злым и завистливым, поэтому особенно и не удивилась такому повороту событий. Даже больше, я ожидала, что не смогу помочь ей.

— Понимаю. Скажите, Ирина Сергеевна, могу я задать вам вопрос о вашей вере? Разумеется, если вопрос вам неприятен или вы просто не захотите отвечать на него, я ни в малейшей степени не буду в обиде.

— Нет, нет, дело не в этом... В последнее время я много размышляла об этом. Боюсь, наши представления об основах веры будут очень разными.

— В чем именно?

— Ну, для начала я скажу вам, что не верю в то, что господь создал человека. Наоборот, человек создал себе божество. Не мы его дети, а он наш сын. Не он несет ответственность за нас, а мы ответственны за его существование.

— Признаюсь, Ирина Сергеевна, я еще никогда не слышал ничего подобного...

— Вы хотите сказать «богохульства»?

— Нет, почему же... Вы же не хулите Господа. Может быть, даже наоборот. Если он наш... сын, то мы должны испытывать к нему хотя бы родительскую любовь. Но так уж устроены люди, так уж обременены они выпавшим на их долю самосознанием, что им больше нужен не сын, сам нуждающийся в их заботе и любви, а отец, мудрый и всемогущий отец, которого, как и всякого хорошего отца, дети и любят, и боятся, и чье одобрение стараются заслужить. Дело ведь не в том, где именно пребывает Всевышний и какая у него борода. Это только наши наивные дурачки-коммунисты после полета Гагарина пыжились от своего нелепого атеизма и кричали, что никакого Бога Юрий Гагарин в космосе не увидел. Он и не мог Его увидеть. Ведь Он не восседает в кресле где-нибудь на облаке. Он в гораздо более недоступном месте — в сердце каждого верующего.

Поэтому наша церковь никогда не согласится со всякими политеистами, пантеистами и прочими заблудшими овцами, которые видят бога в каждой травинке. Мы верим в Отца и Его Сына Иисуса Христа, ибо без них наше существование теряет всякий смысл. Без них мы просто двуногие животные, ставшие в силу каких-то обстоятельств более могущественными, чем другие, а стало быть, и более кровожадными и жестокими.

— Вам не кажется, Юрий Михайлович, что наш разговор становится уж очень специально богословским? Ведь в христианстве вы верите в триединого Бога — Отца, Сына и Святого Духа. Иудеи потому и не могут воспринять христианство, что для них Бог один и един. А Иисус Христос был не более чем одним из множества проповедников-пророков.

— Хорошо, давайте пока оставим теологию. С формальной точки зрения вы никак не можете считаться христианкой, ибо наши взгляды на Господа уж очень диаметрально противоположны. С другой, ваше целительство основано на десяти библейских заповедях...

— Да, я считаю их основой даже больше, чем иудаизма и христианства, основой всей нашей цивилизации.

— Может быть, мы смогли бы найти какие-то точки соприкосновения — те же заповеди — и работать вместе. Как вы считаете?

— Хорошо, отбросим чисто богословские вопросы. Старшая лаборантка Стрельцова, которую мы уже упоминали, человек, как вы говорите, воцерковленный. Она молится, она регулярно ходит в церковь, она принимает участие в жизни своего прихода, она строго соблюдает все церковные праздники и посты. И при этом она человек злой, завистливый, нетерпимый, лживый. Считаете ли вы ее настоящей христианкой?

— Да, она далека от идеала, разумеется, но она христианка. Если бы все христиане были совершенны, мир был бы другим. И не нужно было ждать прихода Мессии, чтобы агнцы возлегли рядом с волчицами. Мы не отвергаем никого, мы уверены, что само стремление к Богу уже смягчает и спасает души людские.

— А для меня она бесконечно далека от Бога. Если на весы на одну чашку положить молитвы и посты, а на другую злобу и нетерпимость, то для меня нарушения заповедей перевешивает все остальное. Мне неловко вам это говорить, вы наверняка знаете и Ветхий и Новый Завет неизмеримо лучше и глубже меня, но как раз в иудаизме главное не форма, а суть веры. То есть правильное поведение, другими словами, соблюдение тех же заповедей, важнее всех молитв и постов. Не случайно еврейские мудрецы считают, что суть Торы может быть выражена в нескольких словах: никогда не делай другому того, что неприятно тебе.

Вы знаете, мне вообще кажется, что ваша церковь потому так мало ратует за выполнение заповедей, что подменяет Всевышнего Иисусом Христом, которому авторы Евангелия приписали совершенно несуразные в своей заведомой невыполнимости требования вроде «подставь другую щеку», «отдай последнюю рубашку» или советы не думать, как птички, о завтрашнем дне — бог прокормит.

А когда требования заведомо невыполнимы, то никто особенно и не требует их исполнения.

Еще раз прошу простить меня, Юрий Михайлович, за нравоучительный тон. И уж подавно я не призываю вас принять иудаизм. Да я сама так же далека от иудаизма, как и от христианства. Кипнис, кстати, это фамилия моего мужа, а он, как и я, далек от веры. Вообще для евреев, как вы наверняка знаете, прозелитизм, то есть обращение в свою веру, глубоко чужд. Если кто-то и захочет принять иудаизм, раввин обязан всячески отговаривать его, указывая на все трудности, связанные с принадлежностью к иудаизму.

— И все-таки, Ирина Сергеевна, мы с вами не так далеки друг от друга, как может показаться...

— К сожалению, я не разделяю вашего оптимизма. Если бы для православия нравственность действительно стояла бы на первом месте, а посты и молитвы далеко позади, всю силу свою, весь авторитет

свой церковь обратила бы на воспитание веры в заповеди, на требования всегда исполнять их. Или, по крайней мере, стремиться выполнять их. Мы бы слышали страстные призывы к заповедям с каждого амвона. Вы же предпочитаете просто перекрестить какого-нибудь братка с бритой шеей и золотым крестом на шее, который вчера завалил кого-нибудь на стрелке, а сегодня пришел в церковь. Так, Юрий Михайлович?

— Конечно, вы не правы, хотя в чем-то и можно было с вами согласиться. Вообще, это сложный вопрос, и не нам...

— Может быть, не вам. Вы вписаны в церковную иерархию. Но я человек свободный, и я хочу нести всю полноту нравственной ответственности и за себя, и по возможности большее количество людей. А то мы в России привыкли всегда полагаться на других, вот приедет барин, барин всех рассудит. А барин, к сожалению, все где-то задерживается и что-то особенно не спешит к нам. Посмотрите на нашу преступность, коррупцию, повальное пьянство, сотни тысяч брошенных родителями детей. Вот истинное поле приложения трудов церкви...

— Жаль, честное слово жаль, что мы не можем соединить усилий.

— В чем?

— Я думаю, что если бы вы были готовы несколько изменить свои уж очень неканонические — скажем честнее — еретические взгляды, мы могли бы работать вместе.

— Пока, дорогой Юрий Михайлович, боюсь, что это из области мечтаний.

— Жаль, Ирина Сергеевна. Что бы вы ни говорили, я уверен, что мы придем друг к другу. Поэтому я не говорю вам «прощайте», а просто «до свидания». И еще раз спасибо, что так любезно согласились встретиться со мной.

Протоиерей ушел, а Ирина Сергеевна продолжала сидеть за столиком, закрыв глаза. Почему-то она чувствовала себя бесконечно усталой. Она вздохнула и открыла глаза. На месте протоиерея сидел Иван Иванович и улыбался ей своей мягкой доброжелательной улыбкой. Усталость ее мгновенно испарилась, а душа наполнилась каким-то удивительно нежным теплом.

— Простите, что я так неожиданно... — Ирине Сергеевне показалось, что Иван Иванович смотрел на нее не просто ласково, а с какой-то согревающей все ее существо любовью.

— Что вы! Вы не представляете, как я рада видеть вас...

— Я слышал вашу беседу. Я хочу лишь сказать, что горжусь вами. Вы молодец, вы очень храбрая женщина, и я счастлив, что не ошибся в выборе. Хотя, если быть честным, я не думал, что вы столк-

нетесь с такими сложностями в выполнении своей миссии. Разумеется, я давно уже отдавал себе отчет в упорстве рептильного комплекса в сознании людей, но мне казалось, что кора больших полушарий с культурой и верой, собранными в ней, одолевает древний злобный спинной мозг. Увы, далеко не всегда. Совсем не всегда. Порой я сам не могу понять, откуда во мне эта упорная вера в то, что человек может стать лучше. Наверное, она все-таки от людей, которые не могут жить без надежды... Еще раз спасибо вам за все ваши труды. Держитесь, друг мой, я всегда буду с вами.

Только что, секунду назад сидел за столиком улыбающийся Иван Иванович с печальными глазами, изливал на нее свое тепло — и вот — уже нет его. Словно его и не было, словно пригрезился он ей. Да и был ли он в действительности?

Ирина Сергеевна расплатилась за кофе и медленно вышла на улицу. На душе у нее было и радостно и грустно. Никогда не думала она, что эти чувства могут так легко соединяться в одном сердце...

Глава 13. Конец великого мага

Когда старший по подъезду вышел, Псурцев вопросительно посмотрел на посетителя. Да, и думать, собственно, было не о чем — единственный его шанс был сдать мага со всеми его потрохами. Тем более, что он вполне это заслужил. Кинул его, старого фраера, как мальчишку, как последнего лоха.

— Как я уже сказал, я догадываюсь, чем я обязан вашему визиту...

— Приятно беседовать с интеллигентным человеком, — вежливо улыбнулся подполковник.

— Попутал черт старого дурака, согласился выкрасть паспорт вот из этой квартиры, что на снимке.

— Раз вы говорите «согласился», значит, был заказчик. Правильно я вас понял?

— Совершенно правильно. И заказал мне этот треклятый паспорт некий Ахтырцев, великий маг и председатель Братства магов, как он себя величает. За три тысячи зеленых, будь они неладны, которых я тем более не получил...

— А для чего магу понадобился паспорт женщины?

— Вот этого я не знаю. Во-первых, не мое это дело, а во-вторых, все равно он бы не сказал. Польстился, старый дурак, на три тысячи. И не получил ни гроша. Понимал, эта скотина, что жаловаться мне некому. Не в суд же идти. Мне уже шестьдесят пять, здоровье не то, и третьей ходки на зону я не перенесу. Поэтому я сделаю все, чтоб

этого мага сдать вам. Человек он наглый, упорный. С ходу не признается, да и паспорта, надо думать, у него вы не найдете.

— Что же вы предлагаете?

— У меня есть хороший портативный диктофончик. Я приду к нему канючить гонорар, скажу, что согласен хоть на тысячу. С божьей помощью, разговор запишется, и играть в незнайку ему будет посложнее. Я вас ни о чем не прошу, надеюсь только, что моя помощь зачтется.

— Ну что ж, давайте-ка посмотрим на ваш диктофон.

Подполковник покрутил в руках простенький японский диктофон, который Псурцев дал ему, и покачал головой. — Ширпотреб, и не очень надежный. Японский-то он японский, но сделан в Китае. Возьмите-ка лучше мой. Кнопки такие же, разберетесь, Иван Федорович. Во время разговора старайтесь быть поближе к вашему магу. Когда вы пойдете к нему?

— Да прямо сейчас. Вернусь тут же. Мне кажется, что вам бы лучше ждать меня прямо у подъезда. Если все пройдет, как я надеюсь, лучше вам тут же и побеседовать с ним, пока он тепленький.

— Да вы, я смотрю, прямо готовый оперативник, — улыбнулся подполковник. Что ж, поехали.

— Господин председатель, — Псурцев заискивающим тоном обратился к магу. — Может...

— Сказал же, что отдам, — поморщился маг. — Не приставай.

— Я ж ваше задание выполнил, паспорт принес, все честь по чести, может, хотя бы половину гонорара отдали бы мне сейчас.

— Сказал: не приставай. Приходи завтра.

— Да вы меня уже третий раз гоняете, а в моем возрасте торчать в московских пробках по три часа...

— Мог бы и на городском транспорте приехать, не велика птица. Понял?

— Так точно, господин председатель, только вот ноги в шестьдесят пять не очень-то ходят. Может, хоть сколько-нибудь подкинете, а то, ей-богу, сижу без копейки. Ну, хоть баксов триста...

— Ну и приставучий ты тип, Иван Федорович, как банный лист на заднице. Попомни мое слово, там ты и останешься. Твое это место. Черт с тобой, держи — вот тебе двести баксов, и катись. Больше не приходи.

— Так вы за паспорт три куска обещали, я ж все-таки рисковал...

— Рисковал, рисковал. Принес паспорт, сам цел и невредим — скажи спасибо. Все. Некогда. У меня сейчас клиент придет.

— Спасибо, господин председатель, и за это.

Псурцев поклонился, тяжело вздохнул и вышел.

Через минуту они уже прослушивали в машине подполковника запись. Кремнев удовлетворенно кивнул.

— Все нормально.

— Надеюсь, товарищ подполковник, что мое сотрудничество...

— Зачтется, Иван Федорович. Но помните, что две ваших ходки всегда могут обернуться третьим посещением зоны. И в вашем возрасте, скорее всего, последним. Так что смотрите...

— Да я...

— Верю. Какая квартира у этого мага?

— На третьем этаже слева. Напомню вам: зовут его Алексей Федорович Ахтырцев.

— Спасибо.

Дверь подполковнику открыла длинноногая красавица. Голову ее венчала чалма, в квартире пряно пахло какими-то курениями.

— Вы по записи? — спросила красавица.

— Не совсем. Вот мое удостоверение сотрудника ФСБ. Попрошу вас проводить меня к господину Ахтырцеву, и самой ни в коем случае квартиру не покидать. Понятно?

— Да... — испуганно промямлила красавица и ввела подполковника в полутемную комнату. На полу и стенах были ковры.

— Господин Ахтырцев Алексей Федорович? — спросил Кремнев и протянул магу свое удостоверение.

— А в чем, собственно, дело? Если вы за предсказанием будущего, снятием порчи или чего-нибудь еще по моей части, нужно записаться заранее. У меня столько клиентов, в том числе и весьма влиятельных людей, что я вынужден настаивать на предварительной записи. Запишитесь в передней у моей помощницы, и она назначит вам день.

— Спасибо, мне просто хотелось бы задать вам несколько вопросов...

Маг выразительно посмотрел на золотые часы на запястье и нехотя кивнул.

— Только недолго.

— Постараюсь, — сказал подполковник. — Впрочем, все будет зависеть от вас. Вопрос номер один: зачем вам понадобился паспорт Ирины Сергеевны Кипнис?

— Не понимаю, о чем вы?

— Все вы прекрасно понимаете.

— Какой Ирины Сергеевны? Какой Кипнис? Какой паспорт? Может, вы все-таки объясните мне, о чем идет речь?

Отличный актер, ухмыльнулся подполковник. Впрочем, для человека, вся профессия которого — дурить людям голову, без умения играть делать нечего.

— Ну, раз вы настаиваете. Вы посулили Ивану Федоровичу Псурцеву три тысячи долларов за то, чтобы он выкрал из квартиры Кипнис ее паспорт.

— Еще забавнее, — покачал головой маг. — Какой Иван Федорович? Зачем мне паспорт? У меня, слава богу, свой есть. К тому же я не дама, как вы видите.

Еще держится, отметил подполковник, но, кажется, скорее по инерции. Голос мага звучал уже не так уверенно.

— Охотно верю, что вы не дама. Но раз вы сами сказали, что времени у вас в обрез, давайте лучше послушаем, о чем вы полчаса назад беседовали с Иваном Федоровичем. И прежде чем вы будете по-детски упрямиться, что я не я и лошадь не моя, помните, что речь идет не о шалости, не о банальной квартирной краже, а о террористическом акте. Поэтому-то у вас в гостях не сотрудник милиции, а офицер ФСБ. Вы меня понимаете? — Подполковник включил диктофон.

Когда пленка кончилась, в комнате воцарилась тишина. Кремнев повернулся к побледневшей Веронике:

— Вас мы тоже должны будем задержать. Ведь именно вы, пользуясь краденым паспортом, заложили взрывчатку в ячейку сейфа в банке.

— Я... я не знала, что там в пакете, который я положила в сейф. Честное слово! Вы мне верите?

— Это уже дело суда — верить вам или нет. Паспорт еще у вас или вы его уже выбросили?

— У меня, у меня, Алексей Федорович велел его выбросить, а я...

Маг с ненавистью посмотрел на помощницу.

— Сейчас мои помощники произведут у вас обыск, ордер вам предъявят, а пока, может быть, вы мне в двух словах скажете для чего вам это было нужно.

— Она... она... — он сжал кулаки от ненависти, — она своим целительством... подкапывалась под весь мой бизнес.

— Жаль, жаль, что такой выдающийся маг, как вы, так плохо рассчитал свои действия... — А вот и мои помощники. Сейчас они предъявят ордер, и мы начнем обыск.

Вскоре подполковник Кремнев позвонил Ирине Сергеевне.

— Во-первых, дорогая Ирина Сергеевна, позвольте доложить вам, что шея моя в полном порядке. Я даже каждые пятнадцать минут на-

чинаю крутить ею, чтобы убедиться, что она совершенно не болит. Жена как-то подозрительно смотрит на меня и допытывается: что это ты все время выискиваешь? Нога — о ноге я вообще забыл. Но беспокою я вас, главным образом, для того, чтобы сообщить: люди, которые выкрали у вас паспорт и с его помощью арендовали в банке ячейку в сейфе, куда заложили двести граммов взрывчатки со взрывателем, найдены и задержаны.

— Кто же они? Зачем они это сделали?

— Как вы знаете, свободная и честная конкуренция приживаются у нас ох с каким трудом. Вот один из магов, этих, кто снимает порчу, обеспечивает надежные привороты и так далее, почувствовал в вас угрозу для своего весьма процветающего бизнеса и решил обезопасить себя от конкурента столь замысловатым способом.

— Вот бы никогда не подумала, что я и им дорогу перебегаю.

— Если бы мы только всегда могли знать, чьи дороги мы перебегаем... Не буду вас больше задерживать. Спасибо вам за все, что вы для меня сделали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Голос разума негромок, но он не замолкает, пока его не начинают слушать. В конце концов, после бессчетных неудач, он добивается своего. Это один из немногих фактов, которые позволяют сохранять оптимизм в отношении будущего человечества.

Зигмунд Фрейд. Будущее иллюзии

Глава 14. Дача на Трудовой

— Ирина Сергеевна, — сказал аспирант Миша, входя в ее кабинет, — у нас с Машей огромная просьба к вам...

— Я смотрю, у вас уже и просьбы коллективные, — улыбнулась Ирина Сергеевна. — И в чем же она заключается?

— Отец моего старинного приятеля — мы вместе в школе учились — болен, и он, мой приятель, очень просил, чтобы вы посмотрели его. Но это, если честно, не единственная причина, почему мне тоже хотелось бы вас свести.

— То есть?

— Понимаете, мы с Машей обеспокоены... скорее, даже напуганы тем, что происходит вокруг вас. Слишком много яда и злобы, которыми брызжут те, кто не мог быть исцеленным из-за своих нравственных качеств. Если ничего не предпринять, ситуация будет только ухудшаться, причем лавинообразно. Что делать, ни Маша, ни я не знаем, но чувствуем, более того, уверены, дорогая Ирина Сергеевна, что что-то делать нужно.

— Ну и при чем тут отец вашего приятеля?

— Понимаете, он человек не только очень влиятельный — он крупный бизнесмен — но и умный. Циничный и умный. Может быть, он что-нибудь подскажет нам. Знаете, когда носом чуешь возможную беду — а я ее точно чувствую, — надо использовать все возможности.

Ирина Сергеевна глубоко вздохнула. — Мне не кажется, что все уж так драматично. Немножко, Мишенька, вы сгущаете краски, но вообще-то я и сама часто ловлю себя на мысли, что хорошо бы бросить это целительство к чертовой матери и жить спокойно. Но я же знаю, что не смогу это сделать. Съела бы себя, изгрызла. Не помочь страждущим, когда ты можешь это сделать, — это же страшно... Но, конечно, я готова посмотреть отца вашего товарища. Пусть приедет ко мне домой. Дайте ему мой телефон, и пусть он позвонит.

— У него тяжелый криз, стойкое высокое кровяное давление. Он уже лежал в больнице, они почти не помогли ему. Он предпочитает оставаться на даче, это под Москвой, недалеко, станция Трудовая по Дмитровскому шоссе. Если бы вы согласились, он пришлет утром в субботу за нами машину.

— За нами?

— Я хотел поехать, чтобы познакомить вас, и Маша поедет с нами. Если Яков Михайлович захочет...

— Нет, он предупреждал меня, что в субботу будет занят на работе. Какой-то там у них эксперимент, который нельзя остановить. Ну что ж, давайте съездим к вашему богатому мудрецу-гипертонику.

Огромный черный «Ленд Круизер» с тонированными стеклами, казалось, плыл по шоссе. В машине почти не было ничего слышно, тонко и приятно пахло кожей обивки. Ирина Сергеевна прикрыла глаза и задремала. Откуда-то из темноты бесшумно выплыли огромные чудовища со свирепо разинутыми пастями и с шипением приближались к ней. Но страшно почему-то не было, было лишь ощущение, что рептилии эти вечны и неуязвимы, и сражаться с ними бессмысленно. От этого было бесконечно печально.

Тяжелая машина замедлила ход, круто повернула, и Ирина Сергеевна проснулась. Какую-то долю секунды чудовища еще продолжа-

ли пялить свои разинутые пасти, но тут же испарились, исчезли, оставив после себя лишь чувство необъяснимой грусти.

«Ленд Круизер» въехал на огромный участок, обнесенный высоким каменным забором, и остановился подле белого двухэтажного дома с колоннами по обеим сторонам входа.

Водитель выскочил, быстро открыл дверцы, и все трое — Ирина Сергеевна, Миша и Маша — вылезли из машины. Из дома выскочил высоченный парень, обнялся с Мишей. — Здравствуйте, Ирина Сергеевна, здравствуйте Маша, спасибо, что приехали, папа ждет вас. Меня зовут Артем. Идемте за мной.

Они вошли в огромный холл, пересекли его и вышли на террасу. В кресле-качалке сидел худощавый человек лет пятидесяти пяти. Он улыбнулся гостям и медленно встал:

— Простите, что не вышел встретить вас, от этого чертова давления голова мало что как чугунная, она еще и кружится. Позвольте представиться: Захар Андреевич Головня. Как вас зовут, я уже знаю, сын предупредил меня. Мишу я знаю сто лет, знаю — он улыбнулся Маше, — что вы — Маша. Садитесь, дорогие гости. Предупреждаю заранее, что без обеда вы отсюда не уедете, вплоть до применения насильственного задержания.

— Скажите, Захар Андреевич, вы что-нибудь слышали о том, как и на кого действует исцеление? — спросила Ирина Сергеевна и внимательно посмотрела на хозяина. Обычно при первом же взгляде на незнакомца у нее возникала мгновенная симпатия или антипатия к человеку, но Захар Андреевич скорее вызывал у нее ощущение настороженности.

— Сын рассказывал мне то, что слышал от Миши. В самых общих чертах. К тому же я всегда предпочитаю получать информацию из первоисточника.

— Хорошо. У вас стойкое высокое давление, я чувствую его. Не ручаюсь за точность, но в данный момент оно порядка двухсот на сто двадцать — сто тридцать.

— Вы совершенно точны. Я поражен, Ирина Сергеевна. Если вам это следует знать, за последние полгода я дважды лежал в хороших, впрочем, не столько даже хороших, сколько очень дорогих больницах. Меня пичкали новейшими препаратами и ставили, как когда-то моей бабушке, пиявки. Делали все, что могли и умели. В этом мне их упрекнуть не в чем. Результаты более, чем скромные, и то они исчезали через неделю-другую. Я соблюдаю диету, я не пью, не курю, но у меня ощущение, что меня неудержимо несет к краю пропасти. Я практически инвалид. Поэтому когда я услышал от сына о вас... Я не очень люблю драматические выражения, но я чувствую, что вы — моя последняя надежда. Может, если бы я был здоровым человеком, я бы

лишь посмеялся над Мишиными рассказами о чудесных исцелениях и божьих заповедях. Но у тяжело больных надежда легко одолевает скептицизм и здравый смысл.

— Мы, Маша — Ирина Сергеевна кивнула головой в сторону Маши, которая сидела рядом с ней — и я можем поставить вас на ноги. Как мы вылечим вас и от чего именно — мы не ведаем. Мы лишь исполнительницы какой-то высшей воли, мы хранительницы дара, который почему-то вручен нам. Но вылечить вас мы можем, причем практически мгновенно, и вы вообще забудете о том, что на свете существует такая вещь, как кровяное давление.

Но есть два условия вашего излечения: простое и сложное. Простое — мы не берем никакой платы, повторяю: ни-ка-кой. Ни деньгами, ни в виде подарков. Это совсем не сложно. Второе условие неизмеримо сложнее. Вы должны выполнять все десять библейских заповедей. Или, по крайней мере, искренне стремиться выполнять их. Позвольте вам их напомнить, потому что бизнесмены, как я подозреваю, не слишком часто перечитывают Библию. Первая: «Да не будет у тебя другого бога сверх меня».

— Другого? Что значит «другого»?

— Сверх того, в вашем случае, кто поможет вам.

— Значит, это... исцеление от бога?

— Конечно. Неужели вы думаете, что простой смертный может иначе мгновенно излечивать от болезни, перед которой пасуют высокие профессионалы?

— Понимаю... хотя, если честно, то не очень.

— Есть вещи, которые понять трудно или вообще невозможно. Во всяком случае, нам, простым смертным. Да и не надо пытаться все понимать. Иногда верить куда важнее, чем понимать. Но двинемся далее. «Чти отца своего и мать свою». Это-то помнят почти все, но далеко не все следуют этой заповеди. Далее. «Не убий». «Не прелюбодействуй». «Не укради». «Не отзывайся о ближнем свидетельством ложным». То есть, не лги. «Не домогайся дома ближнего своего». «Люби ближнего своего, как самого себя». Еврейские мудрецы суммировали все заповеди в нескольких словах: «Не делай ближнему того, что было бы неприятно тебе».

На первый взгляд, следовать заповедям вовсе не трудно, если ты не какой-нибудь серийный убийца. Но на самом деле мы, как и все живые твари, подвержены древнейшим инстинктам, которые сотни миллионов лет требовали и требуют как раз противоположного: убей, чтобы была еда, укради, чтобы было еще больше еды и так далее... Боюсь, что бизнес куда ближе к закону джунглей, чем к библейским заповедям, особенно у нас, где и джунгли погуще, и правила охоты не столь строги, как в более законопослушных странах. Вот, собственно, и все.

Миша говорил мне, что вы человек умный и циничный... простите, если я обижаю вас этим определением...

— Ни в малейшей степени.

— Тем лучше. Теперь вы представляете, что от вас требуется, ну, а что уж вы решите — это, Захар Андреевич, ваше сугубо личное дело.

— Понимаю. И спасибо за то, что не пытаетесь сгладить как-то выбор... Скажите, а были такие в вашей практике, кто просил о вашей помощи, но потом разочаровывался из-за своей неподготовленности к требованиям заповедей?

— Более чем достаточно. Только люди устроены так, что им гораздо проще обвинить другого, в данном случае Машу или меня, чем признаться себе, что они далеки от праведности и просто недостойны исцеления. Потом, если у нас что-нибудь получится, я бы даже просила вашего совета, что делать...

— В каком смысле?

— Вы понимаете, чудесное исцеление, да еще бесплатное, привлекает многих. Число жаждущих помощи растет буквально в геометрической прогрессии. И с ними растет число разочарованных, которые, естественно, поливают нас грязью...

— Понимаю. — Захар Андреевич откинулся в кресле и прикрыл глаза. Несколько секунд он молчал, потом глубоко вздохнул. — Да, сложная дилемма у меня, ничего не скажешь... Вы правы, совместить высокую нравственность и бизнес, во всяком случае, мне, за всех отвечать я не в праве, непросто. Я, знаете, последние несколько лет вместе со своим компаньоном специализировался на так называемом рейдерстве. То есть мы любыми путями скупали акции намеченных компаний, причем преодолевая их сопротивление, а когда получали контрольный пакет, реструктуризировали их и продавали с прибылью. Так что слово рейдеры в нашем деле можно было бы заменить на менее элегантное слово налетчики. В лучшем случае, пираты. Просто рейдеры звучит поблагозвучнее. — Захар Андреевич ухмыльнулся. — Почему-то я вдруг вспомнил, как в начале девяностых — у меня тогда было десятка полтора бензоколонок — я решил сделать отцу подарок и купить ему хороший блейзер. Ну-с, поехали мы с ним в гостиницу Славянская, там тогда были хорошие бутики на первом этаже, не знаю, остались ли они там теперь. Выходим из машины, и сразу же четверо автоматчиков окружают нас со всех четырех сторон. Отец закричал: сынок, за что тебя... Ну, я ему объяснил, что это моя охрана, что из пяти моих компаньонов, с которыми мы начинали бензоколоночный бизнес, трое уже убиты и мне страсть как не хочется стать четвертым. Отец ни в какую, молит буквально: сынок, да черт с ним, с этим пиджаком, брось это все, разве можно жить в постоянном ужасе?

Вообще, между прочим, девяностые годы были довольно странным временем, как я сейчас понимаю. Вот, например, все клянут Ельцина, что расцвела при нем коррупция и воровство. Это так, спора нет. Но с моей точки зрения он спас страну от гражданской войны. Точнее, именно коррупция и воровство спасли ее.

— Каким же образом? — спросил Миша.

— Очень просто. Перемены в жизни страны были огромные, рухнуло разом все, от идеологии до империи, от экономики до истории. Да, да, истории, потому что история всегда заново переписывается каждым новым строем. Миллионы людей потеряли все, от сбережений до привычного образа жизни. Гражданская война не просто витала в воздухе, она была неизбежна, тем более что разница между разбогатевшими нуворишами и основной массой населения была даже не разницей, а глубочайшей пропастью. Запасы злобы и недовольства в стране были критические. Почему же гражданской войны удалось избежать? Да потому, что наиболее активная и деятельная часть населения, та, которая строит баррикады и призывает граждан к оружию, кинулась вместо баррикад строить жульнические финансовые пирамиды и вообще делать деньги, преимущественно не слишком честным образом. Так что воровство и сопутствующий расцвет коррупции были как бы банками и пиявками, отсосавшими дурную энергию нации.

Конечно, сейчас наш бизнес немножко цивилизовался, и так, в открытую, стреляют и взрывают уже пореже. Но насчет «не укради» и особенно «не домогайся дома ближнего своего» — все как было. Понимаете, это же основа бизнеса. Ведь, в сущности, это та же охота...

— Захар Андреевич, с другой стороны, вы же не камикадзе от бизнеса, который готов умереть, лишь бы прихватить где-нибудь еще кусок, — сказала Маша и покраснела от своей смелости.

— Это, конечно, верно. Я вам больше скажу, дело не в этом еще одном куске. Настоящий бизнесмен — это хищник. А сколько хищнику ни объясняй преимущества растительной пищи, он просто не поймет. У него желудок другой. Он растительную пищу просто не переваривает.

— Значит... — начала было Ирина Сергеевна.

— Значит, я должен выбирать. Либо скорый инфаркт, а то и инсульт, либо полностью переделать себя... Скажу вам искренне: я далеко не олигарх, но у меня вполне достаточно денег, чтобы спокойно и в достатке прожить остаток своей жизни. И еще скажу: так хочется почувствовать себя здоровым, гулять по лесу, собирать грибы, которые здесь, в Подмосковье, давно уже стали опасными для здоровья, съесть с друзьями хороший шашлык, выпить бокал вина, поухаживать за привлекательной женщиной — моя жена, царствие ей небесное,

умерла четыре года назад. Вы и представить себе не можете, как мне хочется крикнуть вам: да чего же мы ждем? Чего вы меня не исцеляете? Даже не крикнуть, а завопить.

— И что же вас сдерживает?

— Знаете, в чем-то я, наверное, похож на старовера. До революции их было всего несколько процентов населения Российской империи, а среди наиболее преуспевающих купцов девятнадцатого века число старообрядцев достигало пятидесяти с лишним процентов. Они не подписывали миллионные контракты, одного слова или рукопожатия было достаточно — настолько они были честны. Я хочу быть честным с собой и с вами. Я хочу быть уверенным, что я смогу измениться. Я должен подумать.

— Хорошо, Захар Андреевич, если вы все-таки решитесь принять на себя на самом деле легкое и, поверьте, даже сладостное — бремя божьих заповедей, ваш сын передаст Мише, — сказала Ирина Сергеевна.

— В этом нет ни малейшей необходимости.

— Почему?

— Потому что мне достаточно нескольких минут. Простите, если я помолчу...

Бизнесмен закрыл глаза. Нос его странно заострился. На лбу показались капельки пота. Работа его мысли, его души, казалось, наэлектризовала воздух вокруг. Все молчали. Наконец Захар Андреевич открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Пожалуй, — сказал он, — я последую совету отца, который он дал мне, когда я хотел купить ему блейзер. Брось это все, сказал он мне тогда, и хоть он умер уже восемь лет назад, я начинаю с того, что чту его память и совет. Я знаю, что мне страшно не будет хватать возбуждения от привычной деловой охоты, отсутствия выброса адреналина но, надеюсь, обуздаю как-нибудь свои инстинкты.

— Хорошо, Захар Андреевич. Тонометр у вас далеко?

— К сожалению, всегда под рукой. Сейчас я смерю давление. — Он наложил на руку манжету, сделал несколько качков и нажал на кнопку сброса давления. — К сожалению, все то же самое — двести десять на сто тридцать. Я ведь, признаться, изрядно поволновался в эти последние минуты.

— Одно предупреждение, — сказала Ирина Сергеевна, — я хоть и не терапевт, но представляю себе, что резкий перепад давления тоже довольно опасен. Поэтому посидите спокойно и молча несколько минут. Постарайтесь дышать спокойно и глубоко.

— Хорошо. А когда мы начнем процедуры?

— Какие процедуры? Мы уже все сделали. С вашего разрешения, я сейчас сама измерю вам давление. — Ирина Сергеевна взяла

тонометр и измерила давление. — Возможно, у вас будет какое-то время болеть голова.

— Почему?

— Потому что ваш организм за время болезни как-то адаптировался к высокому кровяному давлению, и вдруг оно сразу упало.

— А сколько сейчас? — спросил Захар Андреевич, и голос его был странно напряжен.

— Сто тридцать на восемьдесят пять, — улыбнулась Ирина Сергеевна.

— Это правда?

— Откройте глаза и посмотрите сами. Только, повторяю, не пускайтесь сразу в пляс. Танцевать можете начинать с завтрашнего дня. Грибы — тоже. Ухаживания — еще через день, — засмеялась Ирина Сергеевна.

— Господи, — с чувством прошептал Захар Андреевич. — Это все и впрямь произошло или, может, это сон?

— Впрямь, впрямь.

— Тогда один из самых серьезных вопросов — когда я смогу выпить со всеми вами глоток вина?

— Во-первых, почему только глоток? А во-вторых, как только вы пригласите нас к столу.

— И я смогу сидеть с вами за столом, поднимать тосты и радоваться жизни?

— Безусловно.

— Ар-тем! — громко крикнул он, и голос его вибрировал от переполнявшего его ликования. Он улыбнулся сыну, вбежавшему с побледневшим от испуга лицом. — Сынок, скажи Марфе Спиридоновне, чтобы накрывала на стол так быстро, как только сможет. Шашлык ведь должен быть уже готов. А сам пойди и выбери самое лучшее бургундское из того, что у нас есть. Самая крайняя бутылка слева.

— Пап, а ты уверен, что тебе...

— Уверен, уверен. Мне уже можно. Мне, сынок, все можно, за исключением сущего пустяка.

— Какого?

— Быть прежним волкодавом... Я почему-то вспомнил сейчас парнишку, с которым учился в институте. Миша Раскатов его звали. Недавно умер, бедняга. Никогда не встречал такого восторженного человека. Идет мимо самая обыкновенная деваха, он млеет: какая фемина! Купим на двоих бутылку самого дешевого портвейна, он в экстазе: какое вино! Вот и я, кажется, становлюсь таким же.

. . .

Через полчаса они уже сидели за столом. В центре стола стояло огромное блюдо с еще дымившимися шашлыками на длинных шампурах. Когда Артем разлил вино, хозяин дома поднял свой бокал:

— Я не знаю, кто наделил вас такой волшебной силой исцелять больных и буквально возвращать их к жизни, но я благодарно и смиренно молюсь за него. И за вас, мои дорогие целительницы. Вы даже не представляете, что вы сделали для меня. Впервые за долгое время голова моя легка и светла, и мне хочется петь. Жаль, что у меня нет ни голоса, ни слуха.

Бургундское было великолепно, шашлык таял во рту, и Ирина Сергеевна с трудом удерживала слезы — так взволновала ее простая человеческая благодарность. Ради таких мгновений стоило терпеть всяких там Стрельцовых, всяких мерзавцев, пытавшихся нагадить ей.

Она поймала на себе взгляд хозяина, и ей почудилось, что было в нем что-то еще, кроме благодарности за возвращение к жизни. Она могла гнать от себя эту мысль сколько угодно, но неподконтрольная ей женская интуиция шептала: ты же нравишься ему как женщина. Господи, она уже забыла время, когда могла кому-то нравиться. Ощущение было одновременно и щекочуще-приятным, и чуть стыдным. Наверное, оттого, что никогда раньше она не изменяла Яше, даже в мыслях.

После обеда хозяин предложил им осмотреть участок, поросший сосной.

— Участки здесь огромные, некоторые даже в гектар размером, а то и чуть больше, — объяснил Захар Андреевич, — поселок был после войны, что называется, генеральским — многие генералы получили здесь участки. Ну, а потом генералы старились, умирали, не все наследники хотели и могли позволить себе содержать такие дома, началась большая распродажа. Я купил этот участок в девяносто пятом. Говорю участок, а не дом, потому что дом был в таком скверном состоянии, что я его просто разобрал и выстроил вот этот. Господи, сколько часов я просидел с архитектором, сколько мучился со строителями, может, поэтому-то я так люблю этот дом... А сейчас вернемся лучше домой, по-моему, собирается дождик, и посидим перед камином. Это тоже моя маленькая гордость.

Камин и впрямь был великолепен, с широкой мраморной полкой, на которой тикали большие часы с множеством ангелов, с коваными чугунными решетками, за которыми потрескивали поленья.

— Ирина Сергеевна, Маша, я так понимаю, что вы бы хотели услышать мое мнение о том, что вам делать дальше. Я ничего не хочу и не могу решать за вас, с меня достаточно того, что я решил круто изменить свою жизнь. И даже натуру. Я просто хочу поделиться с вами какими-то мыслями.

То, что вы делаете — это обоюдоострое оружие. Вообще, почти все, что делают люди, имеет свои плюсы и минусы. Исцелять людей — это, бесспорно, святое дело. Но не слишком много людей живут по божьим заповедям и не слишком многие хотят это делать. Когда ваше исцеление на них не действует, они оскорблены. Только единицы способны здраво оценивать себя. Остальные всегда найдут виновных в неудаче исцеления в лице тех, кто лечил.

— Я это прекрасно понимаю, мы уже с этим не раз сталкивались, — нетерпеливо перебила хозяина Ирина Сергеевна.

— Я и не сомневался в этом. Что же делать? — спросите вы. Есть несколько вариантов. На жаргоне это называлось бы работать под крышей.

— Под какой крышей?

— В смысле под чьей-то защитой. Под защитой тех, кто не дал бы обиженным нападать на вас.

— Например?

— Употребляя слово «крыша», я вовсе не имею в виду обязательно какой-нибудь криминал. Например, вы могли бы заручиться поддержкой церкви...

— Боюсь, это невозможно, — покачала головой Ирина Сергеевна.

— Почему?

— Они уже имели со мной разговор. Человек из Патриархии, с которым я разговаривала, утверждал, что он встречается со мной сугубо неофициально, но я уверена, что его начальство знало о нашей встрече и послало его, скажем так, на разведку. Выведать, можно ли и стоит ли иметь со мной дело.

— И к чему вы пришли?

— Он-то, этот протоиерей, предлагал сотрудничество, но я не могла согласиться. Я сказала — и довольно резко, может, даже чересчур резко, — что слишком многое нас разделяет. И в первую очередь нежелание церкви всерьез бороться за соблюдение заповедей, другими словами — нравственности.

— Не берусь судить, кто из вас прав, хотя склонен полагать, что вы наступили на их больную мозоль. Ладно. Можно было бы еще найти какое-нибудь могущественное учреждение, вплоть до администрации президента, но, боюсь, это еще сложнее, чем работать с церковью.

— Почему?

— Вы еще спрашиваете? Мы же об этом все время и говорим, дорогая Ирина Сергеевна. Мне приходилось встречаться с людьми из администрации. Большинство из них вполне достойные люди, люди думающие, и работают они по двенадцать часов в сутки. Но если вы спросите меня, есть ли среди них такие, кто никогда не нарушает божьи заповеди, я отвечу: нет. Потому что политик уже в силу своей профессии и положения не может иногда сказать правду. И даже должен утаить ее. Иногда он даже должен солгать. Потому что только наши наивные либералы полагают, что управлять нашей огромной многонациональной и многоконфессиональной страной можно в белых перчатках и с розой во рту. С нашей историей и вековым грузом не самых лучших традиций в белых перчатках можно лишь добить несчастную Россию. Нет, они вам не защитники и не помощники. И не потому, повторяю, что не захотели бы помочь вам, а потому, что они реалисты.

— Тогда кто?

— Боюсь, друзья мои, что мир наш слишком несовершенен для прямого соприкосновения с богом. Ведь, как я понимаю, ваше целительство идет от него. С другой стороны, вы, мне кажется, вряд ли согласитесь отказаться от своего дара и своей миссии. Так что выход один: нести свой крест. Просто нужно очень осторожно выбирать своих пациентов и всегда быть готовым к любым неприятностям. Со своей стороны, я могу обещать вам, что мои помощники, те, кто останется со мной после отхода от дел, всегда помогут вам по мере своих сил и возможностей...

— Если честно, Захар Андреевич, ничего особенно нового мы от вас не услышали, — вздохнула Ирина Сергеевна.

— Что делать, благодетельница, мир таков, какой он есть. Нового в нем не много. И каким-нибудь петушиным словом его не переделаешь. Многие ведь уже пробовали. Особенно у нас в России. И потом, простите, я законченный эгоист. Только что вы вернули меня к жизни, и убиваться от того, что мир полон негодяев, я просто не в состоянии. Лучше я еще раз поклонюсь вам и еще раз скажу спасибо.

Когда черный «Ленд Круизер» вез их обратно в Москву, у водителя мелодично звякнул телефон, и через несколько секунд он, не глядя, протянул мобильник назад:

— Вас, Ирина Сергеевна.

Ирина Сергеевна взяла телефон:

— Да, Захар Андреевич?

— Я хотел сказать вам, что только что опять измерил давление. Сто тридцать на восемьдесят. Я просто витаю в облаках, дорогая Ирина Сергеевна. В то, что вы сделали со мной, я верю и не верю. Обещайте мне, пожалуйста, что я смогу снова увидеть вас.

— Где, в облаках?

— На земле, дорогая Ирина Сергеевна.

— Хорошо, позвоните мне как-нибудь, когда будет настроение.

— Будет? Оно всегда будет. Еще раз спасибо.

Ирина Сергеевна протянула мобильник водителю. Что за дурацкая у нее натура, подумала она. Ну, понравилась она человеку, казалось, должно быть приятно. Какой бабе, да еще сорока семи лет от роду, было бы неприятно, если такой мужчина как Захар Андреевич положил, как говорится в изящной литературе, на нее глаз. Ан нет, она уже начала свое самоедство. Почему? Для чего? Понравилась — слава богу. Не криви душой, одернула она себя. Не потому ты заерзала, что видный мужик тебе улыбнулся, а потому, что ты в душе и сама потянулась к нему. И уже тем самым предала Яшу. На мгновенье ей показалось, что эта мысленная... что мысленная? Измена? Да нет, какая измена... Что такая слабость убьет в ней способность исцелять. Не прелюбодействуй... Да какое же это прелюбодейство, дура...

Рядом, прижавшись друг к другу, тихо спали Маша и Миша. Вино, шашлык и молодость делали свое дело. Хорошо бы и ей поспать, подумала Ирина Сергеевна, и вдруг краешком сознания сообразила, что уже тоже, наверное, спит, потому что откуда-то спереди Захар Андреевич протягивал ей руку, улыбался и ей было чуть стыдно и сладостно оттого, что и она улыбалась ему. А так как в машине его не было, стало быть, она уже задремала.

Глава 15. Военный совет

— Никак не могу понять, — пожала плечами Ирина Сергеевна, — почему самый обычный чай, вроде нашего «Липтона», всегда такой вкусный, когда пьешь его в лаборатории.

— Может быть, потому, — улыбнулся Миша, ставя свою кружку на заваленный бумагами стол в кабинете Ирины Сергеевны, — что мы, русские, считаем каждую минуту, украденную в рабочее время от работы, пусть маленькой, но сладкой победой.

— О каких маленьких победах ты говоришь, Мишенька? В масштабах странах это ежедневные гигантские свершения. По крайней мере, в академических институтах люди заняты в основном чтением газет, сплетнями, обменом рецептами быстрого похудания, на работе влюбляются...

— Маша, кого ты имеешь в виду? Себя? — строго спросил Миша.

— Нет, тебя.

— Какая самоуверенность, госпожа Федоровская.

— Ладно, ладно, детки мои, вам бы только миловаться. К сожалению, у меня сегодня не самое лучшее настроение для шуток, — вздохнула Ирина Сергеевна.

— Что-нибудь случилось? — испуганно спросила Маша.

— Да нет, ничего особенного, если не считать того, что какая-то идиотка звонила из горздрава и просила зайти к ним.

— По поводу чего?

— По-моему, Машенька, это очевидно. По поводу знахарского лечения, которое я провожу в институте и на которое я не имею никакого права.

— И что вы ответили?

— Я сдержалась, спорить и тем более посылать их туда, где по всем правилам они должны находиться, я не стала и даже пообещала зайти к ним. Но не думаю, что настроение у меня испортилось только из-за этого звонка, я все время думаю о том, что вчера говорил Захар Андреевич.

— Что именно? — спросил Миша.

— Ну, вообще... об исцелении как обоюдоостром оружии...

— К сожалению, он, наверное, прав, — задумчиво кивнул Миша. — Вообще большинство вещей не так просты и самоочевидны, как кажутся с первого взгляда. Это мы просто привыкли: чуть что — все ясно. Хотя на самом деле редко когда все бывает ясно. Вот, например, на днях я прочел статью одного американского политолога. Он задается абсурдным и безнравственным на первый взгляд вопросом: вот где-нибудь в Уганде или почти любом другом африканском государстве ребятишки умирают от голода. Нужно ли посылать туда продовольствие и спасать этих несчастных пухнущих от голода ребятишек? Разумеется, естественное движение души мало-мальски цивилизованного человека подсказывает: да, обязательно. И как можно быстрее. Но что произойдет, если богатые страны начнут кормить этих детишек? Резко упадет детская смертность, а это, в свою очередь, приведет к росту населения в этих странах и, опять-таки в свою очередь, к дальнейшему ухудшению их продовольственного положения. Точно так же улучшение медицинского обслуживания в той же Уганде опять же приведет к росту населения.

Значит, мало отправить столько-то мешков муки и сахара и открыть два десятка новых детских больниц. Надо открыть школы и университеты. Тогда уже более здоровые молодые люди получают образование и начинают думать, кто виноват в том, что их страна так бедна. Ну, конечно же, правители в президентском дворце и их коррумпированные чиновники. Не народ же, и они сами в том числе. Иначе нужно было сказать себе, что народ их страны резко отстает от мирового прогресса, от других стран. А сказать это трудно, если

вообще возможно. Слишком обидно. Вместо этого молодые образованные идеалисты мужественно хватают автоматы Калашникова и гранатометы и начинают воевать за счастье народное. Гражданская война, как и все гражданские войны, жестока, кровава и тянется годами. Гибнут тысячи людей, разрушаются дома, недавно выстроенные школы и больницы и так далее. Дети опять пухнут от голода. Наконец, в президентский дворец въезжают новые правители, в министерства — новые молодые чиновники, и уже следующее поколение недовольных молодых образованных людей опять хватаются за автоматы и снова громят новых коррупционеров в борьбе за правое дело... Какой же выход? Очень простой. Уганда должна стать цивилизованным, высокоразвитым, законопослушным и толерантным обществом... Скажем, вроде Дании или Норвегии. Только и всего. Очень просто и бесконечно трудно. И главное — прогресс нельзя подстегнуть хворостиной или штыком. Нужно терпеливо ждать. Меньше тысячи дет назад те же датчане и норвежцы, которые сегодня звонят в полицию, когда видят, что кто-то превышает на дороге установленную скорость на пять километров в час, были кровожадными викингами, которые наводили ужас своими набегами не только на ближних соседей, но даже на ирландцев. Нужен многовековой тяжелый путь, нужна многовековая духовная работа всей нации. Другого пути нет. Вы спросите меня, к чему этот длиннющий монолог. Отвечаю. По моему скромному разумению, то, что вы делаете, Ирина Сергеевна и то, что делает Маша, — это посылка муки в Уганду. И не нужно обижаться на меня. Кора больших полушарий, то есть культура, должна научиться постоянно подавлять древние злобные инстинкты спинного мозга, Р-комплекса.

Конечно, пишет этот политолог, он не призывает к тому, чтобы философски взирать на умирающих детишек и думать о том, что все в мире взаимосвязано. Помогать им, конечно, нужно. Он лишь предостерегает от упрощенного взгляда на помощь развивающимся странам. Он подчеркивает, что воспитание терпения и толерантности не менее важно, чем строительство школы или больницы.

— Все это очень интересно, Миша, но что конкретно ты хочешь сказать о нас и нашем целительстве? Повторить то, что мы уже слышали от Захара Андреевича? — Ирина Сергеевна нахмурила брови и посмотрела на Мишу. — Бросить исцеление к чертовой матери? Ты полагаешь, я сама не думала об этом? Думала. Задолго до советов Захара Андреевича. Не раз и не два...

— Я не столь глуп, чтобы дать вам однозначное и простое решение: бросать или продолжать. Дело, может быть, в том, что в массе своей люди просто не готовы стать лучше. Они еще слишком зависимы от древних звериных инстинктов. Ведь культура и нравственность на космических часах, если всю историю Земли принять за сутки,

появилась, наверное, несколько минут назад, а может, даже секунд. А мы хотим...

— Вот мы и пытаемся показать людям, что элементарная нравственность, собранная в заповедях, может с нашей помощью привести к исцелению. Что в этом может тебя отпугивать?

— Меня лично ничего не отпугивает. Но я предпочитаю строить свою жизнь не благодаря морковке, которую держат перед моим носом, соблазняя меня ею, не глядя на кнут и на пряник перед собой, а по собственному глубоко личному убеждению. Как вы думаете, эта лаборантка Стрельцова, которая рассылает во все концы жалобы на вас, не желает себе добра? Конечно, желает. Мало того, она глубоко уверена, что человек она высоконравственный, верующий, а исцеления не произошло, потому что целительница, эта масонка или даже жидомасонка Кипнис сознательно травит честную русскую женщину. По-своему, если хотите, она честный человек, потому что искренне уверена в своей правоте и вашей злонамеренности. Она, в сущности, так же не способна здраво оценить себя и ситуацию в целом, как те молодые люди в Уганде, что разрушают школы и больницы в борьбе за народное счастье и национальное процветание. Да что там Уганда, разве все то же не случалось у нас?

— Но свет не состоит, к счастью, из одних Стрельцовых, — не очень уверенно возразила Ирина Сергеевна. — Вот вы видели реакцию Захара Андреевича...

— Почему только Захара Андреевича? А милая Софья Андреевна, которую просто узнать невозможно? А сам наш Пышкало? И приятель вашей дочери, о котором вы рассказывали? Конечно, конечно это огромное счастье вытащить кого-то из лап болезни и на шажок или два приблизить к нравственности. Вопрос в том, что в мире очень много людей, живущих не корой больших полушарий, а своим спинным мозгом. Сколько тех и других, точно не знает никто. Вопрос, впрочем, не в их пропорции. Вопрос совсем в другом.

— В чем же, Миша? — спросила Маша.

— В том, чего больше от вашей борьбы за нравственность — пользы или вреда. Я, если быть честным, потому пока и отказываюсь принять на себя это высокое целительство, которое вы обе, мои милые и достойные друзья, так щедро и настойчиво предлагаете мне, что ответа на этот вопрос не знаю.

— Что же все-таки нам делать? — спросила Ирина Сергеевна. — Нам поручили благороднейшую миссию, и просто отказаться от нее, прикрываясь тем, что всякое оружие может быть обоюдоострым, по-моему, просто трусость. Или эгоизм человека, который больше всего ценит свое спокойствие. Захару Андреевичу быть эгоистом просто — он же не принимал на себя миссию целительства, как мы.

— Не спорю. Но есть еще одна сторона, о которой я пока не говорил.

— То есть?

— Как я понимаю, идея всей этой... назовем ее акцией — в том, чтобы она оказала воздействие на возможно большое количество людей. Чтобы божьи заповеди помогли людям стать чище и ближе к богу, что бы под этим словом ни подразумевалось. Мы же вылечили десяток или два людей, которые и сами по себе были людьми неплохими. Так?

— К сожалению, так, — вздохнула Ирина Сергеевна. — Именно так я и представляла этот... поход за нравственность.

— Если быть циником, следовало бы напомнить вам, что все кампании, в том числе и самые благородные, в конце концов оборачиваются чем-то прямо противоположным первоначальным целям. История не просто пестрит такими примерами, она прямо утыкана ими, как дикобраз иглами. Скажу вам, как я представлял в самом начале ваш поход. Я думал о каком-то движении, которое, как цепная реакция, захватывала бы все больше и больше людей: сотни, тысячи, потом десятки тысяч. Может быть, миллионы. Но чем больше я думал, тем четче осознавал, что такая цепная реакция невозможна.

— Но почему, Мишенька, почему? — спросила Ирина Сергеевна и нервно сплела перед собой пальцы.

— Насколько я помню школьный курс физики, цепная реакция пойдет в уране только в том случае, если он обогащен, то есть чем он чище и чем меньше в нем примесей, которые такую цепную реакцию глушат, тем легче идет реакция. Теперь представим, что целительство ваше начинает распространяться, все большее и большое количество людей получают в свои руки дар целительства. Боюсь, что слишком много людей не сможет легко и в одночасье стать благородными и толерантными людьми. Что в слишком многих случаях людям будет казаться, что они следуют заповедям, когда на самом деле сердца их по-прежнему полны завистью, злобой, ложью. И когда никакого эффекта от исцеления не будет, они с гневом обратят все свое разочарование, а может быть, и ненависть, на тех, кто обещал им исцеление. Далее, слишком много людей не смогут противостоять соблазну и потребует вознаграждение за свои труды. И опять с тем же результатом.

И, конечно же, найдутся люди, которые провал этого движения, кампании, похода — называйте как хотите — поторопятся использовать в своих целях. Среди них в первую очередь будут те, кто по своим нравственным качествам и не претендовали на исцеление, то есть негодяи. А негодяи, к сожалению, почему-то всегда активнее честных и благородных людей.

— Знаете, Мишенька, — печально улыбнулась Ирина Сергеевна, — я бы с огромным удовольствием удавила вас...

— Почему? — испуганно спросила Маша, переводя взгляд с Ирины Сергеевны на Мишу и обратно.

— Потому что в том, что говорит Миша, к сожалению, большая доля истины. А во-вторых, сама моя реакция на правду показывает, что я тоже в большой степени управляюсь не корой больших полушарий, а спинным мозгом наших предков-рептилий.

— Есть еще одна сторона, мои милые и любимые целительницы. Нетерпение — удел слабых. Конечно, было бы здорово, если недельки за две вы бы переделали род людской и были бы скромно объявлены мессиями с воздаянием всех мессианских почестей. В конце концов, большевикам тоже казалось, во всяком случае в начале революции, что еще одно усилие, еще чуть-чуть, пустить, как тогда изящно выражались, в расход еще миллион-другой буржуев — и долгожданная утопия, о которой так долго говорили большевики, станет реальностью. Ну, пустили в расход, пожалуй, намного больше, но вместо утопии получили ГУЛАГ. Впрочем, и ГУЛАГ можно назвать утопией. Важно, главное, чтобы, опасаясь самому попасть в ГУЛАГ, никто не решался возражать. Тогда и черное можно объявить белым, и белое — черным. И все будут кричать ура.

Вот почему я думаю, что продолжать ваше целительство можно и нужно, но не надо думать, что мы переворачиваем мир. Боюсь, нам его не перевернуть. Если наш род людской и движется куда-то — куда именно, наверное, не знает никто, — то довольно медленно. Может, это и хорошо. И с этим приходится смиряться. Мы вообще недооцениваем важность смирения. Наши далекие пращуры, которые тратили тысячелетия, чтобы научиться получше обтачивать зубило из кремня, никуда ведь не торопились. Они жили без прошлого и будущего, просто жили. Наше зудящее нетерпение исправить род людской — это, думается, одно из проклятий нашей коры больших полушарий. Да и сама наша цивилизация и культура — это как раз и пример обоюдоострого оружия, о котором мы сегодня говорим. Они ведь не только создали шедевры культуры, они создали и колючую проволоку для ГУЛАГА и газовые печи для Освенцима...

— Миша, как вы думаете, этот Иван Иванович, о котором я вам рассказывала и который наделил нас этим сверхъестественным даром целительства, кто он?

— Я не знаю. Я бы просто пожал плечами, если бы сам не наблюдал эти чудесные исцеления. Одна Софья Аркадьевна может сделать из самого заядлого скептика-атеиста человека, верящего в чудеса. А чудо, собственно, и есть бог, потому что оно вне нашего понимания. Вы только посмотрите на нее, да ее просто узнать невозможно. А кто та-

кой ваш Иван Иванович? Не знаю. Если есть чудеса, значит, есть ангелы и архангелы, почему бы ему тогда не быть одним из них? Я не знаю...

— Я тоже не знаю. Иногда я думаю даже, что он сам бог, хотя это, наверное, не так. Не знаю, не знаю, я чувствую лишь, что ни за что не хотела бы предать его и его доверие... Давайте думать и смотреть. Будем помогать тем, кто, как нам кажется, готов принять нашу помощь. Пусть медленный, но это тоже путь вперед.

— Ирина Сергеевна, если я вас сегодня огорчил, не сердитесь на меня. Я вас люблю от всей души. Хотя бы за одну Машу, которую вы мне подарили.

— Меня? Подарили? — возмутилась Маша.

— Не сердись, Машенька, и не делай вид, что ты обижена. Я же тебя вижу насквозь. Ты просто рада-радеханька, что разговор наш, похоже, не обидел Ирину Сергеевну.

— Миша, а тебе не кажется, что человеку, которому ты признаешься в любви, может быть неприятно, если его уж так насквозь видят?

— Может, может, любовь моя, но это же только сейчас. А вообще ты для меня абсолютная загадка. Я все смотрю на тебя и думаю: а за что, собственно, я ее полюбил?

Маша засмеялась и ударила Мишу кулачком в грудь.

— Ну, детки мои, по-моему я уже третья лишняя в этом разговоре, — засмеялась Ирина Сергеевна. — А посему выметайтесь, мне нужно хоть чуть-чуть поработать.

Глава 16. Детский дом

Захар Андреевич проснулся и взглянул на светящийся циферблат на телевизоре, что стоял в его спальне. Полвторого ночи, за окном — тьма кромешная. И в это мгновенье он сообразил, что за сила столь неожиданно и стремительно вытолкнула его из сна. В спальне стояла Ирина Сергеевна и улыбалась ему. Не так, как обычно, когда улыбка у нее как бы с трудом пробивалась на поверхность лица — он это заметил, когда она приезжала к нему, — а легко, широко и призывно. Он было уже напрягся, чтобы вскочить с постели, и тут только осознал, что то был сон. Обычно когда он просыпался, обрывки сна исчезали у него мгновенно. Через секунду-другую он уже ни за что не смог бы вспомнить, что ему снилось, но сегодня он видел Ирину Сергеевну с поразительной ясностью. Хоть вскакивай и говори своему сновидению «здравствуйте».

Всю свою жизнь Захар Андреевич гордился тем, что сам с собой никогда не юлил, место свое в любых обстоятельствах определял точно и жестко, если даже это определение вовсе и не льстило его самолюбию. Может, это и помогло ему довольно быстро всплыть на поверхность в мутных и грязных водах российского бизнеса в девяностых.

Вот и сейчас можно было бы, конечно поиграть с собой в вечные игры, в которые люди любят играть сами с собой: мол, разве может он не быть благодарен человеку, который буквально вытащил его из тяжкой хронической гипертонии? Но он-то знал, что помимо благодарности и восхищения он просто-напросто влюбился в эту женщину. А влюбленность в пятьдесят с лишним совсем не похожа на собачью любовь тинэйджеров. Тут уж не слепые юношеские гормоны азартно подталкивали его к ней, а нечто неизмеримо более сложное. Какая-то смесь нежности, жалости, стремления защитить. Вроде смесь на первый взгляд и невинная, но у пожилого человека походила она на гремучую ртуть.

Записок она ему не писала, подарков не покупала, по десять раз в день не звонила, вряд ли она вообще вспоминала о его существовании, но одно напоминание о себе она все же оставила. Нормальное давление. Он улыбнулся своей глупости — еще одно доказательство влюбленности — и взял со столика аппарат для измерения давления, с которым не расставался целых два года. Собственно говоря, можно было и не мерить, голова была ясная, мысли, при всей их глупости, плыли легко. Он накачал свой «Омрон», нажал на копку сброса давления и ждал, пока мелькающие в окошке цифры остановятся. Сто двадцать пять на восемьдесят. Захар Андреевич засмеялся от удовольствия. Какое это счастье, когда тело здорово, переполнено энергией, и хочется вскочить с постели и сделать в два часа ночи десятка три отжиманий. А ведь только несколько дней тому назад он изо дня в день жил под гнетом тяжести своей чугунной головы, жил, если это можно было назвать жизнью, в постоянном ожидании инфаркта. Или инсульта.

Особой щепетильностью в отношениях с женщинами Захар Андреевич никогда не отличался. Даже когда жена была еще жива, не раз и не два он изменял ей, делая это легко и не придавая случайным, да и не только совсем уж случайным, чтоб быть точным, встречам значения, которого они, эти встречи, безусловно, не заслуживали. Человек он был умеренно сексуальным, в меру полигамным, как и большинство людей его круга. Кто-то просто вызывал у него чисто физическое желание переспать с ней, кто-то из женщин брал инициативу в свои руки, чаще всего, полагал он, чтобы попробовать приручить его. Человек он был более чем состоятельный, и уже одно это гарантировало ему череду не слишком чопорных дам и девиц.

Болезнь, правда, основательно изменила его. Когда ты лежишь дома или в больнице, лежишь долгими месяцами и даже годами, начинаешь понимать, что ты, в сущности, особенно никому и никогда не был нужен, даже партнерам, которые, как выяснилось, прекрасно управляются без него. Постепенно отпадали даже друзья, хотя какие это были друзья — так, скорее знакомые по бизнесу ли, по шашлыкам, по саунам или по поездкам куда-нибудь на Канары.

Так и остался он один на один со своей жестокой гипертонией, которая, судя по всему, вскоре и убила бы его. Как, например, она сделала это с писателем Булгаковым.

Мудрее от болезни он не стал, в философы тоже не подался. И натура у него была далека от философии — он всегда был человеком дела. И потому, наверное, что всегда довольно четко представлял, как равнодушно движутся все те рычаги и пружины, которые называются жизнь.

И вдруг в жизни его, вернее, в том, что осталось от его настоящей жизни, появилась женщина, которая каким-то невообразимым чудесным способом сделала его снова здоровым человеком. Как она это сделала, при чем тут библейские заповеди, понять он и не пытался, потому что сразу догадался — этого просто понять нельзя. Может быть, эта чудесная сила и заставляет его без устали думать о ней? Ведь красавицей ее не назовешь при всем желании, молоденькой самочкой она не была уж подавно. Сколько ей лет? Лет, наверное, сорок пять, не меньше, а то и больше. Все-таки заведующая лабораторией, доктор биологических наук. И все равно безумно хотелось прижать ее к себе, и что б неохотная ее улыбка не сходила с ее лица.

И вот парадокс, уважаемый Захар Андреевич, улыбнулся он в темноте спальни. Она замужем. Это ему сын рассказал, когда он приглашал ее, ее сотрудницу и Мишу приехать к нему на Трудовую. Он тогда сказал: пусть приезжает с мужем.

Раньше ее муж волновал бы его меньше всего. Мало ли он знал замужних матрон, которые по прыти, с которой они прыгали в его постель, могли бы дать фору какой-нибудь восемнадцатилетней кандидатке в мастера по спортивной гимнастике. Сойтись с ней, даже если бы она этого и захотела, в чем он вовсе не был уверен, значило бы нарушить заповедь о прелюбодеянии. А нарушение заповедей, она это подчеркивала, вело и к тому, что он снова оказался бы во власти своей злокачественной гипертонии, теперь уже — надо думать — до конца дней своих, а она потеряла бы свой дар.

Так что приучайся к новой незнакомой тебе форме отношений между мужчиной и женщиной — тихое невинное обожание.

Да и подарка он тоже не мог ей сделать, об этом она его тоже предупреждала, хотя, бог свидетель, за то, что она с ним сделала, ни-

чего не свете отдать было бы не жалко. Вернула ему фактически жизнь...

И вдруг его осенило. Если он не мог сделать подарка ей, то уж наверняка он имеет право сделать подарок... ну, скажем, какому-нибудь детскому дому. И чем больше он думал об этом, тем теплее на сердце у него становилось. Скрягой он не был никогда, но как-то так уж складывалась жизнь, что такая мысль ни разу не приходила ему в голову. Может, не привыкли еще российские богачи считать филантропию обязательным делом. Какой-нибудь «БМВ-760» за полторы сотни тысяч долларов — это пожалуйста, а что б в детский дом десяток компьютеров подарить — этого же никто не видит. Этим не похвастаешься. БМВ все будут ощупывать, восторженно цокать языками, про себя желая хозяину не вписаться в первый же поворот, а про детский дом и слова никто не скажет.

Он вдруг вспомнил, как знакомый как-то рассказывал ему, что попал по какой-то надобности в детский приют для детей-даунов — ребят с замедленным развитием. Завтра же узнает адрес, попросит своего водителя арендовать фургончик и поедет за подарками. Апельсинов надо купить, килограммов сто, не меньше, чтоб ребята не дрались из-за них, яблок, может, винограда килограммов тридцать-сорок и вообще всякой всячины. Компьютеры? Может, дауны не смогут ими пользоваться? С утра, когда узнает адрес, позвонит заведующей и все расспросит.

На душе у Захара Андреевича почему-то стало тепло и покойно, он по детски нетерпеливо представил себе завтрашний день, опустил голову на подушку и начал засыпать. И уже засыпая, улыбнулся. Уж рассказать-то Ирине Сергеевне о поездке к даунам ему никто не запретит. Почему-то он был уверен, что она будет довольна. Его начали окружать дауны, похожие на гномов из фильма «Властелин колец», и он понял, что засыпает.

Узнать адрес приюта оказалось совсем не трудно, да и заведующая была более чем приветлива.

— Конечно, ребята будут рады подаркам, — сказала она в телефонном разговоре, — но больше всего новому человеку. Они ведь очень приветливы. Это у нас существует какое-то предубеждение против даунов, а американцы, например, очень часто усыновляют их. У нас им не разрешают учиться в обычной школе, считается, что они не справятся с программой, да и здоровые дети могут их обидеть. А за границей, наоборот, пришли к выводу, что обычные дети жалеют их, защищают, помогают, и сами вырастают лучшими людьми.

— Как вас зовут? — спросил Захар Андреевич.

— Рита Ивановна.

— А меня — Захар Андреевич. Вас не обидит, если я вначале просто привезу какие-то подарки, а перечислять деньги, не говоря уж о наличных, пока не буду...

— Я вас прекрасно понимаю. Ведь нас как общество представляет? Только мы тем и занимаемся, что объедаем и обворовываем наших детей. — Она засмеялась. — Так что завтра вы приедете к профессиональной воровке...

Первое ощущение, которое испытал Захар Андреевич, увидев группку ребят-даунов во дворе, был шок, некое физическое отвращение, которое обычно испытывает здоровый человек при виде больного или урода. Лица даунов вовсе не походили на гномов из «Властелина колец». Они просто отличались от лиц обычных детей. Но, к удивлению Захара Андреевича, почти тут же отвращение это исчезло, растопленное доброжелательным любопытством, с которым ребята разглядывали его. Он улыбнулся им, и они ответили ему еще более широкими улыбками, а какой-то мальчонка лет, может быть, десяти вдруг прижался к его ноге. И целый вихрь чувств захлестнул обычно суховатого Захара Андреевича. И пронзительная жалость, и нежность, и желание защитить.

— Ну что, ребятки, давайте помогайте разгружать подарки, — сказал Захар Андреевич, доставая из кузова «Газели» ящик с апельсинами.

— Вы не думайте, что весь этот восторг и радостная суета только из-за подарков, — сказала Рита Ивановна. — Питаются у нас ребята, слава богу и нескольким спонсорам, неплохо. Просто они, как все люди, любят подарки, любят, когда к ним приезжают, просто любят новые лица... А винограда вы, пожалуй, зря так много привезли. Сколько тут, килограммов двадцать?

— Тридцать.

— Ну, устроим сегодня виноградный пир...

Совершенно неожиданно для Захара Андреевича Ирина Сергеевна сразу же согласилась сходить с ней в ресторан.

— Как вы относитесь к японской кухне? — спросил он.

— А я, если честно, кроме суши и не знаю, что это такое, — простодушно призналась она.

— Ну и отлично. Когда можно за вами заехать?

— Если вам удобно, хорошо бы сегодня часам к пяти к институту. Давайте я вам продиктую адрес.

Ресторан оказался почти пустым, и их усадили в небольшом загончике с металлической плитой перед столом.

— С вашего разрешения я закажу еду сам. Не возражаете?

— Нисколько.

— Вы саке когда-нибудь пили?

— Нет, только слышала название.

— Ну и отлично, будет чем поднять тост, хотя, если честно, наша водка нисколько не хуже, а по-моему, даже лучше.

Когда Захар Андреевич сделал заказ официантке, очень русской девушке, которой почему-то кимоно было к лицу, он повернулся к Ирине Сергеевне и сказал:

— Спасибо, дорогая Ирина Сергеевна.

— Значит, давление нормальное. Я рада за вас.

— Я хотел поблагодарить вас не только за то, что вы спасли меня. Еще и за то, что вы согласились пообедать со мной. Поверьте, это для меня большая честь и удовольствие.

Ирина Сергеевна пристально посмотрела на Захара Андреевича, и ему показалось, что лицо ее чуть покраснело. Она помолчала, потом улыбнулась и сказала:

— И мне тоже. Для меня побыть с вами — большое удовольствие. Я почему-то чувствую себя при вас совсем девчонкой, хотя разница в возрасте у нас не столь, наверное, велика, если вообще она существует. Впрочем, я знаю, отчего.

— А именно?

— Потому, дорогой Захар Андреевич, что вы мне очень нравитесь. Наверное, женщине говорить такие вещи не полагается, но я почти что синий чулок, а они, эти чулки, в женских хитростях невежды.

— Я смотрю, Ирина Сергеевна, вы еще и кокетка, — улыбнулся Захар Андреевич.

— Это новый для меня комплимент. Но почему вы так решили?

— Вы еще спрашиваете? Если женщина называет себя синим чулком, значит, она твердо уверена, что таковым вовсе не является и просто ждет бурных возражений.

Они оба рассмеялись. Легкое напряжение, которое, похоже, они оба испытывали, разом исчезло.

— Ирина Сергеевна, милый друг — ничего, что я вас так назвал?

— Я не возражаю.

— Мне не хочется ни в чем хитрить с вами. Хорошо это или нет — это уже другое дело. Даже если бы вы не были моей спасительницей, все равно вы мне нравитесь. Очень нравитесь. Обождите, помолчите минутку. Я прекрасно отдаю себе отчет, что между нами непреодолимый ров. Если мы — я говорю «мы» чисто гипотетически,

потому что уверен я только в себе и своих чувствах, — потянулись бы друг к другу, мы поставили бы под угрозу две вещи: мое выздоровление и ваш волшебный дар. Я прав?

Ирина Сергеевна подумала несколько секунд и серьезно кивнула:

— Да, конечно, вы правы. И спасибо вам, что вы столь откровенны со мной. Но ни одна заповедь не мешает нам быть друзьями, хотя такого рода вынужденные дружбы, боюсь, обычно не очень стойкие.

— Посмотрим, — улыбнулся Захар Андреевич. — Ешьте, ешьте, суши тут просто замечательное. Я все думал, как выразить вам свою благодарность. Платить нельзя. Подарки — нельзя. И тогда я решил просто сделать маленькое доброе дело, мысленно посвятив его вам.

— Какое же?

— Я взял «Газель»...

— Газель? Животное?

— Да нет же, фургон...

— А...

— Загрузил его апельсинами, виноградом, яблоками, персиками и прочими вкусными вещами и отвез все это в детский дом для даунов.

— И как они вас встретили?

— Наверное, я нигде и никогда не испытывал такую благожелательность. В их мордочках, которые уже через минуту казались мне вполне нормальными, светилась такая благодарность, такая готовность к любви, что я, старый сухой хрыч, чуть было не разревелся прямо среди ребятишек. А один мальчик лет восьми-десяти, представляете, прижался к моей ноге, как маленький щенок, не то ищущий защиту, не то от избытка любви... нет, конечно, не ко мне, вообще к людям. Прошли уже сутки, как я был у них, а этот мальчуган все стоит у меня перед глазами... И мне даже пришла мысль в голову...

— Усыновить его?

— Именно. Причем, если я решусь на этот шаг, то сделаю это не только для мальчика, но и для себя. Наверное, всю жизнь я недодавал в мир добра. Пора исправлять положение...

— Захар Андреевич, этому саке полагается быть тепловатым?

— Говорят, что это не только традиция, подогретая рисовая водка лучше усваивается.

— Ну и отлично. Я предлагаю тост за нового Захара Андреевича, который, как бабочка из гусеницы, вылупливается из сухого, жесткого бизнесмена. Хотя я подозреваю, что на самом деле вы никогда не были ни по настоящему сухи, ни жестки.

— Был, был, Ирина Сергеевна. Но хватит обо мне. Как вы, дорогая целительница?

— Я все больше и больше подпадаю под влияние Миши.

— Миша — умный парень. Если мой Артем как-то очень легко и благополучно проскочил опасный возраст, то это в основном заслуга Миши. Он поразительно умный, добрый и волевой парень. Они дружат чуть не с первого класса. И даже в армии служили вместе. И как же Миша на вас влияет?

— Он все время пытается втемяшить в мою тупую голову, что повальное исцеление — другими словами, поднятие нравственности до уровня библейских заповедей — вещь нереалистическая.

— Почему? Что он говорит?

— Потому что нравственность растет медленно, и ускорить этот процесс невозможно. Это только большевики говорили о том, что создают нового человека. На самом деле их новый человек оказался гораздо ближе к какому-нибудь неандертальцу или кроманьонцу, чем к обычному дореволюционному человеку. Конечно, вначале его слова вызывали у меня страстное желание спорить с ним, но когда я подумала, то пришла к выводу, что он, к сожалению, прав. С каким пылом бросились православные русские крестьяне громить церкви и сбрасывать кресты, с каким азартом русские люди начали ставить друг друга к стенке, как легко все, включая интеллигенцию, начали стучать друг на друга, как быстро все приняли строгое иерархическое устройство нового общества во главе с вожаком-альфой, он же вождь мирового пролетариата. Вся страна разделилась на сидящих за колючей проволокой и их сторожащих. Все воровали или подворовывали, сколько могли. Слова «несун» нет ни в одном языке мира, кроме русского.

Долгими тысячелетиями, с бесчисленными отступлениями люди учились подавлять звериные инстинкты и руководствоваться корой больших полушарий, которая хранит в себе все достижения цивилизации и культуры. Но вот приходят люди, будь то Ленин, Сталин или Гитлер, и начинают создавать нового человека. Точнее, воссоздавать старого человека, еще точнее — нашего предка-зверя. Оказалось, что возвращаться к рептилиям куда как проще, чем подыматься к ангелам. Нужно только выключать кору больших полушарий — отсюда яростная война большевиков против буржуазных пережитков, они же культура и традиции — а спинной мозг уж сам охотно берет на себя основные функции. А в нем, спинном мозгу, миллионолетним опытом врезано, что убивать хорошо, потому что, убив, легче обезопасить себя и легче добыть пищу. Красть — еще лучше. Спариваться с кем только удается — значит обеспечить продолжение рода, и так далее.

К сожалению, библейские заповеди — это, скорее, цель, чем фиксация положения. К ним до́лжно идти, стремиться, а платить за ускоренное приближение к ним, даже исцелением, ничего не даст...

— М-да... как ни печально, похоже, что Миша не так уж далек от истины.

— Я не знаю... Я должна еще подумать... Захар Андреевич, а какие у вам жизненные планы? Вернуться в бизнес?

— Не знаю, я тоже еще ничего не решил. Но у меня такое ощущение, что это будет не так-то просто...

— Почему? Во время болезни конкуренты не ждали вашего возвращения, так?

— Нет, дорогая Ирина Сергеевна. Настоящий бизнес строится как раз на основе не библейских заповедей, а звериных инстинктов. Еще. Больше. Доказать, что ты лучше. Отнять. Разорить. Чтоб все боялись. Разумеется, все это в современном обрамлении, достаточно приукрашено, при галстуке и в рамках, так сказать, закона и так далее. Я не говорю о том, хорошо это или плохо. В конце концов, бизнес просто необходим для современного общества. Если все шесть с половиной миллиардов людей, которые населяют сегодня землю, начнут только молиться и жить натуральным хозяйством, то им придется либо есть друг друга, либо бросать жребий, кому вешаться, чтобы оставшиеся могли прокормиться.

Нет, просто у меня мысль о новой сделке, даже если она сулит принести миллионы, уже не вызывает такого прилива адреналина, как было раньше. Другими словами, дорогая Ирина Сергеевна, охотник во мне умер. Может, мне это только кажется, но, похоже, что это так. Даже если он еще не окончательно испустил дух, то агонизирует он уж точно. А тогда возникает вопрос: как жить и что делать. Мне ведь всего пятьдесят пять, и боюсь, что одним выращиванием клубники у себя на участке я не проживу.

— Хорошенькую компанию мы с вами представляем, дорогой Захар Андреевич — две души в поисках своего места под солнцем.

— Теперь вы понимаете, что я пригласил вас сюда не только для того, чтобы скормить вам суши и это прекрасное мясо, которое, как вы видели, жарили прямо перед нами. Я пригласил вас, чтобы спросить вашего совета — как мне жить.

— Я не знаю...

— Вы же вернули меня к жизни, — улыбнулся Захар Андреевич, — значит, вы тоже несете определенную ответственность за меня.

— Несу, — засмеялась Ирина Сергеевна, — но куда — вот вопрос. Гарантированного ответа в ближайшие дни я вам не обещаю, но что-нибудь постараюсь вам сказать.

— Значит, я могу надеяться увидеть вас еще раз?

— Почему раз, если мы друзья, почему же нам не видеться время от времени?

— Ловлю вас на слове.

— А я с удовольствием ловлюсь на нем.

. . .

«Тойоты» у подъезда видно не было, значит, Яши дома еще нет. Ирина Сергеевна, может быть, первый раз в жизни поймала себя на мысли, что рада его отсутствию... И от этого на душе сразу стало както смутно и немножко стыдно. Бедный Яша, вот уж кто никак не заслужил того мысленного предательства, да, да, предательства, которое она совершала... Начинается твое обычное бессмысленное самоедство, пробовала она одернуть себя. Что ты, собственно, сделала? Встретилась с пациентом, чуточку пококетничала? Но привычная душевная ясность не возвращалась.

Она глубоко вздохнула, достала ключ и вошла в квартиру.

Глава 17. Больница

Заведующий отделением психиатрической клиники доктор Мозжухин посмотрел на посетителя, вздохнул и сказал:

— Я, пожалуй, не припомню, чтобы я когда-нибудь столько раз перечитывал одну историю болезни, в данном случае историю болезни вашего брата Умара Садырова. И чем больше я и мои коллеги наблюдаем течение его болезни, тем более мы приходим к выводу, что имеем дело с каким-то совершенно атипичным случаем, который даже трудно классифицировать.

Причем самое странное — это то, что все симптомы его болезни полностью совпадают с симптомами человека, вместе с которым они были задержаны на даче последнего. Да и сами обстоятельства ареста более чем загадочны...

— А в чем, уважаемый доктор?

— Когда милиция прибыла на дачу по звонку соседей, которые заподозрили что-то неладное на соседнем участке, оба человека — и хозяин дачи и ваш брат — почему-то бегали на четвереньках, ничего внятного объяснить сотрудникам милиции не могли. Более того, они вообще могли только мычать. Но и это не все. Почему-то карманы их пиджаков были аккуратно зашиты, а в карманах было найдено при осмотре оружие. Причем оба не были ни пьяны, ни находились в состоянии наркотического опьянения.

В машине владельца дачи было найдено довольно большое количество героина, и поэтому оба они были направлены в Институт имени Сербского для судебно-медицинской экспертизы. Какого-либо окончательного вывода об их состоянии ввиду сложности диагноза сделано не было, но поскольку против вашего брата никаких кон-

кретных претензий у правоохранительных органов не было, его перевели на лечение к нам. А вот лечение-то и застопорилось из-за того, что, если быть откровенным с вами, мы не знаем, что лечить и как лечить. Единственный прогресс — это то, что больной больше не опускается на четвереньки, как вначале... Вообще-то психиатрия за последние годы сделала большой прогресс — абсолютное большинство больных нам удается вернуть к нормальной жизни. И вообще тенденция такова, что тех больных, которые не представляют угрозы для общества, мы не держим, как когда-то, годами за решеткой. Мы их отпускаем домой. Болезнь вашего брата, когда мы даже приблизительный диагноз поставить не можем, — это, в общем-то, редчайший случай. Сделали ему все анализы, возили даже на компьютерную томографию мозга — своей у нас нет, — с одной стороны никаких отклонений нет, с другой — тяжелейшее состояние. Понятно, что мы столкнулись со случаем острой деменции — это слабоумие, но обычно она развивается у пожилых людей и постепенно...

Джабраил Садыров напряженно думал. Что-то было во всей этой истории непонятное и подозрительное. Конечно, он знал, что брат торгует наркотиками, не раз и не два он ему хвастался, что только последний идиот может бегать по чеченским горам с автоматом, охотиться на зазевавшихся милиционеров и с криками «Аллах акбар!» щелкать их и ждать, пока тебя в свою очередь не пристрелят, как собаку, а если повезет и быстро не пристрелят — тогда ждать, что заплатят люди Басаева. Хорошо еще, если не фальшивыми долларами. А ведь можно было делать деньги — и куда больше денег — совсем другими способами. Умар снимал хорошую квартиру в Москве, ездил на БМВ и одевался как джентльмен. Но в дело к себе младшего брата не приглашал, свинья. С детства жадный был, прямо трясся, если что-нибудь приходилось отдавать другим.

Узнал он об исчезновении брата от общих знакомых, сам Умар мог не звонить ему месяцами. И сколько же он обегал и обзвонил людей, пока не нашел его в этой гребаной, как говорит его хозяин в автосалоне, где он работал, клинике.

И дело было не столько в братской любви, из-за нее он и двух шагов не сделал бы для этой свиньи, а в том, что исчезновение Умара, а потом нахождение его в психушке, наводило Джабраила на одну простенькую, но интересную мысль: если брат внезапно тронулся, где его деньги? А в том, что Умар сколотил приличный капиталец, он нисколько не сомневался. Прихватив надежного человечка, он пару раз наведался на квартиру брата — благо она опечатана не была. Дверь они открыли легко, но найти ничего не удалось. Даже наркоту,

которую можно было загнать. Осторожный был мужчина, дорогой его братец, ничего не скажешь, квартира была чиста, опять же, повторяя слова его шефа, как слеза младенца.

А в том, что деньги где-то спрятаны, он не сомневался ни секунды. И немалые. Сотни три тысяч баксов как минимум. А скорее всего и больше. И эти деньги не давали Джабраилу покоя. Псих на то и псих, чтобы ничего не понимать. У нормального Умара и сто зеленых клещами не вытащишь, клянись ему хоть на Коране, что вернешь их завтра. А вот псих — это дело другое. Так-то и родился у Джабраила план попросить, чтобы брата отпустили на его попечение. Полный ли он придурок или на девять десятых — это уже не столь важно. Он бы уже нашел способ заставить брата сознаться, где он прячет бабки, и поделиться ими.

— Скажите, дорогой доктор, — сказал Джабраил — как бы вы посмотрели, если бы я взял брата домой? Вам работы и так с головой хватает, да еще за гроши, что вам платят...

— Насчет грошей, — вздохнул доктор, — это уж точно... Это вы правильно заметили. — Он многозначительно посмотрел на посетителя: — Правда, чтобы мы отпустили его, нужны определенные формальности...

— Я понимаю, — кивнул Джабраил, — формальности везде... Поэтому позвольте вручить вам этот конверт... — Он огляделся по сторонам и понизил голос: — Много у меня нет, дорогой доктор, но я все собрал — здесь тысяча долларов.

Плавным движением руки доктор засунул конверт в карман халата.

— Спасибо. Вообще-то родственники чаще предпочитают держать здесь своих родных как можно дольше, а не брать домой, как вы. Не зря, видно, говорят, что на Кавказе родственные отношения намного крепче, чем у нас. Подождите, пожалуйста, внизу. Через несколько минут приведут вашего брата и принесут его вещи. В отношении каких-то рекомендаций ничего конкретного я вам не скажу. Все стандартные средства и методы лечения мы перепробовали — к сожалению, без заметных успехов. Поэтому просто наберитесь терпения. Время лечит, это еще наши предки знали. Лекарств никаких не нужно. Когда не знаешь, от чего лечить, не знаешь и чем лечить.

Странный какой-то мир расстилался перед глазами Умара Садырова. Зрение у него было нормальное. Даже хорошее. Он видел людей вокруг себя, почему-то кое-кто из них был в мятых белых халатах, видел соседей с землисто-желтыми лицами, слышал слова, кото-

рые они произносили, но что это были за люди, что они говорили — он не понимал. И где он — он тоже не понимал. И даже не пытался понять. Все вокруг было как бы кадрами какого-то непонятного фильма без начала и без конца, который все шел и шел.

— Снимай пижаму, Умар, и надевай свое. — Санитар бросил на постель сверток одежды. — Забирают тебя.

Умар слышал слова, которые санитар адресовал ему, но никак не мог взять в толк, что они значат. Слово «умар» было как-то знакомо, где-то он его уже много раз слышал, но что такое умар или кто такой Умар, он не знал. А остальные слова и подавно не имели никакого смысла. Он тупо уставился на санитара.

— Гос-споди, экий ты все-таки дементный, — покачал головой санитар. — Хуже младенца записанного. Снимай, говорю, казенную пижаму. — Он начал стягивать с Умара вытертые фланелевые брюки, потом куртку. — Ну чего, сам штаны свои наденешь, дитя гор, или прикажешь мне тебя одеть?

Умар чувствовал, что человек в белом халате что-то хочет от него, но что именно, понять он не мог. Штаны, штаны, слово вроде знакомое, а что оно значит... что-то, конечно, оно значит, вот-вот, показалось ему, он поймет, что это, но в самую последнюю секунду смысл слова становился скользким, увертывался от него, куда-то исчезал.

Потеряв терпение, санитар кое-как запихал Умара в брюки, напялил на него рубашку и пиджак и повел за руку к выходу.

— А вещички-то у тебя, дитя гор, между прочим, что надо, вычистить, выгладить и прямо на показ мод. Карманы я твои не проверяю, там уж наверняка столько рук перебывало, что копейки не найдешь завалящей, не то что рубля.

— Здравствуй, братишка, здравствуй, Умарчик, дорогой, — раскрыл навстречу ему свои объятия Джабраил. — Конечно, — засмеялся он, — видал я тебя и более элегантным, но ничего, в домашних условиях ты у меня быстро на ноги встанешь.

«Он, похоже, и вправду ничего не сечет», — думал Джабраил, глядя в мутные глаза брата. До этого момента были у него подозрения, что Умар играет в какие-то игры. С Умаром ведь никогда нельзя было быть в чем-нибудь уверенным. Но, похоже, врач этот ничего не преувеличивал.

Он расписался в каких-то бумагах, взял брата за руку и повел к выходу.

— Идем, идем, Умар, дорогой, дома ты у меня быстро поправишься.

Брат покорно плелся за Джабраилом. Правильно, правильно он все рассчитал. Даже лучше, что он в таком состоянии. Когда они окажутся одни, он уж найдет способ немножко выправить мозги

Умару. Или вправить, черт-те знает, как правильно по-русски. И даже тысячи баксов жалко не было. Или он уж совсем круглый идиот, или превратится его тысяча тысяч в триста. Никак не меньше. Это сколько процентов? Триста, что ли? Считать деньги он умел, но вот проценты вычислять как-то не приходилось.

В машине он усадил Умара на заднее сиденье рядом с приятелем, которого привез на всякий случай, и направился к Мосфильмовской, где находилась квартира Умара. Сегодня московские пробки, которые обычно доводили его до бешенства, его не трогали. Он думал. Главное — заполучить деньги. Никакими наркотиками он заниматься не будет, пусть наркотой такие дебилы занимаются, как старший брат. Он войдет в долю с владельцем автомобильного салона, тот уже пару раз предлагал ему. Ты что, смеялся он, хочешь уверить меня, что у настоящего чеченца нет в заначке полмиллиона? Никогда не поверю.

Конечно, бабок шальных, таких, какие наркодельцы делают, у него не будет. Зато будет уважаемая спокойная работа. Можно будет съездить домой в Урус-Мартановский район, взять девушку хорошую. У них в районе самые лучшие девушки в Чечне. Только чеченку, пусть и не очень верующую, но честную и работящую. Любовницу можно иметь и русскую. Он вспомнил хорошенькую телочку, с которой недавно познакомился, и улыбнулся. Ну, девка... Когда подзаработает немножко, купит приличную квартиру — хватит по наемным квартирам болтаться, — заведет детей. Ничего, что пойдут они в русские школы. Вообще, с русскими жить можно. Немножко ума — и никаких неприятностей. Ну, а если какой-нибудь засранец и обзовет его черножопым, что ж... надо уметь не обращать внимания.

Под неспешное строительство будущего они, наконец, выехали на Мосфильмовскую. Сегодня вообще пробок было меньше, и Джабраил принял это за хороший знак.

— Спасибо, Коля, — поблагодарил он приятеля, которого брал на всякий случай с собой в дурдом, и повел брата к лифту. Чем черт не шутит, подумал он, может, увидит свою квартиру, голова его и прояснится. Что, если честно, было бы не очень желательно. В здравом уме Умар с копейкой не расстанется, не то что со всеми своими бабками.

Они вошли в квартиру Умара. Точнее, Джабраил ввел его, держа за руку, потому что брат по-прежнему послушно шел за ним, как овца.

— Ну что, Умар, узнаешь свою квартиру? — спросил Джабраил, внимательно глядя на глаза брата. Глаза оставались пустыми. Ну что ж, будем потихоньку работать. Может, напугать его, крикнуть? Интересно, какая будет реакция. — Где бабки прячешь? — вдруг заорал он, схватил Умара за плечи и основательно тряхануул.

Умар вздрогнул, съежился, словно ожидая удара, но ничего не ответил. Может, он вообще потерял способность говорить? Джабраил еще раз тряхануул брата, и тот испуганно замычал.

— Ладно, Умар, будем работать, — усмехнулся Джабраил. — Как это говорится по-русски? Игра стоит свечей.

Он подвел брата к кровати и слегка подтолкнул его. Наверное, они так же делали и в дурдоме, потому что Умар тут же послушно улегся и закрыл глаза.

Непонятный фильм без начала и конца продолжал мелькать перед ним, даже тогда, когда он закрывал глаза. Он попытался понять, почему он больше не видел белых халатов и почему лицо человека, который привел его, казалось знакомым... Он повторил про себя слово «знакомый» и ему показалось, что еще одно усилие, и он наконец ухватит эти странные звуки, соберет вместе и поймет все, что никак не мог понять. Но опять звуки в последнее мгновенье рассыпались, так и не сложившись в нечто понятное. Вздохнув, он заснул.

Джабраил уселся в кресло и задумался. Скорее всего, деньги были где-то здесь, в квартире. Не в банк же он их положил и не в землю закопал. Наверное, была у него баба, скорее всего и не одна. Но представить, что он давал им деньги не хранение, было просто смехотворно. Он и матери их родной пяти рублей не доверил бы. Но так или иначе, бабки были так ловко спрятаны, что ни менты при обыске, ни он, когда уже приходил сюда, ничего найти не могли. Надо только не торопиться и исследовать буквально каждый квадратный сантиметр. Перетрясти каждую шмотку в шкафу, прощупать подкладку и на одежде, и в чемоданах, наконец, внимательно осмотреть паркет. От Умара всего можно ждать. Времени у него было более чем достаточно. И не падать духом, если сразу ничего не найдет. Раз, другой, третий — всю квартиру разберет и сложит, но деньги найдет. Он так уже привык к этим еще не найденным деньгам, что и представить себе не мог, как он будет жить без них. Он услышал какой-то звук. Господи, да это ж Умар сопит во сне, как детка малая. Спит, скотина, а он должен сидеть и ломать голову, куда этот жмот засунул свои треклятые деньги... Ничего, братец Умар, найдем. Не думай, что ты такой уж хитрый. Найдем. Он откинулся в кресле. То ли от волнений, то ли от близости денег он чувствовал себя так, будто проработал в поле целый день. Он прикрыл глаза и задремал. И тут же словно какая-то сила выбросила его из сна. Как он сразу не подумал об этом? Если и не удастся сразу найти деньги, надо попробовать отыскать кого-нибудь из его клиентуры, может, кто-нибудь что-нибудь слышал. Хоть какая-то ниточка, хоть обрывок ее могут обнаружиться. Нелегко, конечно, но он сможет... Он опять задремал, на этот раз уже спокойнее...

Глава 18. «Пиво только для членов профсоюза»

Может быть, оттого, что Яков Михайлович Кипнис очень любил жену, может быть, оттого, что за двадцать пять лет семейной жизни развились в нем какие-то телепатические способности, но как точнейший сейсмограф он мгновенно чувствовал перемены в ее настроении и особенно в отношении к себе. Вот уже несколько дней он явственно ощущал напряжение, которое скапливалось в душе Иринки. И дело, похоже, не только в том, что все это целительство неумолимо заходило в тупик и она это чувствовала. Похоже, что кто-то понравился ей, а она, со своей самоедской честностью, тут же кинулась с энтузиазмом грызть себя. Не то чтобы часто, но несколько раз такие вещи с ней уже случались.

Неким херувимом, начисто лишенным ревности, он, конечно, не был, но и на роль Отелло тоже не претендовал. Дело ведь не в том, понравился или не понравился ей какой-то мужик. Ведь случалось и с ним, что чьи-то улыбающиеся глазки заставляли сильнее биться его немолодое сердце. Это все чепуха. Пока они любят друг друга, пока доверяют друг другу, пока каждый ценит внимание и преданность другого, все это совершеннейшая чепуха.

Он припарковал «тойоту» рядом с их старой «вектрой» — неужели так и не удастся продать ее хоть за гроши — и вошел в подъезд. Лифт опять не работал, и он начал медленно подниматься по лестнице. Лучше всего не играть с ней в домашние игры, и уж подавно в молчанку. Он слишком хорошо знал ее, чтобы не представлять, как смутно у нее может быть на душе, когда она недовольна собой. С другой стороны, откуда в нем эта уверенность, что роман ее — если это действительно роман — не слишком серьезен? Это, дорогой Яков Михайлович, строго сказал он себе, уже попахивает наглой самоуверенностью.

Жена действительно уже была дома. Никаких планов поведения он никогда заранее не составлял и полагался только на интуицию. Он посмотрел на Иринку, подошел к ней и, как обычно, поцеловал ее в щеки и кончик носа.

— Ну, как дела, моя ученая целительница? Что так невесела, мышка лабораторная?

Ирина Сергеевна посмотрела на мужа, несколько секунд помолчала, словно не зная, как себя вести, и вдруг обняла его за шею.

— Самое главное условие для счастливой семейной жизни — это не совсем чистая совесть одного из партнеров, — скрипучим нравоучительном тоном сказал Яков Михайлович.

— Яша, у тебя, оказывается, есть совесть? — испуганно спросила Ирина Сергеевна. — Почему ты мне никогда ничего не говорил о ней?

— Прости, любовь моя, я просто никогда не пользовался ею, вот и не замечал.

Они оба рассмеялись. Хорошо, что тучка была маленькой, и ее быстро сносило ветром двадцати пяти вместе прожитых лет и крепостью надежного дома.

— Ладно, — сказал Яков Михайлович, — хорошо, что не придется тебя пытать, чтобы узнать всю правду. А то я было собрался принести с работы клещи, чтобы вырвать у тебя чистосердечное признание...

— Вы? Меня пытать? Нет, Яков Михайлович, не на тех напали. Поищите себе другую.

— А вы, уважаемая Ирина Сергеевна, не учите меня, кого мне пытать. — Яков Михайлович вдруг замер и шумно втянул воздух носом. — Что это за запах? Не жаркого ли?

— Жаркого.

— Ну вот и собственноручное признание. Была бы совесть чиста — сунула бы супругу в рот сосиску холодную, перебьется как-нибудь. Не впервой. Ну а что именно подвигло вас на изготовление столь редкого в нашей семье жаркого, я, Ирина Сергеевна, и думать боюсь. При небольшом воображении и инсульт получить можно. И плакало тогда жаркое.

— Садись за стол, ревнивец.

— Потрясающее жаркое. Солнышко, а нельзя чаще приходить домой с нечистой совестью, а?

Ирина Сергеевна посмотрела на мужа.

— До чего же все-таки ваша нация хитрая, — улыбнулась она. — Как ты догадался, что я уже начала упаковывать вещи, чтобы переехать к другому?

— Очень просто, я сам собрался переехать к одной симпатичной старушке, смотрю, а чемоданы уже все заняты.

— Ладно, старушечий угодник. Если я тебя к кому-нибудь и отпущу, то только к юной длинноногой диве.

— Боюсь, до-олго тебе ждать придется. Что-то длинноногие дивы мало интересуются пожилыми бедными инженерами... Томка звонила?

— Я ей звонила, Яш. Слава богу, все у них хорошо.

— Олег держится?

— Ты что, смеешься? Не просто держится — скала.

— Ну и прекрасно. По крайней мере, нашей семье твое целительство пошло на пользу.

— Яш, — Ирина Сергеевна испытующе посмотрела на мужа, — я все думаю, а почему ты так ни разу и не попробовал вылечить кого-нибудь? Ведь с момента, как я поделилась с тобой этим даром, ты обладаешь им в полной мере. Как я, как Маша моя, как Олег.

— Это, солнышко мое ненаглядное, непростой вопрос. Я и сам много раз задавал его себе. И потом понял. Помнишь фразу у Ильфа и Петрова «пиво только членам профсоюза»?

— Н-нет.

— Очень емкая шутка. В ней и бедность — на всех в те времена даже пива не хватало, и — главное — система подкупов, на которых держалась в значительной степени советская власть. Вступай в профсоюз — получишь право купить бутылку пива.

— Но какое отношение...

— Самое очевидное. Тот же подкуп. Выполняй заповеди — вылечу. А купленная нравственность, думается мне, немного стоит. Собственно говоря, это уже и не нравственность и не вера во Всевышнего, а плата за лечение по прейскуранту. Старые советские штучки. Ведь вся система держалась на кнуте и прянике. Вступи в партию, истово повторяй на собраниях любую ахинею, которая в то время требовалась, донеси в партком, что такой-то и такой-то при исполнении гимна только издевательски разевают рты, а сам, очевидно из-за несогласия с политикой партии, не поет, глядишь, в награду поднимешься чуть быстрее на ступеньку по служебной лестнице, чуть быстрее поставят в очередь на квартиру, на машину, на телефон... Кладбище, наконец, получше выделят. А сделаешь что-нибудь чуть не так, не по их шаблону, неприятностей не оберешься, а то и загремишь в края не столь отдаленные.

Вот так и воспитывалась высокая нравственность коммуниста, строителя нового общества. Не мудрено, что с перестройкой и концом «руководящей роли» партии, миллионы верных ленинцев кинулись с азартом рвать свои партбилеты или сдавать их. Даже и не представишь сразу, какой величественный бумажный замок можно было бы построить из этих выброшенных партбилетов.

И религии, заметь, построены на том же принципе. За хорошее поведение извольте получить направление в рай. За плохое — шагом марш в геенну огненную. У мусульман — то же. Делаешь все по Корану — можете проследовать в прохладный благоустроенный рай. Там уже все приготовлено: и фонтаны и кальяны. Нет — не обессудьте. И у индуистов все зависит от поведения. Заслужишь — будет у тебя хорошая карма и станешь в следующей жизни брахманом. Не заслужишь — готовься родиться жабой или слизнем каким-нибудь.

Конечно, когда ты вылечиваешь больного, это чудо, счастье. Но требовать в качестве условия соблюдение заповедей, какими благородными они б ни были, это, в сущности, то же пиво для членов профсоюза.

— Что же делать, Яшенька? Отказаться от дара целительства? Спокойно смотреть, как ближний страдает, мучается, теряет надежду,

зная, что ты можешь мгновенно исцелить его? Это же не просто эгоистично, это жестоко. А заповеди... Это ведь тоже не так просто, как у тебя получается. Пусть не каждого исцеление делает лучшим человеком, но кого-то делает. Люди ведь редко способны честно и беспристрастно посмотреть на себя и подняться на ту же ступеньку по лестнице нравственности. Так?

— Увы, так, солнышко мое.

— А разве вся наша жизнь — эта не та же система поощрений и наказаний? Начиная с грудного возраста. Попросишься на горшок — погладят по головке. Так и приучаешься к гигиене. Можно было бы, конечно, и предоставить этот процесс естественному течению. Только боюсь, что тогда многие и в зрелом возрасте ходили бы под себя. И вообще без поощрений и наказаний жизнь представить себе просто невозможно. Собственно, вся эволюция, вся дарвиновская теория выживания наиболее приспособленных — это миллиарды лет поощрений и наказаний, которыми матушка-природа пользовалась довольно сурово.

Так что, Яшенька, для меня все это не так очевидно, как пиво для членов профсоюза. К тому же мне трудно представить себе, что те сомнения и возражения по поводу системы «кнут и пряник» не приходили в голову Ивана Ивановича...

— Это...

— Да, я имею в виду того, кто наделил меня даром целительства. Помнишь, когда это все случилось и я тебе рассказала о необыкновенной встрече, ты же сам мне сказал, что мы пройдем по этой Голгофе.

— Сказал.

— Тогда почему ты так круто изменил свой взгляд? С какими чудесами мы бы ни сталкивались, в конечном счете решение как к ним относиться, принимаем мы сами. Только мы.

— Я... как бы тебе это объяснить... больше всего я боюсь, когда мною пытаются манипулировать... Может быть, именно поэтому все во мне восстает...

— Я со времени встречи с Иваном Ивановичем — будем его так называть, раз он сам представился так — прочла Ветхий Завет раза три. Помнишь, сколько раз евреи забывали о своих обещаниях Всевышнему? Возьми хоть их роптания, когда Моше водил их по Синайской пустыне после египетского плена: мол, зачем вообще нужно было уходить? Там хоть и рабство, зато еда была. Даже золотого тельца себе соорудили вместо Всевышнего, который вывел их из плена. Немудрено, что Он назвал их жестоковыйным народом. Вот и мне хочется назвать тебя жестоковыйным. Быстро ты забыл про свой суставной ревматизм, забыл, что мы спасли Олега, а с ним скорей

всего и Тамару, потому что иначе она бы скорей всего погибла вместе с ним.

Яков Михайлович подошел к жене, обнял ее за плечи и поцеловал в шею.

— Ты же знаешь, что долго я тебе сопротивляться не могу, даже если бы ты цитировала не Тору, а телефонный справочник. Может быть, ты и права, и во мне говорит какое-то неосознанное древнее упрямство. Поживем — увидим. Редкая, кстати, по мудрости и новизне мысль. Тем более, что тебе еще предстоит поход в горздравотдел...

— Это моя добрая воля. Не хочу отказать себе в маленьком удовольствии поговорить там с какой-нибудь начальницей с халой на голове.

— Не забывай, рыбка моя смелая, что с начальниками в нашей благословенной стране лучше все-таки не связываться, не то что получать от них удовольствие. Начальники созданы не для удовольствий, а для получения подношений от благодарных граждан.

— Ничего, не забывай, что у твоей жены теперь есть свой человек в ФСБ.

— Боюсь, что ФСБ — это все-таки не блаженной памяти КГБ. Где ФСБ — и где твой горздравотдел. Медицинского диплома нет? Нет. Лицензия есть? Нет. Заявление от пострадавших есть? Есть. Ведет себя независимо? Еще как! Вот мы ей и накрутим хвоста как следует. Чтоб другим наука была. А будет кочевряжиться — передадим дело в прокуратуру. Ты уверена, что тебе это действительно нужно? Что, у тебя слишком мало в жизни развлечений? Я в этом совсем не уверен.

— Ладно. Может, и не нужно было соглашаться прийти к ним, хотя вряд ли это что-нибудь изменило. Когда бюрократическая машина начинает крутиться, ее уже не остановишь. Но обещаю тебе, что очень уж задираться не буду. Честно. Давай свою тарелку. Раз сегодня у меня совесть нечиста, мыть посуду мне.

После того как Джабраил перебрал все полки в шкафу, ощупал все рубашки и пиджаки, делая это скорее для отчистки совести, поскольку понимал, что триста тысяч долларов, даже двести — это тридцать или двадцать увесистых кирпичиков из ста стодолларовых купюр, которые в какой-нибудь шов не спрячешь. И чем дольше он копался в вещах брата и в пятый, наверное, раз задвигал и выдвигал все ящики письменного стола и шкафа, тем четче осознавал, что занимается ерундой. Денег в квартире не было, и этот печальный факт следует признать. Но ведь были же, черт возьми, эти деньги. Должны были быть. Быть-то они, может и были, но менты их скорей всего и

прихватили. С другой стороны, ну никак он не мог себе представить, чтобы братец, как последний лох, держал такие деньжищи на виду. Заходите, люди добрые, берите, кому нужно.

Только не теряй голову, приказал он себе, спокойнее. Умар у него, и не сегодня завтра он его уж как-нибудь разговорит. Пока что надо еще раз пройтись по тем бумажкам, что он собрал. Паспорт, это понятно. Две квитанции об уплате за квартиру и за телефон. Записная книжка, в которой ничего интересного не было. Еще какая-то квитанция. Стоп, стоп, стоп. Квитанция на бланке банка. Какой-то номер, номер паспорта. Явно не счет, это уж точно. Но что — непонятно. Может, страховка какая-то? Да нет, были бы указаны и сумма страховки, и что застраховано. Ладно, отложим пока, надо подумать.

Теперь ключи. От квартиры. Маленький ключик, наверное, от почтового ящика. Ключи от машины. Эти не спутаешь. Еще какой-то ключик. Может, от шкафа или стола? Он попробовал оба ключика — ни один не подходил. Съездил вниз, проверил почтовый ящик. Точно, один ключик подошел. А другой, сообразил он, от гаража. Он почувствовал прилив радости. Как он сразу не сообразил? Скорее всего, деньги были в гараже. Где этот гараж, он не знал, он-то и БМВ брата видел раз или два. Пятьсот двадцатая или двадцать пятая, если он не ошибается. И раз машины около дома не было, значит, где-то она в гараже. Человек Умар был осторожный, и бросать такую машину у подъезда не стал бы.

Итого неопознанных оставалась какая-то квитанция из банка и ключик. На ключ от гаража не похож. Гаражный ключ скорее всего в связке автомобильных ключей. Может быть, что-то в этом есть... Только не торопиться. Лучше всего показать завтра квитанцию шефу. Он все-таки москвич, не приезжий, все сечет. Скажу, брат болеет, нашел, мол, в столе, не знает ли он, что это, может, за брата что-то заплатить нужно. Так, пожалуй, и сделает... Хотя, с другой стороны, торопиться не надо. Люди ведь не дураки, мало что могут подумать, если он начнет всем под нос ключ совать и спрашивать, от чего он.

Нет, сначала нужно найти гараж. Что-то подсказывало ему, что гараж — это как раз то, что он искал. И вообще спрятать бабки в боксе куда легче, чем в квартире. Значит, главная задача — найти гараж Умара. Только и всего, усмехнулся он себе. Умар по-прежнему тихо сопел во сне, и Джабраил начал успокаиваться. Найдет он его бабки. Точно найдет. Кровь из носу, но найдет.

Глава 19. Горздравотдел

Заместитель заведующего горздрава Руфина Евгеньевна Сурикова, как явствовало из таблички на двери кабинета, в который направили Ирину Сергеевну, оказалась сурового вида дамой лет пятидесяти в строгом черном костюме. Она сухо кивнула посетительнице на стул против ее стола и продолжала что-то сосредоточенно писать. Старый трюк советских чиновников, подумала Ирина Сергеевна, — показать, как они заняты важными государственными делами и насколько эти дела важнее и значительнее житейских мелочей, которыми ее отвлекали всякие малосознательные граждане. Начальницы этой Ирина Сергеевна, разумеется, ни в малейшей степени не боялась, да и пришла скорее из упрямства, чем из-за боязни неприятностей — что они могут ей сделать? И все же, подумала она, как глубоко спрятаны в генах русского человека извечное почтение и извечный страх перед начальством. Она внутренне усмехнулась. Ладно, дорогие гены, на этот раз вы мне не указка.

— Я вижу, вы очень заняты, — нарочито виноватым, скорее даже издевательским тоном голосом сказала Ирина Сергеевна, — может, мне лучше не беспокоить вас и не отрывать вас от государственных дел? Может, прикажете прийти в другой раз?

Лицо начальственной дамы слегка покраснело. Что-что, а иронию в свой адрес она почувствовала сразу. Она подняла свой тяжелый взгляд, слегка пожевала узкие губы и резко сказала:

— Слушаю вас.

— Простите меня, это я хочу выслушать вас. Это же вы меня приглашали, а не я — вас.

Лицо чиновницы еще больше покраснело, и на мгновенье Ирине Сергеевне показалось, что сейчас она запустит в нее дыроколом, который стоял на столе.

— А, вы Кипнис Ирина Сергеевна? — справилась со своим импульсом дама и дыроколом так и не воспользовалась.

— Она самая. Простите, — еще более покорно сказала Ирина Сергеевна, — мне, наверное, нужно было сразу представиться. Войти строевым шагом и отчеканить: доктор биологических наук Кипнис по вашему вызову явилась.

«Ну что я ее дразню, — мысленно сделала себе выговор Ирина Сергеевна. — Чиновница как чиновница. Чего я от нее ожидала, что она бросится мне на шею и облобызает за счастье увидеться со мной?»

— Ценю ваш юмор, Ирина Сергеевна, — сказала чиновница и попробовала улыбнуться, но попытка ей явно не удалась. Лицо ее просто слегка перекосилось, от чего стало еще злее. — Но вернемся к

делу, по которому мы вас пригласили. В наш адрес от несколько лиц поступили заявления о том, что вы, не будучи медиком, занимаетесь лечением всевозможных болезней, требуя за свои услуги гонорар. Это соответствует действительности?

— Частично.

— То есть?

— Я действительно вылечила ряд лиц. Это верно. С другой стороны, я не только не требовала никакого гонорара, но заранее предупреждала, что ни денег, ни подарков я не принимаю и что они лишь приведут к возврату болезни.

— Допустим. Бескорыстие ваше, если оно, конечно, подтвердится, говорит в вашу пользу. Но сути дела это не меняет. Судя по заявлениям, вы ученый-биолог, заведующий лабораторией, и медицинского диплома вы не имеете. Согласно закону, отсутствие медицинского образования и диплома запрещают медицинскую практику. Другими словами, лечить вы не имеете права.

— А я, строго говоря, и не лечу. Я смотрю на человека, определяю, чем он болен, и все.

— Что значит «все»?

— Это значит, что он становится здоров.

— От одного вашего взгляда? — саркастически улыбнулась чиновница.

— Совершенно верно. От одного моего взгляда.

— Ирина Сергеевна, я отношусь с уважением к вашему ученому званию, но это вовсе не значит, что я намерена выслушивать ваши шутки. Тем более, что...

— А я не шучу. Даже если бы я и захотела пошутить в вашем присутствии, я бы никогда этого себе не позволила. Вы слишком занятой человек для шуток посетителей. Да и вообще шутки в присутственных местах, как правило, неуместны. Я могу лишь повторить: одного моего взгляда достаточно, чтобы человек выздоровел. Другими словами, я медицинской практикой не занимаюсь, диагнозов не ставлю, лекарств никаких не прописываю, не говоря уж об операциях. Вы же не запрещаете людям, когда они чихают, говорить друг другу «будьте здоровы». Хотя, следуя вашему течению мыслей, это тоже можно рассматривать, как занятие медицинской практикой.

— И вы хотите, чтобы я поверила вашим... словам? — Чиновница багровела прямо на глазах Ирины Сергеевны. «Боже, сколько же она, бедняжка, тратит сил, чтобы не наорать на меня или даже не укусить», — подумала Ирина Сергеевна. Чиновница резко выдохнула, беря себя в руки, и медленно отчеканила: — До прихода в горздравотдел я много лет проработала врачом, начиная от участкового врача до заместителя главврача больницы. И что-то ни разу не сталкивалась

со случаями, когда болезни, уважаемая Ирина Сергеевна, излечивались бы одним взглядом.

— А я и не утверждаю, что это нормальная вещь. Просто я обладаю неким удивительным даром излечения. Поверьте, я вовсе не хочу хвастаться. Больше того, своей заслуги в исцелениях, которые мне довелось совершить, я не вижу ни в малейшей степени.

— Похвальная скромность, Ирина Сергеевна. Весьма похвальная. Но мы же с вами живем в начале двадцать первого века, века бурного развития науки, чтобы всерьез говорить о всяких спонтанных излечениях. Вы же все-таки разговариваете с врачом, а не с читательницей наших желтых изданий. Надеюсь, вы это понимаете? Тем более вы сами признаете, что своей заслуги в этих предположительных исцелениях вы не видите. Так что, если быть с вами откровенной, я просто не вижу цели нашего разговора.

— Простите меня, Руфина Евгеньевна, я бы с вами согласилась, но это же вы пригласили меня, а не я — вас, и я не сочла возможным отказываться. Мне можно идти?

— Подождите, я все-таки хочу уяснить для себя, брались ли вы действительно лечить людей?

— Боюсь, что таким образом наш разговор будет хождением по кругу. Я же все вам сказала.

— Разумеется, я слышала, что вы мне сказали. Но, с вашего разрешения, я не могу всерьез обсуждать ваши объяснения. Они за гранью логики и здравого смысла.

— Благодарю вас, Руфина Евгеньевна. Я прекрасно понимаю вашу точку зрения. Скажу больше: я б на вашем месте думала так же, как вы.

— Следует ли понимать из ваших слов, что вы впредь не будете заниматься... ну, назовем это знахарством? Если вы согласны, то будем считать наш разговор исчерпанным. Мы ведь вовсе не заинтересованы в раздувании этого инцидента, тем более в передаче дела в прокуратуру. — Чиновница слегка привстала на стуле, всем своим видом показывая, что говорить им давно уже не о чем, и посетительнице пора ретироваться.

— Заниматься я буду каждый раз, когда сочту нужным. А чтобы вы видели, что я не совсем дементная, позвольте сказать вам, что у вас, например, высоковат уровень сахара в крови. К счастью, пока ситуацию можно контролировать диетой и физическими упражнениями. Далее. Вы склонны к ангинам, а они в нашем возрасте опасны — могут повлиять на сердце. Которое у вас, между прочим, тоже не в идеальном состоянии — вы страдаете от аритмии. До потребности в кардиостимуляторе далеко, но лечить вашу тахикардию можно и нужно. Вас я вижу первый раз в жизни, истории вашей болезни я,

как вы догадываетесь, никогда в руках не держала, жаловаться на здоровье вы мне не жаловались. Стало быть, если в своем диагнозе я не ошиблась, следует признать, что ваша посетительница действительно обладает некими странными способностями.

Лицо чиновницы сначала покраснело, потом побледнело. С минуту она сидела молча, слегка прикрыв глаза, потом растерянно пробормотала:

— Этого быть не может. — Она покачала головой и, словно преодолевая себя, хрипло спросила: — Но как вы это делаете?

— Если бы я знала, я б уже собиралась в Стокгольм за Нобелевской премией по медицине. Я не знаю. Я ж вам сказала, что это некий дар.

— Дар... от кого?

— Скажем так, свыше. Мало того, уважаемая Руфина Евгеньевна, через минуту уровень сахара мог бы у вас понизиться до нормы, и вы могли бы забыть о диете. Об ангинах вы тоже могли бы забыть, да и тахикардия исчезла бы, словно сердце ваше никогда и не билось учащенно.

— Но... этого не может быть! Этого просто не может быть! Это же... Я даже слов не подберу!

— Может, может, дорогая Руфина Евгеньевна. Просто следует признать, что в мире есть много вещей, которые пока что находятся за гранью нашего понимания. А что касается вашего полного и мгновенного излечения, то, к сожалению, оно возможно только при соблюдении всего-навсего одного условия.

— Что вы имеете в виду?

— Вы должны взять на себя обязательство строго соблюдать все десять библейских заповедей. Или по крайней мере искренне стремиться выполнять их.

— Вы... — лицо чиновницы пошло красными пятнами — вы что... вы что... смеетесь надо мной? Кто дал вам право издеваться над людьми? Наверное, я делала в жизни ошибки, но я не заслужила, чтобы надо мной так потешались! Какие заповеди, какие исцеления? Вы что, смеетесь надо мной? И вообще кто дал вам право...

— Какие издевательства? Разве божьи заповеди — это издевательство?

— Я не желаю вас слушать! Слышите? Не же-ла-ю! Я бы попросила вас...

— Что?

— Прекратить этот... цирк. Я не очень хорошо себя чувствую...

— Как вам будет угодно. Всего хорошего.

Ирина Сергеевна наклонила голову и вышла из кабинета. Как все-таки странно устроены люди, думала она, направляясь к станции

метро. Куда проще отрицать очевидное, чем признать нечто, что противоречит их убеждениям. Ведь по ней видно было, что диагноз был точен. Но лучше страдать от болезней, чем согласиться с чем-то, что не укладывается во вбитые в ее голову схемы. Наверное, это и есть фанатизм — лучше погибнуть, но не отступить от того, во что она верит. Причем самые страшные и опасные фанатики — это честные фанатики. На мгновенье ей даже стало жалко эту упрямую дуру, но она тут же поправила себя. Таких фанатичек, как она, жалеть не надо. Это они, фанатики и фанатички, испокон веков мешали людям жить, особенно тем, в ком они чувствовали несогласие или даже малейшие сомнения в их догмах: вешали, сжигали, сначала на кострах, а потом вместе с маршем прогресса и в газовых печах, раскулачивали, загоняли за колючую проволоку, расстреливали, а самых счастливых просто выгоняли с работы. Так что пусть сидит со своим диабетом и своей аритмией, злобная обезьяна. По крайней мере, диабет и аритмия не противоречат ее взглядам, а мгновенное исцеление — это, как она выразилась, цирк...

Джабраил не спеша протирал лобовое стекло своей «хонды», осторожно посматривая по сторонам, не подъедет ли какая-нибудь машина, хозяин которой, может быть, живет в этом доме. Он понимал, что шансов у него встретить жильца, который знал бы, где у брата гараж, было не так уж много, но и выхода у него не было. Мысль о боксе с умаровым БМВ, где его ждет пачка с несколькими сотнями тысяч долларов — или он держал деньги в кейсе? — буквально сжигала его внутренности. И как назло тротуар около входа в дом был пуст. Обычно в Москве и припарковаться негде, хоть ставь машину на-попа, а здесь, как назло, — никого. Наконец появились «жигули» с каким-то дедом за рулем. Джабраил подождал, пока дедушка, покряхтывая, не вылез из машины, подошел к нему, поздоровался и спросил как можно вежливее:

— Скажите, пожалуйста, вы живете в этом доме?

Дедушка подозрительно посмотрел на Джабраила и спросил:

— А вам что до этого?

— Я думал, может, вы встречали моего брата Умара, он живет в этом доме.

— Никого Умара я не знаю.

— Может, вы заметили, он ездит на серебристом БМВ, пятьсот двадцать пятая?

— Какая БМВ, какая пятьсот двадцать пятая, тут на бензин на мою старушку не хватает, а те, кто на БМВ раскатывают, те, парень, деньги не считают. У тебя-то у самого «хонда» неплохая, зачем тебе

БМВ? Я тебе не советую менять, японские, говорят, экономичнее. Так что прости, парень, мне надо домой...

— А вы не скажете, где здесь гараж ближайший? Не все же бросают машины около дома...

— А тебе зачем, ты что, сюда поселяешься?

— Я ж вам говорю, брат мой Умар...

— Чего ты заладил: Умар да Умар! Я тебе не советую тут квартиру снимать. Во-первых, булочная во дворе, спать просто не дают, черт-те знает, когда хлеб привозят. А во-вторых, топят зимой плоховато. Конечно, кто себе пластиковые рамы вставляет — тысяч, наверное, пять зеленых на квартиру потянет, тем, может, и не холодно, а у меня таких возможностей нет.

— Я вас про гараж...

— Чего гараж? Знаешь, сколько там за бокс платить надо? Пенсии не хватит. А тут еще и квартиры дорожают. Тебе, может, оно и не важно, вы, кто с юга, знаете, как копейку заработать, а нам, рассейским... да еще старикам — хоть грабить на дорогу с кистенем выходи. Так и там места вашими заняты, ты уж не обижайся. Так-то вот. Ну, мне двигать надо, старуха, наверное, заждалась...

Следующая машина подъехала минут через двадцать, и у Джабраила уже устала рука бесконечно протирать лобовое стекло. Из «пассата» вылез молодой человек в модной, на заклепках, курточке.

— Простите, вы не скажете, где у вас тут ближайший гараж?

Молодой человек подозрительно посмотрел на Джабраила:

— А тебе зачем?

— Понимаете, у меня тут брат живет, может, видели его, он на БМВ пятьсот двадцатой пятой ездит...

— Ну и что? — еще более подозрительно спросил владелец «пассата».

— Он заболел, попал в больницу и просил меня проверить, все ли в гараже в порядке. Да вы не думайте... Вот мой паспорт, вот его, вот ключи от его машины... Мне только посмотреть, а то он волнуется...

— Не знаю я никакого гаража. Вам скажи — потом там половины машин не досчитаются. Понаехали тут...

Джабраил почувствовал, как горячая ненависть заставила его сжать кулаки. Только бы удержаться, только бы удержаться, заклинал он себя, чувствуя, что еще секунда — и он врежет этой собаке между глаз. Тогда прощай все... Он громко выдохнул и отвернулся. Парень в курточке почувствовал, наверное, опасность, потому что быстро юркнул в подъезд.

Деньги уплывали у него прямо из рук. Он же чувствовал их в своих руках, увесистые аккуратные кирпичики, вся жизнь его была в этих кирпичиках. Сто сотенных купюр — это сколько выходит? Де-

сять тысяч? Точно. Вот сволочи, сказать, где гараж находится, не могут, не люди эти москвичи, а собаки злобные, шакалы паршивые. Что он, деньги у них просит? Сволочи!

Рядом остановилась «вольво», и из нее вылез плечистый парень в камуфляже, потянулся, несколько раз развел руки в стороны, посмотрел на Джабраила и улыбнулся. Первый человек, кто улыбнулся здесь ему, подумал Джабраил.

— Смотри, — засмеялся парень, — не протри стекло насквозь.

— Скажите, пожалуйста, — улыбнулся «камуфляжу» Джабраил, — вы, случаем, не знаете, где здесь ближайший гараж?

— А тебе зачем? Если рассчитываешь купить там бокс или арендовать, забудь. Там целая очередь.

— Да нет, у меня брат живет в этом доме, может знаете, Умар Садыров...

— Он на БМВ ездит?

— Точно, — обрадовался Джабраил, — сам он попал в больницу, просил меня зайти в гараж...

— Да знаю я твоего брата. Даже бокс его знаю, он через три бокса от моего. По-моему, триста два эс. А сам гараж ты легко найдешь. Видишь эту башню? — Он показал на высокое здание. — Как раз за ней.

— Спасибо большое, вы даже не представляете, что вы... А то он мне говорит...

— Да ладно, чего я сделал? Гараж показал, дел-то. Бывай. — «Камуфляж» повернулся и вошел в подъезд.

Нет, зря он так на москвичей, подумал Джабраил. Есть здесь и нормальные люди... Он с трудом удержался от того, чтобы не рассмеяться от предвкушения момента, когда он войдет в этот чертов бокс. Триста два эс. Он спрятал в багажник кусок замши, которым полировал стекло, запер машину и быстро пошел по направлению к башне.

Глава 20. Бокс триста два эс

Вахтер, старичок в круглых очках, посмотрел на Джабраила.

— Пропуск.

— Понимаете, здесь бокс моего брата, триста два эс, Умар Садыров. Вот, пожалуйста, его паспорт, вот ключи от его машины. Сам он в больницу попал, я его брат, вот, пожалуйста, мой паспорт...

— А что с ним? — полюбопытствовал вахтер.

— Воспаление легких, сначала думал просто простыл, а потом на неотложке пришлось его отправить.

— Да, с легкими не шути, — согласился вахтер. — Паспорт свой оставь на всякий случай. Поднимись по лестнице, третий этаж.

— Спасибо вам большое, — с чувством сказал Джабраил и должен был сделать над собой усилие, чтобы не помчаться к гаражу бегом.

Через сетку ворот бокса он сразу узнал серебристый БМВ брата. И ключ подошел, здорово он все-таки сообразил, что ключ от гаража должен быть на одной связке с ключами от машины.

В боксе было темно, и он несколько минут нашаривал выключатель, пока, наконец, не нашел его. Всю пыль со стен собрал на костюм, да черт с ним, с эти костюмом, он его и в чистку сдавать не будет. На такие деньги, как у него, можно и поприличнее купить себе прикид. Вон Умар всегда в таких костюмчиках щеголял... Больше всего светлые любил.

Теперь, когда деньги были уже фактически в его руках, он не торопился. Удовольствие хотелось растянуть. Хорошо бы закурить, но лучше не надо. Может, увидит кто, крик подымут — в гараже запрещено. Ну и пожалуйста. Он уже ни на кого не сердился. Нельзя так нельзя. Порядок.

С левой стороны от машины на стенах были две металлические полки. С них-то надо и надо начинать. Банки всякие с автохимией, это ему не интересно, два баллона — тоже не то. А вот это уже интереснее. Под баллонами он увидел два серепьких кейса. Сердце Джабраила рвануло, как спринтер со старта стометровки. Аккуратный человек братец, ничего не скажешь. Аккуратненькие такие кейсы.

Он снял баллоны — тяжеленные, собаки, на сто пять, наверное. А вот и кейс. Хитер, хитер, Умарчик. Вовсе это не кейсы, а больше похоже на дорогой набор инструментов. Видел он такие. Прямо произведение искусства, а не ящик с инструментами. На мгновение он испугался, что на кейсах какие-нибудь хитрые замочки — уж очень не хотелось ему что-нибудь выносить из гаража. Старик на воротах привяжется, что, мол, такое, покажи, почему выносишь... Не отговоришься.

Аллах акбар! Никаких замков не было, и Джабраил легко откинул пластиковые зажимы, поднял крышку. Сердце его, казалось, остановилось: в ящичке аккуратно лежали в своих гнездах ключи, отвертки, накидные головки, пассатижи. Денег не было. Дышать стало сразу тяжело, и Джабраилу показалось, что в боксе погас свет. Нет, конечно. Свет горел. И зря он так завелся. Нужно было быть идиотом, чтобы держать такие деньжищи, можно сказать, прямо на виду. Заходи — бери. Он открыл второй ящик — издевательски сверкнули хромом ключи и отвертки — такой же чертов набор инструментов. На продажу он их покупал, что ли?

Ясно было, что деньги где-то здесь, должны быть здесь, повторял себе Джабраил, но жгучее холодящее разочарование медленно поднималось откуда-то снизу к сердцу. Уже не веря в успех, он запустил руку в запасные баллоны, вытащил пыльные камеры, потряс и камеры и баллоны. Ничего, кроме пыли. Денег в боксе не было.

Конечно, можно было предположить, что Умар возит полмиллиона в машине, но при одном условии — если он и раньше до болезни был психом. Но он-то знал, что Умар всегда был осторожен, даже родному брату слова лишнего никогда не говорил. Остановить для проверки машину менты могут в любой момент, особенно когда за рулем смуглый человек с усами, для них это прямо приманка: откройте багажник. А это что у вас за сверток? Разверните, пожалуйста.

Для очистки совести он открыл багажник БМВ — пусто. И под сидениями ничего не было. В изнеможении Джабраил откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза. Тяжело, тяжело было расставаться с богатством, которое, казалось, уже было у него в руках. Дыхание у него перехватило, дышать было тяжело. Итак, что на этот момент он знал точно? Денег в квартире и в гараже не было. Представить себе, чтобы Умар доверил кому-нибудь деньги, было так же невозможно, как вообразить, что он добровольно дал кому-нибудь хоть копейку.

Что же у него оставалось? Какая-то квитанция из банка и непонятного происхождения ключик. А может быть... Что именно может быть, Джабраил не знал, но расставаться с деньгами так не хотелось. Придется все-таки спросить в своем автосалоне, что это за квитанция.

Он вздохнул, запер бокс и пошел к выходу.

— Все в порядке? — спросил вахтер. — У нас тут строго...

— Все нормально, так и передам брату.

— Держи свой паспорт.

— Спасибо.

Джабраил шел к дому брата и чувствовал, как в нем закипает ярость. Псих Умар или не псих, а бабки свои запрятал так, что и не придумаешь, где искать. Жмот проклятый. Сейчас поднимется к нему и так врежет ему, что вся дурь из него разом выскочит. Сразу все вспомнит...

— Ну как, нашел гараж? — спросил Джабраила парень в камуфляже, который как раз выходил из дому. — Чего такой грустный? Неужели такого джигита девушки не любят? — Он весело улыбнулся.

Сам не зная почему, Джабраил вдруг испытал прилив доверия к парню.

— Скажите, может вы знаете, что это за квитанция? — Он протянул банковскую бумажку камуфляжу. — Я вам говорил, что брат в

больнице, а эта бумажка на столе валяется. Может, что-то заплатить надо, Умар потом ругаться будет...

Парень посмотрел на квитанцию:

— А, это квитанция об аренде ячейки в сейфе.

— А что это такое — ячейка? — сердце Джабраила рвануло с места, как скакун. Неужели не все еще потеряно...

— Это значит, что твой брат взял в аренду ячейку, ну, маленький бокс, в сейфе банка для хранения чего-то, что он не хотел или боялся держать дома. Многие так делают, особенно когда уезжают в отпуск или по каким-то другим причинам. Ты посмотри, и ключик от ячейки должен быть.

— Есть, есть, — чуть не выкрикнул Джабраил. Какой же он идиот деревенский, что сразу не догадался. Ему вдруг страстно захотелось схватить руку парня и поцеловать ее, и он с трудом удержался в последний момент. Похоже, что и он последовал примеру Умара — совсем с ума спятил.

— Скажите, а как... брат-то в больнице, и доверенности у меня нет...

— Это, конечно проблема... Тебя как звать, джигит?

— Джабраил.

— А меня — Сергей. А паспорт брата у тебя?

— Да, конечно, — торопливо сказал Джабраил.

— Понимаешь, чтобы взять то, что в ячейке, нужно предъявить паспорт арендатора...

— Какого арендатора?

— Того, кто арендовал ячейку, квитанцию, уплатить за аренду и тогда тебя проведут в сейф, и ты своим ключиком можешь открыть бокс. Проблема только в одном — ты же не Умар...

— Да мы похожи, — испугался Джабраил. — Все-таки братья родные. И усы у нас одинаковые.

Камуфляж задумался, нахмурился и вдруг просиял:

— Ну-ка, дай мне твою квитанцию. Если я правильно запомнил, это шестое Песчаное отделение банка Триумф. Точно. Ну, джигит, считай, что Аллах к тебе благоволит. Я вспомнил, что знаю там одну девчушку... не, не, и не рассчитывай, девушка серьезная. Она в случае чего поможет... — Он подумал немножко и добавил: — А знаешь что, Джаба, если дотерпишь до утра, поедем вместе. Это ведь через весь город пилить надо. Осторожный у тебя братик, Джаба.

— Я и не знаю, как вас отблагодарить, Сережа.

— И не бери в голову, кореш. Завтра все сделаем, ну, выпьем по рюмочке коньячка... хотя что я, совсем одурел, тебе ж как мусульманину спиртного нельзя.

— Можно, — засмеялся Джабраил. — Как это по-русски? Если нельзя, но очень хочется, то можно.

— Знаешь, Джаба, ты хороший парень. Завтра утром... ну, давай к десяти, подходи сюда же, и мы поедем к Леночке Петровской. Идет?

— Спасибо, Сергей, что б я без вас...

— Ладно, потерпи до завтра.

Минут через пятнадцать в кабинете подполковника ФСБ Кремнева раздался телефонный звонок.

— Кремнев слушает.

— Здравия желаю, товарищ подполковник. Это Гавриков вас беспокоит. Вы меня еще не забыли?

— Господь с тобой, Гавриков. Ты ведь так нам помог с этим дурацким взрывом в банке.

— Товарищ подполковник, на этот раз у меня к вам большая просьба.

— Давай.

— Позвоните, пожалуйста, Леночке Петровской в этот банк. Вы ее знаете. Вы еще ее предупреждали, чтобы она была внимательнее с паспортами арендаторов ячеек в сейфе...

— А ты откуда это знаешь?

— Даже и не помню... Да это, товарищ подполковник, совершенно неважно. Завтра к ней придет один чеченец и предъявит паспорт на имя Умара Садырова, который арендовал у них ячейку в сейфе.

— Ну и что?

— А то, что это будет не Умар Садыров, а его брат Джабраил Садыров. Она заметить этого не должна. Она должна оформить окончание аренды, и этот человек уедет со мной.

— Подожди, подожди, Гавриков. Если ты думаешь, что я что-нибудь понял, ты глубоко ошибаешься.

— А я и не думаю, потому что ничего вам еще не объяснил. Если у вас есть несколько свободных минут, я постараюсь вам все объяснить.

— Ну, попробуй.

Когда Гавриков закончил свой рассказ, подполковник даже засмеялся от удовольствия.

— Если я не ошибаюсь, Гавриков, я уже предлагал тебе переходить к нам. Голова у тебя вполне оперативная.

— Да я бы с удовольствием, — вздохнул Гавриков, — но боюсь, я ведь работаю по другому ведомству...

— Это ты о частном сыскном бюро? Не волнуйся, мы с ними договоримся.

— Если честно, товарищ подполковник, насчет частного сыскного бюро это я не совсем точно...

— Ладно, это в конце концов не суть важно. Не скажешь, я сам прокачаю тебя по своим каналам. Шучу, конечно, Гавриков. Никаких оснований не доверять тебе у меня нет.

— Ну и слава богу. Значит, вы записали адрес на Мосфильмовской, где вы завтра должны быть к двенадцати тридцати?

— Записал. А кто еще будет присутствовать при торжественной церемонии?

— Ваш друг Ирина Сергеевна. Кстати, надеюсь ваша шея и нога по-прежнему в порядке.

— Спасибо Ирине Сергеевне все в ажуре. Но ты-то откуда знаешь? И вообще, откуда может омоновец знать такие вещи?

— Я ж вам объясняю, Анатолий Иванович, что я совсем по другому ведомству. И если бы даже я согласился идти к вам в штат, меня бы никто не взял...

— Ну, с моей рекомендацией...

— Товарищ подполковник, я испытываю к вам самые теплые чувства, и мне не хочется говорить с вами загадками и недомолвками. Поэтому обещаю завтра же после окончания официальной части исповедаться вам во всем.

— Надеюсь, Гавриков, грехи твои не очень велики?

— Не волнуйтесь, я грешить вообще не могу. Мне не положено.

— Ну, Сергей, заинтриговал ты меня... Ладно, потерплю до завтра. Еще кто-нибудь, кроме Ирины Сергеевны, будет?

— Один бизнесмен, Захар Андреевич Головня. Ирина Сергеевна вылечила его от тяжелейшей гипертонии, буквально вернула его к жизни. Он, я уверен, тоже примет самое живейшее участие в нашем плане.

— Хорошо, Сергей, до завтра. Меня начальство вызывает.

Глава 21. Учреждение Фонда

Джабраил Садыров стоял у подъезда уже минут двадцать. Сергея все не было и не было. Он посмотрел на часы. Да он совсем, похоже, уже рехнулся — он же вышел на полчаса раньше. Они договаривались на десять, а сейчас до десяти оставалось еще пять минут. «Неужели не приедет?» — неотступно билась в него в голове мысль. Неужели опять что-то случится в последнюю минуту... Будь он проклят, братец его. Правильно Аллах лишил его разума, с достойными людьми он так не поступает. Ишь ты, куда надумал запрятать свои бабки — в банк. Это ж надо сообразить...

— Прыгай, Джаба, ко мне, — раздался голос Сергея из остановившейся около него машины. Вот точность — ровно десять. Минута в минуту.

— Спасибо, Сережа, я даже не знаю...

— Опять ты за свое. Потерпи немножко, все будет в порядке.

Вел свою «вольво» Сергей просто виртуозно, с восхищением отметил Джабраил. Сам он хоть и жил в Москве уже второй год, до сих пор никак не мог освоить как следует все эти кольца, первое, второе, третье, Кольцевая... Да и то, сегодня есть поворот, завтра, глядишь, уже его нет. Зато появляются какие-то съезды, въезды — сам черт голову сломит. А Сергей словно по накатанной дороге ехал.

На этот раз московские пробки словно смилостивились над Джабраилом, и они доехали до банка почти без остановок. «Это, наверное, за все, что я пережил за эти несколько дней», — подумал он. Странное дело, теперь, когда до Умаровых денег осталось каких-нибудь полчаса, он уже не испытывал к брату злобы. Даже жалко его немножко было. Ну, да он свое уже отгулял...

— Все, — прервал мысли Джабраила Сергей. — Приехали. Не волнуйся. Как войдешь, первая девица слева — это и есть Лена Петровская. Она предупреждена. Потом уже преподнесешь ей флакон духов. Только не жмотничай, обязательно французских.

— Да я...

— Ладно, иди спокойно. Все обговорено. Я жду тебя. Через пятнадцать минут мы уже будем ехать домой с тем, что твой Умар в ячейку засунул.

Девушка взяла паспорт и квитанцию, которые Джабраил протянул ей, как-то странно посмотрела на него, и он почувствовал, как сердце у него вдруг начало стремительно проваливаться куда-то вниз, оставляя за собой холодную сосущую пустоту. А вдруг этот Сергей просто все подстроил, чтобы его тут взяли...

— Оплатите аренду в кассе в конце зала, потом снова подойдете ко мне. Ключ не забыли?

— Нет, что вы, вот он, — Джабраил торопливо протянул девушке ключ.

— Ячейку потом не запирайте, ключ оставьте в замке.

Он заплатил за аренду, снова вернулся к девушке и она провела его по лестнице, которая шла вниз, к сейфу.

— Сюда, — сказала она, — заходите, я буду ждать вас здесь. Когда клиенты кладут что-либо в ячейку или вынимают из нее, мы присутствовать не имеем права.

— Спасибо, — зачем-то сказал Джабраил. За эти минуты сердце его столько раз проваливалось вниз и возвращалось на место, что ноги у него стали как ватные.

Он вставил ключ в ячейку тридцать четыре, затаил дыхание и повернул ключ. Пакет был из коричневой плотной бумаги и несколько раз обвязан скотчем. Он еще не ощутил веса пакета, не нащупал еще его содержимого, но сердце его уже пело. Вот они, денежки Умара. Пакет был увесистый и плотный. Видно, постарался братец на славу, когда упаковывал свои бабки. Вот она, новая его жизнь. Ну, а если Умар все-таки выздоровеет и кинется сюда... никуда он не кинется, успокоил себя Джабраил. С ним никто и разговаривать не будет, у него ж ни квитанции, ни ключа нет.

С трудом сдерживая улыбку, которая, казалось, вот-вот сползет с его лица и разольется вокруг, он вышел из банка.

— Ну как? — крикнул Сергей. — Все нормально?

— Все о'кей.

— Тогда садись, поехали. А что он там прятал, твой братец-то?

— А кто его знает. Мне это без интереса. Человек в больнице, просил, чтобы я взял пакет, а что в нем — кто его знает? Может, документы какие, может — книги.

— А чего он, много у тебя читает? — спросил Сергей.

— Да нет, это я так.

На обратном пути им уже повезло меньше — несколько раз стояли в пробках, но Джабраил никуда не торопился. С увесистым коричневым пакетом в руках, который он прижимал к животу и который приятно грел его, он готов был хоть сутки стоять в пробках. Наверное, он задремал на какое-то время, убаюканный мыслями о партнерстве в автосалоне, а, может, он и свой собственный откроет, потому что вдруг услышал голос Сергея:

— Все, Джаба, приехали, вылезай. Я ж тебе говорил, все будет в порядке.

— Спасибо Сергей, я даже не знаю...

— Опять ты со своими благодарностями. Подожди немножко. Пошли.

— Куда?

— Как «куда» — я тебя провожу до квартиры.

— А... Ну, спасибо. Ты, Сереж, не беспокойся, тут я уж сам дорогу знаю.

— Не могу, кореш, раз уж взялся доставить тебя в целости и сохранности, так и доставлю. Поехали.

Что-то уж больно он заботится обо мне, прицепился прямо как банный лист, с раздражением подумал Джабраил. Ну да ладно, доедем вместе до квартиры, а дальше я его не пущу. Он же, дурак, из лучших побуждений. Конечно, если бы он знал, что там внутри пакета, он бы

так просто не отстал. А может, он все-таки знает что-то? Глупость. Откуда он может знать? Так просто дурачок услужливый. Но несмотря на все увещевания, страх уже пробился ледяной струйкой в его сердце. Он глубоко вздохнул, но страх все разрастался и разрастался. «Рехнулся я, что ли», — попробовал он успокоить себя, но страх уже сменился паникой.

Лифт остановился, и Джабраил протянул Сергею руку:

— Спасибо, Сережа, тебе огромное, я пошел. — Он повернулся к двери и достал ключ.

— А как же коньячок, что ты обещал? — улыбнулся Сергей. — Нет уж, так просто я от тебя не отстану. Иди, я за тобой.

«И чего я запаниковал? — подумал Джабраил. — Ну зайдет, придется просто объяснить, что не хотел показывать сумасшедшего Умара».

— Да не держи ты ключ наперевес, Джаба, заходи, дверь открыта, — широко улыбнулся Сергей.

— Как открыта? Я сам ее запер, когда уходил. — Он потянул за ручку и к ужасу убедился, что дверь и вправду была открыта. Какая-то ловушка, пропал парень, совсем пропал. Ужас сковал его на мгновенье. Он стремительно повернулся, чтобы ринуться вниз по лестнице, но Сергей стоял прямо за ним.

— Ну чего ты заерзал, Джаба, хочешь зажать коньячок обещанный? Нехорошо, кореш. — Он втолкнул Джабраила в квартиру, и тот почувствовал, как сердце его остановилось, на этот раз, пронеслось у него в голове, может, и насовсем. Дышать было невозможно: в квартире были люди, которые с любопытством смотрели на него и на пакет, который он все еще прижимал к груди.

— Знакомьтесь, это Джабраил Садыров, родной брат Умара, которого вы уже, наверное видели. Антон, — Сергей повернулся к высокому парню в таком же камуфляже, что и он, — приведи Умара.

Антон ввел из соседней комнаты Умара. Он был в мятой пижаме, щеки покрывала почти месячная щетина, из уголка полуоткрытого рта тянулась струйка слюны.

— Пока что Садыров старший еще не понимает, что здесь происходит, но вскоре, я думаю, он все поймет. Джабраил, позволь тебе представить гостей: это Ирина Сергеевна Кипнис, это Олег Юшков, муж ее дочери, а этот солидный джентльмен Захар Андреевич Головня, бизнесмен, и, наконец, подполковник ФСБ Анатолий Иванович Кремнев.

Присутствовавшие с любопытством рассматривали братьев.

— Теперь позвольте мне кратко изложить суть того, что заставило меня пригласить вас сюда, — продолжал Сергей. — Месяца полтора тому назад Умар Садыров, который занимался торговлей наркоти-

ками, и его подельник Владимир Пьяных по кличке Вован вместе с Дмитрием Щукиным похитили Олега, которого вы видите перед собой и который сам был наркоманом. Так, Олег?

— Все правильно, — кивнул Олег.

— До этого Ирина Сергеевна, которая получила свыше дар исцеления, вылечила Олега от наркозависимости и даже помогла Олегу снять с иглы трех его товарищей. Это-то и насторожило господина Садырова, который решил узнать, что позволило Олегу так быстро вылечиться. Очень он беспокоился за свой бизнес. Если позволить Олегу и дальше стаскивать с иглы и других наркоманов, можно всю клиентуру растерять. Дело Олега было бы совсем плохо, и вряд ли он выбрался бы живым с дачи, куда его привезли. Господин Садыров человек крутой, как теперь принято у вас выражаться. Но я услышал его молчаливые призывы о помощи, другими словами — молитвы, и приехал на дачу. Одного из бандитов мы приковали наручниками к батарее, а самого Умара и его друга Вована я решил лишить на время разума — они более чем заслужили это тем злом, что они несли в мир...

— Подожди, подожди, Гавриков, — остановил его подполковник Кремнев. — Я что-то никак не врублюсь. В отношении способностей Ирины Сергеевны вопросов нет, я сам на себе убедился в чудесах, которые она творит. Но как ты, обыкновенный омоновец или теперь ты сотрудник частного охранного бюро...

— Простите, Анатолий Иванович, за то, что вводил вас в заблуждение. Обманывать вас я не хотел, я вас глубоко уважаю, и делал это только для пользы дела. Я не омоновец и не сотрудник частного бюро. Я ангел Господень Габриэль, и Господин мой приказал мне помочь Ирине Сергеевне. С этого все и началось...

— Ты — ангел? — недоверчиво спросил подполковник и вопросительно посмотрел на других гостей, словно ожидая, что сейчас все они рассмеются невинной шутке. Но все оставались серьезны, и на лице подполковника проступило недоумение. — Это ты серьезно или опять играешь со мной в какие-то непонятные игры?

— Совершенно серьезно, товарищ подполковник. Я понимаю, как это нелепо должно выглядеть: здоровый парень в камуфляже — и вдруг ангел. У них же крылышки, они же пухленькие такие. Увы, маленьким и пухленьким, да еще с крылышками, в этом жестоком мире делать нечего. Их быстренько в цирк заберут, сдадут в психушку, а то и в детскую порнографию определят. Поэтому-то и пришлось мне и Антону выбрать это обличье. В разные времена и в разных местах приходилось нам быть и солдатами, и пастухами, и рыцарями в доспехах, и придворными — да все и не упомнишь. Ну, а чтобы убедить вас в том, что все это не дурацкий розыгрыш, позвольте мне проде-

монстрировать какое-нибудь простенькое чудо, например, как я умею исчезать. Вы ведь привыкли верить только глазам. Смотрите на меня внимательно... — только что стоял Гавриков-Габриэль в центре комнаты — и вот уже не стало его, как будто и не заходил он в эту комнатку на улице Мосфильмовской в Москве.

— Ну и ну, — покачал головой подполковник Кремнев и улыбнулся. Есть люди, которых чудеса выбивают из колеи, заставляют чувствовать себя некомфортно, а есть и такие, которых чудеса наполняют каким-то детским весельем и ожиданием чего-то очень хорошего. — А я его еще к нам в ФСБ на работу приглашал. Хорошо бы выглядела его анкета в отделе кадров. Предыдущее место работы — ангел Господень... — Подполковник улыбнулся еще шире.

Ангел снова обрел свой привычный вид и обвел присутствующих взглядом. Ирина Сергеевна улыбалась ему — она-то знала, кто он, сам ей рассказывал, улыбался и Олег — вот, оказывается, кем был его спаситель на «вольво». Захар Андреевич сцепил руки, то ли от изумления, то ли от желания помолиться. Джабраил по-прежнему прижимал к груди пакет с деньгами брата. Он давно уже не мог ни думать, ни переживать — все в нем словно застыло в какой-то густой студень.

— С вашего разрешения я приступлю к самой сути дела, которое навело меня на мысль пригласить вас сюда. Пакет, который брат Умара Джабраил прижимает так нежно к груди, полон неправедных денег, нажитых на несчастье и даже смерти наркоманов. Я специально помог младшему Садырову достать этот пакет из сейфа в банке, куда старший брат упрятал их еще до того, как я лишил его разума.

С другой стороны, я знал, что Захар Андреевич, подумывает о том, чтобы усыновить больного мальчика, которого он видел в детском доме, куда он привез подарки для детей. Поэтому, если вы согласитесь, мы можем употребить эти деньги на создание специального фонда для помощи больным детям. Чтобы ни у кого не было ощущения, что мы просто отнимаем деньги у слабоумного, сейчас я верну господину Умару Садырову разум, и мы сможем спросить его самого, как он относится к этой идее... Что же касается Джабраила, я надеюсь, братья потом сами разберутся между собой.

Ангел внимательно посмотрел на Умара и молча кивнул. Что-то начало происходить в затуманенном мозгу наркоторговца. Только что он слышал привычные слова «Умар» и «Садыров». Он уже привык к тому, что слова эти, как и все слова, что он слышал, были какими-то скользкими и выворачивались, тонули в темной воде, когда он мысленно пытался ухватиться за них. Но на этот раз слова оставались на своих местах. А ухватившись за них, он понял, что Умар Садыров — это он, а человек с пакетом — его брат Джабраил. Получив опору,

мысли его помчались, как пришпоренные скакуны. Аллах акбар! Разум стремительно возвращался к нему, а с ним и воспоминания. Вот этот человек в камуфляже скомандовал ему тогда на даче у Вована стать на четвереньки. Аллах велик, но... Он провел рукой по отросшей бороде — сколько же времени он был без сознания... Хорошо хоть, что он цел и находится в своей квартире. Но этот знакомый пакет в руках у брата, как он мог добраться до него, шайтан непутевый...

— Умар, я лишил вас разума за все то зло, что вы творили, — сказал ангел Габриэль. — В руках у вашего брата пакет с деньгами. Перед вами выбор...

— Какой? — хриплым голосом пробормотал Умар, не спуская глаз с пакета.

— Очень простой. Первый вариант: мы пересчитываем ваши деньги, составляем акт о том, каким образом они изъяты из банка, и передаем следствию. Следствие располагает признанием вашего подельника Дмитрия Щукина и показаниями Олега Юшкова о том, что вы занимались торговлей наркотиками. Уголовный кодекс вы знаете и знаете примерный срок, который вы получите. Второй вариант: мы оформляем эти деньги как ваш дар во вновь создаваемый Фонд помощи больным детям. Подумайте, что вас больше устроит. Зона или... Может быть, в вас даже проснется совесть, хотя, если быть с вами откровенным, я не очень-то в это верю. Я могу заставить вас принять любое из этих решений, но я предпочитаю, чтобы вы выбрали сами. Мало того, я мог бы заставить вас быть лучше и благороднее. Но невелика цена искусственному облагораживанию. Думайте, Умар Садыров. Даю вам три минуты.

Жалко, безумно жалко было пятисот тридцати тысяч долларов. До слез было жалко, сотню к сотне собирал... Но зона... За хранение и сбыт наркотиков схлопочет он изрядно... Будь он проклят, братец его, приполз сюда, пользуясь его положением, деньги из банка вынюхал, шакал ленивый... Сколько же ему будет, когда выйдет из заключения, лет пятьдесят? Без копейки, без семьи, без профессии... Если вообще выйдет. Слышал, слышал он, как живется на зоне...

Ничего не поделаешь. Умар потер свою редкую спутанную бородку, обвел глазами присутствующих. Все смотрели на него. Конечно, интересно посмотреть, как человек расстается с кровными... Но ничего не поделаешь. Аллах велик и сострадателен, жизнь еще не кончается. Он печально вздохнул и кивнул:

— Ладно, берите деньги на свой фонд или что вы там затеяли. Можете не считать, там в пакете ровно пятьсот тридцать тысяч долларов. Сто раз пересчитывал...

— Анатолий Иванович, — повернулся ангел к подполковнику, — я думаю, что вы не откажитесь быть соучредителем нового фонда и

подскажете коллегам, как все это оформить юридически. Я имею в виду и сам фонд, и эти деньги. Вы согласны?

— Согласен, только...

— Что?

— Я не знаю, как теперь к вам обращаться. Назвать ангела на ты язык не поворачивается.

— Мы не формалисты. Называйте меня по-прежнему Сергеем. Скажу вам даже больше — мне приятно ваше доверие и ваша дружба. — Ангел повернулся к Ирине Сергеевне: — А вы согласны, дорогая Ирина Сергеевна?

— Согласна, Габриэль.

— А как вы, Захар Андреевич?

— Еще бы! Мне вообще кажется, что с того момента, когда Ирина Сергеевна фактически вернула меня к жизни, я живу в счастливом сне.

— Ну и прекрасно, друзья мои. Больше с вами я, к сожалению, не увижусь, нас с Антоном ждут другие задания. Не бойтесь, что братья вдруг передумают и с криком набросятся на вас, чтобы вернуть деньги. Я поставил блок в их головах, и даже при всем желании они этого сделать не смогут.

Позвольте мне поблагодарить вас и пожелать вам, чтобы вы оставались такими же хорошими людьми, какими я вас знал. Для этого ведь не нужно особых подвигов. Я почему-то вспомнил сейчас древнюю еврейскую притчу. Она очень коротка, и я надеюсь, вы разрешите пересказать вам ее. Два человека собрались идти через пустыню к далекому оазису. Каждый запасся бурдюком с водой, которой должно было хватить на все дни путешествия. Но через несколько дней один из путников вдруг хватился, что его бурдюк незаметно прохудился, и стал практически пуст. Оставшейся в целом бурдюке воды на обоих путников не хватит ни для того, чтобы добраться до оазиса, ни для того, чтобы вернуться. Что нужно было делать человеку с целым бурдюком? У него было три выбора: разделить воду с попутчиком и погибнуть вместе. Оставить воду себе, с печалью обнять несчастного, и идти своим путем. Или отдать свою воду другому и умереть от жажды самому. Еврейские мудрецы решили: если человек с водой обычный человек, он может с чистой совестью идти своим путем. Он не совершает при этом никакого предательства, никакого греха, так уж сложились обстоятельства. Если же человек с водой цадик, то есть человек святой души, он разделит воду с попутчиком, и они оба погибнут от жажды. И, наконец, если человек с водой в душе ангел — он отдаст свою воду товарищу, чтобы он спасся.

Не заставляйте себя совершать подвиги, будьте просто людьми, и это будет угодно моему Господину. Цадиков мало, ангелов еще мень-

ше. Будьте просто людьми с добрыми сердцами. И такие среди вас есть. Именно с ними мне грустно расставаться. Прощайте.

Только что стояли в комнате два рослых парня в камуфляже — и вот нет их, словно никогда они здесь и не были. Только мгновение еще слышалось тихое эхо от последнего слова: «айте...»

Глава 22. Прощальный ужин в «Палермо»

— Ирина Сергеевна, — сказал Иван Иванович, — спасибо за то, что вы пришли на этот ужин в то же самое «Палермо», где мы с вами уже дважды встречались.

— Это вам спасибо. Бог с ней с этой икрой, с моцареллой и спагетти болоньезе. Я даже не замечаю, что я ем, хотя все чертовски вкусно... простите, я, наверное, не должна при вас употреблять имя черта...

— Отчего же, друг мой. Черт, дьявол, Люцифер, неважно, как его зовут, это мой ближайший родственник, хотя, как вы легко догадаетесь, мы далеко не всегда довольны друг другом. — Иван Иванович улыбнулся и выразительно пожал плечами. — Помните, я вам рассказывал о так называемом рептильном комплексе, спинном мозге — самой древней частью мозга человека?

— Конечно.

— Так вот, черт и ангел очень часто обитают в одной голове, сантиметрах в десяти-пятнадцати друг от друга. Черт сидит в спинном мозгу, — ангел — в коре больших полушарий. И весь прогресс рода человеческого, равно как и частый, к сожалению, регресс умещается все в те же несколько ничтожных сантиметров. Простите меня за философствование, но мне просто хочется как можно дольше продлить удовольствие от ужина с вами.

— Иван Иванович, я даже не знаю, как ответить вам...

— А вы не сдерживайтесь, со мной можно и должно быть откровенной.

Ирина Сергеевна посмотрела на Ивана Ивановича, на его спокойное и доброжелательное лицо, и почувствовала, как на глазах у нее неожиданно навернулись слезы. Как сказать этому... человеку? Ангелу? Богу? Как объяснить ему, что он чудесным образом перевернул ее жизнь. И не только потому, что одарил ее возможностью исцелять и даже спасать больных. Благодаря нему она стала добрее, мудрее, горизонт отступил от нее далеко вперед, и мир стал больше и ярче. Она вздохнула счастливо и прерывисто, как ребенок.

— Иван Иванович, я ведь так и не знаю, кто вы, но все равно я вас... — она набралась мужества и твердо продолжила: — люблю.

— Спасибо, Ирина Сергеевна. Ваши слова не просто греют меня, не просто дают мне новые силы, они продлевают мою жизнь. А насчет того, кто я — пусть это останется маленькой недоговоркой, хотя, как я понимаю, в своем сердце вы уже давно догадались. Что же касается моего физического обличья, то его, увы, просто не существует. Для нашего ужина я выбрал этот итальянский костюм, небольшое брюшко преуспевающего бизнесмена, который уже который год дает себе слово со следующего понедельника заняться физическими упражнениями, и физиономию профессора, только что получившего солидный грант...

— Почему грант?

— У российского профессора без гранта спокойной доброжелательности в лице не будет. Скорее, наоборот... — Они оба рассмеялись. — С таким же успехом я мог прийти в виде индийского сикха или, скажем, английского лорда. Единственное, что я не мог позволить себе, — появиться здесь в своем обычном виде.

— Но почему?

— Да потому что мой обычный вид — это пустота, ничто. А сидеть за столиком с пустотой, да еще вести с ней оживленную беседу, согласитесь, и странновато и даже подозрительно. Древние иудеи, придумавшие себе бога, больше всего боялись наделить его некими физическими чертами, чтобы он не превратился в обычного идола. Отсюда и строжайший запрет на его изображения. И даже на горе Синай, когда бог давал вышедшим из египетского плена евреям Закон, он встречался только с их вождем Моше, а для других он проявлял себя только в виде грома и пламени.

— Иван Иванович — я буду продолжать называть вас этим именем, раз вы уж выбрали его, — могу я задать вам один вопрос?

— Разумеется, друг мой.

— Почему вы выбрали именно меня?

— А вот как раз на этот вопрос, Ирина Сергеевна, я вам не отвечу.

— Но почему?

— Во-первых, я боюсь, что вы слишком высоко задерете свой очаровательный и слегка курносый носик. Не краснейте и не спорьте. Со мной не краснеют и не спорят. Хотя бы потому, что я заранее знаю, что подумает и скажет мой собеседник. А во-вторых, в жизни должны быть тайны. Вот вы и будете решать эту задачу еще долгие и долгие годы. В конце концов одно из труднейших человеческих занятий — это попытка понять себя. Ответить на вопрос «кто я?» и «для чего я живу?».

— И так и не решу?

— Нет, не решите. И не нужно особенно стараться. Могу лишь вам сказать, что ни разу, ни на секунду я не усомнился в правильности своего выбора. Но позвольте мне поговорить с вами о том, ради чего я в основном и пригласил вас.

Не думайте, пожалуйста, что я когда-либо считал себя непогрешимым. С народом, который создал меня, это вообще было бы невозможно.

— Почему?

— О, больших спорщиков свет не видел. Возьмите, например, встречу на горе Синай Всевышнего и Моше-Моисея, где, согласно Торе, Господь вручил Моше Закон. На самом деле он не просто вручил, он с десяток раз переделывал его, спорил с Моше, раздражаясь и от упрямства предводителя евреев и от его косноязычия. Ведь очень часто Моше вынужден был прибегать к помощи брата, который выполнял роль переводчика, иначе его порой было просто невозможно понять. Но при всем его косноязычии Господь должен был кое в чем согласиться с ним. Вот тогда-то он понял, что и он тоже может ошибаться. Я думаю, что Господь именно тогда и стал тем, кто он есть, Эге ашер Эгье, Я буду, кем Я буду.

Поэтому когда я слышал доводы Миши и вашего мужа Якова Александровича, я довольно быстро должен был согласиться с ними...

— А разве они к вам обращались? Я думала, что это они говорили мне.

— Разумеется, они говорили вам, и вы слушали их, думали об их словах, и я не мог не прислушиваться к вашим мыслям, хотя прямо ко мне вы не обращались. Но это не главное. Главное то, что, к сожалению, они правы. И заповеди Господни и просто нравственность нельзя купить. То есть, купить их, конечно, можно, но будет им в таком случае, как вы говорите, грош цена. Они должны прорастать сами. Да, я ошибался, когда делал вам предложение об исцелении в обмен на соблюдение заповедей.

Я оставляю вам свой маленький подарок — умение исцелять, но впредь не нужно пользоваться им по принципу, который так остроумно вспомнил ваш муж: пиво только для членов профсоюза. Просто помогайте тем, кому вы хотите помочь, и кто заслуживает вашей помощи.

— Вы выглядите опечаленным...

— Не стану скрывать, да.

— Но почему?

— Уже не первый раз я наивно полагаю, что можно как-то уменьшить количество зла в мире. Увы, искусственно сделать это нельзя. Я видел множество разрушенных крепостей. Одни падали из-за звука труб иерихонских, другие под ударами стенобитных машин,

подкопов, пожаров, голода. Но ту крепость, которая прячется в голове каждого человека, тот самый звериный спинной мозг, или, по-другому, рептильный комплекс, ни силой, ни с налета взять нельзя. Он слишком древний и слишком глубоко в нем спрятана безжалостная борьба за выживание, борьба, для которой нравственность — непозволительная роскошь.

Но будем оптимистами, дорогой мой друг, кора больших полушарий, то есть культура, тоже не собирается сдаваться в этой старой борьбе. Война идет, Ирина Сергеевна. Старая и тяжкая, жестокая и безостановочная.

— Но неужели вы не знаете, каков будет ее исход?

— Нет. Он далеко не предопределен, особенно сейчас, когда разум человеческий дает жизнь гигантским силам природы, а маленький рептильный комплекс отвечает тем, что в очередной раз придумывает, как подставить прогрессу ножку. И часто, увы, преуспевает. И все же будем надеяться, мой милый друг.

И позвольте мне напоследок открыть вам маленькую тайну, которую я еще никогда никому не поверял. Я часто ловлю себя на мысли, что в чем-то завидую вам, людям.

— Но вы же можете так много, Иван Иванович...

— Но не все. Я не могу оставить свой пост, который вручили мне давно ушедшие поколения. Я не могу быть предателем.

Я буду часто думать о вас, мой друг, потому что минуты, проведенные с вами, были минутами редкого счастья... Прощайте, мой милый друг. Не пытайтесь оплачивать счет, я уже сделал это. И не провожайте меня...

Иван Иванович встал, глубоко вздохнул, посмотрел на Ирину Сергеевну, улыбнулся печально, любовно и светло и исчез.

Несколько минут Ирина Сергеевна молча сидела за столом. Так грустно, думала она, ей, пожалуй, не было ни разу в жизни... И в этот момент в кармане у нее затренькал мобильный. Она поднесла его к уху.

— Слушаю, — сказала она, возвращаясь к жизни.

— Привет. Ирка, это Софья Аркадьевна. Я просто не могла не позвонить тебе. Ты первая, кто услышит сейчас последнюю сенсацию.

— Что случилось?

— Только что ко мне в лабораторию спустился сам господин директор Пышкало, он же Пышка.

— Для чего? Вручить вам приказ об увольнении?

— Наоборот, он сделал мне предложение, от которого не отказываются.

— Софья Аркадьевна, не томите.

— Пышка сделал мне предложение.

— Какое предложение?

— Выйти за него замуж.

— А вы? — рассмеялась Ирина Сергеевна.

— А я поцеловала его в усы и сказала, что я мечтала об этом моменте с самого рождения. Мы оба, твои благодарные пациенты, приглашаем тебя на свадьбу.

— Спасибо, Сонечка, и хранит вас Господь. Я счастлива за вас.

Андрей Балабуха

СПАСТИ СПАСИТЕЛЯ, или ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЗМАИЛА

Нет ни одного доброго дела, которое осталось бы безнаказанным.

АНОНИМ

I

Зовите меня Измаил.

Не ищите тут ни злокозненного плагиата, ни даже невинного подражания. В конце концов, как-то называться надо. А за последние три десятка лет я сменил столько имен, что и сам уже путаю, где, когда и как назывался. Да и что вам, как зовут меня сейчас? К тому же, когда и если вы будете это читать, меня, скорее всего, будут звать совсем иначе. Зато классическая фраза намертво застряла в извилинах — даже при моем, прямо скажем, не слишком гуманитарном образовании. Может, и не всяк ее помнит, но уж многие — точно. А имя? Что ж, не хуже других. И даже некоторая ирония в этом ощущается, особенно ежели учесть, кто рыщет по моим следам. А к иронии я питал слабость всегда. Ну да этого добра в моей истории на десятерых хватит.

Началось все ровно тридцать три года назад. Кстати, как меня звали тогда, тоже не имеет значения. По крайней мере для вас. Куда существеннее — чем я занимался. А ремесло у меня было преувлекательнейшее. Веселое ремесло. Но об этом чуть позже.

Раз уж я с классики начал, к ней и вернемся. Кто из вас в детстве «Тома Сойера» не читал? Поднимите руку. Помните, там пассаж есть: всякий, мол, человек, а уж мальчишка особенно, рано или поздно испытывает непреодолимое желание искать спрятанные сокровища? Сдается мне, правды в этом куда больше, чем сам Марк Твен думал. Фокус только в одном. Пиратские сундуки искать да клады заговоренные или там испанские галеоны с золотишком — мечтают-то многие, да решаются не все. Как говорится, много званых, но мало избранных. Да и галеоны с сундуками не на каждом шагу встречаются. А вот сокровищ — не перечесть. Руку протяни. Денежные мешки так рядами и стоят. Только убедить их надо, чтоб раскрылись. И к каждому свой подходец нужен. Тут универсального «Сезам, откройся!» — в заводе нету. Каждый раз новое петушиное слово искать приходится. Оно-то и интересно.

Чем я и занимался. Искал солидные деньги на серьезные дела. И, как правило, находил. Проще говоря, привлекал инвестиции. Да так, чтобы все были довольны и свой профит получили. Натурально, и я в том числе. Меня это с детства интересовало — как только прочитал про Джорджа Фрэнсиса Трейна и первую трансамериканскую железную дорогу. Оно ведь как получается? Какой-нибудь там звездолет придумать-сконструировать всякий дурак может. Если достаточно грамотный, конечно. И полететь к альфе Центавра, скажем, или, скажем, тау Кита. И тем имя свое обессмертить. А вот денежки-то на славную затею откуда возьмутся? Времена велосипедных мастерских — древняя легенда. Нынешним райтам даже не миллиарды нужны. Миллиард — это так, расхожая монета. А кто эти монетки найдет? Кто всю землю истопчет, отыскивая источники, что золотишком бьют? Проследит, куда от них ручейки текут, а потом сумеет все ручейки в нужное русло свести? Только тогда из русла этого звездолет-то и вынырнет. Так оно в наш век делается. И такими, как я.

Правда, одного желания мало. Два университета понадобились, две диссертации. Но к двадцати пяти я с этим управился. И не оттого, что вундеркиндом каким-нибудь был: просто когда уж очень сильно хочется, так оно и получается. Ну а потом за дело взялся всерьез. И подхватило. И понесло. Это же вроде серфинга. Главное — нужную волну поймать, а потом на ней удержаться. И восемь лет удерживался. Пока однажды не ту волну не оседлал.

Тут-то моя история и начинается. Как сейчас помню, в Хельсинки это было. Есть там на Эспланаде заведеньице одно, где хорошее темное пиво подают. А я к нему, надо сказать, неравнодушен. Что и сгубило.

Местечко я выбрал не на юру, не на проходе, а у стеночки. Время было не самое лучшее, народу много, а потому пришлось рукой

махнуть, что за этим столиком один тип уже устроился. Ну сидит себе и сидит, пиво пьет, тоже темное, кстати. После третьей кружки разговорились потихоньку. Век себе не прощу. Вот сейчас я тут тоже пью пиво, текст этот набираючи, а в двух кварталах отсюда возносится в небеса башня вавилонская, скребонеб чертов, какие вы сейчас в каждой столице или там в любом мегалополисе увидите, — взметнувшиеся плоскости, и по каждой надпись, чтобы хоть за милю, хоть за версту видно было, днем и ночью: «Айка-Матка ОЮ». И любой встречный-поперечный про эту компанию знает, и кто и когда ее основал... А кто денежки на это добыл? Догадались? Правильно догадались.

Не тот бы разговор на Эспланаде — и никто бы про эту «Айка-Матку» слыхом не слыхал. Не знаю, стало бы от этого лучше человечеству, нет ли, но уж мне-то точно имена менять да пластические операции делать не пришлось бы.

Ну да ладно, туда, на Эспланаду, и вернемся. Собеседник мой забавным парнем оказался. Чистопородный финн из Нантали, решил он по молодости лет бизнесом заняться. Дело-то, конечно, благое, только выбрал он занятие самое неподходящее: удумал поставлять бульдозеры производства собственной маленькой фирмы в Конфедерацию. Да не куда-нибудь, а на самый что ни на есть Дальний Восток, в Православно-Коммунистическую республику Колыма. Я, признаться, так и не понял, с чего бы это. То ли ему в слове «Колыма» удвоенное «а» померещилось и решил он отыскивать там прародину всех финно-угров, то ли, что куда вероятнее, просто большими барышами кто-то поманил, но обернулось печально: отсидел мужик восемь лет в лагере как финский шпион. Причем бульдозеры его все это время исправно пахали. Что, кстати, говорит о качестве продукции. Отсидел, вернулся; фирма лопнула, денег нет. На пиво, правда, еще осталось. А еще осталась идея. Набрел он на эту идею с тоски в лагере. Я, конечно, не знаток ни российской истории, ни истории Конфедерации, но знаю: есть в этой стране такая традиция — великие открытия в тюрягах совершать; были там всякие кибальчичи, морозовы, а потом уже пошли целые шарашки, художественной литературой воспетые.

— Что же, — спрашиваю, — за идея такая? Если вроде бульдозеров твоих, так смотри, как бы снова плохо не кончилось.

Но ему после пятой кружки моя ирония побоку. А может, просто темперамент у него такой, финский.

— Я-то скажу, я из этого тайны не делаю, только ты же все равно не поверишь.

— Поверить я во что угодно могу. Покуда проверять не надо.

— Понимаешь, — говорит он мне, хрустя соленой соломкой, как бульдог мозговой костью, — я там, пока в бараке нары грел, каждую ночь все думал: вот было бы здорово, не начни я с этими паскилайне-

нами техникой своей торговать. Ведь можно ж было иначе. Были варианты. И знаешь, что самое смешное? Придумал.

— Что?

— Да я ж тебе говорю, не поверишь. Как в прошлое вернуться. И послать их с этим предложением туда, откуда не возвращаются. А еще лучше — где и не живут долго.

— Хочешь сказать, машину времени придумал?

— Называть по-разному можно. Но в общем — да.

— Так с чего ты решил, будто я тебе не поверю? Вот ты мне покажи, кто про сотовый телефон хоть за год до его появления написал? Не сыщешь. А про машину времени уже полтораста лет все кому не лень пишут. Значит, кто-то изобрести должен был. Почему не ты? Ну как? Еще по одной?

Заказали, но сидельца моего заело.

— Ты, — говорит, — друг, не отшучивайся. Я действительно придумал. И штука эта простая, как саамский сортир. Только понимаешь, простота — она всего дороже стоит. А кто мне на такое дело денег даст? Даже не лопни моя фирма, у меня бы и сотой доли не хватило, и тысячной. Тут, друг, такие деньжищи нужны...

Когда о деньгах речь, я себя в своей стихии чувствую. Врет мужик, не врет — проверим. А ну как правда? Это же таким пахнет!

— Ну, — говорю, — считай, что оказался в нужное время в нужном месте. Деньги я тебе любые достану. Моя головная боль. Но сперва ты докажи, что не под фу-фу я тебе капиталы добываю. Это во-первых. А во-вторых, двадцать процентов всех прибылей — мои. Согласен — контракт прямо сейчас составим.

— Двадцать процентов? Это же чистый грабеж!

Только я собрался было завестись, а он продолжает:

— Бери пятьдесят, партнерами будем.

— Нет, — говорю, — я девушка честная и поступиться принципами не могу. Моя ставка — двадцать процентов. И в партнеры к тебе не набиваюсь. Я, знаешь ли, независимость ценю.

Еще две кружки поспорили, после чего он таки сдался. Составили мы контракт, который я тут же в свою нотариальную отослал и через пять минут заверенным получил, по всем правилам. И первые два года пребывал в счастливом убеждении, будто набрел на золотую жилу.

II

Сам не знаю, с чего я тогда сидельцу этому колымскому поверил. У него же, кроме голых слов да бредового принципа, за душой ничего не было. Но что-то в темечко клюнуло. Для начала вписал я его

в один из новомодных сайнс-инкубаторов, отыскал пару грантов. Мелких, но на первые шаги хватило. А когда у него не то третья, не то четвертая по счету модель заработала, Юхани Ранта из темной лошадки вмиг фаворитом обернулся. Только на чистую науку все равно никто денег не даст. Нужен результат. Ощутимый. Весомый. Под какой расщедриться не жалко. Ну да, знали теперь, кто такой херра Ранта, пятеро сумасшедших физиков, которых и самих-то никто по-настоящему не понимал. Оно вроде бы и престижно, да небогато.

Тут нужна была ослепительная идея. За пределами той пятерки физиков в машину времени поверить никто не мог. Это как с НЛО или привидениями — все говорят, но никто не верит. А у тех, кто верит, никогда нет денег. Тут я и призадумался. Ведь что такое машина времени? Это не транспортное средство для перемещения из двадцать первого века в какой-нибудь там одиннадцатый, к примеру. Это инструмент управления историей. Значит, и дорожка одна — к историкам.

Был у меня в Биармии полуприятель-полузнакомец, весь из себя при степенях и званиях. Некий Айн Калхайно. Пару раз выбивал ему денежки на какие-то археологические экспедиции. Дело сейчас было серьезное, тут не по сети общаться надо, а встретиться, сесть да поговорить. И лучше всего за бутылкой, потому как без бутылки такое переварить трудно.

Договорились. И спустя несколько дней сидели мы с ним и толковали. Не дома у него, конечно. Там обильное потомство интеллектуальным беседам не способствует. Нашли кабачок поприличнее, где за крахмальные скатерти дерут, но зато уютно, и вид на озеро, ветерок легкий такой чуть в листве шуршит, а пепла в пепельнице не шевелит. Это, кстати, тоже серьезно. Биармия, слава Богу, не Европа, и наш брат курильщик тут себя еще вполне человеком чувствует.

Особенно я откровенничать не хотел — рано. Но вопрос наготове был совершенно конкретный: кто и за какое изменение в истории больше всего отвалить готов? И притом чтобы изменение это тонким уколом было — не войны там какие-нибудь переигрывать с танковыми армадами супротив Чингисхановых орд.

Айн взглянул на меня не без удивления:

— Неужто вы, Измаил (конечно, не Измаилом меня тогда звали, но давайте уж будем последовательны), переквалифицировались в литагенты? Альтернативная история все еще в спросе, знаю. Но своим фандрайзингом, или как там ваше занятие именуется, вы, по-моему, зарабатывали куда больше. Или хобби такое появилось?

— Да нет, не хобби. Дело серьезное, денежное, но в подробности вдаваться пока не стану, хотя бы даже затем, чтобы не сковывать ва-

шего воображения. Понимаете, Айн, тут полет нужен. Не академизм. Потому к вам и обратился. Все-таки я вас немножко знаю.

— Ну, нравится вам играть в таинственность, так играйте. Мне, слава Богу, давно известно: где деньги — там всегда таинственность, а где их нет — еще больше. Но раз уж вы меня тут поите-кормите, полет я вам гарантирую.

Про «поите» — это он не зря сказал. Двенадцатилетний «Инверхаус»... Интересное дело: про «пищу богов» все говорят, а про их же питье как-то помалкивают. Ну да, поминают нектар с амброзией, но куда им до хорошего ирландского виски! Про «кормите», впрочем, тоже — нам как раз принесли седло косули с моченой брусникой. Так ведь не мной придумано: обжорство отупляет, а гурманство помогает воспарять... Косуля была юная и нежная, виски — тяжелый и бархатный, а разговор потихоньку сворачивал как раз туда, куда надо.

— Укол, говорите? Забавно. Если исходить из опыта литературы, а другого мы в альтернативной истории почти что и не имеем, — уколы, как правило, почему-то смертоносны. Я читал сотню рассказов про то, как Гитлера прикончили до Пивного путча, а Ганнибала — до перехода через Альпы. Скучно как-то. И негуманно. Давайте-ка мы с вами подумаем наоборот. Сформулируем задачу примерно так: что могло бы случиться, если бы некто выжил? Так сказать, спасительная инъекция. Ну да, приятно было бы выволочь из пламени Джордано Бруно или Жанну д'Арк, если ее, конечно, и впрямь сожгли. Но поменяло бы это историю? Сильно сомневаюсь. Скорее даже уверен — ни в малой степени. Тут надо искать нечто помасштабнее. И, кажется, одну такую точку я знаю. Бред, конечно, полный. Но для романа, может, и сгодится. Был один человек, чья смерть поменяла всю историю. Ну, не всю, но такой солидный кусок... Бьюсь об заклад, вы уже догадались.

— Вы бейтесь, а я не стану. Во-первых, не историк, во-вторых, тут кого угодно можно подразумевать. Вот, например, Ленин...

— Ленин... Мелко мыслите, Измаил. Фигура, конечно. Но я имел в виду не его, — Айн воздел руку со стаканом, неопределенно указуя куда-то вверх. — Я имел в виду на две тысячи лет раньше и в две тысячи раз значительнее.

— Господи! — задохнулся я, — вы имеете в виду... Его?

— Именно. Распятого.

— Но это же сумасшествие!

— Во-первых, вы сами просили полета, а во-вторых, как было сказано в классике, в безумии этом есть своя система. Представьте на минуточку, что Пилат Его отпустил. Распяли Варавву, который, кстати, в некоторых переводах Библии, например в армянском, именуется также Иисусом Вараввой. С чем согласен и такой авторитет, как Ти-

шендорф. Так вот допустите, что распяли не Иисуса из Назарета, но Иисуса Варавву. И каковы, по вашему, будут последствия?

— Знаете, дорогой, если уж, как вы изящно выразились, я вас пою-кормлю, то и о последствиях давайте сами.

Принесли сыры. Айн взял нанизанный на шпажку кубик бергандера, некоторое время рассматривал, потом отправил в рот. Не знаю, что в большей степени порождало блаженное выражение его физиономии — сыр или идея.

— Собственно, я тут не открою Америки. Еще в середине прошлого века Роже Кайюа в своем «Понтии Пилате» рассмотрел такую вероятность. Христианство бы попросту не возникло.

— Любопытно... — Я хлебнул кофе, только что возникший передо мной словно ниоткуда: все-таки белая перчатка и белый рукав на фоне белой скатерти — великое изобретение человечества. Это был капучино, причем весьма неплохой. Айн предпочел гляссе. Бог ему судья. — Любопытно и даже масштабно. Но кто же за это заплатит? Qui prodest, насколько я помню юридическую латынь.

— Да что с вами, Измаил? Ясно же, как божий день!

— Ну, значит, я пребываю в ночи.

— Дорогой мой, какое противостояние вот уже лет семьдесят является наиболее острым? Да вспомните вы хоть нью-йоркские башни-близнецы!

У меня захватило дух. И не знаю, от чего больше: от нахальства идеи или со страху.

III

Нужную тропку я нашаривал месяцев пять. Идея-то была великолепна. Но теперь предстояло выйти на того, кто, если не распоряжается финансовыми потоками, то хотя бы связан с теми, кто распоряжается. И выйти не через финансовый мир. Потому что подход здесь нужен был другой. Идеологический. И фанатический. Реально это означало какую-нибудь Аль-Каеду и кого-то из нынешних наследников легендарного бин Ладена. Очень не хотелось гулять по минному полю с завязанными глазами. Значит, следовало искать саперов. И не каких-нибудь, а самых лучших. Ну да это дело нехитрое, не привыкать.

Кончилось тем, что 15 июля меня повели по цепочке. Понятия не имею, зачем это было нужно. Никто за мной не следил, никакие могущественные спецслужбы на хвосте не висели, но, похоже, народ, с которым я связался, искренне почитал конспирацию если не смыслом, то, по крайней мере, главным удовольствием жизни. Рейс из Па-

рижа в Танжер. Ночь в отеле. Надо признать, более или менее приличном. Оттуда — зачем-то в Найроби, да еще с двумя промежуточными посадками. «Боинг», в котором я летел, знавал лучшие времена и, боюсь, знавал еще в двадцатом веке. Зудели ноги, и сперва я грешил на блох, но потом мне объяснили, что это вибрация, и, если держать нижние конечности на весу, то чесаться не будет. Зуд и в самом деле прошел, но я не йог, и такая гимнастика не по мне. Из Найроби меня погнали в Аддис-Абебу. Оттуда — в Равалпинди. Последней точкой на этом четырехсуточном пути стал Кандагар. То, что здесь называли отелем, погрузило в пучины такой мировой скорби, что я возликовал душой, когда в пять утра меня подняли, посадили в какой-то тряский джип и повезли в куда-то, растянувшееся еще на двое суток. По дороге мы трижды меняли водителей и четырехколесные гробы, по недоразумению именуемые машинами, где не то что о кондиционере, а просто об отсутствии песка во рту нечего было и мечтать. Всю дорогу я неуклонно зверел и потихоньку радовался этому, ибо уболтать тех, с кем предстояло иметь дело, можно лишь озверев целиком и полностью. Это как идти в атаку с молодецким криком, издавать который при дамах никоим образом не рекомендуется.

Прибыли. Куда — не знаю. Из песка пустыни вырастал горный склон, на котором пять тысяч лет резвились пять тысяч кротов, и каждый размером с бегемота. Столь дырчатого сыра я еще не видывал. В одну из дыр меня и завели, предварительно заставив подняться по деревянной лестнице, которая шаталась и стенала под ногами, сетуя на свои многовековые страдания. Правда, представшее глазам внутри впечатляло. За неровным проемом входа начинался даже не коридор, а натуральный туннель, стены которого были ровными и гладкими, хоть явно обтесанными вручную в Богом забытые времена. Один туннель вливался в другой, они сворачивали, извивались, и я чувствовал себя не столько Тесеем в Лабиринте, сколько микробом в кишечнике. Этот жуткий подгорный муравейник подавлял. И даже озверяж мой пошел на убыль, сменяясь непонятной тоской. Сработанные в Китае пластмассовые светильники казались до омерзения инородными — здесь нужны были коптящие и вонючие факелы. Вони, впрочем, и без факелов хватало. Время я засек. Водили меня ровно три часа сорок шесть минут. Я, конечно, любитель пеших прогулок, но не настолько же. Да еще когда за тобой тянутся впритирочку две безмолвных тени с автоматами, а их ближайшие родственники попадаются на каждом шагу. И все-таки в тот момент я еще не думал, что встрял не в свое дело.

Наконец мы оказались в... не знаю, как назвать — комната? пещера? грот? Словом, помещение. Почти кубическое. Метров примерно пять на пять. Вдоль стен по всему периметру вытесанные прямо из

камня то ли скамьи, то ли лежанки. По центру — армейский раскладной стол, вокруг — три таких же штабных кресла, а на столе лежит раскатанный роллер-комп. Включенный — рамочки сенсорных клавиш мягко подсвечены. Мой сопровождающий подошел, набрал что-то, и над тусклой серой полоской начало формироваться изображение. Грузилось оно почему-то медленно — понадобилось добрых семь секунд, пока в воздухе соткался величественный облик головы этакого Горного Старца. Мне указали на одно из кресел:

— Можете говорить.

Геморрой вам в мозжечок! И ради этого меня заставили тащиться чуть не целую неделю? Играли в идиотские игры? Конспираторы хреновы! Чтобы теперь я беседовал то ли с живым человеком, то ли с виртуальной образиной? Причем поди пойми, сидит она (или сгенерирована) в соседнем помещении или же где-нибудь на Мадагаскаре. Общаться таким образом ничуть не хуже можно из собственного кабинета. Как там Юхани говорил — паскелайнены! Нет, в финском языке нужных слов не найдется. Тут что-нибудь покрепче требуется. Русский или валлийский. Но что сделано, то сделано. Я сел, а мой озверяж снова встал. В некоторых ситуациях правда — и в самом деле лучшая политика; и минут пять я высказывал все, что о них думаю, по крайней мере на пяти языках, включая те выражения, которым меня обучили в одном из китайских тайных борделей, настоятельно порекомендовав не повторять их нигде и никогда — во избежание, так сказать. Но сейчас я не избегал, из просителя став диктатором и без пяти минут Господом Богом. В предельно доходчивой форме я объяснил, что все их идиотские террористические игры не эффективнее прыща, расчесанного на собственной заднице — немножко удовольствия, а потом сепсис. Что с проблемами надо разбираться радикально, и если они хотят решить свою, то иногда стоит послушать, что говорят умные люди.

Образина над столом внимала молча. Я иссяк. Повисла тишина, в которой было отчетливо слышно, что у левого из моих конвоиров заложена правая ноздря. Наконец старец заговорил — по-английски, и я сразу догадался, какую из закрытых школ он заканчивал. Ладно, уже легче.

— И что вы предлагаете?

— Решить все ваши проблемы. За один раз. Безо всяких терактов. Без ваших дрессированных фидаев. И так, что все ваши цели будут достигнуты.

— И что же вы считаете нашей целью?

— По-моему, это самоочевидно. Мировой халифат. Ну, может, и не мировой, но, во всяком случае, распространяющийся на все страны, сегодня являющиеся христианскими.

Новая пауза — еще длиннее предыдущей. У охранника, кажется, отключилась и левая ноздря. Если бы по потолку полз мадагаскарский клоп, всем здесь показалось бы, что это бродит бешеный бегемот.

— Как? — это прозвучало коротко, словно выстрел, и я почувствовал дуновение от пули, прошедшей в миллиметре от виска.

— Очень просто. Но простые вещи иногда приходится объяснять долго. Мне нужно минут пятнадцать, не меньше.

Образина медленно кивнула. Я чуть расслабился. За пятнадцать минут нормальный человек может уговорить даже черта переселиться в рай, а Петра-ключаря убедить, будто перед ним сам Господь Саваоф во всей славе Своей. Первая часть речи у меня была отработана. Спросонок и спьяну я мог бы изложить суть открытия Юхани Ранты ровно за шесть минут. Что и сделал. И точно знал: здесь прозвучит вопрос.

— А кто может поручиться, что это не бред сумасшедшего?

— Сэр Хьюго Пентакост. Доктор Адольф Неермейер. Двое нобелевских лауреатов. К ним могу добавить Итиро Исахару, Эльзу Лазарус и Бориса Чернина. Думаю, эти имена вам известны. Если не вам, то вашим консультантам. И более авторитетных поручителей вряд ли найдешь.

Имена он знал.

— Поручителей? Они частенько не понимают друг друга, а порой и самих себя.

Не в бровь, а в глаз. Но теперь пришел мой черед держать паузу.

— Впрочем, если эти пятеро сумели в чем-то согласиться... Пожалуй, об этом стоит говорить. Мы проверим. Продолжайте.

— Представьте, что не хилая лабораторная модель, а мощная рабочая машина времени создана. Представьте, что с ее помощью в определенный момент прошлого, приблизительно тридцать третий год новой эры, переброшены люди, которые сумеют не допустить казни того, кого вы называете пророком Исой. И тогда само христианство не возникнет. С ним не придется бороться. Карл Мартелл не остановит арабского продвижения в Европу. Не будет Крестовых походов. Будет единый мир с единой мировой религией, имя которой ислам.

Живой или виртуальный, но тут он икнул.

Я понял, что победил. Колесо закрутилось. Этакое огромное колесо, которое запустил я. Зеленое колесо. И тогда мне еще не казалось, что для меня оно может обернуться колесницей Джаггернаута.

IV

Почти два года деньги текли исправно и обильно, как нефть из саудовских скважин, но зато не было ни минуты, когда я не чувствовал бы затылком чьего-то дыхания. Как я не заработал мании преследования, ума не приложу. Но не заработал. А вот машина времени моего доброго друга Ранты заработала. Тогда-то и родилась фирма «Айка-Матка». В одежки она поначалу рядилась чужие: не путешествия во времени, а воссоздание иновременной реальности; хронодиснейленд, так сказать. Но денежки появились. Теперь уже свои. А мы, засучив рукава, готовились к выполнению заказа.

Сформированной нами группы никогда и нигде не существовало. Все ее члены числились где угодно и кем угодно, но только не в «Айка-Матке». Большинство из них друг друга даже не знали — только те, кому предстояло работать вместе. Но даже этих мы решили свести для отработки взаимодействия в последний момент. И не потому, что конспирация — болезнь заразная; иногда без нее впрямь не обойтись.

Мы постарались продумать все, действовать с двойной и тройной страховкой, по всем направлениям сразу, чтобы никакая отдельная неудача не сказалась на конечном результате. Для начала мы отправили в первый век (тогда, правда, никто не знал, что он первый, это куда как позже придумали, но говорить так сейчас проще и привычней) Джада Саймонса, свежеиспеченного доктора гебраистики из университета Оклахомы. Он должен был стать — и стал — одним из двенадцати учеников. Кстати, могу вас заверить: ни на кого он не доносил, ни от кого тридцати сребреников не получал и не вешался в Акелдаме с лопнувшим чревом. Он благополучно вернулся домой, а полученный от нас гонорар на многие годы сделал его весьма независимым исследователем. Правда, зовут его теперь тоже несколько иначе, да и внешне в этом типичном афроамериканце вряд ли кто-нибудь смог бы узнать былого еврея — нынешняя медицина умеет творить чудеса. Однако он не жалуется: материалов, полученных за год жизни в Иудее первого века, ему на сто лет хватит. Если до Аредова века протянет. Но это так, между прочим. Важно, что от него мы получали самую достоверную и оперативную информацию.

Любопытного выяснилось немало, так что многие первоначальные планы пришлось пересматривать. Мы-то ведь как думали? Безобидный проповедник, никому, по сути дела, не мешавший, к антиримскому восстанию не призывавший... Ну, вызвал почему-то раздражение первосвященников — мелочь, в сущности. Если грамотно воздействовать на Понтия Пилата... Тут два пути было.

Один — через молодую его жену, Прокулу Клавдию, особу, надо сказать, весьма неглупую, в иудейских делах неплохо разбиравшуюся,

а главное, понимавшую: троих надо распять, и трое должны быть распяты, иначе мужу головы не сносить. А уж кто там кто... В те времена до отпечатков пальцев еще не додумались. А вот изумруды бразильские душу радуют. И значит, подумать о душе очень даже стоит. Кстати, о душе. Вначале мы по наивности полагали, будто Прокула Клавдия чуть ли не тайная христианка и уж во всяком случае сочувствующая. Но выяснилось, что все это понасочиняли христианские писатели ни много ни мало — в четвертом веке. Так что не душу свою она спасала, а карьеру мужнину.

Другой путь вел через местного Пилатова дружка и вместе с тем Иисусова родственника Иосифа Аримафейского, человека почтенного, члена Синедриона; вдобавок к собственному богатству его можно снабдить еще и множеством весьма весомых материальных аргументов, для любого чиновника, включая римского прокуратора, более чем убедительных.

Так вот, если грамотно воздействовать на Пилата, освободить арестованного ничего не стоит. Но нет. Все оказалось куда сложнее. И сам Иисус, как известно, возводил род свой к царю Давиду, и жена его, Мария, была из колена Вениаминова и числила в предках самого царя Саула, так что их брак делал Иисуса персоной весьма опасной. За ним, законным наследником престола, могла пойти верхушка, а за его учением — низы. А надо такое римлянам? Нет. Им нужна Иудея слабая, расчлененная. Так что не первосвященников проповедник раздражал, а как раз имперскую администрацию. Политиком же Пилат был прожженным. Иначе бы дольше всех в прокураторах иудейских не просидел, не уцелел бы, когда его патрона, всесильного Сеяна, кончили. Всегда знал, когда и что делать, кого казнить, кого миловать. Впрочем, попробовать все-таки стоило. Золотой ключик, как известно, любые двери открывает. И зависит все не от формы бородки, а от массы. Напрямую помиловать Пилат, конечно, не мог. А вот закрыть глаза да умыть руки — другое дело. На том и расчет строился. Тем более, что все трое осужденных бандюг (или партизан, или патриотов, называйте, как хотите) — Дисмас, Гестас и Варавва, зелоты да сикарии — и впрямь были опасными мятежниками.

И что вы думаете? Получилось. Правда, группа силового воздействия, полдюжины бывших спецназовцев из разных стран, которых мы готовили скорее на всякий случай, все-таки понадобилась (я сознательно никого не называю — зачем подводить хороших людей?). Первое, что мы сделали, — это добились перенесения места казни. Тут оба пути воздействия на прокуратора сработали. И воздвиглись столбы для крестов не на холме, где всегда, а в собственном саду Иосифа Аримафейского. Необычно, согласен, но за хорошие деньги — почему бы и нет? Ну а дальше все просто. Варавву, как положено, от-

пустили. И он понаслаждался свободой. Ровно пять минут. Пока наши силовики его не прихомутали. А потом, уже на территории сада, куда праздных зрителей не пускали, а всей-то охраны с десяток человек было, заменить одного на другого для мастеров своего дела — невелика хитрость. Тем более что для римлян все эти иудейские мятежники на одно лицо.

Вот, собственно, и весь сказ. Можно было бы, конечно, вам рассказать, как спасенного, накачав предварительно транквилизаторами до полной отключки, хитрым путем переправили сначала из первого века в двадцать первый, в операционный зал «Айка-Матки», оттуда — после перенастроек машины — обратно в первый, но уже в Японию, на территорию нынешней префектуры Аомори, что на севере острова Хонсю. Тут, на берегу пролива Цугару, спасенный вместе со своей женой (не разлучать же — совесть не позволяет) жил тихо и благополучно, скончавшись в возрасте ста шести лет. Но эта история не для меня, она — для романистов.

Мы ожидали чего-то невероятного. Что выйдем из здания «Айка-Матки», а надо всей Европой, над Азией, от Лиссабона до Владивостока возносятся минареты и льются с них песни муэдзинов. Мы ждали этого и боялись, и не знали, как примет нас нами же сотворенный мир. Но, когда вышли, все оказалось до ужаса знакомым. До ужаса — не фигура речи, потому что ужас меня охватил самый настоящий. Где-то мы прокололись, и рассчитываться предстояло мне. Оставалось одно: исчезнуть. И казалось бы, дорожка — вот она, рядом, стоит вернуться — друг Юхани все сделает, все века открыты, где меня никакая Аль-Каеда не найдет. Лишь один вопрос: а долго я там со своим диабетом протяну? Так-то. Исчезать надо было где-то здесь. И сейчас. Что я и сделал.

V

Слава Богу, деньги у меня были — и не только те, что на всем известных счетах. Осторожность, она, как известно, мать фарфоровой посуды. И когда год спустя я объявился в Биармии, профессора Калхайно было непросто убедить, что перед ним не злоумышленный самозванец. Но в конце концов справился. Искусство убалтывать людей — не внешность, с ним при всем желании не расстанешься. Собственно, я мог и не приезжать сюда. Просто заело: где же и в чем мы ошиблись? И обсуждать это, кроме Айна, было не с кем.

Начался наш разговор даже не в ресторане, что было бы куда как привычнее и приятнее, а в городском парке. За последнее время я приучился занимать такую позицию, чтобы просматривать все подхо-

ды. Но сидеть здесь на деревянной скамейке под осенним ветром было, прямо скажем, не в радость. А разговор предстоял, похоже, долгий. Тогда Айн предложил отправиться к его приятелю. Тот был в отъезде, а ключ от дома (благостная патриархальная страна!) покоился в аккуратном деревянном ящике под первой ступенькой крыльца.

Так мы и сделали. Айн распоряжался по-хозяйски, и хотя ирландского виски в баре не нашлось, но сыскался отменный скотч — на мой вкус, немногим хуже.

На этот раз я выложил ему все. Фирма «Айка-Матка» скинула диснейлендовские одежки и про машину времени знал теперь каждый. Мой друг Юхани остался во главе дела. Колымскому сидельцу повезло. К нему арабы претензий не имели: он свою часть работы выполнил. Полагаю, что и остальные из нашей группы последовали моему примеру скорее страха ради иудейска. Они были исполнителями, и только. А вот я всю эту кашу заварил, и меня, во устрашение прочим, распять надлежало непременно.

Айн выслушал и, надо отдать ему должное, поверил сразу. Но зато в выражениях стесняться не стал.

— Вы законченный идиот, Изя! Простите, Измаил. Если бы вы тогда не играли в свою дурацкую таинственность... Мы же обсуждали сюжет. Для романа. И для романа он годился. Но покажите мне историю, которая развивалась бы по запланированному сюжету! Хотите понять, что произошло? Сейчас нарисую. Это что два байта оплевать, как высказывается мой старшенький. И тут не надо быть семи пядей во лбу. Достаточно чуть-чуть знать Писание. И вам бы стоило туда почаще заглядывать. Все-таки Книга Книг.

Я помалкивал, потому как возразить было нечего. А мой друг профессор, взгромоздясь на кафедру, вещал:

— Хотите знать, что произошло? Да очень просто. Уже на следующий день после казни весь город гудел, что проклятые римляне распяли не Иисуса Варавву, а Иисуса Христа. Слух, конечно, распустили апостолы. Но не в них одних дело. Тогдашние умы ориентировались на одно: исполнение древних пророчеств. Иисус прекрасно это понимал, потому и совершил вход в Иерусалим именно так, чтобы оправдался текст Второго Захарии — на осле, через определенные ворота... А потом еще и цитировал Иеремию и Второго Исаию, предвещая и оправдывая то, что намеревался сделать. Вы подменили Иисуса из Назарета Иисусом Бараввою? Молодцы! Не оставили Иисусовым ученикам и последователям другого выхода, как изъять тело Бараввы из гробницы, захоронить где-нибудь тайно, а потом объявить уже не о спасении Учителя, но о воскресении. Слишком многие знали Христа в лицо. А лицо это, если верить сенатору Публию Лентуллу, было поистине прекрасно...

— На кой мне этот ваш... как его?.. Лентулл? Я собственными глазами видел.

— Вы? Но вас же там не было!

— Зато Он был здесь. Недолго, но не мог же я устоять перед соблазном хоть краешком глаза взглянуть на...

— И?..

— Он спал, и во сне лицо было мягким. Не расплывчатым, как порой бывает, а просто смягчившимся. Но готов поверить, что такой способен изгнать торгующих из Храма. Рослый. Рыжий.

— Лентулл пишет о волосах цвета спелого каштана...

— Не знаю — что видел, то видел.

— В любом случае с рябым Вараввой не спутаешь. А раз состоялось воскресение, значит, христианство не могло не родиться. И апостолы — что первые ученики, что семьдесят, что святой Павел — понесли весть по миру. Благую весть. Если бы помазанный Мессия, Христос, действительно добился объединения Иудеи, изгнания римлян, взошел на престол — история забыла бы столь мелкое событие: мало ли что творилось в римских провинциях? Мятежом больше, мятежом меньше... Это бы не изменило мира. Его изменило христианство, начавшееся с чуда воскрешения. За что, дорогой мой Измаил, спасибо вам.

Он так меня уел, что на какой-то момент даже захотелось пойти и сдаться арабам. Но здравый смысл — или инстинкт самосохранения? — восторжествовал.

— Но ведь были же те, кто знал правду! Неужели их слова ничего не значили?

— Когда-то, для кого-то и что-то. Правда, говорите? Да, в трех из синоптических евангелий, включенных в библейский канон, описывается казнь на Голгофе, то есть горе, имеющей форму черепа, Лысой горе. Но в четвертом, у Иоанна, в сорок первом стихе девятнадцатой главы, если память мне не изменяет, сказано: «На том месте, где Он был распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен». А Матфей описывает казнь на Голгофе, но зато говорит о пустой гробнице в саду именно Иосифа Аримафейского. Вот вам правда. В обоих случаях — три голоса против одного. А в апокрифическом Евангелии Истины даже напрямую говорится о спасении Христа путем подмены. Вот правда, которой вы, Измаил, так взыскуете. Поищите — найдете. В истории всегда так — сквозь любой миф прорастает хоть зернышко истины. А вот вам еще. Сам там не был, но читать приходилось: в Японии, близ деревеньки Шингамура, по сей день охраняют могильные холмы, под которыми якобы лежат Иисус и кто-то второй. Может быть, Мария Магдалина. Говорят, там поныне живут их потомки. А рядом с могильными холмами притулился

музейчик, украшенный крестом и Давидовой звездой. Это тоже правда. А главную правду сказал впоследствии гонитель и убийца Ипатии епископ Климент Александрийский, причисленный, замечу, к лику святых: «Не все истинные вещи суть истина; и ту истину, которая кажется истиной исходя из человеческих мнений, не следует предпочитать истине, что согласуется с верой». Тут уж, по-моему, добавлять нечего. На вашем месте я утешался бы одним. Вы действительно спасли достойного человека. Хотя кому-то и Варавва может показаться достойным. Но, как ни крути, был он сикарием-террористом. Можно, конечно, толковать о ценности каждой человеческой жизни, но лично мне ваш выбор глубоко симпатичен.

— Мой выбор? А кто мне его подсказал?

— Повторяю, дорогой мой: я подсказывал сюжет, а в сюжет я был волен вставлять все, что мне симпатично. Но так или иначе, вам будет, чем отчитаться на Страшном суде, если таковой и впрямь когда-нибудь состоится.

Не могу сказать, чтобы меня это сильно утешило.

— И последнее, — продолжил Айн, — вера — это прехитрая штука, которая все свои основания несет в себе. Вы можете лишить ее фундамента, вышибить любые опоры, но здание останется непоколебимым. Никогда не связывайтесь с верой, Измаил. Никогда не связывайтесь с мифом. Они слишком живучи. Они посильнее вас. Они посильнее всех нас. Но это из разряда умножающих скорби премудростей, о которых говорил еще Соломон. Жаль, я не знаю, чем вам помочь. Если бы мог... Вот разве что с хозяином этого дома я вас, пожалуй, все-таки сведу. Он частный детектив с весьма разносторонними связями, и, чем черт не шутит, в нынешнем вашем положении может оказаться полезным. А пока ответьте на один вопрос. Он занимает меня с тех самых пор, как вы рассказали правду, а значит, уже почти целый день. Неужели вас самого не тянуло попасть туда, посмотреть своими глазами, вдохнуть тот воздух и ту пыль? И в конце концов, если вспомнить, как вас раньше звали...

— Лучше не надо. А тянуло — не тянуло... Прошли те времена, когда генералы с саблей наголо скакали впереди армий. Генеральское дело — оно штабное. Нечего генералу на передовой делать. А я был генералом. И остаюсь. И, поверьте, еще буду. Плох солдат, который не мечтает стать генералом, но еще хуже генерал, рвущийся в солдаты. А насчет веры... Вы, наверное, правы, Айн, пусть даже правота эта какая-то скучная. Но знаете, когда мне делали нынешнее лицо, вернее, нет, когда его уже сделали и я с ним сживался, меня упрятали в маленький госпиталь... Не суть важно, где. И там я разговорился со священником, приходившим окормлять свою лежаче-бродячую паству. Интересный был человек. С воображением. Я рассказал ему нашу ис-

торию. Не как подлинность, разумеется, — так, прочитанный роман в стиле Брэна Дауна. И знаете, что он мне сказал? Что спасать Спасителя — самый страшный грех, какой только можно придумать. Ибо как же тогда быть с искуплением? Все мы искуплены Его кровью. А если она не пролилась? Что нас ждет тогда и кто мы есть? Наверное, это тоже правда, Айн, только, в отличие от вашей, не скучная, а страшная.

— Что же тут страшного? Просто еще одна точка зрения и еще одно подтверждение бессмертного «Что есть истина?». Наверное, нам с вами этого знать не дано. И слава Богу, что не дано, поскольку знай мы это — и жить в мире стало бы воистину слишком страшно.

Странные слова для историка, посвятившего себя поискам истины. Но этого я говорить не стал. Потолковать-то хотелось еще много о чем, хотя главное, пожалуй, было сказано. Но один вопрос вертелся на языке.

— Выходит, история так же незыблема, как вера? Иисуса распяли — и христианство возникло. Мы Его спасли — и оно возникло все равно. Не могу понять.

— Элементарно, Измаил. В любом случае Его распяли. А фактически или только в умах — не имеет никакого значения. Главный фокус в другом. Тот исламский деятель — кто он там был, имам, тайный имам или просто большой бандюган? — судя по всему, был двоечником. Коран изучают все-таки еще в медресе, высшего образования для того не требуется. Или это потому, что он в Англии учился?.. Но в Коране прямо сказано: «Они не убили его и не распяли его, но лишь подумали, что совершили это». Кабы этот тип получше знал богословие, вы бы его так дешево не купили. Но я не жалею. Как ни крути, а ближайшая машина времени работает сейчас в небоскребе «Айка-Матки» в Петербурге — в том, что они купили у разорившегося Газпрома. Поговаривают, и у нас в столице строить будут. А если бы этот тип получше знал богословие, ни «Айка-Матки» бы не было, ни машин времени. И потому моя душа историка ликует. Я не генерал. Я еще надеюсь подышать той пылью.

VI

С тех пор минуло уже больше четверти века и, насколько я знаю, Айну по крайней мере дважды удалось осуществить свое желание. Правда, встречаться нам приходилось исключительно редко — в те периоды, когда, в очередной раз сменив личину, я на какое-то время успокаивался и пребывал в уверенности, что в ближайшие месяцы меня точно не найдут. Потом-то всякого можно найти, особенно в наши дни, когда все мы оставляем слишком много следов.

Не жалуюсь — все эти годы я отнюдь не бедствовал. Ремесло осталось при мне, и денежные мешки открывались по-прежнему послушно. Беда в другом. В какой-то момент я вдруг понял, что в одном обманул-таки Айна. Да, в прошлом я был генералом, и не из худших. Но теперь эполеты пылились в банковском сейфе, а я скорее походил на разведчика-нелегала, кочующего из страны в страну. Он порой и в генеральском мундире пощеголять может, да только все равно — ряженый. Даже если ему идут звания, так об этом лишь непосредственное начальство знает. А мне и звания не шли. А покрасоваться в парадной форме, чтобы вся грудь во фруктовом салате, хотелось. Ну характер у меня такой. Да и просто устал. Устал бегать, устал чувствовать себя мишенью, по которой уже несколько раз стреляли, — промахивались, правда, но сколько же будет везти?

Последние годы я все чаще обращаюсь мыслями к тому, погребенному два тысячелетия назад близ японской деревушки Шингамура.

Странное дело. В результате всей этой истории многие выиграли. И мой друг Юхани Ранта (кстати, двадцать процентов от его прибылей я до сих пор неукоснительно получаю, хотя ума не приложу, как он списывает деньги, переводимые на непонятные счета); и даже дорогой профессор Калхайно, нанюхавшийся-таки своей живой древней пыли; и господа историки, получившие в свое распоряжение машину времени; и весь этот колосс «Айка-Матки» со всеми его десятками тысяч персонала... Продолжать можно было бы долго, но весь список оглашать незачем.

Выигрыш других сомнительнее. Не знаю, счастлив ли Джад Саймонс, заново вынужденный защищать диссертацию и лишенный возможности носить кипу. Да и про остальных не знаю.

Но хуже всего, пожалуй, пришлось Ему — и мне. Мы оба пережили крах. Он, видевший себя Христом и Мессией, помазанником и Спасителем, царем Иудейским, восседающем на троне Саула и Давида, семьдесят лет провел в глуши на севере Хонсю. Был ли Он счастлив, оставшись в живых? Я тоже пока жив. Но что не счастлив, знаю точно. И значит, настало время что-то менять.

Не знаю, как и что. Но вчера я не смог преодолеть соблазна посмеяться над своими преследователями. В конце концов, двадцать лет прошло, ишак, может, и помер, но мы-то с эмиром живы, и пришла пора разобраться, кто лучше знает богословие. Естественно, адреса того Старца Горы у меня не было, а слухи о его кончине прилетали столько раз, что невольно подумаешь: не отпустил ли ему Аллах Мафусаилова века? Но на сайт его сподвижников я вышел и оставил там ту самую цитату из Корана, что привел мне когда-то Айн. В конце

концов, чего вы, ребята, хотите? Все произошло именно так, как написано в вашей священной книге.

Конечно, они быстро определят, где я вошел в сеть, но, знаете, мне почему-то кажется, что я непременно доживу до ста шести лет...

И наверное, тогда вам уже не придется звать меня Измаилом. Ведь Измаил — то же, что Исаак, а жертвоприношение, если помните, не состоялось...

Владимир Малов

НА СОЛНЦЕ НИ ОБЛАЧКА

Пролог

Инспектор внимательно, но не выказывая никаких эмоций, взирал на только что доставленного. В ответ тот сверкал огненными взглядами, которые, казалось, вот-вот испепелят прозрачную сферу, в которую доставленный был заключен.

Губы доставленного неясно шевелились, он явно продолжал какую-то гневную нескончаемую тираду, но инспектор, понятно, ее не слышал, поскольку сфера не пропускала звуков.

Доставленный представлял собой весьма любопытный, редкий экземпляр. Случалось ли инспектору видеть подобных существ прежде? Чтобы рассмотреть получше, он даже увеличил его в несколько раз, разумеется, вместе с прозрачной сферой.

Похоже, доставленный все больше распалялся. Теперь он колотил кулаками в прозрачную оболочку, словно надеялся ее разбить. Само собой разумеется, это было исключено.

Инспектор еще немного понаблюдал, а потом заглянул в соответствующие ячейки своей памяти, чтобы извлечь оттуда необходимую справку. Это был его старый, испытанный принцип — время от времени отодвигать накапливавшуюся, но не насущно необходимую информацию на периферию сознания,

однако не столь далеко, чтобы ею нельзя было мгновенно воспользоваться. Воспользовался...

Оказалось, инспектору уже доводилось работать не то что с подобными существами, но даже конкретно именно с этим. Причем не столь уж давно.

Это было любопытно. Выходит, существу каким-то образом удалось освободиться (или его освободили), после чего оно вернулось к себе домой, но снова было захвачено специалистами вынужденных необходимых действий и доставлено к нему, инспектору.

Такое случалось очень и очень редко.

Однако долго размышлять над этим любопытным фактом инспектору не было никакой необходимости. В данном случае его обязанности были весьма просты. Принять задержанного у сотрудников вынужденных необходимых действий, внести в реестр и передать туда, куда ему было предписано его передать.

Так инспектор и поступил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая
«От Химок относительно недалеко»

Как известно, любой россиянин быстро привыкает ко всему. Особенно ко всему хорошему. Именно так, то есть особенно быстро, Веня Городков, одинокий москвич тридцати с небольшим лет от роду, привыкал к маленькому заграничному городку под названием Салоу.

Хотя в первые часы многое не могло его не удивлять, поскольку в цивилизованную Европу, как и вообще за границу, Веня выбрался впервые в жизни.

Определенное недоумение вызывало, конечно, полное отсутствие в Салоу людей в спецовках, красящих заборы или заделывающих швы на стенах домов. Нигде не было видно раскопанных траншей с трубами на дне. Никто, наконец, не латал пятнами асфальта проезжие части улиц. Но быстро напрашивался вывод, что во всем этом необходимости, пожалуй, и нет, раз все исправно, причем исправно, скорее всего, всегда.

Сразу бросалось в глаза и удивительно элегантное отношение к проблеме утилизации, несвойственное родному отечеству: урны для мусора стояли на заграничных улицах буквально через каждые десять

метров. Другое дело, что на первый неискушенный взгляд урны больше походили на красивые керамические вазы, место которым в музее, а вовсе не под открытым небом, пусть и небо это тоже заграничное, точнее, испанское.

Однако мусор, будь то даже всего лишь окурок или пустая бутылка из-под пива, бросали, как быстро убедился Веня, именно в эти вазы, а, к примеру, не в Средиземное море, хотя заграничный городок Салоу располагается как раз на его берегу.

И еще, конечно, выражение лиц, озадачивающее ненатужной приветливостью. Лица эти, если судить по государственным флагам, поднятым возле отелей, были немецкими, голландскими, французскими, английскими и всякими другими, причем приезжих людей в Салоу оказалось явно намного больше, чем местных жителей.

Но частенько встречались и безусловные россияне, причем по многим признакам можно было понять, что некоторые из них здесь уже не в первый раз и вполне привычны к обстановке. А к этой обстановке, помимо благословенного Средиземного моря, окаймленного огромным песчаным пляжем, относилось огромное количество пальм, прекрасных женщин, красивых домов, магазинчиков, ресторанчиков, уютных баров с пивом и вином.

Вдобавок выяснилось, что рядом с городком раскинулся огромный парк Авентура, а это не что иное, как пресловутый Диснейленд, только средиземноморский и на испанский манер.

Подобным же россиянином, уверенно чувствующим себя в столь благословенном месте, очень быстро становился и Веня Городков. Прежде всего он освоился с тем, что автомобили уступают дорогу пешеходам. Затем легко научился отвечать на улыбки незнакомых людей.

А после этого ему ничего не стоило в первый же заграничный вечер стать своим человеком сразу в нескольких прибрежных барах.

Можно, пожалуй, считать, что в этот вечер все и началось. Во всяком случае, с собратом-соотечественником Николаем, который оказался бывшим зубным техником, а ныне благополучным владельцем нескольких стоматологических клиник в подмосковном городе Химки, Веня познакомился и подружился именно в первый вечер.

Быстрое открытие заграницы продолжалось: благодаря Николаю, Веня не без удивления вдруг выяснил, что, приехав в Салоу, оказался вовсе не в Испании, как полагал до сих пор, а в неведомой доселе стране Каталонии. Эта неожиданная истина явилась где-то уже на третьем бокале пива.

— Ты, Вениамин, мне поверь, — убеждал Николай, веселый, очень загорелый долговязый бородач в длинных бежевых шортах и зеленой майке, разукрашенной пальмами и белыми парусами. — Ты в Каталонии. Как и я. Мы оба в Каталонии. Можешь не сомневаться.

Забегая вперед, надо сказать, что довольно долго непростое имя Вениамин стоматолог выговаривал твердо и отчетливо, но какое-то время спустя все же перешел на сокращенный и куда более удобный для членораздельного произношения вариант — Веня. Еще немного позже, когда взаимная симпатия двух россиян достигла стадии крепкой дружбы, он его чуть удлинил до Веньки.

— Я, Вениамин, в Каталонии шестой раз и всегда тут живу по целому месяцу, — говорил Николай. — И буду приезжать в Каталонию еще, потому что мне здесь нравится. И от Химок досюда относительно недалеко, много ближе, чем до этого... в общем, до Таиланда. Тебе, Вениамин, здесь тоже обязательно понравится.

— Уже нравится, — отвечал Веня. — Но ты, Коля, пожалуйста, сформулируй: где же тогда Испания, если мы с тобой в Каталонии?

Говоря это, Веня вдруг подметил, что время от времени Николай очень короткими, но профессиональными взглядами посматривает на его зубы. Да и потом Вене не раз случалось ловить эти короткие взгляды, от которых, сразу понятно, не мог укрыться ни один зубной изъян. Это было не слишком приятно, но что делать, если род занятий накладывает на человека определенный отпечаток.

Зато пиво было добрым, непревзойденным датским «Карлсбергом», уместным, разумеется, не только в Копенгагене, на его исторической родине, а вообще в любой точке земного шара. Стоматолог сделал внушительный глоток, собрался с мыслями и сформулировал: здесь, где они встретились и пьют пиво, официально все-таки Испания.

Но с другой стороны, по словам Николая выходило, что это не так, или не совсем так. Потому, что местные жители-каталонцы многие века считают свои края вполне самостоятельной страной, столица которой не надменный кастильский Мадрид в центре Испании, а родная каталонская Барселона. Это огромный и прекрасный город на берегу Средиземного моря неподалеку от Салоу.

— Да ты его уже видел, — спохватился тут Николай. — Должен был видеть. Хотя бы сверху, когда подлетал к аэропорту.

— Сверху видел, — ответил Веня, — но только чуть-чуть. Я, понимаешь, не у окна сидел.

— Ты должен туда поехать, — сказал Николай значительно. — Обязательно! Барселона это Барселона. Но все-таки жаль, что не у окна сидел.

— Завтра еду, уже записался на экскурсию.

— Молодец! Начинаешь обживаться в Каталонии, — похвалил Николай. — А о чем я до этого?

— Ты что-то такое говорил про надменный кастильский Мадрид.

— Правильно, надменный, — повторил Николай.

Снова поймав утерянную было мысль, стоматолог продолжал: к живущему в надменном кастильском Мадриде королю Испании Хуану Карлосу I каталонцы, правда, относятся не без уважения, поскольку первое, что сделал монарх, вступив на престол, так объявил каталонский язык официальным языком Каталонии. Чего в давние времена генералиссимуса-диктатора Франко не было.

Вместе с тем, слушая Николая, Веня понял, что уважение к Хуану Карлосу I надо считать достаточно сдержанным — из-за того, что вторым официальным языком наряду с каталонским остался также и испанский. А это, как ни крути, все же задевает гордое каталонское самосознание.

Затем, уже перебравшись с познавательными целями в другой бар, два новоиспеченных друга сошлись на том, что каталонский сепаратизм миролюбив и добродушен, а потому для них, двух россиян, отдыхающих в Каталонии, не должен иметь никакого значения. Главное, чтобы Средиземное море было теплым, небо безоблачным, солнце ярким, а пива много и разного.

Как раз в этот момент они пили уже не датский «Карлсберг», а бельгийское «Стелла Артуа», такой же прекрасный напиток, вполне подходящий для любого другого государства, и Каталонии в том числе.

Однако, проявив снисхождение к каталонским сепаратистам, оба отдыхающих россиянина затем единодушно и безоговорочно осудили террористов-басков, представителей другой народности Пиренейского полуострова, требующих полного отделения своих земель от Испанского королевства. Об их замыслах и преступных деяниях оба, конечно, были в курсе — по сообщениям в теленовостях и публикациях в газетах.

Появились, конечно, и другие темы, достойные обсуждения.

— А ты, Веня, не стоматолог, — со значением сказал Николай в третьем или четвертом баре и в который раз бросил короткий взгляд на Венины зубы. — Чувствую, что не стоматолог!

— Чувствуешь правильно, — ответил Веня. — Потому что я компьютерный верстальщик.

— Компьютерный кто?

— Компьютерный верстальщик, московский еженедельник «Вольный вечер». Ну, понимаешь, газета о развлечениях, отдыхе после работы и всяких там культурных мероприятиях.

— Это, надо понимать, ты вроде как журналист или все-таки нет? — с сомнением спросил Николай.

— Это надо понимать «компьютерный верстальщик», — ответил Веня и терпеливо стал разъяснять, чувствуя, что стоматолог не понял: — Журналисты тексты пишут, и только. А я работаю с макетом

журнала. На компьютере. Представляешь, передо мной на экране полоса...

— Что-то не догоняю, — перебил его Николай. — Что это за полоса? Помехи, что ли, на экране?

— Ну, если не знаешь, полоса — это журнальная страница. Так ее называют. И когда полоса на экране, все в моих руках: сюда картинку, сюда заголовок, сюда текст, а сюда еще одну картинку. Чтобы полоса... ну, журнальная страница, получилась красивой и людям захотелось ее прочитать, когда они даже они еще не знают, о чем прочитают. А прочитают — и будут знать, где и как им отдохнуть... вольным вечером.

Веня немного подумал и честно добавил:

— Правда, макет придумываю не я, а арт-директор, но во время работы я то и дело его поправляю. Творчески. Понимаешь? Потому что у него бывают заскоки. У арт-директора.

— Понимаю, — сказал Николай, тоже немного подумав. — И уважаю. В любом человеке я прежде всего ценю творца, а ты, Веня, творец. Хотя, конечно, и не стоматолог, — добавил он, чуть помолчав.

Завершился этот первый для Вени заграничный вечер неизвестным, но крепким спиртным напитком, за европейские деньги купленным на паях со стоматологом в супермаркете. Распит он был уже прямо на пляжном песке, в непосредственной близости от набегающих на него легких волн Средиземного моря.

Когда напиток, как и все на свете хорошее, закончился, Николай осмотрел в ярком свете каталонской луны Венины зубы уже не мельком, а самым внимательным образом и заручившись его разрешением. Затем, сокрушенно покачивая головой, стоматолог взял со своего нового друга клятву: в любое удобное для него время Веня обязательно приедет в подмосковный город Химки, чтобы поставить две пломбы из очень качественных композитных материалов.

Естественно, по дружбе. Иными словами, за счет какого-нибудь из Колиных стоматологических заведений.

Наконец, друзья обменялись номерами домашних телефонов, обнялись на прощание, и Николай стал удаляться в свой отель «Негреску Принцесс», где его поджидали жена Лариса и двоюродная сестра жены Маргарита. Веня уже был в курсе, что совместно с ними Николай и отдыхал и что обе дамы успели надоесть стоматологу хуже горькой редьки. Освобождаться от их общества и опеки, чтобы вот так, в одиночестве, побродить по славному городу Салоу, Николаю, как он честно признался, удавалось не часто.

Уже отойдя на некоторое расстояние, стоматолог обернулся, окликнул Веню и со значением молвил:

— Химки Химками, пломбы пломбами, но чувствую, Венька, мы с тобой еще и здесь повстречаемся.

* * *

Позже выяснилось, что стоматолог как в воду смотрел. А пока, не подозревая о грядущих событиях, Веня с наслаждением окунулся в первый в своей жизни заграничный отдых.

Прежде всего, он и в самом деле съездил на экскурсию в каталонскую столицу Барселону.

Стоматолог Николай говорил правду: город был прекрасен. Но прекраснее всего прекрасного оказался бульвар Рамбла, неспешно стекающий от площади Каталонии к памятнику Колумбу на морском берегу. Бульвар был наполнен счастливыми людьми и продавцами цветов, выстроившими свой товар в бесконечный ряд, блистающий живыми красками. Именно здесь, взятый городом Барселоной за душу, Веня вдруг отчетливо осознал, что отныне, подобно Коле, он тоже будет приезжать в Каталонию снова и снова.

Если, конечно, будут соответствующие возможности.

Затем потекли неспешные дни, в которых было очень много солнца, моря, пива, легких испанских вин и неповторимого ощущения безмятежной свободы.

Довольно быстро случился у Вени и заграничный курортный роман, из тех, что завязываются легко и мало к чему обязывают. Начало ему было естественным образом положено на золотом пляже Салоу. Героиней романа явилась общительная, но склонная к капризности зеленоглазая девушка Ольга, назвавшаяся офис-менеджером крупной торговой фирмы в городе Брянске.

У Ольги были белокурые локоны, задорно вздернутый носик, университетско-филологическое, по ее словам, образование и неиссякаемая жажда новых впечатлений. Энергия била у офис-менеджера через край, даже каждая из ее фраз была похожа на резкий скачок стрелки вольтметра или еще какого-нибудь прибора, имеющего отношение к электричеству, и каждая фраза заканчивалась восклицательным знаком.

С началом романа к безмятежному времяпрепровождению у Вени добавились частые экскурсии по окрестным местам, против которых, впрочем, он ничего не имел. В экскурсиях принимали участие Ольгина подруга Нина, тоже офис-менеджер из Брянска, но брюнетка, и увлекшийся ею Паша из Петрозаводска, обитатель соседнего с Веней номера и по профессии дизайнер.

Сначала все четверо провели бесподобный день в парке Авентура, иными словами, средиземноморском Диснейленде на испанский лад. Потом съездили в город Фигерас, знаменитый театром-музеем чудаковатого, но гениального художника Сальвадора Дали.

Здесь впечатление оказалось неоднозначным. Дизайнер Паша, придя в восторг, стал говорить исключительно междометиями. Веня пытался понять суть, но она ускользала. Офис-менеджер Нина, обычно весьма словоохотливая, приумолкла. Офис-менеджер Ольга, разглядывая необыкновенные картины, только ахала.

А при виде творения «Мягкий автопортрет с жареным беконом», где изображенное больше всего походило на кусок ветчины, наделенный усами и глазами, Ольга ударила подругу локтем в бок и с чувством произнесла:

— Ну, блин! Вот, блин! Ну, дела, блин!

Офис-менеджер Нина уныло отозвалась:

— Да уж, это тебе не Айвазовский. И чего только сюда люди ездят, да еще за такие большие евро!

Зато в крошечном пиренейском княжестве Андорре, лежащем за многочисленными горными хребтами и ущельями, офис-менеджерам явно понравилось больше. В Андорре обнаружились вполне современные улицы и дома, а магазины, автомобили и прочие приметы свидетельствовали о высоком уровне жизни.

К тому же торговля здесь оказалась соблазнительно беспошлинной, и поэтому девушки закупили много-много косметики, а молодые люди испанского вина — как для личного пользования, так и для подарков друзьям, оставшимся в России.

Но все эти безмятежные отпускные дни пронеслись одним махом, и однажды утром Ольге с Ниной вдруг пришла пора возвращаться на родину. Само собой, офис-менеджеров проводили как надо. Но когда автобус, увозивший их в аэропорт Барселоны, скрылся в конце улицы, Веня, сам того не ожидая, почему-то не испытал никакого огорчения. А вот Павел заметно загрустил.

Днем петрозаводский дизайнер еще держался, но за ужином с тоски выпил сначала бутылку тинто, а потом бутылку бланко или же, говоря простыми русскими словами, по бутылке красного и белого.

А вслед за испанским вином зачем-то последовало датское пиво. Мешать его с вином, конечно, не стоило, но дизайнер в этот вечер был глух к разумным словам. Естественно, после ужина он едва сумел дойти лишь до номера, где тотчас погрузился в тяжелый сон. И Веня, в значительной мере сохранивший трезвость, отправился побродить по вечернему городу, который успел полюбить, один.

Чтобы с ним попрощаться, поскольку следующим утром им с Павлом тоже предстояло возвращение в родную Россию.

В сентябрьской, но все еще теплой Каталонии темнеет быстро. На уютных улочках прекрасного городка зажглись фонари, ожила подсветка фонтана на прибрежном бульваре, всегда собирающая множество праздных зрителей.

Между столиками уличных кафе привычно сновали официанты с подносами, уставленными полными бутылками и наполненными бокалами. Однако Венина душа, тоже опечаленная заканчивающимся отпуском и близкой разлукой с Каталонией, просила в этот вечер уединения и покоя. Он даже сам не заметил, как свернул с бульвара на пляж и, пройдя по широкой полосе песка, добрел до самой кромки воды.

Темная громада Средиземного моря на первый взгляд была в этот вечер безмятежно спокойной. С каждым легким своим вздохом море накатывало на песчаную отмель почти невесомые волны, сразу же отступавшие обратно.

Но спокойствие это было обманчивым, потому что у горизонта над Средиземным морем висела огромная черная туча. Изредка внутри нее вспыхивали молнии, и тогда было видно, что гроза быстро идет на берег.

— А он, мятежный, просит бури, — печально произнес Веня, зная, что никто его не услышит, уселся рядом с водой прямо на плотный влажный песок, и стал смотреть на темное море.

Веселая вечерняя суета праздного городка осталась где-то далеко-далеко. Пришел удивительный момент, когда Веня испытал острое ощущение того, что во всем огромном мире нет ничего больше, кроме Средиземного моря, грозового неба, теплого воздуха, наполненного запахами соли и водорослей, и его самого, маленького человечка, затерянного в мироздании.

Это было чувство абсолютно свободного, но щемяще-грустного одиночества. И скажи кто-нибудь Вене в тот момент, что буквально через несколько минут его уже поджидают невероятные события и удивительный поворот судьбы, не поверил бы ни за что на свете. Однако именно так и случилось.

Сначала с неба упала первая крупная капля, и почти сразу же вслед за ней по плотному песку гулко и часто застучали десятки других. Потом вода безо всякого перехода пролилась нескончаемым, тяжелым потоком.

Веня продолжал сидеть как сидел. Пожалуй, ничего лучше в этот момент и придумать было нельзя, чем попасть под проливной, но короткий и теплый дождь, а потом, не спеша, вернуться в гостиницу, скинуть мокрую одежду, влезть в сухую и выйти на балкон со стаканчиком тинто.

Тьма вокруг стала густо-чернильной, зато теперь ее чаще пронизывали далекие пока молнии.

Но одна из них, похожая на гигантскую искру, с сухим треском вдруг ударила всего метрах в пятнадцати от Вени, и он даже вздрогнул от неожиданности и, чего уж греха таить, испуга.

Сейчас же его подстерегла и другая неожиданность — он был убежден, что пребывает на пляже в полном одиночестве, да и кому бы пришло на ум сидеть на песке под проливным дождем. Но оказалось, совсем рядом с Веней был еще один человек.

Молния погасла, после ее короткого разряда стало еще темнее. Но в шум дождя врезались несколько фраз, долетевших, показалось Вене, как раз с того места, куда только что ударила огромная искра.

Фразы были громкими, отрывистыми, очень злыми, русскими, причем очень русскими.

Веня мгновенно поднялся. Судя по энергичной речи, если неведомый соотечественник и пострадал от атмосферного электричества, то в живых остался.

Но, похоже, нуждался в поддержке, хотя бы моральной.

— Эй, друг, помощь нужна? — крикнул Веня в темноту.

В ответ вновь прилетели новые отрывистые фразы, потом мимо Вени справа налево, прямо по прибрежному мелководью, пронеслась чья-то темная тень. Веня оторопело проводил ее взглядом, и тень моментально растворилась в кромешной тьме.

Однако тотчас, уже слева, в песок снова ударила электрическая искра. Яркая вспышка на мгновение осветила долговязую фигуру в темной майке и шортах.

Веня успел разглядеть, что теперь человек застыл в неподвижности, словно конь, остановленный на скаку, если только в данный момент уместны были слова поэта Некрасова.

Вспышка погасла, длинный человек, впавший теперь в столбняк, опять растворился в чернильной мгле. Веня проглотил слюну и сделал непроизвольный шаг назад. Он вдруг ощутил, как сильно колотится у него сердце.

Да и кто бы не дрогнул душой, когда в двух шагах, то справа, то слева, ударяют огромные искры-молнии и словно бы ведут охоту на неведомого соотечественника.

— Эй, друг! — крикнул Веня неуверенно. — Ты лучше на месте стой! Молния, она движения не любит!

Но тут последовали еще более неожиданные события.

Длинную фигуру вдруг осветил яркий зеленоватый свет, похожий на луч прожектора, вот только источника его не было видно.

Луч начинался в полуметре от человека, прямо из темноты над его головой.

Теперь Веня тоже остолбенел. В ярко освещенном человеке он вдруг отчетливо признал стоматолога Николая. Борода была та же самая. Как и майка, разукрашенная пальмами и парусами.

Необъяснимое, между тем, продолжалось.

Прежде всего, стоматолог воздел руки кверху, защищая ладонями глаза.

Потом рванулся по берегу назад.

До Вени сейчас же донеслись еще несколько очень русских фраз, и он, наконец, сумел уловить хотя бы приблизительный их смысл. В мягком изложении смысл сводился к тому, что Николай очень огорчен всем происходящим, однако ничего и никого не боится, и что он готов ко всему.

Веня растерянно покрутил головой. Сразу же ему пришло на ум, что он стал невольным свидетелем действия, которое в новейшем русском языке обозначается словом «разборка». Но Николай был один, и потому складывалось впечатление, что разбирается с ним какой-нибудь всемогущий повелитель молний.

К тому же какие могут быть разборки у владельцев стоматологических клиник?

Хотя кто их знает, этих новых русских стоматологов...

Короткий, словно обрубленный луч света, как привязанный, повернул за Николаем. Снова оказавшись ярко освещенным, тот резко остановился и воздел кулаки к небу. Опять последовала сугубо русская речь.

Теперь Николай стоял лишь в трех-четырех шагах от Вени, остававшегося в темноте. Последние сомнения, если только они были, развеялись: это действительно был стоматолог из Химок.

— Коля, это я, — крикнул Веня уже совершенно автоматически. И добавил первое, что пришло в голову: — Хочешь, за полицией сбегаю?

Николай запнулся. Теперь было видно, что он напряженно вглядывается в темноту, стараясь разглядеть Веню.

— Ты русский, что ли? — хрипло крикнул Николай.

— Веня я, — крикнул в ответ Веня. — Мы с тобой, помнишь, пили «Карлсберг», а потом...

Он остановился, осознав, насколько нелепо звучат такие слова при подобных обстоятельствах.

Узнал ли Веню Николай, так и осталось неясным.

— О полиции, друг, позабудь! — стоматолог издал короткий смешок. — Тут никакая полиция не поможет!

На мгновение возникла пауза. Теперь в голове у Вени был полнейший сумбур. В обрывках мыслей вдруг мелькнула лишь одна-единственная, которую можно было бы счесть законченной и имевшей хоть какой-то смысл: «Ничего себе выдался последний вечерок в Каталонии!»

Николай между тем явно принял какое-то решение. Веня увидел, как он сорвал с руки часы и кинул их в его сторону. Часы упали куда-то на песок.

— Подбери! — крикнул Николай, и в голосе его вдруг прозвучало какое-то отчаянное веселье. — Мне они теперь не нужны! А тебе, может, принесут пользу! — Он саркастически рассмеялся. — Подбери и сейчас же уходи. Потом разберешься, что к чему. Часы тебе сами подскажут. Главное, береги их! И ничему не удивляйся.

— А как же ты? — растерянно спросил Веня.

В свете луча было видно, как Николай криво усмехнулся.

— Да не в первый раз! — отозвался он. — Бывало уже. Как видишь, пока жив. Наверное, и теперь обойдется. Жаль только, что здесь они меня настигли, отдохнуть толком до конца не успел. Ты, брат, подбери часы и быстро исчезай. И самое главное, никому про то, что тут видел, не рассказывай! Все равно не поверят! И про то, что дальше будет, тоже не рассказывай! Понял?

Снова послышался смешок. Но тут свет вдруг стал еще ярче, и потрясенный Веня увидел, что Николай в этот же момент стал раза в два ниже. Или, если точнее, вдвое уменьшился в размерах, потому что все пропорции тела сохранились.

Столь поразительная метаморфоза сопровождалась новым каскадом многоэтажных фраз.

Как выяснилось, в отличие от размеров, голос Николая и его словарный запас ничуть не изменились.

При виде метаморфозы Веня автоматическим движением протер глаза. Тут же Николай вновь обрел естественные размеры. Потом стал вдвое выше, превратившись в гиганта. Но сейчас же опять уменьшился. Все эти превращения заняли лишь несколько секунд.

До Вени еще раз донеслось или же ему это только послышалось:

— Часы! Подбери! Ничего не бойся! И держи язык за зубами!

Мгновенно цикл необыкновенных Колиных превращений повторился еще раз. И вдруг стоматолог из Химок превратился в куклу размером со щенка и сейчас же вместе с лучом света, в котором происходили все эти метаморфозы, исчез.

Вене показалось, что луч превратился в искорку, которая улетела в черное небо и тут же в нем растворилась, хотя он и не был уверен, что именно так все и было на самом деле.

Дождь продолжал лить как из ведра. Веня его не замечал, он все смотрел на то место, где только что находился злополучный стоматолог Николай. Потом, опять-таки машинально, Веня сделал шаг вперед, присел на корточки и стал шарить на песке.

«Мне все это показалось, — медленно думал Веня, — ничего этого не было, никаких часов я не найду».

Похоже, продолжал думать Веня, ежедневно пить испанские вина, пусть они и сухие, все же, не стоило. Надо было, как следует разумному человеку, делать перерывы.

Тут его пальцы наткнулись на какой-то предмет. Когда совсем рядом с Веней опять полыхнула молния, он успел понять, что это и в самом деле часы.

Но рассмотреть находку толком Веня сумел лишь тогда, когда медленно, на ватных ногах, добрел под неутихающим ливнем до прибрежного бульвара и встал под первым же фонарем.

Часы были как часы — очень легкие, дешевые кварцевые часы фирмы Casio, черного цвета и с черным же пластиковым ремешком.

Прерывисто двигалась секундная стрелка. Часовая и минутная показывали половину десятого. Да и в самом деле была всего половина десятого вечера по среднеевропейскому времени, хотя на бульваре из-за сокрушительного ливня не было ни души.

Веня машинально опустил часы в карман шорт и медленно двинулся в сторону своей гостиницы «Каспел».

Первое, что он сделал, оказавшись в номере, так это налил полный стакан тинто. Выпив, налил еще. Только потом Веня наконец сообразил, что надо бы переодеться в сухое.

Тогда-то из кармана мокрых шорт на свет опять появились кварцевые часы фирмы Casio.

Теперь Веня принялся исследовать их всесторонне, разве что на зуб не попробовал. И снова в часах, доставшихся ему от Коли, таинственным образом вознесшегося на небо, не обнаружилось ничего, заслуживающего внимания.

Да и ценности никакой они не представляли.

На мгновение Веня даже заколебался — а не выбросить ли их в мусорную корзину, навсегда забыв о том, что он видел и слышал.

Мало ли, может, на самом деле Николай был вовсе не стоматологом, а сумасбродом-иллюзионистом, похлеще Дэвида Копперфильда, репетировавшим на берегу Средиземного моря новый эксцентричный трюк.

Но тут же Веня, даже неизвестно почему, отверг такую мысль. Он еще немного повертел часы в руках, убрал их наконец в карман рубашки и налил себе еще тинто.

Глава вторая
«Ты квартиру, что ли, сменил?»

Веня выкатил из лифта свой замечательный чемодан на колесиках, купленный в славном городе Салоу (первый в его жизни респектабельный чемодан на колесиках), подвез его к двери квартиры и достал ключи.

Сейчас же распахнулась соседняя дверь, и на пороге возник сосед Алеха, а если точнее, Алексей Васильевич, слегка поседевший уже кандидат наук, специалист то ли в химической физике, то ли в физической химии.

Однако специалист бывший, поскольку уже давно он промышлял частным извозом, используя в качестве средства производства старый потрепанный «Москвич-2141» тускло-красного цвета.

— Ну, наконец! — сказал Алексей Васильевич с неподдельной радостью. — Я заждался.

Было десять часов утра. Веня должен был прилететь еще вчера вечером, но рейс из Барселоны несколько раз откладывали. Почему, так и осталось неизвестным, поскольку дикторша в аэропорту изъяснялась только на неведомом Вене испанском и практически забытом английском.

В результате Веня не выспался, проклял все на свете и теперь хотел только одного: завалиться на диван часов на пять-шесть.

А уже потом намеревался как следует подумать — в спокойной обстановке и одиночестве, чего в последнее время он был полностью лишен. Фантастическая история, случившаяся на пляже в Салоу, требовала всестороннего осмысления.

Если, конечно, это было возможно.

Как ко всему случившемуся относиться, Веня не знал. В голове был полный сумбур.

— Ждал, ты вчера прилетишь, — продолжал между тем Алексей Васильевич. — Ждал-ждал, и...

— Да ничего страшного, — рассеянно ответил Веня, — не в последний раз.

Само собой разумеется, сейчас ему было не до соседа.

Алексей Васильевич прижал обе руки к сердцу.

— Не беспокойся, все есть, — сообщил он. — Вчера, как говорится, без ансамбля, а сегодня ты уже здесь. Иди, поставь чемодан, а я мигом. Готовь стаканы и тарелки.

— Утро сейчас, Алексей Васильевич, — сказал Веня укоризненно. — Десять часов утра.

— А с приездом? — веско молвил кандидат наук. — А про Европу поговорить? И побыстрее бы надо, пока Нинка... то есть Нина Ивановна на обед не заявилась. Я вчера ей опять слово давал.

Нинка, то есть Нина Ивановна, была кандидатская жена, тоже бывший специалист то ли в химической физике, то ли в физической химии, но какими-то судьбами очень удачно ставшая одним из совладетелей соседнего супермаркета. Доходы, по счастью, у нее были соответствующими, мужа она по-своему любила, и Алексей Васильевич позволял себе заниматься извозом спустя рукава.

Однако за все на свете надо платить. Поэтому частному извозчику приходилось не только относиться к жене с подчеркнутым уважением, но и постоянно демонстрировать это окружающим.

Обычно Алексей Васильевич совершал две-три поездки в утренние часы, да и то когда был к этому расположен, а значительную часть дня, насколько знал Веня, проводил, сидя в кресле. Читал серьезные книги, размышлял о сложных вопросах бытия, о нелегких судьбах родной страны, ее месте в мировом сообществе и частенько выпивал — даже в одиночестве, хотя всегда был рад любому человеческому общению. Веня старался держаться от него подальше: с кандидатом наук легко было впасть в грех.

Но получалось это не всегда, потому что сосед есть сосед.

Алексей Васильевич скрылся в своей квартире. Веня перешагнул порог своей. Первое, что он сделал, закатив чемодан в угол, так это нащупал в кармане измятый клочок бумаги с телефоном стоматолога Коли. В этом же кармане лежали и дешевенькие черные часы фирмы Casio.

С замирающим сердцем Веня слушал длинные гудки. Потом послышался приятный женский голос. Веня облизал разом пересохшие губы:

— Будьте добры Николая.

— Николай еще в Испании, будет только через неделю, — ответила неизвестная женщина. — Что-нибудь передать?

— Я перезвоню, — сказал Веня и положил трубку.

Он повертел часы в руках, отвлеченно размышляя, кем могла бы приходиться Николаю таинственная женщина на том конце провода. В Салоу, как он помнил, стоматолог из Химок отдыхал вместе с женой и двоюродной сестрой жены, которые успели ему надоесть, по собственному признанию Николая, хуже горькой редьки.

Но, вероятно, у стоматолога были еще и другие родственники женского пола.

Зачем он набрал Колин номер, Веня и сам не знал. Если Николай сверхъестественным образом вознесся с далекого испанского пляжа на грозовое небо, ясно, что дома его заведомо быть не могло.

А если бы не менее сверхъестественным образом стоматолог все-таки оказался на месте, о чем вести с ним в таком случае беседу, Веня тоже не знал. Не спрашивать же, в самом деле, правда ли, что он вознесся, и каким образом сумел вернуться?

Как бы то ни было, ясно стало одно: дома о таинственном исчезновении Николая пока еще известно не было.

В прихожей раздался настойчивый звонок. Веня тряхнул головой, положил часы на стол рядом с телефоном и пошел открывать. С порога кандидат наук протянул ему заиндевевшую бутылку «Флагмана». В

другой руке у него был объемистый пакет неизвестно с чем, а под мышкой большая пластиковая бутылка воды.

— Вот, — объявил Алексей Васильевич с явным удовольствием. — Чтобы Нинка... то есть Нина Ивановна не просекла, водку за цыплятами прятал.

— Какими цыплятами? — удивился Веня машинально, продолжая думать о своем.

— Ну, в морозильнике, за мороженными цыплятами. А в пакете огурчики, помидорчики, колбаска уже порезана. Ты ж только приехал, у тебя, естественно, холодильник пустой. Ну, здравствуй, европеец!

Сосед двинулся прямо на него, и Веня пришлось посторониться.

— Ладно уж, проходи, — сказал он, подавляя вздох. — Тем более, у меня для тебя подарок. Бутылка хорошего испанского вина из княжества Андорра.

— Вот что значит, в Европу съездил человек, — одобрил кандидат наук. — Вино из княжества Андорра! Пора бы уже всей нашей дремучей стране тоже переходить на хорошие вина. А той знай, водку бездумно хлещем который век. Может, если б все это время пили хорошие вина, в России бы все иначе было.

Частный извозчик немного подумал и добавил:

— И курить хорошо бы бросить всей страной. Вон, в Европе уже бросают, причем оформляют это законодательно. А ты, молодец, вообще не куришь. Прямо как европеец!

Веня взял бутылки и пакет с закуской. Сосед, как только руки освободились, сейчас же извлек из кармана пачку сигарет. Секунду спустя кандидат наук сидел за столом и разглядывал этикетку подаренного ему вина из Андорры. Веня рассеянно ставил на стол стаканы и тарелки.

— Европа! — одобрительно молвил Алексей Васильевич, разглядывая этикетку. — Спасибо, что про меня, соседа, не забыл. Как-нибудь обязательно выпью это чудесное вино за твое здоровье. Ну, а сейчас...

— Может, как раз сейчас вина и выпьем? — с сомнением сказал Веня. — Вино у меня есть, — он бросил взгляд на чемодан. — А водку не будем. Утро все-таки, десять часов.

— Не исключено, выпьем еще и вина, — ответствовал кандидат наук. — Но когда с приездом, всегда пьют водку. Сам будто не знаешь.

Веня вздохнул.

В мгновение ока Алексей Васильевич разложил по тарелкам нехитрую закуску и разлил водку. Веня ощутил в своей руке наполовину наполненный стакан.

— Со свиданьицем! — провозгласил сосед первый тост.

— Со свиданьицем! — отозвался Веня и, чокаясь, снова не смог удержать вздоха.

То, что будет происходить дальше, он знал наизусть, потому что из раза в раз повторялось одно и то же: сразу же после первой в соседе словно бы включалась некая внутренняя программа, которая и определяла все его последующее поведение.

Естественно, так было и теперь.

Для начала Алексей Васильевич, как всегда, прокомментировал, словно Вене еще ни разу не приходилось этого слышать:

— У нас в лаборатории первый тост всегда был — со свиданьицем! Ну, а все остальные — за любовь! У нас в лаборатории такие, знаешь, женщины были!

Примерно через три тоста «за любовь», как знал Веня, разговор должен был обратиться в сплошной монолог кандидата наук, слушать который было утомительно, но в который нельзя было вставить ни слова, потому что сосед говорил без пауз, отвлекаясь разве только на очередной тост.

Тема монолога определялась той же заложенной в соседа программой и всегда оставалась неизменной: это было будущее России. По убеждению кандидата наук, счастливое грядущее родной страны было за абсолютной интеграцией с Европой и полным отказом от прежних имперских амбиций. Это свое убеждение Алексей Васильевич и развивал в различных вариациях и периодах, очень часто повторяясь.

Красной нитью сквозь поток слов проходила мысль в общем не лишенная смысла, что у европейцев российским людям прежде всего надлежит научиться работать — так, как работают голландцы или шведы.

Правда, как в точности они это делают, кандидат наук знать не мог, потому что никогда не бывал ни в Голландии, ни в Швеции. Как, впрочем, и во всех других европейских странах.

— А теперь пьем за любовь! — объявил Алексей почти сразу же после первого тоста. — И начинай рассказывать, как там у них, в Барселоне?

— За любовь! — рассеянно отозвался Веня и выпил тоже.

Выпив вторую, он с удивлением почувствовал вдруг, что очень холодная водка идет совсем не так плохо, несмотря на то, что только десять утра. И почувствовал также, что ему действительно очень хочется рассказать соседу о Барселоне, несмотря на то, что голова занята другим.

На мгновение Веня прикрыл глаза и сейчас же словно бы воочию увидел перед собой веселый бульвар со счастливыми людьми и нескончаемыми цветочными рядами.

— Главная улица в Барселоне, — с чувством начал Веня, — называется Рамбла. И ведет она от площади Каталонии прямо к Средиземному морю...

— Да уж, — перебил сосед, мечтательно прищурив взгляд, — это тебе не море Лаптевых. Средиземное море, как песня звучит...

— Жаль, патриот Митрофаныч тебя не слышит, — пробормотал Веня машинально. — Он бы сейчас тебе за родное море Лаптевых...

Иван Митрофанович был сосед с одного из верхних этажей, пожилой бывший инженер почтового ящика, давно упраздненного. Он тоже занимался частным извозом, но трудился много больше, потому что его жена не входила в число владельцев супермаркетов. Орудием производства у Митрофаныча была старая-старая темно-серая «Волга».

Бывший инженер тоже нередко выпивал, в это время опять-таки размышляя о судьбах родного отечества. Но, по сравнению с кандидатом наук, придерживался иных, прямо противоположных взглядов.

У страны, как твердо верил Митрофаныч, был собственный, предначертанный свыше путь. Этот путь не имел ничего общего ни с путем запада, ни с путем востока. Он и должен был, в конце концов, привести самодостаточную страну Россию к невиданному величию, благополучию и процветанию. На зависть и страх всем остальным государствам.

Правда, как утверждал Иван Митрофанович, случиться это должно было еще не завтра: собственный путь тернист, противоречив и, само собой, недоступен для менталитета иных народов.

— Вот как раз из-за таких, как Митрофаныч, — сказал Алексей значительно, — мы с тобой и живем, как в какой-нибудь Гвинее-Бисау. Хотя, не исключено, что и там уже лучше, чем здесь, живут. Этих Митрофанычей в нашем государстве пруд пруди.

От сожаления, что от такого факта никуда не деться, Алексей Васильевич резко взмахнул рукой и продолжал дальше:

— Работать надо, как голландцы работают, а не языками чесать о собственном пути. Пришли уже собственным путем... сам знаешь куда. У Европы надо учиться, у них там все веками опробовано.

На лице кандидата наук еще резче появилось выражение досады, и он разлил водку.

— И чего ты Митрофаныча вспомнил? Давай-ка лучше опять за любовь!

Чокнувшись, выпив и закусив, Веня почти с наслаждением продолжал:

— Там, где кончается Рамбла, стоит огромный памятник Колумбу. Ты, Леша, возможно, и не знаешь, что король и королева Испании принимали Колумба после его первого плавания как раз в Барселоне?

— Не знал, — отозвался Алексей Васильевич. — Но, безусловно, случилось это неспроста. В Европе все правильно, потому что все опробовано веками. Ну, так расскажи, как Колумба принимали в Барселоне?

Веня продолжал рассказывать. Минуты через три Алексей снова налил и прервал его рассказ очередным тостом:

— За любовь!

Выпив, Веня приготовился рассказывать дальше, однако, как всегда после третьего тоста «за любовь», внутри соседа словно бы что-то щелкнуло, и запустился извечный монолог. Чаще всего он начинался с царя Петра, который окно в Европу, к сожалению, должным образом не дорубил.

Так было и теперь.

— Жалко, — сказал сосед, — что до этой твоей Барселоны Петр так и не доехал, когда в Европе бывал. Чувствую, в этой Барселоне нам тоже есть чему поучиться.

Веня вздохнул. Ясно было, что дальше сосед будет говорить один. И покинуть его общество под благовидным предлогом было в данный момент невозможно, поскольку не он, Веня, пребывал в гостях у Алексея Васильевича, а наоборот.

Но можно было углубиться в собственные мысли. Хотя бы вспоминать прекрасную Барселону и страну Каталонию про себя, пропуская поток сознания соседа мимо ушей. На Алексея Васильевича, когда тот был увлечен собой, можно было даже и не смотреть.

Машинально Веня окинул взглядом комнату.

А в следующую секунду он резко выпрямился и машинально протер глаза.

Да и было отчего.

На том столе, где стоял телефон, случилось чудо — прямо из воздуха, из ничего, вдруг возник маленький человечек, размером с куклу, одетый в светло-синие джинсы и красную футболку. Голову его венчала густая копна желто-соломенных волос, а лицо было слегка вытянуто вперед, отчего в нем проглядывало что-то лисье.

Первое, что сделал человечек, так это потрогал ногой телефон и обвел задумчивым взглядом комнату.

— Петр был несчастлив, — как раз в этот момент сообщил Вене Алексей Васильевич, — несчастлив, как человек, осознающий, что после него все пойдет не так.

Веня отчетливо увидел, что на маленьком лисьем личике промелькнуло недоумение.

— Ты квартиру, что ли, сменил? — спросил маленький человечек недоуменно, ни к кому конкретно не обращаясь. Голос у него

оказался неожиданно низким, чуть ли не баритоном. — А почему на такую?

Веня растерянно воззрился на бутылку «Флагмана». Она была пуста только наполовину.

— Да не моя это квартира, — вырвалось у Вени совершенно непроизвольно. — Эту я снимаю. А свою квартиру оставил бывшей жене.

— А не пора ли снова за любовь? — спросил Алексей Васильевич. Это был вроде бы вопрос, но интонации кандидата наук были вполне утвердительными.

Веня взглянул сначала на соседа, потом на бутылку в его руке, потом снова на маленького человечка. Было отчетливо видно, что на лице того прямо-таки густеет недоумение.

— Ничего не понимаю, — озадаченно сказал маленький человечек. — Колеблюр торсин! И еще раз колеблюр торсин!

Не отрывая от человечка взгляда, Веня машинально чокнулся с соседом.

— Мне надо подумать, — молвил маленький человечек и вдруг исчез. Причем у Вени создалось отчетливое впечатление, что непостижимым образом он скрылся в лежащих на столе часах. Тех самых, с черным пластиковым ремешком, что прежде принадлежали стоматологу Николаю.

Осознав это, Веня встал.

— Правильно, за любовь надо стоя, — одобрил сосед. — Молодец!

Со стаканом в руке, он тоже встал. Как раз в этот момент маленький человечек появился снова. Похоже, что из часов.

— А Николая здесь нет, как я вижу, — сказал он с утвердительными интонациями.

— Николая с нами нет, — отозвался Веня, словно эхо.

— Конечно, Петр был несчастлив. — Продолжая прежнюю мысль, кандидат наук сел и со стуком поставил опустевший стакан на стол. — Уже при Екатерине все было не так. А при Анне Иоанновне вообще наступил... Но вот Елизавета Петровна, дочь Петра ...

Веня потянул его за рукав, чтобы обратить лицом к маленькому человечку. Обратив, он указал на него пальцем.

Алексей Васильевич добросовестно проследил за направлением пальца.

— Ты... что-нибудь... кого-нибудь видишь? — очень тихо спросил Веня.

— Телефон на столе вижу, — ответил сосед и вдруг заметно встревожился. — Нинка уже сюда звонила, что ли? То есть Нина Ивановна. Вроде рано еще.

Веня посмотрел на телефон, перевел взгляд на маленького человечка.

— А на столе есть кто-нибудь? — спросил он еще тише. — Только скажи мне правду. На столе должен быть маленький человечек.

Алексей Васильевич с прежним выражением тревоги добросовестно оглядел не только стол, но и всю нехитрую обстановку комнаты.

— Человечков никаких не вижу! Так Нинка звонила или нет, что-то я не пойму? То есть Нина Ивановна. Хотя она, конечно, запросто может и в дверь тебе позвонить. Никакого чувства такта. У Нины Ивановны.

По лицу маленького человечка, отчетливо понял Веня, расплылась широкая улыбка.

— Он и не должен меня видеть, — объявил маленький человечек. — И слышать тоже. Ты тоже не должен меня видеть и слышать. Однако ты, похоже, видишь и слышишь?

— Вижу и слышу, — растерянно признался Веня, чувствуя, как гулко колотится его сердце. Промелькнула мысль, что завтра надо бы заглянуть в поликлинику. Начать следует с кабинета невролога.

— Мне надо подумать, — снова молвил маленький человечек и опять исчез. Похоже, что в часах.

Теперь Веня налил себе и соседу сам. Наливая, он косился на стол с телефоном. Маленького человечка на нем не было.

— Скажи мне, Леша, — начал Веня, — у тебя так бывает... ну, если...

Но Алексей Васильевич только досадливо отмахнулся. Как раз в этот момент в нем снова включилась остановленная было программа.

— Самая большая ошибка Петра, — заговорил он, глядя куда-то мимо Вени, — состояла в том, что он...

Веня обхватил голову руками. Ясно как день: если здоровый человек Алексей Васильевич не видит маленького человечка, то появляющегося, то исчезающего, а сам он видит, значит, дело плохо: налицо сильнейшее переутомление.

Этот кровосос Эдуард Борисович, хозяин «Вольного вечера», драл со своих сотрудников три шкуры. Хотя, надо признать, платил, по сравнению с тем, что Веня получал в прежних местах, где трудился, несравненно лучше.

Поэтому в первый же свой отпуск, который, правда, случился не скоро, Веня смог поехать в Испанию... то есть в Каталонию, где...

Веня еще крепче сжал ладонями виски.

Признаки сильнейшего переутомления проявились, конечно, уже там, в Каталонии, в уютном городке Салоу на берегу Средиземного моря.

Потому что никаких часов фирмы Casio на самом деле просто не могло быть. Как и владельца их стоматолога Николая.

Не мог же человек, уважаемый владелец нескольких стоматологических клиник, ни с того ни с сего вознестись в небо.

«А что если, — подумал Веня, — и Каталонии никакой тоже не было?» Откуда у него время на заграничные вояжи, если с Эдуардом Борисовичем работы невпроворот.

Веня подозрительно оглядел комнату. В углу стоял его замечательный чемодан на колесиках, купленный в славном городе Салоу.

Он встал и подошел к столу. Кандидат наук продолжал свой монолог, не обращая на него никакого внимания. Веня взял часы, лежащие рядом с телефоном, перевернул и зачем-то вслух прочитал английскую надпись на обратной стороне корпуса:

CASIO
709 MQ — 61 W
STAINLESS STEEL BACK
WATER RESISTANT
DM

Надпись как надпись, ничего она не объясняла. Зачем-то встряхнув часы, Веня положил их на место и вернулся к столу.

Опустевшая бутылка «Флагмана» исчезла, однако на ее месте уже стояла другая, полная. И тоже «Флагман». Алексей Васильевич, как и положено кандидату наук, отличался дальновидностью и положил в объемистый пакет не одну только закуску.

Веня сам открыл новую бутылку, покосился на стол, где лежали часы, на секунду зажмурился, снова открыл глаза — на столе никого не было — и налил.

Дрогнувшим голосом Веня сказал:

— За любовь!

Алексей Васильевич на миг прервал свой монолог, которого Веня, конечно, не слышал, и, словно эхо, отозвался:

— За любовь!

Маленький человечек словно только и дожидался этих слов. Немедленно он возник снова. Похоже, что из часов.

— Мне все понятно! — объявил он, обращаясь к Вене. — Николай по какой-то причине передал часы тебе. Так?

— Так, — согласился Веня.

Потом он еще раз спросил соседа — на всякий случай:

— Ты и теперь этого... — он поискал слово, — этого карлика не видишь?

— У Анны Иоанновны шут был карлик, — ответствовал Алексей Васильевич.

На лице маленького человечка на столе возле телефона снова расплылась широкая улыбка.

— Это все объясняет. Но сейчас тебе, вижу, не до меня, — добродушно сказал он Вене. — У Николая тоже бывают схожие ситуации. Позже поговорим, когда ты будешь один.

Он снова исчез. Похоже, что в часах.

— Анна Иоанновна, между нами, та еще была штучка, — сообщил Алексей Васильевич. Подчиняясь заложенной в него программе, он уже стал резко жестикулировать. В руке, словно дирижерскую палочку, он держал вилку.

А Веня вдруг полностью успокоился. Раз сказал маленький человечек, что разговор состоится позже, значит, позже все и выяснится. Всему свое время!

— За любовь! — сказал Веня, поднимая стакан.

— За любовь! — ответил сосед.

Словно отзываясь на такой тост, на столе вдруг резко зазвонил телефон. Кандидат наук вздрогнул, и его рука с наполненным стаканом замерла.

Веня пошел к телефону, мельком глянув на лежащие рядом с ним часы.

— Нинка, что ли? — тревожно выдохнул сосед. — То есть Нина Ивановна?

Однако это была не Нина Ивановна, а брянская офис-менеджер Ольга. Она по-прежнему говорила короткими энергичными фразами, и каждая была похожа на резкий скачок стрелки вольтметра. Из этих электрических фраз можно было понять, что ей очень хотелось знать, как Веня добрался до родного дома из далекой прекрасной Каталонии.

Веня удовлетворил ее любопытство. «Зря я ей дал номер телефона», — подумал он вдруг. Хорошо хоть, что номер мобильника не давал, что-то остановило.

Ольга пообещала в недалеком будущем приехать по делам в Москву.

Веня, как положено, ответил, что будет очень рад.

«Зря я ей дал номер телефона», — подумал Веня еще раз. Бьющую через край энергию и общительность офис-менеджера, говоря по правде, к концу недолгого и ни к чему не обязывающего курортного романа он выносил уже с трудом. Но тогда спасали испанские вина, Средиземное море и каталонское солнце. А что спасет в Москве?

Тем не менее после разговора с офис-менеджером напрашивался естественный тост, который Веня и провозгласил:

— За любовь!

— За любовь! — с готовностью отозвался кандидат наук.

Глава третья
«Николай называл меня Инструкцией»

Несмотря на то, что машина простояла две недели без движения, но с включенной охранной сигнализацией, у аккумулятора вполне хватило силы раскрутить стартер, который в свою очередь завел двигатель. Веня удовлетворенно хмыкнул и обернулся назад.

Выехать из Вениной ракушки было непросто: возле ракушки, что располагалась напротив, приткнувшись багажником к ее воротам и перегородив дорогу, стоял, как всегда, «Москвич-2141» соседа Алексея Васильевича. Многократные просьбы загонять автомобиль внутрь, чтобы не мешать Вене, успеха не имели: Алексей Васильевич утверждал, что, занимаясь частным извозом, вынужден отъезжать-приезжать по сто раз на дню, а каждый раз поднимать и опускать ворота ракушки ему мешает радикулит.

Но Веня знал, что крупицей истины в таком утверждении была, возможно, лишь ссылка на радикулит.

Веня медленно двинул свою «девятку» назад. Выехав из ракушки наполовину, он стал выкручивать руль вправо. Когда багажник его машины почти коснулся соседского «москвича», Веня остановился, переключил передачу, вывернул руль до отказа влево и двинулся вперед. Тут же путь ему преградила ракушка, стоявшая слева от его собственной. Веня остановился и снова стал до отказа выкручивать руль вправо.

Теперь, снова подав назад, он уткнулся в нос «москвича» уже под приличным углом, остановился, переключил передачу, выкрутил руль до отказа влево, двинулся вперед и, наконец, выехал на свободное пространство. Теперь можно было закрывать ворота ракушки и отправляться в путь.

Темно-вишневая «девятка» появилась у Вени совсем недавно, когда он некоторое время проработал на прилично оплачиваемой должности в еженедельнике Эдуарда Борисовича. Возможностей, правда, пока хватило только на «ВАЗ-21093». Это была первая Венина машина, и пока любая поездка еще оставалась для него своего рода событием. Нажимать педали, действовать рычагом переключения передач, включать мигалки, крутить руль ему очень нравилось.

Едва Веня тронул машину с места, в кабине произошли кое-какие перемены — из часов Casio на левой руке Вени с неуловимой для глаза скоростью выпорхнуло легкое облачко, и на соседнем сиденье сейчас же оказался маленький человечек. Чтобы быть повыше, человечек забрался на Венин портфель, лежавший на сиденье, оперся двумя руками о торпеду и первым делом осмотрел кабину. Затем хмыкнул и произнес:

— А у Николая «Пежо-307».

Веня покосился на маленького человечка. Безо всякого удивления он отметил, что на этот раз тот зачем-то прифрантился: был одет в темные брюки и франтоватый белый пиджак. Голову венчала крошечная шляпа, похожая на тирольскую, и даже с маленьким перышком.

— Знак «Уступи дорогу» впереди, — предупредил маленький человечек. — Притормози-ка.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Веня. — Я тут почти каждый день езжу.

— Если все пойдет как надо, — сказал в ответ на это маленький человечек, — скоро ты себе тоже приличную машину заведешь. «Девятка» это тебе не «пежо». И не «рено».

Удивленно покосившись на него, Веня притормозил, чтобы уступить дорогу проходившему мимо автобусу. Потом, выехав на улицу Исаковского, повернул направо.

Сплошного потока машин на этой улице никогда не бывало, они проносились по ней как бы отдельными порциями, и ехать было одно удовольствие. В один миг Веня домчался до улицы Катукова, повернул налево и, как всегда в эти утренние часы, увидел, что перед Щукинским мостом начинается длиннющая пробка. Пристроившись в хвост последней машине, он приготовился, что поделаешь, двигаться со скоростью черепахи.

Зато в это время можно было свободно предаваться размышлениям.

Маленький человечек, стоя на переднем сиденье, с любопытством озирался по сторонам. На миг Веня представил, что было бы, если б соседние водители могли увидеть в кабине его машины это забавное существо в задорной шляпе, и тут ему даже стало весело. Однако маленький человечек для всех остальных, кроме него, был невидим.

— Полчаса тебе ползти через мост, не меньше, — сказал маленький человечек.

— Тут почти всегда так, кроме субботы и воскресенья, — машинально отозвался Веня и углубился в размышления.

Подумать ему и в самом деле было о чем: само собой разумеется, обо всех этих фантастических событиях, выпавших на его долю за последние дни.

Веня снова покосился на невидимого для всех маленького человечка, стоящего на переднем сиденье. Удивительное дело, промелькнула у него мысль, до чего же быстро, оказывается, можно привыкнуть даже к самому невероятному.

Даже к тому, во что, будучи в здравом уме, просто поверить нельзя... пока, конечно, не столкнешься с этим воочию.

И при всем этом сохранить рассудок.

И ничуть не удивляться, когда из часов на левой руке время от времени появляется франтоватый маленький человечек, с собственным именем, характером и любимыми непонятными словечками.

В общем, как-то уж очень быстро эти появления стали вполне обыденными.

Ну, может, еще не полностью обыденными, но привычными.

То же самое можно сказать и об исчезновении стоматолога Николая, вознесшегося с пляжа в Салоу прямо в ночное небо: теперь это свершившийся факт, и не более того.

Если из часов появляется франтоватый маленький человечек размером с куклу, то почему бы обыкновенному человеку не вознестись к звездам?

Загадочной, правда, остается причина этого вознесения. Но вполне возможно, когда-нибудь она прояснится.

— Стой! Колеблюр торсин! — крикнул вдруг маленький человечек. — Тормози! Колеблюр торсин!

Веня мгновенно нажал на тормоз, и, оказалось, вовремя. Как раз в этот момент зеленый «Фольксваген» из правого ряда наглым образом решил втиснуться перед его «девяткой», едва образовалось свободное мельчайшее пространство. И Веня, хоть и еле полз, задумавшись, чуть не въехал ему в багажник.

— Ну, козел! Колеблюр торсин! — в сердцах молвил маленький человечек вслед «Фольксвагену» и покрутил пальцем у виска. — Как только таким козлам права дают!

Веня непроизвольно рассмеялся. Уж больно забавным и совершенно неожиданным показалось ему словечко «козел» в устах необыкновенного человечка в темных брюках и франтоватом белом пиджаке.

— А что значит «колеблюр торсин»? — поинтересовался Веня. — В который раз от тебя слышу.

— Могу перевести на ваш язык, — маленький человечек усмехнулся, подвинулся к нему ближе и шепнул на ухо.

Веня ахнул и бросил на маленького человечка изумленный взгляд.

— На дорогу смотри! — сказал маленький человечек строго. — Ты тоже хорош, водила! Въехал бы в «Фольксваген», был бы виноват. Колеблюр торсин!

— Я смотрю, — ответил Веня сухо. — Пока еще ни в кого не въезжал.

— Да не обижайся, — сказал маленький человечек примирительно.

— Я не обижаюсь, — сказал Веня сухо.

— Вижу, что обижаешься. Ну, не обижайся! Машину ты ведешь, в общем, нормально. Так, есть, конечно, к тебе отдельные претензии. Перегазовываешь слегка, сцепление иногда резко отпускаешь. Но не хуже, чем обычный средний водитель. Ты же не Шумахер.

— И на том спасибо, — ответил Веня.

— Но все равно я должен тобой руководить. Вот я и начинаю руководить.

«Фольксваген» впереди затормозил и остановился. Веня встал тоже.

И сейчас же, после этого произнесенного слова «руководить», в памяти Вени вдруг отчетливо стали воспроизводиться некоторые обстоятельства вчерашнего дня, после которых, собственно, присутствие маленького человечка стало для него фактом, который надо принимать как данность.

Это было уже вечером, когда соседа Алексея Васильевича давным-давно забрала домой его жена Нина Ивановна, а Веня уже почти полностью вернул себе трезвость.

Он сидел перед телевизором, чувствуя, как в голове все время вертятся последние слова маленького человечка: «Позже поговорим, когда ты будешь один». То и дело Веня поглядывал на стол, где лежали эти удивительные часы стоматолога Николая. Говоря по правде, находиться в квартире одному и ожидать продолжения необыкновенных событий было как-то не по себе.

Маленький человечек появился из часов, как раз в тот момент, когда по второй программе начались «Вести». Сам момент его появления Веня, впрочем, проглядел. Просто оказалось вдруг, что маленький человечек уже сидит на поручне кресла.

Неожиданно для себя Веня вдруг отметил, что, в общем, это довольно симпатичное существо.

Маленький человечек приступил к делу с места в карьер.

— Зовут тебя как? — первым делом спросил он.

Веня помотал головой и проглотил слюну.

— Веня, — дрогнувшим голосом машинально отозвался он и, чувствуя, как от фантастичности ситуации у него гулко колотится сердце, зачем-то повторил его еще раз. — Веня меня зовут.

— Веня так Веня, — произнес маленький человечек с равнодушием, которое вдруг показалось Вене даже обидным. — В общем, считай, что ничего необычного не произошло. Николай отдал часы тебе, и теперь я буду работать с тобой. Ничего против я не имею.

— Что это значит, работать? — растерянно вопросил Веня, но, не дожидаясь ответа, набрал в грудь воздуха и задал другой вопрос.

Прозвучал вопрос очень тихо, но был, конечно, самым главным: — Кто ты?

И сразу же Веня задал еще один очень важный вопрос:

— Откуда ты?

— А что случилось с Николаем? — оставив оба вопроса без ответов, спросил маленький человечек. — Ничего не знаю. Николай взял отпуск, уехал отдыхать, мне появляться было совершенно незачем. Считай, что я появился раньше времени случайно.

Веня внимательно посмотрел на маленького человечка и сухо ответил:

— Николай вознесся на небо. Взял и улетел.

— Улетел на небо, — протянул маленький человечек задумчиво. — Бывает, конечно, и так. Но очень, очень редко.

Веня снова помотал головой. Как отнестись к таким словам маленького человечка, он, конечно, не знал.

— С Николаем, как я понял, это случалось и прежде, — сказал он сухо.

— Николай — это редчайший случай, — последовал ответ. — Такого просто не может быть, а вот случилось же.

На мгновение Веня закрыл глаза. Ему вдруг показалось, что после этого наваждение исчезнет, и все в мире будет так, как должно быть.

Но, открыв глаза, он снова увидел на поручне кресла маленького человечка.

Раз человечек был на месте, Веня уточнил:

— Это случилось с Николаем в городе Салоу. В Каталонии. На берегу Средиземного моря. А я случайно оказался рядом.

— Да-да, Николай обычно отдыхает именно в Каталонии, — подтвердил маленький человечек. — Жаль, конечно, что так случилось. Но, в конце концов, все разъяснится. Дело в том, что все это достаточно незаконно. С юридической точки зрения. Почти уверен, что все это проделано без санкции.

— Незаконно? — тупо переспросил Веня. — Без санкции? Незаконно вознесся? С юридической точки зрения? И кто эти — они?

Маленький человечек досадливо поморщился.

— Ну не сам же он вознесся! — ответствовал он с таким видом, словно непонятливость собеседника его удивила. — Кстати, именно потому, что с Николаем это уже случалось, он и решил отдать часы тебе. Скорее всего. Знал, что наличие часов могут истолковать не в его пользу, и могут возникнуть дополнительные сложности.

Возникла пауза. Веня лихорадочно пытался сообразить хоть что-нибудь, и у него ничего не получалось. Наконец он выдавил из себя:

— И кто же его вознес?

Маленький человечек досадливо отмахнулся.

— Не надо ничего этого тебе знать. Даже не думай об этом.

Снова возникла пауза. Маленький человечек бесцеремонно стал разглядывать нехитрую обстановку квартиры, которую Веня снимал вот уже почти год — с тех пор, как расстался с бывшей женой Валентиной, молодой успешной бизнес-леди.

Чтобы хоть чем-то заполнить гнетущую паузу, Веня спросил первое, что пришло ему в голову. Несуразность своего вопроса он почувствовал сразу же, но было уже поздно:

— Похоже, вы появляетесь... э-э... из часов?

— Сейчас да, — равнодушно отозвался маленький человечек. — Тебя что-нибудь удивляет?

— Да нет, ничего, вроде, меня не удивляет, — дрогнувшим голосом ответил Веня.

Затем, опять-таки чтобы спросить хоть что-нибудь, он задал еще один нелепый вопрос:

— И всегда... э-э... из часов?

— Не всегда, — ответствовал маленький человечек, продолжая обозревать интерьер квартиры. — В разные времена, знаешь ли, случалось по-разному. Доводилось появляться из табакерки. Или из переносной чернильницы с гусиным пером. Колеблюр торсин!

— Из табакерки, — повторил Веня как эхо и снова прикрыл глаза.

Очень хотелось вернуться в объективную реальность, где нет места маленьким человечкам, живущим то в часах, то в табакерках, а также никогда не было стоматологов Николаев, которых кто-то незаконно с юридической точки зрения возносит на небо.

Еще не открывая глаз, он услышал, как маленький человечек повторил то, что уже говорил раньше:

— Значит, теперь я буду работать с тобой.

Веня открыл глаза. Собственно, после всех этих невероятных событий, обрушившихся на него, удивляться, вроде, больше было нечему, но все-таки он спросил еще раз:

— Что это значит — работать?

— У тебя теперь особое предназначение, — услышал он в ответ. — А я твой руководитель. Буду появляться по мере необходимости, чтобы подсказывать тебе все, что надо. Сначала часто, потом, когда ты освоишься, реже. Тебе предстоит во все вникать постепенно. Сама работа очень несложная. Много времени отнимать у тебя она не будет и не помешает обычным занятиям. И не принесет тебе ничего, кроме пользы.

Маленький человечек сделал паузу. Веня вдруг увидел на его маленьком лице лукавую улыбку.

— Чтобы было понятнее, — сказал маленький человечек, — считай, что тебя приглашает на работу... как это у вас говорят в офици-

альных документах... иностранная фирма, осуществляющая свою деятельность на вашей территории. Но действующая секретно.

У Вени вырвалось:

— Незаконно, иными словами.

— Ты не прав, — сказал в ответ маленький человечек. — Как раз с законностью здесь все в порядке.

Веня, в который раз, помотал головой. Наваждение не исчезало.

— Подобных тебе очень немного, — молвил маленький человечек. — Кстати, не пора ли тебе спросить, как меня зовут?

— Конечно, — ответил Веня вежливо. — Еще бы, давно пора. Ну, и как же тебя зовут?

Про себя он равнодушно отметил, что вдруг, помимо своей воли, перешел в общении с маленьким человечком на «ты».

— Вообще-то меня зовут Гирн, — услышал он в ответ, — но Николай называл меня Инструкцией. Должен признать, это больше соответствует положению вещей. Такой же Инструкцией я буду и для тебя.

«У Робинзона был Пятница, — вдруг пронеслось в голове у Вени, — а у меня будет Инструкция».

— Ты справишься, — продолжал маленький человечек. — Все у нас будет хорошо. Желаю тебе удачи!

Сказав эти ободряющие слова, он вдруг исчез. В часах.

А Веня, ничего не видя, не слыша и не понимая, снова стал смотреть на экран телевизора.

Но минуту спустя маленький человечек объявился вновь.

— Должен еще сказать, — объявил он, — что для всех, кроме тебя, я невидим и неслышим. Это существенный момент нашей работы.

— Это я уже понял, — отозвался Веня. — Когда я тебя видел и слышал, а Алексей Васильевич нет. Правда, не представляю, как это может быть.

Маленький человечек широко улыбнулся.

— А тебе и представлять не надо, — сказал он добродушно. — Прими это как факт. И не удивляйся, если я буду появляться, даже когда ты будешь не один.

Веня еще раз попытался привести свои мысли в порядок. Из хаоса в голове вдруг выплыло некое соображение, имеющее более-менее разумный смысл. На нем Веня и сосредоточился:

— Ты невидим и неслышим, — сказал он, — ну, допустим. Но меня-то все видят и слышат. Значит, если кто-то будет рядом, ты со мной сможешь говорить, а я с тобой нет?

Маленький человечек ухмыльнулся, словно непонятливость собеседника его позабавила.

— Тоже сможешь, — сказал он. — Когда ты обращаешься ко мне, ты попадаешь в противофазу. Для всех остальных момент проти-

вофазы совершенно незаметен. То есть никто, опять-таки никто тебя не слышит и не видит движения губ. Полная конфиденциальность.

Удивительное дело, это непонятное слово «противофаза» вдруг оказало на Веню магическое действие: он успокоился. Слово «конфиденциальность» тоже сыграло свою роль. Именно с этого момента Веня принял маленького человечка, обитающего в часах, как данность.

Да и в самом деле, изменить он ничего не мог. Случилось то, что случилось. Оставалось только ждать, что последует дальше.

И даже вдруг стало интересно, что будет происходить в дальнейшем и как маленький человек по имени Гирн будет им, Веней, руководить.

А также в чем, собственно, состоит его необыкновенное предназначение.

Похоже, маленький человечек уловил перемену, произошедшую в Вене. Он вдруг подмигнул, широко улыбнулся и добродушно молвил:

— Ну вот и хорошо! Мы привыкнем друг к другу. Обещаю: жизнь твоя переменится. Только не задавай сразу много вопросов. Все узнаешь постепенно.

И все-таки Веня задал еще один вопрос. Вернее, повторил тот, что уже задавал, и на который не получил ответа:

— Кто ты?

Маленький человечек не дал ответа.

Решившись, Веня осторожно протянул к нему руку. Гирн вновь так и расплылся в улыбке. И после нее Веня даже не удивился тому, что его рука свободно прошла сквозь маленького человечка, как сквозь воздух.

Гирн улыбнулся еще шире.

Веня отдернул руку.

— Ну, пока все! — сказал Гирн и сейчас же исчез.

Больше в тот вечер он не объявлялся. И появился только утром, когда Веня сел за руль, чтобы отправиться на работу.

Отпуск закончился. Впереди были рабочие будни.

А вдобавок его ожидала таинственная, непонятная деятельность, которой будет руководить этот маленький человечек, в данный момент стоявший на переднем сиденье и державшийся руками за торпеду.

И некие перемены в жизни, обещанные этим человечком.

В конце концов Веня преодолел злополучный Щукинский мост, до отказа забитый едва ползущими автомобилями. Еще через полчаса добрался до офиса, где размещалась редакция еженедельника «Вольный вечер». Когда припарковался у подъезда, маленький человек,

словно потеряв интерес ко всему, что будет происходить с его подопечным дальше, скрылся в часах.

Поднявшись на второй этаж, Веня сейчас же лицом к лицу столкнулся со стремительно двигающимся по коридору Эдуардом Борисовичем. Хозяин, добрый молодец почти двухметрового роста, как всегда был в дорогом костюме, элегантном галстуке и распространял вокруг себя запах хорошего мужского парфюма.

Было видно, что появлению Вени он очень обрадовался. Это означало только одно: компьютерному верстальщику предстояло много работы.

— О, Вениамин Михайлович! — воскликнул хозяин, плотоядно сверкнув глазами за стеклами очков в модной оправе. — С приездом! Как отдохнул? Что Испания?

Веня собрался было ответить, но хозяин «Вольного вечера», похоже, этого не ждал. Наскоро пожав своему компьютерному верстальщику руку, он продолжал говорить сам.

— Макет готов. Тебя только и не хватает. А потом мы тут еще затеяли... ну, в общем, скоро узнаешь. Давай, действуй.

Выпалив все это, хозяин мгновенно исчез в своем кабинете. Веня вздохнул: Эдуард Борисович был Эдуардом Борисовичем. Ему всегда было некогда, у него была тысяча дел, и к ним постоянно прибавлялись новые дела, в которых самым деятельным образом всегда приходилось участвовать его сотрудникам.

Издали был слышен сухой стук клавиш: кто-то из сотрудников, сидя за компьютером, быстро-быстро создавал текст очередной заметки. Где-то в конце коридора были слышны возбужденные голоса и смех.

А из открытой двери отдела культурных новостей доносился усталый голос заведующего отделом Вадима Николаевича, который выговаривал:

— Лина, ну сколько можно! Вот теперь вы написали, что композитора Чайковского звали Петр Васильевич.

Проходя мимо, Веня бросил взгляд в комнату. Дело было обычное: Вадим Николаевич распекал свою сотрудницу Лину, носившую сложную двойную фамилию Заныкина-Сидорова. За прошедшие две недели в редакции, похоже, ничего не изменилось.

Монолог заведующего отделом был долгим и страстным, причем накал его все возрастал:

— Ну, как же так, Лина! Ведь ошибка на ошибке. Вы бы хоть в энциклопедию иногда заглядывали. В прошлом своем материале вы поведали, что Пикассо жил в восемнадцатом веке. Хорошо, я вовремя исправил, а то ведь на теперешнюю корректуру надежды никакой. Как можно относиться к своим обязанностям столь пренебрежитель-

но? Или вам все равно, что о вас подумают читатели, коллеги, я, наконец?

После короткой паузы заведующий отделом перешел на обобщения:

— К сожалению, вы не одиноки, общий уровень журналистики падает на глазах. Пустозвонство и разгильдяйство, если называть вещи своими именами.

Заныкина-Сидорова, бойкая, шумная и не очень юная женщина, мнившая себя неотразимой красавицей, умницей и безмерно талантливой журналисткой, ерзала на стуле и в ответ только глуповато хихикала. Веня, как и некоторые другие в редакции, знал, что на деле она была в высшей степени неорганизованным и легкомысленным существом, наделенным непомерным апломбом, амбициями и тщеславием.

Когда ее непосредственный начальник доходил до крайности, то уже был не в силах удерживать переживания в себе, и поэтому все в редакции знали, что в первозданном виде журналистская продукция Заныкиной-Сидоровой представляла собой явление уникальное. Точных дат, цифр, имен, подданств, профессий, географических названий и многого другого для нее попросту не существовало.

Так, например, Веня был в курсе, что знаменитый прусский барон Карл Фридрих фон Мюнхгаузен в интерпретации Заныкиной-Сидоровой как-то оказался английским лордом. Город Новый Орлеан — Нижним Орлеаном. А известный всем Владимир Вольфович — Владимиром Вольфрамовичем...

Почему так происходило, можно было только предполагать. Возможно, в процессе изготовления своих текстов Заныкина-Сидорова пребывала в прострации или размышляла о чем-то ином, безмерно далеком. Этим же можно было объяснить безумное количество опечаток, неизменно сопровождавшее очередное произведение.

Еще Веня знал, что Заныкина-Сидорова очень любила вставлять в свои тексты красиво звучащие или просто невзначай вошедшие в моду слова, значения которых сама она зачастую не знала — саммит, брифинг, мундиаль, ротейро и тому подобные.

Подняв на Венины шаги голову, Лина ему подмигнула и тут же состроила страдальческую гримасу.

— Привет, Городков! — крикнула она, явно радуясь возможности хоть чем-то прервать монолог заведующего отделом. — Ты в Испанию, говорят, съездил? Ну, как? Поговорим потом? Я в Испании уже четыре раза была. Или даже пять. И в Португалии тоже, она там где-то рядом.

Тут же зазвонил мобильник, висевший у нее на шее. Заныкина-Сидорова схватилась за него, как за спасательный круг, и затараторила без остановки, не обращая больше внимания ни на Веню, ни на

своего непосредственного начальника. От этого Вадим Николаевич распалился еще больше и перешел на обобщения уже государственного масштаба:

— Ну, все у нас вот так! — бросил он в сердцах. — Одна Чайковского Петром Васильевичем называет стотысячным тиражом, другой гайку в ракете не подвернет, третий кофе уйдет пить, когда надо за ядерным реактором в оба следить. А потом щеки надуваем: мы великая страна!

Веня бросил на Вадима Николаевича сочувственный взгляд. Почему Заныкина-Сидорова все еще продолжает работать в еженедельнике, его немного удивляло. Злые языки, которых достаточно в любом коллективе, уверяли, что исключительно из-за особых отношений с Эдуардом Борисовичем.

Тут из часов на Вениной руке неожиданно выпорхнул Инструкция. Оказавшись на полу, он на миг глянул в отдел культуры, отвернулся и сейчас же изрек:

— Неотразимой себя мнит, а у самой вся спина конопатая.

Веня изумленно воззрился на маленького человечка. Тот невозмутимо пояснил:

— Как-нибудь, когда будет очень жарко, если она придет в сарафане, то сам увидишь. Зрелище неважное.

Он исчез. В самый момент исчезновения Веня, правда, успел задать вопрос:

— Ты что, сквозь одежду видишь?

Не получив ответа, Веня машинально взглянул на Заныкину-Сидорову, спина которой в данный момент была скрыта модным пиджаком сиреневого цвета. Журналистка продолжала трещать в мобильник, а Вадим Николаевич теперь молчал и смотрел на нее, стиснув зубы.

— Здравствуйте, Вадим Николаевич, — сказал Веня особенно приветливо, чтобы подбодрить заведующего отделом, и прошел к своему рабочему месту.

Сейчас же появился огромный бородатый арт-директор Степа с готовым макетом. И первый рабочий день после отпуска, проведенного в Каталонии, начался.

Какие бы ни происходили с ним необыкновенные события, какие бы неведомые существа не вторгались в его жизнь, свою работу компьютерного верстальщика Веня успел полюбить. Куда больше, чем профессию конструктора летательных аппаратов, полученную ценой неимоверных усилий в авиационном институте.

Та профессия приносила мало заработка. Собственно, это и стало главной причиной развода с Валентиной, дочерью обеспеченных родителей и вполне успешной самостоятельной бизнес-леди, которая,

тем не менее, не стала возражать, когда Веня благородно предложил ей свою квартиру на Дмитровском шоссе.

А уже потом друзья привели его на курсы компьютерных верстальщиков, и, в конце концов, он нашел вполне пристойную работу с хорошим заработком в еженедельнике «Вольный вечер».

Для начала Веня наскоро перелистал макет. Все было, как обычно.

Репортаж из Музея мебели... Много-много объявлений с предложениями провести досуг в сауне с интимным массажем... Большое интервью Заныкиной-Сидоровой с заезжим испанским скрипачом, мировой знаменитостью... Реклама чуда-средства для усиления потенции... Советы домохозяйки, как правильно солить помидоры... Сенсационные подробности очередного развода эстрадной звезды... Снова досуг, но уже без упоминания о массаже... Рассказ реставратора, как он восстанавливал картину Ван Дейка... Реклама гигиенических прокладок, зубной пасты, мобильных телефонов... Предложения турфирм... Опять досуг, но теперь с круглосуточным вызовом на дом... Рецензия на очередной роман модной и плодовитой авторши романов о неразделенной любви... Реклама еще одного чудо-средства для усиления потенции... Советы психолога... Астрологический прогноз... Четыре кроссворда...

На один короткий миг Вене вдруг припомнилось, что он рассказывал о своей работе там, в городке Салоу, злополучному стоматологу Николаю: «Все в моих руках: сюда картинку, сюда заголовок, сюда текст, а сюда еще одну картинку. Чтобы полоса... ну, журнальная страница, получилась красивой, и людям захотелось ее прочитать, когда они даже они еще не знают, о чем прочитают. А прочитают, и будут знать, где и как им отдохнуть».

Веня вздохнул. Где сейчас симпатичный и компанейский человек Николай, влюбленный в Каталонию, что с ним происходит?

В чем состояла его таинственная деятельность, которой руководил появляющийся из часов на его руке Инструкция?

И почему вознесение стоматолога на небо было незаконным?

Но пора было приниматься за работу. Веня включил компьютер. И очень скоро, как всегда, он увлекся. Незаметно полетело время. Инструкция пока больше не объявлялся.

Глава четвертая
Книжный магазин у метро «Сокол»

Маленький человечек выпорхнул из часов уже под конец рабочего дня, когда Веня дошел до раздела «Наши авторы» на сорок седьмой полосе. Как раз в этот момент он работал с абзацем, посвященным

популярному автору еженедельника «Вольный вечер» Заныкиной-Сидоровой.

Стоя на компьютерном столе, Инструкция с большим интересом стал смотреть в монитор.

— Ух ты, — молвил он, состроив преуморительную гримасу.

— О чем это ты? — не понял Веня.

— Прочитал текст о вашем популярном авторе Заныкиной-Сидоровой.

— Ну и что?

— Она сама это написала?

— Наверное, кто же еще за нее напишет.

— Оно и видно. Амбиций много, а с умом не очень.

— С чего ты взял? — заинтересовался Веня.

— Во-первых, я ее видел. Это ведь ее тот симпатичный человек в очках распекал за ошибки, называя Линой?

— Ну да.

— А во-вторых, прочитал. Вот написано, что объездила Европу во всех направлениях. Очень сильно преувеличивает.

— Откуда ты знаешь? — удивился Веня.

— Чтобы объездить Европу во всех направлениях, нужны десятилетия. Преувеличивает из тщеславия, чтобы пустить пыль в глаза. И вот тут еще написано: плавала на яхте вокруг Северного полюса.

— Ну и что? — сказал Веня. — Она в самом деле, помню, как-то летала в Архангельск, участвовала в какой-то экспедиции, написала репортаж.

— Проплыть на яхте вокруг Северного полюса еще никому не удавалось, — отрезал Инструкция. — В том числе такой вашей прошлой знаменитости, как норвежец Фритьоф Нансен, великий полярный исследователь. Мешают льды, особенно со стороны Канады. Там они для яхт совершенно непроходимы.

Веня воззрился на монитор. Там действительно черным по белому было написано: «Плавала на яхте вокруг Северного полюса».

— Я полагаю, — сказал маленький человечек назидательно, — яхта прошла какое-то расстояние вдоль северного побережья России. Вот это вполне возможно. А она, опять-таки из глупого тщеславия, чтобы придать своей персоне некий романтический ореол, приврала, что плавала вокруг полюса. Не понимает, что знающие люди над ней только посмеются. Колеблюр торсин!

Веня удивился:

— Что-то ты ее, по-моему, невзлюбил.

— Так ведь с первого взгляда все ясно, — усмехнулся в ответ Инструкция. — Женский тип ярко выражен. Таких у вас много, особенно в последнее время.

Инструкция сделал паузу и стал перечислять:

— Самолюбива до крайней степени. Готова на все, чтобы только быть в центре внимания. Искренне убеждена в своей неотразимости. Однако все, что умеет, так это пускать пыль в глаза и создавать у окружающих впечатление ума и способностей. Часто употребляет иностранные слова. Гонится за новомодными веяниями, стремится показать, что она всегда и во всем в курсе. Работать не любит и не умеет, зато на собраниях говорит больше всех. Как у вас в поговорке... э... в каждой бочке затычка. Некоторые окружающие клюют, но ты, к счастью, не в их числе.

Веня хмыкнул, потому что все сказанное было, пожалуй, правдой.

И тут вдруг ему пришла неожиданная мысль.

— Ты так быстро разбираешься в людях?

— Мне иначе нельзя, — отвечал Инструкция.

— Ну, а что тогда ты можешь сказать обо мне? — поинтересовался Веня, слегка смущаясь.

— Ты мягок, не очень энергичен, но работоспособен, — с готовностью отозвался маленький человечек. — Добродушен и отзывчив. Частенько нуждаешься в дружеских советах. Бывает, идешь на поводу у других. Вот с соседом водку пьешь, отказать ему не можешь.

Веня почувствовал, что слегка краснеет, потому что пока характеристика была точной.

— У тебя нет ярко выраженных карьерных устремлений, — невозмутимо продолжал Инструкция. — Не то что у этой Заныкиной-Сидоровой, которая спит и видит себя большой начальницей. Однако тебе нравится хорошо зарабатывать, и это естественно. Ты надежен, хороший товарищ, на тебя можно положиться. Добросовестен. Не глуп. В общем, прекрасно подходишь для той миссии, что тебя ждет. Возможно, даже еще больше, чем Николай, с которым я работал до тебя.

Веня ошеломленно глянул на Инструкцию. Маленький человечек невозмутимо продолжал:

— Еще в тебе сильно развито желание непременно во всем разобраться, докопаться до истины. Иногда это хорошо, иногда нет. Бывают, знаешь, ситуации, когда лучше чего-нибудь не знать.

После таких слов маленький человечек сверху донизу смерил Веню оценивающим взглядом, словно намеревался открыть в своем подопечном что-то еще и добавить к характеристике, но вместо этого сказал другое:

— Кстати, пора! Прямо сейчас и приступим.

— Что я должен делать? — спросил Веня неуверенно, чувствуя, как внутри него проходит холодок.

Невероятные события, в гуще которых он оказался, похоже, быстро выходили на следующий виток. Даже слишком быстро. Впереди была пугающая неизвестность.

— Для начала, — молвил Инструкция, — сесть в машину и поехать, куда я скажу. Заканчивай работу, я тебя жду.

Инструкция исчез в часах. Веня стал машинально, не отрываясь, смотреть на циферблат, потом тряхнул головой. На секунду у него вновь, как это уже бывало, мелькнула мысль: ничего этого на самом деле нет. Сейчас он закончит работу и поедет домой, и все будет как обычно.

Как было всегда.

Сейчас же промелькнула и другая мысль: а что, если сказать маленькому человечку, что ни в какой миссии участвовать он не желает? Категорически не желает!

Тут Веня впервые вдруг отчетливо осознал: стоматолог Николай, выполняющий ту же миссию до него, закончил тем, что вознесся на небо, пусть даже юридически незаконно.

Холодок в груди стал еще ощутимее.

В этот момент, словно бы почувствовав его тревожные мысли, Инструкция объявился снова. Теперь на его лице играла широкая улыбка.

— Ничего страшного тебя не ждет, — пообещал он. — В чем-то твои обязанности будут даже сродни, — он кивнул на кейборд и мышку рядом с ним, — твоей обычной работе. Все очень просто, хотя неполадки, конечно, бывают. Ты справишься. Кстати, довожу до твоего сведения, что тебя ждет хорошее вознаграждение. Причем некоторые его формы могут тебя удивить. Впрочем, выбор всегда останется за тобой.

Выпалив все это очень быстро, Инструкция исчез. Веня снова посмотрел на свои необыкновенные часы, теперь озадаченно размышляя над последними словами своего руководителя, а потом, с усилием, перевел взгляд на экран, на котором все еще светился абзац, сообщавший о плаваниях тщеславной Заныкиной-Сидоровой вокруг Северного полюса и прочих ее жизненных достижениях.

Веня передернул плечами. Что бы ни ожидало его впереди, сначала надо было закончить работу.

Недаром же Инструкция сказал про него, что он добросовестен.

Минут пятнадцать спустя Веня включил принтер, чтобы распечатать готовые полосы макета. Теперь с ними предстояло поработать редакторам — вычитать тексты, сократить хвосты. После этого макет снова поступит к нему, компьютерному верстальщику — для окончательной доводки. Но все это будет уже завтра. А теперь...

Принтер выплюнул из своего рокочущего нутра последний лист. Сложив все аккуратной стопочкой, Веня откинулся на спинку кресла, чувствуя, что под конец дня устал.

Тут же, откуда ни возьмись, рядом с его столом возник Эдуард Борисович. Похоже, у хозяина «Вольного вечера» было развито особое чутье, благодаря которому в любой конкретный момент он знал, чем занят каждый его сотрудник.

Вот сейчас чутье подсказало ему, что Веня закончил макет.

Эдуард Борисович сгреб со стола стопку листов и стремительно удалился, успев, правда, на ходу бросить:

— Молодец, но хорошо бы ты завтра приехал пораньше. Будет для тебя одно очень важное дело. Сможешь?

Вениного ответа он не ждал. И без того было ясно, что компьютерный верстальщик сможет.

Веня выключил компьютер.

Будь что будет, решил он, провожая хозяина долгим взглядом, такая беспросветная жизнь кого хочешь может подвигнуть на встречу с неведомым.

Возможно, перемены в его жизни, обещанные Инструкцией, позволят ему даже не работать больше в «Вольном вечере».

Проходя мимо кабинета Эдуарда Борисовича, он машинально глянул в открытую дверь. Хозяин что-то стремительно черкал дорогим «паркером» на одной из полос макета. В кресле перед его огромным столом расположилась покорительница Северного полюса Заныкина-Сидорова с бокалом жидкости красного цвета — очевидно, хорошего сухого вина. Заодно она вычитывала полосу со своим материалом.

Припомнив недавние слова Инструкции, Веня вдруг понял простую истину — Заныкина-Сидорова делает это именно здесь, а не на своем законном рабочем месте, чтобы показать хозяину, как много она трудится. Одновременно тщеславная женщина о чем-то негромко ворковала, но, услышав Венины шаги, сейчас же умолкла.

Как только Веня сел за руль, Инструкция объявился снова. Маленький человечек занял свое уже привычное место на переднем сиденье — встал на него и оперся руками о торпеду. Веня вдруг поймал себя на том, что стоит только появиться Инструкции, в тот же миг у него самого появляется твердая уверенность в том, что все идет как надо.

А размышления и сомнения начинаются лишь тогда, когда тот непостижимым образом исчезает в его наручных часах.

Иными словами, сомнения приходят в одиночестве.

Веня завел двигатель. Было заметно, что Инструкция с видимым интересом прислушивается к его шуму. Похоже, машинально отметил

Веня, это неведомое бестелесное существо, живущее то в часах, то в табакерках, неравнодушно к автомобилям. Явные признаки этого Веня уже замечал по дороге на работу, когда Инструкция ехал с ним впервые.

— Ну и что скажешь про двигатель? — не удержался он от вопроса.

— Что-то слегка постукивает, — сказал Инструкция озабоченно. — Скорее всего, поршни. Ты ведь не новую машину брал?

— Конечно, не новую. Уже больше ста тысяч прошла. На новую пока еще не заработал.

— Скоро купишь новую иномарку, — пообещал Инструкция. — Советую для начала «Рено Меган II». А пока едем к метро «Сокол». Рядом с ним есть большой книжный магазин. Знаешь?

Веня взглянул на маленького человечка во франтоватом белом пиджаке и крошечной шляпе с маленьким перышком. О новом автомобиле за сегодняшний день тот говорил уже во второй раз.

Почувствовав, как по всему его телу вновь густой волной проходит ощущение нереальности всего происходящего, Веня тряхнул головой и твердо решил с этих пор больше вообще ничему не удивляться, что бы ни происходило в дальнейшем.

— Перед тем как тронуться, мигалку включи, — сказал Инструкция назидательно. — Забываешь, случается. Даже когда перестраиваешься в другой ряд.

Веня добросовестно включил мигалку.

— Значит, книжный магазин у «Сокола»? — переспросил он. — Будем книги покупать?

— Нет, книги нам не нужны, — ответил Инструкция. — Задвинь подсос, двигатель уже прогрелся. Нам нужен сам книжный магазин. Поехали.

Веня тронул «девятку» с места. От Октябрьского поля, где размещалась редакция «Вольного вечера», до метро «Сокол» было рукой подать. Машина доехала туда за десять минут, причем за всю дорогу Инструкция не проронил больше ни слова.

Он словно бы собирался с мыслями, готовясь к чему-то.

Припарковаться неподалеку от книжного магазина оказалось трудно, но Веня все же кое-как втиснулся между двумя машинами прямо на тротуар.

В следующий момент он увидел еще одно чудо: Инструкция каким-то образом прошел сквозь закрытую правую дверцу и оказался на асфальте. Но, дав себе слово ничему больше не удивляться, Веня не удивился. Просто пожал плечами, вышел из машины, закрыл двер-

цу и нажал на брелоке с ключами кнопку, включая охранную сигнализацию.

— Теперь иди за мной, — распорядился Инструкция.

Веня послушно пошел за ним.

Многочисленные прохожие, как следовало ожидать, были для маленького человечка не помехой. Он даже не давал себе труда лавировать между ними, а проходил прямо сквозь их ноги.

Само собой разумеется, никто его не замечал. Веня следовал за Инструкцией в двух шагах, полагая, что тот направляется в книжный магазин.

Но до дверей магазина его бестелесный руководитель немного не дошел. Чуть правее входа в асфальте тротуара виднелись две лежащих рядом крышки водопроводных люков. Возле них Инструкция и остановился.

— Все, пришли на место, — услышал Веня его голос. — Встань на ту, что ближе к дверям магазина.

Веня послушно встал на крышку люка. Он по-прежнему ничему не удивлялся.

Инструкция запустил руку к себе в карман и, встав на цыпочки, вручил Вене какую-то плотную прямоугольную табличку размером с визитную карточку.

Неожиданно, в отличие от самого маленького человечка, она оказалась вполне материальной, однако неизвестно, из какого материала. На ней Веня увидел два слова, причем русскими буквами, но безо всяких признаков смысла.

— Прочитай, — распорядился Инструкция, — только вслух.

— Это заклинание, что ли? — поинтересовался Веня. — Абракадабра какая-то.

— Читай!

Как раз в этот момент Веня непроизвольно обратил внимание на двух проходящих мимо него очень красивых девушек. Одна из них взволнованно сообщала другой:

— И вот тогда я ему и говорю: знаешь что, мой милый...

Веня перевел взгляд на табличку. Слова были очень длинными. Веня прочитал их, чуть ли не по складам.

И сейчас же, несмотря на данное самому себе обещание, ему пришлось очень удивиться.

Словно какой-то вихрь мощной невидимой рукой подхватил Веню, но лишь на один короткий миг, и тут же отпустил, улетев дальше. Однако вместе с вихрем исчезла витрина книжного магазина, как, впрочем, и весь дом, в котором он находился. Исчез ряд торговых палаток за Вениной спиной, исчезли многочисленные прохожие, исчез железный люк под ногами, исчез и сам асфальт тротуара.

Все еще сжимая в пальцах табличку, он стоял неподалеку от огромного каменного сооружения, точь-в-точь пирамиды Хеопса, какой Вене не раз случалось видеть ее на снимках в журналах или по телевизору.

Однако пирамида стояла не на песке египетской пустыни, а посреди большой поляны, окаймленной густым лесом.

Пейзаж был типично среднерусским, в воздухе разливался густой запах травы, полевых цветов и нагретой хвои.

На фоне российских берез и сосен каменное творение древних египтян производило ошеломляющее впечатление. Веня застыл на месте, подняв голову и машинально измеряя взглядом высоту пирамиды.

— Пошли, — услышал он голос Инструкции.

Веня осознал, что маленький человечек стоит рядом с ним.

— Что это? — выдавил из себя Веня, чувствуя, что голос его разом охрип. — Где мы?

— Это пирамида, — ответил Инструкция и вытянул табличку с волшебными словами из Вениных пальцев.

— А где пустыня и песок? — растерянно вопросил Веня. — Это ведь пирамида Хеопса? Где река Нил? Почему лес?

— Да не Хеопса эта пирамида, а наша, — отозвался Инструкция. — Хотя и вправду очень похожа. Да, в общем, такая же, как пирамида Хеопса, чего тут говорить. Пошли, колеблюр торсин!

— Чья это ваша?

Инструкция, оставив вопрос без ответа, двинулся к пирамиде. Веня, как во сне, пошел за ним следом.

Фантастические неожиданности на этом не закончились: когда Веня подошел к пирамиде поближе, перед ним появились два существа размером с теленка, но тела их были львиными, а головы человеческими, с длинными волосами, опять-таки похожими на львиные гривы.

Веня вдруг осознал, на кого похожи эти неведомые существа. Правда, каменный прототип, который ему тоже не раз случалось видеть по телевизору и в журналах, был несравненно больше.

— Сфинксы египетские! — изумленно выдохнул Веня и остановился.

Один из сфинксов принялся обходить Веню кругом, похоже, принюхиваясь к нему, словно собака. Другой сфинкс сел перед Веней на травку и, подняв заднюю лапу, принялся чесать ею за ухом, не спуская при этом с него взгляда. Обойдя Веню несколько раз, рядом с ним уселся на травку и второй сфинкс.

Инструкция приветливо махнул этим фантастическим существам рукой, отчего оба дружно завиляли хвостами, на конце которых были кисточки. Затем маленький человечек заговорил на неизвестном язы-

ке. В нем, как машинально отметил Веня, было очень много шипящих и жужжащих звуков.

Но иногда среди неизвестных слов отчетливо звучало имя «Николай». Несколько раз прозвучало и имя «Веня».

Говорил Инструкция недолго. Сфинксы слушали его, то и дело переводя оценивающие взгляды на Веню. Потом тот, который ходил вокруг Вени, что-то коротко ответил Инструкции на том же шипяще-жужжащем языке. Ответ был примерно таким:

— Жжжин-шшарп-ишш-жжж.

Другой сфинкс встал и тоже несколько раз обошел вокруг Вени. Потом он молвил короткую шипяще-жужжащую фразу первому сфинксу, отчего тот вдруг расхохотался, закидывая назад голову.

Хохочущий во все горло сфинкс представлял собой сюрреалистическую картину, и Вене в который уже раз очень захотелось проснуться.

— Пошли, все в порядке, — услышал Веня баритон Инструкции. — Это стражи. Они тебя приняли и запомнили.

Веня тряхнул головой и двинулся вслед за Инструкцией к пирамиде. Сфинксы остались на месте, Веня спиной чувствовал, что стражи внимательно смотрят ему вслед. Но уже не оценивающе, а как-то по-доброму.

Все, что происходило дальше, было продолжением этого театра абсурда, и Веня стал достойным его актером.

Для начала Инструкция остановился в двух шагах от пирамиды и снова что-то молвил на шипяще-жужжащем языке. Сейчас же часть каменной кладки растворилась в воздухе, и открылся узкий коридор, ведущий в глубь пирамиды.

Веня двинулся по нему следом за Инструкцией, машинально отмечая, что на стенках коридора видны египетские иероглифы.

Коридор привел в просторный, но низкий зал, тускло освещенный, хотя источников света нигде не было видно. Здесь уже ничто не напоминало о Древнем Египте: в центре стоял огромный помост, на котором громоздилась неведомая аппаратура непонятного назначения — сложное переплетение проводов, деталей неописуемого вида, циферблатов приборов и разноцветных лампочек.

Над этим хаотическим нагромождением — Веня не поверил своим глазам — возвышался монитор, точь-в-точь как компьютерный, только несравненно больших размеров. При нем было нечто, отдаленно напоминающее кейборд соответствующей величины.

— Пришли, — сказал Инструкция. — Здесь ты должен кое-что сделать.

Сюрреалистический сон продолжался. Экран осветился, и Веня увидел внутри него шеренгу человеческих фигурок, протянувшуюся

от одного края экрана к другому. Фигурки оказались объемными, словно экран был стереоскопическим.

В глубь экрана, позади фигурок, тянулся желтый песок, а вдали виднелось солнце, чуть-чуть прикрытое легким белым облачком.

Приглядевшись, Веня понял, что лица у всех фигурок разные. Одни были бородатыми, другие гладко выбритыми, третьи с бакенбардами, четвертые с усами.

Значительно разнились и одежды на фигурках. Крайний слева мужчина с густой черной бородой, очень мощный на вид, оказался облаченным в кольчугу, в левой руке держал круглый щит, и был вооружен боевой секирой. Крайний справа молодой человек был в синих линялых джинсах и черной майке.

Фигурки между ними словно бы иллюстрировали историю моды, причем явно в хронологическом порядке, слева направо. Здесь были люди, облаченные в боярские шубы и высокие меховые шапки, в кафтаны, в русские рубахи навыпуск, во фраки и цилиндры, в сюртуки, в шинели, плащи, пиджаки.

Мужчины чередовались с женщинами, тоже одетыми по моде разных эпох и с различными прическами. Веня машинально задержал взгляд на одной из женщин, и в его памяти вдруг всплыло красивое слово, которое ему приходилось слышать, однако точного значения которого он не знал, — «кринолин».

Это были словно бы куклы, но вместе с тем в них ясно ощущалась определенная одушевленность. Вене не удивился бы, если б они разговаривали друг с другом, но они все-таки стояли молча.

— Видишь, — деловито сказал Инструкция, — строй не очень ровный. Тот, что во фраке, чуть вышел вперед.

— Ну и что? — спросил Веня.

— Непорядок, — сокрушенно молвил Инструкция. — Поэтому и облачко появилось на солнце.

— Тебе виднее, — сказал Веня просто для того, чтобы что-то сказать.

Диалог, понимал Веня, был совершенно нелеп, но вполне соответствовал абсурду всего происходящего.

— Вот ты и должен выровнять строй, — тоном, не терпящим возражений, сказал Инструкция. — Именно ты, и никто другой.

— Можно, конечно, попробовать, — сказал Веня, чтобы не огорчать Инструкцию, — но я не знаю как.

— Подойди ближе, — распорядился Инструкция. — Видишь на столе то, что теперь у вас называется кейбордом?

Вблизи огромный кейборд оказался очень странным. Если точнее, это был просто большой прямоугольник, похожий на обыкновенную доску с рядами клавиш.

Клавиши тоже были непомерно большими, и на них не было ни букв, ни цифр, только непонятные значки.

— Вот и действуй, — сказал Инструкция. — Определенная комбинации клавиш должна вернуть того, что во фраке, на место.

Веня внимательно посмотрел на Инструкцию, а потом на доску с клавишами. «А почему бы и нет?» — подумал он. В конце концов, то, о чем просил маленький человечек, было не более странным, чем все абсурдные события, которые Веня уже пережил.

Наугад он нажал на одну из клавиш, и человек в кольчуге стал после этого стремительно удаляться в глубь экрана. Столь же стремительно облачко на солнце стало наливаться синевой.

— Стой! — крикнул Инструкция. — Я же тебе еще не сказал, что нажимать.

— Что же ты сам не нажмешь, если знаешь, как надо, — удивился Веня.

— Не имею права, — ответил Инструкция.

— А я, выходит, имею? — удивился Веня еще больше. — С какой же стати?

— А ты имеешь.

— Почему?

— Потому, что имеешь, — отрезал Инструкция.

— Чудеса в решете! — сказал Веня. — Ну, давай, что ли, показывай.

Инструкция показал. Ничего сложного в этом не было. Нажать пришлось, Веня подсчитал, всего-то девять клавиш. Две из них, правда, по два раза. Воин в кольчуге вернулся на место, а фигурка во фраке подвинулась назад.

И сейчас же с солнца в глубине экрана исчезло облачко.

— Теперь все в порядке, — удовлетворенно молвил Инструкция. — Можно возвращаться.

Веня все смотрел и смотрел на ровный строй фигурок в глубине экрана, которые тоже были актерами в этом театре абсурда. Инструкции пришлось потянуть его за руку, причем Веня почувствовал, что бестелесное существо вдруг стало телесным и к тому же наделенным немалой силой.

Дальше, как во сне, Веня снова оказался на поляне возле пирамиды. Инструкция протянул ему прежнюю табличку с заклинаниями.

— Читай!

Веня прочитал, и сейчас же его вновь подхватила мощная рука невидимого вихря, чтобы отпустить уже на крышке люка, чуть правее входа в книжный магазин.

Первое, что Веня увидел, так это двух очень красивых девушек, проходивших мимо. Тех самых, на которых он успел обратить внима-

ние за секунду до того, как отправился с этого места в свое сюрреалистическое путешествие неизвестно куда. Одна из девушек взволнованно сообщала другой то, что Веня уже слышал как раз в момент отправления:

— И вот тогда я ему и говорю: знаешь что, мой милый...

Похоже, пронеслось у Вени в голове, я вернулся в тот же самый миг, из которого исчез. Может ли такое быть?

Наверное, понял он, теперь может быть абсолютно все.

А еще Веня понял, что мощный вихрь, переносивший его с места на место, был абсолютно незаметен для всех остальных. Потому что никто из прохожих не обратил на появление Вени ни малейшего внимания.

Удивительное дело, Инструкции рядом с ним не оказалось. Исчезла неизвестно куда и табличка с заклинанием, которая только что была у Вени в руке.

Веня вытер ладонью лоб и сошел с крышки люка. Он еще немного поискал вокруг себя глазами Инструкцию, но так и не нашел. Машинально он даже сильно тряхнул рукой, на которой были часы, но ничего не изменилось.

Пожав плечами, Веня повернулся и пошел к своей машине.

По дороге он еще раз дал себе слово ничему больше не удивляться, что ни происходило бы в дальнейшем. И лучше даже не думать ни о чем. Раз судьба вовлекла его в невероятные события, надо и дальнейшее предоставить судьбе.

А если будешь думать, недолго получить нервное расстройство или даже что-нибудь похуже.

И все же напоследок он подумал: да кто же он такой, этот Инструкция? Инопланетянин? Вряд ли, поскольку инопланетян надо, конечно, ожидать из космоса, а не из наручных часов.

Скорее уж, джинн, наподобие старика ибн Хоттаба, только современного облика, и живущий не в сосуде, а в часах. Вот в этом случае все происходящие в последнее время чудеса имеют объяснение.

Или, вернее, имеет объяснение само наличие чудес.

А для чего они происходят, пока совершенно непонятно.

Потому что в поведении сказочных джиннов, когда они общались с простыми людьми, была хоть какая-то логика, которой здесь совершенно не просматривалось.

Для чего, например, надо было в этой пирамиде нажимать на клавиши гигантского кейборда? Почему сам джинн не имеет права этого делать?

И где вообще находится эта пирамида? Неужели в столь дремучих местах, что никто даже не подозревает о ее наличии?

А как же спутники-шпионы, которые, как говорят, способны с орбиты прочитать номер автомобиля?

Тут нить Вениных размышлений прервалась, потому что, оказалось, какой-то наглый «Рено Меган II» загородил ему выезд с тротуара. Пришлось дожидаться хозяина, который отлучился за пачкой сигарет. А когда хозяин объявился и, не извинившись, уехал, Веня, добросовестно включая мигалку, вдруг кое-что припомнил.

Инструкция обещал, что скоро у него, Вени, появится новая машина. И советовал остановить выбор именно на «Рено Меган II».

Глава пятая
«Ты лучше об этом не думай»

Следующие несколько дней у Вени были заполнены тяжким трудом на кровососа Эдуарда Борисовича. И Веня свято следовал данному самому себе обещанию ни о чем больше не думать.

К тому же на размышления просто не было времени. Потому что хозяину вдруг пришла мысль помимо еженедельника «Вольный вечер» затеять ежемесячный журнал под названием «Эдик». И Веня, как и вся редакция, был задействован в этом начинании по полной программе. Он уезжал из дома рано утром и возвращался поздно вечером, без сил.

Тем не менее через два-три дня такой беспросветной жизни, Веня вдруг поймал себя на мысли: то, что Инструкция почему-то больше не объявляется, начинает его удивлять. Веня даже стал чаще поглядывать на свои часы фирмы Casio.

Однажды в редкую свободную минуту на своем рабочем месте ему пришло в голову покрутить стрелки — и вперед и назад. Ничего не произошло. Тогда Веня вновь поставил на часах точное время, и некоторое время сидел, внимательно глядя на циферблат.

Ничего не происходило.

А может, их надо потереть, мелькнула неожиданная мысль, как Аладдин тер свою волшебную лампу? Веня добросовестно потер корпус часов ладонью. Ничего не произошло.

Он потер часы с другой стороны. Никакого результата. Больше тереть не пришлось, потому что рядом с его столом уже объявился Эдуард Борисович с ворохом новых идей.

В тот же вечер, поздно возвращаясь домой, Веня вдруг обнаружил, что улицу маршала Бирюзова, на которую надо было свернуть, чтобы попасть домой, в Строгино, он проехал и мчит прямо к «Соко-

лу». Словно какая-то неведомая сила заставила его поставить машину неподалеку от книжного магазина и найти тот самый люк в асфальте.

Люк был как люк. Вернее, их было целых два, один почти вплотную к другому. Веня встал на крышку того, что был ближе к входу в книжный магазин. Именно так тогда велел ему поступить Инструкция.

Зачем он сделал это теперь, Веня не знал. Не собирался же он, в самом деле, произносить заклинание, чтобы унестись к находившейся неизвестно где пирамиде. Тем более что и слов-то он не запомнил, поскольку они были длинными и неудобопроизносимыми.

Стоя на крышке люка, Веня машинально поднес к глазам циферблат часов и стал следить за движением секундной стрелки. Ничего не происходило. Веня пожал плечами и отдал себе отчет: то, что Инструкция больше не появляется, наполняет его душу смутным беспокойством, даже тревогой.

Тут Веня поймал на себя удивленный взгляд прохожего и понял, что человек, стоящий на крышке люка в густой вечерней толпе, не отрывая глаз от своих часов, производит странное впечатление. Чтобы не привлекать к себе внимания, он поспешно сошел с люка и стал делать вид, что увлеченно рассматривает витрину книжного магазина.

Там, отметил он машинально, было все, что положено: приключения доблестных сыщиков, безжалостных киллеров, неподкупных налоговых инспекторов, практические руководства по астрологии, тайны кремлевских вождей и прочие «Доллары царя Гороха», обычный круг чтения среднего россиянина начала двадцать первого века.

Понятно, того среднего россиянина, который имеет склонность к чтению книг.

Когда Веня вернулся домой, у него мелькнула даже мысль разобрать удивительные часы и посмотреть, что там внутри. Но тут же он отогнал мысль прочь. Разобрать-то было нетрудно, но кто знал, что произойдет дальше. И что случится, если потом не сумеешь их собрать...

И все-таки два дня спустя Инструкция объявился вновь, но только на один миг. Произошло это в воскресный полдень, в тот момент, когда в соседе Алексее Васильевиче (жена Нина Ивановна куда-то отлучилась по делам) после третьего тоста «за любовь» как всегда что-то щелкнуло и запустился его монолог о судьбах России.

— Наш царь Петр, — заговорил кандидат наук, — к несчастью, и предположить не мог...

Поставив свой опустевший стакан на стол, Веня вдруг увидел прямо перед собой возникшего Инструкцию.

Маленький человечек небрежно, но грациозно прошелся между тарелками, глянул на толсто нарезанный сыр и скорчил неодобрительную гримасу. Затем левой рукой он облокотился на бутылку

«Флагмана», уже наполовину опустевшую, и вдруг погрозил Вене пальцем другой руки.

Веня машинально отметил, что ростом Инструкция лишь немногим выше бутылки. Подумать ни о чем другом он не успел, потому что, не произнеся ни слова, маленький человечек тут же облачком унесся в его часы.

Само собой разумеется, Алексей Васильевич ничего этого не заметил.

— А о чем тут говорить, — продолжал он свой нескончаемый монолог, — если уж даже ближайший сподвижник Петра Меншиков, посадив на трон Екатерину...

Неожиданное появление и стремительное исчезновение Инструкции произвело на Веню сильное впечатление. С этого мгновения, чокаясь с Алексеем Васильевичем, он стал только чуть-чуть отпивать из своего стакана, усердно подливая соседу.

По счастью, увлеченный собственным монологом, тот уже мало что замечал. Результат был налицо: не прошло и получаса, как монолог кандидата наук стал ослабевать, а вскоре и вовсе прекратился. Из последних внятных слов соседа Веня понял, что тот изъявляет желание отправиться к себе, чтобы немедленно отойти ко сну.

Веня бережно довел Алексея Васильевича до его двери, а вернувшись к себе, совершил неожиданный поступок: поддавшись мгновенному импульсу, вдруг набрал номер Николая из Химок.

Что он будет говорить, если злополучный стоматолог непостижимым образом вдруг окажется дома (в это очень мало верилось), Веня, правда, совершенно не представлял. Но поступок привел к удивительному результату.

— Да, это я, Николай, — услышал Веня.

Похоже, голос в самом деле принадлежал Николаю. Чувствуя, как у него гулко заколотилось сердце, Веня зачем-то переложил трубку из одной руки в другую и брякнул первое, что пришло в голову:

— Привет из Каталонии, из города Салоу.

— Кто это? — с заметным удивлением спросила трубка.

— Это я, Вениамин, — сказал Веня. — Мы с тобой вместе пили пиво, а потом на пляже...

— В Салоу? — осведомилась трубка.

— В Салоу, — ответил Веня. — Мы с тобой... с вами обменялись телефонами.

— Веня? — спросила трубка. — Я действительно только что прилетел из Каталонии, но что-то, простите, не припоминаю...

— Познакомились в мы в баре, — сказал Веня, понимая, что разговор идет как-то не так. — Сначала, вроде, пили «Карлсберг», потом

пошли в другой бар. Ты... вы рассказывали о Каталонии, о короле Хуане... кажется, Карлосе.

Трубка немного помолчала. Потом снисходительно молвила:

— Пиво в Салоу я, конечно, пил. В свое удовольствие. Я же был в отпуске. Не исключаю, что мы действительно виделись. Так чему обязан?

— Ты... вы ведь стоматолог? — задал Веня неуклюжий вопрос, чувствуя уже сильную растерянность.

— Ах, вот в чем дело, — ответил Николай. — Что же вы сразу-то не сказали? Значит, мы действительно встречались, раз у вас мой телефон. Если есть какие-то проблемы, милости прошу. У меня четыре клиники в Химках, в любой вас с радостью примут. Где вы живете?

— Послушай, Коля, — сказал Веня очень значительно. — Нам надо с тобой о многом поговорить. У меня твои часы. Ты мне их кинул на пляже и велел взять.

Трубка удивилась:

— Кинул часы? На пляже?

Последовала пауза. Потом Николай сухо сказал:

— Мои часы у меня на руке. Ничего не понимаю. В чем, собственно, дело?

— У тебя часы Casio? — спросил Веня, стараясь, чтобы название фирмы прозвучало как можно значительнее. — На черном пластиковом ремешке?

— Я своих часов никому никогда не кидал, — сказал Николай с заметным раздражением.

Веня набрал в грудь побольше воздуха.

— Коля! Допускаю, что ты меня тогда в темноте не узнал. Но на пляже был я, и я все видел. Свои часы ты бросил мне в тот момент, когда... в общем, ты велел мне их взять. Теперь я все знаю. Из этих часов появляется Инструкция. И я вместе с ним уже был в пирамиде. Он сказал, что раньше работал с тобой.

На этот раз пауза была долгой. Наконец Николай сказал:

— Послушайте, вы в своем уме? Какая пирамида? Кто появляется из часов?

Веня отчаянно брякнул самое последнее, что он мог сказать:

— Коля, я видел, как ты вознесся в небо. Тогда, на пляже в Салоу, вечером в грозу. Инструкция говорил, что юридически это было незаконно. И я рад, что у тебя все обошлось. Может, ты мне по какой-то причине не доверяешь? Что ж, вполне возможно. Но еще раз повторяю: мне все известно. И лучше бы нам встретиться, потому что многого я не понимаю.

Теперь трубка ответила без запинки:

— Бред какой-то! Вам надо лечиться не у стоматолога. Не вижу смысла продолжать разговор.

В трубке послышались частые гудки.

Все-таки Веня был не совсем трезв. Поэтому машинально он набрал номер стоматолога Коли во второй раз, после чего услышал в ответ:

— У меня телефон с определителем номера. Могу вас вычислить и прислать скорую психиатрическую помощь на дом. Вы этого добиваетесь?

Снова раздались частые гудки.

На донышке бутылки еще оставалось немного «Флагмана». Веня вылил остатки водки в стакан и осушил одним махом.

Ясно было, что разговаривать с Николаем бессмысленно. Раз стоматолог не хочет признаваться, что бросил свои часы Вене, значит, не хочет. Вполне возможно, на это у него есть какие-то веские причины.

Тут Вене вдруг пришла другая мысль: есть ведь разговоры, которые называют «не телефонными». Может, в этом все дело?

Полной уверенности в том, что телефонные откровения — тайна двух людей, конечно, ни у кого и ни в какой стране нет. Россия не исключение. Но если так, Коля мог бы хоть намекнуть, что все понял, пригласить, например, в одну из своих клиник, чтобы потом поговорить наедине.

Не намекнул, не пригласил...

И все-таки, если там, в Салоу, злополучный стоматолог унесся в небо, вдобавок уменьшившись в размерах, каким образом сумел вернуться на Землю?

Веня потянулся к пустой бутылке, решив прибраться после нехитрого застолья, и в этот миг снова увидел на столе Инструкцию. Маленький человечек побарабанил пальцами по этикетке и бросил на Веню укоризненный взгляд.

— Опять пьешь?

Вене вдруг стало очень стыдно.

— Сосед пришел, ему грустно было, — сказал он с извиняющимися интонациями. — Да и у меня, говоря по правде, на душе как-то...

— А почему «Флагман»? — осведомился Инструкция.

Веня недоуменно пожал плечами.

— Не знаю, сосед всегда приносит «Флагман».

Инструкция хмыкнул.

— «Флагман» лучше не пей. Если уж пить, то «Посольскую». Или калужский «Кристалл».

Веня воззрился на маленького человечка с безмерным удивлением.

— Ты-то откуда знаешь? Сам, небось, водку не пьешь, раз... бестелесный.

Инструкция вдруг ухмыльнулся.

— Ну, не будь таким категоричным! Мне тоже иногда надо расслабиться. Однако способы у меня совсем другие. Эффект, видимо, примерно тот же, что от водки, но добиваюсь я его не путем пития.

Испытующе посмотрев на Веню, маленький человечек добавил:

— Не исключено, когда мы с тобой сработаемся, случится нам и вместе расслабляться. Ты своим способом, я своим. Но «Флагман» больше не пей. Знаю, потому что я любознателен и изучаю все, что меня окружает.

Веня взял пустую бутылку и унес на кухню, чтобы бросить в мусорное ведро. Вслед ему донеслось:

— А сыр надо тонко резать. Тонко, как только возможно.

Вдруг испугавшись, что Инструкция опять может столь же стремительно, как появился, исчезнуть, Веня бросился обратно в комнату. Но маленький человечек оставался на столе. Теперь, сокрушенно покачивая головой, он взирал на неаккуратно взрезанную банку сайры.

Стоя в дверях, Веня очень тихо сказал:

— Может, ты мне наконец объяснишь, что происходит?

— А что происходит? — небрежно поинтересовался Инструкция.

Веня сделал широкий жест, словно обводя руками сразу все вокруг.

— Ну, эти пирамиды, расположенные неизвестно где. Люки возле книжного магазина, заклинания, клавиши, которые я должен нажимать. Зачем это все?

— Ты лучше об этом не думай, — столь же небрежно посоветовал Инструкция. — Делай свое дело и все. Привыкнешь постепенно.

— А что я должен делать? — вырвался у Вени отчаянный вопрос.

Инструкция широко улыбнулся:

— Колеблюр торсин! Я-то думал, ты уже все понял! Дел у тебя немного: всего-то следить за фигурками на экране и поправлять строй, если что-то не так. Строй всегда должен быть ровным.

— Зачем? — спросил Веня.

Инструкция улыбнулся еще шире.

— Чтобы на солнце не было ни облачка. В глубине экрана.

Веня сжал виски ладонями.

— Кому это нужно? — спросил он.

— Кому нужно, тому и нужно! — отрезал Инструкция. — Оставь эту свою привычку размышлять и принимай все как есть. Разве труд-

но раз в несколько дней заглянуть в пирамиду и поправить строй? Да и то, поправлять надо не всегда, только если строй нарушился. У вас подобная необременительная работа, насколько я знаю, называется синекурой. Тебе скоро многие завидовать начнут!

Осознав, что истины вновь не добиться, Веня сделал глубокий вздох и перевел разговор на другую тему. Тем более, тема была. Однако уверенности, что ему удастся прояснить ситуацию хотя бы здесь, у Вени опять-таки не было.

— Я Николаю позвонил, — сказал Веня значительно. — И застал его дома. Николай вернулся.

— Так и должно быть, — ответствовал Инструкция равнодушно. — Как же иначе?

Веня покрутил головой, собираясь с мыслями.

— Значит, он должен был вернуться обязательно? — вопросил он с безграничным удивлением.

— Вот и вернулся, раз ты с ним говорил.

— Тогда объясни, — вскричал Веня, — почему он делает вид, что никаких часов мне не бросал и вообще меня не помнит?

Инструкция ответил:

— Потому что Николай ничего не знает. И тебя он тоже не знает.

Веня воззрился на Инструкцию широко раскрытыми глазами.

— Но он же вернулся!

— Конечно, вернулся, — подтвердил Инструкция. — Отчасти.

— Как это можно отчасти вернуться? — вскричал Веня, чувствуя, что в его голове происходит что-то не то. — Я ведь говорил с Николаем? С тем самым, с которым пил пиво в Салоу, и который улетел в небо? На моих глазах. Улетел, как ты говорил, незаконно.

— Конечно, незаконно. И, конечно, ты говорил по телефону с Николаем, — согласился Инструкция. — С тем самым, с которым в Салоу ты пил пиво.

— Тогда почему... — начал Веня, но был оборван на полуслове.

— Послушай, — молвил Инструкция с заметным раздражением. — Колеблюр торсин! Мне твои вопросы начинают надоедать. В последний раз повторяю: поменьше думай. Все идет, колеблюр торсин, как надо! В следующий раз встретимся, когда тебе придет пора работать. До свидания, колеблюр торсин!

Веня успел выкрикнуть:

— А что будет, если я откажусь выравнивать строй?

— Как же ты можешь отказаться? — искренне удивился маленький человечек. — Ведь это в твоих собственных интересах.

— В моих? — изумился Веня.

Ответа он не получил. Легкий вихрь пронесся со стола к Вениным часам, исчез в них, и Веня остался один.

Некоторое время он продолжал смотреть на свои необыкновенные часы. В голове его медленно крутился вопрос: а что произойдет, если он пойдет и выбросит их в Москву-реку? Благо она протекает прямо под окнами дома...

Потом зазвонил телефон, и Веня даже вздрогнул. Поднимая трубку, он почему-то был уверен, что услышит голос одумавшегося стоматолога, который все-таки решил, что обязательно должен с ним встретиться.

Однако это была брянская офис-менеджер Ольга. Голос ее, как всегда, был наполнен такой энергетикой, что Вене даже далеко отставил трубку от уха. Но все равно было громко. Говорила Ольга, как это было и во время курортного романа, короткими электрическими фразами, и каждая заканчивалась восклицательным знаком!

— Я в Москве по делам! — сообщила телефонная трубка. — Но теперь я уже совершенно свободна! Поезд у меня только поздно вечером. Не предупредила заранее, хотела сделать тебе сюрприз! Ты мне рад, надеюсь?!

Веня вдруг поймал себя на том, что сюрприз, конечно же, получился, а вот в том, рад ли он неожиданному приезду офис-менеджера, полной уверенности у него нет.

— Колеблюр торсин! — вдруг вырвалось у него совершенно непроизвольно, и он поспешил отвести трубку в сторону. — Разумеется, рад, — сказал он потом. — Я дома, давай приезжай.

Веня рассказал, как к нему надо ехать. И Ольга появилась столь быстро, словно перемещалась не по земле, а в воздухе, кратчайшим путем по прямой.

А когда офис-менеджер переступила порог квартиры, Инструкция вдруг объявился вновь. Но только на мгновение: маленький человечек оглядел брянскую гостью с ног до головы, с явным неодобрением хмыкнул и опять исчез.

В неожиданном появлении Ольги было, однако, и кое-что хорошее: по крайней мере, как и советовал ему Инструкция, Веня действительно перестал думать. И так продолжалось до позднего вечера, пока он не проводил офис-менеджера на вокзал.

Глава шестая
«На солнце, видишь, ни облачка»

Оказалось, что время выполнять свою таинственную функцию во второй раз пришло Вене уже на следующий день, то есть в понедельник. Инструкция появился из часов в самый разгар работы, когда Ве-

ня в четвертый раз переверстывал первую полосу журнала «Эдик», а Эдуард Борисович, самолично написавший обращение к читателям «От издателя», стоял позади Вени, взирая на экран через его плечо.

Над другим плечом в ухо компьютерному верстальщику дышала тщеславная женщина Заныкина-Сидорова, сочинившая в пилотный номер материал о знаменитых людях разных времен, носивших имя Эдуард, и дожидавшаяся, когда Веня дойдет, наконец, и до него.

Инструкция, судя по всему, теперь был настроен игриво. Первое, что он сделал, так это состроил уморительную рожицу, глядя прямо на Заныкину-Сидорову. Потом, бросив быстрый взгляд на экран и прочитав название нового издания, маленький человечек ухмыльнулся и вдруг громко и нараспев произнес:

— Эдик-педик! Колеблюр торсин!

Высказав это, Инструкция саркастически расхохотался, а Веня даже вздрогнул, но тут же сообразил, что никто, кроме него, маленького человечка не видит и не слышит.

Теперь Инструкция обратился к нему самому:

— Сегодня опять поедем к книжному магазину на «Соколе». Ты меня понял? Как закончишь все дела с этим своим Эдиком-педиком, так и поедем.

Веня молча кивнул. Инструкция бросил на него веселый взгляд.

— По-моему, ты забыл, — сказал маленький человечек. — Когда ты обращаешься ко мне в присутствии посторонних, то попадаешь в противофазу, и никто тебя не слышит. Ну-ка, скажи, что ты меня понял.

— Я тебя понял, — сказал Веня осторожно, бросив при этом взгляд через плечо на Эдуарда Борисовича.

Хозяин на его слова никак не прореагировал. Заныкина-Сидорова тоже.

Тогда, осмелев, Веня добавил:

— Когда закончу все дела, поедем к книжному магазину на «Соколе».

Инструкция от души рассмеялся.

— Вот и молодец. Начинаешь привыкать. Дальше, вот увидишь, у нас с тобой все само собой пойдет.

Похвалив такими словами своего подопечного, Инструкция, видимо, уже совсем собрался скрыться в часах, но затем напоследок решил созорничать: вихрем пронесся сквозь Заныкину-Сидорову, совершил круг над ее головой, постучал по ней своим крошечным пальчиком, сделал вид, будто прислушивается к стуку, и только потом скрылся.

Чтобы удержать невольную улыбку, Веня стал напряженно смотреть в экран. Хозяин же, стоя над ним, размышлял, где поместить свой портрет — справа, слева, вверху или посередине полосы.

Веня стал пробовать разные варианты. Заныкина-Сидорова то и дело влезала со своим мнением, но хозяин, похоже, оставлял ее слова без внимания.

Вечером, когда Эдуард Борисович отпустил, наконец, Веню домой, попросив завтра прийти пораньше, в точности началось повторяться то же самое, что и в первый раз.

Девятка мигом домчалась до «Сокола». Припарковав машину, где удалось, поближе к книжному магазину, Веня опять встал на крышку люка. Как и тогда, Инструкция протянул ему табличку с заветными словами. Веня прочитал их, и, как следовало ожидать, мощный вихрь подхватил его и отпустил уже у подножия пирамиды, стоявшей посреди леса.

Однако теперь оглушительного эффекта неожиданности уже не было, и Веня присматривался ко всему гораздо внимательнее.

Так, например, он сразу отметил, что лица у сфинксов египетских были разными. У одного черты оказались более тонкими, возможно, женскими.

Отметил он также и то, что на этот раз Инструкция не говорил сфинксам никаких речей, просто кивнул и прошел мимо. Оба эти существа при виде Вени дружелюбно завиляли хвостами, словно большие собаки.

Хотя, как и положено сфинксам египетским, были, конечно, львами с человеческими лицами.

В узком коридоре, ведущем в глубь пирамиды, на этот раз Веня отчетливо ощутил холод, исходящий от камня, — в прошлый раз, потрясенный всем, он его даже не почувствовал. И к тому, что было внутри низкого зала, где они с Инструкцией в конце концов опять оказались, теперь Веня присматривался гораздо внимательнее.

Зал был квадратным, просторным, но освещался только огромный помост в самом центре. Стены почти терялись в полумраке.

На помосте в прежнем беспорядке громоздились неведомые детали, циферблаты, сложно перепутанные провода, в серпантине которых кое-где горели разноцветные огоньки.

Разглядывая весь этот хаос, Веня вдруг отчетливо осознал, что он напоминает ему сюрреалистические картины знаменитого художника Сальвадора Дали, наподобие тех, что не так давно ему довелось видеть в каталонском городе Фигерасе.

Зато на огромном экране, как сразу же понял Веня, на этот раз строй объемных фигурок пребывал в идеальном порядке. Все стояли ровно, плечом к плечу, как шеренга солдат на параде. Слева направо можно было проследить эволюции мужских и женских нарядов, от здоровяка в кольчуге до молодого человека в джинсах.

Удивительное дело, теперь Вене показалось, что на самом деле эти фигурки живые. Он даже обернулся на Инструкцию, чтобы спросить его, так ли на самом деле, но как раз в это мгновение маленький человек удовлетворенно произнес:

— На солнце, видишь, ни облачка! Все отлично!

— Это получается, ничего выравнивать не надо? — сообразил Веня. — И что теперь?

— Ничего, — ответствовал Инструкция. — Нажми левую верхнюю кнопку... да, вот эту, правильно... и можно отправляться восвояси.

Веня добросовестно нажал левую верхнюю кнопку.

— Зачем нажимать? — поинтересовался он. — Если и так все в порядке.

— Это подтверждение того, что все в порядке, — сказал маленький человечек. — В идеале так должно быть всегда.

— А отчего это зависит, можешь сказать? — спросил Веня.

— От безукоризненной работы всех систем, — ответил Инструкция, бросив на него косой взгляд. — Опять задаешь вопросы?

Все-таки Веня задал еще один вопрос:

— И часто надо... выравнивать строй?

Инструкция бросил на него новый косой взгляд, но все-таки ответил:

— Раз в шесть дней. Если все идет нормально.

Веня продолжал задавать вопросы:

— Этим же до меня занимался Николай?

— Как же ты догадался? — хмуро, но с явными ироничными нотками сказал Инструкция. — Именно этим, причем очень долгое время. Прошу на выход!

Не обращая на него больше никакого внимания, Инструкция двинулся к выходу, и Веня — не оставаться же одному внутри пирамиды — последовал за ним. Спустя несколько мгновений вихрь отпустил его на знакомой крышке люка, чуть правее входа в книжный магазин. Как и в прошлый раз, Инструкции рядом с ним уже не было.

Веня сошел с люка, бросив, по сложившейся уже привычке, взгляд на витрину с книгами, чтобы ничем не отличаться от обычных людей.

Хоть Веня и давал себе слово, причем уже не раз, не ломать больше голову над событиями, в которые оказался втянут, но вечером в этот день он опять занят был тем, что предавался размышлениям. Вернее, осмысливал все, что с ним происходило в последнее время.

Потому что в происходящем, несмотря на всю его абсурдность уже просматривалось некое подобие определенности.

Веня сидел на кухне, пил пиво, называющееся «Стелла Артуа», но имевшее существенные отличия от того «Стелла Артуа», что производят на его исторической родине, в Бельгии, наблюдал за пузырьками в бокале, и почему-то вид пузырьков помогал выстраивать в уме цепочку построений, логически вытекающих одно из другого.

Итак, размышлял Веня, в обязанность ему вменялось раз в шесть дней переноситься с крышки люка неподалеку от книжного магазина на «Соколе» в неизвестно где находившуюся пирамиду, которую охраняют два живых (по крайней мере, двигаются они так, словно живые) египетских сфинкса. Правда, весьма миниатюрных, если сравнивать с их каменным прототипом.

Там, в пирамиде, под руководством Инструкции, ему, Вене, надлежало выравнивать строй удивительных фигурок внутри экрана. Эту абсурдную работу маленький человечек, обитавший в его наручных часах и выходивший из них по мере необходимости, называл синекурой. И, между прочим, прозрачно намекал на то, что эта и в самом деле весьма необременительная работа щедро оплачивается.

Причем, настолько щедро, что в недалеком будущем он, Веня, мог бы купить себе «Рено Меган II».

Кстати, припомнил Веня, там, на берегу Средиземного моря, бросая ему свои часы, Николай крикнул, что они принесут своему новому владельцу много пользы...

Сам Николай, по признанию Инструкции, выравнивал строй фигурок в течение очень долгого времени. Значит, подумал Веня, ему приходилось приезжать к книжному магазине на «Соколе» из своих Химок? Или в Химках тоже есть какая-то своя крышка люка?

Как бы то ни было, волей случая ему, Вене, пришлось сменить Николая.

Веня сделал добрый глоток «Стеллы Артуа» и сразу же осознал, что на этом некое подобие определенности в его логических построениях заканчивается. Дальше начиналась полная неопределенность.

Какой смысл имело это выравнивание строя раз в шесть дней? Инструкция сказал — чтобы на солнце в глубине экрана не было ни облачка? Это было похоже на неведомый обряд непонятного назначения, прямо мистика какая-то.

А что будет, если солнце закроется тучами? Почему этого нельзя допускать?

И отчего Инструкция не имеет права нажимать кнопки, а он, Веня, имеет? Кто дал ему это право, когда дал?

Тут Веня даже поежился, не в первый уже раз осознав, что таинственное вознесение Николая в небо было, безусловно, связано как раз с тем, что он многие годы выравнивал строй.

И есть вероятность, что то же самое ждет, в конце концов, и его самого, если он, компьютерный верстальщик еженедельника «Вольный вечер», как и Николай, многие годы будет раз в шесть дней появляться в пирамиде.

Веня сделал очень большой глоток.

Потом еще один очень большой глоток.

Вместе с тем Инструкция говорил, что вознесение Николая было редчайшим случаем. Значит, вероятность подобного не столь уж высока. К тому же Инструкция говорил еще, что это вознесение было юридически незаконным.

Вдобавок Николай благополучно вернулся, потому что, опять-таки по словам Инструкции, обязательно должен был вернуться.

Тут, однако, было еще над чем подумать, потому что Николай вернулся, вроде как, только отчасти. Что это значит — отчасти?

Веня отпил еще пива. А после этого решил, что надо бы и в самом деле как-нибудь поехать в Химки, хотя бы под предлогом лечения зубов, и обойти все клиники, принадлежащие Николаю.

Тут он сообразил, что фамилии Николая не знает. Значит, вычислить его клиники непросто, но это будет даже интересно.

А еще Веня вдруг понял, что он, пожалуй, уже ничего не имеет против того, что волей случая оказался втянут во все эти невероятные, фантастические события, и что в его жизнь вошел забавный маленький человечек, неизвестно кто, не исключено даже, джинн из арабских сказок.

Во всяком случае, в повседневном и достаточно унылом бытии появилась определенная новизна. И романтическое очарование тайны, о которой не подозревает никто из окружающих.

И загадка, которую столь интересно было бы разгадать.

Любопытно, а знал ли Николай, зачем и кому все это нужно — выравнивать строй фигурок внутри экрана? И где находится эта пирамида Хеопса, чудесным образом возведенная явно в среднерусской полосе? И кому она принадлежит?

«Нам», сказал Инструкция... Кому — нам?

Веня допил пиво и машинально бросил взгляд на календарь, украшавший кухонную стену. Получилось, что следующее посещение пирамиды, то есть шестой день после понедельника, должно было прийтись на воскресенье.

Вторник, среда, четверг, пятница и даже, по ненавязчивой просьбе Эдуарда Борисовича, суббота, были у Вени до отказа заняты пилотным номером журнала «Эдик». К этому, само собой, добавлялась работа с еженедельником «Вольный вечер», который выходил по пятницам.

Концепцию журнала «Эдик», а заодно и верстку, хозяин то и дело менял. Появлялись все новые материалы, которые потом безжалостно выбрасывались в корзину — разумеется, в виде добросовестно сверстанных Веней полос.

Веня уезжал из дома рано утром и возвращался поздно вечером. Сил после рабочего дня хватало только на то, чтобы съесть нехитрый, наскоро приготовленный ужин и посмотреть телевизор. Потом Веня ложился спать.

Чаще всего ему снились заголовки, иллюстрации и номера полос, иногда даже четырехзначные. Но однажды приснилась египетская пирамида, которую охраняли два сфинкса. У одного сфинкса было лицо Эдуарда Борисовича, у другого — уверенной в своей неотразимости Заныкиной-Сидоровой.

Вечером в пятницу к Вене пришел сосед Алексей Васильевич, естественно, с «Флагманом» (жена Нина Ивановна отбыла на какой-то саммит владельцев супермаркетов в Санкт-Петербург), но Веня сумел ему отказать.

Кандидат наук был настолько этим потрясен, что даже объединился со своим идейным врагом Митрофанычем, ратовавшим за собственный исторический путь развития России, который не должен был иметь ничего общего ни с путем Запада, ни с путем Востока. Два частных извозчика, они же радетели за судьбы родины, долго сидели на лавочке во дворе, как раз под окном у Вени, и громко говорили, не слушая один другого, каждый о своем.

Через какое-то время Митрофаныч вдруг стал подозрительно долго ораторствовать один. Чтобы проверить, не случилось ли чего с Алексеем Васильевичем, Веня даже выглянул в окно.

Но все было в полном порядке — кандидат наук, старательно обходя лунные блики на асфальте, уже возвращался к лавочке с той стороны, где был супермаркет жены Нины Ивановны, держа в обеих руках по пакету с неизвестным содержимым. После некоторой паузы оба снова заговорили вместе.

И, словно дождавшись этого, из часов появился Инструкция.

Для начала, сразу заинтересовавшись громкими голосами под окном, маленький человечек приложил палец к губам, чтобы Веня не мешал ему слушать. Разобраться в независимых один от другого монологов частных извозчиков было нелегко, но Инструкция, похоже, разобрался.

Уже секунд через десять он поставил обоим ораторам нелицеприятный диагноз:

— Вот два бездельника! Почему у вас так горазды пустой болтовней заниматься? И ничего не меняется который век.

Веня оторопело глянул на своего руководителя. Инструкция снисходительно усмехнулся.

— Я давно здесь, всякого, знаешь, наслушался. В девятнадцатом веке, хорошо помню, точно так же болтовней занимались славянофилы и западники, чаще всего опять-таки под водочку. И к чему все эти разговоры привели?

В монологи вклинился раздраженный женский голос из какого-то окна:

— Ну, сколько можно, люди уже спят! Шли бы в парк, что ли! Сейчас водой окачу!

Монологи стихли, но только на миг, а потом возобновились с новой силой. Вене вдруг стало весело, и он от души рассмеялся. Инструкция улыбнулся.

— Я, собственно, только хотел проверить. Думал, опять у тебя сосед сидит, тот, что «Флагман» пьет. А ты молодец, есть сила воли.

Послышался другой нервный женский голос:

— Сейчас в милицию позвоню! По закону, чтоб после одиннадцати все тихо было!

На этот раз монологи стихли. Потом Митрофаныч миролюбиво произнес:

— Не шуми, соседка. Скоро закончим. Видишь, о родине думаем. О собственном историческом пути развития. Менталитет у нас такой, что нам, то есть России, как всем остальным никак невозможно.

На эти слова, теперь уже высоко сверху, отозвался третий резкий женский голос:

— Лучше бы о развитии семьи, паразит, подумал! Тебе с твоим менталитетом за баранку с утра.

— Завтра суббота, — неожиданно заступился за своего идейного противника Алексей Васильевич, — день отдыха, на который все имеют законное право. Иван Митрофанович в том числе, как любой трудящийся.

— А дети и внуки у Ивана Митрофановича в субботу есть, что ли, не хотят? — горько вопросил с верхнего этажа прежний женский голос. — Или в воскресенье не хотят? Не у всех же свои супермаркеты, как у некоторых.

Снизу послышалось легкое стеклянное позвякивание. Идейные противники, похоже, дружно собирали с лавочки принадлежности своей исторической встречи. То ли для того, чтобы разойтись по домам, то ли для того, чтобы куда-то переместиться.

Вероятнее, последнее, потому что, судя по всему, вторая бутылка была едва начата. В двух шагах от дома в самом деле был парк, плавно спускавшийся к Москве-реке.

Позвякивание стихло, наступила тишина.

— Вот так, — весело подвел итог всему услышанному Инструкция, и, подмигнув своему подопечному, унесся в его часы.

— Значит, в воскресенье? — успел крикнуть вслед ему Веня, но ответа уже не получил.

Тем не менее рассчитал он, как оказалось, совершенно верно: Инструкция действительно появился в воскресенье, однако не с утра, а ближе к вечеру. Уже привычным маршрутом Веня отправился к метро «Сокол», чтобы встать на крышку люка.

Налетел мощный вихрь, и Веня совершил мгновенное перемещение к пирамиде. В общем, эта процедура тоже стала для него вполне привычной.

Увидев Веню, сфинксы опять радостно завиляли хвостами. В этом неизвестно где расположенном лесу, на поляне которого кто-то неведомый выстроил египетскую пирамиду, Веня уже явно становился своим человеком.

И выстраивание фигурок тоже прошло совершенно обыденно. С той лишь разницей, что в этот раз строй не был идеально ровным.

Из него почему-то вышла вперед дама, одетая, как оперная певица, исполняющая роль Татьяны в опере «Евгений Онегин», да еще бородатый мужик в кольчуге, крайний слева, поднял руку с боевым топором много выше, чем в прошлый раз.

Глядя на это, Инструкция на миг призадумался, а потом показал Вене, какие клавиши он должен нажать.

Теперь, Веня подсчитал, нажать пришлось одиннадцать клавиш, четыре из них по два раза и одну трижды.

Пушкинская Татьяна вернулась в строй, бородач в кольчуге опустил секиру.

Инструкция удовлетворенно хмыкнул.

— Ну, видишь! Ничего сложного. Синекура и есть. Многие захотели бы оказаться на твоем месте, если б только знали. Пошли!

Веня двинулся вслед за ним, и тут ему пришла одна мысль, навеянная последними словами Инструкции.

— Послушай! Если тут надо бывать раз в шесть дней, как же Николай уезжал в отпуск? В Каталонии, он говорил, всегда жил по месяцу.

— Что ж, человеку право на отдых не положено, что ли, — весело отозвался Инструкция. — Законное право, как говорит твой сосед. И тебе будет положено, не беспокойся. Когда Николай уезжал, его подменяли, конечно.

— Кто же мог подменять? — изумился Веня.

— Да есть кому, ты не один такой. Не торопи события, сколько раз тебе повторять. Разберешься во всем постепенно.

Инструкция уже стоял на поляне возле пирамиды, Веня вышел вслед за ним. Маленький человечек произнес несколько слов на шипяще-жужжащем языке, и узкий ход в глубь пирамиды плавно затянулся камнями.

А несколькими мгновениями спустя Веня уже оказался на крышке люка, неподалеку от книжного магазина. И, как всегда, быстро сошел с него, чтобы подойти к витрине с яркими обложками книг, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Инструкции рядом с ним не было.

Но маленький человечек неожиданно объявился снова, когда Веня уже выехал на Волоколамское шоссе, направляясь домой. Инструкция забрался ногами на Венину сумку, лежащую на правом сиденье, оперся руками о торпеду и с любопытством стал разглядывать попутные и встречные машины. Потом нарушил молчание:

— Ты уже третий раз был в пирамиде. Вижу, что привыкаешь.

— Да вроде, ничего сложного нет, — отозвался Веня.

— Не скажи, — отвечал маленький человечек загадочно. — Раз на раз не приходится.

Веня покосился на него с удивлением.

— Всякое, знаешь ли, бывало, — сказал Инструкция. — Но мы всегда справлялись.

— Да что может быть? Тучи солнце закрывали?

— Ну да. Оттого, что строй нарушался.

Веня помолчал. Инструкция тоже ничего больше не говорил.

Конечно, на языке у Вени уже вертелись самые разные вопросы, но по опыту он уже знал, что Инструкция отвечать на них не станет. Маленький человечек отпускал своему подопечному информацию в строго дозированных дозах.

Вот как сейчас: отпустил еще чуть-чуть и замолчал.

Ничего, подумал Веня, рано или поздно он и сам во всем разберется.

Пора было поворачивать на улицу академика Курчатова. Теперь Инструкция почему-то, не отрываясь, смотрел назад. Веня свернул с улицы академика Курчатова направо, на Щукинскую улицу.

— Показалось, — озабоченно сказал Инструкция и снова стал смотреть вперед.

— Что показалось? — не понял Веня.

— Зеленый «ниссан» очень долго сзади держался. С правым рулем. Похоже, от самого книжного магазина. Повернул за нами на Курчатова, но теперь поехал дальше, а мы свернули.

Веня почувствовал, как в его душу заползает легкий холодок тревоги.

— Ты хочешь сказать, что за тобой кто-то может следить? Или это... за мной?

— Все может быть. Не исключено, — Инструкция вдруг рассмеялся, но смех его в этот момент показался Вене деланным, — что это кто-то из твоих ревнивых подружек. У тебя есть подружка с зеленым

«ниссаном», у которого руль справа? Может, это твоя девушка из Брянска?

Веня машинально глянул в зеркало. Позади теперь шла очень потрепанная серая «шестерка». Ничего зловещего в ней не чувствовалось. Веня покосился на Инструкцию. Неясный холодок тревоги улетучился.

Это была лишь шутка, вдруг понял Веня. Вдобавок ко всему, маленький человечек, оказывается, наделен своеобразным чувством юмора. Ничто человеческое ему, стало быть, не чуждо...

Правда, подходит ли слово «человеческое» к бесплотному существу, лишь внешне имеющему сходство с человеком, вдобавок крохотным?

— А ты, смотрю, Москву хорошо знаешь, — похвалил Веня своего наставника, переводя разговор в другое русло. — Названия улиц и все такое.

— Ну, еще бы, — ухмыльнулся Инструкция. — Кому, как не мне знать, что как раз здесь прежде была деревенька Покровское-Стрешнево. И что в этих местах Лжедмитрий Второй с войском стоял в начале семнадцатого века.

Снова воцарилось молчание. Пока Веня ехал к станции метро «Щукинская», он размышлял над последними словами маленького человечка.

Впрочем, чего удивляться, если маленькому бесплотному человечку, до того, как поселиться в часах фирмы Casio, доводилось, по его собственному признанию, жить и в табакерках, и в чернильницах.

Само собой, в чернильницах с гусиными перьями. Не исключено, что маленький человечек и с самим Лжедмитрием Вторым был знаком, с него станется.

Метро осталось позади. Дорога повернула к мосту через Москву-реку, и вместе с этим вдруг поменялось и направление Вениных мыслей.

— Теперь в субботу встречаемся, — сказал он вопросительно, проделав в уме несложный подсчет.

Инструкция неожиданно рассмеялся. И неожиданно очень добродушно.

— Да не в субботу, — сказал он, и баритон его заметно потеплел, — а раньше. Тебя ждет сюрприз. Думаю, тебе он понравится.

И маленький человечек исчез в Вениных часах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая «Каждого второго числа и каждого шестнадцатого»

Вторник выдался особенно напряженным. Утро в редакции началось со скандала, правда, к Вене он отношения не имел. В центре его, как водится, была покорительница Северного полюса Заныкина-Сидорова.

В готовящемся номере еженедельника «Вольный вечер» шла реклама туристической фирмы, специализирующейся на Португалии. Бойкая журналистка с одобрения Эдуарда Борисовича вызвалась сопроводить рекламу путевыми заметками об этой стране, поскольку, по ее уверениям, бывала там не один раз.

Однако, как всем известно, Португалия — это страна великих мореплавателей, проложивших путь в Индию, в Юго-Восточную Азию, а также открывших Бразилию. Не упомянуть их, рассказывая о Португалии, никак невозможно. Не миновала этого и Заныкина-Сидорова, но к героям-мореходам, плававшим под португальским флагом, она вдруг непонятно с какой стати причислила и капитана Джеймса Кука.

А он, как известно любому образованному человеку, был англичанином.

Незамедлительно обнаруживший сей факт Вадим Николаевич, непосредственный начальник Заныкиной-Сидоровой, рвал и метал, и это слышал весь «Вольный вечер». На просьбу сообщить, откуда она взяла, что Джеймс Кук был португальцем, да еще XVI века, хотя жил двумя столетиями позже, покорительница Северного полюса, как всегда, отвечала лишь глуповатым хихиканьем. Очевидно, она полагала, что это был лучший способ обратить любой производственный конфликт в шутку.

В конце концов, Вадим Николаевич не выдержал и высказал Заныкиной-Сидоровой все, что он о ней думал. Завершил тираду он такими словами:

— Ваши журналистские потуги — это вопиющий примитив. Даже если бы вы умудрялись вообще не делать ляпов. Любой ваш материал, это два притопа, три прихлопа! А Джеймс Кук португалец — это разгильдяйство в особо крупных размерах!

Облегчив душу, заведующий отделом с наслаждением, вдруг явственно проступившим на его лице, порвал материал Заныкиной-Сидоровой в клочья и пошел к Эдуарду Борисовичу увольняться. Но хозяин, не без труда, его отговорил: Вадима Николаевича он ценил.

Тем не менее, заведующий отделом еще долго не мог прийти в себя, и в редакции воцарилась особенно напряженная, наэлектризованная обстановка.

Веня одновременно верстал и еженедельник, и будущий журнал «Эдик». Эдуарда Борисовича осеняли все новые и новые идеи — примерно, со скоростью пять идей в час, — и это сказывалось на всех сотрудниках. Некоторые из идей были абсолютно нереализуемыми, но выяснялось это исключительно методом проб и ошибок.

Поэтому все на ходу менялось, отменялось, изымалось, вставлялось и, само собой, неоднократно переверстывалось.

Часам к двум в этот день Веня почувствовал, что тоже готов встать из-за компьютера и пойти к Эдуарду Борисовичу увольняться. Но как раз в этот момент хозяин в обществе нервно хихикающей Заныкиной-Сидоровой отправился обедать к кафе напротив, и Веня пока передумал.

В четыре на него обрушился новый шквал работы. Однако в половине седьмого Эдуард Борисович неожиданно отбыл куда-то по неотложным делам, как всегда, попросив сотрудников, по возможности, завтра прийти пораньше.

По распространенной в трудовом коллективе не очень веселой шутке, это было предложение, от которого никто бы не смог отказаться. Зато после отъезда хозяина редакция мигом опустела.

Веня у себя на кухне уже заканчивал нехитрый ужин, когда прямо на столе, рядом с тарелкой, возник Инструкция. На этот раз он был облачен в щегольской костюм с двубортным пиджаком, кремового цвета рубашку и даже с галстуком на шее.

От неожиданности Веня даже присвистнул и непроизвольно бросил взгляд на обувь своего руководителя. К такому костюму и на ногах должно было быть что-то соответствующее. Оказалось, Инструкция надел элегантные ботинки из черной кожи, очень мягкой на вид.

— Ты в театр, что ли, собрался? — спросил Веня. — Или в Букингемский дворец, к английской королеве?

Маленький человечек аккуратно поддернул манжеты.

— Это я для тебя принарядился, — ответил Инструкция столь же весело. — Как у вас говорят, повод есть.

— Не понял, — сказал Веня и от удивления положил вилку с кусочком магазинной котлеты на тарелку.

— Сегодня какое число? — спросил Инструкция.

Веня добросовестно порылся в памяти.

— Второе.

— Тебе в твоем «Вольном вечере» по каким числам зарплату платят?

— Пятого и двадцать пятого, — ответил Веня. — Почему ты спрашиваешь?

— А мы платим каждого второго числа и каждого шестнадцатого, — объявил маленький человечек. — Сегодня у тебя первая зарплата. Торжественный день. Изволь получить.

За всем, что происходило дальше, Веня наблюдал с широко открытыми от изумления глазами.

Инструкция двумя руками очертил в воздухе какие-то знаки, словно заклиная духов, и на столе вдруг прямо из воздуха проявился сундук, окованный железом. Такие сундуки Вене доводилось прежде видеть в фильмах о приключениях пиратов или о графе Монте-Кристо.

Однако размеры сундука, оказавшегося на его столе, были скромными — чуть больше половины роста Инструкции.

Не удержавшись, Веня протянул к сундуку руку. Он, видимо, подсознательно полагал, что сундук, как и сам Инструкция, окажется бесплотным, однако пальцы ощутили твердое дерево и холодный железный засов, на котором висел миниатюрный замок.

Инструкция улыбнулся и извлек из кармана ключ. Но прежде чем открыть замок, деловито осведомился:

— В чем желаешь получить? В рублях, долларах, евро? Или что-то другое?

Веня проглотил слюну. Похоже, все это было всерьез. Впрочем, чего греха таить: раз обещал Инструкция, что его синекура будет щедро оплачиваться, на нечто подобное в глубине души Веня уже определенно рассчитывал.

Если уж он оказался участником весьма странных событий, логично было предположить, что возможно абсолютно все, даже то, во что обыкновенный человек никогда бы не поверил.

Инструкция вставил ключ в замок.

— А что, у тебя есть и рубли, и доллары, и евро? — спросил Веня, ощущая, что голос у него неожиданно охрип.

— Возможны и другие формы оплаты, — тем же деловым тоном сказал Инструкция, — по взаимной договоренности. Но для начала дружески рекомендую доллары. Деньги тебе сейчас не помешают.

Веня непроизвольно обвел взглядом нехитрую обстановку съемной квартиры. Потом, помимо его воли, у Вени вырвалось:

— У доллара курс опять начал падать.

— Поднимется, — уверенно молвил Инструкция. — А у евро еще больше упадет. И рубль упадет.

Веня бросил на маленького человечка недоверчивый взгляд.

— Ты-то откуда знаешь? Финансовые аналитики, наоборот, утверждают, что рубль у нас...

— Ты лучше меня слушай, — сказал, перебивая его, Инструкция, — а не своих финансовых аналитиков.

— Почему тебя? — ляпнул Веня не очень вежливо.

— Потому что видел я как-то лица ваших финансовых аналитиков в телевизоре.

Веня облизал пересохшие губы.

— Тогда доллары, — сказал он.

Инструкция снял замок и откинул крышку сундука. Запустив в его внутренности руки, маленький человечек извлек на свет не очень тонкую стопку зеленых бумажек.

Держа их обеими руками, Инструкция повернулся к Вене, сделал по столу несколько шагов, и, наклонившись, положил доллары рядом с тарелкой. Затем вернулся к сундуку, закрыл крышку, наложил замок, закрыл и убрал ключ в карман.

Наблюдая за всем происходящим, Веня испытывал жгучее желание ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. Но вместо этого его рука сама потянулась к стопке зеленых банкнот.

На верхней купюре, как сразу же понял Веня, был портрет Бенджамина Франклина, выдающегося ученого и государственного деятеля Соединенных Штатов Америки.

Пальцы почувствовали приятную шероховатость плотной купюры.

Франклин смотрел с нее на Веню долгим серьезным взглядом.

Веня долгим взглядом смотрел на Франклина.

Инструкция тем временем, чуть отступив от сундука, проделал руками какие-то пассы в воздухе.

Сундук исчез.

— Ну вот, — с удовлетворением произнес маленький человечек. — А расписываться нигде не надо. У нас своя система учета. Доллары-то убери. Да пересчитай, если хочешь.

Веня почувствовал неловкость. Пересчитывать деньги в присутствии Инструкции было как-то неудобно. Можно было, с одной стороны, показаться чрезмерно алчным, а с другой недоверчивым.

Прослыть алчным или обидеть маленького человечка недоверием не хотелось. Поэтому Веня ограничился лишь тем, что извлек из стопки нижнюю купюру, чтобы посмотреть, чей на ней портрет.

На Веню внимательно глянул еще один Бенджамин Франклин. Только теперь Веня осознал, что долларов много.

По его, Вениным меркам, даже слишком много.

— И это все мне? — спросил он тупо. — За то, что я кнопки по твоей подсказке нажимаю?

— Это все твое, — молвил Инструкция серьезно. — И не сомневайся, доллары настоящие.

— Я и не сомневаюсь, — пробормотал Веня, хотя именно при этих словах маленького человечка в его душе вдруг шевельнулся червячок сомнения.

Уж слишком все это было хорошо, совсем как в восточной сказке о добром джинне, раздающим сокровища. Разве могут настоящие доллары извлекаться из сундука, который появляется из воздуха и в воздухе же исчезает, стоит только Инструкции немного помахать руками?

Не исключено, что и сами эти доллары через какое-то время исчезнут.

Или что на всех банкнотах один и тот же номер.

Но проверять это в присутствии Инструкции Веня опять-таки не решился и убрал доллары в карман.

Инструкция же вдруг ему подмигнул, и после этого все дальнейшие события приняли совсем уж неожиданный для Вени оборот.

— Это ведь у тебя первая зарплата, — сказал маленький человечек.

Веня уловил в его голосе какие-то странные интонации.

— А что у вас принято делать, когда получаешь первую зарплату? — многозначительно продолжал Инструкция.

Веня недоуменно глянул на маленького человечка.

— Первую зарплату полагается отметить, — ответил на свой собственный вопрос Инструкция. — Такова, сам знаешь, российская традиция. Чтобы и дальше все было хорошо. Этой традиции много веков. Вот давай и отметим.

Теперь Веня непроизвольно оглядел маленького человечка сверху донизу, словно оценивая его возможности.

— Это как же, — сказал он недоверчиво, — я буду отмечать, а ты на меня смотреть?

— Отметим вместе, — поправил его Инструкция, расплываясь в широкой улыбке. — Но каждый по-своему. Я тебе как-то уже говорил, что тоже умею расслабиться собственным способом, если желание есть. Вот и посидим вдвоем, как принято у хороших друзей, побеседуем.

Веня все окончательно понял. Собственно, почему бы и нет, пронеслось в его голове.

Сейчас же он почему-то вспомнил, как с соседом Алексеем Васильевичем отмечал свой приезд из Каталонии. Как раз тогда впервые из часов Casio и появился Инструкция.

К тому же, разве не любопытно, каким таким способом расслабляется Инструкция.

Вдобавок, за дружеской беседой, расслабившись, маленький человечек, кто знает, мог стать и откровеннее. А вопросов у Вени к нему, разумеется, было немало.

Веня тряхнул головой. И даже удивился, услышав собственный голос словно бы со стороны. Голос независимо от Вениного сознания спрашивал:

— А можно вместо водки я буду пить вино? У меня осталось несколько бутылок из Андорры.

— Конечно, — разрешил Инструкция. — Да и вообще привыкай пить не водку, а вина, только хорошие. И соседа бы приучил, а то смотреть страшно. Слушать тем более. Только его теперь уже вряд ли приучишь.

Веня двинулся было в комнату за вином, которое хранил на дне платяного шкафа, и тут ему пришла блестящая мысль.

— К вину особая закуска нужна, — сказал он Инструкции. — Фрукты, конфеты, а у меня дома ничего нет. Если не возражаешь, я мигом в магазин.

— Сыру к вину возьми, — подсказал Инструкция. — Рекомендую горгонзолу или дана-блю. Хотя можно лимбургского или ливаро.

Веня бросил на своего руководителя взгляд, на этот раз исполненный изумления. Ни одного из этих названий он не знал, разве что лимбургский сыр был, вроде, смутно знаком по какому-то фильму или книге.

Но Веня не пожелал ударить лицом в грязь.

— Пожалуй, я предпочитаю лимбургский, — крикнул он уже в дверях.

Спускаясь в лифте, Веня торопливо извлек на свет доллары, чтобы подвергнуть их более тщательному осмотру. Сейчас же выяснилось, что номера банкнот были разными.

А вот портрет на всех оказался один и тот же. И теперь Веня по-настоящему ощутил, что сумма, выданная ему Инструкцией, и в самом деле была, по его представлениям, просто огромной.

Несколько минут спустя Веня почти вбежал в супермаркет. Отправился он сюда, конечно, вовсе не потому, что хотел купить конфет или фруктов — в супермаркете был ближайший из валютных обменников. Когда он протянул в окошечко бумажку с Бенджамином Франклином, то почувствовал, что ноги стали ватными.

Но едва девушка за окошечком взяла купюру в руки, у Вени выступил на лбу холодный пот. Только сейчас он сообразил: если банкнота фальшивая, его могут ожидать крупные неприятности. Он даже сделал движение, чтобы взять ее назад, но было поздно.

Девушка-меняла профессиональным жестом провела пальцем по стодолларовой купюре, потом столь же профессионально проверила детектором валюты (сердце Вени будто сжала чья-то холодная

рука), а потом столь же профессионально отсчитала российские рубли.

Взяв их, Веня на ватных ногах отошел в сторону, остановился и перевел дух.

Потом душу его наполнила горячая волна счастья. Цепь невероятных, абсурдных событий, в которые он оказался втянут помимо своей воли, закончилась невероятной, но вполне реальной и весьма существенной наградой.

Впрочем, почему закончилась? Сегодня второе число, ровно через две недели будет шестнадцатое. Потом снова второе, а затем опять шестнадцатое...

В мир реальной действительности Веня возвращался очень медленно, но, в конце концов, вернулся. Оглядевшись, он понял, что стоит неподалеку от витрины с ювелирными изделиями. Венина рука словно бы сама собой провела по карману, в котором лежали доллары. Конечно, ни кольца, ни диадемы, ни золотые цепочки были ему не нужны, во всяком случае, пока не нужны.

Но зато он испытал восхитительное, ни с чем несравнимое чувство: можно, если захочется, позволить себе то, о чем прежде не мог даже мечтать.

В том числе, после некоторого количества подобных выплат, почему бы не позволить себе, промелькнула вдруг мысль, «Рено Меган II». Или какой-нибудь «ниссан». А может, даже БМВ серии 5.

Поколебавшись, Веня обменял на рубли еще одну бумажку с портретом Бенджамина Франклина. Деньги могли пригодиться. Потом, подхватив корзинку для продуктов, как на крыльях устремился в глубь супермаркета.

Лимбургского сыра на огромном стеллаже с сырами не оказалось, а как называются другие сыры, перечисленные Инструкцией, Веня на радостях уже позабыл. Поразмыслив, он выбрал сразу три вида сыра с очень красивыми названиями — «Эмменталь», «Грюйер» и «Бофор». Стоили они недешево, но Веня мог себе это позволить.

С фруктами, конечно, было попроще — Веня взял киви и бананы. Но душа, из которой наружу рвалась песня, настойчиво требовала чего-то еще, необыкновенного, и Веня остановил свой выбор на бутылке французского шампанского с надписью на этикетке «Veuve Clicquot-Ponsardin».

Когда он расплачивался, ему показалось, что пожилая кассирша смотрит на него с огромным уважением.

Вернувшись домой, Веня обнаружил Инструкцию на прежнем месте, то есть на столе рядом с тарелкой. Но маленький человечек теперь расположился за собственным столиком соответствующих размеров, сидя в удобном креслице.

Должно быть, извлек стол и кресло из воздуха, точно так же, как и сундук с долларами.

Прежде всего Веня выбросил недоеденную котлету и убрал со стола грязную тарелку. Сыры, эмменталь и прочие, не говоря уж о французском шампанском, требовали изысканности. Поэтому Веня даже протер стол тряпкой, старательно обходя при этом маленький столик, за которым восседал Инструкция, и достал чистые тарелки для сыра и фруктов.

Хрустальных фужеров, правда, у него не водилось, пришлось приготовить для шампанского обычный граненый стакан. Зато само по себе изысканное французское шампанское было для съемной недорогой квартиры настоящим событием, и отпраздновать баснословную финансовую удачу следовало, конечно, именно этим напитком.

Инструкция с веселым лицом наблюдал за его приготовлениями. Затем, когда Веня взялся за бутылку, дал дельный совет:

— Когда открываешь шампанское, горлышко надо обернуть салфеткой. Тогда окружающие могут не опасаться, что ты невзначай их обольешь.

Матерчатой накрахмаленной салфеткой Веня тоже не располагал, были только бумажные. Но он обошелся полотенцем из ванной. Наполнив дорогим шампанским граненый стакан, Веня поднял его, глянул на Инструкцию, и вдруг, помимо его воли, у него вырвался любимый первый тост соседа Алексея Васильевича:

— Со свиданьицем!

— Лучше сказать, с почином, — благодушно поправил его маленький человечек.

— Конечно, с почином, — чуть смутившись, отозвался Веня, отпил французского шампанского (что-то на первый глоток оно оказалось не очень, несмотря на необыкновенную свою цену) и с огромным интересом воззрился на своего руководителя, ожидая, каким способом будет отмечать Венин почин маленький бесплотный человечек.

Инструкция поднял над головой правую руку с вытянутым мизинцем и посмотрел на потолок. Казалось, он что-то показывает на нем Вене. Но дело оказалось в другом: над головой Инструкции из ничего вдруг появилось маленькое, но очень ярко светящееся облачко, которое опустилось пониже и, не спеша, втянулось в его мизинец.

На лице маленького человечка появилось выражение необыкновенного удовольствия. Затем он прищелкнул четырьмя остальными пальцами и опустил руку. Веня наблюдал за этой картиной с таким же изумлением, как незадолго до этого за появлением сундука с долларами.

— Эх, хорошо! — выдохнул Инструкция.

— Это что было? — оторопело вымолвил Веня.

— Хорошая порция бодрящей энергетической субстанции, — ответил маленький человечек, явно выговаривая эти слова с большим удовольствием. — То же, что для тебя бокал шампанского.

От изумления Веня задал глупейший вопрос, за который ему самому сейчас же стало стыдно, но было уже поздно:

— А закусывать? Или ты не закусываешь, раз бестелесный?

Инструкция ответил несколько витиевато. Возможно, оттого, что уже сказывалось действие бодрящей энергетической субстанции.

— Да какие тут закуски. Пища мне не нужна. Ведь я же, будет тебе известно, просто сгусток энергии, материализованный особым образом. Воспринимать этот сгусток энергии своими органами чувств, когда я появляюсь, могут немногие из вас, но ты можешь.

Веня посмотрел на своего руководителя долгим взглядом.

— Сгусток энергии, — повторил он, словно эхо.

Возникла пауза. Инструкция непринужденно откинулся в своем кресле и с блаженным видом на несколько секунд прикрыл глаза.

Потом открыл и произнес, вдруг живо напомнив Вене все того же незабвенного соседа Алексея Васильевича:

— Давай сразу же по второй. За тебя, за твои успехи, за наше дальнейшее сотрудничество!

Маленький человечек снова поднял над головой правый мизинец, но теперь немедленно появившееся светящееся облачко было уже побольше размерами. Не спеша, явно наслаждаясь процессом, Инструкция провел в воздухе мизинцем волнистую линию и с видимым удовольствием стал наблюдать, как облачко, втягиваясь в палец, повторяет начертанный им путь.

Когда от облачка не осталось и следа, Инструкция от чувств даже ударил крошечным кулачком по своему столику. Веня сделал огромный глоток шампанского.

Все равно что-то не так, решил он. Отечественное шампанское, хоть и много дешевле, а почему-то вкуснее.

Тем не менее несколько мгновений спустя на душе у Вени стало еще радостнее. К тому же и сыр «Эмменталь» оказался вполне приличной закуской. Славный спелый банан тоже.

Инструкция снова прикрыл от удовольствия глаза, но ненадолго. Открыв их, он начал небольшую речь. Обороты ее теперь оказались еще более витиеватыми:

— Не часто, поверь, друг Веня, позволяю я себе это удовольствие, но чем реже позволяю, тем это удовольствие ценнее. Окружающее постепенно преображается. В один миг тебе кажется, что ты преисполняешься великой силы и безграничной мудрости. А в другой миг представляешься самому себе крошечной былинкой, слабой и

беззащитной. Причем неизвестно, какой из этих двух мигов слаще, потому что и у ощущения беззащитности есть своя щемящая прелесть.

Маленький человечек мечтательно вздохнул. И сейчас же, безо всякого перехода, заговорил другими словами, более естественными для данного конкретного момента:

— Ну, давай еще по одной, в твою честь! И за тот случай, который свел меня именно с тобой.

— Давай! — отозвался Веня и налил себе полный стакан французского шампанского.

Вместе с шампанским в Веню влилось еще немного радости. Предстоящая в дальнейшем жизнь уже начинала представляться безмятежным существованием, наполненным последовательным осуществлением самых смелых желаний.

Потом, после очень короткого промежутка, Инструкция принял в свой правый мизинец еще одно светящееся облачко.

Веня сделал еще один добрый глоток французского напитка. После этого ему припомнилось недавнее откровение своего руководителя.

— Так ты сгусток энергии? — спросил он.

— А что тебя удивляет? — поинтересовался Инструкция.

— Сгусток энергии, а выглядишь, как... как человек.

Инструкция усмехнулся.

— Смотри! — произнес он.

В следующее мгновение Веня увидел, что вместе маленького человечка на маленьком стульчике сидит серый крошечный котенок с огромным бантом на шее. На Веню лукаво глянули кошачьи зеленые глаза.

Еще через мгновение на стуле оказалась свернутая кольцами маленькая змейка. Послышалось змеиное шипение, и Веня даже вздрогнул. Потом вместо змейки возник зайчик, затем маленький мяч, который и обратился в прежнего Инструкцию.

— Ты прямо как людоед из сказки про кота в сапогах, — сказал Веня с невольным восхищением и снова отпил шампанского. — А почему тогда ты обычно выглядишь как человек? — поинтересовался он потом.

— Я же с людьми работаю, — ответствовал Инструкция и снова поднял к потолку правый мизинец.

Уже после пятого тоста, провозглашенного Инструкцией — на этот маленький человечек выразил уверенность, что вскоре его подопечный обзаведется достойным автомобилем, — Веня, сквозь волну радости, в которой постепенно стали тонуть все другие чувства, вдруг все-таки припомнил, что за дружеской застольной беседой Инструкция может стать наконец откровеннее.

И, возможно, удастся выяснить кое-что более важное, чем тот факт, что сгусток энергии способен обращаться хоть в кота, хоть в мячик.

— Послушай, Инструкция, — заговорил Веня, приблизив лицо к столику, за которым сидел его маленький руководитель. — Видишь ли, я, наконец, желаю знать все как есть. Имею полное право! Какой бы ни оказалась истина! Пока все, что со мной происходит, колеблюр торсин, представляется мне совершенно абсурдным, колеблюр торсин!

— Рад, что ты уже запомнил мое любимое выражение, — благодушно похвалил Веню Инструкция. — Колеблюр торсин! Что именно, друг Веня, представляется тебе абсурдным?

Чтобы получилось нагляднее, Веня обвел рукой вокруг себя и стал добросовестно перечислять накопившиеся вопросы:

— Все! Почему пирамида египетская, а ты говоришь, что ваша? Где она находится? Почему о ней никто ничего не знает? Что это за фигурки в экране? Зачем, скажи, пожалуйста, я их выравниваю? Какой во всем этом смысл? Кому все это нужно?

Веня остановился и перевел дух. Кое-что он явно забыл перечислить, но махнул на это рукой и сразу же перешел к последнему из вопросов, какие хотел задать:

— И, наконец, кто ты? Этого я тоже не знаю. Джинн, что ли? Ответь, Инструкция!

— Сгусток энергии, вот кто я, — благодушно отозвался Инструкция, одновременно заметно ослабляя на себе тугой узел галстука.

Веня смерил его долгим взглядом, понимающе кивнул и доверительно заговорил дальше:

— Ты меня правильно пойми. Почему я это спрашиваю? Потому что не могу нажимать кнопки, не зная в точности, что я делаю. И тем более получать за это деньги. Ты знай, — тут Веня значительно поднял указательный палец, — я не так воспитан, чтобы получать деньги, не зная, за что я их получаю. Это просто какой-то театр абсурда, как и все, что со мной теперь происходит!

Маленький человечек, он же сгусток энергии, истолковал его жест по-своему. Он тоже поднял к потолку палец, но не указательный, а правый мизинец. В него, не спеша, стало втягиваться очередное ярко светящееся облачко.

Веня сделал еще несколько глотков шампанского. Мало помалу выяснялось, что, в общем, напиток, произведенный во Франции, был не так уж и плох. Недаром же его так любили гусары и Александр Сергеевич Пушкин.

И те, и тот, как вдруг припомнил Веня, фамильярно называли французское шампанское «Вдовой Клико».

Инструкция, опять прищелкнув от удовольствия четырьмя другими пальцами, тем временем решил дать Вене ответ и назидательно произнес:

— Какой же это абсурд? Это порядок, когда выравниваешь фигурки, чтобы облачков на солнце не было. Безусловный порядок, потому что после выравнивания они стоят ровно, и на солнце ни облачка. А абсурд, это то, что в беспорядке. Вот вокруг тебя везде абсурд.

— Где это вокруг меня? — удивился Веня.

— Везде вокруг тебя, — ответил сгусток энергии, — ты присмотрись. Уже давно абсурд, и я знаю, почему, а тебе не скажу.

Призадумавшись над такими словами Инструкции, Веня вылил в свой граненый стакан остатки французского шампанского.

— Нет, ты все-таки скажи, почему вокруг меня абсурд? — попросил он. — По-дружески скажи. У нас ведь застольная беседа. Дружеская, иными словами.

— Дружеская, конечно, но не скажу, колеблюр торсин, как ни проси, — отвечал Инструкция и расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. Узел галстука уже помещался у него между второй и третьей пуговицами.

— Почему не скажешь? — спросил Веня. — Разве я не достоин знать истину, какой бы она ни была? Колеблюр торсин!

— Ты достоин, но не скажу. Сказал бы, но не могу.

— Я понимаю тебя, — сказал Веня. — Раз не имеешь права сказать, не говори.

Он чокнулся стаканом с правым мизинцем Инструкции, допил шампанское и пошел в комнату, чтобы достать из шкафа бутылку испанского вина. Застолье надо было продолжать.

Но когда Веня вернулся на кухню, где происходила застольная дружеская беседа, то обнаружил, что за время его недолгого отсутствия Инструкция вдруг разучился говорить по-русски. К такому выводу Веня пришел потому, что при его появлении маленький человечек произнес, а вернее, даже пропел примерно следующее:

— Шшшигал-жжжужж-шшш. Жжерш-шшин-жежжшшушш.

Заметно неуверенным жестом Инструкция поднял правый мизинец к потолку. Появилось очередное светящееся облачко.

— Ну вот, колеблюр торсин! — произнес Веня с чувством. — Прямо как сосед Алексей Васильевич.

Инструкция посмотрел на него долгим взглядом и теперь запел уже во весь голос:

— Жжулш-жжолшш.

Закончив с пением, Инструкция значительно изрек:

— Колеблюр торсин!

Любознательного от природы Веню вдруг страшно заинтересовал один подмеченный им факт. Он тоже требовал прояснения.

— Ты мне скажи, — начал Веня, надеясь получить ответ, — почему в твоем языке, как я понимаю, почти целиком одни шипящие и жужжащие звуки, а вот в ваших ругательствах этих шипящих и жужжащих звуков нет?

Инструкция поднял вверх правый мизинец и стал неуверенно раскачивать им из стороны в сторону. Вслед за ним, постепенно втягиваясь в мизинец, в воздухе из стороны в сторону двигалось и очередное светящееся облачко.

— Это для большей выразительности, сам сообрази, — изрек, наконец, маленький человечек. — Если в ругательствах нет шипящих и жужжащих, значит, это совершенно особые слова. А особые слова и выразительны куда больше.

Сказав это, Инструкция снова запел:

— Жжулш-жжолшш. Шшишожжижш шежежжш.

Потом на короткий миг маленький человечек снова перешел на русский язык, правда, первое слово с трудом вымолвленной им неожиданной фразы тоже начиналось на «ж»:

— Жжжалко мне вас.

— Кого? — не понял Веня.

— Всех, — ответил Инструкция и опять запел:

— Жжжижж шошшшишшжжж.

Больше от него ничего нельзя было добиться. И Веня стал искать штопор, чтобы открыть для себя вино из княжества Андорра.

Завершился этот дружеский застольный вечер тем, что Инструкция, приняв в свой правый мизинец очередное и уже неизвестно какое по счету сверкающее облачко, сначала перестал выговаривать даже непонятные шипяще-жужжащие слова, а потом вообще вдруг растворился в воздухе. Видно, решил, что пора и отдохнуть.

Однако маленький стол и стул остались рядом с тарелками, о них расслабившийся сверх меры Инструкция, надо полагать, позабыл. Веня не удержался и потрогал их из любопытства рукой.

Мебель, которой пользовался Инструкция, оказалась, как и сам он, бесплотной. Не то что вполне осязаемый сундук с долларами.

Вспомнив о сундуке, Веня поспешно хлопнул рукой по карману. Доллары лежали на месте и тоже были вполне осязаемы.

Утром, когда Веня проснулся, маленького стола и стула уже не было. А доллары по-прежнему оставались целыми и невредимыми.

Глава вторая
«Теперь тебя должны принять в сообщество»

По дороге на работу Веня не смог удержаться — поменял на рубли сразу три банкноты с портретами Бенджамина Франклина. Никаких проблем с обменом опять не возникло. Тогда в следующем попавшемся по пути обменнике Веня поменял еще одну зеленую купюру.

Однако и после этого долларов осталось у него немало.

А бумажек разного цвета со словами «Билет банка России» стало, пусть хотя бы по их количеству, еще больше. И не чтобы Вене очень нужны были российские деньги — просто хотелось лишний раз убедиться, что с долларами все по-прежнему в полном порядке.

Похоже, ощутимое содержание Вениных карманов наложило на его лицо какой-то особый отпечаток, потому что тщеславная женщина Заныкина-Сидорова, первой встретившаяся ему в коридоре, мельком глянув на компьютерного верстальщика, вдруг остановилась и молвила:

— Ты, Городков, сегодня какой-то не такой. Уж не влюбился ли случаем?

Сказав это, Заныкина-Сидорова лукаво потупила взор. Тем самым она давала понять, что догадывается, в кого Веня должен был неминуемо влюбиться, раз уж ему посчастливилось трудиться в «Вольном вечере». И не может не одобрить его выбор.

Вене же вдруг припомнились слова Инструкции, что у Заныкиной-Сидоровой вся спина конопатая, и он не сдержал улыбки. Заныкина-Сидорова тоже улыбнулась.

От ответа на заданный тщеславной женщиной вопрос Веня изящно ушел и в то же время ничуть не покривил душой:

— У меня все прекрасно. Очень доволен жизнью.

Дальнейшего развития у разговора, к счастью, не получилось — в коридоре возник Эдуард Борисович, и Заныкина-Сидорова, естественно, переключила все свое внимание на него. Хозяин, увидев Веню, плотоядно сверкнул глазами за стеклами очков и, взяв компьютерного верстальщика за локоток, стал излагать свои новые идеи относительно журнала «Эдик». Вместе с этим он легонько, но достаточно твердо, подталкивал Веню к его рабочему месту.

Веня включил свой компьютер. Работы, разумеется, и в самом деле хватало. И вскоре, как это нередко с ним случалось, особенно, в начале рабочего дня, компьютерный верстальщик увлекся и трудился с удовольствием.

Часов в одиннадцать, правда, его ненадолго отвлек от трудов Инструкция. Маленький человечек, на этот раз облаченный в потертые джинсы, тонкий свитер и мятый пиджак спортивного кроя, выпорхнул из часов, уселся на краешек принтера и устремил на Веню испытующий, но вместе с тем какой-то виноватый взгляд.

Немного помолчав, маленький человечек наконец изрек:

— А хорошо с тобой вчера посидели! Просто славно!

— Ничего себе, — отозвался Веня, не отрываясь от дела.

Инструкция как-то смущенно поболтал ногами, которыми едва доставал с принтера до стола.

— Иногда полезно бывает.

Веня промолчал.

Маленький человечек смущенно почесал нос и, глядя куда-то в сторону, вдруг молвил еще одну фразу, которую Вене нередко приходилось слышать от соседа Алексея Васильевича:

— Я тебя вчера ничем не обидел?

— Вроде нет, — ответил Веня, покосившись на своего руководителя.

— И ничего лишнего я не говорил?

Веня вдруг припомнил, что Инструкция под конец застолья сообщил, что ему всех жалко, а кого конкретно, уже не смог сказать.

Но вряд ли стоило вспоминать о такой мелочи. Иногда Вене и самому становилось всех жалко. Поэтому он ответил:

— Да все нормально. Если чего и сказал, так всего не упомнишь. Посидели хорошо, даже не ожидал.

— Рад, что тебе понравилось, — молвил Инструкция, и лицо его прояснилось.

Он сделал паузу, а затем значительно произнес:

— Можешь считать, что только теперь у тебя и началась новая жизнь. Ну, работай, работай, не буду мешать.

Инструкция исчез. Веня покосился на принтер, где только что сидел, болтая ногами, маленький человечек, и вдруг действительно в полной мере отчетливо осознал: его руководитель полностью прав. Новая жизнь, в самом деле, началась у него только сейчас.

Потому что Веня впервые убедился в том, что выравнивание строя фигурок раз в шесть дней, чтобы на солнце не было ни облачка, может приносить ему весьма ощутимую материальную пользу. И это уже позволяет строить кое-какие планы.

Деньги есть деньги. Можно их, конечно, презирать, как делают некоторые, однако наличие денег еще никому не вредило. Пусть даже их платят за действия, смысла которых не понимаешь.

Но действия эти, насколько можно судить, вреда никому не приносят.

Достаточное количество денег позволяет, прежде всего, чувствовать себя независимым. Возможно, в не столь уж отдаленном будущем даже получится бросить службу на кровососа Эдуарда Борисовича, чтобы... чтобы заняться чем-нибудь еще.

Значит, пусть и дальше продолжается то, что Инструкция как-то сравнил с работой на иностранную фирму, деятельность которой секретна.

Тем более, что работа эта совершенно необременительна. И ничего неприятного с ним, Веней, пока еще не происходило...

В этот день была среда. В субботу хозяин вновь попросил Веню быть на рабочем месте. Поэтому к книжному магазину рядом с метро «Сокол» Веня отправился уже под вечер, прямо из редакции «Вольного вечера».

И вновь все прошло без сучка и задоринки: сфинксы при виде Вени радостно завиляли хвостами, фигурки внутри экрана стояли ровным строем, на солнце ни облачка, так что пришлось лишь нажать контрольную клавишу, подтверждающую, что все в порядке.

Точно так же было и в следующую пятницу, когда снова пришла пора отправляться в пирамиду, на свое рабочее место.

А во вторник, шестнадцатого числа, в Вениной квартире опять появился железный сундук, вызванный прямо из воздуха Инструкцией, проделавшим руками загадочные свои пассы.

В этот раз маленький человечек, он же сгусток энергии, был подчеркнуто деловит и немногословен:

— Опять доллары? — поинтересовался он, извлекая из кармана ключ, и Веня согласно кивнул.

Инструкция выдал ему новую стопку банкнот с портретом Бенджамина Франклина и закрыл замок. Сундук сейчас же исчез, а секунду спустя и сам Инструкция скрылся в часах. Веня отметил про себя, что вид у его маленького руководителя на этот раз был таким, словно он куда-то опаздывал.

Как бы то ни было, о том, чтобы отпраздновать вторую зарплату, речь не заходила, и Веню это слегка обрадовало. Не хватало еще вести дружеские застольные беседы каждого второго и каждого шестнадцатого числа.

А куда Инструкция может так спешить? И чем занимается, когда прячется в крошечных наручных часах?

Да и вообще, как он в них помещается? Вдобавок не один, а вместе со всеми своими многочисленными нарядами, для которых явно нужен целый гардероб.

. . .

Доллары второй зарплаты, как в тот же день не преминул убедиться Веня, тоже были настоящими. Иными словами, пригодными для обмена на рубли. Но в этот раз он обменял только одну стодолларовую бумажку — просто так, для проверки, хотя сомнений на этот счет уже, пожалуй, и не было. Остальные, сложив вместе с купюрами из первой зарплаты, убрал в ящик письменного стола, задвинув подальше.

Стопка зеленых бумажек была уже достаточной толщины. Во всяком случае, такого количества долларов у Вени не было еще ни разу в жизни.

В четверг, в день очередного визита в пирамиду, строй фигурок оказался слегка нарушен, но, само собой разумеется, Веня под руководством Инструкции все очень быстро поправил. Через шесть дней, в среду, все было в полном порядке. Словом, Веня уже полностью свыкся со своими пусть абсурдными, но несложными обязанностями.

Попутно, раз от раза, он открывал что-то новое для себя. Например, как-то Инструкция сказал ему, что одного сфинкса-охранника зовут Жшшуш, а другого Жежжшилжшш. Первое имя Веня запомнил сразу же, второе никак не мог.

Выяснилось, что на стенах зала, где стоит экран с фигурками, тоже высечены древнеегипетские иероглифы, только плохо различимые в полумраке.

Какое отношение имел Древний Египет к фигуркам, облаченным в одежды куда более поздних времен?

Однажды Веня, поддавшись порыву, спросил Инструкцию, можно ли любопытства ради забраться на вершину пирамиды. Маленький человечек благодушно разрешил, и Веня, прыгая с одного уровня камней на другой, добрался до самого верха каменной громады. Ему было очень любопытно, что можно увидеть с ее вершины.

Оказалось, во все стороны, до самого горизонта, тянулся густой смешанный лес безо всяких признаков жилья и других примет созидательной деятельности человека — например, вырубок, дорог или линий электропередач. Создавалось впечатление, что пирамида стоит в непроходимой глуши, отдаленной от книжного магазина у «Сокола» многими тысячами километров.

Сделав такое открытие, Веня стал спускаться.

Следующим открытием стало то, что в этой глуши не меняется погода. Здесь никогда не было дождей, небо оставалось ясным, а воздух теплым. Могло даже показаться, что и время года здесь всегда было одно и то же.

Во всяком случае, после Вениного возвращения из Каталонии уже прошел сентябрь, начался октябрь, принесший в Москву хмурые холодные дожди, а рядом с пирамидой все оставалось по-прежнему.

Зато в Вениной жизни многое стало меняться, и в очень приятную сторону. Теперь, с долларами, которые исправно выдавал Инструкция по вторым и шестнадцатым числам, он мог себе позволить гораздо больше, чем прежде.

Решившись, в конце концов, Веня стал этим пользоваться.

Начал он с того, что купил себе самый крутой, навороченный, очень дорогой ноутбук и провел в свою съемную квартиру выделенную линию Интернета. Тратить деньги, зная, что их все равно останется много, оказалось необыкновенно приятно, никогда прежде Веня не испытывал подобного чувства.

Немного позже он отважился поехать в супердорогой ГУМ и вышел оттуда с двумя итальянскими костюмами от Армани и Гуччи (эти названия Веня запомнил), пятью рубашками, десятью галстуками и пятью парами великолепной обуви.

Говоря по правде, делать сразу столько покупок Веня не собирался, однако не сумел противостоять натиску бойких продавцов, явно почувствовавших покупателя с большими возможностями. Общаться с торговыми людьми, ловившими каждое слово клиента, тоже оказалось весьма приятно. Веня вдруг почувствовал, что внутри него зазвенели струны, даже о существовании которых он не подозревал.

Одному из итальянских костюмов очень скоро суждено было сыграть определенную роль в трагикомической сцене с офис-менеджером из Брянска, вдруг снова объявившейся в Вениной квартире. Но главным действующим лицом тут оказался Инструкция. Сцена показала, что героиню курортного Вениного романа маленький человечек явно невзлюбил.

Само же появление Ольги, опять непредвиденное, в этот раз произвело на Веню сильное впечатление. Потому что, еще даже не переступив порога комнаты, офис-менеджер уткнулась глазами в итальянский пиджак, висевший на спинке стула, и без малейшего колебания определила:

— Ого! Это от Армани! Не ожидала!

Прежде чем Веня, потрясенный ее способностью безошибочно разбираться в марках одежды на расстоянии (и немного обиженный — почему не ожидала?), успел что-нибудь сказать, офис-менеджер, все еще не отводя от пиджака глаз, пришла к неожиданному умозаключению:

— А не пора ли нам провести уикенд в Париже?

Веня опять не успел ничего сказать, потому что Ольга без промедления принялась развивать свою мысль:

— А можно в Риме или в Лондоне! Еще все расхваливают Амстердам! Это где-то в Дании, что ли! Оттуда недавно приехал наш генеральный директор, такое рассказывал! Но для начала лучше все-таки в Париж! Там галерея Лафайет!

Наконец, Вене удалось вставить и свое слово.

— Амстердам в Голландии, — молвил он хмуро. — А что за галерея Лафайет?

— Знаменитый магазин! — ответствовала офис-менеджер и только теперь с ног до головы особым, каким-то новым взглядом осмотрела и самого Веню. — Вроде, как московский ГУМ, только намного лучше! Кстати, в Москву я теперь буду приезжать по делам гораздо чаще! Если тебе это интересно!..

Веня вдруг осознал: в Париж, Рим, Лондон и Амстердам ему в самом деле хотелось бы съездить. Особенно почему-то в Амстердам. Возможно, из-за названия, которое звучало даже еще красивее, чем Париж, Рим и Лондон.

Однако — Веня вдруг совершенно ясно отдал себе в этом отчет — не с офис-менеджером Ольгой, а с какой-то другой девушкой, пока ему еще неведомой, но которая, конечно, где-то есть. Только где? И когда он ее встретит?

— Насчет парижских уикендов, извини, ничего пока не могу сказать, — ответил Веня, даже не кривя душой. — Сейчас приходится то и дело в выходные работать. В Париж никто меня не отпустит. А дальше загадывать не могу.

— Ну, как знаешь! — в голосе Ольги зазвучали знакомые Вене еще по Каталонии капризные нотки. — Если хочешь, работай по выходным! И ничего не загадывай! Вполне могу в Париж и без тебя слетать! Слава богу, тоже хорошо зарабатываю!

— Слетай, если собралась, — сказал Веня сухо. — Потом расскажешь, что продают в галерее Лафайет.

И как раз в этот момент у Вениных ног объявился Инструкция.

— Он с тобой не полетит, и не рассчитывай, — с ходу заговорил маленький человечек, строя офис-менеджеру забавные рожицы. — А если полетит, то не с тобой.

Веня сначала оторопел, а потом закипел.

— Ты что, вдобавок ко всему еще и подглядываешь за мной! — выпалил он возмущенно. — Колеблюр торсин! И часто? Может, вообще все время?!

— Ну и полечу! — с вызовом молвила в этот момент офис-менеджер. — Очень скоро полечу!

Веня отвлекся от Инструкции и перевел взгляд на девушку из Брянска.

— Лети, парижанка! — сказал ей Инструкция, не обращая никакого внимания на Венины слова.

Состроив очередную рожицу, маленький человечек прошел сквозь ноги офис-менеджера.

— А у нас и без тебя много дел, — заключил он после этого.

— И вообще хочу сказать, я к тебе только на минутку! — молвила офис-менеджер с заметно нарастающим раздражением. — У меня в Москве сегодня очень важная встреча! Если тебе интересно! Можешь даже меня не провожать!

— Он и не собирается тебя провожать, не надейся, — злорадно объявил Инструкция и снова прошел сквозь ноги офис-менеджера. Теперь с обратной стороны.

— И не провожай! — повторила офис-менеджер, не двигаясь, однако, с места. — Обойдусь!

Веня переводил взгляд с Ольги на Инструкцию и обратно. Ясно было, что его руководитель, появившийся столь неожиданно, от души забавлялся.

Мизансцена в самом деле получалась довольно забавной. Правда, одному из действующих лиц комизм ситуации был недоступен. Веня вдруг понял, что и его самого все происходящее уже начинает, пожалуй, веселить.

Однако налицо были и некоторые сомнения морального свойства: можно ли так обращаться с человеком, зная, что он тебя и не видит, и не слышит?

— А не много ли ты себе позволяешь? — молвил Веня Инструкции для порядка, но теперь почти миролюбиво.

— Может, ты даже рад, что мне пора уходить?! — уже с металлом в голосе поинтересовалась офис-менеджер.

На мгновение Веня отвлекся от объяснений с маленьким человечком, чтобы хоть что-нибудь, наконец, сказать и Ольге:

— Ну не могу я с тобой в Париж, — повторил он терпеливо, — потому что...

— С этой, конечно, не можешь, — сейчас же подхватил его слова Инструкция. — Тебе совсем другая девушка нужна. И я даже знаю, какая.

— Что? — изумился Веня.

— Скоро я тебя с ней познакомлю, — пообещал Инструкция.

— Да ты еще вдобавок ко всему сводник! — вскричал Веня, снова взорвавшись от возмущения.

Возмущение было искренним. Не хватало только, чтобы бесплотный сгусток энергии знакомил его с девушками. Интересно, правда, с какими это девушками?

— Да что это ты себе позволяешь! — выпалил Веня следующую возмущенную фразу. — Да я видеть тебя после этого не хочу!

Услышав такие слова, маленький человечек вдруг состроил сокрушенную, донельзя обиженную физиономию.

— Меня? — вопросил Инструкция с трагическими нотками и с отчаянием прижал маленькие кулачки к своей груди. — Видеть не хочешь? Своего руководителя, который не сделал тебе ничего плохого?

Выдержав, словно артист на сцене, паузу, паузу, маленький человечек обиженно продолжил:

— Надеюсь, у тебя не хватит духа повторить свои последние слова?

Но Веня все еще продолжал кипеть, и духа у него хватило.

— Видеть тебя больше не хочу! — повторил он, награждая Инструкцию новым испепеляющим взглядом. — И вообще, кто дал тебе право появляться в самый неподходящий момент! Есть же какие-то правила приличия!

Однако первой на такие слова неожиданно среагировала офис-менеджер.

— Ах вот оно что?! — ахнула она. — Ты не можешь ехать в Париж, потому что видеть меня не хочешь?! И появляюсь я, значит, в самые неподходящие моменты?! Ну, извини! Не знала, что так! Больше ты меня не увидишь! Но первый об этом пожалеешь!

Онемев от неожиданности, Веня растерянно проводил офис-менеджера, круто развернувшуюся к входной двери, взглядом.

— Ну разве можно так обходиться с девушками? — укоризненно, однако вместе с тем расплываясь в широкой улыбке, сказал Вене Инструкция.

Веня сделал движение к двери. Первым его порывом было догнать офис-менеджера. С девушками и в самом деле нельзя было так обходиться. В любом случае.

Но Веню остановили слова маленького человечка:

— Чтобы ни случилось, твоей вины тут нет, — Инструкция смиренно потупил взор и развел руками. — Ну не попал ты вдруг в противофазу, с кем не бывает? Правда, бывает, между нами, исключительно редко. А она, эта девушка, услышала, что ты мне говорил, и отнесла все на свой счет.

Громко щелкнул замок. За офис-менеджером, мигом натянувшей пальто и схватившей свою сумочку, захлопнулась дверь.

— И теперь ей уже этого не объяснишь, — сокрушенно договорил маленький человечек. — А если объяснишь, все равно не поверит. Впрочем, догоняй, если хочешь.

Веня открыл рот, чтобы выложить Инструкции все, что он о нем думает. Но маленький человечек его опередил.

— Я тебе добра желаю, раз ты мой подопечный, — вымолвил он и тотчас тоже исчез.

Трагикомическая сцена с тремя действующими лицами завершилась. Веня посмотрел сначала на дверь, с треском захлопнувшуюся за офис-менеджером, потом на то место, где только что стоял Инструкция.

Справившись с последним порывом догнать злополучную гостью, Веня принялся обдумывать свое новое открытие, связанное с Инструкцией.

Оказывается, маленький человечек мог управляться с тем, что он называл «противофазой», согласно своим желаниям. Мог сделать и так, чтобы Венины слова, обращенные исключительно к Инструкции, слышали окружающие. Что и случилось с офис-менеджером.

На всякий случай это надо было запомнить.

Потом в Венину душу закралось подозрение: а не умеет ли Инструкция, вдобавок ко всем остальным своим талантам, читать его сокровенные мысли?

В следующие несколько дней маленький человечек не объявлялся. Веня даже начал предполагать, что он опасается крупного разговора со своим подопечным. Все-таки в личные отношения Вени и офис-менеджера из Брянска, какими бы они ни были, маленький человечек вмешался совсем уж бесцеремонно.

И должен был осознать, что вышел за рамки.

Впрочем, строить гипотезы, о чем думает Инструкция, явно не имело смысла: не человеку судить о переживаниях сгустка энергии. Возможно, переживания и вовсе не были свойственны этому сгустку, пусть он и принимает облик маленького человечка.

В конце концов Веня решил, что теперь Инструкция объявится только в понедельник, когда предстоял очередной визит в пирамиду.

Однако маленький человечек напомнил о своем существовании в субботу, которая неожиданно оказалась нерабочей — у жены Эдуарда Борисовича был день рождения, и хозяин отправился праздновать к себе на дачу. Поэтому Веня в субботнее утро был занят тем, что ставил на свой прекрасный ноутбук новую операционную систему и отдыхал от всего.

Тем более что утро вдруг выдалось солнечным, прекрасным, хотя еще накануне весь день шел холодный дождь. Даже осенняя вода Москвы-реки за окном, казалось, потеплела в лучах солнца. На деревьях парка золотились листья — те, что еще не успели облететь.

Мир в это утро был таким, каким ему и следует быть, и ничто не напоминало о том, что Вене знаком и еще один, другой мир.

Тот, абсурдный мир с пирамидами, находящимися неизвестно где, стерегущими эти пирамиды сфинксами египетскими и с другим солнцем, на котором не должно быть ни облачка.

Однако быстро выяснилось, что как раз в этот день абсурдному миру суждено было не только лишний раз напомнить Вене о себе, но и приоткрыть ему еще одну из своих граней, неведомых прежде. Оказалось, кроме пирамид египетских в том мире существует и кое-что другое. И предвестником этого нового открытия стало как раз появление Инструкции.

Если Веня и собирался выяснять с маленьким человечком отношения, то при виде его об этом сразу забыл. Инструкция теперь явился в таком обличье, что Веня даже потерял дар речи. Но ненадолго. Уже в следующий миг он подумал о том, что за абсурдное последнее время привык, похоже, ко всему, и способность удивляться у него явно притупилась.

На этот раз Инструкция был облачен в камзол вишневого цвета, одетый на морскую тельняшку, и высокие сапоги-ботфорты. Кроме того, маленький человечек оказался вооружен. За широкий пояс были заткнуты два пистолета старинного вида, и вдобавок на нем висели широкий нож в ножнах и шпага.

А лицо маленького человечка было наполовину закрыто густой черной бородой. В солнечном луче вдруг ярко сверкнула серебром пиратская серьга, продетая в мочку уха.

Инструкция встал на столе рядом с крутым Вениным ноутбуком и подбоченился. Зрелище было очень красочным.

— В пираты, что ли, решил податься? — спросил Веня первое, что пришло в голову.

— Угадал, — ухмыльнулся в ответ маленький человечек. — Именно в пираты. Но не один податься в пираты, а вместе с тобой.

— Со мной? — переспросил Веня.

— Конечно, с тобой! Ведь ты мой подопечный, — ответил Инструкция. — Собирайся, поехали! Мы едем в клуб, там сегодня программа «Пиратский берег».

Веня осознал, что вывод о притупившейся в нем способности удивляться оказался, пожалуй, преждевременным.

— Куда едем? — вырвалось у него. — Какой еще клуб?

— Сегодня вторая суббота четного месяца, — пояснил Инструкция невозмутимо и погладил ладонью один из своих пистолетов. — Это значит, как раз сегодня очередная... как бы лучше выразиться, чтобы ты понял... в общем, то, что у вас теперь называется корпоративной вечеринкой. Один раз в два месяца все шрежы собираются вместе, чтобы отдохнуть и развеяться. Можно назвать это своего рода закрытым клубом, о котором, естественно, никто, кроме немногих избранных, не знает. Там бывает очень весело, — Инструкция погладил второй пистолет. — Тебе должно понравиться.

— Шрежы собираются? — повторил Веня медленно. Он словно пробовал это незнакомое слово, в котором были шипяще-жужжащие звуки, на слух. — Какие еще шрежы?

— Такие, как ты, потому что ты тоже шреж, — ответствовал Инструкция. — Вернее, формально станешь шрежем только сегодня. Теперь тебя должны принять в сообщество шрежей. Но все равно ты уже шреж. Потому что не один раз бывал в пирамиде.

— С тобой не соскучишься, — искренне сказал Веня. — Значит, шрежы это те, кто...

— Ну да, — сказал Инструкция. — Ты же не один такой. Одному человеку тут не справиться.

— Ну конечно, шрежы, — сказал Веня. — И я тоже шреж.

То, что он не один такой, Веня уже давно подозревал. Еще с того момента, когда Инструкция сказал, что кто-то подменяет Николая в пирамиде на время его отпусков.

Однако сколько их, таких шрежей, занимающихся, как и он сам, выравниванием строя фигурок в глубине экрана, чтобы на солнце не было ни пятнышка?

И много ли в этом абсурдном мире пирамид? Одна, в которую шрежы наведываются поочередно, или у каждого шрежа своя собственная пирамида?

А чем эти таинственные люди-шрежы занимаются в обычной жизни? Вот Николай — стоматолог, сам он — компьютерный верстальщик. Кто остальные? Как вообще обычные люди становятся шрежами? Он-то сам стал совершенно случайно, потому что к нему попали часы Николая, а другие как? В том числе и тот же Николай?

Но задавать подобные вопросы Инструкции вряд ли имело смысл: маленький человечек, как Веня уже знал по опыту, всегда напускал таинственности и старался уйти от ответов. Информацию своему подопечному он отпускал очень скупыми дозами, а вдобавок упрекал его за то, что тот много думает.

Поэтому вслух Веня спросил у Инструкции другое:

— Может, у нас, у шрежей, еще и профсоюз есть?

— Профсоюз шрежам незачем, — ответствовал Инструкция вполне серьезно. — И так никто вас не обижает.

Маленький человечек снова погладил свои пистолеты. Похоже, ему самому не терпелось отправиться в этот таинственный клуб, где бывает очень весело.

Само слово «клуб», впрочем, особых вопросов у Вени не вызывало. Клуб есть клуб, это место, где собираются люди по интересам. Или по роду занятий, как шрежы. Почему бы людям, делающим общее дело, время от времени не устраивать корпоративных вечеринок?

Похоже, даже костюмированных, иначе с какой стати Инструкции наряжаться пиратом...

Впрочем, от этого абсурдного мира ожидать можно было чего угодно.

Не очень надеясь на ответ, Веня все-таки спросил:

— Почему «Пиратский берег»?

— Сам скоро узнаешь, недолго осталось, — сказал Инструкция, действительно выказывая признаки нетерпения. — Что у тебя за привычка все время думать и лишние вопросы задавать!

— Ну, поехали, — сказал Веня и выключил ноутбук. — Только пиратского прикида у меня нет. Пистолетов тоже. Могу надеть обычный костюм и галстук.

— Можешь отправляться хоть в домашних тапочках, — ответил Инструкция весело и нетерпеливо. — От тебя ничего не требуется. Раз сегодня программа «Пиратский берег», ты тоже будешь одет соответственно. Спускайся к своей машине!

Отдав такое распоряжение, Инструкция исчез.

Веня тряхнул головой, словно прогоняя наваждение.

Если он хотел разобраться во всем, что происходит, то клуб, в котором собираются шрежы, безусловно, мог многое для него прояснить. Поэтому собрался Веня очень быстро, хотя в его душе происходили сложные процессы. Уже пять минут спустя он совершал сложные маневры, чтобы выехать из своей ракушки, потому что красный «москвич» Алексея Васильевича, как обычно, загораживал дорогу.

Когда Веня наконец справился, на правом сиденье снова появился маленький пират.

— К метро «Сокол»? — спросил Веня деловито. — Или вход в этот твой клуб в другом месте?

— К «Соколу», — коротко распорядился Инструкция. — А клуб этот не мой, а ваш.

Пятнадцать минут спустя Веня уже стоял на своем привычном месте — на крышке люка чуть правее входа в книжный магазин. Но читать заклинание в этот раз не пришлось: Инструкция проделал руками какие-то пассы, словно опять собирался извлечь из воздуха сундук с долларами.

Однако теперь раз пассы имели другой смысл — Веня, а вместе с ним и Инструкция, оказались после них на широкой песчаной отмели.

На нее накатывались бирюзовые волны — лениво, неспешно, однако по ним сразу чувствовалось, что это волны не моря, но великого, могучего океана.

Неподалеку от берега на волнах покачивался красивый трехмачтовый корабль. Паруса на нем были спущены, зато на средней мачте реял флаг отчетливого черного цвета.

В противоположную от океана сторону отмель тянулась к густой стене тропического леса, из которого доносились крики неведомых птиц, вероятно, попугаев. Над лесом висело ослепительное солнце, заливающее весь этот мир нестерпимым жаром.

Веня вдруг понял, что он тоже облачен в камзол, высокие сапоги-ботфорты, а на голове у него такая же треуголка, как у его руководителя. С левой стороны рука машинально нащупала эфес шпаги, а еще Веня обнаружил, что за широкий пояс заткнуты два пистолета. Кроме того, на поясе висел тяжелый широкий нож в ножнах. На шее Веня ощутил огромную золотую цепь, которая, оказалось, была выпущена поверх камзола.

Момента, когда на нем появился такой наряд, Веня не ощутил. Случилось это, видимо, во время мгновенного переноса.

Инструкция стоял рядом с ним.

Веня почувствовал, что растерян, и даже очень. Точно так же, как в тот раз, когда впервые увидел перед собой посреди родного российского смешанного леса египетскую пирамиду.

— А где же клуб? — задал он несуразный вопрос, машинально оглядываясь по сторонам в смутной, видимо, надежде обнаружить где-нибудь какое-нибудь здание со стенами и крышей.

Инструкция широким жестом обвел все вокруг, включая даже небо, и ухмыльнулся.

— Это и есть клуб, — сообщил он. — Потому что сегодня «Пиратский берег».

— Это что, какой-то другой век? — спросил Веня тупо. — Не может быть, чтобы наш, двадцать первый!

— Это никакой век, — ответствовал Инструкция. — Это место, где выполняется программа «Пиратский берег».

Как в доказательство его слов, рядом с первым парусником словно бы из воздуха вдруг возник еще один корабль, поменьше, но с таким же черным флагом на средней мачте.

И даже с людьми, которых ясно можно было различить на борту.

Веня закрыл глаза, открыл снова, но все осталось по-прежнему: море, корабли, песок под ногами, крики попугаев в лесной чаще.

Возможно, люди на борту парусника как раз и были этими таинственными шрежами, собравшимися на свою корпоративную вечеринку. Но Инструкция, перехватив его взгляд, кивнул на корабли с их экипажами и небрежно махнул рукой:

— Это так, антураж программы «Пиратский берег». А нам с тобой, — он повернулся в сторону тропического леса, где кричали попугаи, — туда. Если бы ты уже был членом сообщества, то оказался бы на месте, где все собрались, сразу и с самого начала. А для обряда посвящения в первый раз ты должен явиться сообществу со стороны. Идем!

Веня, чуть увязая в песке, переставляя ноги, как автомат, двинулся вслед за своим руководителем.

С моря донесся звук пушечного выстрела. Вздрогнув, Веня оглянулся — над бортом одного из пиратских кораблей поднимался белый дымок.

— Не по нам, случаем, этот антураж стреляет? — спросил Веня, стараясь, чтобы его вопрос прозвучал как можно мужественнее.

— Это салют в твою честь, — отвечал Инструкция. — В сообщество шрежей принимают не часто. Однако особых торжеств не жди. Просто традиция есть традиция. Так давно заведено.

Глава третья
«Чтобы было потом, что вспомнить»

Веня постепенно осваивался. Все-таки неожиданности самого невероятного рода в последнее время обрушивались на него столь часто, что он привык, как говорят спортсмены, держать удар. Осваиваясь, он прокладывал путь сквозь тропические заросли, действуя своим тяжелым ножом словно топором.

Инструкция подсказывал, в каком направлении надо двигаться. Попутно Веня припомнил, что такие ножи, как у него, именовались красивым словом «мачете».

Наконец отчетливо запахло дымом, и пару минут спустя Веня с Инструкцией выбрались из зарослей на поляну.

Первое, что бросилось в глаза, это бревенчатая стена форта — низкого деревянного строения с прорубленными в бревнах бойницами. В них виднелись жерла нескольких пушек, а над фортом на высокой мачте реял такой же черный флаг, как и на корабле, стоявшем возле берега.

В общем, открывшееся глазам место выглядело живописно и вполне соответствовало романтичным словам «пиратский берег». Однако было здесь и нечто странное: у одной из стен форта поблескивали в солнечных лучах металлические панели некоего предмета, больше всего напоминающего игровой автомат. Но Веня пока только скользнул по нему взглядом, потому что куда более важным в этот момент было для него другое.

Дымом тянуло от костра, разложенного на поляне в некотором отдалении от форта. На огне жарилась огромная туша, вероятно, бычья. А близ костра, сидя на бочонках, а то и просто на земле, расположилась небольшая, но веселая компания людей, одетых примерно так же, как он сам. Людей было от силы десятка полтора.

Вот они-то, конечно, и были шрежами — таинственными людьми, занимающимися тем же абсурдным делом, что и он сам: выравниванием фигурок в пирамидах. Иными словами, живущими такой же двойной жизнью, что и он.

— Правильно догадался, — ухмыльнулся Инструкция, словно прочитав Венины мысли. — Все они шрежи. И твои соотечественники.

Веня остановился, во все глаза разглядывая своих таинственных соотечественников.

В данный момент шрежи заняты были не абсурдным, а вполне понятным, конкретным делом: все держали в руках огромные металлические кружки, явно не пустые, которые время от времени с громким стуком ударялись друг об друга. Стук перекрывал гул голосов, в который вплеталась также и нестройная песня. Вдобавок время от времени кое-кто из этой развеселой компании от полноты чувств палил в воздух из пистолетов.

Судя по всему, корпоративная вечеринка шрежей, совершенно непохожая ни на одну из вечеринок, на которых Вене случалось бывать прежде, была в самом разгаре. Как выглядели бы ее участники в обычной жизни, без этой пиратской амуниции, представить было совершенно невозможно.

Веня все стоял на месте.

— Иди вперед, ничего не бойся, — сказал ему Инструкция. — Здесь все для тебя свои.

— Я не боюсь, — ответил Веня. — Просто я никого из этих пиратов еще не знаю.

— Узнаешь постепенно, — сказал Инструкция.

Но Веня в нерешительности все-таки медлил. Чтобы еще потянуть время, он даже задал первый пришедший в голову вопрос:

— И у каждого из шрежей свой руководитель? Вроде, как ты у меня?

Должно быть, теперь это уже не составляло тайны, потому что Инструкция не стал уклоняться от ответа:

— Еще бы! — молвил он не без гордости. — Что бы вы, шрежы, без нас могли?! Идем!

Веня сделал один шаг и снова остановился.

— А песня-то совсем не пиратская, — сказал он, с удивлением вдруг узнав мелодию и расслышав обрывки слов. Вроде «Подмосковные вечера» поют.

— Чего же не петь, раз песня хорошая, — отвечал Инструкция. — Мне тоже она давно нравится. Пошли!

— А почему ты со мной, а все остальные без своих Инструкций? — спросил Веня, все еще медля.

— Почти все сейчас здесь, — отрезал Инструкция. — Нам ведь тоже, знаешь ли, хочется иногда повеселиться. Но чужих руководителей ты не можешь видеть. А другие шрежы не могут видеть меня. Так уж заведено. Пошли!

И как раз в этот момент разговоры у форта смолкли, а вслед за ними прервалась песня. Веня понял, что его увидели, и пошел наконец вперед.

При его приближении пираты стали вставать с бочонков. Некоторые с видимым трудом, да и понятно — в огромных кружках явно плескалась не вода. Иные из пиратов были облачены в роскошные камзолы, надетые подчас прямо на голое тело, другие красовались в рубахах, а то и только в одних кожаных штанах. На головах некоторых были широкополые шляпы, головы других повязаны косынками.

Вдобавок Веня разглядел, что у нескольких морских разбойников лица были перетянуты черными повязками, скрывавшими отсутствие того или иного глаза. На других были заметны ужасные шрамы.

Непроизвольно Веня опять стал замедлять шаги. Инструкция понял, в чем дело.

— У тебя тоже сабельный шрам через половину лица, — небрежно сказал он. — Раз ты сегодня пират, то и выглядишь как все.

Венина рука сама собой потянулась лицу, и пальцы в самом деле нащупали рубец шрама.

— Да зачем все это надо? — вырвалось у Вени.

— Чтобы было потом, что вспомнить, — ответил Инструкция. — Ты же сегодня пират, и они тоже. Не бойся, когда программа «Пиратский берег» закончится, шрама у тебя не останется.

— Я и не боюсь, — сказал Веня, опять стараясь, чтобы голос звучал мужественно. — Это же, как я понимаю, игра.

Все, что происходило с ним дальше, и в самом деле больше всего оказалось похожим на веселую игру. На какой-то новогодний утренник для детей с пиратским уклоном. В конце концов Веня даже почувствовал неясную обиду. Все-таки он ожидал от клуба шрежей чего-то другого. Хотя и не знал, чего именно.

Когда он приблизился наконец к морским разбойникам, один из них вышел ему навстречу. Пират был пожилой, с густой черной бородой и, словно Джон Сильвер из знаменитого романа Стивенсона, с попугаем на плече.

— Тебя-то мы и ждем, — сказал пожилой пират сиплым и, пожалуй, не совсем трезвым голосом, однако вполне дружелюбно. — Сейчас ты принесешь клятву, и станешь полноправным членом нашего сообщества. Повторяй за мной. Клянусь...

Опять какой-то сюрреализм, решил Веня. Но играть так играть. В конце концов, каждый отдыхает, как умеет.

— Клянусь, — повторил он.

— Клянусь, — вдруг произнес столь же сиплым голосом попугай на плече пожилого пирата и громко захлопал крыльями. — Клянусь! Клянусь!

Клятва тоже оказалась какой-то несерьезной.

— Клянусь хранить в полной тайне свои труды в пирамиде ото всех, кто не является членом нашего сообщества, — продолжал пожилой пират, расплываясь в доброй улыбке, плохо сочетающейся с ужасным шрамом на щеке, и потрепав своего попугая по хохолку на голове.

— Клянусь хранить в полной тайне, — повторил Веня начало фразы, а затем и все последующие слова.

Тут в происходящее бесцеремонно вмешался Инструкция, который все это время стоял возле правого сапога Вени.

— Если даже он кому-то расскажет, кто же ему поверит! — весело выкрикнул маленький человечек.

Пожилой пират тем временем продолжал:

— Клянусь хранить в полной тайне само существование нашего сообщества.

— Клянусь...

— Клянусь пресекать любые попытки проникнуть в наши тайны, от кого бы они ни исходили.

— Клянусь...

— Клянусь, не выказывая излишнего любопытства, добросовестно выполнять то, что мне предписано, во всем следуя словам своего руководителя.

— Клянусь...

— Клянусь, что если я нарушу клятву, смиренно приму наказание, сколь суровым оно бы ни было.

Веня добросовестно повторил и последние слова, хотя, несмотря на шутливый тон пожилого пирата, они заставили его призадуматься. Но думал он не долго, потому что пират вдруг протянул ему какую-то бумажку и ручку. Похоже, они возникли из воздуха.

— Осталось скрепить договор-клятву подписью.

— Подписывай, и с формальностями будет покончено, — выкрикнул Инструкция.

Веня окончательно решил, что ко всему происходящему надо относиться, как к какой-нибудь веселой бойскаутской игре, хоть и участвуют в ней люди весьма необычные. Наскоро перечитав текст, он поставил свою подпись.

Пожилой пират принял от него бумагу, глянул на Венину подпись и сейчас же провозгласил:

— Ты член нашего сообщества, со всеми правами и обязанностями. Сегодня в клубе мы веселимся в твою честь!

Бумага, которую держал пожилой пират, словно бы дожидалась именно этих слов. Она вдруг ожила, выпорхнула из рук пирата и, не спеша, поднялась в воздух, при этом изгибаясь и шелестя.

Потом мгновенно набрала скорость и унеслась в синее небо. Неизвестно к кому.

Веня, широко раскрыв глаза, смотрел ей вслед. Потом он почувствовал, как кто-то сзади его тронул за плечо. Обернувшись, Веня увидел негритенка, протягивающего ему кружку, наполненную жидкостью темно-янтарного цвета. Веня взял кружку.

— Выпей рому, морской разбойник! — приветливо сказал пожилой пират. — И начинай веселиться вместе со всеми на нашем пиратском берегу. Но кроме дружеского застолья, здесь есть и другие развлечения.

— Выпей рому! — сейчас же закричал попугай на его плече. — Выпей рому! Выпей рому!

Пираты снова расположились вокруг костра. Тот же негритенок подкатил пустой бочонок и для Вени. Еще раз посмотрев в небо, куда улетела подписанная им клятва, Веня сделал маленький глоток рома и уселся на бочонок. Инструкция расположился у его ног на земле.

— Ну и что мне теперь делать дальше? — спросил Веня своего руководителя.

— Послушайся попугая, — посоветовал тот, — выпей рому. Смотри по сторонам, подмечай, что происходит. В конце концов со всеми познакомишься. В общем, развлекайся, для этого все сегодня и собрались.

Покосившись на своего руководителя, Веня стал смотреть по сторонам и подмечать, что происходит. И уже после нескольких глотков рома все стало казаться и проще, и естественнее, словно именно так и должно было быть.

Прежде всего Веня подметил следующее: пиратская компания, приняв компьютерного верстальщика в свое общество, продолжала заниматься прежним делом, и теперь никто больше не обращал на него внимания.

Наверное, чтобы не смущать нового члена сообщества. Предполагалось, видимо, что адаптация нового шрежа к корпоративной вечеринке произойдет сама собой, постепенно.

Веня потихоньку пил ром и прислушивался к пиратским разговорам. Из-за того, что кое-кто снова затянул «Подмосковные вечера», слова разговоров было трудно разобрать, но все же Веня понял, что об общем занятии шрежей, о пирамидах и сфинксах, разговоров тут не было.

Ближайшая к нему пара живописных пиратов к Вениному изумлению обсуждала, причем не очень трезво, новинки рынка офисных

кондиционеров. Похоже было, что в обычной жизни хотя бы один из этих пиратов профессионально занимался либо торговлей, либо установкой кондиционеров.

Пираты, обсуждающие кондиционеры, это тоже был какой-то сюрреализм. Веня покачал головой и сделал еще один глоток.

Потом Веню снова кто-то тронул за плечо. Он обернулся, ожидая увидеть прежнего негритенка с новой кружкой рома, но увидел рядом с собой совсем юного пирата в кожаной куртке, подпоясанной широким кушаком, за который были заткнуты пистолеты, в узких брюках-бриджах, заправленных в высокие сапоги, и широкополой шляпе.

Веня понял, что глаза у этого пиратского юнги удивительного синего цвета, а волосы, выбивающиеся из-под шляпы, золотистые. Лицо было нежным, шрамы на нем отсутствовали.

А в следующий момент Веня осознал, что перед ним не пиратский юнга, делающий первые шаги на ниве морского разбоя, а очаровательная пиратка. Девушка сняла шляпу, и длинные золотистые волосы рассыпались по плечам.

Голос у пиратки оказался чуть низковатым, с легкой хрипотцой, но при звуках его у Вени отчего-то замерло сердце.

— Можно расположиться рядом с вами? — спросила девушка, и Веня автоматически встал со своего бочонка, чтобы уступить златовласой пиратке место.

Девушка улыбнулась и по-особому повела плечом. Тотчас за ее спиной возник негритенок, подкатывающий еще один бочонок. Пиратка опустилась на него и жестом пригласила Веню сесть. Теперь они были совсем близко. Веня чувствовал, как взгляд синих глаз скользит по его лицу.

— Шрам вам совсем не идет, — сказала девушка. — Представила вас без него и теперь знаю, какой вы на самом деле. Ну, придумают! Почему, раз пиратский берег, значит, все должны быть в шрамах и без глаз. Хорошо хоть меня оставили такой, какая есть. Даже представить себя не могу с повязкой на лице.

Пиратка рассмеялась.

— Значит, вы и в жизни такая, как сейчас, — сказал Веня первое, что пришло в голову.

— Пожалуй, только ношу очки, — ответила девушка. — Сейчас сняла, потому что здесь они как-то ни к месту. И, конечно, в обычной жизни хожу совсем в другой одежде.

Из кармана грубой кожаной куртки появились очки в модной тонкой оправе. Девушка надела очки, бросила взгляд на Веню, и тот понял, что она стала еще очаровательнее: очки добавили ей какой-то загадочности. Чуть помедлив, пиратка подняла руку, чтобы снова

убрать их в карман, но Веня непроизвольно сделал протестующий жест.

И тут же в разговор вмешался Инструкция, до этого молча сидевший прямо на земле у Вениных ног.

— Она, — сказал маленький человечек.

— Что — она? — не понял Веня.

— Лучше тебе не найти, — молвил Инструкция. — Я же тебе говорил, что у меня есть на примете девушка. Сердце у нее золотое. Впрочем, сам поймешь, когда узнаешь ее поближе. Ты уж постарайся, не упусти своего шанса.

Веня воззрился на своего руководителя. Тот невозмутимо продолжал:

— Сам видишь, какая красавица! Замужем не была. Не спешит, потому что пока не нашла достойную пару. Двадцать четыре года. Вот только живет она не в Москве, а в Вышнем Волочке.

Инструкция усмехнулся и добавил:

— Но это ближе, чем Брянск.

Потом присовокупил еще одну фразу:

— Если тебе интересно, ты ей тоже понравился.

Веня кинул испуганный взгляд на очаровательную пиратку. Инструкция рассмеялся:

— Она же меня не видит и не слышит. А ты не видишь и не слышишь ее руководителя. Он тоже здесь.

— Может, тоже ей что-нибудь советует? — вырвалось у Вени.

— Зачем тебе знать?! — отрезал Инструкция.

В этот момент девушка чему-то улыбнулась.

— Ну, и каковы первые впечатления? — спросила она.

— Пока не знаю, — честно ответил Веня. — Еще не привык. Тут все для меня чужие. И не знаю, что будет в следующий момент. Может, вдруг все сразу исчезнет. Не знаю, зачем вообще все это нужно. Хорошо, что вы ко мне подошли, — добавил он, после небольшой паузы.

— Молодец! — похвалил Инструкция. — Правильно начинаешь. Я знал, что девушка тебе понравится.

Сделав паузу, Инструкция добавил:

— Больше, чем понравится.

— Отстань от меня, — сказал Веня, чувствуя, что голос его дрогнул.

— Сейчас тебе кажется, что она другого мира, — не обижаясь, сказал маленький человечек, — но она такая же, как ты. Просто сейчас оба вы в другом мире.

Вене показалось, что в голосе Инструкции вдруг прозвучали теплые нотки, каких он никогда прежде не слышал.

— Да отстань ты, — повторил Веня прежние слова, но мягче, потому что в этот момент вдруг почувствовал к своему руководителю чуть ли не симпатию. Такого тоже еще не бывало.

— Даю тебе совет, — сказал маленький человечек. — Тут все свои, все пираты. Предложи ей сразу перейти на ты. Она не обидится.

Совет был дельный, но Веня не успел ему последовать, потому что очаровательная пиратка его опередила.

— Лучше будет, если мы сразу перейдем на ты, — сказала она в тот же момент. — Меня зовут Александра. Или просто Саша.

— Вениамин, то есть Веня, — отозвался Веня.

— Это я знаю, — молвила пиратка Саша. — Всем уже известно, что волей случая тебе пришлось заменить Николая. И что по профессии ты компьютерный верстальщик — мы тоже знаем.

Веня покосился на маленького пирата у своих ног, который в этот момент невозмутимо смотрел на костер. Потом перевел взгляд с Инструкции на очаровательную пиратку. Судя по всему, в обычной жизни ей полагалось быть киноактрисой или телеведущей.

— Саша, скажи мне, — начал, было, он, но сейчас же услышал слова Инструкции.

— В Вышнем Волочке она заведует библиотекой, — сказал маленький человечек. — Это у нее наследственное, прежде этой библиотекой заведовала ее мать. Потом отошла от дел, чтобы заниматься внуками. У этой девушки с золотым сердцем есть две старшие сестры...

Веня осекся, изумился тому, что у прекрасной пиратки в обыкновенной жизни столь обыкновенная профессия, осмыслил информацию, что у девушки Саши есть две старшие сестры, у которых есть дети. Но надо было на ходу перестраиваться, и Веня перестроился.

— ...скажи, давно ли ты... ну, словом, занимаешься... то есть, работаешь в пирамиде? — договорил он, задавая уже другой вопрос.

Тут же он осознал, что формулировка вопроса получилась неуклюже-глупой. Исправляя ситуацию, он задал другой вопрос, но получилось не лучше:

— Или это у вас... у нас... секрет?

После этого Веня замолчал, тяжело вздохнул и посмотрел на Инструкцию. Сашенька, между тем, не без улыбки ответила:

— Какие же секреты между своими! Ты ведь принес клятву. Еще мой прадед был шрежем, это я знаю точно. Но, должно быть, и ему эта миссия перешла по наследству. А мне от мамы. Так в сообществе, насколько я знаю, случалось не раз.

Совсем уж неожиданным такой ответ для Вени не оказался. Он вполне соответствовал признанию Инструкции, что тому прежде доводилось обитать и в табакерке, и в чернильнице с гусиным пером.

Это означало, что пирамиды, которые находятся неизвестно где, и в которых надо выравнивать строй фигурок, чтобы на солнце не было ни облачка, существуют веками.

Однако то, что существуют целые династии шрежей, Веню поразило. Но если есть династии актеров, а также ткачей, поваров и людей других занятий, почему бы не передавать от прадеду к деду, и от матери к дочери пирамиды, внутри которых надо выравнивать фигурки, чтобы на солнце не было ни облачка?

— Если тебе интересно, поколения нашей семьи живут в Вышнем Волочке, — добавила, почему-то вновь улыбнувшись, Сашенька. — А в маленьком городке о предках знают больше.

Глядя на эту девушку, Веня все отчетливее начинал понимать: пусть здесь, где они сейчас находятся, все абсурд, пусть это никакой век, пусть и он, и она называются шрежами, хотя в данный момент стали пиратами, но говорить с Сашенькой надо было совсем о другом.

Однако тут же помимо собственной воли у него вырвался новый вопрос:

— Выходит, чтобы попасть сюда, в этот... клуб, тебе нужно было приезжать из Вышнего Волочка в Москву?

В синих глазах очаровательной пиратки за стеклами очков зажглись веселые искорки. Может, Сашенька тоже думала, что говорить надо о чем-то другом, несмотря на весь этот абсурдный антураж.

— Вопрос, понятный для новичка, — ответила она. — Приезжать в Москву для этого незачем. У нас в Вышнем Волочке рядом с вокзалом есть такая круглая клумба...

— Ну конечно, — сказал Веня. — Вроде, как мой железный люк рядом с книжным магазином у метро «Сокол».

Недовольным тоном заговорил Инструкция:

— Опять вопрос за вопросом! Если ты хочешь спросить, знает ли она, где находится ее пирамида, получишь ответ, что никто из шрежей этого не знает. Ну и что? Неужели тебе больше не о чем поговорить с девушкой?

Веня уставился на маленького пирата.

Усмехнувшись, тот вдруг щедро отпустил своему подопечному еще крупицу информации.

— А вот о том, что у каждого шрежа своя собственная пирамида, она знает. Потому что пирамид должно быть соответствующее количество.

— Чему соответствующее? — вырвалось у Вени.

Но ответа он не получил, а пиратка Саша в следующий же момент, глянув на него своими синими глазами, в которых по-прежнему мелькали веселые искорки, молвила:

— Да хватит тебе, в самом деле, вопросы задавать! Постепенно во всем разберешься.

Однако сейчас же она сама признала:

— Хотя многое для всех нас так и остается, конечно, тайной. Но здесь надо отдыхать и веселиться. Ты скоро поймешь: эти наши встречи раз в два месяца дают удивительный заряд бодрости. Ничто с эти не сравнится. Я давно это знаю. И они еще что-то дают, но вот объяснить, что именно, словами нельзя. Все мы ждем этих встреч, как праздника. А обычная жизнь иногда кажется скучной. Хотя каждому необходимо делать свое дело.

Инструкция словно только этого и ждал.

— Она правильно говорит, — вмешался он в беседу. — Отдыхайте, веселитесь. Ты ведь уже понял, какая девушка рядом с тобой!

— Давай лучше рома выпьем, — сказала Саша.

Вот это, наконец, прозвучало истинно по-пиратски.

— Конечно, — согласился Веня, — за встречу надо выпить.

Сказав это, он вдруг припомнил первый тост соседа Алексея Васильевича — «со свиданьицем» — и тоже, наконец, улыбнулся. А все остальные тосты у кандидата наук были — «за любовь»...

Саша оглянулась и позвала:

— Эй, Сэмюель!

Тотчас же возник негритенок с двумя кружками золотистого напитка.

— Давай рому выпьем! — хриплым голосом выкрикнул попугай с плеча пожилого пирата.

И все-таки, когда негритенок отошел, Веня задал еще один вопрос:

— Этот Сэмюель, неужели он тоже... э-э... из наших?

— Наши здесь только пираты, — ответила Саша. — А Сэмюель сам собой откуда-то взялся. И где мы сейчас, тоже никто из нас не знает. В клубе каждый раз что-нибудь новенькое. «Пиратского берега» еще ни разу не было. Что будет в следующий раз, неизвестно. В общем, ты еще много интересного увидишь.

Она подняла кружку, задумалась, но только на секунду.

— Пью за тебя! Ты должен поверить: все, что случается, даже самое невероятное, может быть благом. И не только для тебя самого, но и для других людей.

Над смыслом этих слов Веня не стал размышлять. Просто поднял свою кружку, бережно, даже с нежностью, прикоснулся ею к кружке Сашеньки, а потом сделал глоток ароматного золотистого напитка.

. . .

В этот день новоиспеченный шреж Веня Городков убедился: таинственные устроители подобных корпоративных вечеринок знали, что делали, и делали это на славу.

Очень удалось даже само пиратское застолье, быстро сблизившее Веню со всеми шрежами, хотя всех имен с первого раза запомнить ему так и не удалось. Однако уяснил, что пожилой пират, принимавший его в сообщество, был у шрежей кем-то вроде старосты, и что его звали Константином Васильевичем.

А помимо застолья тот из шрежей, кто хотел, мог отправиться на поиски приключений, соответствующих программе «Пиратский берег». Веня с Сашенькой отправились. Таинственный предмет с металлическими панелями, приткнувшийся к одной из стен форта, оказался чем-то вроде необыкновенной машины приключений. Впрочем, после всего, что Веня уже увидел и узнал, это уже даже не удивляла.

А тем более Сашеньку, которая прекрасно знала, как с ней обращаться. Надо было полагать, эта машина присутствовала на каждой из корпоративных вечеринок, независимо от ее программы. Пиратка подошла к ней, держа Веню за руку, нажала какую-то кнопку на передней панели, и сейчас же исчезли форт, костер и все остальное.

То, что стало происходить вслед за этим, слилось для Вени в поток событий, в которых он принимал самое деятельное участие — вместе с Сашенькой, — но почему-то потом он так и не мог припомнить ни их последовательность, ни всех других участников этих событий.

Логично было предположить, что все остальные участники были точно таким же антуражем, как и те пираты, что салютовали пушечными выстрелами в честь Вени, когда он только-только появился в этом удивительном месте, находящемся ни в каком веке, где выполнялась программа «Пиратский берег».

А среди приключений, как запомнил Веня, были поиски сокровищ по старой пиратской карте, которые увенчались полным успехом — в тридцати шагах к северо-западу от двух перекрещенных пальм обнаружился сундук, полный золотых слитков.

Затем этот сундук с веселым шумом все действующие лица, и Веня с Сашенькой в том числе, волокли сквозь заросли к берегу, чтобы погрузить на шлюпку и переправить на корабль.

Потом Веня вместе со всеми поднимал паруса, подчиняясь командам сурового пиратского капитана, который, вероятно, тоже был антуражем, но вместе с тем вполне реальным. И все получалось как бы само собой — откуда-то Веня прекрасно знал, что означают те или иные морские термины, спешил выполнять команды.

Когда капитан громогласно выкрикивал, например: «Взять рифы на гроте», Веня тянул свой трос, уменьшая тем самым площадь главного паруса. Когда звучала команда: «Выбрать шкоты на кливере», компьютерный верстальщик подтягивал снасти на маленьком треугольном парусе.

В конце концов, вся эта веселая кутерьма увлекла его так, что Веня окончательно почувствовал себя частью единого целого — пестрого пиратского братства. Но в голове его вдруг начала настойчиво биться неизвестно откуда взявшаяся мысль, имевшая отношения уже не к пиратским приключениям, а к сообществу шрежей, членом которого Веня теперь стал.

«Мы — шрежи, — вертелось в его голове, — мы — особые люди, мы выполняем особую миссию, мы отвечаем за то, чтобы на солнце не было ни облачка, таких, как мы, больше нет, и отдыхать мы умеем, как никто другой».

Потом пиратскому кораблю пришлось уходить от неизвестно откуда взявшейся эскадры королевского флота. Рядом с Сашенькой Веня стоял на пушечной палубе возле тяжелого орудия. В этот момент он был умелым канониром — забивал в свою пушку пороховой заряд, затем пыж, ядро, поджигал запал фитилем, а после каждого выстрела, как положено, чистил ствол банником.

Иногда в пиратский корабль попадали ядра королевских фрегатов, но никаких разрушений они не причиняли — просто слышались тяжелые удары, от которых содрогался корпус, да палубы заволакивались дымом.

Очень твердо Вене запомнилось то, что именно тогда, в промежутках между выстрелами, он успел выведать у Сашеньки номер ее мобильника. Цифры накрепко врезались в его память.

Ядра подходили к концу. Но сражение явно затихало. Вскоре с мостика донесся громогласный крик пиратского капитана:

— Оторвались! Королевские фрегаты отстали.

Веня вытер пот со лба. Очаровательная пиратка, раскрасневшаяся, стояла рядом. Веня сделал движение, чтобы обнять ее за плечи, но как раз в этот момент сверху донесся новый крик пиратского капитана:

— Время окончено!

Инструкция, все это время не покидавший Веню, и теперь, словно барон Мюнхгаузен, сидевший на пушечном ядре рядом с пушкой, подмигнул ему, скорчил гримасу, изображая, вероятно, кровожадного пирата, и произнес:

— Для первого раза неплохо! Колеблюр торсин!

И сейчас же Веня понял, что он стоит не на пушечной палубе пиратского корабля, а на хорошо знакомой крышке люка неподалеку от входа в книжный магазин.

Инструкции рядом с ним уже не было. И не было очаровательной синеглазой пиратки Сашеньки.

Веня, как в тумане, добрел до своей машины. В этот момент ему показалось даже, что и вообще ничего не было. Все-таки, к визитам в пирамиду, тоже находящуюся неизвестно где, он уже успел привыкнуть, а прием в сообщество шрежей, и особенно все последующие события, промелькнули подобно невероятному наваждению.

Но едва он тронул машину с места, на правом переднем сиденье снова возник маленький человечек.

— Номер телефона запомнил? — спросил Инструкция, окидывая своего подопечного лукаво-испытующим взглядом. — Если нет, могу продиктовать.

Глава четвертая
Генеральный смотритель всех пирамид

Веня мигом домчался до Строгина, поставил «девятку» в ракушку, едва не зацепив при этом бампер «москвича» Алексея Васильевича, и направился домой, разбираться в пережитых впечатлениях.

Впечатлений было много.

Вновь с ним произошло нечто из ряда вон выходящее.

Но Веня вдруг честно отдал себе отчет: весь этот пиратский берег, находящийся ни в каком веке, все эти клады, паруса и выстрелы из пушки не смогли перевесить впечатления, произведенного на Веню пираткой Александрой, которая заведовала библиотекой в Вышнем Волочке.

Давно уже не было такого, чтобы девушка безоговорочно понравилась ему с первого же мгновения. В ней было не только очарование, под которое Веня попал сразу, в ней была загадка. Это Веня сейчас чувствовал особенно остро. Может быть, потому, что время, прошедшее на этом неведомом пиратском берегу, закончилось столь неожиданно и прекрасная пиратка в модных очках сейчас же исчезла, как прекрасная принцесса из сказки.

А с ней уже не хотелось расставаться.

Оказавшись дома, Веня первым делом едва-едва не набрал номер ее мобильника, но отдернул руку.

Там, на пиратском берегу, общение с синеглазой золотоволосой очаровательной пираткой получалось простым и естественным. Но что сказать ей теперь, по телефону, кроме слова «Здравствуй», Веня пока не представлял.

«Ладно, — решил он, — позвоню немного позже, когда придумаю такую первую фразу, какой она никогда и ни от кого не слышала и не услышит. Чтобы она поняла, что никто другой ее такого не скажет. Словом, такого, что... что, конечно, обязательно придумается...»

Потом мысли Вени все же вернулись к пиратскому берегу. Да и не могли не вернуться.

Итак, события, в которые он оказался втянут, продолжали развиваться, и вот теперь он, компьютерный верстальщик Вениамин Городков уже стал членом закрытого и весьма малочисленного сообщества шрежей. Что последует дальше?

Тут Вене пришла замечательная по простоте мысль, и он даже удивился, почему это случилось так поздно.

Все происходящее с ним, давно пора систематизировать, и это наверняка поможет думать.

Он включил свой замечательный ноутбук, крупно набрал слова «ЧТО Я ЗНАЮ», и дальше стал выписывать по пунктам:

1. Непонятно где, возможно, в каком-то другом измерении, существуют пирамиды, схожие с древнеегипетской пирамидой Хеопса. Внутри пирамид можно увидеть древнеегипетские иероглифы. Значит, какая-то связь с Древним Египтом, безусловно, есть.

2. В пирамидах, по крайней мере в моей пирамиде, есть экран, внутри которого стоит шеренга фигурок, одетых по моде разных времен. В глубине экрана видно солнце.

3. Когда фигуры стоят ровно, на солнце нет ни единого облачка. Когда строй нарушается, на нем появляются облака. Порядок строя фигурок надо проверять раз в шесть дней — по крайней мере, так делаю я. Цель — чтобы на солнце не было ни облачка.

4. Тем же, что и я, занимается небольшая группа людей, которые называются шрежами. У каждого из них своя пирамида и есть свой руководитель. Не знаю, как у других, а лично у меня это маленький человечек, который как-то назвал себя сгустком энергии. Он живет у меня в часах, которые прежде принадлежали шрежу Николаю, необъяснимым образом вознесшемуся на небо в каталонском городе Салоу.

5. Шрежы приносят клятву хранить полную тайну всего происходящего и противодействовать любым попыткам проникнуть в нее. Вне своих обязанностей внутри пирамид шрежи занимаются тем же, что и обычные люди. Я — компьютерный верстальщик, Саша — заведующая библиотекой в Вышнем Волочке. Константин Васильевич, Владимир Игоревич (это имя Веня тоже успел запомнить) и все другие неизвестно, кто, но, видимо, тоже имеют самые обычные профессии.

6. Некоторые шрежи занимаются своей абсурдной деятельностью долгие годы и даже передают свои обязанности по наследст-

ву. Значит, эти пирамиды существуют очень давно, возможно, многие века.

7. Абсурдная деятельность шрежей очень хорошо оплачивается. Лично мне вознаграждение выдает мой руководитель, которого я называю Инструкцией.

8. У шрежей существует свой закрытый клуб, где они собираются (опять-таки неизвестно где, возможно, в другом измерении), каждую вторую субботу четного месяца. Каждый раз, судя по всему, неизвестные устроители готовят для членов сообщества новую программу.

Веня перечитал все восемь пунктов, крупными буквами набрал другие слова — «ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ» — и вновь стал выписывать по пунктам:

1. Главное: не знаю, для чего и кому все это нужно? Все происходящее представляет собой какую-то мистику, недоступную для понимания.

2. При чем здесь Древний Египет?

3. Не знаю, кто такой и откуда взялся Инструкция.

4. Не знаю, почему Инструкция не может сам нажимать на кнопки, и этим должен заниматься я.

5. Не знаю, что произошло с Николаем. Кто и почему вознес его в небо, и почему, по словам Инструкции, он вернулся только отчасти? Тоже какая-то мистика.

6. Не знаю, что будет дальше.

Тут Веня немного подумал, а затем пальцы его непроизвольно набрали следующее:

7. Хотя, судя по опыту других шрежей, лично я, видимо, могу заниматься своей абсурдной деятельностью многие годы, получая за это очень приличное вознаграждение.

Закончив систематизацию всего происходящего, Веня набрал крупными буквами еще одну фразу:

ХОТЕЛОСЬ БЫ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, УЗНАТЬ, ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ? УДАСТСЯ ЛИ, НЕ ЗНАЮ.

И тут же естественным образом у него родилась та самая первая фраза, которую он так ждал.

Веня набрал номер Сашиного мобильника.

— Возьми надо мной шефство, — попросил он. — Как над шрежем, пока не имеющим никакого опыта в нашем общем деле. Должен же я хоть в чем-нибудь разобраться. Пусть даже постепенно.

Саша рассмеялась. И Вене вдруг показалось, что она ждала его звонка и именно таких первых слов.

— Беру над тобой шефство, — сказала девушка.

. . .

В следующий раз фигурки внутри экрана опять стояли ровно, и на солнце не было ни облачка. Инструкция по этому поводу пребывал в благодушном настроении. Веня нажал контрольную кнопку и отправился из пирамиды домой.

Однако два дня спустя произошло непредвиденное. Да и вообще тот день запомнился Вене по разным причинам.

Началось все с того, что Эдуард Борисович, с самого утра пребывающий в очень хмуром настроении, собрал трудовой коллектив и вдруг объявил, что решил дать журналу «Эдик», первый пилотный номер которого был уже практически полностью готов, другое название.

— Я думал-думал, — сказал хозяин, — и пришел к выводу, что название звучит как-то... игриво. Можно сказать, вызывает некие нездоровые... э-э... ассоциации. Или, говоря прямо, нездоровые... э-э... рифмы. У вас название чего-нибудь вызывает?

Трудовой коллектив молчал. Веня вдруг припомнил слова Инструкции, которые тот произнес нараспев, едва увидев название, не смог сдержать улыбки, но тоже промолчал.

— Вижу, что вызывает, — поморщившись, выговорил Эдуард Борисович. — Значит, суть издания остается прежней, а над новым названием предлагаю подумать всем.

— Предлагаю назвать журнал «Эдуард Борисович», — с готовностью выпалила Заныкина-Сидорова. — Звучит достойно, уважительно, а вместе с тем необычно. Привлекает внимание. Мне нравится.

Покосившись на нее, хозяин еще раз поморщился.

— Думайте, и я тоже буду думать.

Веня отправился к своему рабочему месту. Для начала он, будучи человеком добросовестным, действительно попытался подумать над новым вариантом названия для журнала, но его все время отвлекал громкий разговор двух сотрудниц в кабинете через коридор. Корректор Виктория Степановна и оператор компьютерного набора Жанна Васильевна имели обыкновение, не стесняясь, ругать власти всех уровней. Сегодня доставалось мэрии:

— Семь у них пятниц на неделе, — говорила Виктория Степановна, мешая Вене думать. — То одно учудят, то другое. Вот придумали турникеты в автобусах, не войти, толпы огромные на остановках собирают, а сегодня, выясняется, вдруг взяли и отменили по просьбам трудящихся, никаких трудящихся, конечно, не спросив.

— Так отменили, разве это плохо? — отвечала Жанна Васильевна. — Как раньше люди мучились, хотя лично мне все равно, я на работу пешком хожу, мне близко.

— Ну, не знаю, не знаю, — молвила Виктория Степановна, — они, что ни придумают, все не так, все в итоге против нас оборачивается. Турникеты отменили, так взамен плату за проезд обязательно повысят.

Веня встал и закрыл дверь, чтобы не слышать разговора. Турникеты в автобусах и в самом деле явная глупость. Тот, кто их придумал, живет, должно быть, не в переполненной пассажирами автобусов Москве, а на Марсе. Но вот отменили же, как говорит Виктория Степановна.

А едва Веня вернулся к столу, из часов молнией вылетел Инструкция.

Вид маленького человечка на этот раз почему-то был очень встревоженным. И одет он был весьма небрежно: рубашка застегнута только на одну пуговицу, а на одном ботинке — Веня это заметил — развязан шнурок.

Без обычных приветствий Инструкция объявил:

— Надо немедленно ехать!

Веню его вид обеспокоил.

— Шести дней еще не прошло. Что-нибудь случилось?

— Серьезная неполадка. Сбой системы.

— Прямо сейчас не могу с тобой ехать, — сказал Веня. — Очень много работы.

— Отпросись, — взмолился Инструкция. — Придумай что-нибудь. Скажи, что потом свое отработаешь.

Веня внимательно посмотрел на своего руководителя и пошел в кабинет к Эдуарду Борисовичу. Там он взял грех на душу — иными словами, сказал неправду: что у него разболелся зуб, и надо срочно ехать к стоматологу.

Хозяин вздохнул, сказал, что зубы надо лечить вовремя и вообще следить за своим здоровьем должным образом, потому что главное это не лечение, а профилактика, но все-таки отпустил. Тем более что Веня обещал немедленно вернуться от несуществующего стоматолога на рабочее место и сидеть хоть до утра, пока не сделает все, что нужно.

«Девятка» полетела по привычному маршруту — от Октябрьского поля к метро «Сокол».

У подножия пирамиды Веню ожидал сюрприз: помимо двух сфинксов на этот раз его встречало странное существо. Казалось, оно сошло со страниц непритязательного фантастического романа, потому что было похоже на полупрозрачный желеобразный бублик нежно-зеленого цвета, вертикально стоящий на двух парах коротких ножек. В верхней части бублика ярким оранжевым огнем горели четыре глаза.

Еще больше, чем внешний вид неведомого существа, Веню изумило то, что бублик говорил по-русски. Во всяком случае, когда четыре глаза оглядели Веню с головы до ног, бублик изрек:

— Значит, это и есть наш новый Николай?

Голос прозвучал как-то вальяжно, по-барски.

А вот Инструкция отвечал ему с заметным подобострастием, словно нашкодивший школьник директору школы, и это поразило Веню ничуть не меньше.

— Можно так выразиться, что и новый Николай, — заговорил Инструкция, — хотя, безусловно, у него есть свое собственное имя — Вениамин или, коротко, Веня. Но сути дела это нисколько не меняет, так что можно выразиться...

— Пусть будет Веня, если на самом деле он Веня, — вальяжно разрешил бублик на коротких ножках, перебив Инструкцию, — но ты, Гирн...

Дальнейшая беседа между ними происходила уже на шипящежужжащем языке, который изредка разнообразился — исключительно со стороны бублика — хорошо знакомым Вене словосочетанием «колеблюр торсин».

Голос бублика опять-таки звучал начальственно и даже гневно, а голос Инструкции подобострастно. Никаких сомнений и быть не могло: большой начальник распекал своего подчиненного.

Сфинксы, вероятно из деликатности, отошли на порядочное расстояние, и только Веня в изумлении поворачивал голову от одного говорящего к другому.

Наконец разговор окончился, и бублик на ножках обратил взгляд своих четырех глаз на вход в пирамиду.

Инструкция с видимым облегчением перевел дух.

— Пошли, — сказал он Вене, — сегодня предстоит изрядно потрудиться.

Бублик последовал в пирамиду вслед за ними.

Внутри пирамиды Веня понял, что означали слова Инструкции «сбой системы».

Солнца в глубине экрана не было видно из-за наползших на него свинцово-серых туч.

Строй фигурок рассыпался полностью. Левый мужик в кольчуге и с секирой в руке теперь стоял в правом углу. Какая-то парочка, мужчина и женщина, удалялись по желтому песку в сторону солнца, закрытого тучами. Остальные перемешались, словно исполняя какой-то необыкновенный танец.

Бублик так и впился в экран своими четырьмя глазами, и цвет этого фантастического существа быстро стал меняться от нежно-зеленого к желто-серому.

Веня дожидался обычной подсказки от Инструкции, какие клавиши нажимать, но маленький человечек, сосредоточенно глядя на экран, напряженно думал.

Наконец Инструкция, составив, видимо, какой-то план, указал Вене несколько клавиш, но после этого стало только хуже. Бородач в кольчуге вообще отшвырнул свою секиру в сторону, повернулся и тоже пошел к солнцу. Несколько фигурок упали и остались лежать неподвижно.

Инструкция остановился. Было видно, что лицо его побелело, то ли от напряжения, то ли от страха. Некоторое время маленький человечек стоял, прикрыв глаза, а губы его неясно шевелились, будто он повторял про себя то, что должен был бы знать наизусть, но кое-какие места запамятовал.

Потом Инструкция сделал новую попытку. Она оказалась столь же неудачной.

Бублик на коротких ножках, ставший к этому моменту уже серо-фиолетовым, вновь разразился длинной тирадой на шипяще-жужжащем языке. Инструкция еще больше побледнел. Теперь он не отвечал ни слова.

Веня постепенно начинал проникаться к нему жалостью. Да и как иначе, если за последнее время он уже успел по-своему привязаться к этому маленькому человечку, своему руководителю, кем бы он ни был.

С третьей попытки мужик в кольчуге повернул-таки назад, но встал опять в правый угол, а не в левый, где ему полагалось находиться. Зато он снова взял в руку свою боевую секиру.

Веня уже просто физически ощущал, насколько нелегко в эти минуты приходится Инструкции. Действовал тот, похоже, методом проб и ошибок, и работа затягивалась.

Сколько так прошло времени, Веня не знал. В конце концов он стал чувствовать усталость, но не физическую, а моральную — от того, что у Инструкции, а значит, и у него самого, ничего не получалось.

И все-таки наступил перелом. Веня ощутил, что в подсказках маленького человечка появилась, наконец, осмысленность. Сначала бородатый мужик в кольчуге, с непринужденной легкостью размахивая секирой, двинулся в свой исконный левый угол. Затем парочка, все удалявшаяся в глубь экрана, остановилась, постояла некоторое время и медленно двинулась назад.

Свинцово-серая туча, застилавшая солнце в глубине экрана, стала понемногу светлеть. А вместе с этим стал светлеть и начальственный бублик на коротких ножках.

С этого момента положение стало поправляться. Теперь Инструкция давал Вене уже безошибочные подсказки, и фигурки постепенно выстраивались должным образом.

Вскоре на солнце остались лишь легкие, полупрозрачные облачка, но вот и они исчезли. То, что Инструкция называл сбоем системы, было, очевидно, ликвидировано.

Инструкция вздохнул, немного постоял в полной неподвижности, а потом стал застегивать пуговицы на рубашке. Застегнув, наклонился и завязал шнурок.

Бублик, уже ставший светло-светло-зеленым, чуть ли не полностью прозрачным, произнес несколько шипяще-жужжащих фраз. Инструкция отвечал ему, но теперь в его интонациях подобострастия чувствовалось уже явно меньше.

Наконец бублик повернулся и двинулся к выходу. Инструкция и Веня последовали за ним.

Выйдя из пирамиды, бублик молвил еще несколько фраз и вдруг исчез, словно растворился. Инструкция некоторое время стоял неподвижно, глядя на то место, где только что находилось это необыкновенное существо с манерами большого начальника.

Чтобы вывести своего руководителя из состояния оцепенения, Веня поинтересовался:

— Кто это был? Откуда такое чудо взялось? И с чего бы ты перед ним так распинался?

Маленький человечек вздохнул.

— Так ведь это генеральный смотритель всех пирамид, — ответил он уныло. — Появляется только тогда, когда дело плохо. Очень не любит, когда что-то случается, и ему приходится нарушать свой покой и появляться.

— А что, было плохо? — спросил Веня.

— Совсем плохо, — признался Инструкция. — Разве ты не понял? Такие сбои в системе случаются очень редко. Был момент, когда я уже не верил, что смогу все поправить.

— И что бы ты тогда делал? — задал Веня еще один вопрос.

— Пришлось бы вызывать генерального специалиста, — без особой охоты ответил Инструкция. — А он еще больше, чем генеральный смотритель, не любит, когда нарушают его покой. Тут такое бы началось!

— Что значит «не любит», если надо что-то делать? — искренне изумился Веня. — И отчего, скажи, случаются сбои? И почему, наконец, тебе обязательно нужен был я, чтобы все исправить?

Маленький человечек перестал наконец смотреть на то место, где только что пребывал бублик на коротких ножках, который, оказывается, на самом деле был генеральным смотрителем всех пирамид. Секунду спустя перед Веней был прежний Инструкция.

— Опять много вопросов задаешь, — молвил Инструкция. — Есть вещи, которые тебе знать совсем необязательно. Ты же клятву давал не выказывать излишнего любопытства. Возвращаемся!

Мгновение спустя Веня стоял на крышке люка неподалеку от книжного магазина. Инструкции с ним уже не было.

Через полчаса, открыв свой замечательный ноутбук, Веня вносил очередные пункты в файл «ЧТО Я ЗНАЮ»:

8. Изредка в пирамиде случается то, что Инструкция называет «системным сбоем». Тогда строй фигурок рассыпается, а солнце в глубине экрана не видно из-за туч.

9. Есть загадочное существо, неизвестно где обитающее, которое Инструкция назвал генеральным смотрителем всех пирамид. Внешне оно похоже на вертикально стоящий бублик с четырьмя глазами и двумя парами коротких ножек. Этот бублик появляется только тогда, когда случаются «системные сбои» и обращается с Инструкцией весьма начальственным образом.

10. Если бы Инструкция не смог ликвидировать системный сбой самостоятельно (точнее, с моей помощью), ему бы пришлось вызывать некоего генерального специалиста.

Новый пункт Веня вписал и в файл «ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ»:

8. Не знаю, почему, но генеральный смотритель и генеральный специалист очень не любят, когда их тревожат.

В дверь позвонили. Веня вздохнул, предчувствуя, что это сосед Алексей Васильевич с бутылкой «Флагмана». Предчувствие, как всегда, не обмануло.

— Устал я что-то, — сказал Алексей Васильевич, с порога протягивая объемистый пакет. — С самого утра сегодня баранку крутил, даже увлекся. Давно так не работал. Не меньше десяти клиентов, не поверишь, обслужил. Один раз в Домодедово ездил, в такую даль, сам от себя не ожидал. Но жить-то надо, нельзя же все время на кого-то надеяться. Ну, а теперь, конечно, предлагаю совместно отдохнуть. Нинка-то у меня сегодня на работе допоздна. То есть Нина Ивановна.

Но Веня проявил твердость характера. Пришлось, правда, покривить душой и выдать желаемое за действительное, зато сам по себе предлог был превосходным:

— Понимаешь, Алексей Васильевич, — сказал Веня, — сейчас ко мне девушка должна приехать. Ну какая тут водка.

— Для храбрости немного всегда не вредно, — молвил кандидат наук назидательно. — Будто сам не знаешь.

В глубине квартиры послышался сигнал мобильника.

— Слышишь, уже звонит, — сказал Веня. — Ну, не пропадешь ты без меня, извини. Позови Митрофаныча, что ли. Вы же с ним теперь друзья. Несмотря на идейные разногласия.

— Митрофаныч, не поверишь, решил отказаться от спиртного, — грустно ответил Алексей Васильевич. — Я его утром в лифте встретил, он мне и сказал: так, мол, и так, Алексей, я твердо решил, что от водки один вред, надо о здоровье думать, и теперь буду держаться от этого зелья подальше.

— Ну, дела, — удивился Веня. — Извини, Леша, телефон звонит.

И, так и не взяв увесистого пакета Алексея Васильевича, он закрыл перед носом соседа дверь.

Схватив мобильник. Веня нажал кнопку, страшно обрадовался, немного послушал и сказал:

— Здравствуй, Саша!

А немного позже в дверь Вени снова позвонили. К своему удивлению, на этот раз он увидел на пороге Ивана Митрофановича, апологета особого пути России, независимого от общих тенденций развития мирового сообщества.

Когда труженик частного извоза открыл рот, чтобы сообщить о цели своего прихода, от него ощутимо повеяло спиртным.

— Алеха не у тебя, случаем? — поинтересовался Митрофаныч. — Сдается мне, что утром он меня не совсем правильно понял...

Глава пятая
«Тогда я еще не знал, что такое колесо»

У Эдуарда Борисовича, как всегда, новые идеи появлялись, отбрасывались и заменялись другими безостановочно. На следующий день он опять собрал трудовой коллектив, чтобы объявить:

— Я еще немного подумал и пришел к выводу, что название нашего нового журнала все-таки надо оставить прежним. «Эдик» так «Эдик». В общем, это даже неплохо, что название навевает некоторые... ассоциации. Даже... э-э... вполне определенные рифмы. Некоторая фривольность, эдакая двусмысленность, сейчас, знаете ли, в духе времени. Журнал с названием «Эдик» должен пользоваться успехом.

— Конечно, «Эдик», — моментально откликнулась Заныкина-Сидорова. — Безусловно, «Эдик». Название энергичное, емкое, запоминающееся. И, конечно, с ассоциациями, вполне современными. Не знаю, как другие, я бы обязательно купила журнал с таким названием, едва только его увидев.

— Решено, — подвел итог хозяин. — Всех благодарю.

Было видно, что следующие слова дались ему не без определенной душевной борьбы. Но все-таки Эдуард Борисович их произнес:

— Поскольку журнал «Эдик» практически готов, объявляю завтрашнюю субботу днем отдыха. Хотя, конечно, если у кого есть желание, можно и поработать.

Что касается Вени, весь этот день он исполнял свои обычные обязанности без особого воодушевления. Время тянулось очень медленно, как всегда бывает, когда чего-нибудь ждешь.

А Веня с нетерпением ждал, когда наступит вечер.

Вечер оказался таким, каким частенько выдаются московские вечера поздним ноябрем. Воздух был наполнен невесомыми крошечными капельками грязной сырости. Они были видны даже в неверном свете уличных фонарей и оседали мутной пленкой на стеклах «девятки». То и дело приходилось включать дворники, но помогало это ненадолго.

В вязкой промозглой мгле фары машин, непрерывным потоком движущихся по встречным полосам, расплывались в большие световые пятна. Эти пятна проплывали мимо на небольшой скорости и частенько замирали на месте из-за возникающих то и дело заторов.

Красные габаритные огни машин, идущих впереди, как и постоянно зажигающиеся стоп-сигналы, отзывались в душе неясной тревогой. В грязных зеркалах заднего вида ничего нельзя было понять, кроме того, что пока еще они не окончательно утратили способность отражать свет.

Когда машина останавливалась у светофора, загоревшегося тем же зловещим красным светом, люди, высыпающие на пешеходные дорожки с обеих сторон улицы, казались черными бестелесными призраками. Они двигались в противоположных направлениях, быстро-быстро проходя друг сквозь друга.

И весь этот неприветливый вечерний мир пронизывался огнями реклам, назойливо и некстати светивших отовсюду и не вызывавших ничего, кроме глухого раздражения.

Веня медленно пробивался сквозь густые автомобильные стада, запрудившие Москву, к площади трех вокзалов. Он остро чувствовал все уныние этого тусклого ноябрьского вечера, но старался не очень ему поддаваться.

На правом сиденье лежал букет белых хризантем. Выбирать цветы Веня никогда не умел, но в этот день постарался. Хризантемы предназначались для прекрасной пиратки Сашеньки, которая в этот вечер приезжала в Москву из Вышнего Волочка.

Что произойдет дальше, после того как Сашенька выйдет из поезда на перрон, Веня пробовал представить не раз. Эти воображаемые картины он начал рисовать в своем сознании сразу после того, как она сообщила, что вечером в пятницу приедет в Москву, и Веня ответил, что, конечно, ее встретит. Каждый раз он представлял себе

их первую встречу по-разному, но неизменно все получалось очень хорошо.

И почему-то в голове все время крутились слова, сказанные Инструкцией там, на пиратском берегу: «Сейчас тебе кажется, что она из другого мира, но она такая же, как ты. Просто сейчас вы оба в другом мире».

Однако, если уж говорить откровенно, услышав, что Сашенька приедет в Москву на поезде, первое, что испытал Веня, так это легкое удивление: неужели у такой девушки нет машины? Конечно, она должна была быть у нее обязательно — например, очаровательная и вполне достойная своей владелицы «Пежо-206». И златовласая пиратка Сашенька, во-первых, должна была великолепно смотреться за рулем, а во-вторых, водить машину лихо, отважно, но вместе с тем и грациозно.

Вслед за удивлением оттого, что у Сашеньки нет машины, мелькнула, чего греха таить, и другая, совсем уж неуместная и даже недостойная мысль: на что же тогда она тратит немалые деньги, которые должна, как и он, получать каждого второго и каждого шестнадцатого числа?

Но сейчас же Веня забыл обо всем на свете, потому что голос девушки в телефонной трубке, чуть низковатый и с легкой хрипотцой, звучал для него волшебной музыкой.

Само собой, отправляясь на вокзал, Веня принарядился — под курткой у него был один из новых итальянских костюмов. Накануне он долго подбирал к нему рубашку и галстук, мучаясь сомнениями. В бумажнике лежала изрядная сумма в рублях и долларах — Веня знал, что теперь может позволить себя почти любой каприз, пригласить, например, девушку в самый дорогой ресторан. Но он волновался, словно влюбленный семиклассник.

В конце концов, пробуя разобраться в своих чувствах, и уже подъезжая к площади Трех Вокзалов, Веня честно признался себе, что это необыкновенное волнение, испытываемое им, и есть, должно быть, самая настоящая влюбленность и предчувствие чего-то большего. Давно он уже не переживал ничего подобного. После развода с бизнес-леди Валентиной еще ни разу, несмотря на то, что приходилось, конечно, встречаться с разными девушками.

На всякий случай сразу же после Сашиного звонка Веня до блеска прибрал свою квартиру, хотя и не был уверен, хватит ли у него решимости пригласить девушку в эту неуютную непритязательную съемную дыру. Тем не менее, опять-таки на всякий случай, Веня постарался заполнить холодильник изысканными продуктами из супермаркета Нины Ивановны.

Среди прочего были, конечно, сыр Эмменталь и две бутылки французского шампанского «Veuve Clicquot-Ponsardin». Приобретены

были и соответствующие шампанскому хрустальные бокалы, а также матерчатые салфетки.

Когда в туманной мгле, закрывавшей конец перрона, проявились прожектора подходящего поезда, Веня снова почувствовал себя влюбленным семиклассником. Прижав к груди букет хризантем, он ждал и чувствовал стук своего сердца. Наконец, мимо Вени подплыл мокрый и усталый труженик-электровоз, поезд остановился.

— Хризантемы я люблю больше всего, — сказала Сашенька, взяв букет. — Рада, что нашел время встретить.

Направляясь вместе с девушкой к машине, Веня украдкой поглядывал на нее, чтобы понять, какая она в обычной жизни, без пиратских сапог, кожаной куртки и без пистолетов, заткнутых за широкий кушак. Оказалось, в обычной короткой осенней дубленке она смотрится даже еще лучше, чем тогда, на пиратском берегу. Ничего пиратского не осталось, да и было ли вообще? Перед Веней была очаровательная, умная, но вместе с тем сдержанная, скромная девушка, которой удивительно шли очки, и чувствовалось в ней что-то еще, неуловимо тонкое, чего не определишь одним словом, но чего Вене еще не случалось встречать ни в ком другом.

Дальше, однако, все пошло не совсем так, как Веня рисовал в воображении. В машине он небрежным тоном молвил заранее заготовленную фразу, какую и должен был сказать настоящий мужчина, сидящий за рулем автомобиля рядом с прекрасной девушкой-пираткой:

— Куда мы едем?

Но Сашенькин ответ не совпал ни с одним из вариантов, какие рисовались в Венином воображении.

— Если у тебя есть время, отвези меня на Кутузовский проспект, — попросила девушка. — Когда я в Москве, то останавливаюсь у двоюродной сестры. Мы с ней, кстати, вместе учились в педагогическом.

— У сестры? — повторил Веня так, словно не сразу понял смысл этих слов.

— У сестры, — сказала Сашенька. — Что тут особенного? Она меня обычно и встречает, но сегодня, раз ты захотел приехать на вокзал...

— А куда на Кутузовский проспект? В начало, в конец? — спросил Веня упавшим голосом и повернул ключ, чтобы включить зажигание. Ничего не получилось: оказалось, от огорчения он забыл отключить иммобилайзер. Такое случалось с ним редко.

— Ближе к концу, — сказала Сашенька. — Сестра живет рядом с Бородинской панорамой.

Наконец машина завелась, проехала сотню метров, и Веня снова постарался взять себя в руки.

— И какие же у тебя планы в Москве? — поинтересовался он небрежным тоном настоящего мужчины, который никогда и никому не выдает своих истинных чувств.

— Завтра с утра у меня назначена встреча в одной книготорговой фирме. Они давно сотрудничают с нашей библиотекой, поставляют книги, — ответила Сашенька. — А потом мы с тобой пойдем на Волхонку, в Пушкинский музей. Всегда хожу туда, когда бываю в Москве.

Веня вдруг осознал, что он страшно, невероятно расстроился. Оттого, что все идет не так, как ему представлялось.

А уже в следующий момент понял, что так и должно быть в первую встречу, если он хочет чего-то, не быстро проходящего. И что это прекрасно, раз сегодня Сашенька остановится у своей двоюродной сестры, с которой они вместе учились в педагогическом институте, и которая живет неподалеку от Бородинской панорамы.

И еще прекраснее то, что завтра днем он будет ждать Сашеньку на ступенях музея, в котором сам он не был бог знает сколько времени. Ждать и волноваться. И что потом они вместе будут медленно бродить по залам, переходя из одного в другой, останавливаясь у великих картин и понимая, что смотрят их вместе.

А что будет дальше, так это все впереди. И почти все зависит только от него.

Он посмотрел на Сашеньку и впервые за этот вечер тоже улыбнулся.

Потом Веня, словно со стороны, услышал свой голос:

— Больше всего люблю Ренуара.

Он добросовестно порылся в памяти и уточнил:

— Особенно портрет актрисы...

Но тут память дала сбой, и Сашеньке, которая выждала паузу, пришлось подсказывать:

— Портрет Жанны Самари. Фамилия у нее, что и говорить, не очень-то запоминающаяся, — добавила она тактично.

— Ну конечно, портрет актрисы Жанны Самари, — подхватил Веня.

Затем он рассмеялся, облегченно вздохнул и честно признался:

— Не будь тебя, даже не знаю, когда бы я пошел в музей в следующий раз. Но вообще-то я там, конечно, бывал.

— Завтра пойдешь еще раз, — объявила Сашенька. — А кроме того в Москве существует, — в ее синих глазах зажглись веселые искорки, — Третьяковская галерея. Слышал, наверное, раз в Москве живешь?

С унылым ноябрьским вечером что-то определенно случилось. Правда, в воздухе по-прежнему висела мокрая хмарь, поэтому то и

дело приходилось включать дворники, но фары встречных машин стали светить как-то веселее, как и красные габариты машин, идущих впереди.

Пешеходы, переходящие улицы, все как на подбор были симпатичными москвичами и москвичками или же симпатичными гостями славного города. И все спешили по своим делам.

А мало ли куда можно спешить вечером в пятницу в европейской столице, где множество музеев, концертных залов, театров, уютных ресторанов, наконец, где столы покрыты накрахмаленными скатертями и сервированы изысканным фарфором и хрусталем?

От площади трех вокзалов до Кутузовского проспекта по веселой, приветливой Москве «девятка» доехала необыкновенно быстро. Веня чувствовал, что и скорость после остановок у светофоров машина стала набирать ощутимо быстрее, чем обычно, и руля слушаться лучше, и мотор теперь шумел едва слышно. И все эти технические чудеса были обусловлены одной причиной — рядом с Веней, на правом сиденье, была Сашенька.

Правда, когда машина остановилась возле дома, показанного Сашей, по Вениной душе вдруг прошла некая тень.

И Сашенька его поняла:

— Давай зайдем, если хочешь, — сказала она. — Познакомлю с сестрой Зоей, ее мужем Павлом, детьми Пашкой и Машкой, а также с кошкой Василисой. Чаю попьем.

Веня донес до лифта Сашину сумку. Подъезд с первого же взгляда показался ему уютным и прекрасным. Да и мог ли он быть иным, если здесь жила двоюродная сестра Сашеньки со своей дружной, крепкой семьей и славной кошкой Василисой.

— К сестре зайдем как-нибудь в другой раз, — сказал Веня мягко. — Успеем еще. Тебе надо отдохнуть с дороги.

Подошел лифт, раскрылись дверцы. Веня потоптался на месте, еще не зная, как себя вести в следующий момент. И вдруг Сашенька быстро-быстро поцеловала Веню и исчезла, прежде чем он успел что-то сообразить. Сверху донеслось:

— У музея в час.

Веня стоял на месте и слушал, как едет лифт. Потом где-то наверху открылись и закрылись дверцы. Все смолкло. Только тогда Веня вышел из подъезда, сел за руль, отключил иммобилайзер; и вскоре «девятка», словно самолет с крыльями, летела в сторону Строгина.

Необыкновенная тайная жизнь, в которой была пирамида, находящаяся в неизвестном месте, был Инструкция, были охраняющие пирамиду сфинксы и где приходилось раз в шесть дней проверять

строй фигурок внутри экрана, следя за тем, чтобы на солнце не было ни облачка, стала для Вени в конце концов уже вполне привычной. Он в ней освоился полностью, совершал регулярные путешествия к книжному магазину неподалеку от метро «Сокол», находил это вполне нормальным, раз за это платят очень и очень приличные деньги, и не задавал Инструкции лишних вопросов, зная, что полных ответов все равно не получит.

Вместе с тем отношения Вени с маленьким человечком, он же сгусток энергии, складывались ровно и даже дружелюбно. Инструкция появлялся из Вениных часов уже не столь часто, как в первое время, но зато теперь он, скорее, не руководил своим подопечным, а общался с Веней, и, видимо, находил в этом определенное удовольствие.

Пару раз, в дни платежей, когда Веня, как обычно, получал очередную немалую порцию долларов, они даже вместе расслабились — каждый, разумеется, своим собственным способом. И оба раза Вене удавалось выяснить для себя кое-что любопытное.

В первый раз, примерно после седьмой порции светящейся энергетической субстанции, принятой в правый мизинец, Инструкция расчувствовался и вдруг припомнил, что в XVIII веке был близко знаком с поэтом и драматургом Александром Петровичем Сумароковым.

Веня, неизвестно почему, но смутно помнивший это имя, был безмерно удивлен.

— Ничего себе! — воскликнул он и налил себе еще шампанского. — Выходит, он тоже шрежем был?

— А почему бы и нет, — ответил Инструкция, направляя на потолок правый мизинец и с видимым удовольствием следя за тем, как к пальцу приближается немедленно появившееся очередное облачко энергетической субстанции.

Приняв порцию субстанции в мизинец и ударив от удовольствия кулаком в свой маленький столик, Инструкция добавил неожиданное:

— Только Александра Петровича пришлось отстранить от его обязанностей.

— Почему? — удивился Веня.

— Из-за чрезмерного пристрастия к горячительным напиткам, — ответствовал Инструкция. — Это очень мешало делу, потому что, бывало, он даже не мог попасть пальцами по клавишам. Как же тут выравнивать строй? А жаль, славный был человек, хотя и с несносным характером. Ты его трагедию «Синав и Трувор» знаешь? Сильная вещь! А умер Александр Петрович в нищете. Как раз потому, что был отстранен от обязанностей из-за чрезмерного пристрастия к горячительным напиткам.

Веня призадумался, однако не о печальной судьбе поэта и драматурга Сумарокова.

— Выходит, и меня могут отстранить? — спросил он заинтересованно.

— Могут, конечно, — сказал Инструкция, — если ты, как и Александр Петрович, не будешь попадать по клавишам. Надеюсь, этого никогда не случится. В тебя я верю!

И маленький человечек, он же сгусток энергии, вновь поднял к потолку свой правый мизинец.

Веня налил себе еще шампанского. Разумеется, это была все та же полюбившаяся Вене «вдова Клико», любимая гусарскими офицерами и Александром Сергеевичем Пушкиным.

А может, и Александр Сергеевич был шрежем, мелькнула у Вени нелепая мысль. Да нет, вряд ли. Хотя кто знает! После всего того невероятного, чему он был и свидетелем, и участником, ничего невозможного уже просто не может быть.

— Значит, отстранили, — сказал Веня задумчиво. — А что, если бы, обидевшись после этого, Александр Петрович написал оду о пирамидах, шрежах, тебе, Инструкция? И тайна перестала бы быть тайной.

— Не написал, как видишь, — хмыкнул в ответ Инструкция. — Во-первых, он клятву давал, как и ты.

— А во-вторых?

— Кто бы ему поверил? Мало ли какие видения возникают у человека, злоупотребляющего горячительными напитками. Но все же, на всякий случай, пришлось позаботиться о том, чтобы он ничего не помнил. Между нами, на этот раз это действительно было незаконно.

— Незаконно? — переспросил Веня и стал припоминать: это слово «незаконно» ему уже приходилось как-то слышать от Инструкции по другому поводу.

По какому? Вдруг он припомнил — незаконно вознесли на небо стоматолога Николая из Химок. И с драматургом Сумароковым, оказывается, тоже обошлись незаконно. Кто обошелся?

Однако на этом откровенность Инструкции и закончилась. Вскоре он по своему обыкновению, как всегда это делал к концу дружеской беседы, перешел на свой шипяще-жужжащий язык.

Правда, успел еще молвить фразу, которая Веню озадачила. Хотя бы потому, что не имела никакого отношения ко всему тому, о чем разговор заходил до этого.

— А еще, — сказал Инструкция, укоризненно водя перед собой поднятым указательным пальцем, — в автомобилях у вас почти никто не пристегивается ремнями безопасностями. Но это так, мелкий факт! Хотя красноречивый. Другие же факты просто удручают. Ты меня понял?

— Понял что? — изумился Веня.

— А будь все иначе, пристегивались бы, — ответил на это маленький человечек и поднял взгляд к потолку. — Пристегиваются же в Париже! Что касается тебя лично, то ты пристегиваешься, но не всегда. Тоже красноречивый факт. Но мелкий. Есть куда более существенные, глобальные.

Над мизинцем Инструкции появилось облачко энергетической субстанции. Оно оказалось последним: приняв его, маленький человечек заговорил уже исключительно на своем змеином языке и вскоре унесся в Венины часы.

Свое шампанское Веня допивал один, размышляя о печальной судьбе Александра Петровича Сумарокова.

А также о том, почему сам он не всегда пристегивается ремнями безопасности. Но эти мысли терялись во множестве других, самых разных мыслей, которые перескакивали с одного на другое. Возможно, из-за того, что шампанского было много.

В промежутке между этим и следующим совместными застольями в жизни Вени произошло очень важное событие — теперь он уже мог позволить себе купить иномарку и действительно купил. Это был «Рено Меган II» чудесного темно-синего цвета.

Машина была великолепной, Веня влюбился в нее с первого взгляда и теперь находился на седьмом небе. Он с упоением осваивал доселе совершенно неведомые ему гидроусилители руля, антиблокировочные системы, электрические стеклоподъемники, бортовой компьютер, кондиционер и прочие технические чудеса, напрочь отсутствующие на отечественной «девятке».

В один из моментов, когда Веня подъезжал к редакции «Вольного вечера», из часов явился Инструкция. Беглым взглядом он осмотрел салон, задержался на приборной панели и изрек:

— Молодец! Я же говорил, что тебе надо купить именно «Рено Меган II». Останешься доволен.

Сказав это, он исчез. А Веня нажал кнопку, чтобы немного опустить стекло, и умиленным взглядом проследил, как оно опускается.

Однако покупка французского автомобиля принесла в жизнь Вени, кроме радостей, и определенные сложности. Дело в том, что он вдруг понял: от старой верной «девятки», которая была ему доброй подругой и вообще первой в жизни машиной, он тоже не в силах отказаться.

Но выглядеть в глазах соседей, хотя бы того же Алексея Васильевича и, тем более, Ивана Митрофановича, богатым владельцем автопарка из двух машин Веня не отважился. Чтобы щеголять автомобилями, необходимо тщеславие, которого у него не было.

Решение оказалось хитроумным. Помимо французского автомобиля, Веня купил себе и место в многоэтажном паркинге неподалеку от дома (дорогое, конечно, но отныне он мог позволить себе и это), и стал держать «Рено Меган II» там.

Теперь любой выезд был двухступенчатым: Веня выводил «девятку» из ракушки под окном, доезжал на ней почти до самого паркинга, оставлял отечественную машину в соседнем дворе, шел в паркинг и, наконец, выезжал из него на великолепной новой француженке.

Возвращение домой происходило по той же сложной схеме в обратном порядке. Зато к редакции еженедельника «Вольный вечер», к книжному магазину неподалеку от метро «Сокол» и вообще куда угодно, кроме дома, Веня теперь приезжал на иномарке.

На сослуживцев новенький французский автомобиль произвел должное впечатление.

— Ты, Городков, наверное, по ночам на фондовой бирже играешь в Интернете, — уважительно, но с ощутимыми нотками зависти в голосе сказала покорительница Северного полюса Заныкина-Сидорова. — Это сейчас модно. Чувствую движение к жизненному успеху. Кстати, какой у тебя показатель IQ?

Из комнаты, где сидели компьютерные наборщицы, доносилось перешептывание, в котором иногда можно было расслышать слово «рено» или фразу «у них зарплаты совсем другие», «а нам иномарки без надобности, мы пешком ходим», и тому подобные.

Однако, завидев Веню, кумушки резко меняли тему и громко начинали обсуждать, например, идиотов из мэрии, которые сначала придумали турникеты в автобусах, потом сами же их отменили, а потом снова поставили.

Французский автомобиль не прошел мимо внимания и Эдуарда Борисовича. Теперь он стал пожимать Вене руку крепче, чем обычно. Но почему-то Вене начинало казаться, что хозяин подумывает: а не убавить ли своему компьютерному верстальщику зарплату, раз она столь велика, что ее хватает на новенькие иномарки?

Как бы то ни было, именно новый автомобиль позволил Вене при следующем совместном застолье с Инструкцией выяснить еще одну любопытную вещь: его руководитель, оказывается, не всегда безвылазно сидит в часах, а пристально изучает окружающую действительность, будучи при этом, разумеется, абсолютно незаметным для всех.

И начал он совершать эти экскурсии в незапамятные времена, по меньшей мере, еще в царствование Алексея Михайловича, отца Петра Великого. Или, кто знает, может, и еще раньше?

Поводом для такого признания маленького человечка стал завязавшийся примерно после пятой порции энергетической субстанции и, соответственно, пятого бокала «Вдовы Клико» разговор о Вениной

покупке. Тут Веня и припомнил, что его всегда удивляло то, что Инструкция явно неравнодушен к автомобилям.

На прямой Венин вопрос маленький человечек вдруг дал неожиданный прямой ответ, причем его баритон при этом наполнился ощутимой теплотой:

— Не только к автомобилям, вообще к колесной технике. Помню, при Алексее Михайловиче я впервые увидел его карету для парадного выезда и был поражен. С тех пор и полюбил все, у чего есть колеса. Интересовался любой колесной техникой во все времена и следил за развитием.

Инструкция привычным движением поднял правый мизинец и стал ждать появления энергетического облачка.

— Чем был поражен? — удивился Веня.

— Так ведь колеса, — ответил Инструкция, с видимым удовольствием и даже долей мечтательности произнеся это слово — «колеса».

— Ну и что?

— Тогда я еще не знал, что такое колесо, — ответил Инструкция просто.

Веня был изумлен.

— Первый раз увидел колесо?

— Ну да! У нас ведь их нет.

— Где это у вас? — спросил Веня уже просто так, на всякий случай, заранее зная, что ответа на такой вопрос не получит.

Инструкция поднял указательный палец — для того, чтобы шутливо погрозить им Вене. А погрозив, подумал, опустил указательный палец и вместо него поднял к потолку мизинец.

— Лишнее спрашиваешь! — молвил маленький человечек. — Колеблюр торсин! У тебя своя работа, у меня своя. Почти все, что тебе положено знать, ты уже знаешь.

Однако он все же счел возможным добавить:

— А вот железные дороги почему-то меня не привлекли. Хотя и на них колеса. Но колеса не те, колеблюр торсин, они никуда свернуть не могут! Впрочем, хватит говорить обо мне.

Все-таки в этот день Вене удалось выведать, что в эпоху Алексея Михайловича Инструкция обитал в кушаке царского стольника, а этот стольник тоже был шрежем.

И как раз тогда, в свободное время, маленький человечек стал изучать колесную технику, частенько посещая мастерские каретных мастеров, которые находились тогда в отдаленном московском предместье — там, где теперь улица Каретный Ряд и все Каретные переулки.

Это был прелюбопытнейший факт. Как и тот, что Инструкция вообще не подозревал о существовании колеса, потому что «у них» его не было.

Потом Веня занес эти факты очередным пунктом в файл под названием «ЧТО Я ЗНАЮ».

Итак, абсурдная жизнь, в которой были эти фантастические застолья с Инструкцией, живые сфинксы, фигурки, которых надо было выравнивать, чтобы на солнце не было ни облачка, и, наконец, сундук с долларами, появляющийся перед ним каждого второго и каждого шестнадцатого числа, стала для Вени вполне привычной жизнью.

А вот обыкновенные будни, с уличными пробками, светофорами, вечерней сыростью, снегом, который то падал, то таял, продуктами, которые надо покупать, лифтами, ракушкой, где стояла «девятка», и многоэтажным паркингом, где Веня держал «Рено Меган II», соседями-антагонистами Алексеем Васильевичем и Иваном Митрофановичем и с вышедшим, наконец, пилотным номером журнала «Эдик», в конце концов преобразились до неузнаваемости.

Потому что в такой жизни у Вени появилась Сашенька.

Необыкновенным стал первый же вечер, когда девушка с синими глазами наконец-то вошла в квартиру в Строгине.

Непритязательное съемное жилье преобразилось. За окнами расплывался серый ноябрьский сумрак, а Вене казалось, что квартира наполняется золотым солнечным светом. Нехитрые предметы мебели вкупе с низким торшером вдруг сложились в то, что называется красивым словом «интерьер».

Старый потертый ковер гасил шум шагов. На кухне уютно шумел электрический чайник, тоже почтенного возраста, а игра пузырьков «Вдовы Клико» в новых хрустальных бокалах завораживала взгляд и почему-то заставляла мечтать о дальних странах с красивыми экзотическими названиями.

Поздний ноябрьский рассвет за окнами тоже выглядел унылым и серым, но квартира по-прежнему была полна золотым солнечным светом. Он походил на золотистые волосы Сашеньки...

За первым необыкновенным вечером и первым необыкновенным утром пришли другие, начиная складываться в необыкновенную жизнь. И очень скоро дорога к площади трех вокзалов стала для Вени знакомой до мельчайших подробностей, до трещин на асфальте в том или ином месте.

И эта наполненная золотым светом жизнь, где у Вени была Сашенька, причудливым образом переплеталась с той, где были Инструкция, пирамиды, сфинксы и фигурки, которые надо было раз в шесть дней выравнивать, чтобы на солнце не было ни облачка. Потому что делать это приходилось и Вене, и Сашеньке — каждому в своих пирамидах.

Удивительно, но той, второй жизни, в своих разговорах они почти не касались. Конечно, у Вени было много вопросов, которые он мог бы задать, но почему-то с этим пока не спешил. Эта абсурдная жизнь словно бы сразу отодвинулась на второй план. С Сашенькой Вене было хорошо и не хотелось отвлекаться вообще ни на что.

Единственным фактом, который Веня выяснил, да и то невзначай, было то, что Сашенькин руководитель обитает в ее пудренице.

Однако и в той, фантастической жизни, с пирамидами и прочими сверхъестественными атрибутами, Вене и Сашеньке тоже пришлось встретиться — во вторую субботу следующего четного месяца опять была корпоративная вечеринка шрежей.

На этот раз Инструкция, представший перед Веней, чтобы сообщить об этом, был облачен в кожаную куртку, кожаный шлем, а также защитные очки с круглыми стеклами, похожими на иллюминаторы. Но даже сквозь них было видно, что глаза маленького человечка так и сияют. Правда, он опять напустил таинственности и о программе вечеринки умалчивал.

Но очень скоро Веня все понял: с крышки люка возле книжного магазина на этот раз он перенесся в огромное помещение, похожее на манеж, где под высокой крышей стояли в ряд десятка два автомобилей, которым явно было больше века. И рядом с ними глаза Инструкции засияли еще ярче.

Старинные автомобили походили на открытые конные экипажи, только без лошадей. Инструкция провел Веню вдоль всего ряда, с нескрываемым удовольствием называя марку автомобиля и год выпуска. Возле одной из машин маленький человечек задержался дольше, чем у других, и произнес с особенной теплотой:

— Вот! Этот автомобиль братья Рено построили в 1898 году. Ты понимаешь?

— Нет, — ответил Веня честно. — Но вижу, что машина старинная.

Маленький человечек глянул на него с огромным сожалением.

— Первый в мире автомобиль с карданной передачей, — молвил Инструкция сокрушенно. — Как же можно не знать! Тем более, у тебя тоже машина марки «рено».

Инструкция еще раз сокрушенно глянул на своего подопечного, но уже возле следующего автомобиля глаза маленького человечка снова загорелись.

— Знаменитый «Кадиллак-А», — выговорил он чуть ли не с наслаждением. — Выпущен в 1903 году.

Спросить, настоящие ли это автомобили или все тот же «антураж», каким были в прошлый раз пиратские корабли, Веня не успел. Ряд старинных машин закончился, и перед Веней распахнулись большие двустворчатые двери в соседний зал.

Там, за столиками, озаренными неяркими светильниками, похоже газовыми, сидели люди, одетые точь-в-точь словно герои-джентльмены старинных немых фильмов. Между столиками, держа в руках подносы, сновали официанты, облаченные в белые фраки.

Только теперь Веня почувствовал, что и сам он одет как джентльмен конца XIX века, и что на голове у него странный головной убор, называвшийся, как он припомнил, цилиндром.

Веня машинально приподнял цилиндр. В ответ из зала раздались голоса приветствий. В одном из этих людей Веня с трудом, но узнал Константина Васильевича, который в прошлый раз принимал его в члены сообщества и был у шрежей кем-то вроде старосты. Теперь Константин Васильевич оказался не пиратом с попугаем на плече, а респектабельным господином средних лет. Веня припомнил, что похожих людей в такой же одежде он видел на портретах художника Ренуара.

Но Инструкция уже указывал своему подопечному на столик, за которым одиноко сидела дама в длинном синем платье и в шляпке с вуалью, скрывающей лицо. И Веня, конечно, узнал ее сразу, несмотря на вуаль.

Мигом рядом с Веней вырос официант, на подносе стояла бутылка, покрытая пылью. Поэтому, наливая Вене и Сашеньке в бокалы, официант обернул бутылку салфеткой.

— Мозельское, — пояснил Вене Инструкция, крутившийся у его ног. — Это вино очень любили в Европе на заре автомобилизма. А сегодня в клубе как раз программа «Первые автомобили». Но если тебе интересно, мозельское ничуть не утратило своих качеств и теперь.

Но Веня не слушал его, потому что откровенно любовался дамой в синем платье...

И вновь таинственным устроителям этой необыкновенной корпоративной вечеринки все удалось. Сначала — дружеское застолье, во время которого, за мозельским, Веня выяснил, что шреж из Москвы Владимир Игоревич, интеллигентный человек в очках, в обычной жизни был врачом-рентгенологом. А бородатый здоровяк-шреж Коля из Перми — театральным художником. Что же касается Константина Васильевича, то он везде оказался начальником. Здесь он командовал шрежами, а в родном городе Барнауле — пожарной командой.

Что и говорить, профессии у шрежей были разные, не говоря уж о том, что жили они в разных российских городах. Всего же, как подсчитал Веня, шрежей было вместе с ним шестнадцать. И только трое жили в столице.

Однако программа «Первые автомобили», как и прошлый «Пиратский берег», подразумевала не только застолье, но и более деятельные развлечения, в которых принимали участие те, кто этого хо-

тел. У стены кафе стоял прежний таинственный аппарат, похожий на игровой автомат, который в прошлый раз отправил Веню и Сашеньку на пиратский корабль. Теперь же они оказались в старинном автомобиле, и он весело катил по дороге, пролегающей среди лесов и полей неизвестно где, ни в каком веке, состязаясь в скорости с такими же старинными автомобилями.

Правда, слово «скорость» в данном случае явно было неуместным, скорее эти автомобильные гонки следовало бы считать увеселительной прогулкой. Однако Веня, сидевший за рулем, старательно обгонял одну машину за другой, и в голове его постепенно начинала крутиться та же мысль, что и тогда, на пиратском корабле, когда он уходил от королевской эскадры. Мы — шрежи, мы — особые люди, мы выполняем особую миссию, мы отвечаем за то, чтобы на солнце не было ни облачка, таких, как мы, больше нет, и отдыхать мы умеем как никто другой.

Сашенька сидела рядом с ним, а на заднем сиденье во весь рост стоял светившийся от счастья Инструкция.

Окончилось новое приключение столь же неожиданно, как и первое. Когда Веня обогнал очередную машину, ее водитель вдруг крикнул те же слова, что и пиратский капитан в прошлый раз:

— Время окончено!

У Инструкции вдруг с сожалением вырвалось:

— Уже?!

А в следующий момент Веня оказался на крышке люка рядом с книжным магазином. Сходя с него, он представил, что Сашенька в этот же момент стоит возле своей клумбы рядом с железнодорожным вокзалом в Вышнем Волочке, в трехстах километрах от него.

Но Веня знал, что в этот день даже неведомые сверхъестественные силы, перемещающие людей в пространстве, не могут их разлучить. Потому что Сашенька сразу собиралась, даже не заходя к себе домой, сесть на поезд и вернуться к Вене по старой, доброй, надежной железной дороге.

А Веня три часа спустя должен был встречать ее на вокзале.

Однако прежде в его квартиру на один миг заглянуло прошлое.

Раздался телефонный звонок, Веня взял трубку.

— Если тебе интересно, — заговорила офис-менеджер Ольга нарочито обиженным голосом, — то я в Париже! И здесь очень хорошо! Здесь приближается Рождество! И весь Париж веселится!

«Ольга в Париже, а я поеду с Сашенькой в Амстердам, — в тот же самый момент вдруг решил про себя Веня. — Обязательно поеду. Вернее, поедем».

Решение было совершенно неожиданным, но он сразу поверил, что обязательно его осуществит. А почему именно Амстердам, он и

сам не понял. Название города, вдруг отчетливо прозвучавшее в его голове, было таким волшебным, таким манящим. Оно звучало даже лучше, чем Париж.

«Обязательно поедем в Амстердам, — повторил про себя Веня. — А потом как-нибудь и в Париж обязательно соберемся».

Вслух же он сухо сказал:

— Рад за тебя. — И добавил безжалостно: — Извини, но у меня очень много работы. Даже слушать про твой Париж совершенно нет времени.

В трубке раздались обиженные короткие гудки. Веня посмотрел не нее и положил на место.

«А мы поедем в Амстердам», — повторил он про себя уже в третий раз.

Можно, пожалуй, считать, что в момент этого неожиданного, но твердого решения для Вени и началось самое дальнее и самое необыкновенное из всех путешествий, в какие ему когда-либо случалось отправляться.

Но об этом, конечно, он еще не подозревал.

Глава шестая
«В воонботах любят жить художники, писатели, актеры»

В Шереметьево-2 Веню и Сашеньку доставила ее двоюродная сестра Зоя с Кутузовского проспекта. Она оказалась симпатичной блондинкой и имела, как показалось Вене, отдаленное сходство с кинозвездой Ким Бессинджер.

Зоя притормозила у входа в терминал, подождала, пока Веня вытащит из багажника сумки, наскоро расцеловала обоих и поспешила уехать, потому что машины подъезжали ко входу одна за другой, словно по конвейеру, и человек в милицейской форме не позволял водителям задерживаться.

Веня проводил взглядом Зоину машину («Пежо-206»), подхватил сумки и сейчас же забыл обо всех последних московских делах. Впереди был Амстердам, город, о котором Веня, говоря по правде, знал, пожалуй, только то, что он стоит на каналах, отчего его называют Северной Венецией. И впереди был восхитительный уикенд.

Разумеется, Вене хотелось бы отправиться в Амстердам на целую неделю, однако об этом не могло быть и речи. Работы в еженедельнике, как всегда, было выше головы, а во вторник надо было в очеред-

ной раз отправляться в пирамиду. Даже свободную субботу удалось выпросить у Эдуарда Борисовича с огромным трудом.

Поэтому Веня с Сашенькой отправлялись в свое путешествие вечером в пятницу, а вернуться должны были вечером в воскресенье.

Самолет взлетел, сначала в небе было светлее, чем на земле, но довольно быстро наступила ночная темнота. Над головой Сашеньки, сидевшей у иллюминатора, высветились звезды, лицо девушки казалось загадочным, как на картинах Леонардо да Винчи.

На душе у Вени было тревожно-сладко, как бывает всегда, когда отправляешься туда, где еще ни разу не был, и в точности не представляешь, что тебя ждет.

К тому же Веня слегка волновался и по другой причине: он приготовил для Сашеньки сюрприз, а насколько удачным он покажется девушке, не знал. Правда, в туристической фирме, занимавшейся их путешествием, Веню уверяли, что ничего лучше и быть не может. Ему и самому так показалось, но истина должна была выясниться только в Амстердаме.

Во время полета из часов неожиданно выпорхнул Инструкция, но лишь на короткий миг. Маленький человечек встал на подлокотник кресла, мельком глянул в иллюминатор, сделал руками круговые движения — Веня понял, что он хотел изобразить ветряную мельницу, — и сейчас же исчез. Но на прощание бросил короткую фразу:

— До вторника! Пирамида ждать не будет.

Веня с большой теплотой посмотрел на свои часы, в которых скрылся Инструкция. Что ни говори, не будь этого маленького человечка, вероятность того, что Веня встретил бы где-нибудь Сашеньку, приближалась к нуля.

К тому же в последнее время Инструкция вел себя с подчеркнутой деликатностью: ни разу не позволил себе объявиться в Вениной квартире при Сашеньке.

Когда самолет подлетал к Амстердаму, внизу были видны одни только огоньки. А вот аэропорт Шипхол сразу поразил Веню и Сашеньку тем, что имел большое сходство с оранжереей. В стеклянных залах повсюду были цветы.

— Вижу, не зря Голландию называют страной тюльпанов, — с восхищением молвила Сашенька, и Веня облегченно вздохнул: начало путешествия было хорошим.

Но рассматривать цветы было некогда: русскоговорящий гид Йохан, встречавший Веню и Сашеньку, молниеносно посадил их в машину, и она помчалась по голландской земле.

Город с волшебным названием Амстердам оказался совсем близко от аэропорта. Но какой он, понять пока было нельзя: за стеклами машины опять-таки были видны лишь огни да частенько мелькали

темные полоски воды. Это означало, что машина миновала очередной канал.

— Жить вы будете на канале Брауэрсграхт, — рассказывал гид по дороге. — Это в двух шагах от Центрального вокзала, который в Амстердаме считается городским центром. Главная улица — Дамрак. Ведет от вокзала к площади Дам, где королевский дворец. Вы у нас в первый раз?

— В первый, — ответил Веня.

— Вам с погодой очень повезло, — сказал Йохан с профессиональными интонациями гида. — Сейчас январь, а погода как в мае. Должно быть, в Европе и в самом деле началось глобальное потепление.

Наконец машина остановилась. Когда Веня с Сашенькой вышли, то оказались на берегу канала. Прямо перед ними была низкая баржа, на палубу которой с берега вели узкие сходни с перилами. Йохан первым прошел по сходням, открыл дверь рубки ключом, и через мгновение баржа осветилась.

Оказалось, над палубой был устроен полосатый тент, похожий на садовую беседку. Под ним стояли стол и легкие кресла. Сквозь открытую дверь в освещенной рубке теперь был виден штурвал. За ним — лестница, ведущая в трюм.

— Что это? — спросила Сашенька с удивлением.

— Это воонбот, плавучий дом, — сказал Йохан не без гордости. — В Амстердаме в воонботах любят жить наши художники, писатели, актеры. Теперь воонботы пользуются спросом и у туристов. В трюме те же удобства, что и в гостинице, а жить вы будете тут одни. Словом, индивидуальная плавучая гостиница.

Сашенька пришла в восторг.

— Да ведь это жилая баржа, как у Дункана Маклауда в Париже! — воскликнула она. — Правда, эта поменьше.

Веня тоже очень обрадовался: плавучая гостиница в Амстердаме и была тем сюрпризом, который он приготовил, поскольку был поклонником телесериала «Горец». Судя по всему, сюрприз пришелся любимой девушке по душе.

— Не баржа, воонбот, — поправил Сашеньку Йохан.

— Воонбот, — повторила за ним Сашенька. — Какая прелесть!

— Прошу, — Йохан сделал приглашающий жест в сторону рубки.

Внизу оказалась уютная спальня, маленькая гостиная с обеденным столом и даже с пианино, ванная и крошечная кладовая, где стояли два велосипеда. Везде вместо окон были иллюминаторы.

— Велосипеды зачем? — удивился Веня.

— Вы даже не представляете, насколько удобнее ездить по Амстердаму именно на велосипедах, — ответил Йохан. — Здесь все так

делают, даже полицейские. Улицы у нас очень узкие, по некоторым машины вообще не ездят. Советую использовать велосипеды по назначению, вместо такси.

Внутри воонбота было очень тихо, сквозь полуоткрытые иллюминаторы слышен был даже плеск воды в канале. Он помогал Вене с Сашенькой привыкать к мысли, что они в Амстердаме, и что в ближайшие дни их ждет много прекрасного.

Йохан протянул визитку с номером своего мобильника.

— На тот случай, если у вас вдруг возникнут какие-то проблемы, — сказал он. — Английским владеете?

— Владеем, — ответила Сашенька, приведя этим Веню в восторг. Каждый день он открывал в девушке что-то новое, и это ему нравилось. — Не в совершенстве, конечно, но объясниться сможем.

— Отлично! — сказал Йохан. — Английским владеет любой голландец. Значит, у вас не будет никаких проблем. Завтракаете вы в ресторанчике прямо напротив воонбота. На столе в гостиной карта Амстердама и путеводитель. Советую начать с Рийкмузея, это на берегу Сингелграхт. Там «Ночной дозор» нашего Рембрандта, величайшая в мире картина. Неподалеку музей Ван Гога. Обязательно совершите прогулку на катере по каналам. Я заезжаю за вами в воскресенье в шесть вечера и везу в Шипхол. Всего доброго!

Веня и Сашенька остались одни. Был уже поздний вечер.

Ночью, когда по каналу время от времени проходил какой-нибудь катер, воонбот слегка покачивался на волнах. Похоже, жизнь в Амстердаме вообще никогда не затихала. Слышался легкий плеск воды, у нее был какой-то особый запах. Веня с Сашенькой были в Амстердаме.

Утром, когда Сашенька еще спала, Веня поднялся на палубу, полной грудью вдохнул теплый январский воздух и застыл от восторга.

По обеим сторонам узкого канала тесно лепились друг к другу узкие разноцветные дома в четыре-пять этажей. Они отражались в темной воде, и от легкой ряби отдельные отражения казались слегка карикатурными, но все вместе были исполнены особой прелести.

Как раз в этот момент возле одного из домов разворачивалось любопытное действо: на верхний этаж с мостовой стали поднимать на канате элегантный, обитый черный кожей диван. Веня сообразил: в старых домах с узкими и крутыми лестницами никакой другой способ доставки мебели не годился, и поэтому на каждом фронтоне был укреплен мощный крюк.

Вот диван дополз до пятого этажа, немного покачался перед одним из окон, развернулся и стал постепенно задвигаться в проем.

Веня улыбнулся. Ну в каком другом городе можно увидеть столь необычную картину? Очевидно, так тут было и четыре века назад, так будет и четыре века спустя, какие бы не придумал человек технические чудеса.

Мимо воонбота проплывал белоснежный катер. Обе пассажирки и человек за штурвалом помахали Вене руками. Он махнул рукой в ответ и уселся за стол под навесом, продолжая разглядывать разноцветные дома на другой стороне канала.

Судя по всему, день должен был быть веселым, беспечным, бесконечным.

Ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. Погода не имела ничего общего с месяцем январем. Наверное, подумал Веня, Йохан прав: в Европу действительно пришло глобальное потепление, о котором постоянно твердят ученые по телевизору.

Однако, когда он спустился вниз, чтобы побриться, непонятно откуда налетел дождь. Крупные капли гулко застучали в доски палубы, по стеклу крошечного иллюминатора в ванной комнате потекли струйки воды. Но дождь прекратился так же неожиданно, как и начался, снова появилось солнце. И вместе с его лучами проснулась Сашенька.

Длинный, беспечный день в Амстердаме начался для Вени и Сашеньки с основательного завтрака в ресторанчике напротив воонбота. В маленьком уютном зале не было никого, кроме них. Подавая бекон, сыр, яичницу, кофе, пухленькая пожилая хозяйка посматривала на них добрым материнским взглядом.

Потом Веня извлек из трюма два велосипеда и перенес на берег. Разобравшись в карте Амстердама, они наметили маршрут.

Весело переговариваясь, Веня и Сашенька сначала покатили вдоль Брауэрсграхта, потом свернули направо, на набережную Принсенграхта. В путеводителе было сказано, что это — самый знаменитый и аристократический из всех амстердамских каналов. Да и неудивительно, если его название переводилось как «канал принцев». Однако дома здесь были точно такими же, как и на канале, где стоял воонбот — длинными, узкими, словно бы теснящими друг друга.

Шины негромко шуршали по светло-коричневой брусчатке дорожки, специально отведенной для велосипедистов. Постепенно велосипедистов на дорожке становилось все больше.

Судя по карте, Принсенграхт, полукругом огибающий центр Амстердама, вел к улице, прямиком выходящей к Рийкмузею. Название той улицы было сложным — Ниеве Спиегелстраат. По крайней мере, примерно так можно было прочитать латинские буквы. На карте расстояние до нее казалось большим, однако на деле в Амстердаме, оказывается, все было близко. Домчавшись до улицы минут за десять,

Веня и Сашенька снова повернули направо, пересекли еще два канала и оказались на площади перед музеем.

Знаменитый Рийкмузей оказался краснокирпичным зданием, украшенным островерхими башенками, словно дворец какого-нибудь герцога XVIII века. Разглядывая его, Веня вдруг припомнил свое первое свидание с Сашенькой на ступеньках московского Пушкинского музея. Он бросил взгляд на девушку, и ему показалось, что сейчас ей тоже припомнилось именно это.

По залам музея они шли, взявшись за руки и молча. Впрочем, о чем можно говорить в музее, рядом с великими полотнами? Огромный рембрандтовский «Ночной дозор», как выяснилось, занимал всю торцевую стену одного из залов на втором этаже. Возле него было больше всего народа.

Но обойти весь Рийкмузей даже за день невозможно. Часа через три, по-прежнему держась за руки, Веня и Сашенька вышли на площадь, где на специальной стоянке оставили велосипеды. Теперь можно было просто неспешно прокатиться по Амстердаму, направляясь куда глаза глядят и останавливаясь где придет в голову.

Пересекая по узким мостам один за другим каналы, они добрались до площади Дам, то и дело останавливаясь, чтобы прочитать название очередного канала или улицы и свериться с картой. Посмотрев на королевский дворец, выстроенный без особых архитектурных изысков, но зато украшенный великолепным барельефом на фронтоне, покатили по улице Данмарк к Центральному вокзалу.

Город был, что и говорить, хорош — неброский, без стекла и бетона, но добротный и уютный. От домов, как и от людей на улицах, веяло спокойствием и надежностью. Обмениваясь веселыми шуточками, а то и мимолетными поцелуями, Веня и Сашенька наслаждались теплым январским днем, замечательным городом и тем, что в этот день они были вместе.

Не доезжая до вокзала, который уже показался вдали, они решили наугад свернуть направо и вскоре оказались на очередном канале, где увидели любопытное зрелище.

На первых этажах всех домов вместо окон были стеклянные витрины. Некоторые из них плотно закрывали шторы, а в других сидели красивые девушки в одних купальниках, равнодушно взиравшие на прохожих. Веня непроизвольно засмотрелся на какую-то темнокожую красавицу. Белый купальник на темном теле смотрелся вызывающе и в высшей степени соблазнительно.

Сашенька перехватила Венин взгляд на лету и усмехнулась.

— Знаешь, куда ты меня привез? — сказала она. — Судя по всему, это и есть знаменитый амстердамский Красный квартал.

Веня даже слегка смутился. Но нашел достойный ответ:

— Я тут ни при чем. Наверное, этот велосипед сам сюда дорогу знает. Мало ли кто ездил на нем до меня. Мы же не первые живем на воонботе.

Сверившись с картой, они повернули в другую сторону и доехали до дома, в котором жил Рембрандт. Рядом с ним, приметив маленькое уличное кафе, решили сделать передышку.

Тут мимо них потянулась по улице довольно странная процессия. Первым, глядя в одну точку перед собой, шествовал долговязый молодой человек, размахивающий ооновским флагом на длинном древке.

За ним вприпрыжку двигались несколько фигур, наряженных, как на карнавале, в карикатурные космические скафандры желтого цвета. Следом шли несколько юношей и девушек с огромными метлами. Они выметали мостовую вслед за ряженными, но в основном были заняты тем, что на ходу целовались.

Что все это означало, было совершенно непонятно. Можно было только предположить, что голландские студенты таким способом выражали протест против чего-нибудь. Или, наоборот, хотели поддержать какую-то важную политическую идею.

Но уже в следующий момент действо прекратилось, потому что небо вдруг разразилось ливнем. Дурачащихся молодых людей как ветром сдуло. Исчез и официант, прежде неутомимо сновавший между столиками.

С краев зонта, закрывающего стол, хлынули потоки воды. Вене и Сашеньке ничего не оставалось, как только тесно прижаться друг к другу, и с упоением они принялись целоваться, не обращая внимания ни на кого. Почему бы и нет, если к этому располагал прекрасный город Амстердам, и, кроме них, то же самое делали и многие другие пары. И никто из окружающих не обращал на это внимания.

В этот момент забыто было абсолютно все — Москва, работа, хозяин Эдуард Борисович, шрежы, пирамиды, фигурки в экране, солнце, на котором не должно быть ни облачка, автомобили «девятка» и «Рено Меган II», Инструкция, притаившийся в часах... Впрочем, возможно, он тоже сейчас неприметно разгуливал по Амстердаму, следуя своей привычке изучать окружающую действительность.

Дождь стих так же внезапно, как начался. Опять показался официант. Вскоре Веня с Сашенькой вновь катили на велосипедах по Амстердаму, но теперь колеса словно сами собой повернули по направлению к Брауэрсграхт, к гостинице на воде.

Уже ближе к вечеру они отправились на прогулку по каналам Амстердама. И снова все было прекрасно.

Старинные разноцветные дома, украшенными причудливыми каменными фигурками зверей или шутов в колпаках с бубенчиками, скульптурами богов, плитами с гербами владельцев или просто затей-

ливым изразцовым орнаментом, с низкого борта катера казались еще прекраснее. На воде вверх ногами лежали их отражения, расплывающиеся на волнах.

Над катером проплывали бессчетные мосты. За одним из них вдруг открылась гладь широкого залива, и Веня с Сашенькой увидели старинный парусник с резной деревянной фигурой под бушпритом. Из пояснений гида на международном английском языке Сашенька поняла, что парусник — память о великих походах голландских мореходов, а на берегу стоит здание, которое раньше принадлежало Ост-Индской компании, чьи корабли уходили отсюда во все концы света, и перевела сказанное Вене.

Потом катер снова оказался в лабиринте каналов. Частенько он проплывал мимо воонботов, на которых жили люди. Вполне возможно, они были голландскими писателями, художниками, актерами. Почти все они приветливо махали проходящему катеру руками.

На Амстердам постепенно опускался вечер. Когда катер вернулся к улице Рокин, откуда начинал свое путешествие по каналам, было совсем темно. Но первый прекрасный день в Амстердаме для Вени и Сашеньки продолжался.

Они поужинали в каком-то маленьком уютном ресторанчике на берегу канала, название которого даже не удосужились прочесть, потом долго бродили по вечерним улицам. Амстердам — город маленький, заблудиться в нем невозможно, если провел в нем хотя бы день. Когда Веня и Сашенька вернулись на свой уютный воонбот, наступила уже глубокая ночь.

С утра надо было осуществить очень много планов. Сашеньке, добросовестно изучившей путеводитель по Амстердаму, непременно хотелось побывать в Музее книги, а также в Историческом музее, в Театральном музее и Зоологическом музее.

Кроме того, обязательно увидеть памятник Рембрандту на площади его имени, взглянуть на знаменитый Кофейный дом рядом с Центральным вокзалом, осмотреть хотя бы мельком Новую церковь, Старую церковь, Южную церковь и ряд других достопримечательностей.

Веня готов был следовать за Сашенькой повсюду, хотя в глубине души понимал, что осуществить все эти грандиозные планы за один день они никак не смогут.

Однако это означало лишь то, что в прекрасный город Амстердам надо будет обязательно приехать еще раз, а пока успеть выполнить хотя бы часть задуманного.

Но, как оказалось, лично для Вени пребывание в Амстердаме уже подходило к концу.

И дальше все для него должно было идти совсем по-другому.

. . .

Ночью Веня проснулся от ощущения того, что ему немедленно надо выйти на палубу. Это ощущение пришло к нему резко, сразу, как будто кто-то толкнул его в плечо.

Зачем надо идти на палубу, он не знал, но осторожно оделся, стараясь не разбудить Сашеньку.

Двигался Веня автоматически, и точно так же, не задумываясь, зачем это делает, он надел на руку свои часы фирмы Casio и поднялся по лестнице наверх.

Над воонботом нависли низкие тучи. Шел дождь, и набережная была пуста. Ночью оказалось заметно холоднее, чем днем. Веня решил было вернуться вниз, чтобы забраться под одеяло. Но в этот момент его снова как будто кто-то подтолкнул к сходням, ведущим на набережную.

Только теперь Веня отчетливо осознал, что происходит что-то странное. Как будто кто-то посторонний лишал его воли, но не окончательно, а словно бы короткими толчками. Подтолкнет к сходням и остановится, дав Вене короткую передышку. Но едва Веня спохватится и сделает шаг назад, подтолкнет снова.

На набережной в этот момент было ни души. Да и кто будет гулять даже в трижды распрекрасном Амстердаме под холодным плотным дождем.

Машинально Веня посмотрел на часы — три часа ночи.

Окна домов по обеим сторонам канала были абсолютно темными. Двери маленького ресторанчика напротив, где им с Сашенькой предстояло утром завтракать, наглухо закрыты.

Неведомая сила подтолкнула Веню, уже сошедшего с палубы на набережную, налево, в сторону Центрального вокзала. Дождь усилился, одежда Вени промокла насквозь, но он уже не поворачивал назад.

Потом неподалеку от него в мостовую ударила короткая молния, и тут Вене стало страшно. Непроизвольно он рванулся в сторону, но другая молния ударила перед ним, и он остановился.

На какое-то время наступила полная темнота. Казалось, разом погасли все фонари, которые были в округе. Вдобавок стало очень тихо. Только что слышался шум дождя, и вдруг он смолк, хотя дождь не прекращался.

Две молнии ударили одновременно, одна впереди, другая сзади. На мгновение они осветили набережную, темную воду канала и силуэты домов по его берегам, и тут же все снова исчезло.

И наконец Веня почувствовал, что он оказался в столбе яркого зеленоватого света, похожего на луч прожектора. Откуда он шел, было непонятно.

Веня поднял руки, чтобы закрыть от ослепляющего света глаза.

В этот момент им полностью завладел уже даже не страх, а глухой звериный ужас, который заставляет кричать, и он закричал изо всех сил. Он уже понял, что именно с ним происходит, потому что однажды уже наблюдал такую картину со стороны — на берегу Средиземного моря в каталонском городе Салоу, где точно такой же зеленый луч осветил злополучного стоматолога Николая.

А теперь луч охотился за ним самим, и Веня знал, чем все это должно закончиться.

В одно мгновение в Вениной голове пронесся бешеный хоровод обрывочных мыслей. Достаточно отчетливой среди них была такая: Сашенька, когда он вознесется в небо, останется в Амстердаме одна.

Еще одна более-менее законченная мысль свелась к тому, что все должно закончиться благополучно. В конце концов, Николай ведь вернулся домой, да и должен был обязательно вернуться, раз в этом был убежден Инструкция. К тому же Веня сам говорил с Николаем по телефону уже после его возвращения, пусть стоматолог его и не узнал, или сделал вид, что не узнал.

Припомнилось и то, что Николай перед своим вознесением крикнул, что подобное с ним уже случалось и раньше. Следовательно, все заканчивалось благополучно.

Еще всплыло отчетливое воспоминание о том, что Инструкция называл подобные вознесения на небо незаконными.

Но все эти мысли, как отчетливые, так и мелькающие настолько быстро, что и смысл их было трудно уловить, тонули в охватившем душу леденящем ощущении неизвестности. Оно и было по-настоящему ужасным.

Что его ждет в следующие мгновения?

На мгновение зеленоватый луч погас, и Веня машинально сделал несколько шагов, направляясь назад, к воонботу. Вдруг ему показалось: если он успеет добежать до плавучей гостиницы, спуститься вниз и спрятаться под одеяло, то все обойдется. И утром он проснется как ни в чем не бывало.

Однако луч появился снова, и теперь уже не выпускал Веню.

Прошло еще несколько мгновений. По-прежнему была полная тишина, Веня слышал только, как кровь стучит у него в висках.

Наконец свет стал ослепительным, и Веня почувствовал, что он растворяется в нем, становясь все меньше и меньше.

Почти безо всякого перехода он ощутил себя гигантом и сейчас же — снова крохотной частичкой.

В потоке света вдруг мелькнуло странное видение — показалось, его внимательно осматривает огромный глаз, принадлежащий неведомому исполину.

А потом зеленый свет подхватил Веню, словно пушинку, и унес из Амстердама неизвестно куда.

Последнее, что понял Веня, так это то, что он двигался вертикально вверх, иными словами, прямо в небо.

И немедленно наступила кромешная тьма, в которую провались все его мысли и ощущения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая
«Я и сейчас в Химках»

Чей-то огромный глаз осматривал Веню очень внимательно, но вместе с тем от него исходило ледяное равнодушие. Глаз был круглым, с желто-зеленым, как у кошки, зрачком и совсем не походил на человеческие глаза.

Очнувшись после провала в памяти, который, однако, не был абсолютным, поскольку сопровождался ощущением стремительного движения неизвестно куда, Веня ощутил себя упакованным в большой прозрачный футляр, словно героиня пушкинской «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях». Он лежал в футляре на спине и теперь все яснее воспринимал окружающее, делая открытие за открытием.

Первым из них стало то, что осматривает его не единственный огромный глаз, а сразу несколько. Просто один из них был ближе всех.

Глаз прижался почти вплотную к прозрачному футляру, в котором был заключен Веня, а другие виднелись в некотором отдалении. Все, что окружало Венин прозрачный футляр, виделось неясным, нерезким, за исключением глаз. Сколько их было всего, осталось неясным, потому что глаза располагались как бы в нескольких рядах, на разном удалении от футляра.

Веня пошевелился, чтобы почувствовать свое тело, и сразу же послышались звуки, похожие на шум водопада. Можно было подумать, что неведомые владельцы огромных глаз таким образом реагируют на его первое движение.

Тело было легким, послушным. Место внутри прозрачного футляра позволяло, и Веня вытянул вверх руки, словно лежа выжимал штангу. Шум водопада при этом усилился.

Что с ним произошло до этого провала памяти, сопровождавшегося вместе с тем ощущением стремительного движения, Веня помнил отчетливо: и как он бегал, спасаясь от ударявших рядом молний по набережной амстердамского канала Брауэрсграхт, и как его осветил, словно бы заключив в свои цепкие объятия, зеленый луч.

Но гораздо важнее было то, что последует дальше.

Огромный глаз отодвинулся, да и все другие стали уходить вдаль. Вокруг прозрачного футляра осталась неясная дымка. Так прошло некоторое время, которое показалось Вене нескончаемым.

Затем словно бы кто-то включил яркое освещение, и Веня, к своему огромному изумлению, опять увидел амстердамскую набережную. Одновременно прозрачные стенки растворились, какая-то неведомая сила подняла Веню на ноги, и он ощутил, что стоит лицом к витрине ресторанчика, в котором они с Сашенькой завтракали.

Не веря глазам, Веня сейчас же обернулся, чтобы увидеть воонбот, чувствуя, как его охватывает горячая волна радости. Ему показалось, что необыкновенное приключение завершилось — завершилось возвращением туда, откуда неведомая сила вознесла его в небо.

Но сейчас же радость погасла, потому что воонбота на месте не оказалось. Как, впрочем, и канала, на котором он стоял: мостовая набережной упиралась в гладкую стену, как бы светившуюся изнутри мягким зеленым светом, но за стеной ничего не было видно.

В растерянности Веня опять повернулся к ресторанчику. Витрина была точь-в-точь такой, какой он ее запомнил, а вот дверь была закрыта наглухо, и внутри ресторанчика не чувствовалось ничьего присутствия.

Вправо от ресторанчика далеко вдоль набережной тянулись фасады узких амстердамских домов, но они тоже казались абсолютно безжизненными. Никого, кроме Вени, не было и на самой набережной. А вдали она перегораживалась той же зеленой стеной.

Впечатление было таким, что кто-то отгородил маленький кусочек Амстердама и перенес его неизвестно куда.

Похолодев, Веня посмотрел налево — и застыл, широко открыв от изумления глаза. Потому что с той стороны набережная амстердамского канала плавно переходила в желтый пляжный песок. А вместо высоких домов с узкими фасадами начиналась уходящая вдаль пальмовая аллея, окаймляющая этот пляж. Среди пальм видны были уличные фонари.

Правда, с другой стороны вместо моря была опять-таки высокая стена, светящаяся изнутри.

Полоска песка и пальмовая аллея тянулись довольно далеко, и заканчивалась они каким-то другим ландшафтом, трудно различимым с того места, где стоял Веня.

Но еще более поразительным оказалось то, что этот кусочек пляжа был Вене знаком. Во всяком случае, точно такую же пальмовую аллею с фонарями между пальм он уже где-то видел.

И сейчас же он понял, где именно.

Если сам он находился в маленьком кусочке Амстердама, то пляж и пальмы были кусочком маленького уютного каталонского городка Салоу. Пляж был копией того, где он познакомился с офис-менеджером Ольгой и где позже ему довелось наблюдать вознесение на небо стоматолога из подмосковных Химок Николая.

Кстати, небо наблюдалось и здесь, над этими фрагментами Амстердама и Салоу, но оно было явно ненастоящим. Просто над головой Вени простирались синева, наполненная ярким дневным светом, но источника его не было видно.

Но даже задуматься о том, что все это могло бы означать, Веня не успел, потому что услышал хриплый голос:

— Эй, я здесь!

Потом тот же голос крикнул уже по-английски:

— Good day, friend! My dear friend!

Но сразу же после этого тот, кто говорил, вновь перешел на русский язык, теперь явно обращаясь к самому себе.

— Вот, блин, ничего больше по-английски не помню, а ведь этот явно не из наших. Бельгиец, что ли. Эх, надо было английский учить!

В следующую секунду Веня увидел на пальмовой аллее высокого бородатого человека, который быстрым шагом, скорее даже бегом направлялся к нему.

Веня смотрел на него, не веря глазам. Человек был в длинных бежевых шортах и зеленой майке, разукрашенной пальмами и белыми парусами. На бегу человек делал руками приветственные знаки и наконец заключил Веню в объятия, а потом принялся в восторге колотить его по плечам и спине, чередуя полновесные дружеские удары с новыми крепкими объятиями.

В Вениной голове вдруг молнией пронеслось неожиданное и несуразное, мало подходящее к обстановке сравнение: человек ведет себя точь-в-точь как матрос, потерпевший кораблекрушение и от одиночества слегка одичавший, которого наконец-то отыскала на необитаемом острове спасательная экспедиция.

Однако Веня сразу подметил, что этот матрос не утратил профессиональных навыков и, даже колотя собеседника по плечам, бросает быстрые и короткие взгляды на его рот.

— Николай! — выдохнул Веня.

Услышав свое имя, стоматолог из Химок проворно отступил на шаг и принялся разглядывать Веню с головы до ног. Лицо Николая стало изумленным.

— Да ты из наших, что ли, раз по-русски разговариваешь? А что же я тебя не знаю? — спросил он с недоумением.

Но Веня был поражен гораздо сильнее. Потому что Николай в данный момент должен был находиться не здесь, то есть неизвестно где, а в своих подмосковных Химках.

Веня так и сказал:

— Ты же дома должен быть! Я с тобой как-то говорил по телефону. Но ты сказал, что меня не знаешь.

Он вдруг ясно услышал, что в его голосе звучит не прошедшая со времени того разговора обида.

— Все-таки, похоже, я тебя где-то видел, — задумчиво молвил Николай, пока оставляя последние слова Вени без внимания. — В клубе, что ли? А где же еще? Да нет, в клубе я тебя точно не видел, иначе бы помнил. Хотя бы по зубам.

— В клубе мы с тобой точно не встречались, — сказал Веня.

— И все-таки я тебя знаю, — сказал Николай, морща лоб. — Видел где-то...

— Пиво мы с тобой как-то весь вечер пили, — сказал Веня и уточнил: — В Салоу, в Каталонии.

— В Салоу, — повторил Николай, словно эхо, — действительно, люблю там бывать. И зовут тебя...

— Вениамин, — подсказал Веня.

Лицо стоматолога прояснилось.

— Ну конечно, в Салоу! — воскликнул он. — Естественно, Вениамин! Имя у тебя редкое, Венька, нельзя не запомнить. Конечно, пиво, и потом на пляже...

— Ну да, — перебил его Веня, обрадовавшись, что Коля, наконец, все припомнил. — Именно на пляже...

— И потом именно на пляже я смотрел твои зубы, — завершил свою мысль стоматолог. — Теперь все вспомнил! Очень ярко светила луна. Тебе, Венька, надо ставить две пломбы, и с этим лучше не тянуть. Верхний левый первый премоляр и...

Лицо Николая стало недоверчиво-озадаченным.

— Постой, а ты-то как сюда попал?

— Куда сюда? — ответил Веня вопросом на вопрос.

Николай тяжелым взглядом обвел все окружающее.

— Да если б я знал, куда, — ответил он уныло. — Ну, сюда, где я... где мы с тобой сейчас находимся. И не только мы.

— Я попал сюда, — сказал Веня резонно, — надо полагать, потому, что занимался тем же, что и ты. В пирамиде. Выравнивал фигурки, чтобы на солнце не было ни облачка.

— Конечно! Другие сюда не попадают! — ответил Николай и стал размышлять вслух. — Сразу надо было сообразить. Но я не ожидал, что ты тоже из наших. Однако ты должен был стать шрежем совсем недавно, верно? Должно быть, стал, пока я здесь. Иначе я бы тебя и раньше, до Салоу, видел бы в клубе. Ну да, теперь я все понял!

Стоматолог взмахнул рукой и, разобравшись с одним, перешел к другому.

— А почему обстановка, — Николай ткнул пальцем в сторону узких амстердамских домов, — не наша, не российская? Похоже на Бельгию, а? Тебя из Бельгии, что ли, сюда взяли?

— Из Амстердама, — поправил его Веня автоматически. — Из Голландии.

— Ну, правильно! — воскликнул стоматолог. — Вот и подтверждение! Значит, верно я подумал, что они забирают нас только тогда, когда мы находимся за границей, а не в России. Черт знает почему! В первый раз меня забрали из Таиланда. Во второй из Каталонии. Надо спросить Хосе, интересно, откуда взяли его.

— Кто такой Хосе? — растерянно спросил Веня, чувствуя, что разговор принимает сюрреалистический оборот. Примерно такой же, как его самые первые беседы с Инструкцией.

Впрочем, разговор этот вполне соответствовал окружающей сюрреалистической обстановке, и мысли Вени, подстать обстановке, лихорадочно перескакивали с одного на другое.

— Кто такой Хосе? — повторил он.

— Хосе мексиканец, — ответил Николай. — Он там, за мной.

Стоматолог протянул руку в ту сторону, куда уходили ряды пальм и фонарей.

— Там, за пальмами, начинаются кактусы, — пояснил Николай.

— И что? — растерянно спросил Веня.

— Хосе живет среди кактусов, — ответил стоматолог.

Веня решил отложить выяснение загадочной личности мексиканца Хосе, живущего среди кактусов, на потом. Были и более важные темы для разговора.

— Шреж я потому, что у меня твои часы, — сказал Веня. — Ты их мне бросил в тот вечер, когда... В общем, в тот вечер, когда в Салоу была гроза. Я все видел. Случайно был на пляже в двух шагах от тебя.

Машинально он посмотрел на запястье и увидел, что часов на нем теперь нет.

— Так это был ты! — воскликнул Николай, явно приходя в восторг. — Ну, брат, совпадение! Вот теперь все понятно! Это судьба, не иначе! Вот оборот! Сначала вместе пить пиво, а потом заполучить мои часы! Значит, я бросил часы именно тебе? То-то мне голос твой пока-

зался тогда знакомым. Хотя, конечно, было не до того, чтобы разбираться. Ну, а потом, естественно, из часов к твоему изумлению появился Инструкция, и пошло-поехало.

— А сейчас часов нет, — констатировал Веня машинально. — Но точно помню, что были.

Стоматолог понимающе кивнул.

— Их и не должно быть! Конфисковали, как улику. Но вполне могут вернуть. В прошлый раз, когда меня забрали из Таиланда, то вернули. Хотя неизвестно, как теперь обернется. Я тебе тогда часы бросил только потому, что не знал, как все будет. Одно хорошо, — стоматолог покачал головой, — что теперь все пойдет быстро, раз нас уже трое. В прошлый раз ждали, когда наберутся трое. Третьим оказался я, и тут же все решилось моментально. Почему они ждут, чтобы нас было трое?

— Кто конфисковал? — спросил Веня растерянно. — Кто что решил? Нас трое с этим Хосе, что ли?

Он сделал паузу, чтобы набрать в грудь воздуха, и начал с того, с чего, конечно, вообще следовало начинать:

— И вообще, что происходит? Почему тебя все время забирают? Кто забирает?

Стоматолог пожал плечами.

— Забирают нас очень редко. Из наших при мне никогда никого не забирали. Это вот мне почему-то фатально не везет. А почему забирают, не знаю. Могу только предполагать, что кому-то где-то не очень нравится то, что мы делаем. И вообще у меня складывается впечатление, что здесь пересекаются самые разные интересы. А вот чьи, неизвестно.

Веня обдумал то, что услышал. И теперь сказал первое, что пришло в голову:

— Инструкция мне говорил, что тебя забрали незаконно, без санкции.

— Инструкция, — повторил Николай как-то даже растроганно. — Честно говоря, я по нему иной раз даже скучаю. У меня с ним много чего хорошего было. И мне он тогда, после Таиланда, тоже говорил, что все это незаконно.

Стоматолог бросил взгляд на Венин рот и добавил:

— Собственно, и они ведь, то есть те, кто забрал, точно так же тогда, когда меня из Таиланда забрали, решили. Будь иначе, разве вернули бы мне часы? Поэтому теперь я почти спокоен. И все-таки тогда, в Салоу, на всякий случай бросил часы тебе...

Веня помотал головой, чувствуя, что у него уже начинают путаться мысли. Сюрреализм продолжался, да еще какой! Чтобы не сдвинуться разумом, надо было срочно выяснить хоть что-нибудь.

Лучше всего было бы разбираться во всем по отдельным пунктам. И прежде, чем задать стоматологу следующий вопрос, Веня долго думал над его точной формулировкой.

— Ну, а почему ты здесь, раз я тебе звонил в Химки, и ты был дома?

— Да как же иначе? — ответил вопросом на вопрос Николай. — Я и сейчас должен быть в Химках. Если только в Москву по какимнибудь делам не поехал.

Какое-то время Веня ничего больше не спрашивал и только смотрел на стоматолога долгим взглядом.

— Но, выходит, и здесь ты тоже есть? — спросил он потом осторожно. — То есть здесь в смысле неизвестно где? Не только в Химках... если в Москву не поехал, но и здесь?

— Ну да, — сказал Николай.

— А здесь ты давно? — задал Веня следующий вопрос.

— С того самого дня, когда меня забрали, — последовал ответ. — У вас... то есть у нас... какой сейчас там месяц?

— Январь, — отозвался Веня.

Лицо Николая потемнело.

— Январь! — воскликнул он. — А я здесь с августа, когда был в Каталонии. Хосе уже после меня появился. Выходит, — стоматолог стал загибать пальцы, подсчитывая, — уже пятый месяц идет. А здесь времени не чувствуешь. Дней и ночей нет, даже зарубки на пальме не сделаешь. Да и нечем.

— Ну, хорошо, — терпеливо сказал Веня, не сворачивая с выбранной темы. — Здесь ты с августа. А в Химки когда ты вернулся?

Теперь по лицу Николая было видно, что он производит в уме какой-то подсчет.

— Мне тогда оставалось отдыхать в Салоу, кажется, неделю... Да, не больше недели. Значит, сразу после этого должен был вернуться в Химки. Вместе с женой и ее двоюродной сестрой Маргаритой, будь она неладна!

Лицо Николая снова омрачилось от каких-то воспоминаний, очевидно, нерадостных.

— Должен был вернуться или на самом деле вернулся? — задал Веня уточняющий вопрос, чтобы внести в этот важный момент полную ясность.

— Ты же со мной, вроде, говорил по телефону, — ответил стоматолог. — Значит, я вернулся.

Веня снова стал смотреть на стоматолога. Тот пожал плечами:

— Если ты со мной говорил.

— Может, и я, в таком случае, уже вернулся? — спросил Веня просто потому, что уже не представлял, о чем еще можно спраши-

вать после всего того, что он уже услышал. — И я не только здесь, но и там?..

Стоматолог пожал плечами.

— Во всяком случае, ты должен был вернуться, — ответил он, упирая на слово «должен». — Так всегда бывает. По крайней мере, со мной именно так было в первый раз. Значит, во второй раз тоже. Ну и с тобой, соответственно.

— Я вернулся, — сказал Веня, чувствуя подступающее беспросветное отчаяние. — Но я все еще здесь.

— Должен был вернуться, — повторил Николай. — Сначала в Амстердам, откуда тебя забрали. Потом домой, откуда ты приехал в Амстердам. Ты в Амстердаме один был?

— С Сашенькой, — выдавил из себя Веня.

На лице стоматолога отразилось некоторое удивление.

— Женского пола? — поинтересовался он потом. — Ты прости, что спрашиваю. Можешь не отвечать, если не хочешь.

— Женского, — сказал Веня.

— Вот вместе с Сашенькой ты и вернешься в Москву. Ты, вроде, когда мы пиво пили, говорил, что в Москве живешь.

Веня обхватил голову руками. Ему показалось, что сейчас она разлетится на части, и этим, по счастью, все, наконец, закончится. И никаких вопросов задавать ему больше не придется. Как и выслушивать ответы.

Теперь уже стоматолог Николай смотрел на Веню долгим взглядом. И лицо стоматолога менялось.

Потом Николай ударил себя кулаком по лбу.

— Ты прости меня, Венька, — сказал он. — Я ведь тут, оказывается, уже пятый месяц пребываю, совсем одичал. Только с самим собой разговариваю, чтобы человеческую речь окончательно не позабыть. Вот поэтому теперь и разболтался, когда тебя увидал. Хосе же только по-испански может, так что с ним я одними жестами...

При имени Хосе лицо стоматолога даже омрачилось от досады. Потом, когда он продолжил, просветлело:

— А с тобой говорю, говорю, и слушаю. Во-первых, слушаю то, что сам говорю, во-вторых, то, что ты отвечаешь. Радуюсь, короче, что живая душа рядом, и из головы совсем вон, что ты же ничего толком еще не знаешь. Я сам таким был. Да и сейчас знаю немногим больше. Хотя кое-какие предположения уже имею. Инструкция, конечно, с тобой особо не откровенничает, верно?

— Верно! — ответил Веня в сердцах. — Считай, я совсем ничего не знаю. А то, что ты говоришь, вообще полная бессмыслица. Если я здесь и в то же время вернулся в Амстердам, значит, меня должно быть двое. И тебя тоже двое, если ты здесь и в Химках.

— Так и есть, Венька, — ответил стоматолог, — так и есть! Ты мне верь! В это трудно поверить, но так и есть. Я в первый раз, после Таиланда, тоже никак не мог этого понять. Короче, поговорить нам с тобой есть о чем. И я безумно рад, что именно ты здесь появился. Хотя, конечно, лучше бы не появлялся, — тут же поправился Николай. — Но это я о том, что хорошо мы с тобой тогда, в Салоу, погуляли. Даже жаль, что теперь...

Стоматолог бросил взгляд на узкие высокие дома за Вениной спиной.

— В Голландии, я слышал, пиво очень хорошее, — сказал он с какими-то странными интонациями.

— Что-то не успел толком оценить, — честно признался Веня. — Мы были в Амстердаме только один день.

— Это я к тому, что здесь никакого пива вообще нет, — завершил свою мысль Николай.

Потом на его лице отразилось непонятное, но сложное чувство.

— Да и не хочется почему-то, — сказал стоматолог со вздохом. — И есть не хочется, тем более что еды никакой здесь тоже нет, — продолжал Николай. — И спать не хочется, поэтому я не сплю. Да и негде тут спать.

— Как это не хочется спать? — удивился Веня. — Что же ты, пятый месяц не спишь?

— Это там, у них пятый месяц пошел, а здесь не знаю сколько, — отозвался стоматолог и снова тяжело-тяжело вздохнул. — Здесь время как-то совсем по-другому идет. А может и вообще оно не идет. В общем, сам на себе испытаешь...

Мексиканец Хосе оказался низеньким пожилым черноусым и черноглазым толстячком, в сомбреро и с гитарой в руках. Он сидел близ огромного кактуса на камне, полускрытом в песке, и задумчиво смотрел в даль, извлекая из гитары грустные аккорды.

В ту сторону, куда он смотрел, тянулся пейзаж, хорошо знакомый Вене по многим вестернам, — песок и видневшиеся то там, то здесь, кактусы.

Однако завершался пейзаж все тем же зеленым забором, как бы светящимся изнутри.

— Видишь, — сказал Николай Вене, — здесь одни кактусы. Наверное, это Мексика. Для каждого, кого они забирают, создается кусочек той местности, откуда он был взят. Для меня — кусочек пляжа в Салоу. Для тебя — фрагмент Амстердама. Когда меня в прошлый раз забрали из Таиланда, тоже был пляж. А Хосе забрали, когда он был в кактусах. Хрен его знает, что он делал в такой глухомани, да

еще с гитарой, но разве его об этом спросишь. Может, серенаду пел какой-нибудь местной сеньорите. С другой стороны, ей-то что делать в кактусах? Но раз Хосе забрали, надо полагать, он тоже шреж, только мексиканский.

Стоматолог подошел к камню и протянул мексиканцу руку. Тот, отложив гитару, ответил Николаю рукопожатием. Присутствию Вени мексиканец, похоже, совсем не удивился. Да и вообще, судя по всему, он пребывал в кручине.

— Хосе, — сказал Николай и широко улыбнулся. — Friend.

— Николай, — сказал в ответ, грустно улыбнувшись, Хосе. — Amigo.

Николай подтолкнул к Хосе Веню и ткнул в него пальцем.

— Вениамин, — сказал Николай. — Можно Веня или Венька. Russian man.

— Виенька, — грустно повторил Хосе. — Amigo.

На лице стоматолога после этого отразилось неудовольствие.

— Вот и весь разговор, — сказал он в сердцах. — Каждый раз одно и то же. Хорошо мы с Хосе хоть смогли выяснить, как кого зовут.

Веня добросовестно собрал в памяти то, что оставалось в ней от изучаемого когда-то английского языка.

— Mexico? — спросил он.

— Si, — ответил Хосе.

Веня подумал и обвел руками песок и кактусы.

— Mexico? — спросил он еще раз.

— No, — грустно ответил Хосе. — Texas.

— Он мексиканец, но забрали его сюда из Техаса, — сказал Веня стоматологу.

Тот бросил на Венины зубы короткий уважительный взгляд.

— Молодец, что английский знаешь, — одобрил он. — Вот видишь, мексиканца тоже забрали не в его родной стране, а в американском штате Техас. Какая-то тенденция просматривается, однако. Впрочем, ничего я не знаю.

Стоматолог на прощание махнул мексиканцу рукой и потянул Веню в сторону.

— Ладно, пошли отсюда, а то его аккорды только тоску нагоняют. Прямо «Бесамо мучо», хоть плачь. Слава Богу, погулять здесь есть где. А теперь вот еще кусочек твоего Амстердама прибавился.

Пространство с кактусами, отведенное для Хосе, осталось позади, как и сам грустный мексиканец. Веня и стоматолог снова вернулись на кусочек каталонского города Салоу, продолжая свою прогулку, которую, судя по всему, можно было вообще не прекращать, раз больше нечем было заниматься, а в питье, еде и сне здесь не было необходимости. Николай спросил:

— Так о чем это я говорил, когда мы подходили к Хосе?

— Ты хотел ответить на мой вопрос, откуда у тебя появились эти часы, в которых сидит Инструкция, — напомнил Веня.

— Правильно, — сказал Николай, — я хотел ответить, что нашел эти часы у нас в Химках, на Московской улице. Было это уже года четыре назад, а может, и все пять. Причем мне кажется, что нашел я их совсем не случайно.

— Как это не случайно? — не понял Веня.

— Понимаешь, — сказал Николай, — вот, представь, иду я по Московской улице, народу вокруг мало, и вдруг что-то меня заставило обернуться назад. Тут-то я и увидел эти часы в двух шагах от себя. А ведь только что прошел по этому месту и, клянусь, их не было. Такое впечатление, что кто-то мне их специально подбросил, чтобы я их взял.

— Кто мог подбросить? — удивился Веня.

— Откуда я знаю! Никого вокруг не было. И вот что еще странно: часы, в общем, неказистые, дешевенькие, и в другой раз я бы даже не стал их поднимать. А тут что-то меня заставило наклониться и спрятать в карман. Дома я положил их на книжную полку и на время забыл.

— А потом появился Инструкция? — догадался Веня.

— Ну да, появился, — отвечал стоматолог. — Помню, это было как раз в мой день рождения, когда гости уже ушли, а Лариса, ну, жена, после застолья уложила меня спать на диване в большой комнате. Когда я проснулся, а он появился, я чуть с ума не сошел. Приняли-то мы с друзьями, сам понимаешь, очень даже прилично. Стоматологи все-таки. И что я мог подумать, представь?

— Понимаю, — ответил Веня и припомнил своего соседа Алексея Васильевича, — со мной почти то же самое было. И он тебе сообщил, что на тебя возложена особая миссия, которая будет весьма щедро оплачиваться.

— Так все и было, — сказал стоматолог.

— И что потом? — поинтересовался Веня.

— Будто сам не знаешь. Стал ездить в пирамиду раз в шесть дней, поправлять эти фигурки.

— Чтобы на солнце не было ни облачка, — уточнил Веня.

— Ну да.

— И это не казалось тебе странным? — задал Веня следующий вопрос.

— Еще бы не казалось, — ответил Николай. — Особенно сначала. Потом привык.

— А мне до сих пор кажется, — сказал Веня. — Правда, теперь уже не все время, а только иногда. Тогда я думаю: происходит какой-то абсурд, а нам за него деньги платят. Да еще какие!

— Так ведь платят, — молвил стоматолог философски. — А абсурд, Венька, сейчас везде. Людям приходится и не так еще деньги зарабатывать, бывают способы гораздо хуже, сам знаешь. Так что я подумал-подумал и совсем перестал обо всем этом думать. Синекура, как говорит Инструкция, есть синекура. Тебе, кстати, он как платил? В долларах?

— В долларах, — ответил Веня.

— И что ты успел на них сделать, если не секрет?

— Машину купил французскую, «Рено Меган II», место купил в многоэтажном паркинге, в Амстердам вот съездил, — перечислил Веня немного застенчиво.

— Ну, и как тебе такая синекура? — поинтересовался Николай.

Веня немного подумал, чтобы сформулировать свою мысль максимально верно.

— Против того, что за нее хорошо платят, я, конечно, ничего не имею, — ответил он. — Если есть деньги, человек чувствует себя намного свободнее. Но кому нужно, чтобы я фигурки поправлял? В глубине души я чувствую, что-то здесь не так. Помнишь, есть про Шерлока Холмса рассказ, как одного англичанина пригласили переписывать энциклопедию и тоже вполне прилично за это платили.

Николай улыбнулся.

— Видно, Венька, человек ты такой. Есть у тебя привычка думать обо всем больше, чем надо, и копаться в своих чувствах. А в наше время надо проще быть. Принимай этот абсурд как должное, если за этот абсурд хорошо платят. И главное, умей после работы хорошо отдыхать. В Каталонию почаще езди. Кстати, как тебе Амстердам?

— Не хуже Барселоны, — искренне ответил Веня. — Только он совсем другой.

— Вот видишь, — сказал Николай. — А не попади тебе эти часы, может, никогда и не увидел бы ты Амстердама.

«И Сашеньку я бы никогда не встретил, не будь этих часов», — тут же подумал Веня.

Николай тем временем продолжал:

— А я, Венька, если б не эти часы, так и был бы, скорее всего, простым зубным техником. Эти часы моей судьбой оказались! Нет, на жизнь, конечно, и раньше хватало, профессия-то хорошая. Но только с этим абсурдом я смог уже по полной программе развернуться. Деньги, что Инструкция платит, в клиники вложил, оборудование хорошее приобрел, все наладил, в конце концов.

Увлекшись, Николай даже хлопнул Веню по плечу.

— В Химках я уважаемый человек, четыре клиники мои, под сотню рабочих мест обеспечиваю, хорошую зарплату плачу. Дело-то верное, людям всегда нужно то полечить зубы, то новые вставить.

С мэром я теперь на дружеской ноге, в попечительский совет футбольного клуба «Химки» вхожу. В общем, все уже само собой идет, и я даже без этой синекуры вполне мог бы обойтись. Сам, не поверишь, иной раз подумываю: неужели всю жизнь мне в эту пирамиду надо ездить? А все с этих часов началось!

Николай на мгновение прервался, бросил еще один профессиональный взгляд на Венин рот, и продолжал:

— Да и никому из нас эта синекура не мешает. Вот, я знаю, девушка одна у нас все деньги, которые получает на этом абсурде, на книги тратит.

Веня насторожился.

— Она библиотекой в каком-то городе заведует, — продолжал Николай, — а разве государство сейчас на книги деньги дает? Разве государству сейчас до библиотек? А книги хорошие недешево стоят. Вот она сама всю свою библиотеку обеспечивает, государство собой заменяя, благо возможности есть.

По сердцу Вени прошла сначала теплая волна радости — оттого, что его Сашенька тихо и благородно делает для людей доброе дело, не трезвоня об этом на каждом углу, как часто делают многие другие.

А потом радость сменила холодная тоска: Сашенька осталась одна в Амстердаме, а он здесь, неизвестно где. Сейчас же пришла другая мысль: вроде, ничего страшного, она не одна, и не должна ничего заметить, раз с ней должен быть другой я. Чертовщина какая-то!

Что касается стоматолога, то, вспомнив о бедственном положении российских библиотек, лишенных государственной поддержки, он, судя по всему, расчувствовался. Возможно, оттого, что слишком долго пребывал без человеческого общения. Ведь не считать же общением короткие реплики, которыми он иногда обменивался с мексиканцем.

— И пускай тебе, Венька, часы эти тоже только одну пользу принесут! — молвил Николай. — Хочешь, мы с тобой теперь по очереди в пирамиду будем ездить? И деньги, что Инструкция дает, пополам?

Стоматолог сделал короткую паузу, а потом, увлекшись, вхмахнул рукой и продолжал:

— А хочешь, продолжай ездить один. Раз часы к тебе от меня попали, значит, это тоже судьба! Я себя и так уже вот так обеспечил, дальше все само собой идет. А ты в конце концов сможешь журнал себе какой-нибудь купить. Или издательство.

Веня внимательно посмотрел на Николая. Подобные мысли ему еще не приходили. Вот что значит бизнесмен, пусть и от стоматологии.

Но думать об этом было рано. И к тому же, как человек чести, Веня должен был отклонить слишком уж великодушное предложение стоматолога.

— Об этом и речи быть не может, — сказал он. — Часы твои, и я тебе их немедленно верну, как только мне самому их вернут.

Но стоматолог тоже был человеком чести. Сделав предложение, он уже не мог взять его назад. Вдобавок, судя по всему, его предложение было сделано искренне и от чистого сердца.

— Я сказал! — стоматолог взмахнул рукой. — Теперь ты их владелец. А если возникнет какая-нибудь непредвиденная финансовая сложность с моими поликлиниками, ты мне не поможешь, что ли? Хотя, надеюсь, не возникнет.

— Конечно, помогу! — с чувством сказал Веня. — Но все-таки...

— Разговор окончен, — отрезал Николай.

— Сначала выбраться отсюда надо, — резонно сказал Веня. — А пока ты мне лучше расскажи, как это все-таки может быть: ты и здесь и в Химках одновременно?

Стоматолог вздохнул.

— Это и в самом деле сверхъестественность какая-то! Впрочем, не сверхъестественнее всего остального, в чем мы участвуем. В общем, когда в первый раз меня из Таиланда забрали, а потом вернули, больше всего я переживал, ты меня правильно пойми, как все жене объяснить, где я был.

Веня подметил, что, произнеся слово «жена», стоматолог непроизвольно с опаской огляделся по сторонам.

— Ну, разве поверила бы она, что меня вознесли на небо, а потом вернули?

Николай сделал паузу, словно актер, которому к следующей своей фразе нужно привлечь особое внимание зрителя.

— И вот я вернулся, то есть снова оказался в Таиланде, и как раз в гостиничном номере, рядом с женой. Если точнее, то прямо в постели, в час ночи.

Стоматолог сделал новую паузу.

— Как вести себя, сам понимаешь, не знаю. Поначалу, на всякий случай, ничего пока не говорю, жду ее реакции, чтобы дальше как-то сориентироваться.

Последовала новая пауза.

— А она, представляешь, никак себя не ведет, и на мое появление реагирует как-то странно. То есть вообще никак не реагирует. Постепенно, осторожно, не сразу я разобрался: она ведет себя так, как будто я все это время, что отсутствовал, был рядом с ней, никуда не исчезал и не появлялся заново! Вот такая сверхъестественность!

Николай взмахнул рукой.

— И тут я понял, что вернулся прямо в самого себя, только другого, который там уже был, И который все это время вел себя так, как должен был себя вести я. Понял я это потому, что, вернувшись,

помнил, и то, что было со мной там, то есть здесь, и то, что, происходило в Таиланде, начиная с того самого момент, как меня вознесли. А до того, как в себя вернуться, все, что дальше происходило в Таиланде после моего вознесения, я не помнил. А когда осознал, что помню и то и другое, ощущение было довольно странным, но потом я привык.

Объяснение было путаным, но Веня в общих чертах понял.

Стоматолог вздохнул.

— Вот и сейчас, наверное, то же самое: я здесь, и в то же время я там. И снова вернусь в себя самого. Только, раз уже пять месяцев прошло, то теперь вернусь прямо в Химки.

Николай снова вздохнул.

— Я потом долго думал и пришел к выводу, что в тот момент, когда меня возносят, откуда-то берется другой я и остается там, откуда вознесли. Ну, точно такой же я. То же самое знающий, что и я, и точно так же себя ведущий. Во всех мелочах. Потому что мою Ларису не проведешь! Ни разу мне не удавалось. Только зачем и кому надо такое раздвоение, я не знаю. Вот такие дела, Венька!

Веня обдумал его слова.

Интересно, что теперь делает его собственный другой я? Все еще в Амстердаме или уже в Москве, потому что неизвестно, сколько времени уже успело пройти «там».

А он сам, то есть первый он, все еще здесь, и пока неизвестно, что будет дальше.

— Вот и Хосе, конечно, тоже и здесь, и там, — задумчиво сказал стоматолог. — Так что грустит он напрасно. Только он об этом не знает, а объяснить я ему не могу.

Глава вторая
«Что вы можете нам предъявить, генерал-инспектор?»

Дальнейший поворот событий случился неизвестно когда, раз время тут подчинялось каким-то иным законам, но Вене показалось, что очень скоро. Во всяком случае, в момент этого поворота все еще продолжалась их с Николаем нескончаемая замкнутая прогулка — от зеленой стены, перекрывающей набережную крохотного кусочка Амстердама, до конца аллеи с пальмами фрагмента каталонского города Салоу.

По пустыне с кактусами они не ходили, потому что там чувствовалась нестерпимая жара.

Однако мексиканец Хосе, не обращая на жару внимания, так и сидел на своем прежнем месте, оглашая окрестности грустными аккордами. Дойдя до мексиканца, Веня и Николай махали ему руками и поворачивали обратно. Хосе грустно махал в ответ.

Бесконечные хождения прекратилось как раз в тот момент, когда Веня с Николаем в очередной раз оказались близ пустыни с кактусами. На миг все, что было вокруг, заволоклось непроницаемой черной мглой, и сейчас же Веня ощутил, что теперь он сидит на высоком круглом стуле-тумбе без спинки, наподобие тех, что стоят у стойки бара, только еще выше.

Справа от него на такой же тумбе сидел стоматолог Николай, а слева мексиканец Хосе.

Оба выглядели донельзя изумленными, да и у самого Вени внешний вид был, вероятно, не лучше. Тем не менее не оставалось ничего другого, как только осматриваться по сторонам, выясняя, к чему привел этот очередной поворот событий.

Самое первое впечатление Вени было таким: все три высоких стула вместе с ними самими накрыты каким-то прозрачным колпаком. Сквозь него было прекрасно видно все происходящее за его пределами. Следующее впечатление тоже оказалось удивительным: все трое людей многократно уменьшились в размерах, потому что происходившее снаружи казалось огромным.

Прямо перед прозрачным колпаком был огромный постамент, наподобие эстрады, на котором лежал некий большой предмет. Присмотревшись, Веня понял, что это не что иное, как сильно увеличенные часы марки Casio. Видимо, те самые, что перешли к нему от стоматолога и в которых обитал Инструкция.

— Ты что-нибудь понимаешь? — растерянно вопросил Веня Николая. — Где мы? В прошлый раз с тобой было так же?

Стоматолог помотал головой. На его лице лежала печать недоумения, смешанного с тревогой.

— Тогда ничего подобного не было, это что-то новенькое. В прошлый раз, помню, у меня вдруг появились на руке часы, которых за секунду до этого не было. Вроде как мне их вернули. А в следующий момент я уже оказался в Таиланде.

Дальше Веня увидел, что к большим часам на помосте приблизился появившийся из воздуха странный летательный аппарат, похожий на миниатюрную летающую тарелку. Во всяком случае, он был несравненно меньше часов. Аппарат сделал над циферблатом несколько кругов и исчез.

Но из часов молниеносно объявился Инструкция, только теперь не крошечный, а тоже очень большой — иными словами, увеличившийся в той же пропорции, что и сами часы.

Венин (а также Колин) руководитель на этот раз был одет чрезвычайно изысканно, словно для какого-то очень торжественного случая, например, приема у английской королевы. На нем был смокинг, безукоризненно выглаженные брюки, белоснежная рубашка и галстук-бабочка.

Однако во всем его облике проглядывала какая-то неуверенность. Лисье личико Инструкции выглядело сосредоточенно-напряженным.

Веня подумал, что создатели этого неизвестного аппарата, полетавшего над часами, видимо, хорошо знали, какими методами можно извлекать Инструкцию на белый свет. А вот он, Веня, этого не умел.

Сейчас же Веня сделал другое открытие: слева от постамента находилось существо, тоже казавшееся чрезмерно большим. Облик существа вместе с тем был ему знаком: полупрозрачный бублик на четырех ножках. Возможно, тот самый генеральный смотритель всех пирамид, с которым Веня уже имел удовольствие общаться.

А может, и нет, но на смотрителя это чудо на ножках было похоже как две капли воды.

По другую сторону постамента Веня обнаружил еще одно огромное существо, закутанное в синий балахон. Из него выглядывали четыре головы, похожие на змеиные. В общем, это существо имело большое сходство со Змеем Горынычем из фольклора.

Правда, крыльев у него Веня не увидел. Да и голов у фольклорного Горыныча было, вроде только три, а не четыре.

Зато с первого же взгляда Веня понял, что два эти непохожих существа относятся друг к другу без симпатии, если не крайне враждебно. Так и казалось, что четыре оранжевых глаза бублика мечут на визави испепеляющие молнии, в ответ на которые такие же молнии вылетают из глаз всех четырех голов.

И все это опять-таки больше всего напоминало сцену из сюрреалистического фильма, поставленного режиссером-авангардистом, не считающимся ни с какими канонами разумности.

Неожиданно послышался голос, и, странное дело, Вене показалось, что произносит он русские слова. Во всяком случае, все, что говорилось, Веня понимал. Произносил эти слова, скорее всего, Змей Горыныч, потому что головы его пришли в движение, раскачиваясь из стороны в сторону и словно бы говоря по очереди.

Но как бы то ни было, услышанные слова поразили Веню еще сильнее, чем все, что он видел.

— Ну что? Пришло время. За все ответить? — вопросил Змей Горыныч с саркастическими нотками. — Полагали, безнаказанность обеспечена? Если действуете на задворках Вселенной. Нет! Все среди звезд имеет свой конец.

Вселенная, звезды, автоматически отметил Веня. Значит, во всей этой необыкновенной истории, действующим лицом которой он поневоле стал, все-таки так или иначе замешаны инопланетяне, а не земные магические или волшебные силы.

А это означает конец всем спорам, бывали ли на Земле когда-либо инопланетяне? Правда, можно было, наверное, и обидеться, оттого что местоположение родной планеты небрежно назвали задворками вселенной.

И вдобавок инопланетяне оказались какими-то очень уж карикатурными, что ли. Один как бублик, другой как Змей Горыныч.

— Не превышайте своих полномочий, генерал-инспектор, — отвечал тем временем своему оппоненту бублик. — Вам предстоит убедиться, что законность полностью соблюдена, все документы у нас в полном порядке. Да будь иначе, мы бы давно понесли заслуженное наказание.

— Это у вас-то? Соблюдена законность? — взорвался Змей Горыныч. — Да вы органически не способны. Соблюдать законность. Даже если внешне у вас. Все в порядке. Стоит копнуть глубже, непременно обнаружишь правонарушение. Мы вашу породу жишшинов знаем. И будем бороться с вашим произволом. Всеми дозволенными способами. И недозволенными способами.

Теперь Веня понял: столь короткими, отрывистыми фразами Змей Горыныч говорил потому, что его головы произносили их по очереди. Начинала та что слева, продолжала следующая, и так далее. После того, как высказалась крайняя справа, слово снова переходило к крайней левой голове.

— Полегче, генерал-инспектор, полегче, — молвил на это бублик, — еще неизвестно, чем кончится теперешнее разбирательство. Я лично думаю, что не в вашу пользу. А что касается обвинения в нарушении законности, то оно вполне может быть предъявлено лично вам. Чего стоит лишь одно ваше утверждение, что вы готовы подменять законы недозволенными способами!

Во время такой перепалки Инструкция, стоявший на постаменте, молчал, и только переводил взгляд с одного ее участника на другого, словно оценивал смысл сказанного.

И точно так же, как вдруг подметил Веня, вел себя и мексиканец. Вдобавок Хосе даже вытянул шею, сдвинув сомбреро на затылок, и на его лице была написана точно такая же работа мысли, как и у стоматолога Николая.

У Вени промелькнула странная мысль, и он непроизвольно толкнул мексиканца в бок локтем.

— Ты понимаешь, что ли, о чем они говорят? — спросил он с безмерным удивлением и тут же сообразил, что ответа не получит, раз он говорит по-русски, а мексиканец этого языка не знает.

Но Хосе, как показалось Вене, вдруг тоже перешел на русский язык.

— Конечно, — сказал он, — они же по-испански говорят.

Веня бросил на него озадаченный взгляд.

— Постой, а ты сам сейчас на каком языке говоришь?

— На испанском, разумеется, — ответил Хосе. — Я других языков не знаю.

Обдумывать его ответ времени не было: перепалка по ту сторону прозрачного колпака продолжалась, и Веня явственно слышал прежнюю русскую речь.

Возможно, решил он мельком, раз Хосе тоже все понимает, то это вовсе и не речь, а прямой обмен мыслями, воспринимаемый всеми присутствующими, в том числе и им самим.

— Давно мы ожидали этого момента, — продолжали между тем одна за другой головы Змея Горыныча. — Ради таких моментов. Стоит работать. Конечно, очень долго. Главная инспекционная служба упускала вас из виду. Поскольку работы у нас по всей Вселенной невпроворот. Но теперь, наконец, добрались и до вас.

— Да что вы можете нам предъявить, генерал-инспектор? — спросил бублик, и теперь уже в его голосе зазвучали саркастические нотки. — Неужели припомните очень давний случай с тем маленьким оазисом зарождающейся культуры, который теперь называется на этой планете Древним Египтом? Если так, вы не хуже меня знаете, что тогда мы полностью выполнили все предписания, и разговоры о том казусе не могут продолжаться.

— Будь наша власть, уже за один Древний Египет вас следовало. Перевести в заповедник! — в гневе заговорили головы Змея Горыныча. — И держать там всегда. В назидание другим цивилизациям.

— Послушай, Веня, — с безмерным удивлением заговорил в этот момент и стоматолог Николай. — Это ведь они о нашем Древнем Египте, а? При чем тут Древний Египет, ничего не понимаю.

— Может быть, как раз теперь кое-что и прояснится, — ответил Веня. — А то, что во всей этой истории что-то такое связано с Древним Египтом, я давно уже понял. Еще в своей... в нашей с тобой пирамиде.

— И похоже, — сказал еще Николай, — зубы есть только у этого дракона. А у другого совсем нет.

— К теме Древнего Египта мы имеем полное право больше не возвращаться, — произнес бублик. — Мы признали, что тогда совершили ошибку, и выполнили все предписания.

Все четыре головы Змея Горыныча одновременно сверкнули глазами.

— Однако должных выводов. Из той истории не сделали. Просто со временем переменили тактику. Доказать это было бы довольно трудно. Но теперь, по счастью, мы получили официальную санкцию. Как на доставку с Земли выявленных нами непосредственных исполнителей, — при этих словах две из четырех голов пронизали взглядами колпак, укрывающий Веню, Николая и Хосе, а две другие грозно взглянули на бублика. — Так и на допрос одного из ваших пособников.

Теперь все четыре головы повернулись к Инструкции, который по-прежнему безмолвно стоял возле часов.

— К сожалению, в прошлый раз доставка нами исполнителей. Не была одобрена Высшим Судом. Именно поэтому вам удалось уйти от ответственности. А сейчас уже не удастся. Санкционирован даже сканирующий допрос. Скрыть истину ваш пособник будет не в состоянии.

После таких слов Инструкция зачем-то поправил бабочку. Движение его руки, как показалось Вене, было каким-то нервным.

— А вот законность такой санкции мы будем оспаривать, — возразил бублик, правда, теперь не очень уверенно. — Сканирующий допрос применяется лишь в исключительных случаях. Уж вы бы должны знать, генерал-инспектор.

— Ваш случай относится именно к исключительным, — парировала левая голова Змея Горыныча, которого бублик называл генералом-инспектором. — И наказание тоже должно быть исключительным, — подхватила следующая. Третья продолжила мысль: — Возможно, даже заповедником вам не удастся отделаться.

Если этот Змей Горыныч — инспектор, пусть даже и называется генералом-инспектором, то все напоминает сцену из детективного романа, подумал Веня. Инспектор настиг преступника и готовится предъявить ему обвинения. Тот, конечно, изворачивается как только может. Главный вывод, вытекающий из этой сцены, что бублик в чем-то преступил закон.

— Определять меру наказания не ваше дело, — сказал бублик. — В ваших полномочиях лишь предъявить обвинения, но только в том случае, если они обоснованны. Считаю также, что вы разговариваете со мной совершенно недопустимым образом.

— Как заслужили, — начала ответную реплику крайняя правая голова генерала-инспектора, но в этот момент оживленная перепалка была прервана громким металлическим звуком, похожим на удар гонга.

Потом послышался еще один голос, в котором на этот раз угадывались металлические оттенки, сходные с гонгом. Голос исходил откуда-то сверху, словно принадлежал самому Зевсу-громовержцу.

— Генерал-инспектор главной инспекционной службы, — произнес голос. — Изложите Высшему Суду все, что вы считаете нужным, по существу.

Четыре головы устремили взгляды куда-то наверх, потом вернулись в исходное положение.

— Обращаясь к высшей мудрости Высшего Суда, — начала крайняя левая голова. — Ожидаем, что Высшим Судом будет явлена высшая справедливость, — подхватила следующая, и остальные продолжали в прежней очередности: — Фактические материалы, представленные нашей экспедиционной службой. Были собраны совершенно беспристрастно. И охватывают очень долгий период. Обращаем особое внимание на то, что в свое время. Цивилизации жишшинов Высший Суд уже предъявлял серьезные претензии. Речь идет о памятном случае с оазисом культуры. Который на планете, страдающей от эксплуатации жишшинов. Именуют Древним Египтом. Однако предписанные после того случая меры. Были выполнены жишшинами не в должном объеме. Им следовало уйти с планеты окончательно. Но решение оказалось половинчатым.

— Обращаясь к высшей мудрости Высшего Суда, сейчас же заявляю протест, — вставил свою реплику бублик. — К случаю с Древним Египтом нет необходимости возвращаться, поскольку все предписания Высшего Суда были немедленно выполнены.

— Продолжайте, генерал-инспектор Перит-Рапририт, — молвил металлический голос, невольно заставляющий вспомнить Зевса-громовержца.

Головы генерала-инспектора, имя которого, видимо, было Перит-Рапририт, по очереди моргнули глазами.

— В случае с Древним Египтом. Все предписания Высшего Суда, касающиеся именно Древнего Египта. Действительно были выполнены, — согласился генерал-инспектор, но с явной неохотой. — Правда, на наш взгляд, следовало бы также. Предписать жишшинам уничтожение всех пирамид, возведенных в оазисе.

— А вот уже совершенно не ваше дело, генерал-инспектор, — снова вставил быструю реплику бублик. — Об уничтожении пирамид в предписании речи не было. Или вы подвергаете решение Высшего Суда сомнению?

Прежде чем ответить, генерал-инспектор сделал паузу. Видимо, обдумывал, как лучше и точнее выразиться. Головы его переглядывались, словно советуясь.

— Нам хорошо известно, почему в предписании. Не предусматривалось уничтожение пирамид, — заговорили, наконец, головы. — Все дело в том, что аборигены в конце концов сами. Стали строить пирамиды, подражая вам. Чтобы использовать эти сооружения уже в

собственных целях. Самостоятельное сооружение пирамид египтянами. Было признано определенным шагом вперед. В развитии древнеегипетского оазиса. Поэтому, чтобы не вносить в умы аборигенов сумятицы. Решено было оставить и пирамиды жишшинов. Уничтожив, разумеется, их техническое оснащение.

Генерал-инспектор сделал новую паузу.

— Тем не менее нам позволительно. Иметь на этот счет собственное мнение. И мы его имеем. Но давайте, прежде чем двигаться дальше. Подчеркнем важнейшее обстоятельство. Эксплуатация жишшинами Древнего Египта была по представлению. Нашей главной инспекционной службы. Признана Высшим Судом незаконной и запрещена.

— Я бы называл это не эксплуатацией, а эксплуатационной деятельностью, — поправил Змея Горыныча бублик. — Такая деятельность, подчеркну, помимо воли населения Древнего Египта и в тайне от него, и без непосредственного участия в этой деятельности самого местного населения, действительно была признана незаконной. Этого никто и не отрицает. Из Древнего Египта мы ушли, признав свою ошибку.

— Ошибка — это совсем не то слово, — отвечали ему по очереди головы генерала-инспектора. — Мы бы назвали ваши деяния. Преступным умыслом, вовремя разоблаченным.

За всей этой сценой, словно бы разыгрываемой в театре абсурда, Веня следил с напряженным вниманием. Было понятно, что четырехглавое существо, именуемое генералом-инспектором Перит-Раприритом, имело к бублику серьезные претензии.

Бублик, очевидно, принадлежал к цивилизации жишшинов, которая вела на Земле какую-то эксплуатационную деятельность. Началась эта деятельность еще во времена Древнего Египта (возможно, в этом крылась разгадка тайн египетских пирамид!), но была запрещена неким Высшим Судом по той причине, что была незаконной.

Но теперь, вне всяких сомнений, эта деятельность продолжалась на территории родной Вениной страны, а также, судя по всему, Мексики, представителем которой был Хосе.

Не исключено, правда, что эти страны были на Земле не единственными.

Однако какого именно рода была деятельность жишшинов и что именно эксплуатировалось, пока не оглашалось. Да и многое другое оставалось пока неясным.

Но все-таки один очень важный вывод уже можно было сделать.

И не очень радостный.

Как раз в этой деятельности, вызывающей претензии неведомой главной инспекционной службы, принимали непосредственное участие он сам, Сашенька, Николай, все российские шрежы, с которыми ему доводилось встречаться на заседаниях клубов. А также мексиканский шреж Хосе. И, очень возможно, какое-то число шрежей в других странах.

Именно потому они втроем и находились здесь, то есть неизвестно где, то ли в качестве свидетелей, то ли в качестве обвиняемых. И на их доставку сюда была получена санкция некоего Высшего Суда.

А в прошлый раз, как можно было понять, Николая и кого-то еще с Земли доставили сюда без санкции и поэтому безнаказанно отпустили.

На этот раз все могло обернуться иначе. Сделав такой неутешительный вывод, Веня почувствовал, что у него холодеет сердце.

— Продолжайте, генерал-инспектор Перит-Рапририт, — прозвучал сверху голос все того же Зевса-громовержца. — К Древнему Египту можете больше не возвращаться. Что же касается давнего решения относительно египетских пирамид, безусловно, к нему можно относиться по-разному. Будем исходить из того, что большая часть пирамид была возведена позже самими египтянами, пусть и по чужим первоначальным образцам, и, значит, пирамиды должны считаться достоянием планеты. Нам, кстати, известно, что на планете Земля они считаются одним из семи чудес света древнего мира.

Бублик метнул в сторону генерала-инспектора взгляд, в котором угадывалось скрытое торжество.

— Не исключаю, что генерал-инспектор Перит-Рапририт вполне способен приписать нашей цивилизации и другие пирамиды, сооруженные в давние времена в иных регионах планеты, которую обитатели ее именуют Землей, — произнес бублик с вкрадчивыми интонациями. — Если так, это будет совершенно необоснованным обвинением, после которого генерала-инспектора можно было бы считать недостойным его высокого звания одного из высших руководителей главной инспекционной службы.

Четыре головы генерала-инспектора закачались из стороны в сторону, но не синхронно, а в разнобой. Видимо, таким образом генерал-инспектор выражал свое возмущение.

— Нам известно многое, — по очереди заговорили головы. — В том числе и то, что оптимальная и устойчивая форма пирамиды. Достаточно широко распространена во Вселенной. Неудивительно, что к такой форме приходили. Как на разных планетах, так и разные цивилизации. На одной и той же планете. Например, древние пирамиды индейских народов. Сохранившиеся на территории современной Мексики. Действительно не имеют никакого отношения к жиш-

шинам. Однако, — та из голов, которая в данный момент говорила, возвела глаза кверху, словно теперь обращалась непосредственно к Зевсу-громовержцу, — если уж речь зашла о Мексике. То сразу должны сказать. Мы располагаем сведениями, что на ее территории жишшины все-таки. Строили свои эксплутационные пирамиды. Это происходило уже в более поздние времена. И с определенными тайными предосторожностями. Некоторым жителям современной Мексики. Эти пирамиды хорошо известны. На этот счет у главной инспекционной службы. Есть неопровержимые доказательства.

При таких словах генерала-инспектора мексиканец Хосе сделал непроизвольное движение, поправив сомбреро.

— Это не противоречило предписаниям Высшего Суда, данными нам после Древнего Египта, — быстро сказал бублик.

— Тайными предосторожностями? — прогремел сверху Зевс-громовержец. — Что за тайные предосторожности?

Головы генерала-инспектора снова переглянулись. Теперь, похоже, торжествующе.

— В том-то все и дело, — начала одна из голов. — Собранные главной инспекционной службой материалы показывают, — подхватила следующая, а за ней продолжали по очереди следующие: — Что после истории с Древним Египтом. Жишшины через какое-то время вернулись на планету. Поскольку она представляет для них огромный интерес. Но решено было ставить эксплутационные пирамиды. Теперь уже не в естественной временно-пространственной фазе. А в искусственно созданной смежной фазе. Абсолютно необитаемой. Таким образом, увидеть пирамиды никто не мог. Однако разрешения на это жишшины. Никогда не получали.

— Но не было и запрета, — вставил бублик. — Прямо запрет касался только Древнего Египта. Кстати, даже тот запрет сразу же можно было толковать лишь применительно к естественной временно-пространственной фазе. Поэтому у нас была возможность в том же Египте создать искусственную смежную фазу, перевести туда пирамиды и продолжать, таким образом, свою деятельность. Но мы этого не сделали, и полностью ушли из оазиса.

— Если бы вы сделали это в Древнем Египте непосредственно после запрета. Вас сразу можно было объявлять мошенниками, — резко ответили, одна за другой, две головы генерала-инспектора.

Напряженный и смятенный ум Вени молнией осенила догадка. Смежная фаза, о которой зашла речь, была, видимо, неким другим параллельным миром, существующим где-то рядом с реальной действительностью.

Собственно, ничего особо удивительного в этом нет, решил Веня: существование смежных миров давным-давно предсказывали

писатели-фантасты, а многие из их предсказаний, как известно, уже сбылись.

К тому же в его жизни за последнее время было столько всего невероятного, что еще одно неожиданное открытие надо было считать вполне обыденной, повседневной реальностью.

Зато теперь становилось ясно, почему его, Венина, пирамида располагается явно в среднерусской полосе, но органическая жизнь в ней представлена лишь флорой.

Очевидно, именно так и выглядит искусственно созданная временно-пространственная фаза, смежная с той, в какой находится город Москва и все его население, включая не только людей, но и собак, кошек, воробьев, ворон и вообще все, что относится к фауне.

Вот туда-то он, Веня, и переносится, встав на крышку люка неподалеку от книжного магазина и прочитав слова заклинания на табличке.

Где-то в этой смежной фазе проходят, очевидно, и заседания клуба шрежей.

Непонятно только, откуда берутся корабли, бросающиеся в погоню за пиратским кораблем шрежев, негритенок Сэмюель, подающий ром, старинные автомобили и прочие атрибуты веселых заседаний.

Впрочем, удивляться особо нечему, подумал Веня. Если уж эта цивилизация бубликов, которых генерал-инспектор называет жишшинами, способна путешествовать во Вселенной и создавать искусственные временно-пространственные фазы, а также сгустки энергии, живущие в наручных часах, с подобными мелочами справиться ей не так уж трудно.

Однако другая загадка так и остается загадкой: зачем надо выравнивать фигурки в пирамиде, обеспечивая тем самым отсутствие облачков на солнце в глубине экрана? Неужели нечто подобное считалось незаконным и по этой причине было запрещено неким Высшим Судом? Возможно, самой высшей властью во Вселенной...

Головы генерала-инспектора тем временам по очереди продолжали:

— Перенос в искусственную временно-пространственную фазу. Почти ничего не меняет по сути. Эксплуатация...

— Эксплуатационная деятельность, — быстро вставил бублик.

— Эксплуатация, — резко повторила крайняя правая голова генерала-инспектора, — не перестает быть эксплуатацией. — Крайняя левая подхватила: — Поскольку обе фазы связаны неразрывно. — Следующая продолжила: — И, следовательно, эксплуатируется то же самое местное население.

В глазах бублика снова промелькнуло торжество.

— Эксплутационная деятельность может быть признана незаконной, — произнес он с явным удовольствием, — только в том случае,

если осуществляется помимо воли коренного населения и в тайне от него. У нас все иначе. Вдобавок коренное население принимает непосредственное участие в этом процессе, так что все вопросы, если они возникли у главной инспекционной службы, должны быть сняты.

Теперь бублик, подобно генералу-инспектору, тоже бросил взгляд куда-то наверх, словно бы надеясь на поддержку.

— В той же Мексике, если уж зашла о ней речь, — продолжал бублик, — был подписан официальный договор с правителем, которого звали Монтесума. Таким образом, наша деятельность осуществлялась с согласия коренного населения, главой которого был названный Монтесума. Он олицетворял и согласие, и волю своего народа.

— Запрашиваю упомянутый договор, — молвил Зевс-громовержец. — Да, получил...

Последовала очень короткая пауза.

— Как же он мог подписать такой договор? — удивленно вопросил потом Зевс-громовержец. — В договоре ясно указана ваша цель. Вряд ли этот правитель мог адекватно оценить, что, собственно говоря, все означает и что должен предоставить вам его народ согласно договору.

— Разумеется, ему все объяснили, и как можно доступнее, — пояснил бублик. — У народа ацтеков была высокая культура, они были восприимчивы к новому для них и вполне способны понять смысл происходящего.

— Подпись правителя Монтесумы, между тем, подлинная, — продолжал Зевс-громовержец, — уже проверено экспертизой.

В Венином смятенном сознании пронеслось: как же этот Зевс-громовержец умудрился в считанные мгновения проверить подлинность подписи, сделанной где-то на задворках вселенной, да еще многие века назад? И откуда он запросил этот договор? Впрочем, эти и тому подобные вопросы никакого значения не имели, раз в его, Вениных, необыкновенных приключениях возможным было абсолютно все.

А вот цель, какую преследовали и преследуют эти бублики на Земле, так и оставалась невыясненным. Ясно одно: их деятельность проистекает без помех, когда на солнце в глубине экрана нет ни облачка, а если оно закрыто тучами, происходит какой-то сбой, который надо устранить.

— Конечно, подпись подлинная, — сказал бублик. — Договор был взаимно выгоден, поскольку с нашей стороны тоже были определенные обязательства, там они указаны. Впрочем, практически сразу правопреемником Монтесумы стал испанец Кортес. Он тоже подписал с нами договор, и мы платили ему тем, что интересовало его больше всего, — золотом. Кроме представленного договора, подпи-

санного Кортесом, мы можем представить также его расписки в получении.

— Да, получил, — сказал Зевс-громовержец.

На миг воцарилась тишина. Потом заговорили головы генерала-инспектора:

— Судя по тому, что мы знаем о Кортесе по историческим источникам. Золото имело над ним необыкновенную власть. И ради него он готов был подписать все что угодно. Не очень вникая в смысл того, что подписывал.

— Тем не менее, законность в данном случае соблюдена, — произнес с задумчивыми интонациями Зевс-громовержец. — Конечно, жишшинам можно предъявить претензии морально-этического характера. Положение сторон просто несопоставимо. Значит, одна из сторон имеет явные преимущества перед другой.

— Если говорить о морально-этической стороне вопроса, — быстро сказал бублик, — этот Кортес тоже был далеко не ангел. Хотя какое-то время учился в знаменитом университете в испанском городе Саламанка — одном из самых престижных учебных заведений того времени.

Было похоже, что Зевс-громовержец на какое-то время погрузился в размышления. Наступила тишина. Первым ее нарушили головы генерала-инспектора.

— Главной инспекционной службой выявлено, — заговорил они, — что эксплуатация планеты жишшинами. Производится уже в течение нескольких земных временных периодов. Которые называются веками. И что пирамиды установлены в нескольких регионах планеты. Один из самых крупных регионов. Государство, именуемое Россией.

— Первый договор был подписан нами с московским князем по имени Иван Калита, — сразу же ответил на это бублик, подняв глаза кверху. — Россия выросла из московского княжества.

— Да, получил этот договор, — раздался голос Зевса-громовержца. — Ого, этот князь Калита был весьма корыстолюбив.

— И весьма умен, — поспешил вставить бублик. — Он сразу понял, как может возвыситься с нашим золотом над всеми другими князьями.

Веня вдруг припомнил яркий факт из школьного учебника истории: Калита это не фамилия, а прозвище московского князя, обозначавшее — «сумка с деньгами».

Теперь выяснилось, что одним из источников пополнения его сумки была цивилизация этих бубликов-жишшинов.

Вот как только заключался подобный договор? Веня живо представил стол переговоров в каком-нибудь кремлевском тереме, и с од-

ной его стороны московского князя, а с другой — такого же полупрозрачного бублика. От этой картины Вене даже стало смешно, несмотря на весь драматизм и неопределенность ситуации, в которой он находился.

Как мог отнестись к подобному партнеру за столом переговоров, или где там еще они могли подписывать этот фантастический договор, московский князь? Как вообще жишшины могли выйти на московского князя, если внешний вид представителя этой цивилизации мог вызвать у него лишь мысль о нечистой силе?

Но еще смешнее Вене стало, когда он представил переговоры бублика на ножках с индейским вождем Монтесумой, на голове которого убор из перьев, а на лице боевая раскраска. Такая картина получилась совсем уж несуразной, однако договор между двумя этими персонажами тоже был, тем не менее, заключен.

Но тут Вене пришла другая, совершенно очевидная мысль.

Вряд ли, конечно, бублики стали бы пугать земных руководителей своим истинным видом. Если Инструкция, будучи сгустком энергии, мог перевоплощаться хоть в кота с зелеными глазами, почти наверняка такие же фокусы умели проделывать и сами бублики. И тогда переговоры с тем же Иваном Калитой вел какой-нибудь бублик в виде пригожего доброго молодца в соответствующей одежде, а с индейцем Монтесумой такой же индейский с виду вождь...

Впрочем, подумал тут Веня, государственные деятели, к каким относились и князь Иван Калита, и вождь индейского народа ацтеков Монтесума, это совершенно особые люди, и с обычными человеческими мерками к ним подходить не следует. Государственные интересы у таких людей могут перевесить любые личные антипатии.

А тем более, если к государственным интересам добавляются личные. Тут возможно все, даже договор хоть с самим чертом, не то, что с бубликом на паре коротких ножек.

Но вот четырехглавый Змей Горыныч с тем же бубликом, судя по всему, никогда бы не смог договориться. Значит, интересы у них совершенно не совпадали.

— С тех пор мы аккуратно перезаключали этот договор, продлевая его действие на разные сроки, со всеми последующими князьями, государями и прочими владыками государства, — продолжал тем временем бублик. — Если Высшему Суду интересно, особенно доверительные отношения сложились у нас в свое время с императором Николаем Первым. Но это так, к слову. Договор, само собой разумеется, сверхсекретный. Один правитель передавал его другому как государственную тайну, в которую не был посвящен практически никто.

— Это вполне понятно, — заметил Зевс-громовержец. — Оглашать такую тайну никто из владык, разумеется, никогда бы не решился.

— Это было бы не в его интересах, — подхватил бублик. — Да и кто бы поверил?! Хочу подчеркнуть, что с нашей стороны ни разу обязательства не нарушались. Иногда, правда, случались некоторые проблемы с договором, когда правители уходили неожиданно или с ними была какая-нибудь неопределенность.

— Неопределенность с правителями? — уточнил Зевс-громовержец.

— Именно так! — ответил бублик. — Вот выдалось у них, например, так называемое Смутное время. Кроме того, не успел передать договор преемнику император Петр Первый. Вдобавок, в стране, бывало, менялась форма государственного устройства. Во всех этих случаях приходилось заново выходить на правителей, заключая новый договор. Как бы то ни было, он действует и поныне.

— Всегда платили золотом? — поинтересовался Зевс-громовержец.

— Не всегда, — отозвался бублик. — Иногда от нас требовалось что-то иное. Впрочем, в каждом из представленных нами договоров это точно указано.

— А с кем в этой стране заключен договор теперь? — задал вопрос Зевс-громовержец.

Глава третья
«Уследить за всем наши сотрудники не успевают»

Тут в разговор вмешался генерал-инспектор. Он, вероятно, чувствовал, что бублик на ножках перехватывает у него инициативу и постепенно завоевывает расположение Высшего Суда. Это не могло генералу-инспектору понравиться.

— С последним договором, — начала одна из голов, — у жишшинов особая история. Он заключен не с правителем государства. И, скорее всего, в обход законных процедур.

После таких слов генерала-инспектора повисла пауза. Пока она тянулась, стоматолог толкнул Веню в бок локтем и произнес, почему-то шепотом:

— Иван Калита, Петр Первый! Ты веришь, что все, о чем они тут говорят, мы слышим на самом деле? Может, у нас коллективная галлюцинация?

— Уже не знаю, — ответил Веня честно. — Придется подождать, чем все это закончится.

В свою очередь он тоже задал Николаю вопрос:

— А тебе приходилось когда-нибудь встречаться с таким вот бубликом? В пирамиде?

— Пару раз было, — ответил стоматолог. — Инструкция объяснял, что это генеральный инспектор пирамид.

— Который появляется только в случае очень больших неполадок, — подхватил Веня. — Все верно! Значит, неполадки у них время от времени случаются.

— Да где же их не бывает, — ответил Николай философски.

— Я таких бубликов тоже уже видел, — вмешался в их разговор Хосе.

Веня и Николай, как по команде, устремили свои взоры на мексиканца.

— Ты и сейчас по-испански говоришь? — спросил после довольно продолжительного молчания Веня.

— А как еще? — отозвался Хосе. — Я других языков не знаю. Как вы думаете, что с нами дальше будет? И почему вы раньше со мной по-испански не говорили?

— Потому что мы испанского не знаем и говорим по-русски, — ответил ему стоматолог. — И сейчас тоже.

Тут их беседа прервалась, потому что свою очередную реплику подал Зевс-громовержец.

— С кем же тогда договор заключен теперь? — спросил он.

Все глаза бублика на ножках несколько раз мигнули.

— С предпринимателем Капустиным, — ответил он с некоторым смущением.

— С кем? — вопросил Зевс-громовержец грозно.

— Тут опять обстоятельства особого рода, — сказал бублик. — Дело в том, что в стране, о которой идет речь, сравнительно недавно снова поменялась форма государственного устройства, и началось нечто сходное с тем Смутным временем, о котором я уже говорил. На этот раз многое из того, что находилось в государственной собственности, было выкуплено частными лицами. В том числе предприниматель Капустин за определенную плату получил от того из руководителей страны, кто владел тайной наших договорных отношений, исключительное право на их продолжение уже от своего лица.

— Да зачем понадобилось одному из руководителей государства передавать эти права частному лицу? — с искренним изумлением вопросил сверху Зевс-громовержец.

Генерал-инспектор поспешил вмешаться.

— Как раз эта сделка представляется инспекционной службе весьма сомнительной, — отчеканила одна из голов.

Бублик метнул на генерала-инспектора очередной гневный взгляд. Следующие головы продолжали:

— Дело в том, что вряд ли предприниматель Капустин. Мог заплатить за эти права больше. Чем государство получало от жишшинов. Тогда с какой стати их надо было передавать. Предпринимателю Капустину? Хорошо зная цивилизацию жишшинов, мы бы не удивились. Что имеем дело с подлогом.

— Обращаю внимание Высшего Суда, — быстро проговорил бублик, подняв все свои глаза кверху, — что подобное высказывание генерала-инспектора главной инспекционной службы можно счесть прямым оскорблением.

Возникла новая пауза. Для Зевса-громовержца, оказывается, она была заполнена очередной экспертизой последнего договора, производившейся непонятно каким образом и с помощью каких средств, но мгновенно.

Казалось, что в его власти было просканировать сразу всю планету и на всех уровнях — от макро до микро. Вероятно, именно так и было на самом деле.

— Экспертиза проведена, — объявил Зевс-громовержец. — Подписи подлинные, и сама процедура продажи, совершенная подобным образом, признается в этом государстве законной.

Опять возникла пауза. Потом Зевс-громовержец с некоторым сомнением произнес, говоря, похоже, сам с собой:

— Смысл такой продажи мог быть только в том, что представитель земной цивилизации, облаченный государственной властью, совершил эту сделку главным образом не в интересах государства, а в своих личных. Иными словами, присвоил определенную часть средств, полученных от предпринимателя. В документах, разумеется, эта часть не фигурирует, а была оговорена с предпринимателем неофициально. На отдельных планетных системах такие случаи известны. Но в данном случае доказать это на основании представленных документов невозможно.

Головы генерала-инспектора удрученно поникли. А оранжевые глаза бублика на ножках, наоборот, заполыхали торжествующим огнем.

— Тогда можно относиться к нынешнему вызову представителя нашей цивилизации на Высший Суд как к обычной инспекционной проверке? — спросил он вкрадчиво.

— У меня вопрос к генералу-инспектору, — прогремел сверху голос Зевса-громовержца, оставившего последние слова бублика без внимания. — С доставленными сюда непосредственными исполнителями никаких проблем не будет?

Веня весь обратился вслух. Теперь должна была решиться, как он понял, его собственная судьба. Как и судьба Николая и мексиканца Хосе.

— Разумеется, нет, Высший Суд, — с грустью начала одна из голов. — Все и так было в полном соответствии с правилами, — грустно продолжала следующая, а потом и все остальные: — Согласно которым никто и ни при каких условиях. Не имеет права изымать аборигенов с их родных планет. Иначе, как по их собственной воле. Когда трое непосредственных исполнителей, выявленных в результате наших наблюдений. Были доставлены с планеты Земля в главную инспекционную службу. Мы немедленно отправили туда, откуда они были взяты. Абсолютно идентичные биологические матрицы-копии. Единственное отличие. Из памяти было изъято все, что связано с их работой на жишшинов. Это на всякий случай, до решения Высшего Суда. Который мог признать эксплуатационную деятельность жишшинов на планете Земля незаконной. И предписать полное уничтожение всяких следов этой деятельности.

Прежде чем продолжать, головы генерала-инспектора сделали паузу.

— Теперь, раз Высшим Судом эта деятельность признана законной. Оригиналы мы совместим с копиями, И таким образом исполнители останутся такими же. Какими были прежде.

Сверху прогремел голос Зевса-громовержца:

— Один из этих трех исполнителей, если не ошибаюсь, уже бывал в главной инспекционной службе?

Четыре головы генерала-инспектора, казалось, пронизали взглядами стоматолога Николая насквозь.

— Высший Суд не может ошибаться, — заговорили головы, как показалось Вене, не без иронии. — Однако в прошлый раз доставка его и двух других исполнителей. В качестве свидетелей не была одобрена Высшим Судом. Представитель жишшинов даже не был вызван. Мы немедленно вернули исполнителей на Землю. Опять-таки, совместив их с копиями-матрицами.

Веня толкнул стоматолога локтем в бок.

— Ну вот! Я понял, почему ты... ну, то есть, тот ты, который сейчас в Химках, ничего обо мне не знал, когда я тебе звонил. Им сразу стало известно, что часы с Инструкцией попали ко мне, и меня просто изъяли из памяти твоей копии-матрицы. А сейчас мы вернемся в тех нас, которые на Земле, и ты будешь помнить меня, а я тебя.

— Надеюсь, прямо сейчас и вернемся, — ответил Николай. — Пора бы уже! В прошлый раз меня почти сразу вернули, а теперь нет.

Однако немедленного возвращения пока не получалось. Генерал-инспектор, явно разочарованный решением Высшего Суда, готовил для бублика-жишшина сюрприз.

— Возможности главной инспекционной службы хоть и велики, — заговорили головы, как по команде, устремив на Инструкцию, так и простоявшего все это время в безмолвии возле часов, лежащих на по-

стаменте. — Но не безграничны. Уследить абсолютно за всем наши сотрудники. Не успевают. Поэтому предлагаем, несмотря на решение Высшего Суда, послушать пособника жишшинов. В порядке инспекционной проверки. В конце концов, наша главная обязанность. Это именно инспекционный надзор. Что касается допроса, точнее, сканирующего допроса. Подразумевающего абсолютную истинность ответов. То он уже санкционирован Высшим Судом. В инспекционных целях было бы неразумно. Упускать подобную возможность.

— Протестую, — тут же вмешался бублик. — Наша эксплуатационная деятельность в различных районах планеты признана Высшим Судом законной.

Но Зевс-громовержец отклонил протест.

— Генерал-инспектор в своем праве и выполняет служебные обязанности. Если в вашей деятельности нет ничего противозаконного, показания пособника не должны вас пугать.

— Тогда начинаем, — объявила одна из голов генерала-инспектора.

Инструкция правой рукой поправил бабочку. Вене показалось, что это движение далось ему нелегко: оно было каким-то замедленным, словно рука плохо слушалась.

— У тебя есть какое-то имя? — спросила крайняя левая голова генерала-инспектора.

— При создании меня назвали Гирном, — ответил Инструкция.

— Уточни, что ты собой представляешь? — задала свой вопрос следующая.

— Говоря очень упрощенно, энергия, сконцентрированная особым образом для выполнения предназначенной мне деятельности.

Головы продолжали:

— Твоя деятельность заключается в том. Что ты руководишь каким-то непосредственным исполнителем из числа местных жителей. В данном случае твой подопечный присутствует здесь. Присутствует здесь так же и предыдущий. Твой подопечный.

— Именно так, я руковожу непосредственным исполнителем, — отвечал Инструкция. — Особенно это необходимо на самых первых порах. Однако мои обязанности можно толковать шире.

— Полагаю, объяснять, для чего нужен руководитель, особенно на первых порах, никому не надо, — вмешался в разговор Инструкции и голов генерала-инспектора бублик. — Так бывает в деятельности любого рода.

Две головы Генерала-инспектора повернулись к бублику. Две другие переглянулись между собой.

— Главной инспекционной службе прекрасно известно, — начала первая голова, а вслед за ней продолжали и все другие. — Что ваш пособник обучает местных жителей. Лишь самым простейшим действиям. Нажимать по подсказке клавиши. Именно так обеспечивается соблюдение закона. Предписывающего, чтобы в случаях, когда на планетах проводятся какие-либо работы. В них непосредственно принимали участие местные жители. Но у вашего пособника есть и другие обязанности. Здесь кое-что нуждается в уточнении.

Инструкция снова поправил бабочку и стал ждать следующих вопросов.

— Давно ли ты работаешь на этой планете? — спросила крайняя правая голова.

— Давно. Появился здесь, когда в государстве правил царь Алексей Михайлович, отец царя Петра Великого.

— Ты работал только в этой стране или где-нибудь еще? — задала свой вопрос крайняя левая голова.

— Только в этой.

— Расскажи о своих обязанностях подробнее, — сказала следующая голова.

— В мои обязанности входит изучать окружающую обстановку, меняющуюся с течением времени, подбирать исполнителей, руководить ими. А также расплачиваться за работу, находить новых исполнителей, когда приходит необходимость.

— Каким образом ты изучаешь окружающую обстановку? — спросила правая средняя голова.

— Я невидим и могу мгновенно перемещаться в пространстве. Могу бывать в любом месте. Могу читать книги и изучать любые документы. Мною собраны огромные массивы информации, которая постоянно анализируется.

— Как происходит набор исполнителей из числа местных жителей?

— Собранная информация позволяет находить тех, у кого есть необходимые качества, делая выбор из миллионов аборигенов.

— Какие качества необходимы местному жителю? Чтобы его можно было привлечь к работе с твоими хозяевами?

— Гибкость ума, способность к быстрой адаптации, любознательность, психологическая устойчивость, — перечислил Инструкция. — Фантазия, воображение, чувство юмора. Интерес к деньгам, не переходящий, однако, в алчность. Умение молчать.

Вопросы продолжались:

— Случалось ли тебе ошибаться с выбором местных жителей? Как именно они привлекались к работе? С учетом того, что аборигену, стоящему на невысокой ступени развития. Как, скажем, во вре-

мена того же князя Ивана Калиты. Психологически крайне трудно осознать. Что он имеет дело с чуждым разумом из вселенной.

— О взаимодействии с чуждым разумом никто никогда не подозревал, по крайней мере в первые века. Населению этой планеты всегда свойственна наивная вера в сверхъестественное, в чудеса, существующие в реальной жизни. Мое появление и все дальнейшие события воспринимались именно, как чудо.

Инструкция сделал короткую паузу и продолжал:

— Поначалу оно ошеломляло, но затем с чудом достаточно легко смирялись. Вдобавок за очень несложную работу местный житель получает очень щедрое вознаграждение. Да к тому же и само по себе вознаграждение каждый раз представляется чудом, которого ожидаешь с нетерпением.

Услышав последние слова своего руководителя, Веня задумчиво покрутил головой. Пожалуй, все правильно: именно так ко всему, происходящему с ним, относился и он сам, человек, живущий в XXI веке.

Разве не считал он Инструкцию, было дело, джинном из арабской сказки? Точно так же было и со шрежами предшествующих поколений — хотя бы со злополучным драматургом XVIII века Александром Петровичем Сумароковым.

— Знают ли исполнители истинный смысл своей работы? — задала очередная голова очередной вопрос.

На него вместо Инструкции поспешил ответить бублик:

— Достаточно того, что его знают те, кто подписывает с нами договоры.

Головы генерала-инспектора, как по команде, посмотрели наверх.

— По закону этого достаточно, — молвил Зевс-громовержец.

Головы генерала-инспектора опустились и, не возражая, перешли к следующим вопросам:

— Как непосредственно происходит. Привлечение к работе местных аборигенов?

— Их всегда требовалось очень немного, поскольку радиус действия каждой из пирамид достаточно велик, — отвечал Инструкция. — На все пространство страны хватает чуть меньше двух десятков пирамид. Следовательно, столько же и исполнителей. Привлечение к работе могло происходить разными способами. После того как выбор сделан, я мог, например, обосноваться в какой-нибудь из личных вещей, например в табакерке или кошельке, и появиться в подходящий момент. Важно, чтобы этот предмет подопечный всегда носил с собой. Мог внушить отобранному мной аборигену, чтобы он обратил внимание на какой-то предмет, будто бы кем-то потерянный на улице. Это было своеобразной психологической подготовкой к после-

дующему чуду моего появления, поскольку и сама находка в определенной мере должна была показаться неким чудом.

— Подготовка! — вымолвил стоматолог, покрутив головой. — Да они психологи! Именно так со мной все и было.

— Не один раз случалось, что работу на нас вслед за одним членом семьи продолжал другой, — продолжал между тем Инструкция. — Однако этот выбор всегда делал я. Бывали и случайности, как, например, с моим последним подопечным. Но мне сразу же стало ясно, что он вполне подходит для моих целей.

При этих словах Веня не сдержал улыбки. Все-таки, чтобы попасть в число подопечных Инструкции, надо было, оказывается, представлять собой незаурядную личность. Каковую он, Веня, как показали все последние события, и представлял.

Вопросы между тем продолжались:

— Анализировали ли вы, как аборигены. Оценивают свою работу на вас? Все-таки, она сильно отличается. От их привычного круга дел.

— Безусловно, анализировал, поскольку это чрезвычайно важно для нашей успешной деятельности.

— И что же?

— Некоторые склонны относиться к своей работе в пирамидах скорее, как к необыкновенному, а вдобавок тайному, приключению, которое вносит в их жизнь определенное разнообразие. Другие — как к возможности заработать много больше, чем могли бы обычными способами, но это никогда не становится всепоглощающей целью, в противном случае они не подходят для своей миссии. Третьи стремятся, располагая значительными средствами, принести пользу другим людям.

В Вениной голове промелькнуло: к третьим, безусловно, относится Сашенька, содержащая на эти средства большую городскую библиотеку. Вспомнив о Сашеньке, Веня сразу почувствовал тепло на душе. Впервые за долгое последнее время, проведенное здесь, то есть неизвестно где, и наполненное сюрреализмом.

Любопытно, а к какой категории относится он сам? Наверное, к первой, решил Веня сначала. Но и ко второй тоже, сообразил он тут же. Кстати, вполне возможно, что он имеет отношение и к третьей категории, но, если уж быть до конца честным, все-таки много меньшее, чем к первой и второй.

Генерал-инспектор тем временем продолжал свою инспекционную проверку. Очередная голова задала очередной вопрос:

— Как производится оплата аборигенов, работающих на вас?

— В той валюте, какую они выбирают, — последовал ответ Инструкции. — В государстве, где я работаю, официальные деньги называются рублями. Но очень популярны межгосударственные деньги,

которые именуются долларами и евро. Возможна также оплата золотом, серебром, платиной, драгоценными камнями.

— С золотом, серебром, платиной, драгоценными камнями. Проблем, полагаем, быть не может, — сказали на это головы генерала-инспектора. — Они достаточно распространены во Вселенной. А откуда брались официальные деньги?

— Я получал их в условленное время в условленном месте, — ответил Инструкция.

Тут в диалог опять, в который уже раз, вмешался бублик на четырех ножках.

— Генералу-инспектору, от которого не должно быть тайн во Вселенной, — молвил он не без ехидства, — можно было бы не задавать подобного вопроса. — Естественно, местные деньги, согласно условиям договора и специально для этих целей, нам предоставляет предприниматель Капустин. Кроме того, генералу-инспектору следовало бы знать, что финансовые вопросы вне компетенции Гирна. Его обязанность выдавать деньги в положенное время, и только, исполняя обязанности кассира.

Головы генерала-инспектора раздраженно задвигались. Но Змей Горыныч, видно, сдержал раздражение.

— Поощряется ли работа аборигенов еще как-то, кроме оплаты? — спросила одна из голов.

— Шрежы имеют возможность регулярно, раз в два земных месяца, собираться вместе для совместного отдыха, — отвечал Инструкция. — Это своего рода клуб, где каждый раз предусмотрено какое-то деятельное развлечение в соответствии с обычаями и историей планеты. На наш взгляд, подобные встречи способствуют сплочению шрежей и лишний раз дают им возможность почувствовать, что они — особые люди, занимающиеся особым делом.

Бублик опять вмешался. Издевательские нотки в его голосе заметно усилились.

— У нас нет сомнений, что о клубе шрежей генералу-инспектору должно быть хорошо известно, как и о многом другом. Клуб функционирует уже второй земной век. Это свидетельствует, что о жителях планеты Земля, работающих на нас, мы заботимся должным образом. Кстати, поскольку трое из них присутствуют здесь, надо полагать, в качестве живых улик, генерал-инспектор может поинтересоваться у любого из них, как он относится к нашему сотрудничеству и доволен ли он.

Головы генерала-инспектора устремились на трех жителей планеты Земля. Вене показалось, что одна из голов особенно внимательно осматривает именно его.

— Необходимости в этом нет, — ответила одна из голов.

— Собственно, многое и без сканирующего допроса. Нам было уже известно, — продолжили две следующие.

Четвертая после довольно долгой паузы с видимой неохотой признала:

— Формально цивилизация жишшинов соблюдает законность.

Однако первая и вторая и третья, сделав еще одну паузу, после этого добавили:

— Тем не менее обещаем, что к вашей деятельности на планете Земля. Внимание главной инспекционной службы. Многократно усилится.

Веня почувствовал, что перепалка между головами генерала-инспектора и бубликом, представляющим интересы цивилизации жишшинов, в конце концов стала почти комической, хотя позволила ему узнать немало нового.

И не только комической, но уже и утомительной. Это, должно быть, и ощутил некто, все это время скрывающийся за сценой и называющийся Высшим Судом.

— Инспекционная проверка закончена, — прогремел он сверху. — Однако главная инспекционная служба вправе продолжать свою деятельность на планете Земля, ничем ее не ограничивая. Представителю цивилизации жишшинов должно быть известно, какие меры последуют в случае выявления нарушений законности.

Все дальнейшее произошло молниеносно.

Сначала огромный Инструкция молнией унесся в огромные часы.

Затем все померкло.

И уже в следующее мгновение Веня ощутил себя в кресле самолета рядом с Сашенькой.

В кабине был полумрак, Сашенька дремала, закрыв глаза. Можно было не сомневаться, что самолет летел из Амстердама в Москву.

А на самом деле Веня возвращался из путешествия неизвестно откуда, и все, что с ним происходило ТАМ, отчетливо отпечаталось в его памяти.

Веня сразу понял, что часы опять были у него на руке, и внутри них, очевидно, скрывался, как обычно, сгусток энергии, называвшийся Инструкцией.

Ощущать себе в кресле самолета, рядом с Сашенькой было невыносимо приятно, все пережитое только что моментально отошло куда-то в сторону. Даже удивительно, как легко оно отошло.

И Веня стал с удовольствием вспоминать, как замечательно они с Сашенькой провели свой последний день в Амстердаме...

Утром их разбудил сильнейший ливень, грохотавший по палубе воонбота. Но кончился он очень быстро, как будто специально прошел только для того, чтобы напомнить Вене и Сашеньке, сколько у них сегодня впереди дел.

После завтрака у милой хозяйки ресторанчика напротив воонбота они отправились в Исторический музей, а потом, не спеша, дошли до площади Рембрандта, чтобы посмотреть на памятник великому голландскому художнику. И еще долго бродили по улицам и набережным амстердамских каналов, иногда спасаясь от налетающих, но быстро заканчивающихся январских дождей, в маленьких уютных кафе.

Наконец пришло время возвращаться на свой воонбот, куда за ними приехал гид Йохан, чтобы отвезти в аэропорт, залы которого похожи на оранжерею...

В эти теплые воспоминания вдруг ворвался голос, послышавшийся откуда-то сверху, и Веня даже вздрогнул. Но голос этот был очаровательным и не имел никакого отношения к Высшему Суду.

— Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Шереметьево, — произнес милый женский голос. — Просим пассажиров пристегнуть ремни и привести спинки кресел в вертикальное положение.

Сашенька проснулась, улыбнулась, потянулась к Вене и прикоснулась к его щеке губами.

И разве можно было поверить в этот момент, что сидящая рядом девушка с золотыми волосами тоже имеет непосредственное отношение к сюрреалистическому миру, в котором существуют полупрозрачные бублики из цивилизации жишшинов и четырехглавые генералы-инспекторы. А кроме того, Высший Суд, главная инспекционная служба, пирамиды, построенные в каких-то искусственно созданных смежных фазах, и фигурки, которые всегда должны стоять ровно, чтобы на солнце не было ни облачка.

Когда поздним вечером того дня, проводив Сашеньку на вокзал, Веня стал набирать номер телефона стоматолога Николая, на миг ему вдруг показалось, что сейчас повторится то, что один раз уже было — Николай его не вспомнит. Случись так, Веня не удивился бы — в этой фантасмагории, где он участвовал, ожидать можно было всего.

Но теперь все было иначе, хотя стоматолог явно говорил эзоповым языком. Видно, жена Лариса находилась от него в непосредственной близости.

— Венька, — закричал Николай, явно обрадовавшись. — Ты уже дома? Как долетел? У тебя все в порядке?

— Конечно, — ответил Веня, — долетел нормально. И из Амстердама тоже. А как ты?

— Ничего, все как обычно, в трудах и заботах, — сказал Николай, почему-то вздохнув. — А как Амстердам? Все говорят, прекрасный город.

С этим Веня был полностью согласен.

— Конечно, прекрасный! Так же прекрасен, как Барселона, но по-своему.

— Ты мне звонишь, — сказал стоматолог, — верно, потому, что ко мне, наконец, собрался? Давай, приезжай! Верхний левый премоляр у тебя...

— Конечно, надо повидаться, — ответил Веня. — Заодно часы тебе верну. Это твои часы, а не мои. Ко мне они попали случайно.

— А вот этого чтобы я больше не слышал! — твердо сказал Николай. — Мы же с тобой договаривались. Никаких возражений не принимаю!

И стоматолог продолжал после короткой паузы:

— Ты мне обещал, что займешься своими зубами, как только вернешься из Амстердама. Так что жду! Завтра, например, сможешь? Лучше во второй половине дня.

— Завтра вряд ли получится, — ответил Веня. — Понедельник у нас всегда тяжелый день. Я тебе позвоню. Но часы все-таки забирай, раз они твои.

— Никаких возражений! — твердо повторил Николай. — Я вот, например, всегда делаю, что обещал, и ты тоже изволь. Так что жду!

И стоматолог повесил трубку.

Глава четвертая
«Нам с тобой уже приходилось встречаться»

В тот же вечер Веня сидел за ноутбуком, добросовестно раскладывая все свои последние впечатления по пунктам «ЧТО Я ЗНАЮ» и «ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ».

Трагикомическая перебранка четырех голов генерала-инспектора высшей инспекционной службы и представителя жишшинов, при которой Вене довелось присутствовать (видимо, в качестве живой улики), позволила выяснить очень многое. Самым главным открытием было то, что некая цивилизация жишшинов, внешне малосимпатичных и похожих на бублики, уже многие века ведет какую-то тайную деятельность на планете Земля.

Причем ведет ее, располагая сверхсекретными договорами об этом с руководителями некоторых стран, а в его родной стране — с неким таинственным, но, очевидно, очень крутым предпринимателем Капустиным.

Ясно было и то, что деятельность инопланетной цивилизации на планете Земля происходит успешно, когда фигурки на экранах внутри пирамид стоят в шеренге, а на солнце, которое явно служит индикатором, нет ни облачка.

И что иногда в этой деятельности происходят сбои — в таких случаях фигурки оказываются в беспорядке, а солнце закрывается тучами. Чем серьезнее неполадка, тем больше на солнце туч. Иногда сбои бывают очень серьезными.

Стало, наконец, понятным, почему выравнивают эти фигурки не сами жишшины, или хотя бы созданные ими сгустки энергии, подобные Инструкции, а жители Земли, получающие за это щедрое вознаграждение: это необходимо по каким-то неведомым галактическим законам, иначе подобная деятельность будет признана незаконной.

Неясным, однако, оставалось главное: что, собственно говоря, нужно этим жишшинам? Иными словами, что они получают с планеты Земля, платя за это тем, с кем у них заключены сверхсекретные договоры, золотом или какими-то другими ценностями?

Отдельно Веня в письменном виде сформулировал свое отношение ко всему происходящему. Оно оказалось неоднозначным.

Как жителю планеты Земля, Вене было не очень-то приятно знать, что на родной планете, пусть и в других измерениях, тайно хозяйничают какие-то бублики.

Столь же неприятным было то, что сгустки энергии, подобные Инструкции, невидимые и способные мгновенно перемещаться в пространстве, постоянно наблюдают за всем, что происходит, и хладнокровно подбирают подходящих для их целей исполнителей. И, значит, ни у кого из людей, в том числе и у самого Вени, не может быть от них никаких тайн.

В фантастических книгах, которые Вене доводилось читать, особенно, в детстве, контакт с инопланетным разумом ожидался обычно каким-то иным, более позитивным, что ли.

Да и сам инопланетный разум представлялся, конечно, совсем не в таком карикатурном внешнем виде, каким оказался на деле. И вообще во Вселенной, похоже, творилось на самом деле черт-те что.

Вместо гармонии и торжества разума среди далеких звездных систем процветали подозрения, взаимные упреки и сомнительные дела. Решения Высшего Суда, по зрелому размышлению, тоже выглядели по-опереточному легковесными и лишенными должной вселенской мудрости и обстоятельности.

Вдобавок не было ясно, насколько распространялась власть этого Высшего Суда — на всю Вселенную или все-таки только на какую-то ее часть?

А высшая инспекционная служба — надо полагать, прокурорский надзор за всем — возглавлялась удивительным существом, вылитым Змеем Горынычем из фольклора, правда, не о трех, а о четырех главах.

Но с другой стороны, Веня отчетливо осознавал, что открывшаяся ему не очень приятная истина не стала для него слишком уж ошеломляющей. К ней его уже вполне подготовил пестрый калейдоскоп всех удивительных предыдущих событий, участником которых он стал волей случая.

Что теперь ему следовало делать дальше? Больше всего, конечно, хотелось все-таки узнать истинный смысл деятельности чужой цивилизации на Земле. Можно ли это было выяснить самостоятельно?

Вряд ли, если только случайно. По этому дурацкому закону, принятому где-то во Вселенной неизвестно кем, исполнителям из числа местных жителей знать это было необязательно. Достаточно было того, что в истину были посвящены те важные персоны, что подписывали сверхсекретные договоры с жишшинами.

Вполне возможно, подумал Веня, что истинный смысл таинственной деятельности жишшинов неизвестен даже Инструкции. Как и всем другим сгусткам энергии, руководившим остальными шрежами. Да и зачем им это было знать, если назначение у этих сгустков энергии строго определенное.

Значит, оставалось только одно: продолжать делать то же, что и раньше, если уж стоматолог наотрез отказался взять свои часы назад. Тем более — в этом Веня честно признался самому себе — его служба на цивилизацию жишшинов была совсем необременительной, а оплачивалась весьма щедро, и это дарило восхитительное, ни с чем не сравнимое ощущение независимости. В любой момент, например, Веня мог бросить службу в своем «Вольном вечере».

Кстати, следующее шестнадцатое число приходилось как раз на завтрашний понедельник...

В тот же вечер, из чистого любопытства, Веня зашел в поисковую систему, свой любимый «Гугл», и набрал: «предприниматель Капустин». Таковых на российских просторах оказалось немало. Свой собственный Капустин, а то и несколько, имелся чуть ли не в каждом крупном городе.

Предприниматели Капустины торговали компьютерами, пекли хлеб, владели заводами или кораблями, занимались туристическим бизнесом или ремонтировали автомобили. Но ни одного из этих Капустиных нельзя было даже заподозрить в ведении тайных дел с жишшинами.

По представлениям Вени, ТОТ Капустин должен был представлять собой очень крупную фигуру, располагать фантастическими

средствами, вероятно, самыми большими на Земле, и жить, конечно, не в Перми или Улан-Удэ, а, скажем, в Ницце или Лондоне.

Впрочем, определить, кто этот таинственный человек, с помощью Интернета Веня, конечно, всерьез и не надеялся.

Но когда он выходил из поисковой системы, его вдруг почему-то остро пронзило неожиданное и непонятно откуда взявшееся предчувствие — вся эта удивительная история, участником которой он стал, уже приближается к своему концу. Только вот каким окажется этот конец?

Понедельник, как и ожидал Веня, действительно прошел в исключительной суете — началась работа над очередным выпуском «Вольного вечера», и к тому же хозяин Эдуард Борисович, как всегда переполняемый идеями, принялся создавать второй номер журнала «Эдик».

Веня вернулся домой часов в десять вечера, поужинал, и тут объявился Инструкция. Ничего удивительного в этом не было: шестнадцатое число это шестнадцатое число.

Маленький человечек (теперь он опять был маленьким, не то что совсем недавно) привычным движением извлек из воздуха свой пиратский сундук и поинтересовался:

— Доллары, как всегда?

Помня, какие показания Инструкция давал генералу-инспектору во время допроса, которому он подвергся, Веня поинтересовался — опять-таки исключительно из любопытства.

— А драгоценными камнями можно? Бриллиантами, сапфирами, изумрудами?

Инструкция принял такой вопрос всерьез.

— Не советую, — ответил он. — Продавать их одна морока. Другое дело, если ты решил собрать коллекцию драгоценных камней. Тогда никаких проблем.

— Да нет, это я в шутку, — признался Веня. — Вспомнил, как ты говорил, что можешь платить и золотом, и серебром, и платиной, и драгоценными камнями.

— Где это я говорил? — подозрительно поинтересовался Инструкция.

— Ну — там, — сказал Веня и, не найдя ничего лучшего, показал пальцем в потолок.

— Где там? — повторил Инструкция, проследив за его пальцем.

Веня внимательно осмотрел своего руководителя. На этот раз маленький человечек был облачен в джинсы и свитер и отчего-то имел печальный вид.

— Разве ты ничего не помнишь? — поинтересовался Веня осторожно.

— Что именно? — ответил Инструкция вопросом на вопрос.

— Но ведь тебя, — начал Веня и остановился, вовремя вспомнив, что допрос, которому подвергался Инструкция, назывался сканирующим.

Кто его знает, возможно, сознание допрашиваемого при этом полностью отключается — чтобы он отвечал на вопросы как бы подсознательно и, значит, абсолютно честно.

Если так, Инструкция и в самом деле не должен помнить, что происходило с ним тогда, когда его допрашивали.

Да и в любом случае обсуждать с Веней случившееся ему вряд ли было бы приятно.

Любопытно только, какое сознание может быть у сгустка энергии?

— Доллары, как всегда, — сказал Веня, возвращая разговор в первоначальное русло. — Драгоценные камни я пока еще не собираю.

Инструкция полез в свой сундук.

Процедура получения денег из рук Инструкции была для Вени уже вполне привычной, не то, что в первое время. Он взял стопочку зеленых бумажек с портретом Бенджамина Франклина и, не пересчитывая, убрал в кошелек.

Но тут его поджидал сюрприз.

И все дальнейшие события, в который уже раз за последнее время, приняли для Вени новый, неожиданный оборот...

Из кошелька вдруг появилось еще одно удивительное существо: на стол рядом с Инструкцией и его сундуком выкатился красный шарик размером с теннисный мяч. На шарике были восемь зеленых пятнышек, расположенных в два ряда.

Веня понял, что это глаза, потому что пятнышки устремили на него такой пронизывающий взгляд, что он даже попятился, не в силах его вынести.

Но шарик, оказывается, был настроен миролюбиво.

— Да не пугайся! — произнес он вполне добродушно. — Нам с тобой уже приходилось встречаться. Мы генерал-инспектор Перит-Рапририт. Только обличье у нас теперь другое.

Хоть и казалось Вене, что после всего увиденного и пережитого им за последнее время, ничто уже не способно его поразить, тем не менее он тяжело опустился на стул и стал смотреть на шарообразного генерала-инспектора долгим остановившимся взглядом.

Генерал-инспектор счел должным пояснить. Он изъяснялся теми же короткими фразами, словно опять по очереди говорили головы того Змея Горыныча, в облике которого Веня видел его прежде:

— Теперь мы беремся за этих жишшинов всерьез. Не то что раньше. Не может у них все быть по закону. Ведь это жишшины. И мы обязательно докопаемся, что здесь не так.

Веня, действуя автоматически, перевел взгляд на Инструкцию, который как раз к этому моменту закрыл крышку сундука.

— Не забыл, что мы встречаемся завтра? — спросил Инструкция, никак не реагируя на присутствие шарика-инспектора. — Завтра едем в пирамиду.

— Не забыл, — ответил Веня машинально и снова стал смотреть на генерала-инспектора в обличии шарика.

Шарик-инспектор добродушно рассмеялся.

— Ты не удивляйся. Противофаза этого сгустка энергии. Никак не пересекается с нашей. А вот для нас она полностью открыта. Поэтому мы его и видим, и слышим. Но он нас нет. Что касается тебя, когда ты обращаешься к нам, то попадаешь в нашу противофазу. При этом он опять-таки не может слышать, о чем мы говорим. И не видит движений твоих губ. В общем, не обращай на него внимания. Кстати, кроме тебя, нас вообще никто не видит и не слышит.

Объяснение было мудреным. Дополнительная путаница возникала от того, что генерал-инспектор по-прежнему числил себя во множественном числе, хотя на этот раз у него вообще не было ни одной головы. Но то, что он хотел сказать, Веня понял.

К тому же, чтобы сделать свои объяснения нагляднее, шарик подпрыгнул на столе и вдруг молнией пронесся сквозь Инструкцию, а потом вернулся на свое место. Инструкция никак на это никак не отреагировал.

От неожиданности появления генерала-инспектора в облике колобка Веня оправился довольно быстро. Но особенного восторга новая встреча с этим важным должностным лицом, пусть даже в привычной домашней обстановке, не вызывала. С удивительными событиями, сыпавшимися на Веню в последние дни, намечался явный перебор.

Однако неясным оставалось главное.

— Чем я обязан вашему визиту? — сухо поинтересовался Веня.

— Мы же говорим. Теперь мы взялись за жишшинов всерьез, — повторил шарик-инспектор. — Некоторое время мы поработаем рядом. С тобой.

— Значит, рядом со мной? — переспросил Веня с нехорошим предчувствием. — И вы тоже?

— С тобой, — подтвердил шарик-инспектор. — Потому что мы тебя уже знаем. И твоего руководителя тоже. Вот этот сгусток энергии, — генерал-инспектор сверкнул глазами на Инструкцию. — Ты произвел на нас благоприятное впечатление.

— За это, конечно, спасибо, — ответил Веня. — Но что значит «рядом со мной»?

— Присмотримся, понаблюдаем, — ответил шарик уклончиво. — Мешать мы тебе не будем. Мы теперь в таком виде. Ты можешь вообще не обращать на нас внимания. К тому же много времени мы будем проводить в кошельке. В твоем. Сейчас мы появились, чтобы следующий раз не был неожиданностью. Для тебя.

Инструкция к этому времени уже сделал руками свои обычные пассы, после которых сундук растворился в воздухе. Однако сам маленький человечек отчего-то медлил. Шарика-инспектора он по-прежнему не замечал. Нерешительно потоптавшись на столе, Инструкция зачем-то потер кончик носа пальцем и бросил на своего подопечного взгляд, который показался Вене застенчивым.

Видимо, решившись на что-то, маленький человечек задал неожиданный вопрос:

— Ты что собираешься сейчас делать?

Веня в свою очередь, услышав такие слова, почему-то бросил взгляд на шарика-инспектора. Присутствие этого должностного лица, пусть и в виде маленького шарика, но собиравшегося за ним наблюдать, уже вызывало глухое раздражение, и оно готово было выплеснуться наружу.

Не отвечая пока Инструкции, Веня, опять-таки стараясь быть сдержанно-вежливым, сказал:

— А вам не кажется, что это не что иное, как вторжение в мою личную жизнь? Кто это вам дал право постоянно за мной наблюдать?

Шарик-инспектор перешел на подчеркнуто официальный тон.

— Прав у нас вполне достаточно, — отвечал он сухо. — Высшей инспекционной службе дозволено во Вселенной очень многое. И действуем мы всегда в благих целях. В том числе и для твоего блага. Если ты будешь настаивать, мы сейчас же можем получить и предоставить тебе официальный ордер. Он подтвердит наши высокие полномочия.

Веня почувствовал, что официальный ордер, в мгновение ока полученный шариком-инспектором откуда-то из глубин Вселенной, может стать для его, Вениного, разума последней каплей, и решил сменить гнев на милость.

— Ладно, чего уж там! — сказал Веня шарику-инспектору. — Можно и без ордера. Одним наблюдателем больше, одним меньше, разницы для меня никакой. Я уже ко всему привык.

После этого он обернулся к Инструкции, чтобы ответить на вопрос своего руководителя.

— Не знаю еще, что буду делать. Скоро спать, наверное, лягу.

— Что-то у меня сегодня настроение очень плохое, — грустно молвил маленький человечек. — А вот почему, не знаю. Может, поси-

дим немного, как бывало? Отметим зарплату по вашим обычаям. У тебя должно еще оставаться французское шампанское.

Веня нерешительно повел плечами. День, в общем, выдался таким, не говоря уж о предыдущих днях, что неплохо было бы и посидеть. К тому же во время застолья можно было кое о чем расспросить Инструкцию — если, конечно, тот захочет отвечать на вопросы.

Однако надо было все-таки считаться и с присутствием генерала-инспектора.

Веня поколебался. Не надеясь, что шарик-инспектор его поймет, тем не менее он предложил:

— А вы не желаете... ну, в общем, присоединиться? Дружеское застолье у нас... на нашей планете... сопровождается... ну, в общем, я пью шампанское, а вот он, — Веня кивнул на Инструкцию, — употребляет энергетическую субстанцию. Может, вы тоже как-то, по-своему... Если, конечно, можете, то есть, если желаете...

К удивлению Вени шарик все понял. Очевидно, не зря он был генералом-инспектором.

— Мы сейчас на работе, — сказал шарик, причем Веня почудились в этих словах насмешливые интонации. — Но ты не стесняйся. В конце концов, ты у себя дома.

Веня внимательно посмотрел на шарообразного генерала-инспектора.

— Кстати, вам не случалось бывать на нашей планете раньше? — поинтересовался он. — В истинном свое обличье, с четырьмя головами?

— Кому-то из нас наверняка случалось, — ответил генерал-инспектор. — Только очень давно. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что вас запомнили, — ответил Веня. — Правда, головы не смогли, оказывается, толком сосчитать. И до сих пор помнят. Но никто не знает, кто вы на самом деле.

Инструкции он сказал:

— Давай, почему бы и нет?

По маленькому человечку было видно, как он обрадовался Вениному согласию. Инструкция сделал руками обычные в таких случаях движения, и из воздуха появились маленький столик и удобное маленькое кресло.

Полчаса спустя, когда Инструкция уже принял в мизинец правой руки шесть или семь порций энергетической субстанции, а у Вени подходила к концу первая бутылка вдовы Клико, отчего на душе стало гораздо свободнее и легче, чем прежде, подопечный спросил своего руководителя напрямик:

— Ни разу ты мне этого не говорил, но, может, хоть теперь скажешь. Кто они?

— Они, это кто они? — ответил Инструкция вопросом на вопрос.

— Хозяева всех пирамид, — уточнил Веня. — Те, к кому относится и тот генеральный инспектор всех пирамид, которого я видел? Имею право знать.

Маленький человечек после принятых порций тоже заметно повеселел. Но, как всегда, от ответов на важные вопросы старался уклониться.

— Да зачем тебе это знать? — повторил он слова, которые Вене уже не раз приходилось от него слышать. — Разве тебе не все равно, от кого ты зарплату получаешь? Лучше думай о том, на какую машину после «рено» пересядешь.

Услышав такой совет, Веня погрозил своему руководителю пальцем.

— Имей в виду, — сказал он и налил себе еще шампанского. — Мне уже известно, что хозяева пирамид — цивилизация жишшинов. Но кто они такие, пока не знаю. Но хочу знать.

Инструкция снова поднял к потолку правый мизинец.

— Жишшины и жишшины, — произнес он философски. — Не исключаю, что это слово тебе уже известно. Но какая тебе разница, кто они?

Под потолком появилось очередное облачко энергетической субстанции и стало медленно приближаться к мизинцу маленького человечка.

— Жишшины — это цивилизация переселенцев, — произнес вдруг шарик-инспектор, в предыдущие полчаса хранивший молчание и только с большим интересом наблюдавший за Веней и Инструкцией. Говоря по правде, Веня о его присутствии даже стал забывать.

— Одна из самых необычных цивилизаций Вселенной, — добавил шарик-инспектор.

От неожиданности Веня вздрогнул, сделал очень большой глоток шампанского и уставился на инспектора. Тот невозмутимо взирал на него двумя рядами своих зеленых глаз.

И в Вениной голове медленно стала крутиться открывшаяся ему вдруг простая истина: генерал-инспектор, совсем не исключено, может оказаться куда откровеннее в том, что касается жишшинов. В отличие от Инструкции.

Надо было пользоваться моментом.

— И куда же они переселяются? — осторожно спросил Веня, обращаясь теперь прямо к шарику-инспектору, чтобы попасть в его противофазу и тем самым остаться неслышимым для Инструкции.

— С места на место, — отвечал генерал-инспектор. — Из одного уголка Вселенной в другой. Дело в том, что они постоянно что-то заимствуют. У других цивилизаций. И не раз случалось, незаконными методами.

Отхлебнув еще шампанского, Веня, чтобы не вызывать подозрений у своего руководителя, бросил взгляд на Инструкцию.

— Твое здоровье! — сказал он маленькому человечку.

— Твое здоровье! — отозвался тот, словно эхо.

Веня вновь перешел в противофазу генерала-инспектора.

— А что жишшины заимствуют? — спросил он. — Что-то не очень понятно.

— Вот, молодец! — сказал Инструкция. — Давно пора было завести хрустальные фужеры. Сам догадался или твоя новая девушка подсказала? Очень рад, что у тебя с ней все хорошо складывается.

— Сам, — ответил ему Веня. — Но специально для новой девушки.

— Жишшины это цивилизация ученых, — ответил в это время генерал-инспектор. — Великих ученых. Но ученых-ленивцев.

— Как это? — не понял Веня.

— И салфетка теперь у тебя есть, — похвалил его Инструкция. — Давай еще по одной?

— Давай, — сказал ему Веня. — Как это, ученых-ленивцев? — повторил он свой вопрос генералу-инспектору.

— Природа дала представителям этой цивилизации многое, — ответил тот. — Они устроены так, что способны перемещаться в пространстве. Безо всяких технических приспособлений. Им не нужны жилища. Потому что они могут жить хоть в космическом пространстве. Хоть на дне океана. На своей родной планете они подпитывались энергией звезды. Вокруг которой обращалась планета. Вели жизнь, заполненную изучением окружающего мира. И философскими размышлениями. Бороться с природой за существование, обеспечивать себя пропитанием. Им не было необходимости. Создавать для этого какие-то технические приспособления — тоже.

Веня обдумал эту неожиданную информацию.

— Наверное, это довольно скучно! — сказал он потом шарику с искренней убежденностью. — Только изучать и размышлять. Нужно ведь и действовать как-то.

— Не знаем. Никогда не пробовали вести жизнь, заполненную изучением окружающего мира, — отозвался генерал-инспектор. — И философскими размышлениями тоже. Наша жизнь с давних пор занята совсем другим. С очень давних пор.

Веня налил в фужер еще немного вдовы Клико, сделал глоток и добросовестно постарался представить себе повседневную жизнь жишшинов. Представив, он даже поморщился.

— Еще бы не скучно! — повторил он убежденно. — Сидеть на одном месте и размышлять!

— Почему на одном? — возразил генерал-инспектор. — Мы же сказали. Они способны, накопив определенный запас энергии, перемещаться. В пространстве. И жить в открытом космосе. Очень долгое время они отправлялись со своей планетной системы. В далекие путешествия по вселенной. Открывали для себя новые миры. Изучали законы развития других цивилизаций. Постигали законы мироздания.

— Давай, что ли, еще по одной, — молвил Инструкция грустно. — Что-то ты сегодня молчалив. Обычно от твоих вопросов покоя нет, а сегодня как воды в рот набрал. Мне, правда, и без общения с тобой уже почти хорошо.

Веня чокнулся бокалом с правым мизинцем Инструкции.

— Твое здоровье, — сказал он рассеянно и поспешил вернуться в противофазу генерала-инспектора.

— Я правильно понял, что все это жишшины изучали просто ради того, чтобы изучать? — спросил он у шарика. — Ведь создавать им, вроде, ничего не было нужно?

— Разве что только устройства для хранения собранной информации, — ответил генерал-инспектор. — Ведь ее надо было как-то передавать грядущим поколениям. В остальном ты прав. Изучение абсолютно всего, что есть во вселенной. Стало смыслом их жизни. И огромным наслаждением. Однако делиться своими огромными знаниями с другими цивилизациями. Они не хотели. И чем больше знали, тем самодовольнее и капризнее становились. И по-прежнему ничего не создавали. Хотя уже могли бы создать все. Почти все.

Над головой Инструкции появилось очередное облачко энергетической субстанции и стало медленно опускаться к поднятому маленьким человечком правому мизинцу.

— Что-то ты сегодня о чем-то другом все время думаешь, — молвил Инструкция обиженно. — Колеблюр торсин! Прежде у нас с тобой все было как-то... естественнее.

— А чего с тобой говорить, если ты ни на один вопрос не отвечаешь, — сказал Веня маленькому человечку. — Колеблюр торсин!

Он вернулся в противофазу генерала-инспектора. Надо было спешить, пока тот расположен был говорить. Такое желание, кто знает, могло у него пройти. Или он мог ни с того ни с сего исчезнуть, скрывшись, как обещал, в Венином кошельке.

— Разве большое знание может кого-то сделать самодовольным и капризным? — спросил он.

— Вы, живущие на этой планете, только в начале долгого пути, — сказал шарик назидательно. — Вам еще многое должно открыться.

Веня обдумал его слова. Потом вылил в фужер остатки шампанского, допил, сделал из последних слов генерала-инспектора вывод, и после этого неожиданно для себя самого стал называть его на «ты».

— Ты хочешь сказать, что пока нам еще очень далеко до настоящего самодовольства?

— С самодовольством жишшинов ничто во вселенной не может сравниться, — ответил генерал-инспектор. — Оно не уменьшилось даже после того, как им пришлось стать странниками.

— А что такое с ними приключилось? — поинтересовался Веня, прикидывая в уме, что внешний вид бублика на коротких ножках, можно, пожалуй, в самом деле считать самодовольным и вызывающим.

— Знаний у них становилось все больше. А энергия их звезды иссякала, — услышал он в ответ. — Не исключено, что они вполне могли бы создать для себя новую звезду. Но предпочли более простой выход. Они расселились отдельными группами по всей вселенной. И стали использовать для своей жизнедеятельности любой подходящий источник энергии. Энергию других звезд. Энергию, извлекаемую из вещества планет. Энергию живых существ.

Инструкция, очевидно, уже мало-помалу подходил к стадии перехода на свой шипяще-жужжащий язык. Но все-таки он еще успел как раз в этот момент укоризненно проговорить на родном Венном языке:

— Сегодня вечеринка, колеблюр торсин, совершенно не задалась! Колеблюр торсин!

Неуверенным жестом маленький человечек протянул к потолку правый мизинец за очередной порцией.

— Что-то быстро он сегодня, — молвил шарик-инспектор насмешливо. — Или с ним всегда так?

Веня вдруг почувствовал обиду за своего руководителя. И легкий стыд оттого, что сегодня он и в самом деле мало с ним общался во время этого застолья.

Кем бы ни был Инструкция и кому бы ни служил, но лично ему, Вене, этот сгусток энергии не сделал ничего плохого. А пользы в виде ощутимых материальных благ принес немало. И с Сашенькой познакомил...

— Устал, наверное, — ответил Веня сухо. — И еще ему почему-то сегодня очень грустно. Так бывает. Ты лучше скажи, генерал-инспектор, что это за энергия живых существ? Энергию звезд я еще могу понять. И энергию вещества тоже.

— Энергия живых существ. Это как раз то, — сказал генерал-инспектор, — что жишшины который уже век потребляют. На твоей родной планете.

Веня постарался максимально сконцентрировать внимание и даже отодвинул в сторону пустой фужер.

Похоже, сейчас наконец-то должна была приоткрыться истина, которую он так хотел знать.

Генерал-инспектор, сделав небольшую паузу, добавил:

— По крайней мере, официально считается. Что это так.

— Что — так? — перепросил Веня, наклоняясь к шарику возможно ближе. — Ты уж, если начал, давай подробнее. В конце концов, имею я право знать, если обитаю на это планете, или нет?

— Имеешь, — сказал генерал-инспектор. — А иначе мы бы с тобой вообще об этом не говорили.

— Ну, так что это за энергия? — молвил Веня. — Говори, если говоришь.

Генерал-инспектор прокатился по столу взад и вперед, аккуратно огибая лежащий на нем Венин кошелек с долларами. Казалось, шарик собирается с мыслями.

— Ничего сложного тут нет, — сказал он наконец. — Все живые существа выделяют биотоки. Самые сложные у разумных существ. А жишшины перерабатывают их в энергию для своей жизнедеятельности. Небольшая колония жишшинов обосновалась в районе вашей планетной системы. Они открыли Землю еще во времена Древнего Египта. Тогда и были построены пирамиды. Они собирали биотоки разумных существ. Древней цивилизации египтян.

Веня даже встал со стула.

Ему, наконец, открылась истина.

— Значит, и теперь они делают то же самое! — воскликнул он. — Только уже в других измерениях! И когда фигурки в пирамиде стоят ровно, а на солнце ни облачка, значит, сбор биотоков идет нормально. Если иначе, то происходит сбой, и это грозит самому их существованию. То-то они так нервничают из-за этого!

Привыкая к такому открытию, Веня почувствовал, что в этот момент он испытывает даже какое-то своеобразное уважение к ученым способностям цивилизации жишшинов.

— Надо же, додумались чужие биотоки использовать! — произнес он вслух и снова сел. — Да ведь этими биотоками, наверное, полным полна любая обитаемая планета. И они никому не нужны, а жишшинам пригодились.

— Это вам на Земле они не нужны, — вскользь заметил генерал-инспектор. — Некоторые цивилизации умеют и сами их использовать.

— Но ты говорил, — продолжал свою мысль Веня, — что жишшины никогда ничего не строили. А тут огромные пирамиды.

— Пришлось строить, когда речь идет о выживании, — ответил генерал-инспектор. — Они ведь могут все, что угодно. Но делают это только в случае крайней необходимости. Однако ничего лишнего. Ленивцы!

Шарик немного помедлил.

— Ты правильно сказал. Теперь они делают то же самое, — начал он говорить. — Их деятельность в Древнем Египте была запрещена. По законам вселенной. Любые работы на планете с разумными существами могут производиться только с ведома этих разумных существ. Но позже жишшины снова появились на Земле. Только теперь действовали хитрее.

— Как хитрее? — вырвалось у Вени.

— Пирамиды они возвели в специально созданных искусственных временно-пространственных фазах, — ответил генерал-инспектор. — Чтобы их никто не видел. А вдобавок, для видимости соблюдения законности в случае инспекционных проверок. Стали официально заключать секретные соглашения. С местными правителями. Кому же не нужно золото! Его жишшины могли предоставить, сколько угодно. Во вселенной его много.

Шарик помедлил еще немного. Он словно колебался, продолжать или нет. Но потом все-таки сказал:

— Только мы полагаем, на самом деле жишшины потребляют на вашей планете не биотоки. А что-то другое. Или не только биотоки. Уже начиная с Древнего Египта. Подозревать их есть все основания. Что-то на вашей планете не так. Не на всей, а только там, где есть пирамиды. И мы подозреваем, что все это из-за них. Это ведь жишшины. Им многое запрещалось. И тогда они старались обойти законы. Или, что еще чаще, создать видимость их соблюдения. А делать что-то совсем иное. Такая у представителей этой цивилизации натура. Нашей главной инспекционной службе уже не раз случалось...

— Черт-те что у вас во вселенной творится! — с чувством произнес Веня и стал открывать вторую бутылку вдовы Клико. — Всех подозреваете, друг за другом следите! Не так я себе представлял наших вселенских братьев по разуму! Совсем не так! Думал, подобные нравы только у нас на Земле и могут быть!

— Разные есть во вселенной цивилизации, — примирительно ответил генерал-инспектор. — Ко многим у главной инспекционной службы никаких претензий. Вообще.

— И законы у вас тоже какие-то дурные! — продолжил Веня, наполняя бокал. — Кто их только принимает?!

— Да где же ты видел полностью совершенные законы? — сказал генерал-инспектор, и Вене даже послышался вздох. — Даже сам Высший Суд бывает несовершенным.

Наполнив бокал, Веня потянул его в сторону Инструкции. Тот понял, поднял правый мизинец и коснулся им фужера. Потом стал ждать очередного облачка энергетической субстанции.

Веня сделал очень большой глоток и только теперь осознал значение того, что совсем недавно услышал от генерала-инспектора.

— Ты сказал, что они могут потреблять здесь у нас не биотоки, а что-то иное, — переспросил он. — А что же тогда?

— Для того чтобы это узнать, мы и прибыли на твою планету. Лично, — ответил шарик. — Конечно, не мы одни. И, кажется, истина уже совсем скоро откроется.

Инструкция явно подходил к той стадии, после которой застолье для него завершалось. Он запел:

— Шшшигал-жжжужж-шшш. Жжерш-шшин-жежжшшушш.

Посмотрев на маленького человечка, генерал-инспектор произнес с сожалением:

— Поневоле задумаешься! Сколько пользы жишшины могли бы принести всей вселенной! С их знаниями и возможностями. А живут только для себя!

Веня налил себе еще шампанского.

— Так в чем ты их подозреваешь? — спросил он.

— Рано пока говорить, — ответил генерал-инспектор. — Но в настоящий момент работа ведется. Везде, где стоят пирамиды. Мы еще с тобой увидимся. Скоро.

Шарик покатился к Вениному кошельку, который все еще лежал на столе. Генерал-инспектор явно желал скрыться. Но Вене пришла еще одна мысль, и он крикнул ему вслед:

— Постой! Скажи, кто такой предприниматель Капустин? Или хотя бы где он живет? Ты должен знать, раз генерал-инспектор.

Не останавливаясь, генерал-инспектор ответил:

— У него вилла на Среднем карнизе. В Ницце. Довольно скромная. И еще один дом неподалеку. В Монако. Тоже скромный. Он никогда не выставляет себя напоказ. Не то что многие другие.

Генерал-инспектор докатился наконец до кошелька, непринужденно проник сквозь его кожаную поверхность и исчез внутри. При этом в объеме кошелек ничуть не увеличился, шарик словно бы растворился в его содержимом.

Инструкция продолжал петь, не обращая больше на Веню никакого внимания:

— Жжжижж шошшшишшжжж.

Но вскоре и он исчез, даже не попрощавшись, по своему обыкновению. Веня остался в одиночестве — с часами, в которых скрывался Инструкция, и с кошельком, где находился генерал-инспектор.

Веня сделал еще глоток шампанского и, движимый внезапным побуждением, протянул руку к кошельку.

В отличие от часов, открыть его было просто. Но в кошельке, как и следовало ожидать, он не нашел ничего, кроме долларов, получен-

ных от Инструкции, и рублей, которыми оплачивал его труд компьютерного верстальщика Эдуард Борисович.

Из этого можно было заключить, что генерал-инспектор умел обращаться не только в шар, но и в какую-то совсем уж микроскопическую, невидимую глазу форму.

Как, впрочем, и Инструкция, способный помещаться в наручных часах фирмы Casio.

Глава пятая
«Результаты такие, каких я и ожидал»

События, происходившие на следующий день, разворачивались с нарастающей скоростью.

Веня проснулся с острым предчувствием, что необыкновенная история, непосредственным участником которой он стал, подходит к своему завершению. За последние два дня это предчувствие пришло к нему уже во второй раз. Почему? Долго размышлять над этим он не мог: что бы ни происходило, впереди, прежде всего, был напряженный, трудный, обычный рабочий день.

Наскоро позавтракав, Веня проделал процедуру, в последнее время ставшую уже ритуалом. Сначала он вывел свою «девятку» из ракушки под окном, изрядно маневрируя, чтобы не стукнуться с мешавшим ему «москвичом» соседа Алексея Васильевича.

Потом доехал до многоэтажного паркинга и оставил отечественную машину в ближайшем дворе. Из паркинга он выехал уже на «Рено Меган II» и помчался в сторону Октябрьского поля.

Очень скоро началась обычная суета, и Веня почти сразу же увлекся, потому что свою работу он любил — опять-таки, что бы ни происходило помимо нее.

Но довольно быстро производственный процесс стал прерываться общением с Инструкцией и генералом-инспектором.

Первым часов в одиннадцать из часов объявился Инструкция. Вид у него был усталым и смущенным, а джинсы и спортивный пиджак заметно помятыми. Маленький человечек по своему обыкновению уселся на принтер, поболтал в воздухе ногами и, отводя глаза, произнес:

— Что-то я вчера, по-моему, увлекся.

В этот момент он опять удивительно походил на соседа Алексея Васильевича в его не самые лучшие минуты. Смущенно почесав нос и глядя куда-то в сторону, Инструкция произнес именно ту фразу, ко-

торую Веня ждал, потому что именно ее в схожих ситуациях слышал от маленького человечка не раз:

— Я тебя вчера ничем не обидел?

— Да нет, все нормально, — отозвался Веня.

— Вот каждый раз даю себе слово, что буду вовремя останавливаться, — сокрушенно молвил Инструкция, — и каждый раз ничего не выходит.

Маленький человечек вздохнул.

— Да и время, наверное, берет свое. Вот прежде, бывало, когда я, например, с Александром Петровичем Сумароковым... Он мне обязательно начинал свою трагедию «Синав и Трувор» читать наизусть. Но ни разу так и не смог дочитать до конца. А я тогда, в восемнадцатом веке, вполне мог бы дослушать, но приходилось продолжать застолье уже без Александра Петровича, потому что он уже не способен был ни читать, ни пить. Эх...

Инструкция сокрушенно махнул рукой.

— Что-то я расчувствовался. И грусть не проходит. Вчера прошла, но ненадолго. Ладно, не забыл, что нам вечером надо ехать в пирамиду?

Может ли быть грусть у сгустка энергии, промелькнула у Вени мысль. А почему бы и нет, если его создали супергениальные ученые жишшины.

Маленький человечек еще не успел исчезнуть, как из сумки, где лежал Венин кошелек, появился шарик размером с теннисный мяч и с двумя рядами зеленых глаз. Судя по тому, что Инструкция не обратил на него никакого внимания, генерал-инспектор пребывал в своей личной противофазе.

— Привет, — сказал генерал-инспектор Вене, не обращая никакого внимания на Инструкцию. — Сейчас мы произведем кое-какие замеры. Очень важные.

— Какие еще замеры? — спросил Веня.

— Увидишь, — коротко ответил шарик. — Здесь у тебя много вполне подходящих объектов.

Инструкция исчез.

Шарик остался.

Зато вместо Инструкции почти сразу же участие в мизансцене приняла покорительница Северного полюса Заныкина-Сидорова. Впорхнув в Венину комнату, она сейчас же затараторила, почти не делая промежутков между словами и, естественно, не обращая никакого внимания на генерала-инспектора:

— Городков, выведи мне скорее мой материал про Алевтину. Мне надо его немедленно прочитать, а то я должна немедленно уезжать, потому что в два часа мне надо быть уже в другом месте, а я

неизвестно когда приеду туда, куда должна уезжать немедленно, потому что мне надо не только прочитать, но еще и сократить.

Суть этого монолога Веня понял — журналистке надо было срочно прочитать ее материал, — и стал искать две полосы, на которых помещалось интервью Заныкиной-Сидоровой с крикливой, но, главное, модной певицей Алевтиной. Подобные люди обычно и привлекали покорительницу Северного полюса. Выведя материал на экран, Веня включил принтер. Тот загудел, готовясь выплюнуть полосы с интервью, а Веня отвернулся от экрана.

Но сейчас же его внимание было отвлечено очередным чудом: тщеславных женщин Заныкиных-Сидоровых в комнате вдруг оказалось две. Одна, естественного размера, стояла на прежнем месте, рядом с принтером. Другая, крошечная, вдруг возникла на Венином столе рядом с генералом-инспектором. Она была заключена в маленькую прозрачную колбочку, точь-в-точь как в химической лаборатории.

Веню, после всего им пережитого, уже ничто не могло удивить. А вот крошечной Заныкиной-Сидоровой положение, в котором она оказалась, явно не нравилось: лицо крошечной покорительницы Северного полюса было искажено гневом, она бешено вращала глазами, отчаянно двигала губами и изо всех сил колотила кулачками в прозрачную оболочку.

Однако не было слышно ни слов, которые она выкрикивала, ни стука кулачков. Наконец, маленькая Заныкина-Сидорова перестала кричать и стучать, но только для того, чтобы удариться в слезы. Рыдающей она являла совсем уж неприглядное зрелище.

Обычная Заныкина-Сидорова своего раздвоения не заметила, и на колбочку со своим миниатюрным прототипом внимания не обращала. Из этого можно было заключить, что крошечная Заныкина-Сидорова тоже пребывала в противофазе генерала-инспектора, и, следовательно, кроме Вени, никто ее видеть не мог.

Выхватив из принтера полосы со своим материалом и не поблагодарив Веню, обычная Заныкина-Сидорова сейчас же умчалась прочь, громко стуча каблуками. Очевидно, побежала в кабинет Эдуарда Борисовича, чтобы вычитывать материал на глазах хозяина и тем самым демонстрировать, как много и добросовестно она работает.

Веня проводил ее взглядом, потом посмотрел на колбочку с рыдающей маленькой копией журналистки, и спросил:

— Это еще что такое?

— Контрольный замер, — коротко ответил генерал-инспектор. — Сейчас отправлю на экспертизу.

— Куда? — устало поинтересовался Веня. — Ее-то зачем?

— Туда, — генерал-инспектор возвел свои глаза к потолку. — Чтобы произвести замер. Почему бы не ее?

Вене вдруг стало жалко маленькую Заныкину-Сидорову. Должно быть, потому, что ему и самому довелось однажды побывать в прозрачной упаковке, правда, при других обстоятельствах.

— Ей же это не нравится, — сказал он. — Вон как кулаками колотит!

— Ерунда, — ответил на это генерал-инспектор. — Три минуты назад тебя мы тоже отправляли. На экспертизу. Разве ты что-нибудь почувствовал? Ты вообще ничего не заметил. Потому что не должен был чувствовать. А твоя крошечная копия-матрица тоже кулаками колотила. Гораздо сильнее, чем эта слабая женщина. Но теперь копия-матрица в тебя уже вернулась. Только не помня, где была и что с ней происходило. А ты опять ничего не почувствовал.

Теперь Веня наконец удивился.

— Меня тоже отправлял? На экспертизу? Зачем?

Удивился он не только этому.

— А почему я колбочку с маленьким собой не видел? Уж я-то, вроде, должен все видеть.

— Потому что в это время ты долго смотрел на экран. Ни на что другое не обращал внимания.

Колбочка с рыдающей Заныкиной-Сидоровой исчезла со стола. Видимо, отправилась туда, где кто-то неизвестный и производит эти таинственные контрольные замеры.

— Ну и каков результат моей экспертизы? — спросил Веня, немного обеспокоено. — Что ты у нас проверяешь? Если копия в меня вернулась, значит, результат ты уже должен был получить. Или не получил?

— Уже получили, — коротко ответил генерал-инспектор. — Результаты такие, каких мы и ожидали. Все начинает подтверждаться. Тем более, замеры сейчас делаем не мы одни. И не только в твоей стране.

— Чего ты ожидал? — спросил Веня, начиная беспокоиться сильнее.

— С тобой все не так уж плохо, — ответил генерал-инструктор довольно уклончиво. — Если ты об этом. Могло быть гораздо хуже. А вот у этой слабой женщины дела неважные. У всех это проявляется по-разному. Встречаются даже индивидуумы, совсем не подверженные. Но это редко.

Веня почувствовал, что начинает раздражаться.

— Что проявляется? — вскричал он. — Не подверженные чему? Имею я право знать, или нет?

— Имеешь, — ответил генерал-инспектор. — Но пока об этом рано говорить. Обещаем, что ты все узнаешь. В свое время. По-моему, у тебя много работы. Продолжай работать.

Однако после всего услышанного и увиденного работа у Вени пошла заметно медленнее. Мысли его перепрыгивали с одного на другое и были далеки от верстки еженедельника.

Тем более что генерал-инспектор продолжал делать контрольные замеры. На экспертизу отправлялся каждый, кто появлялся в Вениной комнате, а таких было много.

Последовательно в маленьких колбочках оказывались крошечные копии-матрицы бородатого арт-директора Степы, заведующего отделом Вадима Николаевича, редакционного водителя Гриши, зашедшего к Вене, чтобы расспросить его о достоинствах и недостатках автомобиля «Рено Меган II», и даже какого-то постороннего человека, который, к своему несчастью, ошибся дверью.

В конце концов, Веню даже стало забавлять то, что копии всех этих людей, оказавшись в прозрачном заточении, вели себя поразному. Кулаками в стенки колотили только копии Степы и Гриши. Копия Вадима Николаевича осторожно ощупывала стенки ладонями, принявшись ходить внутри колбочки по кругу.

А копия постороннего человека сразу уселась на ее дно и зачемто обхватила голову руками.

Не избежал отправки на неведомую экспертизу и сам появившийся в комнате компьютерного верстальщика хозяин Эдуард Борисович. Но его копия-матрица вела себя в колбе с таким же чувством собственного достоинства, что и оригинал. Крошечный Эдуард Борисович не стал колотить кулачками в стенки, а скрестил руки на груди и величественно застыл на месте, высоко подняв голову, словно памятник самому себе.

Эдуард Борисович естественных размеров в этот момент стоял у Вени над плечом и смотрел, как компьютерный верстальщик примеряет к большой статье о французских винах разные варианты заголовков. Вариантов было пять, начиная от «Пьем, как французы», до «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс».

Хозяин выбрал самый энергичный из всех — «Вздрогнем, месье!», утвердил его шрифт, цвет и кегль, и удалился. За минуту до этого с Вениного стола исчезла колбочка с копией хозяина, отправившись, как и все остальные, на экспертизу.

И все-таки, несмотря на все эти помехи, прыгающие Венины мысли и постоянное присутствие на столе генерала-инспектора, работа продвигалась. Тем более, что генерал-инспектор на этот раз был немногословен.

Не отвлекаясь от своих обязанностей, Веня попытался все-таки у него выяснить, в чем суть этой таинственной экспертизы, но попытка оказалась неудачной. Сосредоточенный на чем-то и углубленный в себя самого генерал-инспектор только повторил пару раз, что в свое время Веня обязательно все узнает.

Однако в другом он все-таки оказался откровеннее. Когда Веня, движимый остатками своей обычной любознательности, поинтересовался, почему для экспертизы отправляются неизвестно куда крошечные копии-матрицы, в то время как в главную инспекционную службу лично его, Веню, а также стоматолога Николая, изымали с планеты Земля в виде оригиналов, а копии, наоборот, оставляли здесь, генерал-инспектор коротко ответил:

— Для такого анализа этого достаточно. Вполне.

Сказав это, он исчез, снова скрывшись в Венином кошельке. Сразу же Веню вдруг в третий раз остро кольнуло предчувствие: все невероятные события уже подходят к концу.

Но сосредотачиваться мыслями на предчувствии опять-таки было некогда: еще раз рядом с Вениным компьютером возник Эдуард Борисович.

— Я решил, что надо сменить заголовок, — объявил хозяин. — Ну что это, «Вздрогнем, месье!». Моветон какой-то! Да и вообще создается впечатление, что хорошие французские вина мы предлагаем читателям распивать где-нибудь в подъезде. Я придумал другой заголовок — «Немного французского солнца в бокале вина». По-моему, вполне достойно. Тебе нравится?

— Нравится, — ответил Веня рассеянно.

— Тебе должно понравиться, — хмыкнул хозяин, — потому что у тебя французская машина. А французские вина, интересно, пьешь?

— Шампанское, — честно признался Веня. — Определенную марку: «Veuve Clicquot-Ponsardin».

— Ого! — сказал хозяин и, бросив на своего компьютерного верстальщика уважительный взгляд, ушел.

Дальше все стало происходить быстро. Потому что следующим, кто объявился в Вениной комнате, был Инструкция, хотя обещал быть только к вечеру. Теперь маленький человечек выглядел не только усталым, но и встревоженным. Даже очень встревоженным.

С первого взгляда Веня понял, что в пирамиде опять что-то не так.

— Опять сбой в системе? — спросил он, не тратя лишних слов.

— Да, и надо ехать немедленно, — нетерпеливо, а скорее даже умоляюще сказал маленький человечек. — Отпрашивайся как знаешь, но времени у нас нет.

Веня пошел в кабинет Эдуарда Борисовича, отпросился как знал и спустя минуту уже мчался по хорошо знакомому маршруту в сторону метро «Сокол». Еще десять минут спустя он стоял на крышке люка чуть правее входа в книжный магазин. Два длинных слова магического заклинания он, конечно, давным-давно выучил наизусть.

Как всегда бывало после этих слов, словно какой-то вихрь мощной невидимой рукой подхватил Веню, но лишь на один короткий миг, и тут же отпустил, улетев дальше. Вместе с вихрем исчезла, разумеется, витрина книжного магазина, как, впрочем, и весь дом, в котором он находился. Исчез ряд торговых палаток за Вениной спиной, исчезли многочисленные прохожие, исчез железный люк под ногами, исчез и сам асфальт тротуара.

Вновь перед ним была пирамида, стоящая на большой поляне посреди российского смешанного леса. Как обычно, рядом с Веней стоял Инструкция. Перед пирамидой Веня, как это было всегда, увидел двух египетских сфинксов, охранявших ее. Вполне возможно, как и Инструкция, они тоже были сгустками энергии.

Однако на этот раз в искусственной временно-пространственной фазе, созданной жишшинами, произошли большие перемены.

По сторонам пирамиды теперь стояли высокие сооружения, похожие на водонапорные башни. Только вместо огромных баков наверху были решетчатые ажурные конструкции, внутри которых угадывалось сложное переплетение непонятных деталей.

Таких сооружений было три, по числу граней пирамиды, которые Веня видел. Вполне возможно еще одно находилось позади пирамиды, у четвертой ее грани.

Вдобавок по периметру пирамиды выстроились шеренги существ, схожих то ли с рыцарями, с ног до головы закованными в сверкающие доспехи, то ли человекоподобными роботами, изготовленными из серебристого металла.

Каждое существо держало на плече какое-то оружие, при виде которого из глубин Вениной памяти почему-то всплыло старинное грозное и тяжелое слово «бердыш».

Однако оружие этих существ явно было не рубящим, а поражающим на расстоянии. И, скорее всего, поражающим очень-очень сильно.

Четверо этих то ли рыцарей, то ли роботов стояли отдельно от остальных — по бокам каждого из сфинксов. Поэтому сразу же складывалось впечатление, что сфинксы пребывают под арестом.

Веня застыл на месте, во все глаза разглядывая всю эту открывшуюся ему неожиданную картину.

— Что это? — спросил он Инструкцию. — Целая ремонтная бригада?

— Какая еще ремонтная бригада? — отозвался маленький человечек с великим изумлением. — Ничего подобного я еще никогда не видел. В самом крайнем случае, если неполадка очень сложная, появился бы сам генеральный специалист. А все, что здесь, это все не наше.

Но тут на сцену вышло еще одно существо. Правильнее, правда, сказать, что не вышло, а вылетело: над пирамидой появилось нечто, уже издали похожее на Змея Горыныча, только почему-то без крыльев, сделало круг и мигом опустилось на поляну рядом с Веней.

Все четыре его головы, выглядывающие из синей одежды, похожей на лабораторный халат, внимательно осмотрели Веню и стоящего у его правой ноги Инструкцию.

— Это вы, генерал-инспектор? — спросил Веня неуверенно.

Больше всего его поразило даже не само эффектное появление генерала-инспектора, а то, что в прошлый раз, будучи точно в таком же облике, он представлялся Вене гигантом, а теперь оказался только чуть выше него.

Объяснений могло быть только два: когда Веня вместе со стоматологом Николаем и мексиканцем Хосе пребывал ТАМ, все трое жителей планеты Земля были многократно уменьшены в размерах. Или, наоборот, все остальные действующие лица, включая Инструкцию, оказались тогда многократно увеличенными.

Но сейчас было не до тонкостей. Главным было другое. И Веня растерянно спросил:

— Что здесь происходит?

— Пресечение незаконной деятельности, — ответила крайняя левая голова генерала-инспектора.

Ответ прозвучал с явной торжественностью. А еще в нем ощущалось сознание честно выполненного долга.

— Действие этой пирамиды полностью остановлено, — сказала следующая голова.

Другие, по очереди, продолжали:

— Как и всех остальных пирамид. Сооруженных жишшинами на вашей планете. В искусственных временно-пространственных фазах. Всего пирамид насчитывалось тридцать семь. Восемнадцать на территории вашего государства. В настоящий момент все пирамиды находятся под нашей охраной. А жишшинов за нарушение законности ждут серьезнейшие санкции. Вплоть до помещения в заповедник.

Две правые головы теперь, не отрываясь, смотрели на Инструкцию.

— Улика, — сказала одна из них.

— Еще одна из многих, — добавила другая.

— Сейчас улики изымаются у всех шрежей, — сообщила крайняя левая голова.

— Отправляем на следствие, — заключила следующая.

Не успев вымолвить ни слова, маленький человечек исчез. Одновременно с этим Веня почувствовал, что с его руки куда-то подевались часы фирмы Casio на черном пластиковом ремешке.

— Вот, — сказала очередная голова генерала-инспектора.

Веня посмотрел на свое левое запястье, где секунду назад были часы, и почувствовал, что вместе с ними утратил необыкновенный, полный фантастических событий, оценивать которые можно по-разному, и, конечно, очень яркий кусочек своей жизни. Утратил, судя по всему, навсегда.

— Что здесь происходит? — повторил Веня. — Ты обещал, что в конце концов я все узнаю. Может, пора?

— Пора, — согласилась с ним следующая голова.

Две другие добавили по очереди:

— Ты присутствуешь при блистательном завершении операции. Главная инспекционная служба выявила истинное назначение всех пирамид.

— Разве они собирают не биотоки? — спросил Веня.

Головы переглянулись. Вене показалось, что в их глазах светится торжество. По очереди они заговорили:

— В том-то и дело! Биотоки только обозначены в договорах жишшинов с местными правителями. Потреблять биотоки безвредно. Но выкачивают они с вашей планеты иное. Поэтому их действия незаконны. Абсолютно. Вернее, не выкачивают, а выкачивали. Мы довели эту операцию до конца. Мы, генерал-инспектор Перит-Рапририт.

Генерал-инспектор, это было совершенно ясно, просто упивался своим успехом. На миг Вене даже показалось, что все эти то ли роботы, то ли рыцари, стоявшие шеренгами по периметру пирамиды, были не чем иным, как почетным караулом, который генерал-инспектор выстроил в свою честь.

Такого тщеславия от этого должностного лица Веня, честно говоря, не ожидал. Хотя у них во вселенной, видимо, и в самом деле творилось черт-те что.

Но в первую очередь ему надо было знать истину.

— Так что же они собирают?

— Работа была сложной, — сказала крайняя левая голова.

Казалось, генерал-инспектор нарочно испытывает Венино терпение, не давая сразу прямого ответа, а начиная издалека. Веня весь превратился во внимание. Головы продолжили, однако к сути шли долго и витиевато:

— Аналитическая служба изучила районы вашей планеты. Где жишшины создали искусственные временно-пространственные фазы. В них работают пирамиды. Вернее, работали. Выяснились любопытные закономерности. Конечно, работа пирамид ощущалась и в других регионах вашей планеты. С расстоянием их воздействие, понятно, слабело. Но особенно действенным оно была непосредственно рядом с пирамидами. Это вполне понятно. Такие временно-пространствен-

ные фазы жишшины создали на территории вашей страны. Здесь их больше всего. Есть также на континенте Африка, в Латинской Америке. В некоторых других районах планеты.

— Ну, — поторопил генерала-инспектора Веня.

— Эта закономерность была нами выявлена. Наступил черед контрольных замеров. Они полностью подтвердили все наши предположения.

— Ну, — сказал Веня. — Так что же они выкачивали с нашей планеты?

Генерал-инспектор сделал паузу, и все головы одновременно глянули Вене в лицо.

— Должны сказать, — начала одна из голов, — тебя лично это не очень коснулось.

Другая голова продолжила:

— Мы уже говорили, у всех результаты проявляются по-разному.

— Есть даже индивидуумы, совсем не подверженные, — сказала следующая голова.

— Но таких немного, — молвила четвертая.

— Все, что происходит вокруг, таких индивидуумов особенно удручает, — вступила первая.

— Но подавляющее большинство подвержено, — заключила следующая.

— Подвержено чему? — рявкнул Веня.

— Видишь ли, — заговорили головы, пожалуй, с извиняющимися нотками. — Ваши ученые пока очень плохо знают человеческий мозг. А жишшины выявили. Еще во времена Древнего Египта. Что в мозговом веществе разумных обитателей вашей планеты. Есть особый центр.

Генерал-инспектор чуть помедлил. После чего головы продолжали:

— Центр отвечает за критическую оценку индивидуумом. Всего происходящего. За способность предвидеть последствия. Будущих действий. У центра своя собственная мощная энергетика. Ничего общего не имеющая с обычными биотоками. Эта энергетика идеально подходит для обеспечения жизнедеятельности жишшинов. Но когда она изымается у индивидуума, действенность этого мозгового центра. Соответственно снижается. Со всеми вытекающими последствиями. Для поведения индивидуума.

Генерал-инспектор сделал еще одну паузу. Потом правая средняя голова начала, а другие головы продолжали. Веня же изумленно переводил взгляд с одной на другую, слева направо, а потом снова слева направо, и слушал, пытаясь осмыслить то, что услышал.

— Эту энергетику и потребляли жишшины. В вашей стране и некоторых других местах планеты. Это явное нарушение законности.

В договорах этого нет. И это приносит ущерб местным жителям. Потому что многое идет не так, как должно идти. Из-за этого. Теперь нарушение доказано. Вокруг пирамиды приборы. Рядом со всеми другими тоже. Мы давно этого ждали.

Отрапортовав все это, головы замолкли. Веня же в своей голове раскладывал смысл услышанного по полочкам.

— Ну-ка, повтори! — сказал он. — Этот центр в наших человеческих мозгах отвечает за здравый смысл, так, что ли? Ну да! А что же такое еще критическая оценка и способность предвидеть последствия, если не здравый смысл? Правильно я понял?

— На самом деле все сложнее, — ответила крайняя левая голова генерала-инспектора.

— Но тебе проще понимать это именно так, — продолжила следующая голова.

Теперь Веня осмыслил все до конца.

— Ты хочешь сказать, что жишшины с помощью пирамид выкачивали из нашей страны, то есть из ее населения, то, что называется здравым смыслом? — заговорил он. — Чтобы обеспечивать свою жизнедеятельность? И так было век за веком?

Головы опять переглянулись.

— Не только из вашей страны, — сказала потом правая средняя голова.

— Из некоторых других мест планеты тоже, — добавила крайняя правая голова.

Крайняя левая голова сказала:

— Там тоже есть пирамиды.

Левая средняя голова продолжила:

— Кроме того, действие пирамид отчасти распространялось и на другие регионы планеты.

Следующая дополнила:

— Однако с расстоянием действие пирамид ослабевало.

Веня внимательно осмотрел все четыре головы генерала-инспектора. Ему показалось, что глаза у всех стали слегка виноватыми.

После паузы одна из голов сказала:

— Ты бы должен был замечать.

Другая подхватила:

— Как-то все у вас...

Третья пояснила:

— В вашей стране.

Четвертая заключила:

— С тем, что ты называешь здравым смыслом, у вас плохо.

После таких слов головы инспектора, вновь переглянувшись, решили, видимо, быть с Веней еще откровеннее. Очередь говорить сно-

ва перешла к первой голове слева, и та объявила с неожиданной прямотой:

— В общем, знай, что экспресс-анализ показал нам...

— Что эта беда проявляется у вас на всех уровнях государственного устройства, — подхватила следующая.

— Начиная с самых верхних, — добавила третья голова.

— Сверху донизу, — договорила четвертая.

Веня перевел взгляд на пирамиду. Услышанное от голов генерала-инспектора очень трудно было принять сразу. И Веня начал с самого простого из всех вопросов.

— Значит, когда строй фигурок в экране был ровным, а на солнце не было ни облачка, пирамида работала без сбоев? — поинтересовался он.

— Именно так, — ответила крайняя правая голова генерала-инспектора.

Крайняя левая произнесла более длинную фразу:

— Тогда энергетика здравого смысла выкачивалась из индивидуумов соответствующей реальной фазы на максимальном уровне.

Последовала короткая пауза, потом головы быстро заговорили одна за другой, словно приняв решение выложить все до конца разом:

— Это общий уровень был максимальным. На индивидуумов работа пирамид действовала по-разному. У этой крикливой женщины из твоей редакции. Энергетика того, что ты называешь здравым смыслом. Отбиралась практически полностью. У тебя самого заметно меньше. Кстати, экспресс-анализ показал. В шрежи отбирались малоподверженные. Но у всех людей по-разному. Если вывести среднее. Жишшины получали очень много такой энергетики. Пирамиды работали исправно. Сбои случались очень редко. Они грозили жишшинам энергетическим голоданием. Твоей стране это приносило огромный ущерб.

На миг головы генерала-инспектора замолчали — для того, чтобы вновь переглянуться. Потом заговорили снова.

— Кстати, припомни, — молвила крайняя левая голова.

— Что происходило, когда случался сбой? — спросила соседняя.

— Поведение окружающих тебя людей должно было меняться, — продолжала следующая.

— В поведении должно было больше быть энергетики того, что ты называешь здравым смыслом, — сказала крайняя правая голова.

Веня добросовестно постарался припомнить. Сбой на его памяти был один. Тогда он впервые увидел жишшина, который оказался генеральным смотрителем всех пирамид.

— Да ничего, вроде бы, не происходило, — ответил Веня. — Вроде бы все шло как обычно. Как всегда у нас идет.

Он вдруг припомнил и нерешительно сказал:

— Разве что турникеты в московских автобусах вдруг отменили, а потом снова вдруг поставили. Или это не то?

— Значит, сбой быстро устранялся, — сказала крайняя левая голова генерала-инспектора.

— Мало что успевало проявиться, — продолжала левая средняя.

— У энергетики такого рода большая инерция, — добавила правая средняя голова.

— Чтобы были заметны перемены, должно было пройти определенное время, — закончила ее мысль крайняя правая.

— А неполадки очень быстро устраняли, — снова вступила крайняя левая голова.

— С вашей же помощью, — заключила следующая.

— И все у вас продолжалось как всегда, — добавила правая средняя голова.

Веня надолго замолчал. Генерал-инспектор не мешал ему думать. Его головы теперь рассматривали шеренги вооруженных молодцов, похожих то ли на роботов, то ли на рыцарей. Вене показалось, что рассматривали с удовольствием.

— Да где же вы раньше были с этой вашей главной инспекционной службой? — спросил потом Веня. — Ну почему не объявились, чтобы навести порядок, хотя бы на пару веков раньше? У нас ведь, честно говоря, вообще все не так! И давно.

Правая крайняя голова дала на это такой ответ:

— Да разве за всем сразу уследишь.

Следующие головы с извиняющимися интонациями продолжали:

— Работы непочатый край. Знаешь, что творится во вселенной! Работаем на пределе возможностей. Вот с Древним Египтом. Как только выяснили, что жишшины нарушают закон, сразу пресекли. Потом, честно признаемся, надолго потеряли. Вашу планетную систему из вида. Но как только обнаружили непорядок. Сразу довели расследование до конца. Несмотря на то, что Высший Суд. Отнесся к жишшинам слишком лояльно. Мы задействовали очень серьезные силы. Возможно, в ущерб другим районам вселенной. Вы нам должны сказать спасибо. Теперь у вас многое должно измениться. И в твоей стране, и в других местах.

— Спасибо вам, конечно, — сказал Веня. — Посмотрим.

Он опять на какое-то время замолчал. К тому, что он узнал, привыкнуть было не просто. Все это казалось, конечно, совершенно неправдоподобным, но, с другой стороны, не более неправдоподобным, чем все пережитые им за последнее время многочисленные приключения — и на родной планете, и неизвестно где.

— А что теперь будет с пирамидами? — спросил Веня потом только для того, чтобы что-то спросить.

— Демонтируем вместе со всеми временно-пространственными фазами, — ответила крайняя левая голова генерала-инспектора.

В ее словах явно прозвучало торжество. Другие головы с теми же интонациями продолжали:

— А эту колонию жишшинов. Что обосновалась в районе вашей планетной системы. В заповедник. Без права его покидать.

Что это за заповедник, Веня не стал спрашивать. Ему и без того было о чем подумать. Но все-таки, движимый своей любознательностью, поинтересовался:

— Как же эти жишшины будут жить в заповеднике без энергии?

— Придумают что-нибудь, — ответила одна из голов генерала-инспектора. — Они всегда что-нибудь придумывают, — добавила следующая.

— А что будет с этим предпринимателем Капустиным? — спросил Веня.

— С ним-то что? — удивилась очередная голова. — Он действовал в соответствии с законами своей страны, — пояснила другая. — Другое дело — качество этих законов, — сказала следующая. — Но инспекционную службу это не касается, — сообщила соседняя. — Законы у вас свои, — заключила следующая.

Теперь паузу в свою очередь выдержали головы генерала-инспектора. Веня задумчиво смотрел на пирамиду. Ясно было, что в последний раз.

— А вас надо поздравить, — сказала наконец крайняя правая голова. — Теперь ничто вам не будет мешать, — продолжала крайняя левая. — Использовать то, что ты называешь здравым смыслом, в собственных целях, — подхватила левая средняя. — Как и положено, — заключила правая средняя голова. Крайняя правая начала: — Но у тебя лично...

Договорить она не успела: ее слова потонули в оглушительном грохоте.

Оказалось, что огромная пирамида пришла в движение.

Сначала между ней и поляной, на которой она стояла, появился маленький просвет, который увеличивался на глазах.

Потом каменная махина резко набрала скорость, поднялась высоко вверх, заложила крутой вираж, не хуже сверхзвукового истребителя, и мигом исчезла за бескрайним лесом.

Грохот прекратился.

— Ничего себе, — вымолвил Веня, глядя в ту сторону, куда улетела пирамида. — Это у вас называется демонтировать?

— Мы тут ни при чем, — растерянно вымолвила крайняя левая голова.

— Это жишшины опять что-то придумали! — выкрикнула левая средняя.

Правая средняя голова вытянулась далеко в сторону, словно к чему-то прислушивалась. Потом растерянно объявила:

— Приборы свидетельствуют, пирамиды в этой временно-пространственной фазе больше нет.

Крайняя правая голова добавила:

— Во всех других фазах тоже.

Теперь Вене пришлось понаблюдать, как проявляется ярость генерала-инспектора, у которого из-под носа в последний момент увели победу. Четыре его головы принялись раскачиваться из стороны в сторону, все сильнее и все быстрее. Наконец за движениями их было уже невозможно уследить, и оставалось только удивляться, каким образом они умудряются не ударяться при этом друг об друга.

Так продолжалось с минуту. Потом генерал-инспектор стал, видимо, брать свои чувства под контроль.

Движение голов замедлилось и, наконец, они застыли в полной неподвижности, образовав ровный строй и глядя в одну сторону.

Левая крайняя голова совершенно спокойно констатировала:

— Не исключаю, что жишшины создали на вашей планете какие-то новые фазы.

— Куда и перенесли пирамиды, — сказала левая средняя голова.

— И ускользнув от нашего контроля, — добавила правая средняя.

— Если так, пока эти фазы для нас недоступны, — подвела неутешительный итог крайняя правая голова.

— А может, что-то другое случилось? — поинтересовался Веня. — Может, жишшины решили исправиться и вообще ушли с нашей планеты.

— Не знаем, — с большим сомнением произнесла крайняя левая голова.

— Ведь это жишшины, — с презрительными интонациями вымолвила левая средняя.

Веня оглядел опустевшую поляну. Сфинксы, кстати, тоже исчезли. Остались сооружения, напичканные приборами главной инспекционной службы, и застывшие шеренги то ли рыцарей, то ли роботов.

— В любом случае, в этих фазах незаконная деятельность жишшинов прекращена — сказала правая средняя голова после некоторого молчания.

— Нам остается только покинуть планету, — молвила крайняя правая голова.

— Не исключено, нам еще придется сюда вернуться, — добавила крайняя левая голова.

— А через сколько веков? — поинтересовался Веня.

Ответа он не получил. Генерал-инспектор как раз в этот момент исчез — по-английски, не прощаясь. А может, это и не он вовсе исчез, а просто какая-то неведомая сила вдруг перенесла Веню на крышку люка чуть правее входа в книжный магазин.

Веня сошел с люка, как делал это не один раз, скользнул взглядом по витрине книжного магазина и пошел к своей машине.

Надо было возвращаться в еженедельник «Вольный вечер».

И еще надо было, конечно, сейчас же позвонить Сашеньке, чтобы узнать, как она пережила все последние события. А уже вечером позвонить стоматологу Николаю, чтобы договориться наконец, когда Веня приедет к нему в Химки ставить две пломбы.

Да и вообще посидеть и поговорить — давно не виделись. А тут столько событий произошло.

Но было у Вени неясное предчувствие, что вся эта история еще далеко не окончена.

Геннадий Прашкевич

КУКУШКИ МИДВИЧА

(семидесятые без комментариев)

Пиши о любви, — сказал он. — Любовь — это единственная стоящая вещь. Повторяй без конца: «Люблю». Расскажи им, Джексон, ради бога, расскажи им о любви. Ни о чем другом не говори. Рассказывай все время повесть о любви. Это единственное, о чем стоит рассказывать, Джексон. Деньги — ничто, преступление — тоже. И война — ничто, все на свете — ничто, только и есть, что любовь. Так расскажи им о ней.

Уильям Сароян

1. Магаданский сборник

Рецензия на рукопись сборника фантастических повестей «Только человек».

Магаданское книжное изд-во. *Составители: Г. Прашкевич, В. Бугров.*

«Рецензируемый сборник (объем 20 п. л.) состоит из четырех фантастических повестей пяти авторов: Г. Прашкевича «Только человек» (впоследствии печаталась под названием «Пять костров ромбом». — *Г. П.*), А. Балабухи «Майский день», О. Ларионовой «Картель», Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Аландские каникулы», а также литературоведческих записок Г. Гуревича «Жизнь — главная тема жизни» и библиографического обзора В. Бугрова «Погребенные в периодике». Сборник открывает короткая статья о роли фантастической литературы в жизни исследователей космоса лет-

чика-космонавта, Героя Советского Союза Георгия Гречко — «Книги моей мечты».

При оценке любого коллективного сборника прозы, на наш взгляд, прежде всего необходимо определить принципы отбора произведений, составивших книгу, понять цели и задачи, которые преследовали составители, вынося на суд массового читателя коллективный труд авторов, объединенный не формальным родством жанра, а в первую очередь идейно-мировоззренческими проблемами, с которыми писатели выступают в своих произведениях.

Как же решают эту принципиальную задачу составители рецензируемого сборника? Какие «острова» они открывают в «океане» современной научно-фантастической литературы? Будут ли близки и интересны современному читателю темы и идеи, которые разрабатывают в своих произведениях авторы? Чтобы ответить на эти вопросы, давайте последовательно разберем произведения сборника.

Рукопись начинается повестью одного из составителей сборника Г. Прашкевича «Только человек». В одной из развивающихся стран третьего мира совершается правительственный переворот. Власть захватывает военная хунта. Сторонники народного правительства подвергаются жестоким репрессиям. Расправами руководит убийца президента майор Досет. Одной из его жертв становится дочь могущественного банкира Анхела Аус. На нее падает подозрение в организации доставки оружия партизанам, скрывающимся в джунглях. В процессе расследования майор Досет узнает, что Анхела Аус не дочь банкира, и даже не обычный человек, а пришелец из будущего. Девушка из 24 века прибыла в наши дни, чтобы разыскать следы случайно исчезнувшего в пластах времени любимого ею молодого человека Риала. В финале повести автомобиль, в котором везут Анхелу, взрывается на мине. Находящиеся в нем охранники и майор Досет погибают. Невредимая героиня идет в джунгли разыскивать партизан, чтобы сообщить им о смерти их товарищей.

Пересказывая сюжет, мы сознательно уклонились от разбора фантастической фабулы повести. В ней, например, разрабатывается гипотеза о дискретности времени: если время, как физическая субстанция, прерывно, то нельзя ли, «проникнув во временную щель, двигаться по времени не только вперед, но и в обратном направлении». Думается, что не стоит тратить порох на доказательство, что сама постановка вопроса о возможности «щелей во времени» абсурдна.

Принципиальное несогласие вызывает идейная направленность и общий пафос повести. Казалось бы, поставив в центр повествования борьбу угнетенного народа за свою свободу, автор, используя элементы фантастики, имеет все возможности в яркой художественной

форме исследовать классовый характер этой борьбы. Однако вместо четкого с марксистских позиций анализа нам преподносятся экзистенционалистской окраски взгляды на возможности личности в современном обществе.

«Только человек... способен преступить законы природы. И оправдать его можно только в одном случае — если он преступил эти законы ради людей!» (стр. 100). Так рассуждает главная героиня повести, на себе испытавшая «законы природы» капиталистического мира. Подобной «философией», не считаться ни с какими законами, можно оправдать любые репрессии над трудящимися, творимые ради интересов и от имени небольшой группы людей. Именно так в наши дни оправдывает свои «подвиги» пиночетовская хунта в Чили. Приходится еще и еще раз напоминать: без четкого — с классовых позиций — анализа действительности, любые «гуманные» теории, независимо от желания их авторов, служат буржуазной идеологии.

К сожалению, приведенная цитата из повести «Только человек» — не случайное, непродуманное высказывание одного из персонажей, которое без труда можно изъять из текста. Обладающая практически неограниченными возможностями героиня повести — пришелец из будущего — равнодушно наблюдает за сценами пыток патриотов, не оказывает им никакой реальной помощи. На фоне кровавых декораций нас потчуют рассуждениями о шумерской истории археологии, перемещении во времени и о... любви! Подобная компоновка сцен кровавых допросов с описанием гуманитарных проблем исподволь приучает читателя относиться к жестокости как к самому обычному явлению в жизни человека. Автор не отдает себе отчета в том, что «невинная» философия «преступления законов природы», которую исповедует героиня повести, ставит ее по одну сторону баррикады с палачом Досетом. И никакой финал с «плачущей обеими сторонами лица» героиней не изменят общего антигуманного пафоса повести.

Откровенно развлекательной, лишенной каких-либо важных, интересных проблем представляется нам повесть А. Балабухи «Майский день». С грузового дирижабля неожиданно падает в океан транспортируемый им батискаф. В батискафе с запасом воздуха на несколько часов случайно оказался человек. Так же случайно недалеко от места погружения батискафа оказывается исследовательское судно «Руслан» со всеми приспособлениями для подъема затонувших предметов и аквалангистом-глубоководником на борту. Загадочный, без каких-либо правдоподобных объяснений, все тот же случай вызывает концентрацию в глубинах океана разъедающей любые металлы жидкости. Неожиданно на это ядовитое глубоководное облако натыкаются и гибнут две подводные лодки. Всему этому переполоху с трагичными и счастливыми случайностями заготовлена героическая развязка. С по-

мощью любимой девушки аквалангист высвобождает батискаф из пучин океана.

Читая повесть, кажется, что все усилия автора направлены лишь на то, чтобы до отказа закрутить пружину интриги. Как в соревновании по бегу с барьерами, перед героями повести возникают все новые и новые препятствия. Но если на стадионе легкоатлеты преодолевают реальные трудности, то герои повести выглядят «легкоатлетами» серой приключенческой литературы, лишенной реальных жизненных конфликтов. Примитивно беллетризуя повествование, автор пересказывает нам любовную историю из знакомых сентиментально-пустых голливудских киномелодрам. Гордый неудачник, бывший космонавт, а ныне капитан дирижабля Стенсон, жертвуя своей карьерой, покрывает оплошность стюардессы Коры. Красотка Кора бросает благородного капитана в самый трагичный момент его жизни. Не сломленный коварством женщины Стенсон сидит перед пустой стойкой бара со стаканом аперитива.

Чтобы по достоинству оценить стиль повести, приведем несколько примеров откровенных стилистических нелепостей:

«Небо... с удивительно уютными и ручными кучевыми облачками, томно нежившимися на солнце» (стр. 106);

«Аркелов, вкусно перехрустев всеми мыслимыми и немыслимыми суставами...» (стр. 107);

«Мы черт знает насколько не железные» (стр. 107)...

В отличие от «Майского дня» повесть О. Ларионовой «Картель» написана в стилистическом отношении почти безупречно. Повесть рассказывает о том, как молодой легкомысленный научный сотрудник Пушкинского заповедника в Михайловском, соответствующим образом запрограммировав аналоговую машину (БЭСС — безэлектронная самообучающаяся система), пытается вызвать дух великого поэта. После долгих усилий это ему удается. Разъяренный грубым вмешательством в собственный духовный мир, Александр Сергеевич Пушкин, механической рукой аналоговой машины, выхватывает дуэльный пистолет. Лишь вмешательство робота останавливает кровавую расправу поэта над молодым ученым.

При всем нашем уважении к писательнице О. Ларионовой, думается, что уже на стадии замысла этого «произведения» ей полностью отказало чувство меры и ответственности перед именем великого поэта. Невинная, казалось бы, шутка на тему о всемогуществе электронных и безэлектронных машин на деле оборачивается пропагандой вседозволенности. Ткань забавного анекдота набрасывается на лелеемый столетиями памятник национального гения. Хотя повесть написана с большой дозой иронии, под маской легкомысленности главных героев скрывается бездумная патологическая жестокость.

Попытке заставить Пушкина писать стихи по указке молодого ученого не мешает ни один из сотрудников заповедника. Более того, одно лишь присутствие их при этом «эксперименте» делает сотрудников заповедника, обязанных по крупицам собирать и хранить наследие великого поэта, соучастниками кощунственного замысла.

Мрачную картину представляет и сам народный заповедник — село Михайловское. По его святым холмам, аллеям и рощам бродят и купаются в реке Сороть механические роботы. По меньшей мере удивление вызывает и трактовка автором характера Пушкина. В финале повести поэт предстает этаким бретером, решающим все конфликты лишь выстрелом из дуэльного пистолета.

Можно ли согласиться с подобными идеями и общим пафосом повести? Можно ли, даже в фантастическом произведении, допустить, что в 21 веке наши потомки будут подобным образом относиться к духовному наследию великого поэта? Близка ли подобная безответственная фантазия нашему национальному чувству? Уверены, ответ может быть один: категорическое нет!

К сожалению, и четвертое художественное произведение в сборнике — повесть Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Аландские каникулы» — не обладает какими-либо заметными достоинствами. Повествование практически лишено сюжета. К фантастическому или научно-фантастическому жанру эту повесть можно отнести с большой натяжкой, разве что по формальному признаку: профессия главного героя — космонавт.

Уставший от славы, бывший покоритель космоса Алексей Новиков с женой и сыном отдыхают на безлюдных Аландских островах. Авторы подробно описывают реалии быта отпускников. Чтобы все-таки как-то столкнуть действие повести с места, они вводят в повествование эпизод с подъемом подводной лодки, затонувшей во время второй мировой войны. В финале повести хорошо отдохнувший Алексей Новиков доволен собой и окружающим миром. Он «еще не идеальный, но в целом разумно устроенный мир». Следя за эволюцией умиротворения героя, почему-то не верится, что перед нами страстный до самозабвения, опаленный смертельными опасностями исследователь и первооткрыватель далеких планет, знакомый нам по повестям «Формула невозможности», «Сумерки на планете Бурь» и др. Невольно возникает вопрос: может быть, все-таки дело не в усталости героя космоса? Не пришло ли время писателям Е. Войскунскому и И. Лукодьянову открывать новые темы, искать оригинальные идеи и гипотезы для создания новых интересных научно-фантастических произведений?

Как мы уже писали, в рукописи вслед за четырьмя художественными повестями помещено произведение Г. Гуревича с неточным, как

в стилистическом, так и в формальном отношении, названием: «Жизнь — главная тема жизни». Прямо скажем, определить жанр этого произведения очень и очень непросто. Что это, литературоведческое эссе или записки мемуарно-биографического характера? На семидесяти семи страницах машинописного текста автор подробно рассказывает о перипетиях сочинения и издания собственных научно-фантастических романов на тему долголетия и продления жизни. Содержание этого произведения наиболее точно отразило бы следующее название: «Долголетие — главная тема моих произведений».

Характерной особенностью записок Г. Гуревича является то, что он говорит только о собственном опыте постановки этого вопроса в художественной литературе. В записках нет ни слова, что на эту тему писали и как пытались разрешить подобные проблемы многие советские и зарубежные писатели. Автор подробно пересказывает содержание своих романов, дает оценки собственным замыслам и полноте их реализации.

В настоящей рецензии мы отказываемся от анализа, насколько Г. Гуревич объективен в самооценках. (В записках говорится о нескольких романах, разбору их пришлось бы посвятить отдельную рецензию.) Однако нельзя не напомнить, что критический разбор творчества какого-либо писателя без сравнительного анализа общего литературного процесса, особенно если этот разбор ведется самим писателем, выглядит во многом панегириком собственному творчеству. Наиболее важной задачей нашей рецензии мы считаем вопрос: правомерно ли помещение записок Г. Гуревича о собственном творчестве в коллективном сборнике художественных произведений? Можно согласиться, что тема — проблема долгожительства — сама по себе интересна и заслуживает внимания. Но решается она не в форме художественного произведения и носит сугубо субъективный характер. Думается, место этим запискам — авторское предисловие или послесловие к собранию сочинений Г. Гуревича или публикация в литературоведческой рубрике периодического журнала: «писатель о собственном творчестве».

Рецензия наша подходит к концу. Мы хотим подвести итоги работы составителей над рукописью сборника. Представленные в рукописи все четыре повести страдают очевидными просчетами, как идеологического, так и художественного характера. Можно прямо сказать, составители не проявили должного чувства ответственности и профессиональных качеств, неверно поняли цели и задачи издания сборника, предназначенного в первую очередь для воспитания в молодом читателе жажды знаний, тяги к новым открытиям, укрепления высоких принципов коммунистической идеологии. Рекомендовать к печати рукопись сборника «Только человек» не представляется возможным.

Что же пожелать издательству в дальнейшей работе над составлением сборника научной фантастики? В последние годы в Сибири сложилась собственная оригинальная школа художественной фантастики. Самобытными, талантливыми авторами проявили себя Сергей Павлов, Вячеслав Назаров (Красноярск), Виктор Колупаев (Томск), Аскольд Якубовский, Михаил Михеев (Новосибирск), Дмитрий Сергеев, Борис Лапин, Юрий Самсонов (Иркутск), Александр Шепиловский (Чита), Владимир Митыпов (Улан-Удэ). Из произведений этих писателей можно составить не один коллективный сборник, а целую библиотеку.

Чтобы не уподобиться щедринским пошехонцам, которые со «своим самоваром ездили в Тулу», необходимо полностью отказаться от ориентации на столичных «звезд», практикуемой некоторыми провинциальными издательствами. Книги Магаданского издательства предназначаются, прежде всего, для молодого читателя, работающего на ударно-комсомольских стройках Сибири. Кому, как не этому издательству, знакомить сибиряков со своими талантливыми земляками? Кому, как не этому издательству, выпускать и пропагандировать книги сибирской школы фантастики, чьи произведения давно уже стали неотъемлемой частью общего литературного процесса в этом перспективном жанре».

Зав. Редакцией «Фантастики, приключений и путешествий»
изд-ва «Молодая гвардия», Член Совета по фантастике
при СП СССР, член редколлегии ж-ла «Техника молодежи»
Ю. Медведев.

Г. И. Гуревич (ноябрь 1978): «Опус Медведева я прочитал. Типичное страстное и пристрастное произведение групповщинника. Недостатки, может быть и подлинные, но мелкие, выводы сокрушительные и могучая ссылка на мнимую сибирскую школу, которой на самом деле нет и которая ничуть не лучше выбранных Вами авторов. А почему Прашкевича не причисляют к сибирской школе? Я подозреваю, какие подозрения могут лежать в основе этих недоразумений, и тут Вам не помогут ни хлопоты Юлиана Семенова, ни речи А. Казанцева. Вам надо представить заверенное генеалогическое свидетельство о том, что Ваши предки никогда не ходили в синагогу...»

Виталий Бугров (декабрь 1978): «Сколько всего мы могли бы сделать — даже при минимальных наших возможностях! Ей-ей, невольно временами закрадывается грустная мысль о том, что все, над чем бьешься, в принципе не нужно массе других людей, могущих в чем-

либо подобную работу по сплочению фантастических сил — становлению фантастики на ноги в море окружающих ее и, мягко говоря, отнюдь не жаждущих ее становлению сил и тенденций — подвинуть. Временами, напротив, думаю: может быть, как раз в момент такой разобщенности нашей НФ мы и нужны? Но тогда, опять же, эту свою полезность мы должны в полной мере реализовать, использовать. Нас, как кукушек Мидвича, слишком немного».

Зиновий Юрьев (январь, 1979): «Повесть («Только человек!» — *Г. П.*) тут же прочел. Она еще больше укрепила меня во мнении, в котором, впрочем, я уже давно укрепился: Вы очень способный человек, Вас, скорее всего, ждет отличное литературное будущее. Вы пишете легко, элегантно, и читать Вас всегда приятно. Учитывая все это, дальнейшие мои соображения Вы должны принять как дружеский совет. Тем более, что Вы вполне можете послать меня мысленно куда подальше, и я даже не обижусь.

Во-первых, Вы опубликовали повесть, сжатую минимум до 10 атмосфер. Я не шучу. Она сжата минимум раз в десять, если не в пятнадцать. Это по количеству событий, количеству мыслей и информации роман на 12-15 листов.

Не думайте, дорогой Гена, что плотность прозы — это всегда благо. Любой деликатес, спрессованный в брикет, теряет не просто вкус, он становится неудобоваримым. Повесть, конечно, удобоварима, но уже на грани. Вы так стараетесь впихнуть в малый объем все, что заготовили, что моментами художественная проза — а это Ваша сила по сравнению с большинством наших фантастов — превращается в лучшем случае в художественные тезисы. От допросов в «камере разговоров» до раскопок в Ираке, от смерти Гиша до окончательного «вознесения» героини — все так и просится: дайте, дайте прорасти, дайте развернуться, набрать силу, цвет, запах, ритм! Растворите концентрат!»

2. К вопросу о лидерах

Семидесятые — это Виталий Бугров.

Семидесятые — это «Уральский следопыт».

Виталий не был лидером, вождем, он не был официальным деятелем фантастики, но клубы любителей, сами фантасты тянулись к Бугрову. Тонкий, улыбчивый, типичный астеник, он был невероятно притягателен. Разумеется, центры фантастики были и в Питере, и в Мо-

скве вокруг «Молодой гвардии» и вокруг некоторых журналов группировались, зато к Виталию обращались *все*. Он одинаково уважительно разговаривал с Олегом Корабельниковым и с Ольгой Ларионовой, с Сергеем Павловым и с Борей Штерном. Для него, прежде всего, существовала именно фантастика, и уже потом в ней — разные творцы, чей масштаб он определял интуитивно, никогда при этом не спеша с оценками. Разговоры с Аркадием Натановичем Стругацким или с Александром Петровичем Казанцевым, с Иваном Антоновичем Ефремовым (прекрасное интервью с которым он опубликовал в своей книге «В поисках завтрашнего дня», Свердловск, 1981) или с Евгением Яковлевичем Гуляковским были для него одинаково значимыми. Когда я приезжал в Свердловск, мы тут же собирались у Сережи Другаля — Женя Пинаев, бывший моряк, Слава Крапивин, Виталий, разумеется, сам Сергей Александрович и я; наши разговоры никогда не были скучны и затягивались далеко за полночь. Помню, как горячо мы обсуждали стенограмму дискуссии американских фантастов, опубликованную Сэмом Московицем, и ходившую по рукам. «Неужели обязательно нужна страшная внешняя угроза чтобы народы Земли объединились?» — для нас этот вопрос Говарда Фаста не был пустым. «Готовы ли мы встретиться с разумным инопланетным существом, строение которого будет отличаться от строения человека? К тому же не шагает ли астронавтика слишком быстро вперед — если учесть, что мы топчемся на месте в области морали, психологии, социологии? По-моему, в этом разрыве и есть *настоящая проблема*, а вовсе не соперничество между двумя политическими блоками или конфликт между профсоюзом водителей грузовиков и правительством». Слова Кэмпбелла: «Если человек достаточно умен для научных исследований, он достаточно умен и для того, чтобы понять, что оригинальность мысли принесет ему тягчайшие неприятности», — эти слова тоже служили темой яростных обсуждений. И уж никак не могли мы оставить без комментариев слова американского резидента в Танжере Мак Рейнольдса: «Если когда-нибудь советский режим будет свергнут, Россия завоюет весь мир. По-настоящему эффективный режим при потрясающих качествах русского народа приведет к экспансии, с которой может сравниться только Римская империя. Американские секретные службы должны делать все для того, чтобы укрепить советский строй. Мне кажется, сейчас борьба против коммунизма является антиамериканским делом».

И все такое прочее. Никаких ведьмаков, космических принцесс, звона мечей, придуманной нежити, нас интересовала даже не футурология, нас интересовал вопрос самой возможности будущего, принципиальной его возможности. Слова Хайнлайна «Ни одно из наших произведений не является правдивым, мы не пророки, а просто пре-

подаватели воображения» были нам чрезвычайно близки. Таким преподавателями мы считали и Ефремова, и братьев Стругацких, и Алексея Толстого, и Бруно Ясенского, и Сергея Беляева — мы жили в некоем *едином времени*, объединяющем и прошлое и будущее, никому в голову не могли прийти слова, услышанные мною однажды от пьяного Анджея Сапковского: «Этот старый дядька? Зачем он нам, молодым?» Это Сапковский сказал о пане Станиславе Лемме. Нам были нужны *все*, мы знали цену всем «дядькам». И, конечно, мы полностью соглашались с Рэем Брэдбери. «Природа человека требует постоянного соединения мужчины и женщины. С нашими городами, машинами, с нашим ускоренным ритмом мы нуждаемся не в дальнейшем разделении, а наоборот, в укреплении и развитии человеческих отношений».

Жизнь несправедлива.

С человеческой точки зрения.

Виталий никогда не отличался беспробудным здоровьем, как мы тогда говорили.

В восемь лет, прыгая со стайки в своем северном Ханты-Мансийске, он сломал ногу. В итоге остеомиелит, на своей бедной ноге Виталий перенес пять операций. Наташа, жена Бугрова, рассказывала мне позже, что за три года до смерти, когда кардиологи мучились над точным диагнозом, выяснилось, что болезней у Виталия гораздо больше, чем думали, больше, чем может вынести один человек. В справке врача, выданной в 1946 году, было указано: «Нуждается в молоке и белом хлебе». Этого Виталию не хватило. Зато водки всегда было вдоволь, даже во времена сухого закона. Он работал, как фабрика: читал чужие рукописи, редактировал, писал очерки, составлял библиографию научной фантастики, несколько его рассказов перевели на немецкий, который он, кстати, хорошо знал; ко всему прочему он собирал старую фантастику, и библиотека его поражала полнотой самых редких изданий. При этом самое редкое располагалось на книжных полках в... спальне. Нелишняя предусмотрительность даже в те времена! А когда была организована «Аэлита», именно Виталий стал душой необыкновенного конвента. Сотни фэнов собирались в Свердловске еще и для того, чтобы поговорить с Виталием или хотя бы перекинуться с ним словом. «Он был абсолютно грамотным человеком. На все 100%. Я вышла за него замуж именно по этой причине», — не без юмора писала мне Наташа. Когда в Москве Виталию сделали операцию, они возвращались в Свердловск поездом. «В вагоне с нами ехали артисты московского Миманса. В нашем купе — два говорящих антрепренера, в остальных — глухонемые артисты. Вите надо было есть часто, мелкими порциями. «Извините, — сказала я артистам, — мы все время будем есть». — «А мы — все время пить», —

ответили мне... Так и ехали... Витя вспомнил, что работал пять лет в школе глухонемых и быстро вошел с нашими спутниками в контакт. А когда в Свердловск приехали, то узнали, что новые сотрудники журнала — Юра Липатников и Юра Борисихин — ну на нюх не переносят фантастику и считают, что нужно, чтобы журнал соответствовал чисто следопытскому профилю. Поэтому, решили они, надо основать отдел героики и романтики, а Бугров с Прашкевичем и Колупаевым — диверсанты в журнале». И далее: «В жизни Витя не был лидером, принимал решения не мгновенно, но люди, окружавшие его, относились к его работе ревниво. В редакции казалось, что он завален рукописями, причем рукописями первоклассными, надо только вытаскивать их из кучи и сдавать в печать. Станислав Федорович Мешавкин долго не открывал отдел фантастики и держал Виталия на ставке литсотрудника — более 25 лет. Считал, что это и так халява. Казалось, что стоит сесть в кресло Виталия кому-то более быстрому, как все пойдет еще быстрее... Когда открылась газета «ПИФ», в ней работали сотрудники редакции: Мешавкин, Казанцев, Нина Широкова и привлекались к делу очень бойкие мальчики, но Виталий не привлекался, у него в отделе якобы был завал. Он стал подрабатывать у Игоря Кузовлева. В разных издательствах редактировал Грина, Слепынина, Прашкевича. Хотел выпускать у Андрея Матвеева серию детской литературы...»

Да, Виталий был нетороплив. Я месяцами, иногда годами выбивал из него превосходные очерки, библиографию, печатавшуюся в новосибирском сборнике «Собеседник». На титуле первой своей книги «В поисках завтрашнего дня» он не случайно написал: «...милому моему редактору, стоявшему у колыбели этой книжки...»

А вот фотографии с его стихотворными подписями.

На первой мы с Виталием перед старинным зданием редакции «Уральского следопыта» улице 8 марта:

Стоим в неистовстве неутолимом
У стен редакции.
Какую акцию предпримем,
Какую акцию?

На следующей фотографии я на пьедестале снесенного памятника Екатерине II:

Аль нам, фантастам, вправду не пристало
Собой гордиться,
Что мы вот так встаем на пьедесталы —
Взамен царицы?

И, наконец, фотография, где мы сидим с Виталием на фоне огромной географической карты:

Пойди доказывай, что оба мы не пьяны,
Геннадий Мартович!
Мы пьяны, хоть и спрятаны стаканы
На этой карточке...

Кстати, на портрете, помещенном в моей магаданской книге «Люди Огненного кольца», можно рассмотреть локоть слева (фотография обрезана), — принадлежит он как раз Виталию...

Так много, как работал Бугров, работать нельзя.

Зато я представляю, как здорово было Виталию прийти рано утром в дни «Аэлиты» в редакцию, располагавшуюся уже на улице Декабристов, и увидеть пустую обычно гостиную, теперь полностью занятую десятками спящих любителей фантастики, увидеть уснувшего в траве за окном Мишу Успенского, неуемную компанию Сережи Лукьяненко, Мишу Миркеса, притащившего пиво в раздутых резиновых шарах, за неимением другой посуды. Один шар лопнул, и Юлик Буркин чуть не утонул в пиве, он не умел плавать. Фантасты из Бухары, мрачный фэн из Новокузнецка, на плече которого угадывался ангел-хранитель с тремя судимостями, нежные девушки, вслух размышляющие о переселении душ, неисчислимое число душ, не желающих никуда из редакции «Уральского следопыта» переселяться. Со всего Советского Союза любители фантастики ехали в Свердловск — на Бугрова...

3. Казус Прокофьева

В 1976 году я представил в альманах «Родники», выходивший в издательстве «Молодая гвардия», повесть «Каникулы 1971 года». Впоследствии повесть печаталась под названием «Территория греха» и даже получила Бронзовую улитку от Б. Н. Стругацкого. Как водится, тогда, в 1976, вкупе с отказом я получил следующую рецензию.

Уважаемый товарищ Прашкевич!

Мне хочется начать рецензию с перифраза Вашего же предисловия.

Вы говорите, что «легче всего проставить название, гораздо труднее определить жанр». Но жанр Вы определили — гротескная по-

весть. И это оказалось не так уж трудно, тем более, что «Размышления о гротеске» Иштвана Эркеня послужили Вам неким оправданием перед читателем. «Гротеску на все... наплевать», утверждает Эркень, а вслед за ним и Вы.

С этим трудно согласиться. Во всяком случае, я не знаю ни одного «гротескного» произведении, автору которого было бы «наплевать» на содержание своей вещи. Прочитав же «Каникулы 1971 года», я так и не понял, какую цель Вы ставили перед собой, работая над повестью? Что это — скрытая за буффонадой ирония или просто «проба пера» ради забавы?

А между тем, без такого ответа трудно решить и судьбу Вашей рукописи.

Я все же думаю, что повесть написана не ради графоманского удовольствия. И сколько бы Вы ни открещивались от прототипов героев повести, наверное, кое-какие факты, штрихи портретов, бытовые детали списаны с натуры. Если это так, то картина жизни далеких Курильских островов, нравы их постоянных обитателей и «сезонников» — довольно мрачные. И как бы Вы ни сдабривали эти неприглядные штришки хорошей дозой юмора, они все равно видны и заставляют задуматься.

Действительно, получается, что Курильские острова заселены в основном пьяницами, распутными бабами, лжеучеными, идиотами-киношниками и халтурщиками-скульпторами. Может быть, на островах и живут нормальные люди, но Вы заблаговременно отправили их в океан ловить рыбу, иначе они будут мешать «гротеску». Чтобы Ваша повесть не выглядела как поклеп, злая клевета, Вы прибегаете к буффонаде. Обычно буффонада должна вызывать смех, но, право, читая повесть, я не смеялся, а злился на автора. Согласитесь, что нет ничего смешного в описаниях отправления естественных надобностей в бывшем платяном шкафу. Это не Рабле. Да и времена, вкусы читателей ныне очень отличаются от раблезианских... Или (стр. 4) — «Шеф мне нравился. Он был рассеян: идя в туалет, расстегиваться начинал уже в коридоре...» Или (стр. 6) — «...у моей знакомой жил пингвин, она его с мужем путала...»

Право, мне не хочется продолжать эти выписки. Я не ханжа, но мне кажется, что такой натурализм — это просто отсутствие вкуса, пошлость, ничего общего с новаторством и подлинным гротеском не имеющая.

Но давайте предположим, что эта повесть сочтена рецензентом произведением художественным — как ее публиковать и для чего?

Вы прислали повесть в центральное молодежное издательство, видимо адресуя ее молодому читателю. Не думаю, чтобы редакции этого издательства нашли в Вашей повести какие-то воспитательные

или познавательные начала. А просто «забавные вещицы», насколько мне известно, издательство ЦК ВЛКСМ не публикует.

Теперь несколько слов о чисто литературном облике повести.

Повесть написана телеграфно и очень неряшливо. Некоторые ее фразы просто нечитаемы. Например (стр. 8): «Деревянные дома, цунами-лестницы, фонари — молчали». Как понять «цунами-лестницы»? То ли это специально построенные лестницы, по которым спасаются во время цунами, то ли это некий образ, но тогда он совсем непонятен. «Молчаливые дома» — куда ни шло, но молчащие фонари — это уже никуда не годно. Гротеск, конечно, включает в себя и изображение людей в «уродливо-каррикатурном» виде, но если даже Вы уродуете содержание книги о Робинзоне Крузо, то это еще не дает Вам право писать такими фразами-уродцами (стр. 41): «Его лоб, широкий как у чашника, правда, мог вызвать восхищение, а сам он умел быть и важным, и энергичным, и простым, и умел этим заразить каждого. Спутники его любили поесть, но в меру, поговорить об искусстве, но сверх меры...» Или (стр. 63): «Я слушал хор звезд, слушал дыхание Никисора и Потапа, слушал падение листьев на рыжую траву, и жгучие слезы любви ко всему этому рождались во мне, и жгли глаза и горло». Гротеск требует все же хотя бы элементарной логики, иначе это будет просто бессмысленным набором слов. Я вовсе не противник гротеска, буффонады, к сожалению, в нашей литературе они редкие явления. Но буфф ради буффа, зубоскальство ради красного словца — нет, такие повести я не могу рекомендовать издательству.

А ведь Вы могли бы написать подлинно сатирическое, острое произведение, и адрес его был бы хорошо известен, и сарказм бил бы в цель, и даже «натурализмы» были бы уместны, для этого Вам нужно было только задаться вопросом: какая идея лежит в основе, для чего все это пишется?

Подумайте над этим.

Желаю успеха.

С уважением член Союза СП В. Прокофьев.

Понятно, что рукопись никуда не пошла.

Цунами-лестницы — это что-то вроде некоего образа. Ну, ладно. Я к тому времени уже семь лет проработал на Сахалине, Камчатке, Курильских островах и знал, что собою представляют эти потрясающие, забытые Богом места. «Получается, что Курильские острова заселены, в основном, пьяницами, распутными бабами, лжеучеными, идиотами-киношниками и халтурщиками-скульпторами». Именно это во многом соответствовало действительности. «Может быть, на островах и живут нормальные люди, но Вы заблаговременно отправили их в океан ловить рыбу, иначе они будут мешать гротеску». Что

ж, решил я, не впервые читать рецензии людей, никогда не покидавших пределы Садового кольца. Но в конверт было вложено еще одно письмо от того же В. Прокофьева — личное, то есть обращенное не к издательским работникам, а к автору.

Уважаемый Геннадий Мартович!

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия», в лице Г. Рой, передало мне на официальную рецензию Вашу повесть «Каникулы 1971 года». И официально я Вас хорошенько отругал. Право, жалко и времени, и сил, и «мозговой эквилибристики», потраченных Вами на эту гротескную повесть. В официальной рецензии я изложил причины, по которым Ваша повесть (в том виде, в каком она пребывает ныне) не может быть напечатана. И, уверяю Вас, это не просто мое личное мнение, а знание тех требований, кои предъявляются издательством. Я некогда был редактором в этом издательстве, более десятка лет состою рецензентом, ну и многажды там издавался.

Если бы Вы были бесталанны, то и шут с ним, с временем и силами: графомания — болезнь неизлечимая. Но ведь у Вас есть искра божья, Вы умеете видеть главное, умеете главное показать. (Сужу по рукописи.) И лепить характеры Вы тоже умеете. Так зачем же Вы сами это умение отправляете в корзину? Так и подмывает по-старчески побрюзжать — де, мол, вот молодость — не знает, куда девать силы и дни. А ведь Вы уже издавались, значит, Вам нет необходимости снова и снова делать «пробу пера». Пора писать и писать. Но не для собственной потехи, не в стол и даже не для будущего.

Если вернуться к рукописи, право, из нее может получиться неплохая юмористическая повесть. И переделать рукопись не столь уж трудно. Мне вспоминаются юмористические повести и рассказы Санина (вероятно, Вы читали их). Санин пишет на грани гротеска, но при этом ничего не выдумывает. Он, скорее, очеркист, документалист. У Вас могло получиться ничуть не хуже. Вы же знакомы с Курилами, с их бытом, экзотикой, людьми. Это же благодатнейший материал, почти целина. Вот и поднимите этот материал как юморист или даже как сатирик. Уверяю Вас, в новой повести найдется место и Вашему шефу, и скульптору, и другим персонажам. Но они только тогда встанут во весь рост фигурами сатирическими, когда рядом окажутся люди иного плана.

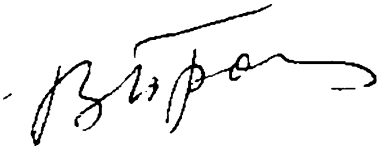
А разве нельзя юмористически и в то же время достоверно рассказать о быте Курил? Тут, наверное, будет простор и для сатиры. Уверяю Вас, что такая повесть, повесть, несущая познавательные элементы и в то же время веселая, сочная — всегда найдет издателя.

На правах старика хочу дать Вам еще один совет — следите за своим языком, стилем. Телеграфность ныне вышла из моды. Ведь это

была только мода и не более. Я уверен — Вы вернетесь к повести. И мы еще увидим ее напечатанной.

Всего, всего доброго.

Ваш В.А. Прокофьев.

Был указан и адрес, на случай, если я захочу написать.

Я не написал. Мне было трудно понять, почему официально повесть отвергнута, ведь в личном письме мой талант не подвергался сомнениям, даже напротив — оценивался высоко. Правда, мир двойных стандартов еще не пугал меня, потому что я был молод и ничуть не страшился ни личной доброжелательности Прокофьевых, ни их официальной враждебности.

4. Братья по разуму

Одна из самых печальных книг, посвященных литературе 70-80-х годов XX века, это, конечно, книга Бориса Стругацкого «Комментарии к пройденному». Атмосфера, в которой мы жили, только издали, из XXI века, кажется сиреневой романтичной дымкой. Там, в реальности, она была густо пропитана серными газами, запахом бездарно пережженного угля и нефти, и много еще чего. Но даже это не главное. Сиреневая романтическая дымка — это воздух, перенасыщенный тяжелым дыханием советских редакторов, рецензентов, мелких и крупных издательских и партийных работников. Прошли сквозь эти нелепые заграждения немногие. Борис Натанович прошел. С остатками измотанного здоровья. Думаю, рано или поздно найдется в России умный издатель, который не просто повторит «Комментарии к пройденному», а выпустит их вкупе с многочисленными письмами друзей и врагов. Тогда картина окончательно прояснится.

Дорогой Гена!

Извините, ради бога, за долгое молчание. Виноват, виноват, виноват!

Из того, что Вы прислали, мне больше всего понравилась повесть «Мир, в котором я дома». Какая жалость, что она уже опубликована! Повесть эта (при всех ее недостатках) из породы «гвоздевых». Именно такой нам не хватает для сборника. Что касается рукописи, то она

тоже неплоха, хотя и представляется мне несколько вяловатой и растянутой. Впрочем, составителю сборника она понравилась больше, чем мне. А это важно.

Каковы практические выводы? Рукопись мы оставляем у себя, во всяком случае, до поздней осени. Она вполне может подойти — при условии, что ее не потеснят семинаристы-ленинградцы. И тут дело не в нашем «патриотизме», а в том, что Лендетгиз одним из условий своих поставил: «Мы издательство областное, извольте нам подать ленинградцев в первую очередь». По-своему они, разумеется, правы, но если ленинградцы окажутся не в силах дать что-либо посильнее Вашей «Школы», то мы с Ж. А. Браун уж как-нибудь пробьем сибиряков! И еще должен предупредить заранее, что рукопись придется несколько сокращать — для ее же пользы!

Такие дела. Еще раз простите за задержку с ответом, Ваш Б. Стругацкий.

P.S. Да! Насчет книжки, которую Вы просите. Гена, дорогой, да ведь нечего посылать-то! Последняя книжка вышла у нас года три назад, ни одного экземпляра не осталось. Вот ужо!..

13. 06. 1978, Ленинград.

Речь в письме шла о сборнике, готовившемся в Ленинградском отделении Детгиза. БНС всеми силами старался поставить в сборник научно-фантастическую повесть «Школа гениев», написанную мною в соавторстве с Владимиром Свиньиным. Принцип БНС и тогда был — помогать всем, чьи работы он считал достойными.

Дорогой Гена!

Рад был узнать, что Ваш соавтор — ленинградец. Почему бы ему в этом случае не посещать хотя бы время от времени наш семинар? Заседаем мы не слишком часто, не чаще двух раз в месяц, времени это отберет у него немного, а позиции ваши, как членов семинара, укрепятся значительно. Дайте ему мой телефон (291-37-55), пусть позвонит в конце сентября, и мы обо всем с ним договоримся. Будете в Ленинграде сами — обязательно звоните. Встретимся, потреплемся. (Если буду в Ленинграде и не произойдет чего-то неотложного.)

Что же касается Госкомитета по печати и прочих дисциплинирующих организаций, то все мы ходим в одной упряжке и знаем почем фунт дыму. Мозоли надо натирать на соответствующих местах души, мозоли! Другого выхода нет.

И, конечно же, пишите, когда вздумается. Буду отвечать по мере сил и возможностей.

Жму руку, Ваш Б. Стругацкий.

29.06. 1978, Ленинград.

Дорогой Гена!

Спасибо за подарок. По-моему, получился очень славный сборник. Поздравляю. Из того, что раньше не читал, мне больше всего понравился, разумеется, «Фальшивый подвиг». Хорошо задумано и ловко написано. Опять же поздравляю.

Простите, что пишу так коротко: сижу в бесте и пытаюсь до конца сентября довести одну работу (не литература — математика).

Еще раз спасибо, Ваш Б. Стругацкий.

22. 09. 1978, Ленинград.

В 1978 году вышел, наконец, в свет мой первый сборник фантастики — «Разворованное чудо».

Дорогой Гена!

Рад был получить от Вас письмо, хотя письмо получилось у Вас скорее грустное, для чего, впрочем, есть определенные основания.

То, что «Школа гениев» вышла, — хорошо. Пусть она урезана и исковеркана, но это, все-таки, лучше, чем ничего. И гораздо лучше, чем протухала бы она у Вас в столе. Так что хоть Вы и недовольны, а я Вас все же поздравляю с публикацией. (Утешайтесь известным из наблюдений фактом: 99% читателей не замечают ни искажений текста, ни сюжетных разрушений, ни, тем более, сокращений.)

Очень и очень рад за штерновский «Дом». Тьфу-тьфу — только бы не сглазить. Повесть ведь очень славная, а шансов на публикацию у нее было, на мой взгляд, очень мало. Вы молодец и орел!

Пишет ли Ковальчук что-либо про Стругацких — представления не имею. Я и беседовал с ним, и переписываюсь помаленьку, но ничего по этому поводу не знаю. Знаю, что он поместил какую-то интересную и важную статью в последнем номере «Коммуниста», но и статьи этой пока не видел.

Разумеется, мы дадим что-нибудь для «Собеседника». Мы только что закончили некую повесть, так что, наверное, сумеем выкроить из нее страничек 10-15, достаточно увлекательных и в то же время не раскрывающих сюжетных тайн. Самую же повесть мы пока дали в «Аврору», а в случае отказа «Авроры» обещали «Знанию — с.». (Лично я думаю, что откажутся оба журнала — просто потому, что повесть слишком велика для них — больше 10 листов.)

С «Только человеком», я надеюсь, все будет ОК. Она нравится и Брандису, и Жанне Браун и редактору, я думаю, понравится, так что дело за малым — чтобы она понравилась директору (Лендетиздата. — *Г. П.*), человеку, мягко выражаясь, сложному. Будем надеяться, что у

него своих забот хватает и на наш сборник он не станет тратить своего драгоценного времени.

Жму руку, Ваш Б. Стругацкий.

11. 06. 1979, Ленинград.

Повесть «Школа гениев» действительно появилась в журнале «Байкал» в искаженном цензурой и редактурой виде. Но в том же году мне удалось напечатать в новосибирском сборнике «Дебют» рассказ Бориса Штерна «Дом». Правда, на фотографии, присланной Борей в сибирский сборник, он почему-то сидел на скамье, почитывая «Вечернюю Одессу». «Мы только что закончили некую повесть...» Речь идет о «Жуке в муравейнике», — я собирался поставить отрывок из нее в сборник «Собеседник», издававшийся в Новосибирске. А вместо опубликованной уже «Школы гениев» в ленинградский сборник была представлена повесть «Только человек».

Дорогой Гена!

Я очень рад, что потрафил Вам своим маленьким подарком. Всегда приятно дарить книжку истинным ценителям. В октябре я в Ленинграде буду. Приедете — звоните (291-37-55). Не знаю, связался ли с Вами Ковальчук — собирался связаться. Мы тут с ним обсудили сложившееся положение, и я предложил для «Собеседника» сделать интервью: Ковальчук беседует со Стругацкими. Он уже и вопросы придумал. Не знаю, подойдет ли это Вам, но в любом случае получилась задержка: Аркадий загремел в больницу, у меня возникли всякие семейные дела... Словом, август кончается, а интервью нет и не видно. Надеюсь договориться обо всем с Вами в октябре.

И привезите новую повесть. С удовольствием почитаю, если разрешите. Я люблю читать этого Прашкевича.

Жму руку, Ваш Б. Стругацкий.

25.08.1979. Ленинград.

Маленький подарок — это сборник «Понедельник начинается в субботу», вышедший в 1979 году. Интервью со Стругацкими у М. Ковальчука не получилось, по крайней мере, в Новосибирск ничего такого он не прислал. Что же касается моей новой повести, это был «Парадокс Каина». Могу добавить к сказанному, что таких читателей, как БНС, на свете мало.

Дорогой Гена!

Разумеется, присылайте Вашего «Каина», когда Вам будет удобно. И я прочту, и ребятам нашим (коих мнение Вам интересно) дам прочесть. И можно будет обсуждение устроить по всей

форме, если захотите. Уверен априори, что повесть обсуждения достойна.

Завидую Вашим метаниям! Честное слово! На меня 79-й нагнал оцепенение, из которого никак не могу выйти. Ничего не хочется делать, все валится из рук, даже любимая моя математика не помогает. А метания — это прекрасно! И неудовлетворенность — тоже прекрасно! Это значит — что-то будет, что-то получится, что-то появится, чего не было раньше. Так что мечитесь дальше — успокоиться еще успеете, это я Вам гарантирую.

Дела наши ленинградские скорее унылы. Семинарский сборник притормаживают всеми средствами. На Москву же надежды плохи.

На семинаре кончаем конкурс сказки. Еще одно заседание на эту тему и — конец. Результаты оказались не так уж и плохи, хотя тайная моя надежда набрать материал на сказочный сборник не оправдалась-таки, нет, не оправдалась. Итог: три добротных хороших сказки, да парочка милых сказочек на страничку, да еще одно неплохое сочинение, но, к сожалению, не сказочное, а скорее сюрреалистическое, и потому непечатное. А все прочее — барахло. С одной стороны, вроде бы, и неплохой результат — 5:21, сами понимаете, процент качества вполне достойный, а с другой... Ладно, следующий конкурс будет: спейс-опера — сюжет, забой, пальба, тайны, приключения. Посмотрим.

Жму руку, Ваш Б. Стругацкий.
28.01.1980, Ленинград.

Дорогой Гена!

Большое спасибо за «Собеседник». Очень милый сборник, по-моему. Вероятно, это вполне достаточная причина, чтобы его прикрыть. Или Вы паникуете? Материал по Гуревичу мне понравился очень! Молодец Гиша! По-моему, он именно сейчас нашел себя по-настоящему — этот вот полуочерковый, очень личный, почти автобиографический манер...

А что могут дать Вам Стругацкие — не знаю по-прежнему. Отрывков никаких нет. Беседа-интервью заглохла (наверное, по нашей же вине). Просто не знаю. Отрывок из сценария? Сложно: единственный экземпляр пятого или шестого варианта находится сейчас у Белы Григорьевны. Отрывок из мюзикла? Эти материалы все у Аркадия, да и стоит ли их публиковать? Не знаю, не знаю.

Я тут последние два дня общался с Петером Куцкой. Это главный редактор венгерского журнала «Галактика», один из самых активных и энергичных пропагандистов и организаторов фантастики в Европе. Очаровательный дядька — остроумный, веселый, боевой. Полон разнообразных планов относительно возвеличивания роли социалистиче-

ской фантастики в мире. Встречались мы сперва в официальной обстановке, в Доме писателей, а на другой день — в полуофициальной: дома у Феликса (Суркиса. — *Г. П.*), за жареным мясом и бутылкой коньяку. Очень хорошо поговорили, обменялись информацией, но будет ли от всего этого практическая польза — бог весть.

На семинаре кончился конкурс современной сказки. Две первые премии ухитрился отхватить Дима Романовский, третью получил Миша Веллер. Теперь объявлен новый конкурс: на остросюжетное произведение типа «спейс-оперы» под девизом «Приключение с продолжением». Мы будем рады, если Вы сделаете нам что-нибудь в этом роде. Что это у Вас за сомнения: «...я тоже, наверное, Ваш семинарист...» Почему «наверное»? Без всяких сомнений, Гена! Без всяких сомнений Вы наш!

Желаю Вам самого лучшего, Ваш Б. Стругацкий.

23.03.1980, Ленинград.

Речь в письме идет об очередном новосибирском сборнике «Собеседник», который вскоре был благополучно закрыт. Напечатать Георгия Гуревича мы успели, но Стругацкие в сборник попасть так и не смогли.

Дорогой Гена!

Извините, ради бога, всякие дела, болезни, лень, наконец, — и в результате я опять сильно запоздал с ответом. Сочувствую, разумеется, Вашим неудачам, но, в конце концов, кто из писателей застрахован от таких неприятностей? Обычное дело. И правильно Вы решили — надо замереть, прижать уши и работать. Что же еще остается? А враги... Что ж, они отвлекаются, забывают о нас, переключают свою активность на кого-нибудь другого, наконец, уходят в другой департамент с повышением. Рано или поздно ситуация разряжается. А у Вас к этому моменту — новая повестуха! Оч-чень хорошо!

Будем рады, если напишете что-нибудь для нового конкурса. О сроках не беспокойтесь. Все это затеяно надолго. Но желателен, конечно, рассказ — чтобы можно было прочитать его в один прием. Но, в конце концов, годится и повестуха. Желаю удачи.

Вообще-то сейчас у всех дела плохи. Наш детиздатовский сборник (семинарский) задерживается из-за неприязни, возникшей у директора издательства к составителю. Назревает очередной скандал.

Лендетиздатовский сборник отложен на 82-й год. Нехватка бумаги. «Молодая гвардия» — мертвое дело. «Советский писатель» — тоже. Одна надежда на московский Детгиз да на «Знание», где вроде бы относятся к фантастике сносно.

Такие вот дела.
Жму руку, Ваш Б. Стругацкий.
22.05.1980, Ленинград.

«Сочувствую, разумеется, Вашим неудачам...» Речь об очередной моей книге, выброшенной из плана Западно-Сибирского книжного издательства после контрольного рецензирования в Госкомиздате РСФСР, сотрудники которого, давно уже безымянные, навсегда, как мрачное напоминание, остались в глубинах писательской памяти.

Дорогой Гена!

Получил Ваше письмо и сразу же отвечаю.

Спасибо за разнообразную и, в общем-то, приятную информацию. Со своей стороны могу сообщить, что сборник Стругацких «Неназначенные встречи» вышел-таки, невзирая ни на какие происки недругов. Пока у меня только один экземпляр, а как только будет больше, немедленно вышлю Вам. Сборник красиво издан, выглядит вполне солидно, вызывает у меня злорадно-мстительное чувство («наша взяла!»), но читать его мне категорически не хочется — тошнит. Цена победы — наверное, любой.

В Лендетгизе свалили наконец директора. Теперь все, прижав уши, ждут, кого назначат. Слухи ходят стаями, а толком никто ничего не знает. У меня же в мозгу крутятся непрестанно бессмертные строчки из Михаила Евграфовича: «Предшествовавший начальник дал вам язвы, я же дам ти скорпионы!»

Судьба сборника молодых решится, надо думать, новым директором. Пока же перспективы неясны.

На семинаре, как Вы, вероятно, помните, был объявлен в прошлом году новый конкурс на остросюжетное произведение под девизом «Приключение с продолжением». Как я и опасался, задание оказалось семинаристам не по зубам. Ни одного стоящего произведения до сих пор не подано. Завязли, завязли семинаристы в дебрях психологии, социологии, философии и пр. Сюжет им не по зубам-с! А без сюжета — какая может быть фантастика? Правда, кое-кто грозится, что все, мол, впереди, мы еще покажем!.. Что ж, дай бог.

Мы с Аркадием все ходим около новой повести. Она возвышается над нами как гора дьявольски неприступного и неприветливого вида. А лезть надо!

Желаю и Вам того же, Ваш Б. Стругацкий.

7.11.1980, Ленинград.

«Мы с Аркадием все ходим около новой повести...» Видимо, речь идет о «Хромой судьбе». Не помню. Все было неясно. Все просматри-

валось, а скорее, не просматривалось даже на год вперед. Но — семинар, но — новые работы, но — переписка с десятками самых разных людей, но — борьба за право печататься: Братья упрямо тянули свою повозку. И даже сейчас, когда за спиной несколько собраний сочинений и историческая справедливость (как всегда, с опозданием) восторжествовала, остаются замыслы Братьев, еще не окончательно реализованные. Например, издать том (итоговый, по словам БНС. — Г. П.), который бы составили «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «За миллиард лет до конца света», «Град обреченный», «Отягощенные злом», «Дьявол среди людей», «Бессильные мира сего». Наверное, не всем ясен такой состав, кто-то спросит: а где «Пикник на обочине»? Ведь даже пан Станислав Лем, не сильно-то жаловавший советскую фантастику, признавался в беседе со Станиславом Бересем: «Эта книга Стругацких вызывает во мне своеобразную зависть, как если бы это я должен был ее написать». Впрочем, тенденция возможного однотомника легко прослеживается. Большие писатели потому и являются большими, что умеют понимать собственную работу и не стремятся угождать всем.

Вот уж точно, XX век без Братьев неполон.

5. Третий апостол

...В Индии он сочинил портянку на писательских жен, пользовавшихся услугами рикш. Никакие наши оправдания, дескать, наши жены материально поддерживают самый бедный класс Индии, не помогли. В Москве пришлось писать оправдательные отчеты, к счастью, Станислав ни словом не упомянул о том, что случилось с ним в Варанаисе, куда мы прилетели из Калькутты. В Калькуттском университете Станислав никому не дал сказать ни слова, только энергично размахивал своей книжкой о вреде алкоголизма, которую успел издать перед отъездом, и говорил о том, что именно такие книги следует читать индусам. Он не спрашивал, спиваются ли индусы, пьют ли они вообще, он просто видел толпы на улицах — оборванных костлявых людей. Оборванные и костлявые — значит, пьют. В Варанаисе наши сердца не выдержали. Сеня Злотников (драматург), Михаил Иванович (китаист и писатель) и я — мы вызвали мальчика-боя, дали ему доллар и вручили бланк телеграммы, на котором латинскими буквами изобразили следующий текст: *srochno vozvrashaites v Kalkuttu dlj zakluchenia dogovora na knigu o vrede pjanstva I poluchenia gonorara.* Маль-

чик-бой телеграмму унес в указанный нами номер и, допив все, что было в мини-баре, мы разошлись.

Утром мы посетили храм обезьян. Надо сказать, в этом храме всегда тесно и неприятно и обезьяны всячески издеваются над туристами, дразнятся и швыряются палками. Они в храме хозяева. Станислав шел впереди нас. Вид у него был надутый. Мало того, что в Москве он бросил пить, основал писательское общество трезвости и издал книгу о вреде пьянства, так еще здесь гэбист (которого мы не знали, но которого знал он) не позволил ему вернуться в Калькутту «*dlj zakluchenia dogovora na knigu o vrede pjanstva I poluchenia gonorara*». Станислав жаждал знать, кто послал телеграмму? Задумавшись, он вынул из кармана двадцатку — все, что нам выдавали на путешествие, и поднял ее, рассматривая на просвет. Зеленая вражеская валюта. Он презирал ее, но когда возбужденный гибкий самец, наклонившись со стены, вырвал из его руки двадцатку, он возмутился. Он боялся выказать праведный гнев перед индусами, и самец со стены тоже это знал. Одной рукой он делал движения, смысл которых не мог бы обмануть даже девственницу, а другой, совсем как Станислав, рассматривал зеленую бумажку на просвет. Зеленая вражеская валюта. Покончив со своим сладким делом, самец порвал двадцатку и пустил обрывки по ветру. Станислав был убит: плакал гонорар, в Калькутту не пустили, и валюты больше нет.

И тут он увидел наши сияющие глаза, и все понял, и всех вычислил.

Странное дело: писательское начальство в Москве всерьез обвинения Станислава не приняло. Видимо, посчитали, что такие, как мы с Сеней и с Михаилом Ивановичем, часто заблуждаются, и это, к счастью, еще не самое главное наше заблуждение. Так же они не поверили в то, что это мы научили непристойностям самца-обезьяну; и не поверили в то, что мы сознательно сорвали внедрение крупного культурного проекта: пьяницы, вот и сорвали. Зато указание на жен, катавшихся на рикшах, здорово подействовало. Одним из последствий стало то, что моя рукопись, когда это понадобилось, из редакции издательства «Советский писатель» попала на рецензию именно к Станиславу. Он бодро оценил ее на самый низкий балл и намекнул на то, что таким, как я, вообще следует писать свои вещи латинскими буквами.

Что ж, имел право.

Я помню аннотацию к роману Станислава «Третий апостол».

«Тяжело ранен профессор Духовной Академии Маркерт. Умирающий писатель зажал в руке фигурку одного из апостолов — Петра. Почему не Фомы или, скажем, Иуды? Начальник управления Жуков возглавил расследование». Вылетело из головы, чем расследова-

ние закончилось. А вот в семидесятых, задолго до того, как Станислав бросил пить и начал писать духовные романы, мы не раз встречались и радовались тому, что в свое время «ходили в одном бассейне». Каботажник, штурман, Станислав тогда только еще присматривался к фантастике, только еще водил носом, откуда доносятся самые вкусные запахи? Наверное, тогда прикидывал будущие строки из «Третьего апостола». «Обутые в брезентовые сапоги ноги трупа он сунул себе под мышки, цепко обхватив начавшие стынуть ноги мертвеца руками». Чем плохо?

Вот еще одна аннотация. К роману «Возрождение».

«Товарищ Сталин, посланец Зодчих Мира, олицетворяющих галактическое Добро, возникает вдруг на планете Земля и становится гостем известного русского писателя. (Вы, конечно, понимаете, кого именно. — *Г. П.*) Вождь и писатель — непременные участники сногсшибательных приключений, загадочных, едва охватываемых разумом превращений. Доморощенные мафиози и неожиданные монстры, президенты и диктаторы Лиги сексуальных меньшинств...»

Что ж, говорю я себе, каждый волен писать то, что ему кажется нужным.

«Станислав Гагарин открыл глаза, — (это я цитирую роман, автор пишет о себе в третьем лице. — *Г. П.*) и увидел, что за его письменным столом сидит Сталин. «Приятный был он в обращении мужик», — несколько отвлеченно подумал Станислав Гагарин. Сталин пожал плечами. «Способностью читать мысли я пользуюсь избирательно. У меня ведь тоже принципы... нравственные. И не усмехайтесь. Вы обо мне знаете лишь по публикациям в «Огоньке» да по сочинению Волкогонова». Зеленые с желтизной глаза вождя зажглись вдруг и пронзили сознание хозяина магической энергией. «Задавайте ваши вопросы. Сейчас для меня нет никаких, понимаешь, загадок из области философии, политики или житейского бытия... товарищу Сталину вменили в обязанность постоянно заботиться о вашей особе и опекать... Но главное, что знают о Станиславе Гагарине, моряке и писателе, Зодчие Мира... интеллект, нестандартность мышления, способность мыслить глобальными категориями, космическое сознание». — «А Бог?» — «А Бога нет», — строго сказал Сталин».

Да, каждый начинает со всей Вселенной, а заканчивает своими четырьмя сотками.

Я гляжу на список Нины Матвеевны Берковой, в котором указаны молодые по тем временам писатели, и думаю, как впоследствии сложились их судьбы? Почему одни стали певцами Корифея всех времен и народов, другие воспели мир нежити? Почему имена одних на слуху, другие забыты? Что определяет судьбу: слабость наша, сила наша? В. Бабенко, В. Покровский, Э. Геворкян, А. Силецкий, С. Лукь-

яненко, А. Фазылов, Л. Синицына, В. Головачев, Х. Шайхов, И. Пидоренко, М. Веллер, Б. Штерн, С. Логинов, А. Кубатиев, Е. Лукин, Н. Оганесов, Ю. Пригорницкий, Д. Клугер, В. Забирко, Е. Дрозд, Р. Арбитман, А. Столяров, А. Балабуха, А. Измайлов, Б. Руденко, В. Рыбаков, Н. Псурцев, Ю. Брайдер и Н. Чадович, Н. Астахова, С. Иванов, А. Бачило и И. Ткаченко, А. Лазарчук, М. Бернацкая, Л. Шувалов и А. Ярушкин, Д. Трускиновская, А. Щеголев, А. Мельников, П. Кузменко, А. Молчанов, В. Петров, А. Тарасенко, Р. Сагабалян, В. Шкаликов, Н. Курочкин, А. Рубан, Е. Маевский и многие, многие другие. Одни пришли раньше, другие пришли позже. О каждом я мог бы рассказать трогательную или веселую историю, все они или вошли в литературу или выпали из нее. Одни ее гордость, других уже просто нет. А ведь спорили, читали друг друга, искали свое место, пили, не без этого, — океан фантастики был велик, маяков мало, но каждый верил, что кто-то должен доплыть до берега.

Так оно и должно быть.

Школа писателя — его жизнь. Никаких других школ не существует.

Ноябрь 2007, Новосибирск

СОДЕРЖАНИЕ

А. Синицын. На каком-то витке бесконечной спирали 5
Владимир Михайлов. 2012 7
Геннадий Прашкевич. Нет плохих вестей из Сиккима 125
Евгений Войскунский. Девиант 269
Владимир Михановский. Мир инфории 355
Зиновий Юрьев. Брат мой, ящер 365
Андрей Балабуха. Спасти Спасителя 543
Владимир Малов. На небе ни облачка 563
Геннадий Прашкевич. Кукушки Мидвича 769

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Все книги АСТ на территории Европейского союза
вы можете найти у нашего представителя:
«Express Kurier GmbH»
Marktredwitzerstrasse 45, 95666 Mitterteich. BRD
Tel. 00499233-4000, Fax. 00499233/400144
www.skymusicgmbh.com

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Порох в пороховницах

Сборник

Редактор Н.М. Синицына
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Подписано в печать 08.04.08.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 50.
С.: Под Дозоры. Тираж 2 000 экз. Заказ № 4824166.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

Геннадий Прашкевич и Евгений Войскунский
Владимир Михайлов и Андрей Балабуха
Владимир Михановский и Зиновий Юрьев
Мастера отечественной фантастики 1970-х годов.
Они по-прежнему могут потягаться
с самыми популярными фантастами нового поколения.
И лучшее доказательство этому — новый сборник повестей,
в котором славные ветераны российской фантастики собрались,
чтобы доказать — порох в пороховницах действительно есть!

ISBN 978-5-17-052592-8
9 785170 525928